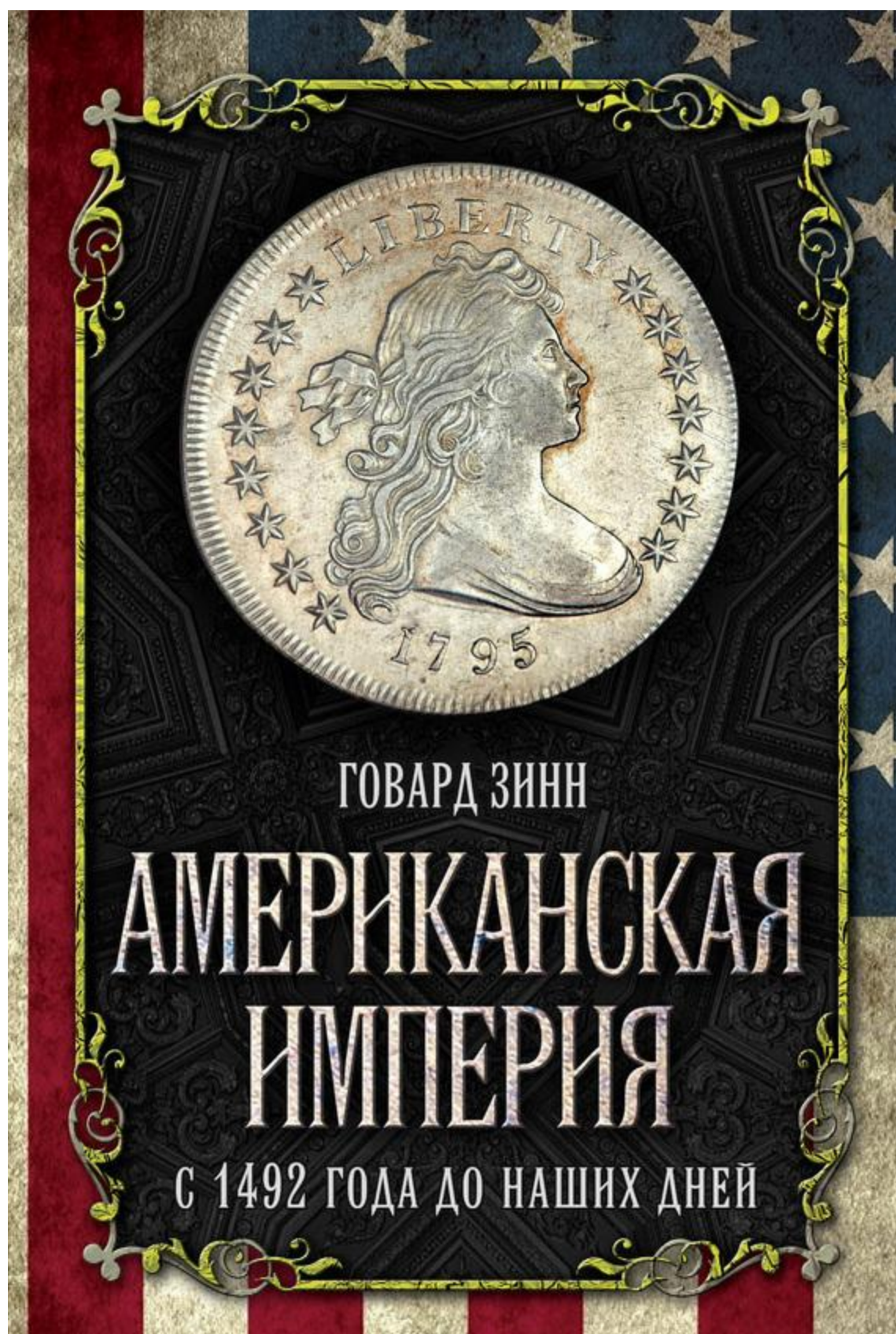

Говард Зинн
Американская империя. С 1492 года до наших дней

Величайшие империи человечества –

Аннотация

Говард Зинн (1922–2010) – левый интеллектуал еврейского происхождения, наряду с Ноамом Хомским и Сьюзен Зонтаг был одним из наиболее последовательных критиков внешней политики США. Известный американский политолог и писатель, доктор исторических наук, преподавал в университетах Бостона, Парижа и Болоньи. Его книга, неоднократно переиздававшаяся как в Америке так и по другую сторону Атлантики, содержит во многом отличный от традиционной для американской исторической науки взгляд на важнейшие события истории США с колониальных времен до начала XXI в.

Она насыщена необычно яркими и интересными фактами, позволяющими российскому читателю лучше понять нашего вероятного противника как в прошлом так и, вполне возможно, в недалеком будущем. Этот труд безусловно привлечет внимание не только профессиональных историков, социологов и политологов, но и всех, кто интересуется историей Соединенных Штатов.

Говард Зинн Американская империя. С 1492 года до наших дней

© Зинн Г., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Ноа , Джорджии , Серене , Ношону , Уиллу и их поколению

Колумб, индейцы и прогресс человечества

Обнаженные темнокожие мужчины и женщины племени араваков, исполненные любопытства, выходили из деревень на берега своего острова и плыли по направлению к большой странной лодке, чтобы лучше ее рассмотреть. Когда Христофор Колумб и его команда сошли на берег, вооруженные мечами и говорящие на непонятном языке, туземцы бросились приветствовать их и принесли еду, воду и подарки. Позднее Колумб так описал это в своем судовом журнале:

«Они... приносили нам попугаев и хлопковую пряжу в мотках и дротики и много других вещей, которые обменивали на стеклянные бусы и колокольчики для соколиной охоты... И по доброй воле отдавали они все, чем владели... сложены они были хорошо, и тела и лица у них были очень красивые... они не носят и не знают [железного] оружия: когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведению обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики – это палицы без железа... Они должны быть хорошими и толковыми и сметливыми слугами... достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать все что угодно».

Араваки с Багамских островов были очень похожи на индейцев, живших на континенте,

которые славились (европейские путешественники отмечали это неоднократно) своим гостеприимством и стремлением поделиться тем, что имели. Подобные черты были утрачены в Европе эпохи Ренессанса, где доминировало католичество, правили короли и властвовала неистовая жажда денег, которая была свойственна как западной цивилизации, так и ее первому посланнику в Америке – Христофору Колумбу.

Он писал: «Как только я прибыл в Индии, на самом первом открытом мною острове, я взял силою несколько местных жителей, чтобы они научились чему-нибудь у нас и сообщили мне о том, что находится в этих краях».

Вопрос, который больше всего интересовал Колумба: «Где золото?» Он убедил короля и королеву Испании финансировать экспедицию к этим землям. По предположениям мореплавателя, богатство – золото и пряности – находилось на другой стороне Атлантики, в Индиях и Азии. Как и другие просвещенные люди того времени, Колумб знал, что Земля круглая и что следует плыть на запад, чтобы попасть на Дальний Восток.

Испания недавно стала единым государством и была одним из новых национальных государств, подобно Франции, Англии и Португалии. Ее жители, в основном бедные крестьяне, работали на дворян, составлявших 2 % населения и владевших 95 % земли. Испания, связавшая себя узами с католической церковью, изгнала всех евреев и выдворила мавров. Как и другие страны современного ей мира, Испания стремилась получить в свое распоряжение золото, которое становилось новым символом богатства, более важным, чем земля, так как с его помощью можно купить все что угодно.

Поскольку за несколько столетий до этого Марко Поло и другие путешественники привозили удивительные вещи из своих странствий по суше, считалось, что в Азии есть золото и, несомненно, шелка и пряности. Теперь, когда турки покорили Константинополь, Восточное Средиземноморье и контролировали сухопутные дороги в Азию, был необходим морской путь. Португальские моряки прокладывали свой маршрут вокруг южной оконечности Африки. Испания решила сделать ставку на длительное плавание через неведомый океан.

В обмен на золото и пряности Колумбу обещали десятую часть прибыли, передачу в управление открытых земель и славу, которую даст новый титул: Адмирал Моря-Океана. Сын квалифицированного ткача, Христофор Колумб родился в итальянском городе Генуя, служил приказчиком у торговца, иногда получал дополнительный заработок, занимаясь ткачеством, и стал опытным мореплавателем. Генуэзец отправился в путь на трех парусных кораблях, самый большой из которых – «Санта-Мария» был длиной примерно 100 футов и имел команду из 39 человек.

Колумб так никогда бы и не доплыл до Азии, которая оказалась на тысячи миль дальше, чем он рассчитывал, полагая, что Земля меньше размером. Необъятные морские просторы обрекли бы мореплавателя на неудачу. Но ему повезло. Пройдя четверть пути, Колумб наткнулся на неизвестную, не нанесенную на карты землю, которая лежала между Европой и Азией, – на американский континент. Это случилось в начале октября 1492 г., через тридцать три дня после того, как генуэзец со своей командой покинул Канарские острова у атлантического побережья Африки. Они увидели ветки, плавающие в воде, а в небе стаи птиц. Это было признаком того, что суша близко. Двенадцатого октября моряк по имени Родриго увидел рано утром отражение лунного света на белом песке и закричал. Это был один из Багамских островов в Карибском море. Первому увидевшему землю была обещана ежегодная пожизненная пенсия в 10 тыс. мараведи¹, но Родриго ее так и не получил. Колумб заявил, что

¹ Мараведи – испанская золотая, серебряная, позже медная монета.

сам увидел свет еще предыдущим вечером. Награду получил он.

Итак, приближаясь к берегу, мореплаватели встретили индейцев араваков, которые плыли к кораблю, чтобы приветствовать их. Араваки жили сельскими общинами, занимались разведением кукурузы, ямса и маниоки. Они умели прясть и ткать, но не знали лошадей и рабочего скота. У туземцев не было железа, но в ушах они носили маленькие золотые украшения.

Последнее обстоятельство имело серьезные последствия: Колумб забрал нескольких индейцев на борт в качестве пленников и настаивал на том, чтобы они раскрыли ему источник золота. Потом генуэзец поплыл туда, где ныне находится Куба, а затем к Эспаньоле (остров, на котором сейчас расположены Гаити и Доминиканская Республика). Крупинки золота, которые можно было заметить в водах тамошних рек, и золотая маска, подаренная Колумбу вождем местного индейского племени, стали причиной безумных мифов о золотых россыпях.

На Эспаньоле из досок «Санта-Марии», которая села на мель, адмирал построил форт – первую военную базу европейцев в Западном полушарии. Он назвал его Навидад («Рождество») и оставил там 39 членов команды, отдав распоряжение найти золото. Колумб захватил еще больше индейцев в плен и погрузил их на два оставшихся корабля. В одной части острова он вступил в схватку с аборигенами, которые отказались обменять то число луков и стрел, которое устроило бы Колумба и его людей. Двое были заколоты шпагами и умерли от потери крови. Потом корабли «Нинья» и «Пинта» отправились в плавание к Азорским островам и Испании. Когда погода стала холоднее, пленники-индейцы начали умирать.

Отчет мореплавателя мадридскому королевскому двору был весьма экстравагантным. Путешественник настаивал на том, что добрался до Азии (а это была Куба) и до острова недалеко от побережья Китая (Эспаньола). В его описаниях были и правда, и вымысел.

Эспаньола – чудо: тут цепи горные и кручи, и долины, и равнина, и земли прекрасные и тучные, пригодные для обработки и засева, для разведения скота любого рода, для городских и сельских построек. Морские гавани здесь такие, что не видя их, нельзя и поверить, что подобные могут существовать, равным образом как и реки – многочисленные и широкие... причем большая часть этих рек несет золото...

На этом острове много пряностей, а также залежи золота и других металлов.

Индейцы, сообщил Колумб, «на удивление робки... Правда, после того как они успокаивались и страх исчезал, они становились столь доверчивыми и с такой щедростью отдавали все им принадлежащее, что кто этого не видел сам, вряд ли тому поверит. Если у них попросить какую-нибудь вещь, они никогда не откажутся ее отдать. Напротив, они сами предлагают ее...». Мореплаватель завершил свой отчет, попросив небольшой помощи у Фердинанда и Изабеллы и пообещав взамен привезти из своего следующего путешествия «столько золота, сколько им нужно... столько рабов, сколько будет угодно». Его слова были полны религиозной патетики: «...и предвечный господь бог наш, который дарует всем шествующим по завещанному им пути победу в таких делах, что могут казаться неосуществимыми».

Благодаря преувеличениям и обещаниям, содержавшимся в отчете адмирала, для его второй экспедиции выделили 17 кораблей и более 1,2 тыс. человек. Цель была ясна: рабы и золото. Испанцы плыли от острова к острову в Карибском море, захватывая индейцев в плен. Но поскольку молва о намерениях европейцев уже распространилась, их все чаще и чаще встречали опустевшие деревни. На Гаити пришельцы обнаружили, что моряки, оставленные в Форте Навидад, погибли в битве с индейцами, происшедшей после того, как шайки испанцев начали бродить по острову в поисках золота и захватывать местных женщин и детей в качестве невольников, предназначенных для сексуальных развлечений и работы.

Теперь, со своей базы на Гаити, Колумб отправлял экспедицию за экспедицией во внутренние районы. Они не нашли золота, но должны были загрузить возвращавшиеся в Испанию корабли хоть какими-то товарами, которые могли принести прибыль. В 1495 г. эти экспедиции провели большой рейд с целью захвата рабов. Они окружили 1,5 тыс. араваков – мужчин, женщин и детей. Испанцы поместили их в загоны, охранявшиеся солдатами и собаками, затем отобрали 500 самых крепких и загнали на суда. Двести из них умерли в дороге. Остальных привезли в Испанию, где они были выставлены на продажу городским архидиаконом, который сообщал, что, хотя рабы были «голыми, в чем мать родила», они «стеснялись не больше, чем животные». Позже Колумб писал: «Отсюда можно во имя святой троицы отправлять всех рабов, которых окажется возможным продать».

Но в плену умерло слишком много невольников. И адмирал, в отчаянной попытке вернуть дивиденды тем, кто вложил средства в экспедицию, должен был выполнить свое обещание – наполнить корабли золотом. В провинции Сибао на Гаити, там, где Колумбу и его людям привиделись золотые россыпи, они приказали всем индейцам старше 14 лет собирать определенное количество золота каждые три месяца. Когда туземцы приносили требуемое, им давали медные таблички, чтобы индейцы носили их на шее. Аборигенам, которых обнаруживали без такого жетона, отрубали руки, и они умирали от потери крови.

Перед туземцами была поставлена невыполнимая задача. Единственным золотом в этих местах были песчинки, собиравшиеся в реках. Поэтому индейцы спасались бегством, а их травили собаками и убивали.

Пытаясь создать войско для сопротивления, араваки столкнулись лицом к лицу с испанцами, оснащенными броней, мушкетами, шпагами и лошадьми. Когда пришельцы захватывали пленных, они их вешали либо сжигали заживо. Среди араваков начались массовые самоубийства: индейцы выпивали яд, изготовленный из маниоки. Младенцев убивали, чтобы спасти от испанцев. Вследствие убийств, нанесенных увечий или самоубийств за два года погибла половина из 250 тыс. жителей Гаити.

Когда стало ясно, что золота больше не осталось, индейцев в качестве рабов согнали в огромные поместья, позднее ставшие известными как энкомьенды. Они работали там до изнеможения и умирали тысячами. К 1515 г. осталось около 50 тыс., а к 1550 г. – 5 тыс. индейцев. Согласно отчету за 1650 г., на острове не осталось ни араваков, ни их потомков.

Основным, а порой и единственным источником информации о том, что происходило на островах после прихода Христофора Колумба, являются труды Бартоломе де Лас Касаса, молодого священника, который участвовал в завоевании Кубы. Некоторое время он владел плантацией, на которой работали индейцы-рабы, но потом оставил это занятие и стал яростным критиком жестокости испанцев. Лас Касас изложил содержание дневника Колумба и, когда ему было уже за пятьдесят, начал работу над многотомным изданием «История Индий». В этой работе он рассказывает о туземцах. Автор пишет, что они ловкие и способны проплывать большие расстояния, особенно женщины. Индейцы не всегда миролюбивы, так как время от времени сражаются с соседними племенами, но их потери в людской силе, по-видимому, невелики. Туземцы вступают в схватку по личным мотивам, из-за какой-либо обиды, а не потому, что вожди или правители отдали им приказ.

Отношение индейцев к женщинам было настолько хорошее, что поражало испанцев. Лас Касас описывает взаимоотношения полов следующим образом:

Брачных законов не существует: и мужчины, и женщины выбирают себе пару, а потом оставляют партнера, когда захотят, без оскорблений, ревности или злобы. Количество туземцев быстро растет. Беременные женщины работают до последней минуты, рожают практически без боли и уже на следующий день купаются в реке и становятся столь же чистыми и красивыми,

как до родов. Когда их утомляют мужчины, они делают аборты с помощью трав, действие которых приводит к выкидышу, и прикрывают срамные части тела листьями или хлопковой тканью. При этом, в целом, индейские мужчины и женщины воспринимают полную наготу как нечто столь же обыденное, как для нас голова или руки.

Индейцы, как свидетельствует Лас Касас, не имеют религии, по крайней мере у них нет культовых построек. Они живут в больших колоколообразных строениях, вмещающих до 600 человек... сделанных из очень крепкого дерева и покрытых пальмовыми листьями... Они ценят разноцветные птичьи перья, бусы из рыбьих костей, а также зеленые и белые камни, которыми они украшают губы и уши, но не ценят золото и другие драгоценности. У них нет представлений о торговле – ни о покупке, ни о продаже. В вопросах жизнеобеспечения они полностью полагаются на окружающий их мир. Они очень щедры в отношении того, чем обладают, и в такой же степени желают того, чем обладают их друзья, и ожидают проявления той же степени щедрости.

Во второй книге «Истории Индий» Лас Касас (который вначале призывал к замене туземцев черными рабами, полагая, что они сильнее и выживут, но потом смягчился, увидев, каким образом рабство влияло на чернокожих) рассказывает об отношении испанцев к индейцам. Это уникальное сообщение заслуживает того, чтобы процитировать его полностью:

«Многочисленные свидетельства... указывают на мягкий и мирный нрав индейцев... Однако наша работа заключалась в том, чтобы сеять злобу, разорять, убивать, калечить и уничтожать, и поэтому мало удивительного в том, что и они иногда пытались убивать кого-то из нас...

Это правда, что адмирал, как и те, кто пришли за ним, был слеп и столь одержим стремлением угодить Королю, что совершал непоправимые преступления в отношении индейцев.».

Лас Касас пишет о том, как испанцы «становились день ото дня все тщеславнее» и через какое-то время даже отказывались передвигаться самостоятельно. Они «ездили на спинах индейцев, когда спешили», или же бегущие туземцы, сменяя друг друга, несли их на носилках. «В этом случае испанцам тоже прислуживали индейцы, которые несли огромные листья, прикрывавшие хозяев от солнца, а также аборигены, в чьих руках были гусиные крылья, служившие опахалами».

Абсолютный контроль порождал повсеместную жестокость. Испанцы, «не задумываясь, могли зарезать десяток или два индейцев и отрезать части их тел, чтобы проверить, насколько остры их клинки». Лас Касас рассказывает, как «два так называемых христианина однажды встретили двух индейских мальчиков, каждый из которых нес по попугаю; испанцы отняли птиц и, забавы ради, обезглавили детей».

Попытки индейцев защитить себя проваливались. И когда они убегали в горы, их находили и убивали. Так, автор сообщает: «Они страдали и умирали в рудниках и на других работах в безнадежном молчании, не зная ни единой души в этом мире, к которой они бы могли обратиться за помощью». Он описывает их работу на этих рудниках: «... приходилось перекапывать горы, тысячу раз поднимать землю вверх и опускать ее вниз, разбивать и дробить скалы, сдвигать тяжелые камни, а для того чтобы промыть землю, приходится таскать ее на спине к реке, и там мойщики все время стоят в воде с согнутой поясницей, и все тело их затекает и ноет, а самая тяжелая из всех работ начинается тогда, когда в рудник проникает вода и ее проходится выливать руками и специальными ковшом вверх, наружу.».

Через каждые шесть или восемь месяцев работы на рудниках, необходимых для того, чтобы одна группа могла добыть достаточно золота, пригодного для переплавки, умирало до трети мужчин.

«В то время как этих людей оправляли за многие мили от дома на копи, их жены оставались трудиться на земле; женщин принуждали к изнурительной работе разрыхлять почву и делать тысячи холмиков для выращивания маниоки.

В результате мужья не встречались с женами и не виделись с ними по восемь и десять месяцев, а то и по целому году; когда же, по истечении этого срока, им наконец удавалось встретиться, то они были настолько изнурены и истощены голодом и тяжелой работой, что им было не до супружеских сношений, и так получилось, что у них не стало потомства, а те дети, которые рождались, умирали в младенчестве из-за того, что у их матерей, голодных и обессиленных тяжелым трудом, не было молока в грудях; по этой причине на острове Куба во время моего там пребывания за три месяца умерло 7000 младенцев; некоторые матери, охваченные отчаянием, собственными руками душили своих новорожденных детей... И так умирали все: мужья – на рудниках, жены – на фермах от непосильной работы, а младенцы от того, что у их матерей высохло молоко... в короткий срок должно было вымереть все население; так обезлюдел этот большой, богатый, плодороднейший... остров... Я собственными глазами видел все эти деяния, чуждые человеческому естеству, и сейчас я содрогаюсь, когда пишу.».

По словам Лас Касаса, в момент его прибытия на Эспаньолу в 1508 г. «на этом острове жило 60 тыс. человек, включая индейцев. Получается, что с 1494 по 1508 г. более 3 млн. туземцев исчезли вследствие войны, рабства и работы на рудниках. Кто из будущих поколений поверит в это? Даже я сам, свидетель, знающий, о чем пишу, с трудом в это верю».

Таким образом 500 лет назад началась история европейского проникновения в индейские поселения на американском континенте. Это вторжение, согласно Лас Касасу, – даже при том, что цифры преувеличены (откуда взялись 3 млн. индейцев, о которых он говорит, или менее 1 млн, по подсчетам ряда историков, либо 8 млн, как полагают некоторые исследователи в наше время?), – означало завоевание, рабство и смерть. Если читать книги по истории, которые предлагаются детям в Соединенных Штатах, то все начинается с героического приключения – никакого кровопролития! – и празднования Дня Колумба.

В начальной и средней школе встречаются лишь редкие намеки на нечто иное. Историк из Гарвардского университета С. Морисон, наиболее выдающийся исследователь жизни Колумба, автор его многотомной биографии, был также моряком, проследившим весь путь адмирала через Атлантику. В своей известной книге «Христофор Колумб, мореплаватель», написанной в 1954 г., он говорит о порабощении и убийствах: «Жестокая политика, начатая Колумбом и продолженная его преемниками, в конечном итоге привела к тотальному геноциду».

Всего одна страница, затерявшаяся в рассказе о великом приключении. В заключительном параграфе книги Морисон обобщает свои взгляды на деяния адмирала:

«У него были свои промахи и свои изъяны, но изъяны эти по большей части нерасторжимо связаны с теми его качествами, которые сделали его великим: с его неукротимой волей, с его изумительной верой в бога и в свою миссию провозвестника Христова имени в землях за океаном, с его железным упорством, преодолевавшим и пренебрежение властей, и бедность, и горечь неудач. И самое главное, самое существенное, чем обладал этот человек и что остается совершенно безупречным и безоговорочным, – это его великое искусство морехода».

Кто-то может просто лгать о событиях прошлого. Кто-то – опустить факты, которые приводят к нежелательным выводам. Морисон поступает иначе. Он отказывается говорить неправду о Колумбе. Не скрывает истории массовых убийств. Напротив, описывает ее, употребляя самое сильное слово, которое только и может быть использовано в этом случае, – геноцид.

Но историк делает и кое-что еще – он говорит правду походя, а потом переходит к вещам, более важным для него. Неприкрытая ложь или утаивание фактов рискованны, так как читатель, обнаружив их, может возмутиться, восстать против автора. А вот отметить факт, а потом закопать его в массу другой информации – это все равно что сказать читателю с заразительной уверенностью и спокойствием: да, массовые убийства были, но не это важно – это несущественно для наших окончательных суждений; это практически не влияет на то, что мы делаем сегодня в мире.

Речь здесь не о том, что историк может избежать того, чтобы обращать внимание на одни факты и вскользь упоминать другие. Это для него так же естественно, как и для картографа, который, чтобы создать изображение, представляющее практическую пользу, прежде всего должен сделать земную поверхность плоской и искаженной, а потом выбрать из массы разнообразной географической информации именно те параметры, которые важны для некой конкретной карты.

Мои возражения направлены не против отбора, упрощения или акцентирования, которые неизбежны как для картографа, так и для историка. Но искажения, допускаемые картографом, – это техническая необходимость ради общей цели, разделяемой всеми теми, кто нуждается в картах. Однако искажения, допускаемые историком, это нечто большее, чем просто технические ошибки. В действительности такие искажения являются идеологическими по своему характеру, и они возникают в мире противоборствующих интересов, где любой выбор акцентов (вне зависимости от воли самого историка) связан с поддержкой тех или иных интересов: экономических, политических, расовых, национальных или сексуальных.

Более того, подобная идеологическая заинтересованность не столь очевидна по сравнению с техническим интересом картографа («Это проекция Меркатора для дальних путешествий, тогда как для странствий на короткие расстояния рекомендуется использовать другие проекции»). Напротив, дело представляется таким образом, будто все читатели исторической литературы разделяют общие взгляды, которым и служат, как могут, историки. И это не преднамеренный обман: историки воспитаны в обществе, в котором образование и знание выдвигаются вперед. Как чисто технические вопросы на пути к совершенству, а не как инструментальный, необходимый для исследования столкновений между общественными классами, расами и нациями.

Особое внимание, уделяемое героизму Колумба и его последователей, подчеркивание их роли в качестве навигаторов и первооткрывателей и отсутствие акцента на геноциде – не техническая необходимость, а идеологический выбор.

И служит он – пусть и непреднамеренно – оправданию того, что было содеяно.

Я не считаю, что в историческом повествовании мы должны обвинять Колумба, судить его и выносить ему приговор *in absentia*². Уже слишком поздно, и это было бы бесполезным схоластическим упражнением в морализаторстве. Но столь легкое восприятие жестокости в качестве неприятной, но необходимой платы за прогресс (Хиросима и Вьетнам во имя спасения западной цивилизации, Кронштадт и Венгрия для спасения социализма, распространение ядерного оружия для всеобщего спасения) до сих пор с нами. И причина того, что эти зверства и поныне остаются с нами, состоит в том, что мы научились зарывать их в массу других фактов, подобно тому как закапываются в землю контейнеры с радиоактивными отходами. Мы приучились уделять жестокостям ровно столько внимания, сколько им часто уделяют учителя и писатели в наиболее уважаемых аудиториях и учебниках. Усвоенное нами чувство

---

² В отсутствие, заочно (лат.).

дозированной морали, проистекающее из кажущейся объективности ученого, воспринимается легче, чем в том случае, если оно появляется после выступлений политиков на пресс-конференциях. И потому оно более опасно.

Отношение к героям (Колумбу) и их жертвам (аравакам) – молчаливое оправдание завоеваний и убийств во имя прогресса – только один из аспектов определенного подхода к истории, при котором она рассказывается с точки зрения правителей, завоевателей, дипломатов и вождей. Как будто действия адмирала заслуживают всеобщего одобрения, а американские отцы-основатели, Э. Джексон, А. Линкольн, В. Вильсон, Ф. Д. Рузвельт, Дж. Ф. Кеннеди, лидеры Конгресса, знаменитые судьи Верховного суда – представляют всю нацию как единое целое. Подразумевается, что в такой стране, как «Соединенные Штаты», периодически возникают конфликты и споры, но в основе своей – это сообщество людей, объединенных общими интересами. Как будто действительно существует «национальный интерес», отраженный в Конституции; в территориальной экспансии; в законах, принимаемых Конгрессом; в выносимых судами решениях; в развитии капитализма; в традициях образования и в средствах массовой информации.

«История – это память государств», – пишет Г. Киссинджер в своей первой книге «Восстановленный мир», в которой он продолжает изложение истории с позиций лидеров Австрии и Великобритании, игнорируя миллионы людей, страдавших от проводившейся этими лидерами политики. С его точки зрения, «мир», в котором Европа жила до Французской революции, был «восстановлен» благодаря дипломатии нескольких национальных лидеров. Но для фабричных рабочих Англии, фермеров Франции, цветного населения Азии и Африки, женщин и детей во всем мире, за исключением принадлежащих к знати, это был мир завоеваний, насилия, голода и эксплуатации, т. е. не восстановленный, а дезинтегрированный мир.

Мой подход к истории Соединенных Штатов другой: мы не должны принимать память стран за свою собственную. Государства – это не сообщества людей и никогда таковыми не были. История любой страны, представленная как история семьи, скрывает сильнейшие конфликты интересов (иногда приводящие к взрывам, но чаще всего подавленные) завоевателей и покоренных, хозяев и рабов, капиталистов и рабочих, людей, доминирующих и угнетенных по расовому или половому признаку. В этом мире конфронтации, в мире жертв и палачей, задача каждого думающего человека, как говорил Альбер Камю, не становиться на сторону последних.

Таким образом, исходя из неизбежности выбора той или иной стороны при изложении истории, связанной с отбором фактов и расстановкой акцентов, я предпочитаю рассказывать об открытии Америки с точки зрения араваков; о Конституции с точки зрения рабов; об Эндрю Джексоне, каким его видели индейцы чироки; о Гражданской войне через восприятие нью-йоркских ирландцев; об американо-мексиканской войне, какой она представлялась солдатам-дезертирам армии Уинфилда Скотта; о расцвете индустриализации, увиденной молодыми работницами текстильных фабрик города Лоуэлла; об испано-американской войне с точки зрения кубинцев; о захвате Филиппин в восприятии чернокожих солдат в Лусоне; о «позолоченном веке», каким он представлялся фермерам с Юга; о Первой мировой войне, какой ее видели социалисты; о Второй мировой войне с точки зрения пацифистов; о Новом курсе, каким он представлялся жителям Гарлема; о послевоенной американской империи в восприятии пеонов в Латинской Америке. И так далее, настолько, и в тех пределах, насколько обычный человек способен «увидеть» историю глазами других людей.

Я не собираюсь оплакивать жертвы и разоблачать палачей. Эти слезы, эта злоба, относящиеся к прошлому, подточили наши сегодняшние моральные устои. И различия не

всегда ясны. В долгосрочной перспективе угнетатель тоже жертва. На коротком промежутке времени (а до сих пор вся история человечества состояла только из таких временных отрезков) жертвы, отчаявшиеся и развращенные культурой своих поработителей, находят для себя новые жертвы.

И тем не менее, принимая во внимание всю сложность проблемы, эта книга будет скептической по отношению к правительствам и их попыткам с помощью политики и культуры заманить простых людей в гигантскую сеть государственности, претендующей на то, что она и создает общность интересов. Я постараюсь не обойти вниманием жестокости, которые проявляли жертвы по отношению друг к другу, когда оказывались в битком набитых товарных вагонах системы. Я не хочу романтизировать их. Но я помню (возможно, не дословно, но близко к тексту) фразу, которую однажды прочитал: «Жалобы бедных не всегда справедливы, но если вы не слышите их, то никогда не узнаете, что такое справедливость».

Я не собираюсь придумывать победы, якобы одержанные народными движениями. Но думать, что написание истории должно ограничиться одним упоминанием неудач, преобладавших в прошлом, – это значит делать историков коллаборационистами в бесконечном круге поражений. Если истории присуще творческое начало, если она предвосхищает будущее, не отрицая прошлого, то – я уверен в этом – она должна придавать особое значение новым возможностям, освещая те спрятанные в прошлом эпизоды (даже если такое освещение лишь краткие вспышки), в которых люди показали свою способность к сопротивлению, объединению и иногда к победе. Я предполагаю – или, возможно, всего лишь надеюсь, – что обрести свое будущее мы сможем скорее в мимолетных мгновениях сочувствия, имевших место в прошлом, чем в непрерывной череде веков вражды.

Таков мой подход к истории Соединенных Штатов, высказанный мною настолько откровенно, насколько это возможно. Читатель имеет право узнать об этом перед тем, как продолжить знакомство с книгой.

То, что Христофор Колумб сделал с араваками на Багамах, Эрнан Кортес сотворил с ацтеками в Мексике, Франсиско Писарро – с инками в Перу, а английские поселенцы Виргинии и Массачусетса – с поухатанами и пекотами.

Цивилизация ацтеков в Мексике унаследовала традиции майя, сапотеков и тольтеков. Она воздвигла гигантские сооружения с помощью каменных орудий и человеческого труда, создала письменность и жречество. И эта же цивилизация практиковала (давайте не забывать об этом) ритуальные убийства тысяч людей, приносимых в жертву богам. Жестокость ацтеков, тем не менее, не уничтожила определенную степень простодушия. Когда испанская армада приплыла к Веракрусу, и, когда бородатый белый человек с неизвестными животными (лошадьми) сошел на берег в убранстве из железа, ацтеки предположили, что он и есть легендарный богочеловек, умерший за три сотни лет до этого и обещавший вернуться, – таинственный Кецалькоатль³. И поэтому они приветствовали его, проявляя необыкновенное гостеприимство.

На самом деле это был Эрнан Кортес, прибывший из Испании с экспедицией, оплаченной купцами и землевладельцами и благословленной наместниками Бога на земле, с единственной навязчивой целью: найти золото. Вероятно, у вождя ацтеков Монтесумы были некоторые сомнения относительно того, действительно ли Кортес является Кецалькоатлем, так как, отправляя к нему сотни посланцев с подношениями невиданных богатств – фантастической

---

³ Кецалькоатль (на языке ацтеков – пернатый змей) – в мифологии тольтеков верховный бог; в мифологии ацтеков бог науки, покровитель жрецов.

красоты изделий из золота и серебра, он в то же время умолял испанца вернуться туда, откуда тот пришел. (Через несколько лет художник Дюрер изобразил предметы, только что доставленные в Испанию из той экспедиции, – солнце из золота, луну из серебра, стоявшие целое состояние.)

Кортес начал свой марш смерти от города к городу, используя обман, обращая ацтеков против ацтеков, убивая с особой изощренностью, которая была частью его стратегии, заключавшейся в том, чтобы парализовать волю местного населения с помощью внезапных ужасающих деяний. Так, в Чолулу он пригласил вождей племени чолула на площадь. И когда они пришли, приведя с собой тысячи безоружных слуг, выстроившаяся вокруг площади небольшая испанская армия всадников, вооруженных пушкой и арбалетами, учинила кровавую бойню, уничтожив всех до единого. Затем конкистадоры разграбили город и ушли. Когда волна массовых убийств схлынула, испанцы добрались до Мехико. Монтесума умер, а наголову разбитая цивилизация ацтеков покорила пришельцам.

Обо всем этом рассказывают отчеты самих захватчиков.

В Перу другой испанский конкистадор – Франсиско Писарро использовал такую же тактику и по тем же причинам: из-за безумной страсти молодых капиталистических государств Европы к золоту, а также из-за рабов и даров земли, которые нужны были, чтобы расплатиться с держателями облигаций и акционерами, на чьи средства снаряжались экспедиции; финансировать монархические бюрократии, расцветавшие в Западной Европе; ускорить развитие новой, основанной на деньгах экономики, прорастающей сквозь феодализм; участвовать в том, что Карл Маркс впоследствии назовет «первоначальным накоплением капитала». Таким ожесточенным было начало изощренной системы технологий, бизнеса, политики и культуры, которая станет доминировать в мире в последующие пять столетий.

В североамериканских колониях Англии рано последовали примеру Колумба в его действиях на Багамах. Уже в 1585 г., еще до появления каких бы то ни было постоянных поселений англичан в Виргинии, Ричард Гренвилл прибыл на американский материк с семьей кораблями. Индейцы гостеприимно встретили пришельцев, но, как только один из туземцев украл маленький серебряный кубок, Гренвилл разграбил и сжег целую деревню.

Джеймстаун⁴ был основан на территории конфедерации индейских племен, которую возглавлял вождь Паухэтан. Он наблюдал за тем, как англичане обустраиваются на землях его народа, но не нападал на них, хотя и относился к чужеземцам прохладно. Когда пришельцы переживали «голодное время» зимой 1610 г., некоторые из них перебежали к индейцам, где по крайней мере могли получить еду. Летом губернатор колонии отправил к вождю гонца с требованием вернуть беглецов. На это Паухэтан, согласно английскому источнику, дал «гордый и пренебрежительный ответ». Тогда были посланы солдаты, чтобы «отомстить». Они напали на индейские поселения, убили 15 или 16 туземцев, сожгли дома, вырубили посевы кукурузы вокруг деревни, посадили королеву племени с детьми в лодки, затем прикончили и выбросили за борт детей, «а их мозги побросали в воду». Потом правительницу вытащили на берег и забили до смерти.

Двенадцать лет спустя индейцы, встревоженные тем, что численность жителей в английских поселениях все растет, по-видимому, решили попытаться уничтожить их, пока не поздно. Нападение было яростным и стоило жизни 347 мужчинам, женщинам и детям. С этого момента началась настоящая война.

---

⁴ Джеймстаун – первое английское постоянное поселение на территории США, основано в 1607 г. колонистами Виргинской компании.

Не будучи способными поработить краснокожих и не умея жить вместе с ними, англичане решили уничтожить их. Э. Морган в книге «Американское рабство, американская свобода» о начальном этапе истории колонии Виргиния пишет:

«Поскольку индейцы гораздо лучше англичан чувствовали себя в лесах и их практически невозможно было выследить, был выбран следующий метод: вначале притвориться, что намерения исключительно мирные, и позволить индейцам осесть и посадить кукурузу там, где им вздумается, а потом, как раз перед сбором урожая, напасть на них, убивая всех на своем пути, и сжечь посевы... В течение двух или трех лет такой резни англичане сполна отомстили за смерть своих соплеменников, убив гораздо больше индейцев.

В первый год пребывания белых людей в Виргинии, в 1607 г., Паухэтан отправил Джону Смит⁵ послание, которое стало пророческим. Можно сомневаться в подлинности текста, но послание настолько похоже на другие обращения аборигенов, что даже если не является первым аутентичным прошением, то отражает дух подобных обращений:

«Я видел гибель двух поколений моего народа... Я знаю разницу между миром и войной лучше любого человека в моей стране. И сейчас я состарился и скоро должен умереть; моя власть должна перейти к моим братьям Опиткапану, Опеканкану и Катату, потом к моим сестрам, затем к моим двум дочерям. Я хотел бы, чтобы они знали столько же, сколько знаю я, и чтобы ваша любовь к ним была такой же, как моя любовь к вам. Почему вы стремитесь взять силой то, что вы можете получить спокойно, если будете действовать полюбовно? Почему вы уничтожаете нас, тех, кто снабжает вас пищей? Что можно получить путем войны? Мы можем спрятать наши съестные припасы и убежим в леса, а вы потом будете голодать из-за того, что несправедливо отнеслись к тем, кто мог быть вам другом. Почему вы завидуете нам?

У нас нет оружия, мы готовы поделиться с вами всем, чего вы захотите, если вы попросите по-хорошему, как друзья, и мы не настолько простодушны, чтобы не понимать, что гораздо лучше есть хорошее мясо, спать с удобством, жить в спокойствии с женами и детьми, радоваться жизни вместе с англичанами, вступать с ними в браки, вести товарообмен, получая их медь и орудия, чем убегать от них и спать в холодном лесу, питаться желудями, корнями и другим мусором, и быть настолько затравленными погоней, что я уже не смогу ни есть, ни спать. В этих войнах мои люди должны всегда стоять в дозоре, и, как только где-то ломается ветка, они все кричат «Капитан Смит идет!» И так я должен закончить свою несчастную жизнь. Уберите свои ружья и мечи, причину нашего беспокойства, или вы все умрете, так же как умираем мы»».

Когда пилигримы приплыли в Новую Англию, там тоже были не свободные земли, а территория, населенная индейскими племенами. Губернатор колонии Массачусетской бухты Джон Уинтроп выдумал оправдание занятию земель туземцев, объявив, что эти районы с юридической точки зрения представляют собой «вакуум». Индейцы, как он говорил, не «подчинили» себе территории и, таким образом, имеют на них только «естественное», а не «гражданское право». Итак, у «естественного права» не было юридического статуса.

Пуритане также ссылались на Библию: «...проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе.». (Пс. 2:8). А в оправдание использования силы для захвата территорий они цитировали святого апостола Павла: «Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13:2).

Пуритане жили, достигнув нелегкого перемирия с пекотами, населявшими территории

---

⁵ Джон Смит – (1579/80–1631) – военный, исследователь, основатель колонии Виргиния и ее первый летописец. Один из основателей Джеймстауна.

современных штатов – южную часть Коннектикута и Род-Айленд. Но колонистам хотелось убрать индейцев с пути: им была нужна земля туземцев. И по всей видимости, пуритане хотели также установить свое правление над всеми коннектикутскими поселенцами. Убийство белого торговца, который похищал индейских детей, человека, всегда провоцировавшего неприятности вокруг себя, послужило оправданием начавшейся в 1636 г. Пекотской войны.

Карательная экспедиция вышла из Бостона, чтобы атаковать на Блок-Айленде наггагансеттов, союзников пекотов. Губернатор Уинтроп писал:

«Они получили приказ убить всех мужчин, выгнать женщин и детей и завладеть островом; после этого направиться в страну пекотов и потребовать выдачи убийц капитана Стоуна и других англичан, а также 1000 морских саженей вампума⁶ в возмещение убытков и несколько детей как заложников; в случае отказа – захватить силой».

Отряд высадился на берег. Было убито несколько индейцев; остальные спрятались в дремучих лесах на острове. Каратели переходили от одной опустевшей деревни к другой, уничтожая урожай. Затем они вернулись обратно на материк и совершили набег на прибрежные селения, снова уничтожая посевы. В отчете одного из офицеров – участника этой экспедиции – содержатся некоторые откровения по поводу встретившихся пекотов: «Множество индейцев, следивших за нами, бежали по берегу и кричали; «О, англичане, приветствуем вас, зачем пожаловали?» Они не предполагали, что мы собираемся воевать с ними, когда вышли нас радостно встречать».

Итак, война с пекотами началась. Кровавые боины устраивали обе стороны. Англичане развивали тактику ведения боевых действий, примененную ранее Кортесом, а позднее, в XX в., использовавшуюся еще более систематически: спланированные нападения на мирное население с целью запугать противника. Вот интерпретация этнографа и историка Ф. Дженнингса нападения капитана Джона Мейсона на деревню пекотов на реке Мистик недалеко от пролива Лонг-Айленд: «Мейсон предложил не атаковать воинов-пекотов, так как это могло оказаться не по силам его не имевшим боевого опыта и не слишком надежным войскам. Сама по себе битва не была его целью. Сражение – это всего лишь одно из средств, чтобы сломить волю соперника к сопротивлению. С помощью резни можно достичь той же цели, но с меньшим риском, и, таким образом, Мейсон определил, что его целью будет кровавая бойня».

Поэтому англичане поджигали вигвамы в деревне. По их собственным свидетельствам, «капитан сказал: «Мы должны спалить их» – и немедленно вошел в вигвам... вынес оттуда головешку и, прислонив ее к циновкам, которыми устилались вигвамы, поджег жилище». Уильям Брэдфорд в своей книге «История поселения в Плимуте», написанной в те же времена, так описал налет Дж. Мейсона на деревню пекотов:

«Те, кто избежал огня, пали от меча; кого рубили в куски, кого пронзали рапирами; скоро с ними было покончено, и спаслись весьма немногие. Подсчитали, что убито было около 400 [человек]. Ужасен был вид заживо горевших и потоков крови, которые гасили пламя; ужасен был и смрад; но сладка была победа, и победители вознесли молитвы к богу, который предал им в руки надменных и дерзких врагов и даровал столь скорую победу».

Пуританский теолог д-р Коттон Мэзер представил события таким образом: «Предположительно не менее 600 душ пекотов были отправлены в ад в тот день».

Война продолжалась. Племена туземцев использовались для борьбы друг против друга и никогда не были способны объединиться, чтобы противостоять англичанам. Ф. Дженнингс

⁶ Пояс вампума, сплетенный из раковин, играл роль украшения, памятной записи, а также выполнял церемониальную функцию, особенно при заключении договоров.

делает обобщение:

«Ужас среди индейцев был велик, но со временем они начали размышлять о его истоках. Из Пекотской войны они извлекли три урока:

1) самые серьезные обещания могут быть нарушены англичанами, как только их обязательства войдут в конфликт с их выгодой; 2) при методах ведения войны, практикуемых англичанами, не существует ограничений, связанных с угрызениями совести или с милосердием;

3) индейское оружие практически бесполезно для противостояния оружию европейского производства. Эти уроки индейцы выучили наизусть».

В примечании в книге В. Вогела «Эта земля была нашей» (1972) написано: «По официальным данным на сегодня число пекотов в Коннектикуте составляет двадцать один человек».

Через 40 лет после Пекотской войны пуритане вновь вступили в схватку с индейцами. На этот раз это были вампаноаги, обитавшие на южном берегу Массачусетской бухты, которые также мешали продвижению поселенцев и начали продавать часть своих земель людям, не жившим в Массачусетсе. Их вождь Массасойт умер. Его сын Уомсатта был убит англичанами, а брат Уомсатты Метаком (которого впоследствии англичане называли королем Филиппом) стал вождем. Колонисты нашли предлог – убийство, которое они приписали последнему, и начали войну против вампаноагов, целью которой был захват их земли. Англичане, безусловно, были агрессорами, но заявляли, что их атака являлась упреждающим ударом. Как говорил Роджер Уильямс, наиболее дружелюбно относившийся к местным жителям: «Все совестливые или рассудительные люди объявляют, что индейцы ведут оборонительные войны».

Ф. Дженнингс утверждает, что пуританская элита стремилась к конфронтации, в отличие от простых англичан, которые часто отказывались сражаться. Туземцы действительно не желали войны, но отвечали жестокостью на жестокость. Когда в 1676 г. война закончилась, англичане победили, но их ресурсы были истощены. Белые потеряли 600 человек. Погибло 3 тыс. индейцев, включая самого Метакома. Тем не менее нападения на аборигенов не прекратились.

Некоторое время англичане пытались использовать более гибкую тактику. Но в конечном счете все вернулось к уничтожению. Индейское население к северу от Мексики, насчитывавшее ко времени прибытия Колумба 10 млн. человек, сократилось: в конце концов коренных жителей осталось менее 1 млн. человек. Огромное их число умерло от болезней, занесенных европейцами. Голландский путешественник, побывавший в Новых Нидерландах, писал в 1656 г.: «Индейцы... подтвердили, что до прибытия христиан и до того, как началась эпидемия оспы, их было в десять раз больше, чем сейчас; что туземное население было выкошено этой болезнью; что умерло девять человек из каждых десяти». В 1642 г., когда англичане основали поселение на острове Мартас-Виньярд, там проживало, вероятно, 3 тыс. вампаноагов. И хотя там не было войн, однако к 1764 г. на острове осталось лишь 313 аборигенов. На Блок-Айленде в 1662 г. жило, по всей видимости, от 1,2 до 1,5 тыс. индейцев, но к 1774 г. их число сократилось до 51 человека.

За английским вторжением в Северную Америку, кровавыми расправами с туземцами, мошенничеством и жестокостями стояла мощнейшая движущая сила, рожденная в цивилизациях, основанных на частной собственности. С точки зрения морали эта сила была неоднозначной: потребность в пространстве, в земле действительно насущна для человека. Но в условиях нужды, в варварскую эпоху истории, когда правила конкуренция, эта человеческая потребность трансформировалась в убийство целых народов. Роджер Уильямс назвал это развращенной потребностью в громадных угодьях и землях, расположенных в диких местах,

после великой суеты, грез и призраков исчезающей жизни, как если бы люди так же сильно стремились приобрести обширнейшие территории и подвергались ради этого опасности, подобно несчастным, голодным и томимым жаждой морякам, вернувшимся из долгого плавания, сопряженного с болезнями, штормами и нехваткой съестных припасов. Это – одно из божеств Новой Англии, которое сокрушит и заморит голодом живой и всевышний Господь.

Были ли все это кровопролитие и обман, начатые Колумбом и продолженные Кортесом, Писарро и пуританами, необходимостью для человеческой расы на ее пути от варварства к цивилизации? Был ли прав С. Морисон, запрятавший историю геноцида в недра более важной истории прогресса человечества? Возможно, здесь стоит привести убедительный аргумент – подобный тому, который был приведен И. В. Сталиным, уничтожавшим крестьян во имя индустриализации в Советском Союзе, или У. Черчиллем, объяснявшим необходимость бомбардировок Дрездена и Гамбурга, либо Г. Трумэн, оправдывавшим Хиросиму. Но каким образом можно давать оценки, если сопоставить выгоду и потери невозможно, так как последние или не упоминаются вообще, или упоминаются вскользь?

Просто оправдание («К сожалению, так случилось, но мы должны были так поступить») может быть приемлемым для средних и высших классов стран-завоевателей и «развитых» государств. Но приемлемо ли оно для бедняков Азии, Африки и Латинской Америки, узников советского ГУЛАГа, чернокожих жителей городских гетто, индейцев в резервациях – для жертв того самого прогресса, который во всем мире принес выгоду лишь привилегированному меньшинству? Было ли это приемлемо (или просто неизбежно?) для американских шахтеров и железнодорожников, фабричных рабочих, мужчин и женщин, сотнями тысяч умиравших вследствие несчастных случаев или болезней там, где они – жертвы прогресса – жили или трудились? И не должно ли само упомянутое меньшинство пересмотреть с тем же практицизмом, который не может быть уничтожен даже особым положением, свое отношение к ценности собственных привилегий в тот момент, когда им угрожают принесенные в жертву озлобленные люди и эти угрозы выражаются в организованном восстании или стихийном бунте либо просто в отдельных жестоких проявлениях отчаяния, заклеянных законом и государством как преступления?

Если и есть необходимость жертвоприношения во имя прогресса человечества, то разве не очевидно, что необходимо следовать принципу, согласно которому те, кем предстоит пожертвовать, должны принимать решение? Каждый может отказаться от того, чем он обладает, но разве мы имеем право бросать в погребальный костер чужих детей или даже наших собственных во имя некоего прогресса, который не столь очевиден, как болезнь или здоровье, жизнь или смерть?

Что получил народ Испании от всех этих смертей и жестокости, обрушившихся на американских индейцев? В течение непродолжительного периода таким приобретением была слава Испанской империи в Западном полушарии. Х. Конинг пишет в книге «Колумб. Его дело»: «Все украденное и доставленное в Испанию золото и серебро не сделало испанский народ богаче. Оно позволило королям получить на время преимущество в существующей расстановке сил, дало возможность привлечь больше наемников для своих войн. Кончили они тем, что все равно проиграли эти войны, и остались лишь беспощадная инфляция, голодающее население, богатые, ставшие еще богаче, бедные, ставшие еще беднее, и уничтоженный класс крестьянства».

И кроме всего прочего, насколько вообще мы уверены в том, что все уничтоженное было менее ценным, чем то, что пришло на смену? Кто были те люди, которые выходили на берег и плыли к кораблям Христофора Колумба, чтобы принести ему и его команде дары? кто наблюдал за Эрнаном Кортесом и Франсиско Писарро, проходящими по их землям? кто следил

из лесов за первыми белыми поселенцами в Виргинии и Массачусетсе?

Колумб назвал их индейцами, так как просчитался относительно размеров Земли. В данной книге мы называем этих людей так же, но с некоторой неохотой, потому что слишком часто случается, что народ продолжает носить имя, данное ему завоевателями.

И тем не менее есть некоторые основания согласиться с тем, чтобы называть их индейцами, поскольку они действительно пришли, возможно 25 тыс. лет назад, из Азии на Аляску по перешейку, исчезнувшему позднее под водой Берингова пролива. Затем в поисках тепла и земель они переместились южнее, и путь, длившийся тысячи лет, привел их сначала в Северную, а потом в Центральную и Южную Америку. В Никарагуа, Бразилии и Эквадоре до сих пор обнаруживают окаменевшие отпечатки следов этих людей рядом с рисунками бизонов, исчезнувших около 5 тыс. лет назад; таким образом, уже тогда они должны были достичь Южной Америки.

Во времена Колумба численность людей, рассеянных по огромной территории американского континента, составляла около 75 млн. человек, из которых 25 млн, возможно, жили в Северной Америке. Благодаря специфическим особенностям почв и климата, они создали сотни самобытных племенных культур и около 2 тыс. языков и наречий. Эти люди достигли совершенства в архитектуре и научились выращивать маис (кукурузу), который не растет сам по себе и который нужно высаживать, культивировать, удобрять, собирать, очищать. Туземцы искусно выращивали разнообразные овощи и фрукты, а также земляные орехи, какао, табак и каучук.

Живя обособленно, индейцы были вовлечены в великую сельскохозяйственную революцию одновременно с другими народами в Азии, Европе, Африке.

В то время как многие племена оставались кочующими охотниками и собирателями, объединенными в странствующие эгалитарные общины, другие начинали жить более оседлыми сообществами, где было больше пищи и населения, сильнее проявлялось разделение труда между женщинами и мужчинами, оставалось больше излишков продуктов питания для вождей и жрецов, больше времени на творчество и социальную деятельность, на постройку жилищ. Примерно за тысячу лет до Рождества Христова, когда сопоставимые сооружения воздвигались в Египте и Месопотамии, на территории современного штата Нью-Мексико индейцы зуньи и хопи начали строить для защиты от врагов деревни, расположенные среди скал и состоящие из крупных многоуровневых построек с сотнями комнат. Еще до прибытия европейцев туземцы использовали оросительные каналы, дамбы, умели делать керамику, плели корзины и изготавливали одежду из хлопка.

Ко временам Иисуса Христа и Юлия Цезаря в долине реки Огайо развивалась культура так называемых строителей маундов (курганов). Эти индейцы создавали тысячи невероятных земляных скульптур – громадных людей, птиц или змей, иногда как погребальные курганы, в иных случаях как фортификационные сооружения. Один из таких маундов достигал в длину 3,5 мили, а в окружности – 100 акров. Представляется, что строители маундов участвовали в сложной системе обмена украшениями и оружием, в которую были вовлечены обитатели районов Великих озер, Дальнего Запада, побережья Мексиканского залива.

Примерно в 500 г. н. э., в то время, когда культура строителей маундов в долине реки Огайо начала приходить в упадок, западнее – в долине реки Миссисипи, там, где сейчас находится город Сент-Луис, – стала развиваться другая культура. Ее представители успешно занимались сельским хозяйством, построили тысячи деревень. Вблизи крупного индейского города, в котором могло проживать до 30 тыс. человек, они тоже строили огромные земляные погребальные и ритуальные курганы. Самый высокий из них достигал 100 футов, а его прямоугольное основание оказалось больше, чем у пирамиды Хеопса в Египте. В городе,

известном под названием Кахокиа, жили ремесленники, изготавливавшие инструменты, кожевники, гончары, ювелиры, ткачи, производители соли, граверы по меди и великолепные мастера по керамике. Одно погребальное покрывало было сделано из 12 тыс. ракушек.

На землях от горного массива Адирондак до Великих озер, там, где сейчас находятся Пенсильвания и северная часть штата Нью-Йорк, жили самые могущественные из северо-восточных племен – представители Конфедерации ирокезов, в состав которой входили племена: могауки («народ Кремня»), онейда («народ Гранита»), онондага («народ Горы»), кайюги («народ Причала») и сенека («народ Великих холмов») – тысячи людей, объединенных общим ирокезским языком.

В видении, представшем предводителю могауков Гайавате, легендарный Дегановеда говорил ирокезам: «Мы объединились, взяв друг друга за руки так крепко и создав круг столь прочный, что, даже если дерево упадет на него, он не разобьется и не пошатнется, чтобы наш народ и наши внуки оставались в этом кругу безопасности, мира и счастья».

В ирокезских деревнях землей владела община, и работы на ней проводились совместно. Охота также была коллективной, добыча делилась между жителями деревни. Дома считались общими, и в них проживало по несколько семей. Ирокезам была чужда концепция частной собственности на землю и на жилища. Французский священник-иезуит, который познакомился с ирокезами в 50-х гг. XVII в., сообщал: «Им не нужны богадельни, так как их нельзя назвать ни нищими, ни бедняками... Их доброта, человеколюбие и обходительность не только делают индейцев щедрыми в отношении того, чем они обладают, но и повелевают не стремиться иметь что-либо еще, кроме того, чем туземцы владеют сообща».

В ирокезском обществе женщины играли очень важную роль и были уважаемы. Семьи являлись матрилинейными, т. е. род определялся по линии входящих в семью женщин, чьи мужья присоединялись к их семьям, в то время как сыновья, женись, присоединялись к семьям своих жен. Каждая такая расширенная семья жила в «длинном доме». Когда женщина хотела расстаться с мужем, она выставляла его вещи за дверь.

Семьи объединялись в кланы, и в деревне их могло быть больше дюжины. Старшие жительницы селений назначали мужчин, которые представляли свои кланы на деревенском или племенном совете. Они также называли имена 45 вождей, входивших в состав правящего совета Конфедерации ирокезов. Женщины присутствовали на собраниях клана, стоя за спиной собравшихся в круг мужчин, которые говорили и голосовали, тогда как женщины отзывали мужчин из совета, если те плохо отстаивали желания индианок.

Женщины заботились об урожае и брали на себя общее управление делами в деревне, в то время как мужчины охотились или ловили рыбу. И поскольку индианки снабжали военные экспедиции мокасинами и съестными припасами, то отчасти контролировали военные дела. Как отмечает Г. Нэш в своем впечатляющем исследовании ранней истории Америки «Красный, Белый и Черный», «власть разделялась между полами, и европейская идея о доминировании мужчин и подчинении женщин в любой области, очевидно, отсутствовала в сообществе ирокезов».

В процессе приобщения к культурному наследию своего народа и единству со своим племенем, дети этих индейцев обучались самостоятельности, отказу подчиняться превосходящей силе. Их учили, что люди равны по статусу и что следует делиться имуществом. Ирокезы не применяли по отношению к детям жестоких наказаний, они не настаивали на раннем отлучении ребенка от груди или раннем приучении к самостоятельному одеванию, но постепенно малыш начинал учиться тому, как самому заботиться о себе.

Все это резко контрастировало с европейскими ценностями первых колонистов, живших в обществе, разделенном на богатых и бедных и контролируемом священниками, губернаторами,

а также возглавлявшими семьи мужчинами. Например, пастор из колонии пилигримов Джон Робинсон давал пастве такие советы по поводу воспитания детей: «Несомненно, это есть во всех детях... упрямство и стойкость, происходящие из их природной гордыни, которые должны быть сломлены и выбиты из них в первую очередь, и, таким образом, основа их образования должна состоять в смирении и послушании, а другие добродетели в свое время могут быть построены на этих качествах». Нэш так описывает культуру ирокезов:

«Законы и предписания, шерифов и констеблей, судей и присяжных, суды и тюрьмы – аппарат власти в европейских обществах – нельзя было обнаружить в лесах Северо-востока до прихода европейцев. Тем не менее границы приемлемого поведения были очерчены абсолютно четко. Гордясь собой как самостоятельными личностями, ирокезы обладали ясным представлением о добре и зле... Тех, кто украл пищу у другого или действовал во время войны трусливо, «клеями позором» и подвергали остракизму, изгоняли из общины, до тех пор пока они не искупали вину за свои действия и не доказывали ко всеобщему удовлетворению, что морально очистились».

Не только ирокезы, но и другие индейские племена вели себя подобным образом. В 1635 г. на требование губернатора, состоявшее в том, что в случае убийства англичанина виновного индейца следует выдать для наказания в соответствии с английскими законами индейцы Мэриленда ответили так:

«Согласно нашим традициям, если это произойдет, мы даем выкуп за жизнь убитого человека – бусы длиной 100 локтей, и поскольку вы здесь чужеземцы, приехавшие в нашу страну, то должны приспособливаться к ее обычаям, а не заставлять нас следовать вашим нравам».

Так что Колумб и его последователи прибыли не в дикую безлюдную пустыню, а в мир, который в некоторых своих частях был столь же густо населен, как сама Европа; мир, в котором существовала развитая культура, где человеческие взаимоотношения были более эгалитарными, чем в Европе, и где отношения между мужчинами, женщинами и детьми, возможно, являлись наиболее гармоничными, чем где бы то ни было еще.

Эти народы не имели письменности, но обладали своими законами, поэзией, историей, хранящейся в памяти и передававшейся из поколения в поколение посредством словарного запаса более сложного, чем в европейских языках, в сопровождении песен, танцев и церемониальных действ. Они уделяли особое внимание развитию личности, силе воли, независимости и уступчивости, страстности и могуществу, связям людей между собой и с окружающей природой.

Дж. Коллир, американский ученый, живший среди индейцев американского Юго-Запада в 20–30-х гг. XX столетия, так отзывался о духовности индейцев: «Если бы мы могли позаимствовать ее, то обладали бы землей, не знающей истощения, и жили бы в вечном мире».

Возможно, в этом есть некая романтическая мифология. Но свидетельства европейских путешественников XVI, XVII и XVIII вв., не так давно собранные воедино американским исследователем жизни индейцев У. Брэндоном, дают более чем достаточно подтверждений именно этого «мифа». Даже учитывая все недостатки мифов, этих повествований хватит, чтобы задаться вопросом, как применительно к тем временам, так и к современности: есть ли оправдание уничтожению рас во имя прогресса и пересказу истории от лица завоевателей и лидеров западной цивилизации?

Создание межрасовых барьеров

Чернокожий писатель Дж. Сондерс Реддинг так описывает прибытие судна в Северную

Америку в 1619 г.: «С убранными парусами и опущенным флагом на округлой корме оно пришло вместе с морским приливом. По словам всех, это и в самом деле было странное, пугающее, таинственное судно. Никто не знает, был ли то торговый, пиратский или военный корабль. Из-за фальшбортов виднелось черное жерло пушки. Флаг на корабле был голландский, а команда – разношерстной толпой. Порт назначения – английское поселение Джеймстаун, что в колонии Виргиния. Судно прибыло, с него велась торговля, и вскоре оно исчезло. Возможно, ни один корабль в современной истории не перевозил более зловещего груза. Какой же был груз? Двадцать рабов».

Нет в мировой истории другой страны, где расизм играл бы такую важную роль в течение столь долгого времени, как в Соединенных Штатах. И проблема «межрасовых барьеров», как охарактеризовал ее У. Дюбуа, все еще актуальна. Поэтому в вопросе «Как все это начиналось?» больше смысла, чем просто интереса к истории, а еще более насущным является вопрос «Как с этим покончить?», который можно сформулировать и по-другому: «Возможно ли свободное от ненависти сосуществование белых и чернокожих?»

Если история может помочь в нахождении ответов на эти вопросы, то корни рабства в Северной Америке – на континенте, где мы можем установить факты прибытия первых белых и чернокожих, – могут дать нам по крайней мере несколько подсказок.

Некоторые историки полагают, что эти первые африканцы в Виргинии считались такими же сервентами, как белые законтрактованные слуги⁷, привезенные из Европы. Но весьма вероятно, что, даже если они регистрировались в этом качестве (категория лиц, более понятная англичанам), воспринимали их иначе, чем белых сервентов, и относились к ним по-другому, а на деле они были рабами.

Во всяком случае, рабство быстро превратилось в обычный институт общества, в нормальный способ трудовых взаимоотношений чернокожих и белых в Новом Свете. Вместе с рабством развивалось и особое расовое чувство (будь то ненависть или презрение, сострадание или покровительство), которым сопровождалось унижительное положение чернокожих в Америке в течение последующих 350 лет, – то самое сочетание низкого статуса и унижающих идей, которое мы называем расизмом.

Все, что составляло опыт первых белых поселенцев, подталкивало их к порабощению чернокожих.

В 1619 г. виргинцы отчаянно нуждались в рабочей силе, чтобы вырастить достаточный для выживания урожай. Среди поселенцев были и те, кто пережил зиму 1609/10 г., ставшую известной как «голодное время», когда, сходя с ума от желания поесть, люди скитались по лесам в поисках орехов и ягод, вскрывали могилы и питались трупами и умирали десятками, пока в конце концов из 500 колонистов не осталось 60 человек.

В «Протоколах» палаты депутатов Виргинии есть датированный 1619 г. документ, в котором рассказывается о первых двенадцати годах существования Джеймстауна. «В первом поселении жила сотня людей, обед которых состоял из маленькой ложки ячменя. Когда в колонию прибыли новые переселенцы, продовольствия стало еще меньше. Многие жили в похожих на пещеры землянках, а зимой 1609/10 г. поселенцы... испытывая нестерпимый голод, ели то, чего не выносит сама природа, – плоть и человеческие экскременты, как наших людей, так и индейца, выкопанного некоторыми из могилы, в которой труп был похоронен три дня

⁷ Законтрактованный работник, сервент – лицо, обязанное выполнять оговоренную работу в течение определенного времени в качестве платы за оказанную ему услугу или с целью выплаты долга. В XVII–XVIII столетиях в эту категорию входили люди, добровольно подписавшие контракт, по условиям которого за их перевоз через Атлантику они обязывались работать в течение четырех-семи лет.

назад, и целиком с жадностью его пожирали; другие, кто еще не был настолько обессилен, по сравнению с теми, кого уже извел голод, лежали в ожидании, угрожая убить и съесть последних; один из таких людей умертвил свою жену, пока та спала у него на груди, разрезал ее на куски, засолил мясо и питался, пока не сожрал все части ее тела, сохранив лишь голову.».

В петиции тридцати колонистов в палату депутатов, обратившихся с жалобой на двенадцатилетнее правление губернатора сэра Томаса Смита, говорилось: «Мы утверждаем, что в эти двенадцать лет правления сэра Томаса Смита колония по большей части пребывала в великой нужде и страданиях под гнетом самых суровых и жестоких законов... Довольствие в эти времена составляло лишь восемь унций мяса на человека в день да полпинты гороха... заплесневелого, гнилого, полного паутины и личинок мух, тошнотворного для человека и негодного для тварей, что и заставило многих бежать за помощью к враждебным дикарям, за что все были подвергнуты убиению повешеньем, расстрелом и колесованием... а одному из них за кражу двух или трех пинт овсяной муки проткнули шилом язык и привязали цепями к дереву, пока он не умер от голода.».

Виргинцы нуждались в рабочей силе, чтобы вырастить кукурузу для пропитания, а табак на экспорт. Они только что узнали, как выращивать табак, и в 1617 г. отправили первую партию груза в Англию. Обнаружив, что, как все наркотики, приносящие удовольствие и не одобряемые общественной моралью, он стоит дорого, плантаторы, несмотря на свои возвышенные религиозные речи, не собирались задавать лишних вопросов по поводу того, что приносит такую прибыль.

Они не могли заставить индейцев работать на себя, как это сделал Колумб. Здесь их было меньше, и, хотя, обладая более совершенным, огнестрельным оружием, белые могли истреблять туземцев, им самим угрожало бы ответное уничтожение. Поселенцы также не могли захватывать и поработать индейцев, поскольку те были сильными, изобретательными и непокорными людьми, чувствовавшими себя дома в этих лесах, чего не скажешь об переселенцах-англичанах.

Достаточное количество белых сервентов еще не прибыло. Кроме того, они не являлись рабами и не должны были делать больше, чем отработать по контракту несколько лет, чтобы оплатить переезд и начать жизнь в Новом Свете. Что же касается свободных белых переселенцев, многие из них, будучи искусными ремесленниками или даже ничем не занимаясь в Англии, настолько не желали работать на земле, что в те ранние годы Джон Смит вынужден был ввести нечто вроде военного положения, собрать их в рабочие бригады и заставить выйти в поле, чтобы выжить.

Возможно, существовало некое вызванное собственной несостоятельностью чувство ярости за свое неумение, за превосходство индейцев в том, как позаботиться о себе, которое сделало виргинцев особенно готовыми к тому, чтобы стать рабовладельцами. Э. Морган пытается представить их настроения, когда пишет в своей книге «Американское рабство, американская свобода»:

«Если вы были колонистом, вы знали о своем технологическом превосходстве над индейцами. Вы знали, что вы были цивилизованным, а они — дикарями... Но вашего технологического превосходства было недостаточно для практических успехов. Индейцы между собой смеялись над вашими совершенными методами и жили тем, что приносила земля, с большим изобилием и меньшей затратой труда, чем вы.

...И когда ваши же люди стали бежать к ним, это было уже слишком.

...Тогда вы стали убивать индейцев, пытаться их, сжигать их деревни и кукурузные поля. Это доказало ваше превосходство, несмотря на допущенные провалы. Подобным же образом вы относились и к тем из ваших людей, кто не устоял перед образом жизни дикарей. Но вы все

равно не смогли выращивать больше кукурузы».

Чернокожие невольники дали ответ на все вопросы. И естественным стало считать импортированных негров рабами, хотя институт рабства не был упорядочен и легализован еще в течение нескольких десятилетий. Естественно потому, что к 1619 г. 1 млн. чернокожих уже был ввезен из Африки в португальские и испанские колонии Южной Америки и района Карибского моря для использования их рабского труда. За пятьдесят лет до Колумба португальцы привезли десять чернокожих африканцев в Лиссабон, и это стало началом упорядоченной работорговли. Негры из Африки уже в течение столетия считались рабами. Поэтому было бы странно, если бы те 20 чернокожих, которых насильственно доставили в Джеймстаун и продали как вещи поселенцам, нуждавшимся в стабильном источнике рабочей силы, воспринимались бы окружающими как-то иначе, чем рабы.

Их беспомощность упростила процесс порабощения. Индейцы находились на собственной земле. Белых окружала своя же европейская культура. Чернокожие были оторваны от своей земли и культуры и насильственно поставлены в положение, при котором их наследие: язык, одежда, обряды, семейные связи – постепенно подвергалось уничтожению, кроме остатков того, что они могли удержать лишь одним невероятным упорством.

Была ли их культура ниже уровнем, став таким образом легкой мишенью для разрушения? В военном отношении это так, – она не выдерживала натиска белых с их ружьями и кораблями. Но это не так ни в каком ином отношении – если не учитывать, что отличные от нас культуры часто воспринимаются как культуры более низкого уровня, особенно когда такое суждение практично и выгодно. Даже в военном отношении сказанное не совсем отражает правду: хотя европейцы смогли захватить крепости на побережье Африки, им не удалось покорить внутренние районы и пришлось договариваться с местными вождями.

Африканская цивилизация на своем пути развития достигла не меньших высот, чем европейская. В отдельных сферах она была достойна даже большего восторга; но и в этой цивилизации присутствовали жестокость, иерархические привилегии, готовность жертвовать человеческими жизнями во имя религии или выгоды. Это была цивилизация 100 млн. человек, использовавших железные орудия и развивавших сельское хозяйство. В ней существовали крупные городские центры и имелись замечательные достижения в области плетения, керамики, скульптуры.

В XVI в. европейских путешественников поражали в Африке город Тимбукту и королевство Мали⁸, где было создано стабильное и организованное общество в те времена, когда европейские государства лишь начинали свой путь к современным нациям. В 1563 г. секретарь венецианских правителей Дж. Рамузио писал итальянским купцам: «Пусть едут и ведут дела с королем Тимбукту и Мали, и нет сомнений, что они будут приняты там хорошо, когда прибудут на своих кораблях с товарами и добьются благосклонности в том, о чем просят».

В голландском отчете о западноафриканском королевстве Бенин, датированном примерно 1602 г., говорилось: «Град сей кажется очень большим, когда вы в него вступаете. Вы идете по большой и широкой немощеной улице, которая, кажется, в семь или восемь раз шире, чем улица Вармос в Амстердаме... Дома в этом Граде стоят в должном порядке, близко друг к другу и в ряд, так же как дома в Голландии».

Примерно в 1680 г. один путешественник охарактеризовал обитателей побережья

⁸ Город Тимбукту (Томбукту) был важнейшим центром торговых путей через Сахару (вплоть до начала XX в.). Мали (Мелле, Малли) – государственное образование в Западной Африке в VIII–XVII вв. на территории современных Мали и Гвинеи.

Гвинейского залива как «очень цивилизованных и добродушных людей, с которыми легко иметь дело, снисходительно относящихся к тому, что требуют по отношению к себе европейцы, весьма готовых вдвойне одарить нас в ответ на наши подарки».

Как и в Европе, в Африке было некое подобие феодализма, базирующегося на сельском хозяйстве, со своей иерархией сеньоров и вассалов. Но африканский феодализм, в отличие от европейского, не происходил от рабовладельческих обществ Греции и Рима, разрушивших древний племенной уклад. В Африке племенной образ жизни все еще был силен, и некоторые из его лучших характеристик, такие, как дух общинности, большая мягкость в законах и методах наказания, все еще существовали. И поскольку у местных феодалов не было того оружия, которым обладали европейские сеньоры, они не могли с такой же легкостью подчинять себе людей.

В своей книге «Африканская работорговля» Б. Дэвидсон сравнивает законы Конго начала XVI в. с португальским и британским законодательствами. В этих европейских странах, где набирала силу идея частной собственности, за воровство предусматривалось жестокое наказание. Так, в Англии вплоть до 1740 г. ребенка могли приговорить к повешению за кражу лоскута хлопчатобумажной ткани. В то же время в Конго, где сохранялся общинный образ жизни, идея частной собственности была инородной, и кражи наказывались штрафами и различными вариантами порабощения. Конголезский вождь, которому рассказали о португальских правовых кодексах, однажды с издевкой спросил португальца: «Каково в Португалии наказание для тех, кто ступит ногой на землю?»

В африканских государствах существовало рабство, и этим иногда пользовались европейцы, чтобы оправдать созданную ими работорговлю. Но, как отмечает Дэвидсон, «рабы» в Африке были скорее подобны европейским крепостным, т. е. большинству населения Европы. Это было жестокое крепостничество, но они обладали правами, которых не было у привезенных в Америку рабов, и они «были абсолютно непохожи на тех, кого как скот перевозили на кораблях работорговцев и держали на американских плантациях». Как писал один наблюдатель, в западноафриканском королевстве ашанти⁹ «раб мог жениться, владеть собственностью, иметь раба, давать клятву, быть полномочным свидетелем и мог со временем обрести свободу... Раб ашанти в девяти из десяти случаев становился приемным членом семьи, и со временем его потомки вливались в род владельца и заключали браки с его членами, поэтому лишь немногим было известно об их происхождении».

Работорговец Джон Ньютон (который позднее стал аболиционистским лидером), так писал о народе, населявшем территорию современного Сьерра-Леоне: «Степень рабства среди этого дикого, варварского народа, коим мы его считаем, гораздо меньше, чем в наших колониях. Поскольку, с одной стороны, у них нет возделываемых земель, подобных нашим плантациям в Вест-Индии, нет и потребности в избыточном, непрерывном труде, который истощает наших рабов. С другой стороны, никому не позволено проливать кровь даже раба».

Невольничество в Африке едва ли достойно похвалы. Но оно разительно отличалось от рабства на плантациях или шахтах обеих Америк, которое было пожизненным, калечившим морально, разрушительным для семейных уз, не оставлявшим надежд на иное будущее. В африканском рабстве отсутствовали два компонента, которые делали подневольный труд в Америке самой жестокой формой рабства в истории, а именно: безумное стремление к неограниченной прибыли, коренившееся в капиталистическом сельском хозяйстве, а также

⁹ Ашанти (асанте, асантефо, ашантийцы; самоназвание – «объединившиеся для войны») – народ группы акан в центральных районах современной Ганы.

низведение раба до того состояния, когда его переставали считать человеком, и делалось это при помощи расовой ненависти, которая зиждилась на неумолимо четко обозначенном различии цвета кожи – белый всегда был хозяином, а чернокожий – рабом.

На самом деле именно потому, что африканские негры являлись представителями устоявшейся культуры с ее племенными обычаями и семейными узами, общинной жизнью и традиционными ритуалами, эти люди чувствовали себя особенно беспомощными, оказавшись вне этой культурной среды. Их захватывали во внутренних районах (часто этим занимались сами африканцы, вовлеченные в работорговлю), продавали на побережье, затем бросали в загоны вместе с представителями других племен, часто говорившими на разных языках.

Условия захвата и продажи были убедительным подтверждением беззащитности чернокожего африканца перед лицом превосходящей силы. Перемещение к побережью рабов, скованных между собой цепями на шее, под свист кнута и под угрозой оружия, зачастую на расстояние 1 тыс. миль, представляло собой «марш смерти», во время которого погибали двое из каждых пяти человек. По прибытии на место захваченных людей держали в клетках до момента осмотра и продажи. В конце XVII в. некто Джон Барбот так описывал эти сооружения на Золотом Берегу:

«Когда рабов приводят из внутренних районов в Фиду, их помещают в клетку или тюрьму... рядом с берегом, а когда европейцы приходят за ними, их выводят на большой пустырь, где этих людей подробно обследуют судовые врачи, разглядывая каждого, от ребенка до мужчин и женщин, стоящих обнаженными... Тех, кого сочли подходящими и здоровыми, отводят в одну сторону... ставя на грудь раскаленными железными клеймами знаки французских, английских или голландских компаний... После этого клейменных рабов загоняют обратно в клетки, где они ожидают отправки, иногда в течение 10–15 дней».

Затем их группами размещали на борту невольничьих судов, в пространстве не больше гроба, прикованными друг к другу, в темноте, в сырой слизи корабельного трюма, задыхающимися в зловонии собственных экскрементов. Документы того времени так описывают эти условия:

Иногда высота между палубами составляла лишь восемнадцать дюймов; поэтому несчастные не могли повернуться, даже по бокам высота была меньше ширины плеч; они обычно были прикованы к палубе за шею и ноги. В таком месте ощущение страдания и удушья столь велико, что доводило негров... до безумия.

Однажды, услышав сильный шум из трюма, где находились скованные чернокожие, матросы открыли люки и обнаружили рабов на разных стадиях удушья, много мертвых; некоторые из них убили друг друга в отчаянной попытке ухватить глоток воздуха. Часто невольники прыгали за борт, предпочитая утонуть, чтобы прекратить страдания. По словам одного наблюдателя, палуба, где находились рабы, «была настолько покрыта кровью и слизью, что напоминала скотобойню».

В этих условиях умирал примерно каждый третий чернокожий, перевозимый через океан, но огромные прибыли (часто вдвое превышавшие затраты на один рейс) делали это предприятие выгодным для работорговца, и поэтому трюмы, как рыбной, были набиты неграми.

Ведущую роль в работорговле играли поначалу голландцы, затем англичане. (К 1795 г. свыше ста судов, занимавшихся перевозкой невольников, было приписано к Ливерпулю, что составляло около половины всей европейской работорговли.) Занялись этим бизнесом и некоторые американцы из Новой Англии, и в 1637 г. первый американский невольничий корабль под названием «Желание» отплыл из порта Марблхед. Его трюмы были поделены на отсеки каждый площадью 2х6 футов с ножными кандалами и решетками.

К 1800 г. в Северную и Южную Америку было перевезено от 10 до 15 млн. чернокожих

или около трети захваченных в Африке людей. По приблизительным подсчетам, в течение столетий, которые мы считаем началом современной западной цивилизации, от рук западноевропейских и американских работорговцев и плантаторов, т. е. представителей стран, считающихся самыми прогрессивными в мире, Африка потеряла убитыми и угнанными в рабство 50 млн. человек.

В 1610 г. католический священник, служивший на американском континенте, некто отец Сандоваль, написал церковному функционеру в Европу, задав вопрос, соответствуют ли захват, перевозка и само порабощение африканцев церковной доктрине. В письме от брата Луиса Брандаона, датированном 12 марта 1610 г., дается такой ответ:

«Ваше преподобие пишете мне, что Вы хотели бы знать, законно ли захвачены негры, которых отправляют в Ваши края. На это могу ответить, что полагаю, что Вашему преподобию не стоит проявлять колебания по этому поводу, поскольку этот вопрос рассматривался на Соборе Совести в Лиссабоне, а все его члены – ученые и совестливые мужи. Ничего плохого в этом не нашли и епископы Сан-Томе, Кабо-Верде и здесь, в Луанду, – все это ученые и добродетельные мужи.

Мы здесь находимся уже сорок лет, и среди нас были и есть очень просвещенные мужи... никогда они не считали торговлю недозволенной. Поэтому мы и святые отцы из Бразилии покупаем этих рабов для своих нужд без всяких колебаний.»

Учитывая все это: отчаянную нужду джеймстаунских поселенцев в рабочей силе, невозможность использования индейцев и сложности с привлечением к работе белых, доступность чернокожих рабов, выставлявшихся на продажу во все возрастающих количествах алчущими прибылями торговцами человеческой плотью, а также возможность держать африканцев под контролем, поскольку они только что пережили такие ужасы, которые если и не убили их, то привели в состояние психической и физической беспомощности, – стоит ли удивляться тому, что пришло время для порабощения негров?

А в этих условиях, даже если некоторых чернокожих можно было считать сервентами, относились бы к ним так же, как к белым законтрактованным слугам?

Из материалов судебных архивов колониальной Виргинии, например, следует, что в 1630 г. некий белый по имени Хью Дэвис был приговорен к «суровому бичеванию... за то, что надругался над самим собой... осквернив свое тело тем, что прилег рядом с негром». Десять лет спустя шестеро сервентов и «негр мистера Рейнолдса» предприняли попытку побега. Притом что белые получили более легкие наказания, «негр Эммануэль подвергся тридцати ударам, на щеке его была выжжена буква R, и он должен был проработать закованным в цепи один год или более, на усмотрение своего хозяина».

Хотя в эти первые годы рабство еще не было упорядочено или легализовано, в списках сервентов чернокожие перечислены отдельно. Закон, принятый в 1639 г., предписывал «всем лицам, кроме негров» обзавестись оружием и боеприпасами (скорее всего, для защиты от индейцев). Когда в 1640 г. трое сервентов попытались бежать, двух белых наказали, продлив срок действия их контрактов. Но, как постановил суд, «третий [беглец], негр по имени Джон Панч, должен служить своему хозяину или его правопреемникам до конца своего земного бытия». В том же, 1640 г. имело место дело чернокожей служанки, которая родила ребенка от белого Роберта Суита. Суд постановил, что «указанная негрityанка должна быть подвергнута наказанию кнутом у позорного столба, а указанный Суит должен завтра до полудня публично покаяться в своем преступлении в городской церкви Иакова».

Было ли такое неравное отношение, представлявшее собой сочетание презрения и угнетения, чувства и действия, которое мы называем «расизмом», результатом «естественной» антипатии белых к черным? Вопрос этот важен не только в целях установления исторической

точности, но и потому, что любое подчеркивание «естественности» расизма облегчает ответственность социальной системы за него. Ведь если нельзя показать естественный характер расизма, то он является результатом определенных условий, а значит, их можно устранить.

У нас нет возможности проверить, как белые и черные относились бы друг к другу при благоприятной ситуации, когда бы в истории не существовали подчинение, денежные мотивы для эксплуатации и порабощения, отчаянное стремление к выживанию, требовавшее подневольной рабочей силы. Однако жизнь белых и чернокожих в Америке XVII в. была как раз прямо противоположной такому ходу событий, и все условия сильно способствовали возникновению антагонизма и жестокого обращения. При этом даже малейшее проявление независимой от расы гуманности могло бы восприниматься как основное человеческое стремление к общности.

Иногда отмечается, что даже до XVII в., когда только началась работорговля, в буквальном и переносном смысле заклеившая африканцев, черный цвет считался признаком безвкусицы. До 1600 г. в Англии, согласно Оксфордскому словарю английского языка, он имел следующее значение: «Глубоко въевшиеся пятна грязи; запачканный, замаранный, грязный; имеющий темные или смертельно опасные цели, зловерный; относящийся к смерти или подразумевающий смерть, смертоносный; губительный, бедственный, злополучный; бесчестный, несправедливый, ужасный, ужасно порочный; относящийся к бесчестию, осуждению, ответственности в форме наказания и т. п.». А в поэзии елизаветинской эпохи белый цвет часто символизировал красоту.

Возможно, что за неимением другого доминирующего фактора темнота и черный цвет, ассоциируемые с ночью и неизвестностью, получили упомянутые значения. Но присутствие иного человеческого существа – важный факт, и условия такого присутствия являются определяющими в том, превращается ли в жестокость и ненависть изначальный предрассудок лишь против цвета кожи, неприменяемый к человечеству.

Несмотря на такие предвзятые мнения о черном цвете, несмотря на особую зависимость негров в Северной и Южной Америке в XVII в., существуют свидетельства того, что когда белые и чернокожие сталкивались с общими проблемами, сообща работали, видели общего врага в своем хозяине, тогда они относились друг к другу как равные. Как пишет об этом исследователь рабства К. Стэмп, черные и белые сервенты в XVII столетии были «удивительным образом безразличны к очевидным физическим различиям между собой».

Чернокожие и белые работали и отдыхали вместе. Сам факт того, что через некоторое время власти вынуждены были принять законы, запретившие такие взаимоотношения, указывает на силу этой тенденции. В 1661 г. в Виргинии был принят закон, по которому «в случае, если какой-либо сервент-англичанин совершит побег вместе с одним или несколькими неграми», он должен будет отработать дополнительный срок и хозяину беглого чернокожего. В 1691 г. та же колония предусмотрела изгнание любого «белого мужчины или женщины, который или которая, будучи свободными, вступят в брак с негром, мулатом, индейским мужчиной или женщиной, зависимым или свободным».

Существует огромная разница между ощущением расовой чужеродности, возможно страха, и массовым порабощением миллионов африканцев, имевшим место в Северной и Южной Америке. Переход от первого ко второму нельзя объяснить лишь «естественными» тенденциями, но его нетрудно понять, если рассматривать как результат сложившихся исторических условий.

Рабство развивалось вместе с эволюцией плантационной системы. Легко проследить истоки этого, восходящие к тому, что отличается от естественной расовой антипатии: количество прибывавших белых, будь то свободные люди или сервенты (по контрактам,

которые заключались на четыре-семь лет), было недостаточным, для того чтобы удовлетворить потребности плантаций. К 1700 г. в Виргинии было 6 тыс. рабов, что составляло двенадцатую часть населения. К 1763 г. там находилось уже 170 тыс. чернокожих невольников, т. е. около половины жителей колонии.

Африканцев было легче сделать рабами, чем индейцев. Однако поработить первых было непросто. С самого начала ввезенные чернокожие мужчины и женщины сопротивлялись своему положению. В конечном итоге их борьба оказалась под контролем, и на Юге рабами были 4 млн. негров. Тем не менее в самых тяжелых условиях, испытывая боль увечий и утрат, эти афроамериканцы продолжали восставать в течение двухсот лет существования рабства в Северной Америке. Лишь время от времени это сопротивление носило характер организованного восстания. Чаще чернокожие рабы выражали свое нежелание сдаться побегами. Еще чаще они организовывали саботаж, снижали темп работы, использовали другие незаметные формы сопротивления, отстаивая свое человеческое достоинство даже в случаях, когда свидетелями этому были лишь сами борцы и их братья и сестры.

Такая форма сопротивления, как отказ подчиняться, имела место еще в Африке. Один работорговец сообщал, что негры были «настолько своенравными и не желавшими покидать свою страну, что часто прыгали в море за борт каноэ, шлюпки или судна и оставались под водой, пока не тонули».

В 1503 г., когда самых первых чернокожих невольников привезли на Эспаньолу, испанский губернатор острова пожаловался в испанский суд, что беглые негры-рабы подают пример неповиновения индейцам. В 20-х и 30-х гг. XVI в. восстания рабов происходили на Эспаньоле, в Пуэрто-Рико, Санта-Марте и на территории современной Панамы. Вскоре после этих выступлений испанцы создали специальную полицию для охоты за беглецами.

В законе, принятом в 1669 г. в Виргинии, говорилось об «упрямстве многих из них», а в 1680 г. законодательная ассамблея обратила внимание на собрания рабов «под предлогом празднеств и ссор», что было сочтено «имеющим опасные последствия». В 1687 г. в районе Северного перешейка колонии был раскрыт заговор, участники которого планировали убить всех местных белых поселенцев и бежать во время массовых похорон.

Дж. Маллин, изучавший сопротивление рабов в Виргинии XVIII столетия, пишет в своей работе «Побег и мятеж»: «В дошедших до нас источниках о рабстве в Виргинии XVIII в. – архивных материалах плантаций и графств, газетных объявлениях о розыске беглых рабов – даются описания мятежных невольников и некоторых других категорий. Рабы характеризуются как ленивые и вороватые; они притворялись больными, уничтожали урожай, хранилища и инструменты, иногда нападали на надсмотрщиков и убивали их. Невольники тайно торговали краденым. Беглых рабов делили на несколько типов: лентяи (такие обычно добровольно возвращались к хозяину), «разбойники»... и рабы, которые на самом деле были беглецами, – те, кто бежал, чтобы увидеться с родственниками; те, кто уходил в город, выдавая себя за свободных, или те, кто хотел навсегда освободиться, попав на отплывавшее из колонии судно либо собравшись вместе для строительства поселков или ища убежищ на фронтире. Убеждения мятежных рабов другого типа были непоколебимы: эти люди становились убийцами, поджигателями и повстанцами».

Невольники, недавно привезенные из Африки и все еще сохранявшие наследие своего общинного строя, убегали группами и пытались основать селения для беглецов в диких местах, на границе. С другой стороны, рабы, родившиеся в Америке, предпочитали бежать в одиночку и, обладая навыками, которым обучились на плантации, старались выдавать себя за свободных.

В английских колониальных документах есть отчет 1729 г. вице-губернатора Виргинии британской Торговой палате, в котором говорится о том, что «несколько негров, около

пятнадцати человек... сговорились бежать от хозяина и обосноваться в цитадели соседних гор. Они нашли способ заполучить некоторое количество оружия и боеприпасов, взяли с собой часть провизии, свою одежду, постельное белье и рабочие инструменты... Хотя, к счастью, эта попытка была пресечена, она все же должна побудить нас к некоторым эффективным мерам».

Рабство было очень выгодно некоторым рабовладельцам. Вскоре после Американской революции Джеймс Мэдисон рассказал английскому гостю, что ему удавалось зарабатывать 257 долларов в год с каждого негра, тратя на его содержание лишь 12–13 долларов. Другой точки зрения придерживался рабовладелец Лэндон Картер, который за пятьдесят лет до этого писал, жалуясь на то, что его невольники настолько пренебрегали своей работой и были настолько не склонны к сотрудничеству («или не могли, или не желали работать»), что он начал размышлять, а стоило ли вообще содержать их.

Исходя из того что организованные восстания были редки, а на Юге удалось сохранять институт рабства в течение двухсот лет, некоторые историки представляют такую картину: рабы смирились со своим положением; их африканские корни были уничтожены, и, по словам С. Элкинса, они превратились в «самбо»¹⁰, «общество беспомощных и зависимых» людей. Или, как отмечал другой историк У. Филлипс, чернокожие смирились «с подчинением по расовому признаку». Но при целостном взгляде на образ действий рабов, на сопротивление, имевшее место в повседневной жизни, от безмолвного нежелания работать до побегов, картина становится иной.

В 1710 г., предупреждая законодательную ассамблею Виргинии, губернатор Александр Спотсвуд заявил: «...свобода ходит в колпаке, который может, не имея языка, привлечь всех, кто страстно желает сбросить оковы рабства, и сам такой бунт будет безусловно сопровождаться столь ужасающими последствиями, что, я думаю, нам вовсе не преждевременно принять меры против такового, как укрепив самооборону, так и создав закон, предотвращающий сборища этих негров».

В самом деле, учитывая жестокость наказания за побег, тот факт, что так много черных бежало, является признаком настойчивого бунтарства. В XVIII столетии в виргинских кодексах о рабах говорилось:

«Ввиду того что невольники часто убегают и прячутся, притаившись на болотах, в лесах и в других укромных местах, убивая свиней и нанося иной ущерб жителям... если раб не возвращается немедленно, то любой может убить или уничтожить таких рабов теми методами и способами, которые он... сочтет нужным... Если же раб будет пойман... должно быть... признано законным суду графства назначить такое наказание указанному рабу, будь то расчленение или иное... какое они [эти суды] сочтут уместным, в целях перевоспитания любого такого неисправимого раба и устрашения прочих от подобных деяний».

Дж. Маллин обнаружил в газетных объявлениях за 1736–1801 гг. сведения о побегах 1138 мужчин и 141 женщины. Постоянной причиной данного явления было стремление найти членов своей семьи, а это говорит о том, что, несмотря на усилия рабовладельческой системы по уничтожению родственных уз, включая запреты браков и разделение семей, рабы готовы были идти на смерть и увечья ради воссоединения.

В Мэриленде, где в 1750 г. невольники составляли около трети населения, рабство было узаконено с 60-х гг. XVII в., и были приняты законы о контроле над мятежными рабами. Там имели место случаи, когда рабыни убивали своих хозяев, иногда отравляя их, иногда сжигая

¹⁰ От *zambo* (исп.) – название потомков от браков между неграми (или мулатами) и индейцами. Понятие нередко применяется в более широком смысле (человек смешанного происхождения, среди предков которого были африканцы).

табачные фермы и дома. В качестве наказания применялись различные меры – от бичевания и клеймения до смертной казни, – но волнения продолжались. В 1742 г. семь невольников были казнены за убийство хозяина.

Страх перед восстанием рабов представляется постоянным фактором жизни на плантации. В 1736 г. состоятельный виргинский рабовладелец Уильям Берд писал:

«У нас уже по меньшей мере 10 тыс. этих потомков Хама¹¹, способных держать в руках оружие, и число их возрастает каждодневно, как за счет рождения, так и за счет ввоза. А в случае если среди них появится отчаянный человек, он может с большими преимуществами, чем Каталина, поднять восстание рабов... и окрасить наши широкие реки кровью».

Это была сложная и мощная система контроля, созданная рабовладельцами для пополнения и сохранения рабочей силы и собственного образа жизни, система одновременно изысканная и грубая, использующая весь инструментарий общественного порядка для удержания власти и благосостояния. К. Стэмп пишет: «Мудрый хозяин не воспринимал всерьез мнение, будто негры – прирожденные рабы. Его не просто было провести. Он знал, что невольники, только что ввезенные из Африки, должны были быть приучены к кабале, что каждое следующее поколение необходимо было тщательно готовить.

Это было непростой задачей, так как рабы редко подчинялись по доброй воле. Более того, они редко смирялись полностью. В большинстве случаев контроль никогда нельзя было ослаблять – по крайней мере до тех пор, пока преклонный возраст не делал невольника беспомощным.

Система имела психологический и одновременно физический характер воздействия. Рабов приучали к дисциплине, вновь и вновь внушали им мысли о собственной неполноценности и необходимости «знать свое место», считать черный цвет кожи признаком подчинения, испытывать благоговейный страх перед властью хозяина, полагать, что интересы хозяина являются своими единственными интересами. Достижению этих целей служили тяжелый труд, разделение семьи раба, убаюкивающее воздействие религии (которая иногда, по словам одного рабовладельца, наносила «большой вред»), создание разобщенности среди невольников путем деления их на полевых работников и более привилегированных домашних слуг и, наконец, вся сила закона и физическая сила надсмотрщика, угрожающие бичеванием, сожжением, увечьями и смертью. Виргинским Кодексом 1705 г. было предусмотрено расчленение заживо. В Мэриленде в 1723 г. был принят закон, предусматривавший отрезание ушей черному, поднявшему руку на белого, а за более серьезные преступления рабы подлежали смертной казни через повешение, а их тела следовало четвертовать и выставить напоказ.

И все же восстания имели место – их было немного, но достаточно, чтобы вызывать постоянный страх среди белых плантаторов. Первое крупномасштабное восстание в североамериканских колониях произошло в Нью-Йорке в 1712 г. Чернокожие невольники составляли десятую часть населения Нью-Йорка, что было самым большим соотношением в северных колониях, где экономические условия обычно не требовали большого числа полевых рабов. Примерно 25 черных и 2 индейца подожгли дом, затем убили подошедших на место 9 белых. Восставших схватили солдаты, их осудили, и 21 человек был казнен. В докладе губернатора, отправленном в Англию, говорилось: «Одних сожгли, других повесили, одного колесовали, одного живьем повесили в городе на цепях». В назидание другим рабам один из восставших был подвергнут сожжению на медленном огне в течение восьми-десяти часов. В

¹¹ Хам (*др. – евр.* темный, загорелый, смуглый) (Быт. 6:10) – один из трех сыновей Ноя. Непочтительно отнесся к своему отцу, вследствие чего был им проклят. Считается, что Ассирия и Египет были основаны потомками Хама.

письме, отправленном в Лондон из Южной Каролины в 1720 г., сообщалось: «Хочу ознакомить Вас с тем, что совсем недавно у нас имел место очень опасный и варварский заговор группы негров с целью уничтожить всех белых людей в стране, а затем полностью захватить Чарлз Таун, но Богу было угодно, чтобы он был раскрыт; многие заговорщики пленены, некоторые сожжены и повешены, а другие изгнаны».

Примерно в это же время в Бостоне и Нью-Хейвене произошел ряд пожаров, виновниками которых считали негров-рабов. В результате в Бостоне был повешен чернокожий, а городской совет постановил, что любые рабы, которые самостоятельно собирались группами от двух человек и более, подлежали наказанию кнутом.

В 1739 г. в местечке Стоно (Южная Каролина) восстали приблизительно 20 рабов, которые убили двух охранников склада, выкрали ружья и порох и двинулись на юг, убивая людей и сжигая дома на своем пути. К ним присоединялись другие невольники, пока численность восставших не составила около 80 человек. Согласно имеющимся свидетельствам очевидцев, «они призывали к Свободе, маршировали с развернутым флагом и под бой двух барабанов». Местное ополчение обнаружило и атаковало их. В завязавшемся бою погибли около 50 рабов и 25 белых, прежде чем восстание было подавлено.

Г. Аптекер, подробно исследовавший сопротивление невольников в Северной Америке в своей книге «Восстания американских негров-рабов», обнаружил свидетельства около 250 случаев, когда в заговоре или бунте принимали участие, как минимум, десять рабов.

Время от времени на стороне черных невольников в их борьбе принимали участие белые. Еще в 1663 г. белые сервенты и негры-рабы графства Глостер в Виргинии вступили в заговор с целью восстания и обретения свободы. Этот заговор был выдан властям и закончился казнями. Дж. Маллин пишет, что в газетных объявлениях о беглых рабах в Виргинии часто содержались предупреждения «враждебно настроенным» белым о последствиях укрывательства беглецов. Иногда рабы и фримены¹² бежали вместе или были соучастниками преступлений. Случалось, что чернокожие рабы-мужчины убегали вместе с белыми женщинами. Время от времени капитаны и лодочники давали прибежище беглым рабам, делая их членами команды.

В 1741 г. в городе Нью-Йорке насчитывалось 10 тыс. белых сервентов и 2 тыс. черных рабов. Стояла тяжелая зима, и бедняки – невольники и свободные – испытывали большие лишения. Когда произошли загадочные пожары, чернокожих и белых обвинили в совместном заговоре, и началась массовая истерия, направленная на обвиняемых. После судебного процесса, на котором доминировали сенсационные обвинения со стороны информаторов и выбитые силой признания, двое белых мужчин и две белые женщины были казнены, также были повешены 18 рабов, а еще 13 невольников сожжены заживо.

В новых американских колониях только один страх был сильнее страха перед восстанием негров. Это страх перед тем, что недовольные белые присоединятся к чернокожим рабам, чтобы низвергнуть существующий порядок. Особенно в первые годы функционирования рабовладельческой системы, когда расизм еще не укоренился как образ мышления, а к белым сервентам часто относились так же плохо, как к неграм-рабам, существовала вероятность их совместных действий. Вот как представляет это Э. Морган: «Есть намеки на то, что две группы презренных изначально видели друг друга разделяющими одну судьбу. Например, среди сервентов и рабов были обычным делом совместные побеги, похищение свиней, попойки. Среди них не было необычным предаваться совместным любовным утехам. Во время восстания

¹² Фримены (от англ. Freeman – свободный человек) – люди, самостоятельно оплатившие переезд в Новый Свет.

Бэкона один из последних сдавшихся в плен отрядов состоял из восьмидесяти негров и двадцати сервентов-англичан».

Как считает Морган, хозяева рабов, «по крайней мере изначально, воспринимали рабов примерно так же, как сервентов... считая их бестолковыми, безответственными, неверными, неблагодарными, бесчестными». И «если фримены, чьи надежды не оправдались, объединятся с невольниками, которым нечего терять, результаты могут быть хуже всего того, что сотворил Бэкон».

Поэтому принимались соответствующие меры. Примерно в то же время, когда законодательной ассамблеей Виргинии были приняты кодексы о рабах, предусматривавшие дисциплинарные меры и наказания, правящий класс колонии, провозгласивший верховенство всех белых над чернокожими, пошел дальше, предложив представителям низших классов (но с белым цветом кожи) целый ряд поблажек, в которых им ранее было отказано. В 1705 г. был принят закон, требовавший от хозяев предоставлять белым сервентам, срок контракта с которыми заканчивался, до 10 бушелей зерна, 30 шиллингов и ружье, а женщины, отработавшие по контракту, получали 15 бушелей зерна и 40 шиллингов. Также недавно освобожденным сервентам полагался надел в 50 акров земли.

Морган приходит к следующему заключению: «Как только владелец небольшой плантации чувствовал меньший налоговый гнет и начинал понемногу процветать, он становился менее беспокойным, менее опасным, более респектабельным. Он мог увидеть в более состоятельном соседе не вымогателя, а сильного защитника их общих интересов».

Теперь мы видим сложную паутину исторических нитей, заманившую чернокожих в сети рабства в Америке: отчаяние голодавших поселенцев, особую беспомощность оторванных от родины африканцев, мощные мотивы выгоды работорговцев и плантаторов, соблазн более высокого статуса для белых бедняков, тщательно продуманные меры контроля по предотвращению побегов и бунтов, юридическое и общественное наказание за сотрудничество между чернокожими и белыми.

Суть заключается в том, что элементы этой паутины обусловлены историей, а не являются «естественными». Это не означает, что их можно легко распутать и устранить. Это означает одно: существует возможность того, что обстоятельства сложатся иначе в других исторических условиях. Одним из таких условий было бы устранение той классовой эксплуатации, которая заставляла белых бедняков стремиться к повышающим их статус подачкам и предотвратила возможность единства черных и белых, необходимого для совместного восстания и пересмотра устоев.

Примерно в 1700 г. палата депутатов Виргинии провозгласила: «Сервенты-христиане в этой стране – по большей части худшие представители народов Европы. И поскольку... сюда в таком количестве прибыли ирландцы и представители других наций, многие из которых участвовали в недавних войнах, то в наших нынешних обстоятельствах мы едва в состоянии управлять ими, а если бы в их распоряжении было оружие и при попустительстве хозяев эти люди смогли бы объединиться, тогда нам бы следовало справедливо опасаться, что они восстанут против нас».

Это было своего рода проявление классового сознания, классового страха. В первые годы существования Виргинии и других колоний происходили события, подтверждавшие эту тревогу.

Злобные и низкие люди

В 1676 г., спустя 70 лет после основания Виргинии и за столетие до того, как она сыграла

ведущую роль в Американской революции, в колонии произошло восстание белых жителей пограничья, к которым присоединились рабы и сервенты. Угроза этого восстания была столь велика, что губернатору пришлось бежать из горящей столицы – Джеймстауна, а в Англии решили отправить через Атлантику 1 тыс. солдат, надеясь таким образом сохранить порядок среди 40 тыс. колонистов. События вошли в историю как восстание под предводительством Натаниэла Бэкона. После того как бунт подавили, Бэкон умер, а его сподвижники были казнены, в отчете Королевской комиссии об этом человеке сообщалось следующее:

«Говорили, что ему 34 или 35 лет, он среднего роста, но строен, у него черные волосы, и в его задумчивости и печали присутствует нечто зловещее, ему свойственны губительные и всегда очень логичные атеистические высказывания... Он заставил грубых и невежественных людей (а таких в каждом графстве было две трети) поверить в то, что все их надежды и чаяния связаны с Бэконом. Затем этот человек обвинил губернатора в том, что тот беспечен и нечестив, вероломен и ни на что не способен, назвал законы и налогообложение несправедливыми и тяжелыми и провозгласил абсолютную необходимость перемен».

Таким образом, Бэкон вдохновил мятеж, и, когда возбужденная толпа пошла за ним, сохраняя верность, он слушал единомышленников, когда они составляли длинное обращение и ставили под ним подписи по кругу, с тем чтобы зачинщиков впоследствии было невозможно определить. Заверожив и заманив их в этот круг, угостив бренди, чтобы закончить свой магический обряд, Бэкон связал этих людей клятвой верности друг другу и ему самому, и эта клятва была принесена. Затем он отправился в графство Нью-Кент, чтобы поднять там восстание.

Восстание Бэкона началось с конфликта по поводу того, что делать с индейцами, которые жили поблизости, у западных границ колонии, постоянно угрожая ей. Белые поселенцы, чьи интересы были проигнорированы при распределении огромных земельных наделов вокруг Джеймстауна, ушли в поисках свободных земель на запад, где и столкнулись с коренными жителями Америки. Были ли эти виргинцы из пограничных районов возмущены тем, что политиканы и земельные аристократы, контролировавшие колониальную власть в Джеймс-тауне, сначала вытолкнули их на западные индейские земли, а потом проявляли нерешительность в борьбе с аборигенами? Этим можно объяснить характер бунта, который сложно классифицировать как антиаристократическое или антииндейское выступление, поскольку в нем были элементы и того, и другого.

А губернатор Уильям Беркли со своей джеймстаунской свитой – не заняли ли они более примирительную позицию по отношению к индейцам (ведь некоторых из этих людей они сделали своими шпионами и союзниками), после того как монополизировали земли на востоке, чтобы использовать белых жителей фронта как буфер и гарантов необходимого мира? Похоже, что у властей в их отчаянных усилиях по подавлению восстания был двойной мотив: с одной стороны, выработка политики в отношении туземцев, которая вызвала бы среди племен раскол, с целью установления контроля над ними (ведь в Новой Англии в то же самое время сын вождя Массасойта Метакком угрожал объединить под своим началом племена и нанести серьезный ущерб поселениям пуритан в «войне короля Филиппа»); с другой – необходимо было приучить белых бедняков в Виргинии к мысли, что от восстания нет проку, показав превосходящие силы, вызвав подкрепление из самой Англии и устроив массовые повешения.

Эскалация насилия происходила на фронтире и до мятежа. Группа индейцев доэгов забрала несколько домашних свиней для возмещения долга, и белые, вызволяя животных, убили двух туземцев. Тогда доэги убили белого пастуха, после чего отряд белых ополченцев уничтожил 24 индейца. В свою очередь это привело к индейским набегам, численно превосходившие поселенцев аборигены прибегли к партизанским методам. Палата депутатов в

Джеймстауне объявила краснокожим войну, одновременно предложив не трогать тех из них, кто склонится к сотрудничеству. Похоже, это разозлило жителей пограничья, которые требовали тотальной войны, но при этом сопротивлялись повышению налогов на оплату военных расходов.

Жизнь в 1676 г. была тяжелой. «Это было время истинной нужды, настоящей бедности... Все тогдашние источники указывают на то, что огромная масса людей находилась в очень стесненном материальном положении», – пишет У. Уошберн, который, используя английские колониальные архивы, провел исчерпывающее исследование восстания Натаниэла Бэкона. Стояло сухое лето, уничтожившее урожаи маиса, этой важнейшей продовольственной культуры, и табака, необходимого для экспорта. Семидесятилетний губернатор Беркли, уставший от своих должностных обязанностей, утомленно писал: «Как несчастен тот, кому довелось управлять народом, в котором шесть из семи человек бедны, погрязли в долгах и вооружены».

Его фраза «шесть из семи» наводит на мысль о существовании высшего класса, не так затронутого бедностью. И в самом деле, такой класс в Виргинии уже развивался. Сам Бэкон, имевший крупный земельный надел, был представителем этого класса и, наверное, с большим энтузиазмом убивал бы индейцев, чем восстанавливал справедливость от имени бедняков. Но ему суждено было стать символом массового недовольства виргинским истеблишментом, и весной 1676 г. Бэкона избрали в палату депутатов. Когда он стал настаивать на том, чтобы организовать не подчиняющиеся официальным властям вооруженные отряды для борьбы с индейцами, губернатор назвал его мятежником и арестовал. После этого 2 тыс. виргинцев вошли в Джеймстаун, чтобы поддержать Бэкона. Беркли освободил его в обмен на извинения со стороны последнего, но Бэкон не остановился, собрал свой отряд милиции¹³ и принялся совершать рейды против индейцев.

Провозглашенная в июле 1676 г. руководителем восстания «Декларация народа» представляет собой смесь популистского недовольства богачами и характерной для фронта ненависти к индейцам. В ней правительство Беркли обвинялось во взимании несправедливых налогов, фаворитизме при распределении высоких постов, монополизации торговли бобровыми шкурками, а также в том, что оно не защищало фермеров западных районов от индейцев. После этих заявлений Бэкон напал на дружественно настроенных туземцев племени паманки, убив восемь человек, пленив остальных и разграбив их имущество.

Факты подтверждают, что как рядовые бойцы мятежной армии Бэкона, так и рядовые солдаты, подчиненные официальным властям Беркли, не испытывали такого энтузиазма, как их вожди. По данным У. Уошберна, с обеих сторон были случаи массового дезертирства. Осенью Бэкон, которому тогда было 29 лет, заболел и умер, так как, по свидетельству современника, в «теле его завелись тучи паразитов». Священник, явно ему не симпатизировавший, написал такую эпитафию:

Бэкон мертв,
И сердцем мне жаль,
Что вши и хвори
Сыграли роль палача.

---

¹³ Милиция – местное ополчение в североамериканских колониях Англии, позднее в США. Отряды милиции стали прообразом современных военизированных формирований в штатах, составляющих так называемую Национальную гвардию.

Восстание вскоре прекратилось. Корабль, на борту которого находилось 30 вооруженных ружьями человек и который курсировал по реке Йорк, стал базой обеспечения порядка, а его капитан Томас Грэнтам силой и обманом разоружал оставшихся бунтовщиков. Приблизившись к главному гарнизону восставших, он обнаружил 400 вооруженных англичан и негров, где вместе были и свободные, и сервенты, и рабы. Грэнтам обещал простить всех, а невольникам и законтрактованным слугам дать свободу, после чего гарнизон сложил оружие и рассеялся, за исключением 80 негров и 20 англичан, настоявших на том, чтобы сохранить свое оружие. Капитан обещал довести их до гарнизона вниз по реке, но, как только эти люди поднялись на борт, взял их под прицел своих орудий, разоружил и позже передал рабов и сервентов их хозяевам. Оставшиеся гарнизоны были ликвидированы по одиночке один за другим. Двадцать три лидера восставших были повешены.

В Виргинии существовала сложная цепочка угнетения. Индейцев грабили белые покорители фронта, которых, в свою очередь, облагала налогами и контролировала элита Джеймстауна. И вся колония целиком эксплуатировалась Англией, закупавшей там табак по установленным ею же ценам и ежегодно зарабатывавшей для короля по 100 тыс. фунтов стерлингов. Сам Беркли, вернувшийся в метрополию за несколько лет до описываемых событий, чтобы выступить против английских Навигационных актов¹⁴, которые предоставляли британским купцам монополию на колониальную торговлю, говорил: «...мы не можем не возмущаться тем, что 40 тыс. человек должны нести убытки ради обогащения каких-то 40 торговцев, которые, являясь единственными покупателями табака, платят нам за него столько, сколько сочтут нужным, а потом продают его по ценам, которые им нравятся, и таким образом имеют в нашем лице 40 тыс. сервентов, работающих за меньшую плату, чем та, за которую трудятся рабы на рабовладельцев».

Из показаний Беркли следует, что восстание против него опиралось на повсеместную поддержку жителей Виргинии. Член губернаторского совета отмечал, что ренегатство было «почти всеобщим», и связывал это с «подлым характером некоторых отчаявшихся людей», которые имели «напрасные надежды на то, что смогут вырвать всю страну из рук Его Величества и взять в свои руки». Другой член этого же совета, Ричард Ли, отмечал, что восстание Бэкона началось в связи с политикой в отношении индейцев. Но «рьяная поддержка» Бэкона большинством людей была связана, по его словам, с «надеждами на сглаживание различий».

Под «сглаживанием» понималось равномерное распределение богатства. Идея уравниательства стояла за бесчисленными выступлениями белой бедноты против состоятельных людей во всех английских колониях еще за полтора столетия до революции.

Сервенты, которые присоединились к восстанию Бэкона, были частью многочисленного низшего класса несчастных белых бедняков, прибывших в североамериканские колонии из европейских городов, власти которых были счастливы от них избавиться. В Англии развитие торговли и капитализма в XVI–XVII вв., огораживание земель для производства шерсти привели к наполнению городов скитающимися бедняками, и со времен правления Елизаветы I принимались законы, каравшие этих людей и предписывавшие отправлять их в работные дома или в ссылку. В ту эпоху в когорту этих «негодяев и бродяг» включали:

¹⁴ Навигационные акты, или законы о мореплавании, – 29 актов, принятые английским парламентом в 1651–1761 гг. и имевшие целью поставить колонии в полную торгово-экономическую зависимость от метрополии. Жесткое требование Великобритании исполнять эти акты после 1763 г. вызвало напряженность в отношениях между метрополией и ее 13 североамериканскими колониями и в конце концов стало прологом Войны за независимость 1775–1783 гг.

«...Всех тех, кто, попрошайничая, называет себя школярами; всех моряков, которые делают вид, что потеряли свои корабли и товары в море и слоняются по стране, выпрашивая милостыню; всех праздношатающихся людей по любой сельской местности, которые или попрошайничают, либо занимаются всякими таинственными ремеслами или нелегальными играми... актеров, выступающих в интермедиях, и бродячих музыкантов... всех этих странников и простых работников, слоняющихся без дела и отказывающихся трудиться за разумную оплату, которую обычно предлагают».

Такие уличенные в попрошайничестве люди могли быть раздеты по пояс и выпороты до крови, высланы из города, отправлены в работные дома или высланы из страны.

В XVII–XVIII вв. вследствие насильственной высылки, из-за соблазна, обещаний и лжи, похищений людей, срочной необходимости бегства от условий жизни в родной стране бедняки, желавшие отправиться в Америку, стали товаром для торговцев, спекулянтов, капитанов кораблей и в конце концов их американских хозяев. Э. Смит в своем исследовании «Колонисты в кабале», посвященном институту законтрактованного рабства, пишет: «Из всего комплекса причин, вызывавших эмиграцию в американские колонии, одна выделяется как основная при переезде сервентов. Это – извлечение финансовых прибылей от их перевозки».

Иммигрантов, подписавших договор, по которому они обязывались оплатить стоимость проезда, отработав на своего хозяина пять или семь лет, часто сажали в тюрьму, до тех пор пока корабль не отправлялся в плавание, с тем, чтобы они не сбежали. В 1619 г. виргинская палата депутатов, учрежденная в том же году и ставшая первым в Америке представительным органом власти (кстати, тогда же были завезены первые чернокожие рабы), предусматривала регистрацию и контроль за соблюдением договоров между сервентами и хозяевами. Как и в любом контракте между разными по силам сторонами, на бумаге они представляли как равноправные, но контроль за соблюдением договора был гораздо проще для хозяина, чем для законтрактованного слуги.

Путешествие в Америку длилось восемь, десять или двенадцать недель, и сервентов запикивали на суда с тем же фанатичным стремлением к наживе, что и в тех случаях, когда перевозили рабов. Если переход занимал больше времени, чем предполагалось (например, из-за того, что испортилась погода), на судах заканчивалась провизия. Шлюп «Сифлауэр», вышедший из Белфаста в 1741 г., находился в море 16 недель, и к моменту его прибытия в Бостон 46 из 106 пассажиров умерли от голода, причем шесть человек были съедены оставшимися в живых. Во время другого плавания 32 ребенка погибли от голода и болезней, а трупы их были выброшены в океан. Музыкант Готтлиб Миттельбергер, отправившийся из Германии в Америку примерно в 1750 г., так писал о своем путешествии:

«Во время плавания корабль полон всяческих печальных признаков страданий – запахи, дым, нечистоты, рвота, различные проявления морской болезни, лихорадка, дизентерия, головные боли, жар, запоры, нарывы, цинга, рак, стоматит и тому подобные напасти, вызванные тем, что пища хранится слишком долго и сильно пересолена, особенно мясо, а вода крайне плохого качества и отвратительна... Прибавьте к этому нехватку продуктов, голод, жажду, мороз, жару, сырость, страх, мучения, притеснения, сетования, равно как и прочие неприятности... В день сильнейшего шторма находившуюся на нашем судне беременную женщину, которая не могла родить в таких условиях, выбросили в море через одно из оружейных отверстий».

Законтрактованных слуг покупали и продавали, как рабов. В объявлении в «Виргиния газетт» от 28 марта 1771 г. говорилось: «Только что в Лидстаун прибыл корабль «Юстиция» с примерно сотней физически здоровых сервентов – мужчин, женщин и мальчиков... Продажа состоится во вторник, 2 апреля».

Радужным отчетам о более высоком уровне жизни в Северной и Южной Америке можно противопоставить многие другие документальные свидетельства, как, например, это письмо иммигранта: «Те, кто хорошо живет в Европе, так же хорошо будут жить и здесь. Что касается нищеты и страданий, то они здесь есть, как и везде, а для некоторых людей их условия жизни несравнимо хуже, чем в Европе».

Побои и наказания кнутом были обычным делом. Служанок насиловали. Один из современников вспоминал: «Я видел, как надсмотрщик бил сервента палкой по голове, пока не потекла кровь, за промах, о котором и говорить не стоит». В судебных протоколах Мэриленда есть немало свидетельств самоубийств среди сервентов. В 1671 г. виргинский губернатор Беркли докладывал, что за прошедшие годы четверо из пяти законтрактованных слуг после прибытия умирали от болезней. Многие из них были детьми из бедных семей, которых сотнями хватили на улицах английских городов и отправляли в Виргинию на работы.

Хозяин пытался полностью контролировать и интимную жизнь сервентов. В его экономических интересах было удержать женщин от выхода замуж или вступления в интимную связь, поскольку деторождение помешало бы работе. Бенджамин Франклин, писавший в 1736 г. под псевдонимом Бедный Ричард, давал такой совет своим читателям: «Пусть ваша служанка будет вам верной, выносливой и непритязательной».

Сервенты не имели права без разрешения вступать в брак, могли быть отлучены от семьи, подвергнуты наказанию кнутом за различные нарушения. В пенсильванском законе XVII в. говорилось, что брак людей этой категории «без согласия хозяина... должен рассматриваться как прелюбодеяние или внебрачная связь, а дети должны считаться внебрачными».

Хотя в колониальных законах предусматривалось и предотвращение злоупотреблений по отношению к сервентам, эти законы не слишком рьяно исполнялись, о чем можно узнать из фундаментального исследования судебных дел раннего периода – труда Ричард Морриса «Власти и трудовые отношения в колониальной Америке». Сервенты не участвовали в судах присяжных. Этим правом обладали только хозяева. (Не имея имущества, законтрактованные слуги были лишены и права голоса.) В 1666 г. один из судов Новой Англии обвинил супружескую пару в смерти сервента, происшедшей после того, как хозяйка отрезала этому человеку пальцы ног. Жюри присяжных проголосовало за оправдание. В 60-х гг. XVII в. хозяин был обвинен в изнасиловании двух своих служанок. Было также известно, что он избивает жену и детей; заковал в цепи и избил другого сервента до смерти. Суд вынес этому человеку порицание, но снял обвинения в изнасиловании, несмотря на убедительные доказательства.

Иногда сервенты бунтовали, но на американском материке не было крупномасштабных заговоров этой категории людей, как, например, на Барбадосе или островах Вест-Индии. (Э. Смит считает, что это связано с большими шансами на успех при восстании на маленьком острове.)

Однако в 1661 г. в виргинском графстве Йорк сервент по имени Айзек Френд, будучи не удовлетворен качеством пищи, предложил своему товарищу «собрать 40 человек, раздобыть ружья, и он возглавит этих людей, и пойдут они с криком: «Кто за свободу, кто за освобождение от рабства?», и будет их достаточно много, и они пройдут по стране, убивая сопротивлявшихся, и станут свободными или погибнут». Этот план так и не был реализован, но два года спустя сервенты в графстве Глостер вновь задумали всеобщее восстание. Один из них выдал заговорщиков, четверо из которых были казнены. Донositелю даровали свободу и выдали 5 тыс. фунтов табака. Несмотря на то что выступления законтрактованных слуг были редкостью, угроза их всегда существовала, и этого боялись хозяева.

Считая свое положение невыносимым, а бунт – обреченным на неудачу во все более организуемом обществе, сервенты действовали индивидуальными методами. В делах судов

графств Новой Англии есть свидетельства о том, как законтрактованный слуга ударил хозяина вилами. Сервент-подмастерье был обвинен в «рукоприкладстве... по отношению к своему хозяину и в том, что дважды опрокинул его на землю, пустил кровь, угрожал сломать ему шею, размахивал у него перед лицом стулом». Одну служанку привлекли к суду за то, что она «плоха, неуправляема, угрюма, беспечна, вредна и упряма».

После того как сервенты приняли участие в восстании Бэкона, легислатура Виргинии приняла законы для наказания восставших слуг. В преамбуле к одному из них говорилось:

«Принимая во внимание, что многие склонные ко злу сервенты в эти времена страшного бунта, воспользовавшись неопределенностью и свободой нынешнего времени, оставили службу и присоединились к бунтовщикам, полностью пренебрегая работой на своих хозяев, указанные хозяева терпят огромные убытки и ущерб».

В той же колонии были оставлены две роты солдат, призванных предотвратить беспорядки в будущем, и их присутствие так обосновывалось в отчете лордам, входившим в состав Комитета по торговле и плантациям: «Сейчас Виргиния бедна и населена более, чем когда-либо ранее. Среди сервентов растет смута, связанная с их большими нуждами и желанием получить одежду; они могут разграбить склады и суда».

Бежать было проще, чем бунтовать. «В южных колониях имели место массовые побегі кабальных слуг», – заключает Р. Моррис на основе изучения колониальных газет в XVIII в. Он пишет: «Атмосфера Виргинии XVII столетия была полна всякими заговорами и слухами о сговорах сервентов в целях побега». Из судебных архивов Мэриленда следует, что в 50-х гг. XVII в. имел место заговор дюжины людей этой категории, которые планировали захватить лодку и оказать вооруженное сопротивление в случае провала. Их схватили и выпороли.

Механизм контроля был внушительным. Чужаки обязаны были предъявлять паспорта или сертификаты, доказывавшие, что они свободные люди. Соглашения между колониями предусматривали экстрадицию беглых кабальных слуг, что стало основой для внесения в Конституцию США положения о том, что лицо, «содержащееся в услужении или на работе в одном штате... и бежавшее в другой штат... должно быть выдано»¹⁵.

Иногда сервенты бастовали. Один хозяин из Мэриленда в 1663 г. подал жалобу в провинциальный суд, заявив, что его слуги «категорически отказываются выходить и делать повседневную работу». Последние ответили, что их кормят только «бобами с хлебом» и потому они «так слабы, что не способны выполнять работу, которую он нам поручает». По приговору суда сервенты получили по 30 ударов плетью.

Более половины поселенцев, прибывших к североамериканским берегам в колониальный период, появились там в качестве законтрактованных слуг. Если в XVII в. это были в большинстве своем англичане, то в XVIII столетии – ирландцы и немцы. По мере того как они совершали побег или заканчивался срок их контракта, этих людей все в большей степени заменяли рабы, но даже в 1755 г. белые сервенты составляли десятую часть населения Мэриленда.

Что происходило с этими последними, когда они обретали свободу? Есть бодрые свидетельства того, как бывшие сервенты становились процветающими гражданами – землевладельцами и важными персонами. Но Э. Смит, который тщательно изучал этот вопрос, приходит к выводу, что колониальное общество «не было демократическим и уж точно не было

¹⁵ Речь идет о Разделе 2 Статьи IV, который гласит: «Ни одно лицо, содержащееся в услужении или на работе в одном штате по законам оного и бежавшее в другой штат, не освобождается в силу какого-либо закона или постановления последнего от услужения или работы, а должно быть выдано по заявлению той стороны, которая имеет право на таковое услужение или работу».

эгалитарным; в нем господствовали люди, у которых было достаточно средств, чтобы заставить других работать на себя». И «не многие из них были потомками законтрактованных слуг, и практически никто не принадлежал к этому классу сам».

После того как мы сумеем пробраться сквозь презрение, которое Смит испытывает к сервентам, считая их «грязными и ленивыми, грубыми и невежественными, распутными и часто нарушающими закон мужчинами и женщинами», которые «воровали и бродяжничали, имели незаконнорожденных детей и растлевали общество отвратительными болезнями», мы узнаем, что «примерно каждый десятый был разумным и основательным человеком, который, если бы ему повезло пережить свой «срок выдержки» и отработать до конца по договору, взял бы себе землю и добился достойной жизни». Возможно, еще один из каждых десяти стал бы ремесленником или надсмотрщиком. Остальные 80 %, которые «точно были... ленивыми, безнадежными и загубленными личностями», либо «умерли во время действия договора, вернулись в Англию после его окончания, либо стали «белыми бедняками».

Вывод Смита подтверждается более поздним исследованием жизни сервентов в Мэриленде XVII в., по данным которого первые группы этих людей стали землевладельцами и играли определенную роль в политической жизни колонии, но ко второй половине столетия более половины кабальных слуг – даже после десяти лет жизни на свободе – оставались безземельными. Сервенты становились арендаторами и являлись источником дешевой рабочей силы для крупных плантаторов, как во время действия договора, так и после его окончания.

Очевидно, что классовые противоречия в колониальный период усиливались, различия между богатыми и бедными становились все более резкими. К 1700 г. в Виргинии насчитывалось 50 богатых семейств, обладавших состоянием, эквивалентным 50 тыс. фунтов стерлингов (по тем временам огромная сумма), живших за счет труда чернокожих рабов и белых сервентов, владевших плантациями; представители этих семейств заседали в губернаторском совете и занимали должности местных мировых судей. В Мэриленде поселенцами правил владелец колонии, чье право тотального контроля над ней было даровано английским королем¹⁶. В 1650–1689 гг. против лорда-собственника пять раз поднимались восстания.

Фундаментальные законы Северной и Южной Каролины были написаны в 60-е гг. XVII в. Джоном Локком, которого часто считают философским предтечей отцов-основателей и американской системы. В локковском документе устанавливался аристократический режим правления феодального типа, при котором восьмерым баронам принадлежало 40 % земель колонии, а один из них мог занимать пост губернатора. Когда после бунта, связанного с распределением земель, британская корона взяла под свой прямой контроль Северную Каролину, богатые земельные спекулянты присвоили себе свыше полумиллиона акров, монополизировав прилегающие к побережью пригодные для сельского хозяйства угодья. Бедняки, страдавшие от безземелья, скваттерскими способами вели хозяйство на небольших участках и весь дореволюционный период боролись против попыток землевладельцев взимать с них ренту.

Исследование положения в колониальных городах «Города в глуши», проведенное К. Брайденбо, также выявляет ясно очерченную классовую систему:

Первые бостонские лидеры были господами с весьма внушительным состоянием, которые при поддержке духовенства настойчиво стремились сохранить в Америке социальные

¹⁶ В 1632 г. Карл I пожаловал Сесилию Калверту, второму лорду Балтимору, хартию на владение еще не заселенной белыми северной части Виргинии. Колония получила название по имени жены британского короля.

установки метрополии. Обладая средствами контроля за ремеслом и коммерцией, политически доминируя над населением посредством церкви и городского собрания, а также заключая между собой продуманные брачные союзы, члены этой небольшой олигархической группы закладывали основы аристократического класса в Бостоне XVII в.

Вскоре после основания колонии Массачусетской бухты, в 1630 г., губернатор Джон Уинтроп провозгласил философию правящих кругов: «...во все времена некоторые люди должны быть богатыми, некоторые – бедными, некоторые должны занимать высокое положение и иметь сан; остальные – находиться в более низком положении и зависимости».

Состоятельные купцы воздвигали особняки; лица «высшего сорта» путешествовали в каретах и паланкинах, носили напудренные парики, питались изысканной пищей, запивая ее мадерой, а художники писали их портреты. В законодательное собрание Массачусетса в 1678 г. поступила следующая петиция из городка Дирфилда: «Возможно, вам будет приятно узнать, что лучшие земли, лучшие почвы, наиболее удачно расположенные, лежат в центре города; что же до количества их, то около половины принадлежит восьми или девяти владельцам».

К. Брайденбо обнаружил, что в Ньюпорте (Род-Айленд), как и в Бостоне, «городские собрания, при всей кажущейся демократичности, на деле год от года становились все более подконтрольны одной и той же группе купцов-аристократов, которые занимали большинство наиболее важных постов». Современник описывал ньюпортских торговцев «...людьми в огненно-красном верхнем платье и камзолах с ярко-желтой тесьмой и бахромой. Хитрые квакеры, не рискуя носить такие наряды, но обожая пышное убранство, украшали столовым серебром свои буфеты».

Нью-йоркская аристократия была наиболее хвастливой. Брайденбо поведал об «оконных драпировках из камлота, покрытых черным лаком столиках, зеркалах в позолоченных рамах, спинетах и массивных часах с заводом на восемь дней... богато отделанной мебели, драгоценностях и посуде... В домах прислуживали чернокожие».

В колониальный период Нью-Йорк был подобен феодальному королевству. Голландцы создали систему огромных поместий вдоль реки Гудзон, которыми владели так называемые патроны. Землевладельцы-бароны полностью контролировали арендаторов, живших на их землях. В 1689 г. многие жалобы бедноты совпали с выступлением фермеров под предводительством Джекоба Лейслера¹⁷. Его повесили, а распределение огромных участков продолжилось. В бытность губернатором Бенджамина Флетчера три четверти земель в колонии Нью-Йорк было даровано примерно 30 персонам. Так, Флетчер подарил своему другу полмиллиона акров за номинальную ежегодную плату в 30 шиллингов. В начале XVIII в. при лорде Корнбери одной группе земельных спекулянтов передали площади размером в 2 млн. акров.

В 1700 г. церковные старосты города Нью-Йорка попросили у городского совета средства, поскольку «крики бедных и слабых о помощи слишком тяжело слушать». В 30-х гг. XVIII в. начали усиливаться требования создать учреждения, в которых бы содержались «многие попрошайки, ежедневно в страданиях бродящие по улицам». В резолюции городского совета говорилось:

«Принимая во внимание возникшую необходимость, связанную с тем, что число бедных в

¹⁷ Имеется в виду восстание 1689 г. под предводительством Дж. Лейслера в поддержку английской Славной революции, свергнувшей короля Якова II. Восставшим удалось захватить форт на острове Манхэттен, взять под контроль всю южную часть Нью-Йорка и поставить под угрозу нападения земли Канады. Из-за пассивности других колоний восстание было подавлено новым губернатором Нью-Йорка полковником Генри Слоутером, а обвиненный в предательстве Лейслер казнен в 1691 г.

сем городе крайне велико и постоянно растет... и оные регулярно совершают правонарушения в сем городе, живут здесь, бродяжничая и не работая, дебоширя и совершенствуясь в воровстве и дебоширстве... для избавления от чего... постановляем, что должно построить... хороший, крепкий и удобный дом и обитель».

Двухэтажное строение получило название «Дом для бедных, Работный дом и Исправительный дом».

В 1737 г. в письме читателя в нью-йоркскую газету «Джорнэл»¹⁸, издававшуюся Питером Зенгером, описывался бедный местный уличный мальчишка: «Субъект в человеческом облике – полуголодный и замерзший, в разорванной на локтях одежде, с проглядывающими сквозь дырявые штаны коленями, всклокоченными волосами... В возрасте примерно с 4 до 14 лет они [эти дети] проводят свои дни на улицах... а затем их берут в подмастерья, и так они живут еще четыре, пять или шесть лет».

В XVIII в. колонии быстро росли. К английским поселенцам присоединились шотландцы из Ольстера (Северная Ирландия) и выходцы из Германии. Завозилось множество чернокожих рабов; в 1690 г. они составляли 8 % населения, в 1770 г. – уже 21 %. В 1700 г. колонистов было 250 тыс. человек, а к 1760 г. их численность возросла до 1,6 млн. Развивались сельское хозяйство, мелкое товарное производство, судоходство и торговля. Население крупных городов: Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Чарлстона – удвоилось и утроилось.

В ходе этого развития высший класс получал большую часть преимуществ и монополизировал политическую власть. Историк, исследовавший налоговые списки бостонцев за 1687 и 1771 гг., обнаружил, что в 1687 г. при населении 6 тыс. человек насчитывалось около 1 тыс. собственников, а верхушка – 5 % владельцев имущества, или 1 % горожан, – состояла из 50 богачей, в руках которых была сконцентрирована четвертая часть всей собственности. К 1770 г. 1 % бостонцев принадлежало 44 % всех богатств.

По мере того как в период между 1687 и 1770 гг. Бостон рос, численность взрослых мужчин, которые были бедны, возможно, снимали комнату для жилья или спали в задней комнате таверны и не имели собственности, удвоилась с 14 до 29 % взрослого мужского населения. А утрата собственности означала автоматическую потерю права участия в выборах.

Бедняки везде боролись за выживание, хотя бы за то, чтобы не замерзнуть в холодную погоду. В 30-х гг. XVIII в. во всех городах появились дома призрения не только для стариков, вдов, инвалидов и сирот, но и для безработных, ветеранов войн, вновь прибывших иммигрантов. В середине столетия в Нью-Йорке в городской ночлежке, рассчитанной на 100 бедняков, жили свыше 400 человек. В 1748 г. один житель Филадельфии писал: «Удивительно, как много нищих прибавилось в городе за последнюю зиму». В 1757 г. бостонские чиновники говорили об «огромном множестве бедняков... которые едва протягивают день ото дня, добывая хлеб себе и семьям».

В своем исследовании Новой Англии колониального периода К. Локридж обнаружил, что количество бродяг и пауперов продолжало увеличиваться, а «странствующие нищие» были отличительной чертой жизни Новой Англии середины XVIII в. Дж. Лемон и Г. Нэш выявили похожую концентрацию богатства в одних руках и расширение пропасти между богатыми и бедными при изучении состояния дел в пенсильванском графстве Честер XVIII столетия.

¹⁸ Полное название – «Нью-Йорк уикли джорнэл». Еженедельная газета эмигранта из Германии Джона Питера Зенгера (1697–1746), выходившая с 1733 г. и публиковавшая оппозиционные властям статьи. Зенгер был арестован по обвинению в клевете, но суд присяжных его оправдал (1735). В 1737 г. его назначили официальным печатником колонии Нью-Йорк, а в 1738 г. и Нью-Джерси. После смерти Зенгера газета продолжала выходить под руководством его жены и сына до 1751 г.

Очевидно, что колонии были обществами противоборствующих классов – факт, который остается в тени в традиционных исторических исследованиях, делающих акцент на внешней борьбе против Англии, на единстве колонистов в период революции. Следовательно, нация не «рождалась в свободе», а одновременно появились раб и фримен, сервент и хозяин, арендатор и лендлорд, бедняк и богач. По мнению Нэша, в результате этих процессов политической власти «часто, громогласно и яростно» противостояла оппозиция. «Последняя четверть XVII в. отмечена вспышками беспорядков, грозивших опрокинуть признанные власти Массачусетса, Нью-Йорка, Мэриленда, Виргинии и Северной Каролины».

Свободные белые рабочие чувствовали себя лучше, чем рабы или сервенты, однако тоже сопротивлялись несправедливому отношению к ним со стороны состоятельных сословий. Еще в 1636 г. работодатель с побережья Мэна сообщал, что его наемные работники и рыболовы «впали в мятеж» из-за задержанной им выплаты заработанного. Они в массовом порядке уходили. Пять лет спустя плотники в том же Мэне в знак протеста против плохого питания снизили темпы работы. В 40-х гг. XVII в. на судоверфях Глостера произошло событие, которое Р. Моррис называет «первым локаутом в истории американского рабочего движения» и которое было вызвано тем, что власти заявили группе недовольных корабельных плотников, что те не могут «более не ударять палец о палец».

Происходили забастовки бондарей, мясников, пекарей, протестовавших против правительственного контроля над размером их вознаграждения. В 50-х гг. XVII столетия подсобные рабочие в Нью-Йорке отказывались таскать мешки с солью, а бастовавших в этом городе возчиков (кучера, погонщики, носильщики) наказывали «за несоблюдение указаний и неисполнение обязанностей на рабочих местах». В 1741 г. пекари объединились и отказались печь хлеб из-за того, что им приходилось платить слишком высокие цены за пшеницу.

В 1713 г. острый дефицит продуктов питания в Бостоне заставил городских избранных выступить с предупреждением, адресованным законодательному собранию Массачусетса, о том, что «угрожающая нехватка провизии» приводит к столь «нелепым ценам, что будет крайне затруднительно удовлетворить потребности бедноты во время приближающейся зимы». Богатый купец Эндрю Белчер экспортировал пшеницу в регион Карибского моря, получая там более высокие прибыли. Вzbунтовавшиеся 19 мая 200 горожан собрались на центральной площади Бостона. Они напали на принадлежавшие Белчеру суда, в поисках зерна взломали его амбары и застрелили вице-губернатора, попытавшегося этому помешать.

Спустя восемь лет после этого хлебного бунта автор одного из памфлетов протестовал против тех, кто разбогател, «в муку перемалывая бедняков» и раздумывая над тем, как «подавить, обмануть и перехитрить соседей своих». Он осуждал «богатых, великих и могущественных», которые «с ненасытной жестокостью обрушиваются на всех вокруг».

В 30-х гг. XVIII в. бостонцы, протестовавшие против установленных торговцами высоких цен, разрушили рынок на Док-сквер и, как жаловался консервативный автор, при этом «роптали по поводу правительства и богачей». В этом случае аресту никого не подвергли, так как демонстранты предупредили, что, если это произойдет, они приведут еще «500 мужчин торжественным строем», которые разнесут и другие рынки, созданные на благо богатым торговцам.

Примерно тогда же в Нью-Йорке в предвыборном памфлете содержался призыв к местным избирателям поддержать «Челнока-Ткача, Доску-Столяра, Повозку-Возчика, Ступку-Каменотеса, Дёгтя-Моряка, Кромсалу-Портного, Справедливого хозяина с малой рентой да Бедняка Джона-Арендатора», объединившись против «Притеснителя-Купца, Выжимателя соков – Лавочника, Ловчака-Адвоката». Звучал призыв отстранить от власти «обладателей высоких постов», презиравших «тех, кого они называли грубиянами, толпой,

сборищем мастеровых».

В 30-х гг. XVIII столетия один из комитетов городского собрания Бостона выступил в защиту горожан-должников, которые добивались введения в оборот бумажных ассигнаций для упрощения выплаты своих долгов купеческой элите. Они заявили, что не хотят «иметь хлеб и воду, розданные теми, кто предается разгулу, живя в роскоши и распутстве за счет нашего пота и тяжкого труда».

Бостонцы бунтовали также против насильственной вербовки мужчин в военно-морской флот. Они окружили дом губернатора, избili шерифа, посадили под замок помощника шерифа и штурмом взяли здание, в котором заседало законодательное собрание. Милиция никак не отреагировала на приказ подавить выступление, и губернатору пришлось бежать. Действия толпы осудила группа торговцев, назвавшая ее «мятежным буйным сборищем иноземных моряков, сервентов, негров и других людей низкого происхождения».

В 40–50-х гг. XVIII в. малоимущие фермеры Нью-Джерси, оккупировавшие земли, на которое одновременно претендовали и крупные землевладельцы, восставали, когда от них потребовали выплаты ренты. В 1745 г. Сэмюэл Болдуин, в течение долгого времени живший на своем участке и получивший на него право от индейцев, был арестован за неуплату ренты лендлорду и помещен в ньюаркскую тюрьму. Современник так описал события, происшедшие далее: «Простые люди, заподозрив землевладельцев в плане по их уничтожению... пошли к темнице, открыли ее двери и освободили Болдуина».

Когда затем двое мужчин, участвовавших в этом событии, были арестованы, у здания тюрьмы собрались сотни граждан Нью-Джерси. В отчете, направленном властями колонии в Лондон, в Торговую палату, происшедшее было описано так:

«Два новых капитана ньюаркских рот по приказу шерифа вышли под барабанный бой к людям и потребовали от всех присутствовавших, кто служил в их ротах, идти вслед за барабанщиками и защищать тюрьму, но никто не пошел за ними, хотя многие там были... Многие... между четырьмя и пятью часами пополудни... спешились и отправились к тюрьме, с криками «ура!» и размахивая палками... когда же они достигли стражи (у коей не было приказа стрелять), то стали бить ее своими дубинками; в ответ охрана начала палить из ружей; несколько человек было ранено с обеих сторон, но никто не погиб. Толпа сломала строй солдат и подступила к воротам тюрьмы, перед которыми стоял шериф со шпагой и сдерживал нападавших, пока его несколько раз не ударили и не отбросили в сторону. После чего топорами и другими инструментами они сломали тюремные ворота и освободили двоих заключенных, а также третьего, отбывавшего наказание за долги, и ушли прочь».

В течение этого периода Англия участвовала в целом ряде войн (война королевы Анны в первые годы XVIII столетия, война короля Георга в 30-х гг. XVIII в.). Некоторые купцы сколотили на этих событиях целые состояния, но для большинства людей они означали повышение налогов, безработицу и бедность. Автор анонимного памфлета после войны короля Георга так с нескрываемой злобой описывал ситуацию: «Бедность и тревога отпечатаны на каждом лице (кроме выражения лиц богачей) и были у всех на устах». Он также писал о тех немногих, питаемых «страстью к власти, страстью к славе, страстью к деньгам», кто разбогател во время войны: «Неудивительно, что мужи сии могут строить суда и дома, покупать фермы, обустраивать экипажи и коляски, жить весьма красиво, купив славу и почетные посты». Автор называет их «хищными птицами... врагами любой общины, где бы они ни жили».

В 1747 г. насильственная вербовка во флот привела к мятежу в Бостоне. Затем толпа повернула против Томаса Хатчинсона¹⁹, богатого купца и колониального чиновника,

¹⁹ Томас Хатчинсон (1711–1780) – губернатор Массачусетса (1770–1774), сторонник Закона о гербовом сборе

поддерживавшего губернатора при подавлении выступления, автора монетарной политики Массачусетса, направленной на дискриминацию бедноты. Таинственным образом дом Хатчинсона сгорел, а собравшиеся на улице проклинали этого человека и кричали: «Пусть сгорит!»

К моменту наступления революционного кризиса в 60-х гг. XVIII в. состоятельная элита, контролировавшая британские колонии на американском континенте, обладала 150-летним опытом правления и кое-чему в этой сфере научилась. Ее представители испытывали некоторые страхи, но одновременно выработалась тактика борьбы с тем, чего они боялись.

Так, по наблюдениям этой элиты, индейцы были слишком непокорными, чтобы использовать их в качестве рабочей силы, и продолжали оставаться препятствием для территориальной экспансии. Чернокожих рабов было проще контролировать, и выгода от их труда на южных плантациях привела к огромному росту ввоза невольников, которые становились большинством в некоторых колониях и составляли до пятой части всего тамошнего населения. Но черные были не всегда покорны, а по мере увеличения их численности возрастал и риск восстаний рабов.

Принимая во внимание присутствие враждебно настроенных индейцев и угрозу мятежей чернокожих невольников, колониальная элита должна была учитывать и классовое озлобление белых бедняков: сервентов, арендаторов, городской бедноты, неимущих, простых налогоплательщиков, солдат и матросов. По мере того как в середине XVIII в. колонии преодолевали рубеж столетнего существования, расширялась пропасть между богатыми и бедными, увеличивалось насилие и угроза силовых действий, становилась все более актуальной проблема контроля за ситуацией.

Что произошло бы, если бы все эти разрозненные группы отверженных: индейцы, рабы и белые бедняки – сплотились? Даже в XVII в., когда в колониях еще не было так много чернокожих, по словам Э. Смита, имел место «постоянный страх перед тем, что сервенты объединятся с чернокожими или индейцами и победят оставшихся в меньшинстве хозяев».

Существовала малая вероятность того, что в Северной Америке белые объединятся с индейцами, как это происходило в Южной и Центральной Америке, где не хватало женщин, а туземцы работали на плантациях, что приводило к повседневным контактам. Лишь в Джорджии и Южной Каролине, где белых женщин было мало, практиковались сексуальные связи между белыми мужчинами и индианками. В целом краснокожих вытолкнули за пределы общества, с глаз долой. Лишь одно раздражало: белые бежали, чтобы присоединиться к индейским племенам; детей захватывали во время набегов и воспитывали среди туземцев, и, когда у белых была возможность выбора, они предпочитали оставаться в индейской культуре. В свою очередь аборигены, обладая таким выбором, почти никогда не оставались среди европейских поселенцев.

Француз Гектор Сент-Джон де Кревкёр²⁰, проживший в Америке почти двадцать лет, рассказывал в «Письмах американского фермера», как дети, захваченные во время Семилетней войны и найденные позднее своими родителями, после того, как они выросли и жили среди индейцев, отказывались покидать свои новые семьи. Он писал: «В их общественном устройстве

(1765). В 1773 г. настоял на сборе пошлин с грузов чая, что привело к «Бостонскому чаепитию».

²⁰ Джеймс Гектор Сент-Джон де Кревкёр (Креверкер) (настоящее имя Мишель Гийом Жан де Кревкёр, 1735–1813) жил в Америке в 1755–1781 гг. и опубликовал в Европе сборник «Письма американского фермера» (1782), в котором создал идеализированную картину жизни в Америке, ее природы, жизни поселенцев, политического устройства.

должно быть нечто особенно притягательное и намного превосходящее все, чем можем похвастать мы, ибо тысячи европейцев стали индейцами, однако мы не знаем случаев, когда хотя бы один из аборигенов по своей доброй воле стал европейцем!»

Но это касалось немногих. В целом же индейцев держали на расстоянии. А колониальное чиновничество нашло способ частично устранить угрозу: присвоив все хорошие земли на Восточном побережье, они вынудили безземельных белых колонистов переселяться в западные пограничные районы, где те сталкивались с туземцами и служили для живших на побережье богачей буфером, отделявшим их от связанных с индейцами проблем, при том, что эти поселенцы для своей защиты все больше нуждались в помощи властей. Восстание под предводительством Бэкона явилось поучительным опытом: умиротворение сокращающегося аборигенного населения ценой приведения в ярость белых жителей фронта было слишком рискованно. Проще воевать с индейцами, заручившись поддержкой белых, и избегать возможных классовых конфликтов, обратив белую бедноту против краснокожих во имя безопасности элиты.

Могли ли чернокожие и индейцы объединиться против общего бледнолицего врага? В северных колониях (кроме полуострова Кейп-Код, острова Мартас-Виньярд и Род-Айленда, где существовали тесные межрасовые связи, в том числе сексуальные) африканцы и краснокожие не могли часто соприкасаться друг с другом. В колонии Нью-Йорк было самое большое на Севере население рабов и имели место контакты между чернокожими и индейцами. Например, в 1712 г. африканцы вместе с туземцами подняли совместное восстание, которое, было быстро подавлено.

Однако в обеих Каролинах чернокожих рабов и аборигенов численно было больше, чем белых поселенцев. В 50-х гг. XVIII в. на 25 тыс. белых приходилось 40 тыс. негров-невольников; в этом же регионе жили 60 тыс. индейцев племен крик, чироки, чокто и чикасо. Г. Нэш пишет: «Восстания индейцев, которыми отмечен колониальный период, и целый ряд бунтов и заговоров рабов, которые были подавлены в зародыше, болезненно напоминали жителям Южной Каролины о том, что только путем проявления крайней жестокости и проведения политики, направленной на раскол в стане врагов, они могут надеяться на сохранение контроля над ситуацией».

Белые правители Северной и Южной Каролины, похоже, осознавали потребность в политике, суть которой, по словам одного из них, сводилась бы к тому, чтобы не дать «индейцам и неграм возможности удостовериться в том, кто получает значительное численное превосходство и какая из сторон может разгромить нас». И соответственно принимались законы, запрещающие свободным чернокожим бывать на индейских землях. В договорах, которые заключались с туземными племенами, содержались положения, обязывавшие возвращать беглых рабов. В 1758 г. губернатор Южной Каролины Литлтон писал: «Наше правительство всегда проводило политику, направленную на выработку в них [в индейцах] отвращения к неграм».

Частью этой линии было использование чернокожих рабов в отрядах милиции Южной Каролины, воевавших с индейцами. И тем не менее правительство было обеспокоено возможностью восстания негров, и во время войны с индейцами чироки в 60-х гг. XVIII в. внесенное в законодательную ассамблею колонии предложение снарядить для борьбы с краснокожими 500 невольников не добралось для прохождения одного голоса.

Черные убегали от хозяев в индейские поселения; крики и чироки укрывали сотни беглых рабов. Многие из них были приняты племенами, вступали в браки, рожали детей. Но ситуация оставалась под контролем благодаря сочетанию жестоких кодексов о рабах и взяток индейцам, чтобы те помогали подавлять чернокожих мятежников.

Больше всего страх среди состоятельных белых плантаторов вызывал потенциальный союз белой бедноты и чернокожих. Если бы существовала естественная межрасовая антипатия, наличие которой предполагают некоторые теоретики, вопрос о контроле решался бы проще. Но сексуальная привлекательность всегда преодолевала расовые барьеры. В 1743 г. большое жюри присяжных в городе Чарлстоне (Южная Каролина), осудило «ставшую слишком привычной в этой провинции практику прелюбодеяния в отношении негритянок и других молодых рабынь». Дети от смешанных связей между белыми и чернокожими рождались в течение всего колониального периода, несмотря на законы, запрещающие межрасовые браки, которые действовали в Виргинии, Массачусетсе, Мэриленде, Делавэре, Пенсильвании, обеих Каролинах и Джорджии. Объявляя этих детей незаконнорожденными, власти заставляли их находиться в черных семьях, с тем чтобы белое население оставалось «чистым» и главенствовало.

В восстании Бэкона правителей Виргинии больше всего напугало то, что в его ходе чернокожие рабы и белые сервенты объединились. В одном гарнизоне сдались «400 вооруженных англичан и негров», в другом – 300 «фрименов и сервентов – африканцев и англичан». Морской офицер, подавивший сопротивление 400 человек, писал: «Я уговорил большинство из них вернуться по домам, что они и сделали, кроме примерно 80 негров и 20 англичан, которые не сдали оружие».

Все эти годы раннего колониального периода чернокожие и белые рабы и сервенты совершали совместные побег, о чем свидетельствуют и законы, принятые для предотвращения таких побегов, и материалы судебных архивов. В 1698 г. в Южной Каролине был принят «закон о восполнении нехватки», требовавший от владельцев плантаций, чтобы на каждых шестеро взрослых чернокожих мужского пола приходился по меньшей мере один белый сервент. В письме из южных колоний, датированном 1682 г., содержалась жалоба на то, что не хватает «белых мужчин, чтобы присматривать за нашими неграми или чтобы подавлять восстание негров». В 1691 г. палата общин получила «петицию от морских торговцев, судовладельцев, плантаторов и прочих, торгующих с иноземными плантациями... где излагается, что плантации невозможно содержать без существенного числа белых сервентов, кои нужны и для сдерживания зависимых чернокожих и кои способны держать в руках оружие в случае вторжения».

В 1721 г. в отчете английскому правительству говорилось, что в Южной Каролине «негры-рабы в последнее время предпринимали попытки и были весьма близки к успеху в устройстве новой революции... и, таким образом, может возникнуть необходимость... предложить новый закон, который поощрял бы оказание гостеприимства белым сервентам в будущем. В милиции этой провинции состояли менее 2 тыс. указанных мужчин». По всей видимости, считалось, что этих ополченцев не хватило бы для адекватной реакции на угрозу.

Этот страх помогает понять, почему в 1717 г. парламент сделал высылку в Новый Свет законным наказанием за преступления. Появилась возможность отправлять тысячи осужденных в Виргинию, Мэриленд и другие колонии. Этим же страхом объясняется и то, почему законодательная ассамблея Виргинии после восстания Бэкона амнистировала только белых сервентов, принимавших в нем участие, но не простила чернокожих. Последним было запрещено иметь какое бы то ни было оружие, в то время как белые, отработавшие по контракту, могли получить не только кукурузу и наличные деньги, но и мушкеты. Различия статуса белых и чернокожих сервентов становились все более отчетливыми.

В 20-х гг. XVIII в., по мере возрастания страха перед восстанием рабов в Виргинии белым сервентам было дозволено вступать в ополчение в качестве замены белых фрименов. В те же годы в колонии создавались отряды по поиску рабов, с тем чтобы противостоять «великой опасности, которая... может возникнуть при негритянских мятежах». Белые бедняки

составляли основу таких патрулей, за что получали денежное вознаграждение.

Расизм все больше входил в повседневную практику. Э. Морган, делая выводы на основе подробного исследования рабства в Виргинии, считает расизм не чем-то «естественным», проистекающим из различий между чернокожими и белыми, а видит его корни в классовом презрении – вполне реалистичном инструменте контроля. «Если бы фримены, чьи надежды не оправдались, нашли общие цели с рабами, питавшими отчаянные надежды, результаты этого могли бы быть хуже всего, что сотворил Бэкон. Решением проблемы, очевидным и постепенно признаваемым, был расизм, разделение представляющих опасность свободных белых и столь же опасных чернокожих рабов барьером расового презрения».

Было и другое средство контроля, становившееся удобным по мере роста колоний и имевшее важнейшие последствия для сохранения власти элиты в течение всей американской истории.

Наряду с очень богатыми и очень бедными развивался средний класс белых мелких плантаторов, независимых фермеров, городских ремесленников, которые, получая небольшие выгоды от объединения усилий с купцами и владельцами плантаций, служили серьезной защитой от чернокожих рабов, индейцев фронтира и белой бедноты.

В растущих городах появлялось все больше квалифицированных работников, и власти поддерживали белых ремесленников, защищая их труд от конкуренции с рабами и свободными чернокожими. Еще в 1686 г. городской совет Нью-Йорка выпустил распоряжение, согласно которому «ни один негр или раб не должен работать на мосту в качестве подсобного рабочего, занимаясь погрузкой товаров, импортируемых в этот город или экспортируемых отсюда». В городах Юга белые ремесленники и торговцы тоже были защищены от конкуренции с черными.

В 1764 г. легислатура Южной Каролины запретила чарлстонским хозяевам нанимать чернокожих или других рабов в качестве мастеровых либо на ремесленные работы.

Американцев, принадлежавших к среднему классу, могли приглашать присоединиться к новой элите и в ходе борьбы с коррупцией уже существовавших богачей. В 1747 г. житель Нью-Йорка Кодвалладер Колден²¹ в своем «Обращении к фригольдерам²² «адресовал свои нападки состоятельным людям, назвав их хитрецами, уваливающими от уплаты налогов, которых не беспокоит благосостояние окружающих (хотя сам он был человеком не бедным). Он защищал честность и надежность «срединного сословия людского рода», которому граждане могут более всего доверить заботу о «нашей свободе и собственности». Это стало крайне важным риторическим инструментом оправдания правления меньшинства, которое, выступая перед большинством, стало говорить о «нашей» свободе, «нашей» собственности, «нашей» стране.

Подобным же образом очень состоятельный бостонец Джеймс Отис²³ апеллировал к местным представителям среднего класса, выступая с нападками на тори Томаса Хатчинсона. Историк Дж. Хенретта показал: «Притом что Бостоном управляли богачи, некоторые политические посты были доступны тем, кто занимал среднюю имущественную ступеньку: «выбраковщик бочек», «обмерщик мешков с углем», «смотритель заборов». О. Ленд обнаружил в Мэриленде прослойку владельцев мелких плантаций, которые не являлись «бенефициариями»

²¹ Кодвалладер Колден (1688–1776) – ученый, крайне консервативный политический деятель, вице-губернатор колонии Нью-Йорк.

²² От freeholder (англ.) – фригольдер, земельный собственник.

²³ Джеймс Отис (1725–1783) – радикальный политический деятель, юрист, публицист.

плантаторского общества в той же степени, как богачи, но считались плантаторами и были «уважаемыми гражданами, имевшими перед общиной полномочия наблюдать за качеством дорог, оценивать имущество и тому подобные обязанности». Это помогло предоставить среднему классу доступ к «кругу деятельности, связанному с местной политикой... к балам, скачкам, петушиным боям и периодическим пьяным потасовкам».

В 1756 г. газета «Пенсильвания джорнэл» писала: «Народ этой провинции по преимуществу среднего сословия и в настоящее время удерживается на этом уровне. Здесь живут в основном предприимчивые фермеры, ремесленники либо торговцы; они наслаждаются свободой и любят ее, а злейшие из них полагают, что имеют право на учтивость со стороны великих». И в самом деле, существовал довольно значительный средний класс, подпадающий под эту характеристику. Называть этих людей «народом» означало не принимать во внимание чернокожих невольников, белых сервентов и вытесненных индейцев. А за термином «средний класс» скрывался тот, который долгое время имел прямое отношение к этой стране – то, о чем Р. Хофстедтер сказал: «Это было... общество среднего класса, которым правили по большей части представители высших слоев».

Для того чтобы править, эти последние вынуждены были идти на уступки среднему классу, при этом не нанося ущерба собственному благосостоянию или власти, и делалось это за счет рабов, туземцев и белой бедноты. Этим покупалась лояльность. А чтобы связать эту лояльность с чем-то еще более сильным, чем материальные блага, в 60–70-х гг. XVII в. правящий класс нашел очень полезный инструмент, которым стал язык свободы и равенства, способный объединить достаточное число белых, которые могли сражаться против Англии за революцию, но не ликвидировав при этом ни рабства, ни неравенства.

Тирания есть тирания

Около 1776 г. некие важные в английских колониях персоны совершили открытие, которое, как продемонстрировали последующие двести лет, оказалось весьма полезным. Они обнаружили, что, создав нацию, символ, узаконенное объединение под названием Соединенные Штаты Америки, смогут отобрать земли, доходы и политическую власть у фаворитов Британской империи. При этом они сумеют сдерживать возможные восстания своих противников и добиваться консенсуса общественного мнения, состоящего в поддержке правления новой, привилегированной верхушки.

Если мы посмотрим на Американскую революцию с этой точки зрения, то поймем, что затея была гениальной, и отцы-основатели заслуживают того благоговейного уважения, с которым к ним относились на протяжении столетий. Они создали наиболее эффективную из современных систем контроля над страной и продемонстрировали грядущим поколениям лидеров преимущества симбиоза патернализма и твердой руки.

Начиная с восстания Натаниэла Бэкона в Виргинии, к 1760 г. произошло 18 восстаний, направленных на свержение колониальных правительств. От Южной Каролины до Нью-Йорка прокатилось 6 мятежей чернокожих, а также 40 бунтов, спровоцированных различными причинами.

Как пишет Джек Грин, в то же самое время появились «стабильные, крепкие, эффективные и признанные на местах политические и общественные элиты». К 60-м гг. XVIII в. эти местные элиты увидели возможность направить большую часть бунтарской энергии против Англии и ее официальных представителей на американском континенте. Это было не осознанным заговором, а накоплением тактических реакций.

После 1763 г., когда Великобритания одержала победу над Францией в Семилетней войне

(известной в Америке как Война с французами и индейцами) и изгнала ее из Северной Америки, амбициозные колониальные лидеры перестали опасаться французской угрозы. Оставались лишь два соперника – англичане и индейцы. Первые, обхаживая туземцев, запретили белым селиться за Аппалачами (Прокламация 1763 г.). Вероятно, когда удалось бы отделаться от англичан, можно было бы договориться с индейцами. Еще раз стоит отметить, что у колониальной элиты не было специальной, продуманной стратегии, но происходил рост самосознания по мере развертывания событий.

После поражения Франции британское правительство могло сосредоточить внимание на усилении контроля над колониями. Метрополии были нужны доходы, чтобы платить по военным счетам, и, руководствуясь этой целью, она обратила взор на свои заокеанские владения. Кроме того, колониальная торговля становилась все более важной для экономики Великобритании, а также все более выгодной: если в 1700 г. ее объем составлял около 500 тыс. ф. ст., то к 1770 г. эта цифра возросла уже до 2,8 млн. ф. ст.

Итак, американским лидерам английское правление было не очень нужно, но зато англичан интересовали богатства колоний. Необходимые для конфликта составляющие были налицо.

Война принесла славу генералам, смерть рядовым, богатство торговцам и безработицу беднякам. К моменту окончания войны с французами и индейцами в Нью-Йорке проживало 25 тыс. человек (в 1720 г. их было лишь 7 тыс.). Редактор одной из газет писал о растущем «числе попрошайек и бродяг» на улицах города. В письмах читателей газет звучали вопросы о распределении богатства: «Как часто наши улицы были усыпаны тысячами баррелей муки, предназначенной для торговли, в то время как наши ближайшие соседи с трудом добывают достаточно, чтобы утолить голод клецками?»

Исследование списков городских налогоплательщиков, проведенное Г. Нэшем, показало, что в начале 70-х гг. XVIII в. 5 % налогоплательщиков в Бостоне контролировали 49 % городских активов, облагаемых налогом. Богатство все более и более концентрировалось в Филадельфии, а также в Нью-Йорке. Согласно заверенным в суде завещаниям, к 1750 г. самые состоятельные люди в городах оставляли в наследство по 20 тыс. ф. ст. (сегодня это эквивалентно 5 млн. долл.).

В Бостоне низшие классы стали использовать городское собрание, чтобы выразить свое недовольство. Губернатор Массачусетса писал, что на этих собраниях «наиболее убогие жители города... в силу своего постоянного присутствия [на городских собраниях] имели численное превосходство и при голосовании одерживали победу над добропорядочными джентльменами, купцами, солидными коммерсантами и над всеми остальными достойными горожанами».

По всей вероятности, в Бостоне происходило следующее: несколько юристов, редакторов и купцов, принадлежавших к высшим классам, но исключенных из числа приближенных к Англии правящих кругов – такие люди как Джеймс Отис или Сэмюэл Адамс – организовали «Бостонский кокус-клуб» и благодаря своему ораторскому таланту и публикациям «создавали общественное настроение в ремесленной среде, призвали к действиям «толпу» и формировали ее поведение». Вот как Г. Нэш описывает Отиса: он «с большим сочувствием относился к падению благосостояния и возмущению обычных горожан, не только отражая общественное мнение, но и формируя его».

Эти события явились предзнаменованием долгой истории американской политики, выражавшейся в том, что для достижения собственных целей политические деятели из высших классов общества мобилизовали энергию представителей низших слоев. Это не было абсолютным жульничеством; параллельно проходило и подлинное осознание недовольства низов, что помогает понять эффективность такой тактики в течение нескольких столетий. Вот

что пишет об этом Г. Нэш: «Джеймс Отис, Сэмюэл Адамс, Ройалл Тайлер, Оксенбридж Тэчер и многие другие бостонцы, связанные с ремесленниками и рабочими через сеть местных таверн, пожарных команд, и сам «кокус-клуб» отстаивали политические взгляды, согласно которым отношение к мнению тружеников было доверительным, и считалось совершенно законным участие ремесленников и даже рабочих в политическом процессе».

Выступление Дж. Отиса в 1762 г. против консервативных правителей колонии Массачусетс, интересы которых представлял Томас Хатчинсон, являлось образцом того типа риторики, которую мог использовать адвокат, чтобы увлечь за собой мастеровых и ремесленников:

Я вынужден зарабатывать себе на жизнь своими собственными руками, в поте лица, как и большинство из вас, должен пускаться во все тяжкие за свой горький кусок хлеба, который я имею под недовольным взглядом тех, у кого нет никакого естественного, или дарованного свыше, права возвышаться надо мною и кто обязан своими знатностью и почестями беднякам...

В те годы казалось, что Бостон переполнен классовой ненавистью. В 1763 г. в бостонской «Газетт» кто-то написал, что «несколько персон, облеченных властью», проталкивают политические проекты, направленные на то, «чтобы держать людей в нищете, дабы они оставались покорными».

Этим накопившимся недовольством, обращенным против богачей, можно объяснить народные волнения в Бостоне после принятия Закона о гербовом сборе 1765 г. По этому акту англичане облагали население колоний налогом, с тем чтобы заплатить за Войну с французами и индейцами, в ходе которой колонисты пострадали во имя расширения Британской империи. В то лето сапожник по имени Эбенизер Макинтош возглавил толпу, которая разрушила дом состоятельного торговца Эндрю Оливера. Спустя две недели толпа набросилась на дом Томаса Хатчинсона, человека, символизировавшего богатую элиту, управлявшую колониями от имени Англии. Эти люди вломились в дом при помощи топоров, выпили все вино в винном погребе и полностью обчистили дом, вынеся из него мебель и другие предметы. В отчете, оправленном в Великобританию должностными лицами Массачусетса, говорилось, что эти действия были лишь одним из шагов в реализации плана, при котором дома пятнадцати состоятельных людей подлежали уничтожению в ходе «разбойной войны, установления всеобщего равенства и стирания различий между богатыми и бедными».

Это был один из тех моментов, в которые гнев, направленный против богачей, простирался несколько далее, чем того хотели бы лидеры вроде Отиса. Нельзя ли сделать так, чтобы классовая ненависть фокусировалась на пробританскую элиту и обходила стороной элиту национальную? В год нападений на бостонские дома в Нью-Йорке кто-то писал в местной «Газетт»: «Не справедливо ли, чтобы 99, а не 999 человек страдали от сумасбродства и знатности одного, особенно учитывая тот факт, что нередко богатства достигают за счет обнищания своих соседей?» Лидеры революции должны были бы заботиться о том, чтобы удерживать подобные настроения в нужных им границах.

Мастеровые требовали демократического устройства в колониальных городах: открытых заседаний представительных ассамблей, галерей для публики в законодательных собраниях, публикации результатов открытого голосования, для того чтобы избиратели могли контролировать работу своих представителей. Они требовали проведения собраний под открытым небом, чтобы население могло участвовать в политических решениях, требовали более справедливых налогов, контроля над ценами и избрания мастеровых и других простых людей на посты в правительстве.

Как пишет Г. Нэш, самосознание нижних слоев среднего класса особенно в Филадельфии возросло настолько, чтобы вызывать озабоченность не только среди консервативных лоялистов,

симпатизировавших Англии, но даже в кругах лидеров революции. «К середине 1776 г. рабочие, ремесленники и мелкие торговцы, применяя не предусмотренные законами меры, тогда как избирательная политика не работала, полностью контролировали Филадельфию». Получая поддержку со стороны некоторых вождей среднего класса (Томаса Пейна, Томаса Янга и др.), они «начали полномасштабную атаку на богатство, подвергнув сомнению даже само право приобретать частную собственность без всяких ограничений».

Во время выборов делегатов конвента 1776 г., на котором должны были разработать конституцию Пенсильвании, комитет граждан убеждал избирателей выступить против «важных и чрезмерно богатых людей... они слишком подходят для того, чтобы стать разграничительными барьерами в обществе». Эта организация составила для конвента билль о правах, в котором содержалось следующее положение: «Сосредоточение огромных богатств в руках отдельных индивидуумов опасно для прав и разрушительно для общего счастья человечества; исходя из этого, каждое свободное государство имеет право препятствовать накоплению такого количества собственности».

В сельской местности, где проживало большинство населения, имел место похожий конфликт между бедными и богатыми, который использовался политическими лидерами, чтобы настроить людей против Англии, предоставляя некоторые блага мятежной бедноте и получая для себя гораздо большие выгоды. В XVIII в. бунты арендаторов Нью-Джерси в 40-х гг., Нью-Йорка в 50-х, а также долины реки Гудзон в 60-х, выступление жителей в северо-восточной части Нью-Йорка, приведшее к отделению Вермонта от этой колонии, не были спорадическим явлением. На протяжении долгого времени существовали общественные движения, в высокой степени организованные, вовлеченные в процесс создания альтернативы властям. Эти движения выступали против горстки богатых землевладельцев, но, поскольку сами землевладельцы были далеко, гнев часто оказывался направленным на фермеров, которые арендовали спорные земли у их владельцев (об этом см., например, новаторское исследование, посвященное сельским восстаниям, предпринятое Э. Кантрименом).

Подобно тому как мятежники в Нью-Джерси ворвались в тюрьмы, чтобы освободить своих друзей, бунтовщики в долине реки Гудзон выпустили на волю заключенных шерифа, а один раз даже пленили его самого. Арендаторы рассматривались как «по большей части отбросы общества», а среди ополченцев, которых шериф графства Олбани повел на Беннингтон в 1771 г., были представители местной верхушки.

Сельские повстанцы видели свою борьбу как битву бедняков против богачей. Свидетель на судебном процессе, проходившем в Нью-Йорке в 1766 г. по делу одного из лидеров бунтовщиков, утверждал, что фермеры, выселенные землевладельцами, «имели справедливое право, однако не могли получить защиты в судебном порядке, потому что были бедны... а бедных всегда притесняют богатые». В Вермонте «Парни с Зеленых гор»²⁴ Итана Аллена называли себя «бедными людьми... уставшими от обустройства жизни в диких краях», а своих оппонентов – «кучкой адвокатишек и других джентльменов, со всеми их богато украшенными конскими упряжами, комплиментами и французской утонченностью».

Жаждавшие земли фермеры, проживавшие в долине реки Гудзон, обратились к англичанам за помощью в борьбе с местными землевладельцами; бунтовщики с Зеленых гор сделали то же самое. Но по мере того как конфликт с Англией обострялся, колониальные лидеры движения за

²⁴ Организация «Парни с Зеленых гор» была создана фермерами на так называемых нью-гэмпширских дарованных землях (современный Вермонт) в 60-х гг. XVIII в. В годы Войны за независимость 1775–1783 гг. сформировали отряды народного ополчения. «Парни с Зеленых гор» инициировали провозглашение в 1777 г. независимой республики Вермонт.

независимость, чтобы привлечь на свою сторону сельских жителей, озаботились тенденцией объединения бедных арендаторов, обративших свой гнев против богачей, с англичанами.

В Северной Каролине в 1766–1771 гг. мощное движение белых фермеров было направлено против состоятельных и коррумпированных представителей власти. Как раз в то же самое время в городах северо-востока разворачивалась затрагивавшая классовые вопросы агитация против англичан. Участники движения в Северной Каролине назывались «регуляторами», и, как писал М. Ки, специалист по истории этого движения, оно состояло из «обладавших классовым сознанием белых фермеров западных районов, которые пытались демократизировать местные органы власти в своих графствах». «Регуляторы» называли себя «бедными трудолюбивыми крестьянами», «работягами», «несчастными бедняками», «угнетаемыми» «богатыми и могущественными... коварными монстрами».

Они видели, что в Северной Каролине богатство срослось с политической властью, и разоблачали тех официальных лиц, «для которых главной целью являлось собственное обогащение». «Регуляторы» были возмущены налоговой системой, особо обременительной для бедняков, а также союзом торговцев с адвокатами, заседавшими в судах, с тем чтобы выбивать долги из изможденных трудом фермеров. В западных графствах, там, где зародилось движение «регуляторов», лишь немногие домохозяйства имели рабов, и, если взять в качестве примера одно такое графство, то 41 % общего числа невольников приходился на менее чем 2 % хозяйств. «Регуляторы» не выражали интересов слуг или рабов, а говорили от лица мелких собственников, скваттеров и фермеров-арендаторов.

Отчет современника о движении «регуляторов» в графстве Ориндж описывает ситуацию следующим образом:

«Таковы были люди из графства Ориндж, оскорбленные шерифом, ограбленные и обворованные... презираемые и осуждаемые депутатами и униженные магистратом, вынужденные платить поборы, зависящие только от алчности чиновника, обязанные платить налог, который, с их точки зрения, идет лишь на обогащение и возвышение немногих, тех, кто постоянно управляет ими, и они не видят избавления от всех этих зол; для власти и закона они были теми, чьи интересы необходимо подавлять, наживаясь на работнике».

В 60-х гг. XVIII столетия в этом графстве «регуляторы» объединились, чтобы воспрепятствовать сбору налогов и конфискации собственности неплательщиков. Официальные власти говорили о «всеобщем мятеже и опасной тенденции в графстве Ориндж» и вынашивали планы их подавления с помощью военных. Семьсот вооруженных фермеров силой добились освобождения двух арестованных предводителей движения. В 1768 г. «регуляторы» обратились к правительству с петицией, выражавшей их недовольство, где, в частности, говорилось о «неравных условиях, на которых бедные и слабые соревнуются с богатыми и обладающими властью».

В графстве Ансон полковник местной милиции жаловался на «небывалые беспорядки, восстания и волнения, раздирающие в настоящее время это графство». Однажды сотня людей сорвала судебное разбирательство. Они также пытались избрать фермеров в законодательную ассамблею, заявляя, что «большинство нашей ассамблеи состоит из адвокатов, чиновников и тех, кто связан с ними». В 1770 г. в Северной Каролине, в Хиллсборо, вспыхнул мощный бунт, во время которого было разгромлено здание суда, судье пришлось спасаться бегством, троих судей и двух торговцев избили, а местные лавки разграбили.

В результате всего этого законодательная ассамблея приняла некоторые незначительные законы реформаторского толка и закон о «предотвращении бунтов и мятежей», а губернатор готовился подавить их с помощью военной силы. В 1771 г. произошла решающая битва, в которой несколько тысяч «регуляторов» потерпели поражение от дисциплинированного войска,

использовавшего против них пушку. Шестеро участников движения были повешены. М. Ки пишет, что в трех западных графствах: Ориндже, Ансоне и Роуэне – там, где было больше всего «регуляторов», – их поддерживало от 6 до 7 тыс. человек, в то время как все облагаемое налогами белое население составляло около 8 тыс. человек.

Одним из следствий этого ожесточенного конфликта было то, что лишь небольшая часть «регуляторов» участвовала в Войне за независимость на стороне колонистов. Большинство из них, скорее всего, сохраняли нейтралитет.

К счастью для революционного движения, основные сражения происходили на Севере, а там в городах колониальным лидерам приходилось иметь дело с расколовшимся белым населением; они могли привлечь на свою сторону ремесленников, которых можно было считать средним классом и которые были заинтересованы в войне с Англией, сталкиваясь с конкуренцией со стороны британских производителей. Но самой главной проблемой оставалось удержание контроля над неимущими людьми, безработными и голодавшими в период кризиса, последовавшего за окончанием Войны с французами и индейцами.

В Бостоне экономические лишения низших классов в сочетании с гневом, направленным на англичан, привели к народному бунту. Лидеры движения за независимость хотели повернуть энергию толпы против Великобритании, но они также стремились сдержать эту энергию, чтобы она не обратилась против них самих.

Когда в 1767 г. выступления, направленные против Закона о гербовом сборе, охватили Бостон, командующий английскими вооруженными силами в Северной Америке генерал Томас Гейдж дал им следующую оценку:

«Бостонская толпа, взращенная изначально на подстрекательствах со стороны многих важных горожан, увлеченная грабежами, происшедшими сразу после достигнутого было согласия, набросилась, ограбила и разрушила несколько домов, в том числе и дом вице-губернатора... Потом люди сами испугались того духа, которого они выпустили на волю, полагая, что народной яростью не следует управлять, и каждый стал бояться того, что он сам может оказаться следующей жертвой его ненасытности. Такие же страхи распространились и на другие провинции, и, чтобы предотвратить народные восстания, было потрачено столько же усилий, как и на то, чтобы разжечь их».

Комментарий Гейджа говорит о том, что лидеры движения, направленного против Закона о гербовом сборе, поначалу провоцировали действия толпы, но потом испугались, осознав, что ее гнев может обратиться и против их собственного богатства. В то время наиболее обеспеченные 10 % бостонских налогоплательщиков обладали примерно 66 % облагаемых налогами материальных ценностей, тогда как 30 % самых малообеспеченных налогоплательщиков не располагали недвижимостью. Те, кто совсем был лишен имущества (например, чернокожие, женщины и индейцы), не имели права голосовать и принимать участие в городских собраниях. В это число входили также моряки, наемные работники, подмастерья и серванты.

Исследователь массовых действий в Бостоне в революционный период Д. Хёрдер полагает, что лидеры революции были «похожи на... нерешительных вождей «Сынов свободы», этих выходцев из средних слоев и преуспевающих торговцев», желавших подстегнуть выступления против Великобритании и одновременно обеспокоенных вопросом сохранения контроля над народными массами.

Чтобы лидеры обратили внимание на эту дилемму, понадобился кризис, связанный с Законом об гербовом сборе. Бостонская политическая группа, известная как «Лояльная девятка», – торговцы, винокуры, судовладельцы и мастера-ремесленники, выступавшие против этого закона, – в августе 1765 г. в знак протеста организовала процессию. Во главе ее они

поставили пятьдесят мастеров-ремесленников, но им понадобилось мобилизовать работников судоверфей из Норт-энда, а также мастеровых и подмастерьев из Саут-энда. В процессии приняли участие 2 тыс. человек (негры допущены не были). Люди пришли к дому главного сборщика налогов и сожгли его чучело. Но после того как «джентльмены», организовавшие демонстрацию, разошлись, толпа разъярилась еще больше и уничтожила часть собственности этого человека. Как сказал один из членов «Лояльной девятки», это были «невероятно возбужденные разгорячившиеся люди». Похоже, что данная группа старалась держаться в стороне от непосредственного нападения на богатые апартаменты сборщика налогов.

Богачи создавали вооруженные патрули. Теперь, когда проводились городские собрания, те же лидеры, которые планировали демонстрации, осуждали насилие и снимали с себя ответственность за действия толпы. Поскольку целый ряд демонстраций был запланирован на 1 ноября 1765 г., когда Закон о гербовом сборе должен был вступить в силу, и на 5 ноября – День Папы Римского, были предприняты меры, чтобы держать развитие событий под контролем. Чтобы завоевать доверие некоторых мятежных лидеров, для них организовали ужин. А когда Закон о гербовом сборе был отменен в связи с возрастающим сопротивлением, лидеры консерваторов ужесточили свои отношения с бунтовщиками. Они устраивали ежегодные празднования годовщины первой демонстрации против Закона о гербовом сборе, на которые приглашали, как пишет Хёрдер, вовсе не бунтовщиков, а «в основном представителей высшего и среднего класса Бостона, которые отправлялись в экипажах и каретах в Роксбери или Дорчестер на пышные торжества».

Когда британский парламент предпринял еще одну попытку обложить колонии налогами, надеясь, что на этот раз налоговое бремя не будет столь тяжелым и не вызовет такого отчаянного сопротивления, колониальные лидеры прибегли к бойкоту. Но они заявили: «Нет толпам или беспорядкам, пусть личности и собственность ваших самых заклятых врагов будут в безопасности». Сэмюэл Адамс советовал: «Нет толпам черни – нет беспорядкам – нет мятежам». А Джеймс Отис говорил, что «никакие из возможных обстоятельств, даже наиболее жестоких, не могут служить оправданием для мятежей и беспорядков».

Насильственная вербовка на военную службу и расквартирование войск, проводимые англичанами, наносили прямой ущерб морякам и другим наемным работникам. После 1768 г. в Бостоне находилось 2 тыс. солдат, и между ними и народными массами стала нарастать напряженность. Солдаты начали отнимать рабочие места у трудящегося люда, в то время когда работы в городе было недостаточно. Мастерские и хозяева лавок теряли работу или бизнес вследствие бойкота, объявленного колонистами английским товарам. В 1769 г. в городе был организован комитет, задача которого заключалась в том, чтобы «разработать необходимые меры в целях предоставления работы бедным жителям города, число коих постоянно растет из-за упадка в ремесле и коммерции».

Пятого марта 1770 г. недовольство ремесленников – производителей канатов британскими солдатами, отбиравшими у них кусок хлеба, переросло в открытый конфликт. Толпа собралась у здания таможни и начала провоцировать солдат, в результате чего последние открыли стрельбу и убили первым рабочего-мулата Криспуса Аттаса, а потом и других горожан. Этот инцидент получил название «Бостонская бойня». Ненависть к англичанам росла как на дрожжах. Оправдание шести солдат (двое из которых были наказаны путем клеймения большого пальца руки и уволены из армии) вызвало гнев. Джон Адамс, являвшийся адвокатом этих военных, так описывал участников «Бостонской бойни»: «разношерстная толпа, включавшая развязных парней, негров и мулатов, ирландских и иностранных моряков». Около 10 тыс. горожан из шестнадцатитысячного населения прошли в похоронной процессии, провожая в последний путь жертв кровопролития. Это заставило англичан вывести войска из

Бостона и попытаться загладить конфликт.

Насильственная вербовка на военную службу была фоном для «Бостонской бойни». В 60-х гг. XVIII в. против такой вербовки вспыхивали бунты в Нью-Йорке и Ньюпорте (Род-Айленд), где 500 матросов, юношей и чернокожих восстали после пятинедельного пребывания в армии, попав туда путем подобного набора. За шесть недель до бостонских событий в Нью-Йорке произошло столкновение моряков с английскими солдатами, занявшими их рабочие места. В результате один матрос погиб.

Во время «Бостонского чаепития» в декабре 1773 г. городской комитет связи, созданный за год до этих событий для организации антибританских выступлений, по словам Д. Хёрдера, «с самого начала контролировал действия толпы, набросившейся на чай». «Чаепитие» заставило британский парламент принять так называемые «репрессивные акты», фактически установить в Массачусетсе законы военного времени, распустить колониальные органы власти, закрыть Бостонский порт и направить туда войска. Тем не менее оппозиционные настроения на городских собраниях и массовых митингах усилились. Захват англичанами порохового склада привел к тому, что 4 тыс. мужчин со всего Бостона собрались в Кембридже, где у многих местных чиновников были роскошные дома. Толпа заставила этих людей отказаться от своих должностей. Комитеты связи Бостона и других городов приветствовали это выступление, но предупредили о незаконности уничтожения частной собственности.

Историк П. Майер, изучавшая развитие оппозиционных Британии настроений в десятилетие, предшествовавшее 1776 г., в своей книге «От Сопrotивления к Революции» подчеркивает сдержанность лидеров и их «стремление к порядку и умеренности», несмотря на желание сопротивляться. Она отмечает: «Должностные лица и члены комитетов «Сынов свободы» почти все были представителями среднего и высшего классов колониального общества». Например, по свидетельству современника, среди «Сынов свободы» в Ньюпорте (Род-Айленд), «были некоторые джентльмены высшего городского сословия – богатые, сознательные и вежливые». В Северной Каролине ячейку этой организации возглавлял «один из богатейших джентльменов и фригольдеров». Похожая ситуация была в Виргинии и Южной Каролине. А «нью-йоркские лидеры занимались небольшим, но вызывающим уважение предпринимательством». Однако их целью было расширение организации, развитие массовой поддержки среди тех, кто зарабатывал на жизнь наемным трудом.

Многие местные отделения «Сынов свободы», как, например, ячейка в Милфорде (Коннектикут), заявляли о своем «огромном отвращении» к беззаконию, а ячейка в Аннаполисе выступала против «любых бунтов или незаконных собраний, ведущих к нарушению общественного спокойствия». Дж. Адамс выказывал похожие опасения: «Сии обмазывания дегтем и обваливания перьями, сии вторжения грубых и дерзких бунтовщиков в дома в поисках восстановления справедливости в частных случаях или в силу личных предрассудков и страстей должны быть прекращены».

Образованным джентри Виргинии было, похоже, ясно, что необходимо что-то предпринять, дабы убедить низшие слои общества присоединиться к революционному движению, направив их гнев против Англии. Весной 1774 г. один виргинец писал в своем дневнике: «Низшие классы здесь готовы взбунтоваться, услышав о событиях в Бостоне, многие из них готовы идти сражаться против британцев!» В период принятия Закона о гербовом сборе виргинский оратор, обращаясь к беднякам, заявил: «Разве джентльмены сделаны не из того же материала, что и беднейшие из вас?... Не слушайте догмы, которые могут внести среди нас раскол, напротив, сплотимся, как братья».

Это была проблема, для решения которой отлично подходили ораторские таланты Патрика Генри. Как пишет Р. Айзек, он был «крепко привязан к миру джентри», но говорил

словами, которые были понятны массам белой бедноты Виргинии. Земляк П. Генри – Эдмунд Рэндолф характеризовал его стиль «как простоватый и даже беззаботный... Казалось, что паузы, которые он делал, своей продолжительностью могли иногда отвлекать, на самом деле они лишь еще больше приковывали внимание, повышая ожидания [слушателей]».

Риторика П. Генри в Виргинии указала путь к снижению напряженности между высшими и низшими сословиями, объединяя их против англичан. Она заключалась в поиске тех слов, которые, с одной стороны, вдохновили бы все классы и были бы достаточно конкретными в перечислении жалоб, с тем чтобы вызвать гнев людей против британцев, но с другой – оставались бы довольно туманными во избежание классового конфликта внутри самих мятежников, а также чтобы вызвать чувство патриотизма, на котором будет основано движение сопротивления.

Опубликованный в начале 1776 г. и ставший самым популярным в североамериканских колониях памфлет «Здравый смысл» Томаса Пейна оказывал именно такое воздействие. В нем приводился первый мощный аргумент в пользу независимости, и делалось это такими словами, которые мог понять любой, пусть и неграмотный человек: «Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло».

Пейн расправился с идеей о праве королей считать себя помазанниками божьими, рассказав язвительную историю английской монархии, ведущую счет от нормандского завоевания 1066 г., когда Вильгельм Завоеватель явился из Франции, чтобы занять британский трон: «Французский ублюдок, высадившийся во главе вооруженных бандитов и воцарившийся в Англии вопреки согласию ее жителей, является, скажем прямо, крайне мерзким и низким прашуром. В таком происхождении, конечно, нет ничего божественного».

Автор обращал внимание на практические преимущества сохранения связи с Англией или отделения от нее; ему было хорошо известно о важной роли экономики:

«Я призываю самых горячих защитников политики примирения показать хотя бы одно преимущество, какое континент может получить от связи с Великобританией. Я повторю этот вызов; таких преимуществ нет. Хлеб наш найдет свой сбыт на любом европейском рынке, а за привозные товары нужно платить, где бы мы их ни покупали».

Что же касалось неблагоприятных сторон отношений с Англией, то здесь Пейн апеллировал к памяти колонистов обо всех войнах, в которые метрополия их вовлекала, войнах, стоивших жизней и денег:

«Неудобства же и убытки, какие мы терпим от этой связи, неисчислимы... всякое подчинение Великобритании или зависимость от нее грозит непосредственно втянуть наш континент в европейские войны и распри и ссорят нас с нациями, которые иначе искали бы нашей дружбы».

Постепенно он усиливал эмоциональный накал:

«Все, что есть верного и разумного, молит об отделении. Кровь убитых, рыдающий голос природы вопиют нам: «ПОРА РАССТАТЬСЯ»».

В 1776 г. вышло 25 изданий «Здравого смысла», разошедшегося сотнями тысяч экземпляров. Вполне возможно, что каждый грамотный колонист или прочел это произведение, или по крайней мере знал его содержание. Памфлеты к тому времени стали основным форумом, где обсуждался вопрос об отношениях с Англией. В 1750–1776 гг. было выпущено 400 памфлетов, в которых дебатировались те или иные аспекты Закона о гербовом сборе, «Бостонской бойни» и «Бостонского чаепития» или общие вопросы неподчинения законам, лояльности властям, прав и обязанностей.

Памфлет Т. Пейна был обращен к широким кругам общественности, так или иначе недовольным Великобританией. Но он вызвал некоторый трепет среди аристократов вроде Дж.

Адамса, которые поддерживали патриотические цели, но хотели удостовериться, что дело не пойдет слишком далеко в направлении демократии. Пейн осуждал так называемое сбалансированное правительство английских палат лордов и общин и призывал к созданию однопалатных представительных органов власти, в которых присутствовали бы представители народа. Адамс же осуждал план Пейна как «настолько демократичный, без каких-либо ограничений или даже попыток установить равновесие и сдерживающие факторы, что он может привести к неразберихе и даже сотворить зло». Адамс считал, что народным ассамблеям нужен противовес, поскольку они были «плодовиты насчет поспешных выводов и абсурдных суждений».

Сам Пейн происходил из «низших сословий» Англии – он был мастером по изготовлению корсетов, сборщиком налогов, учителем, неимущим эмигрантом, уехавшим в Америку. Он прибыл в Филадельфию в 1774 г., когда антианглийская агитация в колониях уже набрала силу. Филадельфийские ремесленники и мастеровые вместе с квалифицированными рабочими, подмастерьями и простыми работниками формировали политически сознательную милицию, собирая под ее знамена «в целом всякую шпану и нечисть – грязную, мятежную и недовольную», как их описывали местные аристократы. Выступая просто и твердо, Пейн мог выражать интересы этих политически сознательных представителей низшего класса (он являлся противником имущественного ценза на выборах в Пенсильвании). Но ему было важнее выступать от имени средней категории населения. «Велики размеры богатства, а на другом краю – нищета, которая, сужая круг знакомых человека, уменьшает и его возможности познания».

Когда началась революция, Пейн все больше и больше давал понять, что не поддерживает действия толпы из представителей низших сословий, например ополченцев, напавших в 1779 г. на дом одного из лидеров Революции – Джеймса Уилсона, выступавшего против контроля за ценами и желавшего установления более консервативного правительства, чем то, которое было сформировано согласно конституции Пенсильвании 1776 г. Пейн стал соратником одного из богатейших людей этого штата – Роберта Морриса и поддерживал созданный последним Банк Северной Америки.

Позднее, во время споров вокруг принятия Конституции США, Пейн вновь будет представлять интересы городских ремесленников, выступавших за сильную центральную власть. Судя по всему, он считал, что такая власть будет в большей степени выражать общие интересы. В этом смысле он был полностью поглощен мифом революции о том, что она осуществлялась от имени единого народа.

Декларация независимости возвела этот миф на вершины риторики. Каждая жесткая мера контроля со стороны британцев – Прокламация 1763 г., запрещающая колонистам селиться за Аппалачами, Закон о гербовом сборе, налоги согласно актам Тауншенда, включая пошлину на чай, расквартирование войск и «Бостонская бойня», закрытие Бостонского порта и роспуск легислатуры Массачусетса – все это привело к эскалации колониального бунта до степени превращения его в революцию. Колонисты ответили на эти меры Конгрессом гербового сбора, созданием «Сынов свободы» и комитетов связи, «Бостонским чаепитием» и, наконец, созывом в 1774 г. Континентального конгресса – этого незаконного органа, ставшего предшественником будущего независимого правительства. После вооруженного столкновения у Лексингтона и Конкорда между колониальными минитменами²⁵ и английскими войсками в апреле 1775 г. Континентальный конгресс принял решение об отделении от Англии. Был создан небольшой

²⁵ Минитменты – ополченцы, находящиеся в минутной готовности и способные сразу же вступить в бой.

комитет, которому поручили составление Декларации независимости – ее текст написал Томас Джефферсон. Второго июля она была принята Конгрессом и официально провозглашена 4 июля 1776 г.

К этому времени настроения в пользу независимости уже набрали мощь. В резолюциях, принятых в Северной Каролине в мае 1776 г. и отправленных в Континентальный конгресс, провозглашалась независимость от Англии, все британские законы объявлялись недействительными и содержался призыв готовиться к войне. Примерно в то же время массачусетский город Молден, откликаясь на запрос со стороны палаты представителей Массачусетса, чтобы все города в штате продекларировали свое отношение к независимости, созвал собрание горожан, на котором прозвучал единогласный призыв к независимости: «...настоящим мы с презрением расторгаем нашу связь с королевством рабов; мы говорим Британии последнее «прощай!»».

«Когда в ходе человеческой истории для одного народа оказывается необходимым расторгнуть политические узы... то уважение к мнению человечества обязывает его изложить причины». Так начинался текст Декларации независимости. Затем, во втором параграфе, следовало мощное философское заявление:

«Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых; что, если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй».

Далее в тексте перечислялись жалобы на короля, «история беспрестанных злоупотреблений и насилий, непосредственная цель которых заключается в установлении в наших штатах абсолютного деспотизма». В этом перечне король обвинялся в том, что он распустил колониальные органы власти, контролировал судей, направлял «толпы бесчисленных чиновников, чтобы притеснять и разорять народ», засылал оккупационные войска, прервал торговлю колоний с остальным миром, облагал колонистов налогами без их согласия, развязал против них войну, посылая «целые армии иностранных наемников, чтобы завершить дело уничтожения, разорения и тирании».

Все эти слова о контроле народа над действиями властей, праве на восстание и революцию, возмущении политической тиранией, экономическим бременем и вооруженными нападениями были как раз той лексикой, которая способна сплотить большие массы колонистов и убедить даже тех, кто имел претензии друг к другу, обернуть их против Англии.

Некоторых американцев – индейцев, чернокожих рабов, женщин – вывели за пределы этих общих интересов, очерченных Декларацией независимости. И в самом деле, в одном параграфе король обвинялся в подстрекательстве к восстаниям рабов и нападениям индейцев:

«Он вызывал среди нас внутренние волнения и пытался поднять против жителей нашей приграничной полосы жестоких индейских дикарей, которые ведут войну, уничтожая поголовно всех, независимо от возраста, пола или состояния».

За двадцать лет до принятия Декларации была одобрена прокламация легислатуры Массачусетса от 3 ноября 1755 г., в которой индейцы пенобскоты объявлялись «мятежниками, врагами и предателями» и говорилось о вознаграждении: «За каждый принесенный скальп индейца мужского пола... давать сорок фунтов. За каждый скальп индианки или индейца в возрасте до 12 лет... давать 20 фунтов».

Перу Томаса Джефферсона принадлежит параграф Декларации, где король обвинялся в перевозке рабов из Африки в колонии, «пресекая любую законодательную попытку запретить

или ограничить эту отвратительную торговлю». Похоже, что это должно было бы отражать негодование по поводу рабства и работорговли (личное отвращение Джефферсона к рабству следует рассматривать наряду с тем фактом, что до последнего дня своей жизни он являлся хозяином сотен рабов). За этим параграфом стоял растущий страх виргинцев и некоторых других южан по поводу роста численности чернокожих рабов в колониях (они составляли пятую часть населения) и, соответственно, угрозы восстаний невольников. Составленный Джефферсоном параграф не был принят Континентальным конгрессом, поскольку сами рабовладельцы расходились во мнениях относительно желательности прекращения работорговли. Поэтому даже такой жест в сторону чернокожего раба был изъят из великого манифеста свободы Американской революции.

Использование фразы «все люди созданы равными»²⁶, возможно, и не было преднамеренной попыткой сделать выпад в адрес женщин. Просто тогда не считали, что они достойны упоминания. Для политики женщины были невидимками. Хотя объективная необходимость и способствовала появлению у женщин некоторого авторитета дома, на ферме, в определенных профессиональных областях, таких, как, например, акушерство, на них просто не обращали внимания, если речь заходила о каких-либо политических правах или касалась вопросов равноправия граждан.

Говоря о том, что даже в языке, которым написана Декларация независимости, проявилась ее направленность исключительно на жизнь, свободу и счастье белого мужчины, мы вовсе не обвиняем ее создателей и тех, кто подписал этот документ, в том, что они разделяли те идеи, которые и должны были разделять привилегированные мужи в XVIII в. Реформаторов и радикалов, с досадой оглядывающихся на историческое прошлое, нередко обвиняют в том, что они слишком многого требуют от предшествующей политической эпохи, и иногда так оно и есть. Но, отмечая через столетия тех, кого не затронули права человека, провозглашенные в Декларации независимости, бессмысленно возлагать на то время непосильное моральное бремя. Мы лишь пытаемся понять, каким образом она сработала и смогла мобилизовать отдельные сегменты американского общества, проигнорировав другие. Конечно, патетический язык, подобный тому, каким написана Декларация, используется и в наши дни, для того чтобы достичь безопасного консенсуса, затушевать серьезные конфликты интересов, стоящие за этим процессом, и, помимо прочего, скрыть, что судьбы огромной части человечества вообще не принимались во внимание.

Философию этого документа и идеи о том, что правительство назначается народом и призвано охранять жизнь, свободу и счастье человека и что оно будет свергнуто в случае, если не выполняет этих задач, часто рассматривают как имеющие сходство с идеями Джона Локка, высказанными в его «Втором трактате о государственном правлении». Эта работа была опубликована в Англии в 1689 г., когда англичане восстали против королей-тиранов и установили парламентскую форму правления. В Декларации независимости, как и во «Втором трактате», говорится о правительстве и политических правах, но игнорируется факт существования имущественного неравенства. Но разве могут люди в реальной жизни обладать равными правами, притом что имущественное неравенство столь существенно?

Сам Локк был богатым человеком, который вкладывал деньги в торговлю шелком и рабами, получал доходы от выдачи займов и кредитов. Он инвестировал крупные средства в первый выпуск акций Банка Англии спустя всего лишь несколько лет после написания «Второго трактата» – классического заявления в духе либеральной демократии. Как советник

²⁶ Буквально фразу «all men are created equal» можно перевести и как «все мужчины созданы равными».

властей Северной и Южной Каролины, он предлагал создать правительство рабовладельцев, возглавляемое богатыми землевладельцами.

Провозглашенная Локком идея народного правительства была направлена в поддержку Английской революции, свободного развития капиталистической торговли как в Англии, так и за рубежом. Но сам Локк сожалел, что труд детей бедняков «до достижения ими двенадцати – четырнадцати лет в большинстве случаев потерян для общества», и предлагал, чтобы все дети старше трех лет из нуждающихся семей посещали «рабочие школы», дабы быть «с младенчества приученными к труду».

Английские революции XVII в. привнесли представительную власть и дали толчок дискуссиям о демократии. Но английский историк К. Хилл в работе «Пуританская революция» пишет: «Создание верховенства парламента и закона, без сомнения, в основном пошло на пользу имущим слоям населения». Со спорным налогообложением, угрожавшим безопасности имущества, было покончено; монополии сброшены, чтобы дать большую свободу бизнесу, а военно-морскую мощь стали использовать для проведения имперской внешней политики, в том числе завоевания Ирландии. Левеллеры и диггеры, два политических движения, стремившихся привести равенство в экономическую сферу, были сметены революцией.

Кто-то может отметить воплощение красивых фраз Дж. Локка о представительном правлении в классовом расслоении и конфликтах, вспыхнувших в Англии после той самой революции, которую поддерживал философ. В 1768 г., когда на американской политической арене нарастала напряженность, Британия переживала времена бунтов и забастовок истопников, работников лесопилок, шляпников, ткачей и моряков, вызванных высокими ценами на хлеб и жалкими заработками. В ежегоднике «Энньюэл реджистер» так описывались события весны – лета 1768 г.: «Всеобщее недовольство преобладало в среде нижних классов. Сие раздражение, частично вызванное высокими ценами на провизию, а частично – иными причинами, слишком часто проявлялось в волнениях и беспорядках, сопровождавшихся самыми печальными последствиями.

«Народ», который, казалось бы, должен был находиться в центре теории Локка о народном правлении, так определялся членом английского парламента: «Я не имею в виду толпу... Я имею в виду средний класс Англии: фабрикантов, йоменов, торговцев, сельских помещиков».

Подобным же образом и в Америке реальностью, стоящей за словами Декларации независимости (вышедшей в том же году, что и капиталистический манифест Адама Смита «Богатство народов»), было то, что нарождающемуся классу важных людей было необходимо привлечь к себе достаточное для победы над Англией число сторонников-американцев, без того, чтобы затрагивать различия между богатыми и бедными, которые развивались на протяжении 150-летней колониальной истории. И в самом деле, 69 % тех, кто подписал Декларацию независимости, при англичанах занимали в колониях ту или иную должность.

Текст Декларации независимости, полный зажигательных радикальных фраз, прочитал с балкона здания городского собрания Бостона Томас Крафте, член консервативной «Лояльной девятки», выступавшей против антибританской воинственной акции.

Через четыре дня после этого события бостонский комитет связи приказал горожанам явиться на центральную площадь для записи на военную службу. Как оказалось, богатые могли избежать призыва, заплатив за замену, а бедным пришлось служить. Это привело к волнениям и выкрикам в толпе: «Тирания есть тирания, от кого бы она ни исходила».

Вот такая революция

Победа американцев над английской армией стала возможной потому, что в руках у народа уже было оружие. Едва ли не каждый белый мужчина имел ружье и умел стрелять. Лидеры революции не доверяли бедняцким толпам. Но они знали, что идеи революции непривлекательны для рабов и индейцев. Поэтому вожди восставших были вынуждены искать поддержку со стороны белого вооруженного населения.

Это было непросто. Действительно, ремесленники, моряки и некоторые другие колонисты были настроены против Англии. Но всеобщего энтузиазма по поводу ведения войны не наблюдалось. Хотя большинство белых мужчин в период войны и провели какое-то время на военной службе, лишь немногие оставались в армии. Джон Шай в своем исследовании повстанческой армии «Народ многочисленный и вооруженный» пишет, что «они устали от запугиваний со стороны местных комитетов безопасности, коррумпированных интендантов, от банд вооруженных оборванцев, которые называли себя солдатами Революции». По оценкам Шая, примерно пятая часть населения колоний открыто поддерживала англичан. Джон Адамс полагал, что треть жителей выступала против войны, треть поддерживала борьбу, а треть сохраняла нейтралитет.

Адъютант Джорджа Вашингтона и подававший большие надежды представитель новой элиты Александр Гамильтон писал из его штаб-квартиры: «...наши соотечественники – абсолютные болваны и пассивны как овцы... Они не были привержены борьбе за свободу... И если нам суждено спастись, то спасти нас должны Франция и Испания».

На Юге помехой являлось рабство. Южная Каролина, где было небезопасно еще со времен восстания рабов в Стоно в 1739 г., с трудом могла сопротивляться Англии; местная милиция была занята тем, чтобы удерживать под контролем невольников.

По словам Дж. Шая, люди, которые поначалу вступали в колониальное ополчение, были «образцом респектабельности, или, по крайней мере, были полноправными гражданами» своих общин. В ряды ополчения не допускались доброжелательно настроенные индейцы, свободные негры, белые сервенты и свободные белые мужчины, не имевшие постоянного места жительства. Однако безвыходность ситуации заставила открыть двери и для менее респектабельных белых колонистов. В Массачусетсе и Виргинии в отряды милиции набирали «бродяг» (праздношатающихся). Фактически ополчение стало тем дающим беднякам надежду местом, где можно было подняться по карьерной лестнице, получая очередное звание, подзаработать и изменить свой социальный статус.

Это был хорошо известный механизм, с помощью которого те, кто отвечал за порядок в обществе, могли мобилизовать и дисциплинировать непокорное население, предлагая беднякам приключения и награды в ходе военной службы, с тем чтобы эти люди сражались за некие цели, которые они необязательно разделяли. Раненный при Банкер-Хилле²⁷ американский лейтенант дал показания лоялисту Питеру Оливеру (который, возможно, и ожидал подобных ответов) о том, как он присоединился к армии повстанцев: «Я был сапожником и зарабатывал на жизнь своим трудом. Когда началось это восстание, обнаружилось, что некоторые из моих соседей, которые были ничуть не лучше меня, получили первое офицерское звание. Я был очень честолюбив и не хотел, чтобы эти люди превосходили меня. Мне предложили завербоваться рядовым... я просил произвести меня в лейтенанты, и они согласились. Я представил себе путь продвижения по службе: если меня убьют в битве, то это конец, но если погибнет мой капитан, то меня повысят в звании и будут шансы подняться еще выше. Такова, сэр, была единственная причина, из-за чего я пошел в армию, а что касается разногласий между

²⁷ Битва при Банкер-Хилле 17 июня 1775 г. стала первым серьезным сражением войны за независимость.

Великобританией и колониями, то я в этом ничего не понимаю».

Дж. Шай выяснил, что впоследствии стало с этим лейтенантом – участником боя при Банкер-Хилле. Этого человека звали Уильям Скотт, он был из Питерборо (Нью-Гэмпшир). Проведя год в плену у англичан, он бежал и вновь присоединился к американской армии, принимал участие в битвах на территории Нью-Йорка, снова был пленен британцами и снова совершил побег – с привязанной к шее шпагой и часами, прикрепленными к шляпе, он переплыл реку Гудзон. Вернувшись в Нью-Гэмпшир, Скотт организовал свой отряд, в который вошли два его старших сына, и сражался во многих баталиях, пока позволяло здоровье. Он видел, как его старший сын, отслуживший в армии шесть лет, умер от сыпного тифа. Скотт продал свою ферму в Питерборо за вексель, который в ходе инфляции обесценился. После окончания войны внимание общественности к личности этого человека было привлечено в связи с тем, что он спас восемь утопающих, чья лодка перевернулась в Нью-Йоркской гавани. Потом он получил работу, связанную с межеванием западных земель военными, но заболел лихорадкой и скончался в 1796 г.

У. Скотт был одним из многих борцов времен революции, принадлежавших по большей части к низшим военным чинам, происходивших из бедных слоев общества и имевших темное прошлое. Дж. Шай изучил военный контингент Питерборо и показал, что известные и состоятельные горожане принимали участие в войне лишь в течение короткого времени. Та же закономерность наблюдается и в других американских населенных пунктах. Историк так пишет об этом: «Революционная Америка, возможно, и была обществом среднего класса, более счастливого и успешного, чем все остальные в то время, но в ней было значительное и постоянно растущее число довольно бедных людей, и именно на долю многих из них с 1775 по 1783 г. пришлось настоящая война и страдания: история, старая как мир».

Сам по себе военный конфликт, который довлел надо всем в то время, делая другие проблемы более мелкими, заставлял людей выбирать между двумя противоборствующими сторонами в том противостоянии, которое имело общественную значимость. Колонисты становились на сторону революции, даже если их стремление к независимости и не было очевидным. Правящие элиты – сознательно или нет, – похоже, усвоили урок предшественников, который заключался в том, что война ограждает их от внутренних проблем.

Обстоятельства подготовки к военным действиям вынуждали нейтрально настроенных людей становиться в строй. В Коннектикуте, к примеру, был принят закон, требовавший прохождения воинской службы всеми мужчинами в возрасте от 16 до 60 лет, за исключением некоторых правительственных чиновников, священников, студентов и преподавателей Йельского университета, чернокожих, индейцев и мулатов. Каждый призванный мог найти себе замену или избежать службы, заплатив 3 ф. ст. Когда 18 человек отказались явиться на военную службу, их посадили в тюрьму, и, для того чтобы оказаться на свободе, они вынуждены были дать обещание, что пойдут воевать. Дж. Шай пишет: «Механизмом смены их политических взглядов была милиция». То, что в наши дни выглядит как демократизация вооруженных сил, было явлением иного плана, а именно способом заставить огромное число сопротивляющихся людей почувствовать себя вовлеченными в общенациональное дело и в конце концов поверить в него.

В те времена войны за свободу существовала воинская повинность, освобождение от которой, как обычно, зависело от финансового состояния. Когда еще была свежа память о бунтах, направленных против принудительной мобилизации, проводившейся англичанами, к 1779 г. стала опять осуществляться насильственная вербовка, но уже в американский военно-морской флот. Официальный представитель властей Пенсильвании говорил: «Мы не можем не заметить, насколько похоже это поведение на поведение британских офицеров в годы

нашей зависимости от Англии, и убеждены в том, что оно будет иметь столь же неблагоприятные последствия в плане отчуждения народа от... власти... что легко может привести к оппозиции... и кровопролитию».

Наблюдая за новой, строгой дисциплиной в армии Дж. Вашингтона, капеллан из города Конкорд (Массачусетс) писал: «Новые господа, новые правила. На смену пришло жесточайшее командование, а между офицерами и рядовыми возникла огромная дистанция. Каждый обязан знать свое место и оставаться в его пределах, или он немедленно будет связан и получит не менее 30 или 40 плетей».

Американцы потерпели поражение в первых сражениях войны: при Банкер-Хилле, в Бруклин-Хайтс и Гарлем-Хайтс, на Юге; им удалось одержать победу в ходе небольших сражений при Трентоне и Принстоне, а затем во время поворотного момента в ходе войны – в сражении при Саратоге (Нью-Йорк) в 1777 г. Замерзающая армия генерала Вашингтона закрепилась в Вэлли-Фордж (Пенсильвания), в то время как Бенджамин Франклин вел переговоры о союзе с французской монархией, которая стремилась отомстить Англии. Война переместилась на Юг, где британцы стали одерживать одну победу за другой, до тех пор пока в 1781 г. американцы, при поддержке большой армии Франции, а также с помощью ее военно-морского флота, блокирующего поставки продовольствия и подкреплений англичанам, не одержали победу в последней битве войны при Йорктауне (Виргиния).

На фоне этих событий то и дело вновь проявлялись скрытые разногласия между бедными и богатыми американцами. В самый разгар войны, в Филадельфии, в тот период, который Э. Фонер характеризовал как «время невероятных прибылей для одних колонистов и страшных лишений для других», инфляция (в том году цены за месяц поднимались на 45 %) спровоцировала народные волнения и призывы к действиям. Одна из филадельфийских газет напоминала, что в Европе «народ всегда вершил правосудие, когда из-за корыстолюбия скупщиков возникала нехватка хлеба. Люди взламывали склады и забирали запасы продуктов, не платя за них, а в некоторых случаях вешали виновных в своих страданиях».

В мае 1779 г. Первая рота филадельфийской артиллерии обратилась в законодательную ассамблею с петицией, в которой сообщалось о бедах «представителей среднего класса и малоимущих» и высказывались угрозы применения насилия против «тех, кто сознательно нацелился на накопление богатств за счет разорения более добродетельной части общества». В том же месяце прошел незаконный массовый митинг, в ходе которого выдвигались требования снижения цен и было начато расследование по делу богатого жителя Филадельфии Роберта Морриса, обвинявшегося в нежелании продавать продукты питания. В октябре вспыхнул «бунт в Форте Уилсон», во время которого отряд местной милиции вошел в город и направился маршем к дому Джеймса Уилсона, богатого юриста и официального представителя революционных властей, который выступал против контроля над ценами и демократической конституции, принятой в Пенсильвании в 1776 г. Ополченцы были разогнаны «бригадой в шелковых чулках», состоявшей из обеспеченных жителей Филадельфии.

Казалось, что большинство белых колонистов, владевших наделами земли или вовсе не имевших собственности, в любом случае предпочтительнее рабов, сервентов либо индейцев и что таких колонистов можно привлечь на сторону революции. Но по мере того как утраты военного времени становились все горше, привилегии и безопасность богатых делались все более неприемлемыми для остальных. Около десятой части белого населения (по оценкам, данным в книге Дж. Т. Мейна «Социальная структура Америки в период революции») – крупные землевладельцы и торговцы – обладали личным имуществом стоимостью 1 тыс. ф. ст. и более и землями, как минимум, на ту же сумму, и эти люди владели практически половиной всего богатства страны, а их рабы составляли седьмую часть ее населения.

В Континентальном конгрессе, который управлял колониями в военное время, главенствующую роль играли состоятельные люди, объединенные во фракции в соответствии со своими деловыми или родственными связями. Эти отношения объединяли Север и Юг, Восток и Запад. К примеру, виргинец Ричард Генри Ли был связан с Адамсами из Массачусетса и Шиппенсами из Пенсильвании. Делегаты из срединных²⁸ и южных колоний были связаны с пенсильванцем Робертом Моррисом по делам коммерции и земельных спекуляций. Последний был суперинтендантом финансов, а его помощником являлся Гувернер Моррис.

План Морриса заключался в том, чтобы предоставить больше гарантий кредиторам Континентального конгресса и заручиться поддержкой сохранивших верность офицеров, которым по решению Конгресса должны были пожизненно выплачивать половину жалованья. Это не относилось к рядовым, не получавшим денег, страдавшим от холода, умиравшим от болезней и наблюдавшим за тем, как богатеют спекулянты из гражданских. Первого января 1781 г. солдаты пенсильванских боевых частей, стоявших под Морристауном (Нью-Джерси), возможно осмелевшие под влиянием рома, разогнали своих офицеров, убив капитана и ранив других командиров, а потом отправились строем, в полной боевой экипировке, прихватив пушку, в Филадельфию, где заседал Континентальный конгресс.

Действуя осторожно, Дж. Вашингтон урегулировал эту ситуацию. Получив информацию о развитии событий от генерала Э. Уэйна, он приказал ему не применять силу. Вашингтон опасался, что бунт может перекинуться на его собственные войска. Он порекомендовал Уэйну иметь список солдатских жалоб и сказал, что Конгресс не должен покидать в спешке Филадельфию, поскольку в этом случае горожане могли бы присоединиться к бунтовщикам. Вашингтон приказал также Г. Ноксу срочно отправиться в Новую Англию и привезти солдатам трехмесячное жалованье, пока он сам будет собирать 1 тыс. человек, которые смогут выступить против мятежников в случае крайней необходимости. Мирное решение было найдено; при этом половину участников событий демобилизовали, а другую половину отправили в отпуск.

Вскоре после этого в пехотных частях из Нью-Джерси вспыхнул небольшой бунт, в котором приняли участие двести человек, отказавшиеся подчиняться своим офицерам и отправившиеся маршем на столицу штата – город Трентон. На этот раз Вашингтон был готов. Шестьсот человек, которые находились в армии на хорошем довольствии и имели отличное обмундирование, выступили навстречу мятежникам, окружили и разоружили их. Три главаря были немедленно преданы полемому суду. В результате один из них был оправдан, а двое других расстреляны командой, составленной из бывших соратников, которые не могли сдерживать слез, нажимая на спусковой крючок. Как сказал Вашингтон, это послужит им «уроком».

Через два года произошел другой бунт в пенсильванских частях. Война уже закончилась и армия была расформирована, но 80 солдат, требуя выплаты жалованья, захватили штаб-квартиру Континентального конгресса в Филадельфии. Они вынудили его делегатов спастись бегством через реку в город Принстон – «постыдным образом выставленными за дверь горсткой пьяных бунтовщиков», как с сожалением писал историк Дж. Фiske в книге «Критический период».

То, что во время революции солдаты могли делать лишь изредка (выступать против своих командиров), для мирного населения было гораздо проще. Р. Хоффман пишет: «Революция вовлекла штаты Делавэр, Мэриленд, Северную и Южную Каролину, Джорджию и в меньшей

²⁸ Срединными колониями принято называть британские владения, располагавшиеся к югу от Новой Англии и к северу от Виргинии: Делавэр, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Пенсильванию.

степени Виргинию в ряд порождающих раскол гражданских конфликтов, которые продолжались на всем протяжении борьбы». Представители низших классов Юга сопротивлялись мобилизации в революционную армию. Они ощущали на себе власть политической элиты вне зависимости от того, одержала ли она победу над Англией или подчиняется ей.

В Мэриленде, например, по новой конституции 1776 г., чтобы выдвигать свою кандидатуру на пост губернатора, нужно было располагать собственностью, оцениваемой в 5 тыс. ф. ст., а для того, чтобы стать сенатором штата – в 1 тыс. ф. ст. Таким образом, 90 % населения не имели права занять пост. И, соответственно, как пишет Хоффман, «мелкие рабовладельцы; плантаторы, у которых не было рабов; арендаторы и арендодатели, а также поденщики столкнулись с серьезной проблемой общественного контроля над деятельностью элиты, принадлежавшей к вигам»²⁹.

Притом, что чернокожие рабы составляли четверть населения (а в некоторых графствах и половину), рос страх перед их восстаниями. Дж. Вашингтон отклонял прошения чернокожих, вызывавшихся служить в революционной армии в надежде получить свободу. И поэтому, когда командующий английскими войсками в Виргинии лорд Данмор пообещал освободить всех виргинских невольников, которые к нему присоединятся, это вызвало ужас. В донесении из одного мэрилендского графства с тревогой сообщалось о том, что белые бедняки подстрекают рабов к побегам:

«Наглость негров в этом графстве достигла таких пределов, что нам пришлось разоружать их, что и было сделано в прошлую субботу. Мы изъяли примерно 80 ружей, несколько штыков, шпаги и т. п. Преступные и безрассудные речи некоторых белых представителей низшего сословия заставили их поверить в то, что освобождение зависит от успеха королевских войск. Соответственно, мы не можем ни утратить бдительность, ни оказаться слишком строгими по отношению к тем, кто распространяет и поддерживает такие настроения среди наших рабов».

Еще большую тревогу вызвало восстание белых в Мэриленде, направленное против поддерживавших революцию известных семей, заподозренных в сокрытии дефицитных товаров. Классовую ненависть некоторых из этих нелояльных людей выразил один человек, сказавший, что «для народа было бы лучше сложить оружие и платить все сборы и налоги королю и парламенту, чем попасть в рабство и терпеть такое командование и такие приказы, которые он терпел». Богатый мэрилендский землевладелец Чарлз Кэрролл сделал запись о настроениях, царивших вокруг него:

«Существует подлая, низкая, грязная зависть, которая разъедает все слои общества и не позволяет людям мириться с тем, что кто-то удачливее, достойнее, более понят согражданами, – все это признаки недоброжелательного и неприязненного отношения к собственникам».

Несмотря на это, власти Мэриленда сохраняли контроль над ситуацией. Они шли на уступки, облагая владение землей и рабами большими налогами, разрешая должникам расплачиваться бумажными деньгами. Это была жертва, принесенная правящими классами ради сохранения власти, и она была принята.

Однако, по словам Р. Хоффмана, на Юге страны, в Северной и Южной Каролине и в Джорджии, «огромные районы не подчинялись никаким властям». Общий настрой заключался в том, чтобы не принимать никакого участия в войне, которая ничего не принесет самим людям. «Влиятельные персоны с обеих сторон требовали, чтобы простые граждане поставляли

²⁹ Виги – во время Войны за независимость название всех патриотов в противовес лоялистам (тори). В 1832–1854 гг. название одной из ведущих политических партий во второй партийной системе США (демократы – виги). Партия вигов возникла в результате трансформации партии национальных республиканцев.

провизию, сокращали потребление, оставили свои семьи и даже рисковали своей жизнью. Поскольку людей насильно заставляли принимать сложные решения, многие из них были в растерзанных чувствах или бежали и отказывались повиноваться вначале одной стороне, а затем другой».

Один из командиров, воевавших на крайнем Юге под началом Дж. Вашингтона, Натаниэл Грин справлялся с проявлениями нелояльности посредством политики уступок одним и жестокости по отношению к другим. В письме Томасу Джефферсону он описывает рейд своих войск против лоялистов: «Они устроили жуткую резню, около 100 человек были убиты, а большинство остальных изрублены на куски. Это оказало очень положительное воздействие на тех враждебно настроенных людей, коих слишком много в этой стране». Грин призывал одного из своих генералов «сеять ужас среди врагов и воодушевлять наших друзей». С другой стороны, он советовал губернатору Джорджии «открыть дверь для недовольных людей в вашем штате, чтобы они смогли войти».

В целом по стране уступки были сведены к минимуму. Новые конституции, принятые во всех штатах в период с 1776 по 1780 г., мало чем отличались от старых. Хотя имущественный ценз для участия в выборах и получения государственных постов был в некоторых случаях уменьшен, в Массачусетсе его, наоборот, повысили. Только Пенсильвания полностью отказалась от этого ценза. Новые билли о правах содержали видоизмененные положения. Так, Северная Каролина, даруя свободу вероисповедания, добавляла: «Ничто из содержащегося в сем [билле] не должно толковаться как освобождение проповедников, произносящих изменнические речи или занимающихся подстрекательством, от судебного разбирательства и наказания». Мэриленд, Нью-Йорк, Джорджия и Массачусетс приняли аналогичные предостережения.

Иногда говорят, что Американская революция отделила церковь от государства. Северные штаты приняли подобные декларации, однако после 1776 г. утвердили такие налоги, которые заставляли каждого встать на сторону христианских вероучений. У.Дж. Маклофлин цитирует члена Верховного суда США Дэвида Дж. Брюэра, сказавшего в 1892 г., что «мы – христианская нация», и заявляет об отделении церкви от государства во время революции, что «это не только не замышлялось, но и не претворялось в жизнь... Напротив, вместо того чтобы оставаться в стороне, религия стала неотъемлемой частью всех аспектов и институтов американского образа жизни».

Тому, кто изучает влияние революции на классовые отношения, интересно будет узнать о том, что случилось с землей, которую конфисковали у бежавших лоялистов. Она распределялась таким образом, чтобы удвоить возможности лидеров революции – обогатиться самим и помочь сделать это своим друзьям, а также выделить немного земли мелким фермерам, с тем чтобы создать широкую базу поддержки нового правительства. На самом деле это стало отличительной чертой новой нации: американцы обнаружили, что обладают несметными богатствами, и смогли создать класс самых богатых людей в истории, однако в то же время им хватило средств на то, чтобы представители среднего класса служили буфером между богачами и нищими.

Огромные землевладения лоялистов были одним из наиболее серьезных поводов к революции. В Виргинии лорд Фэрфакс имел более 5 млн. акров земли, простиравшихся на территориях 21 графства. Доходы лорда Балтимора от владений в Мэриленде превышали 30 тыс. ф. ст. в год. После революции лорд Фэрфакс оказался под защитой, поскольку был другом Джорджа Вашингтона. Но у других лоялистов – собственников огромных поместий, особенно у тех, кто бежал, владения конфисковали. После революции в Нью-Йорке возросло число мелких фермеров, работавших на своей земле, в то время как количество арендаторов,

которые устраивали так много беспорядков в последние колониальные годы, сократилось.

Несмотря на то что количество независимых фермеров росло, как пишут Р. Бертхоф и Дж. Мюррин, «классовая структура радикально не изменилась». Правящая верхушка прошла через смену действующих лиц, когда «начавшие процветать семьи торговцев из Бостона, Нью-Йорка или Филадельфии... достаточно плавно вписались в свой новый социальный статус, а иногда и вселились в дома разорившихся предпринимателей либо изгнанников, у которых за лояльность королевскому трону конфисковали имущество».

Э. Морган так определяет классовый характер революции: «Тот факт, что низшие слои общества были вовлечены в борьбу, не должен бросать тень на истину, которая заключается в том, что сама эта борьба велась главным образом за должности и власть между представителями высших классов общества: новички боролись против упрочившихся ранее». Рассматривая постреволюционную ситуацию, Ричард Моррис отмечает: «Повсюду обнаруживалось неравенство». Он указывает, что под «народом» в знаменитой фразе «Мы, народ Соединенных Штатов»³⁰ (фраза, придуманная Гувернером Моррисом – весьма богатым человеком) не имеются в виду индейцы, чернокожие, женщины или белые сервенты. На самом деле в это время законтрактованных слуг было больше, чем когда-либо ранее, и революция «не решила ни одной проблемы и очень мало улучшила положение находящихся в кабале белых».

К. Деглер в своей книге «Из нашего прошлого» пишет: «Ни один новый социальный класс не пришел к власти через двери, открытые Американской революцией. Люди, которые являлись архитекторами восстания, были по большей части представителями правящего класса в колониальное время». Джордж Вашингтон был самым богатым человеком в Америке, Джон Хэнкок ³¹ – процветающим бостонским торговцем. Бенджамин Франклин являлся состоятельным владельцем типографии. Список можно продолжить.

С другой стороны, городские мастеровые, рабочие, моряки, а также мелкие фермеры стали «народом» благодаря риторике революции, солдатскому братству на войне и распределению части земельных участков. Это заложило прочную основу для поддержки, национального согласия и того, что может называться словом «Америка», даже при исключении тех, кем пренебрегают и кого угнетают.

Подробное исследование С. Линда, посвященное событиям в графстве Датчес (Нью-Йорк) в период революции, подтверждает это. В 1766 г. в колонии Нью-Йорк происходили восстания арендаторов против владельцев огромных феодальных поместий. Земли Ренселлервика раскинулись на площади в 1 млн. акров. Арендаторы, требовавшие передачи им части земель, так и не сумев добиться справедливости в суде, подняли мятеж. В городе Покипси 1,7 тыс. вооруженных арендаторов закрыли суды и выпустили заключенных из тюрем. Однако волнение было подавлено.

Во время революции в графстве Датчес разгорелась борьба в основном между представителями разных групп элиты за распределение конфискованных земель лоялистов. Одна из этих группировок – местные антифедералисты ³² (противники Конституции) из

³⁰ Начало Преамбулы Конституции США.

³¹ Джон Хэнкок (1737–1793) – один из богатейших людей Бостона, политический и государственный деятель. Первый губернатор штата Массачусетс (1780–1793), председатель Конституционного конвента (1787).

³² Антифедералисты – политическая группировка, считавшая проект Конституции США недемократичным из-за отсутствия прямых выборов президента и сенаторов. Они выступали против усиления централизованной власти, которая могла, по их мнению, превратиться в диктатуру, за расширение прав штатов и местное самоуправление.

Покипси – состояла из стремившихся к наживе людей, недавно ставших землевладельцами и предпринимателями. Они обещали арендаторам свою поддержку, используя недовольство последних в своих целях, – для собственной политической карьеры и сохранения своих состояний.

Чтобы привлечь солдат в армию во время революции, арендаторам сулили землю. В 1777 г. крупный землевладелец из графства Датчес писал, что подобное обещание «сразу даст вам как минимум 6 тыс. фермеров, готовых встать в строй». Но фермеры, которые записались в армию и рассчитывали заработать денег, скоро поняли, что в качестве рядовых они получали всего лишь 6,66 доллара в месяц, в то время как месячное жалованье полковника составляло 75 долларов. Они наблюдали за тем, как подрядчики местных властей, такие, как Меланктон Смит или Мэтью Патерсон, обогащались, а солдатское жалованье, выплачивавшееся в континентальных деньгах³³, обесценивалось в связи с инфляцией.

Все это привело к тому, что в самый разгар войны арендаторы стали представлять собой угрожающую силу. Многие из них перестали выплачивать ренту. Легислатура забеспокоилась и приняла законопроект о конфискации земель лоялистов и о прибавлении 400 фригольдеров к уже имевшимся в графстве 1800. Они являлись новым сильным блоком избирателей, поддерживавших фракцию богачей, которые в 1788 г. станут антифедералистами. Когда эти новоиспеченные землевладельцы превратились в часть привилегированных кругов революционной элиты и, казалось, стали политически подконтрольными, их лидеры, такие, как Меланктон Смит и др., вначале выступавшие против Конституции США, начали ее поддерживать, а после ратификации этого документа штатом Нью-Йорк его принятие было обеспечено. Новички фригольдеры осознали, что, перестав быть арендаторами, они превратились в держателей закладных обязательств и должны были возвращать банковские ссуды, вместо того чтобы платить ренту лендлордам.

Получается, что восстание против британского владычества, позволившее определенной группе колониальной элиты сместить тех, кто был верен Англии, принесло некоторую выгоду мелким землевладельцам и практически ничего не дало малообеспеченным белым рабочим и фермерам-арендаторам.

Чем обернулась революция для коренных жителей Америки – индейцев? Их не коснулись красивые слова Декларации независимости. Аборигенов безусловно не рассматривали в качестве равных себе ни при выборе тех, кто будет управлять территориями, на которых эти люди жили, ни в понимании того, что туземцы тоже могут стремиться к счастью как делали это на протяжении столетий до прибытия европейцев на их континент. Теперь, когда англичане уже не стояли на пути, американцы смогли начать безжалостный процесс вытеснения индейцев с их земель, убивая тех, кто сопротивлялся. Короче говоря, как выразился Ф. Дженнингс, белые граждане США сражались против британского имперского контроля на Востоке и за установление своего собственного имперского господства на Западе.

Еще до революции индейцев силой заставили подчиниться в Виргинии и в колониях Новой Англии. В других районах они приспособливались к сосуществованию с поселенцами. Но примерно к 50-м гг. XVIII в., когда население колоний начало резко расти, необходимость продвигаться далее на запад на новые земли вновь привела к конфликту с индейцами. Земельные агенты с Востока стали появляться в долине реки Огайо, на территории

---

³³ Первые в США бумажные деньги были выпущены по решению 2-го Континентального конгресса в 1775 г. В 1781 г. 100 бумажных долларов равнялись 1 серебряному. В 1775–1783 гг. Конгресс и местные органы власти в штатах выпустили около 500 млн. бумажных долларов.

конфедерации племен, называвшейся «договорная цепь»³⁴, от имени которой в качестве представителей выступали ирокезы. В Нью-Йорке в результате замысловатого мошенничества у племени могаук отобрали 800 тыс. акров земли, и после этого период дружбы между этой колонией и племенем завершился. Сохранилась запись горькой речи вождя могауков Хендрика, обращенной в 1753 г. к губернатору Джорджу Клинтону и провинциальному совету колонии Нью-Йорк:

«Брат, когда мы пришли сюда, чтобы высказать жалобы по поводу наших земель, то рассчитывали, что что-то будет сделано, и мы сказали тебе, что договорная цепь наших праотцев может разорваться, и ты, брат, ответил, что нам должны возместить убытки в Олбани, но мы знаем их слишком хорошо, и мы не верим им, ибо они [торговцы из Олбани] не люди, а дьяволы, а потому... как только мы вернемся домой, мы отправим пояс вампума нашим братьям из других пяти племен³⁵, сообщая, что договорная цепь между вами и нами порвана. Итак, брат, не ожидай, что я еще раз обращусь к тебе, и мы не желаем знать тебя больше».

Когда англичане в ходе Семилетней войны боролись с французами за Северную Америку, туземцы выступали на стороне последних. Французы были торговцами, но они не оккупировали индейские земли, в то время как англичане жаждали захватить их охотничьи угодья и жизненное пространство. Есть свидетельства такой беседы между вождем индейцев делавэров Шингасом и британским генералом Брэдаком, который надеялся на помощь краснокожих в борьбе с французами:

«Шингас спросил генерала Брэдока, получают ли индейцы, которые будут союзниками англичан, возможность жить среди них и торговать с ними и будут ли иметь право обладать угодьями для охоты, размеры которых будут достаточны для того, чтобы индейцы могли прокормить себя и свои семьи... На это генерал Брэдок ответил, что ни один дикарь не должен наследовать землю... Шингас и другие вожди ответили, что если индейцы не смогут свободно жить на земле, то не будут сражаться за нее».

Когда в 1763 г. война закончилась, французы, позабыв о своих старых союзниках, уступили англичанам территории к западу от Аппалачей. Таким образом, индейцы объединились для ведения войны против британских фортов на Западе; англичане назвали это «заговором Понтиака»³⁶, в то время как у Ф. Дженнингса это звучит как «освободительная война за независимость». По приказу английского генерала Дж. Амхёрста³⁷ командир форта Питт передал вождям нападавших племен, с которыми он вел переговоры, одеяла из госпиталя, где находились больные оспой.

Это была первая находка в той области, которую сейчас мы называем биологической войной. Эпидемия быстро распространилась среди индейцев.

Несмотря на это, а также на сожженные деревни, британцы не могли уничтожить боевой дух коренных жителей Америки, которые продолжали партизанскую войну. Мир был

³⁴ Название связано с тем, что в колониальный период «договорной цепью» называли пояс в виде цепи, являвшийся символом мира между колонистами и индейцами; обычно выражение употребляется в переносном смысле: мир, мирный договор.

³⁵ Речь идет о Конфедерации ирокезов.

³⁶ Речь идет о восстании индейских племен, обитавших в районе Великих озер и реки Огайо, под предводительством вождя Понтиака против англичан, так называемая война Понтиака (1763–1765).

³⁷ Джеффри Амхёрст (1717–1797) – генерал-губернатор Канады (1760–1763) и главнокомандующий британской армией (1778–1782, 1783–1795).

достигнут, и англичане согласились установить границу по Аппалачам, за которыми поселенцы не должны вторгаться на индейскую территорию. Документ об этом, Прокламация 1763 г., вызвал ярость у американцев (в первоначальной хартии Виргинии говорилось, что ее земли простираются на запад до океана). Это помогает объяснить, почему большинство индейцев сражались на стороне англичан во время революции. Брошенные сначала своими союзниками-французами, а потом англичанами, туземцы оказались в одиночестве, когда столкнулись с новой жаждущей земли нацией.

Американцы полагали, что теперь индейские территории принадлежат им. Но те экспедиции, которые отправлялись на запад, чтобы упрочить это мнение, сталкивались с трудностями, что отразилось даже в тех названиях, которые получили битвы: Унижение Хармара и Позор Сент-Клера³⁸. И даже когда в 1798 г. генерал Э. Уэйн победил индейцев западной конфедерации в ходе битвы у Фоллен-Тимберс, он вынужден был признать силу краснокожих. В Гринвиллском договоре говорилось, что в качестве компенсации за передачу части земель Соединенные Штаты откажутся от притязаний на территории к северу от реки Огайо, востоку от реки Миссисипи и к югу от Великих озер, но если коренные жители Америки решат продать эти земли, тогда они должны будут в первую очередь предложить их США.

Ф. Дженнингс, ставивший в центр событий Американской революции индейский вопрос – в конце концов, это за их земли и разворачивалась борьба сторон, – рассматривал революцию как «многообразие по-разному угнетавшихся и эксплуатировавшихся людей, которые сделались жертвами друг друга». Притом что земли на Восточном побережье контролировала элита, бедняки, желавшие получить участки, были вынуждены продвигаться на запад, создавая весьма полезный для богатых защитный буфер, поскольку, как выразился Дженнингс, «первой мишенью для индейского томагавка был череп жителя фронта».

В результате американской революции положение чернокожих рабов осложнилось. Тысячи негров сражались против англичан. Пять тысяч из них поддержали сторонников революции; большая часть этих людей проживала на Севере, но среди них встречались также и свободные чернокожие Виргинии и Мэриленда. На крайнем Юге черным неохотно раздавали оружие. Посреди царивших во время войны неразберихи и хаоса тысячи из них обрели свободу, уплыв на английских кораблях, чтобы затем обосноваться в Англии, Новой Шотландии, Вест-Индии или Африке. Многие другие чернокожие, сбежавшие от своих хозяев, остались в Америке в качестве свободных людей.

В северных штатах сочетание таких факторов, как служба негров в армии, недостаточно сильная экономическая потребность в использовании подневольного труда и революционная риторика, привело к уничтожению рабства, но этот процесс шел очень медленно. Еще в 1810 г. 30 тыс. чернокожих (четверть всего негритянского населения Севера) оставались невольниками. В 1840 г. 1 тыс. человек все еще находились там в рабстве. В северных районах Юга было больше свободных негров, чем раньше, и это привело к усилению законодательного контроля. В штатах крайнего Юга рабство распространялось вместе с ростом числа рисовых и хлопковых плантаций.

Что действительно дала революция чернокожим, так это возможность предъявлять претензии обществу белых. Иногда такие требования исходили от новых малочисленных черных элит Балтимора, Филадельфии, Ричмонда, Саванны; иногда – от умевших хорошо выражать свои мысли и смелых рабов. Ссылаясь на текст Декларации независимости, негры

³⁸ Неудачные военные экспедиции США под командованием генералов Дж. Хармара (1790) и А. Сент-Клера (1791) против индейцев, обитавших в районе реки Огайо.

обращались с петициями в Конгресс США и законодательные органы штатов с требованиями отмены рабства и предоставления чернокожим равных прав. В Бостоне черные просили выделить средства из городского бюджета (как это было сделано в отношении белых), чтобы дать образование своим детям. В Норфолке они требовали права давать показания в суде. Чернокожие Нэшвилла заявляли, что свободные негры «должны иметь такие же возможности, для того чтобы преуспевать в жизни, как и все остальные люди». Питер Мэтью, свободный негр-мясник из Чарлстона, присоединился к другим свободным чернокожим ремесленникам и торговцам, обратившимся в легислатуру с требованием отменить дискриминационные по отношению к черным законы. В 1780 г. семеро негров в Дартмуте (Массачусетс) просили законодательное собрание штата предоставить их соплеменникам право голоса, связав вопрос о налогообложении с правом представительства в легислатуре: «...мы считаем, что с нами согласятся в том, что, хотя нам не даны привилегии свободных людей штата и мы не имеем права голоса и не можем влиять на выборы тех, кто облагает нас налогами, многие люди нашего цвета кожи (это хорошо известно) с готовностью выходили на поле битвы в защиту Общего дела, и оно (как мы понимаем) было направлено против похожего применения власти (в отношении налогов), и это известно всем так хорошо, что нет необходимости объяснять здесь».

Бенджамин Бэннекер, изучивший математику и астрономию негр-самоучка, точно предсказавший солнечное затмение и привлеченный к разработке плана строительства нового города Вашингтона, писал Томасу Джефферсону: «Думаю, Вам и так известна правда, и не нужны доказательства того, что мы – раса человеческих существ, которые долго работали, получая лишь оскорбления и порицания мира, что на нас смотрели с презрением, что нас долго считали скорее животными, чем людьми, едва ли обладающими какими-либо умственными способностями... Полагаю, что Вы будете приветствовать любую попытку искоренить всю эту вереницу абсурда, ложных мнений и идей, которые обычно преследуют нас, что Ваши чувства совпадают с моими, что Вы также считаете, что единый Творец создал нас всех и что он не только сотворил нас из одной плоти, но и всем нам без исключения дал одни и те же чувства и одарил нас одинаковыми способностями».

Бэннекер просил Джефферсона «отбросить предрассудки, к коим Вы привыкли».

Последний старался сделать это настолько, насколько мог просвещенный и думающий человек. Но структура американского общества, значение хлопковых плантаций, работоторговля, политика единства элит северных и южных штатов, а также долгая традиция расовых предрассудков в колониях вкупе с его личными слабостями – такое сочетание практических нужд и идеологических комплексов заставляло Джефферсона оставаться рабовладельцем до конца жизни.

Приниженное положение чернокожих, исключение индейцев из нового общества, создание условий для превосходства в новой нации богатых и влиятельных людей – все это уже существовало в колониях ко времени начала революции. Теперь, когда англичане больше не чинили препятствий, это можно было зафиксировать на бумаге, закрепить, отрегулировать, сделать законным с помощью Конституции Соединенных Штатов, проект которой революционные лидеры составили во время Конвента в Филадельфии.

На протяжении долгих лет подписание Конституции в 1787 г. представлялось многим американцем гениальным шагом, совершённым мудрыми, гуманными людьми, которые создали легитимную основу для демократии и равноправия. Эта точка зрения отражена несколько экстравагантным образом в работе историка Дж. Бэнкрофта, который в начале XIX в. писал: «В Конституции нет ничего, что препятствовало бы равноправию и индивидуальности. В ней не предусмотрены различия по происхождению, убеждениям, принадлежности к

привилегированным классам, к узаконенной религии или обладанию собственностью, дающей политический вес. Она ставит индивида на один уровень с другим индивидом... Подобно тому как море составляют капли, американское общество состоит из отдельных, свободных, постоянно перемещающихся и взаимодействующих между собой атомов... и поэтому учреждения и законы страны берут свое начало в массе индивидуальных идей, которые, подобно водам океана, все время находятся в движении».

Иной взгляд на Конституцию был высказан в начале XX в. историком Ч. Бирдом (что вызвало гнев и возмущение, в том числе отразившиеся в обвинительной редакционной статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс»). В своей книге «Экономическое истолкование Конституции Соединенных Штатов» он писал: «Поскольку главным объектом деятельности государства, помимо простого подавления физического насилия, является утверждение соответствующих правил, которые регулируют имущественные отношения членов общества, господствующие классы, чьи права должны быть определены, волей-неволей должны получить такие правила от государства, которые соответствуют более широким интересам, продиктованным ходом экономического развития, или же эти классы сами должны контролировать государственные органы».

Иными словами, Бирд говорил, что, исходя из своих собственных интересов, богатые должны либо непосредственно контролировать правительство, либо оказывать влияние на законы, с помощью которых оно осуществляет свою деятельность.

Историк применил эту общую идею к Конституции, изучив экономическое положение и политические взгляды 55 человек, собравшихся в 1787 г. в Филадельфии для выработки текста Конституции. Он обнаружил, что по специальности большинство из них были юристами, что большая их часть были людьми обеспеченными, обладавшими землей, рабами, промышленными предприятиями или торговыми судами, что половина из присутствовавших давали ссуды под проценты, что 40 человек из 55, по данным архива министерства финансов, обладали государственными облигациями.

Таким образом, Ч. Бирд выяснил, что творцы Конституции были непосредственно экономически заинтересованы в создании сильного федерального правительства: производители промышленных товаров нуждались в установлении протекционистских тарифов; ростовщики желали остановить хождение бумажных денег для уплаты долгов; земельные спекулянты хотели чувствовать себя в безопасности, вторгаясь на земли индейцев; рабовладельцам нужна была защита от восстаний рабов и их побегов; держатели облигаций стремились к тому, чтобы правительство было в состоянии собирать налоги по всей стране для осуществления выплат по облигациям.

Как отмечал исследователь, в Конституционном конвенте не были представлены четыре категории населения: рабы, законтрактованные сервенты, женщины, а также неимущие мужчины. Поэтому Конституция и не отражала интересы этих социальных групп.

Ч. Бирд ясно показал, что не считает, будто этот документ был написан исключительно в целях извлечения выгоды самими отцами-основателями, однако трудно не принимать во внимание состояние Б. Франклина в 150 тыс. долларов, связи А. Гамильтона с богатейшими людьми страны через своих тестя и шурина, огромные плантации Дж. Мэдисона, на которых работали рабы, а также громадные землевладения Дж. Вашингтона. Более вероятно, что Конституция должна была выражать интересы тех категорий населения, которые эти люди представляли, – «понятные им и реально ощущавшиеся на своем личном опыте экономические интересы».

Не все участники собравшегося в Филадельфии Конвента вписывались в схему Ч. Бирда.

Элбридж Джерри³⁹ из Массачусетса был землевладельцем, но, тем не менее, выступил против ратификации Конституции. Лютер Мартин, делегат от Мэриленда, тоже был против, хотя его предки владели большими земельными участками в Нью-Джерси. Но, за некоторыми исключениями, историк обнаружил непосредственную связь между благосостоянием и поддержкой принятия Конституции.

К 1787 г. существовала не только объективная потребность в сильном централизованном управлении, продиктованная защитой экономических интересов крупных собственников, но присутствовал и реальный страх перед восстанием недовольных фермеров. Главным событием, породившим этот страх, было выступление, начавшееся летом 1786 г. в Массачусетсе, известное как восстание Шейса.

В западных городках штата люди были возмущены действиями законодателей в Бостоне. Новая массачусетская конституция 1780 г. увеличила имущественный ценз для голосования. Никто не мог быть избран на должность, не будучи достаточно состоятельным человеком. Более того, легислатура отказывалась выпускать бумажные деньги, как это делали в некоторых других штатах, например в Род-Айленде, для того чтобы облегчить погрязшим в долгах фермерам выплаты кредиторам.

В некоторых западных графствах с целью создать оппозицию законодательному органу власти стали созываться подпольные собрания. На одном из них человек по имени Плуг Джоггер высказал то, что было у него на душе: «Я глубоко оскорблен тем, что меня обязали делать больше, чем то, что я должен на войне, обложив меня классовыми и городскими налогами, налогами провинции, континентальными налогами⁴⁰, а также всевозможными другими поборами... тем, что меня арестовывали и тащили в суд шерифы, констебли и сборщики налогов, и тем, что мой скот был распродан за бесценок...

...Важные господа собираются забрать все, что у нас есть, и я думаю, что пришло время восстать и остановить их, и сделать так, чтобы больше не было ни судов, ни шерифов, ни сборщиков налогов, ни адвокатов».

Председательствующему на этом собрании пришлось стучать молотком, чтобы прервать бурные аплодисменты. Оратор, как и другие, хотел удовлетворения претензий, но мирным путем, с помощью обращения в законодательное собрание в Бостоне.

Однако до назначенной даты заседания этого органа власти должны были пройти суды в графстве Гэмпшир, в городах Нортгемптон и Спрингфилд с целью отобрать у фермеров-должников скот и землю, на которой в тот момент созрел отменный урожай зерновых и его надо было собрать. И тогда ветераны Континентальной армии, оскорбленные еще и тем, что с ними плохо обошлись при увольнении в запас (выдали вместо реальных денег некие сертификаты, которые обещали погасить в будущем), начали организовывать фермерские отряды и роты. Одним из таких ветеранов был Люк Дэй, который появился утром в день суда вместе с военным оркестром, все еще злой от воспоминаний о прошедшем лете, когда в самое пекло он томился в долговой тюрьме.

Шериф надеялся, что местная милиция будет охранять суд от этих вооруженных людей. Однако большинство ополченцев были на стороне Дэя. Шерифу удалось собрать 500 человек, а судьи надели свои черные шелковые мантии, ожидая, что он защитит их по дороге к дому правосудия. Но на ступенях здания стоял Дэй с петицией в руках, в которой утверждалось

³⁹ Элбридж Джерри (1744–1814) – политический и государственный деятель, губернатор штата Массачусетс (1810–1812), вице-президент США (1813–1814).

⁴⁰ Речь идет о налогах, установленных властями штата и Континентальным конгрессом.

конституционное право народа протестовать против антиконституционных актов законодательного собрания и содержался призыв к судьям отложить разбирательство, до тех пор пока легислатура штата не станет действовать в интересах фермеров. Рядом с Дзем находилось 1,5 тыс. вооруженных фермеров. Судьи отложили заседание.

Вскоре после этих событий около зданий судов в Вустере и Этоле фермеры с оружием в руках воспрепятствовали судебным разбирательствам, в ходе которых у них могли отнять собственность. Отряды милиции либо испытывали к этим людям слишком искреннюю симпатию, либо были настолько малочисленны, что не могли что-либо предпринять. В Конкорде пятидесятилетнего ветерана двух войн Джоба Шэттака сопровождала до городского луга целая процессия тележек, экипажей, лошадей и домашнего скота, в то время когда судьям передавалось следующее сообщение: «Народ этого графства провозгласил, что судьи не должны входить в это здание суда до того времени, пока Народ не получит компенсацию за те обиды, которые ему причиняются сейчас».

Тогда конвент графства предложил судьям отложить слушания дел, что они и сделали.

В Грейт-Баррингтоне отряд милиции, насчитывавший 1 тыс. ружей, стоял перед площадью, заполненной вооруженными мужчинами и мальчишками. Но в рядах ополченцев не было единства мнений. И когда председатель суда предложил разделиться и тем, кто поддерживал необходимость судебного разбирательства, встать на правую сторону дороги, а противникам – на левую, – тогда 200 человек оказались справа и 800 – слева; в результате судьи отложили заседание. Затем толпа двинулась к дому председателя суда, который согласился подписать обязательство в том, что суд не состоится до тех пор, пока не пройдет заседание законодательного собрания Массачусетса. Многие отправились обратно на площадь, ворвались в тюрьму и освободили должников. Сельский врач, который занимал должность председателя суда, писал: «Я никогда не слышал, чтобы кто-либо указал на лучший способ удовлетворить свои требования, чем тот, который избрали эти люди».

Губернатор и политические лидеры штата встревожились. Сэмюэл Адамс, который в Бостоне сам когда-то считался радикалом, теперь настаивал на том, чтобы жители действовали в рамках закона. Он говорил о «британских эмиссарах», взбудораживших фермеров. Население городка Гринвич отвечало: «У вас там в Бостоне есть деньги, а у нас нет. Не нарушали ли вы сами закон во времена революции?» Теперь инсургентов называли «регуляторами». Их эмблемой стала ветка гемлока⁴¹.

Проблема переросла границы Массачусетса. В Род-Айленде должники одержали победу над легислатурой и добились выпуска бумажных денег. В Нью-Гэмпшире в сентябре 1786 г. несколько сотен людей окружили здание законодательного собрания в Экзетере, требуя возврата налогов и выпуска бумажных денег. Толпа разошлась, только когда возникла угроза применения военной силы.

В западной части Массачусетса на политической сцене возникла фигура Даниэла Шейса. Он был батраком на ферме, когда грянула революция, и вступил в Континентальную армию, сражался под Лексингтоном, у Банкер-Хилла и под Саратогой, был ранен в бою. В 1780 г., вследствие того что ему не платили жалованья, Шейс ушел в отставку, вернулся домой, где скоро оказался привлечен к суду за неуплату долгов. Он также видел то, что происходило с другими: у больной женщины, которая не могла заплатить по счетам, забрали ту самую кровать, на которой она лежала.

---

⁴¹ Порода хвойного дерева.

Чашу терпения Шейса переполнило то, что 19 сентября верховный суд Массачусетса собрался в Вустере и обвинил 11 лидеров бунтовщиков, включая трех его друзей, в том, что они являются «нарушителями закона, мятежниками и подстрекателями», которые «незаконно и с помощью оружия» воспрепятствовали «свершению правосудия и [исполнению] законов Содружества⁴²». Повторное заседание верховного суда было запланировано провести на следующей неделе в Спрингфилде, и ходили слухи о вынесении обвинительного заключения по делу Л. Дзя.

Шейс собрал 700 вооруженных фермеров, большинство из которых были ветеранами войны, и повел их на этот город. Там отряд встретил генерал с 900 солдатами и пушкой. Шейс попросил генерала разрешить ему пройти парадным строем по улицам, и тот дал согласие. Повстанцы прошествовали по площади под барабанный бой и звуки флейты. Пока они маршировали, ряды их росли: присоединилась часть милиции, прибыло подкрепление из сельской местности. Судьям пришлось отложить слушание на день, а потом перенести заседание на более поздний срок.

Теперь уже законодательное собрание, находившиеся в Бостоне, получило от губернатора Джеймса Боудена указание «отстоять поруганное достоинство правительства». Недавние повстанцы, боровшиеся против Англии, сидя в охраняемом помещении, призвали к закону и порядку. С. Адамс помог подготовить закон о борьбе с мятежами и резолюцию, приостанавливавшую применение хабеас корпус, с тем чтобы власти могли удерживать людей в тюрьме без суда. Тогда же легислатура пошла и на некоторые уступки озлобленным фермерам, в частности объявив о том, что некоторые из старых налогов можно оплатить товарами, а не деньгами.

Это не помогло. В Вустере 160 инсургентов появились в зале суда. Шериф зачитал им Закон о борьбе с мятежами. Бунтовщики заявили, что они разойдутся только в случае, если так же поступят и судьи. Шериф что-то прокричал по поводу смертной казни через повешение. Кто-то подошел к нему сзади и всунул в его шляпу ветку гемлока. Судьи покинули здание.

Столкновения между фермерами и отрядами милиции множились. Снегопады начали мешать походам первых на здания судов. Когда 1 тыс. человек, возглавляемых Д. Шейсом, двинулись на Бостон, снежная буря заставила их отступить, а один из его людей замерз насмерть.

В дело вступила армия под командованием генерала Бенджамина Линкольна, созданная на деньги бостонских торговцев. Во время артиллерийской перестрелки было убито восемь мятежников. Один солдат встал перед своей пушкой и потерял обе руки. Зима становилась все более суровой. Восставшие не обладали численным преимуществом, и их удалось обратить в бегство. Шейс нашел убежище в Вермонте, а его соратники начали сдаваться. Было еще несколько убитых на поле боя; потом последовали единичные, неорганизованные и отчаянные акты насилия, направленные против властей, – поджоги сараев, убийство лошадей из генеральской конюшни. Один солдат погиб ночью во время столкновения двух саней.

Пойманных бунтовщиков судили в Нортгемптоне и шестерых приговорили к смерти. На дверях дома главного шерифа города Питсфилда была оставлена записка: «Я знаю, что несколько моих товарищей приговорены к смерти за то, что сражались за справедливость. Молюсь о том, чтобы ты не содействовал свершению сего ужасного преступления, ибо тот, кто осуждает, и тот, кто исполняет приговор, несут одну меру ответственности... Готовься к быстрой смерти, ибо твоя или моя жизнь коротка. Когда леса покроются листвой, я вернусь и

⁴² Содружество Массачусетс – официальное название штата.

загляну к тебе».

Кроме того, 33 участника восстания были привлечены к суду, и еще 6 мятежников приговорили к смерти. Возникла дискуссия по поводу того, стоит ли продолжать вешать осужденных и далее. Генерал Линкольн требовал милосердия и создания комиссии по помилованию, но С. Адамс сказал: «При монархическом правлении изменника можно простить или наказать не слишком сурово, но человек, который посмел восстать против законов республики, должен умереть». Еще нескольких человек повесили, некоторых осужденных помиловали. В Вермонте в 1788 г. был помилован и сам Шейс, который позже вернулся в Массачусетс, где умер в нищете и забвении в 1825 г.

Томас Джефферсон, служивший во время восстания Шейса посланником во Франции, считал, что такие выступления полезны для общества. В письме своему другу он утверждал: «Я полагаю, что небольшие восстания, происходящие время от времени, есть благо... Это – необходимое для здоровья правительства лекарство... Боже упаси нас когда-нибудь прожить два десятка лет без подобного бунта... Древо свободы должно периодически орошаться кровью патриотов и тиранов. Это – его естественное удобрение».

Однако Джефферсон находился вдалеке от происходивших событий. Политические и экономические элиты страны не были столь же толерантны. Их беспокоило, что пример Шейса окажется заразительным. Ветеран армии Вашингтона генерал Генри Нокс основал организацию армейских ветеранов под названием «Орден Цинцинната», которая, как пишет один историк, вероятно, была создана для того, «чтобы хранить героическую память о борьбе, в которой они принимали участие», но также, похоже, должна была наблюдать за радикальными настроениями в новом государстве. В конце 1786 г. Нокс писал Дж. Вашингтону о восстании Шейса, выражая мысли многих состоятельных и обладавших властью лидеров страны: «Инсургенты никогда не платили никаких налогов либо платили совсем немного. Зато они видят слабость власти; они чувствуют свою бедность, сравнивая ее с богатством других; они знают свою собственную силу и обязательно воспользуются ею, чтобы избавиться от нищеты».

Их кредо: «Если собственность Соединенных Штатов была защищена от посягательств англичан с помощью всех граждан, то она должна принадлежать всем. А тот, кто пытается выступить против этого кредо, является врагом равенства и справедливости, и его следует стереть с лица земли».

Александр Гамильтон, являвшийся во время войны адъютантом Вашингтона, был одним из самых сильных и проницательных лидеров новой аристократии. Он так выразил свою политическую философию: «В каждом обществе есть разделение на меньшинство и большинство. Первое – богато и знатно, а второе – народные массы. Говорят, что глас народа – это глас Божий, но, несмотря на то что обычно эта максима цитируется и в нее верят, она вовсе не является правдой. Народ находится в движении, он изменчив и редко способен судить или определять, где правда. Дайте поэтому высшему классу четко определенное постоянное представительство в правительстве... Может ли демократическое собрание, ежегодно сменяемое из массы народа, постоянно стремиться к общественному благу? Ничто, кроме постоянного органа [власти], не способно сдерживать безрассудство демократии». На Конституционном конвенте Гамильтон предложил, чтобы президент и сенат избирались пожизненно.

Эта идея не была принята. Но Конвент не только не создал системы всенародного голосования, за исключением выборов в палату представителей, где ограничения устанавливались legislatures штатов (которые почти везде требовали наличия собственности в качестве условия для получения права голоса), но и исключил из этого процесса женщин, индейцев и рабов. В Конституции предусматривалось избрание сенаторов законодателями

штатов, президента – выборщиками, отобранными этими законодателями, и назначение членов Верховного суда президентом.

Проблема демократии в постреволюционном обществе США, однако, не сводилась лишь к ограничениям, налагаемым Конституцией на процедуру голосования. Она лежит гораздо глубже, за рамками этого документа, в разделении на богатых и бедных. Ведь если несколько человек обладают огромными богатствами и влиянием, если им принадлежат земля, деньги, газеты, церковь, система образования, то как может голосование, каким бы свободным оно ни было, вмешиваться в дела такой власти? И есть еще одна проблема: не естествен ли для представительного правительства, даже опирающегося на широкие слои общества, консерватизм, позволяющий предотвратить бурные перемены?

Пришло время ратифицировать Конституцию, подать голос на конвентах штатов. Для вступления ее в силу требовалось одобрение девяти штатов из тринадцати. В Нью-Йорке, где дебаты по поводу ратификации были особенно интенсивными, появилась серия анонимных газетных публикаций, которые могут многое поведать нам о сути Конституции. Эти статьи в поддержку принятия данного документа были написаны Джеймсом Мэдисоном, Александром Гамильтоном и Джоном Джеймсом, и вошли в историю как «Записки федералиста»⁴³ (оппонентов принятия Конституции стали соответственно называть антифедералистами).

В «Федералисте № 10» Дж. Мэдисон выдвигал аргументы в пользу того, что правительство, созданное согласно представительной системе, нужно для сохранения мира в обществе, раздираемом групповыми противоречиями. Источником этих споров «было различное и неравное распределение собственности. Те, кто ею владеет, и те, у кого ее нет, всегда составляют в обществе группы с противоположными интересами». Проблема, как говорил Мэдисон, заключалась в том, как научиться контролировать противостояние таких групп, базирующееся на имущественном неравенстве. Он утверждал также, что меньшинство может быть обуздано, если следовать принципу, что решения будут приниматься голосованием большинства.

Итак, реальную проблему, по Мэдисону, представляла бы фракция большинства, а Конституция как раз позволяла решить этот вопрос, говоря о «крупной республике», т. е. об огромной стране, охватывающей более 13 штатов, вследствие чего всем, кто захочет показать мощь, «будет труднее объединить свои силы и действовать заодно... Предводители крамольных сообществ могут зажечь пламя в пределах того непосредственного штата, где пользуются влиянием, но вряд ли им будет под силу распространить пожар на остальные штаты».

Аргумент Мэдисона можно рассматривать в качестве разумного довода о том, что следует иметь правительство, которое способно сохранять в обществе мир и помогает избежать постоянных беспорядков. Но разве цель этого института власти только в том, чтобы поддерживать порядок, выступать в качестве рефери, наблюдающего за двумя равными по силам борцами? Или все-таки у правительства есть особый интерес к тому, чтобы поддерживать определенный тип порядка, определенное распределение власти и богатства – распределение, в котором государственные чиновники являются не просто нейтральными арбитрами, а самыми непосредственными участниками [общественной жизни]? В этом случае беспорядки, которые могут вызвать их беспокойство, являются народными восстаниями против тех, кто монополизировал богатство общества. Такая интерпретация оправданна, когда мы

⁴³ Серия из 85 статей, содержащих политическую программу в защиту принципов Конституции США. Статьи подписаны псевдонимом Публий. Они вышли в свет отдельным сборником под названием «Федералист» (1788) и являются классикой американской философии.

задумываемся об экономических интересах и социальном статусе творцов Конституции.

Приводя доводы в пользу большой республики как средства сохранения мира, Дж. Мэдисон в «Федералисте № 10» достаточно четко говорит о том, чей именно покой он хочет охранять: «...яростная пропаганда бумажных денег, вопли об отмене долгов, о равном распределении собственности и прочие недостойные и злоумышленные проекты будут куда менее способны поразить весь состав Союза, точно так же как подобные недуги скорее поразят отдельные районы и округа, нежели целый штат».

Когда за политическими статьями Конституции проступают экономические интересы, этот документ предстает уже не только как плод работы группы мудрецов, пытавшихся построить достойное, правовое общество, но и как следствие деятельности определенных кругов, старавшихся сохранить свои привилегии и передавших ровно столько прав и свобод и такому количеству людей, сколько было необходимо для обеспечения народной поддержки.

В новом правительстве Дж. Мэдисон вместе с Т. Джефферсоном и Дж. Монро будут членами одной партии (демократических республиканцев). В свою очередь А. Гамильтон наряду с Дж. Вашингтоном и Дж. Адамсом окажутся в конкурирующей партии федералистов. Но оба – и рабовладелец из Виргинии, и делец из Нью-Йорка – согласятся в целях, ради которых было создано новое правительство. Они предвосхитили долгосрочную фундаментальную договоренность двух политических партий, существовавших в годы Американской системы⁴⁴. Гамильтон писал в «Федералисте» [№ 9], что новый Союз будет действовать «как преграда раздорам и мятежам». Он четко указывал на восстание Шейса [«Федералист № 21»]: «Беспорядки, через которые только что прошел Массачусетс, показывают, что опасности такого рода отнюдь не умозрительны».

В «Федералисте № 63» А. Гамильтон либо Дж. Мэдисон (авторство отдельных эссе не всегда известно) приводит доводы в пользу «хорошо сформированного сената», который «может подчас оказаться весьма полезным в качестве необходимой защиты [народа] от собственных сиюминутных ошибок или заблуждений», поскольку «в ходе общественных дел, когда народ, разжигаемый случайными страстями, или желанием обрести неположенные блага, или введенный в заблуждение искусной ложью заинтересованных лиц, может добиваться мер, которые впоследствии сам же будет с такой же страстной готовностью порицать и проклинать. В такие поворотные мгновения сколь благотворным будет вмешательство умеренного и уважаемого сообщества граждан, дабы приостановить ход событий и смягчить удар, наносимый народом самому себе, пока здравый смысл, справедливость и истина не овладеют вновь умами и сердцами людей!»

Конституция была компромиссом между интересами работорговцев Юга и финансистов Севера. В целях вовлечения 13 штатов в один большой рынок делегаты-северяне выступали за законы, регулирующие торговлю между штатами, и выдвигали доводы в пользу того, что для принятия таких законов Конгрессом США необходимо только большинство его голосов. На Юге соглашались с этим в обмен на разрешение продолжить практику работорговли в течение еще двадцати лет, перед тем как ее окончательно ликвидировать.

Ч. Бирд предупреждал нас, что правительства, включая и правительство Соединенных Штатов, не являются нейтральными, что они представляют доминирующие экономические интересы и что их конституции служат этим интересам. Один из его критиков (Р.Э. Браун. «Чарлз Бирд и Конституция») затрагивает интересный вопрос. Известно, что в Конституции

⁴⁴ Речь идет о второй партийной системе США (демократы – виги), когда были приняты законодательные меры для ускорения промышленного развития и формирования общенационального рынка.

опущена фраза о правах «на жизнь, на свободу и на стремление к счастью», присутствовавшая в Декларации независимости, а вместо нее появились: «жизнь, свобода или собственность» – почему бы Конституции не защищать имущество? Как пишет Браун о революционной Америке, «практически все были заинтересованы в охране собственности», потому что очень много американцев обладали каким-либо имуществом.

Но это может ввести в заблуждение. Да, действительно, многие были собственниками. Но некоторые имели гораздо больше, чем другие. Горстка людей обладала огромным имуществом, в то время как многие имели небольшую собственность, а у некоторых не было ничего. Дж. Т. Майн обнаружил, что треть населения страны в эпоху революции состояла из мелких фермеров, тогда как только 3 % американцев обладали действительно внушительным состоянием и их можно было считать богатыми.

Тем не менее треть жителей – это значительное число людей, готовых сделать ставку на стабильность, обеспечиваемую новым правительством. В конце XVIII в. это была самая мощная в мире база для поддержки правительства. Кроме того, городские ремесленники тоже имели особую заинтересованность в правительстве, которое могло бы защитить плоды их труда от конкуренции со стороны иностранных товаров. С. Линд пишет: «Как случилось, что городские работники по всей Америке в подавляющем большинстве с энтузиазмом поддерживали Конституцию Соединенных Штатов?»

Это особенно справедливо применительно к городу Нью-Йорку. Когда девятый и десятый штаты ратифицировали Конституцию, 4 тыс. мастеровых проехали по улицам в повозках со знаменами, чтобы отпраздновать это событие. Булочники, кузнецы, пивовары, корабельные столяры и плотники, бондари, извозчики и портные промаршировали все вместе. Линд обнаружил, что эти люди, находившиеся в оппозиции к правившей в колониях элите, были патриотами. Мастерские представляли, вероятно, около половины населения Нью-Йорка. Некоторые были благополучными людьми, некоторые – не очень, но всем им жилось лучше, чем обычным разнорабочим, подмастерьям и наемным работникам, и для их собственного процветания требовалось правительство, которое защитило бы от английских шляпок, башмаков и других товаров, хлынувших в колонии после революции. Вследствие этого мастера часто поддерживали на выборах состоятельных консерваторов.

Таким образом, Конституция отражает сложность американской системы: она служит интересам богатой элиты, но также дает достаточно мелким собственникам, мастеровым со средними доходами и фермерам, для того чтобы обеспечить верхушке широкую поддержку. В основном умеренно состоятельные граждане оказывают такую поддержку и являются буфером между верхами и чернокожими, индейцами, беднейшими белыми американцами. Это позволяет элите сохранять порядок при минимальном применении силы, но с максимальным использованием законов – и вся система превратилась просто в конфетку под фанфары патриотизма и единства.

Конституция стала нравиться народу еще больше, после того как 1-й Национальный конгресс, отвечая на критику, принял серию Поправок, известную как Билль о правах. Кажется, что эти Поправки призваны сделать новое правительство хранителем гражданских свобод: слова, печати, вероисповедания, собраний, – а также прав на подачу петиций, справедливый суд, неприкосновенность жилища от вторжения со стороны государства. Таким образом, совершенно явно предполагалось добиться народной поддержки новому правительству. То, что не было ясно (все это происходило тогда, когда язык свободы был нов и его соответствие действительности не подтверждалось жизнью), так это зыбкость свободы любого человека в ситуации, когда она находится в руках правительства богатых и могущественных людей.

На самом деле та же проблема существовала и в отношении других положений

Конституции, например Раздела, запрещающего штатам нарушать «договорные обязательства», или другого Раздела, предоставляющего Конгрессу право устанавливать и взимать налоги и ассигновать средства. Все это звучит очень мило и нейтрально, до тех пор пока кто-то не спросит: «Облагать налогами кого? За что? Ассигновать что? Для кого?» Защита договорных обязательств любого человека представляется проявлением справедливости и равноправного отношения, но лишь до тех пор, пока мы не примем во внимание факт, что контракты заключаются между богачом и бедняком, работодателем и рабочим, лендлордом и арендатором, кредитором и дебитором, как правило, на самых выгодных для более сильной стороны условиях. Таким образом, при защите подобных договоров вся мощь государственной власти: ее законы, суды, шерифы и полиция – поддерживают привилегированных, и делается это не как в старые времена, с помощью грубой силы, направленной против слабого, а на основании законодательства.

Первая поправка Билля о правах демонстрирует отличительную особенность интересов, прячущихся под маской невинности. Принятая в 1791 г. Конгрессом, эта Поправка гласила: «Конгресс не должен издавать ни одного закона... ограничивающего свободу слова или печати». Однако через семь лет после того, как 1-я Поправка стала частью Конституции, Конгресс принял закон, который явным образом ограничивал свободу слова.

Это был Закон о подстрекательстве к мятежу, одобренный в 1798 г., в период администрации Дж. Адамса, когда на ирландцев и французов в Соединенных Штатах смотрели как на опасных бунтовщиков в связи с недавней Французской революцией и восстаниями в Ирландии. Согласно этому документу, преступлением считалось любое письменное или устное «ложное, возмутительное и злобное» высказывание в адрес правительства, Конгресса или президента, направленное на то, чтобы обесчестить их, подорвать их репутацию или настроить людей против них.

Казалось бы, принятие Закона нарушало 1-ю Поправку. Тем не менее он активно проводился в жизнь. Десять американцев были отправлены в тюрьму за высказывания против правительства, и все члены Верховного суда США образца 1798–1800 гг. отвергли апелляции и сочли это конституционным.

Для этого существовало законное основание, что хорошо известно юристам-экспертам, но не простым гражданами страны, которые, прочитав 1-ю Поправку, были уверены в том, что их право на свободу слова находилось под защитой. Правовую сторону вопроса объясняет историк Л. Леви. Он обращает внимание на то, что всем (но не населению, а высшим классам) ясно, что, несмотря на указанную Поправку, британское общее право, касающееся «распространения клеветнических слухов в подрывных целях», до сих пор действует в Америке. Это означает, что, хотя правительство не может применить «предварительный запрет», т. е. предотвратить заранее то или иное высказывание либо публикацию, оно на законных основаниях может наказать оратора или писателя впоследствии. Таким образом, у Конгресса есть удобное юридическое обоснование для целого ряда законов, принятых с тех времен и объявляющих определенные типы речей преступными. А поскольку наказание после свершения действия является прекрасным сдерживающим фактором при свободном выражении мысли, заявления об «отсутствии предварительного запрета» теряют смысл. Таким образом, мы видим, что 1-я Поправка – это вовсе не та крепкая каменная стена, защищающая свободу слова, как это кажется на первый взгляд.

Воплощаются ли столь же слабо в жизнь экономические положения Конституции? У нас есть поучительный пример того, как буквально сразу, уже во время первого срока пребывания у власти президента Дж. Вашингтона, право Конгресса США облагать налогами и выделять ассигнования было немедленно реализовано министром финансов А. Гамильтоном.

Этот человек, полагавший, что для упрочения своих позиций федеральные власти должны искать союзников среди наиболее богатых людей в обществе, предложил Конгрессу несколько законов, которые были приняты и отражали его философию. Банк Соединенных Штатов⁴⁵ способствовал установлению партнерских отношений между правительством и определенными финансовыми группами. Был принят выгодный промышленникам тариф. Конгрессмены постановили также расплатиться с держателями облигаций (большая часть облигаций военного периода в то время была сосредоточена в руках горстки состоятельных людей), а именно выплатить им за эти ценные бумаги полную стоимость. Для того чтобы получить средства на такую процедуру, как погашение этих облигаций, также были приняты законы о налогообложении.

Одним из них был Закон об акцизе на виски, от введения в действие которого особенно пострадали фермеры, выращивавшие пшеницу, шедшую на изготовление этого спиртного напитка на продажу. В 1794 г. фермеры западных районов Пенсильвании взяли в руки оружие и восстали против сбора этого налога. Министр финансов А. Гамильтон возглавил войска, чтобы сломить их сопротивление. Итак, мы видим, что в первые же годы после принятия Конституции на исполнение некоторых ее положений – даже тех, которые преподносились с особой помпой (например, 1-я Поправка), могли смотреть сквозь пальцы. В то же время соблюдение других Статей (в частности, полномочий по взиманию налогов) жестко контролировалось.

И тем не менее образы отцов-основателей окружены мифами. Говорить, как недавно выразился историк Б. Бейлин о том, что «ликвидация привилегий и создание политической системы, которая потребовала от своих лидеров ответственного и гуманного использования власти было их высшей целью», – значит игнорировать то, что в действительности происходило в Америке при этих самых отцах-основателях.

Бейлин пишет: «Каждый знал рецепт создания мудрого и справедливого правительства. Оно должно было стать таким балансом между противоборствующими силами, чтобы ни одна из них не довлела над другими и, будучи неконтролируемой, не могла бы уничтожить принадлежащие всем свободы. Проблема заключалась в том, каким образом организовать правительственные институты, так чтобы достичь этого баланса».

Были ли отцы-основатели теми мудрыми и справедливыми мужами, которые стремились к достижению правильного баланса? На самом деле им это было не нужно; главное заключалось в сохранении статус-кво, т. е. баланса доминирующих сил того времени. Разумеется, они не желали равновесия в отношениях между рабами и их хозяевами, неимущими и собственниками, индейцами и белыми.

Ни много ни мало, а половина населения страны даже не рассматривалась отцами-основателями в качестве, если воспользоваться выражением Бейлина, «противоборствующих сил» общества. Эти люди не упоминались ни в Декларации независимости, ни в Конституции, они были невидимками в условиях новой политической демократии. Речь идет о женщинах молодого американского государства.

Угнетенные по признаку пола

Читая стандартные учебники истории, вполне возможно забыть о женщинах, составляющих половину населения страны. Мужчинами были первопроходцы, землевладельцы и купцы, политики и военные. Сама незаметность женщин, тот факт, что их роль не принимают

⁴⁵ Первый банк США был фактически центральным банком, просуществовал с 1791 по 1811 г.

во внимание, являются признаками подчиненного статуса женщины в обществе.

В этой своей незаметности они были похожи на чернокожих рабов (таким образом, рабыни подвергались двойному угнетению). Женская биологическая уникальность, подобно цвету кожи и физиогномическим характеристикам негров, стала основой для отношения к ним как к людям второго сорта. В биологическом устройстве женщин было нечто более важное, чем цвет кожи, – их детородная функция, но этого недостаточно, чтобы объяснить то, что всех женщин отодвинули на задворки общества, даже тех, кто не рожал детей или кто был слишком молод, либо слишком стар для этого. Похоже, что упомянутые физические характеристики стали удобны для мужчины, который мог использовать, эксплуатировать и лелеять ту, которая одновременно была служанкой, сексуальным партнером, компаньонкой и матерью-учительницей-наставницей его детей.

Общества, основанные на частной собственности и конкуренции, в которых моногамная семья являлась практичной ячейкой работы и социализации, считали особенно полезным установить особый статус женщин, уподобляя их домашним рабыням в вопросах интимной близости и подавления, требуя, как раз из-за этой интимной близости и долгосрочной связи с детьми, особого покровительственного отношения, которое иногда, особенно перед лицом проявления силы, могло бы превратиться в общение на равных. Угнетение, совершаемое столь приватно, окажется трудно искоренить.

В более ранних обществах – в Америке и в других странах, – где имущество оставалось общим, а семьи представляли собой большие и сложные структуры, в рамках которых под одной крышей жили тетки и дядя, бабушки и дедушки, отношение к женщинам как к равным было более выражено, чем в созданных позднее на их месте сообществах белых людей, принесших с собой «цивилизацию» и частную собственность.

Например, в индейских племенах зуни на Юго-Запада расширенные семьи – крупные кланы – основывались на женской линии (муж приходил в семью жены). При этом женщины владели домами, поля принадлежали кланам, и индианки имели равные с мужчинами права на урожаи. Кроме того, женщина чувствовала себя в большей безопасности, поскольку жила в собственной семье и могла по своему усмотрению разойтись с мужем, сохранив при этом совместное имущество.

Женщины в племенах индейцев Великих равнин на Среднем Западе не имели обязанностей по обработке земли, но играли в племени очень важную роль как лекари, травники, а иногда и как святые, дававшие советы. Когда общины теряли вождей-мужчин, женщины возглавляли кланы. Женщины научились пользоваться небольшими луками, носили ножи (у сиу было принято, чтобы индианка могла защитить себя в случае нападения).

Церемония наступления половой зрелости была построена у индейцев сиу таким образом, чтобы внушить девушке гордость: «Иди добрым путем, дочь моя, и стада бизонов, большие и темные, как тени от облаков, будут следовать за тобой по прерии... Будь почтительной, исполнительской, мягкой и скромной, дочь моя. Шагай гордо. Если женщины потеряют гордость и добродетель, то с наступлением весны бизоньи тропы порастут травой. Будь сильной, обладай теплым, крепким сердцем Матери-Земли. Ни один народ не сдастся до тех пор, пока его женщины не ослабят и не будут обесчещены».

Было бы преувеличением сказать, что женщины имели равные права с мужчинами, но относились к ним с уважением, а общинная суть индейского образа жизни отводила индианкам более важное место в обществе.

Условия, благодаря которым в Америке появились белые колонисты, создавали для женщин разное положение. Притом что первые поселения практически полностью состояли из мужчин, женщин везли туда как сексуальных рабынь и подружек, а также для продолжения

рода. В 1619 г., когда в Виргинии впервые появились чернокожие невольники, на одном из судов в Джеймстаун прибыли 90 женщин: «Милые персоны, молодые и неиспорченные... проданы с их согласия в качестве жен поселенцам по цене, равной стоимости переезда».

В эти ранние годы многие женщины, часто девочки-подростки, прибывали в качестве законтрактованных сервентов, и условия их жизни мало чем отличались от условий жизни рабынь, за исключением, пожалуй, лишь того, что срок действия договора ограничивался временными рамками. Они должны были послушно вести себя по отношению к хозяевам и хозяйкам. В книге «Работающие женщины Америки» под редакцией Р. Баксандолл, Л. Гордон и С. Реверби так описывается их положение: «Им мало платили и часто обращались с ними грубо и жестоко, лишая нормальной пищи и личной жизни. Разумеется, эти ужасные условия порождали сопротивление. Поскольку они жили в семьях, без особых контактов с другими себе подобными, законтрактованным сервентам был доступен один основной метод протеста – пассивное сопротивление, попытка выполнять как можно меньше работы и создание проблем хозяевам и хозяйкам. Конечно, хозяева и хозяйки воспринимали это несколько иначе: непокорное поведение слуг воспринималось ими как угрюмость, леность, недоброжелательность и глупость».

К примеру, в 1645 г. законодательное собрание Коннектикута постановило, чтобы некую «Сьюзан С. за непокорное отношение к хозяйке отправили в исправительный дом, заставили тяжело работать и кормили только хлебом, а также привели бы на следующий день, дабы прочесть ей публичное наставление, и делали бы это еженедельно, пока не будет получено иное распоряжение».

Сексуальное насилие хозяев над молодыми служанками стало обычным делом. Из судебных протоколов Виргинии и других колоний видно, что первых за это привлекали к суду, и есть основания предполагать, что такое происходило лишь в особо вопиющих случаях; гораздо чаще общественность ничего не знала о происшедшем.

В 1756 г. Элизабет Спригс писала отцу о своем порабощении: «То, как мы, несчастные англичане, страдаем здесь, вам в Англии и не представить, но пусть успокоит то, что я лишь одна из несчастных, работающая с утра до ночи, очень часто выполняя тяжелейшую работу, порой с единственной мыслью, что не одна я такая, часто связанная и избитая кнутом так, как вы бы не поступили с животным, питающаяся маисом с солью и завидующая даже многим неграм, с которыми обращались лучше; я же была почти нагая, без башмаков и чулок... единственный отдых, который нам доступен, – завернуться в одеяло и лечь на землю».

Какие бы ужасы ни представлялись во время перевозки черных невольников в Америку, их можно помножить применительно к чернокожим женщинам, которые часто составляли до трети живого груза. Работоторговцы сообщали: «Я видел, как беременные женщины рожали младенцев, будучи прикованными к трупам, которых не убрали наши пьяные надсмотрщики... уложенные, как ложки, они рожали детей в едком запахе пота человеческого груза... На борту судна была молодая негрityня, прикованная к палубе, потерявшая рассудок вскоре после того, как ее купили и посадили на корабль».

Женщина по имени Линда Брент, бежавшая от рабства, рассказывала и о другой беде: «Сейчас мне исполнилось 15 лет – печальная пора в жизни девушки-рабыни. Мой хозяин начал шептать мне на ухо отвратительные слова. Как бы я ни была молода, я не могла оставаться безразличной к их смыслу... Мой хозяин попадался мне на каждом шагу, напоминая мне, что я принадлежу ему, и клялся землей и небесами, что заставит меня подчиниться ему. Если я выходила вдохнуть глоток свежего воздуха после дня неустанного труда, его шаги преследовали меня. Если я припадала к могиле матери, его темная тень была надо мной и там. Беззаботное сердце, коим меня одарила природа, тяжелеет от печальных предчувствий».

Даже свободные белые женщины, привезенные в Америку не в качестве служанок и рабынь, а как жены первых поселенцев, сталкивались с особыми трудностями. На борту «Мейфлауэра» прибыли 18 замужних женщин. Три были беременны, одна родила мертвого ребенка в пути. Роды и болезни были настоящей бедой; к весне выжили только четыре из этих 18 женщин.

К тем, кто остался жив, разделяя с мужчинами тяготы строительства новой жизни в диких местах, часто относились с особым почтением, поскольку в них крайне нуждались. А когда мужчины гибли, женщины зачастую выполняли их работу. Кажется, что в течение первого столетия существования колоний и позднее женщины американского фронта были близки к равноправию с мужчинами.

Но всех колонисток тяготили идеи, привнесенные на новый континент переселенцами из Англии, – идеи христианского учения. Английское право было суммировано в документе «Законодательные решения о правах женщин», датированном 1632 г.: «В этом объединении, которое мы называем брачным союзом, правда то, что муж и жена едины, но понимать это надо так. Когда ручеек или речка впадают в Роданус, Хамбер или Темзу, малая речушка утрачивает имя свое... Женщина, выйдя замуж, получает статус находящейся под покровительством мужа... «закрывает лицо вуалью», то есть уходит в тень; она лишается своего течения. Я могу правдивее сказать замужней женщине, что ее новое «я» – это ее наставник, ее партнер, ее хозяин».

Джулия Сприлл так описывает юридический статус женщины в колониальный период: «Контроль мужа над женой предполагал право выпороть ее... Но он не мог изувечить жену или лишить ее жизни.».

Что же касается имущественных прав, то «помимо абсолютного распоряжения личным имуществом жены и недвижимостью, которой она обладала, супруг мог присвоить любой ее доход. Он забирал средства, заработанные ее трудом... Естественно, из этого следовало, что и вырученные от совместной работы мужа и жены деньги принадлежали первому».

Родить внебрачного ребенка для женщины было преступлением, и архивы колониальных судов переполнены материалами дел женщин, которых привлекли к уголовной ответственности за «блуд», – при этом отца ребенка закон не трогал и оставлял на свободе. В колониальной газете за 1747 г. воспроизводится выступление «мисс Полли Бейкер перед судом в Коннектикуте, возле Бостона, что в Новой Англии, которая в пятый уж раз судится за появление на свет незаконнорожденного ребенка». (Эта речь была иронической выдумкой Бенджамина Франклина): «Да позволит достопочтенная судейская коллегия сказать мне несколько слов к ее удовольствию. Я бедная, несчастная женщина, у которой нет денег на оплату адвокатов, чтобы они выступили за меня в суде.

...Уже пятый раз, джентльмены, я предстаю перед вашим судом по тому же обвинению, дважды я платила большой штраф и дважды подвергалась публичному наказанию за желание получить деньги, дабы оплатить эти штрафы. Это, наверное, соответствует закону, и я не спорю, но иногда законы неблагоразумны сами по себе и потому отменяются, а иные в определенных обстоятельствах слишком тяжки для подданных... осмелюсь сказать, что считаю этот закон, по которому меня подвергают наказанию, и сам по себе неблагоразумным, и особо жестоким по отношению ко мне... Вне зависимости от закона, я не могу понять... суть моего преступления. Я привела в этот мир с риском для своей жизни пятерых прекрасных детей, помогала им своим трудом, не обременяя городские власти, и делала бы это еще лучше, если б не тяжкие обвинения и штрафы, которые мне пришлось платить... никто и не жаловался на меня, до того пока слуги правосудия не обратили внимание на то, что детей я родила, будучи незамужней, из-за чего они забыли взять с меня взнос за регистрацию брака.

Но разве это моя вина?

Что же должны делать бедные молодые женщины, которым обычаи и природа их запрещают домогаться мужчин и которые не могут насильно овладевать мужьями, когда законы не заботятся о том, чтобы их этими потребностями обеспечить, но жестоко наказывают их, если они исполняют свои обязанности без таковых законов, прежде всего обязанность первейшую и величайшую, которую возлагает на них природа и Господь, – плодиться и размножаться. От постоянного исполнения сей обязанности ничто не могло меня удержать, и во имя ее я пострадала, потеряв уважение общества, и все время сталкивалась с общественным порицанием и наказанием, а потому мне, по моему скромному разумению, вместо розог должны воздвигнуть памятник».

Положение отца в семействе было описано во влиятельном как в Америке, так и в Англии периодическом издании – «Спектейтор»: «Ничто не доставляет такую радость мужчине, как возможность власти или доминирования; и... я, будучи отцом семейства... постоянно раздаю указания, распределяю обязанности, выслушиваю стороны, отправляю правосудие, распределяю вознаграждения и наказания... Короче говоря, сэр, я рассматриваю собственное семейство как патриархальное государство, в котором я – и король, и священник».

Неудивительно, что эта зависимость женщин была перенесена в пуританскую Новую Англию. На судебном процессе над женщиной, посмеявшейся пожаловаться на качество работы, которую выполнил по ее заказу столяр, один из всемогущих бостонских отцов церкви преподобный Джон Коттон заявил: «...то, что муж должен подчиняться жене, а не жена – мужу, есть ложный постулат. Ибо Господь предписал женщинам иной закон: жены, во всем подчиняйтесь своим мужьям».

В XVIII столетии в американских колониях был широко распространен бестселлер «карманного формата» «Советы дочери», опубликованный в Лондоне: «Сначала тебе следует принять общие основы, состоящие в том, что есть неравенство полов, и в том, что для улучшения экономики в мире мужчины, созданные быть законодателями, наделены большей долей разума. А посему ваш пол лучше подготовлен к уступчивости, необходимой для исполнения тех обязанностей, которые вам можно наилучшим образом поручить... Вашему полу надобен наш разум для руководства действиями и наша сила, чтобы защитить вас, мы же нуждаемся в вашей доброте для нашего смягчения и развлечения».

Несмотря на столь мощное педагогическое воздействие, удивителен тот факт, что женщины восставали. Бунтарки всегда сталкивались с особыми трудностями: они жили под постоянным присмотром хозяина, были изолированы друг от друга в своих домах, тем самым не имея возможности проявлять ежедневную солидарность, которая вдохновляла мятежников из других угнетенных категорий населения.

Энн Хатчинсон являлась религиозной женщиной, матерью 13 детей, имевшей познания в лечебных свойствах трав. В первые годы существования колонии Массачусетской бухты она бросила вызов отцам церкви, настаивая на том, что она, равно как и другие простые люди, в состоянии самостоятельно интерпретировать текст Библии. Будучи хорошим оратором, Энн проводила собрания, в которых участвовало все больше женщин (и даже некоторые мужчины), и вскоре в ее доме в Бостоне стали собираться группы из 60 и более человек, чтобы послушать критику деятельности местных священников. Губернатор Джон Уинтроп описывал Э. Хатчинсон «женщиной надменного и неистового нрава, сообразительной и деятельной, с хорошо подвешенным языком, более храброй, чем иной мужчина, хотя в своем понимании и суждениях уступающей многим женщинам».

Энн Хатчинсон дважды подвергалась суду: в первый раз – за ересь, во второй – за противостояние властям. Во время гражданского процесса она была беременна и больна, но ей

не разрешили сесть, пока подсудимая чуть не потеряла сознание. В ходе церковного суда Энн допрашивали неделями, и вновь она была больна, но бросила вызов допрашивающим своими подробными познаниями в Библии и удивительным красноречием. Когда наконец женщина письменно раскаялась в содеянном, судьи не были удовлетворены и заявили: «По выражению ее лица о раскаянии не скажешь».

Энн была изгнана из колонии, и, когда в 1638 г. она отправилась в Род-Айленд, за ней последовали 35 семей. Затем Хатчинсон перебралась к берегам Лонг-Айленда, где лишённые своих земель обманным путем индейцы приняли Энн за одного из своих врагов и убили ее и ее семью. Двадцать лет спустя одна из последовательниц этой женщины – Мэри Дайер, свидетельствовавшая в пользу Энн Хатчинсон во время суда, вернулась в колонию Массачусетской бухты и наряду с двумя квакерами была приговорена к повешению за «бунт, подстрекательство и дерзкое навязывание своей точки зрения».

Колонистки редко открыто участвовали в общественных делах, хотя в южных и западных районах фронта это было время от времени возможно. Дж. Сприлл нашла в архивах Джорджии раннего периода историю Мэри Масгроув Мэттьюз, дочери индианки и англичанина, которая могла говорить на языке племени крик и стала советчицей губернатора колонии Джеймса Оглторпа по отношениям с индейцами. Сприлл обнаружила, что по мере увеличения численности населения поселков женщин все больше оттесняли из общественной жизни и они стали вести себя более робко, чем раньше. Вот что сказано в одной из петиций: «Не в компетенции нашего пола глубоко размышлять о действующих порядках».

Однако, как отмечает эта исследовательница, в революционный период военные нужды дали женщинам возможность вернуться к общественным делам. Американки создавали патриотические группы, осуществляли антибританские акции, писали статьи в защиту независимости. Они активно проявляли себя в кампании протеста против английской пошлины на чай, из-за которой непомерно выросла стоимость этого товара. Появились ячейки организации «Дочери свободы», бойкотировавшие британские изделия, призывая женщин самим изготавливать одежду и покупать только американские товары. В 1777 г., как отклик на «Бостонское чаепитие», имела место «Кофейная вечеринка», описанная Абигейл Адамс⁴⁶ в письме своему супругу Джону: «Один высокопоставленный, состоятельный, прижимистый купец (который, между прочим, не женат) имел в своей лавке бочку кофе, который он отказывался продать комитету по цене 6 шилл. за фунт.

Группа дам, по словам некоторых, сотня, а возможно, и более, собрались, прихватив повозку и сундуки, пришли к складу и потребовали ключи, которые он выдать отказался. После этого одна из женщин схватила купца за шею и швырнула в телегу. Не найдя прибежища, он отдал ключи, когда они перевернули повозку и вытряхнули его оттуда; после этого дамы вскрыли склад, сами извлекли оттуда кофе, поместили его в сундуки и уехали... Большая группа мужчин в удивлении молчаливо наблюдала за всем происходящим».

В последние годы женщины-историки отмечают, что вклад представительниц рабочего класса в Американскую революцию по большей части игнорируется в отличие от вклада светских дам, жен лидеров (Долли Мэдисон, Марты Вашингтон, Абигейл Адамс). Маргарет Корбин по прозвищу Грязнуля Кейт, Дебора Сэмпсон Гарнет и Молли Питчер⁴⁷ были

⁴⁶ Абигейл Адамс (1744–1818) – супруга 2-го президента США Дж. Адамса, мать 6-го президента США Дж. К. Адамса. Принимала активное участие в общественной жизни страны, отстаивала права женщин в области образования и т. д.

⁴⁷ Героини Войны за независимость 1775–1783 гг.

грубоватыми женщинами из нижних сословий, чьи образы приукрашены историками, сделавшими из них леди. Притом что простые американки участвовали в сражениях в последние годы войны, жили в армейских лагерях, помогали чем могли и воевали, их представляли позднее как шлюх, а Марте Вашингтон в учебниках истории уделялось особое внимание за то, что она посетила своего мужа во время зимовки в Вэлли-Фордж.

Когда же регистрировались феминистские импульсы, то они почти всегда сводились к произведениям привилегированных дам, обладавших достаточным положением, с высоты которого они могли говорить свободнее, имея возможность оставлять после себя записи. Еще до провозглашения Декларации независимости Абигейл Адамс писала своему мужу в марте 1776 г.: «...в новом своде законов, который, я полагаю, вам необходимо принять, я желала бы, чтобы ты помнил о дамах и был к ним более благосклонен, чем твои предшественники. Не отдавай столь неограниченную власть в руки мужей. Помни о том, что все мужчины были бы тиранами, если бы выдалась такая возможность. Если же не уделить особой заботы и внимания дамам, то мы полны решимости устроить мятеж и не будем считать себя связанными соблюдением законов, при принятии коих наши голоса не были услышаны».

Тем не менее Т. Джефферсон подчеркнул смысл своей фразы «все люди созданы равными» заявлением о том, что американские женщины «слишком мудры, для того чтобы морщить лоб от политики». А после обретения независимости право голоса для женщин не было предусмотрено ни в одной из новых конституций штатов, кроме Нью-Джерси, да и там его отменили в 1807 г. В конституции штата Нью-Йорк четко говорилось о лишении женщин избирательных прав – в тексте используется слово «мужчина».

Притом что в середине XVIII в. около 90 % белого мужского населения было грамотным, этот показатель среди женщин составлял лишь 40 %. У представительниц рабочего класса имелось мало способов общения, а средств фиксирования на бумаге своих бунтарских чувств, которые они могли испытывать в своем подчиненном положении, не было вообще. Им приходилось не только с огромными трудностями производить на свет множество детей, но и выполнять работу по дому. Примерно в то же время, когда была принята Декларация независимости, в Филадельфии 4 тыс. женщин и детей работали на дому для местных «рассеянных» мануфактур. Женщины владели также лавками и тавернами, занимались многими ремеслами. Они пекли хлеб, изготавливали оловянную посуду, варили пиво, дубили кожу, вили веревки, плотничали и столярничали, печатали в типографиях, работали гробовщиками, мастерицами по изготовлению корсетов и т. п.

Идеи равноправия женщин витали в воздухе во время и после революции. За женское равноправие выступал Т. Пейн. Вышедший в Англии новаторский труд Мэри Уоллстонкрафт «В защиту прав женщин» был переиздан в США вскоре после Войны за независимость. Автор отвечала английскому консерватору, противнику Французской революции Эдмунду Бёрку, который в своей работе «Размышления о революции во Франции» заявлял, что «женщина – не более чем животное; а животные не относятся к существам высшего порядка». Уоллстонкрафт писала: «Мне хотелось бы убедить женщин стремиться к обретению сил, и душевных, и телесных, убедить их в том, что мягкие фразы, впечатлительность, ранимость чувств и утонченность вкуса почти синонимичны эпитетам слабости, в том, что существа эти, которые могут быть лишь объектами жалости и своеобразной любви... вскоре становятся объектами оскорблений...».

Мне хотелось бы показать, что тот, кто обладает похвальными амбициями, будет первым, кто обретет человеческий характер, вне зависимости от своей половой принадлежности».

В период между Войной за независимость и Гражданской войной в американском обществе изменилось многое – происходил рост численности населения, освоение Запада,

развитие фабричной системы производства, расширение политических прав белого мужского населения, повышение образовательного уровня для соответствия новым потребностям экономики, – и эти перемены не могли не отразиться на положении женщин. В доиндустриальной Америке практические потребности в женщинах в приграничных районах привели к некоей доле равноправия; американки занимались важными делами: издавали газеты, руководили сыромятнями, владели тавернами, занимались работой, требующей квалификации. В некоторых профессиях, например в акушерстве, они обладали монополией. Н. Котт рассказывает нам о старушке по имени Марта Мур Баллард, жившей в 1795 г. на ферме в Мэне, которая «пекла хлеб и варила пиво, делала соленья и варенья, пряла и шила, варила мыло и изготавливала маканые свечи» и которая, будучи акушеркой в течение 25 лет, приняла более 1 тыс. младенцев. Поскольку образование зачастую носило домашний характер, женщины играли особую роль в семье.

Происходили сложные, разнонаправленные процессы. Отныне американки были вынуждены покидать дома и участвовать в промышленном производстве, но в то же время на них оказывалось давление, чтобы женщины оставались у домашнего очага, где за ними было намного легче следить. Внешний мир, прорываясь в тесное жилище, порождает страхи и конфликты в среде, где доминировали мужчины, привнося идеологический контроль на место ослабевавшего внутрисемейного: идея «места женщины», пропагандируемая мужчинами, была для многих жительниц США вполне приемлемой.

По мере развития экономики возрастала роль мужчин в ремеслах и торговле, а напористость становилась все больше мужским уделом. Женщинам, возможно именно потому, что все большему их числу приходилось входить в опасный внешний мир, приказывали быть пассивными. В одежде стали развиваться стили – прежде всего для богатых и представительниц среднего класса, – но, как всегда, даже здесь находилось место для унижения бедных, поскольку играл роль вес женской одежды, корсетов и нижних юбок, подчеркивавший отход женщин от деятельного внешнего мира.

Важную роль стала играть выработка идей, с помощью которых через церковь, школу, семью стремились убедить, что женщинам следует сохранять свое прежнее положение в непростые для них времена. Б. Уэлтер в книге «Домотканые убеждения» показывает, каким сильным был «культ истинной женственности» после 1820 г. От женщины ожидалось, что она будет набожной. Мужчина писал в журнале «Лейдиз рипозитори»: «Религия – как раз то, в чем нуждается женщина, поскольку она придает ей достоинства, наилучшим образом отвечающие ее зависимому положению». Миссис Джон Сэндфорд в своей работе «Женщина в обществе и дома» заявляла: «Религия – именно то, что необходимо женщине. Без таковой она всегда будет беспокойной или несчастной».

Непорочность рассматривалась как особая женская добродетель. Предполагалось, что мужчины в силу своей биологической природы могут грешить, но женщина не должна поддаваться своим желаниям. Как отмечал один автор-мужчина: «Если это произойдет, ты останешься наедине с собой в молчаливой печали, оплакивая свое легкоеверие, слабоумие, двуличие и поспешную продажность». Женщина же писала, что женщины попадают в неприятности, будучи «высокодуховными, но неосторожными».

Женщине с юности предписывалось играть определенную роль. Чувство покорности готовило девушку к подчинению первому подходящему партнеру. Б. Уэлтер так описывает это явление: «Предположение двояко: американка должна быть столь безгранично любвеобильной и соблазнительной, что любой здоровый мужчина с трудом может контролировать себя, находясь с ней в одной комнате, а с другой стороны, та же девушка, «вылупившись» из кокона семейной защиты, так трепещет от ненаправленной на конкретный объект привязанности, так

переполнена нежными чувствами, что отдает свою любовь первому встречному. Однажды в летнюю ночь она просыпается после сна юности, и семья и общество обязаны убедиться в том, что взгляд ее падает на достойную пару, а не на какого-то клоуна с головой осла. Семья и общество вносят свою лепту такими запретительными мерами, как отдельные школы для представителей разных полов и/или классов, уроки танцев, путешествия и другие меры внешнего контроля. От девушки же требуется самоконтроль – подчинение правилам. В результате сочетания этих мер образуется некий общественный пояс целомудрия, с которого не снимают замок до тех пор, пока не найден партнер для брака и юность не закончилась официально».

Когда в 1851 г. Амелия Блумер⁴⁸ предложила в своем феминистском издании, чтобы женщины носили нечто вроде короткой юбки с шароварами, дабы освободить себя от неудобств, связанных с традиционной одеждой, это предложение подверглось нападкам в популярной дамской литературе. В одной истории рассказывается о девушке, которой понравились «блумерсы», но преподаватель предостерег ее, заявляя, что эта одежда «лишь одно из многих проявлений дикого духа социализма и аграрного радикализма, раздирающих нашу страну в настоящее время».

В «Книге молодой женщины», изданной в 1830 г., говорится: «...в какую бы жизненную ситуацию ни попадала женщина с колыбели до могилы, от нее требуется дух покорности и подчинения, сдержанность характера и смиренность ума». В 1850 г. одна дама в книге «Листья леса в зеленом наряде» писала: «Истинный гений женственности – в извечной робости, сомнениях, верной зависимости; бесконечное детство». В другой книге, «Воспоминания южной матроны», отмечается: «Если какая-то из его привычек раздражала меня, я тихо говорила об этом один раз или дважды, а затем спокойно переносила это». Предназначенные для женщин «Правила супружеского и домашнего счастья» заканчивались словами: «Не ожидайте слишком многого».

Женской считалась работа по сохранению домашнего очага, поддержанию религиозности, а также труд сиделки, кухарки, уборщицы, швеи, аранжировщицы цветов. Женщине не следовало слишком много читать, а некоторых книг вообще надо было избегать. Когда реформатор 30-х гг. XIX столетия Гарриет Мартино написала книгу «Общество в Америке»⁴⁹, один из рецензентов предложил, чтобы эту публикацию держали подальше от женщин: «Такое чтение расшатывает их представления о своем истинном предназначении и целях, и они вновь повергнут мир в смуту».

А вот текст проповеди в штате Нью-Йорк, датированной 1808 г.: «Как интересны и важны обязанности, возложенные на женщину как на супругу... как на советчицу и подругу мужа своего; она делает своей повседневной заботой облегчение его забот, сожаление его горестям и прибавление его радостей; она, подобно ангелу-хранителю, следит за соблюдением его интересов, предупреждает его об опасностях, утешает его в тяжелые минуты, а своей благочестивостью, усердием и привлекательностью постоянно стремится отплатить ему еще большей добродетелью, пользой, честностью и счастьем».

Жительниц США также призывали, особенно потому, что они занимались обучением

⁴⁸ Амелия Дженкс Блумер (1818–1894) – первая женщина – владелица и издатель ежемесячного женского журнала «Лилия». Стояла у истоков движения суфражисток.

⁴⁹ Гарриет Мартино (1802–1876) – английская писательница, общественный деятель, сторонница буржуазно-либеральных реформ. Путешествовала по США (1834–1836), после чего и выпустила указанную книгу (1837).

детей, быть патриотичными. В одном из дамских журналов предлагался приз за написание лучшего очерка на тему «Как американка может лучше всего проявить свой патриотизм».

Н. Котт в своей книге «Узы женственности» пишет, что в 20–30-х гг. XIX в. имел место всплеск романов, стихов, эссе, проповедей и наставлений на темы семьи, детей и роли женщины. Внешний мир становился более жестоким, коммерциализированным, требовательным. В каком-то смысле дом продолжал оставаться напоминанием о некоем утопическом прошлом и прибежищем от сиюминутных забот.

Возможно, реалии новой экономики легче принимались, когда выглядели лишь как часть жизни, гаванью в которой был дом. В 1819 г. благочестивая замужняя дама писала: «... воздух мира отравлен. Вы должны иметь при себе противоядие, иначе инфекция окажется смертельной». Как подчеркивает Н. Котт, все это было предназначено не для того, чтобы бросить вызов миру коммерции, промышленности, конкуренции, капитализма, а лишь для того, чтобы смягчить его восприятие.

Превращение в культ домашней жизни, уготованной женщине, было также способом ее примирения с доктриной «разделенные, но равные», согласно которой именно представительнице слабого пола поручалось столь же важное дело, как и работа мужчины, но трудиться американка должна была отдельно от него и ее работа имела другой характер. Ядром этого «равенства» являлся тот факт, что женщина не выбирала себе супруга, а после бракосочетания ее жизнь предопределялась заранее. В 1791 г. одна девушка писала: «Вскоре будет брошен жребий, который, скорее всего, определит, станет ли мое будущее счастливым или жалким... Я всегда ожидала этого события с долей серьезности, соответствующей тому, что моей нынешней жизни придет конец».

Брак заковывал в цепи, а наличие детей делало эти цепи еще более тяжелыми. В 1813 г. одна женщина призналась: «Мысль о том, что вскоре мне предстоит родить третьего ребенка, и связанные с этим обязанности, которые мне надо будет выполнять, так тревожат меня, что я чувствую, будто утопаю». Эта подавленность облегчалась пониманием того, что у женщины есть важное предназначение – поделиться со своими детьми такими моральными ценностями, как скромность и достижение успехов благодаря высоким личным качествам, нежели посредством общественной деятельности.

Новая идеология делала свое дело – она помогала создавать стабильность, необходимую для развития экономики. Но само существование такой идеологии показывало наличие других подводных течений, которые не так просто было сдерживать. Предоставление же женщине собственной сферы интересов делало возможным то, что американка сможет использовать это пространство и время для подготовки к иной жизни.

«Культе истинной женственности» не мог полностью уничтожить следы того, что было свидетельством подчиненного положения женщины: она не имела ни права голоса, ни имущественных прав; если она работала, то получала от четверти до половины заработка мужчины за такой же труд. Женщин не допускали в такие области, как право и медицина, преподавание в колледжах, к церковным постам.

Как отмечает Н. Котт, отнесение всех американок к одной категории – домохозяйкам создавало классификацию по признаку пола, которая делала менее значимыми классовые различия. Однако действовали и иные силы, выдвигавшие эти различия на передний план. В 1789 г. Сэмюэл Слейтер⁵⁰ внедрил в Новой Англии промышленный прядильный станок, и

⁵⁰ Сэмюэл Слейтер (1768–1835) – предприниматель (уроженец Англии), основатель текстильной промышленности в США.

теперь для работы требовались молодые девушки – «прядильщицы», способные это оборудование освоить, работая на фабриках. В 1814 г. в городе Уолтеме (Массачусетс) стал действовать механический ткацкий станок, после чего все операции по преобразованию хлопковой нити в ткань можно было осуществлять под одной крышей. Начался быстрый рост текстильных фабрик, от 80 до 90 % работников которых составляли женщины, причем большинство в возрасте от 15 до 30 лет.

Одни из первых забастовок промышленных рабочих произошли в 30-х гг. XIX в. как раз на этих текстильных производствах. Э. Флекенер в работе «Столетие борьбы» приводит цифры, позволяющие сделать предположение о причинах этого явления: средний дневной заработок женщины в 1836 г. составлял менее 37,5 цента; тысячи получали 25 центов в день, отрабатывая по 12–16 часов. В городке Потакет (Род-Айленд) в 1824 г. произошла первая известная забастовка фабричных работниц. Двести две женщины присоединились к мужчинам, протестовавшим против сокращения зарплаты и увеличения продолжительности рабочего дня, но провели свою акцию отдельно. Четыре года спустя работницы в Довере (Нью-Гэмпшир), опять провели свою забастовку. В 1834 г. в Лоуэлле (Массачусетс), когда одну из девушек уволили с предприятия, другие оставили свои рабочие места у ткацких станков, а одна из работниц взобралась на городскую водонапорную башню и произнесла, как написано в газете, «зажигательную речь в духе Мэри Уоллстонкрафт о правах женщин и беззакониях «денежной аристократии», что произвело мощное воздействие на ее слушательниц, которые готовы были умереть за свои убеждения».

В дневнике, который вел житель городка Чикопи (Массачусетс), явно без симпатий относившийся к происходящему, так описаны события 2 мая 1843 г.: «Крупная забастовка девиц... сегодня утром после завтрака процессия из 16 человек, впереди которой вместо знамени несли раскрашенную оконную занавеску, двинулась к площади. Вскоре они опять прошествовали мимо... теперь их было 44 человека. Так они помаршировали и разошлись. После ужина опять собрались вместе 42 девицы и двинулись к Кэботу... Так они ходили по улицам, не делая себе чести».

В 40-х гг. XIX столетия в разных городах происходили забастовки, носившие более воинственный характер, чем те, которые имели место в Новой Англии ранее, но по большей части они оказались безуспешными. Выступления на фабриках в районе Аллеган под Питтсбургом имели целью добиться сокращения рабочего дня. Во время нескольких таких забастовок женщины, вооруженные палками и камнями, прорывались через деревянные ворота текстильной фабрики и останавливали ткацкие станки.

Сторонница реформ того времени Кэтрин Бичер⁵¹ писала о фабричной системе: «Позвольте мне представить факты, о которых мне удалось узнать благодаря наблюдениям или расспросам на местах. Я была там в середине зимы и каждое утро просыпалась в 5 часов от звона колоколов, звавших на работу. Времени, отведенного на одевание и завтрак, было столь мало, что, как некоторые рассказывали мне, и то и другое делалось второпях, а затем при свете ламп начиналась работа на фабрике, которая без перерыва продолжалась до полудня, и большую часть этого времени приходилось стоять. Всего лишь полчаса отводилось на обед, и при этом вычиталось время, которое занимали уход и возвращение. Затем надлежало вернуться на фабрику, чтобы работать до 7 вечера... при этом следует помнить, что все рабочие часы проводятся в душных нездоровых помещениях с масляным освещением, где находятся от 40 до

⁵¹ Кэтрин Бичер (1800–1878) – родная сестра писательницы Гарриет Бичер-Стоу, автора «Хижины дяди Тома». Всю свою жизнь выступала против феминисток, но сама занимала независимую позицию.

80 человек... воздух наполнен частичками хлопка, выбрасываемого из тысяч лент, веретен и ткацких станков».

А как жили представительницы высшего класса? Англичанка Фрэнсис Троллоп в своей книге «Национальные нравы американцев»⁵² писала: «Да будет дозволено мне описать один день из жизни дамы из высшего общества Филадельфии... Эта леди – супруга сенатора и адвоката с наилучшей репутацией и широкой практикой... Она пробуждается и проводит первый час бодрствования в скрупулезном приведении в порядок своего платья; она спускается в свою гостиную, приятную, чистую и безмолвную. Чернокожий лакей приносит ей завтрак; она ест жареную ветчину с соленой рыбой и в тиши пьет свой кофе, пока ее муж читает одну газету, подложив под локоть вторую. Затем, возможно, она вымоет чашки и блюдца. Ее экипаж прибывает к 11 часам; до этого она занята изготовлением пирожных, прикрыв шелка мышинового цвета белоснежным передником. За 20 минут до прибытия экипажа она удаляется в свои палаты, как она их называет, отряхивает и сворачивает свой все еще белоснежный передник, оглаживает свое богатое платье и... надевает элегантную шляпку... после чего спускается вниз, как раз в тот момент, когда ее свободный чернокожий кучер объявляет свободному черному лакею, что экипаж подан. Она садится в него и приказывает: «В Общество Серны»⁵³.

Женская ассоциация рабочей реформы выпустила в Лоуэлле серию «Фабричных трактатов». Первый назывался «Жизнь на фабрике глазами ее работницы», и в нем женщины, работавшие на ткацких фабриках, характеризовались «ни больше ни меньше как рабыни во всех смыслах этого слова! Рабыни системы условий труда, требующей от них тяжелой работы с 5 часов утра до 7 часов вечера с часовым перерывом на естественные надобности, – рабыни, исполняющие волю и требования «сильных мира сего»».

В 1845 г. в нью-йоркской газете «Сан» было опубликовано следующее объявление: «Массовый митинг молодых женщин. – Мы призываем ко вниманию молодых женщин, занятых на промышленных предприятиях города, собраться на массовый митинг в парке сегодня днем, в 4 часа.

Мы также апеллируем к учтивости мужчин этого города... и убедительно просим их не присутствовать на этом митинге, поскольку те, для кого он созывается, предпочитают обсудить все в своем кругу».

Примерно в то же время в репортаже нью-йоркской газеты «Геральд» говорилось о приблизительно «700 дамах весьма приятного вида», которые собрались «в стремлении исправить зло и условия угнетения, в которых они работают». В редакционной статье эта газета писала о таких собраниях: «...мы очень сомневаемся, что оно закончится с какой-либо пользой для любого женского труда... Все союзы ни к чему не приводят».

Название книги Н. Котт «Узы женственности» отражает неоднозначное восприятие автором того, что происходило с женщинами в начале XIX в. Они попали в капкан новой идеологии «женской доли» в доме, а будучи вынуждены трудиться на фабриках либо на рабочих местах, ассоциируемых с принадлежностью к среднему классу, столкнулись с иным видом зависимости. С другой стороны, эти условия способствовали тому, что у американок возникало общее понимание ситуации и укреплялись узы женской солидарности.

Представительницы среднего класса, которым был закрыт доступ к высшему образованию, постепенно начали монополизировать сферу преподавания в начальной школе.

⁵² Фрэнсис Троллоп (1780–1863) – английская писательница, общественный деятель, мать писателя Энтони Троллопа. В 1829–1831 гг. жила в США и написала упомянутую книгу (1832).

⁵³ Женское благотворительное общество в Великобритании и США.

Будучи учительницами, они больше читали и общались, а образованность сама по себе стала подрывать устои прежнего мышления. Эти жительницы США начали писать для газет и журналов, основали некоторые женские издания.

В 1780–1840 гг. показатель грамотности среди американок вырос вдвое. Женщины становились реформаторами и в области здравоохранения. Они создавали общественные движения, боровшиеся против двойных стандартов в сексуальной сфере и преследования проституток. Американки вступали в религиозные организации. Некоторые из наиболее влиятельных представительниц слабого пола присоединялись к движению за отмену рабства. Таким образом, к 40-м гг. XIX в., когда появилось реальное феминистское движение, женщины уже имели практический опыт организаторов, агитаторов и ораторов.

Когда в 1819 г. Эмма Уиллард⁵⁴ выступила с речью о проблемах женского образования в легислатуре штата Нью-Йорк, она оппонировала заявлению, сделанному за год до этого Т. Джефферсоном (в его письме), в котором он предложил женщинам не читать романы, являвшиеся, за редким исключением, «кучей мусора». «По той же причине не стоит слишком увлекаться поэзией». По мнению Джефферсона, женское образование должно концентрироваться вокруг «орнаментов и всяческих забав... коими для женщин являются танцы, рисование и музыка».

Э. Уиллард сказала законодателям, что женское образование «целиком направлено на то, чтобы подготовить женщин к демонстрации чар молодости и красоты». Она видела проблему в том, что «вкусы мужчин, каковы бы они ни были, стали стандартом для формирования женского характера». В то же время оратор отметила: разум и религия учат нас, что «мы тоже являемся первичными существами... а не просто спутницами мужчин».

В 1821 г. Уиллард основала в городе Трой женскую семинарию – первое признанное учебное заведение для девушек. Позднее она писала, как расстраивало некоторых то, что ее студентки изучали на занятиях особенности строения человеческого тела: «Матери, посещавшие занятия в семинарии в начале 30-х годов, были так шокированы видом ученицы, рисующей на доске сердце, артерии и вены, чтобы объяснить циркуляцию крови, что от стыда и смущения выходили из класса. Дабы сохранить благопристойность девушек и избавить их от слишком частого волнения, страницы учебников, на которых изображалось человеческое тело, были заклеены толстой бумагой».

Американки боролись и за то, чтобы попасть в мужские профессиональные школы. Доктору Хэрриот Хант, женщине-врачу, начавшей практиковать в 1835 г., дважды отказывали в приеме в Гарвардскую медицинскую школу. Но она продолжала работать в основном с женщинами и детьми. Х. Хант была убежденной сторонницей диеты, физических упражнений, гигиены и заботы о психическом здоровье. В 1843 г. она основала Дамское физиологическое общество, где ежемесячно выступала с лекциями. Х. Хант не выходила замуж, и в этом отказавшись от привычных норм.

Элизабет Блэкуэлл⁵⁵ получила диплом медика в 1849 г., преодолев немало преград, чтобы быть принятой в Дженивский колледж. Позднее она основала в Нью-Йорке диспансер для бедных женщин и детей, чтобы «дать неимущим женщинам возможность

---

⁵⁴ Эмма Харт Уиллард (1787–1870) – педагог, сыгравшая значительную роль в развитии женского образования в США.

⁵⁵ Элизабет Блэкуэлл (1821–1910) – первая американка (уроженка Англии), получившая диплом медика. В конце жизни Блэкуэлл вернулась на родину.

консультироваться у женщин-врачей». В первом «Годовом отчете» Э. Блэкуэлл писала:

«Моя первая медицинская консультация представляла собой любопытный опыт. В тяжелом случае пневмонии у престарелой дамы я позвала на консультацию имеющего отличную репутацию добросердечного доктора... Осмотрев пациентку, этот джентльмен вышел со мной в коридор. В некотором смятении он начал прогуливаться по комнате, восклицая: «Невероятный случай! Такого у меня никогда не было! Я и вправду не знаю, что мне делать!»

Я слушала его с удивлением и в полном замешательстве, поскольку это был явный случай пневмонии и здесь существовала обычная опасность, пока наконец я не поняла, что его растерянность связана не с больной, а со мной и с необходимостью консультации с женщиной-врачом!»

Оберлинский колледж⁵⁶ стал первым, где разрешили принимать на учебу женщин. Но Антуанетта Браун, первая девушка, принятая в теологическое училище при колледже и окончившая курс в 1850 г., обнаружила, что ее имя вычеркнуто из списков. В лице Люси Стоун этот колледж встретил достойное сопротивление. Она была активисткой пацифистского общества и аболиционистской, преподавала цветным школьникам, организовала дискуссионный клуб для девушек. Ее избрали для написания обращения к выпускникам, но затем сказали, что его зачитает мужчина. Стоун отказалась писать текст.

В 1847 г. она начала выступать с лекциями о правах женщин в церкви городка Гарднер (Массачусетс), пастором которой был ее брат. А. Стоун – хрупкая женщина, весом около 100 фунтов – являлась превосходным оратором. Ее, как лектора Американского антирабовладельческого общества, неоднократно обливали холодной водой, заставляли пошатнуться от удара брошенной книги, атаковали толпы недовольных.

Когда Л. Стоун выходила замуж за Генри Блэкуэлла, во время церемонии бракосочетания они, взявшись за руки, зачитали следующее заявление: «Удостоверяя нашу взаимную любовь путем публичного вступления в брак, мы, тем не менее, в знак уважения к себе и к великому принципу считаем своим долгом заявить, что этот акт с нашей стороны не означает никакого одобрения и не предполагает никаких обещаний добровольного подчинения тем действующим брачным законам, которые не признают жену независимой и разумной личностью и одновременно приписывают мужу губительное и неестественное превосходство».

Люси Стоун была одной из первых, кто отказался менять фамилию после вступления в брак. Ее звали «миссис Стоун». Когда Люси отказалась платить налоги, объяснив это тем, что ее интересы не были представлены в правительстве, чиновники забрали в качестве уплаты весь домашний скарб, в том числе детскую колыбель.

После того как жена почтмейстера небольшого городка в штате Нью-Йорк Амелия Блумер ввела в обиход «блумерсы», активистки стали носить их вместо сделанных из китового уса корсажей, корсетов и нижних юбок. Элизабет Кэди Стэнтон⁵⁷, которая была одной из руководительниц феминистского движения этого периода, вспоминала о том, как впервые наблюдала свою двоюродную сестру в новом наряде: «Когда я увидела, как моя кузина с лампой в одной руке и младенцем в другой поднимается по лестнице с легкостью и грацией, в то время как я с трудом передвигаюсь, не говоря уж о светильнике и ребенке, тогда я убедилась

⁵⁶ Основан в 1833 г. Женщины обучаются здесь с 1837 г. Первый колледж, принявший на учебу афроамериканцев.

⁵⁷ Элизабет Кэди Стэнтон (1815–1902) – автор текста принятой в Сенека-Фолс (Нью-Йорк) Декларации чувств (1848), президент Национальной ассоциации борьбы за право голоса для женщин (суфражисток) (1869–1890), первый президент Национальной американской ассоциации суфражисток (1890–1892).

в том, что есть острая потребность в реформе женской одежды, и немедленно облачилась в похожий костюм».

Женщины, уже участвовавшие в других движениях за реформы: аболиционистском, за трезвость, за изменение фасонов одежды, за улучшение условий содержания в тюрьмах, набравшись смелости и опыта, начинали присматриваться к собственному положению. Белая южанка Ангелина Гримке, ставшая страстным оратором и организатором борьбы с рабством, увидела, куда ведет это движение:

Давайте все мы сначала пробудим нацию, подняв из пыли миллионы рабов обоего пола, сделаем из них людей и затем... будет легко поднять миллионы женщин с колен и поставить их на ноги, иными словами, превратив их из маленьких девочек в женщин».

Среди феминисток Маргарет Фуллер⁵⁸ являлась, по всей видимости, наиболее грозной интеллектуалкой. Отправной точкой ее работы «Женщина в девятнадцатом столетии» было понимание того, что «в мужской душе укоренилось представление о женщине как о рабыне». Она продолжает: «Необходимо снести любые барьеры. Открыть Женщине все дороги, по которым она пойдет так же свободно, как и Мужчина». И далее: «Женщине нужно быть женщиной не для того, чтобы действовать каким-то образом или управлять кем-то, ей нужно расцветать, как природе, развиваться, как интеллекту, жить свободно и раскованно, как душе».

А преодолеть нужно было немало преград. Среди наиболее популярных авторов середины столетия был преподобный Джон Тодд (в одном из его многочисленных бестселлеров молодым людям давались советы по поводу мастурбации: «Ум от этого сильно повреждается»), так комментировал новую феминистскую манеру одеваться: «Некоторые пытаются стать полумужчинами, надев на себя блузерсы. Позвольте мне в двух словах сказать, почему этого никогда нельзя делать. Вот в чем дело: женщина, которая облачена и окутана в свое длинное платье, прекрасна. Она идет изящной походкой... Если же она пытается перейти на бег, этот шарм исчезает... Снимите платье и наденьте штаны, заодно показав конечности, – и грация и тайна исчезнут».

В 30-х гг. XIX в. пасторское послание Генеральной ассоциации священников штата Массачусетс предписывало духовенству запретить женщине выступать с кафедры: «...когда она занимает место мужчины и говорит на его манер... мы оказываемся в положении самообороны, защищаясь от нее».

Сара Гримке, сестра Ангелины, в ответ написала серию статей под названием «Письма о равенстве полов и положении женщин»: «С ранних лет по воле судьбы я жила среди бабочек светского общества и знаю по собственным наблюдениям, что женщины этого круга получают, к величайшему сожалению, очень жалкое образование. Их учат почитать замужество единственной достойной целью существования».

Она говорила: «...я не прошу милостей для своего пола. И не отказываюсь от нашего права на равенство... Единственное, о чем я прошу наших братьев, – так это чтобы они слезли с наших шей и позволили нам прямо стоять на земле, которую Бог для нас создал... на тех и других [мужчин и женщин] возложена одна и та же мораль и ответственность, и что правильно для мужчины, то правильно и для женщины».

Сара убедительно писала, Ангелина была зажигательным оратором. Однажды она шесть вечеров подряд выступала в Бостонской опере. Вот как Ангелина отреагировала на тезис некоторых доброжелательных собратьев-аболиционистов о том, что они не должны бороться за

⁵⁸ Сара Маргарет Фуллер (1810–1850) – общественный деятель, писательница, литературный критик, редактор трансценденталистского журнала «Дайл» (1840–1842).

равноправие полов, поскольку это настолько возмутительно для среднего человека, что повредит кампании за отмену рабства:

«Мы не можем со всей силой продвигать вперед идею аболиционизма, пока мы не уберем с пути камень преткновения... Если в этом году мы откажемся от права публично выступать, то в следующем году должны будем отказаться от права на петиции, а еще через год – от права на свободу печати, и так далее. Что может сделать для раба женщина, сама находящаяся под пятой у мужчины и вынужденная стыдливо молчать?»

Ангелина стала первой женщиной, обратившейся в 1838 г. к комитету легислатуры Массачусетса по поводу аболиционистских петиций. Позднее она сказала: «Я была так близка к обмороку из-за невероятного наплыва чувств». Ее выступление привлекло огромную толпу, а законодатель из Сейлема предложил, чтобы «был созван комитет для изучения фундамента здания законодательного собрания Массачусетса, который выяснил бы, выдержит ли оно еще одну лекцию мисс Гримке!».

Высказывания по другим проблемам подготовили почву для разговора о положении женщин. В 1843 г. Доротея Дикс⁵⁹ поведала легислатуре Массачусетса о том, что она увидела в тюрьмах и богадельнях бостонских пригородов:

«Я расскажу вам о том, что мне довелось наблюдать, какими бы болезненными и шокирующими ни были подробности... Я продолжу, джентльмены, чтобы вкратце обратить ваше внимание на нынешнее состояние умалишенных, содержащихся в этом Содружестве в клетках, чуланах, подвалах, хлевах и загонах; их заковывают в цепи, держат голыми, избивают розгами и связывают, заставляя подчиняться!»

Фрэнсис Райт⁶⁰ была писательницей, приехавшей в США из Шотландии в 1824 г. и основавшей общину утопистов. Она боролась за освобождение рабов, контроль за рождаемостью и свободу сексуальных отношений, ф. Райт выступала за бесплатное государственное образование для детей старше двух лет в школах-интернатах, которые поддерживали бы власти штатов. В Америке она выражала взгляды, которые во Франции высказывал социалист-утопист Шарль Фурье, говоря о том, что прогресс цивилизации зависит от прогресса женщин. Вот как это звучало в устах Фанни: «...я рискну утверждать, что до тех пор, пока женщины не займут подобающего места в обществе, определенного здравым смыслом и добрыми намерениями, человек едва ли будет заметно совершенствоваться... Мужчинам суждено то возноситься, то низко падать в зависимости оттого, высоко или низко положение женщины... Пусть не думают, что им [мужчинам] что-то ведомо о радостях половой жизни, покуда они не испытали близости духовной, сердечной, покуда не привнесли в союз полов всю свою любовь, свои таланты, доверие, нежность, утонченность и уважение к женщине. Покуда на одной стороне не будет уничтожена сила, а на другой – страх и покорность, до тех пор не восторжествует равенство как исконное право обеих сторон».

Американки проводили огромную работу в аболиционистских обществах по всей стране, собирая тысячи петиций в Конгресс. В своей книге «Столетие борьбы» Э. Флекснер пишет: «Сегодня бесчисленные коробки с документами в Национальном архиве в городе Вашингтоне –

⁵⁹ Доротея Линд Дикс (1802–1887) – борец за права умственно отсталых людей.

⁶⁰ Фрэнсис (Фанни) Райт (1795–1852) – состоятельная шотландка, придерживавшаяся радикальных взглядов, сторонница проведения социальных реформ. Впервые посетила США в 1818–1820 гг. Вторично приехала в страну в 1824 г. Выступала за постепенное освобождение чернокожих рабов путем их выкупа и поселения на свободных землях за рубежом. С этой целью приобрела участок земли в штате Теннесси, где основала кооперативную колонию Нашоба.

молчаливые свидетели анонимного и душераздирающего труда. Петиции пожелтели и рассыпаются, их страницы склеились между собой, покрыты чернильными кляксами, подписаны скрипучими перьями, кое-где подтерты теми, кто со страхом думал о такой смелой акции... На них – названия женских аболиционистских обществ от Новой Англии до Огайо».

В ходе этой деятельности происходили события, ставившие женское движение за равноправие рядом с борьбой против рабства. В 1840 г. в Лондоне проходил Всемирный антирабовладельческий конгресс. После жесточайших споров было проведено голосование об исключении женщин, но им позволили посещать заседания и находиться в отгороженной занавесом части помещения. В молчаливом протесте женщины сели на галерке, а один из аболиционистов – Уильям Ллойд Гаррисон⁶¹, который боролся и за права женщин, сел с ними рядом.

Именно тогда Элизабет Стэнтон познакомилась с Лукрецией Мотт⁶² и другими активистками женского движения, и они начали планировать проведение первого в истории съезда, посвященного проблеме равноправия. Съезд состоялся в городе Сенека-Фолс (Нью-Йорк), где жила Стэнтон – мать, домохозяйка, полная недовольства своим положением и заявившая: «Женщина – никто, жена – всё». Позднее она писала: «Теперь я полностью понимаю те практические трудности, с которыми большинству женщин приходилось сталкиваться в изолированном от внешнего мира доме, и невозможность наилучшего пути развития для женщины, если основные ее контакты большую часть жизни были со слугами и детьми... Общее недовольство, которое я чувствовала относительно роли женщины как жены, матери, домохозяйки, врачевателя и духовного проводника, хаос, который воцарялся во всех делах без ее постоянного присмотра, усталый, озабоченный вид большинства женщин привели меня к твердому убеждению в том, что необходимо предпринять активные меры к тому, чтобы поправить несправедливость общества в целом и по отношению к женщинам в частности. Мои впечатления от Всемирного антирабовладельческого конгресса, все, что я читала о юридическом статусе женщин, угнетение, которое я видела повсюду, – все эти чувства овладели мною... Я не знала, что делать и с чего начать, – мои единственные мысли были о собрании общественности с целью протеста и обсуждения сложившегося положения».

В газете «Сенека каунти курьер» было напечатано объявление о созыве 19–20 июля собрания для обсуждения «прав женщины». На съезд прибыло 300 участниц и немногие мужчины. В итоге была принята Декларация чувств, которую подписали 68 женщин и 32 мужчины. В ней используется язык и ритмический строй Декларации независимости США:

«Когда в процессе истории у какой-то части человеческого сообщества возникает необходимость утвердить за собой положение, отличное от того, которое эти люди занимали первоначально...

Мы считаем самоочевидными следующие истины: все мужчины и женщины рождены равными: Господь наделил их определенными неотъемлемыми правами: к таковым относятся жизнь, свобода и стремление к счастью...

История человечества есть история постоянных обид и унижений, наносимых женщине мужчиной с непосредственной целью подчинения ее абсолютной тирании. И пусть факты, представленные на суд беспристрастного мира, послужат тому доказательством».

За этим следовал перечень того, что вызывало недовольство: отсутствие права голоса и

⁶¹ Уильям Ллойд Гаррисон (1805–1879) – журналист, поэт, один из признанных лидеров аболиционистского движения, издавал еженедельник «Либерейтор» (1831–1865).

⁶² Лукреция Мотт (1793–1880) – аболиционистка, феминистка, квакер.

права распоряжаться своим заработком или имуществом, бесправие в бракоразводных делах, отсутствие равных возможностей при найме на работу, а также права поступать в колледж. Заканчивался перечень так: «Он [мужчина] предпринял все возможное, чтобы разрушить ее [женщины] веру в собственные силы, убить самоуважение, заставить добровольно смириться с зависимой и унижительной участью».

Затем был принят ряд резолюций, в том числе и такая: «...все законы, препятствующие достижению женщинами того положения в обществе, которое диктуется их совестью, или же ставящие их в позицию, низшую в сравнении с мужчиной, противоречат великому предписанию природы и, следовательно, не имеют силы и неправомочны».

За съездом в Сенека-Фолс последовали собрания женщин по всей стране. На одном из них в 1851 г. пожилая негритянка, рожденная рабыней в Нью-Йорке, высокая, худая, в сером платье и белом тюрбане, сидела и слушала выступления мужчин-священников, которые доминировали в ходе дискуссии. Это была Соджорнер Трут⁶³. В конце концов она встала, и негодование ее расы соединилось с негодованием ее пола: «Вон тот мужчина сказал, что женщин нужно подсаживать в экипаж, переносить через лужи... Никто и никогда не подсаживал меня в экипаж, не помогал переступить через лужу и не уступал никакого места!

А разве я не женщина?

...Посмотрите на мои руки! Я пахала, сеяла и наполняла амбары, и ни один мужчина не взял это на себя! А разве я не женщина? Я могу работать столько же, сколько мужчина, и есть столько же – когда есть еда.

Я даже могу, как он, отведать порки! Разве я не женщина?

Я родила тринадцать детей, и почти всех их продали в рабство, но, когда я рыдала от горя, никто, кроме Христа, не слышал меня! А разве я не женщина?»

Таковы были американки, начинавшие сопротивляться в 30–50-х гг. XIX в. попыткам удержать их в рамках «женской доли». Они принимали участие в самых разнообразных движениях, помогая заключенным, психически больным, чернокожим рабам, а также всем остальным женщинам.

В разгар деятельности этих общественных движений в стране при непосредственном участии властей и благодаря деньгам возникло стремление к приобретению большего количества земель и был дан толчок территориальной экспансии.

«Пока растет трава или течет вода»

Если в обществе, где доминировали состоятельные белые мужчины, женщины были самой близкой к дому (фактически заключенной в доме), самой внутренней из всех зависимых групп, то индейцы являлись наиболее чужеродным, внешним элементом. Поскольку женщины находились рядом и в них очень нуждались, то в основном к американкам не столько применяли силу, сколько относились снисходительно. Против никому не нужных индейцев, представлявших собой лишь помеху, действовали грубо, хотя иногда перед поджогами туземных деревень звучали патерналистские речи.

Итак, то, что учтиво назвали перемещением индейцев, освободило землю от Аппалачей до Миссисипи для ее заселения белыми, очистило территорию для выращивания хлопка на Юге и зерна на Севере, для экспансии, иммиграции, строительства каналов, железных дорог и новых

---

⁶³ Соджорнер Трут (1797?–1883) – наиболее известная чернокожая аболиционистка, беглая рабыня.

городов, создания огромной континентальной империи, раскинувшейся до самого Тихого океана. Невозможно определить цену человеческой жизни, в страданиях же ее нельзя измерить даже приблизительно. В большинстве учебников истории, которые читают дети, об этом говорится лишь вскользь.

Историю раскрывает статистика. Мы находим ее в книге М. Роджина «Отцы и дети». В 1790 г. насчитывалось 3,9 млн. американцев, большинство которых жило на побережье, не более чем в 50 милях от Атлантического океана. К 1830 г. в ГИТА уже проживало 13 млн. человек, а к 1840 г. 4,5 млн. американцев переселились за Аппалачи в долину реки Миссисипи – на огромное пространство с реками, впадающими в Миссисипи с востока и запада. В 1820 г. восточнее Миссисипи проживало 120 тыс. индейцев. К 1844 г. их осталось там менее 30 тыс. человек. Большинство коренных жителей Америки силой вынудили мигрировать на запад. Однако слово «силой» не до конца отражает то, что происходило.

Во время Войны за независимость практически все крупные индейские племена выступали на стороне англичан. Британцы заключили мир и отправились на родину. Аборигены же были у себя дома и поэтому продолжили борьбу с американцами на фронтире, предприняв серию отчаянных операций по сдерживанию противника. Ослабленная войной милиция Дж. Вашингтона не могла заставить туземцев отступить. После того как разведывательные отряды белых были уничтожены один за другим, президент США решил опробовать политику примирения. Его военный министр Г. Нокс говорил: «Поскольку индейцы жили на этих территориях ранее, они обладают правом на землю». Государственный секретарь Т. Джефферсон сказал в 1791 г., что там, где в рамках государственных границ проживают индейцы, их не следует трогать и что правительство должно выселить белых поселенцев, которые попытались вторгнуться в их владения.

Но по мере того как белые продолжали продвигаться на запад, давление на национальное правительство возрастало. В 1800 г., когда Джефферсон был избран президентом, по западную сторону Аппалачей жило 700 тыс. белых. На Севере они обосновались в Огайо, Индиане, Иллинойсе, а на Юге – в Алабаме и Миссисипи. Эти люди численно превосходили индейцев в соотношении 8:1. Теперь Джефферсон поручил федеральным властям способствовать дальнейшему выселению криков и чироков за пределы Джорджии. Эскалация агрессивных действий против коренных жителей Америки происходила и на Территории Индиана во время правления губернатора У. Г. Гаррисона.

Когда Джефферсон удвоил размеры страны, купив в 1803 г. у Франции Луизиану, он отодвинул западную границу США от Аппалачей за Миссисипи вплоть до Скалистых гор и полагал, будто индейцы могут переселиться туда. Он предлагал в Конгрессе, что следует способствовать тому, чтобы туземцы селились на небольших участках земли, занимались сельским хозяйством, торговали с белыми, брали в долг и потом отдавали эти долги земельными наделами. «...Целесообразными можно считать две меры. Во-первых, поощрять отказ коренных жителей от охоты... Во-вторых, содействовать распространению среди индейцев торговых фирм, таким образом... подталкивая их к занятиям сельским хозяйством, ремеслами и приобщая к цивилизации».

Высказывания Т. Джефферсона о «сельском хозяйстве... ремеслах... цивилизации» имели решающее значение. Перемещение краснокожих было необходимо для открытия огромных американских просторов для земледелия, торговли, расширения рынков, денежного обращения, развития современной капиталистической экономики. Все это требовало территорий, и после Американской революции громадные участки скупили богатые спекулянты, включая Дж. Вашингтона и П. Генри. В Северной Каролине принадлежавшие племени чикасо плодородные земли были выставлены на продажу, несмотря на то что эти индейцы оказались среди немногих

туземцев, кто выступал на стороне белых американцев в годы Войны за независимость, и что ранее был подписан договор, гарантировавший им право на землю. В конце концов землемер штата Джон Донелсон завладел 20 тыс. акрами земли в окрестностях современного города Чаттануга (Теннесси). В 1795 г. его зять совершил деловые поездки из Нэшвилла в связи проведением земельных сделок. Звали этого человека Эндрю Джексон.

Он был земельным спекулянтom, коммерсантом, работоторговцем и наиболее агрессивным врагом коренных жителей Америки за весь начальный период истории США. Джексон стал героем англо-американской войны 1812–1814 гг., которая не была (как это обычно представляется в американских учебниках по истории) просто войной с Англией во имя выживания, а являлась схваткой ради экспансии нового государства во Флориду, в Канаду, на Индейскую территорию.

Текумсе⁶⁴, вождь племени шауни и известный оратор, пытался сплотить туземцев для противостояния нашествию бледнолицых:

«Путь, единственный путь к тому, чтобы препятствовать этому злу и остановить его, – это объединение всех краснокожих с целью потребовать общего и равного права на землю, как это было изначально и должно быть впредь; чтобы она никогда не подвергалась разделу, но принадлежала всем и использовалась каждым. И чтобы никто не имел права продать землю, даже друг другу, тем более чужеземцам, – которые жаждут получить ее всю целиком и не удовлетворятся меньшим».

Разгневавшись, когда собратья-индейцы были вынуждены уступить большой участок земли правительству Соединенных Штатов, в 1811 г. Текумсе собрал 5 тыс. туземцев на берегу реки Таллапуса в Алабаме и сказал им: «Пусть сгинет белая раса. Они захватили вашу землю, развратили ваших женщин, растоптали прах ваших мертвецов! По кровавой тропе их следует гнать обратно – туда, откуда они пришли».

Среди индейцев криков, занимавших большую часть Джорджии, Алабамы и Миссисипи, возник раскол. Одни желали принять цивилизацию бледнолицых, с тем чтобы жить в мире. Другие, отстаивавшие свою землю и свою культуру, называли себя «Красными прутьями». В 1813 г. последние зверски расправились с 250 поселенцами форта Мимс, за что, в свою очередь, солдаты генерала Э. Джексона сожгли деревню криков, убив мужчин, женщин и детей. Джексон ввел тактику обещания вознаграждения в виде земель и разрешения грабежей: «...если любая из сторон – чироки, дружественно настроенные крики или белые – захватывают имущество «Красных прутьев», то данная собственность переходит к этим людям».

Не все из его солдат сражались с энтузиазмом. Случались и мятежи; люди были голодными, срок службы истекал, они устали воевать и хотели вернуться домой. Э. Джексон писал своей жене о «когда-то отважных патриотах-добровольцах, которые теперь... опустились до уровня обычных нытиков, вечно обиженных, смутьянов и бунтовщиков». Когда семнадцатилетний солдат, который отказался убирать за собой остатки пищи и угрожал своему офицеру ружьем, был приговорен к смерти военным судом, генерал отверг прошение о смягчении приговора и приказал привести его в исполнение. И потом демонстративно покинул место расстрела.

Джексон стал национальным героем в 1814 г., когда в ходе битвы у излучины Хорсшу-Бенд против 1 тыс. криков он уничтожил 800 индейцев, понеся лишь незначительные потери. Атака с фронта, предпринятая белыми, оказалась неудачной, но на стороне генерала

⁶⁴ Текумсе (1768?–1813) – объединитель племен долины реки Огайо и района Великих озер. В годы англо-американской войны 1812–1814 гг. воевал на стороне британцев, погиб в бою.

сражались чироки, которым была обещана благосклонность правительства, в случае если они примут участие в войне. Воины этого племени переплыли реку, вышли в тыл к крикам и выиграли битву во славу Джексона.

Когда война закончилась, генерал и его друзья занялись скупкой захваченных крикских земель. Джексон добился того, чтобы его назначили уполномоченным на заключение мирного договора, и продиктовал условия, согласно которым у индейцев отобрали половину их территорий. Историк М. Роджин пишет, что это являлось «крупнейшей уступкой индейских земель на Юге Америки».

По договору территория была отнята и у тех криков, которые сражались на стороне Джексона, и у тех, кто выступал против него, а когда вождь дружелюбно настроенных криков Большой Воин запротестовал, генерал ответил:

«Послушайте... Великий Дух оправдал бы Соединенные Штаты, если бы они забрали и всю землю племени... Послушайте – правда в том, что большинство крикских вождей и воинов не уважали силу Соединенных Штатов. Они думали, что мы ничтожный народ и что Англии следует управлять нами... Они растолстели, поедая говядину, – они нуждались в порке... В таких случаях мы пускаем кровь нашим врагам, дабы привести их в чувство».

По словам Роджина, «Джексон «снял сливки с земель криков», и это стало гарантией процветания поселенцев на Юго-Западе. Он предоставил растущему «королевству хлопка»⁶⁵ огромные и ценные территории».

Договор генерала с криками (1814) являл собой нечто новое и важное. Он даровал индейцам право частной собственности на землю, таким образом разделяя краснокожих изнутри, разрушая традиции общинного землепользования, подкупая одних с помощью земли, а других выбрасывая за борт, т. е. приобщал коренных жителей Америки к конкуренции и попустительству несправедливостям, которые свойственны духу западного капитализма. Это прекрасно сочеталось со старой идеей Т. Джефферсона по поводу того, как обращаться с краснокожими, вовлекая их в «цивилизацию».

С 1814 по 1824 г. по ряду договоров с индейцами Юга белым отошли более трех четвертей Алабамы и Флориды, треть Теннесси и пятая часть Джорджии и Миссисипи, районы Кентукки и Северной Каролины. Э. Джексон сыграл ведущую роль в заключении этих договоров и, по словам М. Роджина, «его друзья и родственники заняли много выгодных должностей, став агентами по делам индейцев, торговцами, уполномоченными, землемерами, агентами по продаже земли».

Генерал сам описывал, как удавалось добиться подписания договоров: «...мы умышленно направляли наши силы на преобладающую страсть в жизни всех индейских племен, а именно на жадность или страх». Он поддерживал захват белыми скваттерами земель туземцев, а потом сообщал краснокожим, будто бы правительство ничего не может поделать с этими поселенцами и поэтому индейцам лучше уступить часть своих угодий, чем быть уничтоженными. Как пишет Роджин, Э. Джексон также «потворствовал повсеместному взяточничеству».

Договоры индейцев с властями США, захваты территорий заложили основу для «королевства хлопка» – рабовладельческих плантаций. Каждый раз, когда подписывался договор, вытеснявший криков из одного района в другой и обещавший им в тех краях безопасность, белые заселяли новые земли, а племя оказывалось перед необходимостью заключения следующего соглашения, по которому индейцы должны были опять уступать свои владения в обмен на спокойствие где-то в других местах.

⁶⁵ Так называли южные штаты США, где преобладало выращивание хлопчатника.

Стараниями Джексона белые достигли границ с Флоридой, принадлежавшей Испании. Там находились деревни семинолов, в которых укрылись беженцы из общины «Красные прутья», поддерживавшиеся английскими агентами в действиях против американцев. Поселенцы проникли на индейские земли. Краснокожие нападали на граждан США. Зверства творили обе стороны. Когда некоторые деревни отказывались выдавать тех, кого обвиняли в убийстве белых, генерал приказывал уничтожать такие селения.

Семинолы вызывали раздражение еще и в связи с тем, что беглые негры-рабы находили приют в их деревнях. Некоторые представители этого племени покупали или захватывали чернокожих невольников, но форма рабства, принятая у индейцев, больше походила на африканское, чем на рабство, характерное для хлопковых плантаций. Невольники нередко жили в своих собственных поселках, их дети часто обретали свободу, было очень много браков между индейцами и чернокожими, и в скором времени возникли деревни, в которых вместе жили и аборигены, и негры. Все это беспокоило рабовладельцев Юга, которые рассматривали такую ситуацию как соблазн для своих рабов, стремившихся к свободе.

Э. Джексон начал совершать набеги на Флориду, утверждая, что эти места стали прибежищем для беглых рабов и индейцев-мародеров. Он говорил, что данная территория играет важную роль в вопросах обороны Соединенных Штатов. Это было то самое классическое предисловие к завоевательной войне, применяющееся и по сей день. Так началась Первая семинольская война (1818)⁶⁶, которая привела к тому, что Флорида стала территорией США. На школьных картах это учтиво обозначено как «Покупка Флориды, 1819 г.», но на деле Джексон провел во Флориде военную кампанию, в ходе которой предавались огню деревни семинолов, захватывались испанские форты, и происходило это до тех пор, пока Испания не «склонилась» к продаже. По словам генерала, он действовал «по непреложным законам самообороны».

Позже Э. Джексон стал губернатором Территории Флорида и мог давать хорошие деловые советы друзьям и родственникам. Так, он рекомендовал своему племяннику не продавать недвижимость в Пенсаколе. Генерал советовал одному из друзей, главному врачу армии, покупать как можно больше рабов, поскольку скоро цены на них начнут расти.

Оставляя свой военный пост, он также предложил офицерам метод борьбы с широко распространившимся дезертирством (белые бедняки – даже те, кто поначалу был готов отдавать свою жизнь, – вполне могли осознать, что все трофеи достаются богачам). Джексон советовал бичевать дезертиров за первые две попытки бегства, а на третий раз подвергать смертной казни.

В основных трудах, посвященных джексоновскому периоду в истории США, написанных уважаемыми историками («Эпоха Джексона» А. Шлезингера-младшего и «Джексоновская система взглядов» М. Мейерса), не упоминается его политика в отношении индейцев, зато много говорится о тарифах, банках, политических партиях, политической риторике. Если вы обратитесь к учебникам для старшеклассников или книгам по американской истории для младших школьников, Джексон предстанет перед вами как житель фронтира, солдат, демократ, выходец из народа, а не как рабовладелец, земельный спекулянт, палач дезертиров и истребитель индейцев.

Это не просто суждения задним числом (т. е. иная оценка событий прошлого с позиции настоящего). После того как генерал был избран президентом в 1828 г. (вслед за Дж. К. Адамсом, сменившим на этом посту Дж. Монро, который в свою очередь следовал за Дж.

⁶⁶ Всего было три войны между США и индейцами семинолами: Первая семинольская война (1817–1818) в Джорджии и во Флориде, Вторая (1835–1842) – в центральной Флориде и Третья (1855–1858) – в южной Флориде.

Мэдисоном, возглавившим страну после Т. Джефферсона), на рассмотрение Конгресса США был представлен законопроект о перемещении индейцев, названный тогда «важнейшей мерой» администрации Джексона и «важнейшим вопросом, который когда-либо вставал перед Конгрессом», за исключением вопросов войны и мира. В то время существовали две политические партии – демократы и виги, которые спорили по поводу банковской деятельности и тарифов, но не по проблемам, имевшим первостепенное значение для белой бедноты, чернокожих и индейцев. Несмотря на это, некоторые белые рабочие видели в Джексоне своего героя, поскольку он выступал против Банка для богатей⁶⁷.

В годы его президентства, а также при администрации Мартина Ван Бюрена, которого Э. Джексон выбрал своим преемником, 70 тыс. индейцев, проживавших к востоку от Миссисипи, были вынуждены уйти в западные районы. На Севере краснокожих обитало меньше, и Конфедерация ирокезов в штате Нью-Йорк сохранилась. Однако индейцы сок и фокс, населявшие Иллинойс, были перемещены после войны Черного Ястреба⁶⁸ (во время этой войны Авраам Линкольн носил офицерский чин, хотя и не принимал участия в боевых действиях). Вождь Черный Ястреб, потерпевший поражение и захваченный в 1832 г., сдаваясь, выступил с речью:

«Я храбро сражался. Но ваши ружья были меткими. Пули летали, как птицы в небе, и свистели около наших ушей, как ветер свистит в деревьях зимой. Вокруг меня падали мои воины... Солнце тускло сияло нам утром, а ночью оно утонуло в темных облаках и походило на огненный шар. Это было последнее солнце, которое светило Черному Ястребу...

Теперь он пленник бледнолицых... Он не сделал ничего, за что индейцам могло бы быть стыдно. Он сражался за своих соплеменников, женщин и детей, против бледнолицых, которые год за годом приходили, чтобы изгонять их и забирать земли. Вы знаете причину, по которой мы воюем. Она известна и всем бледнолицым. Они должны стыдиться этого. А индейцы не предатели. Бледнолицые говорят плохое об индейцах и смотрят на них злобно. Но индейцы не лгут. Они не воры.

Индеец, который стал таким же плохим, как бледнолицый, не может жить среди нашего народа; его следует предать смерти и отдать на растерзание волкам. Бледнолицые – плохие наставники; они приносят лживые книги и совершают фальшивые поступки; они улыбаются в лицо бедным индейцам, обманывая их; они жмут им руки, чтобы заслужить доверие, намереваясь спаивать, обмануть индейцев и обесчестить их жен. Мы просили оставить нас в покое и не приближаться к нам, но они следовали по нашим тропам и, как змеи, свернулись кольцом вокруг нас. Бледнолицые отравили нас своим прикосновением.

Мы были в опасности. Мы жили в условиях постоянной угрозы. Мы становимся похожими на них – лицемерами и лжецами, изменниками и тунеядцами, болтунами, а не работниками...

Белые люди не снимают скальпов; они поступают хуже, отравляя сердце... Прощай, мой народ!..Прощай, Черный Ястреб».

Возможно, горечь, с которой говорил вождь, отчасти связана с тем, каким образом он был захвачен в плен. Не получив достаточного подкрепления для сдерживания армии бледнолицых,

⁶⁷ Речь идет о Втором банке США (1816–1836).

⁶⁸ Имеется в виду война индейцев под предводительством вождя племени сок по имени Черный Ястреб (1767–1838) с федеральными силами в Иллинойсе и Висконсине. В результате практически все племя сок было уничтожено, и после подписания генералом У. Скоттом договора с индейцами США получили всю восточную часть Айовы.

загнанный, вытесненный за Миссисипи, окруженный голодающими людьми, Черный Ястреб поднял белый флаг. Как объяснял позже американский командующий, «когда мы приблизились к ним, они подняли белый флаг, стараясь заманить нас в ловушку, но мы же не маленькие дети». Солдаты открыли огонь, убивая наряду с воинами женщин и детей. Черный Ястреб бежал, его преследовали и задержали нанятые армией индейцы сиу. Правительственный агент заявил индейцам сок и фокс: «Наш Великий Отец⁶⁹... больше этого не потерпит. Он пробовал исправить их, но они становились все хуже. Он решил стереть их с лица земли... Если их нельзя сделать хорошими, их следует убить».

Военный министр, губернатор Территории Мичиган, посланник США во Франции, кандидат в президенты США Льюис Касс так объяснял перемещение индейцев: «Принцип поступательного развития представляется неотъемлемой чертой человеческой природы... Мы все стараемся в течение жизни приобрести богатства славы или власти либо еще чего-то такого, обладание чем есть реализация нашей мечты. И совокупность этих усилий составляет прогресс общества. Но ничего подобного не наблюдается в устройстве жизни наших дикарей».

Напыщенный, претенциозный и удостоившийся почестей Л. Касс (Гарвард присвоил ему степень почетного доктора права в 1836 г., как раз на пике перемещения краснокожих) считал себя экспертом в индейском вопросе. Но он неоднократно демонстрировал, как написано в книге Р. Дриннона «Насилие в американской истории: завоевание Запада», «просто потрясающее безразличие к жизни индейцев». Находясь на посту губернатора Территории Мичиган, Касс отобрал, согласно договору, миллионы акров земли у коренных жителей Америки: «Мы нередко должны действовать в их интересах, даже не получая их согласия».

Статья Касса, опубликованная в журнале «Норт америкэн ревью» в 1830 г., стала аргументом в пользу перемещения индейцев. Он писал, что не стоит сожалеть о «прогрессе цивилизации и улучшении условий жизни, триумфе индустрии и искусства, благодаря которым освоены эти районы, на которых теперь распространяются свобода, религия и наука». Ему хотелось, чтобы все это происходило «с меньшими потерями, нежели те, которые уже понесли аборигены, стараясь приспособиться к неизбежным переменам в своем образе жизни... Но такое желание было тщетно. Варварский народ, существование которого зависит от скудных и случайных запасов, сделанных в ходе охоты, не может жить в контакте с цивилизованным обществом».

Комментируя это высказывание (в 1969 г.), Р. Дриннон писал: «Вот и все необходимые основания для того, чтобы сжигать деревни и вырывать с корнем чироков и семинолов, а позже шайенов, филиппинцев и вьетнамцев».

В 1825 г. в ходе обсуждения договора с племенами шауни и чироки Л. Касс обещал, что, если индейцы уйдут на новые территории за Миссисипи, «Соединенные Штаты никогда не будут претендовать на те земли. Это я обещаю от имени вашего Великого Отца, Президента. Ту страну он отводит своему краснокожему народу, чтобы аборигены и их внуки владели тамошними землями вечно».

Редактор «Норт америкэн ревью», для которого Касс написал статью, сказал автору, что его проект «только отодвинет на время участь индейцев. Через полвека их жизнь за Миссисипи будет точно такой же, какой она является по эту сторону реки. Вымирание туземцев неизбежно». Как отмечает Р. Дриннон, Касс с этим не спорил, но опубликовал статью в первоначальном виде.

Все в индейском культурном наследии противоречило расставанию с родиной. Совет

⁶⁹ Имеется в виду «Великий Бледнолицый Отец» – так индейцы называли президента США.

криков, которому предложили продать ее, заявил: «Мы не сможем получить деньги за землю, в которой похоронены наши отцы и друзья». Ранее старый вождь племени чокто сказал, отвечая на предложение президента Дж. Монро о перемещении: «Мне жаль, что я не могу исполнить просьбу моего отца... Мы хотим остаться здесь, где мы выросли, подобно травам лесным, и мы не хотим быть пересаженными в другую почву». Другому президенту Дж. К. Адамсу вождь семинолов ответил: «Здесь перерезали наши пуповины, и стекавшая с них кровь впиталась в эту землю, а потому страна эта дорога нам».

Не все индейцы мирились с тем, что представители власти бледнолицых называли их «детьми», а президента «отцом». Есть отчет о том, что, когда Текумсе встретился с гонителем индейцев и будущим президентом У. Г. Гаррисоном, переводчик сказал: «Ваш отец просит вас сесть». Текумсе ответил: «Мой отец! Мой отец – солнце, а моя мать – земля. И я буду покоиться в ее глубинах».

Как только Э. Джексон был избран президентом, Джорджия, Алабама и Миссисипи начали принимать законы, направленные на подчинение индейцев, находившихся на их территориях, властям штатов. Эти законы уничтожили племя как юридическую единицу, сделали незаконными собрания племени, отобрали власть у вождей, обязали туземцев служить в отрядах милиции и платить налоги штатов, однако отказали им в праве голоса, в праве подавать судебные иски и выступать в качестве свидетелей в суде. Индейская территория была разделена, с тем чтобы ее участки распределили в ходе лотереи штата. Поощрялось заселение белыми земель коренных жителей Америки.

В то же время федеральные договоры и законы передали власть над племенами Конгрессу США, а не штатам. Принятый в 1802 г. Конгрессом Закон о торговле и сношениях с индейцами гласил, что не должно быть никакой уступки земель, за исключением передачи их по договору с племенем, и что на индейской территории действует федеральное законодательство. Джексон игнорировал это и поддерживал действия властей штатов.

Вот еще одна прекрасная иллюстрация того, как можно использовать федерализм: в зависимости от ситуации вина может быть возложена на штат или порой на нечто еще более абстрактное и загадочное, например на таинственный Закон, которому все люди, сочувствуют они индейцам или нет, вынуждены подчиняться. Военный министр Джон Итон давал такие объяснения алабамским индейцам крикам (Алабама, кстати, индейское название, означающее «здесь мы отдохнем»): «Это не ваш Великий Отец поступает так, но таковы законы Страны, которые и он сам, и весь его народ обязаны исполнять».

Теперь была найдена подходящая тактика. Индейцев не «заставляли силой» переселяться на Запад. Но, если они решались остаться, они должны были подчиниться законам штатов, которые лишали прав как племя, так и личность, а также делали их объектом нескончаемых унижений и притеснений со стороны белых поселенцев, которые жаждали земли туземцев. Если же последние уходили, то федеральное правительство оказывало им финансовую помощь и обещало уголья по ту сторону Миссисипи. Э. Джексон инструктировал армейского майора, отправлявшегося для переговоров с индейцами чокто и чикасо, следующим образом: «Скажи моим красным детям чокто и моим детям чикасо, чтобы они послушали меня – мои белые дети, живущие на Миссисипи, распространили свои законы на их страну... Объясни им, что там, где они сейчас находятся, их отец не может оградить их [индейцев] от действия законов штата Миссисипи... Главное правительство будет обязано поддерживать штаты в исполнении их законов. Скажи вождям и воинам, что я их друг и что хочу действовать, как друг. Но для этого они должны, уйдя за границы штатов Миссисипи и Алабама и поселившись на землях, которые я им предложил, дать мне возможность быть таковым».

Там, за пределами каких бы то ни было штатов, где они обладают своей собственной

землей, которая будет им принадлежать, пока растет трава или течет вода, я смогу защитить их и быть другом и отцом».

Фразу «Пока растет трава или течет вода» с горечью повторяли многие поколения индейцев. (Индеец-солдат, ветеран войны во Вьетнаме, дававший в 1970 г. публично показания не только по поводу ужасов войны, но и о предвзятом отношении к нему как к индейцу, повторил эту фразу и заплакал.)

Когда в 1829 г. Э. Джексон вступил в президентскую должность, на территории племени чироки в Джорджии было обнаружено золото. Туда хлынули тысячи белых, уничтожая индейское имущество и обнося кольями предназначенные для золотодобычи участки. Президент США приказал федеральным войскам изгнать их, но, кроме этого, он предписал как белым, так и туземцам остановить разработки. Затем Джексон вывел войска, однако белые вернулись, и тогда он заявил, что не может вмешиваться в дела властей Джорджии.

Белые поселенцы захватывали землю и скот; заставляли индейцев подписывать договоры об аренде земли; избивали тех, кто протестовал; продавали аборигенам алкоголь, чтобы уменьшить сопротивление; охотились на дичь, которой питались коренные жители. Но, как пишет М. Роджин, возлагать всю вину на белых бандитов можно, лишь не принимая во внимание ту «важнейшую роль, которую сыграли интересы плантаторов и политические решения правительства». Нехватка продовольствия, виски, военные нападения положили начало распаду племен. Участились случаи применения насилия одних индейцев против других.

Договоры, заключенные под давлением и обманным путем, раздробили земли, принадлежавшие крикам, чокто и чикасо, на находившиеся в частной собственности участки, сделав каждого человека добычей для подрядчиков, земельных спекулянтов и политиков. Индейцы чикасо по отдельности продавали свои земли за хорошие деньги и уходили на запад, особо не пострадав. Крики и чокто остались на своих индивидуальных участках, но многие из них были обмануты земельными компаниями. По словам акционера такой компании, президента одного из банков Джорджии, «воровство сегодня в порядке вещей».

Индейцы пожаловались в Вашингтон, и Л. Касс ответил: «Наши граждане предрасположены покупать, а индейцы готовы продавать... Распределение, являющееся следствием таких сделок, находится вне компетенции правительства... Привычка индейцев к расточительству не может контролироваться с помощью правил... Если они теряют землю, а терять они будут очень часто, о чем можно лишь глубоко сожалеть, то все же это только осуществление права, предоставленного им [индейцам] согласно договору».

Лишенные обманом земли, без денег и еды, крики отказывались отправляться на Запад. Голодающие индейцы начали совершать набеги на фермы белых, а милиция Джорджии и поселенцы стали нападать на их поселения. Так разразилась Вторая крикская война. Алабамская газета, сочувствовавшая туземцам, писала: «Война с криками – нелепость. Это основа для дьявольского плана, разработанного заинтересованными людьми, который заключается в том, чтобы не позволить необразованной расе защитить свои права, лишить индейцев тех крох, которые еще остались в их распоряжении».

Старый индеец крик по имени Пестрая Змея, которому было больше 100 лет, так реагировал на политику перемещения, проводившуюся Э. Джексон: «Братья! Я слышал много речей нашего Великого Белого Отца. Когда он впервые пересек большую воду, он был всего-навсего маленьким человечком... очень маленьким. Его ноги затекли от долгого сидения в большой лодке, и он умолял о маленьком клочке земли, на котором можно развести огонь. Но когда белый человек согрелся у индейского костра и насытился индейской мамалыгой, он стал очень большим».

Одним махом он перешагнул через горы и встал обеими стопами на равнины и долины. Его руки достали восточные и западные моря, и его голова оказалась на луне. И потом он стал нашим Великим Отцом.

Он любил своих краснокожих детей и говорил: «Уйдите еще чуть дальше, чтобы я не наступил на вас».

Братья! Я слышал очень много речей от нашего Великого Отца.

Но они всегда начинались и заканчивались этим «Уйдите еще чуть дальше, вы стоите слишком близко ко мне».

Д. Ван Эвери в своей книге «Лишенные корней» подвел итоги перемещения для индейцев: «В долгой череде бесчеловечных поступков, совершаемых людьми, изгнание являлось тем, что приносило страдания и муки многим народам. Но ни на один народ оно не действовало столь разрушительно, как на индейцев с Востока. Индеец был особенно восприимчив ко всем естественным атрибутам окружающего его мира. Он жил на открытом пространстве. Он знал каждое болото, просеку, вершину холма, камень, родник, приток, как их дано знать лишь охотнику. Туземец никогда не мог воспринять принцип установления частной собственности на землю (для него это было не более рационально, чем частная собственность на воздух), но он любил землю столь сильно, что на такие эмоции не был способен ни один собственник. Индеец чувствовал себя такой же ее частью, как горы и деревья, животные и птицы.

Его родина была святой землей, ставшей для него священной, так как здесь обрели покой останки его предков и так как сама природа была естественным храмом его религии. Краснокожий полагал, что водопады и горные хребты, облака и туманы, долины и поляны населены мириадами духов, с которыми он сам ежедневно общался. И именно от этих увлажненных дождями земель и лесов, от рек и озер, с которыми он был связан традициями предков и с которыми у него была своя собственная духовная связь, индеец был изгнан далеко на запад в засушливые, безлесные места, в заброшенный край, известный повсеместно как Великая американская пустыня»⁷⁰.

Согласно этому исследователю, в 20-х гг. XIX в., незадолго до того, как Э. Джексон стал президентом, и после того, как отгремели англоамериканская война 1812–1814 гг. и Первая крикская война, в южных частях страны туземцы и белые часто селились очень близко друг от друга и жили в мире, в окружении природы, которой, казалось, хватит на всех. Они научились видеть общие проблемы. Дружеские отношения развивались. Белым было разрешено посещать индейские общины, а коренные жители Америки часто становилось гостями бледнолицых. Деятели эпохи фронта – Дэви Крокетт и Сэм Хьюстон – выросли в такой атмосфере и оба, в отличие от Э. Джексона, навсегда остались друзьями аборигенов.

Движущей силой, которая привела к перемещению индейцев, доказывал Д. Ван Эвери, не были бедные белые жители приграничья, обитавшие по соседству с индейцами. Этими силами являлись индустриализация и торговля, увеличение численности населения, развитие городов и железных дорог, удорожание земли и жадность предпринимателей. «Руководители экспедиций и земельные спекулянты манипулировали ростом общественного возбуждения... Пресса и духовенство неистовствовали». В результате этого безумия индейцы либо погибали, либо изгонялись, земельные спекулянты разбогатели, а политики обрели больше власти. Что касается малоимущих белых обитателей фронта, то они были пешками, которых выставили вперед при первых жестоких схватках, но которые вскоре оказывались ненужными.

⁷⁰ Великой американской пустыней в XIX в. называли засушливый район пустынь и полупустынь между южными Скалистыми горами и горами Сьерра-Невада, в том числе части Большого Бассейна и плато Колорадо, а также пустыни Колорадо, Юма, Мохаве и Сокора.

Имели место три добровольные волны миграции чироков на запад, в прекрасный лесной край Арканзаса, но там почти сразу индейцы оказались в окружении белых поселенцев, охотников и трапперов⁷¹. Этим туземцам (так называемым западным чирокам) предстояло двигаться дальше на запад, на этот раз в засушливые земли, слишком бесплодные для белых поселенцев. Федеральное правительство, подписывая с индейцами договор в 1828 г., объявило новую территорию «постоянным домом... который, в соответствии с официальными гарантиями Соединенных Штатов, останется в их владении навсегда». Это было очередной ложью, и о плачевном положении западных чироков стало известно тем трем четвертям всего племени, которые все еще оставались на Востоке и испытывали давление со стороны белых, подталкивавших их к переселению.

Семнадцать тысяч чироков, живших в окружении 900 тыс. белых в Джорджии, Алабаме и Теннесси, решили во имя выживания адаптироваться к миру белого человека. Индейцы становились фермерами, кузнецами, плотниками, каменщиками, владельцами собственности. Перепись 1826 г. зарегистрировала у туземцев 22 тыс. голов рогатого скота, 7,6 тыс. лошадей, 46 тыс. свиней, 726 ткацких станков, 2488 прялок, 172 повозок, 2943 плуга, 10 лесопилок, 31 мельницу, 62 кузницы, 8 прядильных станков и 18 школ.

Язык чироков – необычайно поэтический, полный метафор, экспрессивный, тесно связанный с танцем, драмой и ритуалом – всегда был языком голоса и жеста. Теперь же вождь племени Секвойя создал письменность, которую освоили тысячи индейцев. Новый законодательный совет чироков проголосовал за выделение денег на покупку печатного станка, и с 21 февраля 1828 г. начала выходить газета «Чироки феникс», которая издавалась на двух языках – английском и индейском.

До этого времени чироки, как в основном и все коренные жители Америки, обходились без формального управления. Д. Ван Эвери так пишет об этом: «Основополагающим принципом индейской формы правления всегда было неприятие управления. Индивидуальная свобода рассматривалась практически всеми краснокожими к северу от Мексики как нечто незыблемое, более важное, чем обязательства личности по отношению к своей общине или народу. Такая анархистская позиция определяла и поведение, начиная с мельчайшей социальной единицы – семьи. Родители-индейцы не были склонны заниматься вопросами дисциплины своих детей. Каждое проявление последними собственной воли расценивалось первыми как благой знак становления зрелого характера».

Время от времени собирался совет, членство в котором было свободным и непостоянным и чьи решения проводились в жизнь исключительно благодаря влиянию общественного мнения. Моравский священник, живший среди индейцев, так описывал их общество: «Там из века в век, без общественных потрясений и разногласий, существовало традиционное правление, которому в мире, возможно, нет аналога; правление, при котором не было четких законов, а существовали лишь древние традиции и привычки, отсутствовала юриспруденция, но имелся жизненный опыт прежних времен, не было судей, а были лишь советники, которым люди, тем не менее, добровольно и безоговорочно повиновались, – т. е. правление, при котором возраст определяет положение в обществе, мудрость дарует власть, а нравственная чистота обеспечивает всеобщее уважение».

Теперь же в окружении белых поселенцев все это стало меняться. Чироки даже принялись подражать им в создании рабовладельческого общества: индейцы имели более 1 тыс.

⁷¹ От trapper (англ.) – охотник, ставящий капканы. В Северной Америке так назывались предприимчивые охотники-одиночки на пушного зверя, являвшиеся пионерами освоения Запада.

невольников. Образ жизни краснокожих начал напоминать ту цивилизацию, о которой говорили белые, и при этом индейцы предпринимали, по словам Д. Ван Эвери, «колоссальное усилие», чтобы завоевать доброе расположение американцев. Туземцы даже приветствовали приезд миссионеров и принимали христианство. Все это не сделало их большими друзьями белых, которые стремились получить земли, принадлежавшие чирокам.

В 1829 г. в послании Конгрессу США Э. Джексон ясно изложил свою позицию: «Я известил индейцев, населяющих некоторые районы Джорджии и Алабамы, что их попытка создать независимое правительство не будет поддержана властями Соединенных Штатов, и посоветовал либо эмигрировать за Миссисипи, либо подчиниться законам этих штатов». Конгресс быстро принял Закон о перемещении.

У индейцев были и защитники. Возможно, самый красноречивый из них – сенатор от штата Нью-Джерси Теодор Фрелингхайзен, который при обсуждении в сенате вопроса о перемещении заявил: «Мы согнали племена на жалкие клочки земли у наших южных границ. Это все, что у них осталось от их когда-то безграничных лесов, но, тем не менее, как у кровопийцы, наша ненасытная алчность требует: дайте еще, еще! Сэр... Неужели законы справедливости изменяются в зависимости от цвета кожи?»

В целом Север был против упомянутого Закона. Юг выступал за его принятие. Палата представителей проголосовала за законопроект при соотношении голосов 102:97. В сенате он тоже едва прошел. Документ не предполагал применения силы, а предусматривал помощь индейцам при переселении. В нем подразумевалось, что если краснокожие не будут уходить, то окажутся без защиты, финансирования и сочувствия со стороны штатов.

После этого племена, одно за другим, стали испытывать на себе давление. Индейцы чокто не хотели покидать родные места, но 50 их представителям секретно пообещали взятки деньгами и землями, после чего был подписан договор на ручье Дансинг-Рэббит: земля этого племени к востоку от Миссисипи переходила к Соединенным Штатам в обмен на финансовую помощь при переселении, компенсацию за оставленное имущество, годовой запас продовольствия на новом местожительстве и гарантии того, что никогда больше от индейцев не потребуют переезда. Для 20 тыс. чокто в штате Миссисипи, несмотря на то что большинство из них ненавидели этот договор, давление теперь стало невыносимо. Белые, включая продавцов алкоголя и жуликов, толпами собирались на землях племени. Штат принял закон, запрещающий чокто пытаться влиять друг на друга в вопросах перемещения.

В конце 1831 г. 13 тыс. чокто отправились в свой долгий путь на запад – туда, где земли и климат были столь непохожи на те, которые они знали раньше. «Ведомые охранниками, подталкиваемые агентами, подгоняемые подрядчиками, они брели, как стадо больных овец, в неизвестные и не обещавшие ничего хорошего края». Индейцы ехали в повозках, запряженных быками, верхом на лошадях, шли пешком, чтобы потом оказаться на пароме, который перевозил их через реку Миссисипи. Этот переезд должна была организовать армия, но военные переложили свою работу на частных подрядчиков, которые старались забрать у правительства как можно больше денег для себя, дав при этом индейцам как можно меньше. Кругом царил беспорядок. Провизия исчезала. Начался голод. Д. Ван Эвери пишет: «Длинные мрачные колонны скрипящих, запряженных быками повозок, толпы отстающих людей, шедших пешком вместе с погоняемыми стадами, медленно брели на запад через леса и болота, реки и холмы, пробираясь от плодородных долин побережья Мексиканского залива к засушливым западным равнинам. В предсмертных конвульсиях редели последние остатки индейского мира, выброшенные в чужой новый мир.

Зима во время первой миграции была одной из самых холодных в истории, и люди начали умирать от пневмонии. Летом штат Миссисипи захлестнула эпидемия холеры, и чокто гибли

сотнями. Семь тысяч представителей этого племени, которые в свое время не стали переселяться, теперь отказывались уезжать, предпочитая смерть. Многие из их потомков до сих пор живут в этом штате.

Что касается чироков, то им пришлось столкнуться с законами, принятыми в Джорджии: у них отбирали землю, их органы самоуправления объявляли незаконными, а все собрания запрещали. Индейцев, которые отговаривали других от переселения, заключали в тюрьму. Чироки не имели права давать в судах показания против белых. Туземцы не могли также добывать золото, недавно обнаруженное на их земле. Делегация племени, обратившаяся с протестом к федеральному правительству, получила такой ответ от Дж. Итона – нового военного министра в кабинете Э. Джексона: «Если вы отправитесь за садящимся солнцем, то там вы будете счастливы, там вы будете жить в мире и спокойствии, и, пока течет вода и растут дубы, та земля будет принадлежать вам, и ни одному белому человеку не будет разрешено селиться рядом с вами».

Чироки составили петицию, обращенную к американскому народу, воззвав к справедливости. В ней напоминалось об истории племени:

«После подписания мира в 1783 г.⁷² чироки были независимым народом, точно таким же, как и другие народы на земле. Да, они были союзниками Великобритании... Соединенные Штаты никогда не покоряли чироков, наоборот, наши отцы отстаивали свою землю с оружием в руках...

В 1791 г. был подписан Холстонский договор... Чироки признали, что отныне они будут под защитой Соединенных Штатов и не будут подчиняются другим суверенам... Часть земель была уступлена Соединенным Штатам. С другой стороны, США... согласились с условием, что белые не будут охотиться на землях племени и даже не будут переступать границ без разрешающего документа, и торжественно гарантировали, что все земли чироков не будут отторгаться».

Говорилось и о перемещении: «Мы знаем, что некоторые люди считают, будто для нас будет лучше переместиться за Миссисипи. Мы думаем иначе. Наши люди вообще думают иначе... Мы хотим остаться на земле наших предков. Мы имеем неоспоримое и исконное право на то, чтобы жить здесь без чинимых нам помех или нападков на нас. Договоры, заключенные нами, законы Соединенных Штатов, принятые во исполнение договоров, гарантируют наше местопребывание, и наши привилегии охраняют нас от вторжений. Наше единственное требование заключается в том, чтобы условия договоров соблюдались, а законы исполнялись».

Чироки продолжают, выходя за рамки истории, за рамки права: «Мы умоляем тех, к кому было обращено сказанное ранее, вспомнить великий закон любви: «Поступайте с ближними так же, как вы хотите, чтобы они поступали с вами»... Мы молимся за то, чтобы они помнили, что во имя принципов их предки были вынуждены уехать, их изгнали из Старого Света, и это именно ветры гонений несли этих людей через великие воды и прибили к берегам Нового Света, во времена когда индеец был единственным правителем и обладателем этих несметных просторов. Пусть они вспомнят, какой прием оказали им дикари Америки в тот момент, когда вся власть была в руках индейцев, и их ярость ничто не смогло бы укротить. Мы настоятельно просим помнить о том, что те, кто не просит у них кружки холодной воды и пяди земли... являются потомками людей, происхождения которых как коренных обитателей Северной Америки, а также их истории и традиций оказалось недостаточно для понимания. Пусть белые

⁷² Имеется в виду Парижский мирный договор 1783 г., по которому Великобритания признала независимость 13 своих североамериканских колоний.

помнят все эти факты, и они не смогут, а мы уверены, что они не смогут, забыть об этом и с сочувствием отнесутся к нашим испытаниям и страданиям».

Отвечая на это обращение в своем 2-м ежегодном послании Конгрессу США в декабре 1830 г., президент Э. Джексон подчеркивал, что чокто и чикасо уже согласились с перемещением и что «скорейшее переселение» остальных пойдет всем на пользу. Что касалось белых, то «оно позволит многочисленному и цивилизованному населению разместиться на больших территориях страны, которые в данный момент занимают несколько охотников-дикарей». Для индейцев «оно [перемещение], возможно, приведет к тому, что они постепенно, под покровительством правительства и благодаря влиянию хороших советников, откажутся от своих дикарских привычек и станут заинтересованным, цивилизованным христианским сообществом».

Джексон снова повторил уже знакомую мысль: «В отношении аборигенов этой страны никто не может испытывать более дружественных чувств, чем я». Тем не менее: «Волны людей и цивилизации катятся к западу, и теперь мы предлагаем приобрести земли, занятые краснокожими Юга и Запада, на справедливых условиях».

В Джорджии был принят закон, по которому преступлением стало считаться пребывание белого человека на территории индейцев в том случае, если такой человек не присягнул штату. Когда белые миссионеры, находившиеся во владениях чироков, объявили во всеуслышание о том, что они хотели бы, чтобы индейцы остались, милиция Джорджии весной 1831 г. вошла на территорию и арестовала трех миссионеров, в том числе и Сэмюэла Вустера. Их отпустили, когда они заявили о своей неприкосновенности как федеральные служащие (Вустер был федеральным почтмейстером). Администрация Джексона сразу же лишила этого человека должности, и летом милиция штата снова вторглась на индейские земли, арестовав десятиерых миссионеров, а также белого издателя газеты «Чироки феникс». Эти люди были избиты и закованы в цепи; их заставили проходить по 35 миль в день пешком по дороге в тюрьму графства. Суд присяжных признал арестованных виновными. Девять человек были освобождены, так как клятвенно согласились исполнять законы Джорджии, но Сэмюэл Вустер и Элизар Батлер, которые отказались признать легитимность законов, ущемлявших интересы чироков, были приговорены к четырем годам каторги.

На это решение в Верховный суд была подана апелляция, и при рассмотрении дела «Вустер против штата Джорджия» Джон Маршалл от имени большинства членов Суда провозгласил, что закон Джорджии, по которому С. Вустер был заключен в тюрьму, противоречит договору с индейцами чироки, который, согласно Конституции США, обязателен для исполнения во всех штатах. Дж. Маршалл приказал освободить Вустера. Но Джорджия проигнорировала это предписание, а президент Джексон отказался принимать меры, чтобы обеспечить исполнение судебного решения.

Теперь штат выставил земли чироков на продажу и ввел на их территорию отряды милиции, чтобы подавить малейшее сопротивление. Индейцы следовали принципу ненасильственных действий, несмотря на то что их имущество отобрали, дома сожгли, школы закрыли, женщин обесчестили, а в церквях стали продавать алкоголь, чтобы сделать туземцев совсем беспомощными.

В том же, 1832 г., когда Джексон предоставил Джорджии право самостоятельно решать вопрос с индейцами чироки, он противодействовал осуществлению Южной Каролиной права нуллификации федерального тарифа⁷³. Его переизбрание на президентский пост в 1832 г.

⁷³ Нуллификационный кризис, ставший кульминацией экстремистского толкования прав штатов, произошел в 1832 г., когда власти Южной Каролины объявили так называемый протекционистский «гнусный тариф» («тариф

прошло легко (Джексон получил 687 тыс. голосов избирателей против 530 тыс. голосов, поданных за его оппонента Генри Клея), и это – свидетельство того, что проводимая Джексоном антииндейская политика совпадала с настроениями в обществе, по крайней мере среди имевших право голоса белых мужчин (около 2 млн. человек при общей численности населения 13 млн.). Отныне Джексон решил ускорить процесс перемещения. Большая часть чокто и многие чироки уже покинули свои территории, но в Алабаме все еще оставались 22 тыс. криков, в Джорджии находились 18 тыс. чироков, во Флориде – 5 тыс. семинолов.

Со времен Колумба крики сражались за свои земли с испанцами, англичанами, французами и американцами. Но к 1832 г. область их проживания сократилась до небольшого района в Алабаме, в то время как быстро растущее население штата превысило 300 тыс. человек. Получив от федерального правительства весьма нелепые обещания, представители племени подписали в Вашингтоне договор, по которому они согласились переселиться за Миссисипи. Туземцы уступили 5 млн. акров земли с условием, что 2 млн. акров из этой площади будут отданы индивидуально тем крикам, которые смогут либо продать свой участок, либо остаться в Алабаме под покровительством федеральных властей.

Вот что писал об этом договоре Д. Ван Эвери: «В бесконечной истории дипломатических отношений между индейцами и белыми до 1832 г. не найдется ни одного примера договора, который вскоре не был бы нарушен последними... несмотря на все содержащиеся в этих договорах торжественные и красивые слова вроде «навсегда», «навек», «на все времена», «пока будет всходить солнце»... Однако ни одно соглашение между белыми и индейцами не было нарушено так быстро, как Вашингтонский договор 1832 г. Соединенные Штаты отказались от своих обещаний всего через несколько дней».

Началось нашествие белых на земли криков. Мародеры, охотники за землей, мошенники, продавцы спиртного, бандиты изгоняли тысячи индейцев в леса и на болота. Федеральное правительство не предпринимало никаких действий. Вместо этого оно вело переговоры о новом договоре, обеспечивающем незамедлительное перемещение на запад, которое крики должны были организовать самостоятельно, но при финансовой поддержке центральных властей. Армейский полковник, сомневавшийся в том, что это сработает, писал: «Они боятся голода в пути, а как это может быть иначе, если многие из них почти голодают уже сейчас, до всяких злоключений, связанных с долгой дорогой... Вы не можете представить, насколько ухудшилось положение этих индейцев за последние два или три года, – от жизни в сравнительном достатке до состояния жуткой нищеты и нужды. Беспрепятственное вторжение белых, захват индейских земель, включая возделанные поля, оскорбления, толпы торговцев, которые как саранча пожирали их, заливая их дома виски, разрушали остатки культуры, которую когда-то имели индейцы... Они запуганы, обложены налогами и чувствуют себя подавленными в связи с тем, что у них нет адекватной защиты со стороны Соединенных Штатов, а сами постоять за себя они не способны».

Политики Севера, симпатизировавшие индейцам, казалось, исчезли из виду, будучи заняты другими вопросами. Даниэл Уэбстер⁷⁴ выступил с воодушевляющей речью в сенате за «верховенство закона... и власть федерального правительства», но в ней ни словом не

ужасов») 1828 г. и тариф 1832 г. не имеющими юридической силы на своей территории. Штат грозил выходом из состава США, если Конгресс или администрация предпримет какие-либо принудительные меры. Президент Джексон и Конгресс были готовы к таким мерам, но в конце концов приняли так называемый компромиссный тариф (1833). В период этого кризиса поборником прав штатов проявил себя Генри Клей.

⁷⁴ Даниэл Уэбстер (1782–1852) – государственный и политический деятель, госсекретарь США (1841–1843, 1850–1852). Один из лидеров вигов.

упоминалось об Алабаме, Джорджии и индейцах, – речь шла об нуллификации тарифов Южной Каролиной.

Несмотря на все невзгоды, крики не двигались с места, но к 1836 г. и местные, и федеральные власти решили, что они должны уйти. Используя в качестве предлога несколько нападений отчаявшихся индейцев на белых поселенцев, было объявлено, что крики, развязав «войну», тем самым лишили себя прав, определенных договором.

Теперь подтолкнуть их к переселению на запад должна была армия. Менее сотни криков принимали участие в так называемой «войне», однако тысячи людей бежали в леса, опасаясь репрессий со стороны белых. На их поиски бросили одиннадцатитысячную армию. Индейцы не сопротивлялись: не было сделано ни одного выстрела, они сдались. Тех, кого военные сочли бунтовщиками и сочувствующими им, собрали вместе, заковали в цепи и под присмотром военной охраны повели на запад, а женщин и детей отправили следом в повозках. Крикские общины были оккупированы воинскими частями, жители согнаны в сборные пункты, откуда их отправляли на запад партиями по 2–3 тыс. человек. Ни о какой компенсации за землю или за собственность речи уже не шло.

Для обеспечения процесса переселения с частными подрядчиками были заключены контракты – такая практика ранее уже провалилась при перемещении чокто. Опять имели место задержки, нехватка продовольствия, одежды, одеял, медицинской помощи, отсутствие крыши над головой. Вновь были битком набиты старые прогнившие пароходы и паромы, увозившие индейцев на другой берег Миссисипи. «К середине зимы бесконечная, спотыкающаяся процессия из более чем 15 тыс. криков растянулась от границы до границы через весь Арканзас». Голод и болезни становились причиной большого количества смертей. Д. Ван Эвери пишет: «Маршрут изгнанников можно было определить издалека по преследовавшим их стаям волков и кружившим стаям грифов».

Восемьсот индейцев племени крик добровольно согласились помочь армии Соединенных Штатов в борьбе с флоридскими семинолами в обмен на обещание, что их семьи могут остаться в Алабаме под покровительством федеральных властей, до тех пор пока мужчины не вернутся. Эта договоренность не была выполнена. На индейские семьи напали жаждавшие земли белые мародеры, которые грабили, выгоняли туземцев из домов, насиловали женщин. Затем армия переместила индейцев с их земель в концентрационный лагерь на берегу бухты Мобил, ссылаясь на то, что это делается для их же безопасности. Сотни коренных жителей Америки умерли там от голода и болезней.

Когда воины вернулись с Семинольской войны, то их вместе с семьями вынудили двигаться на запад. Во время прохождения через Новый Орлеан среди этих людей началась желтая лихорадка. Они переплывали Миссисипи: 611 человек скопилось на старом пароходе «Монмут». Он затонул, и 311 индейцев погибло, включая четверых детей воина, командовавшего криками-добровольцами, которые сражались во Флориде.

Новоорлеанская газета писала: «Страшная ответственность за эту огромную человеческую жертву лежит на подрядчиках... Алчное желание увеличить прибыли за счет спекуляции вначале привело к фрахту прогнивших, старых и небезопасных кораблей, поскольку они были дешевы, а затем ради извлечения еще больших прибылей индейцев загоняли на эти утлые суденышки такими толпами, что о безопасности, комфорте или даже минимальной благопристойности не было и речи».

Племена чокто и чикасо быстро согласились на переселение. Крики были упрямы, и к ним пришлось применять силу. Чироки оказывали ненасильственное сопротивление. И одно племя – семинолы – решили сражаться.

Теперь, когда Флорида принадлежала Соединенным Штатам, территория семинолов

оказалась открытой для американских землезахватчиков. Они проникли в северную часть Флориды от Сент-Огастина до Пенсаколы и южнее, вдоль плодородной прибрежной полосы. В 1823 г. в лагере на ручье Моултри-Крик с несколькими семинолами, которые получили обширные землевладения в северной Флориде в собственность, был подписан договор, по которому все туземцы должны были покинуть север Флориды, а также все прибрежные области и переместиться во внутренние районы полуострова. Это означало отход в заболоченные места центральной Флориды, где индейцы не смогли бы выращивать продовольственные культуры и где не выживала даже дичь.

Давление по поводу перемещения на запад и ухода из Флориды все возрастало. В 1834 г. были созданы семинольские вожди, и агент по делам индейцев сообщил им, что они должны переселяться. Вот несколько высказываний этих людей в ходе упомянутого собрания: «Мы все созданы одним Великим Отцом и все его дети. Мы все дети одной Матери и вскормлены одной грудью. Поэтому мы братья, а раз так, то мы должны обращаться друг с другом по-дружески.

Ваша речь хороша, но мой народ не может сказать, что он уйдет. Мы не хотим этого делать. И если их [индейцев] язык говорит «да», то их сердца кричат «нет», и имя им – лжецы.

Если вдруг оторвать наши сердца от домов, к которым они привязаны, наши сердечные струны разорвутся».

Агенту по делам индейцев удалось добиться, чтобы 15 вождей и их заместителей подписали договор о перемещении. Сенат Конгресса США быстро ратифицировал его, а военное министерство начало приготовления к переезду. И в этот момент начались кровопролитные стычки между белыми и семинолами.

Руководителем растущего сопротивления стал молодой вождь Оцеола, который был заключен в тюрьму и закован в цепи агентом по делам индейцев Томпсоном, а его жену отдали в рабство. Когда в декабре 1835 г. Томпсон приказал туземцам собраться для отправки в путь, никто не пришел. Вместо этого семинолы предприняли серию партизанских вылазок на прибрежные поселения белых по всему периметру Флориды, внезапно и последовательно нанося удары из внутренних районов полуострова. Они убивали семьи белых, захватывали рабов и уничтожали собственность. Сам Оцеола сразу застрелил Томпсона и армейского лейтенанта.

В тот же день, 28 декабря 1835 г., колонна из 110 солдат была атакована семинолами; только трем солдатам удалось избежать смерти. Позже один из оставшихся в живых рассказывал:

«Было 8 часов. Внезапно я услышал ружейный выстрел... за ним последовал выстрел из мушкета... У меня не было времени подумать о том, что бы это значило, как вдруг целый град, как будто стреляли тысячи ружей, обрушился на нас с фронта и с левого фланга... Я видел только их головы и ружья, повсюду выглядывавшие из высокой травы и из-за сосен».

Это была классическая индейская тактика, применяемая против врага, обладавшего лучшим огнестрельным оружием. Генерал Дж. Вашингтон однажды дал на прощание совет одному из своих офицеров: «Короче говоря, генерал Сент-Клер, будьте готовы к неожиданностям... снова и снова, генерал, будьте готовы к неожиданностям».

Теперь Конгресс выделил деньги на войну с семинолами. В сенате против нее выступал Г. Клей, сенатор от штата Кентукки, оппонент Джексона и противник перемещения индейцев. Однако его коллега виг Д. Уэбстер проявил межпартийное единство, ставшее стандартом во время войн, которые вела Америка:

«Точка зрения, высказываемая джентльменом из Кентукки, безусловно, правильная. Но война разгорается, враг силен, а рассказы о его набегах ужасны. Исполнительная власть попросила выделить средства для подавления этих враждебных действий, и поэтому было бы

абсолютно правильно принять этот законопроект».

К исполнению обязанностей командующего приступил генерал Уинфилд Скотт, но его боевые отряды, с помпой вошедшие маршем на территорию семинолов, никого не обнаружили. Они начали уставать от грязи, болот, жары, болезней, голода – типичная усталость цивилизованной армии, сражающейся с народом, находящимся на своей земле. Никто не хотел столкнуться с семинолами лицом к лицу на болотах Флориды. В 1836 г. 103 офицера подали в отставку, осталось только 46 человек. Весной 1837 г. генерал-майор Томас Джесап принял участие в военных действиях, командуя десятитысячной армией, но индейцы просто растворились в болотах, время от времени появляясь, для того чтобы атаковать отдельные соединения противника.

Война затянулась на годы. В армию для борьбы с семинолами записывали представителей других племен. Но это тоже не помогало. Д. Ван Эвери пишет: «Адаптацию семинола к окружающей среде можно было сравнить только с адаптацией журавля или аллигатора». Война длилась восемь лет. Она обошлась в 20 млн. долл. и 1,5 тыс. американских жизней. В конце концов в 40-х гг. XIX в. семинолы начали сдавать позиции. От них осталась крошечная группа, которая противостояла огромной нации, обладавшей громадными ресурсами. Индейцы запросили перемирия. Но когда семинолы появлялись под белыми флагами, их раз за разом арестовывали. Оцеола, поднявший белый флаг в 1837 г., был захвачен, закован в кандалы и умер от болезни в тюрьме. Боевые действия стали затухать.

Несмотря на то что чироки не сражались с оружием в руках, они оказывали сопротивление по-своему. И тогда правительство затеяло старую игру – оно начало использовать одних чироков против других. На общину этого племени стали оказывать все большее давление: их газету запретили, правительство распустили, миссионеров заключили в тюрьму, а землю распределили среди белых в ходе земельной лотереи. В 1834 г. 700 чироков, уставших от борьбы, согласились отправиться на запад: 81 человек, в том числе 45 детей, погиб в пути, главным образом от кори и холеры. Те, кто выжил, добрались на место назначения на другом берегу Миссисипи как раз в разгар эпидемии холеры, и половина из них умерла в течение года.

В 1836 г. чироки были созваны для подписания договора о перемещении в поселок Нью-Эчота (Джорджия), но из 17 тыс. туземцев прибыло менее 500 человек. Договор все равно был заключен. Сенат, включая представителей северных штатов, которые когда-то поддерживали индейцев, ратифицировал документ, уступив, как выразился сенатор от Массачусетса Эдвард Эверетт, «силе обстоятельств... и крайней необходимости». Теперь белые жители Джорджии пошли в решительное наступление, чтобы ускорить процесс перемещения.

Правительство не сразу стало действовать против индейцев чироки. В апреле 1838 г. Ралф Уолдо Эмерсон⁷⁵ обратился с открытым письмом к президенту США М. Ван Бюрену, негодуя по поводу договора о перемещении (заключенного за спиной подавляющего большинства чироков) и спрашивая, что же происходит в Америке с чувством справедливости: «Человеческая душа, справедливость, великодушие, которое есть в глубине сердца любого человека, проживающего где бы то ни было от Мэна до Джорджии, с отвращением отторгают эту сделку... задумано преступление, которое приводит наш рассудок в замешательство своим размахом, преступление, которое на самом деле лишает нас родины в не меньшей мере, чем чироков, ибо как мы можем называть заговорщиков, уничтожающих несчастных индейцев, нашим правительством, а землю, проклятую их разлукой и предсмертными проклятиями,

⁷⁵ Ралф Уолдо Эмерсон (1803–1882) – философ-трансценденталист, поэт и эссеист.

нашей страной? Вы, сэр, опозорите то кресло, в котором сидите, если печать Ваша ляжет на сей инструментарий вероломства, и ввергнете в позор эту нацию, благословленную религией и свободой, которая станет противна миру».

За 13 дней до того, как Р. У. Эмерсон отправил это письмо, М. Ван Бюрен приказал генерал-майору У. Скотту войти на территории чироков и использовать любые военные средства, чтобы заставить индейцев уйти на запад. Пять полков регулярной армии и 4 тыс. бойцов отрядов милиции и волонтеров начали наводнять край. Генерал Скотт обратился к индейцам: «Чироки! Президент Соединенных Штатов направил меня во главе могущественной армии, для того чтобы заставить вас подчиниться договору от 1834 г. и присоединиться к той части своего народа, которая уже обосновалась и процветает на другом берегу Миссисипи... Полная луна мая уже убывает, и, до тех пор пока появится другая, каждый чирок, будь то мужчина, женщина или ребенок... должен отправиться в путь, дабы присоединиться к своим братьям на дальнем Западе... Мои войска уже заняли многие рубежи в краю, который вы скоро покинете, тысячи и тысячи людей приближаются со всех сторон, дабы сделать сопротивление и побег безнадежными предприятиями... Вожди, старейшины и воины – будете ли вы, сопротивляясь, заставлять нас прибегать к силе оружия? Боже сохрани.

Или же вы, бежав, попыбуете найти себе убежище в горах и лесах, таким образом вынуждая нас охотиться за вами?»

Некоторые чироки, по всей видимости, отказались от принципа неприменения насилия: три вождя, подписавшие договор о перемещении, были найдены мертвыми. Но 17 тыс. человек вскоре окружили и согнали в лагеря для заключенных. Первого октября 1838 г. первая партия индейцев была отправлена в путь по получившей в дальнейшем известность Тропе слёз⁷⁶. По мере продвижения на запад изгнанники умирали от болезней, засухи, жары и холода. Караван состоял из 645 повозок; люди шли рядом пешком. Те, кто выжил, через много лет рассказывали о том, как в середине зимы они остановились на привал у берега Миссисипи, покрывавшейся льдом; «сотни больных и умирающих находились в повозках и распластались на земле». Один из ведущих специалистов по истории перемещения индейцев – Г. Формен отмечает, что во время пребывания в лагерях или при переходе на запад умерло 4 тыс. чироков.

В декабре 1838 г. президент М. Ван Бюрен, выступая в Конгрессе США, сказал: «С искренним удовольствием должен уведомить Конгресс о завершении перемещения индейцев чироков в их новый дом к западу от реки Миссисипи. Меры, которые Конгресс санкционировал в ходе своей последней сессии, привели к наилучшим результатам».

«Слава Богу, мы не захватчики!»

Полковник Итан Аллен Хичкок, профессиональный военный, выпускник Военной академии в Уэст-Пойнте, командир 3-го пехотного полка, любитель Шекспира, Чосера, Гегеля и Спинозы, писал в своем дневнике:

«Форт Джесап, Луизиана, 30 июня 1845 г. Вчера вечером из Вашингтона с курьером доставлен приказ генералу Тейлору безотлагательно двинуться к побережью в окрестности реки Сабин или в другое место, и, как только он узнает о принятии съездом в Техасе резолюции об аннексии, одобренной нашим Конгрессом, ему необходимо немедленно передислоцироваться вместе со всей армией в самый западный район границы Техаса и занять

⁷⁶ Тропа слёз, Дорога слёз – общее название маршрутов насильственного перемещения племен Юго-Востока за реку Миссисипи (из Джорджии в Оклахому) в 30-х гг. XIX в.

позиции на берегах Рио-Гранде или поблизости, дабы отбросить любые вооруженные силы мексиканцев, которые могут форсировать реку. Вчера вечером Блисс зачитал мне текст приказа под сигнал вечерней зори. Этой ночью я едва сомкнул глаза, думая о необходимых приготовлениях. Сейчас я делаю записи при свете свечи, ожидая сигнала о подъеме и общем сборе... Насилие порождает насилие, и если этот наш поход не приведет к жестокости и кровопролитию, то я сильно заблуждаюсь».

Хичкок не ошибался. Покупка Луизианы, совершенная Т. Джефферсоном, удвоила территорию Соединенных Штатов, передвинув их границы к Скалистым горам. К юго-западу от США располагалась Мексика, завоевавшая независимость в революционной войне с Испанией (1821), – обширная страна, в состав которой входили территории современных штатов Техас, Нью-Мексико, Юта, Невада, Аризона, Калифорния и часть Колорадо. После проведенной агитации и при помощи США Техас в 1836 г. отделился от Мексики и провозгласил создание «Республики одинокой звезды». В 1845 г. американский Конгресс принял ее в состав Союза в качестве штата.

Белый дом тогда занимал демократ и сторонник территориальной экспансии Джеймс Полк, который в вечер своей инаугурации доверительно сообщил военно-морскому министру, что одной из его основных целей является обретение Калифорнии. Отданный им генералу З. Тейлору приказ выдвинуть войска к берегам Рио-Гранде являлся вызовом мексиканцам. Было отнюдь не очевидно, что южная граница Техаса проходит по этой реке, хотя техасцы заставили побежденного ими мексиканского генерала Санта-Анну заявить об этом, когда он находился в плену. Традиционная линия размежевания между Техасом и Мексикой проходила по реке Нуэсес, т. е. примерно на 150 миль севернее, и эту границу признавали и Мексика, и Соединенные Штаты. Однако Дж. Полк, призывавший техасцев одобрить аннексию, заверил, что поддержит их претензии на район Рио-Гранде.

Приказ перебросить войска к Рио-Гранде, на территорию, населенную мексиканцами, был очевидной провокацией. Тейлор уже однажды отклонил идею аннексии Техаса. Но сейчас у него был приказ на марш, и, похоже, это изменило его точку зрения. Приход генерала в палатку своего адъютанта Хичкока так описывается в дневнике последнего: «Похуже, он потерял какое-либо уважение к правам мексиканцев и с готовностью станет инструментом мистера Полка для смещения наших границ как можно дальше на запад. Когда я сказал ему, что, если бы он предложил такой поход (а он ответил мне, что так и намерен поступить), мистер Полк не преминул бы воспользоваться такой возможностью и возложил бы ответственность на него, он [З. Тейлор] сказал, что примет это предложение, и добавил, что президент проинструктировал его поступать так, как он считает нужным, и он не станет ожидать приказов, а двинется к Рио-Гранде, как только получит транспорты. Я думаю, что генерал хочет получить внеочередное звание и ни перед чем не остановится ради этого».

Генерал Тейлор передислоцировал войска в техасский город Корпус-Кристи, форсировав реку Нуэсес, и ждал дальнейших указаний. Они поступили в феврале 1846 г. Было приказано двигаться вдоль побережья Мексиканского залива к Рио-Гранде. Армия шла по открытой прерии маршем параллельных колонн; далеко впереди и с флангов двигались разведчики, за армией следовал обоз с припасами. Двадцать восьмого марта 1846 г., пройдя по узкой дороге сквозь густые заросли чапаралья, американские войска подошли к возделанным полям и покрытым соломой хижинам, брошенным мексиканскими жителями, которые бежали через реку в город Матаморос. Тейлор разбил лагерь, начал строительство форта, направил свои пушки на белые строения Матамороса, обитатели которого с любопытством взирали на армию, обустроившуюся на берегах спокойной реки.

Вашингтонская газета «Юнион», отражавшая позицию президента Дж. Полка и

демократической партии, в начале 1845 г. так писала о значении аннексии Техаса: «Пусть будет осуществлено великое деяние аннексии, а с ним решены и вопросы границ и претензий. Ибо кто же может сдержать поток, который продолжит движение на Запад? Нам будет открыт путь на Калифорнию. Кто сдержит марш наших людей – жителей западных районов?»

Эти слова можно было бы истолковать как мирный поход на запад, если бы не другие слова в той же газете: «Корпус должным образом организованных волонтеров... вторгнется, завоюет и оккупирует Мексику. Они позволят нам не только занять Калифорнию, но и оставить ее себе». Вскоре после того, как этот номер вышел в свет, летом 1845 г., редактор «Демократик ревью» Джон О'Салливан употребил фразу, ставшую знаменитой: «Наше явное предначертание – заполнить весь континент, предназначенный Провидением для свободного развития ежегодно умножающихся миллионов нашего населения». Вот такое предопределение судьбы⁷⁷.

Весной 1846 г. все, что требовалось для начала войны, к чему стремился Полк, – это инцидент, в котором бы участвовали военные. Он произошел в апреле, когда интендант генерала З. Тейлора полковник Кросс, однажды ехавший верхом вдоль берега Рио-Гранде, исчез. Его тело обнаружили спустя 11 дней, череп был размозжен тяжелым ударом. Согласно предположению, полковника убили мексиканские партизаны, переправившиеся через реку. Во время торжественной военной церемонии, которую жители Матамороса могли видеть с крыш своих домов, Кросс был похоронен, сопровождаемый заукойной службой и тремя ружейными залпами.

На следующий день (25 апреля) патруль солдат армии Тейлора попал в окружение, был атакован мексиканцами и уничтожен: 16 человек убиты, несколько – ранены, остальные взяты в плен. Генерал послал депешу губернаторам Техаса и Луизианы, попросив их набрать 5 тыс. волонтеров; у него были полномочия на такие действия от Белого дома, которые он получил еще до отбытия в Техас. Тейлор послал донесение и Дж. Полку: «Военные действия теперь можно считать начавшимися».

Мексиканцы произвели первый выстрел. Но они сделали именно то, к чему и стремились американские власти. Так считал полковник Хичкок, еще до первых инцидентов писавший в своем дневнике: «Я с самого начала говорил, что Соединенные Штаты – агрессор... У нас нет ни малейших прав, чтобы находиться здесь... Все выглядит так, как будто правительство отправило небольшой отряд, чтобы спровоцировать войну с целью захвата под этим предлогом Калифорнии и той части страны, которую оно наметило для отторжения. Что бы ни произошло с этой армией, нет оснований усомниться в [грядущей] войне между Соединенными Штатами и Мексикой... Не лежит у меня сердце к этому делу... но, как человек военный, я обязан выполнять приказы».

Еще до этих первых столкновений генерал Тейлор направлял Дж. Полку донесения, приведшие президента к мысли о том, что «высока вероятность того, что вскоре начнутся военные действия». Девятого мая, еще до поступления новостей о каких-либо сражениях, Полк предлагал своему кабинету объявить войну Мексике, основываясь на определенных денежных претензиях к этой стране, а также из-за отказа проводить переговоры с американским представителем Джоном Слайделлом. Президент записал текст выступления перед членами кабинета в своем дневнике: «Я заявил, что... до сего момента, насколько нам известно, никаких открытых агрессивных акций со стороны мексиканской армии не было, но нависла опасность того, что такие действия будут иметь место. Я сказал, что, с моей точки зрения, у нас есть

⁷⁷ Речь идет о политической доктрине «явного предначертания», «предопределения судьбы» (Manifest Destiny), согласно которой североамериканцы являются избранным народом и им судьбой предназначено превратить американский континент в «зону свободы». Эта доктрина стала основой экспансии США в XIX в.

вполне достаточная причина для объявления войны, что для меня было бы невозможным и далее... хранить молчание... а также заметил, что страна по этому поводу испытывает возбуждение и нетерпение».

США не испытывали «возбуждения и нетерпения». Эти чувства обуревали президента. Когда прибыли донесения с известиями от генерала Тейлора о людских потерях в ходе нападения мексиканцев, Дж. Полк собрал членов кабинета, чтобы сообщить им новости, и они пришли к единогласному мнению, что президент должен просить Конгресс объявить войну. Послание Полка Конгрессу было гневным: «Чаша терпения переполнилась еще до недавних сообщений из пограничного района Дель-Норте [Рио-Гранде]. Но теперь, после неоднократных угроз, Мексика пересекла границы Соединенных Штатов, вторглась на нашу территорию и пролила американскую кровь на американской земле...

Поскольку, несмотря на все наши усилия избежать войны, она разразилась из-за действий самой Мексики, мы, исходя из всех соображений долга и патриотизма, обязаны защищать свою честь, права и интересы нашей страны».

Президент говорил о переброске войск США в район Рио-Гранде как о необходимой оборонительной мере. В своей работе «Война мистера Полка» Дж. Шрёдер пишет: «На деле истине соответствовало обратное утверждение: президент Полк спровоцировал войну, отправив американских солдат на спорную территорию, которую исторически контролировали и на которой проживали мексиканцы».

Конгресс поспешил одобрить объявление войны. Комментарий Дж. Шрёдера таков: «Дисциплинированное большинство демократов в палате представителей отреагировало на воинственные рекомендации Полка от 11 мая весьма проворно и с покорной эффективностью». Кипы официальных документов, сопровождавших речь об объявлении войны, которые должны были служить подтверждением заявления президента, немедленно прятались палатой под сукно. Прения по законопроекту о предоставлении волонтеров и средств для ведения войны были ограничены двумя часами, и большая часть этого времени ушла на чтение избранных отрывков из припрятанных документов, так что на обсуждение вопросов едва ли осталось полчаса.

Хотя партия вигов и была против войны с Мексикой, она не возражала против территориальной экспансии. Вигам хотелось заполучить Калифорнию, но они предпочитали сделать это мирно. Как пишет Дж. Шрёдер, «их экспансионизм был коммерчески ориентированным, предусматривавшим получение земель на Тихоокеанском побережье без того, чтобы прибегать к войне». Они не настолько упорно выступали против военной акции, чтобы останавливать ее, отказав в предоставлении людей и в выделении денег. Виги не хотели рисковать и получать в свой адрес обвинения в том, что они подвергают опасности американских солдат, лишая их средств, необходимых для ведения боевых действий. В результате партия присоединилась к демократам, в подавляющем большинстве проголосовав за военную резолюцию (174 голоса против 14). Оппозиция представляла собой небольшую группу решительно настроенных вигов – противников рабства, которых один конгрессмен от Массачусетса, голосовавший «за», назвал «кучкой радикалов».

В сенате прения ограничились одним днем, и, по словам историка Ф. Мерка, «повторилась тактика стадного чувства». Резолюция о вступлении в войну была принята (40 голосов против 2). Виги и здесь присоединились к демократам. По мнению Дж. Шрёдера, в течение всей войны «политически чувствительное меньшинство вигов годилось лишь на то, чтобы изматывать администрацию потоком словоблудия, одновременно голосуя за все ассигнования, которые требовались для военных кампаний». Издававшаяся в Вашингтоне вигская газета «Нэшнл интеллидженсер» заняла именно такую позицию. Будучи в то время конгрессменом от

Массачусетса, Дж. К. Адамс первоначально голосовал вместе с «14 упрямыми», однако позднее отдал свой голос за военные ассигнования.

Когда началась война, житель Иллинойса Авраам Линкольн еще не заседал в Конгрессе, но после своего избрания в 1846 г. он однажды имел возможность голосовать и выступить по поводу войны. Его «резолуции о пяди земли» получили известность – Линкольн бросил вызов Дж. Полку, предложив указать, на какой именно пяди «американской земли» пролилась кровь граждан США. Однако конгрессмен не попытался покончить с войной, остановив финансирование и снабжение. Выступая 27 июля 1848 г. в палате представителей с речью в поддержку кандидата на пост президента генерала Тейлора, А. Линкольн заявил: «Но, поскольку генерал Тейлор известен главным образом как герой войны с Мексикой и поскольку вы, демократы, утверждаете, что мы, виги, всегда выступаем против войны, вы считаете, что с нашей стороны крайне нелепо и неловко его поддерживать. Заявление, что мы всегда выступали против войны, можно считать правдивым или ложным в зависимости от того, как истолковывать понятие «выступать против войны». Если его истолковывать в том смысле, что «в войне не было необходимости и ее незаконно начал президент», то да, виги всегда в целом выступали против этого... Марш армии в сердце мирных мексиканских поселений, запугивание тамошних жителей, которые бежали, бросив урожай и имущество, подвергшиеся уничтожению, – возможно, вы это считаете вполне любезной, миролюбивой и приятной акцией, но мы воспринимаем это иначе... Однако если война уже началась и стала общим делом для всей страны, то жертвование на ее ведение вместе с вами наших денег и крови является поддержкой боевых действий, и в таком случае будет неправдой сказать, что мы [виги] всегда выступаем против войны. За некоторыми конкретными исключениями, наши голоса регулярно присоединялись к вашим, для того чтобы обеспечить [армию] всем необходимым».

Горстка противников рабства проголосовала в Конгрессе против любых мер военного характера, рассматривая мексиканскую кампанию как средство расширения рабовладельческой территории Юга. Один из них, конгрессмен от штата Огайо Джошуа Гиддингс, страстный оратор и человек физически очень крепкий, назвал эту кампанию «агрессивной, нечестивой и несправедливой войной». Он объяснил, почему голосует против поставок вооружений и отправки людей: «Ни сейчас, ни позднее я не хочу принимать участия в убийстве мексиканцев на их собственной земле. Пусть вина в этих преступлениях лежит на других – я к ним примыкать не стану». При этом Гиддингс сослался на английских вигов, которые во время Американской революции объявили в парламенте в 1776 г., что будут голосовать против военных поставок, направлявшихся на подавление сопротивления американцев.

После принятия Конгрессом решений в мае 1846 г. в Нью-Йорке, Балтиморе, Филадельфии и во многих других местах прошли массовые митинги и демонстрации в поддержку войны. Тысячи людей записывались добровольцами в армию. Поэт Уолт Уитмен в те первые военные дни писал в бруклинской газете «Игл»: «Да, Мексику стоит как следует выпороть! Будем нести наше оружие с духом, который покажет всему миру, что, хотя мы и не стремимся к ссоре, Америка знает, как крушить врагов и как расширяться!»

Вся эта агрессивность основывалась на идее о распространении Соединенными Штатами благ свободы и демократии на возможно большее количество людей. Это переплеталось с идеями расового превосходства, стремлением овладеть прекрасными землями Новой Мексики⁷⁸ и Калифорнии, а также с соображениями о развитии торговли в бассейне Тихого

⁷⁸ В этот период основную территорию Мексики американцы все чаще называли «Старой Мексикой», а оккупированные земли – «Новой».

океана.

Что касается Калифорнии, то газета «Иллинойс стейт реджистер» задавалась вопросом: «Должен ли сей прекрасный сад покоиться в своем диком и бесполезном изобилии? ...мириады предприимчивых американцев готовы броситься к его богатым и зовущим прериям; в его долинах может быть услышан рокот англо-американской промышленности; на его равнинах и морских берегах могут вырасти города, а ресурсы и благосостояние нации могут увеличиться в степени, не поддающейся подсчету». «Америкэн ревью» писала, что мексиканцы уступают «более совершенному населению, незаметно просачивающемуся на ее [Мексики] территории, изменяющему ее традиции, образ жизни, торговлю, уничтожающему ее слабеющую кровь». К 1847 г. в нью-йоркской газете «Геральд» появились такие слова: «Универсальная нация янки может за несколько лет возродить и освободить народ Мексики, и мы верим в то, что частью нашего предназначения на Земле является вовлечение этой прекрасной страны в цивилизацию».

В нью-йоркской газете «Джорнэл оф коммерс» было опубликовано письмо, упоминавшее в этой связи самого Бога: «Похоже, в дело вмешался Верховный правитель Вселенной, направляя энергию человека на благо всего человечества. Его вмешательство... как мне кажется, отождествляется с успехом нашего оружия... Искупление всех грехов, которыми полон род человеческий, семью миллионами душ есть цель очевидная... цель явная».

Сенатор Х. В. Джонсон заявил: «Я считаю, что мы бы предали свою благородную миссию, если бы отвергли молчаливое согласие с высокими целями мудрого Провидения. В войне есть свое зло. Во все времена она являлась рассадницей массовой смерти и ужасающего разорения: но как бы война ни была для нас непостижима, она также создана Мудрейшим Распорядителем событий как инструмент достижения великих целей возвышения и счастья человечества... Именно в этом контексте я соглашаюсь с доктриной «предопределения судьбы»».

В издании «Конгрэшнл глоб»⁷⁹ от 11 февраля 1847 г. сообщалось: «Мистер Джайлс, представитель Мэриленда заявил: «Я считаю само собой разумеющимся, что мы должны увеличить территорию, прежде чем закрыть двери храма Януса... Мы должны пройти маршем от океана к океану... Мы должны пройти маршем от Техаса к Тихому океану, и остановит нас лишь его ревущая волна... В этом – предначертание белой расы, предначертание англосаксонской расы».

С другой стороны, Американское антирабовладельческое общество заявляло, что война «была развязана с единственной отвратительной и ужасной целью расширения и увековечения американского рабства на обширной территории Мексики». Двадцатисемилетний бостонский поэт-аболиционист Джеймс Расселл Лоуэлл начал публиковать сатирические стихи в бостонской газете «Курьер» (позднее они вошли в сборник «Бумаги Биглоу»). В них фермер из Новой Англии Хосеа Биглоу на своем диалекте говорит о войне:

Коль война, считай – убийство,
Вот што я считаю.
Не хочу я говорить размазанно.
Все и так в Писании сказано...
Они там рассуждают о Свободе,
Аж делаясь пунцовыми в лице.
На самом деле это всё – кладбище Свобод, рождением данных

⁷⁹ Публикация протоколов заседаний и других материалов Конгресса США. Вышло в свет 46 томов (1833–1873).

нашим.

Они же просто хотят Калифорнию,
Штоб новым рабским штатом стать просторным,
Отдав ее на растерзание грехам.

Едва начались военные действия, когда летом 1846 г. Генри Дэвид Торо, писатель, живший в городе Конкорде (Массачусетс), отказался платить установленный штатом подушный избирательный налог в знак протеста против войны с Мексикой. Торо посадили в тюрьму, где он провел всего одну ночь. Друзья писателя без его согласия выплатили налог, и Торо выпустили. Два года спустя он выступил с лекцией под названием «Сопrotивление гражданскому правительству», которая позднее была напечатана как эссе «Гражданское неповиновение»:

«Не так желательно воспитывать уважение к закону, как желательно воспитывать уважение к праву... Закон никогда ни на йоту не делал людей более справедливыми. Посредством уважения к закону даже благодушные люди ежедневно становятся носителями несправедливости. Обычным и естественным результатом чрезмерного уважения к закону является то, что вы можете наблюдать, как строй солдат... браво марширует по горам и по долам, идя воевать против своей воли, вопреки здравому смыслу и совести, что делает этот марш в гору непростым занятием, вызывая у участников учащенное сердцебиение».

Его друг и коллега по перу Р. У. Эмерсон был согласен с Торо, но считал протест бесполезным. Когда Эмерсон посетил Торо в тюрьме и спросил его: «Что ты делаешь здесь?», то ответом последнего, по свидетельству очевидца, было: «А что ты делаешь там?».

Большая часть религиозных конфессий или откровенно поддерживала войну, или робко молчала. В целом никто, кроме конгрегационалистов, квакеров и унитариев, не выступил открыто с антивоенных позиций. Однако баптистский священник, президент Университета Брауна преподобный Фрэнсис Уэйленд, произнес три проповеди в университетской часовне, заявив, что справедливыми являются только оборонительные войны, а в случае несправедливой войны на личности лежит моральная обязанность сопротивляться таковой и не давать властям деньги на ее ведение.

Бостонский священник унитарной церкви преподобный Теодор Паркер сочетал красноречивую критику войны с презрением к мексиканцам, которых называл «жалким народом – жалким по происхождению, истории, характеру»; со временем они обязаны уйти с дороги, как это сделали индейцы. Да, говорил он, Соединенные Штаты должны расширяться, но не военными средствами, а силой своих идей, преимуществами со стороны своей торговли, «постоянным прогрессом высшей расы, обладающей лучшими идеями и лучшей цивилизацией... тем, что они [США] лучше Мексики, мудрее, гуманнее, свободнее и мужественнее ее». В 1847 г. Паркер призвал к активному антивоенному сопротивлению: «Пусть будет позором для жителя Новой Англии записаться в армию, для купца из Новой Англии ссудить свои доллары или предоставить свои корабли для поддержки этой порочной войны; пусть будет позором для промышленника произвести пушку, шпагу или ядро для убийства наших братьев».

Расизм, проявленный этим священником, был широко распространенным явлением. Конгрессмен от штата Огайо, виг и аболиционист Коламбус Делано выступал против войны, потому что боялся смешения американцев с людьми низшего сорта, которые «представляют собой все оттенки цветов кожи... плачевную смесь испанской, английской, индейской и негритянской кровей... результатом которой является, как говорят, воспроизводство ленивой и невежественной расы».

По мере продолжения военных действий оппозиционные настроения росли. Американское миротворческое общество⁸⁰ издавало газету «Адвокейт оф пис», в которой публиковались антивоенные стихи; тексты выступлений, петиций, проповедей; свидетельства очевидцев о деградации жизни в армии и об ужасах войны. Аболиционисты, выступавшие в газете «Либерейтор» У. Л. Гаррисона, осуждали войну, говоря о ее «агрессивном, завоевательном и грабительском характере» и о том, что она отмечена «хулиганством, вероломством и всеми остальными чертами национальной порочности». С учетом того, какие энергичные усилия предпринимали лидеры страны, чтобы добиться поддержки патриотов, примечателен масштаб открытого недовольства и критики. Антивоенные митинги проходили, несмотря на атаки патриотически настроенных толп.

Пока армия приближалась к Мехико, «Либерейтор» дерзко продекларировал пожелания американским войскам потерпеть поражение: «Каждый человек в любой стране, кому дороги свобода и гуманность, должен пожелать им [мексиканцам] самого триумфального успеха... Мы только надеемся на то, что, если крови и довелось быть пролитой, это была кровь американцев, и на то, что следующие новости, которые мы узнаем, будут новостями о том, что генерал Скотт и его армия попали в плен к мексиканцам... Мы не желаем ему и его солдатам физических страданий, но желаем им полного поражения и позора».

Выдающийся оратор и писатель, бывший раб Фредерик Дуглас писал 21 января 1848 г. в своей рочестерской газете «Норт стар» об «имеющей место позорной, жестокой и несправедливой войне с братской республикой. Мексика представляется обреченной жертвой англосаксонской алчности и жажды власти». Ф. Дуглас с презрением отмечал нежелание противников войны предпринимать действенные меры (даже аболиционисты продолжали платить налоги): «Решимость нашего президента-рабовладельца вести войну и вероятность его успеха в деле выжимания из народа людских ресурсов и средств на ее продолжение становятся все очевиднее, отнюдь не будучи поставлены под сомнение хилой оппозицией. Ни один более или менее значительный или высокопоставленный политик не рискует поставить под угрозу собственный авторитет внутри своей партии... открыто и безусловно осудив войну. Никто не готов к тому, чтобы, несмотря на все риски, занять твердую позицию отстаивания мира. Все, похоже, хотят, чтобы война в той или иной форме продолжалась».

А с кем же было общественное мнение? Трудно сказать. После первого прилива запись в армию начала сокращаться. Результаты выборов 1846 г. показали значительный рост оппозиции Полку, но кто мог предположить, в какой степени это было связано с войной? В Массачусетсе конгрессмен Роберт Уинтроп, голосовавший за войну, одержал на выборах триумфальную победу над антивоенно настроенным вигом. Дж. Шрёдер делает в своей работе вывод о том, что, хотя популярность Полка и упала, «общий энтузиазм по поводу войны с Мексикой оставался на высоком уровне». Но это лишь предположение. В то время не проводились опросы общественного мнения. Что же до голосования, то большинство граждан вообще не участвовало в выборах, – а что они думали по поводу боевых действий?

Историки войны с Мексикой с легкостью говорили о «народе» и об «общественном мнении». Среди них – Джастин Смит, чья двухтомная работа «Война с Мексикой» долгое время являлась эталоном. Он, в частности пишет: «Разумеется, необходимо было... в той или иной степени учитывать все давление со стороны нашего воинственно настроенного народа, ибо такова природа народного правительства».

⁸⁰ Американское миротворческое общество основано в мае 1828 г. в городе Нью-Йорке. Фактически первая общенациональная светская пацифистская организация США.

Правда, приведенные Дж. Смитом данные получены не от «народа», а из газет, которые объявили себя гласом народа. В августе 1845 г. нью-йоркская «Геральд» утверждала: «Массы призывают к войне». А нью-йоркская «Джорнэл оф коммерс» полушутя-полусерьезно писала: «Отправимся же на войну. Мир утрачивает свежесть и становится пресным, пора захватывать корабли и сносить с лица земли города, поджечь мир, чтобы начать жизнь заново. Вот будет здорово и интересно – будет о чем поговорить». Нью-йоркская «Морнинг ньюс» сообщала о «молодых и страстных душах, собравшихся в городах... Они жаждут выхода своей неутомимой энергии, и их внимание уже приковано к Мексике».

Информировали ли газеты о настроениях в обществе или они их создавали? Те, кто писал об этих настроениях, например Дж. Смит, зачастую были убеждены в необходимости войны. Смит, посвятивший свою книгу одному из ультрарадикальных экспансионистов в истории США Генри Кэботу Лоджу, привел длинный список грехов, в которых Мексика провинилась перед Соединенными Штатами, закончив его словами: «Таким образом, на нашем правительстве, как на выразителе национального достоинства и представителе национальных интересов, лежала обязанность принять меры». А вот как он прокомментировал призыв Дж. Полка к войне: «По правде говоря, ни один другой курс не был бы патриотичным или просто разумным».

Невозможно сказать, насколько широкой была поддержка войны. Но есть свидетельства того, что многие организованные рабочие выступали против нее. Ранее, когда рассматривался вопрос об аннексии Техаса, в Новой Англии рабочие провели митинг протеста. Газета, выходившая в Манчестере (Нью-Гэмпшир), писала: «Раньше мы молчали по поводу аннексии Техаса, чтобы увидеть, сможет ли наша страна предпринять такую подлую акцию. Мы называем ее подлой, ибо она дала бы тем людям, которые живут за счет крови других людей, благоприятную возможность еще глубже запустить руки в грех рабства... Разве сейчас у нас недостаточно рабов?»

По данным Ф. Фонера, демонстрации рабочих-ирландцев против аннексии Техаса прошли в Нью-Йорке, Бостоне и Лоуэлле. В мае, когда война против Мексики уже началась, нью-йоркские трудящиеся собрались на антивоенный митинг, в котором приняли участие многие рабочие-ирландцы. На нем войну называли заговором рабовладельцев, и было выдвинуто требование о выводе американских войск со спорной территории. В том же году съезд Ассоциации рабочих Новой Англии осудил войну и объявил, что не «поднимет оружия, чтобы сохранить положение южного рабовладельца, грабительски отнимающего у пятой части наших соотечественников результаты их труда».

В самом начале военных действий некоторые газеты протестовали. Двенадцатого мая 1846 г. Горас Грили писал в нью-йоркской газете «Трибюн»: «Мы легко можем разгромить мексиканские армии, уничтожить тысячи их [солдат] и гнать вплоть до столицы [Мехико]. Мы можем завоевать и «аннексировать» их территорию, а что потом? Не служит ли нам уроком истории разрушение греко-римских свобод, последовавшее за таким расширением империй силою меча? Кто поверит тому, что масштаб побед над Мексикой и «аннексия» половины ее провинций дадут нам больше Свободы, очистит Мораль, сделает Промышленность более процветающей, чем теперь? Не является ли Жизнь слишком убогой, а Смерть слишком скорой и без того, чтобы прибегать к отвратительным махинациям Войны?»

А что же думали те, кто воевал, – мексиканские и американские солдаты, которые шли маршем, обливаясь потом, заболевая, погибая?

Мы мало что знаем о настроениях мексиканских солдат. Зато нам известно, что Мексика была страной деспотов, страной индейцев и метисов (помесь индейцев и испанцев), контролируемой креолами – белыми испанского происхождения. Там жили 1 млн. креолов,

2 млн. метисов и 3 млн. индейцев. Было ли естественное нежелание крестьян воевать за страну, принадлежащую землевладельцам, преодолено националистическим духом сопротивления завоевателям?

Гораздо больше нам известно об американской армии – не о призывниках, а о волонтерах, прельщенных деньгами и возможностью продвижения по социальной лестнице благодаря повышению воинского звания. Половина солдат генерала З. Тейлора были недавними иммигрантами – в основном ирландцами и немцами. Притом что в 1830 г. 1 % населения США составляли уроженцы других стран, к началу войны с Мексикой их количество достигло 10 %. Эти люди не обладали слишком развитым чувством патриотизма. Их доверие ко всем аргументам, которые газеты помпезно приводили в пользу экспансии, тоже было, скорее всего, не очень велико. И в самом деле, многие из них, соблазненные деньгами, дезертировали, переходили на сторону Мексики. Некоторые записались в мексиканскую армию и сформировали собственный батальон – Батальон Святого Патрика.

Поначалу в войсках США царил энтузиазм, подогретый деньгами и патриотизмом. Боевой дух был высок в штате Нью-Йорк, где легислатура уполномочила губернатора собрать 50 тыс. волонтеров. Плакаты гласили: «Мексика или Смерть». В Филадельфии прошел массовый митинг, в котором приняли участие 20 тыс. человек. Штат Огайо выставил 3 тыс. добровольцев.

Вскоре этот первоначальный дух иссяк. Вот какую запись оставила в своем дневнике жительница города Гринсборо (Северная Каролина): «Вторник, 5 января 1847 г... сегодня был всеобщий сбор, выступали с речами мистер Горрелл и мистер Генри. Генерал Логан встретил их на нашей улице и потребовал, чтобы все волонтеры следовали за ним.

Пока он прохаживался взад и вперед, я рассмотрела человек шесть-семь, выглядевших довольно плохо. Впереди шел бедняга Джим Лейн. Сколько таких бедолаг уже положили или еще пожертвуют на алтарь гордыни и амбиций?»

В Массачусетсе плакаты призывали добровольцев: «Мужчины старинного Эссекса! Мужчины Ньюберипорта! Сплотитесь вокруг храброго, доблестного и неустрашимого Кашинга⁸¹! Он приведет вас к победе и к славе!» Плакаты обещали заработок от 7 до 10 долл. в месяц и премию федеральных властей – 24 долл. и 160 акров земли. Однако один молодой человек написал анонимное письмо в кембриджскую газету «Кроникл»: «У меня нет и мысли о том, чтобы к вам «присоединиться» или вообще каким-либо способом содействовать несправедливой войне, которая развязана против Мексики. Нет у меня желания участвовать в «славной» резне женщин и детей, подобной той, что произошла во время захвата Монтерея и в других местах. Нет у меня и какого-либо желания подчиняться диктату какого-нибудь унтера-тирана, каждый каприз которого пришлось бы безоговорочно выполнять. Нет, сээээр!

Пока я способен работать, или просить милостыню, или жить в ночлежке, я не отправлюсь в Мексику и не буду спать там на сырой земле полуголодным, полумертвым, ужаленным москитами и сороконожками, укушенным скорпионами и тарантулами. За 8 долл. в месяц и гнилой рацион я не стану маршировать, проходить строевую подготовку, подвергаться избиениям и служить пушечным мясом. Не стану.

...Мясорубка достигла своего пика... И быстро приближается время, когда профессионального солдата поставят на одну планку с бандитом, бедуином и головорезом».

Росло количество сообщений о тех, кого заставили стать добровольцем, завербовали насильственно. Некто Джеймс Миллер из Норфолка (Виргиния) возмущался тем, что его

⁸¹ Калед Кашинг (1800–1879) – адвокат, конгрессмен, дипломат, генеральный прокурор США (1853–1857). В 1847 г. на собственные средства собрал полк волонтеров для участия в войне с Мексикой.

убедили «под влиянием необычайного количества горячительных напитков» подписать бумаги о поступлении на военную службу. «На следующее утро меня затащили на корабль, прибывший в Форт Монро, и заперли на 16 дней» в домике для охраны.

Для формирования волонтерских частей в ход шли нелепые обещания и неприкрытая ложь. Автор истории волонтерских частей штата Нью-Йорк писал: «Если считается жестоким насильно вытаскивать из домов чернокожих, то насколько более жестоко выманивать оттуда фальшивыми соблазнами белых людей, принуждая их бросить жен и детей, оставив без цента в кармане и какой-либо защиты, в самое холодное время года, чтобы отправить на верную смерть в чужом и болезнетворном климате!.. Многие записались в армию ради своих семей, поскольку у них не было работы, а им предложили «трехмесячный аванс» и обещали, что часть оплаты они смогут оставлять своим семьям... Я открыто заявляю, что целый полк был собран путем обмана – обмана солдат, города Нью-Йорка и правительства Соединенных Штатов».

К концу 1846 г. численность рекрутов стала падать, поэтому были снижены требования к их физическому состоянию, а каждый, кто приводил подходящих людей, получал по 2 долл. за человека. Но даже это не срабатывало. В начале 1847 г. Конгресс США разрешил сформировать десять новых полков регулярной армии для службы в течение всей войны, пообещав после увольнения в запас каждому солдату по 100 акров из фонда государственных земель. Но недовольство сохранялось. Волонтеры жаловались на то, что к солдатам регулярной армии относятся иначе. Рекруты были недовольны офицерами, которые обращались с ними как с людьми второго сорта.

Вскоре реалии военной поры затмили славу и обещания. Пятитысячная мексиканская армия под командованием генерала Аристы противостояла трехтысячной армии Тейлора на Рио-Гранде, у города Матаморос, и когда полетели снаряды, артиллерист Сэмюэл Френч увидел первую смерть в бою. Вот как Дж. Уимс описывает это: «Так случилось, что он [Френч] глядел на находившегося поблизости всадника, когда увидел, как выстрелом оторвало луку седла, пробило тело этого человека, и с другой стороны хлынула багровая кровь. Куски костей или металла вонзились в бедро лошади, разорвали губу и язык, выбили зубы второй лошади и сломали челюсть третьей».

Лейтенант Грант из 4-го полка «видел, как ядро влетело в строй, вырвало из рук одного солдата ружье, другому оторвало голову, а затем рассекло лицо знакомого капитана». Когда сражение закончилось, потери мексиканцев убитыми и ранеными составили 500 человек. С американской стороны было около 50 убитых. Вот как Уимс рассказывает о последствиях битвы: «Покров ночи скрыл уставших людей, от изнеможения улегшихся спать прямо в растоптанной траве прерии, пока вокруг них другие обессиленные люди из обеих армий кричали и стонали, агонизируя от ран. При мрачном свете факелов «пилу хирурга ожидала долгая ночь»».

Вдали от поля битвы, в армейских лагерях, романтика вербовочных плакатов быстро забывалась. Еще до начала войны, летом 1845 г., молодой офицер-артиллерист писал о людях, расквартированных в Корпус-Кристи:

«Нашей неприятной задачей... стало ссылаться на болезни, страдания и смерти, являвшиеся следствием преступной халатности. Две трети палаток, которые получила армия для полевых условий, были потрепанными и прогнившими... и это при том, что они предназначены для использования в стране, которая фактически затоплена три месяца в году... В течение всего ноября и декабря либо как из ведра лили дожди, либо неистовые северные ветры набрасывались на хрупкие шесты палаток и раздирали прогнившие холсты. В течение дней и целых недель каждый предмет в сотнях палаток оставался вымокшим насквозь. На протяжении этих жутких месяцев страдания больных, скопившихся в госпитальных палатках,

были столь ужасны, что это трудно себе представить.».

Войдя в Новый Орлеан, 2-й стрелковый полк штата Миссисипи подвергся испытанию холодом и болезнями. Полковой врач рапортовал: «Спустя полгода после того, как наш полк был сформирован, мы потеряли 167 человек, которые скончались, а 134 были демобилизованы». Остатки полка поместили в транспорты – 800 человек на три корабля. Доктор продолжал свой рассказ: «Над нами все еще висело мрачное облако болезни. Трюмы судов... вскоре оказались переполнены больными. Испарения были невыносимы... На море началась непогода... Долгими ночами больного бросало из стороны в сторону на раскачивающемся корабле, а его тело ударялось об острые углы койки. Дикие крики бредящих, стенания больных и унылые стоны умирающих составляли постоянное смешение звуков... Четыре недели мы находились в заключении на этих тошнотворных судах, и перед тем, как мы прибыли к реке Бразос, мы предали темным волнам тела 28 наших людей».

В это время сухопутными маршрутами и морем американские силы передислоцировались в Калифорнию. После продолжительного морского путешествия вокруг южной оконечности Южной Америки на север, к калифорнийскому побережью в районе Монтерея, молодой морской офицер записал в своем дневнике:

«Азия... будет у самых наших ворот. Население бросится в плодородные районы Калифорнии. Получат развитие... ресурсы всей страны... Государственные земли, лежащие на маршрутах [железных дорог], превратятся из пустынь в сады, где поселится много людей».

В Калифорнии шла другая война: американцы нападали на испанские поселения, воровали лошадей и провозгласили отделение Калифорнии от Мексики путем создания «Республики Медвежьего флага»⁸². Там жили и индейцы; морской офицер Ривир собрал туземных вождей и обратился к ним. По его собственным воспоминаниям, вот что он сказал:

«Я созвал вас, чтобы побеседовать. Край, который вы населяете, более не принадлежит Мексике. Им завладело могущественное государство, территория которого простирается от берегов великого океана, который все вы видели или о котором слышали, до берегов другого великого океана, находящегося в тысячах миль отсюда, у восходящего солнца.

...Я офицер этой великой страны. Чтобы добраться сюда, я пересек оба этих великих океана на военном корабле, который с ужасным грохотом выстреливает пламенем и изрыгает разрушительные снаряды, неся смерть всем нашим врагам. Наши армии находятся теперь в Мексике и вскоре завоюют всю страну. Но вам нечего бояться, если вы будете делать то, что нужно... если вы будете верны своим новым правителям... Мы пришли, чтобы подготовить этот великолепный край для использования другими людьми, ибо мировому населению требуется больше пространства, а здесь есть место для многих миллионов, которые в будущем поселятся на земле и будут ее возделывать. Но, приняв других, мы не будем изгонять вас, если вы поведете себя правильно... Вы легко обучаетесь, но праздны. Я надеюсь, что вы измените свои привычки, станете предприимчивыми и бережливыми, откажетесь от низких пороков, которые у вас есть сейчас. Но если вы будете ленивы и распутны, то вскоре исчезнете с лица

---

⁸² Республика Медвежьего флага существовала в 1846 г. Группа трапперов и торговцев, живших в долине реки Сакраменто, восстала против мексиканских властей. Вдохновленная слухами о приближающейся войне с Мексикой и присутствием в районе американской правительственной экспедиции капитана Дж. Ч. Фримонта, небольшая группа поселенцев захватила в июне 1846 г. городок Сонома. Событие вошло в историю как «Восстание Медвежьего флага». Вскоре после этого поселенцы провозгласили создание новой республики, на флаге которой были изображены медведь гризли и звезда. Фримонт стал ее президентом и в июле повел своих сторонников к Монтерею, но город уже был захвачен военно-морскими силами США. Республика прекратила свое существование, а вся Верхняя Калифорния официально была передана Соединенным Штатам по договору Гуадалупе – Идальго 1848 г.

земли. Мы будем охранять ваш покой и дадим истинную свободу, однако остерегайтесь бунта, беззакония и всяких прочих преступлений, ибо армия, которая защищает, сможет столь же уверенно наказывать и найдет вас в самых потаенных убежищах».

Генерал С. Кирни без труда вошел в Новую Мексику, ее столица Санта-Фе была взята без боя. Вот как американский штабной офицер описывал реакцию мексиканского населения на вступление армии США в Санта-Фе:

«Наш марш в город... был крайне воинственным, с саблями наголо и разгневанными взглядами. Из-за углов нас разглядывали мужчины с угрюмыми и потупленными взорами, которые смотрели на нас с осторожностью, если не сказать с ужасом. Через зарешеченные окна на нашу колонну всадников взирали черные глаза – некоторые светились от радости, другие были полны слез... Когда подняли американский флаг, а пушка отозвалась с холма торжественным салютом, многие женщины не смогли более сдерживать волнение... и скорбный плач из глубины мрачных строений со всех сторон стал слышен лучше шума копыт наших коней и достиг наших ушей».

Это происходило в августе. В декабре жители города Таоса (Новая Мексика) восстали против американских властей. Как говорилось в отчете, отправленном в Вашингтон, «в бунте участвовали многие наиболее влиятельные лица северной части этой территории». Выступление было подавлено, аресты произведены. Но многим восставшим удалось бежать, они стали периодически нападать, убивая американцев, а затем скрывались в горах. Армия США преследовала бунтовщиков, и в конце концов в ходе отчаянного сражения, в котором участвовали 600–700 восставших, 150 человек было убито, а восстание окончательно подавлено.

В Лос-Анджелесе тоже произошел мятеж. В сентябре 1846 г. мексиканцы вынудили американский гарнизон города капитулировать. Соединенным Штатам не удавалось восстановить контроль над Лос-Анджелесом вплоть до января, когда для этого потребовался кровопролитный бой.

Генерал Тейлор форсировал Рио-Гранде, занял Матаморос и начал двигаться по Мексике в южном направлении. Однако на мексиканской территории его волонтеры стали еще более неуправляемыми. Деревни подвергались разграблению мародерами. Летом 1846 г. один из офицеров писал в своем дневнике: «Мы достигли Бурриты около 5 часов вечера, когда многие из луизианских волонтеров были уже там, представляя собой разнузданный пьяный сброд. Они изгнали местных жителей, захватили их дома и соревновались между собой в зверствах». Множились случаи изнасилований.

Пока солдаты шли вверх по Рио-Гранде на Камарго, жара становилась невыносимой, вода – грязной; на армию обрушились болезни – диарея, дизентерия и другие напасти, что привело к гибели 1 тыс. человек. Поначалу мертвецов хоронили под звуки «Похоронного марша», исполнявшегося военным оркестром. Потом, когда количество умерших стало слишком велико, официальные военные похороны решили не проводить.

Двигаясь на юг, армия достигла Монтеррея⁸³, – другая битва, в которой люди и кони гибли в агонии, а земля, по словам одного из офицеров, была «скользкой... от пены и крови».

После того как армия Тейлора взяла Монтеррей, генерал докладывал о «некоторых позорных зверствах» со стороны техасских рейнджеров⁸⁴, и ему пришлось отправить их по

⁸³ Речь идет о столице мексиканского штата Нуэво-Леон Монтеррее, захваченном армией Тейлора после боев 22–24 сентября 1846 г.

⁸⁴ Первоначально подразделения легкой кавалерии, сформированные в Техасе в 20-х гг. XIX в. для отражения

домам по истечении срока службы. Но остальные продолжали грабить и убивать мексиканцев. Группа военных из кентуккийского полка ворвалась в дом, хозяином которого был местный житель, и, выбросив на улицу мужа, совершила насилие над женой. Мексиканские партизаны ответили жестокой местью.

По мере продвижения армий Соединенных Штатов участились сражения, возрастали людские потери с обеих сторон, еще больше солдат было ранено, страдало от болезней. В одном бою к северу от Чиуауа, по данным американцев, мексиканцы потеряли 300 человек убитыми и 500 ранеными при минимальных жертвах со стороны войск США: «Врачи сейчас заняты оказанием помощи раненым мексиканцам, и стоит увидеть ту груды, которая образовалась из ампутированных ног и рук».

Капитан-артиллерист Джон Винтон писал своей матери о морском вояже в Веракрус: «Погода стоит прекрасная, наши войска находятся в добром здравии и приподнятом духе, и все благоприятствует успеху. Я только боюсь, что мексиканцы откажутся встретиться с нами в сражении, – получение всего без боя после столь крупных и дорогостоящих приготовлений... не даст нашим офицерам шансов на подвиги и почести».

При осаде Веракруса Винтон погиб. Обстрел города американцами превратился в беспорядочное уничтожение гражданского населения. Один из снарядов, выпущенных военными моряками, попал в здание почты, другие взрывались по всему городу. Мексиканский наблюдатель писал: «От обстрела пострадал хирургический госпиталь, расположенный в монастыре Санто-Доминго, несколько больных погибли от осколков разрывавшихся там снарядов. Во время операции одного из раненых от взрыва погасли огни, и, когда включили запасной свет, пациента нашли разорванным в клочья, а рядом лежало много убитых и раненых».

За два дня на город упало 1,3 тыс. ядер, после чего гарнизон капитулировал. Репортер новоорлеанской газеты «Делта» сообщал: «Мексиканцы по-разному оценивают свои жертвы – от 500 до 1000 убитыми и ранеными, однако все согласны в том, что потери среди солдат относительно малы, тогда как среди женщин и детей они крайне велики».

Полковник Хичкок, попавший в город, писал: «Я никогда не забуду страшного огня наших мортир... их ужасающей точности и смертоносных разрывов, часто посреди частных строений, – это было просто жутко. Я содрогаюсь от мыслей об этом». Однако полковник, будучи исполненным сознания долга солдатом, подготовил для генерала Скотта «нечто вроде обращения к мексиканскому народу», которое было в десятках тысяч экземпляров отпечатано на английском и испанском языках. В нем говорилось: «...у нас нет и тени враждебности по отношению к вам – мы относимся к вам со всей корректностью и на самом деле не являемся вашими врагами; мы не грабим вас, не оскорбляем ваших женщин и вашу религию... мы здесь с единственной прозаической целью – в надежде обрести мир».

Так считал солдат Хичкок. А вот что думает историк Дж. Уимс: «Если Хичкок, давно известный как антивоенно настроенный философ, хотел таким образом подпасть под определение, данное Генри Дэвидом Торо («небольшие разборные форты и склады на службе беспринципного властителя»), то стоит помнить, что прежде всего Хичкок был солдатом, и притом хорошим солдатом, что признавали даже его начальники, с которыми он боролся».

Это была война элит США и Мексики, где каждая из сторон шантажировала, использовала, уничтожала население как своей собственной страны, так и граждан другого

нападений индейцев. После аннексии Техаса рейнджеры приобрели статус добровольной милиции на федеральной службе. С 70-х годов XIX в. занимаются охраной правопорядка в штате Техас; в реорганизованном виде существуют до сих пор.

государства. Мексиканский командующий Санта-Анна подавлял мятеж за мятежом; его войска, одержав очередную победу, так же насильствовали и мародерствовали. Когда полковник Хичкок и генерал У. Скотт вошли на территорию имения Сан-та-Анны, они обнаружили на стенах в доме множество великолепных картин. При этом половина солдат его армии была убита или ранена.

Генерал Уинфилд Скотт с 10 тыс. солдат приближался к последней битве – сражению за Мехико. Они не рвались в бой. В трех днях пути от Мехико, у Халапы, семь из его десяти полков разбежались, так как истек срок службы. Дж. Смит пишет:

Задержаться в Халапе было вполне приемлемым решением... но солдаты уже получили представление о том, что на самом деле означает военная кампания. Им не платили жалованье и не организовали снабжение. Они столкнулись с тягостями и лишениями, которых не могли учесть, записываясь на службу. Болезни, битвы, смерти, изнурительный труд и вызывавшие ужас марши стали реальностью... Несмотря на сильное желание увидеть Залы Монтесумы, из примерно 3,7 тыс. человек осталось лишь столько солдат, чтобы собрать из них одну роту, и даже особые посулы генерала с целью сохранить численный состав оказались совершенно бесполезными.

В предместье Мехико Чурубуско мексиканская и американская армии вступили в бой, продолжавшийся три часа. Вот как описывает его Уимс:

«Теперь эти поля в окрестностях Чурубуско были покрыты тысячами трупов, а также искромсанными тушами лошадей и мулов, перегораживавшими дороги и заполнявшими обочины. Там лежали 4 тыс. мертвых или раненых мексиканцев; еще 3 тыс. были захвачены в плен (в том числе 69 дезертиров из армии США, которых пришлось защищать от самосуда их бывших товарищей силами офицеров Скотта)... Потери американцев составили почти 1 тыс. человек убитыми, ранеными или пропавшими без вести».

Как часто бывает во время войны, многие сражения оказались бессмысленными. После одного из таких столкновений у Мехико, результатом которого стали многочисленные жертвы, лейтенант морской пехоты выдвинул против генерала Скотта обвинение: «Он по ошибке начал бой, вел его с неравными силами и по несуществующему поводу».

Во время последней битвы за Мехико американские войска взяли высоту Чапультепек и вошли в город с населением 200 тыс. человек, вынудив генерала Санта-Анну отступить на север. Стоял сентябрь 1847 г. Мексиканский торговец так сообщал своему другу о бомбардировке города: «В некоторых случаях были разрушены целые кварталы, огромное количество мужчин, женщин и детей погибло или получило ранения».

Санта-Анна ретировался в Уамантлу, где произошло еще одно сражение, и ему вновь пришлось бежать. Лейтенант-пехотинец писал своим родителям о том, что случилось после того, как в бою погиб офицер Уокер:

«Генерал Лейн... приказал нам «отомстить за смерть доблестного Уокера... забрать все, что удастся унести». Этот приказ был исполнен хорошо и с должным рвением. Сначала взломали винные погреба, а затем, ошалев от спиртного, совершили все возможные преступления. Со старух и девушек срывали одежду, многие из них пострадали и более серьезно. Десятки мужчин были убиты... их имущество, церкви, лавки и жилища подверглись разграблению... Кругом лежало много мертвых коней и людей, а в это время пьяные солдаты с криками и визгом врывались в жилища или гонялись за несчастными мексиканцами, бросившими свои дома и пытавшимися спастись бегством. Я надеюсь, что мне более не суждено видеть такое. Эти события дают почву для прискорбных мыслей о человеческой природе... и мне впервые было стыдно за свою страну.

Вот какой вывод редакторы книги «Хроники гринго»⁸⁵ делают об отношении американских солдат к войне: «Хотя они пошли воевать добровольцами и, безусловно, огромное большинство их выполнило свои обязательства, с честью выдержав трудности и сражения, и вело себя настолько хорошо, насколько это могут делать находящиеся на вражеской территории солдаты, однако им не нравились армия и война, и, вообще-то говоря, не нравились Мексика и мексиканцы. Речь идет о большинстве, которому претила эта работа, которое возмущалось дисциплиной и кастовой системой армии и желало поскорее выбраться и вернуться домой».

Пенсильванский волонтер из числа расквартированных в Матаморосе в конце войны отмечал: «У нас здесь очень жесткая дисциплина. Некоторые из наших офицеров весьма хорошие люди, но большинство очень властны и слишком жестоко относятся к солдатам... Сегодня вечером во время строевой подготовки один офицер саблей раскроил череп рядовому... Но скоро ведь может настать время, когда офицеры и рядовые будут на равных... Жизнь солдата крайне отвратительна».

В ночь на 15 августа 1847 г. находившиеся в северной части Мексики волонтерские полки из Виргинии, Миссисипи и Северной Каролины взбунтовались против полковника Роберта Трита Пейна. Этот командир убил одного из бунтовщиков, но двое лейтенантов отказались помочь в подавлении мятежа. В конце концов бунтовщиков пришлось освободить от ответственности, чтобы сохранить спокойствие.

Число дезертиров росло. В марте 1847 г., военные докладывали, что бежало свыше 1 тыс. человек. Общее количество беглецов за время войны составило 9207 человек: из них 5331 – солдаты регулярной армии и 3876 – волонтеры. Теми, кто оставался в войсках, управлять становилось все труднее и труднее. Генерал Кашинг назвал 65 таких солдат 1-го Массачусетского пехотного полка «закоренелыми мятежниками, не способными подчиняться дисциплине».

Слава победы досталась президенту и генералам, а не дезертирам, не тем, что погиб или был ранен. Во 2-м стрелковом полку штата Миссисипи 167 человек умерли от болезней. Два пенсильванских полка начали войну с численностью 1,8 тыс. человек, из которых лишь 600 вернулись домой. Джон Кэлхун из Южной Каролины, выступая в Конгрессе США, сказал, что армия потеряла убитыми и погибшими от болезней пятую часть личного состава. Массачусетский волонтерский полк отправился воевать, имея в своих рядах 630 человек. По возвращении домой не достигались 300 добровольцев, погибших большей частью от болезней, а их командир генерал Кашинг, выступавший на торжественном ужине по случаю возвращения, был освистан своими подчиненными. Кембриджская газета «Кроникл» писала: «Каждый день с уст добровольцев слетают самые серьезные обвинения в адрес всех и каждого из этих военных чиновников».

Как только ветераны возвращались с фронта, их быстро находили спекулянты, желавшие купить земельные ордера, которые раздавало правительство. Многие отчаянно нуждавшиеся в деньгах солдаты продали свои 160 акров менее чем за 50 долл. В июне 1847 г. нью-йоркская газета «Коммершл адвертайзер» отмечала: «Общеизвестен тот факт, что на неимущих солдатах, проливавших свою кровь во время [Американской] революции, сколотили огромные состояния земельные спекулянты, как стервятники, воспользовавшиеся их бедственным положением. Похожая система ограбления применена и к солдатам минувшей войны».

---

⁸⁵ Гринго (gringo) – производное от griego – «греческий». Первоначально прозвище всех иностранцев в некоторых испаноязычных странах. После войны США с Мексикой превратилось в презрительную кличку североамериканцев в странах Латинской Америки.

Мексика капитулировала. Среди американцев раздавались призывы захватить всю страну, ведь по договору Гуадалупе-Идальго, подписанному в феврале 1848 г., США полагалась лишь половина ее территории, Граница Техаса была установлена по Рио-Гранде, к Соединенным Штатам отошли Новая Мексика и Калифорния. США выплатили Мексике 15 млн. долл., что привело газету «Виг интеллидженсер» к выводу о том, что «слава Богу, мы не захватчики!».

Рабство без послушания, освобождение без свободы

Поддержка системы рабовладения американским правительством основывалась исключительно на всепоглощающем практицизме. В 1790 г. на Юге производилось 1 тыс. тонн хлопка в год. К 1860 г. – уже 1 млн. тонн. За тот же период количество рабов возросло с 500 тыс. до 4 млн. Рабовладельческая система, измотанная восстаниями невольников и заговорами, такими, как заговоры Габриэла Проссера (1800), Денмарка Вези (1822), восстание под руководством Ната Тернера (1831), разработала в южных штатах методы контроля, опирающиеся на законы, суды, вооруженные силы и расовые предрассудки политических лидеров нации.

Чтобы разрушить столь глубоко укоренившуюся систему, потребовались бы либо всеобщее восстание рабов, либо полномасштабная война. Первое могло выйти из-под контроля, а гнев – обратиться не только против института рабства, но и против самой успешной в мире системы капиталистического обогащения. Если бы разразилась война, то те, кто ее развязал, должны были бы устранять ее последствия. Поэтому именно рабов освободил Авраам Линкольн, а не Джон Браун. В 1859 г. последний был повешен (при участии федеральных властей) за то, что путем небольшого насилия попытался добиться того, что всего через несколько лет совершил Линкольн при более крупномасштабном насилии, – положить конец рабству.

При его отмене по приказу правительства, которое действительно подталкивали к этому свободные чернокожие жители и рабы, а также белые аболиционисты, ликвидация данного института могла быть организована таким образом, чтобы ограничить освобождение определенными рамками. Свобода, даруемая сверху, может простирается лишь настолько, насколько это позволяют интересы господствующих групп.

И если на волнах войны и риторики крестового похода свобода расширяет свои границы, то потом ее можно вернуть в безопасные рамки. В результате, хотя отмена рабства и привела к реконструкции национальной политики и экономики, она была не радикальной, а осторожной и, на деле, выгодной.

Плантационная система, основанная на выращивании табака в Виргинии, Северной Каролине, а также в Кентукки и риса в Южной Каролине, распространилась на новые плодородные земли, пригодные для возделывания хлопка, в Джорджии, Алабаме и Миссисипи и потребовала новых рабов. Однако ввоз в страну невольников был запрещен в 1808 г. Но, как пишет Дж. Х. Франклин в своей книге «От рабства к свободе», «с самого первого дня этот закон не исполнялся». «Огромное неохраняемое побережье, существование рынка сбыта и перспективы баснословных прибылей не давали американским торговцам покоя, и они поддавались искушению». По оценкам Франклина, примерно 250 тыс. рабов были нелегально ввезены в страну до начала Гражданской войны.

Можно ли описать, что такое рабство? Наверное, трудно это представить тому, кто не испытал его сам. В изданном в 1932 г. учебнике-бестселлере два либеральных историка с Севера рассматривают данный институт как «необходимость [для негров] при переходе к цивилизованному образу жизни». Экономисты или клиометристы (историки, изучающие

статистику) пытались дать оценку рабству, рассчитав, сколько денег было потрачено на питание и оказание медицинской помощи невольникам. Но говорит ли это о том, чем являлось на самом деле рабство для человека, который жил в нем? Являлись ли условия пребывания в рабстве таким же важным фактором, как само существование этого института?

Бывший раб Джон Литтл писал: «Говорят, что рабы были счастливы, поскольку они смеялись и веселились. Я и еще трое или четверо невольников однажды получили по 200 плетей, а наши ноги заковали в кандалы; тем не менее ночью мы пели песни и танцевали и заставляли других смеяться над тем, как звенят наши оковы. Вот уж какие мы были счастливы! Мы делали это, чтобы заглушить наше несчастье и чтобы не дать нашим сердцам разорваться от горя: и это такая же правда, как и слова проповеди! Посудите сами – могли ли мы были быть тогда очень счастливы? И тем не менее я сам делал это – дурачился и выкидывал коленца, находясь в цепях».

В списке умерших, который вели в журнале на плантации (сейчас он находится в архивах Университета Северной Каролины), обозначены возраст и причина смерти тех, кто скончался с 1850 по 1855 г. Из 32 человек, которые умерли в этот период, только четверо дожили до 60 лет, еще четверо – до 50, семь человек умерли после 40, семь скончались в 20–30-летнем возрасте, и девять – до того, как им исполнилось 5 лет.

А может ли статистика зафиксировать, что значило для семей разделение, когда хозяин ради получения прибыли продавал мужа или жену, сына или дочь? В 1858 г. раб по имени Абрам Скривен был продан своим господином. Он писал жене: «Передай отцу и матери, что я люблю их и что я прощаюсь с ними, и если в этой жизни нам больше не суждено увидеть друг друга, то я надеюсь, что мы встретимся на небесах».

В одной из недавно вышедших книг, посвященных рабству (Р. Фогел и С. Энгерман «Время на кресте»), говорится о порках в 1840–1842 гг. на луизианской плантации Бэрроу, где находилось около 200 рабов: «Записи свидетельствуют о том, что за два года к наказанию плетью прибегали 160 раз, в среднем на одного работника в год приходилось по 0,7 порки. Около половины работников за весь период ни разу не подвергались этому наказанию». Но кто-то может сказать: «Половину рабов пороли».

И это уже совсем другой разговор. Цифра (0,7 порки на невольника в год) показывает, что это наказание редко применялось к любому индивидууму. Но если взглянуть иначе, то получится, что некоторых рабов пороли каждые четыре-пять дней.

По описаниям его биографа, Бэрроу как плантатор был не хуже и не лучше остальных. Он тратил деньги на одежду для рабов, позволял не работать в праздники, построил зал для танцев. И он же воздвиг тюрьму и «постоянно придумывал хитроумные наказания, ибо понимал, что неуверенность в будущем – важное подспорье, для того чтобы держать невольников в узде».

Порки, другие наказания служили средствами укрепления трудовой дисциплины. И тем не менее Г. Гатман в своем труде «Рабство и игра в цифры», критически разбирая статистические данные Р. Фогела и С. Энгермана, обнаружил, что «в 1840–1841 гг. четверо из пяти сборщиков хлопка оказывались вовлечены в один или более актов нарушения порядка».

...В составе группы несколько больший процент женщин, чем мужчин, совершали нарушения 7 или более раз». Таким образом Гатман опровергает утверждения Фогела и Энгермана о том, что невольники на плантации Бэрроу стали «преданными, трудолюбивыми и ответственными рабами, для которых собственное благополучие и благополучие хозяев были неразделимы».

Восстания рабов в Соединенных Штатах были не так часты и не так масштабны, как на островах Карибского моря или в Южной Америке. Крупнейшее выступление, очевидно, произошло в стране в 1811 г. в окрестностях Нового Орлеана. От 400 до 500 рабов

объединились после бунта на плантации майора Эндри. Вооруженные мачете, топорами и дубинками восставшие ранили хозяина, убили его сына и двинулись от плантации к плантации. Число мятежников все возрастало. Армия США и отряды местной милиции атаковали их; в итоге 66 человек были убиты на месте, 16 – осуждены, а затем расстреляны.

Заговор под руководством свободного негра Денмарка Вези был раскрыт в 1822 г. до того, как его удалось реализовать. Согласно плану, шестой по величине город в стране – Чарлстон (Южная Каролина), должен был дать толчок к восстанию рабов в этом регионе. По словам некоторых свидетелей, тысячи чернокожих были в той или иной степени вовлечены в заговор. По оценкам Г. Аптекера, они заготовили около 250 наконечников копий и штыков и более 300 кинжалов. Но план был раскрыт, и 35 негров, включая Д. Вези, повешены. Опубликованную в Чарлстоне стенограмму заседания суда было приказано уничтожить вскоре после ее выхода в свет как слишком опасную для того, чтобы ее могли увидеть рабы.

Восстание под предводительством Ната Тернера в графстве Саутгемптон (Виргиния), разгоревшееся летом 1831 г., повергло рабовладельческий Юг в панику и заставило предпринять решительные действия, чтобы укрепить безопасность системы рабства. Тернер, утверждавший, что ему являются религиозные видения, собрал вокруг себя около 70 невольников, с которыми совершал яростные набеги на многочисленные плантации и убил по крайней мере 55 мужчин, женщин и детей. Число восставших росло, но все они были взяты в плен, когда кончились боеприпасы. Тернер и примерно 18 его сторонников были повешены.

Задержали ли эти выступления освобождение, которого в тот момент требовали некоторые умеренные аболиционисты? Ответ дан сторонником рабства Джеймсом Хэммондом в 1845 г.: «Если ваша точка зрения полностью отличается от нашей – даже если нектар сочится с ваших губ и ваши слова звучат как прекрасная музыка, – то каким образом, по-вашему, вы можете убедить нас отказаться от миллиардов долларов, которые составляют стоимость наших рабов, и еще от миллиардов долларов за обесценение наших земель?..»

Рабовладелец понимал это и готовился. Г. Трейгл, автор книги «Саутгемптонское восстание рабов 1831 г.», пишет: «В 1831 г. Виргиния представляла собой вооруженный до зубов гарнизон... Притом что население штата составляло 1 211 405 человек, она была способна выставить отряды милиции численностью 101 488 человек, включая кавалерию, артиллерию, гренадеров, стрелков и легкую пехоту! Несомненно, в некотором отношении это была «бумажная армия», и полки графств не имели полного вооружения и экипировки, но все равно сам этот факт является удивительным свидетельством состояния общественного сознания того времени в этом штате. В тот период, когда ни один штат, ни нация в целом не испытывали никакой внешней угрозы, мы видим, что Виргиния ощущала необходимость в содержании силы безопасности численностью около 10 % всего населения штата: черных и белых, мужчин и женщин, рабов и свободных!»

Восстания, хотя и редкие, были источником постоянного страха для рабовладельцев. Автор классического труда «Рабство американских негров» южанин У. Филлипс писал: «Огромное число южан во все времена придерживались твердого убеждения в том, что негритянское население настолько покорно, столь мало сплочено между собой и в основном настолько дружелюбно расположено по отношению к белым и столь удовлетворено своей жизнью, что сколько-нибудь серьезные восстания черных исключены».

Но в целом было гораздо больше беспокойства, чем о том сообщают историки...

Ю. Дженовезе в своем масштабном исследовании рабства «Беги, Джордан, беги» обнаруживает упоминания об «одновременном приспособлении и сопротивлении рабству». Последнее выражалось в кражах имущества, саботаже и затягивании работ, убийствах надсмотрщиков и хозяев, поджогах зданий на плантациях и в бегстве. Даже от приспособления

«веляло угрозой и замаскированной подрывной деятельностью». Большая часть акций сопротивления, как подчеркивает Дженовезе, не достигали до организованного восстания, но их значение для хозяев и рабов было огромно.

Побеги по сравнению с вооруженными выступлениями были делом более реальным. В 50-х гг. XIX в. 1 тыс. рабов ежегодно бежали на Север страны, а также в Канаду и Мексику. Тысячи сбегали на некоторое время. И все это происходило, несмотря на ужасы, ожидавшие беглецов. По их следу пускали собак, которые «кусали, рвали, калечили и, если животных не оттаскивали вовремя, убивали свою жертву», – пишет Дженовезе.

Гарриет Табмен⁸⁶, рожденная в рабстве, получившая травму головы от надсмотрщика в возрасте 15 лет и в одиночку вырвавшаяся в молодости на свободу, впоследствии стала самым знаменитым проводником «Подземной железной дороги»⁸⁷. Она совершила 19 опасных рейсов туда и обратно, часто меняя внешность, и вывезла на свободу более 300 рабов. Всегда носившая при себе пистолет, Табмен говорила беглецам: «Вы будете свободными – или умрете». Свою философию она выразила так: «Есть две вещи, на которые я имею право, – свобода или смерть, и если я не получу одну из них, то мне достанется вторая; но живой я не сдамся».

Надсмотрщик сказал посетителю плантации, что «некоторые негры устроены так, что никогда не позволят белому человеку выпороть их и будут сопротивляться, если вы попытаетесь это сделать. Разумеется, в таком случае вам придется их убить».

Одной из форм сопротивления было уклонение от изнурительного труда. Об этом писал У. Дюбуа в своей работе «Душа черного народа»: «Подобно тропическому плоду, чувствительному к восприятию красоты окружающего мира, он [негритянский народ] не столь легко превратился в механическую ломовую лошадь, как это произошло с рабочими на севере Европы. Он... был склонен к такой работе, при которой результаты труда доставляли ему удовольствие, и он отказывался работать либо думал о том, что следует отказаться, когда духовная отдача от труда казалась ему неадекватной. Таким образом, его легко было обвинить в лени и относиться к нему как к рабу, хотя на самом-то деле [этот народ] приносил в современный физический труд обновленные жизненные ценности».

У. Филлипс описывал «прогулы», «побеги», «отпуска на рабочем месте» и «упорные попытки бегства из рабства». Он также сообщал о коллективных действиях: «Время от времени, однако, рабы отказывались от работы целыми группами в знак протеста против жестокости. Такого рода эпизод упоминается в письме надсмотрщика из Джорджии своему отсутствующему нанимателю: «Сэр, я пишу Вам несколько строк, с тем чтобы сообщить, что шестеро Ваших рабов покинули плантацию – все, кроме Джека. Мне не понравилось, как они работают, и я дал некоторым из них по несколько плетей, в том числе и Тому. Утром в среду они исчезли».

Случаи, когда белые бедняки помогали рабам, встречались нечасто, но их было достаточно, для того чтобы продемонстрировать необходимость сраживания одной группы с другой. Ю. Дженовезе пишет: «Рабовладельцы... подозревали тех, у кого не было невольников,

⁸⁶ Гарриет Табмен (наст. имя и фамилия Араминта Росс; 1820?–1913) – аболиционистка, беглая рабыня. В 1850 г. бежала на Север. В годы Гражданской войны была медсестрой и разведчицей в Армии Союза; при этом вплоть до 1897 г. ей отказывали в выплате ветеранской пенсии. В 1908 г. открыв дом престарелых для чернокожих. Похоронена с воинскими почестями.

⁸⁷ «Подземной железной дорогой» называли тайную систему организации побегов рабов из южных штатов на Север и в Канаду в период, предшествовавший Гражданской войне. Была создана освободившимися рабами при поддержке белых аболиционистов. В 1830–1861 гг. с ее помощью на свободе оказались, по разным оценкам, от 50 до 100 тыс. рабов.

в том что они подстрекают рабов к неповиновению и даже к восстанию не столько из чувства симпатии к чернокожим, сколько из ненависти к богатым плантаторам и из чувства ущербности в связи со своей собственной бедностью. Белые иногда были вовлечены в повстанческие заговоры рабов, и каждый такой случай разжигал новые страхи».

Это помогает объяснить жестокость полицейских мер, направленных против белых, по-братски относившихся к чернокожим.

Г. Аптекер цитирует отчет губернатора Виргинии по поводу заговора рабов в 1802 г.: «Я только что получил информацию о том, что трое белых имеют отношение к заговору: у них под домами были спрятано оружие и боеприпасы, и они собирались предоставить неграм помощь, когда те выступят». Один из рабов-заговорщиков сказал, что для вовлеченных в заговоры «белых бедняков это было обычным делом».

В свою очередь черные помогали белым в случае необходимости. Чернокожий беглец рассказывал о рабыне, которая получила 50 ударов хлыстом за то, что передавала еду белой соседке – бедной и больной женщине.

Когда в Джорджии строился Брансуикский канал, чернокожих невольников и белых ирландских рабочих разделили, оправдывая это тем, что данные группы могут допустить насилие по отношению друг к другу. Возможно, так и было, однако, Фанни Кембл, известная актриса того времени и жена плантатора, писала в своем дневнике:

Но ирландцы не только скандалисты, бунтовщики, драчуны, пьяницы, с презрением относящиеся к ниггерам. Это пылкие, импульсивные, щедрые люди с горячим сердцем, подверженные вспышкам яростного возмущения, которое вырывается наружу внезапно, когда молчанием ничего не добьешься. Притом что в их легких уже находится достаточная доза американского воздуха, одобренная необходимым количеством горячительных напитков, они, хотя об этом и не говорится, на самом деле могут сочувствовать рабам, и я оставляю вас наедине с размышлениями о возможных последствиях. Я уверена, вы поймете, что ни при каких обстоятельствах им не позволялось работать вместе на строительстве Брансуикского канала. Необходимость контроля над невольниками привела к изобретению оригинального механизма: беднякам, которые сами не раз становились источником проблем на протяжении 200-летней истории Юга, платили за то, чтобы те были надсмотрщиками над неграми и таким образом служили буфером, о который разбивается ненависть чернокожих.

Для осуществления контроля использовалась и религия. Главной для многих плантаторов была «Книга записей и расчетов хлопковой плантации», в которой содержались следующие инструкции для надсмотрщиков: «Вы обнаружите, что один час, посвященный каждое воскресное утро моральному и религиозному воспитанию, принесет вам огромную пользу в деле улучшения положения негров».

Что касается чернокожих проповедников, то, как пишет Ю. Дженовезе, «они произносили речи достаточно дерзкие, для того чтобы поддерживать толпу в приподнятом состоянии духа, но отнюдь не столь зажигательные, чтобы воодушевить слушателей на те битвы, которые им не суждено выиграть, и не столь крамольные, чтобы вызывать гнев властей». Практицизм побуждал принимать решение: «Сообществам рабов, находящимся в окружении численно превышающих и обладающих военной мощью белых, следовало проявлять терпение, принять то, что нельзя изменить, упорно сохранять жизнеспособность черной общины и пребывание ее в добром здравии, т. е. рекомендовалась стратегия выживания, в которой, как и в ее африканском прототипе, главной была способность жить в этом мире».

Некогда считалось, что рабство разрушило негритянскую семью, и поэтому на положение черных непрочность этого института повлияла в большей степени пагубно, чем бедность и предрассудки. Чернокожие – лишенные семей, беспомощные, без родственных связей и

ощущения собственной индивидуальности – не могли обладать волей, достаточной для сопротивления. Но опросы бывших рабов, проведенные в 30-х гг. XX в. в ходе реализации Федерального писательского проекта для Библиотеки Конгресса (в рамках Нового курса), свидетельствуют об ином. Дж. Равик делает в работе «От заката до рассвета» такой вывод: «Сообщество рабов действовало как одна расширенная семья, в которой все взрослые заботились обо всех детях, и при этом разница между «моими детьми, за которых я отвечаю» и «твоими детьми, за которых в ответе ты» весьма невелика... Система внутрисемейных отношений, при которой старшие дети несут большую ответственность за младших, очевидно, в большей степени способствует интеграции и приносит пользу рабам, чем модель соперничества с младшими, а нередко и их неприятия, которая часто проявляется в современных нуклеарных семьях представителей среднего класса, состоящих из людей, в высокой степени являющихся индивидуалистами... На самом деле активность рабов в создании моделей семейной жизни, которые были направлены на интеграцию, делала больше, чем просто предотвращала разрушение личности... Как мы можем убедиться, семья являлась неотъемлемой частью социального процесса, результатом которого стало появление «черной гордости», самоидентификации чернокожих, их культуры, черного сообщества и бунта черных в Америке».

В старых письмах и записях, которые нашел историк Г. Гатман («Негритянская семья в рабстве и на свободе»), обнаруживается упрямое сопротивление семей рабов дезинтеграции. Одна женщина писала своему сыну, с которым была в разлуке 20 лет: «Я так хочу увидеть тебя на старости лет... Теперь, мой дорогой сынок, я молюсь о том, чтобы ты приехал повидать свою дорогую старую Маму... Я люблю тебя, Като, и ты любишь свою Мать. Ты мой единственный сын».

А муж обращался к своей жене, проданной вместе с детьми и разделенной с ним: «Пришли мне локоны детских волос, завернутые в отдельные бумажки, и напиши на бумажках их имена... Я готов был бы пережить любые невзгоды, лишь бы не оказаться в разлуке с тобой и детьми... Лора, я по-прежнему люблю тебя».

Просматривая записи о браках рабов, Гатман обнаружил, насколько широко распространенным явлением они были и насколько стабильными оказывались. Историк изучил необычайно подробные списки, хранившиеся на одной из плантаций в Южной Каролине. Он нашел свидетельства о рождении 200 рабов, которые велись с XVIII в. до Гражданской войны. Эти записи говорили о тесных родственных связях, прочных браках, необычайной верности и о сопротивлении насильственным бракам.

Рабы твердо придерживались своего уклада, своей любви к семье, цельности. Сапожник с островов Си-Айлендс в Южной Каролине выразил это по-своему: «Я потерял руку, но для моего мозга она не утрачена».

Эта внутрисемейная солидарность дошла и до XX в. Знаменитый чернокожий фермер-южанин Нейт Шоу вспоминал, как после смерти его сестры, оставившей сиротами троих детей, его отец предложил разделить заботу о них, и он ответил: «Я согласен, папа... Давай поступим с ними так: мы будем растить двух малышей – младших братьев – в твоём доме, а старшего мальчика у меня и не станем держать их отдельно друг от друга, не давая возможности видаться. Я буду приводить старшего мальчика, который остался в моём доме, к тебе к другим двоим. И ты будешь отправлять их ко мне, так чтобы они могли расти вместе и чувствовать, что они братья. Не надо разлучать их, чтобы они забыли друг о друге. Не делай этого, папа».

Подчеркивая силу духа чернокожих даже в условиях рабства, Л. Левайн в своей книге «Культура и самосознание черных» описывает богатую культуру рабов – сложное сочетание

адаптации и сопротивления – через такую форму творчества, как рассказы и песни:

Мы растим пшеницу,
Они дают нам кукурузу;
Мы печем хлеб,
Они дают нам корки;
Мы подаем им еду,
Они дают нам кости;
Мы разделяваем мясо,
Они дают нам шкурки;
Таким вот образом Они надувают нас.
Мы снимаем накипь с котла,
Они дают нам жир, на котором что-то жарилось.
И говорят, что этого достаточно для ниггера.

Это пародия. Поэт Уильям Каллен Брайант, присутствовавший в 1843 г. в Южной Каролине на лущении кукурузы, рассказывал о танцах рабов, которые превратились в подобие военного парада, в «некий тип бурлеска, пародирующего маневры нашей милиции».

Духовные песни (спиричуэлс) часто содержали скрытый подтекст. При исполнении песни «О Ханаан, милый Ханаан, я связан с землею твоею, Ханаан» нередко подразумевалось, что рабы отправятся в свой Ханаан на Север. Во время Гражданской войны невольники стали сочинять новые духовные песни со смелыми заявлениями: «Прежде чем стать рабом, я буду погребен в могиле и отправлюсь домой к моему Господу, и буду спасен». Или спиричуэл под названием «Идут многие тысячи»:

Хватит с меня, хватит с меня сборов кукурузы,
Хватит с меня, хватит с меня хлыстов погонщика...

Д. Левайн пишет о «дополнительном» сопротивлении рабов, проявлявшемся в бесчисленной череде действий в повседневной жизни и в культуре. Музыка, магия, искусство, религия – все это, по его словам, средства, с помощью которых невольники старались сохранить свою человеческую природу.

Пока рабы на Юге сопротивлялись, свободные негры на Севере (а их было около 130 тыс. в 1830 г. и 200 тыс. в 1850 г.) агитировали за отмену рабства. В 1829 г. Дэвид Уокер⁸⁸, сын раба, но рожденный свободным в Северной Каролине, переехал в Бостон, где занялся торговлей поддержанными вещами. Написанный им памфлет «Призыв Уокера» был издан и получил широкую известность. Эта публикация вызвала ярость рабовладельцев Юга. Джорджия обещала в награду 10 тыс. долл. тому, кто передаст Уокера властям штата живым, и 1 тыс. долл. любому, кто убьет его. Нетрудно понять причину этого, если прочитать текст «Призыва».

Уокер писал, что никогда в истории человечества, даже во времена пребывания израильтян в Египте, не было рабства худшего, чем невольничество чернокожих в Америке: «...покажите мне страницу религиозной или светской истории, где упоминается о том, что египтяне осыпали невыносимыми оскорблениями детей Израилевых, говоря им, что они не из

⁸⁸ Дэвид Уокер (1785–1830) журналист, один из первых сторонников насильственной отмены рабства. В 1829 г. написал брошюру «Призыв Уокера в четырех частях с преамбулой к цветным гражданам мира, но особенно и прежде всего Соединенных Штатов Америки».

рода человеческого».

Уокер в уничижительном тоне обращался к тем чернокожим, которые ассимилировались: «Я искренне хотел бы, чтобы меня поняли... я не дал бы и ломаного гроша за брак с любым из представителей белой расы, которых я встречал в жизни».

Он говорил, что черные должны сражаться за свою свободу: «Пусть наши враги продолжают свои кровавые боины, и однажды их чаша переполнится. Никогда не пытайтесь отвоевать свободу и добиться своих естественных прав у жестоких угнетателей и убийц, до тех пор пока путь не станет вам ясен, – и когда этот час настанет и вы выступите, не бойтесь или не пребывайте в замешательстве... Господь даровал нам пару глаз, пару рук и ног и разум в наших головах, столь же хороший, сколь и у них. У них столько же прав держать нас в рабстве, сколько и у нас, чтобы сделать их невольниками... Нашим страданиям наступит конец, несмотря на всех американцев по эту сторону вечности. Потом мы захотим, чтобы все те из нас, кто обладает познаниями и талантом и, возможно, еще чем-то большим, управляли нами. «Будет и на нашей улице праздник», время [белых] американцев заканчивается».

Летним днем 1830 г. Дэвид Уокер был найден мертвым у дверей своей лавки в Бостоне.

Некоторым рожденным в рабстве людям удавалось реализовать несбывшиеся мечты миллионов. Фредерик Дуглас, отправленный на работу в Балтимор в качестве слуги и рабочего на верфи, каким-то образом обучился чтению и письму и в 1838 г., в возрасте двадцати одного года, бежал на Север, где стал самым знаменитым чернокожим своего времени, являясь лектором, редактором газеты и писателем. В автобиографии «Рассказ о жизни Фредерика Дугласа» он вспоминал о своих первых детских размышлениях по поводу собственного положения: «Почему я раб? Почему одни люди рабы, а другие хозяева? Было ли когда-нибудь иначе? С чего начались такие отношения?

Однако, однажды заинтересовавшись этим вопросом, я не слишком стремился найти правдивый ответ. Дело было не в цвете кожи, а в преступлении, не в Боге, а в человеке, который давал правдивое объяснение существованию рабства; не слишком стремился я и к познанию еще одной важной истины, а именно: то, что может сделать человек, он может и изменить...

Я отчетливо помню, что даже тогда идея о том, что однажды возможно обрести свободу, поразила меня. Эта ободряющая уверенность была несбывшейся мечтой моего человеческого начала – постоянной угрозой рабству, – и никто, даже обладающий всем могуществом рабовладельца, не смог бы ее заглушить или загасить».

Закон о беглых рабах, принятый в 1850 г., был уступкой южным штатам в обмен на вступление в состав США в качестве свободных штатов тех территорий, которые были получены в результате войны с Мексикой (особенно Калифорнии). Закон облегчил для рабовладельцев поимку беглецов или просто захват негров, которые якобы убежали. Чернокожие жители Севера сопротивлялись упомянутому Закону, выступая с обвинениями в адрес президента М. Филлмора, который его подписал, и сенатора Даниэла Уэбстера, поддерживавшего этот документ. Одним из таких людей был Дж. У. Логен, сын чернокожей рабыни и белого хозяина. Он убежал на свободу из дома своего хозяина, поступил в колледж и теперь был священником в городе Сиракьюс (Нью-Йорк). Выступая на городском митинге в 1850 г., он сказал: «Пришло время сменить покорный тон на вызывающий и предложить господам Филлмору и Уэбстеру, раз уж они собираются применить такие меры против нас, спустить на нас своих гончих псов... Я получил свою свободу с Небес, и вместе с нею пришло и обязательство защищать мое право на нее... Я не признаю этого закона, не боюсь его и не собираюсь выполнять! Он объявляет вне закона меня, а я объявляю вне закона его... Я не буду жить в рабстве, и если меня силой попытаются снова обратить в раба, то я предприму меры,

чтобы встретить этот критический момент, как подобает человеку... Ваше решение сегодня в пользу сопротивления даст выход духу свободы, и оно разобьет партийные шайки, и крик радости разнесется по всему Северу... Сказано на Небесах, что такой благородный и отважный поступок будет свершен однажды где-то, и пусть по милости моего Господа Сиракьюсу будет дана возможность стать этим прославленным местом, откуда раздастся грозный голос, который услышат по всей земле!»

На следующий год этому городу представилась такая возможность. Беглый раб по имени Джерри был пойман и привлечен к суду. Толпа, используя ломы и таран, ворвалась в здание суда и, невзирая на вооруженных приставов, освободила этого человека.

Логен превратил свой сиракьюсский дом в крупную «станцию» «Подземной железной дороги». Рассказывают, что он помог 1,5 тыс. рабов перебраться в Канаду. Воспоминания Логена о рабстве попали на глаза его бывшей хозяйке, которая написала беглецу письмо с просьбой либо вернуться, либо прислать ей в качестве компенсации 1 тыс. долл. Ответ Логена был опубликован в аболиционистской газете «Либереитор»:

«Миссис Сара Лог... Вы пишете, что вам сделали предложение по поводу того, чтобы купить меня, и что вы меня продадите, если я не пришлю вам 1 тыс. долл. в качестве компенсации, и на одном дыхании, буквально в том же предложении, вы говорите: «Вы знаете, что мы растили вас так же, как и наших собственных детей». Женщина, разве вы растили своих детей для продажи на рынке? Вы растили их для позорного столба? Вы растили их для того, чтобы их уводили караваном скованных цепями?...Да постыдитесь! Но вы утверждаете, что я вор, потому что увел старую кобылу.

Не приходило ли вам в голову, что я имею больше прав на эту старую кобылу, как вы ее называете, чем Манассет Лог имеет на меня? И неужели я согрешил больше, когда украл его лошадь, чем согрешил он, когда выкрал меня из колыбели у моей матери?...Не приходило ли вам в голову, что права у людей общие и взаимосвязанные и если вы отнимаете мою жизнь и свободу, то утрачиваете свою собственную свободу и жизнь? Пред Богом и Небесами существует ли закон, который является таковым для одних людей и не является таковым для других?

Если вы сами или кто-либо иной, стремящийся спекулировать моим телом и правами, захочет узнать, как я отношусь к своим правам, то надобно всего лишь приехать сюда и попробовать вновь поработить меня...

Ваш и т. д., *Дж. У. Логен*».

Фредерик Дуглас знал, что стыд за рабство присутствовал не только на Юге, что вся нация выражала свое соучастие. Четвертого июля 1852 г. он выступил с речью, посвященной Дню независимости:

«Сотраждане! Простите меня и разрешите задать вам вопросы: почему меня пригласили выступить сегодня? что у меня или у тех, кого я представляю, общего с вашей национальной независимостью? распространяются ли на нас великие принципы политической свободы и естественной справедливости, содержащиеся в Декларации независимости? и могу ли я, таким образом, быть приглашен, для того чтобы принести наши скромные дары на национальный алтарь, признать преимущества и выразить искреннюю признательность за блага, дарованные нам вашей независимостью?

Что значит для американского раба ваше Четвертое июля? Я отвечу. Это день, в который более, чем в любой другой день года, перед ним открывается огромная несправедливость и жестокость, жертвой которых он постоянно является. Для него ваши празднования – это

притворство; свобода, которой вы похваляетесь, – это нечестивая разнузданность; ваше национальное величие – раздутое тщеславие; звуки вашего ликования пусты и бездуховны; ваше обличение тиранов – бесстыдство, выставленное напоказ; ваши крики о свободе и равенстве – пустое притворство; все ваши молитвы и гимны, проповеди и благодарственные молебны вместе со всей вашей религиозной помпезностью и торжеством являются для него лишь напыщенностью, фальшью, жульничеством, нечестивостью и лицемерием – тоненькой вуалью, прикрывающей преступления, которые лежат позором на нации варваров. Ни один из народов на Земле не виновен в действиях столь шокирующих и кровавых, как народ сегодняшних Соединенных Штатов. Отправляйтесь в любой уголок света, ищите там, где только можете, совершите путешествие по монархиям и деспотиям Старого Света, отправьтесь в Южную Америку, отыщите все случаи проявления жестокости и, когда вы соберете все факты, сопоставьте с тем, что совершает ежедневно эта нация, и вы не сможете не согласиться со мной в том, что по отвратительному варварству и бесстыдному лицемерию Америке нет равных».

Десять лет спустя после восстания Ната Тернера на Юге не было никаких признаков бунтов чернокожих. Но в 1841 г. произошел инцидент, продемонстрировавший живучесть идеи восстания. Рабы, которых перевозили на судне под названием «Креолка», взбунтовались, убили одного из членов экипажа и уплыли в британскую Вест-Индию (где рабство было отменено в 1833 г.). Англия отказалась вернуть невольников (в стране шла активная агитация против рабства в Америке), и это привело к бурному обсуждению в Конгрессе вопроса войны с Великобританией, особенно усердствовал госсекретарь Даниэл Уэбстер. Газета «Колорд пипл пресс», развенчивавшая «хулиганскую позицию» Уэбстера и вспоминая о событиях Войны за независимость и англо-американской войны 1812–1814 гг., писала:

«Если будет объявлена война... Станем ли мы сражаться, чтобы защитить правительство, которое отказывает нам в осуществлении самого драгоценного права гражданства?... Те штаты, где мы проживаем, уже дважды получили выгоду от нашей добровольной помощи, и они отплатили нам цепями и рабством. Будем ли мы и в третий раз целовать стопу, топчущую нас? Если да, то мы заслуживаем своих цепей».

По мере того как нарастало напряжение, на Севере и Юге чернокожие становились все более воинственными. Фредерик Дуглас говорил в 1857 г.: «Позвольте мне сказать вам несколько слов о философии реформ. Мировая история развития свободы человечества показывает, что все уже сделанные в соответствии с ее величественными требованиями уступки родились в борьбе... Без борьбы нет прогресса. Те, кто призывает к свободе и в то же время осуждает агитацию, – это люди, которые хотят получить урожай, не возделав землю. Они хотят дождя без грома и молний. Им нужен океан без ужасающего рокота его волн. Борьба может быть моральной, или физической, а может быть одновременно и моральной и физической, но это должна быть борьба. Власть ничего не уступает по своей воле. Так было всегда и так будет впредь».

Между Дугласом и белым аболиционистом и редактором «Либереитора» У. Л. Гаррисоном существовали тактические разногласия, отражавшие типичные различия между черными и белыми аболиционистами. Первые больше склонялись к вооруженному восстанию, но в то же время были в большей степени готовы использовать существовавшие на тот момент политические механизмы – голосование, Конституцию, – все, что могло содействовать их целям. Они не уделяли моральному воздействию столь важного места в своей тактике, как это делали сторонники Гаррисона. Чернокожие знали, что моральное давление само по себе ничего не даст; потребуются разные виды тактики – от выборов до восстания.

Насколько насущным для негров, проживавших на Севере, был вопрос рабства, можно

увидеть на примере чернокожих детей в финансировавшейся неграми частной школе в городе Цинциннати. Детям предлагалось ответить на вопрос: «О чем вы думаете чаще всего?» Сохранилось лишь пять ответов, и все они имеют отношение к невольничеству. Семилетний ребенок писал: «Дорогие одноклассники, следующим летом мы собираемся купить ферму и работать там часть дня, и учиться в другую часть дня, если мы до этого доживем, и приходить домой в другую часть дня, чтобы повидаться с нашими мамами, сестрами и кузинами, если они у нас будут, и чтобы увидеть наш добрый народ и быть хорошими детьми, и когда у нас будет человек, который освободит бедных рабов от оков. Мне было так жаль услышать о том, что затонуло судно... с 200 несчастными рабами, которое спускалось с верховьев вниз по реке. О, мне было так жаль услышать об этом, что мое сердце разрывалось от горя, и я мог мгновенно потерять сознание».

Белые аболиционисты мужественно прокладывали путь, используя лекторские трибуны, газеты, «Подземную железную дорогу». Чернокожие аболиционисты, которые в меньшей мере были публичными персонами, составляли основу антирабовладельческого движения. До того как Гаррисон начал издавать в Бостоне свой знаменитый «Либерејтор» в 1831 г., уже был проведен первый национальный конвент⁸⁹ негров, Д. Уокер уже написал свой «Призыв» и уже появилась газета черных аболиционистов «фридомс джорнэл»⁹⁰. Среди первых 25 подписчиков «Либерејтора» большинство составляли чернокожие.

Неграм постоянно приходилось бороться с подсознательным расизмом белых аболиционистов. Кроме того, они настаивали на существовании собственного независимого голоса. Ф. Дуглас писал для «Либерејтора», но в 1847 г. основал в городе Рочестере свою газету «Норт стар», что привело к разрыву отношений с У. Л. Гаррисоном. В 1854 г. на негритянской конференции было объявлено: «...нет сомнений в том, что это наша борьба, и никто, кроме нас, не будет за нас сражаться... Наше отношение к антирабовладельческому движению должно измениться, и оно уже изменилось. Вместо того чтобы зависеть от него, мы должны возглавить его».

Некоторым негритянкам приходилось преодолевать тройную преграду: в качестве аболиционисток в рабовладельческом обществе, в качестве чернокожих в окружении белых реформаторов и, наконец, как женщинам в реформистском движении, где доминировали мужчины. Когда Соджорнер Трут взяла слово на 4-м Национальном съезде в защиту прав женщин, состоявшемся в городе Нью-Йорке в 1853 г., все эти три барьера возникли перед ней одновременно. В зале находилась враждебно настроенная толпа, кричавшая, освистывавшая и угрожавшая ей. Трут сказала: «Я знаю, не очень-то приятно, когда цветная женщина поднимается на трибуну и начинает вам что-то объяснять и говорить о правах женщин. Нас всех сбросили в глубокую пропасть. Никто и не ожидал, что мы сможем когда-нибудь выбраться наверх... Но... вот мы выпрямляемся. Поэтому я здесь, перед вами... Мы получим свои права, вот увидите. И вы не сможете помешать нам... Вы можете шипеть сколько угодно. Но так будет... Я здесь среди вас и наблюдаю за вами. И время от времени я буду появляться, чтобы сказать вам, который теперь час ночи».

После жестокого восстания под руководством Ната Тернера и кровавых репрессий в Виргинии система безопасности на Юге стала строже. Вероятно, только у чужака могла возникнуть мысль о возможности организовать здесь бунт. И такой человек появился. Им стал

⁸⁹ Конвент состоялся в Филадельфии в 1830 г. и образовал Американское общество свободных цветных.

⁹⁰ Нью-Йоркский еженедельник «фридомс джорнэл», основанный в 1826 г., считается первой негритянской газетой.

невероятно смелый и целеустремленный белый, Джон Браун, чьим дерзким планом было захватить федеральный арсенал в Харперс-Ферри (Виргиния), а затем устроить восстание рабов на всем Юге. Гарриет Табмен, потерявшая несколько зубов негритянка пяти футов ростом, ветеран бесчисленных секретных миссий по сопровождению в качестве проводника черных рабов, была связана с Брауном и знала о его намерениях. Но она не смогла примкнуть к нему из-за болезни. Ф. Дуглас также встречался с Брауном. Он возражал против задуманного с точки зрения шансов на успех, однако сам болезненный, высокий, сухопарый шестидесятилетний седовласый старик вызвал у Дугласа восторг.

Дуглас оказался прав: план не сработал. Отряды местной милиции, к которым присоединилась сотня морских пехотинцев под командированием Роберта Э. Ли, окружили мятежников. Несмотря на то что его люди погибли или были захвачены в плен, Джон Браун отказался сдаться; он забаррикадировался в небольшом кирпичном здании у ворот арсенала. Дверь выбили, и ворвавшийся в нее лейтенант морской пехоты ударил Брауна шпагой. Раненный и больной, он подвергся допросу. У. Дюбуа в своей книге «Джон Браун» пишет: «...представьте себе картину...: истекающий кровью старик, полумертвый от ран, полученных им всего несколько часов тому назад; он лежит в холоде и грязи; он провел без сна и почти без пищи 55 напряженных часов; недалеко от него лежат тела двух его убитых сыновей и изуродованные трупы его семерых товарищей; дома его напрасно ждут жена и близкие; его сердце стынет от сознания, что мечта всей его жизни погибла безвозвратно».

Лежа там, допрашиваемый губернатором Виргинии, Браун заявил: «Вы бы лучше – все южане – готовились к решению этого вопроса... Со мной вы можете покончить очень просто – я уже почти покойник, но вопрос надо решать; я имею в виду этот негритянский вопрос, он пока не закрыт».

Дюбуа дает такую оценку действиям Брауна: «Если его вылазка была делом рук горстки фанатиков, возглавляемой безумцем и отвергнутой рабами, то тогда правильнее всего было бы игнорировать этот инцидент, без шума наказать наиболее тяжких преступников, а их вождя или простить, или отправить в сумасшедший дом... Однако, утверждая, что рейд был слишком безнадежен и смехотворно малочисленен, для того чтобы достичь каких-либо результатов, штат, тем не менее, потратил 250 тыс. долл., чтобы наказать захватчиков, отправив на место событий от одной до 3 тыс. солдат и ввергнув страну в пучину беспорядков».

В последнем обращении Джона Брауна, написанном в тюрьме незадолго до казни, говорится: «Я, Джон Браун, теперь совершенно уверен, что преступления этой греховной страны не могут быть искуплены иначе, как кровью».

Ралф Уолдо Эмерсон, который не являлся сторонником активных мер, считал, что казнь Брауна «сделает виселицу такой же священной, как и крест».

Из 22 участников повстанческого отряда пятеро были чернокожими. Судьба последних такова: двое – убиты на месте, один бежал, а двое – повешены властями. Перед казнью Джон Коупленд написал своим родителям:

«Помните, что если мне суждено умереть, то я погибну, пытаясь освободить часть моего бедного и угнетенного народа из рабства, в котором я был сам и которое проклято Богом и Священным Писанием...

Меня не страшит виселица...

Я представляю, что слышу всех вас: мать, отца, сестер и братьев.

Слышу, как вы говорите: «Нет такой цели, ради которой мы с меньшей горечью восприняли бы твою смерть». Верьте мне, когда я говорю вам, что, хотя я и заперт в тюрьме и

приговорен к смерти, я провел здесь больше счастливых часов, чем когда-либо в жизни, и... я почти охотно умру сейчас, как и в любое другое время, ибо чувствую, что готов ко встрече с Создателем».

Джон Браун был казнен властями штата Виргиния при одобрении федерального правительства. Это оно, хотя и являлось слишком слабым для обеспечения соблюдения Закона о прекращении работорговли, настойчиво ужесточало законы, обеспечивающие возврат беглецов в рабство. Это федеральное правительство при администрации Э. Джексона сотрудничало с Югом в том, чтобы предотвратить попадание аболиционистской литературы в почтовую корреспонденцию в южных штатах. Это Верховный суд США объявил в 1857 г., что раб Дред Скотт⁹¹ не может отстаивать в суде свою свободу, поскольку является не личностью, а имуществом.

Такое национальное правительство никогда бы не смирилось с отменой рабства посредством восстания. Оно пошло бы на ликвидацию этого института только на подконтрольных белым условиях и только когда этого потребовали бы политические и экономические интересы предпринимательских верхов Севера. Человеком, который великолепно скомбинировал потребности предпринимательства, политические амбиции новой Республиканской партии и гуманистическую риторику, стал Авраам Линкольн. В списке его приоритетов отмена рабства занимала не первое место, но достаточно высокую позицию, для того чтобы в нужный момент выдвинуться на передний план под давлением аболиционистов или в угоду прагматичным политическим выгодам.

Линкольн смог мастерски объединить интересы самых богатых людей с чаяниями чернокожих в тот момент истории, когда они пересеклись. И он смог связать эти интересы с растущим слоем американского общества – белым, предприимчивым, стремящимся к экономическому процветанию, политически активным средним классом. Вот как пишет об этом Р. Хофстедтер: «Типичный представитель идей среднего класса, он выступил от имени тех миллионов американцев, которые начали свою жизнь как наемные рабочие – помощниками на фермах, клерками, учителями, механиками, лодочниками и лесорубами – и перешли в ряды фермеров-землевладельцев, процветающих бакалейщиков, юристов, торговцев, врачей и политических деятелей».

Линкольн мог здраво и страстно спорить по поводу моральных аспектов рабовладения, но был осторожен в практической политике. Он верил в то, что «институт рабства возник вследствие несправедливой и плохой политики, но распространение аболиционистских идей скорее способствует, чем препятствует этому злу». (Ср. это с заявлениями Ф. Дугласа о необходимости борьбы или высказыванием У. Л. Гаррисона: «Сэр, рабство не может быть низвергнуто без волнений, чрезвычайных волнений».) Линкольн строго следовал Конституции США в том, что Конгресс, согласно действовавшей 10-й Поправке (о сохранении за штатами прав, отчетливо не делегированных федеральному правительству), не может конституционным путем запретить рабство в штатах.

Когда прозвучало предложение об отмене невольничества в федеральном округе Колумбия, который не обладал правами штата, а находился непосредственно под юрисдикцией Конгресса, Линкольн заявил, что это будет конституционно, но только в случае, если этого захочет население округа. Поскольку большинство составляли белые, идея была загублена. Об

⁹¹ «Дред Скотт против Сэнфорда» – дело в Верховном суде США, решение по которому (1857) подтвердило, что чернокожие не имеют права на получение гражданства и, соответственно, на предъявление исков своим хозяевам и что США не должны запрещать рабство на незаселенных территориях. Решение было аннулировано с принятием 13-й и 14-й Поправок к Конституции США.

этом заявлении Линкольна Р. Хофстедтер пишет, что оно «дышит жаром бескомпромиссного требования умеренности».

Линкольн отказывался публично денонсировать Закон о беглых рабах. Он писал другу: «Признаюсь, мне больно смотреть, как на этих несчастных созданий идет охота... но я кусаю губы и молчу». И когда в 1849 г. в качестве конгрессмена он выступил с резолюцией об отмене рабства в округе Колумбия, то ввел в нее и положения, предписывающие местным властям заключать под стражу и возвращать беглых рабов, приезжающих в Вашингтон. (Вследствие этого бостонский аболиционист Уэнделл Филлипс назвал его позже «тем самым охотником на рабов из Иллинойса»). Линкольн являлся противником рабства, но не мог рассматривать чернокожих в качестве равных, и потому постоянной темой его выступлений было освобождение рабов с последующей отправкой их обратно в Африку.

Во время избирательной кампании 1858 г. в Иллинойсе в ходе борьбы со Стивеном Дугласом за место в сенате Линкольн говорил разное в зависимости от взглядов своей аудитории (а также, возможно, и в зависимости от приближения дня выборов). Выступая на севере Иллинойса (в Чикаго) в июле, он сказал: «Давайте отбросим софизмы насчет человека этого и того, расы этой и той, будто другая раса низшая, и потому ее представители должны занимать низшее положение. Давайте отбросим все эти вещи и объединимся как один народ, населяющий эту страну, пока мы вновь не сможем заявить: все люди созданы равными».

Через два месяца в городе Чарлстон на юге Иллинойса Линкольн заявил своим слушателям: «Итак, я скажу: я не выступаю и никогда не выступал за установление в какой-либо форме ни социального, ни политического равенства белой и черной рас (аплодисменты); не выступаю и никогда не выступал за предоставление неграм права голоса или права быть присяжными заседателями, занимать должности, вступать в брак с белыми... До тех пор пока эти расы не могут жить таким образом, хотя и вынуждены оставаться рядом, должно быть разделение на высшие и низшие. Я, так же как и всякий другой человек, выступаю за то, чтобы высшее положение сохранялось за белой расой».

Выходу южных штатов из состава США после избрания президентом кандидата от новой Республиканской партии Линкольна осенью 1860 г. предшествовала серия политических стычек между Севером и Югом. Столкновения не касались рабства как морального института – большинство северян вопросы рабства заботили не настолько, чтобы идти на какие-либо жертвы, а тем более подвергнуться лишениям войны. Это было не борьбой простых людей (большинство белых жителей на Севере не имели богатств и не влияли на политику; большинство белых южан составляли бедные фермеры, не принимавшие решений), а столкновением элит.

Верхушка северян жаждала экономической экспансии: свободных земель, свободной рабочей силы и свободного рынка, высоких протекционистских тарифов для производителей и создания национального банка Соединенных Штатов. Со всем этим не совпадали интересы рабовладельцев: они понимали, что при Линкольне и республиканцах продолжение их спокойной жизни и процветания станет невозможным.

Поэтому, когда Линкольн был избран, семь южных штатов вышли из состава Союза. Президент повел себя враждебно, попытавшись вновь овладеть федеральной базой Форт-Самтер в Южной Каролине, а к отделившимся присоединилось еще четыре штата. Конфедерация была сформирована. Началась Гражданская война.

В первой инаугурационной речи Линкольна, произнесенной в марте 1861 г., звучало стремление к примирению с Югом и отделившимися штатами: «...у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и не склонен

делать это». В ходе продолжавшейся уже четыре месяца войне, когда находившийся в Миссури генерал Джон Фримонт объявил военное положение и заявил, что рабы, принадлежавшие хозяевам, которые оказывали сопротивление Соединенным Штатам, будут освобождены, президент отменил его приказ. Он очень хотел удержать в составе Союза сохранившие лояльность рабовладельческие штаты: Мэриленд, Кентукки, Миссури и Делавэр.

И только когда война стала более ожесточенной, когда возросло количество жертв, а стремление к победе усилилось, когда критика аболиционистов грозила обрушить стоявшую за Линкольном коалицию сил, он стал выступать против рабства. Р. Хофстедтер описывает это так: «Как чуткий барометр он регистрировал перемены давления, и когда давление со стороны радикалов усилилось, он тоже полевел». Уэнделл Филлипс говорил, что если Линкольн и был способен к росту, то «потому, что мы его поливали».

Расизм на Севере укоренился столь же глубоко, как и рабовладение на Юге, и понадобилась война, чтобы поколебать и то и другое. Черные в Нью-Йорке не имели права голоса, если не обладали имуществом стоимостью 250 долл. (такое ограничение по отношению к белым не применялось). Предложение об отмене этого ценза, поставленное на голосование в 1860 г., было отклонено при соотношении 2:1 (несмотря на то, что Линкольн победил в штате Нью-Йорк с преимуществом в 50 тыс. голосов). Фредерик Дуглас так комментировал это: «Считалось, что черный младенец избирательного права для негров был все еще слишком уродлив, для того чтобы быть выставленным напоказ в столь представительном собрании. Чернокожего запрятали подальше, как некоторые люди убирают с глаз долой своих обезображенных детей, когда приходят гости».

Уэнделл Филлипс при всем критическом отношении к Линкольну признавал, что с его избранием открываются новые возможности. Выступая в бостонском храме Тремонт на следующий день после выборов, Филлипс сказал: «Если телеграф нас не обманывает, то впервые в истории рабы выбрали президента Соединенных Штатов... Не аболиционист и едва ли противник рабства, мистер Линкольн согласился представлять антирабовладельческие идеи. Пешка в политической шахматной партии, он ценен именно своей позицией, и мы можем разменять его на коня, слона или ферзя, а потом очистить доску. (Аплодисменты.)»

Консерваторы из бостонского высшего общества хотели примирения с Югом. Вскоре после избрания Линкольна они напали на собрание аболиционистов в том же самом храме Тремонт и требовали пойти на уступки в отношениях с южанами в «интересах коммерции, промышленности и сельского хозяйства».

Даже после того как началась война, витавший в Конгрессе дух проявился в резолюции, принятой летом 1861 г. всего при нескольких голосах «против»: «...эта война не ведется... ни в коей мере в целях... низвержения или влияния на права сформировавшихся институтов этих штатов, но... ради сохранения Союза».

Аболиционисты активизировали свою кампанию. В 1861–1862 гг. петиции об отмене рабства поступали в Конгресс непрерывным потоком.

В мае 1862 г. У. Филлипс говорил: «Возможно, Авраам Линкольн этого и не хотел, но не мог предотвратить; возможно, нация этого не желала, но и нация не смогла это прекратить. Мне нет дела до того, чего человек хочет или желает; негр – это камешек, застрявший в зубчатом колесе, и машина не заработает, если его не вытащить».

В июле Конгресс принял Закон о конфискации, который позволял освобождать рабов, принадлежавших тем, кто выступал против Соединенных Штатов. Но он не проводился в жизнь генералами Армии Союза, а Линкольн смотрел на это сквозь пальцы. У. Л. Гаррисон называл политику президента «спотыкающейся, уступчивой, уклончивой, нерешительной, слабой и затуманенной», а У. Филлипс говорил, что Линкольн – «первоклассный второсортный

человек».

Переписка между президентом и редактором нью-йоркской газеты «Трибюн» Горасом Грили в августе 1862 г. давала возможность высказать свои точки зрения. Грили писал:

«Уважаемый сэр. Не хотелось бы быть назойливым, поскольку Вы уже наверняка знаете сами, но огромное число тех, кто ликовал, когда Вы были избраны президентом... жестоко разочарованы и глубоко огорчены в связи с той политикой, которой Вы, создается впечатление, придерживаетесь в отношении рабов, принадлежащих мятежникам.

...Мы требуем от Вас, как от первого слуги Республики, ИСПОЛНЯТЬ ЗАКОНЫ, так как это Ваша особая и первостепенная обязанность.

...Мы полагаем, что Вы странным и угрожающим образом пренебрегаете своими обязанностями... в отношении обеспечения освобождения рабов в соответствии с новым Законом о конфискации...

Мы полагаем, что Вы находитесь под чрезмерным влиянием советников... некоторых политиков из пограничных рабовладельческих штатов».

Грили ссылаясь на практическую необходимость победы в войне. «У нас на Юге должны быть чернокожие разведчики, проводники, шпионы, повара, извозчики, землекопы и лесорубы, вне зависимости от того, позволим ли мы им сражаться на нашей стороне или нет... Я умоляю Вас проявить искреннюю и недвусмысленную верность законам этой страны».

Линкольн уже продемонстрировал свое отношение, оказавшись не в состоянии отменить приказ одного из своих командиров, генерала Генри Хэллека, который запретил беглым рабам вступать в ряды своей армии. Теперь он отвечал Г. Грили:

«Уважаемый сэр... я не хочу, чтобы у кого-либо оставались сомнения.

...Моя главная цель в этой борьбе – сохранение Союза, а не сохранение или уничтожение рабства. Если бы я мог сохранить Союз, не освободив ни одного раба, я бы сделал это; если бы для его сохранения потребовалось освободить всех невольников, я бы пошел на это; и если бы я смог достигнуть своей цели, освободив часть рабов, но других оставив в рабстве, я бы тоже это сделал. То, что я делаю по отношению к рабству и к расе цветных, я делаю потому, что считаю, что это поможет сохранить Союз, а то, что я запрещаю, я запрещаю потому, что полагаю, что это не может помочь сохранить Союз... Здесь я заявил о своей цели, соответствующей моим представлениям о моих официальных обязанностях, но я не намереваюсь менять своего личного стремления, о котором говорил ранее, к тому, чтобы все люди во всем мире могли быть свободными. Искренне Ваш А. Линкольн».

Итак, президент разграничивал свое «личное стремление» и свои «официальные обязанности».

Когда в сентябре 1862 г. Линкольн выпустил предварительный текст Прокламации об освобождении, это было тактическим шагом, предоставляющим Югу четыре месяца на то, чтобы прекратить мятеж, так как в ее тексте содержалась угроза освободить рабов, в случае если сопротивление продолжится, и обещание оставить без изменений систему рабовладения в штатах, которые примкнули к Северу: «Что в 1-й день января в год от Рождества Христова 1863 все лица, содержащиеся как рабы на территории любого штата или определенной части штата, население которого находится в состоянии мятежа против Соединенных Штатов, отныне и навечно объявляются свободными».

Таким образом, когда Прокламация об освобождении была опубликована 1 января 1863 г., она объявила свободными невольников в тех областях, которые все еще сопротивлялись Союзу (все они подробно перечислены), и ничего не говорила о рабах, находившихся за пределами территорий, занятых Армией Союза. Как выразился Р. Хофстедтер, в Прокламации «было столько же морального величия, сколько в документе о фрахте». Газета «Лондон спектейтор»

обобщала: «Основная идея не в том, что один человек не может на законных основаниях владеть другим, а в том, что он не может владеть в случае нелояльности Соединенным Штатам».

При всех своих ограничениях Прокламация об освобождении придала новую силу движению за отмену рабства. К лету 1864 г. было собрано и отправлено в Конгресс 400 тыс. подписей под требованием принятия законодательства о ликвидации невольничества. Это было беспрецедентным событием в истории страны. В апреле того же года сенат принял 13-ю Поправку к Конституции США, провозгласившую отмену рабства, а в январе 1865 г. за ним последовала и палата представителей.

В связи с Прокламацией в Армию Союза начали принимать черных. И чем больше цветных участвовало в боевых действиях, тем сильнее казалось, будто борьба ведется за их освобождение. Чем больше страданий выпадало на долю белых, тем сильнее становилось их чувство обиды, особенно среди белой бедноты на Севере, которую забирали в армию по призыву в соответствии с законом, позволявшим богатым освободиться от несения воинской службы после уплаты 300 долл. И когда в 1863 г. вспыхнули бунты против призыва, а также волнения озлобленных белых в городах на Севере страны, объектом ненависти восставших стали не богачи, находившиеся где-то далеко, а чернокожие, которые оказывались рядом. Это была оргия смерти и насилия. Черный житель Детройта описывал, что видел: толпа с бочонками пива на повозках, вооруженная дубинами и кирпичами, прошествовала через весь город, нападая на чернокожих мужчин, женщин и детей. Он слышал, как один человек произнес: «Если нам приходится погибать за негров, то в этом городе мы перебьем их всех до одного».

Гражданская война была на тот момент самой кровавой в истории человечества: потери в 600 тыс. убитыми с обеих сторон при населении в 30 млн. человек равносильны тому, как если бы в Соединенных Штатах в 1978 г. при населении 250 млн. погибло 5 млн. человек. По мере того как сражения становились все более ожесточенными, высились горы трупов и усталость от войны нарастала, пребывание около 4 млн. негров на Юге являлось все большей помехой для южан и расширяло возможности для северян. У. Дюбуа в книге «Черная Реконструкция» указывал: «...в руках этих рабов была огромная сила. Просто перестав работать, они могли поставить Конфедерацию перед угрозой голода. Переходя на сторону федеральных войск, они показывали сомневающимся северянам легкий путь своего применения, но одновременно лишали врагов Севера возможности использовать [черных рабов] в том же качестве...

Именно этот выбор из двух зол привел к тому, что Ли внезапно сдался. Либо Юг должен был договориться со своими рабами, освободить их, направить на борьбу против Севера и с этого момента никогда не относиться к ним как к невольникам, либо следовало сдаться, полагая, что после войны северяне должны помочь сохранить рабство, как это было и ранее».

Социолог и антрополог Дж. Равик описывает положение чернокожих до и во времена Гражданской войны: «Рабы прошли путь от запуганных существ, оказавшихся в кругу чужаков, который включал в себя и других таких же невольников, не приходившихся им родственниками, не говоривших на их языке, не понимавших их обычаев и привычек, до событий, которые У. Дюбуа охарактеризовал однажды как всеобщую забастовку, в ходе которой тысячи рабов покинули плантации, лишив Юг возможности снабжать свою армию».

Чернокожие женщины играли во время войны важную роль, особенно ближе к концу военных действий. С. Трут, легендарная бывшая рабыня, активистка движения за права женщин, занималась набором негров в армию Союза. Тем же занималась Жозефина Сен-Пьер Раффин из Бостона. Г. Табмен совершала рейды на плантации, возглавляя военные отряды белых и черных, и в ходе одной операции освободила 750 рабов. Женщины следовали за

цветными полками, которые росли по мере того, как Армия Союза двигалась по южным штатам, помогая своим мужьям, претерпевая все тяготы длительных военных маршей-бросков, во время которых умирало много детей. Они разделили судьбу солдат, когда в апреле 1864 г. в форте Пиллоу (Кентукки) конфедераты устроили жестокую бойню, уничтожив сдавшихся в плен солдат-северян – белых и цветных, а также женщин и детей, находившихся в лагере неподалеку.

Иногда утверждается, что доказательством принятия чернокожими рабства является тот факт, что во время Гражданской войны, когда представилась возможность бежать, большинство невольников оставались на плантациях. На самом деле сбежало около 0,5 млн. человек – практически каждый пятый, – и это много, если принимать во внимание все сложности, связанные с тем, что было непонятно, куда идти и как дальше жить.

Владелец огромной плантации, раскинувшейся на территориях Южной Каролины и Джорджии, писал в 1862 г.: «Эта война научила нас тому, что неграм нельзя оказывать никакого доверия. Слишком во многих случаях те, кого мы уважали больше других, покидали нас первыми». В том же году лейтенант армии Конфедерации, некоторое время занимавший пост мэра города Саванна (Джорджия), писал: «Я глубоко опечален известиями о том, что негры до сих пор продолжают перебегать на сторону врага».

Священник из штата Миссисипи сообщал осенью 1862 г.: «Приехав, я был удивлен, узнав, что все или многие наши негры сбежали к янки прошлой ночью... Кажется, все, за редкими исключениями, уйдут к ним. Наверняка это относится к Элизе и ее семье. Она не скрывает своих мыслей и демонстрирует их, ведя себя высокомерно и оскорбительным образом». Женщина, жившая на плантации, писала в своем дневнике в январе 1865 г.: «На плантации никто не работает, большинство делает что хочет. Многие слуги доказали свою преданность, а другие – свою лживость и неповиновение властям и ограничениям... Среди них царит настоящая анархия и дух бунтарства. Они сделались непримиримыми антагонистами своих владельцев, всякого управления и контроля... Практически все дома покинуты слугами, и с большинства плантаций они ушли все сразу».

В том же, 1865 г. некий плантатор из Южной Каролины писал в нью-йоркской газете «Трибюн», что «поведение негров во время последнего кризиса в наших делах убедило меня в том, что мы все пребывали в заблуждении... Мне казалось, будто эти люди довольны, счастливы и привязаны к своим хозяевам. Но ход событий и собственные рассуждения вынудили меня изменить эту точку зрения... Если они [рабы] были довольны, счастливы и привязаны к своим хозяевам, то почему покинули их в трудный момент и убежали к врагам, которых совсем не знали, оставив своих, возможно, очень хороших хозяев, которых они знали с младенчества?»

Ю. Дженовезе отмечает, что война не привела к всеобщему восстанию рабов, но: «В графстве Лафайет (Миссисипи) невольники ответили на Прокламацию об освобождении изгнанием надсмотрщиков и разделом между собой земли и орудий». Г. Аптекер пишет о заговоре негров в Арканзасе в 1861 г. с целью расправы над поработителями. В том же году в Кентукки чернокожие поджигали дома и амбары, а в Нью-Касле, по газетным сообщениям, рабы прошеествовали через весь город, «распевая политические песни и выкрикивая лозунги в поддержку Линкольна». После обнародования Прокламации об освобождении черный официант из города Ричмонд (Виргиния) был арестован за то, что возглавлял «заговор рабов», в то время как в Язу-Сити (Миссисипи) невольники сожгли здание суда и 14 домов.

Были и особенно интересные случаи: Роберт Смоллс (в дальнейшем ставший конгрессменом от Южной Каролины) и другие чернокожие захватили пароход «Плэнтер» и, пройдя сквозь огонь ружей конфедератов, доставили это судно в распоряжение военного флота

Союза.

Большинство рабов не подчинялись, но и не бунтовали. Они продолжали работать, выжидая, что будет дальше. Когда предоставлялась возможность, невольники убегали и часто присоединялись к армии Союза. Двести тысяч цветных числились в армии и военно-морском флоте, 38 тыс. из них было убито. Историк Дж. Макферсон пишет: «Без их помощи северяне никогда бы не выиграли войну столь быстро, а возможно, вообще не одержали бы в ней победу».

То, что происходило с неграми в армии Союза и в городах на Севере страны во время войны, позволяет получить некоторое представление о том, насколько частичным было их освобождение, даже после полной победы над конфедератами. На солдат, находившихся в увольнительной в северных городах, совершались нападения, как это случилось в феврале 1864 г. в Зейнсвилле (Огайо), где раздавались крики: «Убей ниггера!» Чернокожих солдат использовали на самой тяжелой и грязной работе: они копали траншеи, тащили волоком бревна и пушки, грузили боеприпасы, выкапывали колодцы для армейских частей, состоявших из белых. Рядовой с белым цветом кожи получал 13 долл. в месяц, а негритянский солдат – 10.

Ближе к концу войны чернокожий сержант 3-го отдельного Южнокаролинского волонтерского полка Уильям Уокер привел свою роту к палатке капитана и приказал своим товарищам сложить оружие и уволиться с военной службы в знак протеста против того, что он считал нарушением контракта, а именно против неравной оплаты. Его отдали под трибунал и расстреляли за мятеж. В конце концов в 1864 г. Конгресс США принял новый закон, гарантировавший солдатам-неграм жалование, равное тому, что получали белые.

В последний период войны Конфедерация пребывала в отчаянном положении, и некоторые ее лидеры предложили, чтобы рабов, которые все больше становились препятствием для дела Юга, начали призывать в армию, прибегать к их помощи и освобождать. В конце 1864 г. после серии поражений военный министр конфедератов Джуда Бенджамин писал редактору чарлстонской газеты: «...Хорошо известно, что генерал Ли, который обладает таким большим доверием народа, является убежденным сторонником того, чтобы негров использовали для нужд обороны и с этой целью отпускали на свободу, если необходимо». Один генерал возмущался: «Если из невольников получатся хорошие солдаты, то вся наша теория о рабстве неверна».

В начале 1865 г. давление усилилось, и в марте президент Конфедерации Джефферсон Дэвис подписал Закон о солдате-негре, позволявший принимать рабов на воинскую службу в качестве солдат и освобождать их с согласия хозяев и правительств штатов. Но прежде чем проявились какие-либо существенные последствия принятия этого Закона, война окончилась.

Бывшие невольники, которых в 30-х гг. XX в. проинтервьюировали в рамках Федерального писательского проекта, вспоминали об окончании военных действий. Сьюзи Мелтон рассказывала: «Я была маленькой девочкой лет десяти, когда мы услышали, что Линкольн собирается освободить ниггеров. Наша миссис сказала, что ничего подобного не будет. Потом солдат-янки сообщил кому-то в Уильямсберге, что Линкольн подписал освобождение. Это было зимой, по ночам стояли сильные холода, но все начали собираться уходить. Никому не было дела до миссис – все уходило к Армии Союза. И всю ночь ниггеры танцевали и пели прямо на холоде. На следующее утро, на рассвете, мы все тронулись в путь, взгромоздив на спины одеяла, одежду, горшки и сковородки, кур, потому что миссис сказала, что нам нельзя забрать лошадей или повозки. И когда солнце показалось из-за деревьев, ниггеры начали петь:

Солнце, ты остаешься здесь, а я уйду,

Солнце, ты остаешься здесь, а я уйду,
 Солнце, ты остаешься здесь, а я уйду,
 Прощай, прощай, не скорби обо мне,
 Даже с тобой я местами не поменяюсь,
 Прощай, прощай, не скорби обо мне,
 Ведь ты остаешься здесь, а я уйду».

Анна Вудс сообщала: «Мы не очень долго пробыли там, в Техасе, до того, когда пришли солдаты и сказали нам, что мы свободны... Я помню одну женщину. Она запрыгнула на бочку и закричала. Потом она спрыгнула с криком. Она снова запрыгнула на бочку и опять что-то орала. И так она делала долго, просто запрыгивала на бочку и снова спрыгивала вниз».

Энни Мей Уэзерс говорила: «Я помню, как мой отец рассказывал, что, когда кто-то пришел и закричал: «Вы, ниггеры, наконец-то свободны», он уронил мотыгу и сказал не своим голосом: «Хвала Богу за это»».

В архивах Федерального писательского проекта есть рассказ бывшей рабыни Фанни Берри: «Ниггеры кричали, хлопали в ладоши и пели! Повсюду с воплями носились дети! Все были счастливы. Шо тоже радовался, прибежал на кухню и кричал в окно: «Мама, больше не надо готовить. Ты свободна! Ты свободна!»»

Многие чернокожие понимали, что их статус после окончания войны невзирая на то, каково положение с юридической точки зрения, окажется в зависимости от возможности стать собственниками той земли, на которой они трудились, или же их вновь сделают полурабами, работающими для других. В 1863 г. черный житель Северной Каролины писал, что, «если исходить из строгого закона права и справедливости, то вся окружающая меня земля – это заповедное наследие американцев африканского происхождения, приобретенное неоценимым трудом наших предков в течение всей их жизни, полной слез и страданий, под плетью и ярмом тирании».

Однако заброшенные плантации были сданы в наем их бывшим хозяевам или белым северянам. Одна газета для цветных писала: «Из рабов сделали крепостных, приковав их к земле... Эта и была та хваленая свобода, которую получили цветные из рук янки».

В соответствии с политикой, принятой Конгрессом и одобренной Линкольном, собственность, изъятая во время войны по Закону о конфискации от июля 1862 г., должна была быть возвращена наследникам хозяев-конфедератов. Доктор Джон Рок, чернокожий врач из Бостона, выступая на митинге, сказал: «К чему говорить о компенсации хозяевам? За что им положена компенсация? Что вы им должны? Что должны им рабы? Что должно им общество? Компенсации хозяевам?...Это рабам надо давать компенсации. Собственность Юга по праву является собственностью рабов».

Под предлогом того, что не были выполнены налоговые обязательства, часть земли экспроприировали и продали с аукциона. Но лишь единицы среди чернокожих могли позволить себе такую покупку. На островах Си-Айлендс в Южной Каролине из 16 тыс. акров, выставленных на продажу в марте 1863 г., освобожденные рабы, сложив вместе все свои деньги, могли купить 2 тыс. акров, а все остальное приобрели инвесторы с Севера и спекулянты. Один из упомянутых черных с Си-Айлендс продиктовал письмо своей бывшей учительнице, на тот момент проживавшей в Филадельфии:

«Моя дорогая юная миссис. Пожалуйста, моя миссис, скажи Линкуму [Линкольну], что мы хотим землю – ту самую, которая обильно полита потом, стекавшим с наших лиц и кровью, капавшей с наших спин.

...Мы бы купили все, что мы хотели, но они сделали участки слишком большими и

вытеснили нас.

Сам масса Линкум сказал, чтобы мы брали свои участки и содержали их, засевали, а он будет следить, чтобы мы получили эти земли и каждому человеку досталось по 10 или 20 акров. Мы очень рады. Мы обозначили перечень земель, но, когда пришло время сева, эти комиссионеры продали белым людям лучшую землю. И где ж Линкум?»

В начале 1865 г. генерал Уильям Шерман провел в Саванне (Джорджия), совещание с двадцатью чернокожими священниками и представителями церкви, большинство из которых составляли бывшие рабы. Во время этой встречи негры говорили о своих нуждах: «Наилучшим способом для нас позаботиться о самих себе будет владение землей, которую мы будем обрабатывать». Четыре дня спустя Шерман выпустил Специальный боевой приказ № 15, в соответствии с которым вся южная береговая полоса шириной в 30 миль отводилась исключительно под поселения черных. Освободившиеся рабы могли обосноваться там, занимая не более 40 акров на семью. К июню 1865 г. 40 тыс. получивших свободу людей поселились на новых фермах. Но президент США Эндрю Джонсон в августе 1865 г. снова вернул эти земли владельцам-конфедератам, а чернокожих заставили их покинуть, в том числе и под угрозой штыков.

Бывший раб Томас Холл рассказывал участникам Федерального писательского проекта: «Линкольна почитают в качестве нашего освободителя, но разве он нас освободил? Он дал нам свободу, не дав ни единого шанса самостоятельно жить, и до сих пор мы должны зависеть от белых южан в вопросах работы, еды и одежды; он же, исходя из своей необходимости и потребностей, держал нас в состоянии крепостных, которое не многим лучше рабства».

В 1861 г. американское правительство вступило в борьбу с рабовладельческими штатами не ради того, чтобы положить конец рабству, но с целью сохранения огромной территории страны, ее рынка и ресурсов. Но для победы был нужен крестовый поход, и его энергия привела на общенациональную политическую сцену новые силы: чернокожих, желавших, чтобы их свобода обрела свое истинное значение, белых, будь то чиновники из Бюро освобожденных⁹² или учителя на Си-Айлендс, а то и «саквояжники»⁹³, движимые или стремлениями к гуманизму, или личными амбициями. Все они так или иначе были озабочены вопросами расового равноправия. К тому же в рамках Республиканской партии существовал мощный стимул к сохранению контроля над федеральной властью с учетом перспективы того, что голоса черного населения Юга помогут осуществлению этих планов. Бизнесмены-северяне, видевшие для себя выгоду в политике республиканцев, в течение некоторого времени были согласны с таким положением.

Результатом явился непродолжительный период после окончания Гражданской войны, во время которого негры из южных штатов стали голосовать и избираться в законодательные собрания штатов и в Конгресс США, когда на Юге вводилось бесплатное и совместное для представителей разных рас государственное образование. Была выстроена законодательная база. Тринадцатая Поправка к Конституции страны объявила рабство вне закона: «В Соединенных Штатах или в каком-либо месте, подчиненном их юрисдикции, не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение, кроме тех случаев, когда это является

⁹² Бюро освобожденных создано по требованию республиканцев в марте 1865 г. при военном министерстве и ведало в период Реконструкции всеми вопросами, касавшимися улучшения социально-экономического положения бывших рабов. Закрыто по решению Конгресса в 1872 г.

⁹³ Так презрительно южане называли приезжих северян – представителей федеральных властей в период Реконструкции.

наказанием за преступление, за которое лицо было надлежащим образом осуждено». Четырнадцатая Поправка аннулировала довоенное решение по делу Дреда Скотта, объявив, что «все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах», являются гражданами страны. Она также явилась сильным доводом в пользу расового равноправия, существенно ограничившим «права штатов»: «Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона».

В 15-й Поправке говорилось: «Право голоса граждан Соединенных Штатов не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку расы, цвета кожи либо в связи с прежним нахождением в подневольном услужении».

В конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. Конгресс принял ряд законов, проникнутых тем же духом. Они объявляли преступным ущемление негров в их правах, требовали от представителей официальных властей контроля за исполнением таких законов, предоставляли чернокожим право вступать в договорные отношения и покупать собственность без какой-либо дискриминации. А в 1875 г. Закон о гражданских правах ликвидировал запрет на вход неграм в отели, театры, на железнодорожный транспорт и в другие общественные места.

При таком законодательстве, находясь под защитой Армии Союза в южных штатах, а также при помощи гражданской армии чиновников Бюро освобожденных, чернокожие Юга воспрянули, начали голосовать, сформировали политические организации и стали открыто выражать свое мнение по вопросам, представляющим для них интерес. Все это было весьма затруднительно в годы, когда у власти находился Эндрю Джонсон, который при Линкольне являлся вице-президентом, а после убийства последнего в конце войны стал президентом страны. Джонсон накладывал вето на законы, которые были направлены на помощь чернокожему населению; он облегчал возвращение в Союз штатов Конфедерации, не предоставляющих гарантий равных прав для негров. В годы его президентства эти штаты ввели в действие «черные кодексы», которые превратили освобожденных рабов в крепостных, по-прежнему трудившихся на плантациях. Например, штат Миссисипи в 1865 г. запретил этим людям арендовать или сдавать в аренду землю и предусматривал для них работу по трудовым контрактам, которые они не могли разорвать под страхом тюремного заключения. Он также давал судам право приговаривать чернокожих, не достигших 18 лет, – сирот или детей бедняков, – к принудительному труду, так называемому статусу подмастерья, наказывая тех, кто бежал.

Э. Джонсон вступал в отчаянные схватки с сенаторами и конгрессменами, которые в одних случаях из соображений справедливости, а в других – следуя политическому расчету поддерживали идеи равноправия и права голоса для бывших рабов. Противники президента в Конгрессе практически добились его импичмента в 1868 г., используя в качестве предлога нарушение Джонсоном незначительного законодательного акта. Однако сенату не хватило одного голоса для того, чтобы набрать две трети голосов, необходимые для снятия его с поста президента. В ходе выборов 1868 г. с преимуществом в 300 тыс. голосов новым главой государства был избран республиканец Улисс Грант, которого поддержало 700 тыс. чернокожих, и таким образом Джонсон перестал быть препятствием. Теперь южные штаты могли вернуться в состав США, лишь одобрив новые Поправки к Конституции страны.

В то время как политики Севера действовали в своих интересах, черные жители Юга должны были постараться извлечь максимальную пользу из своего освобождения, несмотря на недостаток земли и ресурсов. Изучая жизнь негров в Алабаме в первые послевоенные годы,

историк П. Колчин обнаружил, что они сразу начали отстаивать свою независимость, создавая собственные церкви, становясь политически активными, укрепляя родственные связи, стараясь дать своим детям образование. Колчин оспаривает утверждение некоторых исследователей относительно того, что рабство создало ментальность покорных «самбо». «Как только они получили свободу, эти, как мы полагали, зависимые, словно дети, негры начали действовать как независимые мужчины и женщины».

Теперь черных избирали в законодательные органы южных штатов, хотя нигде они не составляли большинства, за исключением нижней палаты легислатуры Южной Каролины. Масштабная пропагандистская кампания (та самая, которая продолжилась и в XX в. в американских школьных учебниках по истории) охватила Север и Юг. В ее ходе утверждалось, что чернокожие инертны, ленивы, нечисты на руку и мешают работе администраций южных штатов, когда находятся во властных органах. Без сомнения, коррупция существовала, но нельзя утверждать, будто черные изобрели политическое попустительство, особенно в условиях причудливого климата финансовых махинаций, распространившихся на Севере и Юге после Гражданской войны.

Действительно, государственный долг Южной Каролины, составлявший 7 млн. долл. в 1865 г., в 1873 г. возрос до 29 млн. долл., однако вновь избранная легислатура впервые в истории штата открыла бесплатные государственные школы. К 1876 г. в них обучалось не только 70 тыс. чернокожих детей, которые раньше не учились; 50 тыс. белых детей тоже пошли в школы, в то время как в 1860 г. белых школьников насчитывалось только 20 тыс. человек.

Участие негров в выборах в период после 1869 г. привело к тому, что двое чернокожих (Хайрам Ревеле и Бланш Брюс, оба от штата Миссисипи) стали сенаторами Конгресса США, а 20 человек – членами палаты представителей, включая восьмерых от Южной Каролины, четверых от Северной Каролины, троих от Алабамы, а также еще по одному от каждого штата, ранее входившего в Конфедерацию. (Этот список стал быстро сокращаться после 1876 г., и последний чернокожий покинул Конгресс в 1901 г.)

В XX в. ученый из Колумбийского университета Дж. Барджесс описывал Черную Реконструкцию следующим образом: «Вместо правительства из наиболее образованных и добродетельных членов общества, действовавших во благо тех, кем они управляют, существовало правительство из наиболее безграмотных и порочных представителей населения... Черная кожа означает принадлежность к расе людей, которые никогда не могли подчинить страсть рассудку и вследствие этого никогда не создавали никакой цивилизации».

В качестве контраргумента этим словам можно вспомнить лидеров послевоенного Юга. Например, Генри Макнил Тернер⁹⁴, который в 15 лет сбежал, являясь пеоном⁹⁵ на плантации в Южной Каролине, самостоятельно научился читать и писать, читал юридическую литературу, когда работал курьером в адвокатской конторе в Балтиморе, и книги по медицине, будучи разнорабочим при Балтиморской медицинской школе, служил капелланом в негритянском полку, а потом был избран в первое послевоенное законодательное собрание Джорджии. В 1868 г. легислатура этого штата проголосовала за исключение из своего состава всех черных – 2 сенаторов и 25 представителей. Тогда Тернер выступил с речью в палате представителей

⁹⁴ Генри Макнил Тернер (1834–1915) – епископ Африканской методистской епископальной церкви.

⁹⁵ Система пеонажа (от исп. реон – батрак), существовавшая на Юге США по примеру стран Южной Америки, строилась на том что собственник земли предоставлял крестьянину участок земли и небольшую ссуду, которую последний был обязан отработать или погасить деньгами с большими процентами. Долговое обязательство нередко переходило по наследству к семье должника. В южных штатах различные формы пеонажа сохранялись вплоть до начала XX в., хотя в принципе они были запрещены 13-й Поправкой к Конституции.

Джорджии (чернокожая аспирантка Университета Атланты позже сделала эту речь доступной для широкой публики):

«Господин спикер... Я хотел бы, чтобы члены этой палаты поняли мою позицию. Я считаю себя членом этого собрания. Поэтому, сэр, я не буду ни вилять хвостом и раболепствовать перед какой-либо из сторон, ни умолять их о моих правах... Я здесь для того, чтобы потребовать соблюдения моих прав и чтобы метать гром и молнии в тех, кто осмелился преступить порог моего человеческого достоинства...

Сцена, разыгранная сегодня в палате, не имеет аналогов в мировой истории... Никогда еще в мире человек не предстал перед лицом собрания, облеченного законодательными, юридическими или исполнительными функциями, обвиняемый в преступлении, которое заключается в том, что оттенок его кожи темнее, чем у остальных. На это сподобился штат Джорджия, в середине XIX в. привлечший человека к суду и обвинивший его в деянии, в котором он повинен настолько же, насколько повинен он в том, что носит голову на плечах. Англосаксонская раса, сэр, воистину удивительна... Я не знал, что этой расе свойственны такая трусость или такое малодушие... Я заявляю вам, сэр, что это вопрос, который не исчезнет сегодня. Об этом событии потомки будут помнить вечно, пока солнце будет подниматься на небеса... нам говорят, что если черные хотят сказать, пусть делают это через белые рупоры, если черные хотят выразить свои чувства, то они должны быть фальшивыми и посланы через белых курьеров, которые скаламбурят, скажут двусмысленно и ускользнут столь же быстро, как качается маятник часов... А главный вопрос, сэр, следующий: человек ли я? И если да, то я требую соблюдения прав человека...

Почему, сэр, мы хотя и не белые, но достигли многого? Здесь мы проложили путь цивилизации, мы построили вашу страну, мы работали на ваших полях, собирали ваш урожай на протяжении 250 лет! И что мы просим взамен? Разве мы просим расплатиться с нами за пот, пролитый для вас нашими отцами, за пролитые из-за вас слезы, за разбитые вами сердца, за безвременно прерванные жизни, за пролитую вами кровь? Разве мы требуем возмездия? Нет, мы считаем, пусть мертвые хоронят своих мертвецов, но мы просим сегодня соблюдения наших ПРАВ».

Когда негритянские дети пошли в школу, черные и белые учителя поощряли их к тому, чтобы учащиеся высказывали свои мысли и чувства свободно, иногда в форме вопросов и ответов. Вот архивные записи одной из школ Луисвилла (Кентукки):

«Учитель: А теперь, дети, скажите, как вы думаете: белые люди лучше вас, потому что у них прямые волосы и белые лица?

Ученики: Нет, сэр.

Учитель: Да, они ничем не лучше, но они отличаются от нас, у них в руках большая власть, они сформировали это великое правительство, они контролируют эту огромную страну... А что делает их столь отличными от вас?

Ученики: Деньги!

Учитель: Да, но что дает им возможность получить эти деньги? Как они получают эти деньги?

Ученики: Они забирают у нас, они всех нас обкрадывают!»

Восстанавливать послевоенный Юг помогали чернокожие женщины. Фрэнсис Эллен Уоткинс Харпер из Балтимора, которая с 13 лет сама зарабатывала себе на жизнь, работая сначала няней, а потом читая лекции на аболиционистскую тематику и собственные поэтические произведения, после войны выступала по всем южным штатам. Она была

феминисткой, участницей съезда в защиту прав женщин в 1866 г. и одной из основательниц Национальной ассоциации цветных женщин⁹⁶. В 90-х гг. XIX в. Фрэнсис Харпер стала первой чернокожей писательницей, опубликовавшей роман («Айола Лерой, или Сумерки сгущаются»). В 1878 г. она рассказала, что ей довелось увидеть и услышать на Юге в последние годы: «Одна моя знакомая, которая живет в Южной Каролине и была вовлечена в миссионерскую деятельность, сообщает, что женщины являются оплотом семьи, что в штате две трети работ по промышленному огородничеству выполняется ими, что и в городах они усерднее мужчины... Когда мужчины теряют работу из-за своих политических убеждений, женщины стоят на их стороне и говорят: «Отстаивай свои принципы»».

На протяжении всей борьбы за равные права для чернокожих некоторые негритянки выступали, заявляя о своем особом положении. Соджорнер Трут на митинге Американской ассоциации за равноправие⁹⁷ говорила: «Вопрос о предоставлении цветным мужчинам их прав многократно перемалывался, но ни слова не было сказано о правах цветных женщин, и если цветные мужчины получают свои права, а цветные женщины – нет, то, вот увидите, цветные мужчины останутся хозяевами своих женщин, и будет столь же худо, как и раньше. Поэтому я за то, чтобы продолжать, пока вопрос еще перемалывается, так как, если мы дождемся, когда все будет перемолото, окажется слишком трудно начинать заново...

Мне больше 80 лет, и мне уже пора на покой. Я провела 40 лет в рабстве и 40 лет на свободе, и мне бы еще 40 лет, чтобы добиться для всех равных прав. Я думаю, что нахожусь все еще с вами потому, что мне еще предстоит кое-что совершить; я думаю, что еще могу помочь разорвать цепи. В жизни я много трудилась, не меньше мужчин, но мне платили меньше. Я работала в поле и вязала снопы, присматривая за колыбелькой, а мужчины трудились не больше меня, однако получали вдвое больше... Мне кажется, я практически единственная цветная женщина, которая выступает в защиту прав цветных женщин. Я хочу, чтобы дело двигалось сейчас, когда лед уже дал трещину».

Были приняты Поправки к Конституции США и законы о расовом равноправии; чернокожие начали голосовать и избираться во властные органы. Но пока негры оставались зависимыми от привилегированных белых в вопросах получения работы и жизненно важных вещей, их голоса можно было купить или отобрать с помощью угроз применения силы. Поэтому законы, касающиеся равенства в правах, стали бесполезны. Пока Армия Союза, включая и полки цветных, оставалась на Юге, этот процесс был приостановлен. Однако устойчивое равновесие власти военных стало нарушаться.

Белая олигархия южных штатов использовала свои экономические возможности, для того чтобы создать Ку-клукс-клан⁹⁸ и другие террористические группы. Политики-северяне начали взвешивать, с одной стороны, преимущества от получения политической поддержки чернокожей бедноты, чье право голосовать и занимать государственные посты держалось исключительно на силе, а с другой – выгоду от создания более стабильной ситуации на Юге при возвращении к господству белых, согласившихся подчиняться республиканцам и

⁹⁶ Создана в столице США Вашингтоне в 1896 г.

⁹⁷ Действовала в 1866–1869 гг.

⁹⁸ Ку-клукс-клан (KKK) – тайная террористическая, расистская организация, созданная в 1865 г. ветеранами-конфедератами для пропаганды идей превосходства белой расы и противодействия политическому влиянию «саквожников» на Юге; запрещена в 1869 г. Однако многие ее члены продолжали активно действовать весь период Реконструкции. В 70-х гг. XIX в. были приняты законы, направленные на пресечение деятельности KKK. Начал возрождаться в годы Первой мировой войны.

законодательству в области бизнеса. Возврат чернокожих к положению, очень напоминавшему рабство, был лишь вопросом времени.

Насильственные действия начались буквально сразу после окончания войны. В мае 1866 г. в Мемфисе (Теннесси) разъяренные белые убили 46 негров, большинство из которых являлись ветеранами Армии Союза, а также двоих сочувствовавших им белых. Пять чернокожих женщин изнасиловали. Девяносто домов, 12 школ и 4 церкви были сожжены. Летом 1866 г. в Новом Орлеане во время другого антинегритянского бунта погибло 35 чернокожих и 3 белых.

Сара Сонг давала следующие показания перед комитетом Конгресса по расследованиям:

– Вы были в рабстве?

– Да, я была рабыней.

– Что вы видели во время бунта?

– Я видела, как они убили моего мужа. Это было ночью во вторник, между 10 и 11 часами. Ему выстрелили в голову, когда он больной лежал в кровати... Их было 20 или 30 человек... Они вошли в комнату... Затем один отошел и застрелил его... он находился от него на расстоянии не более одного ярда; он направил пистолет на его голову и выстрелил три раза... Потом один из них толкнул моего мужа ногой, а другой еще раз выстрелил в него, когда он упал... После того как он [муж] упал, он больше не говорил. Потом они убежали и больше не возвращались...

В конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в., когда Ку-клукс-клан начал организовывать налеты, линчевания, избиения и поджоги, число случаев проявления насилия существенно возросло. Только в одном штате Кентукки в период с 1867 по 1871 г., по сведениям Национального архивного управления, имели место 116 случаев проявления насилия. Вот примеры:

– 14 ноября 1867 г. Банда побывала в Харродсберге в графстве Мерсер, чтобы освободить из тюрьмы человека по имени Робертсон...

– 28 мая 1868 г. Сэм Дэвис повешен бандой в городе Харродсберге.

– 12 июля 1868 г. Уильям Пирс повешен бандой в городе Кристиане.

– 11 июля 1868 г. Дж. Роджер повешен бандой в городе Брадсфордвилле, графство Мартин... 10. Сайлас Вудфорд, 60 лет, сильно избит бандой в масках...

– 14 января 1871 г. Негр убит Ку-клукс-кланом в графстве Хэй.

Чернокожий кузнец по имени Чарлз Колдуэлл, рожденный в рабстве, избранный в сенат legislatures штата Миссисипи и известный белым как «пресловутый буйный негр», в 1868 г. был ранен сыном белого судьи из этого штата. Колдуэлл выстрелил в ответ и убил нападавшего. Сенатора судило жюри присяжных, состоявшее только из белых. Он настаивал на самообороне и был оправдан, став первым чернокожим, убившим белого человека в Миссисипи и оправданным в ходе судебного разбирательства. Однако в Рождество 1875 г. Колдуэлл был застрелен белой бандой. Это являлось знаком. Старые белые правители опять брали в свои руки политическую власть в штате и по всему Югу.

Когда в 70-х гг. XIX в. проявление насилия со стороны белого населения стало все более распространенным, национальное правительство, даже при президенте У. Гранте, стало испытывать гораздо меньше энтузиазма по поводу защиты черных и, безусловно, не было готово вооружать их. Верховный суд сыграл роль гироскопа, направляя все остальные ветви власти обратно к гораздо более консервативному стилю управления, если они заходили слишком далеко. Суд начал трактовать 14-ю Поправку к Конституции США, принятую исключительно для обеспечения расового равноправия, таким образом, чтобы сделать ее недействительной для достижения поставленной в ней цели. В 1883 г. Закон о гражданских правах

1875 г., объявивший противозаконной дискриминацию негров в общественных местах, фактически был сведен на нет Верховным судом, который постановил: «Посягательство одного индивида на права другого индивида не является предметом Поправки». Суд объявил, что 14-я Поправка касается исключительно действий штатов: «Ни один штат не должен».

Удивительное инакомыслие проявил член Верховного суда Джон Харлан (сам бывший некогда рабовладельцем в Кентукки), который написал, что существует конституционное оправдание запрещения дискриминации на личностном уровне. Он обратил внимание на то, что 13-я Поправка к Конституции США, отменившая рабство, касалась индивидуумов – владельцев плантаций, а не штатов. Потом этот член Суда привел довод о том, что дискриминация была признаком рабовладения, а следовательно, также противозаконна. Кроме того, Харлан обратил внимание на первую фразу 14-й Поправки, в которой говорится, что все люди, родившиеся в Соединенных Штатах, являются гражданами этой страны, а также на следующее положение Раздела 2 Статьи 4 Конституции: «Гражданам каждого штата предоставляются все привилегии и льготы граждан других штатов».

Дж. Харлан сражался с более мощной силой, чем логика или справедливость: настроения Верховного суда отражали интересы новой коалиции промышленников Севера и бизнесменов-плантаторов Юга. Кульминацией этих настроений стало решение по делу «Плесси против Фергюсона», принятое в 1896 г. и устанавливавшее, что на железных дорогах возможна сегрегация белых и негров, в случае если предоставляемые им условия одинаковы: «Целью Поправки, было, без сомнения, обеспечение абсолютного равенства двух рас перед лицом закона, но на самом деле она и не могла быть направлена на то, чтобы отменить различия по цвету кожи или на то, чтобы обеспечить социальное, в отличие от политического, равенство, либо на то, чтобы объединить две расы на неприемлемых для них условиях». Харлан опять был не согласен: «Наша Конституция слепа к цвету кожи».

То, что происходило, было абсолютно ясно и нашло наглядное подтверждение в 1877 г. В начале года президентские выборы, прошедшие в ноябре 1876 г., вызвали ожесточенную дискуссию. Кандидат от демократов Сэмюэл Тилден набрал 184 голоса выборщиков, и для победы ему был необходим еще один: у него оказалось на 250 тыс. больше голосов избирателей. Кандидат от республиканцев Разерфорд Хейс получил 166 голосов выборщиков. В трех штатах, обладавших 19 голосами выборщиков, подсчет еще не был произведен, и если бы Хейс получил их все, то набрал бы в сумме 185 голосов и стал бы президентом. Эту проблему и ухитрились решить руководители его избирательной кампании. Они пошли на уступки Демократической партии и белому населению Юга, включая соглашение о выводе из региона подразделений Армии Союза, которые являлись последним препятствием на пути восстановления прежнего господства белых.

Политические и экономические интересы Севера требовали наличия могущественных союзников и стабильности в преддверии национального кризиса. С 1873 г. страна находилась в состоянии экономической депрессии, и к 1877 г. начались фермерские и рабочие волнения. Как пишет К. Ванн Вудворд в своем исследовании «Воссоединение и реакция», посвященном Компромиссу 1877 г.⁹⁹:

«Это был год экономической депрессии – наихудший год самой глубокой на тот момент истории депрессии. На Востоке страны рабочие и безработные пребывали в ожесточении и

⁹⁹ Компромиссом 1877 г. называют достигнутую специальной комиссией Конгресса США договоренность об урегулировании спора о результатах президентских выборов 1876 г., возникшего между кандидатами – республиканцем Хейсом и демократом Тилденом. В итоге президентом страны стал Р. Хейс, в обмен на обещание демократам прекратить Реконструкцию на Юге.

ярости... С Запада поднималась волна аграрного радикализма... И с Востока, и с Запада звучали угрозы в адрес тщательно разработанной системы протекционистских тарифов, национальных банков, субсидирования железных дорог и монетаристских мероприятий, которые являлись основами нового экономического порядка».

Это было время примирения элит Севера и Юга. К. Ванн Вудворд спрашивает: «...вынужден ли будет Юг объединиться с консерваторами-северянами и вместо угрозы стать опорой нового капиталистического порядка?»

Утратив миллиарды долларов вследствие освобождения рабов, старый Юг лишился богатства. Теперь южане надеялись на помощь федерального правительства в получении кредитов и субсидий, а также при подготовке проектов по предотвращению наводнений. В 1865 г. Соединенные Штаты потратили 103 294 501 долл. на общественные работы, из которых Юг получил лишь 9 469 363 долл. Например, в то время в штат Огайо было направлено более 1 млн. долл., соседнему Кентукки, расположенному на южном берегу реки Огайо, досталось лишь 25 тыс. долл. Если штат Мэн получил 3 млн. долл., то штат Миссисипи – всего 136 тыс. В то время как 83 млн. долл. было субсидировано на строительство железных дорог «Юнион Пасифик» и «Сентрал Пасифик», в результате чего проложили трансконтинентальную железную дорогу по северной части страны, никаких подобных средств Югу не выделялось. Таким образом, одна из надежд последнего возлагалась на федеральную помощь строительству Техасско-Тихоокеанской железной дороги.

К. Ванн Вудворд пишет: «С помощью ассигнований, субсидий, грантов и долговых обязательств, которыми Конгресс столь обильно поливал капиталистические предприятия на Севере, Юг тоже мог бы улучшить свое положение или по крайней мере увеличить состояние привилегированной элиты». Предполагалось, что существование этих привилегий будет опираться на поддержку белых фермеров, при участии которых сформируется новый альянс против чернокожих. Фермеры нуждались в железных дорогах, обустроенных гаванях, системе контроля за наводнениями и, разумеется, в земле. Однако они еще не знали, каким образом все это будет использовано с целью эксплуатации их самих.

Например, первым актом нового капиталистического сотрудничества Севера и Юга стала отмена южного гомстед-акта, согласно которому все федеральные земли, т. е. треть территории Алабамы, Арканзаса, Флориды, Луизианы и Миссисипи резервировалась за фермерами, которые должны были там поселиться. Это позволило отсутствовавшим на местах спекулянтам и торговцам древесиной скупить значительную часть этих земель.

Итак, сделка состоялась. Сенат и палата представителей Конгресса США создали соответствующий комитет, который должен был решить, кому отойдут голоса выборщиков. Приняли решение: голоса принадлежат Р. Хейсу и таким образом он становится президентом.

К. Ванн Вудворд подводит итог: «Компромисс 1877 г. не был направлен на реставрацию на Юге прежних порядков... Он обеспечивал господствующим белым политическую автономию и невмешательство в вопросы расовой политики и обещал долю благ нового экономического порядка. В свою очередь Юг становился по существу сателлитом доминирующего региона».

Важную роль нового капитализма в ниспровержении власти чернокожих в южных штатах после [Гражданской] войны подтверждает исследование Х. М. Бонда, посвященное Реконструкции в Алабаме и показывающее «борьбу между различными финансовыми группами» после 1868 г. Действительно, расизм являлся фактором, но «накопление капитала и концентрация контролирующих его людей находились вне зависимости от предрассудков, которые, вероятно, существуют. Без сантиментов и эмоций, те, кто рассчитывал на получение прибыли от эксплуатации природных ресурсов Алабамы, обратили человеческие предрассудки

и отношения в свою пользу, и сделали это искусно, с крепкой деловой хваткой».

Это был век угля и энергетики, а на севере Алабамы имелось и то и другое. «Банкиры из Филадельфии и Нью-Йорка, а также из Лондона и Парижа знали об этом уже почти 20 лет. Единственным, чего им не доставало, был транспорт». И вследствие этого в середине 70-х гг. XIX в., как отмечает Х. М. Бонд, имена финансистов-северян начали появляться в справочных изданиях южных железнодорожных компаний. Дж. П. Морган к 1875 г. числился членом советов директоров нескольких железных дорог в Алабаме и Джорджии.

В 1886 г. главный редактор газеты «Атланта конститьюшн» Генри Грейди выступал на ужине в Нью-Йорке. В аудитории находились Дж. П. Морган, Г. М. Флэглера (компаньон Дж. Д. Рокфеллера), Рассел Сейдж и Чарлз Тиффани. Речь Г. Грейди называлась «Новый Юг», и основными ее тезисами были: пусть прошлое останется в прошлом; давайте жить в новой эре мира и процветания; негры были процветающим рабочим классом; они полностью защищались законами и дружеским отношением южан. Оратор пошутил по поводу северян, которые продавали рабов Югу и говорили, что Юг не в состоянии теперь решать свою расовую проблему. Ему бурно аплодировали, а духовой оркестр играл «Дикси»¹⁰⁰.

В том же месяце в нью-йоркской «Дейли трибюн» появилась статья, где говорилось: «Ведущие на Юге производители угля и черных металлов, которые находились в нашем городе в течение последних десяти дней, отправятся домой на Рождественские праздники, удовлетворенные развитием бизнеса в этом году, и с надеждами на будущее. И у них на это есть причины. Наконец настало время, которого они ждали почти 20 лет, время, когда капиталисты-северяне убедились не только в безопасности, но и в возможности получать колоссальные прибыли от инвестиций в развитие сказочно богатых ресурсов угля и железа в Алабаме, Теннесси и Джорджии».

Надо заметить, что Северу не потребовалось совершать переворот в сознании, для того чтобы согласиться с подчиненным положением негров. Когда закончилась Гражданская война, в 19 из 24 штатов черное население не было допущено к участию в голосовании. К 1900 г. все южные штаты в своих новых конституциях и новых статутах узаконили ущемление в гражданских правах и сегрегацию чернокожих. В редакторской колонке газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Северяне... больше не осуждают лишение негров права голоса... Необходимость этого перед лицом высшего закона самосохранения искренне признана».

Хотя на Севере это и не было отражено в законах, схожие расистские настроения и практика присутствовали и там. Вот небольшая заметка из бостонской «Транскрипт» от 15 сентября 1895 г.: «Прошлой ночью по подозрению в дорожном грабеже был арестован цветной, называющий себя Генри У. Тернер. Сегодня утром его отвезли в студию Блэка, где сфотографировали для полицейского фотоархива. Это разозлило его, и он вел себя настолько отвратительно, насколько мог. Несколько раз по дороге к фотографу он оказывал сильное сопротивление полиции, так что его пришлось избить дубинками».

В послевоенной литературе образы негров в основном создаются белыми писателями-южанами, например Томасом Нелсоном Пейджем, который в своем романе «Красная скала» характеризует чернокожих как «гиен в клетке», «рептилий», «ничтожных созданий», «диких зверей». А исполненный отеческих поучений о дружбе с неграми Джоэл Чэндлер Харрис в своих «Сказках дядюшки Римуса» вкладывает в уста дядюшки Римуса следующие слова: «Дайте учебник арфаграфеи в руки ниггеру, и он сразу разучится пахать. Я

¹⁰⁰ «Дикси», или «Земля Дикси», – песенка 1859 г., ставшая официальным гимном Конфедерации. Вскоре «Дикси» стали называть все южные штаты.

магу взять ха-а-рошу палку и за одну минуту вбить ему в башку гарзда больша, чем все школы отседа и да Миджигана».

При таких настроениях неудивительно, что те негритянские лидеры, которых приняло белое сообщество, такие, как, например, Букер Т. Вашингтон, который однажды побывал в Белом доме в гостях у Теодора Рузвельта, способствовали политической пассивности негров. Приглашенный белыми организаторами Международной выставки и экспозиции хлопковых штатов в Атланте в 1895 г., Б. Т. Вашингтон убеждал черных Юга «поставить свою корзину на землю там, где вы сейчас находитесь», что означало призыв остаться на Юге, стать фермерами, ремесленниками, слугами и даже, возможно, приобрести какую-то профессию. Он призывал белых работодателей нанимать черных, а не иммигрантов с «незнакомым языком и привычками». Негры «без забастовок и трудовых конфликтов» являются «наиболее спокойными, преданными, законопослушными и необидчивыми людьми, каковых только видел мир». Б. Т. Вашингтон говорил: «Наиболее мудрые люди моей расы понимают, что агитация по вопросам социального равенства – это экстремистская глупость».

Возможно, он видел в этом тактику, необходимую для выживания во времена, когда по всему Югу негров вешали и поджигали их дома. Для черного населения Америки это был очень тяжелый период. Томас Форчун, молодой чернокожий редактор нью-йоркской газеты «Глоб», в 1883 г. давал показания сенатскому Комитету по поводу положения негров в Соединенных Штатах. Он говорил о «повсеместной бедности», о предательстве со стороны правительства и о безнадежных попытках черных заняться самообразованием.

По словам Форчуна, средняя оплата труда негра на ферме составляла 50 центов в день. Обычно она выдавалась не в деньгах, а в «чеках», которые следовало использовать лишь в магазине, контролируемом плантатором, – и это была «система мошенничества». Чтобы получить средства под будущий урожай, чернокожий должен был пообещать отдать его магазину, а когда к концу года все складывалось вместе, он оказывался погрязшим в долгах. В результате весь собранный этим фермером урожай постоянно принадлежал кому-то другому, а сам он был привязан к земле, притом что учет велся плантаторами и лавочниками таким образом, чтобы негры были «обмануты и навеки оставались должниками». Что же касается мнимой лени, то: «Я удивлен, что большинство из них не ходит ни на рыбалку, ни на охоту и не шатается без дела».

Т. Форчун говорил о «пенитенциарной системе Юга, печально известной своими скованными общей цепью группами каторжников в кандалах... это служило устрашением для чернокожих и поставляло жертвы для подрядчиков, которые покупали у штата труд этих бедняг по стоимости песен, которые они пели... Белый, застреливший чернокожего, всегда выходил сухим из воды, в то время как негр, укравший поросенка, попадал в каторгу на 10 лет».

Многие чернокожие бежали. Около 6 тыс. человек покинули Техас, Луизиану и Миссисипи, отправившись в Канзас, дабы избежать бедности и проявлений насилия. Фредерик Дуглас и некоторые другие лидеры полагали, что такая тактика ошибочна, но мигранты не слушали советов. «Мы поняли, что никому, кроме Бога, не стоит верить», – сказал один из них. Генри Адамс, еще один черный переселенец, неграмотный ветеран Армии Союза, в 1880 г. сообщил сенатскому Комитету, почему он покинул город Шривпорт (Луизиана): «Мы увидели, что весь Юг – все южные штаты – попал в руки тех же самых людей, которые держали нас в рабстве».

Даже в самые тяжкие времена негры Юга продолжали собираться и спланиваться в целях самообороны. Г. Аптекер воспроизводит 13 текстов протоколов собраний, петиций, обращений черных, датируемых 80-ми гг. XIX в. в городе Балтиморе, а также в Луизиане, обеих Каролинах, Виргинии, Джорджии, Флориде, Техасе и Канзасе, которые показывают дух

неповиновения и сопротивления, свойственные чернокожим по всему Югу. И это в то время, когда в течение года совершалось более 100 линчеваний.

Несмотря на очевидную безнадежность ситуации, некоторые негритянские лидеры все же полагали, что Б. Т. Вашингтон был не прав, пропагандируя осторожность и умеренность. Джон Хоуп, молодой чернокожий из Джорджии, который слышал речь Вашингтона на Международной выставке и экспозиции хлопковых штатов, выступая перед студентами негритянского колледжа в городе Нэшвилле (Теннесси), сказал: «Если мы не прилагаем усилий для борьбы за равноправие, то ради чего мы существуем? Я считаю малодушием и позором для любого цветного говорить белым или цветным, что мы не боремся за это... Да, друзья мои, я требую равноправия, не более и не менее... А теперь прервите дыхание, ибо я использую прилагательное: Я говорю, что мы требуем социального равенства... Я не дикий зверь и не грязное животное. Вставайте, братья! Давайте мы станем хозяевами этой земли... Будьте недовольны. Будьте не удовлетворены... Будьте же столь неугомонны, как бурные волны в безбрежном море. Пусть волна нашего недовольства поднимется высоко над стеной предрассудков и размочит самые ее основы».

Другой чернокожий, приехавший преподавать в Университет Атланты, У. Дюбуа, полагал, что предательство по отношению к неграм в конце XIX в. являлось всего лишь звеном в цепи событий истории Соединенных Штатов, где такое происходило не только с бедными чернокожими, но и с белыми бедняками. В своей книге «Черная Реконструкция», написанной в 1935 г., он отмечал: «Бог рыдал, но это было не очень важно в век безверия. Что было важно, так это то, что рыдал весь мир, и до сих пор рыдает, ослепнув от слез и крови. Отсюда в Америке в 1876 г. начался подъем нового капитализма и новый этап порабощения труда».

Дюбуа считал этот новый капитализм частью процесса эксплуатации и подкупа, которые имели место во всех «цивилизованных» государствах мира: «Рабочие, живущие в культурных странах, умиротворенные и введенные в заблуждение голосованием, жестко ограничившим диктатуру крупного капитала, были подкуплены высокими зарплатами и политическими постами, чтобы объединиться в эксплуатации белых, желтых, коричневых и черных рабочих в менее развитых государствах».

Был ли прав Дюбуа, утверждая, что вследствие роста американского капитализма до и после Гражданской войны белые, так же как и чернокожие, в некотором смысле становились рабами?

Другая Гражданская война

Шерифу одного из графств в долине реки Гудзон, недалеко от города Олбани (Нью-Йорк), собиравшемуся в холмистый район огромного поместья Ренселлеров осенью 1839 г., чтобы собрать ренту с арендаторов, вручили письмо, где говорилось:

«...арендаторы объединились в свою организацию и решили не платить более за аренду, пока не будут удовлетворены их жалобы... Теперь арендаторы считают себя вправе поступать с лендлордом так же, как он с ними, т. е. по собственному усмотрению.

Не думайте, что это детские шутки... Если вы приедете в официальном качестве, то я не поручусь за ваше безопасное возвращение...

Арендатор».

Когда помощник шерифа прибыл в этот сельский район с судебными постановлениями о взимании арендной платы, неожиданно под звуки оловянных рожков появились фермеры. Они отобрали у него эти документы и сожгли их.

В декабре того же года шериф с конным отрядом из 500 собранных им людей прибыли в

этот аграрный регион и оказались в окружении 1,8 тыс. фермеров, преградивших им путь и трубивших в рожки, а сзади дорога была перекрыта еще 600 фермерами, ехавшими верхом и вооруженными вилами и дубинами. Шериф со своим отрядом развернулся, и те, кто стоял позади, расступились, чтобы пропустить их.

Так начиналось движение противников ренты в долине реки Гудзон, описанное Генри Кристменом в книге «Оловянные рожки и миткаль»¹⁰¹.

Это был протест против системы патроната, уходившей корнями в начало XVIII в., когда Нью-Йорком правили голландцы, – системы, при которой, как пишет Кристмен, «несколько семей, связанных между собой браками по расчету, контролировали судьбы 300 тыс. человек и правили на королевский манер территорией в 2 млн. акров».

Арендаторы платили налоги и ренту. Крупнейший манор принадлежал семье Ван Ренселлеров, от которой зависело более 80 тыс. арендаторов и которая сколотила состояние в 41 млн. долл. Землевладелец, как писал один из сочувствовавших фермерам, мог «наливаться вином, валяться на подушках, наполнять свою жизнь выходами в свет, едой и культурой, разъезжать на своем ландо, запряженном пятью лошадьми, по прекрасной речной долине на фоне гор».

К лету 1839 г. арендаторы провели первое массовое собрание. В результате экономического кризиса 1837 г. в районе появилось множество безработных, стремившихся получить землю, а также тех, кого уволили после завершения строительства канала Эри и спада первой волны постройки железных дорог. Тем летом арендаторы постановили: «Мы подхватим мяч революции там, где его оставили наши отцы, и докатим его до окончательного обретения народными массами свободы и независимости».

Некоторые жители аграрного края стали лидерами и организаторами. Среди них были сельский доктор Смит Боутон, приезжавший к своим пациентам верхом на лошади, и ирландец-революционер Эйндж Девир. Последний уже повидал, как монополия на землю и промышленность приводят к обнищанию обитателей трущоб Лондона, Ливерпуля и Глазго; он агитировал за перемены, был арестован за подстрекательские выступления и бежал в Америку. Девира пригласили выступить в День независимости США на митинге фермеров в Ренселлервилле, и оратор предупредил аудиторию: «Если вы позволите беспринципным и амбициозным людям монополизировать землю, они станут хозяевами страны со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Тысячи фермеров во владениях Ренселлеров объединились в ассоциации противников ренты, чтобы не дать землевладельцам возможность выселить их за неуплату.

Эти люди решили носить индейские костюмы из миткаля как символ «Бостонского чаепития» и напоминание о том, кому изначально принадлежала земля. Оловянный рожок означал у индейцев призыв взяться за оружие. Вскоре около 10 тыс. человек прошли подготовку и были готовы к борьбе.

Сборы шли во многих графствах, в десятках городков на берегах Гудзона. Появились листовки такого содержания:

**ВНИМАНИЕ! ПРОТИВНИКИ РЕНТЫ! ПРОСНИТЕСЬ! ВСТАВАЙТЕ!
ПРОБУЖДАЙТЕСЬ!**

Сражайтесь до тех пор, пока не исчезнет последний вооруженный враг,

¹⁰¹ Сорт грубой хлопчатобумажной ткани.

*Сражайтесь за ваши алтари и ваши очаги,
Сражайтесь за зеленые могильные холмы ваших предков,
За Бога и счастье в ваших домах!*

Шерифов и их помощников, пытавшихся вручить фермерам постановления судов, окружали всадники, одетые в костюмы из миткаля и появлявшиеся под звуки оловянных рожков; они обмазывали представителей властей дегтем и вываливали в перьях. Нью-Йоркская газета «Геральд», некогда относившаяся к фермерам с сочувствием, теперь уже сожалела о «бунтарском духе горцев».

В условиях аренды одним из наиболее нетерпимых было право землевладельца на строевой лес на всех фермах. Одного человека, отправленного на арендованный участок, чтобы забрать древесину, убили. Напряженность росла. Таинственным образом был убит мальчик с фермы, и никто не знал, кто это сделал, но в тюрьму посадили доктора С. Боутона. Губернатор приказал пустить в дело артиллерию, а из города Нью-Йорка был прислан отряд кавалеристов.

В 1845 г. в законодательное собрание штата поступили петиции в поддержку законопроекта, запрещающего уплату ренты, подписанные 25 тыс. арендаторов. Этот билль провалили. В сельской местности началась своего рода партизанская война между «индейцами» и отрядами шерифов. Боутона продержали в тюрьме 7 месяцев, из них 4,5 месяца – в тяжелых цепях, после чего выпустили под залог. На митинги 4 июля 1845 г. пришли тысячи фермеров, поклявшихся продолжить сопротивление.

Когда помощник шерифа попытался продать домашний скот фермера Моузеса Эрла, который задолжал 60 долл. за 160 акров каменистой почвы, произошло столкновение, в результате которого этот представитель власти был убит. Неоднократно срывались похожие попытки распродаж для получения арендных платежей. Объявив о том, что вспыхнул бунт, губернатор направил в район 300 солдат, и вскоре почти 100 противников ренты оказались в тюрьме. С. Боутона судили по обвинению в том, что он отобрал у шерифа документы, но судья вдобавок провозгласил, что доктор совершил акт «государственной измены, антиправительственного мятежа и вооруженного восстания», и приговорил обвиняемого к пожизненному заключению. Упомянутые вооруженные «индейцы», укрывшиеся на ферме Моузеса Эрла, где погиб помощник шерифа, были объявлены судьей виновными в убийстве, и присяжных проинструктировали соответствующим образом. Всех «индейцев» признали виновными, и судья приговорил четырех человек к пожизненному заключению, а еще двоих – к повешению. Двум лидерам мятежников было приказано написать письма с призывом к противникам ренты разойтись, так как это единственная возможность избежать суровых приговоров. Такие письма они написали.

Как видно, сила закона сломила движение противников ренты. Это должно было внушить фермерам, что они не победят насильственным путем, а должны свести свои усилия к голосованию и другим приемлемым методам проведения реформ. В 1845 г. 14 представителей от противников ренты было избрано в легислатуру штата. Теперь губернатор Сайлас Райт заменил два смертных приговора на пожизненное заключение; он обратился также к законодателям с просьбой оказать помощь арендаторам и покончить с феодализмом в долине реки Гудзон. Предложения раздробить огромные поместья после кончины их владельцев не прошли, но легислатура проголосовала за запрещение распродажи имущества арендаторов в связи с неуплатой ренты. В том же году конституционный конвент объявил новые феодальные арендные сделки вне закона.

Следующий губернатор, избранный в 1846 г. при поддержке противников ренты, обещал помиловать их сторонников, содержащихся в заключении, что он и сделал. Толпы фермеров

приветствовали этих людей у тюремных ворот. Судебные решения 50-х гг. XIX в. начали ограничивать самые одиозные порядки, свойственные манориальной системе, так и не изменив сути отношений между землевладельцем и арендатором.

В 60-х гг. продолжилось спорадическое сопротивление фермеров сбору невыплаченной ренты. Даже в 1869 г. были случаи, когда группы «индейцев» собирались для того, чтобы преграждать путь шерифам, действовавшим от имени богатого местного землевладельца Уолтера Черча. В начале 80-х годов помощник шерифа, попытавшийся по поручению этого человека лишить фермера имущества, был убит выстрелом из ружья. К тому времени большая часть арендованных земель перешла в собственность фермеров. В трех графствах, бывших центром движения противников ренты, из 12 тыс. фермеров только 2 тыс. оставались арендаторами.

Фермеры сопротивлялись, закон их подавлял, и борьба свелась к голосованию, а система восстановила стабильность за счет увеличения класса мелких землевладельцев, сохранив при этом основную структуру богатства и бедности нетронутой. Такова была обычная последовательность событий в американской истории. Примерно в то же время, когда в штате Нью-Йорк действовало движение противников ренты, в Род-Айленде страсти кипели вокруг восстания Дорра. Как пишет М. Джеттлмен в своей работе «Восстание Дорра», это являлось одновременно движением за реформу избирательной системы и примером радикального бунта. Восстание было спровоцировано правилом, содержавшимся в хартии Род-Айленда, согласно которому правом голоса обладали только землевладельцы.

По мере того как все больше людей покидало фермы и переезжало в города, а для работы на фабриках прибывали все новые иммигранты, росло число тех, кто был лишен избирательных прав. Плотниксамоучка из Провиденса Сет Лютер¹⁰², выступавший от имени трудящихся, в 1833 г. написал «Обращение о праве на свободу волеизъявления», осудив монополизацию политической власти «новоявленными лордами, дворянскими отпрысками... мелкими картофельными аристократами» Род-Айленда. Он призвал к отказу от сотрудничества с властями, от уплаты налогов и службы в отрядах милиции. К чему, вопрошал он, 12 тыс. рабочим штата, не имеющим права голоса, подчиняться 5 тыс. тех, кто владеет землей и может голосовать?

Адвокат Томас Дорр, происходивший из состоятельной семьи, стал лидером движения за избирательные права. Рабочие сформировали Род-Айлендскую ассоциацию избирателей, и весной 1841 г. тысячи людей прошествовали по улицам Провиденса, неся флаги и лозунги с призывами к реформе избирательной системы. Выйдя за дозволенные законом рамки, они организовали собственный «Народный конвент», где составили проект новой конституции, не содержащий ограничения избирательных прав по имущественному признаку.

В начале 1842 г. активисты призвали проголосовать за этот проект. В результате «за» высказались 14 тыс. человек, в том числе около 5 тыс. собственников. Таким образом, за конституцию штата отдало голоса большинство даже тех граждан, которым хартия [1663 г.] юридически позволяла голосовать. В апреле прошли неофициальные выборы, на которых Т. Дорр был единственным кандидатом на пост губернатора, и его пода, ержало 6 тыс. человек. Одновременно действующий губернатор Род-Айленда заручился обещанием президента Джона Тайлера, что в случае мятежа в штат будут направлены федеральные войска. В Конституции США было положение, в котором предусматривалась как раз такая ситуация, предполагавшая вмешательство федеральных властей для подавления восстаний на местах по просьбе

¹⁰² Сет Лютер (1795–1863) – активист раннего этапа рабочего движения в США.

правительства штата.

Проигнорировав это, 3 мая 1842 г. сторонники Дорра провели церемонию его инаугурации, устроив в Провиденсе торжественный парад ремесленников, лавочников, мастеровых и ополченцев. Был созван съезд только что избранной Народной легислатуры. Дорр организовал закончившееся провалом нападение на арсенал штата – пушка, имевшаяся у атакующей стороны, не смогла выстрелить. Официальный губернатор Род-Айленда приказал арестовать лидера, но тот укрылся за пределами штата, пытаясь заручиться поддержкой вооруженных сторонников.

Несмотря на протесты Дорра и некоторых других, в «Народной конституции» слово «белые» сохранилось в той части, где были определены категории лиц, имеющих право голоса. Теперь разъяренные чернокожие жители штата вступали в отряды милиции, поддерживавшие коалицию Закона и Порядка, которая обещала, что новый конституционный конвент предоставит им право голоса.

Когда Т. Дорр вернулся в Род-Айленд, то обнаружил там несколько сот своих последователей, в основном рабочих, готовых сражаться за «Народную конституцию». Однако на стороне штата в составе регулярных отрядов милиции были тысячи человек. Единогласного восстания не получилось, и Дорр вновь бежал.

Объявили военное положение. Один из схваченных бунтовщиков был поставлен с завязанными глазами перед расстрельной командой, которая дала залп холостыми патронами. Около сотни ополченцев были взяты в плен. Один из них описал, как, будучи связаны веревками повзводно, по восемь человек, они прошли пешком 16 миль до Провиденса; «нам угрожали и кололи штыками, если мы медленно тащились от изнеможения, веревки сильно врезались в наши руки; с моих рук была содрана кожа... до прихода в Гренвилл нам не давали воды... до следующего дня – никакой еды... и после того, как нас выставили напоказ, нас бросили в тюрьму штата».

В новой конституции предлагались некоторые реформы. Тем не менее акцент все еще делался на представительские права аграрных районов, в которых могли голосовать только собственники или уплатившие избирательный подушный налог (в размере 1 долл.), а натурализованные граждане имели право голосовать, только обладая недвижимым имуществом стоимостью не менее 134 долл. Во время выборов в начале 1843 г. группировка «За Закон и Порядок», оппонентами которой выступали бывшие сторонники Т. Дорра, использовала для устрашения милицию штата, запугивала наемных работников работодателями, а арендаторов землевладельцами, для того чтобы получить голоса. Группировка проиграла в промышленных городах, но победила в аграрных районах и ее представители заняли все основные посты в штате. Осенью 1843 г. Дорр возвратился в Род-Айленд. Он был арестован в Провиденсе и предстал перед судом, обвиненный в государственной измене. Жюри присяжных, получившее от судьи указания не принимать во внимание какие-либо политические доводы и рассматривать лишь вопрос о том, совершил ли подсудимый «конкретные явные действия» (чего тот никогда не отрицал), признало его виновным, после чего судья приговорил Дорра к пожизненным каторжным работам. Он провел в тюрьме 20 месяцев, а затем вновь избранный от группировки «За Закон и Порядок» губернатор, стремившийся избавиться от образа Дорра-мученика, помиловал последнего.

Ни вооруженная сила, ни участие в голосовании не принесли успеха, – суды принимали сторону консерваторов. Теперь движение Дорра дошло до Верховного суда США, доведя туда по инстанциям судебный иск о нарушении права владения, возбужденный Мартином Лютером против ополченцев – сторонников группировки «За Закон и Порядок», в котором утверждалось, что Народное правительство в 1842 г. было легитимным правительством штата Род-Айленд.

Против сподвижников Дорра выступил Даниэл Уэбстер, заявивший, что если народ претендует на конституционное право свергнуть существующее правительство, то от закона и правительства ничего не останется и воцарится анархия.

В своем решении по делу «Лютер против Боргена» (1849) Верховный Суд утвердил доктрину, которая продержится еще долго: Суд не намерен вмешиваться в решение определенных «политических» вопросов, которые являются прерогативой исполнительной и законодательной ветвей власти. Решение укрепило изначально консервативную сущность Верховного суда: по таким кардинальным вопросам, как война и революция, Суд перекладывает решение на президента и Конгресс.

Рассказы о движении противников ренты и восстании Дорра не часто найдешь в учебниках по истории США. В этих книжках, которые раздают миллионам юных американцев, классовой борьбе в XIX в. уделяется мало внимания. Период до и после Гражданской войны заполнен политикой, выборами, рабством и расовым вопросом. Даже там, где специализированная литература о джексонском периоде касается проблем рабочего движения и экономики, основное внимание уделяется институту президентства, таким образом увековечивая деяния героических лидеров, а не борьбу народа.

Эндрю Джексон сказал как-то, что выступает от имени «скромных людей – фермеров, ремесленников и чернорабочих». Уж конечно, он не выступал от имени индейцев, вытесненных со своих земель, или от имени рабов. Но напряженность, вызванная развитием фабричной системы и ростом иммиграции, требовала от властей создания массовой базы поддержки среди белых. Именно этой цели достигла «джексонская демократия».

По мнению специалиста в области изучения джексонской эпохи Д. Миллера, высказанному в работе «Рождение современной Америки», политическая жизнь в 30–40-х гг. XIX в. «в значительной степени концентрировалась вокруг создания популярного имиджа и лести простому человеку». Однако историк сомневается относительно точности термина «джексонская демократия»: «Парады, пикники и клеветнические кампании характеризовали политиканство времен Джексона. Но, хотя обе партии и направляли свою риторику на народ и озвучивали священные демократические лозунги, это не означало, что простой человек управлял Америкой. Профессиональные политики, вышедшие на сцену в 20-е и 30-е годы, хотя иногда и достигали всего сами, редко были обычными людьми. Обе политические партии в значительной степени находились под контролем состоятельных и амбициозных людей. Юристы, редакторы газет, торговцы, промышленники, крупные землевладельцы и спекулянты доминировали как в Демократической партии, так и в партии вигов».

Э. Джексон стал первым президентом, овладевшим мастерством либеральной риторики; он выступал от имени простого человека. Это было необходимо для политических побед в тех случаях, когда для их достижения требовались голоса (как случилось в Род-Айленде) все большего и большего числа людей, а легислатуры штатов ослабляли ограничения права голоса. Еще один исследователь – Р. Ремини в работе «Эпоха Джексона» в результате изучения статистики избирательных кампаний 1828 и 1832 гг. приходит к такому выводу:

Сам Джексон пользовался широкой поддержкой всех классов и всех регионов страны. Его личность привлекала фермеров, ремесленников, чернорабочих, людей свободных профессий и даже предпринимателей. И все это при том, что Джексон не придерживался отчетливых позиций («за» или «против») по отношению к трудящимся, бизнесу, а также к нижнему, среднему или высшему классу. Выявилось, что он был штрейкбрехером (Джексон направлял войска для подавления выступлений рабочих канала Чесапик – Огайо), а в другое время... он и демократы получали поддержку со стороны рабочих организаций. В этом заключалась новая политика двусмысленности – выступать от имени низшего и среднего классов с целью

получения их поддержки во времена стремительного развития и возможных беспорядков. В тот период сформировалась и двухпартийная система, чтобы дать народу выбор между двумя разными партиями и позволить ему выразить недовольство избранием немного более демократичной из них. Таковой являлась изобретательная форма контроля. Как и многое в Американской системе, она не стала результатом дьявольских козней каких-то заговорщиков, а появилась вполне естественно и своевременно. Р. Ремини сравнивает джексоновского демократа Мартина Ван Бюрена, сменившего Э. Джексона на посту президента, с консервативным австрийским государственным деятелем Меттернихом: «Как и Меттерних, который стремился к подавлению революционных волнений в Европе, Ван Бюрен и ему подобные политики желали избавиться от политических беспорядков в США путем баланса сил двух хорошо организованных и активных партий».

Джексоновская идея заключалась в достижении стабильности и контроля над ситуацией за счет привлечения в ряды сторонников Демократической партии «средних слоев, в особенности... значительного числа йоменов» посредством проведения «острожной, благоразумной и продуманной реформы», что подразумевало преобразование, которое бы не давало слишком больших результатов. Эти слова принадлежат реформатору, корпоративному адвокату и джексоновскому демократу Роберту Рентулу и оказались прогнозом популярности Демократической, а иногда и Республиканской партии в XX столетии.

Такие новые формы политического контроля были необходимы во время потрясений, связанных с развитием страны, и возможных восстаний. Строились каналы, железные дороги, появился телеграф. В 1790 г. в городах жили менее 1 млн. американцев; в 1840 г. эта цифра составляла уже 11 млн. человек. В 1820 г. в Нью-Йорке было 130 тыс. жителей, а к 1860 г. – 1 млн. И хотя путешественник Алексис де Токвиль выражал свое изумление «равенством условий существования людей», по словам его друга Бомона, он не слишком разбирался в цифрах. А потому наблюдение Токвиля, по мнению историка джексоновской эпохи Э. Пессена, высказанному в книге «Джексоновская Америка», не соответствовало фактам.

В Филадельфии семьи рабочих жили в многоквартирных домах по 55 человек в каждом. Обычно семья занимала одну комнату. Мусор не убирался, туалеты и водопровод отсутствовали, воздух был спертый. Воду качали насосами из реки Скулкилл, но подавалась она только в дома богатых. В Нью-Йорке можно было наблюдать нищих, лежавших на заваленных мусором улицах. В трущобах не было канализации, и зловонные воды стекали во дворы и на улицы, в подвалы, где жили беднейшие из бедных, принося с собой эпидемии: брюшного тифа в 1837 г. и сыпного тифа – в 1842 г. Во время эпидемии холеры 1832 г. богатые бежали из города, а бедняки оставались там и умирали.

Власти не могли рассчитывать на бедноту как на политических союзников. Но будучи незаметными при обычных обстоятельствах, эти люди, как, впрочем, рабы и индейцы, представляли собой угрозу, если поднимали голову. Были и более обеспеченные граждане – лучше оплачиваемые рабочие, владевшие землей фермеры, – которые могли служить базой постоянной поддержки системы. Кроме того, существовало новое городское сословие – «белые воротнички», – появившееся в условиях развивавшейся в то время торговли. Вот как в своей работе «Эпоха предпринимательства» описывают их Т. Кохрэн и У. Миллер:

«Одетый в тускло-коричневый костюм из шерсти альпака, восседая за высоким столом, этот новый работник занимался приходно-расходными книгами, индексировал и подшивал документы, выписывал и проштамповывал счета, векселя, накладные и квитанции. Получая за свою работу соответствующее жалованье, он имел в своем распоряжении лишние деньги и время для отдыха. Такой работник посещал спортивные соревнования и театры, был клиентом сберегательных банков и страховых компаний. Он читал «Нью-Йорк сан» Дэя или «Геральд»

Беннетта – «грошовую прессу», существовавшую за счет рекламы, наполненную полицейскими отчетами, историями из жизни криминального мира, советами по этикету, адресованными поднимавшейся буржуазии...»

Таким представал авангард растущей категории американских «белых воротничков» и профессионалов, которые были достаточно ухоженными и хорошо оплачиваемыми, чтобы воспринимать себя как часть буржуазного класса и поддерживать его в кризисные времена.

Открытию Запада для поселенцев во многом способствовала механизация ферм. Железный плуг вполосину сокращал время, уходившее на вспашку земли. К 50-м гг. XIX в. фирма «Джон Дир» производила до 10 тыс. плугов в год. Сайрус Маккормик ежегодно на своем заводе в Чикаго делал 1 тыс. механических жаток. Жнец с серпом в руках мог за день убрать пшеницу на площади около 1 акра, тогда как обладатель механической жатки – на 10 акрах.

По трактам, каналам и железным дорогам все больше людей переезжали на запад и все больше произведенной там продукции попадало на восток. Поэтому стало важно держать под контролем новый Запад, буйный и непредсказуемый. Когда в этом регионе были созданы первые колледжи, бизнесмены из восточных штатов, по мнению Т. Кохрэна и У. Миллера, «с самого начала стремились контролировать образование на западных территориях». В 1833 г. массачусетский политик и оратор Эдвард Эверетт выступил в пользу предоставления финансовой помощи западным колледжам:

«Пусть ни один бостонский капиталист, ни один человек, который проявляет большую заинтересованность в Новой Англии... не думает, что его призывают проявить щедрость на расстоянии по отношению к тем, кто его не волнует... Они просят вас обеспечить безопасность вашему собственному имуществу, рассеяв лучи света и истины в регионе, где есть столь многочисленные силы, способные сохранить это благоденствие или его нарушить...»

Капиталисты из восточных штатов осознавали необходимость в этой самой «безопасности вашему собственному имуществу». По мере развития технологий требовалось все больше средств, необходимо было брать на себя все больше рисков, а крупные инвестиции нуждались в стабильности. В экономической системе, которая не спланирована рациональным образом для удовлетворения потребностей человека, а развивается судорожно, хаотично, черпая мотивацию в прибылях, похоже, не существовало способа избежать периодических взлетов и спадов. Один такой спад имел место в 1837 г., другой – в 1853 г. Одним из способов достижения стабильности были сокращение конкуренции, объединение фирм и движение в сторону монополизации. В середине 50-х гг. ценовые сговоры и слияния компаний стали обычным делом: так, к примеру, на основе слияния многочисленных железнодорожных компаний образовалась Нью-Йоркская центральная железная дорога. Была создана Американская ассоциация производителей латуни, объявившая своей целью «противостояние губительной конкуренции». Для установления контроля над ценами появились Ассоциация владельцев хлопкопрядильных фабрик графства Хэмптон и Американская ассоциация производителей черных металлов.

Кроме того, чтобы свести риски к минимуму, необходимо было удостовериться в том, что власть играет традиционную роль содействия бизнесу, которая восходит ко временам Александра Гамильтона и сессии Конгресса первого созыва. Законодательные собрания штатов предоставляли корпорациям уставные полномочия, дававшие им право заниматься предпринимательством и поиском капиталов. Первоначально это были специальные хартии, направленные на реализацию конкретных проектов, затем – генеральные хартии, позволявшие зарегистрировать любой бизнес, отвечающий определенным требованиям. В 1790–1860 гг. было зарегистрировано 2,3 тыс. корпораций.

Представители железных дорог путешествовали в Вашингтон и столицы штатов,

обеспеченные деньгами, акциями своих компаний, бесплатными билетами на поезда. В 1850–1857 гг. они бесплатно получили в свое распоряжение 25 млн. акров государственных земель и миллионы долларов в виде облигаций (т. е. ссуд) от legislatures штатов. В 1856 г. в Висконсине железнодорожная компания «Лакросс-Милуоки» таким образом завладела 1 млн. акров, распределив 900 тыс. долл. в форме акций и облигаций между 59 членами законодательного собрания, 13 сенаторами и губернатором штата. Два года спустя железная дорога обанкротилась, и ее облигации обесценились.

На Востоке все большую силу обретали владельцы заводов, которые объединялись между собой. К 1850 г. 15 бостонских семейств, известные как «Члены Ассоциации», контролировали 20 % хлопкопрядильного производства в США, 39 % страхового капитала в Массачусетсе и 40 % бостонского банковского капитала.

В школьных учебниках, рассказывающих об этом периоде, говорится о спорах по вопросу о рабстве, но накануне Гражданской войны именно деньги и прибыли, а не противостояние рабству были верховным приоритетом тех, кто правил страной. Вот как пишут об этом Т. Кохрэн и У. Миллер: «Героями Севера были не Эмерсон, Паркер, Гаррисон или Филлипс. Героем там считался Уэбстер. Тот самый Уэбстер, который являлся сторонником введения тарифов, был земельным спекулянт, корпоративным адвокатом, политиком-выдвиженцем бостонской «Ассоциации», наследником короны Гамильтона. По его словам, «великой целью государства является защита имущества у себя в стране и уважение и слава за ее пределами». Во имя этих целей он выступал за сохранение единого государства, этим же Уэбстер руководствовался, когда вернул хозяевам беглых рабов».

Вот как описывают историки бостонских богачей: «Живя в роскоши в районе Бикон-Хилл, пользуясь уважением соседей за благотворительную деятельность и покровительство искусству и культуре, эти люди торговали на Стейт-стрит, пока их управляющие руководили фабриками и железными дорогами, а агенты продавали гидроэнергию и недвижимость. Они были отсутствующими лендлордами в самом полном смысле слова. Этих людей не касались эпидемии болезней в фабричных городах, они были также защищены от жалоб своих рабочих или душевных страданий, которые вызывали мрачные убогие окрестности. В городе-метрополии золотые дни переживали расцветавшие искусство и литература, образование и наука. В промышленных городах дети работали наравне с родителями, школы и доктора были лишь обещаниями, а собственная кровать являлась редким предметом роскоши».

Ралф Уолдо Эмерсон описывал Бостон тех лет: «На всех улицах, на Бикон-стрит и Маунт-Вернон, в адвокатских конторах и на верфях есть некий дурной запах, то же убожество, бесцветность и безнадежность, которые можно обнаружить в цехах обувной фабрики». Священник Теодор Паркер сказал своей пастве: «В наши дни деньги – самая внушительная мощь страны».

Попытки установить политическую стабильность и контролировать развитие экономики не вполне удавались. Новый индустриализм, перенаселенные города, многочасовая работа на фабриках, неожиданные экономические кризисы, приводящие к росту цен и потере рабочих мест, нехватка продуктов питания и воды, холодные зимы, душные жилища летом, эпидемии, детская смертность – все это вызывало спорадические реакции со стороны бедноты. Время от времени происходили спонтанные, неорганизованные восстания против богатых. Иногда ярость направлялась на расовую ненависть по отношению к чернокожим, религиозную войну против католиков, а нейтивистский¹⁰³ гнев – на иммигрантов. В ряде случаев эта ярость воплощалась

¹⁰³ Нейтивизм – движение с конца 20-х годов XIX в., в основе которого лежала борьба первых поколений

в демонстрациях и забастовках.

«Джексоновская демократия» пыталась создать консенсус вокруг поддержки системы, чтобы сделать ее более безопасной. Совершенно очевидно, что чернокожие, индейцы, женщины и иностранцы находились за рамками этого согласия. Но и многие белые рабочие заявили о своей непричастности к нему.

Полная мера самосознания рабочего класса в те годы, равно как и в любой другой период, сокрыта в истории, но до нас дошли фрагменты, заставляющие удивляться, сколь многое стояло за практичным молчанием трудящихся. Из 1827 г. дошло «Обращение... к ремесленникам и рабочим сословиям... Филадельфии», написанное «неграмотным ремесленником», скорее всего молодым сапожником, в котором говорится: «Нас угнетают во всех отношениях – мы тяжело работаем, производя все блага, которыми пользуются другие, в то время как мы сами получаем лишь крохи, и даже это в современном обществе зависит от доброй воли работодателей».

Филадельфийские рабочие пригласили одну из первых феминисток и социалисток-утописток, Фрэнсис Райт из Шотландии, выступить перед ними 4 июля 1829 г. на одном из первых общегородских съездов профсоюзов в США. Она спросила, свершалась ли революция для того, чтобы «раздавить сыновей и дочерей вашей индустриальной страны... забвением, нищетой, греховностью, голодом и болезнями». Ф. Райт задавалась вопросом, почему новые технологии снижали ценность человеческого труда, делая людей придатками машин, уродуя тела и души детей, работавших на предприятиях.

Позднее, в том же году Джордж Генри Эванс, печатник и редактор газеты «Уоркингмэнс адвокат», составил текст «Декларации независимости рабочих людей». Среди предложенного вниманию «беспристрастных и справедливых» сограждан перечня «фактов» были и такие:

«1. Законы об обложении налогами... наиболее угнетающе воздействуют на один класс общества...

3. Законы о создании частных корпораций все являются предвзятыми... давая одному общественному классу преимущества за счет другого...

6. Законы... лишили девять десятых членов общества, которые не являются богачами, равных возможностей наслаждаться «жизнью, свободой и стремлением к счастью»... Закон о праве удержания имущества в пользу землевладельцев, направленный против арендаторов... является одной из бесчисленных иллюстраций этого».

Дж. Эванс считал, что «все достигшие совершеннолетия должны иметь равное с остальными имущество».

В 1834 г. бостонский общегородской Союз ремесленников, в состав которого входили также квалифицированные ремесленники из Чарлзтауна и женщины-обувщицы из Линна, также обратился к Декларации независимости:

«Мы считаем... что законы, которые имеют тенденцию приподнимать конкретный класс людей над другими согражданами, давая этому классу особые привилегии, противоречат и нарушают эти основные принципы...

Наша государственная система образования так щедро одаривает храмы знания, доступные... лишь богатым, в то время как наши обычные школы... столь скудно обеспечены... Таким образом, даже в детстве бедняки склонны думать, что они чем-то хуже».

В своей работе «Самые необычные последователи Джексона» Э. Пессен пишет: «Лидеры рабочего движения в джексоновскую эпоху были радикалами... Как еще охарактеризовать людей, которые считали, что американское общество раздирают социальные конфликты, что

американских переселенцев-протестантов против иммигрантов-католиков. Политически активные нейтивисты образовали партию «ничего-не-знающих» (1849).

оно изуродовано нищетой народных масс, что в нем правит алчная элита, чья власть над всеми сферами американской жизни основана на частной собственности?»

Вспышки бунтов тех времен не зафиксированы в традиционных книгах по истории. К таковым, например, можно отнести волнения в Балтиморе летом 1835 г., когда обанкротился Банк штата Мэриленд, а его вкладчики потеряли сбережения. Будучи уверенной в том, что имеет место большое надувательство, собравшаяся толпа начала бить окна домов чиновников, связанных с банком. Когда восставшие разгромили один из домов, их атаковала милиция, убив около 20 человек и ранив не меньше сотни. На следующий вечер нападениям подверглись другие дома. Вот как эти события описаны во влиятельной газете того времени «Найлс уикли реджистер»: «Вчера вечером (в воскресенье), с наступлением темноты, произошло повторное нападение на дом Реверди Джонсона. Теперь сопротивления никто не оказывал. Судя по всему, несколько тысяч человек наблюдали за этими событиями. В дом вскоре вломились, и находившаяся там мебель, все книги из очень обширной библиотеки по юриспруденции были выброшены на улицу, а прямо перед входом устроен костер из них. Все, что находилось в доме, было вырвано оттуда с корнем и брошено в горящую кучу. Примерно к 11 часам вечера были уничтожены мраморный портик и значительная часть фасада... Затем толпа двинулась к резиденции мэра города Джесси Ханта, эсквайра, ворвалась туда, выволокла мебель и сожгла ее прямо перед дверью».

В те годы происходило формирование профсоюзов, о чем ярко и детально повествует труд Ф. Фонера «История рабочего движения в США». Суды считали тред-юнионы заговорщическими организациями, чья деятельность была направлена на подрыв торговли и, таким образом, противозаконна. Так оказалось и в случае, когда в городе Нью-Йорке 25 членов Объединенного общества подмастерьев-портных были признаны виновными «в заговоре, направленном на нанесение ущерба торговле, в бунте, оскорблении действием». Судья, назначая штрафы, заявил: «В этой благословенной стране законности и свободы дорога к успеху открыта для всех... Каждый американец знает или должен знать, что у него нет лучшего друга, чем законы, которые нужны ему для защиты более, чем какие-либо искусственно созданные организации. Такие организации имеют иноземное происхождение, и, как я имел возможность убедиться, поддерживают их в основном иностранцы».

По городу циркулировала листовка:

«Богатые против бедных!»

Судья Эдвардс, орудие аристократии, – против народа! Мастерские и рабочие! Вашей свободе нанесен смертельный удар!..Они [решения судьи] создали прецедент, для того, чтобы лишать рабочих права устанавливать цену на свой труд; иначе говоря, отныне богатей – единственный судья в том, что является потребностью для бедняка».

В парке «Сити-Холл» собралось 27 тыс. человек, чтобы денонсировать решение суда. Они избрали комитет связи, который три месяца спустя созвал съезд делегатов от ремесленников, фермеров и рабочих, выбранных в различных городах штата Нью-Йорк. Съезд собрался в Ютике; на нем была провозглашена Декларация независимости от существующих политических партий и учреждена Партия равных прав.

Хотя эта партия выдвинула своих кандидатов на официальные посты, особой веры в голосование как способ достижения перемен не было. Один из великих ораторов движения – Сет Лютер сказал на митинге 4 июля: «Сначала мы попробуем воспользоваться ящиком для голосования. Если это не поможет нашей правой цели, следующим и, крайним средством,

станет ящик для патронов». Симпатизировавшая трудящимся газета «Майкроскоуп» из города Олбани предупреждала: «Вспомним печальную судьбу рабочих: они быстро потерпели крушение, идя на поводу у других партий. Они открыли доступ в свои ряды адвокатам и политикам, которые... утратили чье бы то ни было доверие... Они сбились с пути и, не сознавая этого, были увлечены в водоворот, из которого им уже не суждено было найти выхода».

Кризис 1837 г. привел к массовым митингам и собраниям во многих городах. Банки приостановили выплаты металлическими деньгами, т. е. отказывались принимать выпущенные ими же банкноты в обмен на звонкую монету. Росли цены, и рабочие, которым и так было тяжело покупать продукты питания, обнаружили, что мука, продававшаяся раньше по цене 5,62 долл. за баррель, теперь стоила 12 долл. Выросли цены на свинину и уголь. В Филадельфии собралось 20 тыс. человек, и кто-то из них описал этот митинг в письме к президенту М. Ван Бюрену: «Сегодня днем на Индепенденс-сквер состоялось самое большое общественное собрание, которое я когда-либо видел. Оповестили о нем объявления, которые успели только вчера и прошлой ночью расклеить по городу. Митинг был задуман и осуществлен только силами трудящихся классов, без совета или участия тех, кто обычно берет на себя руководство в подобных делах. Президиум и ораторы на митинге были представлены теми же классами... Митинг был направлен против банков».

В Нью-Йорке члены Партии равных прав (которых часто называли «локо-фоко»¹⁰⁴) призывали на митинг: «Цены на хлеб, мясо, аренду и толпиво должны быть снижены! Народ соберется в парке в любую погоду, дождливую или солнечную, в 4 часа дня в понедельник... Приглашаются все друзья человечества, полные решимости сопротивляться монополистам и вымогателям». Нью-йоркская газета «Коммершл реджистер» так писала о состоявшемся митинге и последовавших за ним событиях:

«В 4 часа несколько тысяч человек собрались перед зданием муниципалитета... Один из этих ораторов... по сообщениям репортеров, явно направлял месть народа против мистера Илая Харта, одного из наших крупнейших биржевых торговцев мукой. «Сограждане! – воскликнул он. – У мистера Харта сейчас на складе находится 53 тыс. баррелей муки; давайте пойдем и предложим ему по 8 долл. за баррель, а если он не согласится.

Значительная часть участников митинга двинулась в направлении склада мистера Харта... среднюю дверь пробили, и на улицу выкатилось 20–30 или более бочек с мукой, а предводители проникли внутрь.

В этот момент на место прибыл сам мистер Харт в окружении полицейских. Часть толпы напала на полицейских на Дей-стрит, отняла дубинки и вдребезги их разбила... Через двери и из окон на улицу выбросили десятки и сотни бочек с мукой... Таким образом, бессмысленно, глупо и со злобой, было уничтожено около 1 тыс. бушелей пшеницы и 400 или 500 баррелей муки. Наиболее активными участниками уничтожения являлись иностранцы – ив самом деле, большая часть пришедших на сборище имела экзотическое происхождение, но было и от 500 до 1 тыс. других, наблюдавших за происходящим и участвовавших в подстрекательстве.

Разбрасывании бочек с мукой и разрывании мешков участвовало немало женщин. Они, подобно тем жалким людишкам, которые раздевают мертвецов на поле боя, заполняли коробки

¹⁰⁴ Партией «локо-фоко» («спичечной партией») (1835–1840) презрительно называли радикальную фракцию отделения Демократической партии в Нью-Йорке, состоявшей в основном из рабочих и ремесленников. Фракция выступала за отмену бумажных денег, сокращение банковских привилегий и в защиту профсоюзов. Она получила свое прозвище после того, как 29 октября 1835 г. самочинно продолжила партийное собрание, в то время как ее противники прекратили выступления и покинули зал заседаний, выключив осветительные газовые горелки. Радикалы при помощи фосфорных спичек вновь зажгли свет и продолжили заседание.

и корзины чем могли, насыпали муку в свои фартуки и уходили с добычей...

Над местом действия уже опустилась ночь, но разрушительная акция продолжалась до тех пор, пока не прибыло полицейское подкрепление, за которым вскоре последовали армейские подразделения...»

Эти события стали известны как Хлебный бунт 1837 г. Во время кризиса в том же году только в городе Нью-Йорке было 50 тыс. безработных (треть всех рабочих), а 200 тыс. человек (из общего населения в 500 тыс.) жили, по словам наблюдателя, «в абсолютной и безнадежной нищете».

Не сохранилось полных сведений о митингах, бунтах и других организованных или стихийных акциях, насильственных или ненасильственных, которые имели место в середине XIX в., когда страна развивалась, города становились перенаселенными, условия труда были плохими, условия жизни невыносимыми, а экономика находилась в руках банкиров, спекулянтов землевладельцев и торговцев.

В 1835 г у представителей 50 различных профессий в Филадельфии были свои тред-юнионы. Тогда же прошла первая успешная забастовка неквалифицированных рабочих, заводских рабочих, переплетчиков, ювелиров, кочегаров, мясников, мебельщиков. Бастующие требовали введения десятичасового рабочего дня. Вскоре законы о десятичасовом рабочем дне были приняты в Пенсильвании и других штатах, но в них предусматривалась возможность работодателя подписывать с работниками контракты на большую продолжительность рабочего дня. В законодательстве того периода разрабатывалась жесткая защита договорных положений; при этом делался вид, что контракты являются добровольными соглашениями междуравноправными сторонами.

В начале 40-х гг. XIX в. филадельфийские ткачи – в основном работавшие по найму на дому ирландцы-иммигранты – требовали повышения заработной платы, нападали на жилища тех, кто отказывался бастовать, уничтожали производимые ими товары. Отряд под началом шерифа попытался арестовать нескольких бастующих, но разбежался при столкновении с 400 ткачами, вооруженными ружьями и палками.

Однако вскоре возникли разногласия по религиозным вопросам между этими ирландскими ткачами-католиками и родившимися в США квалифицированными рабочими-протестантами. В мае 1844 г. в пригороде Филадельфии Кенсингтоне имели место столкновения между протестантами и католиками. Толпа мятежников-нейтивистов (противников иммиграции) громила районы, где жили ткачи, напала на здание католической церкви. Политики, представлявшие средний класс, вскоре привлекли обе противоборствующие группы в различные политические партии (нейтивистов – в Республиканскую партию, ирландцев – в Демократическую), таким образом подменив классовый конфликт политическими и религиозными разногласиями.

В результате, как пишет исследователь кенсингтонских бунтов Д. Монтгомери, рабочий класс Филадельфии разделился. «Тем самым у историков создавалась иллюзия, что в обществе нет классового конфликта», хотя на самом деле такие конфликты в Америке XIX в. «были столь же жестокими, как и любые другие, известные в индустриальном мире».

Ирландские иммигранты, бежавшие от голода из-за неурожая картофеля, прибывали в Америку на старых парусных кораблях. Рассказы о путешествии на этих судах только в мелочах отличаются от описаний плавания на кораблях, привозивших чернокожих рабов, а позднее – иммигрантов из Германии, Италии и России. Вот воспоминания об одном таком путешествии на судне, прибывшем из Ирландии и задержанном на острове Гросс-Иль у канадской границы:

«18 мая 1847 г. судно «Урания» из Корка с несколькими сотнями иммигрантов на борту,

большинство из которых были больны и умирали от корабельной лихорадки, было отправлено на карантин на Гросс-Иль.

Это был первый из охваченных чумой кораблей, следовавших в том году из Ирландии вверх по реке Св. Лаврентия. Но не успела наступить и первая неделя июня, как восточный ветер принес к берегам 84 судна разного тоннажа, и из всего этого огромного числа кораблей не было ни одно, который не нес бы на своем борту зловоние сыпного тифа, последствий голода и не имел бы смердящего трюма... относительно быстрое плавание занимало от 6 до 8 недель...

Кто может представить себе ужасы даже короткого путешествия на корабле эмигрантов, набитом беднягами всех возрастов, когда вокруг свирепствует лихорадка... экипаж угрюм или жесток либо парализован от ужаса перед чумой – несчастные пассажиры не способны помочь самим себе или оказать малейшую помощь друг другу. От четверти либо трети до половины всех этих людей находятся в разных стадиях болезни; многие умирают, некоторые уже умерли. Смертельный яд только усиливается от неопишуемой спертости воздуха, вдыхаемого бьющимися в конвульсиях страдальцами. Повсюду – громкий плач детей, несвязные речи бредящих, крики и стоны тех, кто пребывает в предсмертной агонии!..на острове негде было разместиться... сараи оказались быстро заполнены несчастными людьми... Сотни прибывших буквально вповалку лежали на берегу, оставленные в грязи среди камней, выползали на сушу как могли... Многие из них... испустили дух на том роковом берегу, будучи не в состоянии выбраться из ила, в котором они лежали...

Карантин на Гросс-Иль закрылся только 1 ноября. На этом пустынном острове нашли свою могилу 10 тыс. ирландцев».

Могли ли эти новые иммигранты из Ирландии, будучи сами бедными и презираемыми, симпатизировать чернокожему рабу, который все больше и больше попадал в центр внимания, становясь предметом для агитации по всей стране? И в самом деле, в то время большинство активистов рабочего класса игнорировали проблемы негров. Эли Мур, избранный от штата Нью-Йорк в Конгресс США профсоюзный лидер, выступал в палате представителей против рассмотрения петиций аболиционистов. Расовая вражда стала простой заменой классовому разочарованию.

С другой стороны, в 1848 г. белый сапожник писал в газете рабочих обувных фабрик города Линн «Ол»: «...мы не кто иные, как постоянная армия, держащая 3 млн. наших братьев в рабстве... Мы живем под сенью памятника на Банкер-Хилле, требуем соблюдения наших прав во имя человечества и отрицаем эти права в отношении других, потому что их кожа черного цвета! Стоит ли удивляться тому, что Господь в своем праведном гневe наказал нас, заставив испытать горькую чашу деградации».

Гнев городской бедноты часто выражался в бессмысленном насилии на национальной или религиозной почве. В 1849 г. в Нью-Йорке толпа, состоявшая преимущественно из ирландцев, штурмом взяла модный оперный театр «Астор-плейс»¹⁰⁵, где в роли Макбета выступал английский актер Уильям Чарлз Макреди – конкурент американца Эдвина Форреста, игравшего ту же роль в другой постановке. Толпа с криком «Сожжем проклятое логово аристократии!» – атаковала здание, швыряя камни.

Вызвали отряд милиции, и в последовавшей стычке были убиты или получили ранения около 200 человек.

Еще один экономический кризис разразился в 1857 г. Бурное строительство железных

¹⁰⁵ События 10 мая 1849 г. вошли в историю США как «Бунт у театра «Астор-плейс»». Погиб 31 человек (по другим данным – 17), 150 человек ранены.

дорог и развитие промышленности, всплеск иммиграции, рост числа биржевых спекуляций акциями и облигациями, воровство, коррупция и всяческие манипуляции привели сначала к безудержной экспансии, а затем к краху. В октябре того же года в стране насчитывалось 200 тыс. безработных, тысячи недавних иммигрантов скопились в портах Восточного побережья, надеясь вернуться в Европу. «Нью-Йорк таймс» писала: «На каждом судне, отходящем в Ливерпуль, теперь столько пассажиров, сколько корабль в состоянии перевезти, и многие из этих людей используются на работе, чтобы оплатить стоимость проезда, если у них нет денег».

В Ньюарке (Нью-Джерси) на массовом митинге несколько тысяч человек выдвинули требования трудоустройства безработных. В Нью-Йорке 15 тыс. жителей собрались на Томпкинс-сквер в центре Манхэттена. Оттуда они маршем прошли до Уолл-стрит и прошествовали мимо здания Биржи с криками: «Хотим работы!» Тем летом волнения происходили во многих трущобах Нью-Йорка. Однажды толпа из 500 человек атаковала полицейский участок, стреляя из пистолетов и швыряя кирпичи. Проходили демонстрации безработных, требовавших хлеба и работы, громивших магазины. В ноябре толпа заняла здание муниципалитета, и, чтобы изгнать ее оттуда, была вызвана морская пехота США.

В 1850 г. в стране работало 6 млн. человек, 500 тыс. из них составляли женщины: 330 тыс. были домашней прислугой, 55 тыс. – учительствовали. Из 181 тыс. фабричных работниц половина трудилась в текстильном производстве.

Женщины создавали свои организации. Американки впервые провели отдельную забастовку в 1825 г., участницами которой были «Объединенные портнихи Нью-Йорка», требовавшие повышения оплаты труда. В 1828 г. в Довере (Нью-Гэмпшир) произошла первая забастовка фабричных работниц – несколько сот женщин прошествовали с транспарантами и флагами. Они устроили пороховой фейерверк в знак протеста против новых фабричных правил, в соответствии с которыми взимались штрафы за опоздание, запрещалось разговаривать на рабочем месте и требовалось посещать церковь. Их заставили вернуться на фабрику, требования не удовлетворили, а вожаков уволили и внесли в «черные списки».

В Экзетере (Нью-Гэмпшир) работницы текстильной фабрики организовали забастовку (как тогда говорили, «прекратили работу»), потому что мастер переводил стрелки часов назад, чтобы продлить рабочий день. Это выступление закончилось успешно – компания обещала, что мастера поставят часы правильно.

«Лоуэлловская система», при которой молодые девушки нанимались на работу на фабриках и жили в общежитиях под присмотром экономок, поначалу представлялась вполне благотворной и дружелюбной – таким бегством от тяжелой и нудной домашней работы. Лоуэлл (Массачусетс) был первым городом, созданным для текстильной промышленности; его назвали в честь богатого и влиятельного семейства Лоуэлл. Но общежития стали похожи на тюрьмы, где все контролировалось правилами и распорядком. Ужин (который подавали после того, как женщины вставали в 4 часа утра и работали до 7.30 вечера) часто состоял лишь из хлеба с подливкой.

Поэтому лоуэлловские девушки начали создавать свои организации. Они печатали собственные газеты, протестовали против работы в слабо освещенных, едва вентилируемых ткацких цехах, где было невыносимо жарко летом, сыро и холодно зимой. В 1834 г. сокращение заработной платы привело к забастовке. Женщины заявили: «Союз есть сила. Наша нынешняя цель – создать союз и закрепить за собой обладание безусловными правами». Однако угроза взять на работу других вместо бастующих вынудила их вернуться на рабочие места, согласившись на сокращение жалованья (лидеров забастовки уволили).

Молодые женщины, нацеленные на успех в следующий раз, организовали Ассоциацию

фабричных работниц, и в 1836 г. в знак протеста против увеличения платы за общежития прошла забастовка, в которой приняли участие 1,5 тыс. работниц. Гарриет Хэнсон, которая работала на фабрике 11-летней девочкой, позднее вспоминала:

«Я трудилась в нижнем цеху, где и услышала, как поглощенно, если не сказать неистово обсуждают предложенную забастовку. Я страстно слушала то, что говорилось по поводу этой попытки «угнетения» со стороны корпорации, и, естественно, поддержала сторону бастующих. Когда настал день, в который девушки должны были выступить, первыми начали работавшие в верхних цехах, и они ушли с нашей фабрики в таком количестве, что вскоре ее были вынуждены закрыть.

Затем, когда девушки из моего цеха пребывали в нерешительности, будучи не уверенными в том, что им делать... я, начинавшая думать, что они после всех своих разговоров не станут бастовать, проявила нетерпение и инициативу и заявила с детской бравадой: «Мне не важно, что вы будете делать, а я пойду и приму в этом участие» – и двинулась вперед, за мной последовали другие.

Когда я оглянулась на длинные ряды, которые шли за мной, меня переполнила гордость больше, чем когда бы то ни было после того».

Бастующие маршем с песнями прошли по улицам Лоуэлла. Работницы продержались в течение месяца, но, когда у них закончились деньги, их выселили из общежитий, и многие вернулись на работу. Лидеров выступления, в том числе вдовствовавшую мать Гарриет Хэнсон, экономку одного из общежитий, уволили. Ее обвинили в том, что дочь приняла участие в забастовке.

Сопротивление продолжалось. Как пишет Г. Гатман, на одной из фабрик города 28 женщин получили расчет по таким причинам, как «нарушение дисциплины», «неподчинение», «дерзость», «легкомыслие» и «бунтарство». Одновременно девушки старались не забывать о свежем воздухе, о сельской местности и менее суетном образе жизни. Одна из них вспоминала: «Меня никогда особо не интересовало оборудование. Не понимала я всякие сложности с ним и не хотела заинтересовываться... В прекрасный июньский день я любила высунуться далеко из окна и постараться не слушать непрерывный лязг, раздававшийся изнутри».

В Нью-Гэмпшире 500 мужчин и женщин обратились с прошением к «Амоскиг мэнюфэкчуринг компани» не срубать старинный вяз, чтобы построить очередную текстильную фабрику. Они сказали, что это «прекрасное и добротное дерево», напоминающее о временах, «когда единственными звуками, которые можно было услышать на берегах Мерримака, были вопль краснокожего и крик орла, а не гул двух гигантских сооружений всю работу производящего».

В 1835 г. рабочие 20 заводов организовали забастовку, добиваясь сокращения рабочего дня с 13,5 до 11 часов, получения зарплаты наличными, а не расписками от компании, прекращения практики штрафов за опоздания. В стачке приняли участие 1,5 тыс. детей и их родителей; она продолжалась 6 недель. Для работы были привлечены штрейкбрехеры, некоторые рабочие вернулись на свои места, но бастующим удалось добиться 12-часового рабочего дня в будни и 9-часового – по субботам. В 1835 г. и в следующем году на Востоке США прошло 140 забастовок.

Кризис, который последовал за финансовым крахом 1837 г., дал толчок к созданию в Лоуэлле в 1845 г. Женской ассоциации рабочей реформы, которая направляла в законодательное собрание штата Массачусетс тысячи петиций с требованием ввести 10-часовой рабочий день. Наконец легислатура решила провести открытые слушания, ставшие первым исследованием условий труда, проведенным каким-либо государственным органом страны. Элайза Хемингуэй рассказала комитету о воздухе, тяжелом от чада масляных ламп, горевших

до рассвета и после заката. Джудит Пейн поведала о своих болезнях, вызванных работой на фабриках. Но после того как члены комитета посетили предприятия – к чему компании заранее подготовились и все подчистили, – в докладе было сказано: «Ваш комитет вернулся полностью удовлетворенным тем, что порядок, благопристойность и общее состояние дел на фабриках и вокруг них не могут быть улучшены при помощи какого-либо предложения со стороны членов комитета или путем принятия легислатурой какого-либо закона».

Женская ассоциация рабочей реформы осудила этот документ и с успехом добилась поражения председателя комитета на следующих выборах, хотя ее активистки и не имели права голоса. Но для того, чтобы изменить условия работы на фабриках, было сделано немного. В конце 40-х гг. XIX столетия в Новой Англии сельские женщины, работавшие на этих предприятиях, начали их покидать, и все чаще иммигранты из Ирландии занимали освободившиеся места.

Построенные компаниями поселки росли вокруг фабрик в Род-Айленде, Коннектикуте, Нью-Джерси и Пенсильвании. Здесь также использовался труд рабочих-иммигрантов, подписывавших контракты, по которым все члены семьи были обязаны отработать не менее года. Эти люди жили в трущобах, принадлежавших компании, получали зарплату расписками, которые они могли использовать только в магазинах фирмы; если качество их работы не устраивало, рабочих увольняли.

В Патерсоне (Нью-Джерси) первая в серии забастовок на фабриках была затеяна детьми. Когда компания неожиданно решила перенести обеденный перерыв с полудня на час дня, ребята при поддержке родителей оставили рабочие места. К ним присоединились городские рабочие: плотники, каменщики и машинисты, которые превратили забастовку в акцию за 10-часовой рабочий день. Однако неделю спустя под угрозой ввода отрядов милиции дети вернулись на работу, а их лидеров уволили. Вскоре после этого, пытаясь предотвратить еще большие неприятности, компания восстановила полуденный обеденный перерыв.

Обувщики из фабричного городка Линн (Массачусетс), расположенного к северо-востоку от Бостона, провели крупнейшую забастовку в США до Гражданской войны. В этом городе впервые начали использовать фабричные швейные машины, которые заменили сапожников-ремесленников. Фабричные рабочие в Линне, которые начали создавать свои организации еще в 30-х гг. XIX в., позднее приступили к изданию радикальной газеты «Ол». В 1844 г., за четыре года до появления «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, эта газета писала: «Разделение общества на производительные и непроизводительные классы и факт неравного распределения ценностей между этими двумя [классами] подводит нас к другому различию, а именно различию между капиталом и трудом... труд теперь становится товаром... В общество внедряются антагонизм и разница в интересах; капитал и труд находятся в оппозиции друг к другу».

Экономический кризис 1857 г. привел обувное производство к полной остановке, и рабочие Линна лишились работы. До этого уже было недовольство тем, что машины заменили сапожников. Цены росли, заработную плату неоднократно сокращали, и к осени 1859 г. мужчины получали 3 долл. в неделю, а женщины – 1 долл., работая при этом 16 часов в день.

В начале 1860 г. на массовом митинге только что созданной Ассоциации мастеровых было выдвинуто требование повысить заработную плату. Когда промышленники отказались встречаться с представителями их комитетов, рабочие призвали провести в День рождения Вашингтона забастовку. В то утро 3 тыс. обувщиков собрались в «Лисеум-холле» в Линне и создали «комитеты 100», которые должны были публиковать имена штрейкбрехеров, охранять порядок и предотвращать насилие, а также удостоверяться в том, что обувные заготовки не будут отправлять куда-либо для дальнейшего производства.

В течение нескольких дней к этому выступлению присоединились обувщики по всей Новой Англии: в Нейтике, Ньюберипорте, Хейверхилле, Марблхеде и других городках Массачусетса, Нью-Гэмпшира и Мэна. За неделю забастовки охватили все «обувные» поселки региона, а в акциях принимали участие Ассоциации мастеровых в 25 городах и 20 тыс. работников отрасли. Газеты называли эти события «Революцией на Севере», «Восстанием рабочих Новой Англии», «Началом конфликта между капиталом и трудом».

Несмотря на снежную бурю, 1 тыс. женщин и 5 тыс. мужчин прошли по улицам Линна, неся транспаранты и американские флаги. Вязальщицы и строчильщицы присоединились к бастующим и провели собственный массовый митинг. Вот что писал о них репортер нью-йоркской газеты «Геральд»: «Они обрушиваются на своих хозяев в таком стиле, который заставляет вспомнить о представительницах прекрасного пола, которые принимали участие в первой французской революции». Была организована многочисленная «Процессия дам», и женщины прошли по улицам, узким от сугробов, неся плакаты со словами: «Американки не будут рабынями... Слабые телом, но сильные духом, мы отважились выйти на бой за права, плечом к плечу с нашими отцами, мужьями и братьями».

Спустя десять дней после этих событий процессия из 10 тыс. бастующих рабочих (мужчин и женщин), включая делегации из Сейлема, Марблхеда и других городов, прошла по улицам Линна, тем самым проведя крупнейшую к тому времени демонстрацию рабочих Новой Англии.

На место были направлены бостонская полиция и отряды милиции, чтобы удостовериться в том, что бастующие не вмешиваются в отправку обувных заготовок за пределы штата. Акции рабочих продолжились, а городские лавочники и торговцы провизией предоставляли им продукты питания. Забастовка была на подъеме в течение всего марта, но к апрелю уже пошла на спад. Промышленники начали предлагать повышение заработной платы, чтобы вернуть рабочих на фабрики, не признавая при этом профсоюзы, с тем чтобы работники оставались с работодателями один на один.

Как пишет А. Доули в своем исследовании «Класс и местная община», посвященном забастовке в Линне, большинство рабочих-обувщиков были уроженцами США. Они не соглашались с социально-политическим порядком, державшим их в бедности, как бы его ни воспевали в американских школах, церквях и газетах. В Линне, по мнению Доули, «красноречивые и активные ирландские обувщики и кожевники присоединились к янки, напрочь отвергая миф о процветании. Ирландские рабочие и рабочие-янки совместно... искали кандидатов от рабочих на выборах и сопротивлялись разгону забастовок местной полицией». Пытаясь понять, почему этот пламенный классовый дух не привел к независимому революционному политическому действию, исследователь приходит к выводу, что основной причиной являлась электоральная политика, которая направляла энергию сопротивленцев в каналы системы.

А. Доули спорит с некоторыми историками, утверждавшими, что высокий уровень мобильности рабочих не давал им возможности самоорганизации революционными способами. Он отмечает, что, хотя в Линне на улицы тоже вышли массы людей, за этим «скрывался факт существования практически постоянного меньшинства тех, кто играл ключевую роль в организации беспорядков». Исследователь также предполагает, что мобильность помогает людям видеть то, что другие находятся в подобном им положении. Доули утверждает, что борьба европейских рабочих за политическую демократию, притом что себя они считали борцами за экономическое равноправие, сделала их классово сознательными. Однако американские рабочие к 30-м гг. XIX в. уже добились политической демократии, и потому их экономические битвы могли быть перехвачены политическими партиями, которые размывали

классовые противоречия.

Но даже это не могло остановить радикализм рабочего движения и рост классового сознания, если бы не тот факт, что, по словам Доули, «целое поколение в 60-е годы XIX в. было отправлено на запасной путь из-за Гражданской войны». Наемные рабочие, выступавшие за сохранение Союза, встали на сторону своих работодателей. Вопросы государственности оказались важнее классовых: «В то время когда десятки промышленных населенных пунктов, таких, как Линн, кипели от сопротивления индустриализации, политика на общенациональном уровне была занята вопросами войны и Реконструкции». Политические партии стояли на определенных позициях, предлагали выбор, затушевывая тот факт, что сама по себе политическая система и состоятельные классы, интересы которых она представляла, отвечали за появление тех проблем, которые они теперь предлагали разрешить.

В годы Гражданской войны и на Севере, и на Юге классовое сознание было подавлено милитаризмом и политическим единством, вызванным военным кризисом. Это единство было подкреплено риторикой и оружием. Начавшуюся войну объявили войной за свободу, но рабочих, рискнувших бастовать, атаковали солдаты, индейцев в Колорадо уничтожала армия США, а тех, кто посмел критиковать политику Линкольна, бросали в тюрьмы без суда – в то время было, наверное, около 30 тыс. политзаключенных.

Однако и на Севере, и на Юге наблюдались признаки несогласия с таким единством. Существовали недовольство бедных богатыми, бунт против доминировавших политических и экономических сил.

На Севере война принесла высокие цены на продукты питания и товары первой необходимости. Цены на молоко, яйца и сыр выросли на 60–100 % для тех семей, которые и по прежним меркам не могли себе их позволить. Историк Э. Файт в работе «Социальные условия и промышленность на Севере во время Гражданской войны» так описывал ситуацию: «Работодатели стремились присвоить себе все или почти все прибыли, связанные с повышением цен, не желая дать работникам их справедливую долю этих доходов посредством повышения заработной платы».

В годы войны забастовки проходили по всей стране. В 1863 г. спрингфилдская газета «Рипабликен» писала, что «рабочие практически всех отраслей за последние несколько месяцев провели забастовки», а в выходившей в Сан-Франциско «Ивнинг буллетин» говорилось, что «у сан-францисских рабочих новая страсть – забастовки за повышение жалованья». В результате этих действий формировались профсоюзы. В 1863 г. филадельфийские обувщики объявили, что повышение цен требует создания организации.

Заголовок в «Финчерс трейдс ревью» от 21 ноября 1863 г. гласил: «РЕВОЛЮЦИЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ», Это было преувеличение, но приведенный газетой список акций рабочих является впечатляющим свидетельством скрытого недовольства бедноты в период войны: «Сдвиг в активности трудящихся масс Нью-Йорка встревожил капиталистов этого города и окрестностей... Машинисты занимают твердую позицию... Мы печатаем их обращение в другой колонке. Работники Городской железной дороги провели забастовку, требуя повышения оплаты своего труда, и в течение нескольких дней заставили все население передвигаться «на своих двоих»... Маляры Бруклина предприняли действия по противостоянию попытке своих хозяев сократить их зарплаты.

Как нас извещают, плотники «вышли из леса», и их требования в целом выполняются. Рабочие мастерских по изготовлению сейфов добились повышения зарплат и теперь вернулись к работе. Печатники-литографы предпринимают усилия для обеспечения лучшей оплаты своего труда. Рабочие, занятые на строительстве броненосцев, все еще держатся в борьбе с подрядчиками... Красильщики ставней добились 25-процентного аванса. Кузнецы,

изготавливающие подковы, защищают себя от коварства денег и перемен в торговле.

Рабочие мастерских по изготовлению оконных рам и ставней создали свою организацию и требуют от своих работодателей 25-процентной прибавки к зарплате. Упаковщики сахара меняют свои преysкуранты. Резчики стекла требуют 15-процентного повышения нынешних ставок.

Хотя мы и признаем, что наш перечень далек от полноты, сказано достаточно, чтобы убедить читателя в том, что социальная революция, которая ныне идет в стране, должна победить, если только рабочие будут верны друг другу.

Извозчики, в количестве 800 человек, проводят забастовку... Бостонские рабочие не отстают... В добавок ко всему на Чарлзтаунской военно-морской верфи проходит стачка... Такелажники также бастуют...

Когда пишутся эти строки, ходят слухи о всеобщей забастовке рабочих предприятий черной металлургии Южного Бостона и других частей города, как написано в бостонской газете «Пост».

Война вернула многих женщин в мастерские и на фабрики, часто несмотря на возражения мужчин, которые считали, что труженицы опускают планку заработной платы. В городе Нью-Йорке девушкам приходилось делать зонтики с 6 часов утра до полуночи, зарабатывая при этом 3 долл. в неделю, из которых работодатели вычитали стоимость иголок и ниток. За шитье хлопчатобумажных сорочек девушки получали 24 цента за 12-часовой рабочий день. В конце 1863 г. работницы Нью-Йорка провели массовый митинг, стремясь найти решение своих проблем. Был сформирован Женский рабочий союз защиты, в Нью-Йорке и Бруклине проведена забастовка женщин, изготавливавших зонты. В Провиденсе (Род-Айленд) появился Женский союз сигарщиц.

К 1864 г. около 200 тыс. рабочих – мужчины и женщины – состояли в тред-юнионах, в некоторых отраслях формировались общенациональные профсоюзы, выпускались газеты рабочего движения.

Армия Союза использовалась для подавления забастовок. Солдат федеральных войск направили в Колд-Спрингс (Нью-Йорк), чтобы прекратить выступление на оружейном заводе, рабочие которого требовали повышения заработной платы. Войска вынудили вернуться на работу бастовавших станочников и портных города Сент-Луис. В Теннесси армейский генерал арестовал и выдворил из штата 200 бастовавших мастеровых. Когда машинисты Редингской железной дороги прекратили работу, забастовку подавляли регулярные войска, как и в случае с шахтерами в графстве Тиога (Пенсильвания).

Белые рабочие-северяне не выказывали особого энтузиазма по поводу войны, которая велась то ли во имя чернокожих невольников, то ли ради капиталистов – во имя кого угодно, только не их самих. А ведь они трудились почти в рабских условиях. Рабочие считали, что война приносит прибыли новому классу миллионеров. Они видели, как подрядчики продают армии бракованные ружья, песок, который выдают за сахар, рожь – под видом кофе; наблюдали, как из лоскутов производят одежду и одеяла для солдат; как на фронт поставляют ботинки с бумажной подошвой; как военные корабли строят из гнилой древесины, а униформа солдат разваливается от дождя.

Ирландские рабочие города Нью-Йорка, сами недавние иммигранты и малоимущие, к которым предвзято относились урожденные американцы, вряд ли могли симпатизировать городскому черному населению, конкурировавшему с ними за места грузчиков, парикмахеров, официантов и домашней прислуги. Чернокожие, лишённые этой работы, часто использовались в качестве штрейкбрехеров. А потом разразилась война, начался призыв в армию, повысился риск погибнуть. Законом о призыве, принятом в 1863 г., было предусмотрено освобождение

богачей от службы в армии: они могли заплатить 300 долл. или послать вместо себя замену. Летом 1863 г. среди тысяч жителей Нью-Йорка и других городов распространялась «Песнь призывников»¹⁰⁶. Вот одна строфа:

Мы идем на подмогу, отец Авраам,
Нас еще триста тысяч теперь!
Оставляем домашний очаг,
И сердца обливаются кровью,
С тех пор как вина наша – бедность,
Мы подчиняемся твоему указу.
Мы бедны, и нет средств, чтоб свободу купить.

Когда в июле 1863 г. начался призыв в армию, толпа разрушила основной призывной пункт в Нью-Йорке. Затем в течение трех дней многие белые рабочие ходили по городу, громя здания, фабрики, трамвайные линии, частные дома. Бунты против призыва – сложное явление, поскольку были направлены и против чернокожих, и против богатых, и против республиканцев. Начав с нападения на призывной пункт, восставшие продолжили акцию, атакуя дома богатых, а затем – убивая негров. Они шли по улицам, вынуждая фабрики закрываться и привлекая в толпу новых сторонников. Мятежники подожгли городской приют для цветных детей-сирот. Они убивали, сжигали и вешали чернокожих, которых хватили на улице. Многих людей утопили в реках.

На четвертый день федеральные войска, возвращавшиеся с Геттисбергской битвы, вошли в город и положили конец бунту. Около 400 человек было убито. Точных данных так никогда и не появилось, но число жертв оказалось больше, чем когда-либо при беспорядках, имевших место в истории США.

Дж. Т. Хедли в работе «Великие бунты в Нью-Йорке» дает красочное описание хронологии событий: «Второй день... постоянный звук пожарных колоколов только увеличивал ужас, который распространялся с каждым часом. Особенно это касалось негритянского населения... Некоторое время на углу 27-й улицы и 7-й авеню лежал труп негра, раздетого почти догола, а вокруг него собралась толпа ирландцев, плясавших и кричавших, как индейские дикари... Следующим объектом нападения оказалась негритянская парикмахерская, которую подожгли факелом. Негритянский ночлежный дом на той же улице также удостоился визита этих сорвиголов и вскоре был превращен в груды руин. Семидесятилетних стариков и детей, слишком маленьких для того, чтобы понять смысл происходящего, жестоко избивали и убивали».

Не столь продолжительные и не такие кровавые бунты против призыва в армию имели место и в других северных городах: Ньюарке, Трое, Бостоне, Толидо, Эвансвилле. В Бостоне погибли ирландские рабочие, напавшие на арсенал, – солдаты открыли по ним огонь.

На Юге, за фасадом единства белой Конфедерации, также тлел конфликт. Большинство белых – две трети – не имели рабов. Несколько тысяч семей составляли плантационную элиту. Федеральная перепись населения 1850 г. показала, что доходы 1 тыс. южных семейств, являвшихся экономической верхушкой, составляли около 50 млн. долл. в год, притом что

¹⁰⁶ Основа упоминаемой песни – гораздо более популярная патриотическая песня (1862) с тем же припевом, сочиненная после того, как 2 июля президент А. Линкольн обратился к нации с призывом отправить на фронт 300 тыс. добровольцев после поражения армии Союза под Ричмондом. «Отец Авраам» – уважительное прозвище Линкольна.

остальные 660 тыс. семей вместе взятые получали примерно 60 млн. долл. в год.

Миллионы белых южан были малоимущими фермерами, жившими в сараях или заброшенных надворных строениях, обрабатывая землю, которая была столь плоха, что владельцы плантаций ее попросту забросили. Перед самым началом Гражданской войны рабы, трудившиеся на хлопковой фабрике в городе Джексоне (Миссисипи), получали 20 центов в день на питание, а белые рабочие того же предприятия – 30 центов. В августе 1855 г. газета, выходившая в штате Северная Каролина, писала о «сотнях тысяч семей рабочего класса, которые из года в год вели полуголодное существование».

За боевыми возгласами мятежников и легендарным духом армии Конфедерации скрывалось сильное нежелание воевать. Историк Э. М. Коултер, сочувствовавший Югу, задавался вопросом: «Почему Конфедерация потерпела поражение? Существовало немало сил, приведших ее к разгрому, но обобщить их можно таким фактом: народ недостаточно сильно и не слишком долго стремился к победе». Решающую роль играли не деньги или солдаты, а сила воли и моральный дух.

Закон о призыве, действовавший в Конфедерации, также предполагал, что богатые могут избежать службы. Начали ли солдаты-конфедераты подозревать, что они сражаются за привилегии элиты, к которой им никогда не суждено принадлежать? В апреле 1863 г. в Ричмонде вспыхнул хлебный бунт. В то лето восстания против призыва происходили в разных городах Юга. В сентябре вспыхнул хлебный бунт в Мобиле (Алабама). Дж. Л. Тейтум в своем исследовании «Нелояльность в Конфедерации» пишет: «До окончания войны состояние большого недовольства положением дел проявлялось в каждом штате, и многие нелояльно настроенные люди объединялись в группировки – в некоторых штатах это были хорошо организованные и активные сообщества».

Гражданская война стала одним из первых в мире проявлений современного военного искусства: смертоносные артиллерийские снаряды, пулеметы Гэтлинга, штыковые атаки сочетали неразборчивое убийство всех и вся, свойственное механизированной войне, с рукопашными схватками. Кошмарные сцены не поддавались описанию, кроме как в романах вроде «Алого знака доблести» Стивена Крейна. Во время одной атаки у Петерсберга (Виргиния) полк из штата Мэн, в котором было 850 солдат, потерял за полчаса 632 человека. Это была масштабная мясорубка: с обеих сторон погибли 623 тыс. человек, 471 тыс. получили ранения, т. е. более 1 млн. убитыми и ранеными в стране, чье население составляло 30 млн. человек.

Неудивительно, что по мере продолжения войны росло число дезертиров. Что касается армии Союза, то к концу военных действий из нее бежало 200 тыс. человек.

Тем не менее в 1861 г. за Конфедерацию сражались 600 тыс. добровольцев, в армию Союза многие также вступили волонтерами. Психология патриотизма, соблазн приключений, аура морального крестового похода, созданные политическими лидерами, эффективно сработали, затенив классовое возмущение богатыми и всемогущими и повернув гнев на «врага». Вот что пишет Э. Уилсон в книге «Кровь патриотов», вышедшей после Второй мировой войны: «В наших недавних войнах мы видели, насколько раскол и разногласия в общественном мнении могут мгновенно обернуться практически полным общенациональным единством, приливом энергии, которая понесет молодежь к гибели и преодолет любые попытки сдержать этот поток. Единство мужчин на войне подобно стайке рыб, которая отклоняется от курса одновременно и, судя по всему, без указания лидеров, когда появляется тень врага, или закрывающей небо туче саранчи, которая одним импульсом опустится на землю, чтобы поглотить урожай».

Приглушив раздражающие звуки войны, Конгресс США взялся принимать, а Линкольн –

подписывать целую серию законов, предоставлявших бизнесу то, что ему хотелось, и что аграрный Юг блокировал до сецессии. Предвыборная платформа республиканцев образца 1860 г. напрямую была обращена к предпринимателям. В 1861 г. Конгресс принял тариф Моррилла, благодаря которому импортные товары подорожали, что позволило американским промышленникам повысить цены на свои изделия и заставило потребителей в стране платить больше.

В следующем году был принят Закон о гомстедах. По нему 160 акров незанятой государственной земли на Западе мог получить каждый, кто готов был эту землю обрабатывать в течение пяти лет. Любой, кто был в состоянии заплатить по 1,25 долл. за акр, мог приобрести гомстед незамедлительно. Однако необходимые для этого 200 долл. имелись лишь у небольшого числа обычных людей; в дело включились спекулянты, скупившие большую часть земель. Под гомстеды отвели еще 50 млн. акров территории. При этом во время Гражданской войны Конгресс и президент безвозмездно передали различным железнодорожным компаниям свыше 100 млн. акров. Конгресс также создал национальный банк, сделав правительство партнером банковских кругов и гарантировав их прибыли.

Забастовки продолжались повсюду, и работодатели оказывали давление на Конгресс, чтобы тот оказал им помощь. Закон о трудовых договорах 1864 г. сделал для компаний возможным подписывать контракты с иностранными рабочими, если те обязались отдать годовой заработок в качестве оплаты стоимости въезда в страну. Во время Гражданской войны эта мера предоставила работодателями не только очень дешевую рабочую силу, но и штрейкбрехеров.

Возможно, более важным, чем принятые федеральные законы, выгодные для богатых, было повседневное действие местных законов и законов штатов, защищавших интересы домовладельцев и торговцев. Г. Майерс¹⁰⁷ в своей «Истории крупных американских состояний» комментирует эту ситуацию, рассуждая о росте богатства клана Асторов, значительная часть которого состояла из арендной платы, собранной с жильцов нью-йоркских доходных домов: «Разве не считается убийством, когда люди, стесненные нуждой, должны гнить в убогих, кишящих микробами многоквартирных домах, в которые никогда не проникает солнечный свет и где болезни нашли для себя благотворную почву для распространения? Тысячи тех, о ком ничего не известно, нашли свою смерть в этих отвратительных местах. Однако с точки зрения Закона арендная плата, собранная Асторами, да и другими домовладельцами, является честно заработанной. Весь институт права не видел в этом ничего необычного и потому очень важно, повторяясь еще и еще, сказать, что Закон не представлял собой свод этики или идеалов прогрессивной части человечества; напротив, подобно тому как в бассейне отражается небо, он отражал требования и эгоистические интересы растущих классов собственников».

В течение 30 лет до начала Гражданской войны закон в судах все чаще интерпретировался в пользу капиталистического развития страны. Изучая это, М. Хорвиц в своей работе «Трансформация американского законодательства» отмечает, что английское общее право более не являлось неприкосновенным, если оно оказывалось барьером на пути предпринимательства. Владелец фабрик было предоставлено законное право уничтожить имущество других людей, если для развития бизнеса им представлялся удобный случай. Право на «принудительное отчуждение частной собственности» использовалось для того, чтобы забрать землю у фермеров и передать ее в качестве субсидии компаниям, строившим каналы

¹⁰⁷ Густавус Майерс (1872–1942) – историк, публицист из числа «разгребателей грязи» («макрейкеров»).

или железные дороги. Решения о возмещении предпринимателями нанесенного ими ущерба стали выноситься судьями, а не присяжными, вердикты которых были непредсказуемы. Урегулирование споров при помощи арбитража было заменено их судебным разрешением, создав тем самым большую зависимость от адвокатов, и юридическая профессия стала более значимой. Древняя идея справедливой цены на товары переродилась в судах в идею *caveatemptor* («Будь осторожен, покупатель»), таким образом, отдав поколения потребителей на милость предпринимателям.

Тот факт, что договорное право было нацелено на дискриминацию трудящихся и на пользу бизнесу, показан М. Хорвицем в примере, относящемся к началу XIX в.: суды заявляли, что если работник подписывал контракт на год и уходил с работы до окончания этого срока, тогда ему не положено было получать зарплату даже за то время, которое он отработал. Вместе с тем суды заявляли, что если строительная компания нарушила контракт, то она все равно имеет право на получение оплаты за все работы, произведенные до этого момента.

Лицемерие закона заключалось в предположении, что и рабочий, и железнодорожная компания вступали в договорные отношения, имея равные возможности по отстаиванию своих прав. Массачусетский судья решил, что покалеченный рабочий не заслужил компенсации, так как, подписав контракт, он соглашался взять на себя определенные риски. «Круг замкнулся, закон существовал лишь для того, чтобы утвердить те формы неравенства, которые порождала система рыночных отношений».

Это было время, когда закон даже не делал вида, что защищает трудящихся, – противное случится в следующем столетии. Законы, касающиеся здравоохранения и техники безопасности, или не существовали, или не соблюдались. Когда однажды зимой 1860 г. в Лоренсе (Массачусетс) рухнуло здание пембертоновской фабрики, там находилось 900 человек, в основном женщины. Восемьдесят восемь человек погибли, и, хотя были подтверждения того, что строение никогда не было рассчитано на размещенное в нем тяжелое оборудование и об этом было известно инженеру-строителю, жюри присяжных не усмотрело в деле «доказательств преступных намерений».

М. Хорвиц так обобщает происходившее в судах к началу Гражданской войны: «К середине XIX в. юридическая система была переоформлена в пользу коммерсантов и промышленников за счет фермеров, рабочих, потребителей и других гораздо менее могущественных групп общества... она активно продвигала идею законного перераспределения богатств, направленную против самых слабых социальных групп».

В старину диспропорция в распределении богатства достигалась путем простого использования силы. В период новой истории эксплуатация маскируется законами, которые выглядят как нейтральные и справедливые. Ко времени Гражданской войны в США всюду шел процесс модернизации.

Когда война закончилась, необходимость в национальном единстве уменьшилась, и простые люди получили возможность вернуться к повседневной жизни, озаботиться своим выживанием. Распущенные по домам военные теперь оказались на улице, бывшие солдаты искали работу. В июне 1865 г. «Финчере трейдс ревью» писала: «Как и следовало ожидать, солдаты, вернувшиеся с фронта, уже загрозили улицы в поисках работы».

Города, в которые возвращались демобилизованные, были смертельными ловушками, где их поджидали тиф, туберкулез, голод и пожары. В Нью-Йорке 100 тыс. человек жили в подвалах трущоб; 12 тыс. женщин работали в публичных домах, чтобы не умереть с голоду; кучи уличного мусора 2 фута высотой кишели крысами. В Филадельфии, где богачи получали питьевую воду из реки Скулкилл, все остальные брали ее из реки Делавэр, в которую каждый

день сбрасывали 13 млн. галлонов нечистот. Во время Великого чикагского пожара¹⁰⁸ в 1871 г. многоквартирные дома падали один за другим так быстро, что свидетели говорили о том, что по раздававшимся звукам это напоминало землетрясение.

После войны в рабочей среде началось движение за 8-часовой рабочий день, чему способствовало создание первой общенациональной федерации профсоюзов – Национального рабочего союза (НРС). В результате продолжавшейся три месяца забастовки 100 тыс. рабочих Нью-Йорка добились установления 8-часового рабочего дня, и, отмечая свою победу в июне 1872 г., 150 тыс. человек маршем прошли по городу. «Нью-Йорк таймс» задавалась вопросом, какой процент бастующих составляли «чистокровные американцы».

Женщины, которых война привела на работу в промышленность, также организовывали профсоюзы: сигарщиц, портних, швей, работниц, делавших зонты, шляпниц, печатниц, прачек, обувщиц. Они создали союз «Дочери св. Криспина»¹⁰⁹, впервые добились приема женщин в Союз сигарщиков и в Национальный союз печатников. Гасси Льюис из Нью-Йорка стала секретарем-корреспондентом последнего. Но рабочие сигарных фабрик и типографий организовали лишь 2 из 30 с лишним общенациональных профсоюзов, и в целом женщин стремились исключить из этого движения.

В 1869 г. в Трое (Нью-Йорк) забастовали прачки, стиравшие воротнички, чья работа, по описанию современника, заключалась в стоянии «над корытом для стирки и перед гладильным столом в окружении печей и при температуре, в среднем достигавшей 100 градусов»¹¹⁰, при зарплате 2–3 долл. в неделю». Их лидером стала Кейт Маллейни, второй вице-президент НРС. На митинг в поддержку бастующих пришли 7 тыс. человек; женщины организовали кооперативную фабрику по производству воротничков и манжет, чтобы предоставлять бастующим работу и продолжать стачку. Но время шло, и внешняя поддержка истощалась. Работодатели запустили в производство бумажные воротнички, что сократило потребность в услугах прачек. Забастовка закончилась безуспешно.

Опасности, поджидавшие фабричных рабочих, подталкивали их к созданию организаций. Работа нередко была круглосуточной. В 1866 г. однажды ночью на фабрике в Провиденсе (Род-Айленд) вспыхнул пожар. Среди почти 600 работников, большей частью женщин, возникла паника, многие выбросились из окон верхних этажей и погибли.

В Фолл-Ривере (Массачусетс) ткачихи создали независимый от мужчин-ткачей профсоюз. Они отказались от 10-процентного сокращения заработной платы, на которое согласились ткачи, провели забастовки на трех фабриках, добившись поддержки среди мужчин, и остановили работу 3,5 тыс. ткацких и 156 тыс. прядильных станков. В целом в акциях приняли участие 3,2 тыс. работников. Однако их детей надо было кормить; рабочим пришлось вернуться на свои места, предварительно подписав так называемую «железную клятву» (позднее названную «контрактом желтой собаки») – обязательство не вступать в профсоюз.

В то же время чернокожие рабочие поняли, что НРС с неохотой принимает их в свои ряды. Тогда они создали собственные тред-юнионы и проводили свои забастовки – как,

¹⁰⁸ Пожар произошел в Чикаго 8–9 октября 1871 г. и уничтожил более 17 тыс. зданий, унес не менее 250 жизней, нанес ущерб в 200 млн. долл. и оставил без крова 100 тыс. человек (около трети тогдашнего населения города).

¹⁰⁹ Создан в 1869 г. в Линне (Массачусетс) и считается первым общенациональным женским профсоюзом. Прекратил существование в 1876 г.

¹¹⁰ По шкале Фаренгейта, т. е. около 38°C.

например, в 1867 г. рабочие пристани в Мобиле (Алабама), или грузчики-негры в Чарлстоне, или докеры в Саванне. Видимо, это оказало воздействие на НРС, на съезде которого в 1867 г. была принята резолюция о приеме женщин и чернокожих, провозглашавшая, что в «вопросе о правах трудящихся нет ни цвета кожи, ни половой принадлежности». Один журналист писал о замечательных проявлениях межрасовой солидарности на этом съезде: «Когда уроженец штата Миссисипи и бывший солдат Конфедерации, обращаясь к собравшимся, называет цветного делегата, который выступал перед ним, «джентльменом из штата Джорджия»... когда страстный сторонник Демократической партии из Нью-Йорка с сильным ирландским акцентом провозглашает, что, как мастерской или гражданин, он не просит для себя каких-либо привилегий, которыми не готов поделиться с любым человеком, будь он белым или чернокожим... тогда и в самом деле можно с уверенностью утверждать, что время несет удивительные перемены».

Однако большинство профсоюзов все-таки не принимало черных американцев, или их просили создавать собственные местные отделения. НРС начал уделять все больше внимания политическим вопросам, особенно реформе денежной политики, требуя выпустить в обращение бумажные купюры – гринбеки. По мере того как Союз все в меньшей степени становился организатором борьбы рабочих и все в большей – лобби в Конгрессе, озабоченным вопросами голосования, НРС утрачивал жизнеспособность. Внимательно следивший за развитием рабочего движения Фридрих Зорге писал в 1870 г. Карлу Марксу в Англию: «Национальный рабочий союз, который в начале своего развития имел столь блестящие перспективы, отравился гринбекизмом и медленно, но верно умирает».

Возможно, тред-юнионы не были способны увидеть ограниченность законодательных реформ во времена, когда такие реформаторские законы принимались впервые и на них возлагались большие надежды. В 1869 г. легислатура Пенсильвании приняла закон о безопасной эксплуатации шахт, предусматривавший «контроль за соблюдением техники безопасности и вентиляции на шахтах, а также защиту жизней горняков». Только спустя столетие нескончаемой череды аварий на этих шахтах станет ясно, насколько недостаточно было лишь этих слов, – их хватало разве что для успокоения негодующих шахтеров.

В 1873 г. страну опустошил очередной экономический кризис. Паника началась после закрытия банковского дома Джей Кука – банкира, который в период Гражданской войны только в качестве комиссионных от продажи государственных облигаций зарабатывал 3 млн. долл. в год. Восемнадцатого сентября 1873 г., пока президент У. Грант мирно спал в филадельфийском особняке Кука, хозяин отправился в центр города, чтобы повесить замок на свой банк. Люди теперь были лишены возможности выплачивать по ипотечным кредитам: закрылось 5 тыс. компаний, а их работники оказались на улице.

Конечно, свою роль сыграл не только Джей Кук. Кризис был встроен в саму систему, имевшую хаотичную основу, и в ней спокойно себя чувствовали только богачи. Это была система, периодически подвергавшаяся кризисам в 1837, 1857, 1873 гг. (позднее они случались в 1893, 1907, 1919, 1929 гг.), которые уничтожали малый бизнес и приносили трудовому люду холод, голод и смерть, тогда как состояния Асторов, Вандербилтов, Рокфеллеров и Морганов продолжали расти в годы войны и в мирное время, в периоды кризиса и после его окончания. Во время кризиса 1873 г. Карнеги захватывал рынок стали, а Рокфеллер уничтожал своих конкурентов по нефтяному бизнесу.

Заголовок в ноябрьском номере 1873 г. нью-йоркской газеты «Геральд» гласил: «ДЕПРЕССИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА В БРУКЛИНЕ». Далее перечислялись закрытые предприятия и массовые увольнения: фабрики по производству войлочных юбок и багетов, стеклорезное производство, сталелитейный завод. В женских профессиях это касалось

модисток, портних, обувщиц.

Депрессия продолжалась в течение 70-х гг. XIX в. В первые три месяца 1874 г. 90 тыс. рабочих, из них более половины – женщины, вынуждены были ночевать в полицейских участках Нью-Йорка. Этих людей называли «барабанами», поскольку они имели право провести одну или две ночи в месяц в любом участке, а дальше им приходилось «вертеться». По всей стране жильцов выселяли из домов. Многие скитались по городам в поисках пищи.

Отчаявшиеся рабочие пытались уехать в Европу или Южную Америку. В 1878 г. переполненный пароход «Метрополия», вышел из США в направлении Южной Америки и затонул со всеми пассажирами на борту. Нью-йоркская газета «Трибюн» писала: «Через час после того, как новости о том, что корабль пошел ко дну, достигли Филадельфии, контору гг. Коллинсов осаждали сотни измученных голодом честных людей, которые умоляли взять их вместо утонувших рабочих».

Массовые митинги и демонстрации проходили по всей стране. Создавались советы безработных. В конце 1873 г. митинг в здании Куперовского института в Нью-Йорке, организованный профсоюзами и американской секцией I Интернационала (основанного в 1864 г. в Европе К. Марксом и другими деятелями), привлек огромную толпу, выплеснувшуюся на улицы. Участники митинга потребовали, чтобы законопроекты перед принятием одобрялись всеобщим голосованием, чтобы частные лица не имели более 30 тыс. долл., чтобы был введен 8-часовой рабочий день. В принятой резолюции также говорилось: «Поскольку мы являемся трудолюбивыми, послушными закону гражданами, уплачивающими все налоги, оказывающими поддержку и повиновение правительству, постановляем, что в это бедственное время мы берем на себя заботу о себе и наших семьях, о пище и крове и мы объявляем нашу волю городской казне, что отказываемся платить налоги до тех пор, пока не получим работу».

В Чикаго 20 тыс. безработных прошли по улицам города к зданию мэрии, требуя: «Хлеб – нуждающимся, одежду – голым, дома – бездомным». Результатом акций вроде этой стало оказание некоторой помощи примерно 10 тыс. семей.

В январе 1874 г. в Нью-Йорке большая демонстрация рабочих, которую полиция не пустила к зданию мэрии, направилась к Томпкинсквер и там полицейские им сообщили, что митинг запрещен. Демонстранты остались на площади, где их атаковали блюстители порядка. Вот что писала одна из газет: «Полицейские дубинки поднимались и опускались. Женщины и дети с криками бежали во всех направлениях. Многие из них были растоптаны во время панического бегства толпы. На улице конная полиция сбивала с ног зевак и безжалостно избивала их дубинками».

Забастовки были организованы на текстильных фабриках Фолл-Ривера (Массачусетс). В Пенсильвании, в районе добычи антрацита, произошла так называемая «долгая забастовка», а ее участники, ирландцы, состоявшие в «Древнем ордене ибернийцев», были обвинены в актах насилия, преимущественно на основании свидетельских показаний частного детектива, внедренного в ряды шахтеров. Их называли «Молли Магвайрс». Суд признал этих людей виновными. Как считает Ф. Фонер, изучавший свидетельства очевидцев, их подставили, поскольку забастовщики являлись профсоюзными активистами. Историк цитирует газету «Айриш уорлд», с сочувствием относившейся к бастующим, которая называла их «умными людьми, чье руководство придавало сил сопротивлению шахтеров бесчеловечному сокращению их зарплаток». Фонер также ссылается на газету «Майнерс джорнэл», издававшуюся владельцами шахт, которая так писала о казненных: «Что собственно они сделали? Когда оплата труда казалась им неприемлемой, они организовывали и проводили забастовку».

Всего, по данным автора исследования «Молли Магвайрс» Э. Бимбы, было казнено 19

человек. Имели место разрозненные акции протеста со стороны рабочих организаций, но массового движения, которое смогло бы остановить казни, так и не возникло.

Это было время, когда работодатели привлекали недавних иммигрантов – отчаянно нуждавшихся в работе, отличавшихся от массы бастующих своим языком и культурой – в качестве штрейкбрехеров. В 1874 г. для замены бастовавших горняков в район Питтсбурга, где велась добыча битуминозного угля, привезли итальянцев. В результате трех из них убили, а на судебных процессах присяжные из числа местных жителей оправдали бастующих; между итальянцами и остальными организованными в профсоюз рабочими возникла вражда.

1876 г. – год столетия провозглашения Декларации независимости – принес с собой целый ряд новых деклараций, которые воспроизводятся Ф. Фонером в работе «Мы, другой народ». Белые и чернокожие по отдельности высказывали свое разочарование. В «Негритянской декларации независимости» осуждалась Республиканская партия, на которую чернокожие возлагали надежду обретения полной свободы, а цветным избирателям предлагалось вести независимую политическую деятельность. Рабочая партия штата Иллинойс на праздновании 4 июля, организованном в Чикаго немецкими социалистами, в своей Декларации независимости провозглашала: «Нынешняя система позволяет капиталистам создавать в собственных интересах законы, направленные на нанесение ущерба и угнетение рабочих. Она сделала саму Демократию, ради которой сражались и умирали наши праотцы, посмешищем и темным делом, из-за того, что предоставила собственности непропорционально большое представительство и контроль над законодательством. Она позволила капиталистам... обеспечить поддержку со стороны правительства, получить земельные гранты и денежные ссуды эгоистичным железнодорожным компаниям, которые, монополизировав средства передвижения, способны теперь обманывать и производителя, и потребителя... Она представила миру абсурдный спектакль смертельной гражданской войны за ликвидацию рабства негров, притом что большинство белого населения, те, кто создал все благосостояние нации, вынуждены страдать от кабалы гораздо более унижительной и оскорбительной... Она позволила капиталистам как классу ежегодно присваивать 5/6 всей произведенной в стране продукции...

Таким образом, она не позволила человечеству воплотить свое естественное предназначение на земле. Уничтожив замыслы, предотвратив браки или вызвав к жизни фиктивные либо неестественные союзы, она сократила жизнь человека, разрушила моральные устои и усилила преступность, коррумпировала судей, священников и государственных мужей, поколебала в людях уверенность, любовь и честь, сделала жизнь эгоистичной, безжалостной борьбой за выживание вместо благородной и щедрой борьбы за совершенство, в которой равные возможности даны всем, а жизнь человека свободна от неестественной и приводящей к деградации конкуренции за хлеб насущный... Поэтому мы, представители рабочих города Чикаго, собравшиеся на массовый митинг, торжественно провозглашаем и заявляем... что мы свободны от всяческой лояльности существующим политическим партиям этой страны, а также то, что, будучи свободными и независимыми производителями, мы будем стремиться обрести полную власть для создания собственных законов, руководства собственным производством и самоуправлением, признавая, что нет прав без обязанностей и нет обязанностей без прав. Поддерживая настоящую декларацию, всецело полагаясь на помощь и сотрудничество со стороны всех трудящихся, мы вручаем друг другу наши жизни, средства и священную честь».

В 1877 г. страна пребывала в глубокой депрессии. В то лето в душных городах, где неимущие семьи жили в подвалах и пили зараженную воду, среди детей начались масштабные эпидемии. «Нью-Йорк таймс» писала: «...уже слышен плач умирающих детей... Вскоре, если судить по прошлому, еженедельно в городе будут умирать тысячи младенцев». В первую неделю июля в Балтиморе, где сточные воды текли по улицам, скончалось 139 малышей.

В том же году не менее десяти городов были охвачены бурными забастовками железнодорожников; от них страна вздрогнула так, как ни от одного другого конфликта в истории рабочего движения.

Все началось с сокращения заработной платы в железнодорожных компаниях, где напряжение и так было высоко: низкие ставки (зарплата тормозных кондукторов, работавших по 12 часов, составляла 1,75 долл. в день), махинации и спекуляции руководства железнодорожных компаний, гибель рабочих и получение ими увечий (потеря рук, ног, пальцев, падение между вагонами).

На вокзале железной дороги «Балтимор – Огайо» в Мартинсберге (Западная Виргиния) рабочие, готовые отстаивать свою зарплату, начали забастовку. Они отсоединили локомотивы, загнали их в депо и объявили, что ни один поезд не уйдет из города, пока руководство компании не отменит 10-процентное сокращение жалованья. Чтобы поддержать стачечников, собралась такая толпа, разогнать которую местной полицией было не по силам. Чиновники компании обратились к губернатору с просьбой защитить их при помощи военных, и он направил на место ополчение. Поезд под охраной отряда милиции попытался пройти сквозь кордон, и один из бастующих, пытавшихся свести его с рельсов, вступил в перестрелку с ополченцем, старавшимся остановить забастовщика. Пули попали ему в бедро и руку, которую в тот же день ампутировали, и спустя девять дней раненый скончался.

Теперь в депо Мартинсберга застряли 600 грузовых поездов. Губернатор Западной Виргинии обратился к недавно избранному президенту США Разерфорду Хейсу с просьбой направить в штат федеральные войска, поскольку сил милиции оказалось недостаточно. На самом деле на ополчение нельзя было полностью полагаться, поскольку в него входило немало рабочих-железнодорожников. Большая часть американской армии была вовлечена в стычки с индейцами на Западе. Конгресс еще не выделил ассигнования на содержание армии, но Дж. П. Морган, Огаст Белмонт и другие банкиры предложили деньги взаймы на выплаты офицерам (но не рядовым). Федеральные войска прибыли в Мартинсберг, и движение товарных поездов было восстановлено.

В Балтиморе толпа, состоявшая из тысяч сочувствовавших бастовавшим железнодорожникам, окружила арсенал Национальной гвардии, вызванной губернатором по требованию руководства железной дороги «Балтимор-Огайо». Люди швыряли камни; солдаты вышли и открыли огонь. Улицы стали местом перемещающихся кровопролитных столкновений. К ночи погибли десять мужчин или мальчишек, многие были тяжело ранены, один солдат также получил ранение. Из 120 солдат половина прекратила сопротивление, а другая половина направилась в депо, где толпа, состоявшая из 200 человек, разгромила паровоз пассажирского состава, разобрала пути и вновь на отходе вступила в бой с милицией.

К этому моменту депо окружили 15 тыс. человек. Вскоре были подожжены три пассажирских вагона, железнодорожная платформа и локомотив. Губернатор попросил прислать федеральные войска, и Хейс на это откликнулся. В Балтимор прибыли 500 солдат, которые навели порядок в городе.

Теперь восстание рабочих-железнодорожников охватило другие районы. Джозеф Дейкус, редактор издававшейся в Сент-Луисе газеты «Рипабликен», писал: «Забастовки происходили почти ежечасно. Великий штат Пенсильвания охватили волнения; Нью-Джерси был парализован от страха; Нью-Йорк собирал целую армию ополченцев; Огайо содрогался от озера Эри до реки Огайо; Индиана пребывала в ожидании худшего. Иллинойс, и особенно его великий мегаполис Чикаго, судя по всему, был на грани смятения и беспорядков. Сент-Луис уже почувствовал воздействие признаков, предупреждающих о грядущем восстании».

Стачка распространилась на Питтсбург и Пенсильванскую железную дорогу. Вновь

события происходили за рамками организованной профсоюзной деятельности, став незапланированным выплеском ярости. Изучавший забастовки 1877 г. историк Р. Брюс, пишет в своей работе «1877 год. Год насилия» о сигнальщике Гасе Харрисе. Этот человек отказался работать на «двуглавом» – поезде на двойной тяге, тянувшем вдвое больший состав. Железнодорожники возражали против использования таких составов, поскольку для их обслуживания требовалось меньше рабочих, а работа тормозных кондукторов делалась более опасной:

«Он самостоятельно принял решение, оно не было частью заранее продуманного плана или общих соображений. Не спал ли он в ту ночь, слушал ли звуки дождя и вопрошал ли себя, что будет, если он посмеет бросить работу, присоединится ли к нему кто-то еще, взвешивал ли свои шансы на успех? Или он просто проснулся к завтраку, которым не наелся, видел своих детей, как они, жалкие и полуголодные, уходят, бродил поутру в раздумьях, а затем импульсивно проявил накопившуюся ярость?»

Когда Г. Харрис отказался от работы, так же поступили и остальные члены бригады. Количество бастующих умножились – к ним присоединились молодежь и рабочие с заводов и фабрик (в Питтсбурге было 33 сталелитейных завода, 73 стеклодувных фабрики, 29 нефтеперерабатывающих заводов, 158 угольных шахт). Движение грузовых поездов из города прекратилось. Союз тормозных кондукторов не участвовал в организации этой акции, но вступил в действие, созвав митинг и предложив «всем рабочим проявить солидарность со своими братьями-железнодорожниками».

Железнодорожное руководство и местные официальные лица решили, что питтсбургская милиция не должна убивать своих земляков, и настаивали на привлечении войск из Филадельфии. К этому моменту в Питтсбурге простаивали 2 тыс. вагонов. Войска из Филадельфии прибыли и занялись расчисткой путей. В солдат полетели камни. Началась перестрелка между толпой и военными. По крайней мере десять человек – только рабочие, большинство которых не являлись железнодорожниками, – были убиты.

Теперь в ярости поднялся весь город. Толпа окружила войска, вошедшие в депо. Были подожжены вагоны, загорелись окружающие здания и, наконец, само депо; военный отряд был вынужден покинуть территорию. Опять произошла перестрелка, начался пожар в Юнион-депо железной дороги, тысячи людей разграбили грузовые вагоны. Огромный элеватор и небольшой район города выгорели. В течение нескольких дней было убито 24 человека, в том числе 4 солдата. Семьдесят девять зданий сгорели дотла. То, как развивалась ситуация в Питтсбурге, напоминало всеобщую забастовку, в которой участвовали рабочие заводов, вагоностроители и ремонтники, шахтеры, разнорабочие и работники сталелитейного завода Карнеги.

На подмогу была вызвана Национальная гвардия Пенсильвании в полном составе (9 тыс. человек). Но многие подразделения не могли передислоцироваться, так как в других населенных пунктах бастующие держали под контролем транспорт. В Лебаноне (Пенсильвания) восстала рота Национальной гвардии, прошедшая маршем через ликующий городок. В Алтуне солдаты, окруженные бунтарями, неспособные уехать из-за саботажа машинистов, сдались, сложили оружие, побратались с толпой, после чего их отпустили домой под аккомпанемент поющего квартета негритянской роты милиции.

В столице штата – городе Гаррисберге, как и во многих других местах, значительную часть толпы составляли подростки, в том числе чернокожие. Филадельфийские милиционеры по пути из Алтуны пожимали руки, протянутые собравшимися, сдали оружие, подобно военнопленным, прошли по улицам, были накормлены в местной гостинице и отправлены домой. Бунтовщики согласились с требованием мэра складировать сданные ружья в здании муниципалитета. Фабрики простаивали, магазины были закрыты. После нескольких случаев

мародерства гражданские патрули по ночам охраняли порядок на улицах.

Там, где бастующим не удалось взять ситуацию под свой контроль, как, например, в Поттсвилле (Пенсильвания), это могло быть вызвано отсутствием единства в их рядах. Представитель «Филадельфия энд Реддинг коул энд айрон компани» в этом городке писал: «У этих людей нет организации, а для того чтобы ее создать, между ними существует слишком много межрасовой зависти».

В Рединге (Пенсильвания) такой проблемы не было: 90 % населения являлись местными уроженцами, а остальные в основном иммигрантами из Германии. Железная дорога задержала выплату зарплат на два месяца, и было создано отделение Союза тормозных кондукторов. На митинг собралось 2 тыс. человек, а в это время мужчины, измазав лица угольной пылью, начали методично уничтожать пути, замыкать стрелки, сводить с рельсов вагоны; они подожгли товарные вагоны и железнодорожный мост.

Прибыло подразделение Национальной гвардии, только что участвовавшее в казни членов «Молли Магвайрс». Из толпы начали бросать камни и стрелять из пистолетов. Солдаты открыли ответный огонь. Р. Брюс пишет: «В сумерках шесть человек остались лежать на земле: пожарный, машинист, ранее работавший на Редингской дороге, столяр, лавочник, рабочий прокатного цеха, разнорабочий... Полицейский и другой человек лежали, находясь при смерти». Пятеро из раненых скончались. Толпа еще больше разъярилась, ее действия становились все более угрожающими. Часть солдат объявили, что не станут стрелять, один из них даже заявил, что скорее всадит пулю в голову президента компании «Филадельфия энд Реддинг коул энд айрон компани». Шестнадцатый Морристаунский волонтерский полк сложил оружие. Некоторые ополченцы выбросили винтовки и отдали боеприпасы толпе. Когда национальные гвардейцы ушли, прибыли федеральные войска и взяли ситуацию под контроль, а местная полиция начала производить аресты.

Одновременно лидеры крупных железнодорожных братств: Ордена железнодорожных кондукторов, Братства кочегаров, Братства паровозных машинистов – сняли с себя ответственность за забастовку. В прессе обсуждалось «широкое распространение... коммунистических идей... среди рабочих шахт, фабрик и на железных дорогах».

Действительно, в Чикаго, например, очень активно действовала Рабочая партия, в которой состояли несколько тысяч человек, в большинстве своем выходцы из Германии и Богемии. Эта организация была связана с I Интернационалом в Европе. Во время стачек железнодорожников, происходивших летом 1877 г., партия созвала массовый митинг, на который пришли 6 тыс. человек, потребовавших национализации железных дорог. С пламенной речью выступил Алберт Парсонс¹¹¹. Сам он был уроженцем Алабамы, во время Гражданской войны воевал на стороне Конфедерации, женился на смуглой женщине с испанской и индейской кровью, работал наборщиком и стал одним из лучших англоязычных ораторов из тех, кто поддерживал Рабочую партию.

На следующий день толпа молодежи, не связанная с организаторами прошедшего митинга, двинулась к железнодорожному депо, перекрыла пути товарным составам, отправилась на фабрики, призвав на подмогу фабричных рабочих и рабочих скотобоев, а также экипажи судов на озере Мичиган, заставила закрыться кирпичные заводы и лесопилки. В тот же день Парсонса уволили с работы в чикагской газете «Таймс» и внесли в «черный список».

Полиция атаковала толпу. В репортажах прессы говорилось: «Звук дубинок,

¹¹¹ Алберт Ричард Парсонс (1848–1887) – деятель рабочего движения, анархист. Наряду с другими агитаторами-анархистами был обвинен в подстрекательстве к нападению на полицию в ходе демонстрации 4 мая 1886 г. Казнен 11 ноября 1887 г.

опускавшихся на черепа, вызывал тошноту в первую минуту, пока к нему не привыкали. Казалось, от каждого удара падал один из бунтовщиков, поскольку земля была покрыта их телами». В качестве подкрепления национальных гвардейцев и ветеранов Гражданской войны прибыли две роты пехотинцев армии США. Полиция открыла огонь по нахлынувшей толпе, три человека были убиты.

На следующий день 5 тыс. вооруженных людей вступили в бой с полицией. Полицейские неоднократно открывали огонь. Когда все было кончено и произвели подсчет убитых, ими оказались, как обычно, рабочие и мальчишки – 18 человек с разможенными дубинками черепами и изрешеченными пулями телами.

Одним из городов, где восстанием руководила Рабочая партия, был Сент-Луис – город мукомолен, литейных цехов, мясокомбинатов, мастерских, пивоварен и железнодорожных депо. Здесь, как и везде, железнодорожников затронули сокращения заработной платы. В городе было около 1 тыс. членов Рабочей партии, в которой состояли многие пекари, бондари, столяры, сигарщики, пивовары. Местное отделение партии состояло из четырех секций, сформированных по национальному принципу: немецкой, английской, французской, богемской.

Представители всех этих секций отправились на пароме через Миссисипи на массовый митинг железнодорожников в Ист-Сент-Луисе.

Один из ораторов сказал собравшимся: «Все, что вам необходимо сделать, джентльмены, поскольку число на вашей стороне, так это объединиться вокруг одной идеи – идеи о том, что рабочий должен править страной. То, что производит человек, должно принадлежать ему, а рабочие создали эту страну». Железнодорожники Ист-Сент-Луиса объявили стачку. Мэром города был иммигрант из Европы, сам являвшийся в молодости активным революционером, и в городе доминировали голоса бастующих.

В самом Сент-Луисе Рабочая партия созвала массовый митинг под открытым небом, на который пришли 5 тыс. человек. Очевидно, что партия была движущей силой стачки. Ораторы, возбужденные толпой, становились более радикальными: «...капитал превратил свободу в крепостничество, мы должны сражаться или умереть». Они призывали к национализации железных дорог, шахт, да и всей промышленности.

На другом массовом митинге Рабочей партии чернокожий оратор выступил от имени тех, кто работал на пароходах и плотинах. Он спросил: «Поддержите ли вы нас независимо от цвета кожи?» Откликом толпы было: «Поддержим!» Создали исполнительный комитет, который призвал к всеобщей забастовке во всех отраслях промышленности Сент-Луиса.

Вскоре листовки в поддержку всеобщей забастовки распространились по всему городу. Вдоль реки прошли 400 негров, работавших на пароходах и пристанях. Шестьсот фабричных рабочих прошествовали под лозунгом: «Нет монополиям – права рабочим!» Огромная процессия двигалась по городу и закончилась демонстрация митингом, в котором участвовали 10 тыс. человек, слушавшие выступления ораторов-коммунистов: «Народ встает в полный рост и провозглашает, что более не станет соглашаться с угнетением со стороны непроизводительного капитала».

Д. Бёрбэнк в своей книге «Власть толпы», посвященной событиям в Сент-Луисе, пишет: «Только в окрестностях Сент-Луиса первоначальная забастовка на железных дорогах переросла в такую системно организованную акцию, полностью парализовавшую всю промышленность, что применительно к ней оправдан термин «всеобщая забастовка». И только там социалисты стали неоспоримыми лидерами... ни один из американских городов не приближался так близко к тому, чтобы им правил совет рабочих, как мы сейчас это называем, как это было в Сент-Луисе (Миссури) в 1877 г.».

Железнодорожные стачки стали предметом новостей в Европе. Маркс писал Энгельсу: «Что ты скажешь о рабочих Соединенных Штатов? Этот первый взрыв против олигархии объединенного капитала, возникшей после Гражданской войны, конечно, подавлен, но, весьма вероятно, может послужить в Соединенных Штатах исходным пунктом для образования серьезной рабочей партии».

В Нью-Йорке несколько тысяч человек собрались на Томпкинсквер. Тональность митинга была умеренной, участники заявляли о «политической революции посредством избирательной урны». Говорили и такое: «Если вы объединитесь, в течение пяти лет мы можем получить тут социалистическую республику... Какое бы это было прекрасное утро на помрачневшей земле». Это было мирное собрание. Последними словами, прозвучавшими с платформы, на которой стояли ораторы, были: «Кем бы мы, бедняки, ни были, у нас есть свобода слова, и никто не может забрать ее у нас». После этих слов полиция перешла в наступление, применив дубинки.

В Сент-Луисе, как и везде, импульсы толпы, митинги и энтузиазм невозможно было поддерживать постоянно. По мере того как эти вспышки угасали, власти восстанавливали порядок силами полиции, милиции и федеральных войск. Полиция совершила налет на штаб-квартиру Рабочей партии и арестовала 70 человек; исполнительный комитет, который некоторое время фактически контролировал ситуацию в городе, теперь оказался за решеткой. Бастующие сдали позиции; сокращение зарплат осталось в силе; 131 лидер забастовки был уволен компанией Берлингтонской железной дороги.

К тому моменту, когда великие железнодорожные стачки 1877 г. закончились, 100 человек погибли, 1 тыс. оказались в тюрьме, в забастовках приняли участие 100 тыс. рабочих, забастовочное движение вовлекло в свои ряды бесчисленное количество городских безработных. В пик стачек было парализовано более половины грузовых перевозок на 75 тыс. миль железных дорог страны.

Железнодорожные компании пошли на определенные уступки, отказались от некоторых сокращений зарплаты, одновременно усилив свою «угольно-железную полицию»¹¹². В ряде крупных городов были построены арсеналы Национальной гвардии с бойницами. Р. Брюс считает, что благодаря стачкам многие узнали о тяготах своих сограждан, а Конгресс начал принимать законы о регулировании деятельности железнодорожных компаний. Эти стачки стимулировали деловой тредюнионизм Американской федерации труда¹¹³, а также идею об общенациональном объединении профсоюзов, предложенную «Орденом рыцарей труда»¹¹⁴, и

¹¹² «Угольно-железной полицией» называли в Пенсильвании созданные по закону 1865 г. частные охранные компании, занимавшиеся прежде всего охраной железных дорог и угольных шахт, а также борьбой с забастовками.

¹¹³ Американская федерация труда (АФТ) основана в 1881 г. Сэмюэлом Гомперсом как организация цеховых профсоюзов под названием «Федерация организованных профессий и рабочих союзов Соединенных Штатов и Канады». Сменила название в 1886 г. после объединения с профсоюзами, вышедшими из состава «Ордена рыцарей труда». В 1955 г. слилась с Конгрессом производственных профсоюзов в крупнейшее профсоюзное объединение АФТ – КПП.

¹¹⁴ «Орден рыцарей труда» («Благородный орден рыцарей труда») (ОРТ) был первой массовой рабочей организацией. Создана в 1869 г. Юраей Стивенсом и еще девятью филадельфийскими портными как тайное рабочее братство. В 1878 г. перешла на легальное положение. В организацию могли войти все желающие, кроме юристов, врачей, банкиров, профессиональных игроков и брокеров. К 1886 г. в ней насчитывалось около 703 тыс. членов, в том числе около 60 тыс. чернокожих. Были в составе ОРТ также женщины и неквалифицированные рабочие. В 90-х гг. XIX в. организация потеряла свое влияние после событий на площади Хеймаркет и из-за разногласий в руководстве братства; прекратила существование в 1900 г. Ее преемницей по значимости в профсоюзном движении считается АФТ.

способствовали созданию в течение двух последующих десятилетий независимых фермерско-рабочих партий.

В 1877 г., т. е. в том году, когда чернокожие поняли, что у них недостаточно сил, чтобы превратить в реальность обещанное во время Гражданской войны равноправие, рабочие осознали, что пока еще не едины и не могут победить союз частного капитала и государственной власти. Однако история продолжала свой ход.

«Бароны-разбойники» и бунтари

В 1877 г. были посланы сигналы, которые определили развитие до конца столетия: черное население отбросят назад, с забастовками белых рабочих мириться не будут, промышленные и политические элиты Севера и Юга возьмут страну под контроль и организуют величайший рывок экономического развития в истории человечества. Сделают они это при помощи и за счет труда чернокожих, белых, китайцев, европейских иммигрантов, женщин, вознаграждая их за проделанную работу по-разному, в зависимости от расы, пола, этнического происхождения, принадлежности к тому или иному классу общества, таким способом, чтобы создать разные уровни угнетения, мастерски выстраивая иерархическую лестницу в целях стабилизации пирамиды благосостояния.

В период между Гражданской войной и 1900 г. паровая тяга и электричество заменили мускулы человека, железо пришло на смену дереву, а сталь – железу (до изобретения бессемеровского процесса передел чугуна в сталь происходил со скоростью 3–5 тонн в сутки, теперь же такое же количество можно было переработать в течение 15 минут). На станках начали изготавливать стальные инструменты. Нефтепродукты использовались для смазки оборудования и освещения домов, улиц, фабрик. Люди и товары перемещались по стальным рельсам железных дорог на поездах с локомотивами, приводимыми в движение паровой тягой; к 1900 г. было проложено 193 тыс. миль железнодорожного полотна. Телефон, пишущая машинка и арифмометр ускорили развитие деловой активности.

Машины изменили и сельское хозяйство. Перед Гражданской войной, для того чтобы обработать 1 акр пшеничного поля, требовалось трудиться 61 час. К 1900 г. та же работа занимала 3,19 часа. Производимый промышленным способом лед позволял перевозить продукты питания на большие расстояния, и родилась мясоконсервная индустрия.

Паровая тяга раскручивала веретена текстильных фабрик и приводила в движение швейные машины. Для ее работы требовался каменный уголь и пневматические инструменты все глубже проникали в недра Земли. В 1860 г. было добыто 14 млн. тонн угля; к 1884 г. – 100 млн. тонн. Расширение угледобычи означало увеличение производства стали, поскольку для передела чугуна в сталь применялись печи, использовавшие каменный уголь. К 1880 г. выплавлялся 1 млн. тонн стали, а к 1910 г. – уже 25 млн. тонн. К тому времени электричество начало заменять паровую тягу. На изготовление электропроводов шла медь, и к 1880 г. годовой объем производства этого металла составил 30 тыс. тонн; к 1910 г. он вырос до 500 тыс. тонн.

Для того чтобы достичь таких результатов, нужны были гениальные изобретатели новых процессов и машин; умные организаторы и администраторы новых корпораций; страна, богатая землями и полезными ископаемыми; громадный приток людей, способных выполнять изнурительную, вредную для здоровья и опасную для жизни работу. Ряды рабочей силы пополняли иммигранты из Европы и Китая. Фермеры, которые не могли приобретать новую технику или выплачивать новые железнодорожные тарифы, переезжали в города. В 1860–1914 гг. население Нью-Йорка выросло с 850 тыс. до 4 млн. человек, Чикаго – со 110 тыс. до 2 млн, Филадельфии – с 650 тыс. до 1,5 млн. человек.

Иногда изобретатель сам становился организатором бизнеса, как, например, Томас Эдисон – автор электрических устройств. В некоторых случаях предприниматели комбинировали изобретения других людей. Таким был чикагский мясник Густавус Свифт, который совместил полезные свойства железнодорожного вагона-рефрижератора и холодильного склада, создав в 1885 г. первую в стране мясоконсервную компанию. Джеймс Дьюк использовал новую машину для закрутки сигарет, которая могла скручивать, фасовать и разрезать столбики табака, производя 100 тыс. единиц продукции в день; в 1890 г. он объединил четыре крупнейшие сигаретные фирмы, образовав «Америкэн тобакко компани».

Притом что некоторые мультимиллионеры начинали свой путь в бедности, для большинства это было не так. Исследование социального происхождения управляющих 303 текстильных, железнодорожных и сталелитейных компаний 70-х гг. XIX в. показало, что 90 % из них являлись выходцами из семей среднего или высшего класса. Истории Горацио Элджера¹¹⁵ о восхождении «из грязи в князи» были для некоторых личностей истинной правдой, но для большинства богачей – полезным мифом, использовавшимся в целях контроля над остальными.

По большей части создание крупных состояний было юридически законным и осуществлялось при помощи правительства и судов. Иногда такое сотрудничество приходилось оплачивать. Т. Эдисон посулил политикам из Нью-Джерси по 1 тыс. долл. каждому в обмен на принятие благоприятного законодательства. Даниэл Дрю¹¹⁶ и Джей Гулд¹¹⁷ потратили 1 млн. долл. на взятки членам легислатуры штата Нью-Йорк с целью легализации выпущенных ими на сумму 8 млн. долл. необеспеченных акций (т. е. акций, не отражающих реальную стоимость активов) железной дороги «Эри».

Первая трансконтинентальная железная дорога была построена на крови и поте, в условиях политиканства и воровства, за счет соединения железных дорог «Юнион Пасифик» и «Сентрал Пасифик». Последняя начиналась на Западном побережье страны и шла в восточном направлении; ее администраторы израсходовали в Вашингтоне 200 тыс. долл. на взятки, чтобы купить 9 млн. акров свободных земель и получить 24 млн. долл. в облигациях, а также заплатили 79 млн. долл. (переплатив лишние 36 млн) строительной компании, которая на самом деле принадлежала самой же железной дороге. Строили магистраль четыре года 3 тыс. ирландцев и 10 тыс. китайцев, зарабатывая по 1–2 долл. в день.

«Юнион Пасифик» начиналась в Небраске и шла на запад. Ее руководство получило 12 млн. акров свободных земель и государственных облигаций на сумму 27 млн. долл. Оно создало компанию «Креди мобилъе», передав ей 94 млн. долл. на проведение строительных

---

¹¹⁵ Горацио Элджер (1832–1899) был священником унитарной церкви (до 1866 г.). В 1867 г. опубликовал роман «Оборванец Дик, или Уличная жизнь в Нью-Йорке», герой которого, чистильщик сапог Дик, благодаря честности и упорному труду становится богачом.

¹¹⁶ Даниэл Дрю (1797–1879) – финансист. Вошел в историю в связи с получившими широкую огласку спекуляциями с акциями железной дороги «Эри», одним из директоров и казначеем которой он стал в 1857 г. Вместе с Джейм Гулдом и Джеймсом Фиском организовал заговор («Война Эри»), пытаясь разорить Корнелиуса Вандербилта, для чего выпустил огромное количество необеспеченных акций (в результате акции Вандербилта обесценились). В связи с этой аферой вошло в обиход выражение «разводнение акционерного капитала» – игра слов, основанная на том, что еще в молодости Дрю «изобрел» способ завешать вес скота перед продажей (он давал коровам соль, затем поил их водой). Умер в нищете, разоренный компаньонами Фиском и Гулдом.

¹¹⁷ Джей Гулд (1836–1892) – финансист, железнодорожный магнат, один из так называемых «баронов-разбойников». К 1872 г. контролировал половину всех железных дорог на Юго-Западе США, к 1886 г. – нью-йоркскую «надземку» и телеграфную компанию «Вестерн юнион».

работ, притом что в действительности их стоимость составляла всего 44 млн. долл. Чтобы предотвратить расследование, акции по дешевке продали некоторым конгрессменам. Это было сделано по предложению члена Конгресса США от штата Массачусетс, производителя лопат и директора «Креди мобилъе» Оукса Эймса, сказавшего однажды: «Заставить людей присматривать за своей собственностью не составляет никакого труда». На строительстве «Юнион Пасифик» было занято 20 тыс. человек – ветераны войны и иммигранты из Ирландии прокладывали по 5 миль пути в день и сотнями умирали от жары и холода, а также во время стычек с индейцами, воспротивившимися проникновению на их территорию.

Обе магистрали имели длинные, извилистые маршруты, что было сделано для получения субсидий от населенных пунктов, через которые они прошли. В 1869 г., под аккомпанемент музыки и речей, две кривые ветки сошлись в штате Юта.

Дикое мошенничество на железных дорогах привело к тому, что финансы железнодорожных компаний попали под более жесткий контроль со стороны банкиров, которые стремились к большей стабильности, а именно получать прибыли законными путями, а не с помощью воровства. К 90-м гг. XIX в. подавляющая часть железнодорожных путей была сконцентрирована в рамках шести крупных компаний. Четыре из них полностью или частично контролировал «Дом Моргана», а две другие – банковская фирма «Кун, Леб энд К°».

Дж. П. Морган начал свое дело перед войной, будучи сыном банкира, торговавшего акциями железных дорог за хорошие комиссионные. Во время Гражданской войны он выкупил на военном арсенале 5 тыс. винтовок по цене 3,5 долл. за штуку и продал их одному генералу действующей армии по 22 долл. Винтовки оказались бракованными и отстреливали большие пальцы солдатам, использовавшим их. Комитет Конгресса отметил этот факт мелким шрифтом в тексте невнятного отчета, но федеральный судья подтвердил законность сделки как реализации условий имеющего юридическую силу контракта.

Морган избежал военной службы в годы Гражданской войны, заплатив 300 долл. тому, кто его заменил. Так же поступили и Джон Д. Рокфеллер, Эндрю Карнеги, Филип Армор, Джей Гулд и Джеймс Меллон. Отец последнего написал сыну, что «человек может оставаться патриотом, не рискуя жизнью и не жертвуя здоровьем. Для этого есть предостаточно жизней, которые являются менее ценными».

Фирма «Дрексел, Морган энд К°» получила контракт правительства США на выпуск облигаций стоимостью 260 млн. долл. Федеральные власти могли бы продать их напрямую, однако предпочли заплатить банкирам 5 млн. долл. комиссионных.

Второго января 1889 г., как пишет Г. Майерс, имели место следующие события: «...три банковских дома: «Дрексел, Морган энд К°», «Браун бразерс энд К°» и «Киддер, Пибоди энд К°» – разослали циркуляр с грифом «Приватно и конфиденциально». Затрачено было чрезвычайно много усилий, чтобы этот документ не проник в печать или не стал известен каким-нибудь другим способом... Откуда эта боязнь? Этот циркуляр содержал приглашение... крупным железнодорожным магнатам собраться в доме Моргана на Мэдисон Авеню, № 219, и там образовать, по выражению того времени, «забронированный» союз. План состоял в заключении прочного договора, уничтожающего конкуренцию между отдельными железными дорогами и согласующего железнодорожные интересы так, чтобы можно было более действенно, чем раньше, высасывать кровь из народа Соединенных Штатов».

У этой впечатляющей истории финансового гения имелась и другая сторона – цена человеческой жизни. В том самом 1889 г., по данным Комиссии по торговле между штатами¹¹⁸, 22 тыс. железнодорожных рабочих погибли или получили увечья.

¹¹⁸ Комиссия по торговле между штатами – независимая регулятивная комиссия, контролировавшая торговлю

В 1895 г. золотой запас США был истощен, однако в сейфах 26 нью-йоркских банков лежало 129 млн. долл. золотом. Синдикат банкиров во главе с «Дж. П. Морган энд К°», «Огаст Белмонт энд К°», «Нэшнл сити бэнк» и др. предложил федеральному правительству этот драгоценный металл в обмен на облигации. Президент страны Гровер Кливленд согласился. Банкиры немедленно перепродали облигации по более высокой цене, получив прибыль в размере 18 млн. долл.

Журналист писал: «Если человеку требуется купить мясо, он должен сходить к мяснику... Если мистеру Кливленду требуется больше золота, он должен обратиться к крупному банкиру».

Сколачивая свое состояние, Дж. П. Морган привнес в экономику страны рациональность и организованность. Он сохранял стабильность системы. Однажды он сказал: «Нам не нужны финансовые конвульсии и каждодневные колебания условий». Морган связал между собой железные дороги и все их вместе – с банками, а банки, в свою очередь, со страховыми компаниями. К 1900 г. он контролировал 100 тыс. миль путей, т. е. половину общей протяженности магистралей страны.

Активы трех страховых компаний, в которых доминировала группа Моргана, составляли 1 млрд. долл. На инвестиции у них оставалось 50 млн. долл. ежегодно. Это были средства, отданные простыми людьми за страховые полисы. Л. Брандейс, описавший эту ситуацию в своей книге «Деньги других людей» (до того, как он стал членом Верховного суда), отмечал: «Они контролируют народ при помощи его же собственных средств».

Джон Д. Рокфеллер начинал карьеру бухгалтером в Кливленде, стал торговцем, скопил денег и решил, что в условиях развивающейся нефтяной промышленности тот, в чьих руках находится нефтепереработка, господствует в отрасли. Свой первый нефтеперерабатывающий завод он купил в 1862 г., а к 1870 г. создал «Стэндард ойл компани оф Огайо», тайно договорился с железными дорогами, по которым мог в обмен на существенные тарифные скидки перевозить нефть, и таким образом вытеснил из бизнеса своих конкурентов.

Один из независимых нефтепереработчиков сказал: «Если бы мы не продавали [свои компании], то нас бы раздавили... На рынке был только один покупатель, и продавать мы должны были на выдвинутых им условиях». Вот какими записками обменивались служащие «Стэндард ойл»: ««Уилкерсон энд К°» получила одну цистерну нефти в понедельник 13-го... Просьба завинтить еще одну гайку». Нефтеперерабатывающий завод конкурента в Буффало потряс небольшой взрыв, о котором сотрудники «Стэндард ойл» договорились с главным инженером предприятия.

К 1899 г. эта компания являлась холдингом, контролировавшим акции многих других фирм. Ее капитал составлял 110 млн. долл., а прибыли – 45 млн. долл. в год. Личное состояние Джона Д. Рокфеллера оценивалось в 200 млн. долл. Вскоре он заинтересовался добычей железа, меди, угля, транспортными перевозками и банковским бизнесом (создал «Чейз Манхэттен бэнк»). Ежегодные прибыли выросли до 81 млн. долл., а состояние Рокфеллера достигло уже в 2 млрд. долл.

В 17 лет Эндрю Карнеги работал клерком-телеграфистом, затем секретарем директора Пенсильванской железной дороги, потом стал брокером на Уолл-стрит, торгующим железнодорожными акциями за огромные комиссионные, и вскоре после этого он превратился в миллионера. В 1872 г. Карнеги побывал в Лондоне, увидел новый бессемеровский способ производства стали и, вернувшись в США, построил за 1 млн. долл. сталелитейный завод. От

между штатами, находившуюся в ведении федеральных властей (1887–1995). Создана по Закону о торговле между штатами. Упразднена в 1995 г., функции переданы Совету по проблемам наземного транспорта при министерстве транспорта.

иностранных конкурентов его охраняли высокие тарифы, вовремя установленные Конгрессом, и к 1880 г. Карнеги производил 10 тыс. тонн стали в месяц, получая 1,5 млн. долл. прибыли в год. К 1900 г. ежегодный прирост составил уже 40 млн. долл., и в том же году, во время ужина, он дал Дж. П. Моргану согласие продать свою сталелитейную компанию. Цену – 492 млн. долл. – Карнеги нацарапал на банкноте.

Затем Морган зарегистрировал «Юнайтед Стейтс стилкорпорейшн», объединив корпорацию Карнеги с другими ей подобными. Он продал акции и облигации за 1,3 млрд. долл. (на 400 млн. долл. дороже, чем стоимость объединенных активов компаний) и получил комиссионные за организацию сделки в размере 150 млн. долл. Каким образом можно было выплатить дивиденды всем этим акционерам и держателям облигаций? Только сделав так, чтобы Конгресс принял соответствующие тарифы, которые уменьшили бы приток импортной стали, перекрыв пути для конкуренции и держа цену в 28 долл. за тонну, а также заставляя 200 тыс. человек работать ежедневно по 12 часов за зарплату, которая едва позволяла их семьям выжить.

Так и пошло дело, охватывая отрасль за отраслью, – находчивые и деятельные бизнесмены создавали свои империи, устраняли конкурентов, устанавливали высокие цены и низкие зарплаты, пользовались государственными субсидиями. Эти предприятия были первыми бенефициарами «всеобщего благосостояния». На рубеже веков компания «Америкэн телефон энд телеграф» обладала монополией на национальную систему телефонной связи, а «Интернэшнл харвестер» производила 85 % всей сельскохозяйственной техники. Практически во всех других отраслях ресурсы стали консолидироваться, и контролироваться немногими. Банки имели доли в таком числе возникших монополий, что была создана взаимосвязанная сеть всемогущих корпоративных управляющих, каждый из которых заседал в советах директоров множества корпораций. Согласно докладу сената, представленному в начале XX в., Дж. П. Морган на пике своей карьеры являлся членом советов директоров 48 компаний, Дж. Д. Рокфеллер – 37.

В то же время правительство США вело себя примерно так, как в описаниях капиталистического государства, данных Карлом Марксом: для сохранения порядка оно делало вид, что придерживается нейтралитета, но на самом деле служило интересам богачей. Не то чтобы последние жили между собой в согласии – имели место разногласия по поводу того, какую политику проводить. Но целью государства было разрешение споров в верхушке общества мирным путем, контроль за недовольством низшего класса и принятие мер, которые обеспечили бы долгосрочную стабильность системы. Достигнутая в 1877 г. договоренность между демократами и республиканцами об избрании Разерфорда Хейса задавала тон дальнейшему развитию событий. Вне зависимости от того, кто побеждал на выборах, внутренняя политика сколько-нибудь существенно не менялась.

Когда в 1884 г. демократ Г. Кливленд проводил избирательную кампанию, в США создавалось общее впечатление, что он выступает против всемогущества монополий и корпораций, а Республиканская партия, кандидатом которой был Джеймс Блейн, отстаивает интересы богатых. Но когда Кливленд победил Блейна, Дж. Гулд направил ему телеграмму: «Я чувствую... что обширные деловые интересы страны находятся в надежных руках». Он оказался прав.

Одним из основных советников нового президента США был миллионер и корпоративный адвокат Уильям Уитни, который женился на наследнице состояния «Стэндрд ойл» и был назначен Кливлендом военно-морским министром. Он немедленно занялся созданием «стального флота», закупая сталь по искусственно завышенным ценам на заводах Э. Карнеги. Сам Кливленд заверил промышленников, что его избрание не должно их пугать:

«Пока я являюсь президентом, ни один из интересов бизнеса не пострадает в результате административной политики... переход контроля над исполнительной властью от одной партии к другой не означает каких-либо серьезных потрясений существующих условий».

В ходе президентских выборов серьезных проблем избегали; не было четкого понимания того, кто приобретет, а кто потеряет, если будет принята та или иная политика. Избирательная кампания проводилась в типичной для подобных мероприятий форме, когда базовое сходство политических партий скрывалось, а акцент делался на личностях, слухах, мелочах. Генри Адамс, проницательный, литературно образованный комментатор той эпохи, писал по поводу выборов своему другу: «Мы тут погрузились в политические игры, которые более смешны, чем это можно выразить словами. В повестке дня – очень важные вопросы... Но удивительно то, что никто не говорит о реальных интересах. По общему согласию решено оставить их в стороне. Мы боимся обсуждать их. Вместо этого пресса занята увлекательным спором о том, был ли у мистера Кливленда незаконнорожденный ребенок и жил ли он с одной любовницей или с несколькими».

В 1887 г., имея в казне огромные излишки, Кливленд наложил вето на законопроект, в котором предлагалось оказать поддержку в размере 100 тыс. долл. техасским фермерам на закупку семенного зерна во время засухи. Он сказал: «В таких случаях федеральная помощь... поощряет ожидания отеческой заботы со стороны правительства и ослабляет наш крепкий национальный характер». Но в том же году президент США использовал излишки золотого запаса для выплаты богатым держателям облигаций по 28 долл. сверх стоимости каждой такой стодолларовой ценной бумаги. Это был подарок стоимостью 45 млн. долл.

Основная реформа, проводившаяся администрацией Кливленда, выдает тайну американского реформаторского законодательства. Предполагалось, что Закон о торговле между штатами 1887 г. был призван регулировать деятельность железных дорог в интересах потребителей. Однако Ричард Олни, адвокат железной дороги «Бостон-Мэн» и ряда других дорог, вскоре ставший в администрации Г. Кливленда генеральным прокурором США, сказал представителям железнодорожных компаний, которые жаловались на Комиссию по торговле между штатами, что «с точки зрения железнодорожных интересов» нет смысла упразднять ее. Он объяснил почему: «Комиссия... полезна или может быть очень полезной для железных дорог. Она удовлетворяет популярным требованиям государственного надзора за деятельностью этих дорог, и в то же время такой контроль является почти полностью номинальным... Было бы мудро не уничтожать Комиссию, а использовать ее».

Сам Кливленд в своем послании о положении в стране в 1887 г. сказал нечто подобное, добавив предупреждение: «Сейчас предоставляется возможность провести безопасные, осторожные и взвешенные реформы, и никто из нас не должен забывать о том, что может настать время, когда оскорбленный и раздраженный народ... потребует радикального и сметающего все вокруг восстановления справедливости».

Республиканец Бенджамин Гаррисон, сменивший Кливленда на посту президента и занимавший эту должность с 1889 по 1893 г., так описан в прекрасном исследовании М. Джозефсона «Политиканы», посвященном периоду после Гражданской войны: «Бенджамин Гаррисон был единственным, кто служил железнодорожным компаниям и в качестве адвоката, и как солдат. Он преследовал в федеральных судах бастующих [в 1877 г.]... и он же организовал и возглавил роту солдат во время забастовки».

В период администрации Б. Гаррисона делались жесты и в сторону реформ. Антитрестовский закон Шермана, принятый в 1890 г., назывался «Закон о защите торговли и коммерции от незаконных ограничений»; он запрещал вступать в «соглашение или сговор» с целью ограничения торговли между штатами либо внешней торговли. Инициатор закона Джон

Шерман так объяснил необходимость успокоить критиков монополий: «В старые времена... были монополии, но никогда не существовало таких гигантов, как сегодня. Вы должны внимательно отнестись к их требованиям или готовиться к приходу социалистов, коммунистов и нигилистов. Сегодня общество встревожено силами, присутствия которых ранее не ощущалось».

Когда в 1892 г. президентом вновь избрали Г. Кливленда, Э. Карнеги, находившийся в Европе, получил письмо от управляющего своих сталелитейных заводов Генри Клея Фрика: «Мне очень жаль президента Гаррисона, но я не вижу, чтобы наши интересы были тем или иным способом затронуты при смене администрации». Кливленд, столкнувшийся с агитацией, вызванной финансовой паникой и депрессией 1893 г., использовал войска для подавления «Армии Кокси»¹¹⁹ (демонстрации безработных, пришедших в Вашингтон) и против общенациональной забастовки на железных дорогах в следующем году.

В то же время Верховный суд, несмотря на внешний антураж справедливости, облаченной в черные мантии, вносил свой вклад в поддержку правящей элиты. Как он мог быть независимым, если его члены назначались президентом, а их кандидатуры утверждал сенат? Как он мог сохранять нейтралитет по отношению к богатым и бедным, если судьями часто назначались богатые экс-адвокаты и почти всегда выходцы из высшего класса? В начале XIX в. Суд заложил основы национальной регулируемой экономики, установив федеральный контроль над торговлей между штатами и создав юридическую базу для корпоративного капитализма путем признания неприкосновенности контракта.

В 1895 г. Верховный суд интерпретировал закон Шермана таким образом, чтобы сделать его безобидным. По делу «США против И. Си. Найт компани» было вынесено решение, согласно которому монополия в сахароварении является промышленной, а не торговой и, соответственно, ее деятельность не регулируется Конгрессом посредством упомянутого закона. Суд также постановил, что закон Шермана можно применять против забастовок, выходящих за рамки штата (таких, как железнодорожная стачка 1894 г.), поскольку они препятствуют торговле. Признавалась неконституционной слабая попытка Конгресса увеличить процентную ставку налога на высокие доходы (дело «Поллок против «Фармерс лон энд траст компани»»). В последующие годы Верховный суд откажется дробить на части монополии типа «Стэндрд ойл» и «Америкэн тобакко», заявляя, что закон Шермана запретил лишь «необоснованные» соглашения, препятствующие торговле.

В 1895 г. нью-йоркский банкир поднял тост за Верховный суд: «Джентльмены! Представляю вашему вниманию Верховный суд Соединенных Штатов – это страж доллара, защитник частной собственности, враг мародеров, последняя надежда Республики».

Вскоре после того, как 14-я Поправка к Конституции США была ратифицирована, Суд начал постепенно подрывать те ее постулаты, которые защищали чернокожих, и развивать то, что охраняло корпорации. Однако в 1877 г. решение Верховного суда по делу «Манн против штата Иллинойс» подтвердило законы штатов, регулировавших цены, которые фермеры платили за использование элеваторов. Компания, владевшая элеваторами, заявила, будто она оказалась лицом, лишенным собственности, что нарушает упомянутую Поправку, в которой

¹¹⁹ «Армией Кокси» (Армия общего блага) был назван поход безработных на Вашингтон из городка Массильон (Огайо). Около 100 безработных отправились в путь 25 марта 1894 г., по дороге к ним присоединились еще около 400 человек, и 1 мая «армия» прибыла в город Вашингтон. Руководитель похода Джекоб Кокси рассчитывал собрать около 100 тыс. человек и выдвинуть президенту Кливленду требования о финансовой помощи. (По официальным подсчетам к столице подошло 60–70 тыс. человек.) Кокси и ряд его сподвижников были арестованы и оштрафованы за «вытаптывание травы».

провозглашалось, что «ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры». Верховный суд с таким аргументом не согласился, заявив, что элеваторы являются не просто частной собственностью, а объектами инвестиций «в интересах общества», а потому их работа подлежит регулированию.

Через год после этого решения Ассоциация американских юристов, созданная адвокатами, привыкшими обслуживать богатых, начала общенациональную просветительскую кампанию, чтобы повернуть это решение Суда вспять. В разные времена президенты Ассоциации произносили фразы вроде: «Если тресты являются оборонительным оружием, защищающим собственность от коммунистических тенденций, их существование является желательным» или «Монополия часто является необходимой, и в ней есть преимущества».

К 1886 г. адвокаты добились своего. Легислатуры штатов под нажимом встревоженных фермеров принимали законы, позволявшие регулировать железнодорожные тарифы, но в том же году Верховный суд (дело «Уобаш против штата Иллинойс») решил, что штаты не имеют права делать это, поскольку такие действия являются вмешательством в полномочия федеральной власти. Только в 1886 г. Суд покончил с 230 законами штатов, которые были приняты для регулирования деятельности корпораций.

К тому времени Верховный суд уже согласился с аргументом, что корпорации являлись «лицами», а их денежные средства – имуществом, подлежащим защите согласно положению о надлежащей правовой процедуре, содержащемуся в 14-й Поправке. Казалось бы, эту Поправку принимали для того, чтобы защитить права негров, но из связанных с ней дел, которые Суд рассмотрел в период между 1890 и 1910 гг., 19 имели отношение к черным, а 288 касались корпораций.

Члены Верховного суда были не просто интерпретаторами Конституции США. Они являлись людьми определенного происхождения и имели определенные интересы. В 1875 г. один из них, судья Сэмюэл Миллер, заявил: «Бесполезно соревноваться с судьями, которые в свою бытность адвокатами защищали железнодорожные компании и все прочие формы организованного капитала». В 1893 г. член Верховного суда Дэвид Дж. Брюэр, обращаясь к Ассоциации юристов штата Нью-Йорк, сказал: «Является неизменным законом то, что благосостояние общества будет находиться в руках немногих... Огромное большинство людей не желает выносить длительного самопожертвования и бережливости, которые делают возможным накопление средств... а посему, если не изменится природа человека, всегда было и будет так, что богатство страны находится в руках немногих, а остальные должны полагаться на плоды своего повседневного тяжелого труда».

Это была не просто причуда 80–90-х гг. XIX в. – корнями она уходит к отцам-основателям, изучавшим право в эпоху «Комментариев» У. Блэкстоуна, где говорилось: «Уважение закона к частной собственности столь велико, что он не позволит малейшего покушения на нее, даже осуществляемого во имя блага всего общества».

В современном обществе контроль требует большего, чем использование силы и закона. Он требует, чтобы население, сконцентрированное в городах и на фабриках в опасно большом количестве, чья жизнь полна причин для бунта, было обучено тому, что все и так хорошо. А потому школы, церкви, популярная литература учили, что богатство – признак превосходства, бедность – признак личного провала, и единственный путь наверх для бедняка – достичь богатства при помощи экстраординарных усилий и благодаря необычайной удаче.

После Гражданской войны человек по имени Расселл Конуэлл, выпускник Йельской школы права, священник и автор бестселлеров, выступал с лекцией под названием «Бриллиантовые поля». Он прочитал ее более 5 тыс. раз слушателям по всей стране. Его общая аудитория составила несколько миллионов человек. Идея Р. Конуэлла заключалась в том, что

разбогатеть мог любой, если он достаточно постарается, а вокруг, если внимательно присмотреться, лежат «бриллиантовые поля». Вот отрывок из его выступления:

«Я бы сказал так: вам следует стремиться к богатству и стать состоятельным человеком – ваш долг... Люди, которые разбогатели, вполне могут быть самыми честными в вашей общине. Позвольте мне недвусмысленно заявить... 98 из 100 богачей в Америке – это честные люди. Поэтому они и богаты. Поэтому им доверяют деньги. Поэтому они руководят огромными предприятиями, и множество людей готово у них работать. Все это потому, что они – честные люди...

...Я сочувствую бедным, но число тех бедняков, кому можно сочувствовать, очень невелико. Сочувствовать тому, кого Господь наказал за его грехи... значит поступать неправильно... давайте не забывать о том, что в Соединенных Штатах нет ни одного бедняка, который стал таковым не в силу собственных недостатков».

Р. Конуэлл был основателем Университета Темпл. Дж. Д. Рокфеллер вкладывал средства в колледжи по всей стране и содействовал созданию Чикагского университета. К. П. Хантингтон, владелец железной дороги «Сентрал Пасифик», давал деньги двум негритянским колледжам – Хэмптоновскому и Таскиджийскому институтам. Э. Карнеги жертвовал средства колледжам и библиотекам. Университет Джонса Гопкинса был учрежден торговцем-миллионером, а миллионеры Корнелиус Вандербилт, Эзра Корнелл, Джеймс Дьюк и Лиланд Стэнфорд основали университеты, названные их именами.

Богатых, отдававших часть своих громадных барышей таким способом, стали называть филантропами. В созданных ими образовательных учреждениях не поощрялось инакомыслие; они готовили для американской системы посредников: педагогов, врачей, юристов, администраторов, инженеров, технологов, политиков – тех, кому платили за то, чтобы система продолжала работать, а сами эти люди служили бы буфером лояльности на случай неприятностей.

В то же время распространение государственного среднего образования позволило обучить письму, чтению и счету целое поколение квалифицированных и полуквалифицированных работников, которые стали в новую индустриальную эпоху грамотной рабочей силой. Было важно, чтобы эти люди научились подчиняться властям. Журналист, писавший о школах в 90-х гг. XIX в., отмечал: «Недружественный настрой учительницы бросается в глаза; ученики, полностью подчиненные ее воле, безмолвны и неподвижны, атмосфера в классе подавляющая и натянутая».

Еще в 1859 г. секретарь совета по делам образования штата Массачусетс так объяснил желание фабрикантов города Лоуэлла выучить своих рабочих: «Владельцы фабрик в большей мере, чем представители других классов, озабочены и заинтересованы вопросом интеллектуального развития своих работников. Когда последние хорошо образованы, а первые – настроены поступать по справедливости, тогда нет места противоречиям и забастовкам, а умы масс не засоряют демагоги, ими не овладевают временные и фракционные устремления».

Дж. Спринг в своей книге «Образование и развитие корпоративного государства» пишет: «В школе XIX в. развитие системы, похожей на фабричную, было неслучайным».

Это явление перешло и в XX в., когда книга У. Бэгли «Управление классом» стала стандартным учебником по подготовке преподавателей и выдержала 30 переизданий. Автор писал: «Тот, кто должным образом изучает педагогическую теорию, может увидеть в механической рутине классных занятий те силы образования, которые мало-помалу превращают ребенка из маленького дикаря в существо законопослушное, готовое к жизни в цивилизованном обществе».

Именно в середине и конце XIX в. средняя школа стала помощницей индустриальной

системы, а историю начали широко включать в школьную программу для развития патриотизма. Клятвы верности¹²⁰, сертификация учителей, требование наличия у них американского гражданства были введены как меры надзора как за качеством педагогической подготовки, так и за политическими воззрениями учителя. Также в конце столетия школьным чиновникам, а не преподавателям был поручен контроль за учебниками. Законы, принимавшиеся в различных штатах, запрещали некоторые их виды. Например, в Айдахо и Монтане были под запретом учебники, пропагандировавшие «политические» доктрины, а на Территории Дакота в школьные библиотеки не допускались «партийные политические брошюры или книги».

В противостоянии этой гигантской системе получения знаний и организации учебного процесса, служившей интересам консерватизма и покорности, появилась литература несогласия и протеста, которой приходилось преодолевать путь к читателю сквозь многочисленные препятствия. Г. Джордж, рабочий-самоучка из бедной филадельфийской семьи, ставший газетным журналистом и экономистом, написал книгу, вышедшую в 1879 г. и проданную миллионными тиражами не только в США, но и по всему миру. В его работе «Прогресс и бедность» выдвигался следующий тезис: основой богатства является земля, которая переходит в монопольную собственность, и единый налог на землю при отмене всех остальных даст стране достаточно средств, чтобы решить проблему бедности и равномерно распределить богатство. Возможно, читатели и не были убеждены в предлагавшихся автором решениях, но на примере собственной жизни они могли убедиться в точности его наблюдений: «Правда состоит в том, что благосостояние намного повысилось и поднялся средний уровень комфорта, отдыха и изысканности; но этот рост не является всеобщим. Нижний класс он не затрагивает... Эта связь нищеты и прогресса – великая загадка нашего времени... В рабочей среде существует смутное, но всеохватное чувство разочарования и горечи; распространено ощущение волнения и нависшей угрозы революции... Цивилизованный мир дрожит в ожидании великого движения. Это может быть или скачок вверх, открывающий путь к прогрессу, о котором нельзя было и мечтать, или погружение вниз, которое вернет нас к варварству».

Другой вызов социально-экономической системе бросил Э. Беллами, юрист и писатель из западной части Массачусетса, написавший простым языком увлекательный роман «Взгляд назад». Автор книги засыпает и просыпается в 2000 г., обнаружив социалистическое общество, в котором люди живут и работают сообща. В течение нескольких лет был продан 1 млн. экземпляров романа, где ярко и с любовью описан социализм, а по всей стране появились сотни групп, пытавшихся воплотить эту мечту в жизнь.

Оказалось, что, несмотря на энергичные попытки государства, бизнеса, церкви и школы контролировать образ мышления народа, миллионы американцев были готовы к жесткой критике существующей системы и рассмотрению других, альтернативных способов бытия. В этом им помогали великие общественные движения рабочих и фермеров, которые охватили страну в 80–90-х гг. XIX в. Эти движения пошли дальше, чем разрозненные забастовки и борьба арендаторов в 1830–1877 гг. Они стали общенациональными, в большей степени, чем когда-либо ранее, угрожавшими правящей элите, и более опасными тем, что предлагали иные пути развития. Это было время, когда в большинстве американских городов существовали

---

¹²⁰ Клятва верности государственных служащих и ряда других лиц, предусматривавшая отказ от подрывной деятельности против американского государства. В период холодной войны присягать должны были государственные служащие, учителя, прокуроры, работники оборонной отрасли и те, кто получал правительственные субсидии. В 1970 г. Комиссия по гражданской службе США отменила требование о принесении присяги гражданскими служащими.

революционные организации, а в воздухе веяло революцией.

Поток иммигрантов из Европы в 80–90-х гг. XIX столетия заметно усилился. Все эти бедняги пережили мучительное трансокеанское путешествие. Приезжих из Ирландии и Германии было теперь меньше, чем итальянцев, русских, евреев, греков – выходцев из стран Южной и Восточной Европы, гораздо больших чужаков для англосаксов, чем ранее прибывшие иммигранты.

То, как различные этнические группы повлияли на раскол рабочего класса и каким образом развивались конфликты между этими группами, сталкивавшимися с одинаковыми трудностями, наглядно показано в статье из газеты богемских иммигрантов «Сворност» от 27 февраля 1880 г. В петиции 258 родителей и попечителей нью-йоркской школы Трооп, подписанной более чем половиной всех налогоплательщиков школьного округа, говорилось, что «у просителей столько же прав требовать преподавания богемского языка в государственных школах, сколько у немецких граждан – требовать преподавания немецкого языка... Возражая на это, мистер Воке утверждает, что между немцами и богемцами существует большая разница, или, иными словами, они [немцы] стоят выше».

Ирландцы, все еще помнившие о той ненависти, которую к ним проявили после их приезда, теперь получали работу в рамках новых «партийных машин»¹²¹, которые нуждались в их голосах. Те, кто шел работать в полицию, сталкивались с недавно прибывшими в страну евреями. Тридцатого июля 1902 г. еврейская община Нью-Йорка собралась на похороны игравшего важную роль в ее жизни раввина, и произошли стычки со взбунтовавшимися ирландцами, которые сопротивлялись поселению евреев в их районе. Полиция преимущественно состояла из ирландцев, и в ходе официального расследования волнений выяснилось, что она помогала нарушителям порядка: «...против полицейских были выдвинуты обвинения в неспровоцированном и крайне жестоком избиении дубинками, но в результате их либо оправдали, либо оштрафовали, лишив жалованья за один день, но оставили работать в полиции».

Между вновь прибывающими возникала отчаянная экономическая конкуренция. К 1880 г. в Калифорнии насчитывалось 75 тыс. китайских иммигрантов, ввезенных в страну железнодорожными компаниями для выполнения самых тяжелых работ за гроши, и они составляли почти десятую часть населения. Эти люди стали объектом постоянных жестоких нападений. Романист Брет Гарт написал такой некролог на смерть китайца по имени Ван Ли: «Скончался он, мои почтенные друзья, скончался. Забит камнями до смерти на улицах Сан-Франциско, в лето Господне 1869 г., забит толпою подростков и школяров-христиан».

Летом 1885 г. в Рок-Спрингс (Вайоминг) белые напали на 500 китайских шахтеров, хладнокровно зарезав 28 человек.

Новые иммигранты становились разнорабочими, малярами, работали на каменоломнях и рыли каналы. Часто подрядчики ввозили их в массовом порядке. Один итальянец, которому сказали, что его везут в Коннектикут для работы на железной дороге, вместо этого оказался на Юге на добывавших сульфаты шахтах, где за ним и его товарищами в бараке и в рудниках наблюдала вооруженная охрана, а денег выдавали ровно столько, чтобы оплатить железнодорожный проезд и покупку инструментов, и их едва хватало на еду. Вместе с другими этот итальянец решил бежать. Они были схвачены. Под угрозой оружия им предложили

¹²¹ Негласная иерархия партийного руководства на местном уровне; подразумевает безусловное подчинение интересов партии и ее членов диктату босса. Такие структуры получили широкое распространение в конце XIX – начале XX в. в обеих политических партиях. Избавление от боссизма стало основной целью реформирования власти на муниципальном уровне.

продолжить работу или умереть. Когда беглецы отказались работать, их привели к судье и заковали в кандалы и отпустили только спустя пять месяцев после прибытия на рудники. «Мои товарищи поездом поехали в Нью-Йорк. У меня был лишь 1 долл., и, не зная ни страну, ни язык, мне пришлось идти туда пешком. Спустя 42 дня, в конце концов, я добрался до города совершенно изможденным».

Условия, в которых оказывались иммигранты, иногда заставляли их бунтовать. Современник писал, что «некоторые итальянцы работали в поселке у озера Дил в штате Нью-Джерси; не получив свою зарплату, они захватили подрядчика и заперли его в хибаре. Так этот человек и оставался в плену, пока шериф графства с собранным им отрядом не прибыл на выручку».

Развивалась эксплуатация детей-иммигрантов, которых или отдавали по контракту отчаявшиеся родители у них на родине, или попросту похищали. За детьми потом надзирали «наставники», что напоминало одну из форм рабства; иногда их отправляли зарабатывать в качестве уличных музыкантов. Толпы таких ребят наводнили улицы Нью-Йорка и Филадельфии.

Когда иммигранты становились натурализованными гражданами США, то попадали в сферу действия американской двухпартийной системы. Им предлагали соблюдать лояльность в отношении одной из двух партий, и таким образом политическая энергия этих людей перетекала в форму участия в выборах. В ноябре 1894 г. иммигрантская газета «Италия» призывала итальянцев отдавать голоса Республиканской партии: «Когда американские граждане, родившиеся за границей, отказываются связывать себя с Республиканской партией, они ведут войну с собственным благосостоянием. Республиканская партия отстаивает все то, за что борются народы Старого Света. Она выступает за свободу, прогресс, порядок и закон. Она – самый стойкий противник правления монархического класса».

В 80-х гг. в страну прибыло 5,5 млн. иммигрантов, в 90-х гг. – 4 млн. Их присутствие позволяло сдерживать рост заработной платы. Приезжавших было проще контролировать, они оказывались более беспомощными, чем местные рабочие. Между иммигрантами, очутившимися в чужеродной культурной среде, возникали противоречия, и потому они были полезны в качестве штрейкбрехеров. Часто работали и дети вновь прибывших, что только усиливало проблему избытка рабочей силы и безработицы. В 1880 г. в США трудились 1 млн. 118 тыс. детей в возрасте до 16 лет (т. е. каждый шестой). Поскольку рабочий день был очень продолжительным, между членами семьи возникало отчуждение. Гладильщик брюк Моррис Розенфельд написал стихотворение «Мой мальчик», которое часто перепечатывали и декламировали:

Есть дома мальчик у меня,
Сынок мой дорогой.
В нем вера и любовь моя,
И целый мир земной.
В труде с рассвета спину гну,
Кончаю с темнотой;
Чужой я сыну моему,
И он мне как чужой...¹²²

¹²² Цит. по: Фонер Ф. История рабочего движения в США: в 6 т. / пер. с англ. М., 1958. Т. 2. С. 374.

Женщины-иммигрантки становились служанками, проститутками, домохозяйками, фабричными работницами, а иногда – бунтарками. Леонору Барри¹²³, родившуюся в Ирландии, в детстве привезли в США. Она вышла замуж, а когда муж скончался, пошла работать на трикотажную фабрику на севере штата Нью-Йорк. Ей необходимо было содержать троих маленьких детей, получая 65 центов за первую неделю работы. Л. Барри вступила в «Орден рыцарей труда» (ОРТ), в котором к 1886 г. состояло 50 тыс. женщин и насчитывалось 192 женских ассамблей. В своей ассамблее, где было 927 женщин, она стала «мастером», и «Рыцари труда» назначили Леонору главным уполномоченным по изучению ряда вопросов, чтобы она «шла и разъясняла своим сестрам, работающим женщинам, а также широкой публике, их нужды и потребности». Вот как Л. Барри описывает самую большую проблему, с которой сталкивались работницы: «За долгие годы терпения они обрели, как нечто вроде второй натуры, привычку подчинения и беспрекословного согласия с любыми выставленными перед ними условиями, а также пессимистический взгляд на жизнь, в которой они не видят надежды». Ее отчет за 1888 г. показал, что поступило 537 просьб помочь женщинам организовать поездки в 100 городов и населенных пунктов, распространено 1,9 тыс. листовок.

В 1884 г. женские ассамблеи текстильщиц и шляпниц устроили стачку. На следующий год в Нью-Йорке швейники, занятые в пошиве плащей и сорочек – мужчины и женщины (которые проводили свои митинги отдельно, но действовали согласованно), – начали забастовку. Нью-Йоркская газета «Уорлд» назвала ее «восстанием из-за хлеба с маслом». Рабочие добились повышения жалованья и сокращения продолжительности рабочего дня.

Той же зимой в город Йонкерс за вступление в ОРТ уволили нескольких ковровщиц. Тогда, в холодном феврале, 2,5 тыс. женщин вышли на улицу и устроили пикет у ворот фабрики. Из них только 700 человек состояли в профсоюзе, но вскоре все принявшие участие в забастовке вступили в него. Полиция напала на пикетчиц и арестовала их, но присяжные признали этих женщин невиновными. В их честь рабочие Нью-Йорка устроили торжественный ужин, на который пригласили 2 тыс. делегатов от профсоюзов со всего города. Забастовка продолжалась в течение полугода, и женщинам удалось добиться выполнения некоторых своих требований и вернуть себе работу, однако их профсоюз не был признан.

Потрясающим в этих многочисленных примерах борьбы было не то, что бастующим не удавалось добиться выполнения всех требований, а то, что, несмотря на столь громадные препятствия, они смели сопротивляться и их не могли сломить.

Возможно, признание того, что повседневной борьбы недостаточно и что необходимы фундаментальные перемены, стимулировало в то время революционные движения. Социалистическая рабочая партия, образованная в 1877 г., была крошечной, и ее раздирали внутренние разногласия; однако она имела некоторое влияние на процесс организации профсоюзов среди рабочих-иностранцев. В Нью-Йорке еврейские социалисты создали свою газету. В Чикаго немецкие революционеры наряду с радикалами-американцами, такими как Алберт Парсонс, организовали социалистические революционные клубы. В 1883 г. в Питтсбурге состоялся съезд анархистов. В принятом манифесте говорилось: «...Все законы направлены против рабочих... Даже школа служит целям предоставления отпрыскам богачей навыков, необходимых для удержания своего классового превосходства. Дети бедняков едва получают начальную подготовку, да и та в основном направлена на те области, в которых есть

¹²³ Леонора Мари Карни Барри (1849–1930) – одна из первых женщин, ставшая крупным профсоюзным лидером.

тенденция порождать предрассудки, высокомерие и раболепие, короче говоря – недостаток разума. Наконец, церковь стремится сделать из масс полных идиотов и отказаться от рая земного во имя выдуманного рая небесного. С другой стороны, капиталистическая пресса заботится о заплутавших в общественной жизни душах... Таким образом, рабочим не стоит ожидать какой-либо помощи со стороны капиталистических партий в своей борьбе против существующей системы. Они должны собственными усилиями добиться освобождения. Как и в прошлом, привилегированный класс никогда не расстанется с тиранией самостоятельно. Не следует ожидать и того, что капиталисты нашей эпохи откажутся от своего господства, если их не заставить это сделать».

Манифест требовал «равноправия для всех вне зависимости от пола или расы». В нем цитировался «Манифест Коммунистической партии»: «Пролетариям нечего... терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В Чикаго новая Международная рабочая ассоциация, которая насчитывала 5 тыс. членов и выпускала газету на пяти языках, устраивала массовые демонстрации и шествия. Эта ассоциация была главным организатором забастовок и оказывала существенное влияние на деятельность 22 профсоюзов, которые входили в состав Центрального рабочего союза Чикаго. Между всеми этими группами революционеров существовали теоретические разногласия, но теоретиков часто объединяли практические потребности в ходе выступлений рабочих, которых в середине 80-х гг. было немало.

В начале 1886 г. администрация Техасско-Тихоокеанской железной дороги уволила руководителя окружной ассамблеи ОРТ, что привело к забастовке, распространившейся на весь Юго-Запад, из-за которой простаивали поезда даже в Сент-Луисе и Канзас-Сити. Девятерых молодых людей, нанятых в качестве судебных исполнителей в Новом Орлеане, привезли в Техас для охраны имущества компании. Когда они узнали о забастовке, то отказались выполнять свои обязанности, заявив, что «как мужчины, мы не могли бы оправданно идти на работу и вырывать хлеб изо рта наших товарищей-рабочих, даже если мы сами крайне нуждались в нем». После этого их арестовали за обман компании, состоявший в отказе работать, и приговорили к трем месяцам заключения в тюрьме графства Галвестон.

Бастующие участвовали в актах саботажа. Вот что сообщалось в репортаже из города Атчисон (Канзас): «Сегодня утром, в 12.45, мужчины, охранявшие паровозное депо дороги «Миссури Пасифик», были удивлены появлению 35 или 40 людей в масках. Охрану часть визитеров загнала в каптерку и держала под дулами пистолетов... а остальные планомерно уничтожали 12 локомотивов, стоявших в депо».

В апреле произошло столкновение между забастовщиками и полицией в Ист-Сент-Луисе. Семеро рабочих были убиты, после чего их товарищи сожгли депо железной дороги «Луисвилл – Нэшвилл». Губернатор объявил военное положение и направил в город 700 национальных гвардейцев. В условиях массовых арестов и жестоких расправ шерифов и их помощников, а также при отсутствии поддержки со стороны лучше оплачиваемых квалифицированных рабочих, состоявших в железнодорожных братствах, бастующие не могли продержаться долго. Спустя несколько месяцев они сдались, и многие участники забастовки попали в «черные списки».

К весне 1886 г. возросла роль движения за 8-часовой рабочий день. Первого мая Американская федерация труда, существовавшая к тому моменту уже пять лет, призвала к общенациональной стачке в случае отказа каких-либо работодателей установить 8-часовой рабочий день. Руководитель «Ордена рыцарей труда» Теренс Паудерли выступил против забастовки, считая, что сначала работодателям и работникам необходимо разъяснить суть предложений о введении 8-часового дня, но местные ассамблеи ОРТ намеревались бастовать.

«Великий вождь» Братства паровозных машинистов был противником 8-часового рабочего дня, считая, что «сокращение работы на два часа означает, что будет на два часа больше времени на то, чтобы слоняться без дела, и на два часа больше – на выпивку»; железнодорожники с этим не согласились и поддержали движение за 8-часовой рабочий день.

Итак, 350 тыс. работников 11 562 предприятий по всей стране объявили о начале стачки. В Детройте 11 тыс. человек устроили шествие в поддержку 8-часового рабочего дня. По нью-йоркскому Бродвею 25 тыс. жителей прошли в факельной процессии, которую возглавили 3,4 тыс. членов Союза пекарей. В Чикаго в забастовке приняли участие 40 тыс. человек, а еще 45 тыс. работникам был сокращен рабочий день, чтобы они тоже не начали стачку. В Чикаго остановились все железные дороги, большая часть городской промышленности оказалась парализованной. Прекратили работу скотобойни.

В Чикаго ежедневно для выработки стратегии собирався на заседания «Комитет граждан», состоявший из бизнесменов. Была вызвана милиция штата, полиция – приведена в состояние боевой готовности. Первого мая чикагская газета «Мейл» призвала не сводить глаз с анархистов Алберта Парсонса и Августа Шписа – вожаков Международной рабочей ассоциации. «Следите за ними. Знайте, что прямыми виновниками всяческой могущей возникнуть смуты будут они. И как только смута начнется, расправьтесь с ними в назидание другим».

Под руководством А. Парсонса и А. Шписа Центральный рабочий союз (22 профсоюза) принял осенью 1885 г. пламенную резолюцию: «Постановляем, что мы призываем класс наемных рабочих срочно вооружаться, чтобы обладать способностью предъявить своим эксплуататорам единственный убедительный аргумент – насилие. Постановляем также, что, несмотря на то что мы ожидаем мало эффекта от введения 8-часового рабочего дня, мы твердо обещаем оказать нашим более отсталым собратьям помощь в этой классовой борьбе всеми средствами и силами, имеющимися в нашем распоряжении, пока они будут проявлять себя открытыми и непоколебимыми борцами с нашими общими угнетателями, аристократическими тунеядцами и эксплуататорами. Наш боевой клич – «Смерть врагам человечества»».

Третьего мая произошли события, в результате которых Парсонс и Шпис оказались как раз в том положении, которое предрекала «Мейл» («И как только смута начнется, расправьтесь с ними в назидание другим»), В тот день, когда у ворот завода «Маккормик харвестер» бастующие и те, кто им сочувствовал, сражались со штрейкбрехерами, полиция открыла огонь по толпе, убегавшей с места событий. В результате многие были ранены, четыре человека погибли. Разъяренный Шпис отправился в типографию газеты «Арбайтер цайтунг» и напечатал циркуляр на английском и немецком языках: «Отомстите! Рабочие, к оружию!!!..В течение многих лет вы терпели самые унижительные оскорбления... вы умирали от тяжелого труда... вы жертвовали своих детей фабричным лордам, Короче, все эти годы вы представляли собой жалких и покорных рабов. Во имя чего? Во имя удовлетворения ненасытных appetitов, для наполнения сундуков вашего ленивого хозяина-ворюги? Когда вы просите их облегчить ваши страдания, они отправляют своих ищеек, чтобы застрелить, убить вас!..Мы призываем вас к оружию. К оружию!»

Вечером 4 мая на площади Хеймаркет был созван митинг, в котором приняли участие около 3 тыс. человек. Он проходил спокойно, и, поскольку сгущались предгрозовые тучи и время было позднее, толпа сократилась до нескольких сотен. Появилось подразделение из 180 полицейских, которое придвинулось к платформе с ораторами, и присутствующим было приказано разойтись. Оратор сказал, что митинг уже подходит к концу. В этот момент в рядах полицейских взорвалась бомба, в результате чего 66 стражей порядка получили ранения, а 7 из них позднее скончались. Полиция открыла по собравшимся огонь, застрелив несколько человек

и ранив 200.

Не имея доказательств относительно виновных во взрыве бомбы, полицейские арестовали восьмерых местных вожаков анархистов. Чикагская газета «Джорнэл» писала: «В отношении арестованных анархистов правосудие должно свершиться незамедлительно. Закон этого штата, касающийся сообщников преступления, достаточно однозначен, чтобы судебные процессы над ними были короткими». По закону штата Иллинойс любой, кто подстрекал к совершению убийства, считался виновным в данном убийстве. Доказательствами против восьми анархистов служили их идеи и публикации: никто из них, кроме С. Филдена, выступавшего в момент взрыва бомбы, в тот день не был на площади Хеймаркет. Присяжные признали арестованных виновными, и подсудимых приговорили к смертной казни. Апелляции были отклонены; Верховный суд США заявил, что данное дело находится вне его юрисдикции.

Эти события вызвали волнения во многих странах. Прошли митинги во Франции, в Голландии, России, Италии, Испании. В Лондоне среди организаторов митинга протеста были Джордж Бернард Шоу, Уильям Моррис и Петр Кропоткин. Шоу характерно отреагировал на отклонение апелляции восьмью членами верховного суда штата Иллинойс: «Если мир должен потерять восемь человек, то мы можем позволить себе потерять восьмерых членов верховного суда Иллинойса».

Через год после завершения суда четверо из осужденных анархистов: типограф Алберт Парсонс, драпировщик Август Шпис, Адольф Фишер и Георг Энгель – были повешены. Луис Линг, 21-летний плотник, покончил с собой в камере, подорвав трубку с динамитом у себя во рту. Трое других остались в тюрьме.

Казни всколыхнули всю страну. В похоронной процессии в Чикаго приняли участие 25 тыс. человек. Часть свидетельских показаний давал человек по имени Рудольф Шнаубельт, предположительно анархист, а на самом деле информатор полиции и агент-provokator, который был нанят, чтобы бросить бомбу и таким образом дать возможность арестовать сотни человек, покончив с революционными вожаками в Чикаго. Но до сих пор так и не установлено, кто бросил бомбу.

Притом что немедленным результатом этих событий стало подавление радикального движения, долгосрочным эффектом явилось сохранение у многих людей классового гнева; другие жители страны – особенно молодежь того поколения – стали заниматься революционной деятельностью. Шестьдесят тысяч человек подписали петиции новому губернатору штата Иллинойс Джону Питеру Алтгелду, который после изучения фактов осудил происшедшее и помиловал троих оставшихся в живых осужденных. Ежегодно по всей стране проводились митинги в память о мучениках Хеймаркета. Невозможно сказать, политическое пробуждение какого числа людей связано с событиями на этой площади; стойкие революционеры-долгожители следующего поколения – Эмма Голдман¹²⁴ и Александр Беркман как политики родились после Хеймаркета.

(Даже в 1968 г. память об этих событиях была жива: тогда группа молодых чикагских радикалов взорвала монумент, воздвигнутый в честь полицейских, погибших от взрыва в 1886 г. Примерно в то же время в Чикаго проходил судебный процесс над восьмью лидерами антивоенного движения, пробудивший в прессе, в литературе и на митингах память о первой «Чикагской восьмерке», которую судили за их идеи.)

После случившегося на площади Хеймаркет продолжились классовые конфликты и

¹²⁴ Эмма Голдман (Красная Эмма) (1869–1940) – анархистка. В молодости иммигрировала в США из России. В декабре 1919 г. была депортирована из США в Россию, жила в Канаде и Великобритании, участвовала в Гражданской войне в Испании (1936–1939).

насилие, сопровождавшиеся стачками, локаутами, занесением в «черные списки», использованием пинкертоновцев¹²⁵ и полиции для насильственного прекращения забастовок, а также судов для их пресечения в соответствии с законом. Во время стачки кондукторов трамвайной линии на Третьей авеню в Нью-Йорке, которая произошла через месяц после событий в Чикаго, полиция атаковала многотысячную толпу, без разбору используя дубинки. В репортаже нью-йоркской газеты «Сан» говорилось: «Люди с раскроенными черепами расползались во все стороны».

Частично энергия недовольства в конце 1886 г. вылилась в осенней кампании по выборам мэра Нью-Йорка. Профсоюзы создали Независимую рабочую партию и выдвинули на этот пост экономиста-радикала Генри Джорджа, чью книгу «Прогресс и бедность» прочли тысячи рабочих. Предвыборная программа кандидата дает некоторое представление об условиях жизни трудящихся города в 80-х гг. XIX в. Вот часть содержавшихся в ней требований:

- 1) отменить имущественный ценз для присяжных;
- 2) избирать присяжных в составы больших жюри из представителей низшего класса наравне с представителями высшего класса, которые в них преобладали;
- 3) не позволять полиции вмешиваться в ход мирных собраний;
- 4) реализовать на практике санитарную инспекцию зданий;
- 5) запретить систему контрактации рабочей силы для общественных работ;
- 6) ввести равную оплату за равный труд женщинам;
- 7) передать трамваи в муниципальную собственность.

Демократы выдвинули фабриканта, занимавшегося производством черных металлов Абрама Хьюитта, а республиканцы – Теодора Рузвельта. На их предвыборном съезде председательствовал корпоративный адвокат Илай Рут, а речь о выдвижении кандидатов произносил директор железнодорожной компании Чонси Деппю. На выборах, в ходе которых использовались физическое насилие и взяточничество, победил Хьюитт, получивший 41 % голосов. Г. Джордж занял второе место (31 % голосов), а Т. Рузвельт пришел третьим с 27 %. Нью-йоркская газета «Уорлд» увидела в этом знак: «Вырвавшийся из глубины в форме 67 тыс. голосов, поданных за Генри Джорджа, протест против объединенной власти обеих политических партий, Уолл-стрита, капиталистических кругов и большой прессы должен явиться для нашей городской общины предупреждением о необходимости внимательно отнестись к требованиям рабочих, поскольку они разумны и справедливы».

В других городах страны кандидаты от рабочих также участвовали в выборах, набрав 25 тыс. из 92 тыс. голосов в Чикаго, победив на выборах мэра Милуоки, а также заняв разные посты в администрациях Форт-Уэрта (Техас), Итона (Огайо) и Ледвилла (Колорадо).

Казалось, что груз событий на площади Хеймаркет не раздавил рабочего движения. 1886 год стал известен современникам как «год великого восстания рабочих». В 1881–1885 гг. ежегодно проходило в среднем около 500 забастовок, в которых участвовало примерно 150 тыс. рабочих. В 1886 г. произошло свыше 1,4 тыс. стачек, охвативших 500 тыс. рабочих. Дж. Коммонс в своей «Истории рабочего движения в Соединенных Штатах» так пишет об этом: «...признаки великого движения класса неквалифицированных рабочих наконец переросли в восстание... Движение имело признаки социальной войны во всех аспектах. Яростная

¹²⁵ Национальное детективное агентство Пинкертона основано в 1850 г. в Чикаго Аланом Пинкертоном и первоначально специализировалось на раскрытии дел об ограблениях поездов. В 1861 г. раскрыло заговор с целью убийства президента Линкольна. Во время Гражданской войны выполняло функции контрразведки северян. Пинкертону удалось создать сеть, которая в дальнейшем стала основой Секретной службы США. Сотрудники агентства участвовали в разгоне Гомстедской стачки и разгроме тайного общества шахтеров «Молли Магвайрс».

ненависть труда к капиталу проявлялась в каждой значительной забастовке... Крайнее негодование, которое вызывал капитализм, проявило себя в акциях «Рыцарей труда», и, как бы лидеры ни старались держать эту организацию в определенных рамках, чаще всего их последователи игнорировали такой подход».

Спорадические выступления происходили даже среди черных Юга, где вся военная, политическая и экономическая мощь штатов с молчаливого согласия федеральных властей была сконцентрирована на том, чтобы заставить негров покориться и работать. На хлопковых плантациях они были рассеяны по всему полю, но на сахарных плантациях работа выполнялась бригадами, поэтому существовала возможность для организованных действий. В 1880 г. работники сахарных плантаций устроили забастовку, потребовав платить им не 75 центов, а 1 долл. в день, и угрожали уехать из штата. Участников акции арестовывали и заключали в тюрьму, но они все равно ходили по дорогам вдоль плантаций сахарного тростника с плакатами: «ДОЛЛАР В ДЕНЬ ИЛИ КАНЗАС». Их продолжали арестовывать за вторжение в чужие владения, и стачка была подавлена.

Однако активная агитация ОРТ на этих плантациях привела к тому, что в 1886 г. стал пиковым в плане влияния, которое имела эта организация. Чернокожие рабочие, неспособные прокормить и одеть семьи на свою зарплату, часто получавшие заработок в магазинных купонах, вновь потребовали платить им 1 долл. в день. Осенью следующего года забастовали около 10 тыс. работников сахарных плантаций; 90 % из них составляли негры и члены ОРТ. Прибыл отряд милиции, и начались стычки с использованием огнестрельного оружия.

Кровопролитие имело место в городке Тибодо, который стал своего рода лагерем беженцев, где сотни бастующих, изгнанных из своих сараев на плантациях, собирались без цента в кармане, принося с собой постельное белье и младенцев. Их отказ работать угрожал судьбе всего урожая сахарного тростника, и в Тибодо было объявлено военное положение. Лидеры местных «Рыцарей труда» чернокожие братья Генри и Джордж Коксы были арестованы и посажены в тюрьму. Затем их забрали из камер, и больше никто ничего о них не слышал. В ночь на 22 ноября возникла перестрелка; каждая из сторон обвиняла в этом другую. На следующий день, к полудню, 30 негров были убиты или находились при смерти, сотни ранены. Двое белых также получили ранения. Новоорлеанская негритянская газета писала: «...Стреляли в хромых мужчин и слепых женщин; безжалостно уничтожали детей и убежденных седидами стариков! Негры не оказывали сопротивления; они и не могли этого сделать, поскольку никто не ожидал этого смертоубийства. Те, кто не погиб, скрылись в лесах, а большинство нашло прибежище в этом городе...»

Граждан Соединенных Штатов убивает толпа, действиями которой руководит судья штата... К рабочим, стремящимся к повышению заработка, относятся как к собакам! В такие времена и в таких ситуациях слова осуждения подобны снежинкам, падающим на расплавленный свинец. Черные должны защитить свои жизни и при необходимости умереть, глядя в глаза своим преследователям, сражаясь за свои дома, детей и законные права».

У местных белых бедняков дела обстояли немногим лучше. На Юге они чаще были фермерами-издольщиками, а не землевладельцами, а в городах арендовали жилье, а не владели им. К. Ванн Вудворд отмечает в работе «Истоки Нового Юга», что городом с наибольшим коэффициентом арендуемого жилья в США являлся Бирмингем, где оно составляло 90 %. А трущобы южных городов были среди наихудших; белая беднота жила в них так же, как и чернокожие, на немощеных улицах, «задыхающихся от мусора, слякоти и грязи» (цитата взята из доклада совета по делам здравоохранения одного из штатов).

Периодически возникал протест против сложившейся на Юге системы эксплуатации труда осужденных, в соответствии с которой заключенных отдавали в аренду корпорациям,

использовавшим их подобно рабам, для удержания общего уровня заработной платы, а также для прекращения забастовок. В 1891 г. от шахтеров «Теннесси коул энд айрон компани» потребовали подписать «железную клятву», предусматривавшую отказ от участия в стачках, согласие на оплату труда купонами и отказ от права проверять вес угля (заработок шахтеров исчислялся исходя из веса добытого угля). Они отказались подписывать «клятву» и были выселены из своих домов. На смену этим шахтерам завезли заключенных.

Вечером 31 октября 1891 г. 1 тыс. вооруженных горняков взяли под контроль территорию шахты, освободили 500 заключенных и сожгли лагерь, в котором содержались последние. Компании пошли на уступки, согласившись не использовать узников, не требовать подписания «железной клятвы» и разрешать шахтерам проверять вес добытого ими угля.

В следующем году в Теннесси было еще больше таких инцидентов. К. Ванн Вудворд называет их «восстаниями». Угольщики победили охранников, нанятых «Теннесси коул энд айрон компани». Они сожгли лагерь для заключенных и отправили их в Нэшвилл. Другие профсоюзы штата пришли им на помощь. Наблюдатель сообщал Федерации профсоюзов Чаттануги: «Мне хотелось бы отметить размах этого движения. Я видел письменное заверение в отправке к шахтерам подкрепления в количестве 7,5 тыс. человек, которые будут на месте через десять часов, после того как прозвучит первый выстрел... Весь округ един во мнении по поводу основного предложения: «Заключенных надо убрать». В понедельник, пока шахтеры проходили мимо меня, я насчитал 840 винтовок, притом что у огромного большинства были револьверы. Их командиры – все сплошь из Великой армии¹²⁶. Белые и негры стоят плечом к плечу».

В 1892 г. в Новом Орлеане 42 местных отделения профсоюзов, насчитывавшие свыше 20 тыс. членов (в основном белых, а также чернокожих, один из которых являлся членом забастовочного комитета), призвали к всеобщей забастовке, вовлекая в нее половину населения города. Работа в Новом Орлеане была парализована. Через три дня, после того как были привлечены штрейкбрехеры, введено военное положение и возникла угроза применения отрядов милиции, забастовка закончилась компромиссом. Ее участникам удалось удовлетворить свои требования относительно зарплаты и продолжительности рабочего дня, но профсоюзы не были признаны посредниками при проведении переговоров с работодателями.

В этом году забастовочная борьба развернулась по всей стране: помимо всеобщей стачки в Новом Орлеане и забастовки шахтеров в Теннесси произошли выступления стрелочников в Буффало (Нью-Йорк) и на медных рудниках в Кер д'Алене (Айдахо). Последнее было отмечено вооруженными стычками между бастующими и штрейкбрехерами; не обошлось без множества смертей. В газетном репортаже от 11 июля 1892 г. говорилось: «...Наконец настало время конфликта, которого так долго боялись, между силами бастующих и теми, кто, не состоя в профсоюзе, занял их рабочие места. В результате, как стало известно, 5 человек погибли, а 16 уже находятся в больнице; фабрика Фриско на реке Каньон-Крик лежит в руинах; шахта Джем сдалась под натиском бастующих, захвачено оружие ее работников, а им самим приказали убраться из района. Окрыленные этими победами, смутьяны из числа бастующих готовятся к нападению на другие форпосты людей, не являющихся членами профсоюза».

Национальную гвардию, введенную по приказу губернатора, усилили федеральными войсками; 600 шахтеров были окружены и отправлены в кутузку, штрейкбрехеров вернули на рабочие места, профсоюзных лидеров уволили, и забастовка была прекращена.

¹²⁶ Имеется в виду «Великая армия Республики» – общество ветеранов Гражданской войны – северян, созданное в 1866 г. для увековечения памяти погибших и оказания помощи их семьям. В 1890 г. (пик его деятельности) насчитывало около 410 тыс. членов.

В начале 1892 г. сталелитейный завод Э. Карнеги в пригороде Питтсбурга Гомстеде (Пенсильвания), находился под управлением Генри Клея Фрика, пока сам владелец был в Европе. Фрик решил сократить жалование рабочим и расколоть их профсоюз. Он соорудил вокруг сталелитейного предприятия забор длиной 3 мили и высотой 12 футов, протянув поверху колючую проволоку и добавив бойницы для винтовок. Когда рабочие не согласились с сокращением заработка, управляющий уволил их всех до единого. Для защиты штрейкбрехеров было нанято детективное агентство Пинкертона.

Хотя только 750 из 3,8 тыс. рабочих в Гомстеде являлись членами профсоюза, 3 тыс. человек, собравшиеся в здании местной оперы, подавляющим большинством приняли решение начать забастовку. Завод был расположен на берегу реки Мононгахила, и 1 тыс. пикетчиков начали патрулировать 10-мильный участок вдоль реки. Забастовочный комитет взял на себя власть в городке, и шериф не мог набрать среди местных жителей людей в свой отряд.

Вечером 5 июля 1892 г. сотни пинкертоновцев погрузились на баржи в пяти милях от Гомстеда и стали подниматься вверх по реке до завода, где их ожидали 10 тыс. забастовщиков и сочувствующих. Толпа предупреждала пинкертоновцев не сходить на берег. Один забастовщик лег на сходни, и, когда кто-то из людей Пинкертона попытался отшвырнуть его в сторону, тот открыл огонь, ранив детектива в бедро. В последовавшей далее перестрелке было убито семеро рабочих.

Пинкертоновцам пришлось отступить и вернуться на баржи. Атакованные со всех сторон, они решили сдаться и были избиты разъяренной толпой. Оба лагеря понесли потери убитыми. В течение следующих нескольких дней бастующие держали под контролем весь район. Теперь в действие вступили власти штата: губернатор вызвал милицию, вооруженную винтовками современного образца и пулеметами Гэтлинга, и поставил перед ней задачу защищать приезжих штрейкбрехеров.

Лидеров стачки обвинили в убийстве; 160 рядовых забастовщиков судили за другие преступления. Все они были оправданы дружественно настроенными присяжными. Тогда забастовочный комитет в полном составе был арестован за государственную измену, но не нашлось присяжных, готовых осудить этих людей. Стачка продолжалась четыре месяца, но в это время завод производил сталь благодаря штрейкбрехерам, которых часто привозили в запертых вагонах, а сами они не знали ни куда их везут, ни того, что идет забастовка. Бастующие, у которых иссякли все ресурсы, согласились вернуться на рабочие места, а их лидеров занесли в «черные списки».

Одна из причин поражения состояла в том, что стачка была ограничена Гомстедом, тогда как остальные предприятия Э. Карнеги продолжали производить продукцию. Бастовали некоторые рабочие доменных цехов, но их быстро победили, и чугунные чушки, изготовленные в печах этих цехов, использовали в Гомстеде. Поражение забастовки отсрочило процесс создания профсоюзов на заводах Карнеги до XX в., а рабочим, не имевшим возможности организованного сопротивления, пришлось соглашаться с сокращением жалования и увеличением продолжительности рабочего дня.

Когда Гомстедская стачка была в самом разгаре, молодой нью-йоркский анархист А. Беркман в соответствии с планом, разработанным его друзьями-анархистами в Нью-Йорке, в том числе его возлюбленной Э. Голдман, приехал в Питтсбург и вошел в контору Г. К. Фрика, полный решимости убить его. Беркман плохо прицелился: он ранил управляющего, после чего был схвачен. Он предстал перед судом и был признан виновным в покушении на убийство. А. Беркман провел 14 лет в тюрьме штата. В его книге «Тюремные мемуары анархиста» ярко описана предпринятая им попытка покушения и годы, проведенные в заключении, когда узник изменил свое отношение к пользе убийств, но остался верным революционером. В

автобиографии Э. Голдман «Моя жизнь» передана вся гамма чувств, которые накапливались в среде молодых радикалов тех дней: гнев, ощущение несправедливости и стремление к новой жизни.

1893-й стал годом крупнейшего экономического кризиса в истории страны. После нескольких десятилетий бесконтрольного роста промышленности, финансовых махинаций и безудержной спекуляции все рухнуло: обанкротились 642 банка и 16 тыс. частных фирм. Из общего числа занятых 15 млн. человек 3 млн. остались без работы. Ни одно из правительств штатов не приняло решение об оказании помощи, но массовые демонстрации по всей стране вынудили муниципальные власти открыть благотворительные столовые и предоставить людям работу на улицах или в парках.

На Юнион-сквер в Нью-Йорке Э. Голдман выступила на огромном митинге безработных и призвала тех, чьи дети голодали, пойти в магазины и забрать продукты питания. Она была арестована за «подстрекательство к мятежу» и приговорена к двум годам тюрьмы. По некоторым данным, в Чикаго насчитывалось 200 тыс. безработных; каждую ночь на полу и лестничных пролетах здания муниципалитета и полицейских участков устраивались на ночлег бездомные.

Депрессия продолжалась несколько лет и стала причиной волны забастовок по всей стране. Крупнейшей из них была общенациональная стачка железнодорожных рабочих в 1894 г., которая началась в Иллинойсе на заводе «Пульман компани», расположенного в пригороде Чикаго.

Согласно отчету уполномоченного по трудовым отношениям на железных дорогах за 1890 г., годовое жалование составляло от 957 долл. у машинистов (рабочей аристократии отрасли) до 575 долл. у кондукторов, 212 – у тормозных кондукторов и 124 долл. у разнорабочих. Работа на железной дороге считалась в Америке одной из самых опасных; ежегодно погибало свыше 2 тыс. человек, еще 30 тыс. получали производственные травмы. Железнодорожные компании считали эти случаи «деяниями Господа» или проявлением «беспечности» со стороны рабочих, однако журнал «Локомотив файерменс мэгэзин» писал: «Все сводится к следующему: пока управляющие железных дорог сокращают численность работников и заставляют людей трудиться за те же деньги вдвое больше, без отдыха и сна... все аварии можно отнести на счет жадности корпорации».

Именно депрессия 1893 г. привела Юджина Дебса к жизненному выбору – борьбе за профсоюзное движение и социализм. Он родился в городе Терре-Хот (Индиана), где его родители владели магазином. В течение четырех лет Дебс работал на железных дорогах. В 19 лет он ушел с работы, когда его друг погиб, упав под колеса паровоза. Затем Юджин вернулся, получив должность счетовода в железнодорожном братстве. Во время великих забастовок 1877 г. Дебс выступал против них, считая, что «нет необходимости конфликта между капиталом и трудом». Однако на него произвела глубокое воздействие книга Э. Беллами «Взгляд назад». Ю. Дебс следил за событиями в Гом-стеде и Кер д'Алене, за забастовкой стрелочников в Буффало. Он писал в те дни: «Если 1892 год и преподавал рабочим какой-либо урок, к которому стоит отнестись с вниманием, так это то, что капиталистический класс, как спрут, охватив их своим щупальцами, затягивал в бездонную пучину деградации. Избежать цепкой хватки этих монстров и является текущей задачей рабочего движения на 1893 г.».

В разгар экономического кризиса 1893 г. небольшая группа железнодорожников, в состав которой входил Дебс, и которая стремилась объединить всех работников отрасли, учредила Американский железнодорожный союз (АЖС). Ю. Дебс заявил: «Моей целью в жизни было создание федерации железнодорожников. Объединить их в одной большой организации – вот моя задача... Классовая принадлежность усиливает классовые предрассудки и классовый

эгоизм... У меня в жизни есть желание объединить работников железных дорог и уничтожить рабочую аристократию... организовав их всех на основе равенства».

К железнодорожникам присоединились представители «Ордена рыцарей труда». Фактически, по мнению историка профсоюзов Д. Монтгомери, первоначальный ОРТ соединился с Американским железнодорожным союзом.

Дебс стремился к тому, чтобы в АЖС вступали все, но чернокожих туда не пустили: на съезде, состоявшемся в 1894 г., 112 голосами против 100 было принято положение устава, запрещающее принимать в профсоюз черных. Позднее Дебс считал, что это решающим образом повлияло на Пульмановскую стачку, поскольку чернокожие рабочие не были настроены сотрудничать с бастующими.

В июне 1894 г. рабочие завода «Пульман пэлс кар компани» начали стачку. О том, насколько широко их поддержали в первые месяцы, в основном в окрестностях Чикаго, можно получить представление из списка пожертвований, который в течение трех лет вел преподобный Уильям Г. Каруардайн, священник-методист корпоративного городка Пульман (позднее его изгнали за поддержку бастующих): «Союз типографов, отделение № 16. Союз маляров и декораторов, отделение № 147. Союз плотников, отделение № 23. Республиканский клуб, 34-й округ. Полиция Гранд-Кроссинга. Управление водоснабжения городе Гайд-Парк. Пикник в парке Гарденер. Союз торговцев молоком. Торговцы спиртными напитками города Гайд-Парк. 14-й полицейский участок. Шведские концертанты. Управление пожарной охраны города Чикаго. Немецкое певческое общество. Чек из города Анаконда (Монтана)».

Участники Пульмановской стачки обратились за поддержкой к съезду АЖС: «Господин президент и братья из Американского железнодорожного союза! Мы начали стачку на Пульмановском заводе, поскольку нам уже не на что уповать. Мы вступили в Американский железнодорожный союз, так как он дал проблеск надежды. Двадцать тысяч душ – мужчины, женщины и дети – устремили свой взор на сегодняшний съезд, с надеждой глядя сквозь мрачное уныние на лучик небесного света, который только вы можете дать нам...

Все вы должны знать, что непосредственной причиной нашей стачки стало увольнение двух членов нашего конфликтного комитета... Было пять сокращений зарплаты... Последнее стало самым тяжелым и составило почти 30 %, а плата за аренду жилья не снижалась... Воду, которую Пульман покупает у города по 8 центов за 1 тыс. галлонов, он продает нам в розницу с 500-процентной наценкой... Газ, который продается в Гайд-Парке, примыкающем к нашему городу с севера, по 75 центов за 1 тыс. футов, нам он продает за 2,25 долл. Когда мы пришли к нему пожаловаться, он сказал, что мы все – его «дети»...

Пульман как человек и город – это язва на теле политики. В городе, которому он дал свое некогда скромное имя, ему принадлежат дома, школы, храмы... А потому эта веселая война – танец скелетов, купающихся в слезах человеческих, – продолжается и будет продолжаться всегда, братья, пока вы, Американский железнодорожный союз, не остановите ее и не покончите с ней».

Союз ответил на это, призвав своих членов по всей стране не обслуживать пульманы¹²⁷. Поскольку практически все пассажирские вагоны были пульмановскими, это вылилось в бойкот всех поездов, т. е. в общенациональную стачку. Вскоре движение на загруженных круглые сутки железных дорогах, которые вели из Чикаго в другие города, остановилось. Рабочие стаскивали с рельсов грузовые вагоны, блокировали пути, снимали машинистов с поездов, если

¹²⁷ Пульман (пульмановский вагон) – тип плацкартного вагона, в котором на ночь все сидячие места переоборудуются в спальные, а пространство вагона делится на купе различных размеров. Создан в 1865 г. Джорджем М. Пульманом.

те отказывались сотрудничать.

Ассоциация управляющих железнодорожных компаний, представлявшая интересы владельцев железных дорог, согласилась оплатить работу 2 тыс. полицейских, направленных на разгон стачки. Однако она продолжилась. Генеральный прокурор США Ричард Олни, сам в прошлом адвокат этих компаний, теперь добился судебного предписания («инджанкшн»), запрещавшего блокирование поездов на той юридической основе, что это препятствовало работе федеральной почты. Когда бастующие проигнорировали данное предписание, президент Кливленд приказал отправить в Чикаго федеральные войска. Шестого июля участники стачки сожгли сотни вагонов.

На следующий день в город вошли отряды милиции штата. Вот что писала чикагская газета «Таймс» о дальнейших событиях: «Рота С 2-го полка... вчера днем устанавливала порядок в толпе, учинившей беспорядки на углу улиц 49-й и Лумис. Полиция пришла на помощь и... завершила работу. Нет никакой возможности узнать, сколько бунтовщиков убито или ранено. Толпа утащила с собой многих из умирающих и раненых.

Собралась пятитысячная толпа. В милицию швыряли камни, и был отдан приказ открыть огонь... Сказать, что толпа пришла в ярость, – ничего не сказать... Было приказано атаковать... С этого момента в ход пустили штыки... Дюжина людей, находившихся в первых рядах собравшихся, получили штыковые ранения...

Вырывая булыжники из мостовой, толпа решительно бросилась в атаку... по рядам полицейских прошло сообщение, чтобы каждый позаботился о своей безопасности. По мере необходимости они делали отдельные выстрелы в толпу... Полиция воспользовалась дубинками. Пути были отгорожены проволокой. Восставшие забыли об этом, и когда они развернулись, чтобы бежать, то оказались в ловушке.

Полицейские не были склонны к проявлению милосердия и, загнав людей к забору из колючей проволоки, беспощадно избивали их дубинками... За забором собралась толпа, чтобы помочь восставшим... Камни летели непрерывно... Территория, на которой произошли столкновения, выглядела как поле битвы. Люди, застреленные войсками и полицией, лежали там, как бревна».

В тот день в Чикаго было убито 13 человек, 53 получили серьезные ранения, 700 человек арестовано. К моменту окончания стачки погибли 34 человека. Ее подавили 14 тыс. полицейских, ополченцев из отрядов милиции, солдат регулярной армии. Ю. Дебс был арестован за неуважение к суду и нарушение судебного предписания, в котором говорилось, что он не имел права делать или говорить что-либо, способствующее продолжению стачки. Дебс заявил суду: «Мне кажется, что если бы не сопротивление ухудшающимся условиям жизни, то вся наша цивилизация катилась бы по наклонной; через некоторое время мы достигли бы точки, когда сопротивление прекратилось, а рабство восстановило свои позиции».

В суде Дебс отрицал, что он социалист. Однако в течение шести месяцев, проведенных в тюрьме, он изучал социализм и общался с заключенными, которые придерживались социалистических взглядов. Позднее Дебс заявил: «Мне предстояло получить боевое крещение социалиста в грохоте конфликта... в отблесках штыков и сверкании винтовок рождалась классовая борьба... Таков на практике был мой приход к социализму».

Через два года после выхода из тюрьмы Дебс писал в газете «Рейлуэй тайме»: «Вопрос в том, что выбрать – Социализм или Капитализм. Я – за Социализм, потому что я – за человечество. Проклятие царства золота лежало на нас слишком долго. Деньги не являются правильной основой цивилизации. Пришло время возродить общество – мы стоим на пороге всемирных перемен».

Таким образом, 80–90-е гг. XIX в. были свидетелями всплеска волнений рабочих,

организованных лучше, чем спонтанные забастовки 1877 г. Теперь существовали революционные движения, оказывавшие влияние на борьбу рабочих, и социалистические идеи, которые воздействовали на их вождей. Появлялась радикальная литература; в ней говорилось о фундаментальных переменах и новом образе жизни.

В это время чернокожие и белые фермеры Севера и Юга пошли дальше разрозненных протестов арендаторов, которые имели место в период, предшествовавший Гражданской войне, и создали величайшее в истории страны аграрное движение протеста.

Когда в 1860 г. в Конгрессе США обсуждался Закон о гомстедах, сенатор, представлявший штат Висконсин, поддержал его: «...его [Закона] благоприятное воздействие отсрочит на века, если не разрешит навсегда, все серьезные конфликты между капиталом и трудом в старых свободных штатах, которые переместят избытки своего населения, с тем чтобы создать в большем изобилии средства к существованию».

Закон о гомстедах не оказал такого эффекта. Он не принес спокойствия на Восток за счет миграции американцев на Запад. Закон не стал предохранительным клапаном, давшим выход настроениям, которые были слишком тревожны, чтобы сдержать их. Как пишет в своей книге «Девственная земля» Г. Н. Смит и как мы сами успели увидеть: «Напротив, три десятилетия, минувшие с момента его [Закона] принятия, были отмечены самыми ожесточенными и широкомасштабным волнениями рабочих из тех, что когда-либо охватывали Соединенные Штаты».

Закон также не смог принести мир в сельские края Запада. Хамлин Гарленд, который поведал стольким американцам о жизни простого фермера, писал в предисловии к своему роману «Джесон Эдвардс»: «Свободных земель более нет. Последний акр свободных для фермера земель передан в частные или корпоративные руки». В романе привлеченный рекламой бостонский мастеровой вместе с семьей переезжает на Запад. Там он обнаруживает, что вся земля в радиусе 30 миль от железной дороги оказалась в руках спекулянтов. В течение пяти лет герой романа борется за то, чтобы выплатить ссуду и получить свою ферму в собственность, после чего буря уничтожает его пшеницу как раз перед сбором урожая.

За отчаянием фермеров, которое так часто описывалось в литературе тех лет, иногда проступало представление о новом, ином образе жизни. В другом романе Гарленда, «Доходное место», героиня выступает на пикнике фермеров: «Я вижу время, когда фермеру не придется жить в хижине на одиноко стоящей ферме. Я вижу время, когда фермеры будут собираться группами. У них появится возможность читать и ходить в гости к друзьям.

Они станут получать удовольствие от лекций в прекрасных залах, воздвигнутых в каждом поселке. Я вижу, как они собираются, подобно древним саксам, на зеленых полянах, где поют и танцуют. Я вижу, как неподалеку вырастают города со школами и храмами, концертными залами и театрами. Я вижу день, когда фермер более не будет рабочей лошадью, а его жена – скованной цепями рабыней, а превратятся в счастливых мужчин и женщин, с песней выполняющих приятную работу на своих плодородных фермах. Когда юноши и девушки не будут уезжать на запад и в города, когда жизнь станет достойной. В тот день луна и звезды засветят ярче, а к человеку, работающему на земле, вернуться радость, поэзия и любовь к жизни».

Х. Гарленд посвятил свой роман «Джесон Эдвардс», написанный в 1891 г., фермерскому альянсу. Именно этот альянс был ядром великого движения 80–90-х гг. XIX в., которое позднее стало известно как популистское.

В 60-х гг. XIX – 10-х гг. XX в. армия США, занимавшаяся уничтожением индейских поселений на Великих Равнинах, проложила путь для строительства железных дорог и захвата ими лучших земель. Затем пришли фермеры, чтобы забрать остатки. В 1860–1900 гг.

численность населения США выросла с 31 млн. до 75 млн. человек; теперь уже 20 млн. американцев жили к западу от реки Миссисипи, а количество ферм увеличилось с 2 до 6 млн. Перенаселенные города Востока нуждались в продуктах питания; внутренний рынок продовольственных товаров вырос более чем вдвое; 82 % сельскохозяйственной продукции, производившейся фермерами, продавалось в самих Соединенных Штатах.

Сельское хозяйство механизировалось, использовались стальные плуги, сенокосилки, жатки, уборочные машины, усовершенствованные хлопкоочистительные машины, предназначенные для отделения волокон от семян. На рубеже веков появились гигантские комбайны, срезавшие, молотившие и паковавшие злаки. В 1830 г. требовалось 3 часа, чтобы собрать 1 бушель пшеницы; к 1900 г. эта же процедура занимала всего 10 минут. Развивалась региональная специализация: для Юга главными культурами оставались хлопок и табак, для Среднего Запада – пшеница и кукуруза.

Земля и оборудование стоили денег, поэтому фермерам приходилось брать в долг, надеясь, что цены на урожай останутся высокими и они смогут вернуть банку ссуду, оплатить железной дороге транспортные расходы, торговцу зерном – его издержки, элеватору – стоимость хранения зерна. Но выходило, что цены на аграрную продукцию падали, а стоимость транспортных перевозок и кредитов росла, поскольку фермер-одиночка был не в состоянии контролировать цену на свое зерно, а монополисты – железные дороги и банкиры – могли брать за свои услуги сколько угодно.

Уильям Фолкнер в романе «Поселок» описал человека, от которого зависели южные фермеры: «Он был крупнейшим землевладельцем... в одном округе, мировым судьей в соседнем и уполномоченным по выборам в обоих... Он был и фермером, и ростовщиком, и ветеринаром... Почти вся хорошая земля в округе принадлежала [Варнеру], а на остальную он держал закладные. Он был владельцем лавки, хлопкоочистительной машины, мельницы с крупорушкой и кузни»¹²⁸.

Фермеры, которые не могли платить, наблюдали за тем, как забирают их дома и землю, и становились арендаторами. К 1880 г. четвертая часть всех ферм находилась в аренде, и это число продолжало расти. У многих не было средств даже на аренду, и они пополняли ряды батраков; к 1900 г. в стране насчитывалось 4,5 млн. сельскохозяйственных рабочих. Такова была судьба, ожидавшая каждого фермера, который не возвращал свои долги.

Мог ли загнанный в угол и отчаявшийся человек обратиться за помощью к правительству? Л. Гудвин в своем исследовании популистского движения «Обещание демократии» пишет, что после Гражданской войны обе политические партии находились под контролем капиталистов. Между ними имелись расхождения по проблемам Севера и Юга, оставшиеся в наследство от времен войны.

В силу этого было трудно создать реформистскую партию, которая бы преодолела межпартийные разногласия и объединила рабочих Севера и Юга – не говоря уже о единстве черных и белых, иммигрантов и уроженцев США.

Государство играло свою роль, содействуя банкирам и нанося ущерб фермерам; оно сохраняло на одном уровне количество денег, обеспеченных золотым запасом, притом что численность населения росла, и, таким образом, в обороте оставалось все меньше наличности. Фермеру требовалось расплачиваться по долгам в долларах, которые было все труднее достать. Банкиры, получавшие выплаты по кредитам, возвращали доллары, которые стоили больше, чем те, которые они давали в долг, – нечто вроде процента на процентную ставку. Поэтому так

¹²⁸ Фолкнер У. Собрание сочинение: в 6 т. / пер. с англ. М., 1987. Т. 4. С. 9.

много разговоров в фермерских организациях тех лет было посвящено требованиям напечатать больше денег – гринбеков (не обеспеченных золотом казначейства) – или вместо золотого стандарта ввести серебряный.

Движение фермерских альянсов началось в Техасе. Именно на Юге система залогового удержания урожая была самой жестокой. В соответствии с ее правилами фермер мог получить у продавца то, что ему требовалось, например хлопкоочистительную машину на период сбора урожая или запчасти. Ему не надо было платить деньги, оформлялась лишь закладная на урожай, по которой фермер платил по ставке до 25 %. Л. Гудвин пишет, что «система залогового удержания урожая для миллионов южан, как белых, так и чернокожих, стала слегка модифицированной формой рабства». Человек с закладной становился для фермеров «человеком, который все устраивает», а чернокожие фермеры называли таких людей просто «Человек». С каждым годом фермер был должен еще больше денег, пока у него не отбирали ферму, а сам он не становился арендатором.

Гудвин приводит две истории в качестве иллюстрации. В 1887–1895 гг. один белый фермер из Южной Каролины закупил у торговца продукции и услуг на сумму 2 681,02 долл., но смог заплатить только 687,31 долл. В конце концов ему пришлось отдать свою землю этому торговцу. В 1884–1901 гг. чернокожий фермер по имени Мэтт Браун из Блэк-Хоука (Миссисипи) покупал все необходимое в лавке Джонса, долг все возрастал и накапливался, и в 1905 г. последней записью в журнале торговца стали предназначенные для этого должника гроб и ритуальные аксессуары.

Мы не знаем, сколько раз против такой системы восставали. В 1889 г. собравшаяся в окрестностях Дели (Луизиана) группа мелких фермеров отправилась в городок и разгромила магазины, чтобы, по их словам, «отменить свои долги».

В пик депрессии 1877 г. некоторые белые фермеры в Техасе создали первый фермерский альянс. Через несколько лет он уже действовал по всему штату. К 1882 г. работало 120 отделений в 12 графствах, к 1886 г. в 2 тыс. местных фермерских альянсов состояло 100 тыс. фермеров. Они начали предлагать альтернативы старой системе: вступление в альянс и образование кооперативов, совместное приобретение товаров по более низким ценам. Фермеры начали продавать хлопок «в складчину».

В некоторых штатах получило распространение движение Грейнджеров¹²⁹; способствовавшее принятию законов в поддержку фермеров. Но Грейндж, как писала одна из его газет, «является по сути консервативным и осуществляет стабильную, хорошо организованную, рациональную и контролируемую оппозиционную деятельность против наступлений на свободы людей, в отличие от незаконных, отчаянных попыток коммунизма». Это было время кризиса, и в таких условиях Грейндж делал слишком мало. Он терял сторонников, а фермерский альянс их приобретал.

С самого начала фермерский альянс проявлял солидарность с растущим рабочим движением. Когда члены ОРТ устроили забастовку против паровой компании в Галвестоне (Техас), один из радикальных лидеров техасского альянса, Уильям Лэмб, высказал мнение многих (но не всех) членов организации, заявив в открытом письме к сторонникам альянса: «Зная, что не слишком далек тот день, когда фермерскому альянсу придется прибегать к бойкоту промышленников, чтобы получать товары напрямую, мы считаем своевременным шагом поддержку «Рыцарей труда». Л. Гудвин пишет: «С этого письма берет начало

¹²⁹ От grange (англ.) – ферма, хутор, амбар. Крупное фермерское политическое движение в штатах Среднего Запада в 60–70-х гг. XIX в. против «засилья монополий». В конце 1870-х гг. многие сторонники движения присоединились к гринбекерам и Народной (Популистской) партии.

радикализм альянса – популизм».

Президент фермерского альянса штата Техас выступал против присоединения к бойкоту, но группа членов организации приняла следующую резолюцию: «Поскольку мы видим несправедливые посягательства капиталистов на все стороны жизни трудящихся... мы выражаем сердечную поддержку «Рыцарям труда» в их мужественной борьбе против монополистического угнетения и... предлагаем встать с ними в один ряд».

Летом 1886 г. члены альянса собрались в городке Клеберн неподалеку от Далласа и составили документ, вошедший в историю как «Клебернские требования», – первый документ популистского движения, требовавший принятия, «законодательства, обеспечивавшего нашим людям свободу от тягостных и постыдных злоупотреблений, которые промышленные рабочие ныне терпят от высокомерных капиталистов и всемогущих корпораций». Они призвали к общенациональной конференции всех рабочих организаций «для обсуждения тех мер, которые могут представлять интерес для трудящихся классов» и предложили ввести регулирование железнодорожных тарифов, высокие налоги на земли, используемые исключительно в целях спекуляции и увеличения денежной массы.

Альянс продолжал расти. К началу 1887 г. в нем состояло 200 тыс. членов в 3 тыс. филиалах. К 1892 г. фермеры-лекторы побывали в 43 штатах и обратились к 2 млн. фермерских семей. Л. Гудвин называет это «самым массовым организационным усилием какого-либо гражданского института в Америке XIX в.». Эти действия были основаны на идеях сотрудничества, создания фермерами собственной культуры, собственных политических партий, идее заслужить уважение, которого не проявляли по отношению к ним лидеры бизнеса и политики.

С целью формирования фермерских альянсов агитаторы из Техаса прибыли в Джорджию, и спустя три года в этом штате было 100 тыс. членов альянсов в 134 из 137 графств. В Теннесси вскоре насчитывалось 125 тыс. членов в 3,6 тыс. местных филиалов, находившихся в 92 из 96 графств. Фермерский альянс, по словам неизвестного, «подобно тайфуну» прокатился по Миссисипи, Луизиане и Северной Каролине. Затем его филиалы появились севернее, в Канзасе и обеих Дакотах, где было создано 35 кооперативных складов.

Одним из лидеров альянса в Канзасе был Генри Винсент, основавший в 1886 г. журнал «Америкэн нонконформист энд Канзас индастриал либерейтор». В первом номере он писал: «Данный журнал будет стараться публиковать материалы, направленные на просвещение рабочих, фермеров и производителей, и будет стремиться принимать сторону угнетенных в борьбе с угнетателями».

К 1889 г. в фермерском альянсе штата Канзас состояло 50 тыс. членов, и его кандидаты избирались на некоторые посты местного уровня.

Теперь в Национальном фермерском альянсе было 400 тыс. человек. Условия, толкавшие эту организацию к активной деятельности, только ухудшались. Кукуруза, стоившая в 1870 г. 45 центов за бушель, в 1889 г. продавалась уже по 10 центов. Технология сбора урожая пшеницы требовала использования машины для вязки снопов до того, как они засохнут. Стоимость этого оборудования составляла несколько сот долларов, и фермер покупал его в кредит, зная, что через несколько лет добыть 200 долл. будет еще труднее. Затем необходимо было заплатить за перевозку каждого бушеля зерна. Фермеру также следовало оплатить по высоким расценкам хранение этого зерна в элеваторах на станциях. На Юге ситуация была хуже, чем где бы то ни было, – 90 % фермеров жили в кредит.

Чтобы отреагировать на происходящее, фермерский альянс штата Техас сформировал действовавший на уровне штата кооператив, великую Техасскую биржу, которая продавала хлопок фермеров за одну большую сделку. Но сама биржа нуждалась в ссудах для авансовых

платежей своим членам, а банки ей в этих ссудах отказывали. Фермерам был брошен клич набрать необходимый капитал для деятельности биржи. Девятого июня 1888 г. тысячи людей пришли в здания 200 техасских судов и внесли свой вклад, пообещав 200 тыс. долл. Удалось собрать 80 тыс. долл. наличными. Этого не хватало. Бедность фермеров не давала им возможности помочь самим себе. Банки победили, и это убедило альянсы в том, что ключевым моментом является денежная реформа.

Однако на этом пути случилась и победа. С фермеров брали слишком большие деньги за джутовые мешки (в них хранился хлопок), продажа которых контролировалась одним трестом. Фермеры, участвовавшие в альянсе, организовали бойкот, стали делать мешки из хлопка и вынудили производителей джута продавать свою продукцию по 5 центов за ярд вместо прежних 14 центов.

Неоднозначность убеждений популистов наглядно видна на примере одного из их техасских лидеров – Чарлза Макьюна. В области экономики он придерживался радикальных взглядов (был противником трестов и капиталистов), по политическим взглядам являлся консерватором, выступавшим против новой партии, независимой от демократов, и ко всему прочему – расистом. Макьюн выдвинул план, который стал важнейшим в предложенной популистами программе и предусматривал создание субказначейства. Правительству предлагалось организовать собственные склады, на которых фермеры хранили бы свою продукцию, получая в обмен сертификаты этого субказначейства. В качестве сертификатов использовались бы гринбеки, и таким образом был бы открыт доступ к гораздо большему количеству денег, не зависящих от золота или серебра, а связанных с объемом произведенной фермерами продукции.

Осуществлялись и другие эксперименты под эгидой альянса. В Северной и Южной Дакоте действовал грандиозный кооперативный план, страховавший фермеров от потери урожая. Там, где крупные компании просили 50 центов за акр, кооперативная цена держалось на уровне 25 центов или ниже. Было выпущено 130 тыс. полисов на общую площадь 2 млн. акров.

Судьба предложений Макьюна о субказначействе зависела от правительства. Поскольку их не брала на вооружение ни одна из двух основных политических партий, это означало необходимость создания третьей партии, что не согласовывалось с убеждениями самого Макьюна. Альянсы начали работу в этом направлении. В 1890 г. 38 их кандидатов были избраны в Конгресс США. На Юге представители альянсов стали губернаторами Джорджии и Техаса. Организация оттеснила демократов в Джорджии и получила три четверти мест в законодательном собрании этого штата, а также шесть из десяти мест от Джорджии в палате представителей Конгресса США.

Однако, как пишет Л. Гудвин, это была «двусмысленная революция, поскольку партийная машина оставалась в руках тех же людей, что и раньше, и посты председателей ключевых комитетов в Конгрессе и законодательных органах штатов сохранялись за консерваторами, а корпоративные силы в штатах и на общенациональном уровне все еще могли использовать свои деньги для достижения ими желаемых результатов».

Альянсы не получали реальную власть, но все же распространяли новые идеи и дух перемен. Превратившись в политическую партию, они стали называться Народной (или Популистской) партией. Ее съезд был проведен в 1890 г. в городе Топика (Канзас). Великий популистский оратор из этого штата – Мэри Эллен Лииз сказала переполненной энтузиазмом толпе:

«Вся страна принадлежит Уолл-стриту. Это более не «власть народа, волей народа, для

народа»¹³⁰, а власть Уолл-стрита, волей Уолл-стрита и для Уолл-стрита... Наши законы – результат системы, которая наряжает мошенников в парадные костюмы, а честных людей – в лохмотья... политики утверждают, что мы страдаем от перепроизводства. Что это за перепроизводство, при котором каждый год 10 тыс. маленьких детей умирают в США от голода, а в Нью-Йорке свыше 100 тыс. девушек вынуждены обменивать честь на кусок хлеба...

В Соединенных Штатах есть 30 человек, чье совокупное состояние превышает 1,5 млрд. долл. Есть и полмиллиона человек, ищущих работу... Мы требуем деньги, землю и транспорт. Мы требуем упразднения национальных банков, мы требуем полномочий напрямую брать ссуды у государства. Мы требуем стереть с лица земли ненавистную систему ареста собственности должника... При необходимости мы силой будем защищать свои дома и очаги и не станем выплачивать долги ростовщическим компаниям, пока правительство не расплатится с нами. Люди загнаны в угол. Пусть кровопийцы, ранее отбиравшие у нас деньги, знают об этом».

На национальной конференции Народной партии, прошедшей в 1892 г. в Сент-Луисе, была принята предвыборная программа. Текст ее преамбулы написал и прочитал собравшимся другой великий оратор движения – Игнатиус Доннелли: «Мы собрались в центре страны, которую довели до грани моральной, политической и материальной разрухи. Коррупция охватила избирательную систему, законодательные органы, Конгресс, прикасается даже к судейской мантии. Народ деморализован... Газеты существуют на субсидии, или на них надели намордник; общественное мнение приглушено; бизнес – в прострации; наши дома заложены и перезаложены; трудящиеся доведены до нищеты, а земля сконцентрирована в руках капиталистов.

Городские рабочие лишены права организовываться для самозащиты; из-за приезжающих из других стран, доведенных до нищеты рабочих падают заработки; целая армия... создана для их отстрела... Плоды тяжелого труда миллионов нагло разворовываются для создания колоссальных состояний... Из одной и той же плодотворной утробы государственной несправедливости мы рожаем два класса – нищих и миллионеров».

Предвыборный съезд Народной партии в Омахе, прошедший в июле 1892 г., выдвинул кандидатом на пост президента США Джеймса Уивера, популиста из штата Айова, бывшего генерала Армии Союза. Теперь движение было привязано к избирательной системе. Его представитель Леонидас Полк сказал, что популисты могут «сомкнуть руки и сердца и маршем идти к избирательным урнам, взять власть в свои руки, восстановить ее принципы, созданные нашими отцами, и руководить страной в интересах народа». Уивер получил свыше 1 млн. голосов избирателей, но потерпел поражение.

Перед новой политической партией стояла задача объединения разных по интересам групп населения: северных республиканцев и южных демократов, городских рабочих и сельских фермеров, черных и белых. На Юге набирал силу Национальный альянс цветных фермеров, в котором было около 1 млн. членов, но его создали и возглавляли белые. В этой организации работали и чернокожие активисты, однако им непросто было убедить черных фермеров, что даже если экономических реформ удастся добиться, то негры получат равный доступ к их плодам. Чернокожие являлись сторонниками Республиканской партии – партии Линкольна, партии законов о гражданских правах. Они считали демократов партией рабства и сегрегации. Как пишет Л. Гудвин, «в эпоху невероятных предрассудков белых [по отношению к

¹³⁰ «Власть народа, волей народа, для народа» – определение демократии, данное президентом А. Линкольном в Геттисбергском послании.

чернокожим] лозунг обуздания «порочного монополизма корпорации» не являлся для черных фермеров тем спасательным кругом, которым он был для белых аграриев».

Часть белых считали, что необходима межрасовая солидарность. Одна из алабамских газета писала: «Белые и цветные альянсы едины в своей войне с трестами, продвижении идеи создания фермерами кооперативных магазинов и производств, издания собственных газет, учреждения своих школ и влияния во всех вопросах, беспокоящих их как граждан, касающихся их лично или всех вместе».

Газета «Сентинел», официальный печатный орган «Ордена рыцарей труда» штата Алабама, писала: «Демократия Бурбонов пытается подавить альянс давно известным окриком «ниггер». Однако теперь это не сработает».

Некоторые чернокожие, состоявшие в альянсе, также призывали к единству. Лидер альянса цветных фермеров штата Флорида сказал:

«Мы осознаем тот факт, что интересы цветного трудящегося и белого труженика одни и те же».

Когда в Далласе летом 1891 г. была образована Народная партия штата Техас, она стала межрасовой и радикальной организацией. Между белыми и черными происходили прямые и энергичные дебаты. Чернокожий делегат, активист ОРТ, недовольный туманными заявлениями насчет «равноправия», заявил: «Если мы равноправны, почему шериф не призывает негров в присяжные? И зачем тогда вешать знак «для негров» в пассажирских вагонах? Я хочу рассказать своим людям, что собирается делать Народная партия. Я хочу им сказать, что при ней черная и белая лошадь будут работать на одном поле».

Белый лидер ответил на это, заявив, что от каждого округа в штате необходимо выставить делегата-чернокожего. «Они в такой же яме, как и мы». Когда кто-то предложил, чтобы были отдельные популистские клубы для белых и черных, которые могли бы «собираться вместе», белый руководитель альянса цветных фермеров Р. М. Хэмфри возразил: «Так не пойдет. Цветные – часть народа, и должны быть признаны таковой». После этого двоих черных избрали в исполнительный комитет партии на уровне штата.

Негры и белые находились в разном положении. Чернокожие были в основном сезонными рабочими и разнорабочими, а большинство белых участников альянса составляли владельцы ферм. Когда в 1891 г. альянс цветных фермеров, добивавшийся повышения зарплат до 1 долл. в день для сборщика, объявил о начале забастовки на хлопковых полях, Л. Полк, глава белого альянса, денонсировал это решение как наносящее ущерб состоявшим в этой организации фермерам, которым пришлось бы платить требуемое жалованье своим батракам. В Арканзасе стачку возглавил 30-летний чернокожий сборщик хлопка Бен Паттерсон, который в поисках сторонников ездил от плантации к плантации. Число этих людей росло, они вступали в перестрелки с отрядами белых. В результате убили управляющего плантацией, сожгли хлопкоочистительную машину. Паттерсон и его группа были схвачены, 15 человек застрелили.

На Юге солидарность между белыми и черными проявлялась отчасти во время выборов, результатом чего стало избрание нескольких негров на местных выборах в Северной Каролине. Белый фермер из Алабамы написал в 1892 г. в газету: «Даст Бог, Дядюшка Сэм выставит штыки вокруг избирательных урн в «черном поясе» в первый понедельник августа, чтобы негры могли получить справедливое число голосов». В конференциях третьей партии, проходивших в Джорджии, также принимали участие чернокожие делегаты: их было 2 человека в 1892 г. и 24 в 1894 г. В предвыборной программе Народной партии штата Арканзас говорилось об «угнетении независимо от расовой принадлежности».

Были и другие эпизоды проявления межрасовой солидарности. Л. Гудвин обнаружил в восточной части Техаса необычную коалицию чернокожих и белых официальных лиц: корнями

она уходила в период Реконструкции и сохранилась до времени популизма. Правительство штата контролировалось белыми демократами, но в графстве Граймс негры занимали выборные посты в местной администрации и направляли своих законодателей в столицу штата. Должность секретаря окружного суда занимал чернокожий, заместители шерифа и директор школы тоже были черными. Устраивавший ночные налеты Союз белых людей использовал угрозы и убийства, чтобы расколоть коалицию, но, как отмечает Гудвин, на ее прочности «сказались долгие годы межрасового сотрудничества в графстве Граймс», и остается только размышлять об упущенных возможностях.

Расизм был силен, и Демократическая партия играла на этих чувствах, завоевывая поддержку со стороны многих фермеров из Популистской партии. Когда белые фермеры-арендаторы, не выдержавшие системы залогового удержания, изгонялись со своих земель и заменялись чернокожими, расовая ненависть только усиливалась. Южные штаты находились в процессе подготовки новых конституций (первым такой документ принял штат Миссисипи в 1890 г.), и в них предусматривались различные способы, не дававшие черным возможности участвовать в выборах и сохранявшие прочную сегрегацию во всех сферах жизни.

Законы, отнявшие право голоса у чернокожего населения из-за введения подушных избирательных налогов, имущественных и образовательных цензов, зачастую лишали и белую бедноту возможностей голосования. Политические лидеры Юга осознавали это. На конституционном конвенте в Алабаме один из них заявил, что хочет лишить права голоса «всех тех, кто не подходит и не обладает достаточной квалификацией, и если это правило коснется белого в такой же степени, как и негра, то пусть так и будет». Выходившая в городе Шарлотт (Северная Каролина) газета «Обсервер» рассматривала лишение гражданских прав как «борьбу белого населения Северной Каролины за то, чтобы избавить себя от угрозы правления негров и белых представителей низшего класса».

Том Уотсон, лидер популистов в Джорджии, призывал к расовой солидарности: «Вас держат дальше друг от друга, чтобы по отдельности лишать заработка. Вас заставляют ненавидеть друг друга потому, что в этой ненависти – залог финансовой деспотии, порабошающей и тех и других. Вас вводят в заблуждение и ослепляют, чтобы вы не могли увидеть, каким образом этот расовый антагонизм увековечивает денежную систему, делающую и тех и других нищими».

По мнению афроамериканского ученого Р. Аллена, рассматривавшего популизм в своей работе «Реформаторы поневоле», Т. Уотсон стремился заручиться поддержкой черных для партии белых. Нет сомнений в том, что, когда Уотсон счел эту поддержку постыдной и бесполезной, он стал столь же красноречивым сторонником расизма, сколь он был красноречив в его развенчании.

Однако Уотсон, должно быть, апеллировал к некоторым искренним чувствам белой бедноты, угнетение которой как класса давало ей почву для общих интересов с неграми. Когда молодому чернокожему проповеднику Г. С. Дойлу, выступавшему в поддержку избрания Т. Уотсона в Конгресс США, стала угрожать толпа линчевателей, он явился к последнему с просьбой о защите, и 2 тыс. белых фермеров помогли Дойлу избежать расправы.

Это были годы, которые показывают всю сложность классового и расового конфликта. Во время избирательной кампании Уотсона линчеванию подверглись 15 негров. В Джорджии после 1891 г. легислатура, контролировавшаяся альянсом, по словам Р. Аллена, «приняла больше анти-негритянских законопроектов, чем когда-либо за один год в истории этого штата». Однако в 1896 г. в программе Народной партии в штате Джорджия были осуждены линчевание и терроризм, в ней же содержался призыв к запрету на использование труда заключенных частными компаниями.

К. Ванн Вудворд отмечает уникальную особенность популистского движения на Юге: «Ни до этого, ни после не было ситуации, когда две расы на Юге были столь близки друг к другу, как в период борьбы популистов за свои идеи».

Популистское движение также предприняло примечательную попытку создать новую и независимую культурную среду фермеров. Просветительское бюро альянса действовало по всей стране; с ним сотрудничали 35 тыс. лекторов. Популисты издавали множество книг и брошюр в собственных типографиях. К. Ванн Вудворд пишет: «Из пожелтевших брошюр можно понять, что аграрные идеологи предприняли попытку дать своим соотечественникам новое образование, начав с основ. Отвергая «историю в том виде, в каком она преподается в наших школах» как «практически бесполезную», они взялись переписать ее или по крайней мере ее важнейшие страницы со времен древних греков. Не больше сожаления они испытывали и по поводу пересмотра основ экономики, политической теории, права и государственного управления».

Читательская аудитория популистского журнала «Нэшнл экономист» составляла 100 тыс. человек. Л. Гудвин насчитал свыше тысячи наименований популистской прессы, издававшейся в 90-х гг. XIX в. Тогда увидели свет такие газеты, как «Комрид», выходившая в хлопковом крае Луизианы, или «Тойлерс френд», выпускавшаяся в сельских районах Джорджии. В той же Джорджии выходила газета «Революшн». В Северной Каролине типографию популистов сожгли. В Алабаме печаталась «Ливинг трут». В 1892 г. в ее типографию проникли неизвестные, которые разбросали литеры, а в следующем году был совершен поджог, но печатный станок уцелел, и редактор продолжал издавать газету без перерыва.

В популистском движении родились сотни стихов и песен, таких, как «Фермер – это тот»:

...Фермер – это тот,
 Фермер – это тот,
 Тот, кто в кредит до осени живет.
 Процент же столь велик,
 Что чудо – жив мужик.
 А кредитор – вот тот,
 Кто все себе берет.
 Фермер – это тот,
 Фермер – это тот,
 Тот, кто в кредит до осени живет.
 В штанах полно прорех,
 И жизнь его – сплошь грех,
 Забыл он, что он тот,
 Кто кормит весь народ.

Широкой популярностью пользовались книги, написанные лидерами популистов, например, «Богатство против общества» Генри Демареста Ллойда и «Школа финансов» Уильяма Харви (прозвище Монетка). Алабамский историк того периода У. Г. Браун сказал о популизме, что «ни одно другое политическое движение, ни в 1776 г., ни в 1860–1861 гг., не имело столь глубокого воздействия на жизнь Юга».

По мнению Л. Гудвина, если бы рабочее движение в городах смогло достичь того, чего популистам удалось добиться в сельских районах, т. е. «создать среди городских рабочих культуру сотрудничества, самоуважения и экономического анализа», то в США могло бы возникнуть великое движение за перемены. Однако между фермерами и рабочими возникали

лишь сиюминутные, случайные взаимосвязи. Одни никогда безоговорочно не поддерживали интересы других. Тем не менее имелись признаки общего сознания, которое при иных обстоятельствах могло бы привести к единому и поступательному движению за перемены.

На основе тщательного изучения популистских газет Среднего Запада Н. Поллак приходит к выводу, что «популизм видел себя классовым движением, аргументируя это тем, что фермеры и рабочие имели в обществе одинаковое материальное положение». В редакционной статье журнала «Фармерс аллайанс» так говорилось о человеке, работавшем по 14–16 часов в день: «Над ним измываются и морально, и физически. У него нет идей, есть лишь пристрастия; у него нет убеждений, есть лишь инстинкты». Н. Поллак считает это доморощенной версией идеи К. Маркса об отчуждении рабочих от собственного человеческого «я» в условиях капитализма, и находит много других параллелей между популизмом и марксизмом.

Без сомнения, популисты, как и большинство белых американцев, в своих взглядах придерживались расизма и нейтивизма. Частью объяснения было то, что расовый вопрос для них был не таким важным, как проблемы экономической системы. Поэтому и в «Фармерс аллайанс» говорилось: «Народная партия возникла не ради освобождения чернокожих, а ради освобождения всех людей... обретения индустриальной свободы для всех, без чего не может быть свободы политической».

Более важными, чем теоретические взаимосвязи, являлись популистские выражения поддержки конкретной борьбы рабочих. В выходившей в штате Небраска газете «Аллайанс-индепендент» во время большой забастовки на сталелитейном заводе Э. Карнеги появились такие строки: «Все, кто заглянет глубже, увидят, что кровавая битва в Гомстедде была лишь эпизодом великого конфликта между капиталом и трудом». В сельских районах многие сочувствовали походу безработных под руководством Дж. Кокси; в Оцеоле (Небраска) около 5 тыс. человек пришли на пикник-чествование Кокси. Во время Пульмановской стачки один фермер написал губернатору Канзаса: «Можно не сомневаться в том, что почти все, если не все люди из альянса всецело поддерживают этих бастующих».

Помимо серьезных провалов в деле объединения интересов черных и белых, городских рабочих и сельских фермеров, имелся еще и соблазн избирательной политики – все это сошлось, чтобы покончить с популистским движением. Однажды заключив союз с Демократической партией во имя поддержки кандидатуры Уильяма Дженнингса Брайана на президентских выборах 1896 г., популисты утонули в море политики демократов. Груз стремления к победе на выборах заставил популистов заключать сделки с основными политическими партиями в городах. Если бы демократы выиграли, то популизм подвергся бы поглощению, если бы проиграли – распаду. Электоральная политика выводила наверх политических маклеров, а не аграриев-радикалов.

Среди радикальных популистов были те, кто это осознавал. Они видели, что слияние с демократами в попытке «победить» приведет к потере того, в чем они нуждались, а именно к поражению независимого политического движения. Они говорили о том, что широко разрекламированная идея свободной чеканки серебряных монет по существу ничего не изменит в капиталистической системе. Один техасский радикал заявил, что выпуск серебряных монет «не затронет все те условия, которые стали основой несправедливой концентрации богатства».

Г. Д. Ллойд отметил как-то, что выдвижение У. Дж. Брайана в качестве кандидата было частично оплачено Маркусом Дейли (представлявшим компанию «Анаконда коппер») и Уильямом Рэндолфом Хёрстом¹³¹ (представлявшим интересы компаний, владевших

¹³¹ Уильям Рэндолф Хёрст (1863–1951) – издатель, крупный газетный магнат, один из зачинателей

серебряными рудниками на Западе). Он насквозь видел риторику Брайана, распявшего 20-тысячную толпу на съезде демократов. («Мы обращались с воззваниями, а их с презрением отвергали; мы просили, а на наши просьбы не обращали внимания; мы умоляли, а они насмехались над нашими бедами. Мы больше не умоляем, не просим и не взываем. Мы бросаем вызов!») Ллойд с горечью писал: «Бедняги подбрасывают шляпы в воздух в поддержку тех, кто обещает вывести их из дебрей по денежной тропе... Там люди будут 40 лет блуждать по валютным лабиринтам, как последние 40 лет блуждали вокруг да около законопроекта о тарифах».

На выборах 1896 г., во время которых популистов переманили на сторону демократов, кандидат от Демократической партии Брайан проиграл Уильяму Маккинли, поддержанному корпорациями и прессой. Это стало первым случаем массированного использования денег в избирательной кампании. В стане демократов, похоже, не хотели терпеть и намека на популизм, и люди истеблишмента зарядили все пушки, чтобы убедиться в том, что так и будет.

Это было время консолидации системы после поры протеста и бунтарства, как часто случается в Соединенных Штатах в период выборов. На Юге черное население держали под контролем. Индейцев окончательно изгоняли с западных равнин. Однажды холодным зимним днем 1890 г. солдаты армии США напали на лагерь индейцев на ручье Вундед-Ни (Южная Дакота) и уничтожили 300 мужчин, женщин и детей. Это событие стало кульминацией продолжавшегося 400 лет насилия, эпоха которого началась еще при Колумбе, окончательно закрепив владение континентом за белыми. Но лишь за некоторыми из них, потому что к 1896 г. стало ясно, что государство готово громить забастовки рабочих, делая это по возможности законными средствами, а при необходимости – силовыми методами. Там, где развивалось угрожающе массовое движение, двухпартийная система проявляла готовность направлять свои отряды, чтобы окружить такое движение и лишить его жизнеспособности.

Как всегда, патриотизм использовался в качестве метода, который мог утопить классовое недовольство в потоке призывов к общенациональному единству. Проявив редко выставляемую напоказ связь между деньгами и флагом, У. Маккинли заявил: «...этот год станет годом патриотизма и служения стране. Я рад осознавать, что народ по всей стране искренне предан одному флагу, славному звездно-полосатому знамени, что народ этой страны готов хранить ее финансовую честь так же свято, как он хранит честь флага».

Высшим актом проявления патриотизма была бы война. Через два года после того, как У. Маккинли стал президентом, Соединенные Штаты объявили войну Испании.

Империя и народ

Теодор Рузвельт в 1897 г. написал своему другу: «Строго конфиденциально... я должен приветствовать практически любую войну, так как считаю, что наша страна нуждается в таковой».

В 1890 г., когда произошла бойня на ручье Вундед-Ни, Бюро переписи населения официально объявило о том, что освоение территорий внутреннего фронта завершено. Капиталистическая система с ее естественной тенденцией к экспансии уже начала поглядывать за пределы страны. Жестокая депрессия, начавшаяся в 1893 г., укрепила представителей политической и финансовой элиты США в мысли, что открытие зарубежных рынков для американских товаров может облегчить решение проблемы снижения покупательной

способности населения внутри Соединенных Штатов и предотвратить возможность возникновения экономических кризисов, подобных кризису 90-х годов XIX в., приведшему к классовой войне.

Не отвлечет ли заграничная авантюра частично ту бунтарскую энергию, которая воплощалась в забастовках и движениях протеста, на внешнего врага? Не объединит ли она народ с правительством и вооруженными силами, вместо того чтобы отдалить их друг от друга? Возможно, это не было продуманным планом, вызревшим у большинства представителей элиты, а являлось результатом естественного развития двух составляющих – капитализма и национализма.

Идея заграничной экспансии была не нова. Еще до войны с Мексикой, которая расширила границы Соединенных Штатов до Тихоокеанского побережья, существовала доктрина Монро с ее южной направленностью, в сторону Карибского моря и далее. Провозглашенная в 1823 г., когда страны Испанской Америки добились независимости от метрополии, эта доктрина явно демонстрировала народам Европы, что США рассматривают Латинскую Америку в качестве своей сферы влияния. Вскоре после этого некоторые американцы обратили свои взоры к Тихому океану, в частности к Гавайям, Японии и огромным рынкам Китая.

И это были не только размышления: вооруженные силы совершили несколько вылазок за границы. В списке государственного департамента США под названием «Случаи использования Вооруженных сил США за рубежом в 1798–1945 гг.». (этот документ был представлен госсекретарем Дином Раском сенатскому Комитету Конгресса США в 1962 г. в качестве перечня прецедентов применения вооруженных сил против Кубы) собраны свидетельства о 103 фактах вмешательства в дела других государств в 1798–1895 гг. Вот несколько примеров из этого списка с точным описанием событий, как это сделал госдепартамент:

1852–1853. Аргентина. Морские пехотинцы высадились и оставались в Буэнос-Айресе. Защита американских интересов во время революции.

1853. Никарагуа. Защита жизни американцев и американских интересов во время политических беспорядков.

1853–1854. Япония. «Открытие Японии» и экспедиция Перри¹³². [Госдепартамент не сообщает подробности, но для того чтобы заставить Японию открыть свои порты для Соединенных Штатов, были использованы военные корабли.]

1853–1854. Архипелаг Рюкю и острова Бонин. Коммодор Перри во время трех посещений, до похода в Японию и в период ожидания ответа от японских властей провел военно-морские учения, дважды высадил десант и обеспечил концессию на бункеровку угля от правителя города Наха на острове Окинава. Он также провел учения на островах Бонин. Все это было сделано для обеспечения удобства коммерции.

1854. Никарагуа. Сан-Хуан-дель-Норте [Грейтаун был разрушен в отместку за оскорбление американского посланника в Никарагуа].

1855. Уругвай. Военно-морские силы Соединенных Штатов и европейских государств высадили десант для защиты американских интересов во время попытки революции в Монтевидео.

1859. Китай. Защита американских интересов в Шанхае.

¹³² Речь идет о так называемой «миссии Перри» – военно-морской экспедиции, посланной в ноябре 1852 г. правительством США в Японию с целью установить с ней торговые и дипломатические отношения. Под угрозой применения силы коммодор Мэтью Перри вынудил японские власти подписать 31 марта 1854 г. Канагавский договор о мире и дружбе, открывший для американских судов порты Хакодате и Симода.

1860. Ангола, Португальская Западная Африка. Защита жизни и собственности американцев в Киссембо, когда местные жители устроили беспорядки.

1893. Гавайи. Вмешательство якобы для защиты жизни и собственности американцев, а в действительности с целью поддержки временного правительства Сэнфорда Б. Доула. Эта акция была дезавуирована Соединенными Штатами.

1894. Никарагуа. Защита американских интересов в городе Блуфилдс после революции.

Таким образом, к 90-м гг. XIX в. имелся богатый опыт «прощупывания почвы» и прямых интервенций за рубежом. Идеология экспансии была широко распространена среди представителей высших военных, политических и предпринимательских кругов, а также среди части лидеров фермерского движения, которые полагали, что иностранные рынки будут полезны аграриям.

Капитан Военно-морского флота США А. Т. Мэхэн¹³³, популярный пропагандист экспансионизма, оказал очень большое влияние на Теодора Рузвельта и других американских лидеров. Он считал, что в мире будут господствовать страны, обладающие мощным военным флотом. Мэхэн полагал: «Пора американцам обратить свои взгляды за пределы собственной страны». Сенатор Генри Кэбот Лодж от штата Массачусетс писал в одной журнальной статье: «В интересах нашей коммерции... мы должны построить канал в Никарагуа, а для его защиты и ради нашего торгового господства на Тихом океане нам следует контролировать Гавайские острова и сохранять наше влияние в Самоа... а когда же канал в Никарагуа будет построен, возникает необходимость... в острове Куба... Великие державы быстро вбирают в себя ради собственной экспансии в будущем и безопасности в настоящем все незаселенные территории. Это делается ради цивилизации и прогресса человеческой расы. Являясь одной из величайших стран на Земле, Соединенные Штаты не должны выходить из походного строя».

В редакционной статье газеты «Вашингтон пост» накануне испано-американской войны говорилось: «У нас, похоже, появилось новое сознание – осознание силы, а вместе с ним и новые аппетиты, стремление показать нашу мощь... Амбиции, интересы, жажда новых земель, гордость, упоение битвой, какой бы она ни была, – мы ожили этим новым чувством. Мы столкнулись лицом к лицу со странной судьбой. Привкус Империи ощущается у людей на губах, и он такой же, как вкус крови в джунглях».

Был ли этот привкус на людских устах некой инстинктивной страстью к агрессии или сиюминутным своекорыстием? Или это был привкус (если он на самом деле существовал), созданный, поддерживаемый, разрекламированный и преувеличенный прессой миллионеров, военными, правительством, жаждавшими угодить учеными того времени? Политолог Дж. Барджесс из Колумбийского университета считал, что германская и англосаксонская расы «особо одарены способностью создавать национальные государства... им была вверена... миссия стать проводниками политической культуры в современном мире».

За несколько лет до своего избрания на пост президента Уильям Маккинли говорил: «Нам нужны иностранные рынки для наших товарных излишков». Сенатор от штата Индиана Альберт Беверидж в начале 1897 г. провозгласил: «Американские фабрики производят больше, чем могут использовать американцы, земля Америки дает больше, чем они могут потреблять. Судьба предопределила нашу политику; мировая торговля должна находиться и будет у нас в руках». Государственный департамент в 1898 г. дал пояснения: «Очевидно, следует признать, что каждый год мы будем сталкиваться со все увеличивающимися излишками промышленных

¹³³ Командир крейсера «Чикаго» (1893–1895), вышел в отставку (1896), получил звание контр-адмирала в отставке (1906).

товаров, предназначенными к продаже на внешних рынках, если американских рабочие и ремесленники начнут работать круглогодично. Таким образом, рост потребления за рубежом продукции наших фабрик и мастерских становится серьезной проблемой государственного управления и торговли».

Военные и политики, разделявшие экспансионистские взгляды, находились в контакте друг с другом. Один из биографов Теодора Рузвельта пишет: «К 1890 г. Лодж, Рузвельт и Мэхэн начали обмен мнениями». Кроме того, они пытались освободить последнего от службы в военно-морском флоте «с тем чтобы он мог посвятить все свое время пропаганде экспансионизма». Однажды Т. Рузвельт отправил Г. К. Лоджу экземпляр стихотворения Редьярда Киплинга со словами, что оно «плохо с точки зрения поэзии, но хорошо написано с точки зрения экспансионизма».

Когда в 1893 г. Соединенные Штаты не стали аннексировать Гавайи, после того как группа американцев (представлявших смешанные интересы миссионеров и владельцев ананасовых плантаций – семейства Доул) сформировала собственное правительство, Рузвельт назвал эту нерешительность «преступлением против цивилизации белых». Выступая в Высшем военно-морском колледже, он сказал: «Все великие господствующие расы сражались... Никакой триумф мира не может сравниться с величайшим триумфом войны».

Рузвельт высокомерно относился к тем расам и народам, которые он считал низшими. Когда уличная толпа в Новом Орлеане линчевала нескольких итальянских иммигрантов, он считал, что Соединенные Штаты должны предложить правительству Италии компенсацию, но как частное лицо, в письме своей сестре он писал, что расправа была «скорее хорошим делом», и поведал ей, что сказал так во время ужина со «всеякими итальяшками дипломатами... которые все пребывали в возбуждении в связи с линчеванием».

Философ Уильям Джеймс, ставший одним из ведущих антиимпериалистов своего времени, писал о Т. Рузвельте как о человеке, который «восторгается войной, считая ее идеальным состоянием человеческого общества в связи с вызываемым ею всплеском энергии мужества, и рассматривает мир как состояние распухшей и напыщенной подлости, которое подходит лишь барышням-слабакам, прячущимся в сумерках и игнорирующим существование более высокого порядка жизни».

Рассуждения Рузвельта об экспансионизме являлись не просто проявлением его мужского начала и героизма; он заботился о «наших торговых отношениях с Китаем». Лодж был осведомлен об интересах текстильной промышленности в Массачусетсе, которые распространялись и на азиатские рынки. Историк Мэрилин Янг пишет о деятельности «Америкэн Чайна девелопмент компани», направленной на усиление влияния США в Китае в интересах коммерции, и об инструкциях государственного департамента американским эмиссарам в этой стране «использовать все надлежащие методы для расширения американского присутствия в Китае». В своей книге «Имперская риторика» исследовательница отмечает, что тогда рассуждений о китайских рынках было гораздо больше, чем реальных долларовых сумм в торговом обороте, но они играли важную роль в формировании американской политики относительно Гавайев, Филиппин и Азии в целом.

И хотя действительно в 1898 г. 90 % продукции США продавалось внутри страны, но остальные 10 % товаров были реализованы за рубежом на сумму 1 млрд. долл. У. Лафибер пишет в книге «Новая империя»: «К 1893 г. объем американской торговли превышал таковой любой из стран мира, за исключением Англии. Разумеется, выгода от производства продуктов земледелия, особенно табака, хлопка и пшеницы, долгое время находилась в прямой зависимости от международных рынков». И в течение 20 лет, до 1895 г., новые инвестиции американских капиталистов за рубежом достигли 1 млрд. долл. В 1885 г. в публикации о

сталелитейной промышленности под названием «Эпоха стали» сообщалось, что внутренние рынки недостаточны и что излишки перепроизводства промышленной продукции «должны быть устранены и прекратиться в будущем за счет увеличения объема внешней торговли».

Нефть стала важной статьей экспорта в 80–90-х гг.: к 1891 г. на долю принадлежавшей семейству Рокфеллер «Стэндард ойл компани» приходилось 90 % американского экспорта керосина, и эта компания контролировала 70 % мировой торговли данным видом топлива. Нефть теперь заняла второе место после хлопка в экспортных продажах.

В экспансии нуждались и крупные фермеры, в том числе некоторые лидеры Популистской партии. Это показал В. Э. Вильямс в работе «Корни современной американской империи». Конгрессмен-популист от штата Канзас Джерри Симпсон сообщил Конгрессу США в 1892 г., что при таком большом избытке сельскохозяйственной продукции фермеры «вынуждены искать рынки сбыта за рубежом». Действительно, он не призывал к агрессии или завоеваниям, но, поскольку для процветания были так востребованы иностранные рынки, политика экспансионизма, в том числе даже военные действия, могла получить широкую поддержку.

Такая поддержка была бы особенно прочной, если бы экспансия выглядела актом великодушия, например в виде помощи группе восставших в низвержении чужеземного правления, как это произошло на Кубе. К 1898 г. кубинские повстанцы уже три года сражались за независимость против испанских завоевателей. К тому времени в США удалось создать общественное настроение в пользу вмешательства.

Казалось, что сначала американские бизнесмены не желали военной интервенции на этот остров. Торговцам не нужны были колонии или завоевательные войны, если бы у них имелся свободный доступ к рынку. Эта идея «открытых дверей» стала доминирующей темой американской внешней политики в XX в. Данный подход к империализму был утонченнее, чем традиционные для Европы методы создания империй. В. Э. Вильямс в своей книге «Трагедия американской дипломатии» пишет: «Дискуссия, охватившая всю нацию, обычно интерпретируется как борьба империалистов, возглавляемых Рузвельтом и Лоджем, с антиимпериалистами, во главе которых стояли Уильям Дженнингс Брайан и Карл Шурц. Однако корректнее и нагляднее было бы рассматривать ее как трехстороннее столкновение. Третья группа представляла собой коалицию бизнесменов, интеллектуалов и политиков, которые выступали против традиционного колониализма и являлись защитниками политики «открытых дверей», благодаря которой доминирующая экономическая мощь Америки могла проникнуть в слаборазвитые регионы мира и господствовать над ними».

Тем не менее предпочтение, которое часть деловых кругов и политиков отдавали тому, что Вильямс называет идеей «неформальной империи», создававшейся без войн, всегда было изменчивым. Если империализм мирным путем оказывался недостижим, тогда могли понадобиться военные действия.

Например, в конце 1897 – начале 1898 г., когда Китай был ослаблен недавней войной с Японией, войска Германии оккупировали китайский порт Циндао и заявили о своих претензиях на строительство военно-морской базы у входа в залив Цзяочжоу и о правах на железные дороги и угольные шахты на прилегающем Шаньдунском полуострове. В течение последующих нескольких месяцев в Китай ринулись другие европейские державы, и раздел страны этими ведущими империалистическими государствами пошел своим чередом. Соединенные Штаты запоздали.

Тогда нью-йоркская газета «Джорнэл оф коммерс», которая ранее всегда ратовала за мирное развитие свободной торговли, начала выступать за старомодный колониализм, насаждаемый военной силой. Специалист по истории американского экспансионизма Дж.

Пратт так описывает поворот в воззрениях: «Эта газета, которую всегда характеризовали как пацифистскую и антиимпериалистическую, и которая выступала за развитие коммерции в мире свободной торговли, обнаружила, что основы ее веры рассыпаются в прах перед лицом угрозы раздела Китая. Заявляя, что свободный доступ на рынки этой страны с ее 400-миллионным населением позволит во многом решить проблему реализации излишков наших товаров, «Джорнэл» не только настойчиво поддерживает идею полного равноправия в Китае, но и требует, чтобы это безусловно относилось к расположенному на перешейке каналу, овладению Гавайями и укреплению военно-морского флота, т. е. тех трех мероприятий, против которых она яростно выступала ранее. То, как эта газета переродилась за несколько недель, весьма показательно».

Похожий переворот в сознании произошел в 1898 г. и в настроениях американского бизнеса относительно Кубы. С самого начала кубинского восстания против Испании предприниматели интересовались его последствиями для своих коммерческих перспектив. Существенные экономические интересы уже проявились на острове. В связи с этим президент Г. Кливленд резюмировал в 1896 г.: «По рациональным оценкам, по крайней мере от 30 до 50 млн. долл. американского капитала инвестировано в плантации, железные дороги, горнодобывающие и другие предприятия на острове. Объем торговли между Соединенными Штатами и Кубой, который в 1889 г. составлял 64 млн. долл., увеличился в 1893 г. до 103 млн. долл.».

Общественная поддержка кубинской революции базировалась на идее о том, что жители острова, как и американцы в 1776 г., сражаются за свое освобождение. Однако правительство США – консервативный продукт другой революционной войны, – наблюдая за событиями на Кубе, имело в виду силу и извлечение прибыли. Ни Кливленд, который был президентом в первые годы кубинского восстания, ни сменивший его Маккинли официально не признавали инсургентов в качестве воюющей стороны. Такое признание дало бы возможность Соединенным Штатам оказывать помощь повстанцам, не отправляя армию на Кубу. Но в этом случае существовали опасения, что восставшие одержат победу самостоятельно, и не допустят США на остров.

Похоже, имело место и еще одно опасение. Администрация Кливленда говорила, что победа на Кубе может привести в «созданию республики белых и чернокожих», поскольку население острова являлось смешанным. И «черная республика» могла стать доминирующей. Это мнение было высказано в 1896 г. в газете «Сатердей ревью» в статье, написанной молодым и красноречивым сторонником империализма, чья мать была американкой, а отец англичанином, а именно Уинстоном Черчиллем. Он утверждал, что, хотя испанское правление являлось плохим, а восставшие пользовались народной поддержкой, было бы лучше, если бы метрополия сохранила контроль: «Обозначилась смертельная угроза. Две пятых восставших – негры. Эти люди... в случае успеха потребуют для себя ведущих позиций в управлении страной... и в результате после стольких лет борьбы появится еще одна черная республика».

Под «другой» черной республикой подразумевалась Республика Гаити, где нацеленная против Франции революция 1803 г. привела к образованию первого государства в Новом Свете, в котором правили чернокожие. Испанский посланник в США писал государственному секретарю Соединенных Штатов: «В этой революции негритянский фактор играет важнейшую роль. Цветными являются не только ведущие лидеры, но и по крайней мере каждые восемь из десяти их сторонников... и результатом войны, если остров сможет добиться независимости, будет сецессия черного элемента и черной республики».

В своем двухтомном исследовании «Испано-кубино-американская война» Ф. Фонер пишет: «У правительства Маккинли имелись свои планы решения кубинского вопроса, однако

они отнюдь не предусматривали предоставления острову независимости». Он обращает внимание на инструкции правительства Соединенных Штатов своему посланнику в Испании Стюарту Вудфорду, в которых его просят попытаться урегулировать вопрос о войне, так как она «пагубно отражается на нормальных функциях деловой жизни и тормозит создание условий процветания», но ничего не говорят о свободе и справедливости в отношении кубинцев. Фонер объясняет спешку администрации Маккинли при вступлении в войну (ультиматум правительства США не оставлял Испании много времени для переговоров) тем фактом, что «если Соединенные Штаты будут выжидать слишком долго, кубинские революционные силы одержат победу и придут на смену развалившемуся испанскому режиму».

В феврале 1898 г. американский броненосец «Мэн», находившийся в порту Гаваны в качестве символа американских интересов в развитии событий на Кубе, был уничтожен загадочным взрывом и затонул, в результате чего погибло 268 человек. В дальнейшем так и не было найдено никаких доказательств, свидетельствующих о причине взрыва, но возбуждение в Соединенных Штатах быстро возрастало, и У. Маккинли начал склоняться к войне. У. Лафибер пишет: «Президент не хотел войны; он был искренен и неутомим в своих попытках сохранить мир. Однако к середине марта он начал осознавать, что хотя он лично и не стремился воевать, но желал того, что могла дать только война, а именно: исчезновения ужасной неопределенности в политической и экономической жизни США и создания прочной основы, на которой возобновится строительство новой американской торговой империи».

С определенного момента (весна 1898 г.) и Маккинли, и деловые круги стали понимать, что их цель – изгнание Испании с Кубы – не может быть достигнута без военных действий и что их сопутствующая цель – сохранение американского военного и экономического влияния на острове – не может быть делом только кубинских повстанцев и требует вмешательства со стороны Соединенных Штатов. Нью-йоркская газета «Коммершл адвертайзер», выступавшая сначала против войны, к 10 марта высказалась в пользу интервенции на Кубу «в интересах гуманности и ради любви к свободе, а превыше всего, во имя того, чтобы торговля и промышленность в любой части Земли были полностью свободны в своем развитии в соответствии с интересами».

Ранее Конгресс принял поправку Теллера, обязавшую США не аннексировать Кубу. Ее принятие было инициировано и поддерживалось теми, кто был заинтересован в обретении Кубой независимости и выступал против американского империализма, а также теми представителями бизнеса, кто считал достаточным проведение политики «открытых дверей», а военную интервенцию – излишней. Но к весне 1898 г. в деловом сообществе возникло желание действовать. «Джорнэл оф коммерс» писала: «Поправка Теллера... должна интерпретироваться несколько иначе, чем задумывал ее автор».

Существовали и определенные группы, которые в случае войны получили бы прямую выгоду. В центре сталелитейной промышленности – Питтсбурге торговая палата выступала за применение силы, и газета «Чаттануга трейдсмен» писала, что перспектива начала войны «несомненно стимулировала торговлю сталью». Также отмечалось, что «настоящая война, вне всякого сомнения, приведет к активизации бизнеса в транспортной сфере». В Вашингтоне сообщалось, что военно-морское министерство охвачено «воинственным духом», подогреваемым «подрядчиками, занимающимися производством снарядов, орудий, амуниции и других припасов, которые заполнили министерство после уничтожения «Мэна»».

Банкир Рассел Сейдж говорил, что, если начнется война, «нет сомнений в том, за что выступят богатые люди». Исследование настроений предпринимателей показало, что Джон Джекоб Астор, Уильям Рокфеллер и Томас Форчун Райан были «настроены воинственно». Дж. П. Морган полагал, что дальнейшие переговоры с Испанией ни к чему не приведут.

Двадцать первого марта 1898 г. Г. К. Лодж написал У. Маккинли длинное письмо, в котором сообщал, что беседовал с «банкирами, брокерами, бизнесменами, издателями, священниками и прочими» в Бостоне, Линне и Нэханте и что «все», включая «наиболее консервативные классы», хотят, чтобы кубинский вопрос «был разрешен». Лодж сообщал также: «Они говорят, что для предпринимательства лучше перенести шок, после чего все будет кончено, чем те непрерывные конвульсии, в которых мы будем биться, если эта война на Кубе продолжится». Двадцать пятого марта в Белый дом была доставлена телеграмма от советника Маккинли, в которой говорилось: «Крупные корпорации здесь убеждены, что нам предстоит война. Поверьте, все воспримут ее с радостью, как избавление от напряженного ожидания».

Через два дня после получения этой телеграммы президент выдвинул Испании ультиматум, требующий заключения перемирия. В нем ничего не говорилось о предоставлении Кубе независимости. Представитель кубинских повстанцев – части кубинцев, проживавших в Нью-Йорке, – интерпретировал это как желание Соединенных Штатов просто занять место Испании. Он отреагировал следующим образом: «В условиях предложенной интервенции, без предварительного признания независимости, нам необходимо сделать шаг дальше и сказать, что мы должны и будем рассматривать такую интервенцию только как объявление Соединенными Штатами войны против кубинских революционеров».

И в самом деле, когда 11 апреля У. Маккинли обратился к Конгрессу по поводу объявления войны, он не признал восставших в качестве воюющей стороны и не требовал независимости для Кубы. Через девять дней Конгресс принял совместную резолюцию, дававшую президенту полномочия для осуществления интервенции. Когда американские войска высадились на Кубе, повстанцы встретили их радушно, надеясь на то, что поправка Теллера гарантирует острову независимость.

Во множестве исторических исследований, посвященных испаноамериканской войне, говорится, что «общественное мнение» в Соединенных Штатах подтолкнуло Маккинли к объявлению войны Испании и отправке войск на Кубу. Действительно, некоторые влиятельные газеты оказывали серьезное давление, почти доходя до истерики. И многие американцы поддерживали эту идею, полагая, что целью интервенции является обретение Кубой независимости и что поправка Теллера гарантирует исполнение этого намерения. Но стал бы президент ввязываться в войну под влиянием прессы и какой-то части общества (у нас нет обзоров общественного мнения того времени), если бы его к тому не подстрекали деловые круги? Через несколько лет после окончания этой войны руководитель Бюро внешней торговли министерства торговли США писал о том периоде: «В основе общественных настроений, которые со временем могли и исчезнуть, но которые подтолкнули Соединенные Штаты взяться за оружие против испанского правления на Кубе, лежали наши экономические связи с Вест-Индией и республиками Южной Америки... Испано-американская война являлась лишь эпизодом в ходе общего экспансионистского движения, корнями которого были изменившаяся обстановка, связанная с возросшей индустриальной мощностью, многократно превосходящей наши потребительские возможности внутри страны. Для нас становилось необходимо не только находить иностранных покупателей наших товаров, но и получить доступ на внешние рынки простыми, экономичными и безопасными способами».

Профсоюзы США симпатизировали кубинским повстанцам с самого начала восстания против Испании в 1895 г. Но они были против американского экспансионизма. И «Орден рыцарей труда», и Американская федерация труда не одобряли идею аннексии Гавайских островов, с которой Маккинли выступил в 1897 г. Несмотря на все сочувствие кубинским повстанцам, резолюция, требовавшая американского вторжения, была отклонена на съезде АФТ в 1897 г. Президент Федерации Сэмюэл Гомперс писал своему другу: «Наше движение

питает самые настоящие, горячие и искренние симпатии к Кубе, но это нисколько не означает, что мы солидаризируемся с теми авантюристами, явно страдающими истерией».

После февральского взрыва на броненосце «Мэн», вызвавшего в прессе бурю эмоций и призывы к войне, ежемесячный журнал Межнациональной ассоциации механиков согласился с тем, что произошло страшное бедствие, но отметил, что гибель рабочих в результате несчастных случаев на производстве не стала причиной подобного по силе всенародного возмущения. Журнал привел в качестве примера бойню в Латтимере, произошедшую 10 сентября 1897 г., во время забастовки шахтеров в Пенсильвании. Демонстрация горняков двигалась по шоссе в сторону Латтимерской шахты. В ее рядах были австрийцы, венгры, итальянцы и немцы, которые первоначально являлись штрейкбрехерами, но потом самоорганизовались. Эти люди отказались разойтись, после чего шериф и его помощники открыли огонь, убив 19 человек, причем большинство получили смертельные ранения в спину. Все это не вызвало никакой шумихи в прессе. Профсоюзный журнал писал по этому поводу: «...вся эта оргия убийств, что творится изо дня в день, из месяца в месяц и из года в год в нашей промышленности, все эти тысячи человеческих жизней, что ежегодно отдаются на заклание пред алтарем Молоха наживы, эта кровавая дань, взимаемая капитализмом с рабочего класса, не вызывает ни с чьей стороны призывов к возмездию, к расплате... Тысячи людей погибают на фабриках и рудниках, смерть забирает свои жертвы, и никакого ропота общественности не слышно».

Официальный орган коннектикутского отделения АФТ «Крафтсмен» также предостерегал против истерии, устроенной в связи с потоплением «Мэна»: «Гигантская... и хитро продуманная схема приведена в действие, очевидно, для того, чтобы выдвинуть Соединенные Штаты на передний план как державу, обладающую военно-морской мощью и сильной армией. Однако настоящей причиной является то, что капиталисты заберут все в свои руки, и всякий раз, когда рабочие осмелятся потребовать зарплаты, на которую можно прожить, их будут расстреливать как уличных собак».

Некоторые профсоюзы, например Объединенный союз горняков (ОСГ), после инцидента с броненосцем потребовали вмешательства со стороны США. Однако большинство этих организаций выступали против войны. Казначей Американского союза докеров Болтон Холл написал «Воззвание к рабочим о мире», который разошелся во множестве экземпляров: «Если вспыхнет война, вы будете поставлять пушечное мясо и платить налоги, а другие будут пожинать славу. Спекулянты не упустят случая нажиться на этом, т. е. на вас, рабочих. Военные поставщики будут сплавлять по бешеным ценам дырявые суда, гнилое обмундирование, обувь на картонной подошве, а счета будете оплачивать вы. Единственной наградой для вас будет только право ненавидеть, сколько вам хочется, ваших товарищей – испанских рабочих, которые на самом деле ваши братья и так же неповинны в злодеяниях на Кубе, как и вы сами».

Социалисты являлись противниками войны. Единственным исключением была еврейская газета «Дейли форвард». Газета Социалистической рабочей партии «Пипл» называла вопрос об освобождении Кубы «предлогом» и писала, что правительство стремится к войне, чтобы «отвлечь внимание рабочих от их истинных интересов». Другая газета социалистов, «Эпил ту ризон», писала, что движение в поддержку войны – «это любимый метод правителей, используемый для того, чтобы удержать народ от стремления устранить несправедливости у себя в стране». В выходившей в Сан-Франциско «Войс оф лейбор» один социалист писал: «Я с ужасом думаю о том, что нищим рабочим нашей страны придется убивать и калечить нищих рабочих Испании только потому, что их заставит это делать кучка правителей».

Ф. Фонер отмечает, что после объявления войны «большинство профсоюзов поддалось

военной лихорадке». Сэмюэл Гомперс назвал войну «героической и справедливой» и объявил, что 250 тыс. членов профсоюзов записались на военную службу добровольцами. ОСГ обращал внимание на выросшие вследствие войны цены на уголь и утверждал: «Угольная промышленность и металлургия не были в таком цветущем состоянии, как сейчас».

Военные действия привели к созданию новых рабочих мест и повышению зарплаты, но при этом поднялись цены. Ф. Фонер пишет: «Наблюдался не только поразительный рост стоимости жизни, но и то, что при отсутствии подоходного налога бедняки обнаружили, что они почти полностью покрывают непомерные военные расходы, оплачивая возросшие сборы на сахар, мелассу, табак и другие налоги». С. Гомперс, публично выступавший за войну, в частном порядке обращал внимание на то, что она привела к сокращению на 20 % покупательной способности зарплаты рабочего.

Первого мая 1898 г. Социалистическая рабочая партия организовала антивоенное шествие в Нью-Йорке, но власти его запретили, хотя разрешили проведение парада в честь Майского дня, объявленного еврейской газетой «Дейли форвард», которая призывала рабочих-евреев поддержать войну. Чикагская «Лейбор уорлд» писала: «Это была война бедняков – оплаченная ими самими. Богачи, как и всегда, извлекли из нее прибыли».

Западный рабочий союз учредили в городе Солт-Лейк-Сити 10 мая 1898 г. в связи с тем, что АФТ не принимала в свои ряды неквалифицированных рабочих. Его целями являлись объединение всех трудящихся «безотносительно к роду занятий, национальности, вероисповеданию или цвету кожи» и «скорая гибель всех корпораций и трестов, которые грабят американского рабочего, отнимая у него плоды его тяжелого труда». В одной из профсоюзных публикаций, обращавшей внимание на аннексию Гавайев во время войны, говорилось, что этот факт доказывает, что «война, которая была начата с целью оказания помощи измученным, голодающим кубинцам, превратилась вдруг в завоевательную войну».

Предсказание, сделанное докером Б. Холлом относительно коррупции и спекуляций военного времени, оказалось удивительно верным. В «Энциклопедии американской истории» Ричарда Морриса приводятся потрясающие цифры: «Из более чем 274 тыс. офицеров и солдат, служивших в армии во время Испано-американской войны и находившихся в ее рядах в период демобилизации, 5462 человека погибли на различных театрах военных действий, а также на военных базах в США. Из них только 379 военнослужащих были убиты в ходе сражений, остальные же стали жертвами болезней и умерли от других причин».

Те же сведения приведены в книге «Воинственный дух» У. Миллисом. В «Энциклопедии» эти данные представлены сжато, без упоминания о «забальзамированном мясе» (на жаргоне армейских генералов), т. е. проданных армии мясных консервах, в которых для сохранения продукта использовались такие ингредиенты, как борная кислота, нитрат калия и искусственный краситель.

В мае 1898 г. крупная чикагская фирма по производству консервов «Армор энд К°» поставила армии 500 тыс. фунтов говядины, которая за год до этого была отправлена в Ливерпуль, а затем возвращена обратно. Два месяца спустя армейский инспектор попробовал продукцию этой фирмы, на которой стояли штампы проверки инспектора из Бюро по контролю за животноводческим производством, и обнаружил 751 банку с испорченным мясом. Из первых 60 консервных банок, которые он открыл, 14 оказались уже вздувшимися, и «забродившая гниль, содержащаяся в них, распространялась по всей емкости». (Это описание приводится в «Отчете Комиссии по расследованию деятельности военного министерства во время войны с Испанией», представленном сенату в 1900 г.) Тысячи военнослужащих получили пищевые отравления. Мы не имеем данных о том, сколько из упомянутых 5 тыс. солдат, погибших не на полях сражений, скончались по этой причине.

Войска испанцев были разбиты уже через три месяца, и поэтому государственный секретарь США Джон Хэй позднее назвал эти события «отличной маленькой войной». Американские военные делали вид, что кубинской повстанческой армии не существует. Когда испанцы сдались, никому из кубинцев не было позволено участвовать в переговорах об условиях капитуляции или подписывать ее. Генерал Уильям Шафтер объявил, что ни один вооруженный повстанец не может войти в столицу острова – город Сантьяго-де-Куба, и заявил кубинскому лидеру генералу Каликсто Гарсия, что не кубинцы, а испанские гражданские власти будут по-прежнему исполнять свои обязанности в муниципалитете.

Американские историки в основном игнорировали роль кубинских повстанцев в испано-американской войне, Ф. Фонер был первым, кто опубликовал в своем исследовании гневное письмо К. Гарсия генералу Шафтеру: «Вы лично не оказали мне чести уведомить меня хотя бы единым словом о переговорах о мире или условиях капитуляции испанцев... Но когда речь идет о назначении в Сантьяго-де-Куба властей... то я не могу иначе, как с чувством глубокого сожаления, констатировать, что эти власти избраны не кубинским народом, а назначены королевой Испании...

По слухам, слишком абсурдным, чтобы им можно было верить, генерал, причиной принятых Вами мер и приказов, запрещающих моей армии вступить в Сантьяго, являются опасения резни и актов мести против испанцев. Позвольте мне, сэр, заявить протест против самой мысли об этом. Мы не дикари, которым неведомы правила цивилизованного ведения войны. Наши солдаты бедны и оборваны, как и ваши предки в их благородной войне за независимость».

Вместе с американской армией на Кубу пришел и американский капитал. Ф. Фонер пишет: «Влияние американских деловых кругов стало ощущаться на Кубе раньше, чем там был спущен испанский флаг. На Кубу начали тысячами стекаться торговцы, агенты по недвижимому имуществу, биржевые спекулянты, бесшабашные авантюристы и рекламные агенты, имевшие различные планы быстрого обогащения. Семь синдикатов конкурировали друг с другом за получение монопольного права на строительство в Гаване трамвайных путей, и в конце концов оно было дано Персивалю Фаркуару, представлявшему интересы нью-йоркской Уолл-стрит. Так, одновременно с военной оккупацией, началась... оккупация коммерческая».

Журнал «Ламберменс ревью», выражавший взгляды лесопромышленников, в разгар войны писал: «Когда Испания потеряет узды правления на Кубе... настанет время для американских лесопромышленников заняться эксплуатацией кубинских лесов. Куба еще располагает девственными лесами, занимающими площадь 10 млн. акров, богатых ценнейшей древесиной... почти каждый фут этого леса можно будет сбывать в Соединенных Штатах по высоким ценам».

Когда война закончилась, американцы начали прибирать к рукам железные дороги, шахты и плантации сахарного тростника. За несколько лет инвестиции капитала США составили 30 млн. долл. Кубинской сахарной отраслью заинтересовалась «Юнайтед фрут компани», купившая 1,9 млн. акров земли по цене примерно 20 центов за 1 акр. На острове появилась и «Америкэн тобакко». К моменту окончания оккупации в 1901 г., по подсчетам Ф. Фонера, по меньшей мере 80 % экспорта кубинских полезных ископаемых было сосредоточено в руках американцев, в основном в компании «Бетлехем стил».

В период военной оккупации произошел ряд забастовок. В сентябре 1899 г. собрание тысяч рабочих в Гаване постановило объявить всеобщую забастовку с целью добиться введения 8-часового рабочего дня, и прозвучали слова: «...мы приняли решение способствовать борьбе рабочих с капиталистами, ибо рабочие Кубы не могут оставаться и далее в полном подчинении». Американский генерал Уильям Ладлоу приказал мэру города арестовать 11

вожаков бастующих, а войска США заняли железнодорожные станции и доки. Полиция по всему городу разгоняла митинги. Но городская экономика была парализована. Начались забастовки работников табачной отрасли, типографий и пекарен. Сотни забастовщиков были арестованы, а некоторых из арестованных лидеров угрозами вынуждали призывать к прекращению стачки.

Соединенные Штаты не аннексировали Кубу. Но Конституционной ассамблее было заявлено, что пока поправка Платта, принятая Конгрессом США в феврале 1901 г., не будет включена в новую Конституцию Кубы, американские войска не покинут остров. Эта поправка давала Соединенным Штатам право «интервенции для сохранения независимости Кубы и поддержания правительства, способного защищать жизнь, собственность и личную свободу». Она также предоставляла США право получить в свое распоряжение угольные склады и военно-морские базы в специально отведенных для этого местах.

Поправка Теллера и разговоры об освобождении Кубы, которые велись перед началом и во время войны, способствовали тому, что многие американцы, да и кубинцы, ожидали реальной независимости. Теперь же поправка Платта воспринималась как предательство не только радикальной и рабочей прессой, но и в целом в США. Массовый митинг, организованный Американской антиимпериалистической лигой у стен Фэнлхолла в Бостоне, осудил ее, а экс-губернатор [штата Массачусетс] Джордж Баутвелл сказал: «Нарушая свое обещание предоставить Кубе свободу и независимость, мы навязываем этому острову условия колониального рабства».

В Гаване 15 тыс. кубинцев устроили факельное шествие к зданию, где заседала Конституционная ассамблея, призывая ее депутатов отвергнуть поправку Платта. Но командующий оккупационными силами генерал Леонард Вуд заверил президента Маккинли: «Кубинцы охотно участвуют во всякого рода демонстрациях и парадах, которым не следует придавать особого значения».

Конституционная ассамблея создала специальный комитет, призванный ответить на настойчивые требования США о включении поправки Платта в текст кубинской Конституции. Доклад комитета был составлен чернокожим делегатом из Сантьяго. В нем говорилось: «Сохранение Соединенными Штатами за собой права определять, когда для этой независимости возникнет угроза и когда поэтому они должны вмешаться, чтобы защитить ее, равносильно тому, что мы передадим им ключи от своего дома, чтобы они могли войти в него в любой момент, как только пожелают, днем или ночью, с хорошими или плохими намерениями».

Далее следовало: «Единственными кубинскими правительствами, которые окажутся жизнеспособными, будут те, которые смогут рассчитывать на поддержку и благосклонность Соединенных Штатов, и безусловным результатом такой ситуации явится то, что мы сможем иметь только слабые, жалкие правительства... которым суждено скорее стараться добиться благословения Соединенных Штатов, чем защищать интересы Кубы».

В докладе требование о размещении угольных складов или военно-морских баз было названо «нанесением ущерба нашему отечеству». Делался следующий вывод: «Народу, живущему в условиях военной оккупации, хотя ее и осуществляют войска, которые следует рассматривать как союзника, а не врага, заявляют, что, прежде чем он создаст собственное правительство и станет свободным на своей собственной территории, он должен предоставить военным оккупантам, явившимся к нему в качестве друзей и союзников, права и полномочия, которые аннулировали бы его суверенитет. Именно в такое положение мы попадем в результате избранного теперь Соединенными Штатами метода. Не может быть ничего более оскорбительного и неприемлемого».

Ознакомившись с докладом, Конституционная ассамблея большинством голосов отвергла поправку Платта.

Однако в течение следующих трех месяцев давление со стороны США, военная оккупация, отказ позволить кубинцам создать собственное правительство, до тех пор пока они не уступят, сыграли свою роль – после нескольких отказов Конституционная ассамблея приняла эту поправку. В 1901 г. генерал Л. Вуд писал Т. Рузвельту: «Поправка Платта, разумеется, если и оставила что-то от независимости Кубы, то очень мало».

Таким образом страна попала в сферу влияния США, но формально не являлась их колонией. Однако испано-американская война привела и к тому, что Соединенные Штаты напрямую аннексировали ряд территорий. Пуэрто-Рико, соседний с Кубой остров в Карибском море, принадлежал Испании и был захвачен Вооруженными силами США. Гавайские острова, расположенные почти посреди Тихого океана, уже подверглись нашествию американских миссионеров и владельцев ананасовых плантаций; американские чиновники называли их «спелой грушей, готовой к тому, чтобы ее сорвали». Острова были аннексированы в соответствии с совместной резолюцией обеих палат Конгресса, принятой в июле 1898 г. Примерно в то же время подвергся оккупации атолл Уэйк, находящийся в 2,3 тыс. миль к западу от Гавайев, на пути к Японии. Кроме того, американцы захватили остров Гуам, испанское владение в Тихом океане недалеко от Филиппин. В декабре 1898 г. был подписан мирный договор с Испанией, по которому Соединенным Штатам за 20 млн. долл. официально отходили Гуам, Пуэрто-Рико и Филиппины.

В США разгорелись горячие споры по поводу того, стоит ли захватывать Филиппины. Существует история о том, что сказал президент Маккинли группе священников, гостивших в Белом доме, о своем решении: «Перед тем, как вы уйдете, я хотел бы сказать несколько слов по поводу всех этих филиппинских дел... Суть заключается в том, что мне Филиппины были не нужны, и, когда они появились как дар богов, я не знал, что с ними делать... Я просил совета у всех – как демократов, так и республиканцев, но они не слишком мне помогли. Я подумал, что сначала мы займем только Манилу, затем Лусон, а потом, возможно, и другие острова.

Я бродил по Белому дому вечер за вечером вплоть до полуночи, и мне не стыдно сказать вам, господа, что я не единожды преклонял колени и молился Всемогущему Господу, чтобы Он просветил и направил меня. И однажды поздним вечером меня озарило вот что, не знаю, как это было, но суть в следующем:

1. Мы не могли возвратить их [острова] Испании, – это было бы трусливо и бесчестно.
2. Мы не могли отдать их Франции или Германии, нашим торговым конкурентам на Востоке, – это было бы невыгодно и позорно.
3. Мы не могли предоставлять их самим себе, поскольку они не были готовы к самоуправлению – вскоре у них началась бы анархия и управление ухудшилось бы по сравнению с тем, что существовало при испанцах.
4. Нам ничего не оставалось, как завладеть всеми этими островами и начать обучать филиппинцев, духовно возвышать и приобщать к цивилизации, а также обращать в христианство: Божьей милостью это было лучшее, что мы могли сделать для них как для наших братьев, ибо Христос умер и ради них тоже. После этого я отправился спать и выспался очень хорошо».

Жители Филиппин не получали послания Божьего с таким же текстом. В феврале 1899 г. они подняли восстание против американского правления, так же как делали это раньше, выступая против испанцев. Лидер филиппинцев Эмилио Агинальдо, которого ранее привезли на американском военном корабле из Китая, чтобы он повел солдат на испанцев, стал теперь вожаком *insurrectos*, сражавшихся против США. Руководитель повстанцев предлагал, чтобы

независимость Филиппин была защищена протекторатом Соединенных Штатов, но это предложение не получило поддержки.

Американцы смогли подавить восстание только три года спустя, используя для этого 70-тысячную армию (это в 4 раза больше, чем при высадке на Кубу) и понеся тысячные боевые потери, многократно превысившие потери на Кубе. Это была жестокая война. Множество филиппинцев погибли в сражениях и от болезней.

Теперь привкус империализма был на губах у политиков и бизнесменов всей страны. Расизм, патернализм и разговоры о деньгах сочетались с рассуждениями о предопределении и цивилизации. Вот что говорил об основных экономических и политических интересах страны Альберт Беверидж, выступая 9 января 1900 г. в сенате:

«Мистер президент! Настало время быть откровенными. Филиппины – наши навсегда... А за Филиппинами лежат безграничные рынки Китая. Оттуда мы тоже не отступим... Мы не откажемся от нашей роли в миссии нашей расы, – божественной хранительницы мировой цивилизации...

Тихий океан – это наш океан... Где мы должны искать потребителей нашей продукции? География дает ответ на этот вопрос. Китай – естественный покупатель наших товаров... Филиппины являются для нас базой, расположенной прямо у дверей всего Востока...

Нигде в Америке нет таких плодородных равнин и долин, как на Лусоне. Там растут рис и кофе, сахарный тростник и кокосы, конопля и табак... Филиппинской древесины достаточно, чтобы делать во всем мире мебель в течение всего наступающего столетия. Самый сведущий на острове Себу человек сказал мне, что 40 миль здешней горной гряды – это сплошные горы угля...

А у меня есть самородок чистого золота, который я в таком виде подобрал на берегу филиппинского ручья... Я лично считаю, что там нет и сотни людей, способных осознать, что собой представляет англосаксонский принцип самоуправления, но проживает более 5 млн. человек, которыми надо управлять.

Звучали обвинения в том, что наши методы ведения войны жестоки. Господа сенаторы, все наоборот... Господам сенаторам следует помнить, что мы имеем дело не с американцами или европейцами. Мы имеем дело с людьми восточными».

Борьба с повстанцами, по словам У. Маккинли, началась после того, как они атаковали американские войска. Но позднее солдаты свидетельствовали, что США сделали первый выстрел. После войны армейский офицер, выступая в бостонском Фэнл-холле, сказал, что полковник отдал ему приказ спровоцировать конфликт с инсургентами.

В феврале 1899 г. в Бостоне прошел банкет в честь ратификации сенатом мирного договора с Испанией. Богатый текстильный фабрикант У. Планкетт пригласил выступить самого президента Маккинли. Это был крупнейший банкет в истории страны: в нем приняли участие 2 тыс. гостей, которых обслуживали 400 официантов. Президент сказал, что «в мыслях американцев нет никаких имперских желаний», и на том же банкете, обращаясь к тем же участникам, генеральный почтмейстер США Чарлз Эмори Смит заявил, что «мы нуждаемся только в рынке сбыта для наших товаров».

Работавший в Гарвардском университете философ Уильям Джеймс написал письмо в бостонскую газету «Транскрипт» о «хладнокровном потоке лицемерия Маккинли на недавнем бостонском банкете» и о том, что считает военную операцию на Филиппинах «попахивающей дьявольской находчивостью большого универсального магазина, который достиг совершенства в искусстве бесшумного убийства и тихой ликвидации соседних мелких фирм».

Уильям Джеймс был среди тех известных американских предпринимателей, политиков и интеллектуалов, которые организовали в 1898 г. Антиимпериалистическую лигу и провели

продолжительную кампанию по разъяснению общественности США ужасов войны на Филиппинах и того зла, которое несет в себе империализм. Это была странная группа людей (к ней, например, принадлежал Эндрю Карнеги), в которую входили выступавшие против рабочего движения аристократы и ученые. Всех их объединяло возмущение аморальностью того, что творилось на Филиппинах под предлогом борьбы за свободу. Как бы эти люди ни отличались друг от друга по взглядам на другие вопросы, все они были бы готовы согласиться с разгневанными словами Уильяма Джеймса: «Будь прокляты США за свое гнусное поведение на Филиппинских островах».

Антиимпериалистическая лига публиковала письма солдат, служивших там. Капитан родом из Канзаса писал: «Предположительно в Калоокане должно было проживать 17 тыс. человек. Двадцатый канзасский [полк] прошел здесь, и теперь в городе нет ни одного живого местного жителя». Рядовой из того же полка сообщал, что «собственными руками поджег свыше 50 домов филиппинцев после победы, одержанной в Калоокане. От этого пожара ожоги получили женщины и дети».

Волонтер из штата Вашингтон писал: «Наш боевой дух был высок, и все мы хотели убивать «ниггеров»...Этот расстрел людей дает сто очков вперед охоте на кроликов».

Тогда было время усиления расизма в США. В 1889–1903 гг. еженедельно толпа линчевала в среднем двух негров – вешала, сжигала и калечила. Филиппинцы имели смуглый цвет кожи и характерную внешность, говорили на незнакомом американцам языке и странно вели себя. К обычной для войны огульной жестокости добавился расистский фактор.

В ноябре 1901 г. корреспондент филадельфийской газеты «Леджер» сообщал из Манилы: «Идущая война не является бескровной буффонадой. Наши люди безжалостны, они уничтожают мужчин, женщин, детей, пленных и захваченных, активных повстанцев и подозреваемых в содействии, начиная с детей десятилетнего возраста. Преобладает идея, что филиппинец как таковой немногим лучше собаки... Наши солдаты накачивали людей соленой водой, чтобы заставить их говорить, брали в плен тех, кто поднимал руки и мирно сдавался, а через час после этого, не имея ни малейших доказательств того, что эти люди имеют отношение к *insurrectos*, ставили их на мосту и расстреливали по одному, сбрасывая в воду, чтобы трупы плыли по течению в назидание тем, кто обнаружит эти изрешеченные пулями тела».

В начале 1901 г. американский генерал, вернувшийся в США из южных районов острова Лусон, сказал: «За последние несколько лет шестая часть жителей острова убита или погибла от лихорадки денге. Число убитых очень велико, но я не думаю, что хоть одна смерть не вызвана легитимными целями войны. Эти меры, которые в других странах могут счесть жестокими, были на самом деле необходимы».

Военный министр И. Рут так ответил на обвинения в жестокости: «Война на Филиппинах осуществляется американской армией со скрупулезным соблюдением правил цивилизованных военных действий... никогда не выходя за рамки самоограничений и гуманности».

В Маниле майор морской пехоты США по имени Литлтаун Уоллер был обвинен в убийстве без суда и следствия на острове Самар одиннадцати беззащитных филиппинцев. Вот как другие офицеры – морские пехотинцы описывали данные обвиняемым показания: «Майор сказал, что генерал Смит проинструктировал его в том духе, чтобы он убивал и сжигал, и заявил, что чем больше людей он убьет и сожжет, тем более он [генерал] будет доволен. Кроме того, майор утверждал, что не было времени брать пленных, а стояла задача превратить Самар в ужасное дикое место. Майор Уоллер попросил генерала Смита назвать возраст, который бы ограничивал убийство людей, и тот ему ответил: «Всех, кто старше десяти лет»».

В провинции Батангас, по подсчетам секретаря провинции, из населения в 300 тыс. человек треть погибла в результате боевых действий, голода или болезней.

Марк Твен так писал о войне на Филиппинах: «...мы умиротворили тысячи местных жителей и похоронили их; мы вытоптали их поля, сожгли их селения, лишив крова вдов и осиротевших детей; мы обрекли на изгнание и тоску по родине сотни неугодных нам патриотов, а остальных десять миллионов филиппинцев поработили при помощи «добровольной ассимиляции» (так теперь лицемеры называют мушкетеры); мы получили в собственность триста наложниц и других рабов нашего компаньона султана Сулу и над всеми этими пиратскими трофеями подняли наш охранительный флаг. Итак, по воле Божьей (это выражение не мое, а правительства) мы стали мировой державой».

Огневая мощь войск США намного превосходила все, что могли противопоставить ей филиппинские повстанцы. В самом первом столкновении адмирал Дж. Дьюи поднялся по реке Пасиг и обстрелял 500-фунтовыми снарядами окопы инсургентов. Горы трупов были так высоки, что американцы использовали их в качестве брустверов. Один англичанин, очевидец событий, сказал: «Это не война, это просто резня и кровавая бойня». Он был не прав – это и была война.

Тот факт, что восставшие держались в течение нескольких лет несмотря ни на что, означает, что у них была поддержка среди населения. Генерал Артур Макатур, командовавший боевыми действиями на Филиппинах, сказал: «...я считал, что силы Агинальдо невелики. Мне не хотелось верить, что все население Лусона – я имею в виду коренное население – противостояло нам». Однако, по словам генерала, он «неохотно был вынужден» поверить этому, поскольку тактика партизанской войны, которую применила филиппинская армия, «зависела от практически полного единства всех местных жителей».

Несмотря на рост числа свидетельств жестокости и на деятельность Антиимпериалистической лиги, некоторые американские профсоюзы поддерживали войну на Филиппинах. Союз печатников заявил, что поддерживает идею аннексии новых территорий, так как создание англоязычных школ в этих районах будет содействовать развитию книгопечатания. В издании профсоюза рабочих стекольной промышленности говорилось о пользе новых земель, жители которых начнут закупать стекло. Железнодорожные братства рассматривали транспортировку американских товаров на эти территории как возможность того, что у железнодорожников станет больше работы. Некоторые профсоюзы повторяли то, о чем говорил большой бизнес, – территориальная экспансия, создающая рынки для товарных излишков, предотвратит повторение экономической депрессии.

С другой стороны, когда газета «Лезэр уоркерс джорнэл» писала, что рост зарплаты в стране решит проблему излишков за счет увеличения покупательной способности населения США, газета «Карпентерс джорнэл» задавалась вопросом: «Намного ли лучше стали жить рабочие в Англии в результате всех ее колониальных захватов?» Газета «Нэшнл лейбор трибюн», печатный орган Союза рабочих железодельной, стальной и оловянной промышленности, соглашалась с тем, что Филиппины богаты природными ресурсами, но при этом добавляла: «То же самое можно сказать и о нашей стране, но, если кто-нибудь спросит вас, владеете ли вы угольной шахтой, сахарной плантацией или железной дорогой, вам придется ответить «нет»... все это находится в руках трестов, которые контролируются немногими».

Когда в начале 1899 г. в Конгрессе шли дебаты по поводу договора об аннексии Филиппин, Центральные рабочие союзы Бостона и Нью-Йорка выступили против его принятия. В Нью-Йорке состоялся массовый митинг противников аннексии. Антиимпериалистическая лига распространила более 1 млн. экземпляров брошюр с изложением всех минусов от захвата Филиппин. (Ф. Фонер отмечает: притом что организаторами и основной силой в Лиге были интеллектуалы и бизнесмены, значительную часть из полумиллиона ее членов составляли

рабочие, в том числе женщины и чернокожие.) Местные отделения этой организации проводили митинги по всей стране. Кампания против одобрения договора была мощной, и, когда сенат его все-таки ратифицировал, сделать это удалось с перевесом в один голос.

Неоднозначное отношение трудящихся к войне (с одной стороны – соблазн экономических преимуществ, а с другой – отрицание капиталистической экспансии и насилия) привело к тому, что рабочее движение не достигло единства, необходимого для ее прекращения или ведения классовой борьбы против системы внутри страны. Отношение чернокожих солдат к войне тоже было неоднозначным: перед ними стояла элементарная задача добиться определенного положения в обществе, где черным нельзя было достичь успеха, а военная служба такую возможность как раз давала. К этому прибавлялась расовая гордость, необходимость продемонстрировать, что черные – такие же мужественные и патриотичные, как все остальные. И тем не менее существовало осознание того, что жестокая война велась против цветного населения и была подобна насилию, которому подвергались черные жители США.

У. Гейтвуд в своей книге «Прокуренные янки и борьба за империю» воспроизводит и анализирует 114 писем в негритянские газеты, написанных чернокожими солдатами в 1898–1902 гг. Письма выявляют все эти противоречивые чувства. Солдаты, чей лагерь размещался в Тампе (Флорида), столкнулись с жестокой расовой ненавистью со стороны местных белых жителей. А после того как они отличились в боях на Кубе, их так и не удостоили офицерских званий; полками чернокожих командовали белые офицеры.

Солдаты-негры в Лейкленде (Флорида) избили, угрожая пистолетами, владельца аптечной лавки, когда тот отказался обслуживать одного из них, а затем во время столкновения с толпой белых застрелили одного из гражданских. В Тампе начались расовые беспорядки, когда пьяные белые солдаты в качестве мишени выбрали негритянского ребенка для демонстрации своей меткости. Чернокожие солдаты отомстили, и в результате, по сообщениям прессы, улицы «стали красными от негритянской крови». Двадцать семь черных солдат и трое белых получили тяжелые ранения. Капеллан негритянского полка, расквартированного в Тампе, писал в редакцию кливлендской «Газеты»: «Чем Америка лучше той же Испании? Разве у нее нет в самом сердце страны подданных, которых ежедневно убивают без суда? Разве в ее границах нет подданных, чьи дети полуголодны и полуодеты, потому что у их отца черный цвет кожи... Однако негры верны флагу своей страны».

Тот же капеллан, Джордж Приоло, рассказывает о чернокожих ветеранах войны на Кубе, которых «неприветливо и с презрением встретили» в Канзас-Сити (Миссури). Он пишет, что «этим черным парням, героям нашей страны, не было позволено стоять у ресторанной стойки, чтобы съесть сэндвич и выпить чашку кофе, тогда как белых солдат приглашают присесть к столу и бесплатно поесть».

Именно ситуация на Филиппинах пробудила во многих черных американцах в США активную оппозицию войне. Один из главных епископов Африканской методистской епископальной церкви – Генри М. Тернер назвал филиппинскую кампанию «нечестивой завоевательной войной», а народ Филиппин – «темнокожими патриотами».

В боевых действиях на Филиппинах участвовали четыре негритянских полка. Многие чернокожие солдаты достигли взаимопонимания с островитянами, и они приходили в ярость, когда белые солдаты употребляли прозвище «ниггер» по отношению к филиппинцам. Гейтвуд пишет, что во время войны на Филиппинах дезертировало «необычайно большое количество» чернокожих солдат. Повстанцы нередко обращались в своих листовках к «цветным американским солдатам», напоминая им о линчеваниях на родине и призывая не служить белым империалистам в войне против другого цветного народа.

Некоторые дезертиры переходили на сторону восставших. Наиболее известна история

Дэвида Фейгана из 24-го пехотного полка. По словам Гейтвуда, «он записался в армию инсургентов и в течение двух лет наводил ужас на американские войска».

Уильям Симмс писал с Филиппин: «Меня потряс вопрос, заданный пробежавшим филиппинским мальчуганом: «Почему американские негры пришли... воевать с нами, когда мы почти их друзья и ничего плохого им не делали? Для меня они такие же, как мы, а мы такие же, как они. Почему вы не сражаетесь с теми людьми в Америке, которые сжигают негров и делают из вас зверей?»

А вот солдатское письмо, датированное 1899 г.: «Наши расовые симпатии естественным образом на стороне филиппинцев. Они как мужчины сражаются за то, что считают лучшим путем для себя. Но ради этих чувств мы не можем отвернуться от своей собственной страны».

Сержант 24-го пехотного полка Патрик Мейсон писал в кливлендской «Газетт», занимавшей твердую позицию против аннексии Филиппин: «Уважаемый сэр [главный редактор]! Мне еще не пришлось участвовать в боевых действиях с момента прибытия сюда и мне безразлично, придется это делать или нет. Мне жаль здешних людей и всех, кто оказывается под контролем Соединенных Штатов. Я не считаю, что с ними поступают справедливо. Первое, что слышишь поутру, – это «ниггер» и последнее что слышишь вечером, тоже «ниггер»...Вы правы в своей точке зрения. Мне не стоит слишком высказывать свое мнение, ведь я солдат».

В июне 1901 г. чернокожий пехотинец по имени Уильям Фулбрайт сообщал редактору одной индианаполисской газеты: «Эта борьба на островах не что иное, как гигантский план разграбления и угнетения».

А дома, пока все еще шла война против филиппинцев, группа негров из Массачусетса обратилась с письмом к президенту Маккинли: «Мы, цветные жители Массачусетса, собрались на массовый митинг... и решили обратиться к Вам с открытым письмом, несмотря на Ваше потрясающее и непостижимое молчание по поводу сути наших бед... Вы видели наши страдания, наблюдая с высоты Вашего положения за нашими ужасными лишениями и несчастьями, и все же Вы не нашли и минуты времени, чтобы по какому-либо поводу выступить в защиту наших интересов...

В едином порыве, с сердцами, переполненными надеждой и страхами, цветные жители Соединенных Штатов обратились к Вам, когда город Уилмингтон (Северная Каролина) в течение двух ужасных дней и ночей находился в лапах кровавой революции; когда негров, не виновных в каком-либо преступлении, кроме цвета своей кожи и желания пользоваться правами американских граждан, убивали на улицах этого злополучного города как собак... за обращение с просьбой оказать помощь федеральных властей, которую Вы не хотели оказать и не оказали...

То же самое случилось и во время вспышки недовольства толпы в Финиксе (Южная Каролина), когда за чернокожими охотились и их убивали, а белых [это были белые радикалы Финикса] расстреливала и изгоняла из города шайка белых дикарей... Напрасно мы ждали от Вас каких-то слов или действий...

Когда же Вы немного позднее отправились в поездку по Югу, мы видели, как хитро Вы потакали южным расовым предрассудкам... Как Вы призывали своих многострадальных чернокожих сограждан к терпению, трудолюбию и сдержанности, а белых граждан – к патриотизму, шовинизму и империализму».

Однако проповедуемые чернокожим «терпение, трудолюбие и сдержанность», а обращенный к белым «патриотизм» не вполне сработали. В первые годы XX в., несмотря на всю демонстрацию силы государством, большое число черных и белых, мужчин и женщин, утратили терпение, сдержанность и чувство патриотизма.

Социалистический вызов

Война и ура-патриотизм могли лишь отстрочить, а не полностью погасить классовый гнев, порожденный реалиями повседневной жизни. В самом начале XX в. это недовольство возродилось вновь. Политические взгляды анархистки и феминистки Эммы Голдман сформировались под влиянием ее работы на фабрике, казней участников событий на площади Хеймаркет, Гомстедской стачки, длительного тюремного заключения ее возлюбленного и товарища по борьбе Александра Беркмана, экономического кризиса 90-х гг. XIX в., забастовочной борьбой в Нью-Йорке и собственного опыта пребывания в тюрьме на острове Блэкуэлле. Вот что она сказала на митинге спустя несколько лет после окончания испано-американской войны: «Как же наши сердца были переполнены возмущением свирепыми испанцами!.. Но когда дым рассеялся, мертвецов похоронили, а военные расходы вернулись к народу в форме увеличения цен на товары и аренду, т. е., когда мы протрезвели после патриотической пирушки, неожиданно нас осенило, что причиной испано-американской войны была цена на сахар... что жизни, кровь и деньги американского народа использовались для защиты интересов американских капиталистов».

Марк Твен не был ни анархистом, ни радикалом. К 1900 г. писателю исполнилось 65 лет, и он являлся всемирно известным автором одновременно забавных и серьезных до мозга костей американских рассказов. Наблюдая за тем, как ведут себя Соединенные Штаты и другие страны Запада по отношению к остальному миру, Марк Твен написал в начале XX в. в нью-йоркской газете «Геральд»: «Я передаю тебе величественную особу, имя которой Христианство, вернувшуюся из своих пиратских налетов на Кяо-Чао, Маньчжурию, Южную Африку и Филиппины испачканной, измаранной, потерявшей честь, с душой, исполненной подлости, с карманами, набитыми добычей, с ханжескими речами на устах».

В начале XX в. писатели выступали в защиту социалистических идей или жестко критиковали капиталистическую систему, и это были не малоизвестные памфлетисты, а наиболее значительные фигуры в литературе США, чьи книги читали миллионы: Эптон Синклер, Джек Лондон, Теодор Драйзер, Фрэнк Норрис.

Роман Э. Синклера «Джунгли», вышедший в 1906 г., привлек внимание к условиям работы на чикагских скотобойнях, шокировав всю страну, и способствовал выдвижению требований принятия законов, которые регулировали бы мясную промышленность. Рассказывая о рабочем-иммигранте Юргисе Рудкусе, автор пишет о социализме, о том, какой прекрасной могла бы быть жизнь, если бы люди совместно владели имуществом и работали, делясь друг с другом богатствами земли. Сначала «Джунгли» были напечатаны в газете социалистов «Эпил ту ризон»; затем миллионы людей прочитали роман, вышедший отдельной книгой и переведенный на 17 языков.

Одним из факторов, повлиявших на философию Синклера, являлась книга Джека Лондона «Люди бездны». Дж. Лондон был членом Социалистической партии Америки (СПА). Он вырос в трущобах Сан-Франциско, был внебрачным ребенком. Будущий писатель работал разносчиком газет, трудился на консервной фабрике, был моряком и рыбаком, работал на джутовой фабрике и в прачечной, приехал по железной дороге на Восточное побережье США. На улицах Нью-Йорка Лондона избил дубинкой полицейский, в городе Ниагара-Фолс его арестовывали за бродяжничество. Он видел, как людей избивают и пытают в тюрьме. В заливе Сан-Франциско Лондон занимался браконьерским промыслом устриц. Он читал книги Г. Флобера, Л. Н. Толстого, Г. Мелвилла, а также «Манифест Коммунистической партии», проповедовал социалистические идеи в лагерях золотоискателей на Аляске зимой 1896 г.,

прошел на корабле 2 тыс. миль по Берингову морю. Дж. Лондон стал всемирно известным писателем – автором приключенческих книг. В 1906 г. он написал роман «Железная пята», предупреждающий о возможности появления фашизма в Америке и содержащий идеальные представления автора о социалистическом братстве людей. В этом романе устами героев писатель бросает обвинения системе.

«Убедившись, что современный человек живет хуже своего пещерного предка, хотя его производительность труда возросла тысячекратно, мы с неизбежностью приходим к выводу, что капитализм обанкротился... преступные, хищнические методы хозяйничанья ввергли человечество в нищету»¹³⁴.

Продолжая свое обвинение, Дж. Лондон подводит читателя к такому видению будущего: «Предлагаю не разрушать эти великолепные машины, работающие и хорошо, и дешево. Давайте возьмем их себе. Пусть они радуют нас своей производительностью и дешевизной. Будем сами управлять ими... Это, господа, и есть социализм».¹³⁵

Это было время, когда даже такой литератор, как живший в добровольной ссылке в Европе и не склонный к политическим заявлениям романист Генри Джеймс, путешествовавший по Соединенным Штатам в 1904 г., увидел страну как «огромный сад Раппачини»¹³⁶, переполненный всеми разновидностями ядовитых кустов страсти по деньгам.

«Макрейкеры» («разгребатели грязи») внесли свой вклад в атмосферу инакомыслия, просто рассказывая о том, что видели. По иронии судьбы во имя извлечения прибыли некоторые новые массовые журналы печатали их статьи (например, разоблачения деятельности «Стэндард ойл», принадлежавшие перу Айды Тарбелл, или очерки Линкольна Стеффенса о коррупции в крупных городах США).

К началу XX в. ни патриотизм времен войны, ни отвлечение энергии на проведение выборов не могли скрыть проблем, охвативших систему. Процесс концентрации бизнеса в руках немногих продолжился, стал более очевиден контроль со стороны банкиров. По мере развития технологий и укрупнения корпораций им требовалось все больше капитала, находившегося в руках именно банкиров. К 1904 г. свыше 1 тыс. линий железных дорог оказались консолидированы в шесть крупных объединений, каждое из которых было связано либо с Дж. П. Морганом, либо с Рокфеллерами. Вот что об этом пишут Т. Кохрэн и У. Миллер: «Имперским лидером новой олигархии был «Дом Моргана». В сделках ему ловко содействовали «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» (директор Джордж Ф. Бейкер) и «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» (президент Джеймс Стилмен, представлявший интересы Рокфеллеров). Эти три человека и их финансовые партнеры поделили между собой 341 директорскую должность в 112 огромных корпорациях. Общий объем ресурсов этих корпораций в 1912 г. составлял 22,245 млрд. долл., т. е. больше, чем оценочная стоимость всей собственности в 22 штатах и территориях к западу от реки Миссисипи».

Дж. П. Морган всегда стремился к порядку, стабильности и предсказуемости. Один из его партнеров по бизнесу сказал в 1901 г.: «Теперь, когда такой человек, как мистер Морган, возглавляет громадную промышленность в противовес старой схеме вовлечения в нее групп лиц с самыми разными интересами, производство обретает большую упорядоченность,

¹³⁴ Лондон Дж. Собрание сочинений: в 14 т. / пер. с англ. М., 1961. Т. 6. С. 155.

¹³⁵ Лондон Дж. Собрание сочинений: в 14 т. / пер. с англ. М., 1961. Т. 6. С. 186.

¹³⁶ Аллюзия на рассказ Натаниэла Готорна «Дочь Раппачини» (1846), герой которого, ученый, чтобы изучить воздействие ядов, испытывает их на своей дочери.

трудящиеся получают больше гарантий стабильной занятости при более высокой зарплате, а паники, вызванные перепроизводством, уходят в прошлое».

Но даже Морган и его партнеры оказались не в состоянии полностью контролировать сложившуюся систему. В 1907 г. опять произошла паника и финансовый крах, за которыми последовал кризис. И хотя в действительности самые крупные предприниматели не пострадали, однако уровень прибылей после 1907 г. оказался не таким высоким, каким его хотели видеть капиталисты; индустрия развивалась не столь быстро, как могла бы, и промышленники начали искать способы сокращения издержек.

Одним из таких способов стал тейлоризм. Фредерику. Тейлор работал мастером в сталелитейной компании, детально изучая каждую заводскую операцию. В результате он разработал систему четко определенного разделения труда, повысил уровень механизации, ввел систему отдельной оплаты за каждый вид работ с целью увеличения производительности и роста прибылей. В 1911 г. Тейлор опубликовал книгу о «научных методах управления», которая оказала огромное влияние на мир бизнеса. Теперь управляющие могли полностью контролировать трудовую энергию заводского работника и его рабочее время. Как написал в своей работе «Труд и монополистический капитал» Г. Браверман, целью тейлоризма было сделать рабочих взаимозаменяемыми, способными выполнять простые задания, как того требовала новая система разделения труда. Люди превращались в подобие запчастей, лишенных индивидуальности и человеческих качеств, которые можно было покупать и продавать, как товар.

Данная система хорошо подходила для новой автомобильной промышленности. В 1909 г. Генри Форд продал 10 607 автомобилей, в 1913 г. – 168 тыс., а 1914 г. – 248 тыс. (т. е. 45 % всех произведенных в стране автомобилей). Его прибыль достигла 30 млн. долларов.

Притом что иммигранты составляли большую часть рабочей силы (так, например, в 1907 г. на заводах Э. Карнеги в графстве Аллегейни из 14 359 рабочих 11 694 человека являлись уроженцами стран Восточной Европы), тейлоризм с его упрощенными, не требовавшими квалификации видами деятельности становился более пригодным методом, нежели другие.

В Нью-Йорке вновь прибывшие иммигранты работали в условиях потогонной системы. В январе 1907 г. поэт Эдвин Маркэм писал в журнале «Космополитен»: «В непроветриваемых помещениях матери и отцы шили днем и ночью. Те, кто работал на дому, получали меньше, чем те, кто трудился в потогонных цехах фабрик... А дети должны, как на каторге, вместо игр работать наряду со старшими...

В течение всего года в Нью-Йорке и других городах вы можете наблюдать детей, входящих и выходящих из таких жалких домов. Практически в любое время их можно видеть в нью-йоркском Ист-Сайде – бледных мальчиков или худых девочек, – с унылыми лицами, согнувшихся под тяжелым грузом одежды, который они тащили на плечах и на голове, и все их мускулы были напряжены...

Разве не является жестокой цивилизация, позволяющая маленьким сердцам и маленьким плечикам надрываться от таких взрослых обязанностей, тогда как в этом же самом городе жалкая собачонка в мягких руках изящной леди, прогуливающейся по прекрасным бульварам, чувствует себя гораздо лучше?»

Город становился полем битвы. Десятого августа 1905 г. нью-йоркская «Трибюн» писала, что в ходе забастовки в пекарне Федермана в Нижнем Ист-Сайде произошла эскалация насилия, когда владелец привлек штрейкбрехеров, стремясь продолжить производство продукции: «Прошлым вечером в обстановке всеобщего ликования бастующие или их сторонники разгромили пекарню Филипа Федермана по адресу Орчард-стрит, № 183. Полицейские направо и налево размахивали своими дубинками, после того как толпа грубо

обошлась с двумя их товарищами».

В Нью-Йорке было 500 швейных фабрик. Вот что одна женщина вспоминала об условиях работы: «...лестницы были сломаны и опасны... окон совсем немного, и они были такие грязные... Деревянные полы протирали раз в год... Освещения практически не было, кроме горевших круглые сутки газовых горелок... в темном коридоре находилась грязная, зловонная уборная. Не было свежей питьевой воды... Повсюду мыши и тараканы... В зимние месяцы... мы так страдали от холода, летом же мы мучились от жары...

Находясь в этих дырах – рассадниках болезней, мы, дети, работали рядом с мужчинами и женщинами по 70–80 часов в неделю! В том числе по субботам и воскресениям!..В субботу днем появлялось объявление: «Если вы не придете работать в воскресенье, можете не приходить на работу и в понедельник»...Детские мечты о дне отдыха не сбывались. Мы плакали, потому что были всего лишь детьми».

Зимой 1909 г. фабричные работницы «Трайенгл шертуэйст компани» организовались и решили провести забастовку. Вскоре их пикет стоял на холоде; они осознали, что не смогут одержать победу, пока работают другие фабрики. Был созван массовый митинг работниц этих предприятий, на котором выступила красноречивый оратор Клара Лемлих, еще подросток, со следами недавних ударов, полученных во время стояния в пикете. Она сказала: «Предлагаю принять резолюцию о немедленном объявлении всеобщей забастовки!» Митинг буквально взорвался, его участники проголосовали за стачку.

Одна из участниц этих событий, Полин Ньюмен, годы спустя вспоминала о начале всеобщей забастовки: «Со всех сторон шли тысячи и тысячи людей, покидая фабрики и собираясь на Юнион-сквер. Дело происходило в ноябре, не за горами была холодная погода. У нас не было меховой одежды, чтобы согреться, но решимость вела нас вперед, пока мы не добрались до какого-то зала... Я видела молодежь, в основном женщин, которые шли, не думая о том, что с ними может случиться... не думая о голоде, холоде, одиночестве... В этот день их волновало только то, что это был их день».

Профсоюз надеялся, что к стачке присоединятся 3 тыс. человек. В действительности их оказалось 20 тысяч. Каждый день 1 тыс. новых членов вступали в Межнациональный союз портных дамской одежды, в котором до этого было очень мало женщин. Цветные работницы принимали активное участие в забастовке, которая продолжалась всю зиму, несмотря на действия полиции и штрейкбрехеров, а также аресты и тюрьмы. Более чем в 300 мастерских рабочим удалось добиться выполнения своих требований. Женщины теперь становились профсоюзными лидерами. Обратимся вновь к воспоминаниям Полин Ньюмен: «Мы старались заниматься самообразованием. Я приглашала девушек к себе домой, и мы по очереди читали стихи на английском, чтобы усовершенствовать свои познания в языке. Среди наших любимых произведений были «Песнь рубашки» Томаса Худа и... «Маскарад анархии» Перси Биши Шелли.

Восстаньте от сна, как львы,
Вас столько ж, как стеблей травы,
Развейте чары темных снов,
Стряхните гнет своих оков,
Вас много – скуден счет врагов!¹³⁷»

¹³⁷ Шелли П. Б... Собр. соч. / пер. К. Д. Бальмонта: в 3 т. СПб., 1907. Т. 3. С. 8–9.

Условия работы на фабриках сильно не изменились. Во второй половине дня 25 марта 1911 г. пожар на предприятии «Трайенгл шертуэйст компании, начавшийся на складе, где хранилась ветошь, быстро распространился по восьмому, девятому и десятому этажам – на высоте, недоступной для пожарных лестниц. Начальник пожарной охраны Нью-Йорка сказал, что лестницы могут достать только до седьмого этажа. Однако из 500 тыс. нью-йоркских рабочих около половины трудились целыми днями, предположительно по 12 часов, в зданиях на этажах выше седьмого. По закону ворота фабрики должны были открываться наружу. Но ворота предприятия «Трайенгл шертуэйст компани» открывались внутрь. Кроме того, в рабочее время нельзя было запираить ворота, однако на указанной фабрике они были обычно закрыты, чтобы компания могла контролировать перемещения работников. Поэтому, оказавшись в капкане, молодые женщины заживо сгорали прямо у рабочих столов или в давке возле запертой двери или прыгали и разбивались насмерть в шахтах лифтов. Нью-Йоркская газета «Уорлд» сообщала: «...мужчины и женщины, мальчики и девочки с криками толпились у оконных выступов и прыгали на улицу, которая была далеко внизу. Они выбрасывались прямо в горящей одежде. У некоторых девушек загорались волосы, и они прыгали. Один за другим раздавался глухой звук ударов о мостовую. Как ни ужасно, но по сторонам здания, выходившим на Грин-стрит и Вашингтон-плейс, росли горы трупов и тел умирающих людей... Из окон соседних зданий наблюдатели неоднократно видели несчастных, проявлявших друг к другу товарищескую поддержку перед смертью – девушек, бравшихся за руки».

Когда все было кончено, выяснилось, что 146 работников «Трайенгл шертуэйст компани», в основном женщины, сгорели или были задавлены. В траурной процессии на Бродвее приняли участие 100 тыс. человек.

Случались и другие пожары, несчастные случаи и вспышки болезней. В 1904 г. в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве погибли 27 тыс. рабочих. В течение одного года только на нью-йоркских фабриках произошло 50 тыс. аварий. Шляпники получали респираторные заболевания, каменотесы вдыхали смертельно опасные вещества, работники типографий, печатавшие литографии, отравлялись мышьяком. В 1912 г. в докладе комиссии штата Нью-Йорк по обследованию предприятий говорилось: «Сэди – умная, приятная и чистоплотная девушка, которая трудится с тех пор, как получила разрешение на работу на швейных фабриках... В своей работе она привыкла к использованию белого порошка (обычно это мел или тальк), которым посыпают перфорации для переноса рисунка на ткань. Присыпанный меловым порошком или тальком рисунок легко стирался... Поэтому ее последний работодатель решил применить смесь порошка свинцовых белил с канифолью, которую нельзя было так просто оттереть, что снимало необходимость ее повторного нанесения. Никто из работниц не знал ни о смене порошка, ни об опасности его использования... Сэди всегда была очень крепкой и здоровой девушкой с хорошим аппетитом и цветом лица; но теперь она не могла есть... Ее ноги и руки опухли, одна рука перестала действовать, зубы и десны посинели. Когда в конце концов ей пришлось прекратить работу, после нескольких месяцев лечения от желудочного заболевания врач порекомендовал ей лечь в больницу. Проведенное там обследование показало, что она отравлена свинцом».

Согласно докладу Комиссии по отношениям в промышленности, в 1914 г. жертвами несчастных случаев на производстве стали 35 тыс. рабочих, а 700 тыс. человек получили различные травмы. В том году доходы 44 семейств, получавших по 1 млн. долл. и более, равнялись общей сумме доходов 100 тыс. семей, зарабатывавших по 500 долл. в год. Сохранилась запись беседы между членом Комиссии по отношениям в промышленности Харрисом Уайнстоком и Джоном Осгудом, президентом угледобывающей компании из штата Колорадо, которую контролировало семейство Рокфеллер:

УАЙНСТОК: Если рабочий погибает, получают ли его иждивенцы какую-либо компенсацию?

ОСГУД: Необязательно. В некоторых случаях – да, в некоторых – нет.

УАЙНСТОК: Если он искалечен на всю жизнь, положена ли ему компенсация?

ОСГУД: Нет, сэр, никакой...

УАЙНСТОК: Получается, что вся тяжесть ложится целиком на их [рабочих] плечи.

ОСГУД: Да, сэр.

УАЙНСТОК: А промышленность не несет никаких расходов?

ОСГУД: Верно, промышленность не несет никаких расходов.

Все большее число трудящихся вовлекались в профсоюзную деятельность. В первые годы XX в. рабочие союзы насчитывали 2 млн. членов (т. е. каждый четырнадцатый рабочий), из них 80 % состояли в Американской федерации труда, этой организации для избранных: практически все ее члены были белыми мужчинами, почти все – квалифицированными рабочими. Хотя количество женщин-работниц в целом продолжало расти – их число удвоилось с 4 млн. в 1890 г. до 8 млн. в 1910 г., и они составляли пятую часть всей рабочей силы в стране, – только каждая сотая труженица состояла в профсоюзе.

В 1910 г. чернокожий рабочий получал в среднем треть заработка белого рабочего. Хотя руководитель АФТ С. Гомперс и выступал с утверждениями о том, что верит в равные возможности, негров не принимали в большинство профсоюзов, входивших в Федерацию. Гомперс продолжал говорить, что не хочет вмешиваться во «внутренние дела» Юга: «Я считаю, что расовая проблема – это проблема, с которой вам, южанам, предстоит разобраться, причем без вмешательства назойливых посредников со стороны».

В реальной борьбе рядовые рабочие время от времени преодолевали эти барьеры. Ф. Фонер приводит воспоминания Мэри Макдауэлл¹³⁸ о том, как формировался женский профсоюз на чикагских скотобойнях: «Драматические события того вечера начались, когда в дверь позвонила ирландская девушка и спросила: «Наша цветная сестра просит принять ее. Что мне с ней делать?» Ответ дала другая молодая ирландка, сидевшая на стуле: «Прими ее, конечно, и все вместе от всей души поприветствуйте ее!»»

В 1907 г. в Новом Орлеане всеобщая забастовка на пристанях охватила 10 тыс. рабочих (докеров, возниц, грузчиков) – черных и белых – и продолжалась 20 дней. Лидер негритянских докеров Э. С. Суон сказал: «За мой тридцатидевятилетний опыт работы на пристани белые и негры еще никогда не были так прочно объединены общими проблемами, никогда ранее я не видел такой солидарности. Во всех предыдущих забастовках негра использовали против белого, но теперь это осталось в прошлом, и обе расы совместно отстаивают общие интересы.»

Это были исключения из правила. В целом чернокожих держали подальше от профсоюзного движения. В 1913 г. У. Дюбуа писал: «Конечная цель всего этого – убедить американского негра в том, что его главный враг – не работодатель, который его грабит, а работающий вместе с ним белый».

АФТ относилась к расизму прагматично. Исключение женщин и иностранцев также носило прагматичный характер. В основном это были неквалифицированные работники, а Федерация, состоявшая почти полностью из квалифицированных рабочих, основывалась на философии «делового юнионизма» (каждого руководителя профсоюза в составе АФТ называли даже «деловым представителем»). Эта организация пыталась совместить производственную

¹³⁸ Мэри Э. Макдауэлл (1854–1936) – чикагская профсоюзная активистка, суфражистка, первый президент Женской лиги профсоюзов штата Иллинойс. Была известна под прозвищем Ангел скотобоен.

монополию работодателя с монополией на рабочую силу, установленной профсоюзом. В этом смысле она добивалась улучшения условий для некоторых категорий трудящихся, а большинство рабочих оставляла за воротами.

Чиновники АФТ получали большое жалование, были на дружеской ноге с работодателями, даже допускались в светское общество. Вот что говорилось летом 1910 г. в одном газетном репортаже из модного приморского курорта Атлантик-Сити (Нью-Джерси): «Сегодня утром, играя на пляже в бейсбол в купальных костюмах с президентом Сэмом Гомперсом, секретарем Фрэнком Моррисоном и другими лидерами АФТ, бывший руководитель Объединенного союза горняков Джон Митчелл потерял кольцо с бриллиантом стоимостью 1 тыс. долл., подаренное ему поклонниками после урегулирования большой забастовки угольщиков в Пенсильвании. Ветеран службы спасения капитан Джордж Бёрк нашел кольцо, после чего Митчелл извлек 100-долларовую купюру из пачки денег, которая лежала у него в кармане, и вручил ее капитану в качестве вознаграждения за находку».

Хорошо оплачиваемые лидеры АФТ были защищены от критики как строго контролируемые митингами, так и «командами головорезов» – наемной охраной, первоначально использовавшейся против штрейкбрехеров, но через некоторое время начавшей унижать и избивать оппонентов внутри профсоюза.

В этой ситуации – в ужасных условиях труда, кроме тех предприятий, где существовали профсоюзы, – трудящиеся, стремившиеся к радикальным переменам и видевшие корни нищеты в капиталистической системе, проявили заинтересованность в создании рабочего союза нового типа. Июньским утром 1905 г. в одном из залов Чикаго собрался съезд, объединивший 200 социалистов, анархистов и радикальных профсоюзных деятелей со всей страны. Они учредили профсоюз, получивший название «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Лидер Западной федерации горняков – Большой Билл Хейвуд вспоминал в автобиографии, что для открытия съезда поднял лежавшую на трибуне доску и использовал ее как молоток председательствующего: «Товарищи рабочие... Мы собрались на континентальный конгресс рабочего класса. Мы собрались для того, чтобы вовлечь рабочих нашей страны в общее рабочее движение, которое имеет целью освобождение рабочего класса от рабского подчинения капитализму... Цели и стремления этой организации заключаются в том, чтобы передать рабочему классу экономическую власть и средства к существованию, контроль над производством и распределением, не считаясь с владельцами-капиталистами».

Вместе с Хейвудом на трибуне находились лидер Соцпартии Юджин Дебс и Мамаша Мэри Джонс, 75-летняя седовласая женщина, стоявшая у истоков Объединенного союза горняков Америки. На съезде был принят устав организации, в преамбуле которого говорилось: «У рабочего класса и класса работодателей нет ничего общего. Не может быть мира, пока голод и нужда преследуют миллионы трудящихся, а горстка тех, кто представляет класс работодателей, получают все блага жизни. Борьба между этими двумя классами должна продолжаться до тех пор, пока трудящиеся все вместе не выйдут на поле битвы в политике и промышленности, пока при помощи экономической организации рабочего класса, не связанной с какой-либо политической партией, они не возьмут и не удержат в руках то, что производят своим трудом».

В одной из брошюр ИРМ разъяснялось, почему эта организация была не согласна с идеями АФТ о цеховых профсоюзах: «В справочнике союзов Чикаго за 1903 г. указано 56 различных организаций, существовавших только на мясоперерабатывающих предприятиях, которые разделены еще на 14 общенациональных профсоюзов, входящих в Американскую федерацию труда. Что за ужасный пример раздробленной армии на фоне очень сплоченных рядов работодателей».

ИРМ (или «уобблиз», как стали называть членов организации по не вполне понятным причинам¹³⁹) стремилась объединить всех рабочих любой отрасли в «Единый большой союз», не разделенный по признаку пола, расы или квалификации. Организация выступала против заключения договоров с работодателями, поскольку довольно часто это мешало рабочим устраивать самостоятельные стачки или забастовки солидарности с другими трудящимися, что превращало членов профсоюзов в фактических штрейкбрехеров. По мнению «уобблиз», переговоры профсоюзных лидеров о таких договорах подменяли непрерывную борьбу простых рабочих.

Они говорили о «прямом действии» следующее: «Прямое действие означает действие индустриальных рабочих, осуществляемое ими самостоятельно, ради своих целей, без какой-либо вероломной помощи со стороны профсоюзных псевдолидеров или политиков-махинаторов. Забастовка, которая инициирована, контролируется и регулируется непосредственно рабочими, есть прямое действие... Прямое действие является индустриальной демократией».

В одной брошюре ИРМ говорилось: «Стоит ли мне объяснять вам, что означает прямое действие? Труженик на своем рабочем месте должен сказать хозяину, когда и где он будет работать, как долго, за какое жалованье и на каких условиях».

Члены ИРМ были мужественными бойцами. Однако, несмотря на репутацию, созданную им прессой, они не являлись сторонниками того, чтобы первыми применять насилие, но отвечали ударом на удар. В 1909 г. в местечке Маккис-Рокс (Пенсильвания) они возглавили забастовку 6 тыс. рабочих против филиала «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», бросили вызов полиции штата и вступили с ней в бой. Ирмовцы пообещали за каждого убитого рабочего убивать по одному полицейскому (в одной из стычек с применением огнестрельного оружия погибли четверо бастующих и три блюстителя порядка); им удалось сохранять пикеты на фабриках, до тех пор пока забастовка не достигла своих целей.

ИРМ смотрела на забастовки шире: «Забастовки являются эпизодами классовой войны; это проверки на прочность, периодические тренировки, в ходе которых рабочие обучаются слаженным действиям. Такая тренировка чрезвычайно важна для подготовки масс к финальной «катастрофе» – всеобщей стачке, которая довершит дело экспроприации [имущества] работодателей».

В то время в Испании, Италии и во Франции большую популярность завоевала идея анархо-синдикализма: рабочие берут власть не путем захвата государственной машины в ходе вооруженного восстания, а благодаря прекращению функционирования экономической системы в результате всеобщей забастовки. Завоеванная таким образом власть будет использована во благо всех. Один из членов ИРМ – Джозеф Эттор говорил: «Если рабочие всего мира хотят одержать победу, все, что от них требуется, – это осознать необходимость солидарности друг с другом. Им ничего не надо делать – только бездействовать, и весь мир остановится. Рабочие сильнее всей собственности капиталистов тогда, когда держат руки в карманах».

Это была идея огромной силы. За десять бурных лет, прошедших с момента своего возникновения, ИРМ стала представлять собой угрозу капиталистическому классу, и это как раз в то время, когда капитализм стремительно развивался, а прибыли становились огромными. В организации никогда не состояло более 5–10 тыс. членов одновременно; люди вступали в ее

¹³⁹ По одной из версий, от wobble (англ.), означающего разновидность циркулярной пилы, использовавшейся лесорубами Запада, многие из которых были членами ИРМ.

ряды, но могли и прекратить сотрудничество. Возможно, через ИРМ прошло до 100 тыс. человек. Однако их энергичность, напор, то вдохновение, которое они передавали другим, а также способность быстро собрать вместе тысячи людей сделали ИРМ той силой, которая оказывала влияние на ситуацию в стране, значительно превосходившее по масштабам численность самой организации. Ирмовцы ездили повсюду (среди них было немало безработных или рабочих-мигрантов), выступали как организаторы, писали, произносили речи, пели песни, распространяя свои идеи и вселяя свой дух.

Членов ИРМ атаковали всеми видами оружия, которыми располагала система: при помощи газет, судебных разбирательств, полиции, армии, насилия со стороны толпы. Местные власти принимали законы, запрещающие ирмовцам выступать на митингах, но ИРМ это игнорировала. В городе Мизула (Монтана), в районе шахт и лесозаготовок, после того как несколькими «уобблиз» запретили выступать, еще сотни их соратников прибыли на место в товарном вагоне. Ирмовцев арестовывали одного за другим, пока не переполнились тюрьмы и суды, и в конце концов городские власти были вынуждены отказаться от постановления, которым запрещались выступления членов организации.

В 1909 г. в городе Спокан (Вашингтон) было решено запретить уличные митинги, а агитатора из ИРМ, настаивавшего на своем праве на свободу слова, арестовали. Тысячи «уобблиз» прошли маршем в центр города, чтобы собраться на митинг. Один за другим ирмовцы ораторствовали и подвергались аресту, пока в тюрьме не оказалось 600 человек. Условия их содержания были жестокими, несколько человек скончались в камерах, но ИРМ добилась права на выступления.

В 1911 г. в городе Фресно (Калифорния) также произошла стычка из-за права на свободу слова. Газета из Сан-Франциско «Колл» в своем комментарии отмечала: «Это одна из тех странных ситуаций, которые возникают неожиданно и которые сложно понять. Несколько тысяч людей, чье занятие состоит в том, чтобы трудиться, бродяжничают и воруют, проходят через испытания и сталкиваются с опасностями, чтобы попасть в тюрьму».

В тюрьме ирмовцы пели, громко разговаривали, через решетки произносили речи перед собравшимися у тюремных стен. Вот что пишет об этом Дж. Корнблю в сборнике документов ИРМ «Мятежные голоса»: «Сменяя друг друга, они выступали с лекциями о классовой борьбе и пели песни «уобблиз». Когда они отказались прекратить это, тюремный надзиратель послал за пожарными машинами и велел поливать заключенных в полную силу из брандспойтов. Мужчины использовали свои матрасы в качестве щитов, и их удалось усмирить только после того, как в камерах стало по колено ледяной воды.

Когда муниципальные чиновники узнали о том, что в город собираются прибыть еще тысячи людей, они сняли запрет на уличные митинги и небольшими группами освободили арестованных».

В том же году в городе Абердин (Вашингтон) были также приняты законы, ограничивавшие свободу слова, проходили аресты, участников акций бросали в тюрьму, но неожиданно ирмовцы победили. Один из арестованных, плотник и подсобный рабочий на ферме по прозвищу Коротышка Пейн, по совместительству редактор газеты ИРМ, так описывал происходившее с ним: «Вот они, эти 18 мужчин в расцвете сил, большинство из которых преодолели немалое расстояние сквозь снег, пробивая свой путь через враждебно настроенные поселки, идя без гроша в кармане и голодая по дороге туда, где заключение в тюрьму стало самым мягким приемом, который можно было ожидать, и где многих загнали в болота и избili до полусмерти... Однако вот эти люди, по-мальчишески смеющиеся над трагическими вещами, которые для них всего лишь шутка...

Но какой мотив стоял за действиями этих мужчин?...Почему они оказались здесь? Не

является ли призыв к Братству людей сильнее любого страха или неудобства, несмотря на предпринимавшиеся в течение шести тысячелетий усилия хозяев жизни, которые были направлены на искоренение этого призыва из наших умов?»

В Сан-Диего члена ИРМ Джека Уайта, арестованного в ходе борьбы за свободу слова в 1912 г. и приговоренного к шести месяцам заключения в тюрьме графства, которые он провел, питаясь хлебом и водой, спросили, имеет ли он что-либо сказать суду. Стенографистка записала его слова: «Обвинитель в своем обращении к присяжным обвинил меня в том, что, выступая с трибуны на митинге общественности, я сказал: «К черту суды, мы сами знаем, что такое правосудие».

Солгав, он поведал великую правду, ибо он искал в самых потаенных уголках моего разума ту мысль, которую я ранее никогда не высказывал, но выскажу теперь: «К черту ваши суды, я сам знаю, что такое правосудие», поскольку я день за днем сидел в вашем зале суда и видел, как представители моего класса проходят через это так называемое правосудие. Я видел, как вы, судья Слоун, и другие люди вроде вас отправляли их за решетку, поскольку они посмели покуситься на священные права собственности. Вы стали глухи и слепы к правам человека на жизнь и стремление к счастью и уничтожили эти права, чтобы сохранить священное имущественное право. А теперь вы мне говорите, чтобы я уважал закон. Не стану я этого делать. Я нарушил закон и буду нарушать все ваши законы и все равно говорить вам «К черту суды...»

Прокурор солгал, но я принимаю его ложь как правду и еще раз заявляю вам, судья Слоун, чтобы вы не заблуждались по поводу моего отношения к этому: «К черту ваши суды, я сам знаю, что такое правосудие».

Случались и избиения, обмазывание дегтем и вываливание в перьях, поражения. Один из ирмовцев – Джон Стоун рассказывал о том, как в полночь его вместе с другим товарищем по ИРМ выпустили из тюрьмы в Сан-Диего и силой затолкнули в автомобиль:

«Нас вывезли примерно за 20 миль от города, где машина остановилась... человек, сидевший сзади, несколько раз ударил меня дубинкой по голове и по плечам; затем другой человек ударил меня кулаком в челюсть. Потом сидевшие сзади люди схватили меня и ударили в живот.

После этого я побежал и услышал, как рядом со мной просвистела пуля. Я остановился... Утром я проверил состояние Джо Марко и обнаружил, что ему сзади проломили череп».

В 1916 г. в городе Эверетт (Вашингтон) отряд из 200 вооруженных «виджиланте»¹⁴⁰, собранных по призыву местного шерифа, обстрелял катер с членами ИРМ – пятеро «уобблиз» были убиты, еще 31 человек получил ранения. В следующем году, когда Соединенные Штаты вступили в Первую мировую войну, «виджиланте» в Монтане захватили агитатора ИРМ Фрэнка Литтла, пытали его и повесили, оставив тело висеть на железнодорожной эстакаде.

Ирмовец Джо Хилл написал десятки едких, забавных, полных классового самосознания, вдохновляющих песен, тексты которых печатались в публикациях ИРМ и вышли отдельной книгой «Маленький красный песенник». Его песня «Проповедник и раб» («Поп и раб») была посвящена излюбленной мишени ИРМ – церкви:

Проповедник, заросший как медведь,
Приходит по вечерам, –

¹⁴⁰ «Виджиланте» – члены добровольных комитетов бдительности, нередко бравших на себя полномочия законной власти, в том числе правосудия, в западных районах страны до ее официального установления.

Как надо жить,
 Как не надо жить,
 Он рассказывает нам.
 Но если спросить его об еде,

О том,
 Чего хочет рот, –
 Он свистнет жаворонком в ответ,
 Он зябликом запоем.

Припев:
 Вы будете есть,
 Вы будете есть,
 Когда придет конец,
 На небе,
 Среди звездных птиц
 И солнечных овец...
 Вкушайте сено,
 Бейтесь лбом,
 Молитесь каждый час, –
 И рая сладкие врата
 Откроются для вас!¹⁴¹

Песня Джо Хилла «Мятежница Девушка» написана под впечатлением от забастовки работниц на текстильных фабриках Лоренса (Массачусетс), и особенно от лидера ИРМ, руководившего этой забастовкой, – Элизабет Гэрли Флинн¹⁴²:

Много женщин вам мог бы назвать я,
 Им неведом пред бедностью страх,
 Они носят роскошные платья
 И живут в королевских дворцах,
 С голубою есть кровью принцессы,
 В жемчугах и камнях дорогих,
 Но Мятежница Девушка наша
 Благородней их¹⁴³.

В ноябре 1915 г. Джо Хилла обвинили в убийстве бакалейщика во время ограбления магазина в городе Солт-Лейк-Сити (Юта). Прямых доказательств того, что он совершил это

¹⁴¹ Цит. по: Багрицкий Э. Г. Собрание сочинений: в 2 т. М.–Л., 1938. Т. 1. С. 204–205.

¹⁴² Элизабет Гэрли Флинн (1890–1964) – активистка рабочего движения, пропагандистка, организатор забастовок. С 1937 г. член Коммунистической партии США, в 1938 г. избрана членом ее Национального комитета. В 1955–1957 гг. отбывала тюремное наказание по обвинению в подрывной деятельности. В 1961 г. стала первой женщиной – председателем Национального комитета Компартии.

¹⁴³ Песни Джо Хилла / пер. с англ. Мих. Зенкевича. М., 1966. С. 89.

преступление, в суд представлено не было, но имелось достаточное количество косвенных улик, чтобы присяжные признали его виновным. Это дело получило всемирную известность. Губернатору было направлено 10 тыс. писем протеста, но вход в тюрьму охраняли при помощи пулеметов, и Джо Хилла расстреляли. Перед смертью он писал Биллу Хейвуду: «Не тратьте время на траур. Организуйтесь».

В 1912 г. ИРМ была в эпицентре драматических событий в Лоренсе, где «Америкэн вулен компани» принадлежали четыре фабрики. Основу рабочей силы составляли иммигрантские семьи (португальцы, франкоканадцы, англичане, ирландцы, русские, итальянцы, сирийцы, немцы, поляки, бельгийцы), жившие в перенаселенных и пожароопасных деревянных многоквартирных домах. Средняя зарплата работников составляла 8,76 долл. в неделю. Работавшая в городе женщина-врач Элизабет Шапли писала: «Значительное число мальчиков и девочек умирает в течение первых двух-трех лет с начала работы... 36 из каждых 100 мужчин и женщин, которые трудятся на фабрике, не доживают до 25 лет или умирают, лишь достигнув этого возраста».

В январе, когда после раздачи конвертов с деньгами ткачихам-полькам одной из фабрик выяснилось, что их зарплату, которой едва хватало, чтобы кормить семьи, сократили, женщины остановили станки и вышли с территории фабрики. На следующий день на другом предприятии перестали работать 5 тыс. человек; они прошли к еще одной фабрике, ворвались туда, отключили подачу электричества к ткацким станкам и призвали остальных рабочих присоединиться к ним. Вскоре в забастовке участвовало уже 10 тыс. рабочих¹⁴⁴.

Двадцатишестилетнему лидеру ИРМ в Нью-Йорке итальянцу Джозефу Эттору была направлена телеграмма с просьбой приехать в Лоренс и помочь в организации забастовки, что он и сделал. Для принятия важных решений создали комитет из 50 человек – представителей всех национальностей. Ирмовцами были менее 1 тыс. работников фабрик Лоренса, но, поскольку АФТ игнорировала неквалифицированных рабочих, они обратились к ИРМ, чтобы та возглавила забастовку.

Эта организация проводила массовые митинги и демонстрации. Бастующим приходилось доставлять продукты питания и топливо для 50 тыс. человек (все население Лоренса составляло 86 тыс. человек); были созданы бесплатные столовые, стали поступать деньги со всей страны – от профсоюзов, местных отделений ИРМ, групп социалистов и частных лиц.

Мэр города вызвал местную милицию; губернатор направил полицию штата. Через несколько недель после начала забастовки полицейские напали на демонстрацию бастующих. Это привело к бунтам, продолжавшимся весь день. Вечером одну из участниц забастовки – Анну Лопиццо застрелили. Свидетели показали, что это убийство было делом рук полицейского, но власти арестовали Дж. Эттора и другого агитатора ИРМ, поэта Артуро Джованитти. Ни один из них не был на месте преступления, но в обвинительном заключении говорилось, что «Джозеф Эттор и Артуро Джованитти подстрекали, обеспечивали и давали рекомендации указанному лицу, чье имя неизвестно, или руководили его действиями при совершении данного убийства».

Когда глава забастовочного комитета Дж. Эттор оказался за решеткой, ему на смену был призван Большой Билл Хейвуд. В Лоренс прибыли и другие активисты ИРМ, в том числе Э. Флинн. Теперь в городе находились 22 роты милиции и два отряда кавалеристов. Было объявлено военное положение, и гражданам запретили разговаривать на улице. Тридцать шесть бастующих подверглись аресту, многие приговорены к одному году тюремного заключения. Во

¹⁴⁴ Эти события вошли в историю как забастовка «за хлеб и розы» 1912 г.

вторник 30 января был заколот штыком участвовавший в забастовке молодой сирийский рабочий Джон Рами. Но бастующие все еще продолжали акции, и фабрики не работали. Дж. Эттор сказал: «Штыками плотно не соткать».

В феврале стачечники начали массовое пикетирование; от 7 до 10 тыс. человек с белыми нарукавными повязками с надписью «Не будь штрейкбрехером» образовали бесконечную цепь, прошедшую по фабричным районам. Однако у забастовщиков заканчивались продукты, дети голодали. Нью-йоркская газета социалистов «Колл» предложила, чтобы детей отправили в сочувствующие семьи в другие города, которые могли бы о них позаботиться, пока идет забастовка. Подобным образом поступали участники стачек в Европе, но в США такого никогда не было. В течение трех дней в редакцию «Колл» пришло 400 писем с предложениями приютить детей. ИРМ и Соцпартия начали организовывать отъезд, принимая заявки от семей и проводя медосмотры детей.

Десятого февраля свыше 100 ребят в возрасте от 4 до 14 лет выехали из Лоренса в Нью-Йорк. На вокзале «Грэнд-сентрал» их встречали 5 тыс. итальянских социалистов, распевавших «Марсельезу» и «Интернационал». На следующей неделе в Нью-Йорк прибыла еще сотня детей, а 35 человек приехали в город Барр (Вермонт). Становилось ясно, что если позаботиться о детях, то забастовщики останутся на местах в приподнятом состоянии духа. Тогда городские чиновники Лоренса, ссылаясь на местный статут о детской безнадзорности, заявили, что детям больше не будет разрешено уезжать из города.

Несмотря на такое распоряжение, 24 февраля была собрана группа из 40 человек для отправки в Филадельфию. Вокзал оказался запружен полицией, и разыгравшаяся там сцена так описана конгрессменом представителем Женского комитета Филадельфии: «Когда настало время уезжать, дети, соблюдая порядок, выстроились в длинную очередь парами, а родители находились рядом. Они были готовы идти к поезду, когда полиция двинулась на нас и стала избивать людей дубинками направо и налево, не принимая во внимание детей, которые находились в самом отчаянном положении и которых могли затоптать насмерть. Матерей с детьми согнали вместе и затащили в военный грузовик и даже после этого продолжали бить дубинками, не слыша криков охваченных паникой женщин и детей».

Неделю спустя женщины, возвращавшиеся с митинга, были окружены полицией и избиты; одну беременную женщину, находившуюся без сознания, отвезли в больницу, где она родила мертвого ребенка.

Однако бастующие продолжали держаться. «Они всегда ходят колоннами и поют, – писала репортер Мэри Хитон Ворс. – Уставшие, серые массы, уныло бредущие бесконечной чередой на фабрики, вдруг пробудились и запели».

«Америкэн вулен компани» решила пойти на уступки. Она предложила поднять зарплаты на 5–11 % (бастующие настаивали на том, чтобы самые существенные повышения коснулись прежде всего тех, кто получал меньше всех), платить сверхурочные и отказаться от преследования участников забастовки. Четырнадцатого марта 1912 г. 10 тыс. стачечников собрались на центральной площади Лоренса и под председательством Билла Хейвуда проголосовали за прекращение забастовки.

Начался суд над Дж. Эттором и А. Джованитти. Солидарность с ними росла по всей стране. Демонстрации проходили в Нью-Йорке и Бостоне: 30 сентября 15 тыс. рабочих Лоренса провели 24-часовую стачку в поддержку подсудимых. После этого 2 тыс. самых активных забастовщиков были уволены, однако ИРМ пригрозила новым выступлением, и этих людей вновь приняли на работу. Присяжные признали Эттора и Джованитти невиновными, и в тот же день в Лоренсе собралась 10-тысячная толпа, чтобы отпраздновать это событие.

ИРМ серьезно воспринимала собственный лозунг «Единый большой союз». Если на

фабрике или на шахте создавали ячейку этого профсоюза, то в нее принимали женщин, иммигрантов, чернокожих рабочих, а также самых низкооплачиваемых и неквалифицированных работников. Когда в Луизиане создавалось Братство лесопромышленных рабочих и в 1912 г. его члены пригласили выступить перед ними Билла Хейвуда (вскоре после победы стачки в Лоренсе), который выразил недоумение по поводу отсутствия на митинге негров, ему сказали, что закон штата запрещает проводить собрания с участием представителей разных рас. Б. Хейвуд ответил, обращаясь к съезду: «Вы работаете на одних и тех же фабриках. Иногда негры и белые вместе валят одно и то же дерево. Теперь вы собрались на съезд, чтобы обсудить условия вашего труда... Отчего бы не внять голосу разума и не пригласить негров в этот зал? Если это противоречит закону, то сейчас именно тот случай, когда закон следует нарушить».

Чернокожих все-таки пригласили, после чего участники проголосовали за то, чтобы присоединиться к ИРМ в качестве филиала.

В 1900 г. в стране насчитывалось 500 тыс. женщин – конторских служащих (для сравнения в 1870 г. их было всего 19 тыс.). Американки работали телефонистками, продавщицами, медсестрами. Полмиллиона женщин учительствовали. Педагоги создали Учительскую лигу, которая боролась против автоматического увольнения беременных. Школьный совет одного из городков Массачусетса вывесил «Свод правил для учителей женского пола» следующего содержания:

1. Не выходить замуж.
2. Не покидать город в любое время без разрешения школьного совета.
3. Не бывать в компании мужчин.
4. Находиться дома с 8 часов вечера до 6 часов утра.
5. Не сидеть в кафе-мороженых в центре города.
6. Не курить.
7. Не садиться в коляску с каким-либо мужчиной, кроме отца или брата.
8. Не одеваться ярко.
9. Не красить волосы.
10. Не носить платье, если таковое более чем на два дюйма выше лодыжки.

Условия труда женщин на пивоваренном заводе в Милуоки описаны Мамашей Мэри Джонс, которая короткое время проработала там в 1910 г. (в ту пору ей было около восьмидесяти): «Приговоренные к ежедневному рабскому труду в промывочном цехе, в мокрой одежде и обуви, окруженные сквернословящими, жестокими мастерами... бедные девушки работают, вдыхая отвратительный запах прокисшего пива, поднимая ящики с пустыми и полными бутылками, весящими от 100 до 150 фунтов... Ревматизм является там одной из хронических болезней, за ним вплотную следует чахотка... Мастер решает даже, сколько времени девушки могут находиться в туалете... У многих девушек нет ни дома, ни родителей, и они вынуждены питаться, одеваться и находить ночлег... получая 3 долл. в неделю».

Прачки также создавали свои профсоюзы. Вот что было написано в вышедшем в 1909 г. «Справочнике» Женской лиги промышленных профсоюзов о женщинах, трудившихся в заполненных паром прачечных: «Как вам понравится отглаживать по одной сорочке в минуту? Представьте себе, что стоите в течение 10, 12, 14, а иногда и 17 часов в день у катка для белья прямо над помещением, где стирают, а горячий пар просачивается наверх сквозь пол! Иногда полы покрыты цементом, и тогда кажется, как будто вы стоите на раскаленных углях; рабочие истекают потом... Они... вдыхают воздух с частицами соды, аммиака и других химикатов! Союз работников прачечных... в одном городе добился сокращения такого долгого рабочего дня до 9 часов и увеличения зарплаты на 50 %».

Борьба трудящихся несколько улучшала их положение, но ресурсы страны оставались в руках всесильных корпораций, для которых главной была прибыль и которые командовали правительством Соединенных Штатов. В воздухе витала идея, обретавшая все большую ясность и мощь, – идея не просто позаимствованная из теорий Карла Маркса, а жившая в мечтах писателей и художников веками. Суть ее заключалась в том, что совместными усилиями можно было бы использовать земные богатства для улучшения жизни всех людей, а не группы избранных.

На рубеже XIX–XX вв. усилилась забастовочная борьба – в 90-х гг. XIX в. происходило около 1 тыс. стачек в год, а к 1904 г. их среднегодовое число достигло 4 тысяч. Закон и военная сила вновь и вновь становились на сторону богатых. Это было время, когда сотни тысяч американцев стали задумываться о социализме.

В 1904 г., спустя три года после создания Соцпартии, Юджин Дебс писал: ««Чистый и простой» профсоюз прошлого не отвечает требованиям сегодняшнего дня... Попытка представителей каждой профессии сохранять свою независимость и отдаленность от остальных приводит к тому, что увеличивается путаница в юрисдикции, результатом чего являются разногласия, соперничество, и дело заканчивается развалом...

Членов профсоюзов следует обучать тому... что рабочее движение означает гораздо больше, чем пустяковое увеличение зарплаты и проведение необходимой для этого забастовки; что помимо улучшения условий работы членов профсоюзов более высокой целью рабочего движения является свержение капиталистической системы частной собственности на средства производства, отмена наемного рабства и освобождение всего рабочего класса, а на самом деле всего человечества».

Достижения Дебса лежали не в области теории или анализа. Он умел страстно и красноречиво выразить то, что чувствовали люди. Писатель Хейвуд Броун однажды процитировал слова, сказанные другим социалистом о Дебсе: «Этот старик с горящими глазами на самом деле верит в возможность существования такой штуки, как братство людей. Но это не самое интересное. Пока он рядом, я сам в это верю».

Юджин Дебс стал социалистом, находясь в тюрьме во время Пульмановской стачки. Теперь он выступал от имени партии, которая пять раз выдвигала его на пост президента. В какой-то момент в рядах СПА было 100 тыс. человек, ее представители занимали 1,2 тыс. постов в 340 муниципалитетах. Печатный орган партии, газета «Эпил ту ризон», для которой писал Дебс, имела 0,5 млн. подписчиков. В стране издавалось также много других газет социалистов, поэтому в целом социалистическую прессу читали, наверное, около 1 млн. человек.

Социализм, родившийся в узких кругах горожан-иммигрантов (еврейских и немецких социалистов, говоривших на родном языке), становился американским явлением. Крупнейшая социалистическая организация на уровне штата действовала в Оклахоме – в 1914 г. в ней состояло 12 тыс. членов (т. е. больше, чем в штате Нью-Йорк), плативших взносы, а на местные выборные посты были избраны более сотни социалистов, в том числе шесть членов легислатуры штата. В Оклахоме, Техасе, Луизиане и Арканзасе выходило 55 еженедельных газет социалистов, действовали летние лагеря, привлекавшие тысячи людей.

В своей книге «Народный социализм» Джеймс Грин характеризует радикалов Юго-Запада как «погрязших в долгах владельцев гомстедов, мигрирующих фермеров-издольщиков, шахтеров-угольщиков и железнодорожных рабочих, лесорубов из сосновых лесов, проповедников и школьных учителей из высушенных солнцем прерий... деревенских ремесленников и атеистов... никому не известных людей, создавших самое мощное региональное социалистическое движение в истории США». Дж. Грин продолжает:

«Социалистическое движение... было усердно организовано бывшими популистами, воинственно настроенными шахтерами, попавшими в «черные списки» рабочими-железнодорожниками, которым помогали замечательные кадровые агитаторы и педагоги; его периодически вдохновляли такие известные в общенациональном масштабе личности, как Юджин Дебс и Мамаша Джонс... Это ядро организаторов постепенно росло, включая инакомыслящих на местном уровне... более широкую группу агитаторов-любителей, которые разъезжали по своему региону, продавая газеты, организуя дискуссионные клубы, местные ячейки, выступая с импровизированными речами».

В социалистическом движении, как и в красноречии Ю. Дебса, чувствовалась почти религиозная страсть. В 1906 г., когда в Айдахо по явно сфабрикованному обвинению в убийстве¹⁴⁵ были арестованы Билл Хейвуд и двое других официальных лиц Западной федерации горняков, Дебс написал пламенную статью в «Эпил ту ризон»: «Убийство спланировано и вскоре может быть осуществлено во имя закона и в рамках закона... Отвратительный и гнусный заговор, дьявольское беззаконие... Если они попробуют убить Мойера, Хейвуда и их собратьев, то по крайней мере миллион революционеров встретят их с оружием в руках... Капиталистические суды никогда и ничего не сделали и не сделают для рабочего класса... Будет созван чрезвычайный революционный съезд пролетариата... и если потребуются крайние меры, то может прозвучать призыв к всеобщей забастовке и в преддверии всеобщего восстания будет парализована промышленность. Если плутократы начали осуществлять свою программу, то мы с этим покончим».

После прочтения Теодор Рузвельт отправил экземпляр статьи генеральному прокурору США У. Г. Муди с сопроводительной запиской: «Возможно ли возбудить уголовное дело против Дебса и владельца этой газеты?»

По мере того как социалисты добивались все большего успеха на выборах (в 1912 г. Дебс получил 900 тыс. голосов, удвоив свои результаты по сравнению с 1908 г.), их все сильнее волновал вопрос повышения собственной привлекательности в глазах избирателей. Они стали критичнее относиться к проводившейся ИРМ тактике «саботажа» и «насилия», а в 1913 г. вывели Билла Хейвуда из состава Исполкома СПА, заявив, что он призывал к насилию (хотя некоторые публикации Ю. Дебса были гораздо более подстрекательскими).

Женщины активно действовали в социалистическом движении, главным образом как рядовые участницы, нежели как лидеры. Иногда они становились резкими критиками политики социалистов. Например, Хелен Келлер¹⁴⁶, одаренная слепоглухонемая женщина, обладавшая экстраординарной социальной прозорливостью, так писала об изгнании Хейвуда в письме в нью-йоркскую газету «Колл»: «С глубочайшим сожалением я прочитала о нападках на товарища Хейвуда... какие постыдные споры ведутся между двумя фракциями, которые должны быть едины, и это происходит в самый критический период борьбы пролетариата... И что же? Намерены ли мы сделать разногласия по поводу партийной тактики более важными, чем отчаянная нужда рабочих?... Пока бесчисленные женщины и дети страдают и увечат свои тела долгими днями тяжелого труда, мы воюем друг с другом. Стыд нам и позор!»

В 1904 г. женщины составляли только 3 % членов Соцпартии. В том году на общенациональном съезде присутствовало лишь восемь делегатов. Однако спустя несколько

¹⁴⁵ Имеется в виду обвинение в убийстве бывшего губернатора штата Айдахо Ф. Стюненберга в 1905 г. Другими обвиняемыми на так называемом процессе Хейвуда были Джордж Петтибон и Чарлз Мойер.

¹⁴⁶ Хелен Адамс Келлер (1880–1968) – известная слепоглухонемая деятельница Американского общества слепых, автор ряда книг.

лет местные женские социалистические организации и общенациональный журнал «Соушалист вумен» начали привлекать в партию больше американок, и к 1913 г. они составляли уже 15 % СПА. Редактор упомянутого журнала – Джозефина Конгер-Канеко настаивала на важности существования женских ячеек: «В отдельной организации самая простая женщина может вскоре научиться председательствовать на собрании, выступать с предложениями, защищать свою позицию, произнести короткую «речь». Через год-два такого рода практики она готова работать совместно с мужчинами. И есть огромная разница между сотрудничеством с мужчинами и просто послушным сидением, покорно благоговая, в тени их агрессивной власти».

В начале прошлого века социалистки принимали активное участие в феминистском движении. По мнению их лидера из Оклахомы Кейт Ричардс О'Хар, социалистки в штате Нью-Йорк были прекрасно организованы. Во время кампании 1915 г. за проведение референдума в этом штате о предоставлении женщинам права голоса, в самый ее пик, они за один день распространили 60 тыс. листовок на английском языке, 50 тыс. листовок на идише, продали 2,5 тыс. брошюр, которые стоили по 1 центу за экземпляр, и 1,5 тыс. книг по 5 центов, а также расклеили 40 тыс. объявлений и провели 100 митингов.

Однако существовали ли женские проблемы, лежавшие за пределами политики и экономики, которые не были бы решены автоматически с победой социализма? Наступит ли равноправие после корректировки экономических основ угнетения по признаку пола? Есть ли смысл бороться за право голоса или за любую другую цель, меньшую, чем революционные перемены? По мере развития женского движения в начале XX в. споры об этом становились все острее: женщины высказывали свою позицию, создавали организации, протестовали, участвовали в демонстрациях, борясь за право голоса, признание в качестве равных во всех сферах, включая сексуальные отношения и брак.

Шарлотта Перкинс Гилмен, в произведениях которой подчеркивалась важность краеугольного вопроса экономического равноправия полов, написала стихотворение «Социалист и суфражистка», оканчивающееся такими словами:

«Улучшится мир – станет женщинам лучше», –
Социалист объяснял.
Суфражистка твердила:
«Не сделать мир лучше,
Пока голос в нем женщин столь мал».
Проснулся тут мир и ехидно заметил:
«Одна же работа у вас;
Хоть вместе, хоть порознь,
Но с пламенным сердцем
В работу включайтесь сейчас!»

Когда Сьюзан Энтони¹⁴⁷ в 80-летнем возрасте пришла послушать речь Ю. Дебса (за 25 лет до этого он присутствовал на ее выступлении, и с тех пор они не встречались), они обменялись теплым рукопожатием, после чего немного побеседовали. Она со смехом сказала: «Дайте нам право голоса, а мы дадим вам социализм». Дебс ответил: «Дайте нам социализм, а

¹⁴⁷ Сьюзан Браунелл Энтони (1820–1906) – видная деятельница женского движения, одна из организаторов суфражистского движения в США.

мы дадим вам право голоса».

Были женщины, которые настаивали на объединении целей социалистического и феминистского движений. В их числе – Кристал Истмен, которая представляла себе новые формы совместной жизни мужчин и женщин, позволявшие сохранить независимость и отличающиеся от традиционного института брака. Она была социалисткой, но однажды написала об осознании женщинами того, что «рабское положение женщины в целом не сводится лишь к [существующей] системе получения прибылей, равно как ее полная эмансипация не гарантирована только самим фактом падения капитализма».

В 1900–1915 гг. увеличилось число работающих американок, включая тех, у кого был опыт профсоюзной борьбы. Некоторые представительницы среднего класса, осознававшие угнетенное положение женщины и стремившиеся внести свой вклад в изменение ситуации, шли учиться в колледжи и стали ощущать себя не просто домохозяйками. Историк У. Чейф в работе «Женщины и равноправие» пишет: «Студентки колледжей были наполнены чувством осознания своей миссии и страстной приверженности совершенствованию окружающего мира. Они становились врачами, преподавателями колледжей, работниками центров социальной помощи, деловыми женщинами, юристами и архитекторами. Вдохновленные обостренным чувством целеустремленности и сплоченные духом товарищества, они достигали феноменальных успехов, преодолевая, казалось бы, непреодолимые барьеры. Джейн Аддамс, Грейс и Эдит Эббот, Элис Гамильтон, Джулия Латроп, Флоренс Келли – все они были представительницами этого поколения первопроходцев, создавшего программу проведения социальных реформ в первые два десятилетия XX века».

Они отвергали насаждавшуюся со страниц журналов массовую культуру, которая делала женщину партнером, женой, домохозяйкой. Некоторые из этих феминисток выходили замуж, некоторые – нет. Все были озабочены проблемой отношений с мужчинами, как, например, Маргарет Сэнгер, пионер просветительской работы в области регулирования рождаемости, которая пережила нервное потрясение, состоя во внешне счастливом, но ограничивавшем ее браке; она оставила мужа и детей, чтобы начать собственную карьеру и снова почувствовать себя личностью. В своей книге «Женщина и новая раса» М. Сэнгер писала: «Ни одна женщина не может называть себя свободной, если ей не принадлежит ее тело и контроль над ним. Ни одна женщина не может называть себя свободной, пока не сделает осознанный выбор: станет она матерью или нет».

Это являлось сложной проблемой. Например, Кейт Ричардс О'Хар была сторонницей сохранения домашнего очага, но считала, что социализм улучшит эту сферу жизни. Участвуя в выборах в Конгресс в 1910 г., во время выступления в Канзас-Сити она сказала: «Я стремлюсь к семейной жизни, дому и детям всеми фибрами души... Для того чтобы восстановить семью, необходим социализм».

С другой стороны, Элизабет Флинн в автобиографии «Своими глазами. Жизнь бунтарки» писала: «Домашняя жизнь и перспектива большой семьи меня отнюдь не прельщали... Я хотела выступать и писать, путешествовать, встречаться с людьми, вести организационную работу в ИРМ. Я не понимала, почему я должна бросить из-за него [мужа] мою работу только потому, что я женщина».

Хотя в то время многие женщины были радикалками, социалистками, анархистками, еще больше американок участвовало в кампании за предоставление женщинам избирательных прав, и они оказали феминистскому движению массовую поддержку. Ветераны профсоюзной борьбы присоединились к суфражисткам. Среди них была Роуз Шнайдерман из Межнационального союза портных дамской одежды. Выступая на митинге в здании Куперовского союза в Нью-Йорке, она так ответила политику, который заявил, что женщины, получив право голоса,

утратят женственность: «В ужасной жаре и пару прачки стоят по 13–14 часов в день с руками, опущенными в горячий крахмал. Уж точно эти женщины не растеряют больше своей красоты и шарма, бросая раз в год бюллетень в избирательную урну, чем они утрачивают, стоя круглый год в литейных цехах или прачечных».

В Нью-Йорке каждую весну проходили шествия суфражисток. В репортаже в 1912 г. по этому поводу говорилось: «По всей 5-й авеню, от Вашингтон-сквер, где парад начинался, до 57-й улицы, где он заканчивался, собрались тысячи мужчин и женщин Нью-Йорка. Они заблокировали каждый перекресток по пути шествия. Многие хотели смеяться и язвить, но никто этого себе не позволил. Вид впечатляющей колонны женщин, перегородившей всю улицу, приглушил все мысли о насмешках... женщины-врачи, женщины-адвокаты, женщины-архитекторы, художницы, актрисы, скульпторы, официантки и домохозяйки, целая дивизия работников промышленных предприятий... все промаршировали по улицам целенаправленно, поразив толпы зевак».

А вот что писал весной 1913 г. корреспондент «Нью-Йорк таймс» в репортаже из Вашингтона: «В сегодняшней демонстрации суфражисток столица увидела самый масштабный парад женщин в своей истории... Более пяти тысяч женщин прошли по Пенсильвания-авеню... Это была потрясающая демонстрация. Подсчитано... что примерно 500 тыс. человек наблюдали за тем, как они маршируют в защиту своих целей».

Некоторые радикально настроенные женщины были более скептически. Анархистка и феминистка Эмма Голдман, как всегда пламенно и откровенно, говорила о праве голоса для женщин: «Наш современный фетиш – всеобщее избирательное право... Женщины Австралии и Новой Зеландии имеют право голоса и способствуют написанию законов. Что, разве условия труда там лучше?..

История политической деятельности мужчин доказывает, что эта активность не дала им абсолютно ничего, чего они не смогли бы достичь более прямыми, менее дорогостоящими и более долгосрочными методами. По сути дела, каждая пядь отвоеванной земли получена путем непрекращающихся битв, нескончаемой борьбы за отстаивание своего превосходства, но никак не при помощи права голоса. Поэтому нет никаких причин предполагать, что избирательный бюллетень уже как-то помог или поможет в будущем женщине в ее стремлении к эмансипации...

Ее [женщины] развитие, свобода, независимость должны в первую очередь исходить от нее самой. Во-первых, от утверждения ее как личности. Во вторую очередь – от отказа от того, чтобы кто-то другой, кроме нее самой, мог контролировать ее тело; отказа рожать нежеланных детей; отказа быть слугой Бога, Государства, общества, мужа, семьи и т. п., делая свою жизнь проще, но глубже и богаче... Только это, а не избирательный бюллетень освободит женщину».

В 1911 г. Х. Келлер писала английской суфражистке: «Наша демократия – одно название. Мы голосуем? Что это означает? Это означает, что наш выбор лежит между двумя разновидностями настоящих, хотя и не открыто признанных автократов. Мы выбираем между Труляля и Траляля¹⁴⁸.

Вы просите права голоса для женщин. Что могут дать голоса, когда десять одиннадцатых территории Великобритании принадлежит 200 тыс. жителям, а оставшаяся одиннадцатая часть – 40 млн? Разве ваши мужчины с их миллионами голосов избавили себя от этой несправедливости?»

¹⁴⁸ «Труляля и Траляля» – персонажи карикатуры Томаса Наста (1869), который изобразил двух неразлучных и похожих друг на друга недотеп из сказки английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» в качестве символа сходства двух основных политических партий США.

Э. Голдман не желала откладывать изменения условий жизни женщины на какое-то социалистическое будущее – она стремилась к более прямым и непосредственным действиям, чем завоевание права голоса. Х. Келлер, не являясь анархисткой, также была сторонницей непрерывной борьбы за рамками избирательных участков. Слепоглухонемая, она могла сражаться только силой духа и пером. Когда Келлер стала активно и открыто выступать как социалистка, бруклинская газета «Игл» («Орел»), ранее относившаяся к этой женщине как к героине, написала, что «ее ошибки проистекают из явных ограничений в развитии». Ответ Келлер газета не напечатала, зато это сделала нью-йоркская «Колл». В нем Хелен писала, что, когда однажды познакомилась с редактором «Игл», он щедро раздавал ей комплименты. «Однако теперь, когда я открыто выступила в защиту социализма, он напоминает мне и общественности, что я слепа, глуха и особо подвержена заблуждениям». Она добавила:

«О, нелепый бруклинский «Орел»! Что за непочтительная птица! Социально слепая и глухая, она защищает нетерпимую систему, являющуюся причиной той самой физической слепоты и глухоты, которые мы хотели бы не допустить... Мы с «Орлом» находимся в состоянии войны. Я ненавижу систему, которую он защищает... Когда он сопротивляется, пусть хоть делает это благородно... Неблагородно напоминать мне и другим, что я не могу видеть или слышать. Я могу читать.

Я могу читать всю социалистическую литературу на английском, немецком или французском языке, на которую хватает времени. Если бы редактор «Орла» прочитал хотя бы часть этих книг, он стал бы мудрее и делал бы газету более высокого качества. Если мне суждено когда-либо внести свой вклад в социалистическое движение, написав книгу, о которой порой мечтаю, то я знаю, что назову ее «Индустриальная слепота и социальная глухота».

Мамаша Джонс, по-видимому, не проявляла особого интереса к феминистскому движению. Она была занята агитацией среди рабочих текстильной промышленности и шахтеров, а также их жен и детей. Одним из ее многочисленных достижений была организация детского марша на Вашингтон с требованием положить конец использованию труда несовершеннолетних (в начале XX в. 284 тыс. детей в возрасте от 10 до 15 лет трудились на шахтах, фабриках и заводах). Мамаша Джонс описывала это событие следующим образом:

«Весной 1903 г. я отправилась в Кенсингтон (Пенсильвания), где бастовали 75 тыс. работников текстильной промышленности. Из этого числа по крайней мере 10 тыс. составляли маленькие дети. Они требовали повысить оплату труда и сократить рабочий день. Ежедневно малыши приходили к штаб-квартире профсоюза. У кого-то были ампутированы руки, у других не хватало большого пальца, у некоторых отсутствовали фаланги пальцев. Это были маленькие, сутулые, с покатыми плечами, истощенные существа...

Я спросила некоторых родителей, разрешат ли они мне взять их маленьких мальчиков и девочек с собой на неделю или на десять дней, пообещав вернуть детей в целости и сохранности... Человек по имени Суини был распорядителем... Несколько взрослых мужчин и женщин пошли вместе со мной... Дети несли за спинами ранцы, в которых лежали нож и вилка, жестяная кружка и тарелка... Один мальчик взял с собой барабан, другой – флейту... Мы несли лозунги, на которых было написано: «Мы хотим, чтобы у нас было время для игр»».

Дети прошли через штаты Нью-Джерси и Нью-Йорк и добрались до Ойстер-Бей, чтобы попытаться встретиться там с президентом Теодором Рузвельтом, но тот отказался их принять. Мамаша Джонс писала: «Однако наш марш достиг своей цели. Мы привлекли внимание нации к преступному использованию детского труда».

В 1903 г. дети, работавшие по 60 часов в неделю на текстильных фабриках в Филадельфии, устроили забастовку подлозунгами: «МЫ ХОТИМ ПОСЕЩАТЬ ШКОЛУ!», «55 ЧАСОВ ИЛИ НИЧЕГО!».

Чтобы представить себе энергию и боевой запал некоторых радикалов начала века, можно обратиться к полицейскому досье на Э. Флинн:

1906–1916. Организатор, лектор ИРМ.

1918–1924. Организатор, Союз защиты рабочих.

Арестована в Нью-Йорке в 1906 г. по делу о свободе слова, дело прекращено; активистка борьбы за свободу слова в Спокане (Вашингтон), 1909 г.; арестована в Мизуле (Монтана) в 1909 г. во время выступлений ИРМ за свободу слова, в Спокане во время выступлений членов ИРМ за свободу слова, тогда сотни человек подверглись арестам; трижды арестовывалась в Филадельфии – в 1911 г. за участие в митингах бастующих работников «Болдуин локомотив уоркс»; активно участвовала в забастовке текстильщиков в Лоренсе в 1912 г.; активистка забастовки работников гостиниц Нью-Йорка в 1912 г.; участница забастовки текстильщиков в Патерсоне в 1913 г.; участвовала в защите по делу Эттора – Джованитти в 1912 г.; участвовала в забастовке в Месаби-Рейндж (Миннесота) в 1916 г.; участвовала в деле ИРМ в городе Эверетт, в Спокане в 1916 г.; защищала Джо Хилла в 1914 г. Арестована в Дулуте (Миннесота) в 1917 г., обвинена в бродяжничестве по закону, принятому для прекращения деятельности ораторов из ИРМ и пацифистских организаций, дело прекращено. Обвинялась по делу ИРМ в Чикаго в 1917 г.

«...Чернокожие женщины подвергались двойному притеснению. Медсестра-негритянка обратилась в газету в 1912 г. со следующими словами: «Мы, бедные цветные женщины, зарабатывающие себе на жизнь на Юге наемным трудом, ведем страшную битву... С одной стороны, нас притесняют чернокожие мужчины, которые должны бы быть нашими естественными защитниками. Но на кухне ли, в прачечной ли, за швейной ли машинкой, у колыбели или за гладильной доской мы представляем собой ни что иное, как рабочих лошадей, выючных животных, рабынь!...»

В те самые первые годы XX в., которые целые поколения белых исследователей нарекли «прогрессивной эрой», о случаях линчевания сообщалось каждую неделю. Как выразился чернокожий историк Р. Логан, для негров Юга и Севера это было дном самой глубокой пропасти, «надиром»¹⁴⁹. В 1910 г. в США насчитывалось 10 млн. негров, и из них 9 млн. проживало на Юге.

Правительство Соединенных Штатов (в период с 1901 по 1921 г. президентами были Теодор Рузвельт, Уильям Тафт и Вудро Вильсон) – было ли оно республиканским или демократическим – наблюдало за тем, как черных линчуют, следило за кровавым расправами над чернокожими в Стейтсборо и Атланте (Джорджия), Браунсвилле (Техас), но ничего не предпринимало.

Негры являлись членами Соцпартии, но она не уклонялась от своей основной линии ради расовых вопросов. Р. Джинджер писал о Юджине Дебсе: «Когда Дебса упрекали в расовых предрассудках, он всегда это публично опровергал. Он постоянно настаивал на полном равноправии. Но Дебс не мог понять, что иногда ради достижения этого нужно принимать некие особые меры».

Чернокожие начали самоорганизовываться: был сформирован Национальный совет афроамериканцев, с тем чтобы выступать против линчевания, педонажа, дискриминации, лишения избирательных прав; Национальная ассоциация цветных женщин, созданная примерно в то же время, осуждала сегрегацию и линчевание. В Джорджии в 1906 г. состоялся съезд за равные права, который указал, что с 1885 г. в штате подверглись линчеванию 260 негров. Он

¹⁴⁹ Надир (араб. противоположный) – упадок, деградация.

потребовал для черных права участия в голосовании, права вступать в отряды милиции и выступать в роли присяжных. Было признано, что чернокожие должны много работать. «И в то же время мы должны агитировать, жаловаться, протестовать и еще раз протестовать против посягательств на наши человеческие права».

У. Дюбуа, преподававший в Атланте, в 1905 г. направил письмо негритянским лидерам в разные уголки страны, приглашая их приехать на конференцию в приграничном районе Канады около Ниагарского водопада, напротив города Буффало. Это было началом «Ниагарского движения»¹⁵⁰.

Дюбуа был родом из Массачусетса и стал первым чернокожим, получившим докторскую степень в Гарвардском университете (1895). Он только что написал и опубликовал свое яркое поэтическое произведение «Души черного народа». Дюбуа симпатизировал социалистам, хотя в партии состоял непродолжительное время.

Одним из его помощников в созыве ниагарской встречи был Уильям Монро Троттер, молодой чернокожий бостонец, придерживавшийся радикальных взглядов и редактировавший еженедельную газету «Гардиан». В ней он яростно атаковал умеренные идеи Букера Т. Вашингтона. Когда летом 1903 г. последний выступал перед двухтысячной аудиторией в одной из бостонских церквей, Троттер и его сторонники заготовили девять провокационных вопросов, которые вызвали волнения и привели к потасовке. Троттер и один из его друзей были арестованы. Это могло стать еще одной каплей, пополнившей чашу негодования, которая побудила Дюбуа к тому, чтобы стать инициатором ниагарской конференции. Тон принятого ниагарской группой обращения был жестким: «Мы недопустим того, чтобы сохранялось впечатление, будто американские негры молчаливо принимают несправедливость, смирились с угнетением и оскорблением. Оказавшись в безнадежном положении, мы можем подчиниться, но голос протеста будет звучать в ушах миллионов американцев, пока Америка несправедлива к их согражданам».

Мятеж на расовой почве в Спрингфилде (Иллинойс) стал предпосылкой к созданию Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН)¹⁵¹ в 1910 г. Во главе организации стояли в основном белые; У. Дюбуа оказался единственным чернокожим среди ее руководителей. Он также стал первым редактором журнала НАСПЦН – «Крайсис». Эта Ассоциация сконцентрировала свои усилия на юридических вопросах и на образовании, но Дюбуа привнес в нее дух, который воплотился в декларации «Ниагарского движения»: «Настойчивая и отважная агитация – это путь к свободе».

Для чернокожих, феминисток, профсоюзных деятелей и социалистов в то время было совершенно ясно, что они не могут рассчитывать на правительство страны. Действительно, тогда наступила «прогрессивная эра», началась эпоха реформ, но это были вынужденные преобразования, направленные на то, чтобы успокоить народные выступления, а не на то, чтобы осуществить фундаментальные перемены.

¹⁵⁰ «Ниагарское движение» – негритянская организация, созданная в целях борьбы с расовой дискриминацией (1905–1910). В пик своей деятельности имела 30 филиалов в различных городах, но не добилась широкой общественной поддержки со стороны чернокожего населения. Организация была создана на конференции, проходившей 11–13 июля 1905 г. в канадском городе Форт-Эри.

¹⁵¹ Крупнейшая правозащитная общественная организация, добивающаяся равноправия чернокожего населения через суды и влияние на общественное мнение. Объединяет представителей средних слоев афроамериканского населения, а также либерально настроенных белых американцев. В 1909 г. на конференции в Нью-Йорке было принято решение о создании организации, в мае 1910 г. на 2-й конференции получила свое окончательное название.

«Прогрессивным» этот период называли потому, что были приняты новые законы. При Теодоре Рузвельте приняты Закон о контроле качества мяса, закон Хэпберна, который регулировал использование железных дорог и трубопроводов, и Закон о чистых продуктах питания и лекарствах. При Уильяме Тафте по закону Мэнна – Элкинса деятельность телефонных и телеграфных компаний начала регулироваться Комиссией по торговле между штатами. Во времена президентства Вудро Вильсона для контроля за ростом монополий была создана Федеральная торговая комиссия и принят Закон о Федеральной резервной системе, призванный регулировать денежную и банковскую системы страны. При У. Тафте были предложены 16-я Поправка к Конституции США, позволяющая ввести прогрессивный подоходный налог, и 17-я Поправка, в соответствии с которой сенаторы стали избираться непосредственно избирателями, а не законодательными собраниями штатов, как было записано в основном тексте Конституции. В это же время некоторые штаты приняли законы, регулировавшие вопросы оплаты труда и продолжительности рабочего дня, а также предусматривавшие создание инспекций по технике безопасности на заводах и выплату компенсаций рабочим за увечья.

В те же годы проводились публичные расследования, направленные на то, чтобы успокоить голоса протеста. В 1913 г. Комитет Конгресса США под председательством А. Пьюджо изучил концентрацию финансовой власти в банковском секторе, а сенатская Комиссия по отношениям в промышленности провела слушания, касавшиеся конфликтов в области трудовых отношений.

Без сомнения, простым людям эти преобразования в некоторой степени пошли на пользу. Система обладала богатствами, была эффективна и сложна: она могла поделиться частью своих средств, достаточных для того, чтобы рабочий класс создал надежный щит между низшим и высшим слоями общества. Исследование жизни иммигрантов в Нью-Йорке в 1905–1915 гг. показывает, что 32 % итальянцев и евреев повысили свой статус с уровня рабочих, занятых физическим трудом, и поднялись на более высокие ступени (хотя и не намного выше). Но правдой является и то, что многие итальянские иммигранты не смогли найти для себя возможностей, чтобы остаться жить в стране. За одно четырехлетие из каждых 100 прибывавших в Нью-Йорк итальянцев 73 человека уезжали обратно. И тем не менее довольно большое количество выходцев из Италии становились рабочими-строителями и немало евреев занимались бизнесом и приобретали специальности, таким образом возникла прослойка среднего класса, предотвращавшая классовые конфликты.

Однако принципиально ничего не изменилось для огромного большинства фермеров-арендаторов, заводских рабочих, обитателей трущоб, шахтеров, работников ферм, трудящихся – мужчин и женщин, чернокожих и белых. Р. Уиби рассматривает Прогрессивное движение как попытку системы приспособиться к изменившимся условиям для достижения большей стабильности. «С помощью правил и беспристрастных санкций она [система] стремилась к преемственности и предсказуемости в мире постоянных перемен. Это обеспечило правительству гораздо большую власть... и подтолкнуло к ее централизации». Г. Фолкнер приходит к выводу, что новый акцент на сильном правительстве шел на пользу «наиболее могущественным экономическим группам».

Г. Колко называет это возникновением «политического капитализма», при котором предприниматели строже контролировали политическую систему в связи с тем, что экономика, основанная на частной инициативе, не спасала от протеста низов. Бизнесмены, по словам Колко, не выступали против новых реформ; они инициировали, проталкивали их, для того чтобы стабилизировать капиталистическую систему в трудные времена неопределенности.

Например, Теодор Рузвельт получил репутацию «укротителя трестов» (хотя его преемник

У. Тафт, являвшийся, в отличие от «прогрессивного» Рузвельта, «консерватором», предложил провести гораздо больше антитрестовских судебных разбирательств, чем Рузвельт). Как отмечает Р. Уйби, два человека, представлявших интересы Дж. П. Моргана, – председатель «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Элберт Гэри и Джордж Перкинс, который впоследствии принял участие в избирательной кампании Т. Рузвельта, – «достигли с Рузвельтом принципиальной договоренности о том, что... они будут оказывать содействие Бюро по делам корпораций в любом расследовании в обмен на гарантии признания деятельности их компаний законной». Э. Гэри и Дж. Перкинс добивались этого путем частных переговоров с президентом. Таково было «джентльменское соглашение между разумными людьми», – пишет Р. Уйби с некоторым сарказмом.

Финансовая паника 1907 г. наряду с усилением социалистов, «уобблиз» и профсоюзов ускорила процесс реформ. Согласно утверждению Р. Уйби, «примерно в 1908 г. во взглядах многих людей, стоявших у власти, произошел качественный сдвиг». Основной акцент теперь делался на «соблазнах и компромиссах». Это продолжилось и при В. Вильсоне, и «огромное число граждан – сторонников реформ тешили себя иллюзиями прогрессивных преобразований».

То, что сегодня говорят о тех реформах критики-радикалы, уже звучало в те времена, когда в 1901 г. журнал «Бэнкерс мэгэзин» писал: «С тех пор как бизнесу страны стали известны секреты комбинации, он постепенно свергает власть политиков и делает их средством для достижения собственных целей».

Многое требовалось упрочить, многое защитить. К 1904 г. 318 трестов, капитал которых превышал 7 млрд. долл., контролировали 40 % промышленности Соединенных Штатов.

В 1909 г. появился манифест нового прогрессизма – книга «Перспективы американской жизни», написанная Гербертом Кроули, редактором журнала «Нью рипаблик» и поклонником Т. Рузвельта. Он считал, что существует необходимость в наведении порядка и регулировании, чтобы американская система продолжила свое существование. По его мнению, правительство должно делать больше. Г. Кроули надеялся увидеть «искреннее и полное энтузиазма подражание героям и святым», под которыми он, возможно, подразумевал Т. Рузвельта.

Р. Хофстедтер в острой главе в книге «Американская политическая традиция», посвященной человеку, которого общественность считала любителем природы и физического здоровья, героем войны и бойскаутом из Белого дома, писал: «Советники Рузвельта, к которым он прислушивался, были почти исключительно представителями промышленного и финансового капитала, такие как Ханна, Роберт Бэкон и Джордж Перкинс из «Дома Моргана», Илай Рут, сенатор Нелсон У. Олдрич... и Джеймс Стилмен из группы Рокфеллера». Отвечая на обеспокоенное письмо своего шурина, обратившегося к нему с Уолл-стрита, Т. Рузвельт писал: «Я намереваюсь быть сугубо консерватором, но в интересах самих корпораций и прежде всего в интересах страны».

Рузвельт поддерживал регулирующий закон Хэпберна, поскольку опасался худшего. Он писал Г. К. Лоджу о том, что железнодорожные лоббисты, выступавшие против закона, были не правы: «Я полагаю, что они весьма близоруки, так как не понимают, что его [закона] отклонение означает усиление движения за передачу железных дорог в государственную собственность». Действия Рузвельта против трестов были направлены на то, чтобы склонить их к принятию государственного регулирования и тем самым предотвратить их гибель. При нем осуществлялось разбирательство, касавшееся монополии Моргана на железную дорогу в так называемом деле «Норзерн секьюритиз»¹⁵², которое считается победой над трестами, но это

¹⁵² Верховный суд США в решении по делу «Норзерн секьюритиз» (1904) определил, что деятельность

мало что изменило. И хотя закон Шермана предусматривал уголовное наказание, люди, которые создали эту монополию: Дж. П. Морган, Э. Г. Гарриман и Джеймс Дж. Хилл – никогда не подвергались судебным преследованиям.

Касаясь Вудро Вильсона, Р. Хофстедтер указывает на то, что он являлся консерватором с самого начала. Как историк и политолог, Вильсон заявлял в своей работе «Государство»: «В политике нельзя предпринимать ничего радикально нового, не рискуя». Он настаивал на «медленных и постепенных» изменениях. Отношение Вильсона к организованному труду, как утверждает Хофстедтер, «в общем было враждебным», и он высказывался о «неотесанности и невежестве» популистов.

В работе «Корпоративный идеал в либеральном государстве» Дж. Вейнстейн исследовал реформы «прогрессивной эры», особенно процесс, в ходе которого бизнес и правительство, иногда с помощью лидеров рабочего движения, добились тех законодательных изменений, которые они считали необходимыми. Вейнстейн обнаруживает «осознанную и увенчавшуюся успехом попытку направлять и держать под контролем экономическую и социальную политику федеральной власти, а также властей штатов и муниципалитетов путем создания различных группировок бизнеса, отстаивавших свои собственные долгосрочные интересы». Тогда как «первоначальный импульс» реформ исходил от протестующих и радикалов, «в нынешнем столетии, особенно на федеральном уровне, лишь немногие реформы были проведены без молчаливого одобрения, если не под руководством крупных корпораций». Эти заинтересованные группы привлекали либеральных реформаторов и интеллектуалов, чтобы они помогли осуществить преобразования.

Сформулированное Дж. Вейнстейном понимание либерализма как средства стабилизации системы в интересах большого бизнеса отличается от того, которое дают сами либералы. Артур Шлезингер-младший пишет: «Либерализм в Америке был просто движением наряду с другими сегментами общества, призванным ограничить власть деловых кругов». Если Шлезингер описывает надежды или намерения этих «других сегментов общества», то, возможно, он прав. Но если он обращается к реальным последствиям этих либеральных реформ, то такого ограничения не произошло.

Контроль устанавливался умело. В 1900 г. человек по имени Ралф Изли, член Республиканской партии и консерватор, школьный учитель и журналист, организовал Национальную гражданскую федерацию (НГФ). Ее целью было улучшение отношений между капиталом и трудом. Членами Федерации являлись в основном крупные предприниматели и политики общенационального масштаба, но ее первым вице-президентом долгое время был Сэмюэл Гомперс из АФТ. Не всем представителям крупного бизнеса нравилось то, что делала НГФ. Р. Изли называл этих критиков анархистами, выступавшими против рациональной организации системы. «На самом деле, – писал он, – нашими врагами в среде рабочих являются социалисты, а среди капиталистов – анархисты».

Национальная гражданская федерация выступала за более гибкий подход к профсоюзам, рассматривая их существование как неизбежную реальность, а потому стремилась скорее к достижению договоренностей, чем к борьбе с ними: лучше иметь дело с консервативным профсоюзом, чем с воинствующим. После стачки на текстильных предприятиях в Лоренсе в 1912 г. глава входившего в состав АФТ консервативного профсоюза текстильщиков Джон Голден писал Р. Изли, что ее результатом стало «быстрое обучение» фабрикантов, и что «некоторые из них теперь лезут из кожи вон, для того чтобы наладить сотрудничество с нашей

организацией».

НГФ не представляла точку зрения всего бизнеса. Так, Национальная ассоциация промышленников (НАП)¹⁵³ не желала признавать никаких профсоюзных объединений рабочих. Многие предприниматели не хотели слышать даже о самых незначительных реформах, предлагавшихся НГФ. Однако Федерация в своих подходах отражала изощренность и авторитет современного государства, призванного делать то, что идет во благо всему классу капиталистов, даже если такие действия вызывают раздражение у отдельных его представителей. Этот новый подход заключался в укреплении долгосрочной стабильности системы, в некоторых случаях даже ценой потери краткосрочных прибылей.

Так, например, НГФ составила в 1910 г. проект Закона о компенсации рабочим, и в следующем году 12 штатов приняли законы о компенсациях или страховках от несчастных случаев. Когда в том же году Верховный суд США постановил, что закон штата Нью-Йорк о компенсации рабочим неконституционен, поскольку он лишает корпорации собственности без надлежащей юридической процедуры, Теодор Рузвельт рассердился. Такие решения, по его словам, способствуют «в огромной мере росту силы Соцпартии». К 1920 г. 42 штата имели законы о компенсации рабочим. Как пишет Дж. Вейнстейн, «это отражало зрелость и растущую изощренность руководителей крупных корпораций, которые поняли, что, как им часто говорил Т. Рузвельт, социальные реформы были действительно консервативными».

Что касается Федеральной торговой комиссии, которую учредил Конгресс в 1914 г. и которая была призвана регулировать деятельность трестов, то лидер НГФ спустя несколько лет после начала сотрудничества с Комиссией на основании приобретенного опыта сообщал, что «она, несомненно, осуществляла свою деятельность в целях обеспечения спокойствия бизнесменов, имеющих благие намерения, в том числе представителей крупных корпораций».

В это же время реформы затрагивали и города. Во многих из них власть от мэров перешла к городским советам либо для руководства стали нанимать городских управляющих. Целью было достижение большей эффективности управления и укрепление стабильности. Дж. Вейнстейн пишет, что «результатом этого движения стала передача управления городом непосредственно в руки класса предпринимателей». То, в чем реформаторы усматривали демократизацию городского управления, историк С. Хейс, занимавшийся изучением развития городов, определяет как централизацию власти в руках узкого круга лиц и передачу предпринимателям и профессионалам еще более непосредственного контроля за городскими властями.

Участники Прогрессивного движения, возглавлялось ли оно искренними реформаторами, такими, как сенатор от штата Висконсин Роберт Лафоллетт или замаскированными консерваторами типа Т. Рузвельта (который в 1912 г. выдвигался Прогрессивной партией¹⁵⁴ кандидатом на пост президента страны), должно быть, осознавали, что оно вытесняет социализм. Газета из города Милуоки «Джорнэл», орган прогрессистов, писала, что консерваторы «борются с социализмом вслепую... в то время как члены Прогрессивного движения противостоят ему с пониманием дела, стараясь уничтожить злоупотребления и условия, благодаря которым он произрастает».

¹⁵³ Национальная ассоциация промышленников – общенациональная организация владельцев промышленных предприятий, в том числе малого и среднего бизнеса. Создана в 1895 г.

¹⁵⁴ Прогрессивная партия – политическая партия, основанная Т. Рузвельтом в 1912 г., в период раскола в Республиканской партии. Объединила республиканцев умеренно реформистских взглядов. Просуществовала до 1916 г.

Защитник интересов «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Фрэнк Мэнси в письме Т. Рузвельту, которого он считал лучшим кандидатом на выборах 1912 г., доверительно сообщал, что Соединенные Штаты должны двигаться в направлении более «отеческой заботы о своем народе», который нуждается в «поддерживающей и направляющей руке государства». «Работа государства – думать за народ и планировать за него», – так утверждал этот человек.

Очевидно, что во многом бурная активность «прогрессивной эры» была направлена на то, чтобы отрезать путь социализму. Р. Изли говорил об «угрозе социализма, о которой свидетельствует усиление его позиций в колледжах, церквях и газетах». В 1910 г. Виктор Бергер стал первым избранным в Конгресс США членом Соцпартии. В 1911 г. 73 социалиста были избраны мэрами, а 1,2 тыс. членов СПА заняли менее важные посты в 340 крупных и малых городах. Пресса писала о «социалистическом приливе».

В узких кругах циркулировал меморандум, в котором одному из отделов Национальной гражданской федерации рекомендовалось «обратить внимание на быстрое распространение в Соединенных Штатах социалистических доктрин» и указывалось на необходимость «тщательно спланированных и мудро осуществляемых шагов в целях ознакомления общественного мнения с тем, что на самом деле представляет собой социализм». В документе предлагалось, чтобы кампания велась «искусно и тактически выверенной, а именно чтобы в ее ходе «социализм и анархизм сами по себе не подвергались яростным атакам», но чтобы «терпеливо и настойчиво» отстаивались три идеи: «индивидуальная свобода, частная собственность и нерушимость контракта».

Трудно сказать, многие ли социалисты отчетливо осознавали, насколько полезны реформы для капитализма, но в 1912 г. представитель левого крыла Соцпартии Роберт Ламонт из Коннектикута писал: «Пенсии по старости, страховки на случай болезни, несчастного случая или безработицы дешевле и выгоднее, чем тюрьмы, дома для бедняков, богадельни и больницы». Он предложил идею о том, что пока представители Прогрессивного движения будут проводить реформы, социалисты должны выступать с «невыполнимыми требованиями», которые будут призваны вскрыть ограниченность возможностей реформаторов.

Преуспели ли реформы «прогрессивной эры» в том, на что они были нацелены: в стабилизации капиталистической системы путем устранения ее наихудших изъянов, в охлаждении накала социалистического движения, в восстановлении до некоторой степени межклассового мира во времена, когда ожесточенность схваток между трудом и капиталом все более возрастала? В какой-то степени, возможно, это так. Но Соцпартия расширяла свои ряды. ИРМ продолжала агитацию. И вскоре после избрания Вудро Вильсона президентом в Колорадо началось одно из наиболее жестоких и яростных в истории страны столкновений между трудящимися и корпоративным капиталом.

Речь идет о забастовке угольщиков, которая началась в сентябре 1913 г. и кульминацией которой стала «бойня в Ладлоу» в апреле 1914 г. Одиннадцать тысяч горняков, в основном иммигранты (греки, итальянцы, сербы), работали на юге штата Колорадо на компанию «Колорадо фьюэл энд айрон корпорейшн», принадлежавшую семейству Рокфеллер. Возмущенные убийством одного из профсоюзных лидеров, они начали забастовку, протестуя против низкой оплаты, опасных условий труда, феодального контроля за их жизнью в поселках, которые были полностью подчинены добывающим компаниям. Мамаша Джонс, в ту пору агитатор ОСГ, прибыла в эти места, подбодрила горняков своими пламенными выступлениями, помогала им в первые критические месяцы забастовки, до тех пор пока сама не была арестована и помещена в похожую на средневековую темницу камеру и затем силой выдворена за пределы штата.

Когда началась забастовка, ее участников немедленно выселили из бараков в шахтерских

поселках. При помощи Объединенного союза горняков они разбили на близлежащих холмах палаточные городки и продолжили стачку и пикетирование, используя эти поселения как свою базу. Нанятые представителями Рокфеллеров детективы из агентства Болдуина – Фелтса, вооруженные пулеметами Гэтлинга и винтовками, совершали налеты на палаточные лагеря. Список погибших шахтеров все увеличивался, но они держались, захватили во время одной из перестрелок бронепоезд, сражались, не пуская на шахты штрейкбрехеров. В ситуации, когда горняки продолжали сопротивление и не сдавались, а шахты простаивали, губернатор штата Колорадо (которого управляющий шахтами, принадлежавшими Рокфеллеру, как-то назвал «наш маленький губернатор-ковбой») вызвал Национальную гвардию, которой платили жалованье Рокфеллеры.

Сначала шахтеры сочли, что национальных гвардейцев направили для их защиты, и приветствовали отряды флагами и одобрительными возгласами. Вскоре они узнали, что гвардия прибыла для разгона забастовки и под покровом ночи завела на территорию шахты штрейкбрехеров, не сообщив им, что идет стачка. Гвардейцы избивали горняков, сотнями арестовывали их, конные стражи порядка разгоняли демонстрации женщин на улицах Тринидада, центрального поселка района. Но шахтеры отказывались сдаваться. После того как они продержались всю холодную зиму 1913/14 г., стало ясно, что для прекращения забастовки нужны экстраординарные меры воздействия.

В апреле 1914 г. две роты Национальной гвардии расположились на холмах выше самого населенного палаточного городка бастующих у Ладлоу, где жили 1 тыс. мужчин, женщин и детей. Утром 20 апреля по палаткам был открыт пулеметный огонь. Шахтеры начали отстреливаться. Их вожака, грека по имени Лу Тикас, пригласили на холм для обсуждения условий перемирия, а затем рота гвардейцев расстреляла его. Женщины и дети, чтобы спрятаться от пулеметного огня, окапывались под прикрытием палаток. На закате гвардейцы с факелами спустились с холмов, подожгли жилища, и семьи шахтеров бежали в горы; от выстрелов погибли 13 человек.

На следующий день телефонист, прокладывавший кабель среди пепелища городка Ладлоу, приподнял в одной из палаток детскую железную кроватку, которой была прикрыта яма в земле, и обнаружил там обуглившиеся скрюченные тела 11 детей и двух женщин. Эти события стали известны как «бойня в Ладлоу».

Новости быстро распространились по стране. В Денвере ОСГ выпустил «Призыв к оружию», в котором говорилось: «В целях обороны собирайте все оружие и боеприпасы, разрешенные законом». Триста вооруженных забастовщиков отправились из других палаточных городков в район Ладлоу, перерезали телефонные и телеграфные провода и начали готовиться к бою. Железнодорожники отказывались перевозить солдат из Тринидада в Ладлоу. В Колорадо-Спрингс 300 горняков – членов Союза оставили рабочие места и отправились в район Тринидада, имея при себе револьверы, винтовки и дробовики.

В самом поселке шахтеры пришли на похороны 26 погибших в Ладлоу, после чего собрались в одном из соседних домов, где для них было заготовлено оружие. Горняки забрали винтовки и отправились в горы, уничтожая шахты, убивая охрану и взрывая шахтные стволы. Пресса писала, что «в окрестных холмах на всех направлениях неожиданно появились люди».

В Денвере 82 солдата из роты, уже посаженной в военный поезд, направляющийся в Тринидад, отказались ехать. Газеты писали: «Эти люди заявили, что не будут участвовать в расстреле женщин и детей. Они освистали тех 350 человек, которые согласились на это, и кричали в их адрес проклятия».

На лужайке перед зданием законодательного собрания штата в Денвере под дождем прошла пятитысячная демонстрация, участники которой потребовали, чтобы офицеров

Национальной гвардии, причастных к событиям в Ладлоу, судили за убийство, а губернатор был назван пособником этого преступления. Денверский Союз сигарщиков проголосовал за отправку 500 вооруженных людей в Ладлоу и Тринидад. Женщины из денверского филиала Объединенного профсоюза портных объявили о том, что 400 их членов добровольно вызвались помогать бастующим в качестве медсестер.

Демонстрации и митинги проходили по всей стране. Пикетчики маршировали у штаб-квартиры Рокфеллеров – дома № 26, расположенного на Бродвее в Нью-Йорке. Священник устроил акцию протеста у церкви, где Дж. Д. Рокфеллер иногда выступал с проповедями, и полиция избивала святого отца дубинками.

«Нью-Йорк таймс» посвятила событиям в Колорадо редакционную статью, и теперь они привлекли международное внимание. Основной акцент газета делала не на совершённых злодеяниях, а на допущенных тактических ошибках. Статья о «бойне в Ладлоу» начиналась словами: «Кто-то допустил грубый промах». Два дня спустя, когда шахтеры вооружились и рассеялись по холмам горнодобывающего района, та же газета сообщала: «Когда самые смертоносные из созданных цивилизацией видов оружия оказались в руках людей, настроенных как дикари, невозможно сказать, сколько продлится эта война в Колорадо, если она не будет прекращена силой... Президент должен отвлечь свое внимание от Мексики на то время, которое достаточно для принятия суровых мер в штате Колорадо».

Губернатор Колорадо попросил прислать федеральные войска для наведения порядка, и Вудро Вильсон ответил на просьбу согласием. Когда меры были приняты, забастовка потерпела неудачу. В дело вмешались Комитеты Конгресса, собравшие тысячи страниц свидетельских показаний. Профсоюз так и не был признан. Шестьдесят шесть мужчин, женщин и детей были убиты. Ни одному из бойцов отрядов милиции или охранников шахт так и не предъявили обвинения за эти преступления.

Однако штат Колорадо продолжал оставаться местом ожесточенного классового конфликта, последствия которого ощущались по всей стране. Угроза бунта все еще отчетливо сохранялась из-за существовавших условий промышленного производства в США, а также благодаря неудержимому духу бунтарства, жившему в рабочей среде, вне зависимости от того, какие законы принимались, какие либеральные реформы оставались на бумаге, какие расследования проводились, какие слова соболезнования и примирения произносились.

В «Нью-Йорк таймс» упоминалась Мексика. В то утро, когда в Ладлоу в скрытой под палаткой яме были обнаружены мертвые тела, американские боевые корабли атаковали расположенный на мексиканском побережье город Веракрус. Его обстреляли и оккупировали, оставив после себя сотню убитых мексиканцев. Это было связано с тем, что власти Мексики арестовали американских моряков и отказались извиниться перед Соединенными Штатами, дав салют из 21 орудия. Мог ли патриотический пыл и воинственный дух прикрыть классовую борьбу? В 1914 г. росла безработица и надвигались тяжелые времена. Могли ли пушки отвлечь внимание и сплотить нацию перед лицом внешнего врага? Конечно, обстрел Веракруса и нападение на палаточный городок в Ладлоу являлись простым совпадением. А возможно, это был – как кто-то однажды охарактеризовал историю человечества – «естественный отбор случайных событий». Вероятно, стычка с Мексикой стала инстинктивной реакцией системы, направленной на самосохранение и создание боевого единства народа, раздираемого внутренними конфликтами.

Бомбардировка Веракруса была лишь небольшим инцидентом. Но спустя четыре месяца в Европе началась Первая мировая война.

«Война – это здоровье государства», – сказал писатель-радикал Рэндолф Борн в разгар Первой мировой войны. Действительно, когда в 1914 г. страны Европы начали воевать, их правительства были на подъеме, расцвел патриотизм, классовая борьба утихла, а молодые люди в пугающих количествах погибали на полях сражений – иногда ради сотни ярдов земли или линии траншей.

В Соединенных Штатах, еще не вступивших в войну, существовала обеспокоенность состоянием государства. Социализм набирал силу. Казалось, повсюду действовала ИРМ. Обострились классовые противоречия. Летом 1916 г. во время парада в честь Дня готовности в Сан-Франциско взорвалась бомба. В результате семь человек погибло, а два местных радикала – Том Муни и Уоррен Биллингс были арестованы и приговорены к 20 годам тюрьмы. Вскоре после этих событий сенатор от штата Нью-Йорк Джеймс Уодсуорт предложил ввести обязательную всеобщую военную подготовку мужчин для предотвращения угрозы того, что «эти наши люди разделятся на классы». А поэтому «мы должны сделать так, чтобы наша молодежь знала: у нее есть некоторая ответственность перед этой страной».

Высочайшим примером выполнения людьми своего долга была Европа. Десять миллионов человек погибло на полях сражений, 20 млн. умерли от голода и болезней, вызванных войной. И с тех пор никто не мог доказать, что война позволила человечеству достичь чего-нибудь равноценного хотя бы одной человеческой жизни. Риторика социалистов, говоривших об «империалистической войне», сегодня кажется весьма умеренной и практически не требующей доказательств. Развитые европейские капиталистические страны сражались друг с другом за границы, колонии и сферы влияния; они вели борьбу за Эльзас и Лотарингию, Балканы, Африку и Ближний Восток.

Война разразилась в начале XX в., в разгар ликования (которое, возможно, разделяла лишь элита западного мира) по поводу прогресса и модернизации. На следующий день после объявления войны Великобританией Генри Джеймс написал своему другу: «Погружение цивилизации в эту кровавую и темную пучину... лишило нас той долгой эры, во время которой весь мир должен был... постепенно совершенствоваться». В первой битве на реке Марне англичане и французы преуспели, сдержав наступление немцев на Париж. Каждая сторона потеряла по 500 тыс. человек.

Массовое убийство началось быстро и в огромных масштабах. В августе 1914 г. доброволец британской армии должен был иметь рост не менее 5 футов 8 дюймов. К октябрю это ограничение было понижено до 5 футов 5 дюймов. В том месяце потери армии составили 30 тыс. человек, и затем рост добровольца мог уже измеряться 5 футами 3 дюймами. За первые три месяца сражений та армия Великобритании, какой она являлась к началу боевых действий, была практически полностью истреблена.

За три года войны линия фронта во Франции оставалась практически неподвижной. Каждая из сторон сражалась с переменным успехом, продвигаясь на несколько ярдов или на несколько миль, а тем временем горы трупов все росли. В 1916 г. Германия попыталась осуществить прорыв у Вердена; англичане и французы контратаковали на реке Сене и продвинулись на несколько миль, потеряв 600 тыс. человек. Однажды 800 бойцов 9-го батальона королевской йоркширской легкой пехоты предприняли атаку. Сутки спустя в живых осталось всего 84 человека.

В самой же Великобритании о массовых жертвах не сообщалось. Один английский писатель вспоминал: «Могло иметь место... самое кровавое поражение за всю историю Британии... а наша Пресса была успокаивающей и словоохотливой, красочно живописуя то, что у нас был не просто хороший день, а настоящая победа». То же самое происходило и с

германской стороны. Как писал Эрих Мария Ремарк в своем великом романе, в те дни, когда тысячи людей разрывало в клочья пулеметным огнем и снарядами, официальные сводки гласили: «На Западном фронте без перемен».

В июле 1916 г. британский генерал Дуглас Хейг приказал 11 английским дивизиям покинуть свои траншеи и двинуться на оборонительные рубежи немцев. Шесть германских дивизий встретили британцев пулеметным огнем. Из 110 тыс. атакующих 20 тыс. было убито, еще 40 тыс. ранено, и их тела покрыли нейтральную полосу – призрачную территорию между окопами неприятелей. Первого января 1917 г. Хейга произвели в фельдмаршалы. То, что происходило тем летом, сжато излагается в «Энциклопедии всемирной истории» Уильяма Ланджера: «Несмотря на возражения Ллойд Джорджа и скептицизм некоторых своих подчиненных, Хейг с надеждой предпринял массированное наступление. Третья битва у Ипра представляла собой серию из восьми яростных атак, предпринятых под проливным дождем, по пропитанной водой земле и грязи. Прорыва достигнуть не удалось; удалось продвинуться примерно на 5 миль в глубь территории, что сделало выступ в обороне противника у Ипра еще более неудобным и стоило британской армии примерно 400 тыс. жизней».

Народы Франции и Великобритании не знали о масштабах людских потерь. Когда в последний год войны немецкая армия бросилась в яростную атаку на реке Сомме, в результате которой 300 тыс. британских солдат погибли или получили ранения, лондонские газеты, как мы узнаем из книги П. Фоссела «Великая война и память современников», писали следующее:

«ЧЕМ Я МОГУ ПОМОЧЬ?»

Как гражданин может помочь в условиях этого кризиса.

Не теряйте бодрости духа...

Пишите письма друзьям на фронт и вдохновляйте их...

Не повторяйте глупых сплетен.

Не слушайте пустых слухов.

Не думайте, что вы знаете больше, чем Хейг».

И в эту пучину смерти и обмана Соединенные Штаты были ввергнуты весной 1917 г. Во французской армии начали происходить бунты. Скоро из 112 дивизий 68 были охвачены волнениями; 629 человек судили и признали виновными, 50 человек расстреляны. Возникла большая потребность в американских войсках.

Президент Вудро Вильсон обещал, что США сохраняют нейтралитет: «Есть такая нация, которая слишком горда, для того чтобы воевать». Но в апреле 1917 г. Германия объявила, что отдаст приказ своим субмаринам топить любые корабли, доставляющие припасы ее врагам, и немцы уничтожили несколько торговых судов. Тогда Вильсон заявил, что должен защитить право американцев плавать на торговых судах в районах боевых действий. «Я не могу согласиться на какое-либо ущемление прав американских граждан».

Р. Хофстедтер отмечает в своей книге «Американская политическая традиция»: «Это было самое неубедительное объяснение с точки зрения логики». Англичане тоже покушались на права американских граждан в международных водах, но Вильсон не предлагал объявить им войну. Хофстедтер пишет, что президент «был вынужден находить юридические доводы в защиту поступков, основанных не на законе, а на балансе сил и экономических требованиях».

Было бы наивно полагать, будто в военные годы Германия должна была воспринимать Соединенные Штаты как нейтральную державу, в то время как США направляли огромное количество военных грузов ее противникам. В начале 1915 г. британский пассажирский лайнер

«Лузитания» был торпедирован немецкой подводной лодкой и затонул за 18 минут: 1198 человек, включая 124 американца, погибли. Соединенные Штаты объявили, что «Лузитания» перевозила мирный груз и поэтому торпедная атака была проявлением чудовищного немецкого зверства. На самом деле корабль вез боеприпасы: 1248 ящиков трехдюймовых снарядов, 4927 ящиков патронов (по 1 тыс. патронов в каждом ящике) и еще 2 тыс. ящиков боеприпасов для стрелкового оружия. Декларация судового груза была сфальсифицирована, чтобы скрыть этот факт, а британское и американское правительства солгали по поводу груза.

Хофстедтер пишет об «экономических требованиях», стоявших за политикой Вудро Вильсона. В 1914 г. в Соединенных Штатах начался серьезный экономический спад. Дж. П. Морган позже свидетельствовал: «Война началась в тяжелые времена... По всей стране бизнес пребывал в состоянии депрессии, цены на сельскохозяйственную продукцию были низкими, безработица представляла серьезную проблему, тяжелая промышленность работала не в полную силу, а банковские расчеты тормозились». Но к 1915 г. военные заказы стран Антанты (в основном поступающие от Англии) начали стимулировать экономику, и к апрелю 1917 г. стоимость товаров, проданных союзникам, составляла более 2 млрд. долл. Как отмечает Р. Хофстедтер, «Америка оказалась связана с Антантой роковыми узами войны и процветания».

Как считали лидеры страны, это процветание во многом зависело от зарубежных рынков сбыта. В 1897 г. частные инвестиции США за границей составляли около 700 млн. долл. К 1914 г. они возросли до 3,5 млрд. долл. Госсекретарь в администрации Вильсона У. Дж. Брайан, хотя и являлся сторонником нейтралитета, также был убежден в том, что Соединенным Штатам необходимы заокеанские рынки. В мае 1914 г. он воздал хвалу президенту за то, что тот «открыл двери всех слабых стран для проникновения американского капитала и предпринимательства».

Еще в 1907 г. Вудро Вильсон, выступая с лекцией в Колумбийском университете, произнес: «Концессии, приобретенные финансистами, должны охраняться государственными министрами, даже если в процессе пострадает суверенитет сопротивляющихся стран... двери стран, которые закрыты, должны быть выбиты». Во время предвыборной кампании 1912 г. он сказал: «Наши внутренние рынки для нас более недостаточны, мы нуждаемся в зарубежных рынках». В памятной записке У. Дж. Брайану он указывал, что его цель – «дверь, открытая в мир», а в 1914 г. Вильсон заявил, что поддерживает «справедливое завоевание зарубежных рынков».

С началом Первой мировой войны Великобритания становилась все в большей степени рынком сбыта для американских товаров и ссуд под проценты. «Дж. П. Морган и Ко» действовала как представитель Антанты. И когда в 1915 г. Вильсон снял запрет на право частных банков выдавать ссуды странам Антанты, Морган начал предоставлять займы в таких огромных объемах, что это одновременно и приносило громадные прибыли, и создало прямую заинтересованность американских финансовых кругов в победе Великобритании над Германией.

Промышленники и политические лидеры говорили о процветании так, будто оно не зависело от принадлежности к тому или иному общественному классу, будто каждый выигрывал от кредитов Моргана. Действительно, война означала рост производства, привела к увеличению количества рабочих мест, но получили ли рабочие сталелитейных заводов столько же, сколько «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», прибыли которой только в 1916 г. исчислялись суммой 348 млн. долл.? Когда Соединенные Штаты вступили в войну, именно богатым открылась возможность еще больше контролировать экономику. Финансист Барнард Барух возглавил Военно-промышленное управление, самое могущественное из правительственных ведомств военного времени. Банкиры, владельцы железных дорог и

промышленники играли главенствующие роли в этих учреждениях.

Весьма проницательную статью о природе Первой мировой войны опубликовал в мае 1915 г. журнал «Атлантик мансли». Ее автором являлся У. Дюбуа, и называлась она «Африканские корни войны». В статье отмечалось, что сражение велось за империю и борьба между Германией и Антантой за Африку – это одновременно и символ, и реальность: «...в некотором смысле Африка является первопричиной того ужасного уничтожения цивилизации, которое мы наблюдаем». Африка, по словам Дюбуа, – это «Земля XX столетия» благодаря таким богатствам, как золото и бриллианты Южной Африки, какао Анголы и Нигерии, каучук и слоновая кость Конго, пальмовое масло Западного Берега.

Дюбуа смотрел еще глубже. Он писал за несколько лет до появления работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», в которой отмечена новая возможность передачи рабочему классу империалистической державы части награбленного. У. Дюбуа обратил внимание на парадокс великой «демократии» в Америке, где сосуществовали «усиливавшееся влияние аристократии и ненависть по отношению к темным расам». Он объяснил этот парадокс тем, что «белому рабочему предложили разделить прибыли от эксплуатации «китаёз и черномазых»». Да, уровень жизни простых граждан в Англии, во Франции, в Германии и Соединенных Штатах стал выше, чем был раньше. Но автор спрашивал: «Откуда же пришло это новое богатство?. Главным образом оно пришло из стран, жители которых имеют более темный цвет кожи, – из Азии и Африки, из Южной и Центральной Америки, Вест-Индии и с островов южных морей».

В объединении эксплуататоров и эксплуатируемых, в создании предохранительного клапана для взрывоопасных классовых конфликтов У. Дюбуа видел изобретательность капитализма. Он писал: «Это уже не просто короли торговли или аристократы-монополисты и даже не класс работодателей эксплуатируют весь мир: это нация, новая демократическая нация, состоящая из объединенного капитала и труда».

Соединенные Штаты соответствовали этой идее Дюбуа. Американский капитализм нуждался в международном соперничестве и периодических войнах для того, чтобы создать искусственную общность интересов богатых и бедных, которая бы оттеснила естественную общность интересов бедняков, проявлявшуюся в отдельных социальных движениях. Насколько понимали это отдельные предприниматели и государственные мужи? Трудно сказать. Однако их действия, даже неосознаваемые до конца, их инстинктивное стремление к самосохранению вписывались в данную схему. В 1917 г. это потребовало национального консенсуса по поводу отношения к войне.

Согласно традиционной точке зрения, правительство быстро преуспело в достижении этого согласия. Биограф Вудро Вильсона Артур Линк писал: «В конечном счете американская политика определялась президентом и общественным мнением». На самом деле в те времена не было никакого способа изучения общественного мнения, и нет убедительных свидетельств того, что народ хотел войны. Правительству пришлось потратить много сил для достижения консенсуса. Тот факт, что не наблюдалось стихийного желания воевать, подкрепляется рядом жестких мер, предпринятых властью: призывом молодежи, тщательно продуманной пропагандистской кампанией, охватившей всю страну, жестоким наказанием тех, кто отказывался становиться в строй.

Несмотря на воодушевляющие речи Вильсона о войне, которая «положит конец всем войнам» и «сделает мир безопасным для демократии», американцы не спешили записываться в армию. Требовался 1 млн. мужчин, но за первые шесть недель после объявления войны нашлось лишь 73 тыс. добровольцев. Конгресс большинством голосов одобрил призыв.

Ветеран газетной журналистики Джордж Крил стал официальным правительственным

пропагандистом войны. Для того чтобы убедить американцев в ее справедливом характере, он организовал Комитет общественной информации ¹⁵⁵. Комитет выделил средства на организацию выступлений 75 тыс. ораторов, которые произнесли 750 тыс. четырехминутных речей в 5 тыс. крупных и малых городов США. Это была массированная попытка расшевелить ленивую публику. В начале 1917 г. один из членов Национальной гражданской федерации жаловался на то, что «ни рабочие, ни фермеры» не проявляют «никакого интереса к усилиям лиг обороны и лиг безопасности или к другим движениям за национальную готовность».

На следующий день после объявления Конгрессом войны США собралась на чрезвычайный съезд в Сент-Луисе и объявила этот акт «преступлением против народа Соединенных Штатов». Летом 1917 г. организованные социалистами антивоенные митинги в Миннесоте собрали огромные толпы – 5 тыс., 10 тыс., 20 тыс. фермеров, протестовавших против войны, призыва в армию и спекуляций военного времени. Местная висконсинская газета из города Плимут «Ревью» писала о том, что «возможно, ни одна партия никогда не набирала силу с такой скоростью, как делает это сейчас Соцпартия». Газета сообщала также, что тысячи людей приходят «послушать ораторов-социалистов туда, где раньше собрание нескольких сот человек считалось внушительным собранием». Консервативная газета города Акрон (Огайо) «Бикон-джорнэл» писала, что «едва ли это заметили политические обозреватели... но если бы сейчас проходили выборы, мощная волна социализма захлестнула бы Средний Запад». По ее мнению, страна никогда еще «не участвовала в более непопулярной войне».

Во время муниципальных выборов 1917 г. социалисты добились существенных успехов, несмотря на шквал пропаганды и патриотической риторики. Их кандидат на пост мэра Нью-Йорка Моррис Хилквит собрал 22 % голосов, что в 5 раз превышало процент голосов, которые социалисты обычно получали в этом городе. Десять членов США были избраны в легислатуру штата Нью-Йорк. В Чикаго число проголосовавших за партию увеличилось с 3,6 % в 1915 г. до 34,7 % в 1917 г. В Буффало этот показатель возрос с 2,6 до 30,2.

Дж. Крил и правительство стояли за созданием Американского альянса за труд и демократию ¹⁵⁶, президентом которого являлся Сэмюэл Гомперс. Целью организации было достижение «единства чувств нации» в поддержку войны. Отделения Альянса имелись в 164 городах: в их работе участвовали многие лидеры рабочего движения. Вместе с тем, по мнению Дж. Вейнстейна, деятельность этой организации не приносила плодов: «Поддержка войны так и не вызвала энтузиазма у простых рабочих». И несмотря на то что некоторые видные социалисты, в том числе Джек Лондон, Эптон Синклер, Кларенс Дэрроу, стали придерживаться провоенной позиции после вступления США в конфликт, большинство их соратников продолжали оставаться в оппозиции.

В июне 1917 г. Конгресс принял, а Вильсон подписал Закон о шпионаже. Исходя из названия, можно предположить, что Закон был направлен против шпионов. Однако одно из его положений предусматривало наказание вплоть до 20 лет лишения свободы «любому, кто в условиях ведения Соединенными Штатами войны преднамеренно провоцирует или попытается спровоцировать акты неподчинения, предательства, мятежа или отказа от несения службы в Вооруженных силах или Военно-морском флоте Соединенных Штатов, или будет сознательно

¹⁵⁵ Комитет общественной информации – правительственное ведомство, созданное в апреле 1917 г. В функции Комитета входило осуществление цензуры, а также ведение правительственной пропаганды в годы Первой мировой войны. Известен также как Комитет Крила по имени своего директора.

¹⁵⁶ Организация создана в 1917 г.

препятствовать вербовке и записи на службу в Вооруженные силы США». Не имея представления о природе государства, было бы трудно себе представить, как будет применяться Закон о шпионаже. В нем даже содержалось положение о том, что «ничто из сказанного в данном разделе не должно интерпретироваться как ограничение... каких-либо обсуждений, высказываний или критики действий или политики правительства». Но его двойное толкование скрывало истинную цель. Закон о шпионаже использовался для того, чтобы заключать в тюрьму американцев, устно или письменно выступавших против войны.

Спустя два месяца после принятия Закона социалист Чарлз Шенк был арестован в Филадельфии за изготовление и распространение 15 тыс. листовок, осуждавших законодательство о призыве в армию и войну. В листовке приводилось положение 13-й Поправки к Конституции США по поводу «подневольного услужения» и говорилось, что Закон о призыве нарушает ее. Кроме того, отмечалось, что призыв – это «чудовищное деяние, направленное против человечества, в интересах финансистов с Уолл-стрита», а также было сказано: «Не поддавайтесь угрозам».

Шенку предъявили обвинения. Его судили, признали виновным и приговорили к шестимесячному тюремному заключению за нарушение Закона о шпионаже. (В дальнейшем это оказался один из наиболее коротких сроков лишения свободы в подобных делах.) Шенк подал апелляцию, в которой утверждал, что Закон, по которому преследуется написанное и высказанное, нарушает 1-ю Поправку к Конституции, гласящую: «Конгресс не должен издавать ни одного закона... ограничивающего свободу слова или печати».

Верховный суд США вынес единодушное решение, которое подготовил член Суда – либерал Оливер Уэнделл Холмс. Он резюмировал содержание листовки и сказал, что она, без сомнения, направлена на то, чтобы «препятствовать» выполнению Закона о призыве. Находился ли Шенк под защитой 1-й Поправки? Холмс так отвечал на этот вопрос: «Никакой, даже самый строгий закон, защищающий свободу слова, не сможет защитить человека, который умышленно крикнет: «Пожар!» – в переполненном театре и вызовет панику... В каждом отдельном случае вопрос заключается в том, были ли использованные слова высказаны в тех обстоятельствах, и были ли они таковы, чтобы создать явную и непосредственную угрозу, и вызовут ли они то реальное зло, которое Конгресс имеет право предотвратить».

Сравнение, сделанное Холмсом, было разумно и притягательно. Лишь немногие могут полагать, что свобода слова должна быть предоставлена для того, чтобы кричать о пожаре в театре и вызвать панику. Но подходит ли этот пример к случаям, когда критикуется война? Профессор Гарвардской школы права З. Чэфи-младший писал позднее в книге «Свобода слова в Соединенных Штатах», что уместнее было бы сравнивать Шенка с человеком, который поднялся во время антракта в театре и объявил, что в здании недостаточно пожарных выходов. Если поиграть с этим примером еще, то можно задаться вопросом: не был ли поступок Шенка более похож на действия человека, который, обращаясь к толпе, собиравшейся купить билеты и войти в театр, кричал чистую правду о том, что внутри бушует огонь?

Возможно, свобода слова и не может быть допущена любым здравомыслящим человеком, если она представляет «явную и непосредственную угрозу»¹⁵⁷ жизни и свободе. В конце концов, свобода слова должна вступать в конкуренцию с другими жизненно важными правами. Но не была ли война сама по себе «явной и непосредственной угрозой», гораздо более

¹⁵⁷ Доктрина «явной и непосредственной угрозы» – интерпретация конституционного положения о свободе слова, предложенная в 1919 г. членом Верховного суда США О. У. Холмсом, согласно которой Конгресс США имеет право ограничить свободу слова в тех случаях, когда, по его мнению, публичные заявления представляют собой «явную и непосредственную угрозу» и могут привести к тяжелым последствиям.

непосредственной и представляющей гораздо большую опасность для жизни, чем любые возражения против нее? Не имели ли права граждане выступать против войны, являться угрозой проводившейся опасной политике?

(Закон о шпионаже, конституционность которого была подтверждена тогда Верховным судом, оставался в силе в течение всех лет после окончания Первой мировой войны, и, хотя должен был применяться только в военное время, он действовал постоянно начиная с 1950 г., потому что Соединенные Штаты юридически находились в «чрезвычайном положении» со времени войны в Корее. В 1963 г. администрация президента Дж. Ф. Кеннеди пыталась [безуспешно] протолкнуть законопроект, по которому Закон о шпионаже мог бы применяться к высказываниям, произнесенным американцами за рубежом. Это было связано, как говорится в телеграмме госсекретаря США Д. Раска американскому послу во Вьетнаме Г. К. Лоджу-младшему, с журналистами, находившимися в этой стране и писавшими «критические статьи... в адрес Дьема¹⁵⁸ и его правительства», которые «могли препятствовать предпринимаемым военным усилиям».)

Вскоре в Верховном суде рассматривалось дело Юджина Дебса. В июне 1915 г. он посетил трех социалистов, заключенных в тюрьму за противодействие призыву в армию, а после своего визита выступил на улице недалеко от тюрьмы перед аудиторией, которая слушала его два часа. Дебс был одним из блестящих ораторов и его выступление неоднократно прерывалось смехом и аплодисментами. «Вот, скажем, недавно при голосовании 5 против 4 – это типа игры в кости: то выпало 7, то 11 – они постановили, что Закон о детском труде неконституционен». Дебс говорил от имени своих товарищей, находившихся в тюрьме. Он коснулся обвинений в том, что социалисты являются сторонниками Германии. «Я ненавижу, испытываю отвращение и презираю прусских юнкеров-дворян¹⁵⁹ и королевство юнкеров. Я не вижу малейшей пользы в юнкерах из Германии и уж тем более никакой пользы от юнкеров в Соединенных Штатах. (Бурные аплодисменты и одобрительные выкрики.)

Нам говорят, что мы живем в великой и свободной республике, что наши институты демократичны, что мы свободный народ, имеющий самоуправление. Это слишком даже для шутки... На протяжении всей истории войны велись ради захвата и грабежа... И в этом суть войны. Класс господ всегда объявлял войны, класс подданных всегда сражался в битвах».

Ю. Дебс был арестован за нарушение Закона о шпионаже. Среди его слушателей оказались молодые люди призывного возраста, и слова оратора «препятствовали вербовке или записи на службу».

Речь Дебса была направлена далеко не только на это: «Да, в подходящий момент мы собираемся прийти к власти в этой стране и во всем мире. Мы собираемся разрушить все деградирующие капиталистические институты порабощения и построить на их месте свободные и гуманные институты. Мир ежедневно меняется у нас на глазах. Солнце капитализма садится, солнце социализма встает... В должное время настанет час, и это великое дело торжественно... провозгласит освобождение рабочего класса и братство всего человечества. (Бурные и продолжительные аплодисменты.)»

В ходе суда Дебс отказался выступать в свою защиту или призывать свидетелей, которые дали бы показания в его пользу. Он не отрицал сказанного. Но до того как присяжные удалились на совещание, подсудимый обратился к ним: «Меня обвиняют в том, что я выступаю

¹⁵⁸ Речь идет о главе южновьетнамского правительства Нго Динь Дьеме.

¹⁵⁹ Игра слов: юнкер (нем. Junker) – в Пруссии дворянин-землевладелец, ратовавший за сохранение социальных и политических привилегий для своего класса. Второе значение в английском языке – «баракло», «хлам».

против войны. Я признаю это. Господа, я ненавижу войну. Я бы выступал против войны, даже если бы был один... Я сочувствую страдающим, борющимся людям по всему миру. Для меня не имеет значения, под каким флагом они родились или где они живут».

Присяжные признали Дебса виновным в нарушении Закона о шпионаже. Перед вынесением приговора он обратился к судье: «Ваша честь, много лет назад я осознал свое родство со всем живым и понял, что я ничем не лучше самого ничтожного существа на Земле. И я сказал тогда, и повторяю это сейчас, что, пока существует низший класс, я принадлежу к нему, пока существует преступный элемент, я остаюсь его частью, пока хоть одна душа томится в тюрьме, я не свободен».

Судья осудил всех, кто «пытается выбить меч из руки этой нации, в то время когда она ведет бой, защищая себя от иностранной и жестокой силы». Он приговорил Дебса к 10 годам тюремного заключения.

Верховный суд не рассматривал апелляцию Дебса до 1919 г. Война уже закончилась. Выражая единодушное решение Суда, О. У. Холмс подтвердил виновность Дебса. Холмс высказался по поводу речи Дебса: «Потом он выразил свое неприятие прусского милитаризма таким образом, который можно воспринять как негативный по отношению к установленным в Соединенных Штатах порядкам». Холмс заявил, что Дебс указал на «обычные противоречия между капиталистами и рабочими... и идея о том, что трудящиеся не заинтересованы в войне, красной нитью проходила через все его выступление». Таким образом, говорил Холмс, «естественным и умышленным результатом» речи Дебса было создание препятствий вербовке в армию.

Дебс находился в тюрьме штата Западная Виргиния, а затем был переведен в федеральную тюрьму в Атланте, где он провел 32 месяца до того, когда в возрасте 66 лет был освобожден президентом У. Гардингом в 1921 г.

Около 900 человек попали в тюрьму по Закону о шпионаже. Эта серьезная оппозиция исчезла из поля зрения, в то время как видимый национальный дух проявлялся через военные оркестры, размахивание флагом, массовую покупку облигаций военных займов и неохотное согласие большинства населения с призывом в армию и войной. Такое молчаливое приятие войны было достигнуто искусным манипулированием общественным мнением и запугиванием – и это организовали все силы федерального правительства и деньги большого бизнеса. Размах кампании, направленной на разгром оппозиции, кое-что говорит об искренних чувствах населения относительно войны.

Газеты способствовали созданию атмосферы страха для потенциальных противников войны. В апреле 1917 г. «Нью-Йорк таймс» цитировала И. Рута (бывший военный министр и корпоративный адвокат): «Сейчас у нас не должно быть критики». Через несколько месяцев газета вновь привела его слова о том, что «сегодня по улицам этого города ходят люди, которых завтра на рассвете следует взять и расстрелять за государственную измену». В то же время Теодор Рузвельт, выступая в клубе выпускников Гарвардского университета, охарактеризовал социалистов, ирмовцев и других пацифистов как «целую толпу бесполой существ».

Летом 1917 г. было создано Американское общество обороны. Нью-Йоркская газета «Геральд» сообщала: «Более сотни человек записались вчера в Американский патруль бдительности в конторе Американского общества обороны... Патруль сформирован для того, чтобы положить конец подстрекательским выступлениям на улицах».

Министерство юстиции финансировало Американскую лигу защиты, которая к июню 1917 г. имела отделения в 600 мелких и крупных городах, а в ее рядах состояло почти 100 тыс.

членов. Пресса писала, что они были «местными лидерами... банкирами... людьми, связанными с железными дорогами... владельцами гостиниц». В одном исследовании Лиги описываются методы ее действий: «Почте положено быть неприкосновенной... Но давайте иногда называть Американскую лигу защиты просто ясновидящей, особенно когда письма исходят от подозреваемых... Считается, что взлом и проникновение в частный дом или в контору без ордера являются кражей со взломом. Это признано всеми. Но Лига делала это тысячи раз и ни разу не была поймана с поличным!»

Лига утверждала, что выявила 3 млн. случаев проявления нелояльности. Даже если цифра преувеличена, сам размах деятельности этой организации дает нам ключ к пониманию масштабов «нелояльности».

Штаты организовывали комитеты бдительности граждан. В Миннесоте комиссия по общественной безопасности, основанная в соответствии с законом штата, закрывала питейные заведения и кинотеатры, регистрировала земельные участки, которыми владели иностранцы, призывала приобретать облигации «займа свободы»¹⁶⁰, проверяла людей на благонадежность. Миннеаполисская газета «Джорнэл» публиковала обращение комиссии «ко всем патриотам присоединиться к борьбе с направленными против призыва в армию и подстрекательскими действиями и настроениями».

Пресса страны сотрудничала с правительством. Летом 1917 г. «Нью-Йорк таймс» вышла с передовицей: «Долг каждого добропорядочного гражданина – сообщить соответствующим службам о фактах подстрекательства, с которыми он столкнулся». А еженедельник «Литерари дайджест» просил своих читателей «вырезать и присылать любой встретившийся им редакционный материал, который покажется подстрекательским или предательским». Комитет общественной информации, которым руководил Дж. Крил, заявлял о том, что гражданам следует «сообщать о тех, кто распространяет пессимистические истории. Обращаться следует в министерство юстиции». В 1918 г. генеральный прокурор США заявил: «Можно смело сказать, что никогда за свою историю в этой стране полиция не работала столь тщательно».

Почему прилагались такие огромные усилия? Первого августа 1917 г. нью-йоркская газета «Геральд» сообщила, что в городе из первой сотни призывников 90 человек объявили о своей непригодности к воинской службе. В Миннесоте заголовки миннеаполисской газеты «Джорнэл» от 6 и 7 августа гласили: «СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРИЗЫВУ СРЕМИТЕЛЬНО РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ПО ВСЕМУ ШТАТУ» и «ПРИЗВАННЫЕ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ СООБЩАЮТ ФАЛЬШИВЫЕ АДРЕСА». Во Флориде двое чернокожих сельскохозяйственных рабочих убежали в лес с дробовиком и покалечили себя, чтобы избежать призыва: один отстрелил себе четыре пальца на руке, а другой руку до локтя. Сенатор Томас Хардвик из Джорджии сказал: «Вне всякого сомнения, существует общая и широко распространенная оппозиция тысяч людей... проведению в жизнь Закона о призыве. По всем уголкам штата проводятся многочисленные и собирающие большое количество народа митинги, направленные против этого». В конце концов более 330 тыс. мужчин были признаны уклоняющимися от призыва.

В Оклахоме СПА и ИРМ вели активную работу среди фермеров – арендаторов и издольщиков, которые организовали Союз рабочего класса¹⁶¹. На массовом митинге Союза было запланировано разрушить железнодорожный мост и перерезать телеграфные провода,

¹⁶⁰ Речь идет о распространении правительственных облигаций займа для финансирования военных расходов.

¹⁶¹ Эта организация действовала также в Арканзасе и, по некоторым оценкам, насчитывала около 35 тыс. сторонников.

чтобы воспрепятствовать отправке призывников на воинскую службу. Предполагалось также провести марш на Вашингтон тех, кто выступал против призыва. (Это называлось «Восстанием зеленой кукурузы», так как участники должны были во время похода питаться незрелыми кукурузными початками.) Но до того как Союз смог осуществить свои планы, его активисты были окружены и арестованы, и вскоре 450 человек по обвинению в мятеже оказались в тюрьме штата. Лидеров приговорили к срокам лишения свободы от 3 до 10 лет, а остальных – от 60 дней до 2 лет.

Первого июля 1917 г. радикалы организовали в Бостоне антивоенную демонстрацию под лозунгами:

***ЕСЛИ ЭТО НАРОДНАЯ ВОЙНА, ЗАЧЕМ НУЖЕН ПРИЗЫВ? КТО УКРАЛ ПАНАМУ? КТО
РАЗДАВИЛ ГАИТИ? МЫ ТРЕБУЕМ МИРА!***

Нью-йоркская газета «Колл» писала, что в демонстрации приняли участие 8 тыс. человек, включая «4 тыс. членов Центрального рабочего союза, 2 тыс. представителей латышских организаций социалистов, 1,5 тыс. литовцев, членов тайных еврейских союзов и представителей других ветвей партии». Демонстрация была атакована солдатами и матросами, получившими приказ от своих командиров.

Министерство почт стало лишать почтовых привилегий газеты и журналы, публиковавшие антивоенные материалы. Социалистический журнал «Мэссес», посвященный политике, литературе и искусству, запретили для пересылки. Летом 1917 г. в нем была опубликована редакционная статья Макса Истмана¹⁶², в которой, помимо прочего, говорилось: «Для чего вы поставляете наши тела и тела наших сыновей в Европу? Что касается меня, то я не считаю, что у правительства есть право призвать меня на войну, в цели которой я не верю».

В Лос-Анджелесе демонстрировался кинофильм, в котором речь шла об Американской революции, и были показаны зверства англичан по отношению к жителям колоний. Он назывался «Дух 76-го»¹⁶³. Создателя фильма судили по Закону о шпионаже в связи с тем, что, по словам судьи, картина была направлена на то, чтобы «поставить под сомнение веру в нашего союзника, Великобританию», и приговорили к 10 годам тюремного заключения. Это судебное дело официально называлось «Соединенные Штаты против «Духа 76-го»».

В маленьком городке в Южной Дакоте фермер и социалист по имени Фред Фэрчайлд во время спора по поводу войны сказал, согласно показаниям частных лиц, обвинивших его в нарушении закона: «Если бы я был призывного возраста, и у меня не было бы иждивенцев, и меня бы призвали в армию, я бы отказался идти служить. Они могли бы расстрелять меня, но не заставили бы воевать». Фэрчайлда судили по Закону о шпионаже, приговорили к 1 году и 1 дню заключения в Левенуэртской тюрьме. Так все и продолжалось, а количество дел увеличилось в 2 тыс. раз (число обвинений по Закону о шпионаже).

Около 65 тыс. человек объявили, что отказываются от прохождения военной службы в силу своих убеждений, и записались в нестроевые части. На армейских базах, где эти люди работали, к ним часто относились с садистской жестокостью. Три человека, которые сидели в

¹⁶² Макс Истман (1883–1969) – писатель, редактор влиятельных журналов социалистической направленности. Член Компартии до 1923 г. Впоследствии стал критиком коммунизма.

¹⁶³ Первоначально «Дух 76-го» – политический лозунг, популярный после Американской революции XVIII в.

тюрьме в Форт-Райле (Канзас) за то, что отказались выполнять военные обязанности, строевые и нестроевые, по одиночке были выведены в коридор, а затем: «...пеньковую веревку, переброшенную через верхнюю балку, затягивали у них на шее, пока они не оказались на грани потери сознания. Одновременно офицеры били их по лодыжкам и голеньям. Потом их опустили, а веревку привязали к их ногам, после чего их опять вздернули. На этот раз их поливали из садового шланга, держа его наконечник в 6 дюймах от лица, пока они окончательно не потеряли сознание».

Школы и университеты не приветствовали антивоенные выступления. Из Колумбийского университета был уволен психолог Дж. Маккин Каттелл, давний критик контроля над университетом со стороны попечительского совета и противник войны. Неделью спустя в знак протеста из университета уволился историк Чарлз Бирд, обвинив попечителей в том, что они «реакционны и слепы в политике, узколобы и дремуче религиозны».

В Конгрессе США звучали отдельные голоса против войны. Первая женщина-конгрессмен Джэннет Рэнкин¹⁶⁴ не отозвалась, когда ее имя было названо при перекличке во время принятия декларации об объявлении войны. Один из старейших членов палаты представителей, поддерживавший войну, подошел к ней и прошептал: «Малышка, вы не можете себе позволить не голосовать. Вы представляете всех женщин страны». Во время следующей переклички она поднялась: «Я хочу защищать интересы своей страны, но не могу голосовать за войну. Я голосую против». Популярной песней того времени была «Не для того растила сына я, чтоб стал солдатом». Однако ее заглушали другие песни, вроде «За рубежами», «Этот старый добрый флаг» и «Джонни, доставай свое ружье».

Как сообщалось, социалистка К. Ричардс О'Хар, выступая в Северной Дакоте в июле 1917 г., сказала, что «женщины Соединенных Штатов были не чем иным, как племенными свиноматками, которые должны были растить детей для армии, чтобы потом они стали удобрением». Оратора арестовали. Она предстала перед судом, была признана виновной и приговорена к 5 годам заключения в тюрьме штата Миссури. Там социалистка продолжила борьбу. Когда К. Ричардс О'Хар и ее товарищи-заключенные выступили с протестом против нехватки свежего воздуха из-за того, что окно над блоком камер было закрыто, охранники выволокли Кейт в коридор, чтобы наказать. Узница держала в руках сборник стихов и, когда ее вытащили из камеры, швырнула книгу в окно и разбила его; свежий воздух хлынул в помещение, вызвав восторженные крики заключенных.

Э. Голдман и ее друг анархист А. Беркман (он уже отбыл 14 лет в заточении в Пенсильвании, а она отсидела на острове Блэкуэлл 1 год) были приговорены к тюремному заключению за противодействие призыву. Эмма обратилась к жюри присяжных со следующими словами: «Воистину, если мы сами настолько обделены демократией, то как мы можем дарить ее миру?...демократия, понимаемая как воинская повинность масс, их экономическое порабощение, питаемая их слезами и кровью, – это никакая не демократия. Это деспотизм – совокупный результат цепи тех несправедливостей, которые, согласно данному опасному документу – Декларации независимости, – народ имеет право сбросить».

Война предоставила правительству шанс уничтожить ИРМ. Совсем незадолго до объявления войны газета этой организации «Индастриал уоркер» писала: «Капиталисты Америки, мы будем бороться против вас, а не за вас! Призыв! Никакая сила на земле не заставит рабочий класс сражаться, если он того не захочет». В своей истории ИРМ Ф. Фонер

¹⁶⁴ Джэннет Рэнкин (1880–1973) – суфражистка, пацифистка, первая женщина – член палаты представителей Конгресса США (1917–1919, 1941–1942). Единственный член Конгресса, голосовавший против вступления страны во Вторую мировую войну. В 60-х гг. была одним из лидеров движения против войны во Вьетнаме.

писал, что «уобблиз» не столь активно по сравнению с социалистами участвовали в антивоенном движении, поскольку были фаталистами и полагали, что войны не удастся избежать, а также думали, будто только победа в классовой борьбе и революционные перемены способны положить конец войне.

В начале сентября 1917 г. агенты министерства юстиции одновременно совершили облавы в 48 местах сбора ирмовцев по всей стране, изымая переписку и литературу, которые могли стать уликами в ходе судебного разбирательства. В том же месяце 165 лидеров ИРМ были арестованы по обвинению в заговоре с целью срыва призыва, поддержки дезертирства и устрашения других людей в связи с трудовыми конфликтами. Сто один человек предстал перед судом в апреле 1918 г., который проходил пять месяцев и стал на тот момент самым длинным судебным процессом в истории Америки. Писатель-социалист Джон Рид¹⁶⁵, только что вернувшийся из России после написания книги о большевистской революции «Десять дней, которые потрясли мир», освещал процесс над ИРМ для журнала «Мэссес» и так описывал подзащитных: «Сомневаюсь, что когда-либо в истории было подобное зрелище. Сто один человек: лесорубы, сельскохозяйственные рабочие, шахтеры, редакторы... те, кто верил, что богатство мира принадлежит тем, кто создает его... труженики широких просторов, подрывники, лесорубы, жнецы, портовые грузчики, ребята, чей труд – труд сильных».

Ирмовцы использовали судебный процесс, чтобы рассказать о своей деятельности и идеях. Шестьдесят один человек дал показания, включая Большого Билла Хейвуда, который выступал в течение трех дней. Один из членов ИРМ сказал суду: «Вы спрашиваете, почему ИРМ не настроена патриотично по отношению к Соединенным Штатам? Если вы были бродягой, не имеющим своего одеяла; если вы оставили свою жену и детей, отправляясь на заработки на Запад, и с тех пор не видели их; если вы никогда не задерживались на одном месте достаточно долго, для того чтобы получить право голосовать; если вы спали в грязной и вонючей ночлежке и ели пищу, сгнившую ровно настолько, чтобы вам могли ее дать и не нести за это ответственности; если помощники шерифа изрешетили вашу кастрюлю и весь ваш харч оказался на земле; если ваши зарплаты были урезаны, когда вашим боссам показалось, что они одержали над вами верх; если был один закон для Форда, Сура и Муни, и другой для Гарри Тоу; если любой представитель правопорядка и государства избивал вас, сажал в тюрьму по ложному обвинению, а добропорядочные христиане это приветствовали одобрительными возгласами, то каким, черт побери, по-вашему, образом человек может быть патриотом? Это война предпринимателей, и мы не понимаем, почему это мы должны идти, чтобы погибать и защищать это миленькое состояние дел, которым мы сегодня так наслаждаемся».

Присяжные признали всех подсудимых виновными. Судья приговорил Хейвуда и еще 14 человек к 20 годам тюрьмы, 33 человека получили по 10 лет, а остальные – более короткие сроки лишения свободы. Кроме того, их оштрафовали в совокупности на 2,5 млн. долл. Организация была уничтожена. Хейвуд вышел из тюрьмы под залог и бежал в революционную Россию, где жил до конца своих дней еще 10 лет.

Первая мировая война закончилась в ноябре 1918 г. Пятьдесят тысяч американских солдат погибли, и вскоре даже среди патриотов горечь и разочарование не замедлили распространиться по всей стране. Это нашло отражение в литературе послевоенного десятилетия. Джон Дос Пассос в своем романе «1919» описывает смерть Джона Доу¹⁶⁶: «...в

¹⁶⁵ Джон Рид (1887–1920) – леворадикальный журналист, писатель. Один из организаторов Коммунистической рабочей партии Америки (1919). Член Исполкома Коминтерна с 1919 г.

¹⁶⁶ Имярек. Незнавшее лицо женского пола называют Джейн Доу.

крытом толем морге в Шалон-на-Марне, в смраде хлористой извести и трупов, выбрали сосновый ящик, содержавший все, что оставалось от... Джона Доу.....и ключья высохших внутренностей и кожи, облеченные в хаки, перенесли в Шалон-на-Марне и аккуратно положили в сосновый гроб и отвезли на родину, в Божью Страну, на военном корабле, и погребли в саркофаге в мемориальном амфитеатре Арлингтонской национальной усыпальницы, и положили сверху Старое Славное Знамя, и горнист сыграл вечернюю зорю, и мистер Гардинг помолился Богу, и дипломаты, и генералы, и адмиралы и полицейские и политиканы и красиво одетые дамы из отдела «В городе и свете» «Вашингтон пост» торжественно встали и думали, как все это красиво печально старое Славное Знамя Божья Страна и горнист играет вечернюю зорю, и от трех залпов у них зазвенело в ушах. На то место, где полагалось быть его груди, возложили медаль конгресса»^{167,168}.

Эрнест Хемингуэй станет автором романа «Прощай, оружие». Спустя несколько лет студент колледжа по имени Ирвин Шоу напишет пьесу «Предайте мертвых земле». А голливудский сценарист Далтон Трамбо создаст мощный и заставляющий содрогнуться антивоенный роман «Джонни получил винтовку» о теле и мозге, которые остались живы на поле сражения Первой мировой войны. Перу Форда Мэдокса Форда будет принадлежать «Конец парада».

Несмотря на получившие распространение в годы войны заключения в тюрьму, запугивания, кампанию за национальное единство, американский истеблишмент и по ее окончании продолжал опасаться социализма. Перед лицом революционного вызова опять, казалось, возникла потребность в двойственной тактике контроля – тактике реформ и репрессий.

Первая тактика была предложена одним из друзей Вудро Вильсона – Джорджем Л. Рекордом, который в начале 1919 г. рекомендовал президенту предпринять какие-то действия для создания экономической демократии, чтобы «противостоять угрозе социализма». Он писал: «Вы должны стать настоящим лидером радикальных сил Америки и представить стране конструктивную программу фундаментальных реформ, которая будет реальной альтернативой программе, предлагаемой социалистами и большевиками».

Летом того же года советник Вильсона Джозеф Тамалти напоминал президенту, что конфликт между республиканцами и демократами является несущественным по сравнению с тем, что угрожает и тем и другим: «То, что произошло в Вашингтоне прошлой ночью во время попытки покушения на жизнь генерального прокурора, является не чем иным, как симптомом ужасной смуты, надвигающейся на страну... Как демократ я буду огорчен, если Республиканская партия вновь придет к власти. Но это не так досадно, как видеть постоянный, изо дня в день, рост на наших глазах движения, которое, если за ним не уследить, обречено вылиться в атаку на все, чем мы дорожим. В эту эпоху промышленной и социальной смуты обе партии не пользуются уважением среди простых людей».

«То, что произошло в Вашингтоне прошлой ночью» было взрывом бомбы перед домом генерального прокурора А. М. Палмера. Через шесть месяцев после этого он осуществил первый из своих масштабных рейдов на иммигрантов, которые не являлись гражданами страны. Закон, принятый Конгрессом незадолго до окончания войны, позволял депортировать

---

¹⁶⁷ Почетная медаль Конгресса – высшая военная награда в США. Учреждена в 1862 г. и вручается президентом США от имени Конгресса.

¹⁶⁸ Дос Пассос Дж. Собрание сочинений: в 3 т. / пер. с англ. М., 1981. Т. 3. С. 111, 114.

иностранцев, которые выступали против правительства или пропагандировали уничтожение частной собственности. Двадцать первого декабря 1918 г. сотрудники Палмера схватили 249 человек, родившихся в России (включая Эмму Голдман и Александра Беркмана), посадили их на пароход и депортировали в Советскую Россию. Конституция не давала Конгрессу прав выдворять иностранцев, но Верховный суд еще в 1892 г., подтверждая право Конгресса изгнать китайцев, заявил, что в случае, когда речь идет о самосохранении, такие действия являются естественным правом правительства.

В январе 1920 г. по всей стране были арестованы 4 тыс. человек. Их содержали под стражей в течение длительного времени, вызывали на закрытые слушания, а затем приказали депортировать. В Бостоне сотрудники министерства юстиции при поддержке местной полиции арестовали 600 человек, врываясь в места их собраний или ранним утром в дома. Встревоженный федеральный судья так описывал этот процесс¹⁶⁹: «Были приложены все усилия, чтобы придать этим рейдам публичность и сделать так, чтобы складывалось впечатление огромной надвигающейся угрозы для общества... Арестованные иностранцы, в большинстве случаев тихие и безобидные рабочие, многие в недавнем прошлом русские крестьяне, были закованы попарно в наручники, а потом для перевозки на поездах и прохода по улицам Бостона скованы вместе цепями».

Весной 1920 г. наборщик-анархист по имени Андреа Сальседо был арестован агентами Федерального бюро расследований в Нью-Йорке. Его продержали восемь недель в офисе ФБР на четырнадцатом этаже «Паркроу билдинг», не позволяя ничего сообщить о себе ни семье, ни друзьям, ни адвокатам. Позже его изуродованное тело нашли на тротуаре перед зданием, а ФБР заявило, что этот человек совершил самоубийство, выбросившись из окна четырнадцатого этажа.

Двое друзей Сальседо, анархисты, жившие и работавшие в районе Бостона, с того момента, как узнали о смерти Андреа, стали носить при себе оружие. Их арестовали в трамвае в Броктоне (Массачусетс). Арестованным были предъявлены обвинения в вооруженном ограблении и убийстве, которые имели место на обувной фабрике за две недели до их ареста. Этих людей звали Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти. Они предстали перед судом, были признаны виновными и провели 7 лет в тюрьме, пока продолжался процесс подачи апелляций и пока во всей стране и во всем мире люди внимательно следили за происходящим. Протокол суда и сопутствующие обстоятельства дают основания предположить, что Сакко и Ванцетти был вынесен смертный приговор в связи с тем, что они являлись анархистами и иностранцами. В августе 1927 г., как только полиция разгромила демонстрации и линии пикетов с помощью арестов и избиений, тюрьму окружили войска, и оба осужденных были казнены на электрическом стуле.

Последнее письмо Н. Сакко, адресованное его сыну Данте и написанное на с трудом выученном английском, было посланием грядущим поколениям: «Итак, сынок, вместо того чтобы плакать, будь сильным, чтобы ты мог успокоить свою мать... возьми ее на долгую прогулку за город, в тишину, где вы будете то там, то тут собирать дикие цветы... Но всегда помни, Данте, в игре счастья не забирай все лишь себе... помогай преследуемым и жертвам, потому что они твои лучшие друзья... В этой борьбе ради жизни ты найдешь не только любовь, и тебя тоже полюбят».

Вот такими были реформы. Пробудился воинственный патриотический пыл. Суды и

¹⁶⁹ Речь идет о событиях, вошедших в историю как «рейды Палмера» – массовые облавы на лиц, придерживавшихся левых взглядов, в 1919–1920 гг., в период так называемой красной угрозы. А. М. Палмер принимал личное участие в рейдах.

тюрьмы использовались для укрепления понимания того, что с определенными идеями и методами сопротивления мириться не будут. И все же даже из тюремных камер, где томились осужденные, пришло послание, провозглашавшее что классовая борьба в Соединенных Штатах, в обществе, которое было принято считать бесклассовым, все еще продолжается. И эта борьба велась все 20–30-е гг. XX в.

Самопомощь в трудные времена

В феврале 1919 г., когда едва закончилась война, а лидеры ИРМ еще сидели в тюрьме, идея о всеобщей стачке, которой руководствовалась в своей деятельности эта организация, на пять дней воплотилась в жизнь в Сиэтле (Вашингтон), где 100 тыс. рабочих забастовали и заставили замереть город.

Все началось с того, что 35 тыс. судостроителей прекратили работу, потребовав повышения зарплаты. Они обратились за поддержкой в Центральный рабочий союз Сиэтла, который рекомендовал провести общегородскую забастовку. И в течение двух недель 110 организаций на местах, в основном отделения АФТ и только несколько филиалов ИРМ, проголосовали за стачку. Рядовые члены каждой бастующей организации избрали по три представителя в Стаечный комитет, и 6 февраля 1919 г., в 10 часов утра, забастовка началась.

Достичь единства было непросто. Между местными отделениями ИРМ и АФТ складывались напряженные отношения. Представителей местных объединений японцев допустили в Стаечный комитет, но не дали им права голоса. И тем не менее 60 тыс. членов профсоюза приняли участие в стачке, и еще 40 тыс. рабочих присоединились к ним из солидарности.

В рабочем движении Сиэтла были сильны традиции радикализма. Во время войны президент городского отделения АФТ, социалист, попал в тюрьму за выступления против призыва на военную службу и подвергся пыткам; на улицах проходили массовые митинги протеста.

И вот с началом стачки город перестал функционировать; исключение составляли лишь те сферы, деятельность которых организовали забастовщики в целях обеспечения насущных нужд. Пожарные согласились оставаться на посту. Работники прачечных обслуживали только больницы. Транспортные средства, которым было разрешено движение, имели таблички с надписью «С разрешения Стаечного комитета». В окрестностях было организовано 35 молокозаводов. Каждый день крупные кухни готовили 30 тыс. порций еды, которые потом развозились по всему городу и подавались, как в кафетерии, в различных зданиях. Забастовщики платили за питание по 25 центов, а остальные граждане – по 35 центов. Людям предоставлялась возможность брать неограниченные порции говяжьего рагу, спагетти, есть столько хлеба и пить столько кофе, сколько они хотели.

Для поддержания порядка организовали Охранная служба рабочих – ветеранов войны. На доске объявлений в одном из штабов Службы было написано:

«Целью нашей организации является соблюдение правопорядка без использования силы. Ни один из добровольцев не будет наделен полномочиями полиции, и никому не будет разрешено носить какое-либо оружие. Действовать можно только методом убеждения». Во время стачки уровень преступности в городе снизился. Командир подразделения американской армии, отправленного в Сиэтл, говорил Стаечному комитету, что за 40 лет военной службы он никогда не видел города, в котором царили бы такие спокойствие и порядок. В городской газете «Юнион рекорд» (ежедневная рабочая газета) некто по имени Анис опубликовал следующее стихотворение:

Более всего их страшит, что ничего не происходит!
 Они готовы к беспорядкам.
 У них есть пулеметы и солдаты,
 Но эта тишина с улыбками вселяет ужас.
 Люди бизнеса не понимают такого оружия...
 Братья! Это ваши улыбки подрывают их веру в артиллерию.
 Это мусорные фургоны, которые ездят по улицам
 Под знаком «С РАЗРЕШЕНИЯ СТАЧЕЧНОГО КОМИТЕТА».
 Это молокозаводы, которые с каждым днем работают все лучше,
 Это три сотни трудящихся – ветеранов ВОЙНЫ,
 Которые сдерживают толпы БЕЗ ОРУЖИЯ.
 Все эти вещи говорят о НОВОЙ СИЛЕ И о НОВОМ МИРЕ,
 В котором им так неуютно.

Мэр Сизтла привел к присяге 2,4 тыс. специальных помощников шерифов, многие из которых являлись студентами Вашингтонского университета. Правительство США направило в город почти 1 тыс. матросов и морских пехотинцев. Всеобщая забастовка завершилась через пять дней, в соответствии с распоряжением Стачечного комитета, вследствие давления, оказанного со стороны центрального руководства межнациональных профсоюзов, а также из-за трудности жизни в переставшем функционировать городе.

Стачка носила мирный характер. Однако, когда она закончилась, были проведены рейды и аресты: в штаб-квартире социалистов, в типографии. Тридцать девять ирмовцев попали в тюрьму как «зачинщики анархии».

В Сентрейлии (Вашингтон), где ИРМ вела работу среди рабочих лесопилок, лесопромышленники разработали план избавления от этой организации. Одиннадцатого ноября 1919 г., в День примирения¹⁷⁰, члены Американского легиона¹⁷¹ шли парадным маршем через город, неся резиновые шланги и газовые трубы; «уобблиз» приготовились к нападению. Когда легионеры проходили мимо здания ИРМ, раздались выстрелы – неизвестно, кто выстрелил первым. Тогда участники марша ворвались в это здание, раздались новые выстрелы. В результате три члена Легиона были убиты.

В штаб-квартире ИРМ находился ирмовец, лесоруб по имени Фрэнк Эверетт, который воевал во Франции рядовым солдатом, в то время как общенациональных лидеров этой организации судили за выступления против войны. Эверетт был в военной форме и имел при себе винтовку. Он разрядил ее, стреляя в толпу, потом бросил оружие и побежал в лес, преследуемый разъяренными людьми. Фрэнк попробовал перейти реку вброд, но течение оказалось слишком быстрым. Тогда он развернулся, застрелил человека, возглавлявшего преследование, выбросил пистолет в воду и вступил в рукопашный бой с толпой. Эверетта приволокли обратно в город, привязав к автомобилю, подвесили к телеграфному столбу, потом сняли его оттуда и бросили в тюрьму. В ту же ночь дверь камеры Фрэнка была выбита, его

¹⁷⁰ День примирения был сначала неофициальным, а затем официальным праздником во всех штатах США, кроме Оклахомы. Отмечался ежегодно в 1926–1954 гг. в память о перемирии между Антантой и Германией 11 ноября 1918 г., которое положило конец Первой мировой войне. С 1 июня 1954 г. отмечается как День ветеранов.

¹⁷¹ Американский легион – консервативная военно-патриотическая общественно-политическая организация, крупнейшая в мире организация ветеранов. Основана в 1919 г. с целью защиты интересов ветеранов Первой мировой войны офицерами – участниками боевых действий во Франции.

вытащили на улицу, положили на пол машины, отрезали гениталии, а потом отвезли на мост, где и повесили, изрешетив тело пулями.

Никого и никогда не арестовали за это тяжкое преступление, но 11 «убоблиз» предстали перед судом за убийство во время парада руководителя Американского легиона, и шестеро из них провели по 15 лет в тюрьме.

Почему реакция на всеобщую стачку и на деятельность ИРМ была такой? В своем заявлении мэр Сиэтла предположил, что истеблишмент испугался не самого выступления, а того, что оно символизировало. Он сказал: «Так называемая стачка сочувствующих в Сиэтле являлась попыткой революции. То, что не было насилия, не делает это событие менее тревожным... Целью, объявлялась ли она открыто или держалась в тайне, было свержение индустриальной системы, сначала здесь, а потом и повсюду... Действительно, не было выстрелов, бомб и убийств. Для революции, я повторяю, насилие не обязательно. Всеобщая стачка, подобная организованной в Сиэтле, сама по себе есть орудие революции, особенно опасное в связи с тем, что все происходит тихо. Чтобы достичь успеха, стачка должна была затронуть все, остановить само течение жизни в обществе... Иными словами, она отстраняла местные власти от управления. А это именно то, что нужно для восстания, – каким бы способом эта цель ни достигалась».

Более того, всеобщая забастовка в Сиэтле состоялась на гребне волны послевоенных волнений, прокатившейся по всему миру. Один автор в журнале «Нейшн» так характеризовал тот год: «Самым потрясающим явлением наших дней... является беспрецедентное восстание простых людей... В России оно [восстание] привело к свержению царя... В Корее, Индии, Египте и Ирландии оно поддерживает непреклонное сопротивление политической тирании. В Англии оно привело к забастовке железнодорожников против воли их собственных вожakov. В Сиэтле и Сан-Франциско его результатом стал недавний отказ докеров грузить оружие и боеприпасы, предназначенные для свержения правительства Советов. В одном из районов Иллинойса следствием [восстания] стала резолюция бастующих шахтеров, которые единодушно потребовали, чтобы исполнительная власть штата «отправлялась к черту». В Питтсбурге, по словам мистера Гомперса, пассивных деятелей из Американской федерации труда заставили призвать рабочих сталелитейной промышленности к забастовке, а иначе контроль над ситуацией перешел бы в руки ИРМ или других «радикалов». В Нью-Йорке оно [восстание] привело к стачке докеров, продолжавших бастовать наперекор воле профсоюзных лидеров; оно вызывало волнение в полиграфической промышленности, а профсоюзные вожаки, работавшие рука об руку с хозяевами, оказались абсолютно не способны его контролировать. Простые люди... утратив веру в прежнее руководство, переживали новый этап веры в себя или, по меньшей мере, были безрассудны и готовы попытаться счастья... власть не может более навязываться сверху – она автоматически приходит снизу».

Позже в том же 1919 г. на сталелитейных заводах на западе Пенсильвании, где люди трудились по 12 часов в день и 6 дней в неделю, выполняя изнурительную работу в безумной жаре, 100 тыс. рабочих записались в 20 различных цеховых профсоюзов АФТ. Пытаясь объединить их организационно, Национальный комитет¹⁷² летом 1919 г. осознал, что «люди дают понять: если мы ничего не сделаем для них, то они возьмут ситуацию под свой контроль».

Национальный комитет получал телеграммы, подобные той, которая была отправлена джонстаунским Советом рабочих-сталелитейщиков: «Если Национальный комитет на этой

¹⁷² Речь идет о Национальном комитете по организации рабочих сталелитейной промышленности, созданном в 1918 г.

неделе не примет решения об объявлении проведения общенациональной забастовки, то мы будем вынуждены бастовать в одиночку». Уильям З. Фостер (впоследствии лидер коммунистов, а в то время секретарь-казначей Национального комитета, ответственный за организационную работу) получил телеграмму от [профсоюзных] организаторов в районе Янгстауна: «От нас не следует ожидать встречи с разгневанными рабочими, которые сочтут нас предателями, если проведение стачки будет откладываться».

Со стороны президента США Вудро Вильсона и президента АФТ Сэмюэла Гомперса оказывалось давление, направленное на то, чтобы отложить проведение стачки. Но сталелитейщики проявили большую настойчивость, и в сентябре 1919 г. не только 100 тыс. членов профсоюзов, но и 250 тыс. других рабочих приняли участие в забастовке.

Шериф графства Аллегейни привел к присяге, сделав своими помощниками, 5 тыс. работников «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», которые не бастовали, и провозгласил, что все сборища на открытом воздухе будут запрещены. В докладе Всемирного межцерковного движения, подготовленном в то время, говорилось: «В Монессене... действия полиции штата состояли в том, что людей просто избивали дубинками на улице, загоняя их в дома... В Браддоке... после того как забастовщика избили на улице, его увезли в тюрьму и держали там до утра... Многих арестованных в Ньюкасле... было приказано не выпускать до тех пор, пока стачка не закончится».

Министерство юстиции начало принимать меры, проводя рейды против рабочих-иностранцев, задерживая их с целью дальнейшей депортации. В Гэри (Индиана) были посланы федеральные войска.

Против бастующих действовали и другие факторы. Большинство участников составляли недавно приехавшие в США люди разной национальности, говорившие на различных языках. Компания «Шерман сервис, инк»., нанятая сталелитейными корпорациями для подавления стачки, инструктировала своих сотрудников в южной части Чикаго: «Мы хотим, чтобы вы расшевелили как можно больше взаимных негативных чувств у сербов и итальянцев. Распространите среди первых сведения о том, что итальянцы собираются вернуться на работу... Убедите их [сербов] вновь начать трудиться, сказав, что иначе итальянцы займут их рабочие места». Более 30 тыс. чернокожих рабочих были привлечены в качестве штрейкбрехеров – их не принимали в профсоюзы АФТ, и вследствие этого они не проявляли верности профсоюзному движению.

По мере того как стачка затягивалась, распространялись пораженческие настроения, и рабочие были вынуждены мало-помалу возвращаться на работу. Через 10 недель количество бастующих сократилось до 110 тыс. человек, и тогда Национальный комитет призвал прекратить забастовку.

В первый послевоенный год забастовали 120 тыс. текстильщиков в Новой Англии и Нью-Джерси, 30 тыс. работников шелковых фабрик в Патерсоне (Нью-Джерси). В Бостоне стачку устроила полиция¹⁷³, а в Нью-Йорке бастовали сигарщики, белошвейки, плотники, пекари, водители и парикмахеры. По сообщениям прессы, в Чикаго «летняя жара сопровождалась большим количеством забастовок и локаутов, чем когда-либо в истории». Пять тысяч работников компании «Интернэшнл харвестер» и 5 тыс. муниципальных служащих вышли на улицы.

¹⁷³ Первая в истории профсоюзного движения акция, показавшая наличие серьезных проблем в трудовых отношениях на муниципальном уровне. Началась 9 сентября 1919 г. из-за того, что власти Массачусетса отказались признать профсоюз полицейских и улучшить условия их работы, и продолжалась два дня. Полиция выступила за право создания своего профсоюза и его вхождение в АФТ.

Тем не менее в начале 20-х гг. прошлого века казалось, что ситуация контролируется. ИРМ была разгромлена, Соцпартия раскалывалась. Стачки подавлялись с применением силы, а экономического благополучия достигло такое число людей, которое не позволяло организовать массовые восстания.

В 20-х гг. Конгресс США остановил опасный, бурный поток иммигрантов (в 1900–1920 гг. в страну прибыло 14 млн. человек), приняв законы, устанавливавшие въездные квоты, благоприятные для англосаксов, запретительные для чернокожих и людей желтой расы и резко ограничительные для представителей народов, говорящих на романских языках, а также для славян и евреев. Ни одна африканская страна не могла отправить более 100 человек; таков же был лимит для Китая, Болгарии и Палестины; 34007 человек могли приехать из Англии или Северной Ирландии, но только 3845 – из Италии, 51 227 – из Германии, и лишь 124 человека – из Литвы, 28567 иммигрантов – из Ирландского Свободного Государства¹⁷⁴, но только 2248 – из России.

В 20-х гг. возродился Ку-клукс-клан, и его деятельность распространилась на Север. К 1924 г. в состав организации входило 4 млн. членов. Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения оказалась беспомощной перед лицом жестокости толпы и вспыхнувшей повсюду расовой ненависти. То, что чернокожий не будет воспринят в качестве равного в белой Америке, стало темой негритянского националистического движения, возглавлявшегося в те годы Маркусом Гарви. Он проповедовал «черную гордость», разделение рас, возвращение в Африку, с которой у Гарви были связаны последние надежды на объединение и выживание черных. Но это движение, которое вдохновляло некоторых чернокожих, не могло сдержать мощную волну белого расизма послевоенного десятилетия.

В стереотипной картинке 20-х гг., времени процветания и веселья, – «век джаза» и «ревушие двадцатые» – есть доля правды. Безработица сократилась с 4,27 млн. человек в 1921 г. до цифры, чуть большей 2 млн, в 1927 г. Общий уровень зарплаты рабочих вырос. Некоторые фермеры зарабатывали хорошие деньги. Сорок процентов всех семей, которые получали доход более 2 тыс. долл. в год, могли приобретать технические новинки, такие, как автомобили, радиоприемники, холодильники. Миллионы людей жили неплохо и они могли заслонить от взора другую часть населения: чернокожих и белых фермеров-арендаторов, семьи иммигрантов, оказавшихся в больших городах либо без работы, либо зарабатывавших недостаточно для обеспечения самых насущных потребностей.

Но процветли прежде всего верхи. С 1922 по 1929 г. фактическая оплата труда на производстве выросла на душу населения на 1,4 %, и в то же время владельцы обычных акций получали прибыль в размере 16,4 % в год. Шесть миллионов семей (42 % общего их количества) имели доход менее 1 тыс. долл. в год. По оценкам Брукингского института¹⁷⁵, 0,1 % семей из верхних слоев общества получали столько же доходов, сколько и 42 % семей, находившихся в его низах. В 20-х гг. ежегодно 25 тыс. рабочих гибли на производстве, а 100 тыс. навсегда оставались инвалидами. Два миллиона нью-йоркцев арендовали жилье в многоквартирных домах, которые в случае пожара становились ловушкой.

¹⁷⁴ Название Ирландии в 1922–1937 гг.

¹⁷⁵ Брукингский институт – некоммерческая исследовательская организация, занимающаяся изучением различных аспектов экономики, внутренней и внешней политики, независимым анализом правительственной политики, издательской деятельностью. В целом имеет репутацию либеральной, хотя до Второй мировой войны считалась консервативной. Основана в 1916 г. как Институт изучения государственного управления. В 1927 г. объединился с Институтом экономики и стал называться Брукингским институтом по имени основателя – Роберта Брукинга.

В стране было много маленьких промышленных городов вроде Манси (Индиана), где, по словам Роберта и Хелен Линд, авторов книги «Мидлтаун», классовая система проявляла себя в утреннем пробуждении: в двух третях городских семей «отец поднимался зимой в полной темноте, поспешно завтракал на кухне при сером свете зари и уже находился на работе за час или за два часа с четвертью до того времени, когда его дети должны были идти в школу».

Но благополучных людей было достаточно, чтобы оттеснить остальных на задний план. Притом что богатые контролировали средства распространения информации, кто мог о них рассказать? Историк М. Кёрти сделал следующее наблюдение относительно 20-х гг.: «На самом деле только 10 % населения из высших классов наслаждались ощутимым увеличением реальных доходов. Но те протесты, которые обычно вызывает подобное состояние дел, не могли прозвучать достаточно громко или быть услышаны повсеместно. Частично это было результатом долгосрочной стратегии основных политических партий. Отчасти – результатом того, что практически все основные каналы влияния на общественное мнение теперь контролировались крупными издательскими компаниями».

Некоторые писатели, такие, как Теодор Драйзер, Синклер Льюис, Льюис Мамфорд, пытались совершить прорыв. В статье «Отзвуки века джаза» Фрэнсис Скотт Фицджеральд писал: «Да и то сказать, ведь все это была жизнь взаймы – десятая часть общества, его сливки, вела существование, как у герцогов, и ненадежное, как у хористок». Он указывал на угрожающие сигналы посреди этого процветания: пьянство, неудовлетворенность жизнью, насилие: «Один мой школьный товарищ убил на Лонг-Айленде жену, а затем покончил с собой; другой «случайно» упал с крыши небоскреба в Филадельфии, третий – уже не случайно – с небоскреба в Нью-Йорке. Одного прикончили в подпольном кабаке в Чикаго, другого избили до полусмерти в подпольном кабаке в Нью-Йорке, и домой, в принстонский клуб он дотащился лишь затем, чтобы тут же испустить дух; еще одному какой-то маньяк в сумасшедшем доме, куда того поместили, проломил топором череп»¹⁷⁶.

В романе «Бэббит» С. Льюис смог отразить ложное ощущение процветания, иллюзорное удовольствие от обладания последними техническими новинками для среднего класса: «Это был лучший из широко разрекламированных будильников серийного выпуска, со всякими новшествами, вроде колокольного звона, переменного боя и светящегося циферблата. Бэббит гордился тем, что его будит такой великолепный механизм. Это так же поднимало человека в глазах общества, как покупка самых дорогих шин для автомобиля. С неохотой он признал, что выхода нет – надо вставать, но не встал, чувствуя, как ненавистна ему скучная и однообразная работа в конторе по продаже недвижимости, как противна семья и как он сам себе противен за то, что они ему противны»¹⁷⁷.

В конце концов, после долгой пропагандистской кампании, с принятием в 1920 г. 19-й Поправки женщины получили право голоса. Однако голосование все еще оставалось делом среднего и высшего классов общества. Элеанор Флекснер, подробно излагая историю движения [за права женщин], пишет, что результатом предоставления американкам права голоса стало то, что «среди женщин проявилась та же тенденция разделения голосов в соответствии с традиционными партийными взглядами, как и среди избирателей-мужчин».

Не многие политики в 20-х гг. выступали в поддержку бедняков. Одним из них был Фьорелло Лагардиа, конгрессмен, представлявший район бедных иммигрантов в восточной

¹⁷⁶ Фицджеральд Ф. С. Избранные произведения: в 3 т. / пер. с англ. М., 1977. Т. 3. С. 405, 407.

¹⁷⁷ Льюис С. Бэббит. Эрроусмит / пер. с англ. М., 1973. Т. 163. С. 25. (Серия: Библиотека всемирной литературы.)

части Гарлема (который, по странному стечению обстоятельств, баллотировался как от социалистов, так и от республиканцев). В середине 20-х жители округа сообщили Лагардиа о высоких ценах на мясо. Когда он обратился к министру сельского хозяйства Уильяму Джердину с просьбой рассмотреть этот вопрос, последний отправил конгрессмену буклет, рассказывавший о том, как наиболее экономно расходовать мясо. Ф. Лагардиа так ответил У. Джердину: «Я просил о помощи, а Вы отправили мне бюллетень. Жители Нью-Йорка не могут накормить своих детей министерскими бюллетенями... Ваши бюллетени... бесполезны для обитателей многоквартирных домов этого великого города. Нью-йоркские домохозяйки своим горьким опытом научены тому, как экономить мясо. Нам необходима помощь вашего министерства в борьбе со спекулянтами мясом, из-за которых трудящиеся этого города не могут питаться должным образом».

В 20-х гг. XX в., во время президентства У. Гардинга и К. Кулиджа министром финансов был Эндрю Меллон, один из богатейших людей Америки. В 1923 г. Конгрессу был представлен «план Меллона», внешне направленный на то, чтобы все выглядело как общее снижение подоходного налога, при котором, однако, для получателей наиболее крупных доходов налоговое бремя снижалось с 50 до 25 %, в то время как люди с наиболее низкими доходами вместо 4 % платили бы 3 %. Несколько конгрессменов от рабочих округов выступали против этого закона. Например, представлявший Массачусетс Уильям П. Коннери сказал: «Я не хочу, чтобы мои люди [избиратели], которые работают на обувных фабриках Линна, на фабриках Лоренса и на кожевенных предприятиях Пибоди не более трех дней в неделю в наши дни так называемого республиканского процветания, думали, что я согласен с положениями этого закона... Когда я вижу в предложенном Меллоном законопроекте о налогообложении положение, которое позволит самому мистеру Меллону сохранить от уплаты подоходного налога 800 тыс. долл., а его брату – 600 тыс. долл., я не могу поддержать такой закон».

«План Меллона» был утвержден. В 1928 г. Ф. Лагардиа совершил поездку в беднейшие районы Нью-Йорка, после чего заявил: «Признаюсь, я не был готов к тому, что увидел. Кажется просто невероятным, что такой уровень бедности действительно может существовать».

Оттесненные в 20-х гг. на задний план новостями о процветании, время от времени появлялись сообщения об ожесточенной борьбе трудящихся. В 1922 г. забастовали шахтеры-угольщики и работники железных дорог. Сенатор от штата Монтана Бёртон Уилер, прогрессист, избранный благодаря голосам рабочих, посетил место, где проводилась забастовка, и заявил следующее: «Весь день я слышал душераздирающие истории женщин, выселенных из своих домов угольными компаниями. Я слышал жалобные просьбы детей дать им хлеба. Я был ошеломлен жуткими рассказами мужчин, зверски избитых частными охранниками. Это было шокирующее и расшатывающее нервы ощущение».

Стачка текстильщиков на Род-Айленде, начатая в 1922 г. итальянскими и португальскими рабочими, закончилась поражением, но классовое чувство пробудилось, и некоторые бастующие присоединились к радикальным движениям. Луиджи Нарделла вспоминал: «...мой старший брат Гвидо и начал забастовку. Он выдергивал рукоятки на ткацких станках на фабрике «Ройял Миллс», переходя из одного цеха в другой и крича: «Стачка! Стачка!»... Когда забастовка началась, у нас не было никаких организаторов от профсоюзов... Мы собрали группу девушек и пошли от фабрики к фабрике, и в то утро обошли пять предприятий. Мы махали руками фабричным девушкам и кричали: «Выходите! Выходите!» Потом мы шли к следующей фабрике... Кто-то из Лиги молодых рабочих вышел к нам и пригласил меня на собрание, и я пошел. Я вступил в эту организацию и через несколько лет стал членом клуба

«Рисорджименто» в городе Провиденсе. Мы были антифашистами. Я выступал на улице, на трибуне, принес стойку, запрыгнул на нее и обратился к большой толпе. Мы поддерживали Сакко и Ванцетти».

После войны Соцпартия ослабла и была создана Компартия; коммунисты участвовали в организации Лиги профсоюзной пропаганды (ЛПП), которая пыталась разжечь воинствующий дух внутри АФТ. Когда коммунист по имени Бен Голд из секции меховщиков ЛПП во время митинга бросил вызов лидерам АФТ, он получил ножевое ранение и был избит. Но в 1926 г. Голд и другие коммунисты инициировали забастовку меховщиков, в ходе которой были организованы массовые пикеты. Они вступили в схватку с полицией, чтобы защитить ряды пикетчиков, были арестованы и избиты. Тем не менее стачка продолжалась и в конце концов ее участники победили, добившись 40-часовой рабочей недели и повышения зарплаты.

Коммунисты вновь сыграли лидирующую роль в крупномасштабном выступлении текстильщиков, которое весной 1929 г. распространилось по территориям от Южной и Северной Каролины до Теннесси. Владельцы фабрик переехали на Юг, чтобы избавиться от профсоюзов и найти более послушных рабочих среди белых бедняков. Но и эти работники восстали против длительного рабочего дня и низкой оплаты труда. Они особенно негодовали по поводу «стреч-аутов» – интенсификации работы при сохранении той же продолжительности рабочего дня. Например, зарплата ткачихи, которая работала на 24 станках и получала 18,91 долл. в неделю, повышалась до 23 долл., но работница должна была «интенсифицироваться», взяв до сотни станков, и трудиться с очень высокой скоростью.

Первая из забастовок текстильщиков прошла в Теннесси, когда 500 тружениц одной из фабрик не вышли на работу, протестуя против зарплаты в 9–10 долл. в неделю. Потом в Гастонии (Северная Каролина) рабочие вступили в новый Национальный союз текстильщиков, который возглавляли коммунисты и членами которого могли стать как черные, так и белые трудящиеся. Когда нескольких членов профсоюза уволили, половина из 2 тыс. работников забастовали. Антикоммунистические и расистские настроения усиливались, и началось насилие. Стачки текстильщиков стали проходить по всей Южной Каролине.

Постепенно многие из них прекратились, принеся некоторые результаты, однако в Гастонии было иначе. Там забастовка продолжалась, рабочие жили в палаточном городке и отказывались исключить из своего руководства коммунистов. Были использованы штрейкбрехеры, и фабрики продолжали работать. Отчаяние росло, имели место несколько яростных стычек с полицией. Однажды темной ночью в перестрелке убили начальника полиции, и 16 забастовщиков, а также симпатизировавшие им были обвинены в убийстве, в том числе и коммунист-организатор Фред Бил. В конечном итоге семь человек были осуждены и получили сроки от 5 до 20 лет лишения свободы. Этих людей отпустили под залог, и они покинули штат; коммунисты бежали в Советскую Россию. Несмотря на все поражения, избияния, убийства, эта забастовка явилась, тем не менее, началом профсоюзного движения на текстильных фабриках Юга.

Крах фондового рынка в 1929 г., ознаменовавший начало Великой депрессии в Соединенных Штатах, произошел непосредственно вследствие диких биржевых игр, которые провалились и привели к развалу всей экономики. Однако, как пишет Дж. Гэлбрейт в своем исследовании «Великий крах», посвященном этому событию, биржевые спекуляции выявили факт, что «экономика была в основе своей непрочной». Американский экономист указывает на очень нездоровые корпоративные и банковские структуры, ущербную внешнюю торговлю, высокую степень экономической дезинформации и «плохое распределение доходов» (наиболее состоятельные люди, составлявшие 5 % населения страны, получали около трети всех личных доходов).

Критика с социалистических позиций пошла бы дальше: капиталистическая система по своей сути непрочна. Ею движет один основной мотив – извлечение корпоративной прибыли, и вследствие этого такая система нестабильна, непредсказуема и слепа к нуждам людей. В результате для многих людей депрессия была постоянным явлением, а периодически возникавшие кризисы отражались на жизни почти каждого человека. Несмотря на попытки самореформирования и улучшения контроля, в 1929 г. капитализм все еще являлся больной и ненадежной системой.

После краха экономика была парализована и едва функционировала. Закрылось более 5 тыс. банков, а также огромное число предприятий, не способных зарабатывать деньги. Те же, которые продолжали функционировать, увольняли работников, а оставшимся сотрудникам снова и снова понижали зарплату. Промышленное производство сократилось на 50 %, а к 1933 г., возможно (никто не знает точной цифры), 15 млн. человек, т. е. четверть или треть рабочей силы, остались без работы. В «Форд мотор компани», где весной 1929 г. трудилось 128 тыс. человек, к августу 1931 г. осталось 37 тыс. работников. К концу 1930 г. почти половина из 280 тыс. трудящихся ткацких фабрик в Новой Англии потеряли работу. Экс-президент К. Кулидж комментировал ситуацию с присущей ему мудростью: «Когда все больше и больше людей вышвыривают на улицу, результатом становится безработица». В начале 1931 г. он снова сказал: «Эта страна находится не в самом лучшем состоянии».

Разумеется люди, ответственные за экономику, не знали, что произойдет дальше, они были сбиты с толку, отказывались понимать происходящее и искали причины неблагополучия вовсе не в системе, которая была несостоятельна. Герберт Гувер¹⁷⁸ заявил незадолго до кризиса: «Сегодня в Америке мы подошли к окончательной триумфальной победе над бедностью ближе, чем когда-нибудь это делала какая-либо страна за всю историю». В марте 1931 г. Генри Форд заявил, что кризис разразился потому, что «обычные люди не слишком хорошо трудились, если их не заставляли и им некуда было деться. Работы предостаточно, если ее будут выполнять». Спустя несколько недель он уволил 75 тыс. рабочих.

По всей стране скопились тонны продуктов питания, но их было невыгодно куда-либо везти и продавать. Склады ломились от одежды, но американцы не могли позволить себе купить ее. Многие дома пустовали из-за высокой арендной платы. Квартиросъемщиков выселяли, и теперь они проживали в лачугах в «гувервиллях»¹⁷⁹, наскоро созданных на мусорных свалках.

Краткие зарисовки действительности в газетах множились день ото дня. Вот история, опубликованная в «Нью-Йорк таймс» в начале 1932 г.: «После тщетных, продолжавшихся до 15 января попыток избежать выселения из своей квартиры, расположенной в Бруклине по адресу Хэнкок-стрит, № 46, вчера 48-летний Питер Дж. Корнелл, бывший кровельщик-подрядчик, потерявший работу и оказавшийся без гроша за душой, скончался на руках жены».

Доктор признал причиной смерти сердечный приступ, а полиция сказала, что ее причиной, по крайней мере отчасти, является горькое разочарование, вызванное каждодневными бесплодными попытками защитить себя самого и свою семью от того, чтобы оказаться выброшенным на улицу...

Корнелл задолжал 5 долл. квартплаты и еще 39 долл. за январь, которые его домовладелец потребовал внести в качестве аванса. Неспособность заплатить деньги привела к тому, что

¹⁷⁸ Герберт Кларк Гувер (1874–1964) – 31-й президент США (1929–1933) от Республиканской партии.

¹⁷⁹ «Гувервиллями» называли трущобы, целые поселки «домов», собранных из картонных коробок, старых железных листов и т. п. безработными в годы Великой депрессии, совпавшей с президентством Г. Гувера.

вчера семья получила ордер на выселение, вступающий в силу в конце недели.

После тщетных поисков помощи он [Корнелл] получил днем ответ из Бюро по выплате пособий на жилье, в котором сообщалось, что у них нет средств, чтобы помочь ему до 15 января».

А вот сообщение из штата Висконсин, опубликованное в журнале «Нейшн» в конце 1932 г.: «По всему Среднему Западу обостряются отношения между фермерами и представителями властей... в результате продаж заложенного имущества и имущества неплательщиков налогов. Во многих случаях выселение предотвращалось только массовыми выступлениями фермеров. Однако, до того как гомстед Сичона около Элхорна (Висконсин) был осажден 6 декабря группой помощников шерифа, вооруженных автоматами, винтовками, дробовиками и гранатами со слезоточивым газом, настоящих столкновений не наблюдалось. Имущество Макса Сичона продали с молотка в августе, но он не разрешил приблизиться к своему дому как покупателю, так и представителям властей. Он встретил непрошенных гостей с дробовиком в руках. Шериф призывал Сичона мирно сдаться. Когда тот отказался, шериф приказал своим помощникам обрушить на него шквал огня... Сейчас Сичон находится в тюрьме в Элхорне, а его жена и двое детей, которые вместе с ним были в доме, помещены в госпиталь графства. Сичон не какой-нибудь смутьян. Он заслужил доверие соседей, которые совсем недавно избрали его мировым судьей в городке ШугарКрик. Тот факт, что человек, имеющий такую репутацию и занимающий такое положение, дошел до того, чтобы бросить вызов властям, является тревожным сигналом: нам следует ожидать и других неприятностей в сельскохозяйственных районах, если фермерам вскоре не будет оказана помощь».

Обитатель многоквартирного дома на 113-й улице в восточной части Гарлема писал конгрессмену Ф. Лагардиа в Вашингтон: «Знаете, мое положение плохо. Раньше я получал пенсию от правительства, но ее перестали платить. Уже прошло почти семь месяцев, как я потерял работу. Я надеюсь, Вы попытаетесь как-то мне помочь... У меня четверо детей, которым нужны одежда и еда... Моя 8-летняя дочь очень больна и никак не поправится. Я задолжал за жилье за два месяца, и боюсь, что меня выставят на улицу».

В Оклахоме фермеры узнали, что их фермы проданы на аукционе и превратились в пыль – туда завозят тракторы и все забирают. Джон Стейнбек в романе о временах Депрессии «Гроздь гнева» описывал то, что тогда происходило: «И разоренные фермеры, кочевники, нескончаемым потоком тянулись в Калифорнию – двести пятьдесят тысяч, триста тысяч. Там, позади, новые тракторы распахивали землю и сгоняли с нее арендаторов. И новые волны выплескивались на дороги, новые волны разоренного, бездомного люда, ожесточившегося и опасного в своей ожесточенности...

Бездомный, голодный человек ехал по дороге – рядом с ним жена, на заднем сиденье исхудалые дети – и смотрел на невозделанные поля, которые могли бы дать не прибыли, а пищу. И он знал, что невозделанное поле – грех, незасеянная земля – преступление против его исхудалых детей...

А на юге он видел золотые апельсины на деревьях, маленькие золотые апельсины в темной зелени деревьев; и вооруженную охрану, которая была поставлена в садах, чтобы человек не мог сорвать апельсин для своего исхудалого ребенка. Апельсины пойдут на свалку, если цена на них упадет»¹⁸⁰.

Эти люди, как писал Стейнбек, становились «опасными». Дух восстания набирал силу.

---

¹⁸⁰ Стейнбек Дж. Избранные произведения: В 2 т. / Пер. с англ. М., 1981. Т. 2. С. 360–361.

Мориц Холлгрэн в книге «Семена бунта», написанной в 1933 г., собрал газетные заметки, касавшиеся событий, происходивших по всей стране:

«Ингланд (Арканзас), 3 января 1931 г. Продолжительная засуха, разорившая сотни ферм в Арканзасе прошлым летом, имела драматические последствия: сегодня к вечеру 500 фермеров, большинство белые и многие с оружием в руках, двинулись на деловой квартал этого городка... Захватчики кричали, что должны накормить себя и свои семьи, и объявили о намерении взять продукты в магазинах, если они не смогут получить их бесплатно другим способом.

Детройт, 9 июля 1931 г. Зарождавшийся бунт 500 безработных, изгнанных из городской ночлежки из-за нехватки средств, был подавлен силами полиции сегодня вечером на Кадиллак-сквер... Индиана-Харбор (Индиана), 5 августа 1931 г. Полторы тысячи безработных взяли штурмом здание завода «Фрут гроуэрс экспресс компани», требуя, чтобы им предоставили работу ради спасения от голода.

В ответ компания вызвала полицию, которая прокладывала себе путь через толпу безработных с помощью дубинок.

Бостон, 10 ноября 1931 г. В результате столкновения бастовавших докеров и штрейкбрехеров-негров в районе порта Чарльзтаун – Ист-Бостон 20 человек были ранены, раны троих оказались настолько серьезны, что возможен смертельный исход, десятки получили царапины и ссадины от летящих бутылок, свинцовых труб и камней.

Детройт, 28 ноября 1931 г. Брошенный камень попал в голову конному полицейскому, и он был сброшен с лошади; одного демонстранта арестовали сегодня утром во время беспорядков в парке «Грандсеркус», где собрались 2 тыс. мужчин и женщин, сопротивляясь приказу полиции.

Чикаго, 1 апреля 1932 г. Пятьсот школьников, в основном с исхудалыми лицами и одетых в лохмотья, устроили демонстрацию от деловой части города до здания совета по образованию, с тем чтобы потребовать от школ обеспечения учащихся питанием.

Бостон, 3 июня 1932 г. Двадцать пять оголодавших детей набросились на «шведский стол», сервированный для ветеранов Испано-американской войны, во время бостонского парада. Были вызваны два полицейских фургона, чтобы увезти нарушителей.

Нью-Йорк, 21 января 1933 г. Сегодня несколько сотен безработных окружили ресторан в районе Юнион-сквер и потребовали, чтобы их накормили бесплатно...

Сиэтл, 16 февраля 1933 г. Сегодня рано вечером снята двухдневная осада со здания администрации города и графства, занятого армией из примерно 5 тыс. безработных. Помощникам шерифов и полиции потребовалось почти два часа, чтобы выставить оттуда демонстрантов».

Поэт-песенник Эдгар (Йип) Харбург рассказывал Стадсу Тёркелу¹⁸¹ о событиях 1932 г.: «В то время я ходил по улицам, и ты бы видел очереди за хлебом. Самая большая в Нью-Йорке стояла к Уильяму Рэндолфу Хёрсту. У него был большой грузовик, а на нем – несколько человек и здоровые баки с горячим супом и хлеб. Ребята с обмотанными мешковиной ногами выстраивались в очередь вокруг всей площади Колумба, а потом очередь тянулась кварталом за квартал, огибая весь парк. Люди ждали». Харбург написал песню «Браток, подкинь десяток центов» для шоу «Американа».

Тогда в одежде хаки,
Мой бог, как мы смотрелись!

¹⁸¹ Стадс Луис Тёркел (р. 1912) – публицист, журналист.

В башке – лишь Янки-дудл-бум,
 И миллион ботинок «Хайфа» прошли огонь и ад.
 А я – тот барабанщик.
 Ты помнишь ведь меня?
 Меня все звали Эл.
 Ведь Эл же был всегда!
 Ты помнишь ведь дружка?
 Браток, подкинь десяток центов.

Это не было просто песней отчаяния. Йип Харбург объяснял Тёркелу: «Человек в этой песне на самом деле говорит: я кое-что сделал для этой страны. И где, черт побери, мои дивиденды?...Это больше, чем желание вызвать жалость. Это не опускает его до уровня простого попрошайки. Это делает его человеком, обладающим чувством собственного достоинства, задающим вопросы – и в какой-то степени тоже разъяренным, таким, каким он и должен быть».

Гнев ветеранов Первой мировой войны, оказавшихся без работы, с голодающими семьями, вылился в марш на Вашингтон с требованием выплаты бонусов, который состоялся весной-летом 1932 г. Ветераны, получившие от правительства сертификаты на компенсацию в течение нескольких лет в будущем, просили, чтобы Конгресс выплатил им все причитающиеся средства сейчас, когда люди отчаянно нуждались в деньгах. Они начали съезжаться в столицу со всей страны, вместе с женами и детьми или в одиночку. Люди приезжали на машинах-развалюхах, или ехали «зайцем» на товарных поездах, или перемещались на попутных машинах. Это были шахтеры из штата Западная Виргиния, рабочие листопрокатных предприятий из Колумбуса (Джорджия) и безработные ветераны-поляки из Чикаго. Одна семья: муж, жена и трехлетний ребенок – добиралась из Калифорнии три месяца в товарных вагонах. Вождь Бегущий Волк – безработный индеец племени мескалери из Нью-Мексико – появился в традиционном индейском костюме, с луком и стрелами.

Всего прибыло более 20 тыс. ветеранов. Большая часть их поселилась в палаточном городке на берегу реки Потомак в районе Анакостия-Флэтс напротив Капитолия, где, как писал Дж. Дос Пассос, «мужчины спали под небольшими навесами, сооруженными из старых газет, картонных коробок, разнообразной тары, жестяных листов или обрывков толя, во всевозможных странных самодельных укрытиях от дождя, материалы для изготовления которых были собраны на городских свалках». Законопроект о выплате бонусов прошел через палату представителей, но не был одобрен в сенате, вследствие чего некоторые ветераны впали в уныние и вернулись домой. Но большинство осталось – часть участников марша расположилась прямо в правительственных зданиях по соседству с Капитолием, остальные проживали в Анакостия-Флэтс, и президент Гувер отдал армии приказ выселить их оттуда.

Около Белого дома были собраны следующие военные силы: по четыре подразделения кавалерии и пехоты, рота автоматчиков и шесть танков. Руководил операцией генерал Дуглас Макартур, ему помогал майор Дуайт Эйзенхауэр, среди офицеров находился и Джордж С. Паттон. Макартур направил по Пенсильвания-авеню войска, которые использовали слезоточивый газ, чтобы выкурить ветеранов из старых зданий, а затем приказал поджечь эти строения. Потом армия перешла через мост в Анакостию. Тысячи ветеранов, их жены и дети стали разбегаться, когда начал распространяться слезоточивый газ. Солдаты подожгли отдельные лачуги, и вскоре весь палаточный городок был объят пламенем. В результате два ветерана были застрелены, погиб одиннадцатинедельный младенец, мальчик восьми лет частично ослеп вследствие действия газа, у двух полицейских был проломлен череп, и тысяча

ветеранов отравились газом.

Наступившие очень тяжелые времена, неспособность правительства решить вопросы социального вспомоществования, действия властей по разгону ветеранов войны – все это повлияло на исход президентских выборов в ноябре 1932 г. Кандидат от Демократической партии Франклин Делано Рузвельт нанес сокрушительное поражение Герберту Гуверу и, придя к власти весной 1933 г., начал осуществлять программу принятия законов для проведения реформ, которая вошла в историю под названием Новый курс. Когда в начале его президентства маршем на Вашингтон прошла небольшая колонна ветеранов, Рузвельт приветствовал этих людей и угостил их кофе; манифестанты встретились с одним из помощников президента и разошлись по домам. Такое поведение властей характеризовало новый подход к разрешению проблем.

Реформы Рузвельта выходили далеко за рамки существовавших до него законов. Задуманные реформы должны были стать реакцией на две насущные потребности: во-первых, реорганизация капитализма таким образом, чтобы это способствовало преодолению кризиса и стабилизации системы, и, во-вторых, сдерживание тревожного роста всплесков смуты в первые годы администрации Ф. Д. Рузвельта, а именно: организованных движений арендаторов и безработных, движений самопомощи, всеобщих забастовок в нескольких городах.

Первая из указанных целей – стабилизация системы во имя ее же защиты – была самой очевидной при принятии в первые месяцы пребывания Рузвельта у власти главного закона – Закона о восстановлении промышленности (НИРА). Он был направлен на обретение контроля над экономикой посредством принятия ряда кодексов, согласованных с руководством предприятий, профсоюзами и правительством и устанавливавших цены и зарплаты, а также ограничивавших конкуренцию. С самого начала в реализации Закона о восстановлении промышленности ведущая роль принадлежала представителям большого бизнеса, и обслуживались прежде всего их интересы. Как пишет исследователь Б. Беллуш в книге «Провал НИРА», в первом разделе Закона «предусмотрена передача значительной части полномочий в стране высокоорганизованным, хорошо финансируемым отраслевым ассоциациям и объединениям промышленников. Неорганизованная общественность, известная под названием потребители, а также представители неоперившегося профсоюзного движения, не имели практически никакого веса при создании Национальной администрации восстановления (НРА)¹⁸² или при формировании основ ее политики».

В тех сферах, где организованное рабочее движение проявляло силу, президент пошел на некоторые уступки трудящимся. Однако «там, где организованное рабочее движение было слабо, Рузвельт был не готов противостоять давлению представителей промышленности в вопросах контроля над... кодексами НИРА». В книге «К новому постижению прошлого» Б. Бернштейн подтверждает этот факт: «Несмотря на раздражение некоторых крупных бизнесменов в связи с разделом 7 (а), НИРА подтвердил и консолидировал их полномочия». Б. Беллуш делает об этом Законе такой вывод: «Белый дом позволил Национальной ассоциации промышленников и Торговой палате, а также связанным с ними компаниям и отраслевым ассоциациям взять на себя важнейшие полномочия... И в самом деле, частная администрация стала государственной, частное управление – государственным; таким образом, подтвердился брак между капитализмом и государственностью».

¹⁸² Национальная администрация восстановления (НРА) – одно из наиболее важных федеральных ведомств периода Нового курса, созданное в 1933 г. в целях осуществления контроля за проведением в жизнь «кодексов честной конкуренции». Просуществовала до 1935 г., когда Верховный суд США признал ее деятельность неконституционной. Упразднена в декабре 1936 г. по исполнительному приказу президента.

В 1935 г. Верховный суд объявил о несоответствии НИРА Конституции США, провозглашая, что Закон дает чрезмерные полномочия президенту, но, по словам Б. Беллуша, «...ФДР¹⁸³ отказался от значительной доли полномочий исполнительной власти посредством НИРА, передав их представителям промышленности по всей стране».

В первые месяцы деятельности новой администрации была также предпринята попытка сельскохозяйственной реформы, и создана Администрация регулирования сельского хозяйства (ААА). Она относилась к крупным фермерам с таким же предпочтением, как НИРА – к крупному предпринимательству. Администрация долины Теннесси (ТВА) стала необычным примером вмешательства государства в бизнес – с ее помощью была создана сеть принадлежащих правительству плотин и гидроэлектростанций, контролирующих паводки и производящих электроэнергию в долине реки Теннесси. ТВА трудоустраивала безработных, помогала потребителям путем снижения тарифов на электричество и в некоторых аспектах своей деятельности заслужила обвинение в «социализме». Однако организация экономики в период Нового курса в целом была направлена на ее стабилизацию и уже во вторую очередь – на предоставление достаточной помощи низшим классам общества, чтобы предотвратить превращение смуты в настоящую революцию.

В момент прихода Ф. Д. Рузвельта к власти эта смута обретала реальные очертания. Отчаявшиеся люди перестали ждать помощь от правительства – они начали помогать себе сами, действуя напрямую. Тетушка Молли Джексон, женщина, которая позднее активно включилась в рабочее движение в Аппалачии¹⁸⁴, вспоминала, как однажды зашла в местный магазин, попросила 24-фунтовый мешок с мукой, отдала его своему сыну, чтобы тот вынес его на улицу, после чего заполнила еще один мешок сахаром и сказала хозяину: «Ну что же, увидимся через девяносто дней. Мне надо детей накормить... Да заплачу я, не волнуйся». А когда он попытался возразить, Молли вытащила пистолет (будучи акушеркой, которой приходилось ездить по глухим горным районам, она имела на него разрешение) и сказала: «Мартин, если ты попытаешься забрать у меня эту жратву, то потом, Бог их знает, они меня, может, и посадят на электрический стул, а сейчас я за минуту в тебе шесть дыр проделаю». После этих слов она «вышла, добралась до дому, где эти дети, семеро детей, сидели такие голодные, что хватали недопеченные булки из рук матери и заглатывали их целиком».

По всей стране люди спонтанно объединялись, борясь с выселением. В Нью-Йорке, Чикаго и других городах, когда проходил слух о том, что кого-то лишают крова, там собиралась толпа; полиция выносила мебель из дома на улицу, а люди вновь заносили ее в дом. Компартия вела активную работу по созданию в городах групп Рабочего альянса. Чернокожая миссис Уилли Джеффрис рассказывала о выселениях С. Тёркелу: «Многих выселяли. Позвонили, вызвали приставов, которые выставили их вон. Как только они уходили, мы их обратно заселяли. Все что нам требовалось, так это позвать брата Хилтона... Слушай, там-то и там-то, целая семья на улице. Все, кто появлялся в районе, были членами Рабочего альянса, и им требовалось вызвать только одного человека. Когда он приходил, то приводил с собой еще около 50 человек... Все эти шмотки обратно заносили. Ребята восстанавливали электроснабжение, вновь присоединяли плиту к газовой трубе. Вносили мебель и ставили на прежнее место, поэтому все выглядело так, как будто вас и не выселяли».

По всей стране создавались советы безработных. В 1932 г. Чарлз Р. Уокер писал в

¹⁸³ Распространенное прозвище президента Рузвельта, по инициалам его полного имени.

¹⁸⁴ Аппалачия – регион на южных склонах Аппалачей. Включает участки 355 графств 13 штатов.

журнале «Форум»: «Ни для кого нет секрета, что коммунисты организуют советы безработных и обычно возглавляют их, но советы организованы демократично и с соблюдением принципа подчинения меньшинства большинству. В одном из них, где я побывал, в Линкольн-Парке (Мичиган), было 300 членов, из которых 11 – коммунисты... В работе совета участвовали правые и левые, а также центристы. Председатель... одновременно являлся руководителем местного отделения Американского легиона. В Чикаго насчитывалось 45 отделений совета безработных, в которых состоят 22 тыс. человек.

Оружие совета – демократическая сила стоящих за ним масс, чья роль заключается в предотвращении выселений обездоленных людей, а если такое событие уже произошло – в давлении на комиссию по оказанию помощи в поиске нового жилья. Если у безработного отключили газ или воду потому, что он не в состоянии их оплачивать, то совет организует встречу с соответствующими представителями власти. Он должен убедиться в том, что безработные, будучи голыми и босыми, получают и одежду, и обувь. Посредством публичности и оказания давления совет выступает за прекращение дискриминации негров со стороны белых или иммигрантов в вопросах получения помощи... приводит людей к штаб-квартирам администраций помощи с требованиями накормить и одеть их. И наконец, роль совета заключается в предоставлении юридической защиты всем безработным, арестованным за участие в демонстрациях, «голодных маршах» или в профсоюзных митингах».

В 1931–1932 гг. люди организовывались, чтобы помочь себе, поскольку бизнес и государство им никак не содействовали. В Сиэтле союз рыбаков занимался ловом рыбы и обменивался продукцией с теми, кто собирал фрукты и овощи, и с теми, кто рубил лес. У союза было 22 местные ячейки; при каждой из них работала лавка, в которой продовольствие и дрова обменивались на другие товары и услуги, например услуги парикмахеров, швей и врачей. К концу 1932 г. существовало 330 организаций самопомощи в 37 штатах, членами которых были свыше 300 тыс. человек. К началу 1933 г. все эти организации, похоже, перестали действовать: они пытались выполнить слишком большой объем работы в условиях экономики, положение которой все ухудшалось.

Возможно, один из самых замечательных примеров самопомощи имел место в угледобывающем районе Пенсильвании, где бригады безработных горняков строили небольшие шахты на территории, принадлежавшей компании, добывали уголь, перевозили его на грузовиках в города и продавали по ценам ниже рыночных. К 1934 г. 20 тыс. человек, использовавших 4 тыс. машин, добыли 5 млн. тонн этого «нелегального» угля. Когда делались попытки преследовать их по закону, жюри присяжных, состоявшие из местных жителей, отказывались признавать этих людей виновными, а местные тюремщики отказывались сажать их за решетку.

Это были простые действия, предпринимавшиеся исходя из насущной необходимости, но за ними стояли революционные возможности. Автор ряда работ, марксист Пол Мэттик, так комментировал события того времени: «Все, что действительно необходимо рабочим для того, чтобы покончить со своим бедственным положением, так это выполнить несколько простых вещей, например начать производство, невзирая на установленные принципы владения имуществом или общественное устройство, и забирать себе результаты труда. Если это будет делаться на широкой социальной основе, то будут достигнуты долговременные результаты; если это останется на местном уровне и будет делаться в изоляции... то дело потерпит неудачу... Шахтеры, добывающие для себя уголь, доказали явственно и впечатляюще, что отсутствие социалистической идеологии среди рабочих, о котором так часто сокрушаются, не мешает им действовать против капитализма вполне в соответствии со своими потребностями. Прорываясь сквозь ограничения частной собственности, чтобы жить согласно потребностям,

шахтеры своими действиями одновременно демонстрируют самое важное в классовом сознании, а именно то, что проблемы рабочих могут быть решены только ими самими».

Было ли классовое сознание и у тех, кто проводил Новый курс, – у Рузвельта и его советников, а также у бизнесменов, которые поддерживали президента? Осознавали ли они, что необходимо быстро, в 1933–1934 гг., принимать меры, которые дали бы работу, пищу, помогли и отвлекли от мысли, «что проблемы рабочих могут быть решены только ими самими»? Возможно, как и классовое сознание рабочих, такое понимание вело к действиям, продиктованным не теорией, а насущной необходимостью.

Может быть, именно такого рода сознание привело к тому, что в начале 1934 г. на рассмотрение Конгресса был представлен законопроект Вагнера – Коннери, призванный регулировать трудовые конфликты.

Билль предусматривал выборы для представительства профсоюзов, специальные советы по решению проблем и рассмотрению жалоб. Разве это не было законодательство, которое помогло бы покончить с идеей о том, что «проблемы рабочих могут быть решены только ими самими»? Крупные предприниматели считали, что этот закон слишком содействует трудящимся, и выступали против его принятия. Рузвельт относился к законопроекту прохладно. Но в 1934 г. произошел ряд выступлений трудящихся, которые доказывали необходимость действий со стороны законодателей.

В 1934 г. в стачках приняли участие 1,5 млн. человек, представлявшие разные отрасли. Весной и летом докеры Западного побережья, восставшие против собственного профсоюзного руководства и против корабельных компаний, провели собрание, потребовав отмены «всеобщего сбора» (некое подобие рынка рабов, на котором ранним утром работодатели выбирали подходящую бригаду на день), и начали забастовку.

Вскоре было парализовано 2 тыс. миль Тихоокеанского побережья. К докерам присоединились водители грузовиков, отказавшись возить грузы на пирсы, а затем и матросы. Когда вмешалась полиция, чтобы открыть причалы, бастующие оказали массовое сопротивление; в результате два человека погибли от пуль полицейских. Похоронная процессия сплотила десятки тысяч сочувствующих. После этого в Сан-Франциско началась всеобщая забастовка, в которой приняли участие 130 тыс. рабочих, и жизнь в городе оказалась также парализована.

Пятьсот специальных полицейских были приведены к присяге; под ружье призвали 4,5 тыс. национальных гвардейцев, в составе которых имелись пехота и автоматчики, танковые и артиллерийские подразделения. «Лос-Анджелес таймс» писала: «Положение в Сан-Франциско некорректно описывать фразой «всеобщая забастовка». То, что сейчас происходит, правильнее называть вдохновленным и руководимым коммунистами восстанием против нового правительства. И необходимо сделать только одно – подавить это восстание с использованием всей необходимой силы».

Давление было слишком велико. С одной стороны находились войска. С другой – руководство АФТ, призывавшее прекратить забастовку. Докеры согласились на компромиссное решение. Однако они показали потенциал всеобщей забастовки.

Летом того же, 1934 г. бастовали водители грузовиков в Миннеаполисе, которых поддерживали другие рабочие, и вскоре в городе прекратились перевозки всего, кроме молока, льда и угля, да и те осуществлялись с разрешения бастующих. Фермеры привозили продукцию и продавали ее горожанам напрямую. Полиция напала на стачечников, и два человека были убиты. В массовой похоронной процессии приняли участие 50 тыс. человек. Огромный митинг протеста завершился маршем к зданию муниципалитета. Месяц спустя работодатели согласились с требованиями бастующих.

Осенью 1934 г. произошла самая крупная из всех забастовок, в которой участвовали 325 тыс. текстильщиков Юга. Они оставили ткацкие фабрики и создали мобильные отряды, которые на грузовых и легковых автомобилях ездили по районам, охваченным стачкой, организовывали пикеты, сражались с охраной, заходили на предприятия, выводили из строя станки. Как и в других случаях, основной движущей силой этого выступления являлись простые рабочие, действовавшие вопреки позиции высшего профсоюзного руководства. «Нью-Йорк таймс» писала: «Смертельная опасность ситуации состоит в том, что она может полностью выйти из под контроля [профсоюзных] лидеров».

И вновь заработала государственная машина подавления. В Южной Каролине полицейские и вооруженные штрейкбрехеры открыли стрельбу по пикетчикам, убив семь человек и ранив двадцать. Но стачка уже распространилась на штаты Новой Англии. В Лоуэлле (Массачусетс) восстали 2,5 тыс. рабочих-текстильщиков. В поселке Сейлсвилл (Род-Айленд) 5-тысячная толпа противостояла вооруженной автоматами полиции штата; текстильная фабрика закрылась. В Вунсовете (Род-Айленд) 2 тыс. человек, возмущенные тем, что их товарищей застрелили национальные гвардейцы, взяли штурмом городок и вынудили тоже закрыть предприятия.

К 18 сентября по всей стране в забастовке участвовали уже 421 тыс. текстильщиков. Происходили массовые аресты, организаторов акций избивали, количество убитых достигло 13 человек. Рузвельт вмешался в события и создал примирительную комиссию, после чего профсоюз прекратил акцию.

В сельскохозяйственных районах Юга также происходила самоорганизация населения, чему нередко способствовали коммунисты, но в основном ее подпитывало недовольство постоянными экономическими проблемами, еще более усилившимися во времена Великой депрессии, со стороны белой и чернокожей бедноты – главным образом фермеров-арендаторов или сельскохозяйственных рабочих. В Арканзасе был создан Союз южных фермеров-арендаторов, в который входили белые и чернокожие издольщики и который распространил свою деятельность на другие районы. Рузвельтовская Администрация регулирования сельского хозяйства не помогала самым бедным фермерам; наоборот, предлагая фермерам сокращать посевные площади, она вынуждала арендаторов и издольщиков бросать землю. К 1935 г. из 6,8 млн. фермеров 2,8 млн. являлись арендаторами. Средний доход издольщика составлял 312 долл. в год. Сельскохозяйственные рабочие, переезжавшие в поисках работы с одной фермы на другую и не обремененные землей, в 1933 г. зарабатывали около 300 долл. в год.

Чернокожим фермерам приходилось хуже всего, и некоторых из них привлекли идеи незнакомцев, появлявшихся в их местах во времена Великой депрессии с предложениями создавать свои организации. Нейт Шоу вспоминал в своем потрясающем интервью Т. Розенгартену, опубликованном в книге последнего «Все страхи Божьи»: «В те тяжкие годы в этой стране начал действовать профсоюз под названием «Союз издольщиков». Я подумал, хорошее название... и я знал, что это – к переменам в жизни южан, белых и цветных. Происходило нечто необычное. Я слышал, что это организация для бедноты, – я поэтому и стремился попасть в нее. Я хотел знать достаточно секретов этой организации, чтобы понимать ее...

Белый человек, Мак Слоун, сказал мне: «Ты держись от них подальше. Эти ниггеры, что здесь крутятся, хотят устроить какую-то встречу. Ты лучше в это не ввязывайся». Я подумал: «Ну и дурак же ты, если думаешь удержать меня от вступления». Я пошел и вступил, как раз следующая встреча намечалась... Он [Мак Слоун] сделал как раз то, что мне требовалось, чтобы вступить, – дал мне указание не вступать.

Учителя из этой организации начали работать по всей стране, но не могли рассказывать о том, что делают. Один из них был цветной парень. Я не помню его имени, но он кучу времени проводил, встречаясь с нами, – это было частью его работы... Происходили ли встречи в наших домах или еще где-нибудь, мы могли следить, чтобы никто не заявился. Маленькие такие встречи, иногда дюжина человек соберется... ниггеры были запуганы, ниггеры были запуганы, – вот правда в чем».

Нейт Шоу рассказал о том, что случилось, когда чернокожий фермер не оплатил свои долги и его вот-вот собирались лишиться имущества: «Помощник [шерифа] говорит: «Я сегодня утром заберу все, что есть у старого Вирджила Джонса»... Я умолял его не делать это, умолял. «Если ты у него все отнимешь, ему нечем будет кормить семью»».

Тогда Нейт Шоу сказал помощнику шерифа, что не позволит этому случиться. Помощник вернулся с подкреплением, и один из этих людей выстрелил и ранил Шоу, который достал пистолет и выстрелил в ответ. В конце 1932 г. он был арестован и отбыл 12-летний срок в алабамской тюрьме. Его история лишь небольшая частичка неописанной драмы южных бедняков в те годы деятельности Союза издольщиков. Спустя годы после выхода на свободу Нейт Шоу откровенно рассказал о том, что думает по таким вопросам, как цвет кожи и классовая принадлежность: «Все ясно, как на ладони. Бедный белый человек и бедный черный человек сегодня сидят в одном седле – так уж повелели большие дяди. Контроль над людьми и властью – в руках у богача... Этот класс сплотился, а белый бедняк в одном ряду с цветными. Уж это я усек. В такое время дела сами за себя говорят лучше, чем слова».

Хозиа Хадсон, чернокожий из сельских районов Джорджии (он с десяти лет пахал землю, а затем работал на сталелитейном заводе в Бирмингеме), был возмущен делом «ребят из Скоттсборо»¹⁸⁵ в 1931 г. (Девятерых негритянских юношей обвинили в изнасиловании двух белых девушек, и на основании неубедительных доказательств жюри присяжных, состоявшие из одних белых, признали их виновными.) В том году Х. Хадсон вступил в Компартию. В 1932–1933 гг. он организовывал безработных черных жителей Бирмингема. Хадсон вспоминает: «В самый разгар зимы 1932 г. мы, члены партии, провели массовый митинг безработных, который состоялся на ступенях старого здания суда на 3-й авеню в северном районе Бирмингема... Пришли тысяч семь человек или больше... и негры, и белые... В 1932–1933 гг. мы начали организовывать районные комитеты безработных в разных районах Бирмингема... Если кто-то из-за еды бросал нас... мы не ходили и не говорили «Ах, как плохо!» Мы для себя решили, что пойдем и встретимся с таким человеком... И если человек хотел... мы с ним работали... Районные комитеты встречались каждую неделю, регулярно. Мы говорили о вспомоществовании, о том, что происходит, читали «Дейли уоркер» и «Сазерн уоркер», чтобы знать, что творится с помощью безработным, что люди делают в Кливленде... как борются в Чикаго... или какие последние подробности по делу в Скоттсборо. Мы держались и были на подъеме, поэтому люди всегда приходили, у нас для них всегда были новости».

В 1934–1935 гг. сотни тысяч рабочих, которые оказались за бортом жестко контролируемых и открытых не для всех профсоюзов Американской федерации труда, начали организовывать свои союзы в новых массовых отраслях промышленности: автомобильной, резиновой, консервной. АФТ не могла проигнорировать этот факт; Федерация создала Комитет производственных профсоюзов для объединения рабочих за пределами уже имевшихся

¹⁸⁵ Судебные процессы в Скоттсборо – три судебных процесса, проходившие в 1931 г. в городке Скоттсборо (Алабама). Восемь человек приговорили к смертной казни, а тринадцатилетнего подростка – к пожизненному заключению. После многочисленных апелляций все смертные приговоры были отменены. Четверых подростков освободили из-под стражи, а четверых передали на режим probation.

отраслевых союзов, стремившийся сплотить всех работников отдельно взятого предприятия в один профсоюз. Этот Комитет, который возглавил Джон Л. Льюис, вскоре откололся от АФТ и стал называться КПП – Конгрессом производственных профсоюзов.

К активным действиям профсоюзное руководство, АФТ и КПП, принуждали забастовки и волнения среди простых рабочих. Дж. Брешер в своей книге «Стачка!» рассказывает о том, как среди работников резиновой промышленности в городе Акрон (Огайо) в начале 30-х гг. зародилась новая тактика борьбы – «сидячая» забастовка. Вместо того чтобы покидать стены завода, они оставались на местах, и у этого были явные преимущества: забастовщики напрямую препятствовали использованию штрейкбрехеров; им не надо было действовать через профсоюзных чиновников, так как они непосредственно контролировали ситуацию; им не надо было ничего демонстрировать в холоде и под дождем, у них оставалась крыша над головой; они не были изолированы, как во время работы или стоя в пикете; тысячи бастующих находились в одном помещении, имея возможность общаться друг с другом, сплотившись ради борьбы. Писавший о профсоюзном движении Л. Адамик так характеризовал первые «сидячие» забастовки: «Сидя у своих станков, котлов, бойлеров и на рабочих местах, они [бастующие] разговаривали. Некоторые впервые осознавали, насколько важна их роль в процессе производства резины. Двенадцать человек практически остановили производство! Директора, мастера, десятники только об этом и говорили... Менее чем через час спор был разрешен, люди добились полной победы».

В начале 1936 г. на заводе по производству резиновых изделий компании «Файерстоун» в Акроне рабочие, делавшие шины для грузовиков и получавшие зарплату, которой не хватало на покупку продуктов питания и оплату аренды жилья, ожидали ее дальнейшего сокращения. Когда уволили нескольких членов профсоюза, остальные работники устроили «сидячую» забастовку. В первый же день в акции принял участие весь цех № 1, на следующий день – цех № 2, и руководство завода пошло на уступки. В течение следующих десяти дней такая же забастовка охватила предприятия компании «Гудьир». Судебное предписание запретило массовое пикетирование. Оно было проигнорировано, после чего к разгону пикетов привлекли 150 помощников шерифа. Однако вскоре им пришлось противостоять 10 тыс. рабочих со всего Акрона. Через месяц бастующие добились выполнения своих требований.

В 1936 г. идея нашла широкое распространение. В декабре на заводе № 1 компании «Фишер боди»¹⁸⁶ в городе Флинт (Мичиган) имела место самая продолжительная «сидячая» забастовка в истории. Она началась, когда с завода уволили двоих братьев, и продолжалась до февраля 1937 г. В течение 40 дней существовало особое сообщество 2 тыс. рабочих. «Это было похоже на войну, – сказал один из них. – Мы с ребятами стали лучшими друзьями». С. Файн в книге ««Сидячая» забастовка» описал происходящее. «Рабочие комитеты организовывали отдых, информирование, занятия, работу почты, вывоз мусора. Были созданы собственные суды, разбиравшие дела тех, кто не мыл посуду, выбрасывал мусор, курил вне специально отведенных для этого мест или приносил спиртные напитки. «Наказание» представляло собой дополнительные поручения провинившемуся, наихудшим было изгнание с территории завода. Владелец расположенного по соседству ресторана ежедневно готовил на 2 тыс. рабочих трехразовое питание».

Проходили занятия по парламентской процедуре, ораторскому искусству и истории рабочего движения. Аспиранты Мичиганского университета преподавали журналистику и

---

¹⁸⁶ «Фишер боди» – компания по производству автомобильных кузовов. В 1926 г. стала частью компании «Дженерал моторс».

писательское мастерство.

Несмотря на «инджанкинз», 5 тыс. вооруженных рабочих окружили территорию завода, и никто не рискнул заставить их подчиниться этим судебным предписаниям. Полиция атаковала бастующих с использованием слезоточивого газа, а рабочие ответили водой из брандспойтов. Тринадцать участников забастовки получили огнестрельные ранения, но полиция была отброшена. Губернатор вызвал Национальную гвардию. К этому моменту забастовка распространилась на другие предприятия «Дженерал моторс». Наконец было достигнуто соглашение, представлявшее собой 6-месячный контракт, который не решил многие проблемы, но признал их существование, а также то, что отныне компания будет иметь дело не с отдельными личностями, а с профсоюзом.

В 1936 г. состоялось 48 «сидячих» забастовок, а в 1937 г. – уже 477, в том числе бастовали электрики в Сент-Луисе, швейники в Пуласки (Теннесси), рабочие, изготавливавшие пылесосы, в Пуэбло (Колорадо), мусорщики в Бриджпорте (Коннектикут), могильщики в штате Нью-Джерси, 17 слепых работников в Нью-йоркской гильдии незрячих иудеев, заключенные в тюрьме штата Иллинойс и даже 30 солдат роты Национальной гвардии, которых вызвали на подавление «сидячей» забастовки на заводе «Фишер боди» и которые сами устроили такую же забастовку, поскольку им не платили жалованье.

«Сидячие» забастовки были особенно опасны для системы, поскольку их не контролировало профсоюзное руководство. Представитель АФТ, осуществлявший контакты между предпринимателями и профсоюзом работников отелей и ресторанов, вспоминал: «Представьте, что в любой день марта 1937 г. вы сидите у себя в конторе и раздается телефонный звонок. Голос на другом конце провода говорит: «Меня зовут Мэри Джонс; я продаю напитки в «Лиггетс», мы тут выгнали управляющего и забрали у него ключи. Что нам теперь делать?» И вы бежите в компанию, чтобы вести с ними переговоры, а они вам говорят: «Я думаю, что это верх безответственности – устраивать забастовку, даже не обсуждая условия договора». Все, что вам остается ответить, так это «Вы правы»».

Именно в целях стабилизации системы перед лицом волнений рабочих в 1935 г. был принят закон Вагнера, по которому учреждалось Национальное управление по трудовым отношениям (НУТО). Волна забастовок, прокатившаяся по стране в 1936, 1937 и 1938 гг., сделала потребность в этом законе еще более насущной. В 1937 г. в День поминовения во время проходившей в Чикаго забастовки рабочих компании «Рипаблик стил» полиция открыла огонь по массовому пикету, убив десять человек. Вскрытия показали, что рабочим стреляли в спину, когда они бежали. Эти события вошли в историю как «побоище в День поминовения». Но на предприятиях «Рипаблик стил», равно как и «Форд мотор компани», а также на других огромных заводах в сталелитейной, автомобильной, резиновой, мясоконсервной и электропромышленности были созданы рабочие организации.

Одна из сталелитейных корпораций оспорила конституционность закона Вагнера в судах, но Верховный суд признал его соответствие федеральной Конституции, постановив, что правительство имеет право регулировать торговлю между штатами, а также то, что забастовки наносят ущерб такой торговле. С точки зрения рабочего движения, новый закон содействовал созданию профсоюзов. С точки зрения правительства, он способствовал стабильности торговли.

Работодателям профсоюзы были не нужны, но, с другой стороны, действия последних можно было лучше контролировать, а значит, они в большей степени содействовали стабилизации системы, чем «дикие» стачки¹⁸⁷ и захваты предприятий рядовыми рабочими.

¹⁸⁷ «Дикая» стачка означает забастовку без предупреждения, проводимую без официальной поддержки профсоюза.

Весной 1937 г. в газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья под заголовком: «Профсоюзы КПП борются с несанкционированными «сидячими» забастовками». В ней говорилось: «Все профсоюзные лидеры и представители строго предупреждены, что они будут освобождены от своих обязанностей, если распорядятся остановить работу без согласия руководства межнационального союза». Газета приводила слова динамичного лидера КПП Джона Л. Льюиса: «Договор с КПП является достаточной защитой от «сидячих», «лежащих» или каких-либо иных стачек».

Компартия, некоторые члены которой играли ведущую роль при создании профсоюзов, входивших в состав КПП, похоже, заняла такую же позицию. По некоторым сообщениям, после «сидячих» забастовок один из коммунистических вожakov Акрона сказал на встрече по планированию партийной стратегии: «Сейчас мы должны добиваться нормальных отношений между профсоюзом и работодателями, а также строгого соблюдения профсоюзных правил со стороны рабочих».

Таким образом, в середине 30-х гг. вырабатывались два изоощренных способа контроля над прямыми действиями рабочих. Во-первых, Национальное управление по трудовым отношениям придало профсоюзам законный статус, выслушивало их, реагировало на некоторые их жалобы.

Так, НУТО могло сдерживать волнения рабочих, направляя их энергию на выборы, так же как конституционная система стремилась разрядить потенциально опасную энергию путем участия избирателей в голосовании. Управление устанавливало границы в трудовых спорах, подобно тому как избирательная система определяла рамки в политических конфликтах. Во-вторых, сама по себе рабочая организация – профсоюз, даже занимавший радикальные и агрессивные позиции, как, например, КПП, – направляла революционную энергию рабочих на заключение коллективных договоров, переговоры с работодателями, профсоюзные заседания, пытаясь свести к минимуму забастовки, дабы создать крупные, влиятельные, даже респектабельные организации.

История тех лет, похоже, подтверждает выдвинутый в книге Р. Клоуарда и Ф. Пивен «Движения бедноты» тезис о том, что больше всего рабочим удалось добиться благодаря спонтанным выступлениям, до того как профсоюзы получили признание или стали хорошо организованными: «Фабричные работники имели наибольшее влияние и могли добиться наиболее существенных уступок со стороны власти в период Великой депрессии, т. е. в те годы, когда они еще не были объединены в профсоюзы. Их сила в это время заключалась не в организованности, а в разрозненности».

Р. Клоуард и Ф. Пивен отмечают, что огромный рост членства в профсоюзах происходил в 40-х гг., во время Второй мировой войны (к 1945 г. в КПП и АФТ состояло свыше 6 млн. членов в каждой из этих организаций), но сила профсоюзного движения ослабла по сравнению с предыдущим периодом – завоевания, достигнутые благодаря забастовкам, постепенно сглаживались. Представители профсоюзов, назначенные для работы в НУТО, с меньшей симпатией относились к рабочим, Верховный суд объявил «сидячие» забастовки незаконными, а власти штатов принимали законы, препятствовавшие забастовкам, пикетам и бойкотам.

Начало Второй мировой войны ослабило прежнюю воинственность рабочего движения 30-х гг., поскольку экономика, работавшая на военные нужды, создала миллионы новых рабочих мест с более высокими зарплатами. Новый курс преуспел только в сокращении безработицы с 13 до 9 млн. человек. В военные годы наблюдалась почти полная занятость, и война сделала кое-что еще: патриотизм, импульс единения всех классов общества в борьбе с

внешним врагом усложнили выражение гнева против корпораций. Тогда КПП и АФТ обязались не призывать к забастовкам.

Тем не менее претензии рабочих в условиях войны (когда их зарплата контролировалась жестче, чем цены) были таковы, что они чувствовали необходимость устраивать «дикие» стачки: в 1944 г., по данным Дж. Бретера, прошло больше забастовок, чем в любом предыдущем году в истории США.

Тридцатые и сороковые годы более отчетливо, чем ранее, показали дилемму, стоявшую перед американскими трудящимися. Система реагировала на волнения рабочих, находя новые формы контроля – как внутреннего, в их собственных организациях, так и внешнего, с использованием закона и силы. Но наряду с этими новыми методами появились и новые уступки. Они не решали основных проблем. Более того, для многих они вообще ничего не значили. Однако уступки помогли достаточному количеству трудящихся ощутить прогресс и улучшить свою жизнь, а также восстановить определенное доверие к системе.

Закон 1938 г., по которому была установлена минимальная заработная плата, введена 40-часовая рабочая неделя и запрещен детский труд, никак не коснулся многих людей и определил очень низкий минимум зарплаты (25 центов в час в первый год действия закона). Однако этих мер оказалось достаточно, чтобы успокоить возмущенных. Жилье начали строить только для небольшого процента нуждающихся в нем. «Это было скромное, даже скудное начало», – пишет П. Конкин в своей книге «ФДР и истоки государства благосостояния», оптимизм вселял сам вид жилых кварталов, субсидируемых федеральными властями; детских площадок; квартир, свободных от паразитов и заменявших обветшалые многоквартирные трущобы. ТВА предложила впечатляющие возможности регионального планирования по созданию рабочих мест, улучшению региональной экономики и предоставлению дешевых источников энергии, которые находились бы под местным, а не общенациональным, контролем. Закон о социальном страховании предоставил пенсионное обеспечение и пособия по безработице, а также направил федеральные средства наряду со средствами штатов на помощь матерям с детьми-иждивенцами, но никак не помог фермерам, домашней прислуге и пожилым людям, не решил проблему медицинского страхования. П. Конкин отмечает: «Скудные преимущества Закона о социальном страховании были незначительны в сравнении с мерами по обеспечению безопасности для крупного, прочно стоящего на ногах бизнеса».

В период Нового курса федеральные средства выделялись на трудоустройство тысяч писателей, художников, актеров и музыкантов в рамках Федерального театрального проекта, Федерального писательского проекта, Федерального проекта развития искусств: на общественных зданиях появились фрески; для рабочих аудиторий, никогда не видевших спектакля, ставились пьесы; были написаны и изданы сотни книг и брошюр.

Многие люди впервые в жизни услышали симфоническую музыку. Это было время удивительного расцвета искусства, ранее невиданного в Америке и ни разу не повторившегося позднее. Однако в 1939 г., когда ситуация в стране стабилизировалась и импульс реформ Нового курса ослаб, программы помощи искусствам перестали существовать.

К моменту окончания Нового курса капитализм остался незыблемым. Богатые все еще контролировали ресурсы страны, а также ее законы, суды, полицию, газеты, церкви и колледжи. Значительная помощь была оказана достаточному количеству людей, чтобы сделать из президента Ф. Д. Рузвельта героя в глазах миллионов, но та же самая система, которая стала причиной Великой депрессии и экономического кризиса, – система расточительства, неравенства и заботы о прибылях, стоящих выше человеческих потребностей, – осталась неведимой.

Психологически Новый курс вдохновлял черное население (миссис Рузвельт относилась к

чернокожим с сочувствием; некоторые из них получили должности в администрации), но проводившиеся в жизнь программы не коснулись большинства этих людей. Будучи фермерами-арендаторами, сельскохозяйственными рабочими, мигрантами и домашней прислугой, они не попадали под действие программ социального страхования, не получали пособий по безработице, установленного законом минимума заработной платы или субсидий фермерским хозяйствам. Президент, который вел себя осторожно, чтобы не настроить против себя белых политиков-южан, в чьей поддержке он нуждался, не настаивал на принятии законопроекта, запрещающего линчевания. В Вооруженных силах США сохранялась сегрегация. Чернокожих рабочих дискриминировали при найме. Их принимали на работу в последнюю очередь, а увольняли первыми. Только когда руководитель профсоюза проводников спальных вагонов Э. Филип Рэндолф¹⁸⁸ пригрозил в 1941 г. массовым маршем на Вашингтон, Рузвельт согласился подписать исполнительный приказ о создании Комиссии по справедливым условиям найма. Но у этой Комиссии не было реальных контрольных полномочий, и ее появление мало что изменило.

После всех реформ Нового курса негритянский Гарлем сохранился в неизменном виде. Там жили 350 тыс. человек, т. е. плотность населения составляла 233 человека на один акр, притом что в остальной части Манхэттена этот показатель был 133 человека на акр. За 25 лет население района увеличилось в 6 раз. В кишевших крысами погребах и подвалах ютились 10 тыс. семей. Туберкулез был обычным заболеванием. Около половины замужних женщин работали в качестве домашней прислуги. Они ездили в Бронкс и собирались там на углах улиц (на «рынках рабов», как их тогда называли), чтобы получить работу. Проституция тоже становилась распространенным занятием. В 1935 г. две молодые негритянки, Элла Бейкер¹⁸⁹ и Марвел Кук, так писали об этом в журнале «Крайсис»: «Получается, что не только труд человека обменивается и продается по цене рабского труда, но и любовь – товар, подлежащий продаже. Будь то работа или продажная любовь, но женщины прибывают на место уже в 8 часов утра и остаются там вплоть до 1 часа дня или до того момента, пока их не наймут. В дождь или под солнцем, в жару или стужу они ожидают работу, за которую получают 10, 15, 20 центов в час».

В 1932 г. в Гарлемской больнице умирало вдвое больше людей, чем в больнице Беллвью, расположенной в белых кварталах города. Гарлем являлся районом, плодившим преступность. В своем эссе «Негр в Нью-Йорке» Р. Оттли и У. Уитерби называют ее «горьким цветком нищеты».

Девятнадцатого марта 1935 г., в разгар реформ Нового курса, Гарлем как будто взорвался. Десять тысяч черных жителей прошли по улицам, уничтожая имущество белых торговцев. Порядок восстановили 700 полицейских. Двое чернокожих были убиты.

В середине 30-х гг. молодой чернокожий поэт Ленгстон Хьюз написал стихотворение «Да будет Америка снова Америкой»:

Я – белый, живущий хуже собаки,
Я – негр со шрамами от хозяйских плетей,
Я – краснокожий, что изгнан с земли своей,

¹⁸⁸ Эйза Филип Рэндолф (1889–1979) – негритянский общественный деятель, профсоюзный лидер.

¹⁸⁹ Элла Джозефин Бейкер (1903–1986) – соратница Мартина Лютера Кинга, участвовала в создании влиятельных правозащитных организаций: Конференция христианских лидеров Юга и Студенческий координационный комитет ненасильственных действий.

Я – иммигрант, мне надежду найти хотя бы,
 А я нахожу только старый, проклятый порядок вещей:
 Человек человеку – волк, сильный – хозяин над слабым!
 О, да будет Америка снова Америкой!
 Страною, какой не была никогда,
 Страною, принадлежащей нам,
 Ведь белый бедняк, и индеец, и негр –
 Все это я –
 Народ, создавший Америку!
 Ей отдали мы кровь и пот,
 Ей отдали мы скорбь и труд,
 И наши плуги – на полях,
 И наши руки сталь куют,
 Пусть руки эти вновь мечту себе вернут!
 Мне к оскорблениям не привыкать,
 Оружие Свободы не ржавеет!
 А вас, людей, живущих, как пиявки,
 Давно пора от тела оторвать.
 Моя страна да будет вновь моею!¹⁹⁰

Однако в 30-х гг. для белых американцев на Севере и Юге черные оставались невидимками. Только радикалы пытались преодолеть расовые барьеры. Больше всего в этом преуспели социалисты, троцкисты и коммунисты. КПП под влиянием коммунистов организовывал черных трудящихся в отраслях с массовым производством. Негров все еще использовали в качестве штрейкбрехеров, но уже были попытки сплотить белых и чернокожих в борьбе против общего врага. В 1938 г. женщина по имени Молли Льюис рассказала в журнале «Крайсис» о своем участии в забастовке сталелитейщиков в городе Гэри (Индиана) следующее: «В то время как муниципальные власти Гэри продолжают разделять детей в системе сегрегированных школ, их родители создают совместный профсоюз и его женскую ячейку... Единственная точка общественного питания в Гэри, где свободно обслуживаются представители обеих рас, – это кооперативный ресторан, который часто посещают члены профсоюза и активистки его женской ячейки... Когда чернокожие и белые работники и члены их семей убеждены в том, что у них одни и те же основные экономические интересы, тогда следует ожидать, что они объединятся в отстаивании этих интересов».

В 30-х гг. не наблюдалось широкого феминистского движения. Однако тогда многие женщины участвовали в рабочем движении. Поэтессе из Миннесоты Меридел Лесёр было 34 года, когда забастовка водителей грузовиков парализовала в 1934 г. Миннеаполис. Она приняла в ней активное участие и позднее описала свой опыт: «Раньше я никогда не участвовала в забастовке... По правде говоря, я боялась... Я с готовностью спросила: «Вам можно чем-то помочь?»...Мы наливали кофе в тысячи чашек, кормили тысячи мужчин... Машины все возвращались. Диктор объявил: «Убийство!»...Я видела, как из машин вытаскивают мужчин, кладут их на больничные койки, на пол... Автомобили с пикетчиками все прибывали. Некоторые мужчины пешком вернулись с рыночной площади, пытаясь остановить лившуюся из полученных ран кровь... Много мужчин, женщин и детей собралось снаружи, образовав

¹⁹⁰ Хьюз Л. Избранные стихи / пер. с англ. М., 1964. С. 105–107.

живой круг обороны... Наши юбки были испачканы еще теплой человеческой кровью... Во вторник, в день похорон, в деловую часть города прибыл еще один отряд милиции численностью 1 тыс. человек.

В тени было больше 90 градусов¹⁹¹. Я отправилась в похоронные бюро. Там собрались тысячи мужчин и женщин, ожидавшие на ужасном солнцепеке. Многие женщины и дети простояли в ожидании два часа. Я пришла и встала вместе с ними. Я не знала, хочу ли я участвовать в демонстрации. Я этого не любила делать... Три женщины завлекли меня. «Мы хотим, чтобы все участвовали, – мягко сказали они. – Пойдем с нами»...».

Годы спустя Сильвия Вудс обсуждала с Э. и С. Линдами свой опыт работы в 30-х гг. в прачечной и в качестве профсоюзного организатора: «Надо говорить людям о том, в чем они могут убедиться. Тогда они скажут: «Да, а я никогда об этом не задумывалась» или «Я ничего подобного не видел»...Как, например, парень по имени Теннесси. Он ненавидел чернокожих. Бедный издольщик... А потом танцевал с негритянкой... Я видела, как люди меняются. Им надо доверять».

В те дни кризиса и бунтарства многие американцы начали менять свои взгляды на жизнь. В Европе набирал силу Гитлер. На другом берегу Тихого океана Япония оккупировала Китай. Империям Запада угрожали новые империи. Уже не за горами была война и для Соединенных Штатов.

Народная война?

«Мы, правительства Великобритании и Соединенных Штатов, от имени Индии, Бирмы, Малайзии, Австралии, Британской Восточной Африки, Британской Гвианы, Гонконга, Сиамы, Сингапура, Египта, Палестины, Канады, Новой Зеландии, Северной Ирландии, Шотландии, Уэльса, а также Пуэрто-Рико, Гуама, Филиппин, Гавайев, Аляски и Виргинских островов торжественно заявляем, что данная война не является империалистической». Так звучала пародия, распространявшаяся Коммунистической партией США в 1939 г.

Два года спустя Германия вторглась в Советскую Россию, и американская компартия, постоянно характеризовавшая войну между государствами «оси» и союзными державами как империалистическую, уже стала называть ее «народной войной» против фашизма. И в самом деле, практически все американцы: капиталисты и коммунисты, демократы и республиканцы, бедные и богатые, представители среднего класса – были едины во мнении, что война эта – народная.

Так ли это?

Судя по некоторым признакам, она, в сравнении с любыми другими войнами, которые когда-либо вели Соединенные Штаты, пользовалась среди граждан страны наибольшей поддержкой. Никогда прежде в войне не участвовала непосредственно столь значительная часть населения: 18 млн. человек находились в рядах вооруженных сил (из них 10 млн. за пределами США), 25 млн. рабочих и служащих регулярно жертвовали известную долю заработка на приобретение облигаций военного займа. Но не было ли это искусственно вызванным патриотическим подъемом? Ибо все национальные институты – не только правительство, но также средства массовой информации, церковь и даже ведущие радикальные организации – настойчиво призывали к объединению усилий. Не существовало ли все же определенной доли скрытого нежелания и признаков неафишируемого сопротивления?

¹⁹¹ По шкале Фаренгейта, т. е. больше 32°C.

Сражение велось с противником, грозившим миру неисчислимыми бедами. Гитлеровская Германия насаждала тоталитаризм, расизм, милитаризм и использовала крайне агрессивные методы ведения военных действий, превосходившие по своей жестокости весь прежний опыт не очень-то щепетильного мира. Но представляли ли собой участвовавшие во Второй мировой войне государства: Англия, Соединенные Штаты и Советский Союз – нечто существенно другое, позволявшее ожидать, что в случае их победы будет нанесен удар по империализму, расизму, тоталитаризму и милитаризму?

Можно ли было надеяться, что при ведении войны за рубежом и при обращении с национальными меньшинствами внутри страны американское правительство станет действовать в соответствии с концепцией «народной войны»? Будет ли оно в своей политике военного времени уважать права простых граждан на жизнь, свободу и стремление к счастью? И станет ли послевоенная Америка в своей внутренней и внешней политике отдавать предпочтение ценностям, ради которых, как считалось, и велась война?

Все эти вопросы заслуживали пристального внимания, однако атмосфера того времени, слишком насыщенная патриотическим пылом, не позволяла открыто их обсуждать.

Если роль Соединенных Штатов как защитника слабых и угнетенных государств и соответствовала образу страны в американских школьных учебниках по истории, то послужной список ее практических дел на международной арене выглядел совсем иначе. В начале XIX в. США противодействовали революции на острове Гаити, добивавшегося независимости от Франции. Позднее американцы развязали войну с Мексикой и захватили половину территории этой страны. Они помогли Кубе добиться независимости от Испании, но затем сами утвердились на острове посредством военной базы и инвестиций в экономику, обеспечив себе право на вмешательство во внутренние дела. США захватили Гавайи, Пуэрто-Рико и Гуам и вели жестокую войну с целью подчинения Филиппин. Угрозами и канонерками они «открыли» Японию для своей торговли и провозгласили политику «открытых дверей» в Китае, ставшую средством эксплуатации этой страны как для США, так и для остальных империалистических держав. Вместе с другими государствами Соединенные Штаты послали свои войска в Пекин для утверждения господства Запада в Китае и держали их там более 30 лет.

Требую «открытых дверей» в Китае, США всеми возможными способами (с помощью доктрины Монро и многократных военных интервенций) добивались от стран Латинской Америки «закрытых дверей», – закрытых для всех, кроме Соединенных Штатов. Организовав революцию в Колумбии, американцы создали «независимое» государство Панаму, что позволило построить и впоследствии контролировать Панамский канал. В 1926 г. США направили 5 тыс. морских пехотинцев для подавления революционного восстания в Никарагуа и сохраняли там свое военное присутствие на протяжении семи лет. В 1916 г. США в четвертый раз вмешались во внутренние дела Доминиканской Республики, и их войска оставались в этой стране в течение восьми лет. В 1915 г. Америка вторично вторглась на Гаити и продолжала оккупировать остров 19 лет. Между 1900 и 1933 гг. США четырежды вмешивались во внутренние дела Кубы, дважды в дела Никарагуа, шесть раз в дела Панамы, один раз в дела Гватемалы и семь раз в дела Гондураса. К 1924 г. финансы половины из 20 латиноамериканских государств в той или иной степени управлялись Соединенными Штатами. К 1935 г. более 50 % экспорта стали и хлопка из США вывозилось в страны Латинской Америки.

В 1918 г., перед самым окончанием Первой мировой войны, семитысячный американский корпус, являвшийся частью союзнических интервенционистских сил в России, высадился во Владивостоке, где находился вплоть до весны 1920 г. Другой американский контингент, численностью 5 тыс. человек, вместе с экспедиционными войсками союзников тогда же занял Архангельск, еще один российский порт, который оккупировал почти целый год.

Представитель государственного департамента заявил в Конгрессе: «Все эти операции должны смягчить последствия большевистской революции в России».

Короче говоря, если вступление Соединенных Штатов во Вторую мировую войну обуславливалось (как считали многие американцы, следя за вторжениями нацистов) стремлением защитить принцип невмешательства во внутренние дела других государств, то практическая деятельность США на международной арене заставляла усомниться в способности Америки самой соблюдать этот принцип.

Конечно, Соединенные Штаты являлись демократической страной с определенными гражданскими свободами. Германия же представляла собой диктатуру, где подвергались преследованиям евреи, заключались в тюрьмы инакомыслящие независимо от их вероисповедания и провозглашалось превосходство «нордической расы». Вместе с тем чернокожие американцы, наблюдая за антисемитскими выступлениями в Германии, не могли не видеть сходства с собственным положением на родине.

В свою очередь Соединенные Штаты почти ничего не предприняли против политики гонений и преследований, проводимой Гитлером. Более того, еще в 30-х гг. США вместе с Англией и Францией всячески старались умиротворить диктатора. Ф. Д. Рузвельт и его государственный секретарь Корделл Хэлл не решались публично критиковать гитлеровскую антисемитскую политику. Когда в январе 1934 г. в сенат поступил проект резолюции, призывавшей сенат и президента выразить «удивление и боль», вызванные отношением немцев к евреям, и потребовать восстановления последних в их правах, то, по словам А. Оффнера в книге «Американское умиротворение», госдепартамент сделал все, чтобы эта «резолюция застряла в комитете».

Когда Италия Муссолини в 1935 г. вторглась в Эфиопию, правительство США объявило эмбарго на поставки вооружений, однако это не мешало американским бизнесменам снабжать итальянцев нефтью в огромных количествах, что было очень важно для страны, которая вела военные действия. Во время фашистского мятежа против законно избранного правительства социалистов и либералов, вспыхнувшего в Испании в 1936 г., администрация Ф. Д. Рузвельта инициировала принятие Закона о нейтралитете, по сути лишившего испанское правительство всякой помощи, хотя Гитлер и Муссолини оказывали масштабную поддержку Франко. В связи с этим Оффнер пишет: «...Соединенные Штаты даже вышли за рамки формальных требований законодательства о нейтралитете. Учитывая, что по крайней мере до ноября 1936 г. позиция Гитлера относительно оказания помощи Франко была еще недостаточно твердой, действенная поддержка со стороны США, Англии и Франции испанским республиканцам обеспечила бы им победу. В итоге Германия извлекла из гражданской войны в Испании все возможные преимущества».

Было ли это просто убогое суждение, досадная ошибка? Не являлось ли это логикой политики правительства, прежде всего заинтересованного не в том, чтобы остановить фашизм, а в том, чтобы продвинуть вперед империалистические интересы Соединенных Штатов? В 30-х гг. казалось, что лучше всего этим интересам соответствует антисоветская политика. Позднее, когда Япония и Германия стали угрожать американцам по всему миру, предпочтение было отдано действиям просоветской и антинацистской направленности. Ф. Д. Рузвельт настолько же беспокоился относительно того, чтобы положить конец притеснению евреев, насколько А. Линкольн был озабочен вопросом ликвидации рабства в годы Гражданской войны; приоритетами в их политике (независимо от личного сострадания жертвам угнетения) являлись не права меньшинств, а мощь страны.

Гонения Гитлера на евреев не стали причиной вступления Соединенных Штатов во Вторую мировую войну, как пребывание в рабстве 4 млн. чернокожих не привело в 1861 г.

к Гражданской войне. Нападение Италии на Эфиопию, вторжение Гитлера в Австрию, захват им Чехословакии, нападение Германии на Польшу – ни одно из этих событий не повлекло за собой вступление США в войну, хотя Рузвельт начал оказывать Англии очень важную для нее помощь. Тому, что страна приняла участие в военных действиях, способствовало нападение японцев 7 декабря 1941 г. на американскую военно-морскую базу в бухте Пёрл-Харбор (на Гавайских островах). Несомненно, призыв к войне, который в нарушение законодательства высказал президент, вовсе не был проявлением беспокойства гуманитарного характера в связи с бомбардировками Японией гражданских лиц, поскольку японское нападение на Китай в 1937 г. и бомбежка мирных жителей Нанкина не вызвали в США желания воевать. Однако это произошло, когда японцы атаковали одно из звеньев американской империи на Тихом океане.

Пока Япония вела себя как подобало члену имперского клуба великих держав, который, поддерживая политику «открытых дверей», участвовал в эксплуатации Китая, Соединенные Штаты не возражали против ее действий. В 1917 г. США и Япония обменялись нотами, и в американском документе говорилось, что «Соединенные Штаты признают особые интересы Японии в Китае». По мнению автора книги «После империализма» А. Ирайэ, в 1928 г. американские консулы в Китае поддерживали приход японских войск. Лишь когда Япония стала угрожать потенциальным рынкам, в которых были заинтересованы США, пытаясь захватить Китай, и особенно когда она двинулась в богатую оловом, каучуком и нефтью Юго-Восточную Азию, тогда Соединенные Штаты встревожились и приняли меры, приведшие к нападению японцев. Летом 1941 г. американцы ввели полное эмбарго на вывоз железного лома и нефти.

В книге «Необнаруженная и существующая опасность» Б. Рассет пишет: «В 30-х гг. правительство США очень мало сопротивлялось продвижению японцев по азиатскому континенту». И далее он продолжает: «Юго-западная часть Тихого океана бесспорно имела большое экономическое значение для Соединенных Штатов, так как в то время наибольшее количество олова, каучука, а также существенные объемы других видов сырья поступали в Америку из этого региона».

Нападение на Пёрл-Харбор было представлено американской общественности как внезапный, шокирующий и аморальный акт. Он являлся аморальным, как и любая бомбежка, но никак не внезапным или шокирующим для правительства США. Б. Рассет отмечает: «Японский удар по американской военно-морской базе стал кульминацией в длинном ряду взаимных враждебных акций. Вводя экономические санкции против Японии, Соединенные Штаты предприняли действия, которые, как широко признавалось в Вашингтоне, увеличивали степень военных рисков».

Оставляя в стороне дикие обвинения, выдвинутые против Ф. Д. Рузвельта (будто он знал о Пёрл-Харборе и ничего не сказал или будто он умышленно спровоцировал налет – все это бездоказательно), ясно: он сделал то, что до него сделал Джеймс Полк во время войны с Мексикой, а после него – Линдон Джонсон в годы вьетнамской войны, а именно: президент лгал общественности относительно того, что считал верной причиной. Симпатизировавший Рузвельту историк Т. А. Бейли пишет: «Франклин Рузвельт неоднократно обманывал американский народ в период, предшествовавший Пёрл-Харбору... Он уподобился врачу, который должен лгать пациенту для его же блага... потому что массы заведомо не дальновидны и в целом не могут увидеть опасность, до тех пор пока она не схватит их за горло».

Радхабинод Пал, один из судей на Токийском процессе над военными преступниками, состоявшемся после Второй мировой войны, не поддержал общий вердикт в отношении японских официальных лиц и доказывал, что Соединенные Штаты явно спровоцировали Японию на войну и ожидали ее действий. В работе «Справедливость победителя» Р. Майнар суммирует взгляды Р. Пала на американское эмбарго, касавшееся вывоза железного лома и

нефти, и пишет, что «эти меры представляли собой явную и потенциальную угрозу самому существованию Японии». Стенограммы показывают, что на состоявшемся за две недели до нападения на Пёрл-Харбор совещании в Белом доме ожидали начала войны и обсуждали вопрос о том, чем его оправдать.

В меморандуме госдепартамента США о японской экспансии, составленном за год до событий в Пёрл-Харборе, не говорилось о независимости Китая либо о принципе самоопределения. В нем отмечалось: «...наши общие дипломатические и стратегические позиции существенно ослабеют из-за потери рынков Китая, Индии и южных морей (и из-за потери японского рынка для наших товаров, по мере того как Япония будет превращаться во все более самодостаточную страну), равно как и в связи с непреодолимыми преградами нашему доступу в азиатские регионы и районы Океании, богатые каучуком, оловом, джутом и другими жизненно важными материалами».

Вскоре после нападения японцев на Пёрл-Харбор Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам, которые таким образом сделались важным союзником Англии и России. Но какие задачи ставила перед собой Америка, вступая в войну? Исходила ли она из соображений человеколюбия или стремилась к получению власти и выгод? Сражались ли американцы за то, чтобы прекратить господство одних государств над другими, или же ради обеспечения дружественных отношений подконтрольных государств с Соединенными Штатами? В августе 1941 г. Рузвельт и Черчилль, встретившись на острове Ньюфаундленд, подписали так называемую Атлантическую хартию, в которой сформулировали благородные цели послевоенного устройства мира. В ней, в частности, говорилось, что стороны отказываются от «расширения, территориального или иного», что они уважают «право всех народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить». Хартия торжественно декларировала право наций на самоопределение.

Вместе с тем за две недели до подписания этого документа Самнер Уэллес, исполняющий обязанности госсекретаря Соединенных Штатов, заверил французское правительство в том, что и после войны французы смогут сохранить свои колонии: «Наше правительство, учитывая традиционные дружественные связи с Францией, глубоко сочувствует стремлению французского народа сохранить за собой заморские территории в неизменном виде». В «Документах Пентагона» министерства обороны США, посвященных истории вьетнамской войны, обращается внимание на американскую «двусмысленную» политику в отношении Индокитая и отмечается, что «в Атлантической хартии и других документах США заявляли о праве наций на самоопределение и независимость» и в то же время «уже в самом начале неоднократно демонстрировали французам свое желание вернуть Франции ее заморские владения после войны».

В конце 1942 г. личный представитель президента Ф. Д. Рузвельта заверил французского генерала Анри Жиро: «Совершенно ясно, что французский суверенитет будет восстановлен как можно скорее над всеми территориями (метрополией или колониями), над которыми в 1939 г. развевался флаг Франции». (Эти страницы, как и все другие опубликованные в «Документах Пентагона», имеют гриф «Совершенно секретно».) В 1945 г. от «двусмысленности» не осталось и следа. Как заявил Гарри Трумэн в мае, он никогда не ставил под сомнение «суверенитет Франции над Индокитаем». Осенью того же года Соединенные Штаты потребовали от националистического Китая, по решению Потсдамской конференции временно управлявшего северной частью Индокитая, передать эту территорию Франции, несмотря на явное стремление вьетнамцев к независимости.

Это было любезностью по отношению к французскому правительству. А как обстояло дело во время войны с имперскими амбициями самих Соединенных Штатов? Как обстояло дело

с «расширением, территориальным или иным», которое Рузвельт отверг в Атлантической хартии?

Заголовки газет пестрели сообщениями о сражениях на фронтах и о передвижениях войск: вторжение в Северную Африку в 1942 г. и в Италию в 1943 г., массированный сенсационный бросок союзников через Ла-Манш в оккупированную немцами Францию в 1944 г., ожесточенные бои по мере продвижения к границам Германии, усиление бомбардировки немецких городов английской и американской авиацией. Говорилось также о победах русских над нацистскими армиями (ко времени десанта через Ла-Манш русские полностью изгнали немцев со своей территории и сражались против 80 % всех вооруженных сил Германии). На тихоокеанском театре военных действий в 1943–1944 гг. происходило постепенное продвижение американцев от острова к острову в сторону Японии, что позволяло с более близкого расстояния совершать разрушительные налеты на японские города.

В то же время за кулисами, не привлекая особого внимания, дипломаты и бизнесмены США, усердно трудились над тем, чтобы после войны экономическая мощь Соединенных Штатов не имела равных в мире. Американские компании стали проникать на те территории, где прежде доминировала Англия. Политика «открытых дверей», обеспечивавшая равный доступ к рынкам, охватывала теперь все страны Европы и Азии, а это означало, что США вознамерились отодвинуть Англию в сторону и занять господствующее положение в мире.

Именно это произошло с Ближним Востоком и нефтью этого региона. В августе 1945 г. один из высокопоставленных чиновников госдепартамента констатировал, что «анализ истории дипломатии за последние 35 лет убедительно показывает, что нефть играла во внешней политике США куда более важную роль, чем любой другой сырьевой товар». Крупнейшими запасами нефти на Ближнем Востоке располагала Саудовская Аравия. Нефтяная корпорация АРАМКО, действуя через министра внутренних дел Гарольда Икеса, убедила президента Рузвельта оказать этой стране помощь по ленд-лизу, что должно было связать американское правительство с данным регионом и защищать интересы АРАМКО. В 1944 г. Великобритания и США подписали пакт, касавшийся нефти, в котором по обоюдному согласию зафиксировали «принцип равных возможностей». В связи с этим Л. Гарднер писал в книге «Экономические аспекты дипломатии Нового курса», что «политика «открытых дверей» восторжествовала на Ближнем Востоке».

Историк Г. Колко, подробно проанализировав действия США военного времени в работе «Политика войны», пришел к выводу, что «американская экономическая политика в тот период имела целью спасти и сохранить капиталистическую систему у себя дома и за границей». В апреле 1944 г. чиновник госдепартамента сказал: «Как вы знаете, нам нужно готовиться к колоссальному увеличению производства в стране после войны, но американский внутренний рынок не сможет бесконечно долго вбирать в себя всю произведенную продукцию. Нет сомнений в том, что нам потребуется значительно расширить зарубежные рынки».

В книге «Семь сестер», посвященной международному нефтяному бизнесу, Э. Сэмпсон пишет: «К концу войны доминирующее влияние в Саудовской Аравии безусловно принадлежало Соединенным Штатам. Короля Ибн Сауда уже считали не диким воином пустыни, а ключевой фигурой в игре различных сил, которую Западу стоило всячески обхаживать и ублажать. Возвращаясь с Ялтинской конференции в феврале 1945 г., президент Рузвельт устроил королю и его свите из пятидесяти человек, включавшей двух принцев, его премьер-министра и астролога, пышный прием на борту своего крейсера «Куинси».

Позднее Рузвельт сообщал Ибн Сауду, что Соединенные Штаты не станут менять своей политики в отношении Палестины, не проконсультировавшись предварительно с руководителями арабского мира. В последующие годы забота об обеспечении интересов

нефтяного бизнеса будет постоянно сталкиваться с обеспокоенностью судьбой еврейского государства на Ближнем Востоке, однако в тот момент нефть представлялась более важной проблемой.

В связи с упадком британской имперской мощи в период Второй мировой войны США были готовы занять освободившееся место. Еще в начале войны К. Хэлл заявил: «Ведущая роль в новой системе международных торговых и иных экономических отношений будет несомненно во многом принадлежать Соединенным Штатам благодаря их огромной экономической мощи. Мы должны взять на себя это руководство и связанную с ним ответственность, исходя главным образом из собственных национальных интересов».

Еще до окончания войны американская администрация приступила к созданию контуров нового международного экономического порядка, основанного на партнерстве правительства и крупного бизнеса. Говоря о Гарри Гопкинсе, ближайшем советнике президента Рузвельта, Л. Гарднер замечает: «Ни один консерватор не превзошел Гопкинса в борьбе за иностранные инвестиции и в их защите».

Поэт Арчибалд Маклиш, тогдашний помощник госсекретаря, критически отозвался о том, что ему пришлось наблюдать в послевоенном мире: «Судя по тому как развиваются события, в том общественном порядке, к которому мы стремимся и который устанавливаем, главную роль будут играть нефть, золото, международная торговля... но в нем не будет духовности или простых человеческих отношений».

Во время войны Англия и Соединенные Штаты создали Международный валютный фонд, призванный регулировать международный валютный обмен. Голоса делились пропорционально размерам вносимого капитала, что гарантировало США доминирующее положение. Был также учрежден Международный банк реконструкции и развития, предположительно для помощи в восстановлении разрушенных войной регионов, однако одна из главных задач Банка, по словам его создателей, заключалась в том, чтобы «способствовать иностранным инвестициям».

Послевоенные потребности стран в экономической помощи уже рассматривались с учетом политических факторов. Аверелл Гарриман, посол США в России, в начале 1944 г. заявил: «Экономическая помощь наиболее эффективное наше оружие, с помощью которого мы сможем влиять на развитие политических процессов в Европе в нужном нам направлении».

Созданная во время войны Организация Объединенных Наций (ООН) была провозглашена органом международного сотрудничества для предотвращения войн в будущем. Однако в ней с самого начала доминировали западные империалистические государства: Соединенные Штаты, Англия и Франция, а также новая империалистическая держава – Советский Союз, располагавший военными базами и огромным влиянием в странах Восточной Европы. Известный консервативный сенатор-республиканец Артур Ванденберг, комментируя Устав ООН, в своем дневнике записал: «Поражает прежде всего его консервативность с националистической точки зрения. Он, по сути, базируется на альянсе четырех держав... Это не что иное, как безумная интернационалистская мечта о мировом Государстве... Меня глубоко поражает (и удивляет), что Хэлл, согласно своей схеме, так заботливо оберегает наше американское вето».

Ужасное положение евреев в оккупированной немцами Европе, являвшееся, по мнению многих, одной из главных причин войны против государств «оси», не особенно волновало Рузвельта. Как свидетельствует исследование «Политика спасения», проведенное Г. Файнголдом, когда евреев стали свозить в концентрационные лагеря и начался страшный процесс уничтожения 6 млн. евреев и миллионов людей других национальностей, президент США не принял никаких мер, которые бы помогли спасти тысячи жизней. Не считая это своей приоритетной задачей, он предпочитал, чтобы действовал государственный департамент.

Преобладавшая в этом учреждении атмосфера антисемитизма и чиновничьей бюрократии серьезно препятствовала успешному решению проблемы.

Велась ли эта война с целью опровержения идей Гитлера о превосходстве белых людей нордического типа над «неполноценными» расами? В Вооруженных силах США существовала жесткая расовая сегрегация. Когда в начале 1945 г. войска, отправлявшиеся на европейский театр военных действий, грузили на корабль «Куин Мэри», чернокожих солдат разместили глубоко в трюме, рядом с машинным отделением, подальше от свежего воздуха верхних палуб, – невольное напоминание о старых временах работорговли.

С одобрения правительства Красный Крест отдельно хранил донорскую кровь черных и белых американцев. По иронии судьбы систему консервации крови придумал чернокожий врач Чарльз Дрю, руководивший донорской службой военного времени и уволенный со своего поста за попытку покончить с сегрегацией при хранении донорской крови. Хотя военное производство испытывало крайнюю нужду в рабочей силе, черные американцы подвергались расовой дискриминации при найме на работу. Представитель одного из авиационных предприятий, расположенных на Западном побережье, выразился так: «Негров можно использовать только в качестве уборщиков и на похожих вспомогательных работах... Независимо от их опыта и специальных знаний как рабочих-авиастроителей мы никогда не возьмем их». Рузвельт ни разу не пытался претворить в жизнь рекомендации учрежденной им Комиссии по справедливым условиям найма.

Фашистские государства упорно настаивали на том, что удел женщины – домашнее хозяйство. И хотя война против фашизма привела многих женщин на работу в оборонную промышленность, где ощущалась крайняя необходимость в рабочих руках, это обстоятельство несколько не изменило их подчиненного положения. Военная комиссия по рабочей силе не допускала американок в свои учреждения, где принимались решения. И это несмотря на то, что очень много их трудилось в военных отраслях экономики. Как указывалось в докладе, представленном Мэри Андерсон, директором Бюро по делам женщин министерства труда, в Комиссии испытывают «сомнения и беспокойство» по поводу «растущих воинственных настроений и готовности к борьбе у части лидеров женских организаций».

В одном из своих политических мероприятий Соединенные Штаты почти скопировали практику фашистских режимов. Речь идет об обращении с американцами японского происхождения, проживавшими на Западном побережье. После нападения на Пёрл-Харбор антияпонская истерия охватила правительство. Один из членов Конгресса заявил: «Я за то, чтобы собрать всех японцев, живущих в Америке, на Аляске и на Гавайях, и поместить их в концентрационные лагеря... Да будут они прокляты! Давайте избавимся от них!»

Ф. Д. Рузвельт не разделял столь радикальных взглядов, однако в феврале 1942 г. без колебаний подписал исполнительный приказ № 9066, предоставивший армии право без соответствующего ордера, без предъявления конкретного обвинения и без судебного слушания арестовать всех американцев японского происхождения Западного побережья – 110 тыс. мужчин, женщин и детей, – вывезти в лагеря в глубине страны и держать их там в условиях близких к тюремным. Три четверти этих людей родились в Америке от родителей-японцев, а потому по праву являлись американскими гражданами. Оставшаяся четверть интернированных родилась в Японии и по закону не могла приобрести американское гражданство. В 1944 г. Верховный суд подтвердил правомочность принудительной эвакуации, ссылаясь на требование военного времени. Японцы оставались в лагерях более трех лет.

Мичи Уэглин была маленькой девочкой, когда ее семью вывезли и поместили в лагерь. В своей книге «Годы бесправия» она рассказывает о тяготах депортации, страданиях, неразберихе и возмущении, но также о сохранении человеческого достоинства и попытках противиться

насилию. Имели место забастовки, петиции, массовые сходки, отказы подписывать клятву верности, бунты против лагерного начальства. Японцы сопротивлялись до самого конца.

Только после войны история японо-американцев стала известна широкой публике. В сентябре 1945 г., через месяц после окончания военных действий в Азии, в журнале «Харперс мэгэзин» появилась статья профессора права Йельского университета Ю. В. Росту, в которой он назвал принудительную эвакуацию «нашей грубейшей ошибкой военного времени». Было ли это в самом деле «ошибкой» или же акцией, вполне ожидаемой от государства с длительной историей расизма, которое сражалось вовсе не ради того, чтобы положить конец этому явлению, а ради сохранения фундаментальных элементов американской системы?

Из войны, которую вело правительство, главную выгоду – несмотря на многочисленные реформы – извлекала богатейшая верхушка общества. Союз крупного бизнеса и администрации берет начало с первых же рекомендаций, предложенных Александром Гамильтоном Конгрессу после окончания Войны за независимость. В период Второй мировой войны этот альянс получил дальнейшее развитие и стал более тесным. Во время Великой депрессии Рузвельт однажды осудил «экономических роялистов», но неизменно продолжал пользоваться поддержкой влиятельных руководителей бизнеса. В годы войны Брюс Кэттон, член Управления военного производства, заметил: «Экономические роялисты, которых высмеивали и осуждали... также должны были теперь сыграть свою роль».

Кэттон в работе «Боги войны из Вашингтона» подробно описывает процесс мобилизации промышленного производства для военных нужд и постепенную концентрацию богатств в крупных корпорациях, число которых, по мере их слияния, неуклонно уменьшалось. В 1940 г. Соединенные Штаты начали поставлять значительные количества военного снаряжения Англии и Франции. В 1941 г. три четверти общего объема военных заказов (в денежном выражении) приходилось на долю 56 крупных корпораций. В сенатском докладе «Концентрация экономики и Вторая мировая война» отмечалось, что в военное время научно-исследовательскую работу по правительственным контрактам вели около 2 тыс. компаний, однако из выделенных на эти цели 1 млрд. долл., 400 млн. получили 10 корпораций.

Последнее слово при принятии решений по-прежнему оставалось за руководством предприятий, и, хотя 12 млн. рабочих являлись членами КПП и АФТ, их положение оставалось подчиненным. На 5 тыс. предприятий были созданы в качестве символов производственной демократии комитеты по трудовым отношениям, однако они в основном вырабатывали меры по укреплению дисциплины и увеличению выпуска готовой продукции. Кэттон пишет: «Владельцы и управляющие больших компаний, принимавшие текущие решения, пришли к выводу, что никаких перемен не требуется».

Несмотря на атмосферу всеобщего патриотического подъема и стремления во что бы то ни стало выиграть войну, несмотря на обязательства АФТ и КПП не устраивать стачки, многие американские рабочие, возмущенные фактом замораживания зарплаты в то время, когда компании получали колоссальные прибыли, все же решались бастовать. За время войны произошло 14 тыс. забастовок, в которых участвовало 6,77 млн. рабочих, т. е. больше, чем в любой другой период американской истории. Только в 1944 г. бастовал 1 млн. рабочих из числа шахтеров, сталелитейщиков, работников автомобильной промышленности и предприятий транспортного оборудования.

Забастовки продолжались в рекордных количествах и после окончания войны. Только в первой половине 1946 г. в них участвовало 3 млн. человек. По мнению Дж. Брешера, высказанному в книге «Стачка!», если бы не дисциплинирующая рука профсоюзов, дело могло дойти до «всеобщей конфронтации между рабочими многих отраслей промышленности и правительством, поддерживающим работодателей».

Согласно сведениям, содержащимся в неопубликованной рукописи М. Миллера «Ирония победы. Лоуэлл в годы Второй мировой войны», в этом городе в штате Массачусетс в 1943–1944 гг. состоялось столько же забастовок, как и в 1937 г. Возможно, война и была «народной», но многих сильно раздражал тот факт, что в текстильной промышленности в 1940–1946 гг. прибыль увеличилась на 600 %, а зарплата работников фабрик, производивших хлопчатобумажные изделия, выросла всего на 36 %. Насколько мало изменились нелегкие условия труда женщин, имевших детей говорит тот факт, что в Лоуэлле лишь 5 % работниц, занятых в военном производстве, имели возможность отдать малышей в детские сады, прочие приспособлялись как могли.

Невзирая на проявления восторженного патриотизма, встречалось немало людей, считавших эту войну неправильной – даже перед лицом фашистской агрессии. Из 10 млн. призывников Второй мировой войны лишь 43 тыс. отказались взять в руки оружие, однако и это число в 3 раза превышало количество отказников по убеждению времен Первой мировой войны. Шесть тысяч (из 43 тыс.) подверглись тюремному заключению, что в 4 раза превысило аналогичный показатель за годы Первой мировой войны. Из каждого шести заключенных федеральных тюрем один человек был отказником по убеждению.

Помимо этих 43 тыс. человек, многие просто не явились на призывные пункты. Правительственные службы регистрировали примерно 350 тыс. подобных случаев, связанных с различными уловками и прямым дезертирством, поэтому трудно назвать точную цифру. Однако число тех, кто либо не пришел на призывные пункты, либо потребовал для себя статус отказника по убеждению составляло сотни тысяч – количество довольно внушительное. И это в условиях, когда почти все американское общество единодушно поддерживало войну.

Трудно оценить масштаб недовольства начальством среди солдат, согласившихся воевать, но вынужденных сражаться за цели, которые были им не совсем ясны. Не улучшало общую атмосферу и свойственное военной машине полное отсутствие демократии. Никто не описал горечь простых солдат, увидевших особые привилегии, которыми обладали офицеры армии страны, известной своими демократическими традициями. Например, придя в перерывах между боевыми вылетами в кино на американской военно-воздушной базе в Европе, можно было обнаружить две очереди в кассу: для офицеров (короткая) и для рядового состава (очень длинная). Существовали отдельные столовые, и даже перед боем солдат кормили значительно хуже, чем офицеров.

В послевоенной литературе («Отныне и вовек» Джеймса Джонса, «Уловка-22» Джозефа Хеллера, «Нагие и мертвые» Нормана Мейлера) нашло отражение сильное недовольство солдат армейским «начальством». В романе «Нагие и мертвые» есть разговор солдат перед боем. Один из них говорит:

«– Единственное, что плохо в нашей армии, так это то, что она никогда не проигрывала войны.

– Ты что же, полагаешь, что мы должны проиграть эту войну? – удивился Толио.

Ред как прорвало:

– А что, по твоему, я должен иметь против этих проклятых японцев? Ты думаешь, я опечалюсь, если они удержат вот эти джунгли? А какая мне польза от того, что Каммингс получит еще одну звезду на погоны?

– А что генерал Каммингс? Он хороший человек, – вмешался Мартинес.

– Хороших офицеров не бывает вообще, – убежденно заявил Ред»¹⁹².

¹⁹² Мейлер Н. Нагие и мертвые / пер. с англ. 2-е изд. М., 1976. С. 124.

В черном сообществе повсеместно наблюдалось безразличное, а порой и враждебное отношение к войне, несмотря на попытки негритянских газет и лидеров воздействовать на патриотические чувства чернокожего населения. В своей книге «Восставшие против войны» Л. Уиттнер приводит следующее высказывание чернокожего журналиста: «Негр... раздражен, обижен, к войне относится с безразличием. «За что воевать? – спрашивает он. – Эта война для меня ничего не значит. Если мы выиграем, то я опять проиграю. Так что?»» Один чернокожий офицер, находясь дома в отпуске, рассказывал друзьям в Гарлеме, что, участвуя в сотнях разговорах с солдатами-неграми, он убедился в полном отсутствии у них какой-либо заинтересованности в этой войне.

Учащийся колледжа для черных заявил своему преподавателю: «В армии нас дискриминируют. Во флоте допускают лишь к работе на кухне. Красный Крест отказывается принимать нашу кровь. Работодатели и профсоюзы отвергают нас. Линчевания продолжаются. Мы лишены элементарных гражданских прав, нас всячески унижают и оплевывают. Что еще смог бы сделать Гитлер?» Уолтер Уайт, руководитель НАСПЦН, повторил эти слова, выступая на Среднем Западе перед аудиторией в несколько тысяч человек; он полагал, что собравшиеся осудят высказывание учащегося. «К моему удивлению и страху, – вспоминал Уайт, – присутствующие встретили процитированные слова взрывом аплодисментов, и потребовалось 30 или 40 секунд, чтобы успокоить собравшихся».

В январе 1943 г. в одной из негритянских газет появилась следующая «Молитва призывника»:

О Боже, сегодня
Я отправляюсь на войну:
Сражаться и умирать.
Скажи мне, ради чего?
О Боже, я буду сражаться.
Я не страшусь
Ни немцев, ни япошек,
Мне страшно здесь.
Америка!

Однако организованной негритянской оппозиции войне не существовало. По сути, в стране почти не было организованной оппозиции. Компартия безоговорочно выступала в поддержку военных действий. Социалисты раскололись, будучи не в состоянии ясно определить свою позицию по отношению к войне.

Против нее выступили лишь несколько небольших групп анархистов и пацифистов. Международная женская лига за мир и свободу заявила: «...война между народами, классами или расами не в состоянии навсегда уладить конфликты либо залечить нанесенные ими раны». Газета «Католик уоркер» писала: «Мы по-прежнему пацифисты».

Трудности, сопровождавшие абстрактные призывы к «миру» в мире капитализма, коммунизма и фашизма с их динамичными идеологиями и агрессивными действиями, беспокоили некоторых пацифистов. Они начали говорить о «революционном ненасилии». А. Дж. Маст, член Братства примирения, позднее сказал: «На меня не произвел впечатления сентиментально-добродушный пацифизм начала столетия. Тогда люди полагали, что стоит им сесть и мило потолковать о мире и любви – и они решат все проблемы на свете». Мир переживал революцию, и Маст понимал: всем противникам насилия необходимо действовать по-революционному, но без применения силы. Движению революционного пацифизма

следовало «наладить действенные контакты с угнетенными группами населения и меньшинствами, такими как негры, издольщики, индустриальные рабочие».

Только одна организованная группа социалистов безоговорочно выступила против войны – Социалистическая рабочая партия. Закон о шпионаже, принятый в 1917 г., продолжал действовать в отношении книг, а в военное время применялся и к некоторым публичным заявлениям. Однако в 1940 г., когда Соединенные Штаты еще не начали воевать, Конгресс принял закон Смита, в который вошли статьи прежнего Закона о шпионаже, запрещавшие всякие устные или письменные высказывания, побуждающие к отказу от воинской службы, в том числе и в мирное время. Закон Смита также квалифицировал как уголовное преступление призывы к свержению законного правительства силой, присоединение к любой группе или организации, выступающей с такими призывами, а также любые публикации, содержащие подобные идеи. В 1943 г. в Миннеаполисе 18 членов Социалистической рабочей партии были осуждены за принадлежность к организации, идеи которой, выраженные в ее Декларации принципов и в «Манифесте Коммунистической партии», подпадали под действие закона Смита. Все они получили сроки лишения свободы, а Верховный суд отказался рассматривать апелляцию.

Были слышны немногие голоса, утверждавшие, что подлинная война происходит внутри каждого государства. В начале 1945 г. журнал «Политикс», издававшийся в военные годы Дуайтом Макдоналдом, опубликовал статью французского рабочего-философа Симоны Вайль, в которой говорилось: «Какой бы ярлык ни украшал маску – будь то фашизм, демократия или диктатура пролетариата, – нашим главным противником был и остается Аппарат: бюрократия, полиция, военные. Наш подлинный враг – не тот, кто находится по другую сторону границы или поля битвы, а тот, кто объявляет себя нашим защитником и превращает нас в своих рабов. Как бы ни складывались обстоятельства, наихудшее предательство – подчинить себя этому Аппарату и, ему в угоду, растоптать в себе самом и в других все человеческие ценности».

Между тем значительная часть населения США оказалась мобилизована, чтобы вести войну в составе вооруженных сил или на гражданской службе, и американцы все глубже и глубже погружались в военную атмосферу. Опросы общественного мнения показывали, что большинство солдат выступает за сохранение призыва и в послевоенный период. Ненависть к врагу, в особенности к японцам, получила широкое распространение. Сказывались и расистские предубеждения. Сообщая о битве с японцами за остров Иводзима, журнал «Тайм» писал: «Простой нерассуждающий япошка невероятно темен. Быть может, он и человек. Однако ничто... не указывает на это».

Итак, существовала благоприятная почва для массового одобрения самых жестоких бомбардировок гражданского населения в истории войн – воздушных налетов на немецкие и японские города. Кто-то, возможно, скажет, что эта всеобщая поддержка и делала войну «народной». Но если под «народной войной» понимать войну народа против агрессора, оборонительную войну – за сохранение человеческих ценностей, а не привилегий правящей верхушки, войну против немногих, – то тактика массированных воздушных атак на немецкое и японское гражданское население полностью опровергает данное утверждение.

Воюя с Эфиопией, Италия бомбила селения. Германия и Италия разрушали с воздуха мирные объекты во время гражданской войны в Испании. В начале Второй мировой войны немецкие самолеты бросали бомбы на голландский Роттердам, английский Ковентри и на другие города. Рузвельт назвал это «бесчеловечным варварством, противоречащим всякому представлению о гуманности».

Но эти немецкие бомбардировки кажутся куда менее значительными по сравнению с налетами английской и американской авиации на города Германии. В январе 1943 г. на

конференции в Касабланке союзники договорились о проведении широкомасштабных воздушных атаках с целью «разрушения и нарушения функционирования германской военной, индустриальной и экономической системы и подрыва морали немецкого народа до такой степени, что его готовность к вооруженному сопротивлению будет решительно ослаблена». Так начались массированные бомбардировки: тысячи самолетов совершили налеты на Кёльн, Эссен, Франкфурт, Гамбург. Англичане летали по ночам, даже не стараясь делать вид, будто их целью являются «военные» объекты, американцы предпочитали дневное время и уверяли, что бомбят конкретные цели, хотя при бомбежках с больших высот ни о какой точности не могло быть и речи. Пиком этого воздушного террора явилось нападение на Дрезден в начале 1945 г. Ужасающий жар, вызванный взрывами бомб, создал вакуум, в который быстро устремилось пламя; чудовищная огненная буря бушевала по всему городу. Погибло более 100 тыс. жителей Дрездена. (Уинстон Черчилль в своих военных мемуарах ограничился следующим описанием этого эпизода: «В последний месяц мы совершили массированный воздушный налет на Дрезден, который являлся важным центром коммуникаций германского Восточного фронта».)

Бомбардировки японских городов продолжали ту же стратегию массированных ударов с целью подрыва морального духа гражданского населения. Один ночной налет на Токио с применением зажигательных бомб унес 80 тыс. жизней. Шестого августа 1945 г. в небе над Хиросимой появился один-единственный американский самолет, сбросивший первую атомную бомбу. Результат: более 100 тыс. погибших на месте и десятки тысяч медленно умирающих от облучения. Погибли и 12 американских морских летчиков, находившихся в то время в тюрьме Хиросимы, – факт, который, по словам автора работы «Разрушенный мир» историка М. Шервина, правительство США официально так и не признало. Через три дня атомная бомба была сброшена на Нагасаки: погибло около 50 тыс. человек.

Эти жестокости оправдывали тем, что благодаря им якобы быстрее закончилась война и отпала необходимость прямого вторжения в Японию. Как уверяло правительство, подобное вторжение неизбежно привело бы к огромным людским потерям: не менее миллиона человек, по оценкам госсекретаря Джеймса Бирнса; Трумэн, сославшись на генерала Джорджа Маршалла, называл цифру в полмиллиона. (Когда годы спустя были опубликованы документы Манхэттенского проекта по созданию атомной бомбы, стало известно, что Маршалл требовал заранее предупредить японцев о характере бомбы, чтобы гражданское население было заблаговременно эвакуировано и удар пришелся бы только по военным объектам.) Оценки возможных потерь при вторжении были далеки от реальных и, по-видимому, просто придуманы, чтобы оправдать бомбардировки, которые, когда стали известны их последствия, приводили в ужас все больше и больше людей. К августу 1945 г. Япония находилась в отчаянном положении и уже выражала готовность капитулировать. Вскоре после войны военный обозреватель Хэнсон Болдуин писал в «Нью-Йорк таймс»: «Когда в Потсдаме 26 июля выдвинули требование о безоговорочной капитуляции, противник с военной точки зрения находился в безнадежном стратегическом положении. Такова была ситуация, когда мы стерли с лица земли Хиросиму и Нагасаки. Была ли в этом необходимость? Сказать утвердительно, конечно, нельзя, но ответ почти наверняка будет отрицательным».

Американская служба стратегических бомбардировок авиацией стратегического назначения, созданная военным министерством США в 1944 г. для изучения результатов воздушных налетов, опросила после капитуляции Японии сотни гражданских и военных должностных лиц этой страны и представила подробный отчет о своих изысканиях. В нем, в частности, указывалось: «Основываясь на детальном рассмотрении всех имеющихся фактов и на показаниях оставшихся в живых японских руководителей, Служба полагает, что безусловно к 31 декабря 1945 г., а по всей вероятности, до 1 ноября 1945 г. Япония капитулировала бы при

любых обстоятельствах: не понадобилось бы ни атомных бомбардировок, ни вступления в войну России, ни планирования или рассмотрения вопроса о вторжении».

Но могло ли американское руководство знать это в августе 1945 г.? Вне всякого сомнения. Взломав японский шифр, американцы перехватывали японские донесения. Из телеграмм было известно, что японский посол в Москве получил указание добиваться мирных переговоров с союзниками. Руководители Японии заговорили о капитуляции еще за год до этого, и сам император с июня 1945 г. советовал искать приемлемую альтернативу борьбе до конца. Министр иностранных дел Сигенори Того 13 июля направил послу в Москве телеграмму: «Безоговорочная капитуляция – единственное препятствие к миру». После тщательного изучения относящихся к делу исторических документов М. Шервин пришел к выводу: «Раскрыв японский шифр еще до войны, американские спецслужбы могли передавать (и передавали) все расшифрованные послания президенту, но это никак не сказалось на усилиях, направленных на окончание войны».

Если бы только американцы не настаивали на безоговорочной капитуляции, т. е. если бы они приняли единственное условие японской стороны – сохранение за императором, этой священной для японцев личностью, его престола, – Япония согласилась бы прекратить военные действия.

Так почему же Соединенные Штаты не сделали этого небольшого шага навстречу, который мог спасти американские и японские жизни? Не потому ли, что уже нельзя было отказаться от испытания атомной бомбы, стоившей стольких денег и усилий? По словам генерала Лесли Гроувса, руководителя Манхэттенского проекта, механизм был запущен и Трумэн не мог его остановить. Или, быть может, прав британский ученый П.М.С. Блэкетт, утверждавший в книге «Страх, война и бомба», что американцы торопились сбросить бомбу до того, как в войну с Японией вступят русские?

По секретному соглашению русские (не сражавшиеся с Японией) должны были объявить ей войну через 90 дней после прекращения боевых действий в Европе, что произошло 8 мая. Таким образом, 8 августа русским надлежало объявить войну Японии. Но 6 августа была сброшена первая атомная бомба на Хиросиму, на следующий день после 8 августа еще одна, на Нагасаки; японцы сложили оружие и капитулировали перед Соединенными Штатами, а не перед русскими, и после войны именно США оккупировали Японию. Другими словами, Блэкетт утверждает, что атомная бомбардировка была «первой крупной операцией в холодной дипломатической войне с Россией». Британцу вторит американский историк Г. Алпровиц в работе «Атомная дипломатия». Он ссылается на запись в дневнике министра военно-морского флота Джеймса Форрестала от 28 июля 1945 г., в которой говорится, что государственный секретарь Дж. Бирнс «стремится во что бы то ни стало покончить с японскими делами, прежде чем в войну вступят русские».

По этому поводу Трумэн сказал: «Мировое сообщество отметит, что первая атомная бомба была сброшена на Хиросиму, военную базу. Мы хотели в этом первом налете по мере возможности избежать жертв среди гражданского населения». Это заявление было абсурдным. Из 100 тыс. убитых в Хиросиме почти все являлись гражданскими лицами. Как отметила в своем отчете Американская служба стратегических бомбардировок: «Хиросима и Нагасаки были выбраны в качестве целей из-за высокого уровня концентрации производства и плотности населения».

Бомбардировка Нагасаки, судя по всему, планировалась заранее, и никто впоследствии не смог толком объяснить, зачем понадобилось сбрасывать вторую атомную бомбу. Быть может, это произошло потому, что первая была урановая, а вторая – плутониевая? Быть может, подвергшиеся воздействию радиации жители Нагасаки – это всего лишь научный эксперимент?

По мнению М. Шервина, среди погибших в Нагасаки, вероятно, были и американские военнопленные. Он приводит адресованное военному министерству донесение размещавшегося на острове Гуам штаба стратегической авиации армии США от 31 июля: «По имеющимся данным, не подтвержденным воздушной фотосъемкой, лагерь союзнических военнопленных находится в одной миле к северу от центра Нагасаки. Повлияет ли это на выбор цели для операции «Сентерборд»? Просим немедленно ответить». Ответ на запрос гласил: «Ранее выбранные цели для операции «Сентерборд» остаются прежними».

Слов нет, война после этого быстро закончилась. Италию разгромили годом ранее. Только что безоговорочно капитулировала Германия, сокрушенная главным образом войсками Советского Союза на Востоке, которым помогали союзные армии на Западе. И вот теперь капитулировала Япония. Фашистские державы повсюду были уничтожены.

Но как быть с фашизмом – как идеей и реальностью? Исчезли ли его основные составляющие элементы: милитаризм, расизм, империализм? Или же они вошли в уже отравленные плоть и кровь победителей? Революционный пацифист А. Дж. Маст еще в 1941 г. предсказывал: «После войны проблема возникнет уже с победителем. Ведь, по его мнению, он только что убедительно доказал: война и сила дают плоды. Кто теперь преподаст ему урок?»

Победителями стали Советский Союз и Соединенные Штаты Америки (но также Англия, Франция и националистический Китай, однако они были гораздо слабее). Оба государства – без свастики, гусяного шага и официально провозглашаемого расизма, но под прикрытием идей «социализма», с одной стороны, и «демократии» – с другой, – приступили к созданию собственных империй или сфер влияния. Они начали соперничество за господство над миром и создание военной машины куда более мощной, чем та, что когда-либо имели фашистские страны; они определяли судьбы куда большего количества государств, чем когда-то Гитлер, Муссолини и Япония. Для укрепления собственной власти оба главных победителя стремились также поставить под контроль собственное население: в Советском Союзе использовали методы довольно грубые, в Соединенных Штатах действовали гораздо тоньше.

Война не только позволила Америке занять доминирующие позиции в значительной части мира, но и создала благоприятные предпосылки для эффективного контроля в стране. Безработица, экономический спад и всеобщий хаос, лишь частично смягченные в ходе осуществления Нового курса, были преодолены с помощью еще большего хаоса, именуемого войной. Она позволила фермерам поднять цены на свою продукцию, увеличить зарплату работникам, повысить общее благосостояние значительной части населения и в итоге приглушить недовольство, грозившее в 30-х гг. серьезными волнениями. По словам Л. Уиттнера, «война омолодила американский капитализм». Существенно выросли и прибыли корпораций: с 6,4 млрд. долл. в 1940 г. до 10,8 млрд. долл. в 1944 г. На долю рабочих и фермеров пришлось вполне достаточно, чтобы они почувствовали, что существующая система их устраивает.

Правительство усвоило давний урок: война решает проблему контроля. Чарлз Э. Уилсон, президент «Дженерал электрик корпорейшн», был так доволен ситуацией, сложившейся в годы битв, что предложил сохранить альянс между бизнесом и военными с целью поддержания «перманентной военной экономики».

Так и произошло. Когда с окончанием военных действий уставшие американцы с надеждой ожидали демобилизации и разоружения, администрация Трумэна (Рузвельт умер в апреле 1945 г.) постаралась создать атмосферу кризиса и холодной войны. Конечно, соперничество с Советским Союзом было вполне реальным. Эта страна вышла из войны с разрушенной экономикой, потеряв 20 млн. погибшими, но удивительно быстро восстанавливалась, наращивала промышленное производство и военную мощь. Администрация

Трумэна, однако, изображала СССР не просто как соперника, а как непосредственную угрозу.

В некоторых кинофильмах, демонстрировавшихся за рубежом и внутри страны, нагнетался страх и антикоммунистическая истерия. Такая обстановка способствовала постепенному увеличению военного бюджета, а оборонные заказы стимулировали производство. Подобная политика позволила действовать агрессивнее за границей и жестче у себя дома.

Революционные движения в Европе и Азии объяснялись американской общественности экспансионистскими поползновениями Советского Союза, что воскрешало в памяти бывшее негодование против агрессии Гитлера.

В Греции, где до войны существовал монархический диктаторский режим правого толка, британская армия сразу же после окончания военных действий разгромила популярный среди населения Национально-освободительный фронт (ЭАМ) левой ориентации. Правая диктатура была восстановлена. В ответ на заключение в тюрьму противников режима и изгнание профсоюзных лидеров со своих постов начало шириться антиправительственное левое партизанское движение. Вскоре в его рядах насчитывалось 17 тыс. бойцов и 50 тыс. активных помощников, которые, пожалуй, имели не менее 250 тыс. сочувствовавших – и это в стране с населением 7 млн. человек. Великобритания заявила, что не в состоянии самостоятельно справиться с мятежом, и попросила американцев вмешаться. Как выразился впоследствии один из чиновников госдепартамента: «За какой-нибудь час Великобритания передала работу мирового лидера... Соединенным Штатам».

США ответили доктриной Трумэна, которую президент изложил в своей речи в Конгрессе весной 1947 г. В ней Трумэн попросил выделить 400 млн. долл. на военную и экономическую помощь Греции и Турции. По словам президента, США обязаны помочь «свободным народам, которые сопротивляются попыткам поработить их вооруженным меньшинством или путем давления извне».

В действительности же самое мощное внешнее давление исходило от Соединенных Штатов. Греческие партизаны получали некоторую помощь от Югославии, но не от Советского Союза, руководство которого еще во время войны пообещало Черчиллю свободу рук в Греции, если тот не станет препятствовать СССР распоряжаться в Румынии, Польше и Болгарии. Подобно Соединенным Штатам, Советский Союз, похоже, не был склонен поддерживать революции, которые не мог контролировать.

Как сказал Трумэн, мир «должен выбирать между двумя альтернативными образами жизни». Один основывался «на воле большинства... при наличии свободных институтов», другой же определялся «волей меньшинства... террором и угнетением... и подавлением личных свобод». Кларк Клиффорд, советник Трумэна, предложил тому в своем послании Конгрессу увязать интервенцию в Греции с менее риторическими, но более практическими темами, например с «огромными природными ресурсами Ближнего Востока» (Клиффорд имел в виду нефть), но Трумэн об этом не упомянул.

Соединенные Штаты вмешались в гражданскую войну в Греции, послав туда не солдат, а вооружение и военных советников. За последние пять месяцев 1947 г. США передали правому правительству в Афинах 74 тыс. тонн различного военного имущества и снаряжения, в том числе артиллерийские орудия, пикирующие бомбардировщики и солидные запасы напалма. Двести пятьдесят американских офицеров во главе с генералом Джеймсом Ван Флитом помогали греческой армии на поле боя. Ван Флит инициировал принудительное выселение тысяч греков из домов в сельской местности с целью изолировать партизан и лишить их источников снабжения и поддержки. Такая политика применялась при подавлении народных восстаний повсеместно.

Эта помощь позволила к 1949 г. сломить сопротивление восставших, однако США продолжали оказывать греческому правительству экономическую и военную поддержку. В Грецию хлынул инвестиционный капитал от таких компаний, как «Эссо», «Доу кемикэл», «Крайслер», а также от других крупных американских корпораций. Однако в стране, в которой, по словам Ричарда Барнета, автора исследования «Интервенция и Революция», заправляла «особенно жестокая и примитивная диктатура», население по-прежнему голодало, погрязнув в невежестве и нищете.

В Китае к концу Второй мировой войны уже шла полным ходом революция, которой руководили коммунисты, поддерживаемые огромными массами населения. Китайская Красная армия, прежде воевавшая с японцами, теперь сражалась, чтобы свергнуть коррумпированную диктатуру Чан Кайши. Поддерживавшие Чан Кайши Соединенные Штаты к 1949 г. предоставили ему военную помощь на общую сумму 2 млрд. долл. Однако, согласно «Белой книге» о Китае, изданной госдепартаментом, к тому времени правительство Чан Кайши полностью утратило доверие собственных вооруженных сил и народа. В январе 1949 г. коммунистические войска вошли в Пекин, гражданская война закончилась, революционное движение в Китае победило. Впервые за долгую историю этой древней страны в ней было сформировано нечто похожее на народное правительство, свободное от контроля извне.

В послевоенное десятилетие Соединенные Штаты стремились добиться общенационального консенсуса консерваторов и либералов, республиканцев и демократов (исключая радикалов, выступавших против участия США в подавлении революций), сплотив их вокруг политики холодной войны и антикоммунизма. Создать подобную коалицию, скорее всего, мог либеральный президент из демократов, чей агрессивный внешнеполитический курс одобрили бы консерваторы, а программы вспомоществования («справедливый курс» Трумэна) могли бы привлечь либералов. Если бы при этом последние и традиционные демократы – недавняя война была еще свежа в памяти – поддерживали также и внешнюю политику противодействия «агрессии», то сложившийся во время Второй мировой войны радикально-либеральный блок был бы ликвидирован. И если бы антикоммунистические настроения сделались достаточно сильными, то либералы смогли бы поддержать репрессивные меры внутри страны, которые в обычные времена выглядели бы как нарушение либеральных традиций терпимости. В 1950 г. произошло событие, ускорившее формирование либерально-консервативного консенсуса: Трумэн начал необъявленную войну в Корею.

Эта страна, на протяжении 35 лет оккупированная Японией, была освобождена в конце Второй мировой войны и разделена на Северную Корею, которая после установления социалистической диктатуры вошла в советскую сферу влияния, и Южную Корею, правый режим которой относился к американской сфере. Обе Кореи постоянно обменивались взаимными угрозами, а 25 июня 1950 г. северокорейские войска пересекли 38-ю параллель, вторглись в пределы Южной Кореи и стали продвигаться в южном направлении. Организация Объединенных Наций, где доминировали США, попросила своих членов помочь «отразить вооруженное нападение». Трумэн приказал Вооруженным силам США оказать помощь Южной Корее, и таким образом американские войска стали воинским контингентом ООН. Президент заявил: «Возвращение к господству силы в международных делах чревато далеко идущими последствиями. Соединенные Штаты будут и впредь защищать господство права».

Противодействуя «господству силы», США за три года интенсивных бомбардировок и артиллерийских обстрелов превратили обе Кореи в груды развалин. Применялся и напалм. Вот как один журналист Би-би-си описывал результаты действия этого горючего вещества: «Перед нами находилось странное подобие человека, согнувшегося на широко расставленных ногах и с отведенными в стороны руками. На месте глаз у него зияли пустые глазницы, и его тело,

видневшееся сквозь висевшие на нем куски обгоревшей одежды, было покрыто сплошной черной коростой, через которую местами проступал желтый гной... Он вынужден был находиться только в вертикальном положении, потому что вместо кожи у него осталась только тонкая, легко разрывающаяся сухая пленка... Я подумал о сотнях виденных мною сожженных дотла селений и ясно себе представил, как выглядят убитые и раненные, число которых по всему корейскому фронту непрерывно возрастало».

В этой войне в Северной и Южной Корее погибло, вероятно, не менее 2 млн. человек, все во имя противодействия «господству силы».

Что же касается принципа господства права, о котором говорил Трумэн, то американские войска явно выходили за его рамки. Резолюция ООН призывала «отразить вооруженное нападение и восстановить мир и безопасность в регионе». Однако, отбросив северокорейцев за 38-ю параллель, американцы не остановились, а продвинулись дальше на север, вплоть до реки Ялуцзян на границе с Китаем, что спровоцировало китайцев на вступление в войну. Китайские армии устремились к югу. Боевые действия у 38-й параллели продолжалось до 1953 г., когда после мирных переговоров была восстановлена прежняя граница между Северной и Южной Кореей.

Корейская война мобилизовала либеральное общественное мнение в поддержку войны и президента. Создалась коалиция, необходимая для продолжения интервенционистской политики за рубежом и милитаризации экономики в стране. Это означало трудности для тех радикальных критиков, кто оказался вне альянса. Как отмечал А. Хэмби в книге «За пределами Нового курса», корейскую войну поддерживали такие издания, как «Нью рипаблик» и «Нейшн», а также Генри Уоллес, кандидат от созданной левой коалицией Прогрессивной партии Америки (ППА) и соперник Трумэна на президентских выборах 1948 г. Либералам не нравился сенатор Джозеф Маккарти, развернувший кампанию преследования коммунистов, которых он находил даже в либеральных кругах, однако корейская война, по словам Хэмби, «дала маккартизму новую путевку в жизнь».

В тяжелые 30-е и в период войны против фашизма влияние левых резко возросло. Количество действительных членов Компартии было относительно невелико – вероятно, не более 100 тыс., – но она пользовалась серьезным влиянием в профсоюзах, объединявших миллионы трудящихся, среди творческих работников и бесчисленного количества простых американцев, которых провал капиталистической системы в 30-х гг. побудил благосклонно посмотреть на коммунизм и социализм. Следовательно, если истеблишмент после Второй мировой войны хотел укрепить в стране капитализм и добиться согласия в поддержку американской империи, ему было необходимо ослабить и изолировать левых.

Двадцать второго марта 1947 г. спустя две недели после изложения согражданам своей доктрины в отношении Греции и Турции, президент Трумэн подписал исполнительный приказ № 9835, согласно которому следовало выявлять «нелояльных личностей, проникших» в правительственные структуры США. В своей книге «50-е годы» Д. Миллер и М. Новак пишут: «Хотя Трумэн впоследствии и жаловался на «мощную волну истерии», захлестнувшую нацию, его чрезмерное усердие в борьбе с коммунизмом в стремлении обезопасить Соединенные Штаты от внешних и внутренних угроз во многом способствовало появлению этой самой истерии. С момента опубликования в марте 1947 г. его программы безопасности и до декабря 1952 г. расследование было проведено в отношении 6,6 млн. американцев. Не было раскрыто ни одного случая шпионажа, хотя около 500 человек уволили с сомнительной формулировкой: «за недостаточную лояльность». Расследования велись на основании секретных сведений, полученных от тайных и часто оплачиваемых информаторов, без участия судей и присяжных. Несмотря на отсутствие доказательств какой-либо подрывной деятельности,

широкомасштабная официальная охота на «красных» заставила население поверить, будто правительственные органы буквально кишат шпионами. Консервативная и трусливая реакция захлестнула страну. Американцы твердо уверовали в необходимость абсолютной безопасности и сохранения установленного порядка».

События в мире после войны помогли заручиться общественной поддержкой антикоммунистического крестового похода внутри страны. В 1948 г. Компартия Чехословакии изгнала из правительства всех, кто не был коммунистом, и установила в стране свою собственную власть. В том же году Советский Союз организовал блокаду Берлина, который представлял собой город хотя и находившийся под совместной оккупацией союзников, однако изолированный в пределах советской оккупационной зоны в Восточной Германии. Это вынудило американцев осуществлять снабжение своей части Берлина по воздушному мосту. В 1949 г. коммунисты победили в Китае, а Советский Союз взорвал свою первую атомную бомбу. В 1950 г. началась корейская война. Все это преподносилось американцам в качестве доказательств наличия всеобщего коммунистического заговора.

Не рекламируемые столь громко, как очередные победы коммунистов, но не менее тревожными для правительства США были все более настойчивые требования колониальных народов, добивавшихся независимости. Ширились революционные движения: в Индокитае против французов, в Индонезии против голландцев; на Филиппинах произошло вооруженное восстание против Соединенных Штатов.

В Африке недовольство выражалось в форме забастовок. Б. Дэвидсон в книге «Да придет свобода» сообщает о самой длительной (160 дней) зафиксированной в истории континента стачке, которую в 1947 г. устроили 19 тыс. железнодорожных рабочих и служащих Французской Западной Африки. В послании губернатору отразился новый воинственный настрой бастующих. «Открывайте ваши тюрьмы, – писали они, – готовьте ваши пулеметы и пушки, но, если наши требования не будут выполнены, мы все равно в полночь на 10 октября объявим всеобщую забастовку». За год до этих событий в Южной Африке 100 тыс. горняков золотодобывающих шахт прекратили трудиться, требуя ежедневной оплаты труда в размере не менее 10 шиллингов (около 2,5 долл.). То было самое грандиозное выступление за всю южноафриканскую историю, которое удалось подавить лишь военной силой. В 1950 г. в Кении состоялась всеобщая забастовка против нищенской оплаты труда.

Таким образом, в качестве угрозы правительству США и американским деловым интересам воспринималась не только советская экспансия. Фактически, в Китае, Корее, Индокитае и на Филиппинах развивались собственные коммунистические движения, происхождение которых нельзя было объяснить подстрекательством со стороны Москвы. В мире поднималась общая волна антиимпериалистических выступлений; чтобы ее сдержать, требовались неимоверные усилия Соединенных Штатов и прежде всего национальное согласие в вопросе милитаризации бюджета и в деле подавления внутренней оппозиции по отношению к подобного рода внешней политике. Трумэн и либералы в Конгрессе стали добиваться этого согласия, используя исполнительный приказ, предписывавший всем государственным чиновникам давать клятву верности, а также карательные возможности министерства юстиции и антикоммунистическое законодательство.

В сложившейся обстановке сенатор от штата Висконсин Дж. Маккарти смог пойти еще дальше, перещеголяя даже Трумэна. Выступая в начале 1950 г. в городе Уилинг (Западная Виргиния) перед членами Женского республиканского клуба, он, потрясая над головой пачкой каких-то бумаг, воскликнул: «Здесь у меня в руке список из 205 имен людей, о которых госсекретарю стало известно как о членах Компартии, но которые, тем не менее, продолжают работать и определять политику государственного департамента». На следующий день на

собрании в Солт-Лейк-Сити Маккарти говорил уже о наличии у него списка на 57 коммунистов (количество менялось), служащих в госдепартаменте. Вскоре Маккарти пришел в сенат с фотокопиями примерно сотни личных досье сотрудников внешнеполитического ведомства, проходивших проверку лояльности. Дела были трехлетней давности и большинство лиц, на которых они заводились, в этом учреждении уже не служили. Однако Маккарти все-таки стал приводить выдержки из досье в качестве примеров, на ходу что-то изобретая, добавляя от себя и произвольно изменяя содержавшиеся в них сведения. «Либерал», например, превратился у него в человека «с коммунистическими наклонностями», а «активный попутчик» в «активного коммуниста» и т. д.

Подобным образом сенатор действовал на протяжении последующих нескольких лет. В качестве председателя постоянного подкомитета по расследованиям сенатского Комитета по вопросам деятельности правительственных учреждений он расследовал информационную программу госдепартаamenta, работу его радиостанции «Голос Америки» и заокеанских библиотек, где имелись книги авторов, которых Маккарти считал коммунистами. Государственный департамент запаниковал и направил целый поток директив в свои библиотеки по всему миру. Было изъято 40 книг, в том числе «Избранные сочинения Томаса Джефферсона» (под редакцией Ф. Фонера) и «Детский час» Лилиан Хеллман. Некоторые произведения были сожжены.

Маккарти становился все более самонадеянным. Весной 1954 г. он инициировал слушания с целью расследования предполагаемой подрывной деятельности среди военных. Когда же Маккарти начал нападать на генералов за их якобы недостаточно твердое отношение к подозреваемым коммунистам, то это в равной степени возмутило и республиканцев, и демократов, и в декабре того же года сенат подавляющим большинством голосов указал Маккарти «на поведение... недостойное члена сената Соединенных Штатов». В принятой резолюции не упоминалось о его антикоммунистической лжи и преувеличениях; внимание в ней было сосредоточено на незначительных проступках: его отказе явиться в сенатский подкомитет по привилегиям и выборам, а также грубом обращении с одним армейским генералом во время слушаний.

В то самое время, когда сенат осуждал Маккарти, Конгресс принимал целый пакет антикоммунистических законопроектов. Либерал Губерт Хэмфри предложил поправку к одному из них, объявлявшему Компартию США вне закона. Он заявил: «Я не намерен быть полупатриотом... Или сенаторы признают Коммунистическую партию тем, чем она является, или же они будут продолжать спотыкаться о юридические формальности и тонкости».

Либералы в правительстве сами прилагали усилия к тому, чтобы исключать, преследовать, увольнять и даже сажать в тюрьму коммунистов. Маккарти просто зашел слишком далеко, атакуя не только коммунистов, но и либералов и тем самым угрожая либерально-консервативной коалиции, имевшей важное значение. Например, Линдон Джонсон, руководитель сенатского меньшинства, работал не только над тем, чтобы резолюция, порицающая Маккарти, прошла, но и над тем, чтобы в документе упоминалось лишь «поведение... недостойное члена сената Соединенных Штатов», не касаясь его воинствующего антикоммунизма.

Дж. Ф. Кеннеди занял осторожную позицию по проблеме, не высказываясь против сенатора (он не участвовал в голосовании по резолюции и никогда впоследствии не говорил, как бы проголосовал сам). Утверждение Маккарти о том, что «красные» победили в Китае только благодаря недостаточно твердой позиции американского правительства по отношению к коммунизму, почти соответствовало взглядам Кеннеди, которые он высказал в палате представителей в январе 1949 г. после взятия китайскими коммунистами Пекина. Кеннеди, в

частности, сказал: «Господин председатель, в конце недели мы узнали о масштабах катастрофы, постигшей Китай и Соединенные Штаты. Ответственность за провал нашей внешней политики на Дальнем Востоке целиком и полностью ложится на Белый дом и государственный департамент. Постоянные требования, чтобы помощь не предоставлялась до тех пор, пока не будет сформировано коалиционное правительство с участием коммунистов, стало сокрушительным ударом для национального правительства.

Наши дипломаты и их советники, все эти Латтиморы и Фэрбенки [оба были специалистами в области китайской истории: Оуэн Латтимор являлся любимым объектом нападок Маккарти, Джон Фэрбенк – профессором Гарвардского университета], были до такой степени озабочены несовершенством демократической системы в Китае, пережившем 20-летнюю войну, и рассказами о коррупции в высших эшелонах власти, что совершенно упустили из виду нашу громадную заинтересованность в некоммунистическом Китае... Палата представителей должна теперь принять ответственные меры и не допустить, чтобы сокрушительная волна коммунизма захлестнула всю Азию».

Когда в 1950 г. республиканцы проводили Закон о внутренней безопасности¹⁹³, требовавший регистрации всех организаций, признанных группами «коммунистического действия» или «коммунистического фронта» либеральные сенаторы не возражали против таких положений напрямую. Вместо этого некоторые из них, в том числе Губерт Хэмфри и Герберт Лемен, предложили другие меры: устройство центров интернированных (по сути концентрационных лагерей), куда в случае объявления президентом «в стране чрезвычайного положения» следовало во внесудебном порядке отправлять подозреваемых в подрывной деятельности. Законопроект о лагерях интернированных не заменял Закона о внутренней безопасности, а дополнял его, и предлагавшиеся учреждения действительно были организованы и вполне готовы к применению. (В 1968 г., в период всеобщего разочарования в политике антикоммунизма, Закон о внутренней безопасности был отменен.)

Исполнительный приказ президента Трумэна о проверке лояльности (1947) предписывал министерству юстиции составить перечень организаций, которые, как оно считает, являются «тоталитарными, фашистскими, коммунистическими или подрывными... или стремятся изменить существующую в США форму правления неконституционными методами». Не только членство, но и просто «сочувствующая связь» с организацией, упомянутой в перечне генерального прокурора, являлись признаком отсутствия надлежащей лояльности. К 1954 г. в этом списке значились сотни различных групп. Помимо Компартии и Куклукс-клана в него вошли также Культурный центр им. Шопена, Братское общество им. Сервантеса, Комитет негров – работников искусств, Комитет защиты Билля о правах, Лига американских писателей, «Американские друзья природы», общество «Народная драма», Вашингтонская ассоциация книготорговцев, Клуб югославских моряков.

Не Маккарти и не республиканцы, а министерство юстиции либерально-демократической администрации Трумэна инициировало ряд судебных процессов, усиливших антикоммунистические настроения в стране. Наиболее громким стал суд над Юлиусом и Этель Розенберг летом 1950 г.

Супругов обвинили в шпионаже. Немногими главными свидетелями обвинения выступали разоблаченные шпионы, находившиеся в тюрьме или под следствием. Главным свидетелем являлся Дэвид Грингласс, родной брат Этель Розенберг. В 1944–1945 гг. он работал механиком в лаборатории Манхэттенского проекта в Лос-Аламосе (Нью-Мексико), где

¹⁹³ Имеется в виду закон Маккарэна – Вуда.

создавалась первая атомная бомба. По словам Грингласса, Юлиус попросил его добыть информацию для русских. С этой целью Грингласс по памяти сделал для своего зятя схемы экспериментов с линзами, использовавшимися в качестве детонатора для подрыва атомных бомб. Как сказал свидетель, Розенберг дал ему половину разорванной надвое крышки от картонной коробки с товарным знаком «Джелло» и пояснил, что к нему в Нью-Мексико придет человек, который предъявит недостающую половинку. С ней в июне 1945 г. явился Гарри Голд, и Грингласс передал ему воссозданную по памяти информацию.

Голд, уже осужденный на 30 лет по другому делу о шпионаже, был доставлен из тюрьмы и подтвердил показания Грингласса. Он, мол, никогда не встречался с Розенбергами, а половинку картонки дал ему сотрудник советского посольства, который поручил установить контакт с Гринглассом по паролю: «Я от Юлиуса». Полученные от Грингласса наброски Голд, по его словам, передал русскому чиновнику.

Ряд аспектов этого дела вызвал неприятные вопросы. Не согласился ли осужденный помогать обвинению в обмен на досрочное освобождение? И действительно, отсидев 15 лет из тридцати, он получил свободу условно. Не повлияло ли на поведение Грингласса, находившегося в тот момент под следствием, четкое осознание того, что его жизнь целиком и полностью зависела от готовности сотрудничать с судебными органами? В конце концов его приговорили к 15 годам тюрьмы, но в заключении он провел лишь половину срока, после чего был освобожден. Насколько достоверными могли быть схемы, составленные по памяти Д. Гринглассом, не ученым, а простым механиком, который записался на 6 курсов в Бруклинском политехническом институте и пять из них провалил? Версии Голда и Грингласса поначалу не совпадали, но обоих еще до суда поместили на одном этаже нью-йоркской городской тюрьмы Томбс, давая им возможность скоординировать показания.

В какой мере можно было полагаться на высказывания Голда? Как стало известно, готовя его к судебному процессу, сотрудники ФБР вели допросы в общей сложности в течение 400 часов. Также выяснилось, что Голд невероятный лжец и фантазер. Позднее на судебном процессе по другому делу защитник обвиняемого, напоминая ему о придуманных им несуществующих жене и детях, спросил: «...и вы лгали на протяжении шести лет?» На это Голд ответил: «Я лгал не шесть, а шестнадцать лет». Голд был единственным свидетелем, который связал Юлиуса Розенберга и Дэвида Грингласса с русскими. В одном из интервью, взятом 20 лет спустя, журналист поинтересовался у сотрудника ФБР, в свое время руководившего допросом Голда, относительно пароля «Я от Юлиуса». Тот ответил: «Голд не мог вспомнить имени, которое ему называли. Он думал, что сказал: «Я от... или что-то в этом роде». Тогда я намекнул: «Не могло ли оно звучать как Юлиус?» Это освежило его память».

Когда супругов Розенберг признали виновными, судья Ирвинг Кауфман, оглашая приговор, сказал: «Я считаю, что передача вами в руки русских секретов атомной бомбы, происшедшая на годы раньше, чем, по расчетам наших лучших ученых, они смогли бы самостоятельно ее создать, уже позволила коммунистам осуществить агрессию в Корее, стоившую жизни пятидесяти тысячам американцев, и, кто знает, быть может, за вашу измену еще заплатят миллионы невинных людей».

Судья приговорил обвиняемых к смертной казни на электрическом стуле. Вместе с ними судили как соучастника и Мортону Собелла. Главным свидетелем был его давний друг, шафер на свадьбе, которому грозило обвинение со стороны федерального правительства в лжесвидетельстве относительно своего политического прошлого. Речь идет о Максе Эличере, показавшем, что однажды он отвез Собелла в квартал Манхэттена, где жили Розенберги, и что из ящичка на панели автомобиля тот взял нечто похожее на алюминиевый футляр для фотопленки и удалился, а вернулся уже без этого футляра. Никаких доказательств наличия в

нем фото пленки не существовало. Обвинение против Собелла казалось настолько слабым, что его адвокат не считал нужным излагать доводы защиты. Однако присяжные объявили Собелла виновным, а судья Кауфман приговорил его к 30 годам тюремного заключения. Его отправили в тюрьму Алькатрас. Все прошения об условном освобождении неизменно отклонялись, и Собелл, прежде чем его выпустили на свободу, провел в различных местах заключения 19 лет.

Официально затребованные в 70-х гг. документы ФБР свидетельствуют, что судья тайно совещался с представителями обвинения относительно приговоров, которые ему предстояло вынести по этому делу. Как видно из другого документа, после трех лет апелляций состоялась встреча генерального прокурора Герберта Браунелла и председателя Верховного суда Фреда Винсона, во время которой последний заверил, что, если какой-нибудь член Суда распорядится приостановить приведение приговора в исполнение, он немедленно созвет всех судей на заседание и отменит решение.

В мире ширилась кампания протеста. За Розенбергов просил Альберт Эйнштейн, чье письмо президенту Ф. Д. Рузвельту в начале войны послужило отправной точкой работам по созданию атомной бомбы, а также Жан Поль Сартр, Пабло Пикассо и сестра Бартоломео Ванцетти. Обращение к президенту Трумэну, покидавшему свой пост весной 1953 г., осталось без внимания. Другое обращение, направленное вновь вступившему должностному президенту Дуайту Эйзенхауэру, также не возымело действия.

В последний момент член Верховного суда Уильям О. Дуглас согласился отсрочить казнь. Тогда председатель Суда Винсон разослал во все концы страны специальные самолеты, чтобы доставить находившихся в отпуске судей в Вашингтон. Они отменили решение Дугласа, и 19 июня 1953 г. супруги Розенберг были казнены. Этим администрация продемонстрировала народу – хотя лишь немногие им сочувствовали, – что ожидает тех, кого правительство сочтет изменниками.

В тот же самый период, в начале 50-х гг., Комитет палаты представителей Конгресса США по антиамериканской деятельности переживал свою лучшую пору, допрашивая американцев об их связях с коммунистами, преследуя тех, кто отказывался отвечать, распространяя миллионы брошюр среди населения под названием «Сто фактов, которые нужно знать о коммунизме» («Где можно обнаружить коммунистов? Повсюду»). Либералы часто критиковали этот Комитет, однако в Конгрессе как либералы, так и консерваторы ежегодно дружно голосовали за выделение денег на финансирование его работы. К 1958 г. лишь один член палаты представителей (Джеймс Рузвельт) проголосовал «против». Хотя Трумэн и подвергал Комитет критике, генеральный прокурор ГИТА в 1950 г. высказывал идеи, обосновывавшие необходимость подобных расследований. Он сказал: «Сегодня в Америке множество коммунистов. Они везде: на предприятиях, в учреждениях, в мясных лавках, на уличных перекрестках, в частном бизнесе – и каждый несет в себе смертельный для общества вирус».

Либеральная интеллигенция не уступала консерваторам в своем антикоммунизме. Журнал «Комментарий» осудил Розенбергов и их сторонников. Один из его авторов, Ирвинг Кристал, в марте 1952 г. писал: «Разве мы, потакая коммунистам, отстоим свои права? Ни в коем случае».

Это при Трумэне министерство юстиции, используя положения закона Смита, организовало судебное преследование руководителей Компартии, обвинив их в подстрекательстве к насильственному свержению государственного строя. Уликой служил главным образом факт распространения коммунистами марксистско-ленинской литературы, призывавшей, по мнению обвинения, к насильственной революции. Конечно, непосредственной опасности революционных действий со стороны Компартии не существовало. Решение Верховного суда сформулировал назначенный Трумэном председатель Суда Ф. Винсон. Он

руководствовался старой доктриной «явной и непосредственной угрозы», заявляя, что очевидно существование заговора с целью совершения революции в подходящее для этого время. В итоге высшие руководители Компартии отправились в тюрьму, а большинство ее активных организаторов вскоре ушли в подполье.

Нет никакого сомнения в том, что попытки запугать население коммунистами и добиться одобрения жестких мер против них – тюремных заключений в США и вооруженных акций за рубежом – оказались весьма успешными. Вся культура буквально пропиталась антикоммунизмом. Многотиражные журналы пестрели заголовками: «Происки коммунистов», «Коммунисты нацелились на вашего ребенка». В 1956 г. в «Нью-Йорк таймс» появилась передовая статья, в которой говорилось: «Мы никогда сознательно не примем на работу в наши информационный или редакторский отделы члена Коммунистической партии... ибо не верим в его способность объективно освещать события либо беспристрастно их комментировать». Рассказ о своих похождениях бывшего коммуниста, завербованного ФБР в качестве агента («Я вел три жизни»), печатался с продолжением в 500 газетах и, кроме того, транслировался как телевизионный сериал. В Голливуде снимались фильмы под названиями: «Я вышла замуж за коммуниста», «Я был коммунистом на службе у ФБР». В 1948–1954 гг. Голливуд выпустил более 40 антикоммунистических кинолент.

Даже Американский союз в защиту гражданских свобод, созданный специально для защиты политических прав коммунистов и членов всех других политических группировок, стал заметно снижать свою активность в атмосфере холодной войны. Начался этот процесс еще в 1940 г., когда за принадлежность к Компартии Союз исключил из своих рядов Элизабет Флинн, одного из организаторов АСЗГС. В 50-х гг. Союз не решился защитить от нападков Корлисса Ламонта, члена собственного совета, и Оуэна Латтимора, отказался поддержать лидеров коммунистов во время первого суда над ними на основании закона Смита и полностью игнорировал дело супругов Розенберг, которое якобы не затрагивало проблему гражданских свобод.

Молодым и старым внушали, что быть антикоммунистом – это героизм. В 1951 г. было напечатано 3 млн. экземпляров книги Микки Спиллейна «Одна унылая ночь», главный герой которой Майк Хаммер говорит: «Сегодня ночью я убил людей больше, чем у меня пальцев на руках. Убил преднамеренно, и испытывал при этом наслаждение... Это были комми... красные сволочи, которым следовало подохнуть давным-давно». Герой комиксов, капитан Америка, заявлял: «Берегитесь комми, шпионы, предатели и иностранные агенты! Вас ищет капитан Америка, которому помогают все лояльные и свободные люди». В 50-х гг. школьники учили правила поведения при воздушном нападении СССР на США; при звуках сирены им надлежало прятаться под партами до сигнала «отбой».

В этой атмосфере правительству ничего не стоило заручиться массовой поддержкой политики перевооружения. Система, довольно неустойчивая в 30-х гг., поняла, что военное производство может обеспечить стабильность в обществе и высокую прибыль. Антикоммунизм Трумэна оказался привлекательным. Как писал деловой журнал «Стил» в ноябре 1946 г. (еще до оглашения доктрины Трумэна), политика президента «твердо убеждает в том, что наращивание усилий по подготовке к войне – это большой бизнес для Соединенных Штатов по крайней мере на довольно длительный период».

Пророчество сбылось. В начале 1950 г. бюджет США составлял 40 млрд. долл. Из них 12 млрд. выделялось на военные нужды. Но уже в 1955 г. только военные расходы составили 40 млрд. при общем бюджете 62 млрд. долл. Мужественное сопротивление наращиванию вооружений, которое оказывали Лига противников войны и другие аналогичные группировки, не смогло остановить этот процесс.

В 1960 г. военные расходы достигли уже 45,8 млрд. долл. или 49,7 % всего бюджета. В том же году президентом был избран Дж. Ф. Кеннеди, немедленно увеличивший затраты на военные нужды. Согласно Э. Боттому, автору книги «Баланс страха», за 14 месяцев они выросли еще на 9 млрд. долл.

К 1962 г. Соединенные Штаты, используя искусственно вызванные страхи, связанные с мнимым отставанием от СССР по стратегическим бомбардировщикам и ракетам, добились подавляющего превосходства в ядерном вооружении и располагали арсеналом, равным 1,5 тыс. атомным бомбам, сброшенным на Хиросиму, и достаточным для того, чтобы разрушить все главные города мира. Это было эквивалентно тому, что на каждого живущего на Земле мужчину, женщину и ребенка приходилось по 10 тонн тротила. Для доставки этих бомб к цели США имели 50 межконтинентальных баллистических ракет, 80 ракет на атомных подводных лодках, 90 ракет на базах за рубежом, 1,7 тыс. бомбардировщиков, которые могли достичь территории Советского Союза, 300 способных нести ядерное оружие истребителей-бомбардировщиков на авианосцах и 1 тыс. самолетов, могущих нести такое оружие, на сухопутных аэродромах.

Советский Союз явно отставал: у него было от 50 до 100 межконтинентальных баллистических ракет и менее 200 бомбардировщиков дальнего действия. А между тем военный бюджет США все увеличивался, истерия усиливалась. Прибыли корпораций, выполнявших военные заказы, многократно возросли, безработица резко уменьшилась, зарплата достигла уровня достаточного, чтобы обеспечить семьям занятых в военной промышленности нормальный уровень жизни.

К 1970 г. оборонный бюджет уже составлял 80 млрд. долл., и компании, выпускавшие военную продукцию, получали баснословные прибыли. Две трети из 40 млрд. долл., потраченных на создание систем вооружений, достались 12–15 гигантским индустриальным корпорациям, чья деятельность целиком и полностью была посвящена выполнению правительственных военных контрактов. Сенатор Пол Дуглас, экономист и председатель объединенного Экономического комитета палат Конгресса США, отмечал, что «шесть седьмых подобных контрактов заключаются не на конкурентной основе... Якобы в целях сохранения тайны, правительство выбирает компанию и подписывает с ней договор после более или менее секретных переговоров».

Ч. Р. Миллс в своей опубликованной в 50-х гг. книге «Властвующая элита» называет военных частью элиты наряду с политиками и ведущими руководителями корпораций. Эти элементы все сильнее срастались. В одном из сенатских докладов указывалось, что 100 крупнейших компаний, на долю которых приходилось 67,4 % всех оборонных контрактов, имели среди своих сотрудников свыше 2 тыс. бывших высокопоставленных офицеров.

Одновременно Соединенные Штаты, оказывая определенным странам экономическую помощь, создавали вокруг земного шара целую сеть корпоративного контроля и политического влияния. Принятый в 1948 г. план Маршалла, по которому государства Западной Европы за 4 года получили 16 млрд. долл. экономической помощи, имел цель в сфере экономики: создать рынки для американского экспорта. В начале 1948 г. в одном из бюллетеней государственного департамента приводились следующие слова Дж. Маршалла (генерала, затем госсекретаря): «Напрасно думать, что предоставленная самой себе Европа... останется открытой для американского бизнеса в такой же мере, как и прежде».

План Маршалла имел также политическую мотивировку. Компартии Италии и Франции были довольно сильными, и Соединенные Штаты решили использовать давление и деньги, чтобы не допустить их участия в правительствах этих стран. Когда план начал осуществляться, государственный секретарь в администрации Трумэна Дин Ачесон сказал: «Наша помощь по

восстановлению лишь отчасти продиктована филантропией. Ваш Конгресс санкционировал и ваше правительство проводит политику помощи и восстановления, руководствуясь главным образом собственными национальными интересами».

Начиная с 1952 г. становилось все более очевидным, что иностранная помощь предназначалась для усиления военной мощи некоммунистических стран. Из 50 млрд. долл., выделенных в последующие десять лет Соединенными Штатами 90 государствам, лишь 5 млрд. пошли на чисто экономическое развитие.

Когда президентом стал Дж. Ф. Кеннеди, он запустил в действие программу «Союз ради прогресса», предполагавшую оказание поддержки Латинской Америке с упором на социальные реформы, призванные улучшить условия жизни местного населения. Но на деле все свелось к военной помощи, чтобы сохранить у власти правые диктатуры и дать им возможность предотвратить революции.

От военной помощи до вооруженной интервенции был всего один шаг. Слова Трумэна о «господстве силы» и «господстве права», сказанные в начале корейской войны, постоянно противоречили практическим действиям американцев как при нем самом, так и при последующих президентах. В 1953 г. ЦРУ сумело свергнуть иранское правительство, национализировавшее нефтяную промышленность. В 1954 г. в Гватемалу вторглись наемники, обученные на базах ЦРУ в Гондурасе и Никарагуа; поддержанные истребителями ВВС США, они изгнали законно избранное правительство. Во главе государства был поставлен полковник Карлос Кастильо Армас, который ранее прошел военную подготовку в Форт-Левенуэрте (Канзас).

Свергнутое усилиями американцев правительство было самым демократичным за всю историю Гватемалы. Президент Хакобо Арбенс Гусман являлся левоцентристским социалистом. В Конгрессе коммунисты занимали только 4 из 56 мест. Но американский бизнес не устраивал тот факт, что Арбенс Гусман экспроприировал 234 тыс. акров земель, принадлежавших «Юнайтед фрут компани», предложив компенсацию, которую компания назвала «неприемлемой». Придя к власти, Армас вернул земли «Юнайтед фрут компани», отменил налог на прибыль и дивиденды иностранных инвесторов, ликвидировал выборы путем тайного голосования и заключил в тюрьму тысячи своих политических оппонентов.

В 1958 г. правительство Эйзенхауэра послало в Ливан несколько тысяч морских пехотинцев, чтобы не допустить там революции и свержения проамериканского режима, а также сохранить свое военное присутствие в богатом нефтью регионе.

Либерально-консервативное соглашение демократов и республиканцев нигде не допускать к власти революционные правительства – коммунистические, социалистические или направленные против «Юнайтед фрут компани» – особенно наглядно проявилось в 1961 г. на Кубе. На этом небольшом острове, в 90 милях от Флориды, повстанцы во главе с Фиделем Кастро в 1959 г. совершили революцию и изгнали поддерживаемого американцами диктатора Фульхенсио Батисту. Это революционное движение представляло прямую угрозу американским деловым интересам. В результате проводимой Ф. Д. Рузвельтом политики «доброго соседа» была отменена поправка Платта, позволявшая США вводить войска на Кубу, однако американцы продолжали удерживать военно-морскую базу в бухте Гуантанамо, и их деловые интересы по-прежнему доминировали в кубинской экономике. Американские компании контролировали от 80 до 100 % местного коммунального хозяйства, горных разработок, скотоводства, нефтеперерабатывающих предприятий, 40 % сахарной промышленности и 50 % государственных железнодорожных дорог.

После неудачного нападения на армейские казармы в Сантьяго-де-Куба в 1953 г. Ф. Кастро некоторое время провел в тюрьме. Освободившись по амнистии, он отправился в

Мексику, где познакомился с аргентинским революционером Че Геварой, а затем вернулся на Кубу. Его небольшой отряд, скрываясь в джунглях и горах, вел партизанскую войну против войск Батисты, опираясь на все более широкую поддержку местного населения. Затем, покинув горы и пройдя через всю страну, повстанцы вошли в Гавану. Первого января 1959 г. правительство Батисты пало.

Придя к власти, Кастро первым делом приступил к созданию системы всеобщего образования, строительству жилья и наделению земель безземельных крестьян. Его правительство конфисковало свыше миллиона акров земель, принадлежавших трем американским компаниям, в том числе и «Юнайтед фрут компани».

Куба остро нуждалась в деньгах, чтобы финансировать свои программы, а Соединенные Штаты не спешили помочь. Международный валютный фонд, в котором доминировали США, отказался выделить кредит, поскольку страна не соглашалась на «стабилизационные» условия, подрывавшие начатые революционные реформы. Когда же кубинское правительство подписало торговый договор с Советским Союзом, американские нефтяные компании на острове отказались перерабатывать поставляемую СССР сырую нефть. Кастро национализировал эти компании. Соединенные Штаты также резко сократили объемы закупок кубинского сахара, от которого в значительной степени зависело хозяйственное благополучие Кубы, однако Советский Союз немедленно согласился купить все оставшиеся 700 тыс. тонн сахара.

Куба стала другой, и политика «добраго соседа» оказалась к ней неприменима. Весной 1960 г. президент Эйзенхауэр дал секретное указание ЦРУ тренировать и вооружать антикастровских кубинских эмигрантов, обосновавшихся в Гватемале, и готовить их к предстоящему вторжению на остров. Когда должность президента занял Дж. Ф. Кеннеди, в распоряжении ЦРУ уже имелось 1,4 тыс. обученных и вооруженных эмигрантов. В соответствии с ранее разработанным планом 17 апреля 1961 г. отряд, в рядах которого были и американцы, высадился на южном побережье Кубы, в заливе Кочинос (залив Свиной), в 90 милях от Гаваны.

Интервенты надеялись вызвать общее восстание против Кастро, но этого не произошло. Режим пользовался широкой поддержкой местного населения. Войскам Фиделя понадобилось всего три дня, чтобы разгромить силы ЦРУ.

Авантюра в заливе Кочинос сопровождалась целым потоком лицемерных заявлений и лжи. Вторжение явно противоречило провозглашенному Трумэном «господству права», нарушало положения подписанного США Устава Организации американских государств, в котором говорилось: «Никакое государство или группа государств не имеет права вмешиваться, прямо или косвенно, по какой бы то ни было причине во внутренние или внешние дела любого другого государства».

За четыре дня до вторжения, комментируя сообщения печати о секретных базах ЦРУ, где проходило обучение кубинских эмигрантов, президент Кеннеди на пресс-конференции заявил: «...ни при каких условиях Вооруженные силы Соединенных Штатов не станут вторгаться на Кубу». Действительно, высаживались кубинцы, однако операцию организовали США, и, кроме того, в ней участвовали американские военные самолеты, пилотируемые американскими летчиками. Кеннеди санкционировал использование военно-морской авиации без опознавательных знаков. При этом погибли четверо пилотов-американцев, и их семьям не сказали правды об обстоятельствах гибели летчиков.

Успех либерально-консервативной коалиции в создании национального антикоммунистического консенсуса был наглядно продемонстрирован на примере готовности главных информационных агентств участвовать вместе с администрацией Кеннеди в обмане американской общественности в связи со вторжением на Кубу. За несколько недель до высадки

журнал «Нью рипаблик» подготовил статью об обучении сотрудниками ЦРУ кубинских эмигрантов, переданную для предварительного просмотра историку Артуру Шлезингеру-младшему. Тот показал статью Кеннеди, который попросил ее не печатать, и «Нью рипаблик» пошел навстречу этому пожеланию.

По требованию правительства Джеймс Рестон и Тернер Кэтлидж из «Нью-Йорк таймс» не стали публиковать подготовленный материал о предстоящем вторжении. Шлезингер-младший заметил по поводу таких действий газеты: «Это был патриотический поступок, но, зная последствия, я задался вопросом, не спасла бы пресса нашу страну от катастрофы, если бы повела себя безответственно». Его и других либералов, достигших консенсуса в годы холодной войны, как видно, беспокоило не само вмешательство США в деятельность зарубежных революционных движений, а то, что Америка терпела при этом неудачи.

К 1960 г. пятнадцатилетние усилия по разгрому радикального коммунистического движения, получившего развитие в эпоху Нового курса и во время Второй мировой войны, казалось, увенчались успехом. Компартия пребывала в замешательстве: ее руководители сидели в тюрьме, количество членов резко сократилось, влияние в профсоюзах заметно уменьшилось. Само профсоюзное движение сделалось более управляемым и консервативным. Военные расходы поглощали половину национального бюджета, но общество соглашалось с этим.

Радияция от испытаний ядерного оружия представляла опасность для здоровья людей, но широкая общественность оставалась в неведении. Комиссия по атомной энергии постоянно утверждала, что вредное воздействие атомных испытаний сильно преувеличено, и в одной из статей, опубликованной в 1955 г. в «Ридерз дайджест», самом распространенном журнале США, говорилось: «Ужасные истории об атомных испытаниях, которые проводятся в нашей стране, просто не соответствуют истине».

В середине 50-х гг. наблюдалось повсеместное увлечение бомбоубежищами. Население уверяли, что они спасут от атомных взрывов. Правительственный консультант и ученый Герман Кан в своей книге «О термоядерной войне» доказывал, что можно вести ядерную войну без тотального уничтожения человечества, что людям не следует ее бояться. Политолог Генри Киссинджер опубликовал в 1957 г. книгу, в которой утверждал: «При правильной тактике ядерная война не обязательно будет столь разрушительной, как кажется на первый взгляд».

В стране была создана мощная военная экономика: хотя сохранялись значительные очаги бедности, множество людей имели хороший заработок и были довольны своим положением. Правда, материальное богатство по-прежнему распределялось неравномерно. С 1944 по 1961 т. пропорции изменились лишь незначительно: беднейшая пятая часть всех семей получала всего 5 %, а богатейшая пятая часть американских семей – 45 % совокупного дохода. В 1953 г. 1,6 % взрослого населения владели более чем 80 % корпоративных акций и примерно 90 % корпоративных облигаций. Из 200 тыс. существовавших в США корпораций около 200 гигантов или одна десятая часть от 1 % этих компаний контролировали приблизительно 60 % всех произведенных богатств страны.

Когда Дж. Ф. Кеннеди, пробыв в должности один год, представил нации свой бюджет, стало ясно, что при любой администрации – будь то либерально-демократическая или иная – никаких радикальных изменений в распределении доходов, богатств или налогового бремени не предвидится. По мнению обозревателя «Нью-Йорк таймс» Дж. Рестона, бюджетное послание Кеннеди свидетельствовало о намерении избегать «внезапных резких перемен внутри страны» и о стремлении «вести более амбициозное фронтальное наступление на проблему безработицы». Рестон, в частности, писал: «Он [президент] согласился на налоговые послабления для инвестиций, направленных на расширение и модернизацию производства. Он не собирается сражаться с южными консерваторами из-за гражданских прав и призывает

профсоюзы умерить требования о повышении зарплаты, чтобы цены на американские товары помогали США конкурировать на мировых рынках и повышать уровень занятости населения у себя дома. Президент постарался убедить деловое сообщество в том, что совсем не желает холодной войны на домашнем фронте.

...на этой неделе во время очередной пресс-конференции он отказался выполнить свое обещание относительно устранения дискриминации в государственной жилищной программе, финансируемой правительством. Вместо этого он говорил о необходимости отложить решение этого вопроса до достижения «всеобщего консенсуса» в поддержку [программы]... За 12 месяцев пребывания у власти президент определенно сдвинулся в американской политике на центристские позиции».

На этой центристской почве все выглядело прочным и надежным. Ничего не нужно было делать для чернокожих, не требовалось менять структуру экономики. Можно было продолжать агрессивную внешнюю политику. Страна, казалось, находилась под контролем. Но затем, в 60-х гг., неожиданно произошел целый ряд внезапных бунтов во всех сферах жизни США, показавших, что любые официальные оценки внутренней безопасности и благополучия являются неверными.

«Или же – взорвется?»

Массовый протест черного населения на Севере и Юге США в 50–60-х гг. XX в. оказался полной неожиданностью. Но, пожалуй, он должен был произойти. Память угнетенных нельзя уничтожить, и люди с такой памятью всегда готовы к бунту. Для чернокожих американцев это были воспоминания о рабстве, а также о сегрегации, линчевании, унижении. И они касались не только прошлого, но и действительности – части повседневной жизни негров из поколения в поколение.

В 30-х гг. XX в. Ленгстон Хьюз написал стихотворение «Гарлем»:

Что получится из несбывшейся мечты?
 Может быть, она усохнет, как изюминка на солнце?
 Может быть, она пропахнет, как гнилое мясо?
 Или в ней, как в язве, начнется нагноение?
 Иль она засахарится, как варенье?
 Может быть, под собственной тяжестью согнется?
 Или же – взорвется?¹⁹⁴

В обществе, где существует жесткий, пусть и не бросающийся в глаза контроль, тайные мысли могут находить выражение в искусстве, что и происходило в общине чернокожих американцев. Возможно, блюз при всей своей патетике скрывал в себе ярость; а джаз, каким бы он ни был радостным, нес зерна протеста. Существовала еще поэзия – где мысли уже не скрывались. В 20-х гг. XX в. К. Маккей, один из представителей течения, которое получит название «Гарлемский Ренессанс», написал стихотворение, помещенное Г. К. Лоджем-младшим в «Конгрешнел рекорд» как пример опасного брожения среди чернокожей молодежи:

А если умирать, то умирать, как загнанное стадо кабанов,

¹⁹⁴ Хьюз Л. Избранные стихи / пер. с англ. М., 1964. С. 280.

Чью проклятую участь не понять голодной своре сумасшедших
псов.

О, доблестно умрем, коль умирать...

Спиной к стене, лицом к кровавой сваре, предсмертные, ответные
удары!¹⁹⁵

Стихотворение К. Каллена «Случай» пробуждало воспоминания – разные, но вместе с тем очень похожие, – связанные с детством любого черного:

Однажды в Балтиморе,
Когда я шел домой,
Мальчишка увязался вдруг по улице за мной.
Я был в то время лет восьми,
А он – еще моложе.
«Эй, черномазый!» – крикнул он и начал строить рожи.
Я прожил в этом городе от лета и до лета.
Но из всего, что видел там,
Запомнил только это¹⁹⁶.

Во время инцидента с «ребятами из Скоттсборо» Каллен написал горькое стихотворение, отметив, что белые поэты берутся за перо, чтобы протестовать против многих случаев несправедливости, но, когда это касается чернокожих, большинство из них молчит. Вот его заключительная строфа:

Бесспорно, я сказал, поэты будут петь.
Но не слышно никого.
Интересно – отчего?¹⁹⁷

Даже внешняя покорность – поведение в реальной ситуации, подобное поведению дяди Тома, то комичного, то раблепного негра, смеющегося над собой, и осторожного, – скрывала в себе неприятие, ярость, энергию. Чернокожий поэт П. Л. Данбар в эпоху черных менестрелей¹⁹⁸, ставших на рубеже веков необычайно популярными, создал стихотворение «Кругом личины»:

Кругом личины.

¹⁹⁵ Маккей К. Если мы должны умереть // Поэзия США / пер. с англ. М., 1982. С. 537.

¹⁹⁶ Каллен К. Случай // Там же. С. 541.

¹⁹⁷ Каллен К. Скоттсборо тоже стоит своей песни // Там же. С. 542. Хьюз Л. Стихи / пер. с англ. М., 1977. С. 57–58. Райт Р. Сын Америки. Повести и рассказы / пер. с англ. М., 1981. С. 646.

¹⁹⁸ Речь идет о развлекательных представлениях (шоу менестрелей), получивших широкое распространение в XIX – начале XX в. В них участвовали загримированные под афроамериканцев белые актеры и музыканты, которые разыгрывали юмористические сценки из жизни чернокожих на Юге, используя их фольклор и диалект. До Гражданской войны черным запрещалось участвовать в этих шоу, но некоторые выступали и, подражая белым актерам, сильно гримировались.

Нрав наш пылкий
Скрывают лживые ухмылки.

...После, хоть под ногами топь, – И что нам до врагов злочинных, – Кругом личины.

Два чернокожих исполнителя того времени выступали с менестрельными песнями и в то же время высмеивали их. Когда Б. Уильямс и Д. Уокер объявляли себя на афишах «двумя настоящими енотами», они, по словам Н. Хаггинса, «намеревались придать стиль и комическое достоинство выдумке, созданной белыми людьми».

К 30-м гг. многие чернокожие поэты сбросили маски. Л. Хьюз написал стихотворение «Эпилог»:

И я пою про Америку.
Я – черный брат.
Меня отсылают на кухню,
Когда приходят гости.
Но я смеюсь,
И ем,
И крепну.
Завтра
Я сяду за стол,
Когда придут гости.
Никто не посмеет
Сказать мне:
«Ступай на кухню»,
Тогда
И они
Увидят, как я красив,
И устыдятся –
И я ведь – Америка.

Гвендолин Беннетт писала:

Я хочу видеть гибких негритянских девушек
Черными силуэтами на фоне неба
В часы заката...
Я хочу слышать пение
Вокруг языческого костра
Странной черной расы...
Я хочу чувствовать, как растет
Душа моего печального народа,
Скрытая за улыбкой менестреля.

А вот стихотворение в прозе, написанное Маргарет Уокер, – «Моему народу»:

«...Пусть появится новая земля. Пусть родится другой мир. Пусть кровавый мир запечатлется в небесах. Пусть выступит вперед второе поколение, преисполненное мужества, пусть созреет народ, любящий свободу, пусть красота, исполненная

исцеления, и сила последней схватки пронизывают наш дух и нашу кровь. Пусть пишутся воинственные песни и пусть исчезнут погребальные песни. Путь поднимется ныне раса людей и встанет у руля!»

К 40-м гг. приобрел известность Р. Райт, талантливый чернокожий романист. Его автобиография 1937 г. «Черный» содержит бесконечное число откровений: например, о том, как чернокожих натравливали друг на друга, о том, как его подначивали драться с другим негритянским мальчиком для увеселения белых. «Черный» откровенно обнажает все унижения и далее: «Белый Юг похвалялся, что знает, чем дышат «черномазы», а я был именно «черномазый», и меня он совершенно не знал, не представлял себе, что я думаю, что чувствую. Белый Юг определил мне мое «место» в жизни – я никогда не знал своего «места», вернее, чутьем отвергал то «место», которое отвел мне Юг. Я никогда не мог смириться с тем, что я в чем-то хуже других. А то, что говорили белые южане, не могло поколебать моего убеждения, что я – человек».

Такие настроения присутствовали в поэзии, прозе, музыке, иногда в замаскированном виде, иногда открыто, и демонстрировали признаки того, что люди не задавлены, находятся в ожидании, в напряжении, как сжатая пружина.

В «Черном» Райт пишет, как чернокожих детей в Америке учат хранить молчание. Но наряду с этим: «Как воспринимают негры тот образ жизни, который вынуждены вести? Что они говорят о нем, когда оказываются среди своих? Я думаю, что на этот вопрос можно ответить одним-единственным предложением. Один из моих друзей, лифтер, однажды сказал мне: «Боже мой, брат! Да когда бы не их полиция и линчующие банды, здесь бы такое началось!»»

Ричард Райт на некоторое время стал членом Компартии (он рассказывает об этом периоде жизни и о своем разочаровании в книге «Бог, который потерпел поражение»). Известно, что коммунисты обращали особое внимание на проблему расового неравенства. Когда в 30-х гг. в Алабаме шли суды над «ребятами из Скоттсборо», именно Компартия встала на защиту молодых чернокожих, заключенных в тюрьму в первые годы Великой депрессии вследствие беззакония южан.

Партия подверглась нападкам со стороны либералов и НАСПЦН, обвинявших ее в использовании этой проблемы в своих собственных целях, что отчасти являлось правдой. Но черные были реалистами и понимали, как трудно обрести белых союзников с безупречными мотивами. Существенно было и то, что чернокожие коммунисты на Юге заслужили восхищение негров тем, как они работали, несмотря на огромные препятствия. Среди них выделялся Хозиа Хадсон, чернокожий организатор безработных в Бирмингеме. В Джорджии в 1932 г. девятнадцатилетний черный юноша по имени Анджело Херндон – его отец-шахтер умер от пневмонии, а сам он мальчиком работал в шахтах Кентукки – стал членом бирмингемского совета безработных, организованного коммунистами, а затем и сам вступил в партию.

Позже он писал: «Всю свою жизнь я трудился в поте лица, меня шпыняли и подвергали дискриминации. Я лежал на животе в шахтах за несколько долларов в неделю и был свидетелем того, как мою плату разворовывали и урезали, а моих друзей убивали. Я жил в самой худшей части города и ездил на автобусах за загородкой «Для цветных», как будто бы во мне было что-то отвратительное. Я слышал, как меня называли «ниггером», «черномазым» и должен был отвечать «Слушаюсь, сэр» каждому белому независимо от того, уважал я его или нет. Это всегда казалось мне отвратительным, но я никогда не думал, что можно что-нибудь сделать. И вот неожиданно я отыскал организации, в которых вместе были негры и белые, они работали сообща и не обращали внимания на разницу в расе или цвете кожи».

Херндон стал активистом Компартии в Атланте. Он и его товарищи создали в 1932 г.

квартирные комитеты советов безработных, добивавшихся вспомоществований на квартплату для нуждающихся. Они организовали демонстрацию, в которой участвовали 1 тыс. человек, в том числе 600 белых, и на следующий день городские власти проголосовали за выделение 6 тыс. долл. на помощь безработным. Но вскоре после этого Херндон был арестован, содержался в заключении без права переписки и был обвинен в нарушении статута Джорджии против подрывной деятельности. Он вспоминал о своем судебном процессе: «Власти штата Джорджия продемонстрировали литературу, изъятую из моей комнаты, и зачитывали абзацы из нее присяжным. Они тщательно допрашивали меня. Считаю ли я, что хозяева и правительство обязаны платить страховку безработным трудящимся? Что негры должны быть полностью равноправными с белыми? Согласен ли я с требованием самоопределения «черного пояса» – что негритянскому населению должно быть разрешено управлять территорией «черного пояса», изгнав оттуда белых землевладельцев и правительственных чиновников? Думаю ли я, что рабочий класс может управлять фабриками, шахтами и возглавить правительство? Что хозяева не нужны вовсе? Я сказал им, что я верю во все это, – и более того».

Анджело Херндон был осужден и провел в тюрьме пять лет, пока Верховный суд не признал неконституционным статут Джорджии, в соответствии с которым Херндон был признан виновным. Именно такие люди среди черных, казавшиеся истеблишменту опасными своей воинственностью, становились еще опаснее, если были связаны с Компартией.

Имелись и другие, с теми же связями, что еще более увеличивало угрозу: Бенджамин Дэвис, черный адвокат, защищавший Херндона на процессе; люди, имевшие национальное признание, как певец и актер Пол Робсон или писатель и ученый У. Дюбуа, не скрывавшие своих симпатий к Компартии. Негр не был таким антикоммунистом, как представитель белого населения. Он не мог себе этого позволить, у него было слишком мало друзей, так что Херндон, Дэвис, Робсон, Дюбуа, какой бы хуле ни подвергались их политические взгляды в стране в целом, своим боевым духом снискали восхищение черной общины.

Воинственное настроение чернокожих, проявлявшееся то тут, то там в 30-е гг., было приглушено во время Второй мировой войны, когда нация, с одной стороны, осудила расизм, а с другой – поддерживала сегрегацию в вооруженных силах и предоставляла чернокожим лишь низкооплачиваемую работу. Когда война закончилась, на расовое равновесие в Соединенных Штатах стал влиять новый фактор – беспрецедентный подъем освободительной борьбы цветного населения в странах Азии и Африки.

Президент Гарри Трумэн был вынужден считаться с этим, особенно в условиях холодной войны с Советским Союзом, с учетом того, что протест населения с иным цветом кожи в бывших колониях грозил принять марксистские формы. Расовый вопрос требовал решительных действий, а не просто мер по успокоению чернокожего населения страны, сначала ободренного обещаниями военного времени, а затем обескураженного сохранением прежних условий существования. Эти действия требовались и для того, чтобы показать миру: Соединенные Штаты способны дать ответ на критику коммунистами самого вопиющего порока американского общества – расовой дискриминации. Некогда оставшееся незамеченным высказывание У. Дюбуа, теперь, в 1945 г., звучало грозным предостережением: «Проблема XX в. – это проблема межрасовых барьеров».

Трумэн в конце 1946 г. сформировал Комитет по гражданским правам, который рекомендовал расширить отдел гражданских прав в министерстве юстиции, создать постоянную Комиссию по гражданским правам, одобрить Конгрессом законы против линчевания и дискриминационного голосования, а также предложил новые законы по отмене расовой дискриминации в сфере труда.

Комитет Трумэна откровенно объяснял мотивы подобных рекомендаций. Да, заявляли его

члены, существует «моральная причина» – предмет совести. Но существует и «экономическая причина» – дискриминация дорого обходится стране, является растратой ее талантов. И что, возможно, более важно, имеются причины международного характера: «Наше положение в послевоенном мире настолько жизненно важно для будущего, что малейшие наши действия имеют далеко идущие последствия... Мы не можем закрыть глаза на тот факт, что наша политика в области гражданских прав стала международной проблемой. Мировая пресса и радио переполнены этим... Те, кто исповедует враждебную нам философию, подчеркивают – и бесстыдно искажают – наши недостатки... Они стараются доказать, что наша демократия является пустым обманом, а наша нация – последовательным угнетателем обездоленных. Американцам это может показаться смехотворным, но это крайне важно и весьма беспокоит наших друзей. Соединенные Штаты не столь сильны, окончательный триумф демократического идеала не столь неизбежен, чтобы мы могли игнорировать то, что мир думает о нас или о наших делах».

США участвовали в мировых делах в невиданных прежде масштабах. Ставка была велика – мировая гегемония. И как отмечал упомянутый Комитет, «малейшие наши действия имеют далеко идущие последствия».

Поэтому Соединенные Штаты предприняли ряд небольших шагов, надеясь, что это окажет значительное воздействие на ситуацию. Конгресс не торопился с принятием законодательства, к которому призывал Комитет по гражданским правам. Но Трумэн – за четыре месяца до президентских выборов 1948 г. и в условиях соперничества с левым кандидатом от ППА Генри Уоллесом – издал исполнительный приказ, призывавший вооруженные силы, в которых во время Второй мировой войны сохранялась сегрегация, «как можно скорее» начать следовать политике расового равноправия. Этот приказ, возможно, был связан не только с выборами, но и с необходимостью укрепления морального состояния чернокожих в армии перед лицом угрозы новой войны. Чтобы завершить процесс десегрегации в войсках, понадобилось более десятилетия.

Трумэн мог бы издать исполнительные приказы и применительно к другим областям, но он этого не сделал. Четырнадцатая и Пятнадцатая Поправки, наряду с совокупностью законов, принятых в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в., давали президенту достаточно власти для искоренения расовой дискриминации. Конституция США требовала, чтобы глава государства исполнял законы, но ни один президент не воспользовался своей властью. Не сделал этого и Трумэн. Например, он призывал Конгресс к принятию законодательства, «запрещающего дискриминацию на транспортных средствах сообщения между штатами»; специальное законодательство 1887 г. уже запретило этот вид дискриминации, но его исполнение так и не было обеспечено конкретными мерами.

Между тем Верховный суд сделал шаги – спустя 90 лет после принятия Поправок к Конституции, провозглашавших расовое равноправие, – в этом направлении. Во время войны он постановил, что принцип «первенства белых», используемый для исключения чернокожих из процесса голосования в ходе первичных выборов (праймериз) в Демократической партии – на Юге это было, по существу, равносильно самим выборам, – является неконституционным.

В 1954 г. Верховный суд наконец отверг концепцию «разделенные, но равные», которую отстаивал начиная с 90-х гг. XIX столетия. НАСПЦН подала в Суд ряд дел, направленных против сегрегации в государственных школах, и теперь в ходе рассмотрения дела «Браун против совета по образованию» Верховный суд провозгласил, что раздельное обучение школьников «порождает чувство неполноценности... способное оказать столь сильное воздействие на умы и души, что его, скорее всего, будет невозможно преодолеть». Утверждалось, что в сфере государственного образования, «концепция «разделенные, но

равные» неприменима». Суд не настаивал на немедленных переменах: годом позже он решил, что сегрегированные учреждения должны интегрироваться «взвешенными темпами». К 1965 г., т. е. спустя десять лет со дня заявления о «взвешенных темпах», состояние дел в более 75 % школьных округов на Юге оставалось прежним.

Все же это было важное решение – и в 1954 г. по миру разнеслась новость, что американское правительство объявило сегрегацию вне закона. Также и в Соединенных Штатах, для тех, кто прежде не задумывался о привычном разрыве между словом и делом, это стало воодушевляющим знаком перемен.

То, что другим казалось быстрым прогрессом, для чернокожих было явно недостаточно. В начале 60-х гг. весь Юг охватили выступления чернокожего населения. А в конце 60-х черные уже участвовали в открытых мятежах в сотнях городов Севера. Это явилось сюрпризом для тех, кто не помнил о рабстве и повседневном унижении, нашедших свое отражение в поэзии, музыке, периодических взрывах негодования, но еще чаще – в угрюмом молчании. Частью этой памяти были красивые слова, одобренные законы и принятые решения, которые так и остались бессмысленными.

Такой народ, с такими воспоминаниями и с таким чувством исторического прошлого, всегда был готов к бунту – словно часовой механизм, который никто не заводил, но который мог положить начало целому ряду непредвиденных событий. И эти события разыгрались в конце 1955 г. в Монтгомери – столице штата Алабама.

Спустя три месяца после своего ареста Роза Паркс, 43-летняя швея, так объясняла, почему она отказалась подчиниться городскому закону, предусматривавшему сегрегацию в автобусах, и решила занять место в «белом» отсеке: «Ну, во-первых, я проработала целый день. Я очень устала после целого дня работы. Я имею дело с одеждой, которую носят белые. Что не приходило мне в голову, но что я хотела знать: когда и как мы наконец определим свои права человеческих существ? Просто так случилось, что водитель стал предъявлять требования, а я попросту не чувствовала необходимости подчиняться. Он вызвал полицейского, и я была арестована и помещена в тюрьму».

Чернокожие жители Монтгомери собрались на массовый митинг. Влиятельным человеком в их общине был Э. Д. Никсон, ветеран профсоюзного движения и опытный организатор. Было принято решение о бойкоте всех городских автобусов. Созданы парки машин для доставки негров на работу; большинство людей передвигалось пешком. В ответ городские власти осудили сто вожakov бойкота и заключили многих в тюрьму. Белые сторонники сегрегации прибегли к насилию. В четырех негритянских церквях были взорваны бомбы. Во входную дверь дома доктора Мартина Лютера Кинга, 27-летнего священника – уроженца Атланты, который являлся одним из лидеров бойкота, стреляли из ружья. К дому Кинга подкладывали взрывные устройства. Но чернокожее население Монтгомери упорствовало, и в ноябре 1956 г. Верховный суд признал сегрегацию на местных автобусных линиях незаконной.

События в городе стали началом. Они определили стиль и настроение широкого движения протеста, которое охватило Юг в последующие десять лет: эмоциональные собрания в церквях; христианские гимны, адаптированные к ведущейся борьбе; ссылки на утраченные американские идеалы; приверженность ненасильственным методам; стремление бороться и готовность приносить жертвы. Репортер «Нью-Йорк таймс» так описывал массовый митинг в Монтгомери во время бойкота: «Один за другим обвиняемые негритянские лидеры сегодня вечером выходили на кафедру в переполненной баптистской церкви, чтобы призвать своих последователей игнорировать городские автобусы и «вместе с Богом идти пешком». Более 2 тыс. негров заполнили церковь от подвала до балкона и загрохотали улицы. Они пели псалмы и песни, кричали и молились, падали без сил в проходах и изнывали от

восьмидесятипятиградусной¹⁹⁹ жары. Они снова и снова призывали друг друга к «пассивному сопротивлению». Под этим лозунгом черные в течение 80 дней упорно бойкотировали городские автобусы».

На этом митинге Мартин Лютер Кинг явил образец того ораторского искусства, которое вскоре воодушевит миллионы людей на требование расовой справедливости. Он подчеркнул, что их протест касается не только автобусов, но имеет отношение ко всему тому, что «уходит корнями в толщу исторических архивов». Оратор заявил: «Мы знали унижение, мы знали брань, мы были ввергнуты в бездну угнетения. И мы решили подняться с одним лишь оружием протеста. Одно из величайших достоинств Америки в том, что у нас есть право на протест. Если нас ежедневно арестовывают, эксплуатируют, топчут, – не позволяйте никому унижать вас настолько, чтобы вы их возненавидели. Мы должны прибегнуть к оружию любви. Мы должны найти сочувствие и понимание у тех, кто нас ненавидят. Мы должны осознать, что многих людей так долго учили ненавидеть нас, что они уже не вполне виновны в своей ненависти. Мы поднимаемся к жизни в полночь, и мы всегда на пороге новой зари».

Подчеркивание Кингом любви и ненасилия стало мощным и эффективным средством привлечения сочувствовавших последователей по всей стране, как среди белых, так и среди черных граждан. Но были чернокожие, считавшие этот призыв наивным и находившие, что наряду с заблуждающимися людьми, которых можно убедить любовью, есть и другие, с которыми нужно решительно бороться – и не только ненасильственными методами. Спустя два года после организованного в Монтгомери бойкота в городе Монро (Северная Каролина) узнали о бывшем морском пехотинце по имени Роберт Уильямс, президенте местного отделения НАСПЦН. Он стал известен из-за своего убеждения, что чернокожие должны защищаться против насилия, и, если потребуется, с оружием в руках. Когда местные ку-клукс-клановцы напали на дом одного из руководителей НАСПЦН в Монро, Уильямс и другие чернокожие, вооружившись ружьями, ответили огнем. Ку-клукс-клан отступил. (Теперь эта организация все чаще сталкивалась с применявшейся ей же самой тактикой насилия; так, налет на общину индейцев в Северной Каролине был отбит ими с помощью ружей.)

Все же в последующие годы чернокожие жители Юга подчеркивали свою приверженность мирными действиями. Первого февраля 1960 г. четверо первокурсников негритянского колледжа в Гринсборо (Северная Каролина) решили посетить закусочную сети магазинов «Вулвортс» в центре города, где питались только белые. Им было отказано в обслуживании, а когда молодые люди не покинули заведение, оно было закрыто на целый день. На завтра студенты вернулись, а потом день за днем сюда приходили другие чернокожие и молча сидели.

Через две недели эта тактика «сидячих» забастовок распространилась по 15 городам пяти южных штатов. Семнадцатилетняя второкурсница Колледжа Спелмана в Атланте Руби Дорис Смит услышала о том, что случилось в Гринсборо: «Когда был создан студенческий комитет... я попросила свою старшую сестру включить меня в список. И когда отобрали двести студентов для первой демонстрации, я была в их числе. С шестью другими студентами я выстояла очередь за едой в ресторане у здания Капитолия штата, но, когда мы подошли к кассиру, она отказалась рассчитать нас... Явился заместитель губернатора и потребовал, чтобы мы покинули помещение. Мы отказались и попали в тюрьму графства».

В своей гарлемской квартире в Нью-Йорке молодой негритянский учитель математики по имени Боб Мозес увидел в газетах фотографию участников акции протеста в Гринсборо. «У

¹⁹⁹ По шкале Фаренгейта, т. е. примерно 29,4°C.

студентов на этой фотографии было такое выражение лица, несколько угрюмое, злое, исполненное решимости. Раньше негр на Юге всегда выглядел обороняющимся, исполненным низкопоклонства. На этот раз инициатива была в их руках. Они были молодыми людьми моего возраста, и я знал, что это имеет какое-то отношение и к моей собственной жизни».

Против участников «сидячих» забастовок применялось насилие. Но идея завладеть инициативой в борьбе против сегрегации укоренилась. В течение следующих 12 месяцев более 50 тыс. человек, в большинстве чернокожие, но также и белые, приняли участие в разнообразных манифестациях в сотне городов, более 3,6 тыс. человек было брошено в тюрьму. Но к концу 1960 г. вход в закусочные был открыт для черных как в Гринсборо, так и во многих других местах.

Через год после инцидента в Гринсборо группа сторонников расового равноправия с Севера, КРР (Конгресс расового равенства), организовала «рейсы свободы», в ходе которых черные и белые вместе путешествовали на автобусах, шедших через южные штаты, стремясь таким образом подорвать сегрегационные порядки, существовавшие в системе пассажирского транспорта между штатами. Подобная сегрегация давно уже являлась незаконной, но федеральное правительство никогда не добивалось исполнения закона на Юге; теперь президентом был Дж. Ф. Кеннеди, но и он, казалось, соблюдал осторожность в расовой области, рассчитывая на поддержку белых руководителей Демократической партии на Юге.

Два автобуса, выехавшие из Вашингтона (округ Колумбия) 4 мая 1961 г., держали путь на Новый Орлеан, однако так и не достигли пункта назначения. В Южной Каролине путешественники подверглись избиению. В Алабаме автобус подожгли. Участники «рейса свободы» были избиты: в ход пошли кулаки и железные прутья. Южане-полицейские не вмешались ни разу, равно как и федеральное правительство. Агенты ФБР вели наблюдение, делали заметки, но ничего не предпринимали.

В это же время ветераны «сидячих» забастовок, только что создавшие Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СККНД), приверженный мирным, но активным действиям за равноправие, организовали другой «рейс свободы», из Нэшвилла в Бирмингем. До начала рейса они обратились в министерство юстиции в Вашингтоне с просьбой о защите. Свидетельствует Руби Дорис Смит: «Министерство юстиции ответило отказом, заявив, что они не могут кого-либо защищать, но, если что-нибудь произойдет, они проведут расследование. Вы знаете, как они действуют».

Представлявшие разные расы участники «рейса свободы», организованного СККНД, были арестованы в Бирмингеме (Алабама). Они провели ночь за решеткой и были препровождены полицией на границу со штатом Теннесси. Однако через некоторое время вернулись в Бирмингем, сели на автобус до Монтгомери и (вскоре подверглись жестокому нападению со стороны белых, действовавших кулаками и дубинками. Путешественники возобновили свою поездку, направившись в Джексон (Миссисипи).

К тому времени участники «рейсов свободы» стали объектом выпусков новостей во всем мире, и правительство озабочилось тем, как предотвратить дальнейшее насилие. Генеральный прокурор Роберт Кеннеди, вместо того чтобы настаивать на их праве совершать поездки, не подвергаясь аресту, дал согласие на задержание участников рейса в Джексоне в обмен на их защиту полицией Миссисипи от возможного насилия со стороны толпы. Виктор Наваски в книге «Правосудие Кеннеди», посвященной Р. Кеннеди, отмечает: «Он не проявил колебаний, обменяв конституционное право участников «рейсов свободы» совершать поездки между штатами на гарантию сенатором Истлендом их права на жизнь».

Тюремное заключение не сломило дух этих людей. Они сопротивлялись, протестовали, пели, требовали свои права. Стокли Кармайл позже вспоминал, как он и его

друзья-сокамерники пели в тюрьме Парчмен в Миссисипи, а шериф угрожал лишить их матрасов: «Я вцепился в матрас и сказал: «Мне кажется, мы имеем право на них, и я думаю, вы несправедливы». А он ответил: «Я не хочу слышать всю эту чушь, ниггер», – и начал надевать наручники. Я не двигался и запел: «Я собираюсь поведать Богу, как ты относишься ко мне», и все стали петь. К тому времени Тайсон был явно вне себя. Он крикнул подручным: «Оставьте его!» – и вышел, хлопнув дверью и оставив всем их матрасы».

В Олбани (Джорджия), маленьком городке в южной глубинке, где все еще ощущалась атмосфера времен рабства, зимой 1961 г. прошли массовые демонстрации, которые повторились в 1962 г. Из 22 тыс. черных горожан более тысячи были брошены за решетку в наказание за участие в шествиях, собраниях и в протестах против сегрегации и дискриминации. Здесь во всех демонстрациях, как повсюду на Юге, участвовали маленькие чернокожие дети – новое поколение училось действовать. После одного из массовых арестов глава городской полиции записывал имена заключенных, выстроившихся в очередь перед его столом. Он поднял глаза и увидел негритянского мальчика лет девяти. «Как тебя зовут?» Мальчик посмотрел ему прямо в глаза и произнес: «Свобода, свобода».

Нет способа оценить воздействие этого движения на Юге на чувства целого поколения молодых афроамериканцев или проследить процесс их становления как активистов и лидеров. В графстве Ли (Джорджия) после событий 1961–1962 гг. черный подросток по имени Джеймс Кроуфорд примкнул к СККНД и стал сопровождать чернокожих обитателей в окружной суд для голосования. Однажды, после того как он привел туда женщину, к нему подошел заместитель регистратора. Другой член СККНД записал их разговор:

РЕГИСТРАТОР: Чего тебе надо?

КРОУФОРД: Я привел зарегистрировать эту леди.

РЕГИСТРАТОР: (дав женщине бланк для заполнения и отослав ее в другое помещение): Почему ты привел сюда эту леди?

КРОУФОРД: Потому что она хочет быть такой же гражданкой первого класса, как и все вы.

РЕГИСТРАТОР: Кто ты такой, чтобы приводить людей регистрироваться?

КРОУФОРД: Это моя работа.

РЕГИСТРАТОР: Предположим, ты прямо сейчас получишь две пули в лоб?

КРОУФОРД: Я так и так когда-нибудь умру.

РЕГИСТРАТОР: Если я этого не сделаю, я могу устроить так, что это совершит кто-нибудь другой. (Нет ответа.)

РЕГИСТРАТОР: Ты испугался?

КРОУФОРД: Нет.

РЕГИСТРАТОР: Предположим, кто-нибудь войдет в эту дверь и выстрелит тебе сзади в голову прямо сейчас. Что бы ты сделал?

КРОУФОРД: Мне нечего делать. Если они выстрелят мне прямо в голову, со всех уголков света соберутся люди.

РЕГИСТРАТОР: Что за люди?

КРОУФОРД: На которых я работаю.

В Бирмингеме в 1963 г. тысячи чернокожих вышли на улицу навстречу полицейским дубинкам, слезоточивому газу, собакам, водометам. А тем временем по всей южной глубинке молодые люди из СККНД, в большинстве своем чернокожие и несколько белых, двинулись в различные населенные пункты Джорджии, Алабамы, Миссисипи, Арканзаса. Поддержанные местными черными, они организовывали регистрацию людей для голосования, протестовали против расизма, сохраняя мужество перед лицом насилия. Министерство юстиции за три

месяца 1963 г. зарегистрировало 1412 демонстраций. Заключение в тюрьму стало обычным делом, избиения участились. Многие местные жители были запутаны.

Другие же предлагали свою помощь. Девятнадцатилетний черный студент из Иллинойса по имени Карвер Неблетт, работавший на СККНД в графстве Террелл (Джорджия), сообщал: «Я разговаривал со слепым, который очень интересовался движением за гражданские права. Он был в курсе того, что происходило с движением с самого начала. Хотя этот человек был незрячим, он хотел изучить все вопросы из теста на грамотность. Представьте, в то время как многие боятся, что белые сожгут их дома, будут стрелять в них или лишат их собственности, слепой семидесяти лет хочет участвовать в наших митингах».

С приближением лета 1964 г. СККНД и другие организации по защите гражданских прав, действовавшие в Миссисипи и сталкивавшиеся с постоянным ростом насилия, решили призвать на помощь молодых людей из других районов страны. Они надеялись, что это привлечет внимание к положению в штате. В Миссисипи, как и повсюду, ФБР по-прежнему оставалось лишь наблюдателем, а юристы из министерства юстиции стояли в стороне, в то время как борцы за гражданские права подвергались избиению и тюремному заключению в условиях нарушения федеральных законов.

Накануне «летней кампании в Миссисипи» в начале июня 1964 г. движение за гражданские права арендовало театр возле Белого дома, и автобус с чернокожими жителями Миссисипи направился в Вашингтон для публичного предъявления доказательств повседневного насилия и опасностей, подстерегающих активистов – выходцев из этого штата. Специалисты в области конституционного права свидетельствовали, что федеральное правительство имеет все юридические полномочия для оказания защиты от подобного насилия. Стенограмма этих слушаний была передана президенту Линдону Джонсону и генеральному прокурору Роберту Кеннеди вместе с требованием участия федеральных властей в защите пострадавших в ходе «летней кампании в Миссисипи». Ответа не последовало.

Спустя 12 дней после публичных слушаний три участника движения за гражданские права: Джеймс Чейни, молодой чернокожий из Миссисипи, и два белых активиста, Эндрю Гудмен и Майкл Швернер, – были арестованы в Филадельфии (Миссисипи), поздно ночью выпущены из тюрьмы, затем схвачены, избиты цепями и застрелены. На основании показаний свидетеля были приговорены к тюремным срокам местный шериф, его помощник и ряд других лиц. Но было слишком поздно. Убийство в Миссисипи произошло после неоднократных отказов администраций Дж. Ф. Кеннеди, Л. Джонсона или других президентов защищать чернокожих от насилия.

Разочарование федеральным центром усилилось. Позднее тем же летом, во время проведения национального съезда Демократической партии, чернокожие Миссисипи потребовали своего представительства в делегации штата, 40 % населения которого имело черный цвет кожи. Либеральное руководство демократов, включая кандидата в вице-президенты Губерта Хэмфри, ответило отказом.

Тем временем Конгресс начал понемногу реагировать на негритянские выступления, получившие известность во всем мире. В 1957, 1960 и 1964 гг. были одобрены законы о гражданских правах. Они обещали многое в области равенства в избирательных и трудовых правах, но в жизнь проводились непоследовательно или вовсе игнорировались. В 1965 г. президент Джонсон поддержал, а Конгресс провел еще более жесткий Закон об избирательных правах, на этот раз обеспечивавший защиту федеральными властями права местных жителей проходить регистрацию и участвовать в выборах. Это резко изменило картину на Юге. В 1952 г. здесь зарегистрировался для голосования всего лишь 1 млн. чернокожих (20 % имевших право голоса). В 1964 г. этот показатель вырос до 2 млн, т. е. 40 %. К 1968 г. он достиг 3 млн.

(60 %) и сравнился с показателем среди белого населения.

Федеральное правительство старалось – не проводя коренных перемен – поставить взрывоопасную ситуацию под контроль, дать выход недовольству посредством традиционных механизмов голосования, умеренных петиций, официально санкционированных мирных собраний. Когда лидеры движения за гражданские права черных планировали масштабный поход на Вашингтон летом 1963 г., собираясь протестовать против неспособности государства разрешить расовую проблему, этой идеей быстро воспользовались президент Кеннеди и другие национальные лидеры, превратив его в довольно мирное шествие.

Выступление Мартина Лютера Кинга перед участниками марша поразило 200 тыс. черных и белых американцев: «У меня есть мечта». Это была великолепная речь, однако лишенная гнева, который испытывали многие чернокожие. Когда Джон Льюис, молодой лидер СККНД, уроженец Алабамы, многократно арестовывавшийся и подвергавшийся избиениям, попытался придать больше суровости своей речи, руководители похода одернули его, потребовав, чтобы Льюис изъясился некоторыми пассажами критического характера по отношению к федеральному правительству и призывы к решительным действиям.

Спустя 18 дней после митинга в Вашингтоне, словно бы в ответ на его умеренность, в подвале церкви для черных в Бирмингеме была взорвана бомба. В результате погибли четыре девочки, посещавшие занятия в воскресной школе. Президент Кеннеди превозносил «глубокие чувства и спокойное достоинство» участников марша, но черный активист Малколм Икс, вероятно, лучше ощущал настроения негритянской общины. Выступая в Детройте по прошествии двух месяцев после похода на Вашингтон и взрыва в Бирмингеме, Икс в свойственном ему ярком, кристально ясном и ритмическом стиле заявил: «Негры вышли на улицы. Они говорили, как пойдут маршем на Вашингтон... Что пойдут маршем на Вашингтон, маршем на сенат, маршем на Белый дом, маршем на Конгресс и свяжут их, остановят их, не дадут правительству действовать. Они даже говорили, что пойдут в аэропорты и закроют взлетно-посадочные полосы и не дадут самолетам приземляться. Я говорю вам, что они говорили. Это была революция. Это была революция. Это была революция черных.

На улицы вышли простые люди. Это насмерть перепугало белого человека, насмерть перепугало механизм белой власти в Вашингтоне; я был там. Когда они узнали, что этот черный паровой каток собирается прибыть в столицу, они призвали... этих национальных негритянских лидеров, которых вы уважаете, и говорили с ними. «Отзовите их, – сказал Кеннеди. – Посмотрите, вы все заводите дело слишком далеко». И старый Том сказал: «Босс, я не могу этого остановить, потому что не я это начал». Я говорю вам, что они сказали. Они сказали: «Я даже не участник этого, и тем более не во главе этого». Они сказали: «Эти негры действуют самостоятельно. Они опережают нас». И эта старая умная лиса, он сказал: «Если вы не в этом, я сделаю вас частью этого. Я поставлю вас во главе этого. Я санкционирую это. Я одобряю это. Я помогу этому. Я присоединюсь к этому».

Вот что они сделали с походом на Вашингтон. Они примкнули к нему... стали его частью, возглавили его. И как только они взяли руководство на себя, он потерял боевой дух. Он перестал быть гневным, он перестал быть страстным, он перестал быть бескомпромиссным. Да что там, он даже перестал быть походом. Он превратился в пикник, цирк. Он стал не чем иным, как цирком, с клоунами и со всем остальным...

Нет, это была инсценировка. Произошла подмена... Они контролировали его очень жестко, диктуя неграм, в какое время войти в город, где остановиться, какие плакаты нести, какие песни петь, какие речи они могут произносить, а какие нет, а потом велели им убраться из города до захода солнца».

Справедливость едких слов Малколма Икса о походе на Вашингтон подкрепляется

описанием с другой стороны – со стороны истеблишмента, – сделанным советником Белого дома Артуром Шлезингером-младшим в его книге «Тысяча дней». Он рассказывает, как Кеннеди встретился с лидерами движения за гражданские права и сказал, что поход «создаст атмосферу страха» как раз тогда, когда Конгресс рассматривает законопроекты о гражданских правах. Э. Филип Рэндолф ответил: «Негры уже на улицах. Скорее всего, невозможно вернуть их назад». Шлезингер отмечает: «Совещание с президентом на самом деле убедило лидеров движения за гражданские права, что им не следует устраивать осаду Капитолийского холма». Он с восторгом описывает поход на Вашингтон и заканчивает так: «Таким образом, в 1963 г. Кеннеди двигался в направлении включения негритянской революции в демократическую коалицию».

Но это не сработало. Чернокожих нельзя было легко сделать частью «демократической коалиции», когда бомбы продолжали взрываться в церквях и когда новые законы о «гражданских правах» не меняли коренных условий жизни черного населения. Весной 1963 г. уровень безработицы среди белых составлял 4,8 %. Среди цветных он достигал 12,1 %. Согласно оценкам правительства, ниже черты бедности находилась пятая часть белых граждан, тогда как среди черных за этой чертой жила половина населения. Законы о гражданских правах делали акцент на голосовании, но оно само по себе не являлось кардинальным решением проблемы расизма или нищеты. В Гарлеме чернокожие, голосовавшие на протяжении многих лет, продолжали жить в трущобах, кишящих крысами.

Именно в те годы, когда принятие Конгрессом законов в области гражданских прав достигло своего апогея, т. е. в 1964–1965 гг., выступления чернокожих происходили во всех уголках страны: во Флориде они были вызваны убийством негритянки и угрозой взрыва негритянской школы; в Кливленде – убийством белого священника, севшего на землю, чтобы преградить путь бульдозеру, протестуя против дискриминации черных на строительных работах; в Нью-Йорке – тем, что был застрелен пятнадцатилетний негритянский подросток, вступивший в драку с полицейским, находившимся не при исполнении служебных обязанностей. Волнения имели место также в Рочестере, Джерси-Сити, Чикаго, Филадельфии.

В августе 1965 г., как раз в тот момент, когда Линдон Джонсон подписывал жесткий Закон об избирательных правах, предусматривавший регистрацию федеральными органами чернокожих избирателей в целях обеспечения их защиты, в негритянском гетто в Уоттсе (Лос-Анджелес) произошло самое серьезное, сопряженное с насилием, выступление со времени Второй мировой войны. Оно было вызвано грубым арестом молодого шофера-негра, избиением прохожего полицейскими дубинками, задержанием молодой чернокожей женщины, ложно обвиненной в том, что она плюнула в сторону полицейских. На улицах вспыхнули беспорядки, люди грабили магазины и забрасывали их зажигательными бомбами. Была мобилизована полиция и Национальная гвардия; они применили оружие. Тридцать четыре человека, в большинстве чернокожие, были убиты, сотни ранены, 4 тыс. арестованы. Роберт Конот, журналист, работавший на Западном побережье, писал об этом бунте в своей книге «Реки крови, годы тьмы»: «В Лос-Анджелесе негр замечен в том, что больше не подставляет другую щеку. Разочарованный и подстрекаемый, он ответит на удар независимо от того, будет ли уместна насильственная реакция».

Летом 1966 г. имели место новые волнения в Чикаго. Чернокожие швыряли камни, грабили, кидали зажигательные бомбы. Ответом стала стрельба Национальной гвардии; трое чернокожих были убиты, среди них 13-летний мальчик и 14-летняя беременная негритянка. В Кливленде Национальную гвардию вызвали для предотвращения беспорядков в черной общине; четверо негров были застрелены (двое – военными, двое – белыми гражданскими лицами).

Теперь казалось очевидным, что ненасильственного движения, возможно тактически необходимого в условиях Юга и эффективного постольку, поскольку оно апеллировало к общественному мнению всей страны против южных сторонников сегрегации, было недостаточно, чтобы решать застарелые проблемы нищеты в черном гетто. В 1910 г. на Юге проживало 90 % всего негритянского населения страны. Однако к 1965 г. 81 % хлопка в дельте Миссисипи собрался хлопкоуборочными комбайнами. В период с 1940 по 1970 г. в город из сельской местности перебрались 4 млн. чернокожих. К 1965 г. 80 % афроамериканцев обитали в городах, при этом половина этих людей проживала на Севере.

В СККНД и среди многих черных активистов отныне царили новые настроения. Общее разочарование выразил молодой чернокожий писатель Джулиус Лестер: «Теперь все закончилось. Америка не раз имела шанс показать, что на деле значит [утверждение], «что все люди... наделены определенными неотъемлемыми правами»...Теперь этому конец. [Конец] времени петь песни о свободе и отвечать на пули и полицейские дубинки любовью... Любовь хрупка и нежна и стремится к равнозначному ответу. Они обычно пели «Я люблю всех», увертываясь от камней и бутылок. Теперь они поют:

Слишком много любви,
Слишком много любви,
Ничто так не убивает ниггера, как
Слишком много любви».

В 1967 г. черные гетто по всей стране были охвачены самыми сильными бунтами за всю американскую историю. Согласно докладу Национальной совещательной комиссии по расследованию гражданских беспорядков в городах, в них «были вовлечены негры, действовавшие против местных символов общества белых американцев», символов власти и собственности в черных кварталах, а не только против белых граждан как таковых. Комиссия сообщала о 8 крупных восстаниях, 33 «серьезных, но некрупных» возмущениях и 123 «мелких» беспорядках. Восемьдесят три человека погибли от пуль, главным образом в Ньюарке и Детройте. «Подавляющее большинство людей, убитых или раненных во время беспорядков, были гражданскими лицами из числа негров».

«Типичным бунтовщиком», согласно Комиссии, являлся молодой чернокожий, исключенный из школы, но «тем не менее несколько лучше образованный, чем его небунтующий сосед-негр», и «обычно не полностью занятый или работающий в сфере услуг». Он «гордится своей расой, чрезвычайно враждебен как по отношению к белым, так и к неграм – представителям среднего класса и, хотя сведущ в политике, чрезвычайно подозрительно относится к политической системе».

Доклад Комиссии обвинял в беспорядках «расизм белых» и перечислял составляющие «взрывоопасной смеси, которая накапливалась в наших городах с конца Второй мировой войны»: «Распространенная повсеместно дискриминация и сегрегация в сфере занятости и образования, а также в жилищной сфере... увеличивающаяся концентрация обнищавших негров в наших крупных городах, нарастание кризисных явлений в сфере услуг и неудовлетворенные человеческие потребности...

Новые настроения распространились среди черных, особенно молодежи, в кругах которой самоуважение и гордость своей расой вытесняют апатию и готовность подчиняться «системе».

Но сам по себе доклад Комиссии был стандартным орудием системы, столкнувшейся с бунтом: предполагалось создать комитет по расследованию, выпустить доклад, формулировки которого сколь бы сильными они ни были, оказали бы смягчающее воздействие.

Но и это сработало не полностью. Лозунг «Власть черным» стал выражением неверия в какой-либо «прогресс», подаренный или допущенный белыми, неприятием патернализма. Не многие чернокожие (или белые) знали о заявлении белого писателя Олдоса Хаксли: «Свободы не даются, они завоевываются». Но именно эта идея и содержалась в лозунге «Власть черным». И вдобавок – гордость за свою расу, отстаивание независимости чернокожих и зачастую обособление их для достижения этой независимости. Малколм Икс был самым горячим поборником данной идеи. После его убийства во время публичного выступления в феврале 1965 г. (по-прежнему остается неясным, кем оно было спланировано) Икс превратился в мученика этого движения. Сотни тысяч людей читали его «Автобиографию». Малколм Икс стал более влиятельным после смерти, чем был при жизни.

Мартин Лютер Кинг, хотя и продолжал пользоваться уважением, уступил теперь место новым героям: например, Хьюи Ньютону из партии «Черные пантеры»²⁰⁰. У «пантер» имелось оружие; они полагали, что чернокожие должны защищать самих себя.

Малколм Икс в конце 1964 г. говорил черным студентам из Миссисипи, посетившим Гарлем: «Вы добьетесь свободы, дав понять вашему врагу, что сделаете все, чтобы добиться своей свободы; и вы добьетесь ее. Это единственный способ добиться ее. Если вы будете занимать такую позицию, они обзовут вас «сумасшедшим негром», точнее, назовут «сумасшедшим ниггером» – они не говорят «негр». Или они назовут вас экстремистами, или занимающимися подрывной деятельностью, или бунтарями, или красными, или радикалами. Но если вы останетесь радикалами в течение довольно длительного времени и привлечете на свою сторону достаточно много людей, подобных вам, вы добьетесь свободы».

Конгресс ответил на выступления 1967 г. принятием в следующем году Закона о гражданских правах. Предполагалось, что он подкрепит собой законы, запрещающие насилие против чернокожих; увеличит наказание тем, кто лишал людей их гражданских прав. Однако в Законе говорилось: «Положения этого раздела не применяются по отношению к действиям или упущениям со стороны чиновников, отвечающих за исполнение закона, членов Национальной гвардии... или представителей Вооруженных сил Соединенных Штатов, призванных подавить мятеж или гражданские беспорядки».

Более того, в Закон был включен раздел – на это дали согласие либеральные члены Конгресса в целях принятия этого акта в целом, – предусматривавший до 5 лет тюремного заключения для всякого, кто совершает поездки по штатам или использует федеральные средства связи (в том числе почту и телефон) «для организации, поддержки, поощрения, участия или осуществления мятежа». Он определял мятеж как акцию трех или более людей, связанную с угрозой насилия. Первым человеком, осужденным в соответствии с Законом о гражданских правах 1968 г., был молодой чернокожий лидер СККНД Г. Рэп Браун, который произнес воинственную гневную речь в Мэриленде как раз накануне происшедших там расовых беспорядков. (Позже Закон будет применен против участников антивоенной демонстрации в Чикаго – так называемой «Чикагской восьмерки».)

Самого Мартина Лютера Кинга все больше заботили проблемы, не затрагивавшиеся законодательством о гражданских правах, – проблемы, истоком которых была нищета. Весной 1968 г. он, вопреки советам некоторых негритянских лидеров, боявшихся лишиться друзей в Вашингтоне, начал выступать против войны во Вьетнаме. Кинг напрямую связывал войну с нищетой: «...нам неизбежно приходится поднимать вопрос о трагическом смещении

²⁰⁰ «Черные пантеры» – леворадикальная воинствующая партия, выступавшая за «вооруженную самооборону» афроамериканцев. Создана в 1966 г. в Калифорнии. К середине 70-х гг. распалась на несколько группировок.

приоритетов. Мы расходуем средства ради смерти и разрушения и тратим совершенно недостаточно денег ради жизни и конструктивного развития... когда пушки становятся национальной манией, неизбежно страдают социальные нужды».

Теперь Кинг стал главным объектом для ФБР, которое прослушивало его частные телефонные разговоры, посылало ему поддельные письма, угрожало, шантажировало и даже однажды предложило в анонимном письме совершить самоубийство. В меморандумах ФБР для внутреннего пользования обсуждался вопрос о поиске чернокожего лидера, который мог бы заменить Кинга. Как свидетельствует сенатский доклад 1976 г., посвященный деятельности ФБР, оно пыталось «уничтожить д-ра Мартина Лютера Кинга».

Кинг обратил внимание на болезненные вопросы. Он все еще настаивал на ненасилии. Мятежи несут в себе зерна поражения, думал этот человек. Но они же являются и выражением глубоких чувств, которыми нельзя пренебрегать. И поэтому ненасилие, говорил Кинг, «должно быть воинствующим, массовым». Он планировал устройство «лагеря бедняков» в Вашингтоне, на этот раз уже без отеческого одобрения президента. Он направился в Мемфис (Теннесси), чтобы оказать поддержку рабочим-мусорщикам этого города. Там, на балконе своего номера в отеле, Кинг был застрелен невидимым снайпером. Организация «лагеря бедняков» продолжилась, но позднее его разрушили в результате действий полиции, подобно тому как в 1932 г. была разогнана армия ветеранов Первой мировой войны, потребовавших выплаты денег по бонусам.

Убийство Мартина Лютера Кинга привело к новым городским волнениям по всей стране, во время которых погибли 39 человек, из них 35 чернокожих. Становилось все более очевидным, что даже с принятием всех законов о гражданских правах суды все равно не защищают чернокожих от насилия и несправедливости:

1. В 1967 г. во время волнений в Детройте трое черных подростков были убиты в мотеле «Алжир». В связи с этим преступлением трое полицейских и чернокожий рядовой охранник подверглись судебному преследованию. По сообщению агентства ЮПИ, защита согласилась с тем, что эти четверо застрелили двух из потерпевших. Присяжные их оправдали.

2. Весной 1970 г. в кампусе негритянского штатного колледжа в городе Джексон (Миссисипи) полиция в течение 28 секунд вела шквальный огонь, используя пистолеты, винтовки и пулемет. Четыреста пуль и картечин попали в женское общежитие, в результате чего погибли две чернокожие студентки. Большое жюри присяжных местного суда признало нападение «оправданным», а судья окружного суда США Гаролд Кокс (назначенец Кеннеди) заявил, что студенты, участвующие в гражданских беспорядках, «должны ожидать того, что будут ранены или убиты».

3. В Бостоне в апреле 1970 г. полицейский застрелил невооруженного чернокожего, пациента городского госпиталя, произведя пять выстрелов после того, как тот махнул в его сторону полотенцем. Главный судья городского суда оправдал полицейского.

4. В Огасте (Джорджия) в мае 1970 г. шестеро негров были застрелены в ходе грабежей и беспорядков в городе. «Нью-Йорк таймс» писала: «Конфиденциальный доклад полиции указывает, что по крайней мере пять жертв были убиты полицией... Непосредственный свидетель одной из смертей говорил, что видел, как полицейский-негр и его белый напарник сделали девять выстрелов в спину мужчины, заподозренного в ограблении. Они не производили предупреждающих выстрелов и не просили его остановиться, сказал Чарлз Рейд, 38-летний бизнесмен».

5. В апреле 1970 г. федеральный суд присяжных в Бостоне признал, что полицейский применил «чрезмерную силу» против двух чернокожих солдат из Форт-Девенса, одному из которых потом наложили 12 швов на голову; судья приговорил выплатить военнослужащим 3

долл. в качестве компенсации за причиненный ущерб.

Это были «обычные» дела, бесконечно повторяющиеся в истории страны, возникающие то тут, то там, но тем не менее с постоянством, обусловленным расизмом, который укоренился и в государственных институтах, и в сознании людей. Но было и нечто иное – спланированные методы насилия против воинствующих чернокожих активистов, применяемые полицией и Федеральным бюро расследований. Четвертого декабря 1969 г. около 5 часов утра отряд чикагской полиции, оснащенный автоматическим оружием и пистолетами, ворвался в квартиру, где жили члены партии «Черные пантеры». Они произвели по меньшей мере 82 одиночных выстрела и, вероятно, выпустили две сотни пуль очередями по жилищу, убив 21-летнего лидера «Черных пантер» Фреда Хэмптона, лежавшего в постели, и члена организации Марка Кларка. Несколько лет спустя в ходе судебного процесса было выяснено, что ФБР имело своего информатора среди «пантер» и предоставило полиции план этажа с квартирой и указанием, где спит Фред Хэмптон.

Почему власти прибегают к убийствам и террору? Потому что уступки: законодательство, речи, пение гимна борцов за гражданские права «Мы победим» президентом Линдоном Джонсоном – не сработали? Позже было обнаружено, что правительство все годы движения за гражданские права, делая через Конгресс уступки, использовало ФБР в целях подавления и подрыва воинствующих группировок чернокожих. С 1956 по 1971 г. это ведомство осуществляло масштабную Программу контрразведки (известную как КОИНТЕЛПРО²⁰¹), в ходе которой было предпринято 295 акций против негритянских группировок. Но активность чернокожих не поддавалась разрушительному воздействию. В секретном докладе ФБР 1970 г. президенту Никсону говорилось, что «недавно проведенный опрос общественного мнения показывает, что приблизительно 25 % черного населения испытывает чувство глубокого уважения к партии «Черные пантеры», в том числе 43 % чернокожих в возрасте до 21 года». Существовал ли страх, что черное население переключит внимание с контролируемого голосования на более опасную сферу нищеты и классового конфликта? В 1966 г. семьдесят чернокожих бедняков в Гринвилле (Миссисипи) занимали неиспользуемые казармы военно-воздушных сил, до тех пор пока военные не очистили помещения силой. Местная жительница Юнита Блэкуэлл рассказывала: «Мне кажется, что федеральное правительство доказало, что оно не заботится о бедных людях. Все, о чем мы просили в течение этих лет, осталось на бумаге. Оно так и не стало реальностью. Мы, бедняки Миссисипи, устали. Мы устали от этого и теперь должны рассчитывать на самих себя, потому что у нас нет правительства, которое бы нас представляло».

В ходе выступлений 1967 г. родилась организация, призванная мобилизовать чернокожих трудящихся для достижения революционных перемен. Это была Лига революционных черных рабочих, которая просуществовала до 1971 г. и за недолгие годы своей деятельности оказала влияние на тысячи чернокожих трудящихся Детройта.

Этот новый акцент был еще опаснее, чем борьба за гражданские права, потому что он предоставлял черным и белым возможность объединиться против классовой эксплуатации. В ноябре 1963 г. Э. Филип Рэндолф произнес речь на конгрессе АФТ-КПП, посвященную движению за гражданские права, в которой предвосхитил данное направление деятельности: «Сегодняшний протест негритянского населения – это лишь первые признаки недовольства, исходящие из «низшего класса». За неграми, вышедшими на улицы, выйдут все безработные, вне зависимости от расы».

²⁰¹ *Om Counter Intelligence Program* (англ.).

В отношении чернокожих были использованы методы, некогда применявшиеся к белым, – небольшое их число постарались привлечь на сторону системы экономическими подачками. Шли разговоры о «черном капитализме». Руководители НАСПЦН и КРР приглашались в Белый дом. Джеймс Фармер из КРР, бывший участник «рейсов свободы» и активист, получил должность в администрации президента Никсона. Члену этой же организации Флоиду Маккиссику был предоставлен правительственный заем в 14 млн. долл. на строительство жилья в Северной Каролине. Линдон Джонсон трудоустроил некоторых чернокожих через Управление экономических возможностей; Никсон учредил Управление по делам предпринимательской деятельности меньшинств.

«Чейз Манхэттен бэнк» и семейство Рокфеллер (контролировавшее его) проявляли особый интерес к развитию «черного капитализма». Рокфеллеры всегда были финансовыми покровителями Городской лиги²⁰² и серьезно влияли на систему образования чернокожих, оказывая поддержку негритянским колледжам на Юге. Дэвид Рокфеллер пытался убедить своих братьев-капиталистов, что, хотя оказание денежной помощи чернокожим предпринимателям может и не быть выгодным с точки зрения сиюминутных интересов, оно необходимо «для формирования среды, в которой бизнес сможет продолжать получать прибыли и по прошествии четырех, пяти или десяти лет». Тем не менее масштабы предпринимательства черных оставались крайне незначительными. Объем продаж крупнейшей «черной» корпорации («Мотаун индастриз») в 1974 г. составил 45 млн. долл., в то время как у корпорации «Экссон» он достигал 42 млрд. долл. Совокупные доходы фирм, владельцами которых были чернокожие, составляли 0,3 % общего объема доходов частного бизнеса.

В стране имели место незначительные перемены, но это сопровождалось большой шумихой. В газетах и на телевидении мелькало множество черных лиц, что создавало видимость изменений – и включало в привычные повседневные рамки небольшое, но впечатляющее число чернокожих лидеров.

В негритянской среде стали раздаваться новые голоса, выступавшие против этого. Р. Аллен в книге «Пробуждение черных в капиталистической Америке» писал: «Чтобы [черное] сообщество получило пользу, оно как целое должно быть организовано так, чтобы коллективно управлять своей внутренней экономикой и своими деловыми связями с белой Америкой. Частные фирмы чернокожих должны рассматриваться и функционировать как общественная собственность, принадлежа всему черному сообществу, а не являясь частной собственностью отдельных лиц или ограниченных групп людей. Это требует отказа от отношений капиталистической собственности в черной общине и замены их плановой общественной экономикой».

Афроамериканка Патриция Робинсон в памфлете «Бедная черная женщина», распространенном в Бостоне в 1970 г., связывала доминирование мужчин с капитализмом и призывала чернокожую американку «войти в союз с неимущими в их революционной борьбе». Она утверждала, что бедная черная женщина в прошлом «не подвергала сомнению социальную и экономическую систему», но теперь она должна и действительно уже «начала задаваться вопросом об агрессивном господстве мужчин и о классовом обществе, обеспечивающем это господство, т. е. о капитализме».

Другая чернокожая, Маргарет Райт, утверждала, что не борется за равноправие с мужчинами, если таковое можно достигнуть в мире насилия и конкуренции. «Я не хочу

²⁰² Речь идет о Национальной городской лиге – общественной организации, борющейся против дискриминации чернокожего населения и этнических меньшинств в США, за улучшение их социально-экономического положения. Основана в 1910 г.

соревноваться в проклятой сфере эксплуатации. Я не желаю никого эксплуатировать... Я добиваюсь права быть черной и самой собой».

В конце 60-х – начале 70-х гг. система из всех сил старалась сдерживать угрожающий подъем черного населения, чреватый взрывом. Множество чернокожих голосовало на Юге, а на съезде Демократической партии 1968 г. трое негров были включены в делегацию от Миссисипи. К 1977 г. более 2 тыс. черных американцев занимали должности в 11 южных штатах (в 1965 г. это число составляло всего 72 человека). Чернокожими были 2 конгрессмена, 11 сенаторов штатов и 95 членов палат представителей legislatures штатов, 267 окружных уполномоченных, 76 мэров, 824 члена городских советов, 18 шерифов или начальников полиции, 508 членов школьных советов. Это было существенным шагом вперед. Но чернокожие, составлявшие пятую часть населения Юга, по-прежнему занимали менее 3 % всех выборных должностей. Репортер «Нью-Йорк таймс», анализируя в 1977 г. сложившуюся ситуацию, обращал внимание на то, что даже там, где черные занимали важные должности в городской администрации, «белые почти всегда сохраняют за собой экономическую власть». После того как чернокожий Мэйнард Джексон стал мэром Атланты, «деловое сообщество белых продолжало пользоваться влиянием».

Тем черным жителям Юга, которые могли позволить себе посещать рестораны и отели в центре города, уже не чинилось препятствий в связи с цветом их кожи. Многие чернокожие смогли поступить в колледжи и университеты, в школы права и медицинские учебные заведения. На Севере детей перевозили из одной части города в другую, стремясь создать смешанные в расовом отношении школы – вопреки сегрегации в сфере жилья. Но это, однако, не останавливало процесса, который Р. Клоуард и Ф. Пивен называли в своей книге «Движения бедноты» «разрушением низшего класса черного населения», – роста безработицы, ухудшения положения в гетто, роста преступности, наркомании, насилия.

Летом 1977 г. министерство труда докладывало, что уровень безработицы среди черной молодежи составляет 34,8 %. Создание незначительного среднего класса среди чернокожих несколько улучшило общую статистику доходов афроамериканского населения – но появился огромный разрыв между этим средним классом и бедняками. Несмотря на новые возможности для немногих, средний доход негритянской семьи в 1977 г. составлял лишь около 60 % среднего уровня дохода семьи белых американцев; шансы чернокожих умереть от диабета были вдвое выше; вероятность того, что они станут жертвами насилия, связанного с убийством и порожденного нищетой и безысходностью, царящими в гетто, была выше в 7 раз.

В начале 1978 г. «Нью-Йорк таймс» сообщала: «...места, охваченные в 60-х годах городскими беспорядками, за небольшим исключением, мало изменились, а нищенские условия распространились на большинство городов».

Статистика не дает полной картины. Расизм, всегда бывший общенациональным феноменом, а не чем-то свойственным только Югу, усиливался в городах Севера, по мере того как федеральное правительство делало новые уступки чернокожим беднякам, что в итоге противопоставляло последних белым неимущим, поскольку система не обладала достаточными ресурсами. Чернокожие, освобожденные от рабства, чтобы занять свое место в капиталистическом обществе, сразу же оказались вовлечены в конфликт с белыми из-за ограниченного числа рабочих мест. Теперь же, по мере десегрегации в жилищной сфере, черные американцы стали перебираться в такие районы, где белые, сами нищие, жившие скученно и испытывавшие трудности, могли сделать их объектом своего гнева. Газета «Бостон глоб» писала в ноябре 1977 г.: «Испаноговорящая семья из шести человек вчера покинула свое жилище в районе Сейвин-Хилл в Дорчестере, после того как в течение недели группа белой молодежи беспрестанно забрасывала их камнями и била стекла, что, по утверждению полиции,

выглядело как нападение на расовой почве».

В Бостоне перевозка чернокожих детей в школы, где учились белые, и белых детей в школы с преобладанием черных вызвала волну насилия в районах проживания белых. Использование автобусных рейсов в целях интеграции в школах, поддержанное правительством и судами как ответ на движение черного населения, было искусной уступкой протестующим. Результатом стало соперничество белых и черных бедняков в сфере заметно отстававшего от существующих стандартов образования, которое система обеспечивала неимущим.

Было ли черное население – запертое в гетто, расколотое появлением среднего класса, обреченное на нищету, подвергавшееся нападкам со стороны правительства, подталкиваемое к конфликту с белыми – поставлено под контроль? Да, в середине 70-х гг. в стране не отмечалось широкого движения чернокожих американцев. Однако у них родилось новое сознание, и оно давало о себе знать. Кроме того, на Юге оказались смещены расовые барьеры между белыми и черными, в результате чего произошло классовое объединение трудящихся против работодателей. В 1971 г. две тысячи рабочих деревообрабатывающей промышленности штата Миссисипи, белые и чернокожие, выступили вместе против нового метода оценки древесины, имевшего следствием снижение заработной платы. На текстильных фабриках Дж. П. Стивенса (в основном на Юге), где на 85 предприятиях было занято 44 тыс. рабочих, черные и белые работники сотрудничали друг с другом в профсоюзной деятельности. В Тифтоне и Милледжвилле (Джорджия) в 1977 г. чернокожие и белые образовали совместные профсоюзные комитеты своих предприятий.

Пойдет ли негритянское движение дальше борьбы за гражданские права 60-х гг., дальше спонтанных городских выступлений 70-х, дальше сепаратизма – к коалиции белых и черных в историческом новом союзе? Узнать это в 1978 г. было никак не возможно. Тогда среди чернокожих было 6 млн. безработных. Ленгстон Хьюз спрашивал: что получится из несбывшейся мечты? усохнет она или взорвется? Если она действительно взорвется, как случалось в прошлом, это произойдет с определенной неизбежностью (если учитывать условия жизни черного населения Америки), и, поскольку никто не знает когда, такой взрыв вновь будет полной неожиданностью.

Невозможная победа: Вьетнам

С 1964 по 1972 г. самая богатая и могущественная держава в мировой истории предпринимала колоссальные военные усилия, не используя разве что атомные бомбы, чтобы нанести поражение националистическому революционному движению в маленькой крестьянской стране, – и потерпела поражение. Когда США воевали во Вьетнаме, они мобилизовали новейшую технику против организованных людей, и эти люди победили.

В ходе войны в Соединенных Штатах развилось мощнейшее антивоенное движение, когда-либо имевшее место в этой стране, движение, сыгравшее решающую роль в прекращении войны. Это стало еще одним поразительным феноменом 60-х.

Осенью 1945 г. потерпевшая поражение Япония была вынуждена оставить Индокитай, бывшую французскую колонию, которую она оккупировала в начале войны. Между тем в регионе возникло революционное движение, стремившееся положить конец колониальному подчинению и построить для крестьян Индокитая новую жизнь. Возглавлявшиеся коммунистом Хо Ши Мином революционеры боролись против японцев, а когда те ушли, устроили в конце 1945 г. грандиозный праздник в Ханое, в котором участвовали миллион человек, и обнародовали Декларацию независимости. Многие в ней были заимствованы из Декларации прав человека и гражданина времен Французской революции и американской Декларации

независимости; она начиналась словами: «Все люди созданы равными. Они наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на Жизнь, на Свободу и на стремление к Счастью».

Подобно американцам, перечислявшим в 1776 г. свои претензии к английскому королю, вьетнамцы жаловались на правление французов: «Они проводили в жизнь бесчеловечные законы... Они построили больше тюрем, чем школ. Они безжалостно убивали наших патриотов, топили восстания в реках крови. Они сковали общественное мнение... Они лишили нас рисовых полей, шахт, лесов и сырьевых ресурсов... Они изобрели многочисленные неоправданные налоги и довели наш народ, особенно крестьянство, до состояния чрезвычайной нищеты... с конца прошлого года до начала этого года более двух миллионов наших сограждан умерли от истощения... Весь вьетнамский народ, воодушевленный общей целью, преисполнен решимости сражаться до конца против любой попытки французских колонизаторов вновь захватить его страну».

Исследование войны во Вьетнаме, проведенное министерством обороны США, которое должно было храниться под грифом «Совершенно секретно», но было обнародовано Даниэлом Элсбергом и Энтони Руссо в знаменитой публикации «Документы Пентагона», так характеризует деятельность Хо Ши Мина: «Хо создал из Вьетминя²⁰³ единственную общевьетнамскую политическую организацию, способную на действенное сопротивление как японцам, так и французам. Он являлся единственным вьетнамским лидером военного времени, имевшим приверженцев по всей стране, и обеспечил себе широкую поддержку среди вьетнамского народа, когда в августе – сентябре 1945 г. сверг японцев, провозгласил Демократическую Республику Вьетнам и устроил торжественный прием оккупационным силам союзников... В течение нескольких недель в сентябре 1945 г. Вьетнам был – первый и единственный раз в своей современной истории – свободным от иностранного господства и объединенным с севера до юга государством под властью Хо Ши Мина».

Западные державы уже предпринимали действия, собираясь изменить создавшееся положение. Англия оккупировала южную часть Индокитая, а затем передала ее французам. Националистический Китай (еще под властью Чан Кайши до победы коммунистов) занял Северный Индокитай. Соединенные Штаты убедили китайцев также возвратить его французам. Хо Ши Мин говорил американскому журналисту: «Похоже, мы остались в одиночестве... Мы должны полагаться на самих себя».

В период с октября 1945 по февраль 1946 г. вьетнамский лидер написал восемь писем президенту Трумэну, напоминая тому об обещаниях самоопределения, содержащихся в Атлантической хартии. Одно из обращений было послано как президенту США, так и в ООН: «Я хочу привлечь внимание Вашего Превосходительства исключительно к гуманитарным аспектам следующей проблемы. Два миллиона вьетнамцев умерли от голода зимой 1944 г. и весной 1945 г. из-за действий французов, которые захватили и хранили все имевшиеся запасы риса, до тех пор пока те не испортились... Три четверти обрабатываемой земли летом 1945 г. оказались жертвой наводнения, за которым последовала жестокая засуха; было потеряно пять шестых урожая... Многие люди голодают... Без срочной помощи великих мировых держав и международных благотворительных организаций нас неминуемо постигнет катастрофа».

Ответ Трумэна так и не пришел.

В октябре 1946 г. французы подвергли бомбардировке Хайфон, порт на севере Вьетнама, что положило начало восьмилетней войне между Вьетмином и французами за полный контроль

²⁰³ Речь идет о Лиге борьбы за независимость Вьетнама.

над страной. После победы коммунистов в Китае в 1949 г. и вспыхнувшей в следующем году войны в Корее Соединенные Штаты начали оказывать французам крупномасштабную военную помощь. К 1954 г. США поставили 300 тыс. единиц стрелкового оружия и пулеметов, которых было достаточно для обеспечения всей французской армии в Индокитае, и выделили 1 млрд. долл.; в целом американцы профинансировали 80 % расходов Франции на войну.

Почему Соединенные Штаты делали это? Общественному мнению разъяснялось, что США помогают остановить распространение коммунизма в Азии, но публичного обсуждения этой проблемы почти не было. В секретном меморандуме Совета национальной безопасности (консультировавшего президента по вопросам внешней политики) в 1950 г. говорилось о том, что позднее назовут «принципом домино»: подобно тому как одна за другой упадут поставленные в ряд костяшки домино, если одна страна станет коммунистической, за ней последует и другая, и т. д. Следовательно, наиболее важным являлось удержать от падения первую страну.

Секретная памятная записка Совета национальной безопасности в июне 1952 г. обращала также внимание на американские военные базы, расположенные вдоль побережья Китая, Филиппин, Тайваня, Японии и Южной Кореи: «Подчинение всей Юго-Восточной Азии коммунистам осложнит позиции США в районе тихоокеанских островов и серьезно подорвет коренные интересы безопасности Соединенных Штатов на Дальнем Востоке». И далее: «Юго-Восточная Азия, особенно Малайя и Индонезия, являются главным мировым источником природного каучука и олова, а также поставщиком нефти и других стратегически важных материалов».

Кроме того, отмечалось, что Япония зависит от поставок риса из Юго-Восточной Азии и победа коммунистов в Индокитае «чрезвычайно затруднит меры, направленные против возможного крена Японии в сторону коммунизма».

В 1953 г. в докладе, подготовленном делегацией Конгресса, говорилось: «Район Индокитая очень богат рисом, каучуком, углем и железной рудой. Географическое положение делает его стратегическим ключом к остальной Юго-Восточной Азии». В том же году в меморандуме государственного департамента отмечалось, что французы проигрывают войну в Индокитае и что им не удалось «добиться достаточной поддержки местного населения»; высказывалось опасение, что урегулирование путем переговоров «будет означать в конечном счете победу коммунистов не только в Индокитае, но и во всей Юго-Восточной Азии», и делалось заключение: «Если французы на самом деле примут решение об эвакуации, США должны будут самым серьезным образом рассмотреть вопрос о замене их в этом районе».

В 1954 г. французы, так и не завоевав поддержки вьетнамского народа, в массе своей бывшего на стороне Хо Ши Мина и революционного движения, вынуждены были покинуть страну.

На международном совещании в Женеве было заключено мирное соглашение между Францией и Вьетминем. Договорились, что французы временно отведут войска в южную часть Вьетнама, Вьетминь останется на Севере, а через два года на всей территории страны состоятся выборы, которые позволят народу избрать собственное правительство.

Соединенные Штаты предприняли срочные меры, чтобы помешать объединению и превратить Южный Вьетнам в американскую сферу влияния. Они поставили во главе сайгонского правительства бывшего чиновника Нго Динь Дьема, в последнее время проживавшего в Нью-Джерси, и поддержали его отказ от намеченных выборов, призванных объединить Вьетнам. В меморандуме Объединенного комитета начальников штабов в начале 1954 г. говорилось: разведывательные данные свидетельствуют о том, что «урегулирование, основанное на свободных выборах, приведет к явному подпаданию Ассоциированных

государств [Лаоса, Камбоджи и Вьетнама – трех стран Индокитая, возникших в результате Женевской конференции] под контроль коммунистов». Дьем неоднократно срывал выборы, проведения которых требовал Вьетминь, а с помощью американских денег и оружия его правительство все сильнее укрепляло свои позиции. В «Документах Пентагона» прямо говорилось: «Южный Вьетнам был по существу творением Соединенных Штатов».

Режим Дьема терял популярность. Его глава был католиком, в то время как большинство вьетнамцев являлись буддистами; Дьем имел тесные контакты с землевладельцами, а Вьетнам оставался крестьянской страной. Несмотря на видимость земельной реформы, сохранялась прежняя ситуация. Он заменил глав провинций, избранных местным населением, своими ставленниками; к 1962 г. 88 % из них были военными. Дьем бросал в тюрьмы все новых и новых вьетнамцев, критиковавших его режим за коррумпированность и отказ от реформ.

В сельской местности, где влияние ставленников Дьема было слабым, укреплялась оппозиция, и примерно в 1958 г. против режима началась партизанская война. Коммунистические власти в Ханое оказывали повстанцам помощь, а также посылали на Юг своих людей – в большинстве своем выходцев из этого региона, перебравшихся на Север после Женевских соглашений, – для укрепления партизанского движения. В 1960 г. на Юге был организован Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ). Он объединял в своих рядах различные слои, оппозиционные режиму, и опирался на широкую поддержку южновьетнамских крестьян, видевших в нем средство изменить свою повседневную жизнь. Аналитик из правительства США Дуглас Пайк в своей книге «Вьетконг»²⁰⁴, основанной на интервью с повстанцами и захваченных документах, попытался дать реалистичную оценку того, с чем столкнулись Соединенные Штаты: «В 2561 деревне в Южном Вьетнаме Национальный фронт освобождения создал множество общенациональных социально-политических организаций, и это в стране, где массовых организаций... по существу, не было вообще... Кроме НФОЮВ, в Южном Вьетнаме никогда не существовало по-настоящему массовой политической партии».

Пайк писал: «Коммунисты принесли в деревни Южного Вьетнама важные социальные перемены, и сделали это преимущественно в процессе общения». То есть они были в гораздо большей степени организаторами, чем воинами. «Что сильнее всего поразило меня в НФОЮВ, так это то, что он в первую очередь воплощал собой социальную революцию и только потом войну». Аналитик находился под впечатлением массового участия в этом движении крестьянства. «Вьетнамец – сельский житель рассматривался не просто как пешка в борьбе за власть, а как активный элемент выступления. Он сам и был этим выступлением». Пайк отмечал: «Целью этих масштабных организационных усилий являлись... преобразование общественного строя в деревне и обучение сельских жителей самоконтролю. Это с самого начала было неизменной целью НФОЮВ. Не уничтожение солдат армии Республики Вьетнам (Сайгон), не присвоение недвижимости, не подготовка к каким-нибудь великим сражениям, а фундаментальная организация сельского населения с помощью инструмента самоконтроля».

Аналитик оценивал количество членов НФОЮВ в начале 1962 г. приблизительно в 300 тыс. человек. В «Документах Пентагона» так говорилось об этом периоде: «Только Вьетконг пользовался реальной поддержкой и широким влиянием в сельской местности».

Когда в начале 1961 г. президентом стал Кеннеди, он продолжил в Юго-Восточной Азии политику Трумэна и Эйзенхауэра. Почти немедленно им был одобрен секретный план

²⁰⁴ Вьетконг (сокр. название; в переводе с вьетнамского означает – вьетнамский коммунист). В годы войны во Вьетнаме название групп южновьетнамских повстанцев, поддерживавшихся армией Северного Вьетнама и объединившихся в НФОЮВ. Термин получил широкое распространение.

различных военных мероприятий во Вьетнаме и в Лаосе, включавший «засылку агентов в Северный Вьетнам» для «участия в саботаже и небольших подрывных акциях», как об этом упоминалось в «Документах Пентагона». Еще в 1956 г. Кеннеди говорил о «поразительном успехе президента Дьема» и о его Вьетнаме: «Достигнутая здесь политическая свобода вдохновляет».

В июне 1963 г. один буддистский монах сел на сайгонской площади и поджег себя. За ним последовали другие монахи, совершавшие самосожжение, чтобы продемонстрировать неприятие режима Дьема. Полиция провела рейд против буддистских пагод и храмов, 30 монахов получили ранения, 1,4 тыс. человек подверглись аресту, а пагоды были закрыты. В Сайгоне прошли демонстрации. Полицейские открыли огонь, погибло девять человек. После этого в Хюэ, древней столице Вьетнама, состоялась десяти тысячная демонстрация протеста.

В соответствии с Женевскими соглашениями Соединенным Штатам было позволено направить в южную часть Вьетнама 685 военных советников. Эйзенхауэр тайно направил туда несколько тысяч человек. При Кеннеди эта цифра возросла до 16 тыс., и некоторые из этих советников стали принимать участие в военных операциях. Между тем Дьем терпел поражение. Большая часть сельской местности в Южном Вьетнаме находилась под контролем местных жителей, вступивших в НФОЮВ.

Дьем сделался неудобен, он стал препятствием для эффективного контроля над страной. Некоторые вьетнамские генералы начали замышлять свержение его режима, вступая в контакт с представителем ЦРУ Люсьеном Конейном. Последний тайно встретился с американским послом Генри Кэботом Лоджем-младшим, с готовностью поддержавшим переворот. Согласно «Документам Пентагона» 25 октября Лодж сообщал помощнику Кеннеди по национальной безопасности Макджорджу Банди: «Я лично давал согласие на каждую встречу между генералом Тран Ван Доном и Конейном, который в каждом случае четко выполнял мои распоряжения». Кеннеди, казалось, колебался, но ни одной попытки предупредить главу южновьетнамского режима сделано не было. Накануне переворота и после переговоров, через посредство Конейна, с заговорщиками Лодж провел вместе с Дьемом уикенд на морском курорте. Когда 1 ноября 1963 г. заговорщики атаковали президентский дворец, Дьем позвонил послу США, и между ними состоялся следующий разговор:

«Дьем: Некоторые части взбунтовались, и я хочу знать, какова позиция Соединенных Штатов.

Лодж: Я не считаю себя достаточно хорошо информированным, чтобы иметь возможность сказать вам. Я слышал стрельбу, но не знаком со всеми фактами. Кроме того, сейчас в Вашингтоне 4.30 утра, и правительство США, скорее всего, не может занимать какой-либо позиции.

Дьем: Но у вас же должны быть какие-то общие идеи».

Лодж рекомендовал Дьему связаться с ним, если встанет вопрос о его физической безопасности. Это был последний разговор, который вел с Дьемом кто-либо из американцев. Глава режима бежал из дворца, но был вместе со своим братом схвачен заговорщиками, вывезен на грузовике и казнен. Ранее, в том же 1963 г., заместитель госсекретаря в администрации Кеннеди Ю. Алексис Джонсон говорил в своей речи в Экономическом клубе Детройта: «В чем на протяжении веков состояла привлекательность Юго-Восточной Азии для великих держав, подбиравшихся к ней со всех сторон? Почему она столь желанна и почему столь важна? Во-первых, здесь благоприятный климат, плодородная почва, богатые природные ресурсы, относительно редкое население в большинстве районов и хорошие возможности для развития. Страны Юго-Восточной Азии в изобилии производят рис, каучук, древесину тикового дерева, кукурузу, олово, пряности, нефть и многое другое, что можно

экспортировать».

Это совсем не тот язык, к которому прибегал Кеннеди в своих обращениях к американской общественности. Президент толковал о коммунизме и свободе. На пресс-конференции 14 февраля 1962 г. он заявил: «Да, как вы знаете, США более десяти лет оказывают помощь правительству и народу Вьетнама в деле укрепления его независимости».

Через три недели после казни Дьема сам американский президент стал жертвой покушения, и его место занял вице-президент Линдон Джонсон. Генералы, пришедшие на смену Дьему, не смогли уничтожить НФОЮВ. Руководители США вновь и вновь выражали недоумение по поводу популярности Фронта и высокого боевого духа его бойцов. Историки Пентагона писали, что, когда в январе 1961 г. Эйзенхауэр встречался с избранным в президенты Кеннеди, он «вслух задавался вопросом, почему при подобном вмешательстве мы всегда обнаруживаем, что боевой дух коммунистических сил выше, чем дух сил демократии». А генерал Максвелл Тейлор в конце 1964 г. докладывал: «Способность Вьетконга постоянно пополнять свои отряды и извлекать пользу из своих потерь является одной из загадок партизанской войны... Вьетконговские отряды не только обладают способностью к возрождению, подобно фениксу, но и поразительной способностью поддерживать боевой дух. Лишь в редких случаях мы имели доказательства низкого морального состояния среди вьетконговских пленников или обнаруживали такие факты в захваченных у Вьетконга документах».

В начале августа 1964 г. президент Джонсон воспользовался не вполне понятным инцидентом в Тонкинском заливе у побережья Северного Вьетнама для начала полномасштабной войны против Вьетнама. Джонсон и министр обороны Роберт Макнамара заявили общественности своей страны, что американские эсминцы подверглись нападению со стороны северовьетнамских торпедных катеров. «В ходе обычного патрулирования в международных водах, – говорил Макнамара, – эсминец США «Мэддокс» был неспровоцированно атакован». Позже выяснилось, что эпизод в Тонкинском заливе являлся выдумкой и высокопоставленные американские официальные лица просто лгали общественности – как они это делали при вторжении на Кубу во времена администрации Кеннеди. В действительности же проводилась секретная операция с участием ЦРУ по нападению на береговые укрепления Северного Вьетнама, так что если атака и имела место, то она не была «неспровоцированной». И это не являлось «обычным патрулированием», так как «Мэддокс» выполнял специальное задание по электронному шпионажу. И данная миссия осуществлялась не в международных, а в территориальных водах Вьетнама. Как стало известно, никакие торпедные катера не вели стрельбу по «Мэддоксу», о чем заявлял Макнамара. Еще одно сообщение – о нападении на другой эсминец двумя днями позже, которое Джонсон назвал «явной агрессией в открытом море», – тоже, по-видимому, было выдумкой.

Во время этого инцидента госсекретаря Д. Раска спросили в интервью для телекомпании Эн-би-си:

«ЖУРНАЛИСТ: Какое объяснение имеется у вас в связи с этим неспровоцированным нападением?

РАСК: Знаете ли, я не могу, если честно, дать вполне удовлетворительное объяснение. Существует пропасть во взаимопонимании между тем миром и нашим миром, идеологическая по характеру. Они видят то, что мы считаем реальным миром, совсем по-другому. Сам процесс их логики иной. Так что очень трудно через эту огромную идеологическую пропасть проникнуть в сознание друг друга».

В результате «нападения» в Тонкинском заливе появилась резолюция Конгресса, единогласно одобренная палатой представителей и утвержденная сенатом лишь при двух

голосах против. Джонсон получил полномочия по своему усмотрению предпринимать военные действия в Юго-Восточной Азии.

За два месяца до инцидента руководители правительства США обсуждали в Гонолулу проект этой резолюции. Как свидетельствуют «Документы Пентагона», Раск на этом заседании заявил, что «на сегодняшний день в Соединенных Штатах общественное мнение о нашей политике в Юго-Восточной Азии заметно разделилось, следовательно, президент нуждается в гарантиях поддержки».

Тонкинская резолюция давала Джонсону полномочия начать военные действия без объявления войны Конгрессом, что предусматривалось Конституцией США. Ряд исков, поданных во время этой войны, призывал Верховный суд, который должен был обеспечивать соблюдение Конституции, объявить вьетнамскую войну неконституционной. Однако суд раз за разом отказывался от рассмотрения данного вопроса.

Сразу после инцидента в Тонкинском заливе американские военные самолеты начали бомбардировку Северного Вьетнама. В течение 1965 г. в Южный Вьетнам было направлено 200 тыс. солдат армии США, а в 1966 г. – еще 200 тыс. К началу 1968 г. там находилось свыше 500 тыс. американских военных, а самолеты сбрасывали бомбы в количестве, не имевшем прецедента в истории. До окружающего мира доносились лишь слабые отзвуки человеческих страданий, вызванных этими бомбардировками. Пятого июня 1965 г. «Нью-Йорк таймс» опубликовала сообщение из Сайгона: «Как только коммунисты в прошлый понедельник отступили из [провинции] Квангнгай, бомбардировщики Соединенных Штатов нанесли удар по горам, к которым те направились. Множество вьетнамцев – по некоторым оценкам, до 500 человек – погибло в результате этих налетов. По утверждению американской стороны, они были солдатами Вьетконга. Но три из четверых пациентов, обратившихся после этого во вьетнамские госпитали с ожогами от напалма или желеобразного бензина, оказались простыми крестьянками».

Шестого сентября в прессе появилось другое сообщение из этого города: «В провинции Бьенхоа к югу от Сайгона 15 августа самолет США случайно подверг бомбежке буддистскую пагоду и католическую церковь... уже в третий раз в 1965 г. пагода становится объектом бомбардировок. Расположенный в том же районе храм религиозной секты «Као Дай» в этом году подвергнулся бомбардировке дважды.

В другой провинции дельты реки есть женщина, у которой обе руки сожжены напалмом, а ее веки так сильно обгорели, что она не может их закрывать. Когда наступает время сна, семья кладет ей на голову одеяло. Двое детей этой женщины погибли во время того же налета, который искалечил ее. Не многие американцы могут оценить, что их страна делает своими налетами с Южным Вьетнамом... каждый день там гибнут невинные гражданские лица».

Обширные районы Южного Вьетнама были объявлены «зонами свободного огня». Это означало, что все, кто оставался в них: гражданские лица, старики, дети, – считались противником и могли подвергаться бомбовым атакам. Деревни, заподозренные в пособничестве Вьетконгу, становились объектом карательных операций – мужчин, способных носить оружие, убивали, дома сжигали, женщин, детей и стариков отправляли в лагеря беженцев. Дж. Шелл в своей книге «Деревня Бен Сук» описывает такую операцию: селение окружено, подвергнуто атаке, человек, ехавший на велосипеде, застрелен, трое людей, отдыхавших на берегу реки, убиты, дома разорены, женщины, дети, старики собраны вместе и изгнаны из домов своих предков.

ЦРУ в рамках программы «Операция «Феникс»» тайно, без суда казнило в Южном Вьетнаме по крайней мере 20 тыс. гражданских лиц, заподозренных в участии в коммунистическом подполье. Проправительственный аналитик писал в журнале «Форин

афферс» в январе 1975 г.: «Хотя в ходе программы «Феникс» несомненно погибло и попало в тюрьмы много невинных гражданских лиц, в результате ее было также уничтожено и много людей, входивших в коммунистическую инфраструктуру».

После войны опубликованные данные Международного Красного Креста продемонстрировали, что в южновьетнамских лагерях для военнопленных в разгар войны находилось от 65 до 70 тыс. человек, которых часто подвергали избиениям и пыткам. За этим нередко наблюдали и иногда участвовали в таких акциях американские советники. Наблюдатели Красного Креста в двух основных лагерях для военнопленных – на острове Фу Квок и в Ки Ноне, в которых находились и американские советники, – выявили факты систематической жестокости.

К концу вьетнамской войны на страну было сброшено 7 млн. тонн бомб, что более чем вдвое превысило число бомб, сброшенных в Европе и Азии в годы Второй мировой войны. При этом на каждого жителя Вьетнама приходилось по одной 500-фунтовой бомбе. По оценкам, в стране насчитывалось 20 млн. бомбовых воронок. Кроме того, с самолетов с целью уничтожения деревьев и любой растительности разбрызгивались ядовитые вещества – территория, подвергшаяся действию таких препаратов, по величине равнялась штату Массачусетс. Вьетнамские матери информировали о врожденных дефектах своих детей. Биологи Йельского университета, применяя тот же яд на мышах, сообщали о врожденных аномалиях у мышинного потомства и доказывали: у них нет оснований утверждать, что последствия для человека были бы другими.

Шестнадцатого марта 1968 г. рота американских солдат вошла в Милай 4 [община Сонгми] в провинции Квангнгай. Они окружили ее жителей, включая стариков и женщин с детьми на руках. Людей загнали в траншею, где американские военнослужащие методично их расстреляли. В «Нью-Йорк таймс» были опубликованы показания стрелка Джеймса Дорси на процессе лейтенанта Уильяма Колли:

«Лейтенант Колли и рыдающий стрелок по имени Пол Мидло – тот самый, что кормил детей конфетами, прежде чем застрелить их, – сбрасывали пленников в траншею.

Лейтенант Колли отдал приказ стрелять, я не помню точно слов – что-то подобное «Открыть огонь».

Мидло повернулся ко мне и сказал: «Стреляй! Почему ты не стреляешь?»

Он плакал.

Я сказал: «Я не могу. Я не буду».

Тогда лейтенант Колли и Мидло направили свои винтовки в сторону траншеи и начали стрелять.

Люди лежали один на другом; матери старались прикрыть своих детей».

Журналист Сеймур Херш в книге «Милай 4» пишет: «Когда в ноябре 1969 г. армейские следователи добрались до этой безжизненной территории, что было связано с расследованием в Соединенных Штатах инцидента в Милай, они обнаружили массовые захоронения в трех местах, а также траншею, полную трупов. По оценкам, истреблению подверглись от 450 до 500 человек, которых похоронили там же».

Армия старалась избежать огласки случившегося. Но достоянием общественности стало письмо рядового Рона Риденауэра, слышавшего об этой бойне. Существовали фотографии, снятые во время убийств армейским фотографом Роналдом Хэйберлом. Об этом написал С. Херш, в ту пору работавший на антивоенное агентство новостей в Юго-Восточной Азии под названием «Диспэтч ньюс сервис». Рассказ о резне появился в мае 1968 г. в двух французских публикациях, одна из которых называлась «Южный Вьетнам в борьбе», а другая была издана делегацией Северного Вьетнама на мирных переговорах в Париже, – но американская пресса не

обратила на них внимания.

Несколько офицеров, принимавших участие в бойне в Милай, были отданы под суд, но только лейтенанта Уильяма Колли признали виновным. Его приговорили к пожизненному заключению, но этот срок дважды сокращался; Колли отсидел всего три года – Никсон отдал распоряжение о помещении его под домашний арест вместо обычной тюрьмы, – а затем он был помилован. Тысячи американцев встали на защиту бывшего лейтенанта. Часть из них сделала это по патриотическим мотивам, оправдывая его действия как необходимые в борьбе против «коммунистов». Другая часть, по-видимому, осознавала несправедливость осуждения одного человека в условиях войны, сопровождавшейся множеством подобных жестокостей. Полковник Оран Хендерсон, которого обвинили в сокрытии резни в Милай, сказал репортерам в начале 1971 г.: «У каждой части размером с бригаду есть своя Милай, запрятанная где-нибудь».

Действительно, бойня в Милай была уникальна лишь по своим деталям. Херш сообщал о письме рядового солдата своей семье, опубликованном в одной из местных газет: «Дорогие мама и папа. Сегодня мы ходили на задание, и я не очень горжусь собой, моими друзьями или моей страной. Мы сожгли все встретившиеся нам хижины! Это была небольшая цепь деревень, и их жители были невероятно бедны. Мое подразделение сожгло и разграбило их скудные пожитки. Позвольте мне объяснить вам ситуацию. Хижины здесь крыты пальмовыми листьями. Внутри каждой из них – укрытие, вырытое в высохшей грязи. Эти укрытия призваны защитить семьи. Что-то похожее на бомбоубежище. Командиры моего подразделения, тем не менее, выдумали, что эти убежища нужны для нападения. Так что нам приказали сжечь дотла каждую хижину, в которой было такое укрытие.

Сегодняшним утром в гуще этих домов приземлились десять вертолетов, и из каждой «вертушки» выпрыгнуло по шесть человек, и мы открыли огонь, как только коснулись ногами земли. Мы стреляли по всем хижинам, по которым могли... После этого мы сожгли эти постройки... Все [жители] плакали, просили и молили, чтобы мы не отрывали их друг от друга и не забирали их мужей и отцов, сыновей и дедов. Женщины причитали и стонали. Потом они в ужасе смотрели, как мы сжигаем их дома, личные вещи и еду. Да, мы сожгли весь рис и застрелили всех домашних животных».

Чем непопулярнее становилось правительство в Сайгоне, тем более отчаянные военные усилия предпринимались, чтобы компенсировать это. В секретном докладе Конгресса в конце 1967 г. говорилось, что Вьетконг раздал крестьянам в 5 раз больше земли, чем южновьетнамские власти, программа которых по распределению наделов «по существу, застопорилась». В докладе говорилось: «Вьетконг уничтожил господство землевладельцев и перераспределил земли, принадлежавшие отсутствующим хозяевам и правительству Южного Вьетнама, в пользу безземельных и тех, кто сотрудничал с представителями Вьетконга».

Непопулярность сайгонского режима объясняет успехи НФОЮВ в его проникновении в столицу и другие города, находившиеся под правительственным контролем в начале 1968 г. Их жители ничего не сообщали администрации. Это позволило НФОЮВ начать неожиданное наступление (совпавшее с праздником Тет, вьетнамским Новым годом), в результате которого его бойцы заняли центр Сайгона, блокировали аэродром Тонсоннуг и даже захватили на короткое время американское посольство. Наступление было отбито, но оно продемонстрировало, что вся огромная огневая мощь, обрушенная Соединенными Штатами на Вьетнам, не уничтожила НФОЮВ, не подорвала его боевой дух, не лишила поддержки со стороны населения и не сломила его волю к борьбе. Это заставило правительство США по-новому оценить ситуацию и посеяло сомнения в американском народе.

Бойня в Милай, совершенная ротой обычных солдат, выглядела незначительным событием по сравнению с планами некоторых высокопоставленных военных и гражданских

руководителей, намеревавшихся подвергнуть гражданское население Вьетнама массовому уничтожению. В начале 1966 г. помощник министра обороны Джон Макноутон, убедившись, что крупномасштабные бомбардировки населенных пунктов в Северном Вьетнаме не приносят желаемого результата, предложил иную стратегию. Воздушные налеты на деревни, говорил он, «вызывают волну сопротивления и неприятия за границей и внутри страны». Вместо этого он предлагал следующее: «Разрушение шлюзов и плотин, если осуществлять это правильным образом, может... дать очень многое. Это следует изучить. Такое разрушение не приводит к тому, что люди погибают или тонут. Затопление рисовых посевов через некоторое время приведет к повсеместному голоду (более миллиона человек?), в том случае если не обеспечить поставок продовольствия – которые мы и должны предложить «за столом переговоров»».

Массированные бомбардировки были направлены на подавление воли вьетнамцев к сопротивлению, подобно бомбежкам населенных центров Германии и Японии во время Второй мировой войны – несмотря на публичные заверения президента Джонсона, что атакам подвергаются лишь «военные цели». Характеризуя налеты, правительство использовало выражение «еще один поворот винта». В 1966 г. ЦРУ, согласно «Документам Пентагона», рекомендовало «программу бомбардировок большей интенсивности», направленных против «устойчивости режима как целенаправленной системы».

Между тем по другую сторону вьетнамской границы, в соседнем Лаосе, где правительству правых, пришедшему к власти благодаря ЦРУ, угрожало восстание, был испепелен в результате бомбардировок один из прекраснейших уголков Земли – Долина кувшинов. Об этом не сообщалось ни правительством, ни прессой, но Фред Брэнфмен, американец, живший в Лаосе, писал в книге «Голоса из Долины кувшинов»: «На Долину кувшинов с мая 1964 по сентябрь 1969 г. было совершено более 25 тыс. авианалетов; на нее было сброшено более 75 тыс. тонн бомб; тысячи людей были убиты и ранены, десятки тысяч загнаны в подземелье, и все, что было на поверхности, сровняли с землей».

Брэнфмен, говоривший по-лаосски и долго живший в деревне в лаосской семье, взял интервью у сотен беженцев, которые наводнили столицу страны Вьентьян. Он записал их устные свидетельства и сохранил их рисунки. Двадцатилетняя медсестра из Сиангкхуанга так рассказывала о своей жизни в деревне: «В моей деревне я была одним целым с землей, воздухом, горными пастбищами, почвой, подготовленной к посевам риса и зерновых. Каждый день и каждую ночь при свете луны я и мои сельские друзья гуляли, перекликались и пели в лесах и полях среди трелей птиц. Во время сбора урожая и посева мы в поте лица все вместе трудились под солнцем и дождем, сражаясь с нищетой и лишениями, продолжая вести ту жизнь крестьян, что была уделом наших предков.

Но в 1964 и 1965 г. я ощутила содрогание земли и испытала ужас от звуков бомб, взрывающихся вокруг моей деревни. Я стала прислушиваться к шуму самолетов, кружившихся в небе. Вот один из них опускает нос к земле, издает громкий рев, и сердце сжимается, когда вспышки и дым заволакивают все кругом, так что нельзя ничего увидеть. Каждый день мы обменивались с соседними деревнями новостями о бомбежках: поврежденных домах, раненых и убитых...

Норы! Норы! В это время нам нужны были норы, чтобы спасти собственные жизни. Мы, молодые, тратили силы и энергию, которые могли быть использованы на рисовых полях и в лесах, чтобы добывать пропитание, на рытье нор для своей защиты».

Молодая женщина объясняла, почему лаосское революционное движение Нео Дао²⁰⁵

²⁰⁵ Речь идет о Патриотическом фронте Лаоса (Нео Лао Хаксат).

привлекло ее и многих ее друзей: «Маленькой девочкой я обнаружила, что прошлое не так уж хорошо, ведь мужчины плохо обращались и насмехались над женщинами как над слабым полом. Но после того как партия Нео Лао возглавила управление нашей областью... стало совсем по-другому... при Нео Лао произошли психологические перемены, они учили, что женщины должны быть столь же отважными, как и мужчины. Например: хоть я и раньше ходила в школу, мои взрослые родственники советовали мне не делать этого. Они говорили, что это бесполезно, ведь после ее окончания я не смогу даже надеяться стать высокопоставленным чиновником, что только дети больших людей или богачей могут рассчитывать на это.

Но члены Нео Лао заявили, что женщины должны получать то же образование, что и мужчины, и они предоставили нам равные права и не позволяли никому насмехаться над нами... А прежние объединения были заменены новыми. Например, большинство тех, кто готовился стать учителями и врачами, были женщинами. И они изменили жизнь очень бедных людей... Ведь они поделили земли тех, у кого было много рисовых полей, и отдали их тем, у кого не было ничего».

Семнадцатилетний юноша рассказывал о революционной армии Патет-Лао²⁰⁶, пришедшей в его деревню: «Некоторые люди были испуганы, большей частью те, у кого были деньги. Они предложили солдатам Патет-Лао коров на пропитание, но те отказались их забрать. Если они брали их, то платили подходящую цену. Правда состоит в том, что они своим примером убедили людей никого не бояться. Потом они [солдаты] организовали выборы глав деревни и кантона, и люди сами выбрали их».

Отчаяние побудило ЦРУ привлечь к военным операциям племена народности хмонг, что привело к гибели тысяч ее представителей. Это скрывалось за завесой тайны и лжи, окутавшей то, что происходило в Даосе. В сентябре 1973 г. бывший правительственный чиновник, работавший в Лаосе, Джером Дулиттл, писал в «Нью-Йорк таймс»: «Последняя ложь Пентагона о бомбардировках Камбоджи вновь ставит вопрос, который я часто задавал себе, когда был пресс-атташе американского посольства во Вьентьяне (Лаос). Почему мы все время врем? Когда я впервые приехал в Лаос, меня научили отвечать на все вопросы прессы о наших массированных и беспощадных бомбардировках этой маленькой страны следующим предложением: «По просьбе королевского правительства Лаоса Соединенные Штаты осуществляют невооруженные разведывательные полеты, сопровождаемые вооруженным эскортом, имеющим право на ответный огонь». Это была ложь. Каждый репортер, которому я говорил это, знал, что это не так. Ханой знал, что это ложь. Международная контрольная комиссия знала, что это обман. Каждый заинтересованный конгрессмен и читатель газеты знал, что это ложь... В конце концов, все это вранье служило сокрытию чего-то от кого-то, и этими «кто-то» были мы».

К началу 1968 г. жестокость войны стала осознаваться многими американцами. Многих других смущало то, что Соединенные Штаты оказались не в состоянии выиграть эту войну, хотя к тому времени погибло уже 40 тыс. американских солдат, 250 тыс. получили ранения, а конца все не было видно. (Жертвы вьетнамской стороны оказались во много раз больше.)

Линдон Джонсон вел войну со все большим размахом и жестокостью, но так и не был в состоянии победить. Популярность президента упала, как никогда; он не мог появиться на публике, не столкнувшись с демонстрацией против себя и войны. Рефрен «Эл Би Джей»²⁰⁷, Эл

²⁰⁶ Вооруженные силы Патриотического фронта Лаоса.

²⁰⁷ Первые буквы имени и фамилии президента США Линдона Бейнса Джонсона.

Би Джей, сколько ребят ты убил, злодей?» слышался во время демонстраций по всей стране. Весной 1968 г. Джонсон объявил, что не будет бороться за пост президента, а также о том, что в Париже начнутся мирные переговоры с вьетнамцами.

Осенью 1968 г. президентом был избран Ричард Никсон, уверявший, что вытасчит Соединенные Штаты из Вьетнама. Он начал вывод войск; к февралю 1972 г. в этой стране оставалось менее 150 тыс. американских военнослужащих. Но бомбардировки продолжались. Политикой Никсона стала «вьетнамизация» – войну должно было вести правительство Сайгона силами своих сухопутных войск, используя деньги и воздушную мощь США. Никсон не прекратил войну; он покончил лишь с самым непопулярным ее аспектом – участием американских солдат в военных действиях на территории далекой страны.

Весной 1970 г. президент Никсон и его помощник по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер инициировали вторжение в Камбоджу, которому предшествовали длительные бомбардировки; об их проведении правительство никогда не ставило общественность в известность. Вторжение не только вызвало волну протеста в Соединенных Штатах, оно также стало военным провалом, и Конгресс решил, что Никсон не может использовать американские войска для продолжения войны без одобрения Конгресса. В следующем году, отказавшись от привлечения своей армии, Соединенные Штаты оказали поддержку южновьетнамскому вторжению в Лаос. Оно также провалилось. В 1971 г. США сбросили на Лаос, Камбоджу и Вьетнам 800 тыс. тонн бомб. Военный режим в Сайгоне во главе с президентом Нгуен Ван Тхиеу, последним из длинной череды южновьетнамских правителей, держал в тюрьмах тысячи своих противников.

Первые ростки оппозиции вьетнамской войне в Соединенных Штатах зародились в рядах движения за гражданские права – возможно, потому, что имевшийся у черного населения опыт отношений с властями давал основания не доверять официальным заявлениям о том, будто правительство ведет борьбу за свободу. В тот самый день, когда в начале августа 1964 г. Линдон Джонсон объявил нации об инциденте в Тонкинском заливе и о бомбардировках Северного Вьетнама, чернокожие и белые активисты собрались в предместье Филадельфии (Миссисипи), на мемориальную службу в память о трех борцах за гражданские права, убитых тем же летом. Один из ораторов с горечью говорил об использовании Джонсоном силы в Азии, сравнивая это с тем насилием, что применялось против чернокожих в Миссисипи.

В середине 1965 г. в Мак-Коме (Миссисипи) молодые чернокожие, только что узнавшие о гибели своего одноклассника во Вьетнаме, раздавали листовку со словами: «Ни один негр из Миссисипи не должен сражаться во Вьетнаме за свободу белого человека, до тех пор пока чернокожее население штата не обретет свободу. Негритянские юноши в Миссисипи не должны подчиняться призыву. Матерям следует поощрять своих сыновей к уклонению от него... Никто не имеет права требовать от нас рисковать своими жизнями и убивать представителей других цветных народов в Санто-Доминго и Вьетнаме ради того, чтобы белые американцы становились богаче».

Когда министр обороны Роберт Макнамара посетил Миссисипи и отозвался о сенаторе Джоне Стеннисе, известном расисте, как о «человеке истинного величия», белые и чернокожие студенты устроили марш протеста, неся плакаты с надписью «В память сожженных детей Вьетнама».

СККНД заявил в начале 1966 г., что «Соединенные Штаты проводят агрессивную политику в нарушение международного права», и призвал к выводу войск из Вьетнама. Летом того же года шесть членов СККНД были арестованы за вторжение на призывной пункт в Атланте. Они были приговорены к нескольким годам тюрьмы. Тогда же Джулиан Бонд, активист этой организации, только что избранный в палату представителей штата Джорджия,

выступил против войны и призыва, и палата проголосовала за то, чтобы он был лишен своего мандата, так как его заявления нарушают Закон об ограниченной воинской повинности и «ведут к дискредитации палаты». Верховный суд восстановил мандат Бонда, заявив, что он, в соответствии с 1-й Поправкой, имеет право на свободу высказываний.

Один из великих спортивных кумиров нации, Мухаммед Али, чернокожий боксер и чемпион мира в тяжелом весе, отказался участвовать в том, что он назвал «войной белого человека»; спортивные чиновники лишили Али титула чемпиона. Мартин Лютер Кинг заявил в 1967 г. в церкви на Риверсайд-драйв в Нью-Йорке: «Каким-то образом это безумие должно прекратиться. Мы должны остановиться сейчас же. Я говорю как Божье дитя и брат страдающих бедняков Вьетнама. Я говорю от имени тех, чья земля разорена, чьи дома разрушаются, чья культура подвергается надругательству. Я говорю от имени бедняков Америки, которые платят двойную цену за несбывшиеся надежды у себя дома и за смерть и коррупцию во Вьетнаме. Я говорю как гражданин мира, от имени мира, пораженного ужасом от того, каким путем мы пошли. Я говорю как американец, обращающийся к руководителям моей собственной страны. Инициатива этой войны принадлежит главным образом нам. Инициатива ее прекращения должна исходить от нас».

Молодежь стала отказываться от постановки на воинский учет и от призыва на службу. Уже в мае 1964 г. широкое распространение получил лозунг «Мы не пойдем». Некоторые из зарегистрировавшихся начали публично сжигать призывные повестки, протестуя против войны. Один из них, Дэвид О'Брайен, сжег свою повестку в южном районе Бостона; он был осужден, и Верховный суд отверг аргументы О'Брайена, что это одна из форм свободы выражения. В октябре 1967 г. была организована кампания по «возврату» повесток по всей стране; только в Сан-Франциско правительству возвратили три сотни повесток. Незадолго до проведения массовой демонстрации у здания Пентагона в том же октябре мешок собранных повесток передали в министерство юстиции.

К середине 1965 г. судебное преследование было начато в отношении 380 случаев отказа от призыва; к середине 1968 г. эта цифра возросла до 3305. В конце следующего года в стране насчитывалось уже 33 960 уклонившихся.

В мае 1969 г. из сборного пункта Окленда, куда направлялись призывники со всей Калифорнии, сообщалось, что из 4,4 тыс. человек, которым было предписано явиться для прохождения военной службы, не пришло 2,4 тыс. В первом квартале 1970 г. впервые не была выполнена квота в рамках Службы призыва в армию при ограниченной воинской повинности.

Выпускник исторического факультета Бостонского университета Филип Супина писал в мае 1968 г. в призывную комиссию в Таксоне (Аризона): «Я прилагаю повестку, предписывающую мне явиться для медицинского освидетельствования в целях призыва в вооруженные силы. У меня нет абсолютно никакого намерения являться на это освидетельствование или каким бы то ни было образом способствовать американским военным усилиям, направленным против народа Вьетнама».

Ф. Супина закончил письмо цитатой из испанского философа Мигеля де Унамуно, который во время гражданской войны в Испании заявил: «Иногда молчать значит лгать». Призывник был осужден и приговорен к четырем годам тюремного заключения.

На начальном этапе войны произошли два не связанных друг с другом происшествия, едва ли замеченные большинством американцев. Второго ноября 1965 г. напротив здания Пентагона в Вашингтоне в тот час, когда тысячи сотрудников этого ведомства в конце рабочего дня покидали свои офисы, Норман Моррисон, 32-летний пацифист, отец троих детей, встал под окнами расположенного на третьем этаже кабинета министра обороны Р. Макнамары, облил себя керосином и поджег, покончив с жизнью в знак протеста против войны. В том же году в

Детройте 82-летняя Элис Херц погибла, устроив самосожжение, протестуя против ужасов войны в Индокитае.

Настроения менялись на глазах. В начале 1965 г. в момент начала бомбардировок Северного Вьетнама на центральной площади Бостона собралось лишь около сотни людей, заявивших о своем возмущении этой войной. Пятнадцатого октября 1969 г. число людей, пришедших на ту же площадь, чтобы протестовать, достигло 100 тысяч. Около 2 млн. человек по всей стране собрались в этот день в тех городах и населенных пунктах, где прежде никогда не проводились антивоенные митинги.

Летом 1965 г. несколько сот американцев прибыли в Вашингтон, чтобы пройти маршем протеста против войны; шедших в этой колонне первыми, историка Стоутона Линда, активиста СККНД Боба Мозеса и давнего пацифиста Дэвида Деллинджера, недовольные облили красной краской. Но к 1970 г. массовые митинги за мир собирали в Вашингтоне сотни тысяч участников. В 1971 г. 20 тыс. человек съехались в столицу, чтобы в рамках кампании гражданского неповиновения попытаться остановить уличное движение в городе и продемонстрировать этим свое отвращение к продолжающейся гибели людей во Вьетнаме. Четырнадцать тысяч из них были арестованы, что стало самым массовым арестом в американской истории.

Против войны выступали сотни волонтеров из Корпуса мира. В Чили 92 добровольца оказали открытое неповиновение директору Корпуса и издали циркуляр, осуждавший войну. Восемьсот бывших членов этой организации выпустили заявление протеста против происходящего во Вьетнаме.

Поэт Роберт Лоуэлл отказался принять участие в торжестве в Белом доме. Артур Миллер, также приглашенный туда, направил телеграмму: «Когда громяют пушки, искусство умирает». Певица Эрта Китт, побывавшая на обеде на лужайке у Белого дома, была поражена тем, что все находившиеся там выступали против войны в присутствии жены президента. Подросток, пришедший в Белый дом для вручения ему премии, стал критиковать войну. В Голливуде местные художники возвели на бульваре Сансет 60-футовую Башню протеста. На церемонии вручения Национальной книжной премии в Нью-Йорке 50 авторов и издателей покинули зал во время речи вице-президента Г. Хэмфри, демонстрируя свое отношение к его роли в войне.

В Лондоне два молодых американца незваными проникли на прием, устроенный послом Соединенных Штатов по случаю праздника 4 июля, и подняли тост «За всех мертвых и умирающих во Вьетнаме». Они были выведены охраной. В Тихом океане два американских моряка захватили корабль США, перевозивший боеприпасы, стремясь таким образом помешать доставке груза бомб на авиабазы в Таиланде. В течение четырех дней они командовали судном и его экипажем, принимая таблетки амфетамина, чтобы не заснуть, пока корабль не достигнет территориальных вод Камбоджи. Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало в конце 1972 г. из Йорка (Пенсильвания): «Пятеро активистов антивоенного движения сегодня были арестованы полицией штата за якобы совершенную ими порчу железнодорожного оборудования возле фабрики, изготавливающей корпуса для бомб, которые используются в войне во Вьетнаме».

В антивоенных выступлениях стали принимать участие представители среднего класса и специалисты, которым прежде была несвойственна политическая активность. В мае 1970 г. «Нью-Йорк таймс» сообщала из Вашингтона: «ТЫСЯЧА АДВОКАТОВ ИЗ «ИСТЕБЛИШМЕНТА» ПРИСОЕДИНИЛИСЬ К ДВИЖЕНИЮ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ВОЙНЫ». Частные корпорации стали задумываться над тем, не наносит ли война ущерб их долгосрочным деловым интересам; с критикой продолжения войны начала выступать газета «Уолл-стрит джорнэл».

По мере того как война становилась все менее популярной, люди, работавшие в правительстве или на него, стали разрывать сложившиеся отношения круговой поруки. Наиболее ярким примером является дело Даниэла Эллсберга.

Он являлся экономистом, учившимся в Гарварде, бывшим морским офицером, работавшим в «РЭНД корпорейшн», которая проводила специальные, зачастую секретные исследования по заказу правительства США. Эллсберг участвовал в написании истории войны во Вьетнаме под эгидой министерства обороны, а затем решил опубликовать секретные документы с помощью Энтони Руссо, бывшего сотрудника «РЭНД корпорейшн». Они встретились в Сайгоне, где оба были потрясены, собственными глазами увидев то, что происходит на этой войне, и испытав глубокое возмущение тем, что Соединенные Штаты делают с народом Вьетнама.

Эллсберг и Руссо проводили целые ночи по окончании рабочего дня в рекламном агентстве одного своего приятеля, копируя документ объемом 7 тыс. страниц. Затем Эллсберг разослал экземпляры ряду конгрессменов и в «Нью-Йорк таймс». В июне 1971 г. газета стала публиковать подборку из того, что получило известность как «Документы Пентагона». Это стало сенсацией национального масштаба.

Администрация Никсона попыталась через Верховный суд остановить публикацию, но суд заявил, что это является «предварительным ограничением» свободы прессы и потому неконституционно. Затем правительство обвинило Эллсберга и Руссо в нарушении Закона о шпионаже, поскольку они открыли секретные документы людям, не имеющим допуска к такого рода бумагам; в случае приговора им грозили длительные сроки заключения. Однако судья прекратил разбирательство, когда присяжные совещались, поскольку в ходе уотергейтского скандала, начавшегося в это время, были выявлены нечестные методы, использовавшиеся обвиняющей стороной.

Своим решительным поступком Эллсберг нарушил общепринятую практику диссидентов из правительственных учреждений, тянувших время и державших свое мнение при себе в надежде на некоторые перемены в политике. Один из коллег уговаривал его не покидать правительство, поскольку, работая в нем, он имел «доступ», говоря: «Не отрывайся. Не перерезай себе горло». Эллсберг отвечал: «Жизнь существует и вне исполнительной ветви власти».

Уже на начальных этапах антивоенное движение приобрело необычных союзников – священников и монахинь католической церкви. Одни из них были воодушевлены движением за гражданские права, другие – опытом, приобретенным в Латинской Америке, где они увидели нищету народа и несправедливость правительств, поддерживаемых Соединенными Штатами. Осенью 1967 г. отец Филип Берриган (католический священник, член общества св. Иосифа и ветеран Второй мировой войны) вместе с художником Томом Льюисом и своими друзьями Дэвидом Эберхардтом и Джеймсом Менгелом проникли в помещение призывного пункта в Балтиморе (Мэриленд), залили призывные документы кровью и остались ждать своего ареста. Они были отданы под суд и приговорены к тюремному заключению сроком от двух до шести лет.

В мае следующего года Филип Берриган, выпущенный из тюрьмы под залог, предпринял вторую акцию вместе со своим братом Даниэлом – священником-иезуитом, побывавшим в Северном Вьетнаме и видевшим последствия американских бомбардировок. Филип, Даниэл и еще семь человек пришли на призывной пункт в Кейтонсвилле (Мэриленд), изъяли документы и сожгли их на улице в присутствии репортеров и зевак. Они были приговорены к тюремному заключению и стали известны как «Кейтонсвиллская девятка». Дан Берриган так писал в «Размышлениях» об этом инциденте: «Приносим извинения, добрые друзья, за нарушение

подобаящего порядка, за сожжение бумаг вместо детей, за раздражение добропорядочных людей в преддверии склепа. Мы не могли, да поможет нам Бог, поступить по-другому... Мы говорим: убийство направлено против порядка: жизнь, спокойствие, общность, бескорыстие – это единственный порядок, который мы признаем. Во имя этого порядка мы рискуем нашей свободой, нашим добрым именем. Прошло время, когда порядочные люди могли хранить молчание, когда повиновение могло оберегать людей от риска, когда бедняки могли умирать без защиты».

После того как были поданы все кассационные жалобы, и Д. Берриган должен был отправиться в тюрьму, он исчез. Пока ФБР занималось поисками, Даниэл оказался на пасхальном фестивале в Корнеллском университете, в котором преподавал. В то время как дюжина агентов ФБР выискивала Берригана в толпе, он неожиданно появился на сцене. Затем свет погас, Даниэл спрятался внутри гигантской куклы из реквизита для спектакля труппы «Брэд энд Паппет Тиэтр», а потом был погружен в грузовик и отвезен на близлежащую ферму. Берриган находился в подполье четыре месяца; он писал стихи, делал заявления, давал закрытые интервью, внезапно появлялся в какой-нибудь филадельфийской церкви, чтобы прочитать проповедь, а потом опять скрывался, ставя в тупик ФБР, – пока перехваченное неким информатором письмо не раскрыло местонахождения Даниэла, после чего он был схвачен и заключен в тюрьму.

Единственная женщина, входившая в «Кейтосвиллскую девятку», Мэри Мойлан, в прошлом монахиня, также отказалась сдать ФБР. Ее так и не нашли. В записках из подполья она размышляла о своем опыте и рассказывала о том, как она к этому пришла: «...Мы все знали, что окажемся в тюрьме, поэтому у всех при себе были зубные щетки. Я просто лишилась сил. Я взяла мою маленькую коробку с одеждой и засунула ее под койку и улеглась на кровать. Все женщины в тюрьме графства Балтимор были черные – я думаю, только одна была белая. Они разбудили меня и спросили: «Разве ты не собираешься плакать?» Я сказала: «Из-за чего?» Сокамерницы ответили: «Ты же в тюрьме». А я сказала: «Ага, я знала, что окажусь здесь...». Я спала между двумя из этих женщин, и каждое утро, когда я просыпалась, они, подперев головы локтями, смотрели на меня. Они говорили: «Ты спала всю ночь». И не могли этому поверить. Женщины оказались хорошими. Это было славное время...

Я думаю, что политическим поворотным пунктом моей жизни стало время, когда я находилась в Уганде. Я была там, когда американские самолеты вели бомбардировку Конго, а мы жили очень близко к конголезской границе. Самолеты перелетели через границу и бомбили две угандийские деревни... Откуда, черт возьми, взялись эти американские самолеты? Потом я была в Дар-эс-Саламе, и в город приехал Чжоу Эньлай. Американское посольство разослало письма, предписывающие, чтобы ни одного американца не было на улицах, потому что это грязный коммунистический лидер; но я решила, что это человек, который делает историю, и я хочу его увидеть...

Когда я вернулась домой из Африки, то переехала в Вашингтон и столкнулась с тем, что там происходит, с безумием и жестокостью полицейских, с образом жизни, которую ведет большинство населения этого города – 70 % чернокожих... А потом Вьетнам, и нападм, и дефолианты, и бомбардировки... Около года назад я стала участницей движения женщин...

К моменту событий в Кейтосвилле перспектива оказаться в тюрьме приобрела для меня особый смысл, отчасти из-за ситуации с черными, – так много чернокожих вечно сидят в тюрьмах... Я не думаю, однако, что это все еще разумная тактика... Я не желаю видеть людей, идущих в тюрьмы с улыбкой на лицах. Я просто не хочу, чтобы они туда шли. Семидесятые годы, скорее всего, будут очень трудными, и я не желаю терять наших сестер и братьев, которые отправятся в тюрьмы, чтобы приобрести там мистический опыт или что-либо другое».

Влияние войны и смелые действия некоторых священников и монахинь привели к появлению трещины в традиционном консерватизме католического сообщества. В 1969 г. в День всеобщего протеста против войны (День моратория) в колледже Святого сердца в Ньютоне близ Бостона, заповеднике буколического спокойствия и политического молчания, на внушительной входной двери был нарисован огромный красный кулак. В Бостонском колледже, другом католическом учебном заведении, в гимнастическом зале вечером собрались 6 тыс. человек, осуждавшие войну.

Студенты с самого начала принимали непосредственное участие в антивоенных акциях. Отчет Корпорации по исследованию проблем урбанизации, касавшийся только первых шести месяцев 1969 г. и только 232 из 2 тыс. высших учебных заведений страны, показал, что в актах протеста в кампусах принимали участие по меньшей мере 215 тыс. студентов, причем 3652 человека были арестованы и 956 – отстранены от учебного процесса или исключены. Даже в средних школах в конце 60-х гг. выходило 500 подпольных газет. Во время церемонии получения дипломов в Университете Брауна в 1969 г. две трети выпускников повернулись спиной к обратившемуся к ним с речью Генри Киссинджеру.

Пик протеста пришелся на весну 1970 г., когда президент Никсон отдал приказ о вторжении в Камбоджу. В Кентском университете (Огайо) национальные гвардейцы 4 мая открыли огонь по толпе студентов, собравшихся на антивоенную демонстрацию. Четверо студентов были убиты. Один остался на всю жизнь парализованным. Учащиеся 400 колледжей и университетов в знак протеста объявили забастовку. Это была первая всеобщая студенческая забастовка в истории Соединенных Штатов. В 1969/70 учебный год ФБР зарегистрировало 1785 студенческих демонстраций, включая захват студентами 313 зданий.

Церемония получения дипломов после расстрела в Кентском университете стала чем-то совершенно невиданным в истории страны. Из Амхерста (Массачусетс) пришло следующее газетное сообщение: «Сотая церемония в университете Массачусетса, состоявшаяся вчера, стала протестом, призывом к миру. Грохот похоронных барабанов задавал ритм 2,6 тыс. юношам и девушкам, марширующим «в страхе, отчаянии и разочаровании». На черные академические мантии были нанесены трафареты красных кулаков протеста, белых символов мира и голубых голубей, и почти каждый второй старшекурсник имел нарукавную повязку, выражавшую призыв к миру».

Студенческие протесты против программы УКОЗ (Учебного корпуса офицеров запаса) привели к ее отмене в более чем 400 колледжах и университетах. В 1966 г. 191 749 студентов обучались в рамках этой программы. К 1973 г. это число снизилось до 72 459. УКОЗ предусматривал отправку половины офицеров во Вьетнам. В сентябре 1973 г. в течение шести полных месяцев программа не могла заполнить эту квоту. Один из армейских чиновников сказал: «Я просто надеюсь, что мы не ввяжемся в другую войну, так как, если это произойдет, я сомневаюсь, что мы сможем ее вести».

Широкое освещение студенческих выступлений создавало впечатление, что оппозиция войне охватывает главным образом интеллектуалов, принадлежавших к среднему классу. Когда несколько строительных рабочих в Нью-Йорке напали на студентов – участников демонстрации, эта новость всячески использовалась национальной прессой. Однако выборы, проведенные в некоторых американских городах, в том числе и тех, где преобладали работники из числа «синих воротничков», продемонстрировал, что антивоенные настроения были сильны и среди трудящихся. Например, в Дирборне (Мичиган), центре автомобилестроения, уже в 1967 г. голосование показало, что 41 % населения выступает за выход из войны во Вьетнаме. В 1970 г. в двух графствах Калифорнии, где петиционеры поставили вопрос о войне на голосование – в графствах Сан-Франциско и Марин, – большинство в ходе референдума

высказалось за вывод войск США.

В конце 1970 г., когда при опросе, проведенном Институтом Гэллага, была предложена формулировка «Соединенные Штаты должны вывести все войска из Вьетнама к концу следующего года», положительно ответили 65 % опрошенных. В Мадисоне (Висконсин) весной 1971 г. резолюция, призывавшая к немедленному выводу американских войск, прошла с большинством в 31 тыс. голосов против 16 тыс. (в 1968 г. подобная резолюция провалилась).

Но самые поразительные результаты дало исследование, проведенного Мичиганским университетом. Оно показало, что в течение всей вьетнамской войны американцы, получившие лишь школьное образование, были гораздо более решительно настроены в пользу выхода из войны, чем люди с образованием на уровне колледжа. В июне 1966 г. из получивших образование в колледже 27 % выступали за немедленный уход из Вьетнама; из имевших только школьное образование «за» был 41 %. К сентябрю 1971 г. антивоенные настроения у обеих групп усилились: за выход из войны выступали 47 % окончивших колледж и 61 % имевших школьное образование.

Есть и другие свидетельства подобного рода. В статье в журнале «Америкэн сосиолоджикал ревью» (июнь 1968 г.) Ричард Ф. Гамильтон сообщал, что в ходе проведенного им исследования общественного мнения, обнаружилось следующее: «Предпочтение в пользу различных вариантов «жесткой» политики наиболее распространено среди групп населения: более образованных, занимающих более высокий статус на работе, имеющих более высокий уровень доходов, более молодых и тех, кто уделяет большее внимание газетам и журналам». А политолог Х. Хан, проведя исследование ряда городских референдумов по Вьетнаму, выявил, что идея вывода войск из этой страны наиболее популярна в группах с относительно низким социально-экономическим статусом. Он также обнаружил, что периодические опросы, основанные на выборке, недооценивали оппозицию войне среди людей из низшего класса.

Все это было частью общих перемен в настроении населения страны. В августе 1965 г. 61 % американцев полагал, что участие США в войне во Вьетнаме не является ошибочным. К маю 1971 г. ситуация стала противоположной: 61 % считал, что вступление в войну было ошибкой. Брюс Эндрюс, студент Гарвардского университета, изучавший общественное мнение, выявил, что в наибольшей степени антивоенные настроения выражали те, кому больше 50 лет, а также чернокожие и женщины. Кроме того, он отметил, что исследование, проведенное весной 1964 г., когда Вьетнам еще не стал важной проблемой, освещаемой в газетах, показало: 53 % людей, получивших образование в колледже, выступали за то, чтобы направить туда войска, тогда как среди окончивших среднюю школу таких было лишь 33 %.

Как представляется, средства массовой информации, сами находившиеся под контролем людей с высшим образованием и высокими доходами и более агрессивно настроенных в том, что касалось внешней политики, были склонны отражать ошибочное мнение о представителях рабочего класса как о суперпатриотах в отношении этой войны. Между тем Льюис Липситц в обследовании, проведенном в середине 1968 г. среди малоимущего чернокожего и белого населения на Юге, воспроизводил точку зрения, которую считал типичной: «Единственным способом помочь бедняку является выход из этой войны во Вьетнаме... Налоги – высокие налоги – могут убить людей, и я не вижу никакой причины для их увеличения».

Способность простых американцев к независимому суждению, возможно, лучше всего демонстрирует быстрое развитие антивоенных настроений среди американских солдат – добровольцев и призывников, которые в основном являлись выходцами из групп с более низкими доходами. Случаи недовольства солдат войной бывали в истории США и прежде: бунты во время Войны за независимость, отказ от повторного призыва в разгар военных действий в период мексиканской войны, дезертирство и сознательный протест в годы Первой и

Второй мировых войн. Но Вьетнам привел к оппозиции среди солдат и ветеранов, невиданной по размаху и ожесточенности.

Все началось с отдельных актов протеста. Уже в июне 1965 г. Ричард Стайнке, выпускник Военной академии в Вест-Пойнте, отказался садиться в самолет, отправлявшийся в отдаленную вьетнамскую деревню. «Вьетнамская война, – заявил он, – не стоит ни одной жизни американца». Стайнке был предан суду военного трибунала и уволен со службы. На следующий год трое рядовых, один чернокожий, один пуэрториканец и еще один потомок литовцев и итальянцев – все выходцы из неимущих слоев, – отказались направиться во Вьетнам, критикуя войну как «безнравственную, незаконную и несправедливую». Они предстали перед трибуналом и были заключены в тюрьму.

В начале 1967 г. капитан Говард Леви, армейский врач в Форт-Джексона (Южная Каролина) отказался обучать «зеленые береты» – элитные войска специального назначения. Он заявил, что они «убийцы женщин и детей» и «истребители крестьян». Дело Леви рассматривал военный трибунал на том основании, что своими высказываниями подсудимый пытался посеять недовольство среди призывников. Полковник, председательствовавший на суде, сказал: «Правдивость заявлений не является предметом рассмотрения в этом деле». Леви был осужден и приговорен к тюремному заключению.

Подобные случаи множились: чернокожий рядовой в Окленде отказался садиться в самолет, перевозивший войска во Вьетнам, хотя ему грозило 11 лет каторжных работ. Лейтенант военно-морского флота медсестра Сьюзан Шнэлл была отдана под суд за участие в мирной демонстрации в униформе и за разбрасывание с самолета листовок антивоенного содержания над объектами ВМФ. В Норфолке (Виргиния) моряк отказался обучать летчиков-истребителей, так как, по его заявлению, эта война является аморальной. В начале 1968 г. в Вашингтоне был арестован армейский лейтенант за пикетирование Белого дома с плакатом: «За что убито и ранено 120 000 американцев?» Двое чернокожих морских пехотинцев, Джордж Даниэле и Уильям Харви, были приговорены к длительным срокам тюремного заключения (первый – к шести годам, второй – к десяти; впоследствии сроки были сокращены) за антивоенные высказывания в беседах с чернокожими сослуживцами.

По мере продолжения войны росло дезертирство из вооруженных сил. Тысячи людей направлялись в Западную Европу – во Францию, в Швецию, Голландию. Большинство беглецов скрывалось в Канаде; по одним оценкам, их было 50 тыс., по другим – 100 тыс. Некоторые оставались в Соединенных Штатах. Не многие открыто выступали против армейского начальства, находя потом «убежище» в церквях, где, в окружении друзей по антивоенному движению и сочувствующих, пребывали в ожидании ареста и военного трибунала. В Бостонском университете тысяча студентов в течение пяти дней и ночей несли дежурство в часовне, оказывая поддержку 18-летнему дезертиру Рэю Кроллу.

История Кролла была самой обычной. Его завлекли в армию: выходец из бедной семьи, Кролл был предан суду по обвинению в пьянстве, где ему предложили выбор между тюрьмой и армейской службой. Рэй пошел служить. А затем задумался над характером войны.

В один из воскресных дней на пороге часовни Бостонского университета появились федеральные агенты. Они проложили себе путь через заполненные студентами проходы, взломали двери и вывели Кролла наружу. С гауптвахты он писал своим друзьям: «Я не собираюсь убивать; это против моей воли». Человек, с которым Рэй подружился в часовне, приносил ему книги, и Кролл пометил высказывание, найденное в одной из них: «Что сделано нами, не исчезнет в Вечности. Все созревает в свое время и становится плодом в свой час».

Антивоенное движение военнослужащих становилось все более организованным. Поблизости от Форт-Джексона появилось первое «солдатское кафе», где солдаты могли

получить кофе и булочки, найти антивоенную литературу и свободно поговорить друг с другом. Кафе было названо «НЛО» и просуществовало несколько лет, пока его не объявили «нарушением общественного порядка» и не закрыли по приговору суда. Однако в десятке других мест появились новые солдатские кафе. Около Форт-Девенса (Массачусетс) открылась антивоенная «книжная лавка», а другая такая лавка стала работать в Ньюпорте (Род-Айленд) на военно-морской базе.

По всей стране на военных базах появлялись подпольные газеты; к 1970 г. их было более пятидесяти. Среди них: «Эбаут фейс!» в Лос-Анджелесе; «Фед ап!» в Такоме (Вашингтон); «Шорт таймс» в Форт-Джеконе; «Вьетнам джи-ай» в Чикаго; «Грэффити» в Гейдельберге (Германия); «Брэгг брифс» (Северная Каролина); «Лэст хэрес» в Форт-Гордоне (Джорджия); «Хэлпинг хэнд» на военно-воздушной базе Маунтин-Хом (Айдахо). В этих газетах публиковались антивоенные статьи, новости об издевательствах над солдатами, давались практические советы, касавшиеся юридических прав военнослужащих, а также говорилось о том, как оказывать сопротивление милитаристскому засилью.

С антивоенными настроениями переплеталось неприятие жестокости, бесчеловечности армейской жизни. Это касалось прежде всего военных тюрем и гауптвахт. В 1968 г. на гауптвахте в Президио (Калифорния) охранник застрелил эмоционально возбужденного заключенного лишь за то, что тот отбилсЯ от рабочей команды. После этого 27 заключенных устроили «сидячую» забастовку и под пение песни «Мы победим» отказались от работы. Они были отданы под трибунал, признаны виновными в неповиновении и приговорены к тюремному заключению, сроки которого, доходившие до 14 лет, сократили после того, как это дело стало достоянием общественности и вызвало протесты.

Инакомыслие распространялось и на фронте. Когда в октябре 1969 г. в Соединенных Штатах состоялись грандиозные демонстрации в связи с Днем всеобщего протеста против войны, некоторые солдаты во Вьетнаме в знак солидарности надели черные нарукавные повязки. Один фотокорреспондент сообщал, что во взводе, патрулировавшем территорию возле Дананга, черные повязки носила почти половина личного состава. Один из солдат, расквартированных в Ку Чи, писал в октябре 1970 г. своему другу, что для военнослужащих, отказывающихся сражаться, созданы отдельные подразделения. «Отказ от участия в боевых действиях здесь уже не является подвигом». Французская газета «Монд» сообщала, что за четыре месяца за отказ от участия в таких действиях были осуждены 109 солдат из Первой воздушно-десантной дивизии. Корреспондент этой газеты писал: «Обычным стал образ черного солдата со сжатой в кулак левой рукой в знак протеста против войны, которую он никогда не считал своей».

Уоллес Терри, чернокожий американский репортер журнала «Тайм», записал на магнитофон беседы с сотнями черных солдат; в них отразилась горечь, вызванная расизмом в армии, отвращение к войне, низкий боевой дух. Из Вьетнама все чаще сообщали об «осколочных» случаях: военнослужащие подкладывали осколочные гранаты под палатки к офицерам, посылавшим их в бой, или к другим лицам, которыми они были недовольны. Пентагон сообщал о 209 таких случаях за один лишь 1970 г.

Возвратившиеся домой ветераны образовали группу под названием «Ветераны войны во Вьетнаме против войны». В декабре 1970 г. сотни этих людей участвовали в Детройте в так называемом расследовании, проводившейся организацией «Уинтер соулджер», дав публичные показания о тех жестокостях, в которых принимали участие сами или которым были свидетелями во Вьетнаме. В апреле 1971 г. более тысячи ветеранов направились в Вашингтон для участия в антивоенном марше. Один за другим они подходили к проволочному ограждению вокруг Капитолия, бросали через него полученные медали и делали короткие

заявления о войне – порой эмоционально, порой с ледяным спокойствием.

Летом 1970 г. двадцать восемь офицеров Вооруженных сил США, в том числе ветераны Вьетнама, от имени еще 250 своих сослуживцев объявили об основании антивоенного Движения обеспокоенных офицеров. В 1972 г. во время жестоких бомбардировок Ханоя и Хайфона в период празднования Рождества впервые выступили с протестом пилоты самолетов «В-52», отказавшиеся совершать боевые вылеты.

Третьего июня 1973 г. «Нью-Йорк таймс» сообщила об исключении многих кадетов из академии Вест-Пойнта. Официальные представители академии, писал репортер, «связывали этот показатель с более состоятельным, менее дисциплинированным, скептически настроенным и сомневающимся поколением, а также с антивоенными настроениями, являвшимися результатом деятельности небольшого радикального меньшинства и войны во Вьетнаме».

Но большая часть антивоенных акций совершалась рядовыми солдатами, и среди них преобладали представители слоев с низкими доходами: белые, чернокожие, индейцы, китайцы, чиканос²⁰⁸. (Последние, вернувшись домой, тысячами участвовали в демонстрациях против войны.)

Двадцатилетний житель Нью-Йорка, выходец из китайской семьи Сэм Чой, призванный в армию в семнадцатилетнем возрасте, был отправлен во Вьетнам, назначен поваром и стал объектом издевательств со стороны других солдат, называвших его «Чинк» или «гук» (прозвища вьетнамцев) и говоривших, что он внешне похож на врага. Однажды Чой взял винтовку и сделал предупредительный выстрел в сторону своих мучителей. «В это время я находился на границе базы и подумывал о том, не присоединиться ли к Вьетконгу; по крайней мере они будут доверять мне».

Чой был арестован военной полицией, избит, отдан под трибунал и приговорен к 18 месяцам каторжных работ в Форт-Левенуэрте. «Они методично били меня каждый день». Свое интервью газете, издаваемой в Чайнатауне в Нью-Йорке, Сэм Чой закончил словами: «Вот что: я хочу сказать всем китайским ребятам, что армия вызвала у меня отвращение. Она вызвали у меня такое отвращение, что я не мог его сдержать».

В сообщении из Фу Бай в апреле 1972 г. говорилось, что 50 солдат из 142 человек в роте отказались участвовать в патрулировании, крича при этом: «Это не наша война!» Четырнадцатого июля 1973 г. в «Нью-Йорк таймс» говорилось, что пленные американские солдаты во Вьетнаме в ответ на приказ офицеров прекратить сотрудничество с врагами кричали: «Кто враг?» Они создали в лагере для военнопленных комитет мира, и сержант из этого комитета позже так вспоминал о своем пути в лагерь:

Пока мы добирались до первого лагеря, мы не видели ни одной уцелевшей деревни; все они были разрушены. Я сел, задумался и стал задавать себе вопросы: правильно это или нет? правильно ли уничтожать деревни? правильно ли убивать всех людей подряд? Со временем эти вопросы просто встали передо мной.

Чиновники Пентагона в Вашингтоне и представители ВМС в Сан-Диего после вывода американских войск из Вьетнама в 1973 г. объявили, что военно-морской флот собирается очиститься от «нежелательных элементов» – и что в число таких элементов входят не менее 6 тыс. человек на Тихоокеанском флоте, «значительная часть которых чернокожие». В целом из вооруженных сил было уволено без почестей около 700 тыс. солдат. В 1973 г. «без почестей» совершалось каждое пятое увольнение, что указывает на общее падение военной дисциплины. К 1971 г. на тысячу американских солдат 177 человек регистрировались как «отсутствующие

²⁰⁸ Чиканос – американцы мексиканского происхождения.

без уважительных причин», некоторые из них по три-четыре раза. Число дезертиров удвоилось, увеличившись с 47 тыс. в 1967 г. до 89 тыс. в 1971 г.

Одним из тех, кто остался в строю, сражался, а потом выступил против войны, был Рон Ковик. Его отец работал в супермаркете на Лонг-Айленде. В 1963 г. в возрасте 17 лет Рона призвали в морскую пехоту. Двумя годами позже, во Вьетнаме, уже 19-летним, он получил ранение в позвоночник при разрыве снаряда. С парализованным ниже пояса телом Ковик передвигался в инвалидной коляске. Вернувшись в США, он стал свидетелем бездушного обращения с ранеными в госпиталях для ветеранов, все больше задумывался о войне и в итоге присоединился к движению «Ветераны войны во Вьетнаме против войны». Ковик участвовал в демонстрациях и произносил антивоенные речи. Однажды вечером он услышал, как актер Доналд Сазерленд читает роман Дальтона Трамбо «Джонни получил винтовку», написанный после Первой мировой войны. В нем рассказывалось о солдате, конечности и лицо которого жестоко пострадали от оружейного огня, так что фактически осталось лишь мыслящее туловище, нашедшее способ общения с окружающим миром, а затем сочинившее послание, настолько пронзительное, что его нельзя было слушать без дрожи.

«Сазерленд стал читать этот абзац, и что-то, чего я никогда не забуду, овладело мной. Это было так, словно кто-то говорил обо всем, через что я прошел в госпитале... Меня начало трясти, и я помню, что слезы стояли в моих глазах».

Ковик протестовал против войны и был арестован. Свою историю он изложил в книге «Рожденный четвертого июля»:

«Они помогли мне сесть обратно в инвалидное кресло и отвезли в другую часть здания тюрьмы для регистрации.

«Ваше имя?» – говорит офицер, сидящий за столом.

«Рон Ковик, – отвечаю я. – Профессия – ветеран Вьетнама, выступающий против войны».

«Что?» – спрашивает он саркастически, глядя на меня сверху вниз.

«Я ветеран Вьетнама, выступающий против войны», – почти кричу я.

«Лучше бы ты умер там», – говорит он. Повернувшись к своему помощнику, офицер произнес: «Я бы хотел взять этого парня и сбросить его с крыши».

Они сняли мои отпечатки пальцев, сфотографировали меня и поместили в камеру. Я стал мочиться в штаны, как маленький ребенок.

Трубка пропала во время обследования меня врачом. Я стараюсь заснуть, однако, хотя я устал, гнев бушует во мне, как огромный раскаленный камень в груди. Я прислоняюсь головой к стене и слушаю снова и снова шум сливного бачка».

Ковик и другие ветераны съехались в Майами в 1972 г. на национальный съезд Республиканской партии. Они появились в зале заседаний и расположились в своих инвалидных креслах в проходах. Во время речи Никсона, в которой он выражал согласие стать кандидатом в президенты, эти люди стали кричать: «Прекратите бомбардировки! Остановите войну!» Делегаты бранили их: «Предатели!», а агенты спецслужб выпроводили ветеранов из зала.

Осенью 1973 г., лишившись надежды на победу и в условиях вторжения войск Северного Вьетнама в различные районы на юге страны, США пришлось пойти на урегулирование, предусматривавшее вывод американских войск и сохранение за повстанцами их позиций до избрания нового вьетнамского правительства с участием коммунистов и некоммунистических элементов. Но сайгонское правительство не дало своего согласия, и Соединенные Штаты решили предпринять последнюю попытку заставить Северный Вьетнам капитулировать. Волна за волной на Ханой и Хайфон летели самолеты «В-52», бомбы разрушали дома и госпитали, погибло огромное число мирных граждан. Это ничего не дало. Многие бомбардировщики были

сбиты. По всему миру прокатилась волна протестов – и Киссинджер вернулся в Париж, где подписал почти такое же мирное соглашение, как то, о котором договорились прежде.

Выводя войска, Соединенные Штаты, продолжали предоставлять помощь сайгонскому правительству, но, когда в начале 1975 г. Северный Вьетнам начал наступление на главные южновьетнамские города, это правительство пало. В конце апреля северовьетнамская армия заняла Сайгон.

Сотрудники американского посольства бежали, как и многие вьетнамцы, боявшиеся прихода к власти коммунистов, и долгая война во Вьетнаме закончилась. Сайгон был переименован в Хошимин, и обе части страны объединились, став Демократической Республикой Вьетнам.

Традиционная историография изображает окончание войн как результат инициативы лидеров – переговоров в Париже или Брюсселе, в Женеве или Версале, – подобно тому как она нередко считает, будто войны начинаются в ответ на требование «народа». Война во Вьетнаме служит ярким свидетельством того, что порой бывает совсем иначе. Политические руководители были последними, кто предпринял шаги для ее завершения, – «народ» же оказался далеко впереди. Президент всегда находился в самом хвосте. Верховный суд молчаливо игнорировал факты, ставившие под сомнение конституционность войны. Конгресс на годы отстал от общественного мнения.

Весной 1971 г. соавторы газетных колонок Роуланд Эванс и Роберт Новак, два последовательных сторонника войны, с сожалением писали о «внезапном взрыве антивоенных эмоций» в палате представителей, замечая при этом, что «антивоенные чувства, столь распространенные ныне среди демократов – членов палаты, рассматриваются сторонниками администрации как направленные не столько против Никсона, сколько являющиеся реакцией на давление со стороны избирателей».

Только после завершения военных действий в Камбодже и лишь после протестов, охвативших в связи с ними кампусы по всей стране, Конгресс принял резолюцию, в которой заявлялось, что американские войска не следовало направлять в эту страну без его одобрения. И лишь в конце 1973 г., когда войска США были наконец выведены из Вьетнама, Конгресс одобрил закон, ограничивающий право президента объявлять войну без согласия Конгресса; но даже в этом случае по данной «Резолюции о военных полномочиях»²⁰⁹ президент мог вести войну в течение 60 дней по собственной инициативе, без соответствующей декларации со стороны Конгресса.

Администрация старалась убедить американский народ, что война прекращается в результате ее собственного решения начать переговоры о мире – а вовсе не потому, что она проигрывает войну, и не потому, что в США развернулось мощное антивоенное движение. Но секретные меморандумы правительства свидетельствуют о его пристальном внимании к «общественному мнению» в Соединенных Штатах и за их пределами на протяжении всей вьетнамской войны. Данные об этом содержатся в «Документах Пентагона».

В июне 1964 г. высшее американское военное руководство и представители госдепартамента, включая посла Генри Кэбота Лоджа-младшего, проводили совещание в Гонолулу. «Раск заявил, что общественное мнение в связи с нашей политикой в Юго-Восточной Азии серьезно расколото и что, следовательно, президент нуждается в заявлениях о поддержке». Нго Динь Дьема заменил генерал по имени Кхань. Историки Пентагона писали: «После своего возвращения в Сайгон 5 июня посол Лодж прямо из аэропорта направился на

²⁰⁹ Имеется в виду Закон о военных полномочиях 1973 г.

встречу с генералом Кханем... центральным в его беседе с Кханем был намек, что правительство Соединенных Штатов в ближайшем будущем подготовит общественное мнение в США к операциям против Северного Вьетнама». Двумя месяцами позже произошел инцидент в Тонкинском заливе.

Второго апреля 1965 г. в памятной записке директора ЦРУ Джона Маккоуна предлагалось усилить бомбежки Северного Вьетнама, поскольку они все еще были «недостаточно жестокими», чтобы привести к изменению политики властей этой страны. «С другой стороны... мы можем ожидать роста давления в пользу прекращения бомбардировок... со стороны различных элементов американской общественности, прессы, ООН, мирового общественного мнения». США должны постараться нанести решающий удар прежде, чем это мнение сможет укрепиться, рассуждал Маккоун.

В памятной записке помощника министра обороны Джона Макноутона в начале 1966 г. предлагалось разрушить шлюзы и дамбы, чтобы вызвать массовый голод, поскольку «удары по населенным центрам» приведут лишь «к контрпродуктивной волне отвращения за рубежом и в стране». В мае 1967 г. пентагоновские историки писали: «Макноутон был также чрезвычайно озабочен размахом и накалом волнений среди общественности и недовольства войной... особенно среди молодежи, представителей непривилегированных классов, интеллигенции и женщин». Он беспокоился: «Не приведет ли решение о призыве 20 тыс. резервистов... к такой поляризации общественного мнения, что «голуби» в Соединенных Штатах выйдут из повиновения и начнут массовые отказы идти на службу, или сражаться, или сотрудничать, или того хуже?» Макноутон предостерегал:

«Возможно, существуют пределы, за которыми многие американцы и большая часть мира не позволят Соединенным Штатам действовать.

Образ величайшей в мире супердержавы, убивающей или наносящей серьезные ранения тысяче мирных людей еженедельно ради того, чтобы подчинить маленькую отсталую страну, причем сама эта цель вызывает ожесточенные споры, – отнюдь не является привлекательным.

Это может привести к очень серьезному перекосу в американском национальном сознании».

Такой «серьезный перекос», похоже, произошел к весне 1968 г., когда, в условиях неожиданного наступления НФОЮВ, начатого в праздник Тет, генерал У. Уэстморленд попросил президента Джонсона направить ему дополнительно к уже находившимся во Вьетнаме 525 тыс. солдат еще 200 тысяч. Джонсон обратился к небольшой группе «оперативников» в Пентагоне за советом в связи с этой просьбой. Они изучили ситуацию и пришли к выводу, что дополнительные 200 тыс. солдат приведут к полной американизации войны и не решат задачи укрепления власти южновьетнамского правительства, так как «руководство в Сайгоне не демонстрирует никакого желания – уже не говоря о способности – заручиться необходимыми лояльностью или поддержкой народа». Более того, говорилось в докладе, отправка войск будет означать мобилизацию резервов и увеличение военного бюджета. Будет больше жертв со стороны американцев, больше налогов. В итоге:

«Это растущее разочарование, сопровождаемое, скорее всего, увеличением числа уклонений от призыва и волнений в городах, вызванных убеждением, будто мы игнорируем внутренние проблемы, связано с огромным риском спровоцировать в стране беспрецедентный по масштабу кризис».

Под «волнениями в городах», вероятно, имелись в виду выступления черного населения, имевшие место в 1967 г. и свидетельствовавшие о взаимосвязи – осознаваемой чернокожими или нет – между войной за границей и бедностью в США.

«Документы Пентагона» со всей очевидностью показывают, что на решение Джонсона

весной 1968 г. отвергнуть просьбу Уэстморленда и – впервые за все время – снизить темпы эскалации войны, сократить масштабы бомбардировок и сесть за стол переговоров в значительной степени оказали влияние действия американцев, демонстрировавших свое неприятие войны.

Когда к власти пришел Никсон, он также постарался убедить общественность, что акции протеста не окажут на него влияния. Но президент почти пришел в ярость, когда один-единственный пацифист стал пикетировать Белый дом. Лихорадочные действия Никсона, направленные против инакомыслящих, – планирование ночных краж со взломом, запись разговоров, перлюстрация писем – свидетельствуют о том важном месте, которое антивоенное движение занимало в сознании национальных лидеров.

Показателем широкого распространения идей антивоенного движения среди американской общественности является тот факт, что присяжные все более неохотно выносили участникам этого движения обвинительные приговоры, а местные судьи изменили свое отношение к ним. В Вашингтоне к 1971 г. судьи стали отклонять обвинения участников демонстраций по таким делам, по которым двумя годами раньше они наверняка отправили бы их в тюрьму. Группы антивоенных активистов, вторгавшихся в помещения призывных пунктов: «Балтиморская четверка», «Кейтонсвиллская девятка», «Четырнадцать из Милуоки», «Бостонская пятерка» и др., – получили за подобные преступления более мягкие наказания.

В последнюю группу напавших на призывной пункт, «Двадцать восемь из Кэмдена», входили священники, монахини и светские лица. В августе 1971 г. они вторглись в помещение в Кэмдене (Нью-Джерси). Эти люди совершили, по существу, то же, что сделала четырьмя годами ранее «Балтиморская четверка», члены которой были осуждены, а Фил Берриган, входивший в «Кейтонсвиллскую девятку», получил 6 лет тюрьмы. Но присяжные оправдали подсудимых из Кэмдена по всем пунктам. Когда огласили вердикт, один из присяжных, 53-летний чернокожий водитель такси из Атлантик-Сити по имени Сэмюэл Брейтвейт, который прослужил в армии 11 лет, оставил для подсудимых письмо:

«Вам, церковным лекарям, с вашим талантом, данным Богом, я говорю: «Хорошо сработано». Хорошо сработано для исцеления больных безответственных людей, людей, что были избраны народом управлять и руководить им. Тех людей, что обманули ожидания народа, сея смерть и разрушение в несчастной стране... Вы вышли внести свой вклад, тогда как ваши братья остались в башнях из слоновой кости, наблюдая за происходящим... и хочется верить, что когда-нибудь в недалеком будущем мир и гармония воцарятся среди людей всех наций».

Это произошло в мае 1973 г. Американские войска покидали Вьетнам. С. Л. Сульцбергер, корреспондент «Нью-Йорк таймс» (человек, близкий к правительству), писал: «США потерпели крупное поражение, и учебники по истории должны это признать... Мы проиграли эту войну в долине Миссисипи, а не в долине Меконга. Американские правительства, одно за другим, так и не смогли добиться необходимой массовой поддержки у себя в стране».

На самом деле Соединенные Штаты проиграли войну и в долине реки Меконг, и в долине реки Миссисипи. Это стало первым явным поражением глобальной американской империи, созданной после Второй мировой войны. Оно было обусловлено борьбой революционных крестьян за границу и беспрецедентным движением протеста на родине.

Еще 26 сентября 1969 г. президент Ричард Никсон, отмечая растущую антивоенную активность в стране, заявил, что «ни при каких обстоятельствах это не окажет воздействия на меня». Но девять лет спустя в своих мемуарах он признавал, что движение против войны заставило его отказаться от планов интенсификации боевых действий: «Хотя публично я продолжал игнорировать бушевавшие антивоенные дебаты... я знал, тем не менее, что после всех протестов и Моратория американское общественное мнение будет серьезно расколото

любой эскалацией войны». Это – редкое для президента признание силы общественного протеста.

В долгосрочной перспективе, возможно, произошло нечто еще более важное. Бунт в США вышел за пределы проблемы войны во Вьетнаме.

Сюрпризы

В 1911 г. Хелен Келлер писала: «Мы голосуем? А что это означает?» Примерно тогда же Эмма Голдман сказала: «Наш современный фетиш – это всеобщее избирательное право». После 1920 г. женщины стали принимать участие в выборах наравне с мужчинами, но их подчиненное положение почти не изменилось.

Вскоре после того, как американки получили право голоса, степень их социального прогресса можно было пронаблюдать по появившейся в газетах по всей стране колонке советов Д. Дикс²¹⁰. По ее мнению, женщина не должна была быть лишь домашней рабочей лошадью: «...жена – это витрина, в которой муж выставляет свои достижения... Крупнейшие сделки заключаются за обеденными столами;...мы встречаемся за ужином с теми, кто может помочь нам сделать карьеру... Женщина, собирающая вокруг себя достойных людей, входящая в клубы, интересная и приятная... является помощницей своего супруга».

Роберт и Хелен Линд, изучавшие в конце 20-х гг. жизнь городка Манси (Индиана), отметили в работе «Мидлтаун» значение внешнего вида и одежды при оценке женщины. Они также обнаружили, что мужчины в откровенных разговорах между собой «часто говорили о женщинах как о существах более чистых и моральных, чем они сами, но одновременно и как о непрактичных, эмоциональных, непостоянных, подверженных предрассудкам, легкоранимых и чаще всего не способных смотреть в лицо фактам или крепко подумать».

В начале 1930 г. автор журнальной статьи, рекламируя косметический бизнес, начинал ее такими словами: «У средней американки – шестнадцать квадратных футов кожи». Далее он писал о том, что, хотя в стране насчитывалось 40 тыс. дамских салонов, а 2 млрд. долл. ежегодно тратилось на женскую косметику, этого явно недостаточно: «Американки не расходуют и пятой части суммы, необходимой для улучшения своей внешности». Автор приводил также детальный список «ежегодных косметических потребностей каждой женщины»: 12 целебных процедур с теплыми маслами, 52 косметические маски, 26 процедур выщипывания бровей и т. п.

Похоже, что лучше всего свой первый побег из тюрьмы замужества, материнства, женственности, домашней работы, ухода за собой и изоляции американкам удавалось совершать тогда, когда в их услугах отчаянно нуждались: в промышленности, в военное время или в общественных движениях. Каждый раз, когда из практических соображений женщину вытаскивали из ее заточения (нечто вроде исправительных работ с условным освобождением), делалась попытка затолкнуть ее обратно, как только отпадала необходимость, что и приводило жительниц США к борьбе за перемены.

В годы Второй мировой войны больше женщин, чем когда-либо, оказались за пределами дома и начали работать. К 1960 г. 36 % американок в возрасте от 16 лет и старше, т. е. 23 млн. человек, трудились и получали заработную плату. Но хотя 43 % работавших женщин имели детей школьного возраста, количество детских садов было рассчитано лишь на 2 % тружениц –

²¹⁰ Дороти Дикс (1861–1951) – журналистка, с 1917 г. автор популярной колонки советов «Говорит Дороти Дикс».

остальным же приходилось самостоятельно решать подобные вопросы. Американки составляли 50 % избирателей, но (даже к 1967 г.) у них было лишь 4 % мест в законодательных органах штатов и 2 % судебных мест. Средний доход работающей женщины составлял примерно треть среднего дохода мужчины. Похоже, что отношение к жительницам США не сильно изменилось с 20-х гг.

«В 1964 г. в нашем обществе нет неприкрытого антифеминизма, – писала феминистка и социолог Элис Росси, – но не потому, что достигнуто равноправие полов, а потому, что у американок практически не осталось феминистской искорки».

Во время движения за гражданские права 60-х гг. начали появляться признаки коллективного волнения. Женщины заняли свое место, которое они и обычно занимали в общественных движениях, – на передовой, как рядовые, а не как генералы. В офисе СККНД в Атланте студентка Колледжа Спелмана по имени Руби Дорис Смит, арестованная во время «сидячей» забастовки, выразила свое негодование по поводу того, что женщин низвели до рутинной канцелярской работы. К Руби присоединились две белые американки из упомянутого Комитета – Сандра Хейден и Мэри Кинг. Мужчины-активисты СККНД вежливо выслушали женщин, прочли меморандум, где говорилось об их правах, но мало что сделали. Элла Бейкер, ветеран политического движения из Гарлема, проводившая организационную работу на Юге, знала о такой тенденции: «Я с самого начала понимала, что как для женщины, пожилой женщины в группе священников, привыкших к тому, что женщины лишь оказывали им поддержку, для меня не было предусмотрено место лидера».

Тем не менее американки сыграли очень важную роль в эти первые и опасные годы организации общественного движения на Юге, и ими восхищались. Многие из этих женщин были пожилыми, например Элла Бейкер и Амелия Бойнтон²¹¹ из города Селма (Алабама), «Мама Долли» из города Олбани (Джорджия). Более молодые активистки – Глория Ричардсон из Мэриленда и Аннель Пондер из Миссисипи – являлись не только участницами движения, но и его лидерами. Женщины всех возрастов выходили на демонстрации, попадали в тюрьмы. Фанни Лу Хеймер, издольщица из Рулвилла (Миссисипи), стала легендарным организатором и оратором. Она исполняла гимны; из-за прихрамывающей походки (в детстве Ф. Л. Хеймер перенесла полиомиелит), заметно выделялась в пикетах. Эта женщина доводила людей до исступления на массовых митингах: «Меня так достало то, что меня все так достало!»

Примерно в то же время белые представительницы среднего класса также начали поднимать голову. Одной из первых появилась новаторская, оказавшая большое влияние книга Б. Фридан²¹² «Загадка женственности».

Что же это была за проблема, у которой нет названия? Какие слова произносили женщины, пытаясь выразить ее? Иногда женщина могла сказать: «Я чувствую какую-то пустоту... чего-то не хватает». Или: «У меня такое ощущение, будто меня нет». Иногда: «Чувство усталости... Я так злюсь на детей, что это пугает меня... Хочется плакать без всякой причины».

Фридан писала, отталкиваясь от своего опыта домохозяйки из среднего класса, но то, о чем она говорила, затрагивало чувства всех женщин: «Она [проблема] давно не давала покоя американцам, но была спрятана настолько глубоко, что о ней не говорили. Она давала о себе знать каким-то странным ощущением беспокойства и неудовлетворенности, чувством тоски, от

²¹¹ Амелия Робинсон Бойнтон (р. 1911) – активистка движения за гражданские права афроамериканцев на Юге.

²¹² Бетти Фридан (1921–2006) – лидер феминистского движения, основательница и первый президент Национальной организации женщин (1966).

которого в середине двадцатого века страдали женщины в Соединенных Штатах. И каждая боролась с ним в одиночку.

Но чем бы она не была занята – стелила ли постели, делала покупки, подбирала материал на покрывало, ставила перед детьми сэндвичи с кокосовым молоком, отвозила на машине сына или дочку в клуб скаутов, лежала по ночам рядом с мужем, – она страшилась спросить даже себя: «И это все?»».

Но однажды апрельским утром 1959 г. в одном из пригородов Нью-Йорка я услышала, как мать четырех детей, сидя за кофе с другими матерями, с тихим отчаянием в голосе произнесла слово «проблема». И остальные знали, что то, о чем она говорит, не связано ни с мужем, ни с детьми, ни с домом. Они вдруг поняли: это общая проблема, которая не имеет названия. И тогда, пусть неуверенно, они начали говорить о ней. А позже, после того как отвели детей в садик и затем забрали домой, чтобы те могли поспать днем, две из них плакали слезами облегчения просто потому, что не одиноки».

«Загадка», о которой говорила Фридан, – это образ женщины как матери и жены, живущий в умах ее мужа и детей, ради которого она расстается со своими личными мечтами. Автор приходит к выводу: «Единственным способом для женщины найти себя, как, впрочем, и для мужчины, является самостоятельная творческая работа».

Летом 1964 г. в Мак-Коме (Миссисипи), в штаб-квартире «Фридом хауз», организации борцов за гражданские права, которые жили и работали вместе, женщины объявили бойкот мужчинам, поскольку те желали, чтобы за них готовили еду и стелили постель, пока они разъезжали на машинах, занимаясь организационной работой. Казалось, что волнение, о котором писала Б. Фридан, коснулось американок повсюду.

К 1969 г. жительницы США составляли 40 % всей рабочей силы в стране, но значительная их часть трудились секретаршами, уборщицами, учителями начальной школы, продавщицами, официантками и медсестрами. Каждая третья работающая американка была замужем, а ее супруг зарабатывал менее 5 тыс. долл. в год.

А как же женщины, у которых не было работы? Они очень много трудились дома, но это не воспринималось как работа, поскольку в капиталистическом обществе (или даже в любом современном обществе, где вещи и люди продаются и покупаются за деньги), если труд не оплачивается, если он не оценивается в деньгах, считается, что такой труд ничего не стоит.

В 60-х гг. американки стали больше задумываться над этим фактом, а М. Бенетон писала об этом в книге «Политическая экономия освобождения женщин». Домохозяйки находились за пределами современной экономической системы, поэтому, по словам Бенетон, они являлись кем-то вроде крепостных или крестьянок.

Женщины, у которых была типично «женская работа»: секретарши, регистраторы, машинистки, продавщицы, уборщицы, медсестры, – испытывали всевозможные унижения, которым подвергались мужчины на второстепенной работе, а также полный комплект унижений, связанных с их половой принадлежностью: насмешки по поводу умственных способностей, сексуальные шутки и домогательства, восприятие их исключительно в качестве сексуальных объектов, хладнокровные требования работать эффективнее. В коммерческом Справочнике стандартов для клерков печаталась колонка вопросов и ответов, где можно было найти следующее:

«Вопрос. Я бизнесмен, мне кажется, что моя секретарша слишком медленно работает. Сколько раз в минуту она должна быть способна открыть и закрыть ящик с документами?

Ответ. Ровно 25 раз. Нормативы для других «операций по открытию и закрытию»...

следующие: 0,04 минуты для открытия или закрытия папки; 0,026 минуты для открытия стандартного расположенного в центре ящика стола. Если вас беспокоит ее «активность на стуле», засекайте время по следующим нормативам: «Встать со стула» – 0,033 минуты, «повернуться на вертящемся стуле» – 0,009 минуты».

В начале 1970-х гг. работница фабрики в Нью-Бедфорде (Массачусетс), принадлежавшей средней по размеру корпорации, где годовые дивиденды ее президента в 1970 г. составляли 325 тыс. долл., написала в профсоюзную газету, что 90 % сотрудников ее отдела составляют женщины, а все начальники – мужчины.

«Пару лет назад меня на три дня отстранили от работы, поскольку мои дети были еще маленькими и мне приходилось отпрашиваться, когда они болели... Они [начальники] хотят видеть у себя людей, которые помалкивают, доносят друг на друга и являются хорошими маленькими роботами. Тот факт, что многим приходится принимать успокоительные таблетки и что неделя не проходит без того, чтобы двое или трое сотрудников не сломались и не расплакались, ничего для них не значит».

Эта женщина добавила: «Но времена меняются, и отныне все больше людей высказывают свое мнение и требуют от так называемых боссов такого же отношения, какое те хотели бы видеть применительно к себе самим».

Времена действительно менялись. Примерно в 1967 г. участницы различных движений – групп борцов за гражданские права, организации «Студенты за демократическое общество», антивоенных групп – начали проводить встречи женщин. В начале 1968 г. на женском антивоенном митинге в Вашингтоне сотни американок с факелами в руках пришли на Арлингтонское национальное кладбище и устроили «Похороны традиционной женственности». В этот момент и позднее возникли некоторые разногласия среди женщин и даже в большей степени среди мужчин по поводу того, должны ли жительницы США бороться за решение специфически женских вопросов или просто принимать участие во всеобщих движениях против расизма, войны и капитализма. Но идея поставить во главу угла феминизм становилась популярной.

Осенью 1968 г. члены группы, называвшейся «Радикальные женщины», привлекли внимание страны во время акции протеста против избрания «Мисс Америка», которую они считали «образом, угнетающим женщину». Все активистки выбросили в «Мусорный ящик свободы» бюстгалтеры, корсеты, бигуди, искусственные ресницы, парики и другие предметы, названные ими «дамским мусором». В качестве «Мисс Америка» была коронована овца. Но важнее оказалось то, что люди стали говорить об «Освобождении Женщин».

Часть деятельниц из нью-йоркской группировки «Радикальные женщины» вскоре образовала Женский международный террористический заговор от ада (Women's International Terrorist Conspiracy from Hell – WITCH – ВЕДЬМА), и члены этой организации, одетые как ведьмы, неожиданно появились в зале Нью-Йоркской фондовой биржи. В листовке, распространявшейся ВЕДЬМОЙ в городе, говорилось: «ВЕДЬМА живет и смеется в каждой женщине. Она является той свободной частью нас, что прячется за застенчивыми улыбками, за безропотным смирением с абсурдным господством мужчин, макияжем или стесняющей тело одеждой, на которых настаивает наше больное общество. В ВЕДЬМУ нет необходимости «вступать». Если Вы женщина и осмеливаетесь заглянуть вглубь себя, то Вы – ВЕДЬМА. Вы сами устанавливаете себе правила».

Вашингтонское отделение организации выступило против деятельности «Юнайтед фрут компани» в странах Третьего мира и отношения корпорации к женщинам, работающим в офисе. В Чикаго ВЕДЬМА протестовала против увольнения радикальной учительницы-феминистки Марлен Диксон.

Малоимущие черные американки заявляли об универсальных женских проблемах своими методами. В 1964 г. Р. Коулз в работе «Дети кризиса» привел материалы интервью с чернокожей женщиной, недавно переехавшей с Юга в Бостон, которая говорила о своем отчаянном положении, о том, как трудно найти свое счастье: «Для меня единственное время, когда я чувствую, что живу, – это время, когда я вынашиваю ребенка».

Специально не подчеркивая женские проблемы, многие малоимущие американки поступали так, как делали всегда, – спокойно организовывали своих соседей, чтобы бороться против несправедливости и получать необходимые услуги. В середине 60-х гг. около 10 тыс. жителей негритянского района Вайн-Сити в Атланте объединились с целью взаимопомощи: они открыли магазин дешевых товаров, детские ясли, клинику; организовали ежемесячные совместные семейные ужины, издание газеты, службу консультаций по вопросам семьи. Одна из организаторов, Хелен Говард, рассказала редактору книги «Чернокожие женщины в белой Америке» Герде Лернер о том, как это было: «Я создала эту местную организацию, а двое мужчин и шестеро женщин начали практическую деятельность. Поначалу было сложно. Позднее присоединились многие люди. В течение пяти месяцев мы проводили встречи почти каждый вечер. Мы научились работать с другими людьми... Многие просто боялись что-либо сделать. Боялись пойти в муниципалитет или попросить о чем-либо. Не просили ни о чем хозяина дома, потому что боялись его. Когда мы начали встречаться, нам больше не было так страшно... Вот как мы получили эту детскую площадку: мы заблокировали улицу и никого не пропускали; не пропускали даже троллейбусы. В акции участвовали все жители района. Вынесли проигрыватели и танцевали; так продолжалось всю неделю. Нас не арестовали, нас было слишком много. А потом город сделал эту детскую площадку для ребятишек».

Патриция Робинсон написала памфлет «Бедная черная женщина», в котором связала женские проблемы с необходимостью элементарных изменений в обществе: «Бунт неимущих негритянок, прежде находившихся на дне классовой иерархии, поднимает вопрос о том, за какое общество будет бороться бедная чернокожая женщина. Уже сейчас она требует права контролировать рождаемость, как черные и белые представительницы среднего класса. Она сознает, что угнетение имеет две стороны, и она вместе с другими бедняками более не подчиняется порабощению, которое в данном случае равносильно геноциду. Неимущая афроамериканка вступает в союзы с другими бедняками, живущими по всему миру, присоединяясь к их революционной борьбе. Исторически сложившиеся условия заставили ее оградить детей от мужского влияния, давать им образование и поддерживать самостоятельно. В самом этом процессе серьезно ослабевают патриархат и эксплуатация со стороны мужчин. Более того, она осознает, что ее детей будут использовать так же, как всех детей бедняков на протяжении истории, – в качестве низкооплачиваемых наемников, сражающихся за то, чтобы сохранить у власти или привести к власти группу элиты. Идя этим путем... она начала ставить под сомнение агрессивный патриархат и классовое общество, которое способствует его сохранению, а именно капитализм».

В 1970 г. прачка из Атланты и мать шестерых детей Дороти Болден рассказала, почему в 1968 г. она начала организовывать женщин, занимавшихся работой по дому, в Национальный союз домработниц. Д. Болден сказала: «Я думаю, что женщины должны иметь право голоса при принятии решений, касающихся улучшения жизни в своем районе. Потому что такая женщина, живущая в трущобах, участвует в столкновениях, она очень умна и способна на многое, на нее не обращали внимание так много лет. Я думаю, что у такой женщины должно быть право голоса».

Создали свою организацию и теннисистки. Американка, боровшаяся за право быть жокеем, в конце концов победила и стала первой женщиной-жокеем. Художницы устроили

пикет у Музея Уитни, обвинив его администрацию в дискриминации по половому признаку при организации выставки скульптуры. Журналистки пикетировали в Вашингтоне клуб «Гридайрон»²¹³, в который не принимали женщин. К началу 1974 г. программы изучения женской проблематики существовали в 78 учебных заведениях, около 2 тыс. курсов о женщинах предлагались примерно в 500 колледжах и университетах.

Начали появляться женские журналы и газеты местного и общенационального значения, а публикации о женской истории и женском движении выходили в таких количествах, что в некоторых книжных магазинах для них стали выделять специальные отделы. Даже юмор на телевидении (некоторые шутки, произнесенные с симпатией, а некоторые – не без колкостей) свидетельствовал об общенациональном воздействии женского движения. После акций протеста из телеэфира были убраны рекламные ролики, которые, по мнению американок, унижали их.

В 1967 г. в результате лоббирования со стороны женских группировок президент Л. Джонсон подписал исполнительный приказ, запрещающий дискриминацию по половому признаку при приеме на рабочие места, которые финансировались из федерального бюджета, а в последующие годы женские организации настояли на контроле за исполнением этого приказа.

Созданная в 1966 г. Национальная организация женщин (НОЖ) возбудила свыше 1 тыс. судебных исков против американских корпораций, обвиняя их в такой дискриминации.

Право на аборты стало важным вопросом. До 1970 г. каждый год делалось примерно 1 млн. абортов, из которых лишь около 10 тыс. были легальными. Вероятно, треть женщин, делавших такие операции нелегально, – в основном малоимущие – помещались в больницы с осложнениями. Никто не знает, сколько тысяч женщин погибло в результате подобных абортов. Но запрет на аборты на деле был направлен против бедняков, поскольку богатые могли рожать или прерывать беременность в безопасных условиях.

В 1968–1970 гг. в более чем 20 штатах были инициированы судебные процессы, направленные на изменение законодательства, запрещающего аборты. Усилилась общественная поддержка права женщин распоряжаться собой без вмешательства государства. В известном сборнике женских работ «Сила союза сестер», вышедшем примерно в 1970 г., в статье Л. Сислер «Контроль за рождаемостью: незавершенное дело» говорилось, что «аборт является правом женщины... никто не может наложить вето на ее решение и заставить ее выносить ребенка против воли». Проведенный Службой Луиса Харриса весной 1969 г. опрос общественного мнения показал, что 64 % респондентов считали решение о том, делать аборт или нет, личным делом.

Наконец, в начале 1973 г. Верховный суд в делах «Роу против Уэйда» и «Доу против Болтона» постановил, что штат может запрещать аборт только в течение трех последних месяцев беременности, контролировать аборты в случаях, связанных с угрозой здоровью на четвертом-шестом месяца беременности, а в первые три месяца беременности женщина и ее врач имеют право на самостоятельное решение.

Усилилось давление сторонников создания центров по уходу за детьми, и, хотя американкам не удалось получить от правительства существенную поддержку, открылись тысячи таких кооперативных центров.

Кроме того, женщины впервые стали открыто говорить о проблемах, связанных с сексуальным насилием. Каждый год сообщалось о 50 тыс. изнасилований, но гораздо большее количество подобных случаев оставалось неизвестным. Женщины начали ходить на курсы

²¹³ «Гридайрон» – элитарный клуб профессиональных журналистов.

самообороны. Проводились акции протеста, связанные с тем, как полиция обращалась с потерпевшими, которые сообщали о случившемся, оскорбляя их при допросах. Стала широко популярной книга С. Браун-миллер «Против нашей воли», в которой со всей силой и негодованием показана история и дан анализ сексуального насилия, предлагающий как индивидуальные, так и коллективные средства самообороны:

«Отвечать ударом на удар. На всех уровнях мы должны заниматься этим совместными усилиями, если мы, женщины, хотим компенсировать дисбаланс и избавить себя и мужчин от идеологии насилия. Сексуальное насилие можно устранить, а не просто держать под контролем или избегать его на индивидуальной основе, но подход к этому должен быть долгосрочным и совместным; его должны понимать и проявлять добрую волю как многие мужчины, так и женщины...»

Множество американок прилагали усилия к тому, чтобы Поправка о равных правах²¹⁴ к Конституции была одобрена достаточным количеством штатов. Но становилось ясно, что, даже если бы она была узаконена, этого было бы мало, и что женщины добились многого именно путем самоорганизации, решительных действий, акций протеста. Даже в тех случаях, когда соответствующий закон существовал, он помогал, если его подкрепляли действием. Член Конгресса США, чернокожая Ширли Чизхолм, сказала: «Закон за нас этого не сделает. Мы должны сделать все сами. Женщины в этой стране должны стать революционерками. Нам следует отказаться от старых, традиционных ролей и стереотипов... Мы должны заменить устаревшие, негативные представления о нашей женственности на позитивные идеи и позитивные действия».

Возможно, самым существенным результатом женского движения 60-х гг., помимо имевших место побед в таких сферах, как аборт и равноправие на рабочем месте, был так называемый «подъем самосознания», осуществлявшийся часто в рамках «женских кружков», которые собирались на дому по всей стране. Это означало переосмысление собственной роли, отказ от комплекса неполноценности, большую уверенность в себе, ощущение связи с другими женщинами, возросшую близость матери и дочери. Поэтесса из Атланты Эста Ситон писала в стихотворении «Ее жизнь»:

Вот эта картина, что вижу я снова и снова:
Моя молодая мама, едва ли семнадцать лет
Готовит кошерный обед у печи
В ту первую зиму в Вермонте,
Отец мой, в себя погруженный всегда,
Когда не орет,
Ест, чтобы свою к ней любовь показать.
Полвека спустя ее голубые глаза охладели
От ужасов этого серого дома,
Младенцев, рожденных один за другим
И доктора слов:
«Если больше детей не хотите,
Уйдите из дома».

²¹⁴ Поправка о равных правах (ЭРА – аббр. от англ. Equal Rights Amendment [ERA]) – законопроект о равных правах женщин, который должен был стать 27-й Поправкой к Конституции США. В марте 1972 г. Конгресс предложил штатам ратифицировать эту Поправку, однако она не набрала в установленные сроки необходимых для ратификации голосов «за» трех четвертей штатов и поэтому не была принята.

Впервые открыто обсуждалась чисто биологическая уникальность женщин. Некоторые теоретики (например, Суламифь Файерстоун в работе «Диалектика пола») считали, что таковая была более важной причиной их угнетения, чем существование любой конкретной экономической системы.

Свобода проявлялась уже в самом факте откровенного обсуждения того, что прежде держалось в тайне, скрывалось, являлось причиной стыда и смущения: менструация, мастурбация, менопауза, аборт, лесбийская любовь.

Одной из наиболее важных книг начала 70-х гг. была работа «Наши тела и мы сами», представлявшая собой сборник статей 11 женщин, организованных в Бостонский коллектив по книгам о женском здоровье. В ней содержалось огромное количество практической информации о женской анатомии, различиях полов и сексуальных связях, лесбийской любви, питании и здоровье, изнасилованиях, самообороне, венерических болезнях, контроле за рождаемостью, абортах, беременности, рождении ребенка и менопаузе. Даже более важным, чем информация, таблицы и фото, откровенное исследование ранее не упоминавшихся фактов, было то ощущение радости, которым пронизана вся книга, – наслаждение от собственного тела, удовлетворение от вновь обретенного понимания, нового, сестринского отношения к молодым женщинам, а также к женщинам среднего и пожилого возраста. Авторы цитируют английскую суфражистку Кристабель Панкхёрст²¹⁵:

Помните о женском чувстве собственного достоинства.
Не просите, не умоляйте, не пресмыкайтесь.
Отважно беритесь за руки, становясь рядом с нами.
Сражайтесь вместе с нами...

И, по словам многих американок, борьба началась с битвы за собственное тело, которое, кажется, было основой эксплуатации женщин как сексуальных игрушек (слабых и неопытных), как беременных (беспомощных), как женщин средних лет (которых более не считали красивыми), как старух (которых игнорировали и отодвигали в сторону). Мужчины и общество в целом создали биологическую тюрьму. Как выразилась в своей книге «Рождена женщиной» Адриен Рич²¹⁶, «женщин контролируют, загоняя нас в наши тела». Она писала: «У меня есть очень четкие, острые воспоминания о том, чем я занималась через день после свадьбы: я подметала пол. Возможно, полы и не нуждались в том, чтобы их подметали; возможно, я просто не знала, что еще мне делать. Но, подметая, я думала: «Теперь я женщина. Это вековая традиция; это то, что женщины делали всегда».

Я почувствовала, что подчиняюсь некоему древнему обычаю, слишком старому, чтобы в нем усомниться. Это то, что женщины делали всегда.

Как только моя беременность стала очевидной, я впервые за свое отрочество и взрослую жизнь почувствовала себя ни в чем не виновной. Атмосфера одобрения, в которой я купалась (казалось, что она исходит даже от незнакомых людей на улице), была подобна ауре вокруг меня, в которой сомнения, страхи, предчувствия встречались с абсолютным отрицанием. Это

²¹⁵ Кристабель Панкхёрст (1880–1958) – одна из наиболее радикальных европейских суфражисток. В 20-х гг. жила в США, где присоединилась к течению адвентистов Второго пришествия. В 1940 г. окончательно переселилась в Соединенные Штаты.

²¹⁶ Адриен Сесил Рич (1929–2012) – поэтесса, феминистка.

то, что женщины делали всегда».

Рич считала, что женщины могли бы использовать свое тело «скорее как ресурс, а не как предназначение». По ее мнению, патриархальные системы, будь то при капитализме или «социализме», приспособливали женские тела к своим потребностям. Автор обсуждала вопрос о пассивности, которая воспитывалась в женщинах. Целые поколения девочек выросли на книжке «Маленькие женщины», в которой мать говорит Джо: «Я злюсь почти каждый день, Джо, но научилась не показывать это; я все еще надеюсь научиться не чувствовать этот гнев вообще, даже если это займет у меня еще сорок лет».

В эпоху «анестезированного, технологизированного деторождения» доктора-мужчины использовали для извлечения детей инструменты, заменив ими чувствительные руки акушеров. Рич была не согласна со своей коллегой-феминисткой С. Файерстоун, которая хотела изменить биологическую неизбежность деторождения, поскольку таковое приносит боль и служит источником подчинения. Через изменение социальных условий А. Рич высказывала желание превратить акт появления на свет ребенка источником физического и эмоционального удовольствия.

Нельзя, полагала Рич, чтобы кто-то позволял себе по-фрейдистски игнорировать женщин, считая это для себя «участком плохой видимости» (как при автомобильном движении) и одновременно говоря, что по другим вопросам его зрение безупречно; такое невежество искажает все остальное. Существует дилемма женского тела: «Я не знаю ни одной женщины, будь то девственница, мать, лесбиянка, замужняя или незамужняя женщина, зарабатывает ли она на жизнь, являясь домохозяйкой, либо подавая в кафе коктейли, либо сканируя мозг, – для которой собственное тело не являлось бы фундаментальной проблемой: его скрытое предназначение, способность к воспроизведению потомства, желания, так называемая фригидность, кровавая речь, молчание, изменения, увечья, насилие над ним и его созревание».

Вот предлагаемый А. Рич выход: «Восстановление права на владение собственным телом... мира, в котором каждая женщина руководит своим телом» как основы не только для рождения детей, но и для новых взглядов и смыслов, нового мира.

Для большинства американок, не относящихся к интеллектуалкам, вопрос был даже более насущным: как избавиться от голода, страданий, подчинения, унижений здесь и сейчас. Джонни Тиллмон писала в 1972 г.: «Я – женщина, чернокожая, неимущая, толстуха, женщина средних лет. И я живу на пособие... Я вырастила шестерых детей... Я выросла в Арканзасе... работала там 15 лет в прачечной... переехала в Калифорнию... В 1963 г. я заболела и не смогла больше работать. Друзья помогли мне получить пособие...»

Пособие сродни дорожной аварии. Она может случиться с каждым, но особенно часто происходит с женщинами. Поэтому пособие – это женский вопрос. В этой стране многих женщин – представительниц среднего класса беспокоит Освобождение Женщин. Для тех из нас, кто сидит на пособии, это вопрос выживания».

Дж. Тиллмон считала, что программы вспомоществования сродни «...сверхнеравноправному браку. Вы меняете мужчину на Мужчину... Мужчина отвечает за все... контролирует ваши деньги». Вместе с другими матерями, получавшими пособия, она создала Национальную организацию защиты прав получателей пособий. Эти женщины требовали, чтобы американкам оплачивали труд – работу по дому и воспитание детей. «Ни одна женщина не может считаться освобожденной, пока все женщины не поднимутся с колен».

В проблеме женщин было и средство для избавления от угнетения как их самих, так и кого бы то ни было вообще. В обществе контроль над американками был изобретательным и эффективным. Он не осуществлялся государством напрямую. Напротив, для этого использовался институт семьи: мужчины контролировали женщин, женщины – детей, и, таким

образом, все были заняты друг другом, обращались друг к другу за поддержкой, обвиняли друг друга в неприятностях, совершали насилие друг над другом, когда что-то шло не так, как надо. Почему это нельзя было изменить? Могли ли женщины и дети освободиться, могли ли мужчины и женщины начать лучше понимать друг друга, найти источник общего угнетения, вместо того чтобы искать его друг в друге? Возможно, тогда и те, и другие смогли бы обнаружить сильные стороны собственных взаимоотношений, образовав миллионы очагов сопротивления. Они смогли бы осуществить революционные изменения в образе мышления и в поведении в той сфере замкнутой частной семейной жизни, на поддержку которой и рассчитывала система в деле контроля и внушения. И совместными усилиями, вместо того чтобы враждовать друг с другом, мужчины и женщины, родители и дети могли бы принять меры к изменению самого общества.

Это было время бунтов. И если восстание могло вспыхнуть в самой изысканной и сложной тюрьме – семье, было бы резонно ожидать мятежей и в самых жестоких и тривиальных тюрьмах, а именно в рамках пенитенциарной системы. В 60-х – начале 70-х гг. многократно возросло число таких бунтов. Они также приняли беспрецедентный политический характер и обрели жестокость классовой войны, кульминация которой имела место в тюрьме города Аттика (Нью-Йорк) в сентябре 1971 г.

Пенитенциарная система в США развивалась как попытка квакеров-реформаторов заменить традиционные наказания колониальных времен: нанесение увечий, виселицы и изгнание. Предполагалось, что тюремное заключение путем изоляции приведет к раскаянию и спасению души, но узники, находясь в таком одиночестве, сходили с ума и умирали. К середине XVIII в. пенитенциарная система основывалась на каторжном труде в сочетании с различными наказаниями: карцером, железным ошейником, одиночным заключением. Такой подход был сформулирован начальником тюрьмы в городе Оссининг (Нью-Йорк): «Чтобы изменить преступника, надо сначала сломить его волю». Этот подход и практиковался.

Чиновники пенитенциарной системы каждый год собирались на конференцию, чтобы поздравить друг друга с достигнутыми успехами. Президент Американской ассоциации исправительных учреждений, выступая в 1966 г. с ежегодным посланием, так описывал новое издание Руководства по исправительным стандартам: «Оно позволяет нам, если угодно, задержаться у врат исправительной Валгаллы с чувством гордости за отлично сделанную работу! Мы можем гордиться, мы можем чувствовать удовлетворение, мы можем быть довольны». Это было сказано в период целой череды наиболее крупных тюремных бунтов за всю историю страны.

Такие волнения случались всегда. В 20-х гг. они закончились подавлением мятежа в тюрьме города Клинтон (Нью-Йорк), где находились 1,6 тыс. осужденных; в результате было убито три человека. В 1950–1953 гг. в американских местах лишения свободы произошло более 50 крупных волнений. В начале 60-х гг. скованные цепями заключенные в Джорджии, работавшие на каменоломнях, использовали свои кувалды, чтобы ломать себе ноги, тем самым надеясь привлечь внимание к обстановке повседневной жестокости, в которой они существовали.

В калифорнийской тюрьме Сан-Квентин, где содержалось 4 тыс. заключенных, в конце 60-х гг. произошла целая серия выступлений: бунт на расовой почве в 1967 г., забастовка белых и чернокожих узников в начале 1968 г., из-за которой прекратилось практически все тюремное производство, вторая забастовка, имевшая место летом того же года.

Осенью 1970 г. заключенные захватили тюрьму в Куинсе на Лонг-Айленде (Нью-Йорк), взяли заложников и предъявили требования. Выбранный бунтовщиками для ведения переговоров комитет состоял из четырех чернокожих, одного пуэрториканца и одного белого;

мятежники потребовали немедленно провести повторные слушания 47 дел по освобождению под залог, которые, как они считали, были примерами проявления расизма при принятии решений подобного рода. Судьи пришли, выдали разрешения на освобождение под залог, а в некоторых случаях сократили сроки содержания под стражей, и заложников отпустили. Но когда заключенные продолжили акцию, полиция взяла здание тюрьмы штурмом, используя слезоточивый газ и дубинки, и с бунтом было покончено.

Примерно в то же время, в ноябре 1970 г., в калифорнийской тюрьме Фолсом прекратились все работы, что стало началом самой продолжительной тюремной забастовки в истории Соединенных Штатов. Большинство из 2,4 тыс. заключенных продержались в своих камерах в течение 19 дней без еды, перед лицом угроз и шантажа. Забастовка была подавлена с использованием сочетания силы и обмана, и четырех узников отправили в другую тюрьму; в ходе 14-часовой перевозки они лежали на полу фургона обнаженными и закованными в цепи. Один из мятежников написал: «...возросло сознание... Семя было посеяно».

В течение долгого времени тюрьмы США являлись ярким отражением самой американской системы: неприкрашенные различия между образом жизни богатых и бедных, расизм, использование жертв [системы] друг против друга, отсутствие у низших классов возможностей для высказываний, бесконечные «реформы», которые мало что меняли. Русский писатель Ф. М. Достоевский однажды сказал, что об уровне цивилизации общества можно судить по его тюрьмам.

Длительное время это было так, и заключенные знали об этом лучше всех остальных: чем беднее вы были, тем больше у вас имелось шансов оказаться за решеткой. И так происходило не потому, что бедняки совершали больше преступлений. Хотя они на самом деле совершали их больше. Богатым не приходилось преступать закон, чтобы получить желаемое; законы были на их стороне. Но когда богатые совершали преступления, их часто не преследовали по закону, а если и преследовали, то они могли выйти под залог, нанять умных адвокатов, рассчитывать на большую благосклонность судей. Каким-то образом тюрьмы оказались заполнены чернокожими бедняками.

В 1969 г. было вынесено 502 приговора за мошенничество в области налогов. В таких делах, которые относят к «беловоротничковой преступности», обычно участвуют люди, у которых много денег. Так вот, из тех, кого приговорили, 20 % оказалось в тюрьме. Средний размер мошенничества составлял 190 тыс. долл., а средний срок тюремного наказания – 7 месяцев. В том же году 60 % признанных виновными в краже со взломом или краже автомобиля (преступления бедноты) лишились свободы. Средняя стоимость украденной машины была 992 долл., тогда как средний срок тюремного заключения за это преступление – 18 месяцев. Стоимость похищенного путем кражи со взломом в среднем составляла 321 долл., а средний срок – 33 месяца.

Психиатр У. Гейлин в работе «Пристрастное правосудие» рассматривает дело, которое с некоторыми вариациями могло иметь место тысячи раз. Он только что опросил 17 членов секты «Свидетели Иеговы», отказавшихся зарегистрироваться на призывном пункте во время войны во Вьетнаме, и все эти люди получили по 2 года тюрьмы. Гейлин посетил молодого чернокожего, который уведомил призывную комиссию о том, что сознательно не согласен с призывом: у него вызывают отвращения зверства этой войны. Его осудили на 5 лет. Автор пишет: «Хэнк был первым, кто получил пять лет. Он оказался также первым черным». Но существовали и дополнительные факторы:

«А какая у тебя была прическа?» – спросил я.

«Афро²¹⁷».

«А что на тебе было надето?»

«Дашики²¹⁸».

«А ты не думаешь, что это повлияло на вынесенный приговор?»

«Конечно, повлияло».

«Стоило ли это года или двух твоей жизни?» – спросил я.

«Это и есть моя жизнь, – ответил он, глядя на меня одновременно с тревогой и смущением. – Ты что, мужик, не понимаешь? В этом-то и весь смысл! Свободен ли я, чтобы иметь свой стиль, волосы, цвет кожи?»

«Конечно, – ответил я. – Ты прав».

Гейлин обнаружил, что судьям даны огромные полномочия по вынесению приговоров. В штате Орегон из 33 человек, признанных виновными в нарушении Закона о призыве, 18 осудили условно. На юге Техаса из 16 нарушителей того же Закона на поруки не отпустили ни одного, а в южной части штата Миссисипи все обвиняемые были осуждены и получили максимальный срок – 5 лет лишения свободы. В одном конце страны (в Новой Англии) средний срок за любые преступления составлял 11 месяцев, а в другом (на Юге) – 78 месяцев. Но это не был просто вопрос различия между Севером и Югом. В городе Нью-Йорке из 673 человек, судимых за нахождение в общественном месте в нетрезвом состоянии (все это были бедняки; богатые напиваются за закрытыми дверями), судья снял обвинения с 531 человека. Другой судья, который провел 566 процессов по тому же обвинению, освободил от ответственности 1 человека.

Притом что в руках суда концентрировалась такая власть, бедняки, чернокожие, люди со странностями, гомосексуалисты, хиппи и радикалы вряд ли были бы равны перед законом, попадая к судьям, которые почти все были белыми, принадлежали к верхушке среднего класса и придерживались консервативных взглядов.

В любой отдельно взятый год (возьмем, к примеру, 1972 г.) около 375 тыс. человек находятся в тюрьмах (графств или городов) либо в исправительных учреждениях штатов или федерального уровня, а 54 тыс. заключенных сидят в колониях для несовершеннолетних. Одновременно около 900 тыс. человек имеют статус осужденных условно, а 300 тыс. освобождены условно-досрочно. То есть всего 1,6 млн. человек затронуты системой уголовного правосудия. С учетом текучести через эту систему проходили ежегодно несколько миллионов человек. Данная часть населения незаметна для Америки среднего класса, но если столь долго не обращали внимания на 20 млн. черных, то почему бы не относиться так же к 4 или 5 млн. «преступников»? Исследование, проведенное Фондом защиты детей (Т. Коттл. «Дети в тюрьме»), показало, что в середине 70-х гг. свыше 900 тыс. молодых людей до 18 лет в течение года хотя бы раз попадали за решетку.

Любой, кто попытается описать реальную жизнь тюрьмы, содрогнется. Человек, находясь в Уолполской тюрьме (Массачусетс), писал: «Каждая программа здесь используется как оружие против нас. Право ходить в школу, в церковь, право на посещения, право писать и ходить в кино. Все это в итоге оказывается орудием наказания. Ни одна из программ не принадлежит нам. Все рассматривается как привилегия, которая может быть отобрана. Результатом всего

²¹⁷ Афро – высокая пышная «естественная» прическа с мелкими завитками, популярная особенно в 60–70-х гг. среди афроамериканцев, как женщин, так и мужчин.

²¹⁸ Дашики – свободная цветастая мужская рубашка в африканском стиле. Получила распространение среди афроамериканцев в 70-х гг.

этого является чувство неуверенности – безнадежность, которая разъедает вас».

А вот свидетельство еще одного заключенного Уолпола: «Я четыре года не ел в столовой. Я просто не мог этого вынести. Вы становитесь утром в очередь, а от подносов расползаются 100–200 тараканов. Подносы грязные, пища грубая, в ней грязь или личинки. Часто по ночам я оставался голодным, питаюсь арахисовой пастой и сэндвичами, ухватив то там, то сям батон хлеба или кусок болонской колбасы. Другие ребята не имели этого, поскольку у них не было таких связей, как у меня, или отсутствовали деньги на тюремную лавку».

Сложными являлись и контакты с внешним миром. Надзиратели разрывали письма. Другие письма перехватывали и читали. Сидевший в Уолполе в 1970 г. Джерри Суса отправил два прошения – одно судье, другое в совет по условно-досрочным освобождениям, чтобы рассказать о том, что его избили охранники. Они остались без ответа. Восемь лет спустя во время судебного слушания заключенный узнал, что тюремные власти перехватили его письма и никуда не отправили.

Семьи страдали вместе с узниками: «Во время последней отсидки мой четырехлетний сын пробрался во двор и сорвал мне цветок. Надзиратель на башне позвонил в кабинет начальника тюрьмы, и заместитель начальника пришел вместе с полицейскими штата. Он объявил, что, если еще какой-нибудь ребенок выйдет во двор и сорвет цветок, все посещения будут отменены».

Характер тюремных бунтов конца 60-х – начала 70-х гг. разительно отличался от прежних волнений. Заключенные тюрьмы в Куинсе называли себя «революционерами». По всей стране на тех, кто сидел в тюрьмах, повлияли, очевидно, выступления за пределами мест заключения, акции чернокожих и молодежи, а также антивоенное движение.

События тех лет подтвердили то, что уже ощущали узники: какие бы преступления они ни совершили, гораздо более страшные преступления совершались властями, содержавшими тюрьмы, и правительством Соединенных Штатов. Президент страны ежедневно нарушал законодательство, отправляя на убийство бомбардировщики, посылая людей на смерть, попирая Конституцию – «высший закон страны». Чиновники на уровне штата и на местном уровне нарушали гражданские права чернокожих, что было противозаконно, но при этом не подвергались судебному преследованию.

Книги о движении чернокожих и войне начали проникать в тюрьмы. Пример, поданный на улицах черными американцами и участниками антивоенного движения, был опьяняющим – неповиновение являлось единственным ответом системе беззакония.

Это система бросила за решетку Мартина Состре, 52-летнего чернокожего владельца книжного магазина афроазиатской литературы в городе Буффало (Нью-Йорк), осудив на срок от 25 до 30 лет тюрьмы по обвинению в продаже героина стоимостью 15 долл. доносчику, который позднее отказался от своих показаний. Однако этот отказ не способствовал освобождению Состре. Ему не удалось найти ни один суд, включая Верховный суд США, который бы отменил приговор. Состре провел в заключении 8 лет, где его 10 раз избивали надзиратели, на 3 года помещали в одиночную камеру, но Состре боролся и не повиновался властям до момента освобождения. Такая несправедливость заслуживала только бунта.

Политзаключенные существовали всегда. Это были люди, которых отправляли в тюрьму за принадлежность к радикальным движениям и антивоенную деятельность. Но теперь появилась новая разновидность таких узников – у осужденных за обычное преступление мужчин и женщин в заключении пробуждалось политическое сознание. Некоторые осужденные начинали видеть связь между своими личными испытаниями и общественной системой. Тогда они прибегали не к индивидуальному сопротивлению, а к коллективным акциям. В условиях грубой среды, требовавшей концентрации внимания на собственной безопасности, в атмосфере

жестокого соперничества, они находили возможность беспокоиться о правах и безопасности других.

Джордж Джексон был одним из таких новых политзаключенных. Он сидел в тюрьме Соледад (Калифорния) по приговору с неопределенным сроком наказания²¹⁹ за ограбление, в результате которого он стал обладателем 70 долл. После отбытия 10-летнего заключения Джексон превратился в революционера. С яростью, отражавшей его состояние, он говорил: «Чудовище, которое они породили во мне, вернется, чтобы замучить своего создателя, поднимется из могилы, из ямы, из глубочайшей ямы. Даже если отправить меня в мир иной, в ад – и это не свернет меня с пути... От них я потребую компенсации кровью. Я буду атаковать их, как взбешенный, раненый слон-отшельник, машущий ушами, поднимающий хобот и ревущий... Это будет война без правил».

Такой заключенный долго не проживет. И когда книга Джексона «Соледадский брат» стала одной из наиболее популярных работ, написанных чернокожим воинственным активистом – ее читали узники, афроамериканцы и белые, – это было еще одним признаком того, что он скоро умрет.

«Всю свою жизнь я делал только то, что хотел и когда хотел, иногда меньше, иногда больше, и этим объясняется то, что мне пришлось оказаться в тюрьме... Я так и не адаптировался. Я не привык даже несмотря на то, что провел уже полжизни за решеткой».

Он осознал, что может произойти: «Рожденный умереть раньше срока, раболепный, низкооплачиваемый работник, берущийся за любую работу; уборщик; арестант; человек, сидящий в заточении без права выхода под залог, – все это я, жертва колонизаторов. Любой, кто может сегодня сдать экзамен для поступления на госслужбу, может завтра убить меня... обладая полной неприкосновенностью».

В августе 1971 г. Дж. Джексона убили выстрелом в спину надзиратели в тюрьме Сан-Квентин, по их словам, при попытке к бегству. В версии властей штата (которую анализирует Э. Манн в книге «Товарищ Джордж») было полно дыр. Еще до получения результатов вскрытия и до того, как ставшие достоянием общественности позднее данные указали на разработанный властями план убийства Джексона, узники в тюрьмах графств и штатов по всей стране знали, что его убили за то, что в условиях неволи он посмел стать революционером. Вскоре после смерти этого человека по США прокатилась волна бунтов: в городской тюрьме Сан-Хосе, в тюрьмах графств Даллас, Суффолк в Бостоне, Камберленд в Бриджтоне (Нью-Джерси), Бексар в Сан-Антонио (Техас).

Непосредственным результатом убийства Джексона стало восстание заключенных в Аттике в сентябре 1971 г., которое было связано с длительным и глубоким недовольством, но точкой кипения являлась новость о Дж. Джексоне. Здание тюрьмы было окружено 30-футовой стеной толщиной 2 фута, вдоль которой было расположено 14 сторожевых вышек. Из содержащихся там заключенных 54 % составляли чернокожие, тогда как 100 % надзирателей были белыми. Узники проводили от 14 до 16 часов в день в камерах, их почта перлюстрировалась, существовали ограничения на чтение, общение с членами семьи осуществлялось через решетку, медицинское обслуживание было позорным, система условно-досрочного освобождения – несправедливой, господствовал расизм. То, насколько администрацию волновали эти условия, характеризуется высказыванием начальника тюрьмы Винсента Манкузи после начала восстания: «Зачем они разрушают свой дом?»

²¹⁹ Имеется в виду приговор, которым срок наказания не определен в зале суда, а зависит от дальнейшего поведения осужденного.

Большинство узников этой тюрьмы попали туда в результате сделок о признании вины. Из 32 тыс. обвинительных заключений по тяжким уголовным преступлениям, ежегодно выносившихся в штате Нью-Йорк, от 4 до 5 тыс. дел попадали в суд. Решения по остальным (около 75 %) принимались на основании сделок по принуждению, называемых «сделками о признании вины», которые в докладе объединенного комитета палат законодательного собрания штата Нью-Йорк о преступности описаны следующим образом: «Кульминация процесса достижения сделки о признании вины – шарада, сама по себе имеющая аспекты бесчестности, которые могут во многих случаях поспорить по этому параметру с самим преступлением. Обвиняемого заставляют публично признать свою вину в конкретном преступлении, которого он во многих случаях и не совершал: иногда он признается и вовсе в несуществующем деянии.

Более того, после этого обвиняемый должен подтвердить, что делает заявление добровольно... и не в связи с какими-либо обещаниями... данными ему».

В процессе заключения сделки о признании вины обвиняемый признает себя виновным, являясь таковым или нет, избавляя штат от забот по организации судебного процесса в обмен на обещание менее строгого наказания.

Когда заключенные тюрьмы в Аттике получали возможность условнодосрочного освобождения, то время слушания, включая чтение личного дела и обсуждение вопроса тремя членами суда, составляло в среднем 5,9 минуты. Решение выносилось безо всяких объяснений.

В официальном докладе о восстании в этой тюрьме говорится о том, как занятия заключенных социологией превратились в форум идей о переменах. Затем последовала серия организованных акций протеста, а в июле 1971 г. вышел составленный узниками манифест, в котором содержался ряд умеренных требований, после чего «продолжился рост напряженности в Аттике». Кульминацией стал день, когда пришла весть об убийстве Джорджа Джексона в Сан-Квентине. Лишь некоторые заключенные тогда обедали и ужинали, а у многих на руках появились черные повязки.

Девятого сентября 1971 г. несколько конфликтов между узниками и надзирателями окончились тем, что группа заключенных прорвалась через ворота, в которых был дефектный сварной шов, и захватила один из четырех тюремных дворов, взяв 40 охранников в заложники. В последующие пять дней бунтовщики создали в этом дворе удивительное сообщество. В группу приглашенных ими граждан-наблюдателей входил обозреватель «Нью-Йорк таймс» Том Уикер, писавший в статье «Время умирать»: «Межрасовая гармония, царившая среди узников, была потрясающей... Этот тюремный двор стал первым в моей жизни местом, где отсутствовал расизм». Один чернокожий заключенный позднее сказал: «Я никогда не думал, что белые могут быть так охвачены энтузиазмом... Не могу описать вам, каково было находиться на этом дворе, но я по-настоящему плакал, так все были близки, все были вместе».

Через пять дней у властей штата кончилось терпение. Губернатор Нелсон Рокфеллер одобрил нападение на тюрьму (посмотрите потрясающий фильм «Аттика», режиссер Синда Файерстоун). Бойцы национальной гвардии, тюремная охрана и местная полиция, вооруженные полуавтоматическими винтовками, карабинами и автоматами, штурмом взяли тюрьму, где находились безоружные узники. Тридцать один заключенный был убит. В первых рассказах представителей тюремной администрации, появившихся в прессе, прозвучала информация о том, что во время атаки заключенные перерезали горло девяти надзирателям-заложникам. Из официальных протоколов вскрытия вскоре стало ясно, что это ложь: эти девять человек погибли под тем же градом пуль, который поразил восставших.

Значение того, что произошло в Аттике, трудно оценить. Через два месяца после бунта начались волнения в тюрьме графства Норфолк (Массачусетс). Восьмого ноября 1971 г.

вооруженные надзиратели и служащие полиции штата в результате неожиданного рейда проникли туда, выволокли из камер 16 человек и вывезли их из тюрьмы. Заключенный так описал эти события: «Примерно между часом и двумя прошлой ночью я не спал (у меня проблемы со сном после Вьетнама) и смотрел в окно. Там были полицейские. И вертухай. Их было полно. Вооруженные пистолетами, большими дубинками. Они заходили в камеры и вытаскивали оттуда людей, всяких людей...

Они забрали моего друга... Его выволокли в одном белье, босиком, в 1.30 ночи двое полицейских и вертухай. Я смотрел на этих бойцов с противогазами, экипированных оружием и дубинками; лунный свет отражался на их шлемах, а лица пропитаны ненавистью. Думаю, что это тот мир, в котором живут эти парни с их оружием и ненавистью, с их шлемами и противогазами, а тут вы – пытаетесь проснуться, вспоминая о Кентском университете²²⁰, Джексоне и Чикаго²²¹. И об Аттике. Больше всего об Аттике».

На той же неделе в тюрьме города Конкорд (Массачусетс) имел место похожий рейд. Как и везде в течение нескольких недель и месяцев после событий в тюрьме в Аттике, власти начали принимать превентивные меры с целью сломить попытки самоорганизации среди заключенных. Молодой вождь движения за пенитенциарную реформу в Конкорде Джерри Суса был посреди ночи переброшен в Уолполскую тюрьму и немедленно помещен в вызывающий ужас изолятор – 9-й блок. Узник находился там в течение непродолжительного срока, когда ему удалось передать сообщение друзьям. Содержание данного документа многое говорит о том, что происходило в сознании осужденных до и после бунта в Аттике: «Мы пишем в этом безрадостном сообщении об обстоятельствах и событиях, приведших к смерти Джозефа Чеснулавича, которая произошла здесь, в 9-м блоке, час назад. В канун Рождества жестокие надзиратели, работавшие в блоке, начали создавать атмосферу ужаса среди нас, заключенных. Четверых наших товарищей избили, в том числе Доналда Кинга. Пытаясь избежать постоянных издевательств и бесчеловечного обращения, заключенный Джордж Хейс съел бритвенные лезвия, а Фред Айхерн проглотил иглу... оба были доставлены в Массачусетскую больницу.

Сегодня в 6 часов вечера надзиратели Баптист, Сейнсбери и Монтега облили Джо струей химической пены из огнетушителя, после чего захлопнули за ним стальную дверь камеры и, угрожая, ушли со словами: «Мы достанем этого ублюдка». В 9.25 вечера Джо нашли мертвым... Тюремные власти и пресса приклеят к смерти маленького Джо ярлык самоубийства, но люди здесь, в 9-м блоке, которые стали свидетелями убийства, знают [правду]. Неужели черед за нами?»

Происходил процесс самоорганизации заключенных, выражавшейся в заботе друг о друге, попытке обратить ненависть и гнев индивидуального бунта в коллективную борьбу за перемены. На воле тоже происходило нечто новое: по всей стране возникали группы поддержки заключенных, появилось много литературы о тюрьмах. Проводилось все больше исследований по проблемам преступления и наказания, росло движение за закрытие тюрем на том основании, что они не предотвращают правонарушения или не избавляют от них, а, наоборот, способствуют их распространению. Обсуждались также альтернативные варианты: в краткосрочном плане – коммуны-поселения (для всех, кроме неисправимо жестоких), в долгосрочной перспективе – гарантии минимальной экономической безопасности.

²²⁰ Имеется в виду расстрел 4 мая 1970 г. Национальной гвардией штата Огайо студентов Кентского университета.

²²¹ Речь идет о столице штата Миссисипи Джексоне и Чикаго – городах, где в 60-х – начале 70-х гг. происходили массовые беспорядки на расовой почве и устраивались демонстрации в защиту гражданских прав.

Заклученные размышляли не только о тюремных делах, о себе и своих друзьях, но и о других жертвах. В Уолполской тюрьме распространяли заявление с требованием вывода американских войск из Вьетнама. Этот документ, который подписали все без исключения узники, представляет собой удивительное проявление организаторского таланта. В День благодарения большинство узников не только Уолпола, но и других исправительных учреждений отказались от специального праздничного обеда, заявив, что они хотят привлечь внимание к голодающим в США.

Заклученные тщательно готовили судебные иски, и в судах было одержано несколько побед. Предание гласности событий в Аттике, появление сочувствующих – все это возымело эффект. Хотя участникам мятежа в этой тюрьме были предъявлены тяжелые обвинения и им грозили двойные и тройные сроки пожизненного заключения, в конце концов обвинения были сняты. Но в целом суды заявили о своем нежелании проникать в закрытый, строго контролируемый мир тюрьмы, и поэтому заключенные, как и прежде, оказались предоставлены сами себе.

Даже когда время от времени в судах удавалось одержать «победу», при внимательном рассмотрении оказывалось, что ситуация не очень менялась. В 1973 г. в решении по делу «Прокьюниер против Мартинеса» Верховный суд США счел неконституционными некоторые правила цензуры корреспонденции, введенные департаментом исправительных учреждений штата Калифорния. Но при более детальном изучении, при всех горделивых словах о «свободах, гарантированных 1-й Поправкой», в решении также говорилось: «...мы постановляем, что цензура тюремной переписки является оправданной, если удовлетворяет следующим критериям». Иными словами, если цензура «преследует важные или существенные государственные интересы» либо «осуществляется в важных государственных интересах безопасности, порядка и восстановления в правах», то ее следует разрешить.

В 1978 г. Верховный суд постановил, что у средств массовой информации нет гарантированного права доступа в пенитенциарные учреждения. В решении говорилось также, что тюремные власти могут запрещать узникам общение друг с другом, собрания, распространение литературы о том, как создать свой союз.

Стало ясно (а заключенным это, похоже, было известно с самого начала), что их положение нельзя изменить законодательным путем. Такие перемены должны произойти в результате акций протеста, самоорганизации, сопротивления, создания собственной культуры и литературы, налаживания связей с людьми за пределами тюремных стен. Во внешнем мире начало появляться все больше людей, которые знали о положении дел в местах заключения. Десятки тысяч американцев побывали за решеткой, став участниками движения за гражданские права и антивоенного движения. Они узнали о пенитенциарной системе изнутри и вряд ли забыли о своем опыте. Возникла основа для прорыва длительной изоляции узников от общества и нахождения поддержки в нем. Начало процесса приходится на середину 70-х гг.

Это было время революционного подъема. Восстали женщины, запертые в собственных домах. Вzbунтовались упрямые за решетку заключенные. Но самый большой сюрприз еще не был преподнесен.

Считалось, что индейцы, которые некогда были единственными обитателями континента и которых затем отбросили и уничтожили белые поселенцы, больше не подадут признаков жизни. В последние дни 1890 г., вскоре после Рождества, произошла последняя массовая резня аборигенов в местечке Пайн-Ридж (Южная Дакота), у ручья Вундед-Ни. Великий вождь племени сиу Сидящий Бык незадолго до этого был убит индейской полицией, находившейся на службе у властей США, а оставшиеся сиу укрылись в Пайн-Ридж. Индейцев – 120 мужчин и 230 женщин и детей – окружили американские кавалеристы, разместившиеся на

возвышенности у индейского лагеря и вооруженные двумя пулеметами Хочкисса, способными стрелять на расстояние 2 мили. После того, как солдаты приказали ему сложить оружие, кто-то из индейцев выстрелил из ружья. Тогда солдаты разрядили в них свои карабины, а типы²²² расстреляли из крупнокалиберного оружия, находившегося на холме. Когда все закончилось, из 350 мужчин, женщин и детей было убито от 200 до 300 человек. Двадцать пять солдат погибли преимущественно от собственной шрапнели и пуль, поскольку туземцы имели лишь несколько ружей.

Подвергавшиеся нападениям и подавленные, вымирающие от голода, индейские племена оказались разделены из-за вытеснения их в резервации, где они жили в нищете. В 1887 г. по Закону о распределении земли²²³ была предпринята попытка раздробить резервации на небольшие земельные участки, закрепляемые за отдельными индейцами, и превратить их в мелких фермеров подобных белым фермерам, однако большая часть этих земель досталась белым спекулянтам, а резервации продолжали существовать.

Позднее, во времена Нового курса, когда Бюро по делам индейцев возглавлял друг коренных жителей Америки Джон Коллир, была предпринята попытка восстановить племенной уклад. Но в последующие десятилетия крупных перемен не произошло. Многие индейцы остались в доведенных до нищеты резервациях. Молодежь часто уезжала оттуда. Антрополог, изучающий туземный быт, заявил: «Индийская резервация является наиболее ярким из известных мне образцов колониальной системы».

Некоторое время исчезновение или расовое смешение краснокожих казалось неизбежным – на рубеже XIX–XX вв. их оставалось только 300 тыс. человек из миллиона или более, живших первоначально на территории США. Но позднее их численность вновь увеличилась, напоминая растение, которое отказывается погибать и начинает пышно расти. К 1960 г. насчитывалось 800 тыс. индейцев; половина из них жила в резервациях, другая половина – в городах по всей стране.

Из автобиографий туземцев виден их отказ растворяться в культуре белого человека. В одной из них говорится: «Да, я ходил в школы для белых. Я учился читать по учебникам, газетам и Библии. Но со временем обнаружилось, что этого недостаточно. Цивилизованные люди слишком зависят от печатного слова. Я обращаюсь к книге Великого Духа, который является основой мироздания».

Индеец племени хопи по имени Вождь Солнца сказал: «Я выучил много английских слов и мог бы процитировать часть Десяти заповедей. Я знал, как спать на кровати, молиться Иисусу, причесывать волосы, есть при помощи ножа и вилки, пользоваться туалетом... Я также узнал, что человек думает головой, вместо того, чтобы думать сердцем».

В автобиографии «Из страны Пятнистого Орла», опубликованной в 1933 г., вождь Лютер Стоящий Медведь писал: «Это правда, что белый человек привнес много перемен. Но разнообразные плоды его цивилизации, хотя и раскрашены в разные цвета и выглядят маняще, на деле отвратительны и смертельны. И если принадлежность к цивилизации означает возможность калечить, грабить и разрушать, то в чем тогда смысл прогресса? Рискну

²²² Типи – традиционное жилище индейцев Великих равнин.

²²³ Речь идет о законе Дауэса, который был принят в 1887 г., с важными поправками от 1889, 1891, 1906 и 1910 гг. Регулировал передачу земель резерваций, находящихся в общинной собственности, индивидуальным владельцам (в размере: 160 акров главе семьи, 80 акров неженатому индейцу старше 18 лет и 40 акров – младше 18 лет). Оставшиеся после распределения земли продавались; деньги шли в фонд племени. За период действия закона (до 1934 г.) из 138 млн. акров, находившихся в общинной собственности индейцев, у них осталось только 48 млн. акров.

предположить, что человек, сидевший на земле в своем типе, размышляя о жизни и своем предназначении, признавая родство всех созданий, признавая единство со Вселенной, вселял в свое существо подлинный смысл цивилизации».

Пока в 60-х гг. развивались движение за гражданские права и антивоенное движение, индейцы собирались с силами для сопротивления, раздумывая о том, как изменить свое положение, начиная самоорганизовываться. В 1961 г. 500 вождей племен и лидеров городских индейцев съехались в Чикаго. В результате этой встречи произошла другая – собрание получивших университетское образование молодых индейцев, которые сформировали Национальный совет индейской молодежи. Первый президент этой организации, пайют Мел Том, писал: «Индейцы проявляют все большую активность. Есть разногласия, насмешки, песнопения, вспышки гнева, иногда – планирование... Индейцы обретают уверенность и мужество в том, что их дело – правое. Борьба продолжается... Индейцы собираются вместе, чтобы определить свою судьбу».

Примерно в это же время коренные жители Америки стали обращаться к правительству США по щекотливому вопросу, а именно по поводу договоров властей с индейскими племенами. В популярной книге 1969 г. «Кастер погиб за ваши грехи» Вайн Виктор Делория-младший заметил, что президент Линдон Джонсон любил говорить об «обязательствах» Америки, а президент Ричард Никсон рассуждал о неспособности России уважать подписанные ею договоры. Он пишет: «Индейцы падают со смеху, когда слышат такие заявления».

Правительство США подписало более 400 договоров с туземцами – и нарушило каждый из них. Например, еще во времена администрации Джорджа Вашингтона был заключен договор с ирокезами, обитавшими на территории штата Нью-Йорк, в котором говорилось: «Соединенные Штаты признают, что все земли в указанных границах являются собственностью народа сенека». Но в начале 60-х гг., при президенте Кеннеди, США проигнорировали данное соглашение и построили на этих землях плотину, затопив большую часть резервации этого племени.

В различных частях страны сопротивление уже обретало формы. В штате Вашингтон существовал старинный договор, согласно которому у индейцев отбирались земли, но за ними сохранялись права на рыбную ловлю. По мере роста численности белого населения это положение стало непопулярным, так как пришельцы хотели закрепить только за собой территории рыбных промыслов. Когда в 1964 г. суды штата постановили закрыть речные районы для индейских рыбаков, последние устроили «рыбные демонстрации»²²⁴ на реке Нискуолли в знак протеста против этих решений и отправились в тюрьму, надеясь привлечь внимание общественности к своей акции протеста.

В следующем году судья местного суда постановил, что племя пуйаллуп не существует, поэтому его представители не могут ловить рыбу в реке, носящей имя этого племени, т. е. в реке Пуйаллуп. Полиция провела рейды в индейских рыбацких поселках, в ходе которых были уничтожены лодки, разрезаны сети, избиты люди и арестовано семь туземцев. В решении Верховного суда США от 1968 г. были подтверждены права индейцев по договору, но сказано, что власти штата могут «регулировать все вопросы рыболовства», если это не дискриминирует аборигенов. Однако эти власти продолжали добиваться судебных предписаний и арестовывать краснокожих за ловлю рыбы. Они поступали с решением Верховного суда так же, как белые

²²⁴ «Рыбные демонстрации» («фиш-инс») – акты гражданского неповиновения индейцев в защиту своих прав на рыболовство, выражавшиеся в демонстративном лове рыбы в запретной зоне.

южане в течение многих лет поступали с 14-й Поправкой, – игнорировали его. Протесты, рейды, аресты продолжились и в начале 70-х гг.

Некоторые индейцы, принимавшие участие в «рыбных демонстрациях», были ветеранами войны во Вьетнаме. Один из них – Сид Миллс, арестованный за участие 13 октября 1968 г. в такой акции у пристани Фрэнка на реке Нискуолли (Вашингтон). Он сделал следующее заявление: «Я – индеец якима и чироки, и я человек. В течение двух лет и четырех месяцев я был солдатом армии США. Я воевал во Вьетнаме, пока не получил тяжелое ранение... Настоящим заявляю об отказе от каких-либо обязательств службы или исполнения долга в рядах армии Соединенных Штатов. Моя основная обязанность теперь – служить Индейскому Народу, защищающему согласно законному договору свои права на рыбную ловлю в традиционных и привычных водах Нискуолли, Колумбии и других рек Тихоокеанского Северо-Запада, и служить этому Народу в этой битве всеми доступными способами...

Мое решение основано на том факте, что мы уже похоронили индейских рыболовов, вернувшихся в гробах из Вьетнама, а живущие здесь индейцы-рыбаки не защищены и подвергаются постоянным нападениям... В этот день, всего лишь три года назад, 13 октября 1965 г., 19 женщин и детей без всякого предупреждения подверглись жестокому нападению со стороны 45 вооруженных агентов штата Вашингтон у пристани Фрэнка на реке Нискуолли... Интересно, что древнейшие останки человека, найденные когда-либо в Западном полушарии, были обнаружены недавно на берегах реки Колумбии, – ими оказались останки индейских рыбаков.

Что это за правительство или общество, которые тратят миллионы долларов на то, чтобы собрать наши кости, реставрировать предметы быта наших предков и защитить от повреждения их древние останки, одновременно пожирая живых представителей нашего народа?.. Мы будем сражаться за свои права».

Индейцы отвечали не только физическим сопротивлением, но и методами, присущими культуре белого человека, а именно: книгами, словами, газетами. В 1968 г. могауки из резервации Аквесасне, расположенной между США и Канадой на реке Св. Лаврентия, начали издавать потрясающую газету, «Аквесасне ноутс», печатавшую новости, редакционные статьи, поэзию, пронизанные духом неповиновения. Делалось это с юмором, который нельзя подавить. В. В. Делория-младший писал: «Время от времени меня впечатляет образ мышления неиндейцев. В прошлом году я был в Кливленде, и мне довелось пообщаться с таким человеком на тему американской истории. Он сказал, что очень сожалеет о случившемся с индейцами, но тому была хорошая причина. Надо было осваивать континент, и он считает, что туземцы стояли на пути, поэтому их требовалось устранить. «В конце концов, – заметил этот человек, – что вы делали со всей этой землей, когда она была в вашем распоряжении?» Я не совсем понимал, что он имеет в виду, пока не узнал, что река Кайахога, на которой стоит Кливленд, является в буквальном смысле легковоспламеняющейся.

В реку сливается столько горючих отходов, что летом местным жителям приходится предпринимать особые меры предосторожности, чтобы не поджечь ее. Оценив доводы моего друга-неиндейца, я решил, что, скорее всего, он был прав. Белые лучше распорядились землей. Много ли есть индейцев, которые додумались бы до того, чтобы создать горючую реку?»

Девятого ноября 1969 г. произошло драматическое событие, которое привлекло внимание к недовольству коренных жителей Америки больше, чем что бы то ни было еще. Оно прорвало пелену, застилавшую предыдущие протесты индейцев, носившие местный характер, и показало всему миру, что эти люди все еще существуют и готовы отстаивать свои права. В тот день до рассвета 78 туземцев высадились на острове Алькатрас в заливе Сан-Франциско и оккупировали его. Там находилась заброшенная федеральная тюрьма; это ужасное место

вызывало ненависть и было прозвано «Скалой». Еще в 1964 г. несколько молодых индейцев занимали остров, чтобы создать Индейский университет, но их выдворили оттуда, а событие не получило известность.

На этот раз все было иначе. Группу возглавляли могаук Ричард Оукс, руководивший индейскими исследованиями в штатном колледже в Сан-Франциско, и представительница племени сак и фокс Грейс Торп, дочь знаменитого Джима Торпа, индейской звезды студенческого футбола, в качестве бегуна, прыгуна и барьериста, участвовавшего в Олимпийских играх. К ним присоединились другие краснокожие, и к концу ноября на Алькатрасе жили около 600 человек, представлявшие более 50 племен. Они назвали себя «Индейцами Всех Племен» и выступили с воззванием «Мы держим Скалу». В прокламации эти люди предложили купить Алькатрас за стеклянные бусы и красную материю, т. е. за эквивалент цены, уплаченной туземцам за остров Манхэттен более 300 лет назад. В воззвании говорилось: «Мы считаем, что так называемый остров Алькатрас более чем подходит для устройства индейской резервации в соответствии со стандартами, принятыми белым человеком. Под этим мы имеем в виду, что данное место похоже на большинство резерваций по следующим признакам:

1. Оно находится вдалеке от современных удобств и не связано с ними соответствующими видами транспорта.

2. Здесь нет свежей питьевой воды.

3. Здесь нет отвечающей современным требованиям системы канализации.

4. Здесь нет необходимости предъявлять права на нефть или другие полезные ископаемые.

5. Здесь нет промышленности, а потому очень высок уровень безработицы.

6. Здесь нет учреждений здравоохранения.

7. Почва каменистая и неплодородная; здесь не водится дичь.

8. Здесь нет образовательных учреждений.

9. Населения было всегда больше, чем земли.

10. Население постоянно содержалось в неволе и зависело от других».

Индейцы провозгласили, что создадут на острове Центр экологических исследований, которые будут вести коренные американцы: «Мы станем работать над очисткой воздуха и воды в районе Залива... восстановлением рыбных запасов и животного мира».

В последующие месяцы власти отрезали Алькатрас от телефонной связи, отключили электричество и водоснабжение. Многим участникам акции пришлось покинуть остров, но другие настояли на том, чтобы остаться. Год спустя краснокожие все еще находились там и они отправили восточку «нашим братьям и сестрам всех рас и языков, живущим на Матери-Земле»: «Мы все еще удерживаем остров Алькатрас во имя истинной Свободы, Справедливости и Равенства, поскольку вы, наши братья и сестры, оказали поддержку нашему праведному делу. Мы простираем руки, открываем сердца и шлем послания духа каждому из вас: **МЫ ДЕРЖИМ СКАЛУ...**

Мы узнали, что насилие порождает еще большее насилие, и поэтому оккупировали Алькатрас мирным путем, надеясь, что правительство этих Соединенных Штатов будет действовать таким же образом... Мы – гордый народ! Мы – индейцы! Мы наблюдали и отвергли большую часть того, что предлагает так называемая цивилизация. Мы – индейцы! Мы сохраним наши традиции и образ жизни, сами обучая наших детей. Мы – индейцы! Мы покажем пример ранее невиданного единства. Мы – индейцы! Наша Мать-Земля хочет услышать наши голоса. Мы – Индейцы Всех Племен! **МЫ ДЕРЖИМ СКАЛУ!»**

Спустя полгода федеральные силы захватили остров и выдворили живших там людей. Думали, что о племени навахо больше никто уже не услышит. В середине XIX в. части армии

США под командованием «Кита» Карсона сжигали деревни навахо, уничтожали их урожаи и сады, изгоняли туземцев с исконных земель. Но в районе плато Блэк-Меса в Нью-Мексико индейцы так и не сдались. В конце 60-х гг. XX столетия «Пибоди коул компани» начала на их земле добычу угля открытым способом – безжалостную выемку верхнего слоя почвы. Компания ссылалась на «контракт», подписанный с некоторыми навахо. Он напоминал прошлые «договоры», скрепленные подписями отдельных индейских представителей, по которым были отобраны земли всех индейцев.

Весной 1969 г. собрались 150 человек из племени навахо, чтобы заявить, что добыча открытым способом приведет к отравлению воды и воздуха, уничтожению пастбищных угодий, истощению скудных водных ресурсов. Молодая индианка, сославшись на брошюру, разработанную отделом по связям с общественностью «Пибоди коул компани», в которой были показаны озера для рыбалки, луга и леса, заявила: «У нас не останется ничего подобного тому, что вы видите на картинках... Каким будет будущее наших детей, детей наших детей?» Пожилая женщина-навахо, одна из организаторов собрания, сказала: «Монстры из «Пибоди» выкапывают сердце нашей Матери-Земли, нашу священную гору, и мы тоже чувствуем боль... Я прожила здесь много лет и не собираюсь уезжать».

Деятельность этой компании затронула и индейцев хопи. В знак протеста они написали президенту Никсону: «Сегодня священные земли, где живут хопи, оскверняются людьми, которые хотят извлечь уголь и воду, чтобы обеспечить больше энергии для городов белого человека... Великий Дух сказал, что не позволит этому случиться... Великий Дух сказал, что не надо забирать у Земли – не надо уничтожать живые существа... Великий Дух говорил, что если бросить на Землю тыкву с пеплом, то многие умрут и что конец этого образа жизни близок. Мы считаем, что это было сказано об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Мы не хотим, чтобы это вновь случилось в каком-либо месте и с каким-либо народом, поэтому должны обратить всю эту энергию в мирных целях, а не использовать для войны».

Осенью 1970 г. журнал «Раса» (одно из бесчисленных местных периодических изданий, выходивших по инициативе общественных движений тех лет с целью давать ту информацию, которую игнорировали обычные СМИ) рассказал об индейцах пит-ривер, обитавших на севере Калифорнии. Шестьдесят человек жили, по их словам, на своих землях; они отказались подчиниться предписанию Службы лесов США покинуть эти места. Один из индейцев этого племени, по имени Даррил Б. Уилсон, позднее вспоминал: «Когда танец оранжевого огня пробудил деревья, а холод выполз из темноты к говорящему костру и наше дыхание выдавали небольшие облачка, мы заговорили». Краснокожие спросили у властей, по какому договору те заявляют о правах на земли. Сослаться было не на что. Индейцы процитировали федеральный статут (25 USCA194), согласно которому при земельном споре между туземцем и белым «бремя доказывания лежит на белом человеке».

Они построили барак из листового железа, однако судебные исполнители сказали, что это сооружение уродливо и нарушает красоту пейзажа. Д. Б. Уилсон позднее писал: «Весь мир погибает. Вода отравлена, воздух отравлен, политика искажена, земля разграблена, лес опустошен, берега разрушены, города сожжены, жизни людей уничтожены... а федеральные власти провели лучшую часть октября, пытаясь доказать нам, что барак «уродлив»!

Для нас это строение было прекрасным. Оно положило начало нашей школе. Это было местом собраний, домом для лишенных крова, прибежищем для тех, кто нуждается в отдыхе, церковью, штаб-квартирой, деловым офисом, символом приближающейся свободы. И он до сих пор стоит на месте.

Это также был центр, предназначенный для возрождения нашей пораженной, выхолащенной и изолированной культуры, нашим началом. Барак стал нашим солнцем,

всходившим в ясный весенний день, когда на небе нет облаков. Это было что-то хорошее и чистое, приятное для сердца. Такое маленькое место на большой земле. Наше место».

Но пришли 150 судебных исполнителей с автоматами, дробовиками, винтовками, пистолетами, дубинками, «Мейсом»²²⁵, собаками, цепями и наручниками. «Старики испугались. Молодые усомнились в собственной храбрости. Маленькие дети были подобны оленям, которых поразил гром. Сердца бились быстро, как будто после бега в летней жаре». Приставы пустили в ход свои дубинки, и пролилась кровь. Уилсона, схватившего дубинку одного из пришедших людей, повалили на землю и сковали наручниками; лежа вниз лицом, он получил несколько ударов по голове. До потери сознания избили 66-летнего человека. Был арестован белый репортер, его жена избита. Всех их бросили в грузовики и увезли, обвинив в нападении на представителей властей штата и федеральных властей и в вырубке деревьев, но не в нарушении владения, что могло бы привести к вопросу о том, кому принадлежит земля. Когда все закончилось, индейцы не покорились. Те из них, кто участвовал в войне во Вьетнаме, начали находить совпадения. Во время проводившихся организацией «Уинтер соулджер» расследований в Детройте, в ходе которых ветераны давали показания о своем опыте, индеец из Оклахомы Эван Хейни рассказал о себе следующее: «Сто лет назад происходили такие же расправы с индейцами. Тогда использовалось бактериологическое оружие. Они заражали вирусом оспы принадлежащие индейцам одеяла...

Мне пришлось узнать вьетнамцев, и они – такие же, как мы. Мы разрушаем себя и мир вокруг нас. Всю жизнь я был свидетелем расизма. Будучи ребенком, я смотрел по телевизору фильмы про ковбоев и индейцев и переживал за кавалерию, а не за туземцев. Вот как плохо все было. Я так далеко зашел в деле саморазрушения...

Хотя 50 % детей в сельской школе в Оклахоме, куда я ходил, были краснокожими, в школе, на телевидении или по радио ничего не говорилось об индейской культуре. Не было книг об истории индейцев, даже в библиотеке их не нашлось... Но я знал, что что-то здесь не так. Я начал читать и узнавать о своей собственной культуре...

Я видел, как счастлив был индейский народ, когда они (индейцы) захватили Аляскатрас или защищали свои права на рыбную ловлю в штате Вашингтон. Наконец они почувствовали себя людьми».

Коренные жители Америки начали что-то делать в связи с «саморазрушением», т. е. уничтожением их культуры. В 1969 г., на Первом собрании американских индейцев-ученых, его участники негодуя говорили о том, как по всей стране в школьных учебниках для маленьких детей игнорируют или оскорбляют краснокожих. В том же году было создано издательство «Индиан хисториан пресс». Оно проанализировало 400 учебников для начальной и средней школы и обнаружило, что ни в одном из них нет точного отражения роли индейцев.

В школах была предпринята контратака. В начале 1971 г. 45 учеников-индейцев из школы Коппер-Вэлли в Гленнейлене (Аляска) написали письмо своему конгрессмену, в котором высказались против строительства Трансаяскинского нефтепровода, разрушительного для экологии и представляющего угрозу «миру, спокойствию и безопасности нашей Аляски».

Другие американцы тоже стали обращать внимание на эти проблемы, размышлять над тем, чему их учили. Появились первые фильмы, в которых была сделана попытка иначе взглянуть на историю индейцев, например «Маленький большой человек» по роману Томаса Бергера. Выходило все больше книг по этой тематике, пока, наконец, не появился новый вид литературы. Преподаватели стали критичнее относиться к застарелым стереотипам,

²²⁵ Товарный знак слезоточивого газа.

выбрасывали старые учебники и начинали использовать новые материалы. Весной 1977 г. учительница одной из нью-йоркских начальных школ Джейн Калифф рассказала о своем опыте работы с учениками 4–5-х классов. Она принесла на урок традиционные учебники и попросила детей выявить присутствовавшие в них стереотипы. Дж. Калифф прочла вслух тексты, написанные индейскими авторами, и статьи из газеты «Аквесасне ноутс», а также развесила в классе протестные плакаты. Затем школьники написали письма редакторам прочитанных ими книг:

«Уважаемый редактор,

Мне не нравится Ваша книга «Плавание Христофора Колумба».

Мне она не понравилась, потому что Вы сказали некоторые вещи об индейцах, которые не соответствуют действительности... Еще мне не понравилось то, что сказано на странице 69; там говорится, что Колумб пригласил индейцев в Испанию, но на самом деле он выкрал их!

С уважением, Раймонд Миранда».

В День благодарения 1970 г., во время ежегодного празднования высадки пилигримов, власти решили поступить нетрадиционно: они пригласили коренного жителя Америки произнести праздничную речь, нашли индейца вампаноага Фрэнка Джеймса и попросили его выступить. Но когда представители властей увидели текст речи, которую тот собирался произнести, они решили, что не хотят это слушать. В его так и не состоявшемся в Плимуте (Массачусетс) вступлении, полностью опубликованном в «Хрониках протеста американских индейцев», были такие слова: «Я обращаюсь к вам как Человек – Человек племени вампаноаг... Я стою здесь со смешанными чувствами, чтобы поделиться мыслями... В течение четырех дней пилигримы едва изучили берега Кейп-Кода, но успели разграбить могилы моих предков, украли их кукурузу, пшеницу и бобы...

Наш дух отказывается умирать. Вчера мы ходили по лесным тропам и песчаным берегам. Сегодня – должны идти по мощеным шоссе и дорогам. Мы объединяемся. Мы поднимаемся не в наших вигвамах, а в ваших бетонных палатках. Мы с гордостью встаем во весь рост, и пройдет немного лун, как мы устраним несправедливость, которую позволили совершить по отношению к нам».

Аборигены Америки никогда не проводили четкую границу между прозой и поэзией. Когда обучавшегося в Нью-Мексико индейца похвалили за его стихи, он сказал: «В моем племени нет поэтов. Все говорят стихами». Однако есть «стихи», собранные в антологиях «Последние американцы» Уильяма Брэндона и «Путь» Ширли Хилл Уитт и Стэна Стайнера.

Вот перевод «весеннего стиха» с языка племени ашинабе, сделанный Джералдом Вайзном: «Когда глаза мои скользят по прерии, я ощущаю лето в весне». В стихотворении «Последний снег» Джозефа Кончи, есть строки: «Последним приходит снег и успокаивает всё». А это стихи под названием «Это не так!», написанные пятилетними детьми, участвовавшими в Специальной программе навахо в 1940 г.:

Резервация навахо – унылое место?

Нет, это не так!

Там солнышко в небе и синее небо

Иль серое в дождь.

Там каждый день – радость,

Согласно природы порядку.
 Совсем не унылое место.
 А дом у навахо убогий и мал?
 Неправда!
 Внутри есть любовь,
 Добрый смех и большой разговор.
 Но главное –
 Это же дом,
 Где двери открыты,
 Есть место для всех,
 И в замке не более можно найти.

В марте 1973 г. появилось мощное подтверждение того, что индейцы Северной Америки все еще живы. На месте бойни 1890 г. в резервации Пайн-Ридж несколько сот индейцев оглала-сиу и их друзья оккупировали поселок Вундед-Ни в знак борьбы за индейские земли и права коренного населения. История этого события и слова его участников отражены в ставшей библиографической редкостью книге «Голоса Вундед-Ни, 1973», опубликованной издателями «Аквесасне ноутс».

В 70-х гг. 54 % взрослых мужчин в резервации Пайн-Ридж были безработными, около трети семей получали пособия или пенсии, был широко распространен алкоголизм, высок уровень самоубийств. Средняя продолжительность жизни среди оглала-сиу составляла 46 лет. Незадолго до захвата Вундед-Ни в городке Кастер произошли кровопролитные столкновения. Индеец Уэсли Плохое Сердце Быка был убит белым работником бензоколонки. Этого человека выпустили из тюрьмы под залог в 5 тыс. долл., обвинив в непредумышленном убийстве, за которое возможен срок заключения 10 лет. Туземцы собрались в знак протеста, и это привело к стычке с полицией. Мать жертвы, Сару Плохое Сердце Быка, арестовали по обвинению в преступлении, за которое ей угрожал максимальный срок 30 лет.

Двадцать седьмого февраля 1973 г. около 300 оглала-сиу, многие из которых были членами новой радикальной организации Движение американских индейцев (ДАИ)²²⁶, вошли в поселок Вундед-Ни и провозгласили его освобожденной территорией. Эллен Передвижной Лагерь позднее заявила: «Мы решили, что нам нужна здесь поддержка Движения американских индейцев, поскольку наши мужчины были напуганы, они держались поодаль. В основном выступили женщины».

Через несколько часов более 200 агентов ФБР, федеральных судебных исполнителей и полицейских Бюро по делам индейцев окружили и заблокировали поселок. В их распоряжении имелись броневые автомобили, автоматические винтовки, автоматы, гранатометы и снаряды со слезоточивым газом, и вскоре началась стрельба. Три недели спустя Глэдис Биссонетт сказала: «Пока мы находимся здесь, в Вундед-Ни, в нас постоянно стреляют, всегда – с наступлением темноты. Но прошлая ночь была самой тяжелой. Я думаю, что Великий Дух с нами, поэтому пулям не удастся проникнуть в наши тела. Прошлой ночью мы бежали под градом пуль... Мы собираемся держаться до тех пор, пока не станем полностью независимым суверенным народом, народом оглала-сиу».

После начала осады истощились запасы пищи. Индейцы из штата Мичиган отправили

²²⁶ Радикальная организация, боровшаяся за самоопределение индейских народов. Действовала в 1968–1978 гг., местные группы продолжают деятельность.

продовольствие на самолете, который приземлился в лагере оглала-сиу. На следующий день агенты ФБР задержали пилота и мичиганского доктора, который арендовал самолет. В Неваде были арестованы 11 индейцев, собиравшие продукты питания, одежду и медикаменты для отправки в Южную Дакоту. В середине апреля еще три самолета сбросили 1,2 тыс. фунтов продовольствия, но, когда люди собрались, чтобы подобрать груз, их обстреляли с правительственного вертолета, а наземный огонь велся со всех сторон. Одна из пуль сразила индейца Фрэнка Клируотера, лежавшего на койке в здании церкви. Когда его жена поехала с ним в больницу, она была арестована и отправлена в тюрьму. Клируотер скончался.

Перестрелки продолжились, еще один человек погиб. Наконец было подписано мирное соглашение, в котором обе стороны согласились разоружиться (помня о резне 1890 г., индейцы отказывались сдавать оружие, будучи окружены вооруженными людьми). Правительство США обязалось изучить положение коренных американцев, а назначенная президентом комиссия должна была рассмотреть условия договора 1868 г. Осада окончилась, 120 участников акции арестовали. Позднее федеральные власти заявили, что упомянутый договор был изучен и признан законным, но заменен так называемым правом США на «отчуждение частной собственности», а именно полномочиями правительства отобрать земли.

Индейцы продержались 71 день, создав на осажденной территории удивительное сообщество. Были организованы общественные столовые, клиника и больница. Вот что сказал представитель навахо, ветеран войны во Вьетнаме: «Здесь царит удивительное спокойствие с учетом того, что другая сторона лучше вооружена и численно превосходит нас... Но люди остаются, потому что у них есть вера и цель. Вот почему мы проиграли во Вьетнаме, там у нас не было цели. Мы участвовали в войне богатых, для богатых... В Вундед-Ни мы держимся отлично, в смысле морального духа. Мы даже еще способны смеяться».

Послания поддержки приходили в поселок из Австралии, Финляндии, Германии, Италии, Японии, Англии. Одно письмо написали братья из Аттики, двое из которых были индейцами: «Вы сражаетесь за Мать-Землю и Ее Детей. Наши души сражаются вместе с вами!» Уоллес Черный Олень ответил: «Маленький поселок Вундед-Ни превращается в огромный мир».

После этих событий, несмотря на смерти, испытания, использование полиции и судов с целью сломить сопротивление, движение коренных американцев в защиту своих прав продолжилось.

Индейцы, жившие в общине Аквесасне, где издавалась «Аквесасне ноутс», всегда утверждали, что их территория суверенна и на нее не должны распространяться законы белых. Однажды полиция штата Нью-Йорк выписала три штрафных талона могауку, водителю грузовика, и совет индейцев встретился с лейтенантом полиции. Поначалу последний настаивал на том, что ему необходимо было соблюдать инструкции и выписывать штрафы даже на территории Аквесасне, но при этом он старался действовать разумно. В конце концов лейтенант согласился, что не следует арестовывать индейцев в резервации или за ее пределами, не проведя перед этим встречу с советом могауков. Затем полицейский сел и закурил сигару. Индейский вождь Джоакуисо, человек с характерной внешностью и длинными волосами, поднялся и серьезным голосом обратился к этому человеку. «Есть еще один вопрос, перед тем как вы уйдете, – медленно произнес он, глядя прямо на лейтенанта. – Не найдется ли у вас лишней сигары?» Встреча закончилась смехом.

Газета «Аквесасне ноутс» продолжала выходить. На странице, посвященной поэзии, поздней осенью 1976 г. появились стихи, отражавшие дух того времени. Ила Абернати писала:

Я – трава, что растет, и я косарь травы,
Я и ива, и расщепляющий прутья,

Ткач и сотканное, брачный союз ивы с травой.
 Я – мороз на земле и жизнь мертвой земли,
 Я – дыхание, и зверь, и острый камень под ногами,
 Во мне живы горы и взмахи крыльев совы,
 И я – в них. Я – солнца близнец,
 Тот, кто движет кровь, и истекшая кровь,
 Я – олень и оленья смерть,
 Я – заусенец в вашем сознании,
 Признайте меня.

А вот строки Баффи Сент-Мари:

Вы думаете, что мне являются видения
 Потому, что я индианка?
 Мне являются видения
 Потому, что они есть.

В 60–70-х гг. не было просто женского движения, движения заключенных или движения индейцев. Имел место всеобщий бунт против гнетущего, искусственно насаждаемого, прежде не вызывавшего сомнений образа жизни. Он коснулся каждого аспекта жизни человека: рождения ребенка, детства, любви, секса, брака, одежды, музыки, спорта, языка, продуктов питания, жилья, религии, литературы, смерти, образования.

Новые нравы и манера поведения шокировали многих американцев. Они вызывали напряженность в обществе. Иногда это воспринималось как «пропасть между поколениями» – молодежь все больше отдалялась от образа жизни старшего поколения. Но через какое-то время оказалось, что это не столько вопрос возраста, – часть молодежи оставалась «ортодоксальной», в то время как некоторые люди среднего возраста меняли образ жизни, а старики начинали вести себя так, что поражали окружающих.

Сексуальное поведение изменилось радикально. О сексе до брака больше не молчали. Мужчины жили с женщинами вне брака, пытаясь найти верные слова, характеризующие их отношения: «Познакомьтесь, это... мой друг». Супружеские пары откровенно заговорили о своей жизни, появились книги, в которых обсуждался «открытый брак». О мастурбации стали говорить вслух, даже с одобрением. Гомосексуализм более не скрывали. Мужчины-геи и женщины-лесбиянки сообща боролись с дискриминацией, чтобы осознать свою общность, преодолеть стыд и изоляцию.

Все это нашло отражение в литературе и в средствах массовой информации. Суды признавали недействительными местные запреты на книги эротического и даже порнографического содержания. Появилась новая литература (книга «Праздник секса» и др.), которая обучала мужчин и женщин достижению сексуальной самореализации. В новом кино не стеснялись показывать наготу, хотя киноиндустрия, стремясь сохранить наряду с прибылями и принципы, ввела систему классификации фильмов (R – «просмотр в присутствии взрослых», X – «запрещен просмотр детям»). Язык секса стал обычным в литературе и в быту.

Все это было связано с новыми условиями жизни. Общины процветали в особенности среди молодежи. Действительно настоящих коммун, т. е. таких, где принято делиться деньгами и совместно принимать решения, создавая сообщество близких по духу людей, привязанности и доверия, было мало. Большинство их появилось из практических соображений – для совместной оплаты аренды, – и основывались они на разной степени дружбы и близости

участников. Для мужчин и женщин стало обычным явлением быть «соседями по комнате» и проживать группами по два-три человека и более, исходя из практичности и общности интересов, не вступая в сексуальную связь.

Самой важной переменной в стиле одежды 60-х гг. стала большая неформальность. Для женщин это являлось продолжением традиционных настойчивых требований феминисток убрать из обихода «женственную», стесняющую движения одежду. Многие американки перестали носить бюстгалтеры. Ограничивающий свободу «корсет» (фактически униформа 40–50-х гг.) стал редкостью. Юноши и девушки теперь одевались похоже – носили джинсы и поношенную военную форму. Мужчины прекратили носить галстуки, а женщины всех возрастов часто надевали брюки, чем безмолвно отдавали должное Амелии Блумер.

Возникла новая популярная музыка протеста. Пит Сигер пел песни протеста начиная с 40-х, но теперь он добился признания; его аудитория стала гораздо шире. Боб Дилан и Джоан Базз, исполнявшие не только песни протеста, но и песни, отражающие новое одиночество, новую культуру, превратились во всеобщих кумиров. Жившая на Западном побережье женщина преклонных лет Малвина Рейнолдс писала и исполняла песни, соответствовавшие ее социалистическим воззрениям и духу борца за свободу личности и содержавшие критику современной коммерциализированной культуры. Она пела, что все теперь живут в «маленьких коробках», а вначале «все были одинаковыми».

Боб Дилан являлся феноменом сам по себе: он исполнял мощные песни протеста, личностные песни о свободе и самовыражении. В гневной песне «Хозяева войны» Дилан выражает надежду, что когда-нибудь эти хозяева умрут и он однажды «в тусклый полдень» пойдет за их гробом. В песне «Прольется ливень» певец вспоминает ужасающие истории последних десятилетий, голод и войну, слезы и трупы лошадей, отравленные воды и серые, грязные тюрьмы, – на них «прольется ливень». Дилан исполнил горькую антивоенную песню «Бог на нашей стороне» и еще одну, под названием «Лишь пешка в их игре» об убийстве чернокожего активиста Медгара Эверса. В своей песне «Времена-то меняются» он бросил вызов старому, заявил о надежде на обновление.

Выступления католиков против войны были частью общего бунта внутри Римско-католической церкви, долгое время являвшейся оплотом консерватизма, связанного с расизмом, ура-патриотизмом и войной. Священники и монахини отрекались от церкви, открывали себя для секса, брака и рожали детей, иногда даже не покинув лоно церкви официально. Правда и то, что имел место всплеск популярности религиозных возрожденцев прежних времен, а Билли Грэм²²⁷ призывал к послушанию миллионы, но уже появились небольшие быстрые потоки сопротивления основному течению.

В отношении крупного бизнеса возникли новые подозрения в том, что ради прибылей корпорации разрушают окружающую среду. По-новому, как это сделано в книге Дж. Митфорд «Американский образ смерти», стали смотреть на «индустрию смерти» – похоронный бизнес и прибыли от производства надгробий.

С потерей доверия к сильным мира сего: предпринимательству, власти, церкви – возросла вера в себя, как индивидуальная, так и коллективная. На экспертов в любой области смотрели теперь со скептицизмом: росло осознание того, что люди сами могут решать, что есть, как жить, как позаботиться о своем здоровье. Усилилась подозрительность по отношению к медицинской промышленности, и стали проводиться кампании против производства

²²⁷ Билли (Уильям Франклин) Грэм (р. 1918) – баптистский священник, евангелистский радио- и телепроповедник.

искусственных пищевых добавок, бесполезных продуктов питания, рекламы. К этому времени имелись столь сильные доказательства вреда курения: рак, болезни сердца, – что власти запретили рекламировать сигареты по телевидению и в газетах.

Пересматривался и традиционный взгляд на образование. Целые поколения обучались в школе патриотизму, подчинению власти и при этом невежественно и даже презрительно относились к другим народам и расам, коренным американцам и женщинам. Вызов был брошен не просто содержанию, но и стилю образования: формализму, забюрократизированности, упорному стремлению заставить подчиняться власти. Это нанесло лишь незначительный ущерб огромной сложившейся общенациональной системе образования, но повлияло на появление по всей стране нового поколения учителей и новой литературы, призванной поддержать этих педагогов, – таких книг, как «Смерть в раннем возрасте» Дж. Козола, «Жизни детей» Дж. Денисона, «Освобождение от школ» И. Иллича.

Никогда еще в истории США в течение такого непродолжительного периода не существовало столько движений за перемены. Однако система в течение двух столетий хорошо научилась тому, как контролировать людей. В середине 70-х гг. она применила эти познания на практике.

Семидесятые: все под контролем?

В начале 70-х казалось, что система потеряла контроль: ей не удавалось удерживать лояльность общества. В 1970 г., по данным Центра исследований общественного мнения Мичиганского университета, уровень «доверия к правительству» был низким среди всех групп населения, существенно различаясь при этом в зависимости от классовой принадлежности. Сорок процентов профессионалов имели «низкое» политическое доверие к правительству, а в среде неквалифицированных рабочих такие люди составляли 66 %.

Проведенные в 1971 г., т. е. спустя семь лет после начала интервенции во Вьетнаме, опросы общественного мнения указывали на нежелание помогать другим странам, которые подверглись нападению со стороны сил, поддерживаемых коммунистическими режимами. Даже в случаях с государствами – союзниками Соединенных Штатов по НАТО или с Мексикой, находящейся прямо на южной границе США, общественное мнение выступало против ввода американских войск. Что касается Таиланда, то, если бы он был атакован коммунистами, только 12 % белых и 4 % цветных участников опроса отправили бы туда войска.

Летом 1972 г. антивоенно настроенные жители Бостона устроили пикет у штаб-квартиры корпорации «Ханиуэлл». В распространявшейся этими людьми литературе утверждалось, что она производит осколочное оружие, используемое во Вьетнаме, например смертоносные кассетные бомбы, которые изрешетили тела тысяч мирных жителей вызывающими острую боль и трудно извлекаемыми шариками. Около 600 бюллетеней, содержащих вопрос о том, должна ли «Ханиуэлл» прекратить выпуск этого оружия, были розданы сотрудникам этой компании. Из 231 человека, которые вернули бюллетени с ответами, 131 полагал, что корпорация должна прекратить производство, а 88 ответили отрицательно. Служащим компании предлагалось дать комментарий. Типичное объяснение к ответу «нет» был таким: ««Ханиуэлл» не несет ответственности за то, как министерство обороны поступает с теми товарами, которые оно приобретает». Типичный комментарий к ответу «да» гласил: «Как мы можем гордиться своей работой, если она аморальна по сути?»

Центр исследований общественного мнения Мичиганского университета спрашивал: «Манипулируют ли правительством немногие крупные лобби, действующие в собственных интересах?» В 1964 г. на данный вопрос утвердительно ответили 26 % опрошенных, тогда как к

1972 г. такой ответ давали уже 53 %. В статье, опубликованной в «Америкэн политикал сайенс ревью», Артур Х. Миллер, основываясь на активно проводившихся Центром опросах, отметил, что они показывают «широко распространенное недовольство и политическое отчуждение». Он добавил (политологи часто отражали опасения истеблишмента): «Потрясает и отчасти настораживает резкое изменение общественных настроений, произошедшее всего лишь за шесть лет».

Большее, чем когда-либо ранее, количество избирателей отказывались причислять себя к демократам или республиканцам. В 1940 г. 20 % респондентов отнесли себя к «независимым избирателям». В 1974 г. эта цифра составила 34 %.

Суды, жюри присяжных и даже судьи вели себя необычно. Присяжные оправдывали радикалов: всем известная коммунистка Анджела Дэвис была оправдана жюри, состоявшим только из белых, в судебном процессе на Западном побережье. Члены организации «Черные пантеры», которых власти пытались опорочить и уничтожить всеми методами, освобождались присяжными в нескольких судебных процессах. Судья из западной части Массачусетса прекратил дело против молодого активиста Сэма Лавджоя, в знак протеста взобравшегося на 500-футовую башню, сооруженную коммунальным предприятием в ходе строительства атомной электростанции. В августе 1973 г. судья суда первой инстанции в городе Вашингтоне (округ Колумбия) отказался наказать шесть мужчин, обвиненных в противоправном проникновении, – во время экскурсии по Белому дому они вышли за пределы туристической зоны и устроили акцию протеста против бомбежек Камбоджи.

Несомненно, что охватившее страну враждебное отношение к правительству и бизнесу во многом было связано с войной во Вьетнаме, с 55 тыс. погибших, моральным стыдом, уличением правительства во лжи и жестокости. Последней каплей стал позор никсоновской администрации в ходе скандальной истории, которая получила известность под коротким названием «Уотергейт» и закончилась первым в истории США уходом президента в отставку. В августе 1974 г. Ричард Никсон покинул свой пост.

Все началось во время президентской предвыборной кампании в июне 1972 г., когда в офисе Национального комитета Демократической партии в административно-жилом комплексе «Уотергейт» в Вашингтоне (округ Колумбия) были задержаны пятеро взломщиков с аппаратурой для подслушивания разговоров и с фотооборудованием. Один из них, Джеймс Маккорд-младший, работал в штабе Никсона; он был сотрудником Службы безопасности в Комитете по переизбранию президента (КРП). Другой член пятерки имел при себе записную книжку, в которой значилось имя Говарда Ханта, а в качестве адреса этого человека был указан Белый дом. Он являлся помощником Чарлза Колсона, специального советника президента Никсона.

И Маккорд, и Хант в течение долгого времени работали в ЦРУ. Хант отвечал за попытку вторжения на Кубу в 1961 г., а трое уотергейтских взломщиков были участниками этой операции. Маккорд, будучи сотрудником Службы безопасности КРП, работал на шефа Комитета Джона Митчелла, одновременно являвшегося генеральным прокурором США.

Так из-за непредвиденного ареста, проведенного полицейскими, не знавшими о связях взломщиков, информация получила огласку, прежде чем кто-либо смог остановить ее утечку, благодаря чему стали очевидными контакты этих людей с высокопоставленными лицами в предвыборном штабе Никсона, с ЦРУ, а также с генеральным прокурором страны. Дж. Митчелл отрицал какую-либо свою причастность к проникновению в помещения, а президент Никсон спустя пять дней после описываемых событий заявил на пресс-конференции, что «Белый дом не имел никакого отношения к этому конкретному инциденту».

Но в 1973 г., когда в сентябре большое жюри вынесло обвинительное заключение

относительно уотергейтских взломщиков, а также Говарда Ханта и Гордона Лидди, менее значительные официальные лица в администрации Никсона, опасаясь судебного преследования, один за другим заговорили. Они делились информацией в ходе судебных процедур, перед сенатским Комитетом по расследованию, в прессе. Эти чиновники указали на причастность не только Дж. Митчелла, но и ближайших помощников Никсона в аппарате Белого дома – Роберта Холдемана и Джона Эрлихмана – и, наконец, самого президента не только к проникновению в уотергейтский офис, но и к целому ряду незаконных действий в отношении политических оппонентов и активистов антивоенного движения. Президент и его помощники вновь и вновь лгали, пытаясь скрыть свое участие.

Вот какие факты стали известны в ходе показаний различных свидетелей:

1. Генеральный прокурор Джон Митчелл контролировал секретный фонд (от 350 до 700 тыс. долл.), направленный против Демократической партии, – для подделки писем, организации утечек ложной информации в прессу, похищения документов, относящихся к предвыборной кампании.

2. «Галф ойл», ИТТ («Интернэшнл телефон энд телеграф компании»), «Америкэн эрлайнз» и другие американские корпорации-гиганты делали незаконные пожертвования, исчислявшиеся миллионами долларов, в избирательный фонд Никсона.

3. В сентябре 1971 г., вскоре после того как в «Нью-Йорк таймс» были опубликованы переданные Даниэлом Эллсбергом сверхсекретные копии так называемых «Документов Пентагона», администрация президента спланировала и осуществила (это сделали Г. Хант и Г. Ли для) проникновение в офис личного психолога Эллсберга в поисках компрометирующих данных на него.

4. После поимки уотергейтских взломщиков Никсон втайне пообещал помиловать их, если этих людей посадят в тюрьму, и предложил за молчание около 1 млн. долл. На самом деле по приказу Эрлихмана им было передано 450 тыс. долл.

5. Никсоновский кандидат на пост главы ФБР (Дж. Эдгар Гувер умер незадолго до этого) Л. Патрик Грей сообщил о том, что он передал документы ФБР о расследовании «Уотергейта» помощнику Никсона по юридическим вопросам Джону Дину, а также о том, что генеральный прокурор США Ричард Клейндинст (Дж. Митчелл только что ушел в отставку, заявив, что хочет вновь вести частную жизнь) приказал ему не обсуждать «уотергейтские дела» с членами сенатского Юридического комитета.

6. Два бывших члена никсоновского кабинета, Джон Митчелл и Морис Станс, были обвинены в том, что взяли 250 тыс. долл. у некоего финансиста Роберта Веско в обмен на содействие в прекращении расследования Комиссией по ценным бумагам и биржевым операциям его деятельности.

7. Выяснилось, что из досье ФБР исчезли некоторые материалы, связанные с незаконным прослушиванием телефонных разговоров четырех журналистов и 13 правительственных чиновников, осуществлявшимся по распоряжению Генри Киссинджера (эти документы хранились в Белом доме в сейфе помощника президента Никсона Дж. Эрлихмана).

8. Один из уотергейтских взломщиков, Бернард Баркер, рассказал сенатскому Комитету о том, что также был участником плана нападения на Д. Эллсберга во время его выступления на антивоенном митинге в Вашингтоне.

9. Заместитель директора ЦРУ дал показания, согласно которым Холдeman и Эрлихман сообщили ему о пожелании Никсона, чтобы ЦРУ предложило ФБР не выходить в своем расследовании за рамки собственно проникновения в уотергейтский офис.

10. Практически случайно свидетель дал сенатскому Комитету показания о том, что у президента имелись аудиозаписи всех личных бесед и телефонных разговоров в Белом доме.

Никсон сначала отказался отдать пленки, но в конце концов сделал это, и стало ясно, что их содержание исказили: на одной из пленок было стерто 18,5 минуты записи.

11. В ходе разбирательств вице-президент США Спиро Агню был привлечен к уголовной ответственности в Мэриленде по подозрению в получении взяток от местных подрядчиков в обмен на политические льготы и ушел в отставку со своего поста в октябре 1972 г. Никсон назначил на место Агню конгрессмена Джералда Форда.

12. Свыше 10 млн. долл. государственных средств были использованы Никсоном на нужды его частных резиденций в Сан-Клементе и КиБискейне под предлогом повышения их «безопасности»; он также незаконно воспользовался (не без помощи подлога) налоговым вычетом с некоторых из имевшихся у него ценных бумаг в размере 576 тыс. долл.

13. Выяснилось, что в течение 1969–1970 гг. США проводили секретные массированные бомбардировки Камбоджи, факт которых скрывался от американского общества и даже от Конгресса.

Это было быстрое и неожиданное падение. Во время президентских выборов в ноябре 1972 г. Р. Никсон и С. Агню получили 60 % голосов избирателей и одержали победу во всех штатах, кроме Массачусетса, нанеся поражение антивоенно настроенному кандидату сенатору Джорджу Макговерну. К июню 1973 г. опросы Института Гэллапа показывали, что 67 % респондентов считали, что Никсон был замешан в уотергейтском скандале или лгал, чтобы прикрыть это дело.

К осени 1973 г. в палате представителей было представлено восемь различных вариантов резолюции об импичменте президента. В следующем году Комитет палаты составил законопроект об импичменте для рассмотрения его полным составом конгрессменов. Советники Никсона доложили ему, что билль будет принят в палате требуемым большинством голосов, после чего сенат проголосует двумя третями голосов за снятие президента с должности. Восьмого августа 1974 г. Никсон сам подал в отставку.

За шесть месяцев до этого события деловой журнал «Данз ревью» сообщил о результатах опроса 300 руководителей корпораций. В 1972 г. почти все они голосовали за Никсона, но теперь большинство считало, что президент должен покинуть свой пост. «Сегодня 90 % Уолл-стрита будет аплодировать, если Никсон уйдет», – заявил вице-президент компании «Меррилл Линч гавернмент секьюритиз». Когда это произошло, вздох облегчения пронесся по всему истеблишменту.

Ставший главой государства Джералд Форд, сказал: «Наш продолжительный общенациональный кошмар подошел к концу». Газеты – как поддерживавшие Никсона, так и выступавшие против него, либеральные либо консервативные – праздновали успешное, мирное завершение уотергейтского кризиса. «Система работает», – утверждал давнишний жесткий критик войны во Вьетнаме, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Энтони Льюис. Журналисты, имевшие непосредственное отношение к расследованию и разоблачению деятельности Никсона, а именно Карл Бернштейн и Боб Вудуорд из газеты «Вашингтон пост», написали, что с его уходом может произойти «восстановление». Все это было сказано в духе облегчения и благодарности.

Ни в одной респектабельной американской газете не говорилось о том, о чем написал редактор «Монд дипломатик» Клод Жюльен в сентябре 1974 г.: «Устранение господина Ричарда Никсона оставляет нетронутыми все те механизмы и фальшивые ценности, благодаря которым произошел уотергейтский скандал». Жюльен отметил, что государственный секретарь в администрации Никсона Генри Киссинджер остался на своем посту – иными словами, никсоновская внешняя политика будет продолжена. Жюльен отмечал: «То есть Вашингтон продолжит оказывать поддержку генералам Пиночету в Чили, Гейзелу в Бразилии, Стреснеру в

Парагвае и т. п.».

Прошло несколько месяцев с того момента, как французский журналист написал это, и появилась информация о том, что лидеры демократов и республиканцев в палате представителей секретно заверяли Никсона, будто в случае отставки они не станут поддерживать выдвижение уголовных обвинений против него. Один из этих людей – высокопоставленный республиканец, член Юридического комитета – заявил: «Все мы содрогались от мыслей о том, к чему приведут две недели транслируемых по телевидению дебатов об импичменте, как это разорвет страну на части и повлияет на внешнюю политику». В статьях «Нью-Йорк таймс», где говорилось о надежде Уолл-стрита на отставку Никсона, приводилось высказывание одного финансиста о том, что, если он уйдет, «мы получим ту же игру, но с другими участниками».

Когда на пост президента был выдвинут консервативный республиканец Джералд Форд, полностью поддерживавший политику Никсона, сенатор-либерал от штата Калифорния Алан Крэнстон, выступая по этому поводу на заседании сената, сказал, что опрашивал многих республиканцев и демократов и обнаружил «почти поразительный консенсус вокруг его кандидатуры». После отставки Никсона и прихода Форда к власти «Нью-Йорк таймс» писала: «Из уотергейтского отчаяния получилась вдохновляющая новая демонстрация уникальности и силы американской демократии». Через несколько дней эта газета радостно сообщила о том, что «мирная передача власти» принесла «американскому народу очищающее чувство облегчения».

Из обвинений, выдвинутых против Никсона Комитетом палаты представителей по импичменту, было ясно, что Комитет не пожелал подчеркивать те элементы его поведения, которые присутствовали в действиях других президентов и могли повториться в будущем. Не упоминались связи Никсона с влиятельными корпорациями и бомбардировки Камбоджи. Обвинения сосредоточились на тех вещах, которые относились непосредственно к Никсону, а не на фундаментальной преемственности внутренней и внешней политики американских президентов.

Был брошен клич: избавляйтесь от Никсона, но сохраните систему. Теодор Соренсен, являвшийся советником президента Кеннеди, в период «Уотергейта» писал: «Глубинные причины грубых нарушений в нашей правоохранительной системе, которые сейчас вскрываются, носят в значительной степени персональный, а не институциональный характер. Некоторые структурные изменения необходимы. Все гнилые яблоки необходимо выбросить, но при этом сохранить бочку».

И бочку сохранили. Продолжился внешнеполитический курс администрации Никсона. Остались связи правительства с корпоративными интересами. Ближайшими друзьями Форда в Вашингтоне были корпоративные лоббисты. Александр Хейг, который являлся одним из ближайших сотрудников Никсона (он помогал в «обработке» аудиозаписей, перед тем как передать их общественности, и давал публике ложную информацию о пленках), был назначен новым президентом на должность командующего Вооруженными силами НАТО. Одним из первых действий Форда на своем посту стало помилование Никсона, которое уберегло последнего от возможного уголовного преследования, позволило уйти на покой и жить в Калифорнии на огромную пенсию.

Истеблишмент освободился от членов клуба, нарушивших правила игры, но приложил усилия к тому, чтобы с ними не обошлись слишком жестко. Те, кого приговорили к тюремному заключению, получили небольшие сроки и были отправлены в федеральные тюрьмы с наиболее мягкими режимами содержания. Кроме того, они получили привилегии, недоступные обычным осужденным. Так, Ричард Клейндинст, признавший свою вину, был оштрафован на 100 долл.

и получил один месяц тюрьмы с отсрочкой исполнения приговора.

Тот факт, что Никсон уйдет, но полномочия президента делать все что вздумается во имя «национальной безопасности» останутся, был подтвержден решением Верховного суда США в июле 1974 г. Суд постановил, что Никсон обязан передать аудиозаписи из Белого дома прокурору по особым поручениям, расследовавшему «уотергейтское дело». В то же время Суд подтвердил общий принцип «конфиденциальности общения президента», который нельзя было поддержать в случае с Никсоном, но который сохранялся тогда, когда глава государства «заявляет о необходимости защиты военных, дипломатических секретов или сведений, касающихся национальной безопасности».

Транслировавшиеся по телевидению слушания сенатского Комитета по расследованию «уотергейтского дела» неожиданно прервались перед началом обсуждения вопроса о связях с корпорациями. Это было типично для избирательного подхода к освещению важных событий, характерного для телеиндустрии: причудливые махинации наподобие уотергейтского проникновения освещались полностью, а повседневная практика, в частности резня в Милай, тайные бомбардировки Камбоджи, деятельность ФБР и ЦРУ, представлялась самым поверхностным образом. Информацию о грязных трюках, направленных против Социалистической рабочей партии, «Черных пантер» и других радикальных групп можно было с трудом отыскать в нескольких газетах. Вся страна услышала о деталях быстрого проникновения в уотергейтские апартаменты, но никогда не было столь подробного телеосвещения длительного проникновения во Вьетнам.

В ходе судебного процесса над Дж. Митчеллом и М. Стансом, обвиненными в препятствовании отправлению правосудия – в данном случае расследованию Комиссией по ценным бумагам и биржевым операциям деятельности Р. Веско (он жертвовал средства на предвыборную кампанию Никсона), – бывший генеральный советник Комиссии Джордж Брэдфорд Кук дал показания о том, что 13 ноября 1972 г. он участвовал в совместной со Стансом охоте на гусей в техасских рисовых полях и сказал последнему, что хотел бы занять пост председателя Комиссии. За эту услугу он готов был исключить важнейший абзац из текста обвинений против Веско, в котором говорилось о его тайном вкладе в избирательную кампанию Никсона на сумму 200 тыс. долл.

Влияние корпораций на Белый дом является перманентным фактором американской системы. В основном оно разумно оставалось в рамках закона, но в период президентства Никсона корпорации решили попытать счастья. Во время уотергейтских событий один из руководителей мясоконсервной промышленности сказал, что к нему обращался сотрудник избирательного штаба Никсона, сообщивший, что хотя и за пожертвование размером 25 тыс. долл. ему будут признательны, однако «за 50 тыс. долл. вы сможете поговорить с президентом».

Многие корпорации давали средства обеим партиям, поэтому, кто бы ни победил на выборах, в администрации у них появлялись друзья. «Крайслер» призывала своих управляющих поддерживать «ту партию и того кандидата, которые им нравятся», после чего выписанные ими чеки собирались и доставлялись в избирательные штабы Республиканской или Демократической партии.

«Интернэшнл телефон энд телеграф компани» (ИТТ) «собаку съела» на раздаче средств тем и другим. В 1960 г. компания сделала незаконные пожертвования Бобби Бейкеру, который работал с сенаторами-демократами, в том числе с Линдоном Джонсоном. Первый вице-президент ИТТ, по словам одного из его помощников, сообщил, что совет директоров «устроил все так, чтобы «умаслить» обе стороны, поэтому нам будет хорошо, кто бы ни победил». А в 1970 г. директор компании Джон Маккоун, ранее возглавлявший ЦРУ, сказал

помощнику президента США Г. Киссинджеру и тогдашнему директору ЦРУ Р. Хелмсу, что ИТТ готова дать 1 млн. долл. на содействие американскому правительству в реализации планов по свержению правительства Сальвадора Альенде в Чили.

В 1971 г. компания планировала поглотить страховую фирму «Хартфорд файер иншуранс компани» стоимостью 1,5 млрд. долл., что было на тот момент крупнейшей сделкой в истории корпоративного бизнеса. Антитрестовский отдел министерства юстиции выдвинул против ИТТ обвинения в нарушении антитрестовского законодательства. Однако судебного преследования не было, и компании разрешили слияние с «Хартфордом». Все решилось путем заключенного втайне полюбовного внесудебного соглашения, в рамках которого ИТТ обязалась пожертвовать Республиканской партии 400 тыс. долл. Как выяснилось, занимавший тогда пост заместителя генерального прокурора США Р. Клейдинст шесть раз виделся с директором компании Ф. Рохатином, после чего привлек к этим встречам начальника упомянутого антитрестовского отдела Р. Макларена. Рохатину удалось убедить последнего в том, что прекращение процесса слияния компаний вызовет «неприятности» для акционеров ИТТ. Макларен с этим согласился. Позднее он был назначен федеральным судьей.

Одна из проблем, не отмеченных в обвинениях при рассмотрении вопроса об импичменте и никогда не освещавшихся во время телетрансляций сенатских слушаний, – это сотрудничество правительства с представителями молочной промышленности. В начале 1971 г. министр сельского хозяйства объявил, что федеральные власти не станут увеличивать ценовую поддержку молока, т. е. регулярные субсидии крупным компаниям – производителям молока. Затем Ассоциация производителей молока начала делать пожертвования в избирательный фонд Никсона, ее представители встречались в Белом доме с самим президентом и министром сельского хозяйства, давали дополнительные деньги, и в конце концов министр объявил, что, согласно «новым аналитическим данным», необходимо увеличить ценовую поддержку молока с 4,66 до 4,93 долл. на 1 центнер. Суммы дополнительных пожертвований возрастали, пока не достигли в целом 400 тыс. долл. Увеличение же цены добавило 500 млн. долл. к доходам молочных хозяйств (по большей части крупных корпораций) за счет потребителей.

Был ли на посту президента Никсон или Форд, республиканец либо демократ, система действовала примерно одним и тем же образом. Подкомитет сената, расследовавший деятельность транснациональных корпораций, распространил документ (вскользь упомянутый в нескольких газетах), в котором экономисты нефтяной компании обсуждали вопрос о сокращении добычи нефти в целях сохранения высоких цен. Арабоамериканская нефтяная корпорация (АРАМКО), 75 % акций которой принадлежали американским нефтяным компаниям, а 25 – Саудовской Аравии, в 1973 г. заработала прибыль в размере 1 долл. с барреля нефти. В 1974 г. прибыль составила уже 4,5 долл. на баррель. Но это совсем не зависело от того, кто был президентом страны.

Даже при самом кропотливом расследовании уотергейтского скандала, проведенном прокурором по особо важным делам А. Коксом (которого Никсон позднее уволил), корпорациям удалось легко отделаться. Авиакомпания «Америкэн эрлайнз», признавшая, что вносила незаконные пожертвования в избирательный фонд Никсона, была оштрафована на 5 тыс. долл., как и «Гудьир», а «ЗМ корпорейшн» – на 3 тыс. долл. Представителя компании «Гудьир» оштрафовали на 1 тыс. долл.; штраф представителя «ЗМ корпорейшн» составил 500 долл. «Нью-Йорк таймс» писала 20 октября 1973 г.: «Мистер Кокс обвинил их [компаний] только в мисдиминоре²²⁸, заключавшемся в незаконных пожертвованиях. По закону такой

²²⁸ Мисдиминор – категория мелких уголовных преступлений, граничащих с административными правонарушениями.

проступок подразумевает «неумышленные» пожертвования. Фелония²²⁹, в рамках которой сделаны умышленные пожертвования, наказывается штрафом в 10 тыс. долл. и/или лишением свободы сроком на 2 года, а мисдиминор – штрафом в размере 1 тыс. долл. и/или 1 годом заключения.

Когда в суде был задан вопрос, каким образом два управляющих, которые признались в совершении таких платежей, могли быть обвинены в неумышленных пожертвованиях, мистер Макбрайд [сотрудник аппарата Кокса] ответил следующее: «Это юридический вопрос, который, честно говоря, меня тоже озадачивает».

Пришедшему к власти Джералду Форду удалось сохранить долговременную преемственность американской политики. Он продолжил поддерживать сайгонский режим, очевидно все еще надеясь, что правительство Тхиеу²³⁰ сохранит стабильность. Глава одного из Комитетов Конгресса Джон Кэлкинс, посетивший Южный Вьетнам примерно в то же время, когда Никсон ушел в отставку, сообщал: «Армия Южного Вьетнама показывает все признаки эффективной и решительной силы безопасности... Очень скоро начнется разведка запасов нефти. Туризм можно поддержать при помощи продолжения мер по усилению безопасности живописных и исторических мест и строительства нового отеля «Хайятт»... Южный Вьетнам нуждается в иностранных инвестициях для финансирования этих и других предприятий... Там есть большое количество талантливых и предприимчивых людей, стоимость труда которых гораздо меньше, чем в Гонконге, Сингапуре или даже в Корее, либо на Тайване... Я также считаю, что там могут быть получены большие прибыли. Сочетание служения Господу и Маммоне уже помогло американцам и другим народам в прошлом... Вьетнам может стать новой «стартовой площадкой», капиталистической витриной в Азии».

Весной 1975 г. все, о чем говорили радикальные критики американской политики во Вьетнаме – т. е. тот факт, что без помощи армии США проявится отсутствие поддержки сайгонского правительства со стороны населения, – оказалось правдой. Наступление северовьетнамских войск, оставленных на Юге по условиям перемирия 1973 г., привело к захвату одного населенного пункта за другим.

Форд сохранял оптимизм. Он являлся последним в длинном списке политиков и журналистов, кто все еще обещал победу. Можно было услышать следующее: «Час победы близок» (министр обороны Р. Макнамара, 19 февраля 1963 г.); «За четыре года, проведенных мной во Вьетнаме, у меня не было большей надежды, чем теперь» (генерал У. Уэстморленд, 15 ноября 1967 г.); «Ханой смирился с практически полным поражением» (обозреватель Дж. Олсоп, 1 ноября 1972 г.). Шестнадцатого апреля 1975 г. Форд заявил: «Я абсолютно убежден в том, что если бы Конгресс выделил 722 млн. долл. на военную помощь, когда я попросил об этом или немного позднее, то сегодня южные вьетнамцы смогли бы стабилизировать военную ситуацию во Вьетнаме».

Две недели спустя, 29 апреля 1975 г. северяне вошли в Сайгон, и война закончилась.

Большая часть истеблишмента, кроме Форда и еще нескольких упрямцев, уже отбросила всякие надежды на Вьетнам. Их беспокоила готовность американского общества после этих событий поддерживать другие военные акции за рубежом. В течение месяцев перед поражением во Вьетнаме были причины для такого беспокойства.

В начале 1975 г. сенатор от штата Айова Дж. Калвер выразил недовольство нежеланием

²²⁹ Фелония – тяжкое уголовное преступление.

²³⁰ Речь идет о генерале Нгуен Ван Тхиеу.

американцев при необходимости воевать за Корею, заявив, что «Вьетнам нанес тяжелый урон национальной воле американского народа». Незадолго до этого министр обороны Дж. Шлесинджер, выступая в Центре стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, по свидетельствам очевидцев, «в целом выглядел мрачно» и заявил, что «в мире более не преисполнены страха перед американской военной мощью».

В марте 1975 г. католическая организация, проводившая опрос общественного мнения жителей США относительно аборт, узнала и о другом: 83 % опрошенных были согласны с заявлением, что «люди, управляющие этой страной (правительство, политические, церковные и общественные деятели), не говорят нам правду».

Корреспондент-международник газеты «Нью-Йорк таймс» С. Л. Сульцбергер, постоянно поддерживавший правительственную внешнюю политику холодной войны, находясь в начале 1975 г. в столице Турции – Анкаре, с грустью писал, что «лоск эпохи доктрины Трумэна утрачен» (когда оказывалась военная помощь Греции и Турции). Он также добавлял: «Нельзя сказать, что мрачный прогноз как-то сбалансирован блестящими успехами США в Греции, где большая толпа недавно напала на американское посольство». Журналист пришел к заключению, что «должно быть, дела с тем, как мы представляем себя сегодня остальному миру, очень неблагоприятны». Проблема, по мнению Сульцбергера, состояла не в поведении Соединенных Штатов, а в том, каким образом это поведение подавалось миру.

Через несколько месяцев после этих сообщений, в апреле 1975 г., будучи приглашен выступить на выпускной церемонии Мичиганского университета, государственный секретарь Киссинджер узнал о петициях протеста, осуждавших это приглашение в связи с его ролью во время войны во Вьетнаме. Также был запланирован альтернативный выпускной бал. Киссинджер отказался от приезда. Для правительства это было нелегкое время: Вьетнам «потерян» (само слово предполагало, что он был нашим, поскольку говорилось о его потере). Тогда же, по словам обозревателя «Вашингтон пост» Т. Брадена, госсекретарь заявил следующее: «США должны совершить где-нибудь действия, свидетельствующие о намерениях сохранить статус мировой державы».

В следующем месяце произошел так называемый инцидент с «Маягуэсом».

Это американское грузовое судно следовало из Южного Вьетнама в Таиланд в середине мая 1975 г. – ровно через три недели после победы вьетнамских революционных сил. Когда оно приблизилось к острову в территориальных водах Камбоджи, где к власти только что пришел революционный режим, его задержали камбоджийцы и сопроводили в расположенный на ближайшем острове порт, а команду перевезли на материк. Позднее члены экипажа охарактеризовали оказанный им прием как учтивый: «Человек, который говорил по-английски, поздоровался с нами за руку и приветствовал на территории Камбоджи». Пресса сообщала: «Капитан Миллер и его люди говорят, что захватившие их в плен ни разу не обращались с ними жестоко. Есть даже свидетельства доброго отношения со стороны камбоджийских солдат, сначала дававших еду американцам, а потом питавшихся тем, что осталось, а также со стороны солдат, которые отдавали морякам матрасы со своих кроватей». Однако камбоджийцы допрашивали команду по поводу шпионажа и ЦРУ.

Президент Форд отправил послание правительству Камбоджи с требованием отпустить корабль и его экипаж. Когда по прошествии 36 часов не поступило ответа (послание было передано через китайскую дипломатическую миссию в Вашингтоне, но возвращено на следующий день, согласно одному из сообщений прессы, «по всей видимости, не будучи доставленным адресату»), Форд приказал начать военные действия – самолеты ВВС США

подвергли бомбардировке камбоджийские суда. Они даже обстреляли тот самый корабль, который до этого перевез американских моряков на материк.

Члены команды были задержаны в понедельник утром. В среду вечером камбоджийцы отпустили их, поместив на рыболовецкую шхуну, направлявшуюся к американской флотилии. В полдень того же дня, зная, что моряков забрали с острова Танг, Форд, тем не менее, приказал морской пехоте атаковать этот остров. Нападение началось примерно в 19.15 в среду, но за час до этого экипаж «Маягуэса» уже направлялся к флотилии США. Около 19.00 по радио Бангкока было объявлено об их освобождении. Действительно, шхуну с членами команды на борту заметил американский разведывательный самолет, который им просигналил.

Ни в одной газетной публикации или в каком-либо правительственном заявлении того времени не говорилось о факте, выявленном в октябре 1976 г., когда вышел доклад Управления общей бухгалтерской отчетности об инциденте с судном «Маягуэс»: США получили от китайского дипломата послание, в котором говорилось, что Китай старался использовать свое влияние на Камбоджу и там «ожидали, что корабль вскоре будет отпущен». Это послание было получено за 14 часов до атаки, проведенной силами морской пехоты.

Ни один американский солдат не пострадал от рук камбоджийцев. Однако морские пехотинцы при вторжении на остров Танг встретили неожиданно упорное сопротивление: вскоре было убито или ранено около трети из 200 захватчиков (это превышает соотношение потерь при захвате острова Иводзима во время Второй мировой войны). Пять из 11 вертолетов были сбиты или выведены из строя. Также 23 американца погибли в аварии вертолета над территорией Таиланда – тот факт, что они направлялись к месту боевых действий, правительство попыталось сохранить в тайне. Всего в вооруженной акции, начавшейся по приказу Форда, погиб 41 американец. На судне «Маягуэс» было 39 моряков. Зачем было спешить с бомбардировками, обстрелом, нападением? Почему даже после того, как корабль и его команда оказались вне опасности, президент США приказал авиации бомбить материковую часть Камбоджи, что привело к неисчислимым потерям среди населения страны? Что могло оправдать такое сочетание моральной слепоты и путаницы в действиях военных?

Ответ вскоре стал ясен. Это было необходимо для того, чтобы показать миру, что гигантская Америка, побежденная крошечным Вьетнамом, все еще мощная и решительная. Шестнадцатого мая 1975 г. «Нью-Йорк таймс» писала: «Представители администрации, в том числе государственный секретарь Генри Киссинджер и министр обороны Джеймс Шлесинджер, были готовы найти эффектный способ, чтобы подчеркнуть заявленное президентом Фордом намерение «сохранить наше лидерство на мировой арене. Случай представился после захвата судна... Правительственные чиновники... ясно дали понять, что они рады появившейся возможности».

В другом репортаже из Вашингтона, опубликованном во время событий вокруг «Маягуэса», говорилось: «Высокопоставленные источники, знакомые с военной стратегией и планированием, в частном порядке сообщают, что захват судна мог стать испытанием решительности политики ГИТА в Юго-Восточной Азии, которую, по заявлениям этих источников, Соединенные Штаты пытались обрести с момента падения союзных правительств в Южном Вьетнаме и Камбодже».

Обозреватель Дж. Рестон писал: «На самом деле администрация, кажется, признательна за появившуюся возможность продемонстрировать, что президент может действовать быстро... Официальные лица здесь выражали и продолжают выражать негодование по поводу целого ряда глупых насмешек над американским «бумажным тигром» и надеются, что морские пехотинцы своими действиями ответили на обвинения».

Поэтому неудивительно, что министр обороны Шлезинджер назвал эту операцию «очень

удачной», осуществленной «в целях, которые были необходимы для благоденствия нашего общества». Но почему же обозреватель престижной «Нью-Йорк таймс» Рестон, последовательный критик Никсона и «Уотергейта», посчитал операцию «Маягуэс» «мелодраматической и успешной»? И почему эта газета, критиковавшая войну во Вьетнаме, говорила о «достойной похвалы эффективности» акции?

Кажется, происходило следующее: истеблишмент (республиканцы, демократы, газеты, телевидение) сплотился вокруг Форда и Киссинджера, а также вокруг идеи, согласно которой авторитет Америки должен утверждаться в любой точке мира.

В это время Конгресс США вел себя примерно так же, как в первые годы войны во Вьетнаме, т. е. как стадо овец. В 1973 г., в обстановке усталости и отвращения от этой войны, был принят Закон о военных полномочиях, который требовал от президента перед принятием решения о военных действиях консультироваться с Конгрессом. Во время инцидента с «Маягуэсом» Форд проигнорировал это положение. Несколько его помощников позвонили 18 конгрессменам, чтобы проинформировать их о военной акции. Но, как сказал А. Ф. Стоун (независимый журналист, издававший направленный против истеблишмента еженедельник «А. Ф. Стоуне уикли»), «Конгресс был изнасилован так же легко, как во время инцидента в Тонкинском заливе». Конгрессмен от штата Массачусетс Р. Дринан составлял исключение из правила. Сенатор Дж. Макговерн, соперник Никсона на президентских выборах 1972 г. и последовательный критик вьетнамской войны, также выступил против акции. То же самое сделал и сенатор от штата Висконсин Г. Нелсон. Сенатор Э. Брук поднял волновавшие его вопросы. Сенатор Э. Кеннеди выступать не стал, не стали этого делать и другие члены сената, которые во время войны во Вьетнаме воздействовали на Конгресс с целью запретить эскалацию дальнейших военных действий в Индокитае, но сейчас говорили, что принятое ими законодательство в данном случае неприменимо.

Госсекретарь Г. Киссинджер заявил: «Нас вынуждают к этому». Когда его спросили, почему США рискуют жизнями членов команды «Маягуэса», обстреливая корабли в том районе, но не зная точного местонахождения экипажа судна, госсекретарь назвал такие условия «необходимым риском».

Киссинджер также сказал: этот инцидент «должен ясно дать понять, что существуют пределы, за которые нельзя вытолкнуть Соединенные Штаты, и что США готовы защищать свои интересы и могут получать поддержку со стороны общества и Конгресса на осуществление таких акций».

И в самом деле конгрессмены – как демократы, так и республиканцы, – которые критически относились к войне во Вьетнаме, теперь, кажется, стремились проявить единство, чтобы продемонстрировать силу всему остальному миру. За неделю до инцидента с «Маягуэсом» (т. е. спустя две недели после падения Сайгона) 56 членов Конгресса подписали заявление, в котором говорилось: «Ни одна страна не должна интерпретировать события в Индокитае как поражение американской воли». Одним из тех, кто поставил подпись под этим документом, был чернокожий конгрессмен от штата Джорджия Эндрю Янг-младший²³¹.

Происходил сложный процесс консолидации, который осуществлялся системой в 1975 г. Он подразумевал проведение военных акций старого типа, таких, как в случае с «Маягуэсом», призванных подтвердить свою силу во всем мире и внутри самих США. Существовала необходимость показать утратившему иллюзии обществу, что система способна на

²³¹ Эндрю Джексон Янг-младший (1932–2002) – афроамериканский священник, политический деятель, борец за гражданские права, соратник Мартина Лютера Кинга. Постоянный представитель США при ООН (1977–1979).

самокритику и самокорректировку. Обычным делом стало проведение широко освещаемых в прессе расследований, в результате которых обнаруживались конкретные виновники, но основа оставалась нетронутой. «Уотергейт» выставил в неприглядном свете ФБР и ЦРУ, показав, что эти ведомства, сотрудничая с Никсоном в таких делах, как незаконное проникновение и прослушивание, нарушали те самые законы, которые они клятвенно обещали защищать. В 1975 г. Комиссии, созданные в палате представителей и сенате, начали расследования деятельности ФБР и ЦРУ.

Выяснилось, что последнее вышло за пределы своих полномочий по сбору разведывательных данных и осуществляло всевозможные тайные операции. Например, еще в 50-х гг. оно накачивало ЛСД ничего не подозревающих американцев, с тем чтобы проверить результаты воздействия этого наркотика. Так, один американский ученый, получивший дозу от агента ЦРУ, выбросился из окна нью-йоркского отеля и разбился насмерть²³².

Кроме того, это ведомство участвовало в планах убийства кубинского лидера Фиделя Кастро и руководителей других государств. В 1971 г. оно завезло на Кубу вирус африканской свинной лихорадки, заразив этим заболеванием полмиллиона свиней, позднее забитых. Агент ЦРУ рассказал журналисту о том, как он доставил вирус с военной базы, расположенной в зоне Панамского канала и передал представителям кубинской антикастровской оппозиции.

Из материалов расследования стало также известно, что ЦРУ в сговоре с тайным Комитетом сорока, который возглавлял Г. Киссинджер, работало над «дестабилизацией» чилийского правительства марксиста Сальвадора Альенде, избранного президентом в результате свободных выборов (редкий случай в Латинской Америке). Компания ИТТ, проявлявшая большой интерес к Кубе, участвовала в этой операции. Когда в 1974 г. посол США в Чили Дэвид Поппер в разговоре с представителями чилийской хунты (которая с помощью США свергла Альенде) заметил, что в стране нарушаются права человека, Киссинджер его упрекнул: «Скажите Попперу, чтобы он прекратил политологические лекции».

Расследование деятельности ФБР выявило, что много лет проводились незаконные акции, направленные на устранение и уничтожение различных радикальных и левых организаций. Бюро отправляло поддельные письма, незаконно проникало в офисы (по признанию самого ведомства, только в 1960–1966 гг. было совершено 92 таких деяния) и перлюстрировало корреспонденцию, а в случае с лидером «Черных пантер» Ф. Хэмптоном, похоже, организовало заговор с целью убийства.

Расследования дали ценную информацию, но ее уже скопилось вполне достаточно и использовалась она таким образом, чтобы посредством ограниченного освещения прессой и телевидением, а также подготовленных объемных отчетов для узкого круга читателей создать впечатление, будто честное общество исправляет свои ошибки.

Сами по себе расследования выявили границы готовности правительства рассматривать такого рода деятельность. Сенатская Комиссия Ф. Черча работала в сотрудничестве с ведомствами, деятельность которых она расследовала, и ко всему прочему предоставляла добытые о ЦРУ сведения самому Управлению, чтобы убедиться, нет ли там материалов, которые оно хотело бы исключить. Таким образом, хотя в докладе Комиссии было много ценного, нет никакой возможности узнать, сколько материалов там имелось изначально, — окончательная версия этого документа стала результатом компромисса между усердием Комиссии и осторожностью ЦРУ.

²³² Имеется в виду история с занимавшимся разработками бактериологического оружия военным биохимиком Фрэнком Олсоном (1910–1953). Часть исследователей полагают, что имело место убийство. Семья Олсона, предъявившая иск властям США, получила компенсацию в размере 750 тыс. долл.

Комиссия О. Пайка, созданная палатой представителей, не заключала подобных соглашений с ЦРУ или ФБР, и, когда был готов окончательный вариант ее доклада, та самая палата, которая уполномочила эту Комиссию провести расследование, проголосовала за то, чтобы засекретить представленный доклад. Когда в результате утечки документ попал от комментатора Си-би-эс Даниэла Шора в нью-йоркскую газету «Виллидж войс», его так никогда и не воспроизвели ведущие газеты страны, такие, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и др. Телекомпания Си-би-эс отстранила Шора от работы. Это был еще один пример сотрудничества между средствами массовой информации и правительством в ситуации, когда затрагивались вопросы «национальной безопасности».

Комиссия Черча в своем докладе о предпринятых ЦРУ попытках убийства Фиделя Кастро и других зарубежных лидеров высказала любопытную точку зрения. Похоже, она рассматривала убийство главы государства как непростительное нарушение некоего джентльменского соглашения между государственными деятелями, которое в гораздо большей степени достойно сожаления, чем военные интервенции, когда гибли простые люди. Во введении к докладу Комиссии об убийствах говорится: «Если однажды избраны методы физического давления и насилия, возможность человеческих жертв всегда существует. Однако есть существенная разница между хладнокровным, целенаправленным и преднамеренным убийством конкретного иностранного лидера и другими формами вмешательства в дела зарубежных стран».

Комиссия Черча вскрыла операции ЦРУ по тайному влиянию на умы американцев: «В настоящее время ЦРУ использует несколько сот представителей американских академических кругов (административных работников, профессорско-преподавательский состав, аспирантов-преподавателей), которые помимо предоставления донесений и знакомства время от времени с интересующими людьми пишут книги и готовят другие материалы, которые должны быть использованы для пропаганды за рубежом... Эти представители академических кругов работают в более чем 100 американских колледжах, университетах и иных учебных заведениях. В большинстве таких учреждений о связи с ЦРУ известно только самому вовлеченному в работу лицу. В некоторых других – по крайней мере один представитель администрации осведомлен об оперативном использовании преподавателей и ученых данного учебного заведения... ЦРУ считает эти оперативные связи с академическим сообществом США одним из наиболее деликатных вопросов в своей деятельности на территории страны и строго их контролирует».

В 1961 г. шеф отдела тайных операций ЦРУ писал, что книги являются «самым важным оружием стратегической пропаганды». Комиссия Черча обнаружила, что до конца 1967 г. свыше тысячи изданий было создано, субсидировано или спонсировано ЦРУ.

Когда Киссинджер давал показания упомянутой Комиссии о бомбардировке Лаоса, организованной этим ведомством как секретная операция, он заявил: «В ретроспективе я не считаю, что для национальной политики было правильно предоставить ЦРУ ведение войны в Лаосе. Я думаю, что нам следовало найти иной способ решения вопроса». Не было никаких признаков того, что кто-либо из членов Комиссии Черча усомнился в такой идее: что было сделано, должно было осуществиться, но другим методом.

Итак, в 1974–1975 гг. система действовала таким образом, чтобы очистить страну от мошенников и восстановиться до здорового или хотя бы приемлемого состояния. Отставка Никсона, последующий приход к власти Форда, разоблачение скверных деяний ФБР и ЦРУ – все это было направлено на возвращение доверия, серьезно подорванного среди народа США. Тем не менее, даже несмотря на эти энергичные усилия, оставалось еще много признаков подозрительного и даже враждебного отношения американской общественности к

государственным и военным руководителям, лидерам большого бизнеса.

Через два месяца после окончания войны во Вьетнаме только 20 % опрошенных граждан США считали, что падение сайгонского правительства представляло угрозу для безопасности Соединенных Штатов. Четырнадцатого июня 1975 г. во время празднования Дня флага²³³ Дж. Форд выступал на военной базе в Форт-Беннинге (Джорджия), где был устроен парад сухопутных войск в память об их участии в 13 войнах. Он сказал, что рад видеть так много знамен, но освещавший мероприятие репортер написал: «На самом деле с трибуны, где находился президент, было видно мало американских флагов. На одном из них, который высоко держали демонстранты, было написано чернилами: «Хватит проводить геноцид от нашего имени». Этот флаг был разорван зрителями под аплодисменты их соседей».

В июле того же года опрос, проведенный Службой Луиса Харриса, в ходе которого изучалась степень доверия к правительству со стороны общественности в 1966–1975 гг., показал, что доверие к военным упало с 62 до 29 %, к бизнесу – с 55 до 18, а к президенту и Конгрессу – с 42 до 13 %. Вскоре другой опрос этой Службы выявил, что «65 % американцев выступают против военной помощи зарубежным странам, поскольку они считают, что это позволяет диктаторам сохранять контроль над своим народом».

Возможно, значительная часть общего недовольства была вызвана экономическим положением большинства жителей США. Инфляция и безработица постоянно росли начиная с 1973 г., который, согласно данным Службы Луиса Харриса, стал годом, когда количество американцев, чувствовавших «отчуждение» и «недовольство» общим положением дел в стране, выросло с 29 % (в 1966 г.) до 50 %. После того как президент Форд сменил Никсона, численность тех, кто ощущал «отчуждение», составила 55 %. Опрос продемонстрировал, что больше всего людей беспокоила инфляция.

Осенью 1975 г. опрос 1559 человек и интервьюирование 60 семей в 12 городах, проведенные «Нью-Йорк таймс», показали «значительный спад оптимизма по поводу будущего». Газета писала: «Инфляция, очевидная неспособность страны решить свои экономические проблемы и предчувствие того, что энергетический кризис станет перманентным шагом назад для общенационального уровня жизни, вторглись в сознание, ожидания и надежды американцев... Пессимизм относительно будущего особенно высок среди тех, кто зарабатывает менее 7 тыс. долл. в год, но он также высок и среди семей, чей ежегодный доход варьируется в пределах от 10 до 15 тыс. долларов... Существует также обеспокоенность тем, что... тяжелый труд и сознательные усилия по сбережению средств более не позволят стать владельцем хорошего дома в пригороде».

Согласно опросу, даже лица с более высокими доходами «сейчас не проявляют того оптимизма, который был у них в прошлые годы, что показывает: недовольство переходит от людей с низкими и средними доходами на более высокие уровни благосостояния».

Как отмечала «Нью-Йорк таймс», примерно в то же время, осенью 1975 г., социологи, дававшие показания Комитету Конгресса США, сообщали, что «доверие общественности к правительству и вера в экономическое будущее страны, возможно, находятся на самом низком уровне, с тех пор как этот показатель начали измерять научными методами».

Правительственная статистика давала возможность получить представление о причинах такой ситуации. Из данных Бюро переписи населения США следовало, что с 1974 по 1975 г. количество «официально» бедных американцев (т. е. с доходами ниже 5,5 тыс. долл.) выросло

²³³ День флага – национальный праздник. Отмечается 14 июня в память о том, что в этот день в 1777 г. 2-й Континентальный конгресс утвердил звездно-полосатый флаг в качестве государственного.

на 10 % и составляло 25,9 млн. человек. Кроме того, уровень безработицы, составлявший в 1974 г. 5,6 %, поднялся до 8,3 % в 1975 г., а количество людей, переставших получать пособие по безработице, возросло с 2 млн. человек в 1974 г. до 4,3 млн. человек в 1975 г.

Однако правительственная статистика в целом недооценивала степень бедности, слишком занижала ее «официальный» уровень и недостаточно учитывала масштаб безработицы. Например, если в течение шести месяцев 1975 г. безработица оставалась в среднем на уровне 16,6 %, а в течение трех месяцев сохранялся уровень 33,2 %, то правительство предоставляло «среднегодовую цифру» 8,3 %, которая выглядела лучше.

В 1976 г. по мере приближения президентских выборов истеблишмент выразил беспокойство по поводу веры общественности в систему. Уильям Саймон, занимавший пост министра финансов в администрациях Никсона и Форда (а до этого – банкир, работавший в сфере инвестиций и получавший свыше 2 млн. долл. в год), выступил осенью 1976 г. перед собранием Совета по бизнесу в городе Хот-Спрингс (Виргиния). Он заявил, что «в мире такая значительная часть [стран] склоняется в сторону социализма или тоталитаризма», что срочно необходимо сделать американскую систему бизнеса более понятной, поскольку «частное предпринимательство проигрывает из-за невыполнения своих обязательств – во многих наших школах, в значительной части средств массовой информации, в общественном сознании». Речь Саймона была весьма показательна для образа мыслей предпринимательской элиты США: «Вьетнам, «Уотергейт», студенческие волнения, меняющиеся моральные установки, худший в течение жизни поколения экономический спад, целый ряд других резких культурных шоков – все это соединилось, создав новый климат сомнений и колебаний... Все это составляет в сумме общую тревогу, кризис институционального доверия всего общества».

У. Саймон сказал, что американцев слишком часто «учили не доверять самому слову «выгода» и мотивам ее достижения, которые делают наше процветание возможным, учили чувствовать, что каким-то образом эта система, которая больше любой иной сделала для облегчения людских страданий и лишений, почему-то является циничной, эгоистичной и аморальной». Оратор заявил, что мы должны «убедительно донести до других человеческую сторону капитализма».

В то время как Соединенные Штаты в 1976 г. готовились отпраздновать 200-летие принятия Декларации независимости, группа интеллектуалов и политических деятелей из Японии, США и стран Западной Европы, входивших в состав так называемой «Трехсторонней комиссии», выпустила доклад под названием «Управляемость демократиями». Профессор политологии Гарвардского университета Сэмюэл Хантингтон, долгое время консультировавший Белый дом по вопросам, связанным с войной во Вьетнаме, написал часть доклада, относившуюся к США. Он назвал данный раздел «Демократическая смута» и так определил проблему, о которой хотел высказаться: «В 60-х годах в Америке мы стали свидетелями волнующего подъема демократического рвения». Как писал Хантингтон, в эти годы наметился огромный рост участия граждан в общественной жизни «в форме маршей, демонстраций, протестных движений, организаций, «добивавшихся отдельных целей»». Также был «отмечен существенно более высокий уровень самосознания среди части чернокожих, индейцев, чиканос, белых этнических групп, студентов и женщин – все они мобилизовывались и самоорганизовывались новыми способами». «Значительно расширилось профсоюзное движение среди «белых воротничков»», и все это вместе давало «подтверждение стремления к равноправию как к цели в социальной, экономической и политической жизни».

С. Хантингтон отметил признаки снижения авторитета правительства: в 60-х гг. требования равноправия трансформировали федеральный бюджет. В 1960 г. расходы на внешнеполитическую деятельность составляли 53,7 % бюджета, а расходы на социальную

сферу – 22,3 %. К 1974 г. на внешнюю политику было выделено 33 % ассигнований, а на социальные нужды – 31 %. Похоже, это отражало изменения настроений в обществе: в 1960 г. только 18 % населения считали, что правительство слишком много тратит на оборону, а в 1969 г. эта цифра подскочила до 52 %.

Хантингтон был обеспокоен тем, что увидел: «Сутью демократического подъема в 60-х гг. был всеобщий вызов существующим системам власти – как государственной, так и частной. В той или иной форме этот вызов отразился на семье, образовании, бизнесе, государственных и общественных организациях, политике, бюрократии, воинской службе. Люди уже не чувствовали, что должны подчиняться тем, кого раньше считали выше себя по возрасту, рангу, статусу, опыту, характеру или талантам».

Все это, по его словам, «привело к проблемам управляемости демократиями в 70-х годах». В этой связи было чрезвычайно важно снижение доверия к президенту: «В той степени, в какой кто-либо руководил Соединенными Штатами в течение десятилетий после Второй мировой войны, в стране правил президент, действующий при поддержке и сотрудничестве со стороны ключевых фигур и групп внутри исполнительной власти, федеральной бюрократии, Конгресса и наиболее крупных компаний, банков, юридических фирм, фондов и средств массовой информации, которые представляют собой «истеблишмент» частного сектора».

Возможно, это было самым откровенным заявлением, когда-либо прозвучавшим со стороны советника истеблишмента. Далее С. Хантингтон писал, что президенту для победы на выборах необходима поддержка широкой коалиции. Однако «на следующий день после избрания численность поддерживающего его большинства становится почти, если не полностью несущественной в плане способности президента управлять страной. Что тогда имеет значение, так это его способность мобилизовать поддержку со стороны руководителей ключевых институтов общества и правительства... Эта коалиция должна включать лидеров Конгресса, исполнительной ветви власти и «истеблишмент» частного сектора». Политолог привел примеры: «Трумэн брал себе за правило привлекать к работе в администрации значительное число беспартийных военных, банкиров-республиканцев и юристов с Уолл-стрита. Он обратился к существующим в стране источникам власти, чтобы получить поддержку, необходимую ему для управления государством. Эйзенхауэр отчасти унаследовал эту коалицию, а отчасти сам являлся ее детищем... Кеннеди попытался воссоздать в чем-то похожую структуру альянсов».

Беспокоила Хантингтона и утрата президентской администрацией своего авторитета. Так, оппозиция войне во Вьетнаме привела к отмене призыва в вооруженные силы. «Однако необходимо задаться вопросом: в случае возникновения новой угрозы безопасности в будущем (а таковая когда-то неизбежно возникнет) будет ли у правительства достаточно веса, чтобы управлять соответствующими ресурсами и приносить жертвы, необходимые в качестве ответных мер на такую угрозу?»

Политолог предвидел также возможность окончания четвертьвекового периода, в течение которого «Соединенные Штаты обладали гегемонией власти в системе мирового порядка». Его вывод заключался в том, что был выработан некий «избыток демократии», и он предлагал ввести «желательные пределы распространения демократии в политике».

Все это С. Хантингтон писал в докладе организации, которая была очень важна для будущего Соединенных Штатов. Трехстороннюю комиссию создали в начале 1973 г. Дэвид Рокфеллер и Збигнев Бжезинский. Первый занимал высокий пост в «Чейз Манхэттен бэнк» и был влиятельной финансовой фигурой в США и на международном уровне; профессор Колумбийского университета Бжезинский специализировался на изучении международных отношений и выступал в качестве консультанта государственного департамента. Роберт

Маннинг писал в журнале «Фар Истерн экономик ревью» 25 марта 1977 г.: «Инициатива создания Комиссии полностью исходила от Рокфеллера. По словам исполнительного секретаря Комиссии Джорджа Франклина, Рокфеллер «начал беспокоиться по поводу ухудшающихся отношений между Соединенными Штатами, Европой и Японией». Франклин пояснил, что Рокфеллер начал делиться мыслями с другой группой элиты: «...на встрече представительной англо-американской «Бильдербергской группы», существовавшей в течение продолжительного периода, Майк Блюменталь сказал, что считает очень серьезным положение в мире, и не может ли какая-нибудь группа частных лиц сделать что-то большее в связи с этим? После чего Дэвид вновь высказал свое предложение». Тогда близкий друг Рокфеллера Бжезинский организовал оплаченный первым бал и создал Комиссию.

Представляется возможным, что «очень серьезное положение», упомянутое как причина создания Трехсторонней комиссии, заключалось в необходимости большего единства между Японией, странами Западной Европы и США перед лицом угрозы распространенному на трех континентах капитализму гораздо более сложной, чем представлял собой монолитный коммунизм, а именно угрозы со стороны революционных движений в странах Третьего мира. Эти движения имели самостоятельные направления.

Трехсторонняя комиссия также хотела разобраться в другой ситуации. Еще в 1967 г., бывший заместитель госсекретаря по экономическим вопросам в администрации Кеннеди Джордж Болл, который занимал также пост директора крупного инвестиционного банка «Леман бразерс», сообщил членам Международной торговой палаты следующее: «В течение этих 20 послевоенных лет мы признали своими действиями, хотя и не всегда на словах, то, что политические границы государств-наций слишком узки для определения масштабов и деятельности современного бизнеса».

Чтобы показать рост международной экономической деятельности американских корпораций, можно отметить лишь ситуацию в банковском секторе. В 1960 г. всего 8 банков США имели иностранные филиалы, а в 1974 г. таких финансовых учреждений было 129. В 1960 г. активы зарубежных филиалов составляли 3,5 млрд. долл., а в 1974 г. – 155 млрд.

Очевидно, Трехсторонняя комиссия видела себя в качестве организации, содействующей созданию необходимых международных связей в условиях новой, транснациональной экономики. Ее члены представляли самые высокие сферы политики, бизнеса и средств массовой информации Западной Европы, Японии и Соединенных Штатов. За ними стояли «Чейз Манхэттен бэнк», «Леман бразерс», «Бэнк оф Америка», «Банк де Пари», «Ллойдс оф Лондон», «Бэнк оф Токио» и т. п. Были представлены такие отрасли, как нефтяная, сталелитейная, автомобильная, авиа-и электропромышленность. В состав Комиссии входили представители «Тайм», «Вашингтон пост», «Коламбия бродкастинг систем», «Цайт», «Джапан таймс», лондонского журнала «Экономист» и других средств массовой информации.

1976-й стал не только годом президентских выборов – это был и долгожданный год празднования 200-летия США, когда по всей стране проходили широко освещаемые мероприятия. На юбилейные торжества затратили огромные усилия, что свидетельствует о том, насколько таковые воспринимались как средство восстановления патриотизма, ради которого использовались исторические символы в целях единения народа и правительства и для того, чтобы оставить в прошлом недавние настроения протеста.

Но, похоже, по этому поводу особого энтузиазма не испытывалось. Во время празднования в Бостоне 200-летия «Бостонского чаепития» огромная толпа собралась не на официальные торжества, а на альтернативное «Народное двухсотлетие», в ходе которого в Бостонскую бухту в знак протеста против власти корпораций в Америке сбрасывались упаковки с надписями «Галф ойл» и «Экссон».

Картер – Рейган – Буш: двухпартийный Консенсус

Уже прошла половина XX в., когда историк Р. Хофстедтер в своей работе «Американская политическая традиция» решил исследовать роль крупнейших национальных лидеров от Т. Джефферсона и Э. Джексона до Г. Гувера и обоих Рузвельтов – республиканцев и демократов, либералов и консерваторов. Хофстедтер пришел к выводу о том, что «широта взглядов, исповедуемых главными игроками в основных политических партиях, всегда была ограничена горизонтами собственности и предпринимательской деятельности... Они относились к экономическим свойствам культуры капитализма, так же как к необходимым качествам человеческого характера... А культура эта имела жестко националистический характер».

Приближаясь к концу столетия и решив присмотреться к последней четверти века, мы можем заметить ту же ограниченность взглядов, о которой говорил Хофстедтер: свойственную капитализму поддержку огромных состояний, притом что рядом существовала отчаянная бедность; характерную для национализма поддержку войны как средства решения проблем и подготовку к ведению военных действий. Власть переходила от республиканцев к демократам и обратно, но ни одна из партий не проявила способности выйти за пределы такой философии.

После катастрофической войны во Вьетнаме был уотергейтский скандал. В сфере экономики значительная часть населения чувствовала все большую неуверенность в завтрашнем дне, усилились экологические проблемы, набирали обороты культура насилия и распад семьи. Очевидно, что такие ключевые вопросы не могли быть решены без коренных изменений в социально-экономической структуре общества. Но ни один из кандидатов главных политических партий не предлагал таких перемен.

Книга «Американская политическая традиция» сохраняла свою актуальность.

Косвенно, возможно сами того не осознавая, избиратели признавали этот факт и многие из них держались подальше от избирательных участков или принимали участие в выборах без особого энтузиазма. Все чаще они заявляли, пусть только путем неучастия в выборах, о своей отстраненности от политической системы. В 1960 г. в президентских выборах участвовали 63 % граждан, имеющих право голоса. К 1976 г. этот показатель упал до 53 %. По данным опроса, проведенного совместно телеканалом «Си-би-эс ньюс» и газетой «Нью-Йорк таймс», свыше половины респондентов заявили о том, что, по их мнению, государственные чиновники не думают о таких людях, как они. Достаточно характерным является ответ одного водопроводчика: «Президент Соединенных Штатов не собирается решать наши проблемы. Слишком они большие, эти проблемы».

В обществе увеличивалось вызывавшее тревогу несоответствие. В прессе и на телеэкранах на первом плане была предвыборная политика, а деятельность президентов, членов Конгресса и Верховного суда, других официальных лиц преподносилась таким образом, будто они и составляют историю страны. Однако во всем этом было нечто искусственное, раздутое, призванное убедить скептически настроенную публику в том, что это и есть главное, что общественности стоит надеяться на вашингтонских политиков, никто из которых не вселял особого вдохновения, поскольку казалось, что за всей этой напыщенностью, риторикой и обещаниями скрывается тот факт, что прежде всего этих людей волнует собственный политический вес.

Дистанция между политикой и народом нашла четкое отражение в культуре. Там, где должна была быть лучшая журналистика, неподконтрольная корпорациям, т. е. на общественном телевидении, интересы общества усматривались с трудом. Широкая публика не привлекалась к участию в ведущем политическом форуме на общественном ТВ – вечерней

программе «Час новостей с Макнилом и Лерером». Она могла лишь наблюдать в качестве телезрителя бесконечный парад конгрессменов, сенаторов, правительственных чиновников и всяческих экспертов, приглашавшихся на эти передачи.

На коммерческом радио проявления консенсуса, за исключением программ, содержавших фундаментальную критику, были особенно очевидны. В середине 80-х гг., когда президентом был Рональд Рейган, «доктрина справедливости»²³⁴ Федеральной комиссии по связи, которая предполагала предоставление одинакового времени в эфире выразителям разных взглядов, была отменена. К началу 90-х аудитория радиопрограмм в виде бесед составляла около 20 млн. человек, на которых обрушился ежедневный поток тирад со стороны ультраконсервативных «ведущих» ток-шоу, притом что гости левых убеждений на передачи не приглашались.

Граждане, утратившие иллюзии относительно политики и того, что выдавали за интеллектуальные политические беседы, обратили внимание (или позволили обратить свое внимание) на развлекательные жанры, колонки слухов, описания десятков тысяч схем самопомощи. Маргинальные элементы общества стали более жестокими, находя «козлов отпущения» в собственной среде (одни группы малоимущих чернокожих боролись против других) или направляя насилие против представителей других рас, иммигрантов, изображаемых в демоническом облике иностранцев, матерей-одиночек, получающих пособие, мелких правонарушителей (защитая при этом боссов преступного мира).

Были и другие граждане, которые пытались сохранить идеи и идеалы времен 60-х – начала 70-х гг. XX в. не только в воспоминаниях, но и в действиях. И в самом деле, по всей стране жили люди, о которых не упоминалось в прессе и которых игнорировали политики, в то время как они энергично занимались общественной деятельностью в тысячах организаций на местном уровне. Эти организации проводили активные кампании в защиту окружающей среды и прав женщин, добивались достойного медицинского обслуживания (в том числе оповещая о кошмарах СПИДа), жилья для бездомных, выступали против увеличения военных расходов.

Такая деятельность не была похожа на то, что происходило в 60-х гг., когда волна протеста против расовой сегрегации и войны стала преобладающей общенациональной силой. Люди предпринимали большие усилия, борясь против бесчувственных политиков и пытаясь привлечь внимание простых американцев, большинство которых мало надеялись как на участие в выборах, так и на выражение протеста.

Период президентства Джимми Картера, приходившийся на 1977–1980 гг., характеризуется попыткой части истеблишмента, представленного в руководстве Демократической партии, воодушевить утративших иллюзии граждан. Однако Картер, несмотря на несколько жестов в сторону чернокожего населения и бедноты, а также рассуждения о «правах человека» за рубежом, оставался в пределах исторически сложившихся политических ограничений американской системы, защищая корпоративные богатства и власть, сохраняя гигантскую военную машину, которая истощала ресурсы нации, и создавая альянсы США с зарубежными режимами-тираниями правого толка.

По-видимому, кандидатура Картера являлась выбором мощной и влиятельной транснациональной группы, известной под названием «Трехсторонняя комиссия». По

---

²³⁴ Сформулирована в Федеральном законе о средствах связи от 1934 г. С 1949 г. за соблюдением этого закона наблюдала Федеральная комиссия по связи (ФКС). В 1987 г. Конгресс одобрил законопроект, по которому доктрина получала силу закона, но президент Рейган наложил на него вето, ссылаясь на свободу печати, гарантируемую 1-й Поправкой Конституции США. В результате 4 августа 1987 г. доктрина была официально отменена ФКС, представители которой, однако, заявили, что отмена не повлияет на правила о равном времени и «разумном доступе к эфиру», введенные в действие тем же законом.

сведениям журнала «Фар Истерн экономик ревью», – два основателя Комиссии Дэвид Рокфеллер и Збигнев Бжезинский считали, что он – хороший кандидат на президентских выборах 1975 г. с учетом того, что «замученная «Уотергейтом» Республиканская партия была обречена на проигрыш».

С точки зрения истеблишмента роль Картера на посту президента должна была сводиться к тому, чтобы остановить стремительно растущее разочарование американского народа в правительстве, экономической системе, гибельных военных авантюрах за рубежом. В ходе избирательной кампании он старался обращаться к разуверившимся и разъяренным. Картер более всего апеллировал к чернокожим, чей бунт в 60-х гг. был самым страшным для власти вызовом с момента выступлений профсоюзов и безработных в 30-х гг. XX столетия.

Лозунги Картера носили «популистский» характер, т. е. он обращался к тем сегментам общества, которые считали, что находятся в плену у сильных мира сего. Хотя сам кандидат в президенты был миллионером, разбогатевшим на выращивании арахиса, он подавал себя публике как простой фермер. До самого конца поддерживая войну во Вьетнаме, Картер представлялся человеком, якобы симпатизировавшим тогда антивоенно настроенным американцам, а многим повзрослевшим молодым бунтарям 60-х он понравился тем, что обещал урезать военный бюджет.

В широко разрекламированном выступлении перед юристами Картер говорил о том, что является противником использования закона для защиты богатых. Он назначил чернокожую Патрицию Харрис на пост министра жилищного строительства и городского развития, а ветерана негритянского движения за гражданские права Эндрю Янга-младшего – на должность постоянного представителя США при ООН. Программу «молодежных корпусов по месту жительства» возглавил бывший в молодости активистом антивоенного движения Сэм Браун.

Однако наиболее важные из произведенных Картером назначений соответствовали тому, что было сказано в докладе Трехсторонней комиссии, подготовленном гарвардским политологом С. Хантингтоном, в котором говорилось, что, какие бы группы населения ни голосовали за избрание кандидата президентом, когда он уже избран, «тогда имеет значение... его способность мобилизовать поддержку со стороны руководителей ключевых институтов». Интеллектуал-традиционалист времен холодной войны З. Бжезинский стал у Картера помощником по вопросам национальной безопасности. Согласно «Документам Пентагона», назначенный на должность министра обороны Гарольд Браун во время войны во Вьетнаме «предусмотрел устранение практически всех ограничений при осуществлении бомбардировок». Министр энергетики Джеймс Шлесинджер в свою бытность министром обороны в администрации Р. Никсона характеризовался одним из вашингтонских обозревателей как человек, «проявляющий почти миссионерское рвение в попытках повернуть вспять тенденцию к снижению расходов на оборону». Шлесинджер также был ярым сторонником активного развития атомной энергетики.

Другие назначенцы в состав правительства имели прочные корпоративные связи. Вскоре после избрания Дж. Картера на пост президента один обозреватель, специализировавшийся на теме финансов, писал: «До сих пор действия мистера Картера, его комментарии и особенно кабинетные назначения вселяют все больше уверенности в деловое сообщество». Вашингтонский репортер-ветеран Том Уикер отмечал: «Имеется достаточно свидетельств того, что мистер Картер пока делает все, чтобы заслужить доверие со стороны Уолл-стрит».

Президент стал инициатором утонченной политики по отношению к репрессивным режимам. Он использовал представителя при ООН Э. Янга-младшего для создания в африканских государствах образа США как страны доброй воли и призывал ЮАР смягчить

политику касательно черного населения. Мирное разрешение проблем Южной Африки было необходимо по стратегическим причинам; территория этой страны использовалась для размещения радарных систем слежения. Туда также поступали крупные американские инвестиции, и ЮАР являлась важнейшим источником необходимого сырья (особенно алмазов). Соответственно, Соединенные Штаты нуждались там в стабильном правительстве, а продолжавшаяся политика апартеида могла привести к гражданской войне.

Похожий подход, состоявший в сочетании удовлетворения имеющих практическое значение стратегических потребностей и улучшения ситуации в сфере прав человека, использовался и по отношению к другим странам. Но, поскольку основным мотивом была практичность, а не человеколюбие, часто проявлялась тенденция к показным изменениям, как, например, в случае с Чили, где из тюрьмы выпустили нескольких политзаключенных. Когда член палаты представителей Герман Бадильо выдвинул в Конгрессе предложение, в соответствии с которым от представителей Соединенных Штатов во Всемирном банке и в других международных финансовых организациях требовалось голосовать против предоставления займов странам, которые систематически нарушали элементарные права человека, применяли пытки и содержали людей под стражей без суда, Картер направил личные письма каждому конгрессмену с призывом провалить эту поправку. Она была принята палатой представителей в ходе открытого голосования, но отвергнута сенатом.

При президенте Картере Соединенные Штаты продолжали поддерживать по всему миру режимы, которые бросали за решетку инакомыслящих, практиковали пытки и массовые убийства. Это имело место на Филиппинах, в Иране, Никарагуа и Индонезии, где жители Восточного Тимора уничтожались в ходе операций, весьма напоминавших по методам геноцид.

Журнал «Нью рипаблик», казалось бы представлявший либеральный спектр истеблишмента, с одобрением писал о политике Картера: «...американская внешняя политика в ближайшие четыре года, по сути, расширит философские подходы, выработанные... в годы администраций Никсона и Форда. Это отнюдь не негативная перспектива... Преемственность должна иметь место. Она является частью истории».

Картер хотел предстать в качестве друга антивоенного движения, но, когда весной 1972 г. Р. Никсон велел заминировать порт Хайфон и возобновить бомбардировки Северного Вьетнама, он призвал «обеспечить президенту Никсону опору и поддержку – даже если мы и не согласны с отдельными его решениями». После своего избрания на пост президента Картер отказался предоставить Вьетнаму средства на восстановление, несмотря на тот факт, что территория страны была опустошена американскими бомбардировками. Когда на одной из пресс-конференций ему задали вопрос по этому поводу, президент ответил, что на США не лежат какие-либо особые обязательства, поскольку «уничтожение было взаимным».

Учитывая, что Соединенные Штаты отправили через полмира огромное число бомбардировщиков и 2 млн. солдат, а спустя восемь лет крошечная страна потеряла более 1 млн. жителей и осталась в руинах, это было поразительное заявление.

Одним из намерений истеблишмента, видимо, было стремление показать войну будущим поколениям в ином свете, чем она представляла даже в созданных в недрах министерства обороны «Документах Пентагона», т. е. не как безжалостное нападение на гражданское население во имя стратегических военных и экономических интересов, а как досадную ошибку. Н. Хомский, один из ведущих представителей антивоенно настроенных интеллектуалов периода вьетнамской войны, наблюдая в середине 1978 г. за тем, как история этой войны предстает в основных средствах массовой информации, написал, что СМИ «уничтожают историческую достоверность и заменяют ее на более удобную историю... сводя «уроки» войны к общественно нейтральным категориям: промахам, неосведомленности и расходам».

Совершенно ясно, что администрация Картера старалась положить конец разочарованию американского народа после войны во Вьетнаме, пытаясь проводить более приемлемый и менее агрессивный внешнеполитический курс. Отсюда – упор на «права человека», давление на ЮАР и Чили в целях смягчения их внутренней политики. Но при более пристальном рассмотрении эти либеральные внешнеполитические меры были призваны сохранить в неизменном виде мощь Вооруженных сил США и американского бизнеса и их влияние на другие страны мира.

Возобновление переговоров о судьбе Панамского канала с крошечной центральноамериканской республикой Панамой – наглядный тому пример. Канал экономил американским компаниям до 1,5 млрд. долл. в год на доставке товаров, США ежегодно собирали пошлину за проход по нему в размере 150 млн. долл. (из которых правительство Панамы получало 2,3 млн. долл.), имея в зоне канала 14 военных баз.

В 1903 г. Соединенные Штаты спланировали революцию в Колумбии, создали в Центральной Америке небольшую республику Панаму и навязали ей договор, который предоставлял США право иметь в районе военные базы, контролировать Панамский канал и «навечно» обладать суверенитетом над зоной канала. В 1977 г. администрация Картера, реагируя на антиамериканские настроения в этой стране, решила пересмотреть условия договора. «Нью-Йорк таймс» писала о канале откровенно: «Мы украли его, а затем изъяли из учебников по истории улики, свидетельствующие о преступлении».

К 1977 г. Панамский канал утратил военное значение. Через него не могли проходить крупнотоннажные танкеры или авианосцы. Этот фактор, а также антиамериканские бунты в Панаме заставили администрацию Картера, несмотря на возражения консерваторов, вести переговоры о заключении нового договора, в котором предусматривалось постепенное закрытие военных баз США (их можно было с легкостью перенести в соседние районы). Через некоторое время канал должен был стать собственностью Панамы. В договоре также содержались нечеткие положения, которые можно было бы при определенных обстоятельствах рассматривать как основания для американской интервенции.

Какова бы ни была искушенность Картера во внешней политике, в этой сфере в конце 60-х и в течение 70-х гг. существовал ряд важнейших факторов. Американские компании активно действовали по всему миру в невиданных ранее масштабах. К началу 70-х гг. насчитывалось около 300 корпораций, в том числе 7 крупнейших банков, которые получали 40 % чистой прибыли за пределами Соединенных Штатов. Формально их называли «транснациональными», но на деле 98 % высшего руководства составляли американцы. В качестве отдельно стоящей группы данные компании представляли собой третью по масштабу экономику в мире, после США и Советского Союза.

В течение долгого времени отношения этих глобальных корпораций с бедными странами строились на основе эксплуатации последних, что следует из статистических данных министерства торговли США. При этом что в 1950–1965 гг. американские корпорации в Европе инвестировали 8,1 млрд. долл., получив 5,5 млрд. долл. прибыли, в Латинской Америке при объеме инвестиций 3,8 млрд. долл. прибыли составили 11,2 млрд. долл., а в Африке при инвестициях размером 5,2 млрд. долл. совокупная прибыль исчислялась 14,3 млрд. долл.

Имела место классическая для империализма ситуация, когда страны, обладавшие природными богатствами, становились жертвами более мощных держав, чья сила проистекала из этих захваченных ресурсов. Американские корпорации на сто процентов зависели от поставок из бедных государств алмазов, кофе, платины, ртути, каучука и кобальта. Они получали из-за рубежа 98 % марганца, 90 % хрома и алюминия. При этом от 20 до 40 % импорта определенных видов сырья (платины, ртути, кобальта, хрома, марганца) приходилось на Африку.

Другой неизменной частью американской внешней политики, вне зависимости от того, занимали Белый дом демократы или республиканцы, было обучение иностранных военных. Сухопутные силы США содержали в зоне Панамского канала школу «Америкас», которую окончили тысячи военачальников из стран Латинской Америки. К примеру, шесть выпускников были членами чилийской военной хунты, свергнувшей в 1973 г. избранное на свободных выборах правительство Альенде. Американский начальник школы сообщил репортеру: «Мы сохраняем связь с нашими выпускниками, а они имеют контакты с нами».

Однако Соединенные Штаты культивировали репутацию страны, которая щедро делится своими богатствами. США регулярно оказывали помощь жертвам стихийных бедствий. Однако эта помощь часто зависела от политической лояльности. Во время шестилетней засухи в западных районах Африки от голода погибли 100 тыс. человек. В докладе, подготовленном Фондом Карнеги, говорилось, что Агентство международного развития США (ЭИД)²³⁵ неэффективно и нерадиво помогало кочевникам Сахеля²³⁶ в Западной Африке – региона, охватывающего территории шести государств. Реакция ведомства на доклад сводилась к тому, что у этих стран «нет тесных исторических, экономических или политических связей с Соединенными Штатами».

В начале 1975 г. в прессе прошло следующее сообщение из Вашингтона: «Госсекретарь Генри Киссинджер официально объявил о начале политики избирательного сокращения американской помощи тем государствам, которые выступали против США во время голосования в ООН. В некоторых случаях сокращения поставок касаются продуктов питания и гуманитарной помощи».

Подавляющая часть поддержки носила откровенно военный характер. К 1975 г. США экспортировали вооружения на сумму 9,5 млрд. долл. Картер обещал покончить с продажей оружия репрессивным режимам, но, когда его администрация пришла к власти, большая часть этой торговли сохранилась.

Военные продолжали поглощать огромную долю национального бюджета. В ходе избирательной кампании Джими Картер заявил Комитету Демократической партии по разработке предвыборной платформы: «Мы можем сократить нынешние расходы на оборону на 5–7 млрд. долл. в год, не нанеся ущерба обороноспособности нашей страны или обязательствам, данным нашим союзникам». Но в первом же представленном им бюджете содержалось не сокращение, а увеличение военных расходов на 10 млрд. долл. Президент выдвинул предложение, чтобы США потратили в течение следующих пять лет 1 трлн долл. на оборону. И это после того, как администрация объявила о том, что министерство сельского хозяйства сэкономит 25 млн. в год, прекратив бесплатную раздачу второй порции молока 1,4 млн. детей из нуждающихся семей, которые бесплатно питались в школе.

Если деятельность Картера заключалась в том, чтобы восстановить доверие к системе, то в деле решения экономических проблем народа он потерпел наибольший провал. Цены на продукты питания и товары первой необходимости продолжали расти быстрее, чем заработная плата. Безработица, по официальным данным, держалась на уровне 6–8 %; по неофициальным сведениям, этот уровень был выше. Среди некоторых основных категорий населения, в том

²³⁵ Агентство (Управление) международного развития (ЭИД – аббр. от англ. Agency for International Development) – независимое федеральное ведомство, подотчетное в своей деятельности государственному секретарю США. Создано в 1961 г. В 1979 г. часть функций была передана американскому Агентству по международному сотрудничеству в целях развития.

²³⁶ Сахель – название переходной полосы (ширина до 400 км) от пустынь Сахары к саваннам Западной Африки.

числе молодежи, и особенно среди чернокожей молодежи, уровень безработицы составлял 20–30 %.

Вскоре стало очевидно, что черные американцы, т. е. та группа населения, которая оказала наибольшую поддержку в избрании Картера президентом, жестоко разочарована его политикой. Так, он выступал против оказания федеральной помощи малоимущим женщинам, которым был необходим аборт. Когда Картеру было сказано, что такая позиция несправедлива, потому что богатые американки легко могут сделать подобную операцию, президент ответил: «Ну, как вы знаете, в жизни много несправедливости, много того, что состоятельные люди могут себе позволить, а бедные – нет».

Картеровский «популизм» не проглядывался и во взаимоотношениях его администрации с нефтегазовыми кругами. В «энергетический план» президента входило намерение прекратить практику регулирования потребительских цен на природный газ. Крупнейшим производителем этого вида топлива была корпорация «Экссон», самые большие пакеты акций в которой принадлежали семейству Рокфеллер.

В начале президентского срока Картера Федеральная администрация по энергетике обнаружила, что корпорация «Галф ойл» завысила свои расходы на приобретение сырой нефти у зарубежных филиалов на 79,1 млн. долл. Затем нефть по этим ложным ценам поступила к потребителям. Летом 1978 г. администрация объявила о достижении «компромисса» с «Галф ойл», по которому корпорация согласилась вернуть 42,2 млн. долл. При этом корпорация проинформировала своих акционеров, что «платежи не повлияют на доходы, поскольку за предыдущие годы накоплен адекватный запас».

Адвокат министерства энергетики, который занимался выработкой компромисса с «Галф ойл», заявил, что последний достигнут во избежание продолжительного и дорогостоящего судебного иска. Но стоил бы этот иск 36,9 млн. долл., «забытых» в результате достижения компромисса? Интересно, а грабителя банка правительство тоже бы согласилось не сажать в тюрьму в обмен на возврат половины награбленного? Решение этого вопроса стало прекрасным примером того, о чем Картер сказал на встрече с юристами во время избирательной кампании, а сказал он, что закон – на стороне богатей.

Политика президента, равно как и политика предыдущих администраций, будь они консервативными или либеральными, не влияла на основы несправедливого распределения национального богатства. По данным американского экономиста Эндрю Зимбалиста, выступившего в 1977 г. со статьей во [французском ежемесячнике] «Монд дипломатик», 10 % американцев, составлявших верхушку общества, получали доходы, в 30 раз превышавшие доходы 10 % самых бедных жителей страны; 1 % населения обладал 33 % богатств. В руках 5 % самых состоятельных граждан было сконцентрировано 83 % корпоративных ценных бумаг. Согласно статистическим данным Налогового управления США за 1974 г., на сотню крупнейших корпораций (несмотря на то, что прогрессивный подоходный налог заставлял людей считать, будто самые богатые платили по крайней мере половину всех налогов) приходилось в среднем 26,9 % налоговых отчислений, а на ведущие нефтяные компании – 5,8 %.

В действительности 244 человека, получавших доходы свыше 200 тыс. долл. в год, вообще не платили налогов.

В 1979 г., пока Джимми Картер невнятно предлагал пособия для бедняков, а Конгресс вполне отчетливо отвергал эти предложения, директор вашингтонского Фонда защиты детей чернокожая американка Мэриан Райт Эделман указала на некоторые факты. Каждый седьмой американский ребенок (всего 10 млн. человек) не имел регулярного источника получения первой медицинской помощи. Каждый третий ребенок в возрасте до 17 лет (всего 18 млн.

человек) никогда не был на приеме у стоматолога. В своей статье в газете «Нью-Йорк таймс», расположенной на полосе, посвященной насущным проблемам общества, М. Эделман писала: «Недавно Бюджетный комитет сената... вычеркнул 88 млн. долл. из скромной суммы в 288 млн. долл., запрошенной администрацией для совершенствования программы мониторинга и решения проблем детского здравоохранения. В то же самое время у сената нашлись 725 млн. долл. на финансовую помощь [корпорации] «Литтон индастриз» и передачу ВМС по крайней мере двух эсминцев, заказанных шахом Ирана».

Картер одобрил налоговые «реформы», от которых выиграли прежде всего корпорации. Экономист Роберт Лекачмен, писавший для журнала «Нейшн», отметил резкое возрастание прибылей последних (на 44 %) в четвертом квартале 1978 г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года. Он заявил: «Возможно, самый возмутительный свой поступок президент совершил в прошлом ноябре, когда подписал закон, сокращавший налоги на 18 млрд. долл., поскольку львиная доля этих льгот приходится на состоятельных людей и корпорации».

В 1979 г., пока неимущие переживали сокращение расходов на их поддержку, зарплата председателя правления компании «Экссон» была повышена до суммы 830 тыс. долл. в год, а годовая зарплата председателя правления «Мобил ойл» – до суммы свыше 1 млн. долл. В том же 1979 г., когда чистая прибыль «Экссон» выросла на 56 %, достигнув более чем 4 млрд. долл., обанкротились 3 тыс. небольших автозаправочных станций, принадлежавших независимым владельцам.

Картер предпринял некоторые попытки сохранить социальные программы, но его усилия были сведены на нет громадными военными бюджетами. По-видимому, эти средства предназначались на защиту от СССР. Но, когда в 1979 г. Советский Союз оккупировал Афганистан, президент отреагировал лишь символическими мерами, вроде восстановления призыва в вооруженные силы²³⁷ или бойкота Олимпийских игр 1980 г., проходивших в Москве.

С другой стороны, американское оружие использовалось для поддержки диктаторских режимов, которые вели борьбу с левыми повстанцами. В докладе администрации Картера, представленном в Конгресс в 1977 г., было прямо сказано, что «ряд стран с прискорбным перечнем нарушений в сфере прав человека, являются государствами, где у нас есть важные интересы в сфере национальной безопасности и внешней политики».

Так, весной 1980 г. президент запросил Конгресс о выделении 5,7 млн. долл. в форме кредитов военной хунте, подавлявшей восстание крестьян в Сальвадоре. На Филиппинах после прошедших в 1978 г. выборов в Национальную ассамблею президент Фердинанд Маркос отправил за решетку 10 из 21 кандидата проигравшей оппозиции; многие заключенные подвергались пыткам, было убито множество мирных жителей. Однако Джимми Картер призвал Конгресс в течение следующих пяти лет предоставить Маркосу военную помощь в размере 300 млн. долл.

Десятилетиями США содействовали сохранению диктатуры Сомосы в Никарагуа. Неправильно истолковывая элементарную слабость этого режима и популярность антисомосовской революции, администрация Картера продолжала поддержку Сомосы вплоть до падения режима в 1979 г.

К концу 1978 г. кульминацией многолетнего недовольства диктатурой шаха в Иране стали массовые демонстрации. Восьмого сентября 1978 г. войска расстреляли сотни демонстрантов. На следующий день, согласно сообщению информационного агентства ЮПИ из Тегерана,

²³⁷ В 1979 г. была восстановлена только регистрация лиц призывного возраста.

Картер подтвердил правителю свою поддержку: «Вчера войска открыли огонь по демонстрации против шаха, продолжающейся третий день подряд, а президент Джимми Картер звонил по телефону в шахский дворец, чтобы выразить свою поддержку шаху Мохаммеду Реза Пехлеви, переживавшему самый сложный кризис за период своего 37-летнего правления. Во время выступления нового премьер-министра Ирана девять членов парламента покинули зал с выкриками о том, что его руки «запятнаны кровью» во время подавления выступлений консервативных мусульман и других участников акций протеста».

Тринадцатого декабря 1978 г. Николас Гейдж сообщал в своем репортаже для «Нью-Йорк таймс»: «По данным наших источников в Посольстве США, персонал посольства был усилен десятками специалистов, командированных для оказания помощи шаху в противостоянии растущим вызовам его правлению... Среди вновь прибывших, по данным тех же источников, помимо дипломатов и военных находится целый ряд экспертов Центрального разведывательного управления по Ирану».

В начале 1979 г., когда кризис в Иране переходил в активную фазу, бывший главный аналитик ЦРУ по этой стране сообщил корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Сеймуру Хершу, что «он и его коллеги знали о пытках иранских диссидентов, практиковавшихся САВАК – иранской тайной полицией, созданной шахом в конце 50-х годов при помощи ЦРУ». Более того, он рассказал журналисту, что один из старших чинов Центрального разведывательного управления участвовал в инструктаже коллег из САВАК по проведению пыток.

Произошла поддержанная народом, носившая массовый характер революция, и шах бежал из страны. Позднее администрация Картера приняла его в Соединенных Штатах, предположительно для лечения, и антиамериканские настроения революционных масс достигли пика. Четвертого ноября 1979 г. Посольство США в Тегеране было захвачено студентами-активистами, которые удерживали 52 сотрудника посольства в заложниках, требуя возвращения шаха в Иран, для того чтобы он понес наказание.

В течение следующих 14 месяцев, пока заложники находились на территории посольства, эта проблема занимала в США первое место в ряду зарубежных новостей и породила мощные националистические настроения. Когда Картер приказал Службе иммиграции и натурализации начать процедуру депортации иранских студентов, имевших просроченные визы, в «Нью-Йорк таймс» появилось осторожное, но однозначное одобрение этих действий. Политики и пресса впали в истерию. Американскую девушку иранского происхождения, которая должна была выступить на школьном выпускном вечере с речью, убрали из программы мероприятия. Наклейка «Разбомбим Иран» появилась на бамперах автомобилей по всей стране.

Редкому журналисту хватало смелости заявить, как, например, это сделал Алан Ричмен из газеты «Бостон глоб», когда 52 заложника были выпущены на свободу и остались вроде бы целыми и невредимыми, что в американской реакции на данное и другие нарушения прав человека была некая диспропорция. Журналист писал: «Там было 52 человека – такую цифру легко понять. Это не то, что 15 тыс. ни в чем неповинных людей, исчезнувших в Аргентине... Они [американские заложники] говорили на одном с нами языке. А вот в Гватемале в прошлом году было убито 3 тыс. человек, которые на нем не говорили».

Заложники находились еще в плену, когда Джимми Картер столкнулся с Рональдом Рейганом в ходе избирательной кампании 1980 г. Этот факт, а также экономические невзгоды, которые многие чувствовали на себе, в большой степени способствовали поражению Картера на выборах.

Победа Рейгана, за которой восемь лет спустя последовало избрание президентом Джорджа Буша-старшего, означала, что другая половина истеблишмента, не обладавшая и долей довольно слабого либерализма картеровской администрации, будет отныне отвечать за

положение дел. Политика станет еще грубее и будет заключаться в урезании пособий бедноты, ослаблении налогового бремени богачей, увеличении военного бюджета, привлечении консервативно настроенных судей для работы в федеральной судебной системе, активной деятельности по подавлению революционных движений в странах Карибского бассейна.

Двенадцать лет президентства Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего превратили федеральную судебную систему, которая и так никогда не выходила за умеренно либеральные рамки, в преимущественно консервативный институт. К осени 1991 г. Рейган и Буш заполнили своими кандидатами более половины из 837 вакансий федеральных судей, а также назначили достаточное число судей с правоконсервативными взглядами, чтобы преобразовать Верховный суд.

В 70-х гг., когда такие судьи-либералы, как Уильям Бреннан и Тёргуд Маршалл, занимали ведущие позиции, суд признал неконституционность смертной казни, поддержал (в решении по делу «Роу против Уэйда») право женщин на аборт, интерпретировал законодательство о гражданских правах таким образом, чтобы проблемам чернокожих и женщин уделялось первостепенное значение в целях компенсации за дискриминацию в прошлом (речь идет о программах утвердительных мер²³⁸).

Уильям Ренквист, ставший членом Верховного суда по назначению президента Р. Никсона, при Р. Рейгане занял должность его председателя. В эпоху Рейгана – Буша-старшего Суд под председательством этого человека принял целый ряд постановлений, ослабивших решение по делу «Роу против Уэйда», восстановил смертную казнь, урезал права задержанных по сравнению с полномочиями полиции, запретил врачам в клиниках планирования семьи, получающих федеральную помощь, предоставлять женщинам информацию об абортах, а также заявил, что неимущих можно заставить платить за государственное образование (право на образование, по мнению Суда, не являлось «основополагающим»).

Судьи У. Бреннан и Т. Маршалл были последними либералами в составе Верховного суда. Больные старики, они, хотя и не желали сдаваться, ушли в отставку. Финальным актом создания консервативного Суда стало назначение Дж. Бушем-старшим человека на место судьи Маршалла. Президент остановил свой выбор на чернокожем консерваторе Кларенсе Томасе. Несмотря на полные драматизма показания бывшей коллеги, молодого профессора права афроамериканки Аниты Хилл, обвинившей Томаса в сексуальных домогательствах, предложенная кандидатура была одобрена сенатом, и чаша весов в Верховном суде еще больше склонилась вправо.

В условиях назначения консерваторов на федеральные судебские посты и чиновников, благожелательно настроенных по отношению к представителям бизнеса, в НУТО решения судов и заключения этого ведомства ослабляли рабочее движение, и так испытывавшее трудности в связи с промышленным спадом. Бастующие работники оказывались лишены юридической защиты. Одной из первых акций администрации Рейгана было массовое увольнение участников забастовки авиадиспетчеров²³⁹. Это стало предупреждением тем, кто решит бастовать в будущем, и одновременно признаком слабости рабочего движения, которое в 30–40-х гг. являлось мощной силой.

В годы правления Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего корпоративная Америка стала главным

²³⁸ Утвердительными мерами или позитивными действиями называют план или программу, направленные на устранение последствий расовой дискриминации или дискриминации по половому признаку при приеме на работу или учебу, а также на предотвращение случаев такой дискриминации в будущем.

²³⁹ Речь идет о забастовке членов Организации профессиональных авиадиспетчеров 1981 г.

бенефициарием. В 60–70-х гг. в стране появилось крупное экологическое движение, созданное теми, кто пришел в ужас от загрязнения воздуха, морей и рек, а также от ежегодной смерти тысяч людей, связанной с условиями их работы. После того, как в результате взрыва на шахте в штате Западная Виргиния в ноябре 1968 г. погибли 78 горняков, шахтерский район охватили яростные акции протеста, и в следующем году Конгресс принял Закон о технике безопасности и охране труда на угольных шахтах. Министр труда в администрации Никсона высказался о «новой национальной страсти – страсти к улучшению состояния окружающей среды».

В 1970 г., уступая настойчивым требованиям со стороны профсоюзного движения и организаций потребителей и одновременно усматривая в этом возможность заручиться поддержкой со стороны избирателей-рабочих, Р. Никсон подписал Закон о технике безопасности и охране труда на производстве. Это был важный законодательный акт, установивший всеобщее право на безопасные и здоровые условия труда и создавший механизмы контроля за соблюдением этих условий. Вспоминая об этом годы спустя, Герберт Стайн, который во времена Никсона был председателем Экономического совета при президенте, сокрушался, что «разрушительная сила природоохранного законодательства оказалась неподконтрольной администрации Никсона».

Когда Джимми Картер, придя в Белый дом, поддержал программу Управления охраны труда, он также стремился угодить деловому сообществу. Назначенная им на пост руководителя этого ведомства Юла Бингем боролась за строгое исполнение принятого Закона и периодически добивалась успехов. Однако, поскольку американская экономика стала испытывать затруднения, проявлявшиеся в росте цен на нефть, инфляции и увеличении числа безработных, президент начинал все больше беспокоиться о тех сложностях, которые Закон создал для бизнеса. Он превратился в сторонника отмены излишних правил, регулировавших работу корпораций, с тем чтобы дать им больше свободы, даже если при этом будет нанесен ущерб рабочим и потребителям. Природоохранное законодательство все в большей мере становилось жертвой анализа «издержек и прибыли», при котором защита здоровья и безопасности граждан отходили на второй план по отношению к расходам, которые для достижения этих целей должен был понести бизнес.

При президентах Р. Рейгане и Дж. Буше-старшем эта забота об «экономике», как корректно называли прибыли корпораций, преобладала над любыми заботами об интересах трудящихся или потребителей. Первый предложил заменить строгий контроль за соблюдением природоохранного законодательства «добровольным» подходом, предоставляющим предпринимателям возможность самостоятельно определять, что и как делать. Главой Управления охраны труда назначили бизнесмена, враждебно относившегося к самим задачам этого федерального ведомства. Одним из первых предпринятых им действий было указание уничтожить 100 тыс. правительственных брошюр, в которых рассказывалось о вреде хлопковой пыли для здоровья рабочих-текстильщиков.

Политолог У. Гровер в работе «Президент в роли пленника», давая оценку политике администраций Дж. Картера и Р. Рейгана в области охраны окружающей среды в рамках осуществленной этим исследователем глубокой «структурной критики» деятельности обоих президентов, пришел к такому выводу: «Управление охраны труда, похоже, оказалось между молотом и наковальней – между президентами-либералами, которые хотят сохранить некоторые нормативные программы в области здравоохранения и техники безопасности, но одновременно нуждаются в экономическом росте во имя своего политического выживания, и президентами-консерваторами, концентрирующими все свое внимание на выравнивании экономического роста. При таком положении необходимость иметь безопасные и здоровые условия труда всегда будет второстепенной, поскольку степень... поддержки деятельности

Управления окажется в зависимости от того, насколько это позволят приоритеты бизнеса».

Дж. Буш-старший заявлял о себе как о «президенте, защищающем окружающую среду», и с гордостью напоминал о том, что подписал в 1990 г. Закон о чистом воздухе²⁴⁰. Однако спустя два года после принятия Закон был серьезно ослаблен новым правилом Агентства по охране окружающей среды, которое позволяло производителям увеличить вредные выбросы в атмосферу на 245 тонн в год.

Более того, на контроль за выполнением Закона выделялось мало средств. Согласно докладу упомянутого Агентства, в 1971–1985 гг. загрязненная питьевая вода стала причиной заболеваний у более чем 100 тыс. человек. Однако в первый год пребывания Дж. Буша-старшего у власти, притом что это ведомство получило 80 тыс. жалоб на качество питьевой воды, только по одной из каждых ста было проведено расследование. По данным частной экологической организации «Национальный совет по защите природных ресурсов», в 1991–1992 гг. было зафиксировано 250 тыс. нарушений Закона о безопасной питьевой воде, принятого еще во время президентства Р. Никсона.

Вскоре после того как Дж. Буш-старший занял кабинет в Белом доме, один ученый из правительственного ведомства подготовил доклад для Комитета Конгресса об опасном воздействии промышленного применения угля и других видов ископаемого топлива, вызывающем так называемое «глобальное потепление» и истощение защитного озонового слоя Земли. Несмотря на возражения этого специалиста, Белый дом изменил текст доклада, сведя к минимуму упоминания о существовавшей угрозе (газета «Бостон глоб» писала об этом 29 октября 1990 г.). Похоже, что обеспокоенность бизнеса по поводу чрезмерного регулирования опять взяла верх над интересами общественности.

Всемирный экологический кризис становился настолько очевидно опасным, что Папа Римский Иоанн Павел II почувствовал необходимость упрекнуть богатых людей в промышленно развитых странах за создание этого кризиса: «Существующая сегодня острая угроза экологической катастрофы учит нас тому, до какой степени жадность и эгоизм, как индивидуальные, так и коллективные, противоречат мирозданию».

На международных конференциях, посвященных предотвращению глобального потепления, Европейское сообщество и Япония предложили установить конкретные уровни и графики осуществления выбросов двуокиси углерода, в которых лидировали Соединенные Штаты. Однако, как писала «Нью-Йорк таймс» летом 1991 г., «администрация Буша боится, что... это нанесет в краткосрочном плане ущерб национальной экономике, не продемонстрировав долгосрочные благоприятные последствия для климата». Мнение научного сообщества насчет долгосрочных благоприятных результатов являлось вполне однозначным, однако это было не так важно, как «экономика», т. е. потребности корпораций.

К концу 80-х гг. появились убедительные доказательства того, что возобновляемые источники (вода, ветер, солнце) могут вырабатывать больше полезной энергии, чем опасные и дорогостоящие атомные электростанции, производившие радиоактивные отходы, от которых непросто было избавиться. Однако администрации Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего провели серьезные сокращения (при Рейгане они составили 90 %) расходов на исследования возможностей применения возобновляемых источников энергии.

В июне 1992 г. более ста стран приняли участие во Всемирном саммите по проблемам окружающей среды в Бразилии. Статистика показывала, что вооруженные силы разных

²⁴⁰ Закон о чистом воздухе был впервые принят в 1963 г., а затем существенно дополнялся в 1965, 1967, 1970, 1977, 1990 гг.

государств отвечали за две трети выбросов газа, который истощал озоновый слой. Однако, когда на этой встрече было предложено внести в повестку дня обсуждение вопроса о воздействии военных на деградацию окружающей среды, делегация Соединенных Штатов возразила, и предложение отклонили.

И в самом деле, сохранение гигантской военной машины и поддержание уровней прибыли нефтяных компаний, похоже, являлись двойной целью администраций Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего. Вскоре после того как Рейган стал президентом, 23 руководителя нефтяных корпораций пожертвовали 270 тыс. долл. на ремонт жилых помещений Белого дома. Информационное агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало: «Пожертвование... было направлено спустя четыре недели после того, как президент отказался от регулирования цен на нефть. Это решение принесло нефтяной промышленности 2 млрд. долл. прибыли... Владелец «Кор ойл энд гэс компани» Джек Ходжес из Оклахома-Сити сказал: «Главный человек этой страны должен жить в одном из лучших мест. Мистер Рейган помог энергетическому бизнесу»».

При наращивании военных расходов (за первые четыре года нахождения у власти Р. Рейгана они составили свыше 1 трлн долл.) президент пытался расплатиться за них путем сокращения пособий малоимущим. В 1984 г. урезание социальных программ составило 140 млрд. долл., а увеличение расходов на «оборону» в этот же период – 181 млрд. долл. Рейган также предложил уменьшить налоги на 190 млрд. долл. (большая часть этих сокращений была выгодна богатым).

Несмотря на снижение налогов и увеличение военных расходов, президент настаивал на том, что сможет сбалансировать бюджет, поскольку сокращение налогов стимулирует экономический рост и это приведет к увеличению нового годового дохода. Лауреат Нобелевской премии экономист Василий Леонтьев сухо заметил: «Вряд ли это произойдет. Фактически, я лично готов поручиться, что этого не случится».

И в самом деле, статистические данные министерства торговли показывали, что в периоды, когда снижалось налоговое бремя на корпорации (1973–1975, 1979–1982), не наблюдалось никакого роста капиталовложений, а, даже наоборот, происходило существенное уменьшение объемов инвестиций. Самый большой рост капиталовложений имел место в 1975–1979 гг., когда налоги на корпорации были немного выше, чем в предыдущие пять лет.

Последствия принятых при Рейгане сокращений бюджетных расходов на гуманитарные цели были глубокими. Например, 350 тыс. человек лишились пособий для нетрудоспособных, предоставлявшихся программами социального страхования. Один человек, получивший травму на нефтяном месторождении, был вынужден вернуться на работу, поскольку федеральные власти отменили заключения корпоративного врача и инспектора штата о том, что он не может трудиться. Когда этот человек скончался, федеральные чиновники заявили: «У нас возникла проблема с общественностью». Героем войны во Вьетнаме Рою Бенавидесу, который получил из рук Рейгана Почетную медаль Конгресса, чиновники от социального страхования заявили, что осколки, оставшиеся у него в сердце, обеих руках и ноге, не мешают ему трудиться. Выступая перед одним из Комитетов Конгресса, Бенавидес осудил президента.

Во времена Рейгана выросла безработица. В 1982 г. без работы в течение всего года или его части были 30 млн. человек. Одним из результатов такой ситуации стало то, что свыше 16 млн. американцев потеряли медицинское страхование, которое часто связано с трудоустройством. В штате Мичиган, где уровень безработицы являлся самым высоким в стране, с 1981 г. начала расти детская смертность.

В соответствии с новыми требованиями были отменены бесплатные завтраки для более чем 1 млн. детей из малоимущих семей, которые зависели от школьного питания, поскольку

оно составляло половину дневного рациона ребенка. Миллионы детей пополнили категорию официально «малоимущих» и вскоре четверть маленьких американцев – 12 млн. человек – оказались за чертой бедности. В некоторых районах Детройта треть младенцев умирала в возрасте до 1 года, и «Нью-Йорк таймс» писала: «С учетом того, что происходит в Америке с голодающими, эта администрация только позорит себя».

Объектом нападок стала система социального вспомоществования: поддержка одиноких матерей по программе «Помощь семьям с детьми-иждивенцами», продовольственные талоны, медицинская помощь малоимущим по программе «Медикейд». Для большинства людей, которым помогали в рамках этой системы (пособия варьировались в разных штатах), это означало потерю 500–700 долл. в месяц, что заставляло их существовать на примерно 900 долл., т. е. на уровне гораздо ниже официального порога бедности. Чернокожие дети имели в 4 раза больше шансов жить на деньги от социального вспомоществования, чем их белые сверстники.

В начале правления администрации Рейгана, отвечая на аргумент о том, будто в правительственной помощи нет нужды, а частное предприятие может позаботиться о бедных, мать двоих детей написала письмо в местную газету: «Я участвую в программе «Помощь семьям с детьми-иждивенцами», и оба моих ребенка ходят в школу... Я с отличием окончила колледж, заняв 128-е место в выпуске из более чем 1 тыс. человек, получив диплом бакалавра по английскому языку и социологии. У меня есть опыт работы в библиотеке, ухода за детьми, социальной работы и консультирования.

Я побывала в бюро, отвечающем за выполнение Закона о всеобщей занятости и подготовке рабочей силы²⁴¹. Они ничего не могут мне предложить... Я также еженедельно хожу в библиотеку, просматривая газетные объявления с предложениями работы. Я сохранила копию каждого письма с моим резюме, которое отправила: стопка этих писем уже высокая. Я даже пыталась устроиться на работу с такой низкой зарплатой, как 8 тыс. долл. в год. Я работаю на полставки в библиотеке за 3,5 долл. в час, из-за чего мне сократили выплаты по социальному вспомоществованию...

Похоже, что у нас есть бюро по трудоустройству, не предлагающие рабочие места, правительства, которые не правят, и экономическая система, не дающая работу людям, готовым трудиться... На прошлой неделе я продала кровать, чтобы оплатить страховой полис на свою машину, поскольку в отсутствие общественного транспорта она мне нужна, чтобы ездить в поисках работы. Я сплю на куске поролона, который мне кто-то дал.

Это и есть великая американская мечта, ради которой мои родители приехали в эту страну: усердно работай, получи хорошее образование, выполняй правила – и будешь богатым. Я не хочу быть богатой. Я просто хочу, чтобы у меня была возможность прокормить своих детей и жить хоть с каким-то достоинством».

Демократы нередко соглашались с республиканцами в вопросах сокращения программ социального вспомоществования. По-видимому, это делалось для того, чтобы заручиться политической поддержкой со стороны представителей среднего класса, которые считали, что их налоги уходят на помощь матерям-подросткам и людям, которые слишком ленивы, чтобы работать. О том, что указанные программы забирали лишь крохотную часть налогов, в то время как военные расходы поглощали значительный их кусок, большая часть общественности не знала, а пресса и политики не стремились информировать ее об этом. Однако отношение общества к социальному вспомоществованию отличалось от подхода к этому вопросу двух

²⁴¹ Закон о всеобщей занятости и подготовке рабочей силы был принят в 1973 г. Срок его действия истек в 1982 г., когда он был заменен Законом о совместной подготовке рабочей силы.

основных партий. Похоже, постоянные нападки на социальную помощь со стороны политиков, о которых бесконечно рассказывали пресса и телевидение, не преуспели в уничтожении той щедрости, которая свойственна большинству американцев.

Проведенный в начале 1992 г. опрос «Нью-Йорк таймс» и «Си-би-эс ньюс» показал, что отношение к социальным программам менялось в зависимости от того, какова была постановка вопроса. При использовании термина «социальное вспомоществование» 44 % респондентов говорили, что затраты на него слишком велики (при этом 50 % утверждали, что тратится ровно столько средств, сколько необходимо, или слишком мало). Но когда ставился вопрос о «помощи неимущим», избыточными такие расходы считали только 13 % опрошенных, а 64 % полагали, что они слишком малы.

Сказанное позволяет предположить, что обе партии пытались создать настрой, при котором принижалось значение помощи нуждающимся людям, постоянно используя термин «социальное вспомоществование» с уничижительным оттенком, а затем утверждая, что они действуют, опираясь на общественное мнение. Демократы, равно как и республиканцы, были тесно связаны с процветающими корпорациями. В 1990 г. политический обозреватель-республиканец Кевин Филлипс писал, что Демократическая партия «является второй в истории партией, характеризующейся энтузиазмом по отношению к капитализму».

Он указал, что политика, проводившаяся республиканскими администрациями Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего, была наиболее выгодна для сверхбогатых: «При Рейгане в большей степени, чем кто бы то ни было еще, процветали очень состоятельные люди... Восьмидесятые были временем триумфа американской верхушки... годами политического господства богачей, прославления капитализма, свободного рынка и финансов».

Когда действия правительства обогащали состоятельных людей, это не называлось социальным вспомоществованием. Предпринимавшиеся шаги не столь бросались в глаза, как выдача ежемесячных чеков неимущим; обычно правительственные меры принимали форму щедрых изменений в налоговой системе.

Два журналиста газеты «Филадельфия инквайрер» – Д. Барлетт и Дж. Стил в своей работе «Америка: кто на самом деле платит налоги?» проследили путь, проходя по которому ставки налогообложения самых богатых постоянно понижались. Не республиканцы, а именно демократы – администрации Дж. Ф. Кеннеди и Л. Джонсона – под прикрытием «налоговой реформы» впервые снизили принятую в период Второй мировой налоговую ставку в размере 91 % на доходы свыше 400 тыс. долл. в год до 70 %. Когда президентом был Дж. Картер, демократы и республиканцы в Конгрессе объединились, чтобы предоставить еще большие налоговые послабления богачами (несмотря на его возражения).

Администрация Рейгана при поддержке демократов в Конгрессе понизила ставку налога на доходы самых состоятельных людей до 50 %, а в 1986 г. коалиция республиканцев и демократов инициировала еще одну «налоговую реформу», т. е. законопроект, по которому потолок налоговой ставки составил 28 %. Барлетт и Стил отмечали, что и школьный учитель, и работник фабрики, и миллиардер теперь могли платить налог по ставке 28 %. Идея «прогрессивного» налогообложения, при котором богатые платили по более высокой ставке, чем все остальные, практически умерла.

В результате принятия в 1978–1990 гг. всех законопроектов о налогах состояние лиц, входивших в список самых богатых американцев «Форбс-400», который составлялся журналом «Форбс мэгэзин» (рекламирующим себя как «инструмент капиталиста»), утроилось. Годовой доход государства терял около 70 млрд. долл., и за эти 13 лет 1 % самых состоятельных граждан страны увеличил свои богатства на 1 трлн. долл.

У. Грайдер в своей замечательной книге «Кто скажет народу? Предательство

американской демократии» отмечал: «Тревожным сигналом для тех, кто винит республиканцев в происшедшем и верит в то, что справедливое налогообложение будет восстановлено, как только демократы снова воцарятся в Белом доме, является следующий факт: поворотным пунктом в налоговой политике, когда финансовая элита начала выигрывать по-крупному, стал 1978 год. Тогда Демократическая партия еще обладала всей полнотой власти, а это случилось задолго до появления Рональда Рейгана в Вашингтоне. И большинство демократов планомерно поддерживало этот коренной сдвиг в налоговом бремени».

В последние десятилетия XX в. не только подоходный налог стал менее прогрессивным; налог на социальное страхование стал более регрессивным. То есть постоянно росли отчисления от зарплат малоимущих и представителей среднего класса, но, когда годовой заработок достигал 42 тыс. долл., размер налоговых вычетов больше не увеличивался. К началу 90-х гг. семья, зарабатывавшая в среднем 37,8 тыс. долл. в год, платила с этой суммы 7,65 % в виде налогов на социальное страхование. Семья же с доходом 378 тыс. долл., т. е. в 10 раз больше, отчисляла 1,46 % доходов.

Результатом повышения уровня налоговых отчислений с заработной платы стало то, что три четверти всех наемных работников с каждым годом платили государству больше через налоги на социальное страхование, а не через подоходный налог. Как ни постыдно для Демократической партии, которая, казалось бы, была партией рабочего класса, эти повышения налогов на заработную плату стали происходить в период администрации Джимми Картера.

В условиях двухпартийной системы, если обе партии игнорируют общественное мнение, избирателям не к кому обратиться за поддержкой. В вопросах налогообложения было ясно, что американцы стремились к установлению действительно прогрессивной шкалы. У. Грайдер напоминает, что вскоре после окончания Второй мировой войны, когда ставки налогов на доходы самых богатых поднялись до 90 %, опрос, проведенный Институтом Гэллапа, показал, что 85 % граждан считали федеральный налоговый кодекс «справедливым». Но к 1984 г., когда демократы и республиканцы уже провели в жизнь все эти налоговые «реформы», опрос общественного мнения, проведенный Налоговой службой США, выявил, что 80 % респондентов были согласны со следующим утверждением: «Существующая налоговая система благоприятствует богатым и несправедлива по отношению к обычным работающим мужчинам и женщинам».

К концу президентства Р. Рейгана в Соединенных Штатах существенно расширилась пропасть между богатыми и бедными. Если в 1980 г. руководители корпораций получали в 40 раз больше заводского рабочего, то к 1989 г. этот разрыв увеличился до 93 раз. За 12 лет (с 1977 по 1989 г.) доходы до выплаты налогов у 1 % самых состоятельных американцев выросли на 77 %; в то же время самые малоимущие – две пятых жителей страны – никак не увеличили свои доходы, – напротив, они немного уменьшились.

Из-за благоприятных для состоятельных людей изменений в структуре налогообложения, в 80-х гг. 1 % самых богатых граждан увеличили на 87 % размер своего дохода после уплаты налогов. В то же время доход после уплаты налогов у наименее обеспеченных четырех пятых населения то опускался на 5 % (до самого низкого уровня), то поднимался, но не более чем на 8,6 %.

Притом что низы общества в целом почувствовали ухудшение своего положения, особенно тяжело это отразилось на чернокожих, испаноязычных, женщинах и молодежи. Обнищание групп населения с низкими доходами, которое происходило в годы правления Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего, более всего коснулось семей черных американцев, у которых изначально не хватало ресурсов и которым на работе приходилось сталкиваться с расовой дискриминацией. Победы движения за гражданские права приоткрыли возможности для

некоторых афроамериканцев, но большинство осталось на задворках общества.

В конце 80-х гг. по меньшей мере треть негритянских семей оказалась за официальной чертой бедности, а безработица среди чернокожих, похоже, зафиксировалась на уровне, в 2,5 раза превышающем уровень безработицы среди белых. Этот показатель среди черной молодежи составлял от 30 до 40 %. Средняя продолжительность жизни афроамериканцев была по крайней мере на 10 лет меньше, чем белых. В Детройте, Вашингтоне и Балтиморе уровень детской смертности среди чернокожих превосходил аналогичный показатель в таких странах, как Ямайка или Коста-Рика.

Следствием бедности были разрушенные семьи, домашнее насилие, уличная преступность и наркотики. В Вашингтоне, где негритянская беднота сконцентрировалась всего лишь в нескольких минутах ходьбы от мраморных зданий федерального правительства, 42 % чернокожей молодежи в возрасте от 18 до 35 лет или находились в тюрьме, или имели статус условно-досрочно освобожденных либо осужденных условно. Уровень преступности среди черного населения, который следовало воспринимать как кричащее требование борьбы с бедностью, использовался политиками, призывавшими строить больше тюрем.

После принятия в 1954 г. решения Верховного суда США по делу «Браун против совета по образованию» начался процесс десеграции школ. Однако бедность удерживала чернокожих детей в гетто, и многие школы страны оставались разделенными по признакам расовой и классовой принадлежности. Решения Верховного суда, принятые в 70-х гг., определили, что в равном распределении финансовых ресурсов между бедными и богатыми школьными округами нет необходимости (дело «Независимый школьный округ Сан-Антонио против Родригеса») и что не требуется перевозка учащихся на школьных автобусах между богатыми пригородами и городскими трущобами (дело «Милликен против Брэдли»). В глазах приверженцев свободы предпринимательства и невмешательства государства в экономику бедняками были люди, которые не работали и ничего не производили, и потому они могли винить в своей нищете только себя. Сторонники таких взглядов игнорировали тот факт, что женщины, которые сами ухаживали за детьми, трудились очень тяжело. Они не задавались вопросом почему малолетние, которые еще не достигли работоспособного возраста, должны быть наказаны (вплоть до смерти) тем, что росли в бедной семье.

По иронии судьбы республиканец Кевин Филлипс, анализируя рейгановский период, писал: «Все меньше и меньше богатства доставалось людям, которые что-то производили... непропорциональное распределение благ общества шло на пользу экономическим, юридическим и культурным манипуляторам – от адвокатов до финансовых консультантов».

В середине 80-х гг. в Вашингтоне начал разгораться крупный скандал. Дерегулирование ссудосберегательных банков, начавшееся при Дж. Картере и продолженное Р. Рейганом, привело к рискованным инвестициям, что, в свою очередь, истощило активы, сделав банки должниками перед своими вкладчиками, которым надо было выплатить миллиарды долларов по застрахованным правительством депозитам.

Чем больше проходило времени и чем дольше проблема оставалась в тени, тем больше потребовалось бы денег, чтобы расплатиться с вкладчиками и выручить эти банки. Цифра была близка к 200 млрд. долл. Во время избирательной кампании 1988 г. кандидата на пост президента США от Демократической партии Майкла Дукакиса удержали от того, чтобы обвинять республиканскую администрацию, поскольку демократы в Конгрессе принимали большое участие в создании этой ситуации, а затем в ее сокрытии. Поэтому избиратели оставались в неведении.

Огромную утечку казначейских денег на военные расходы президент Д. Эйзенхауэр однажды назвал «кражей» средств, необходимых на гуманитарные потребности. Но это было

приемлемо для обеих партий, в то время как демократы соревновались с республиканцами, показывая электорату, какие они «жесткие».

Став президентом, Дж. Картер предложил увеличить военный бюджет на 10 млрд. долл., совершив тот самый акт, который ранее описал Эйзенхауэр. Демократы и республиканцы одобряли подавляющим большинством голосов все огромные военные бюджеты периода после Второй мировой войны, от Трумэна до Рейгана и Буша-старшего.

Расходование миллиардов долларов на наращивание ядерных и обычных вооружений оправдывалось опасениями, будто СССР, также наращивавший свои арсеналы, вторгнется в Западную Европу. Однако Джордж Кеннан, бывший посол США в Советском Союзе и один из теоретиков холодной войны, сказал как-то, что у этого страха на деле нет подсобой оснований. В свою очередь, Гарри Розицки, проработавший в ЦРУ 25 лет и некоторое время был директором отдела разведывательных операций против Советского Союза, в 80-х гг. писал: «За все годы работы на правительство и после того я ни разу не видел аналитического материала разведки, из которого бы следовало, что Советам было выгодно вторгаться в Западную Европу или нападать на Соединенные Штаты».

Однако муссирование такого страха в общественном мнении являлось полезной аргументацией при создании грозного и избыточного оружия. Например, подводная лодка, оснащенная ракетами «Трайидент» и способная производить залпы сотнями ядерных боеголовок, стоила 1,5 млрд. долл. Эта субмарина была абсолютно бесполезной, кроме как в случае ядерной войны, при которой она бы лишь добавила несколько сот боеголовок к уже имеющимся десяткам тысяч. Как пишет Р. Сивард в книге «Всемирные военные и социальные расходы, 1987–1988», 1,5 млрд. долл. было бы достаточно для финансирования пятилетней программы иммунизации всех детей на планете от смертельных болезней и предотвращения 5 млн. смертей.

В середине 80-х гг. один из аналитиков «РЭНД корпорейшн», осуществлявшей исследования по заказу министерства обороны, сделал в интервью необычайно откровенное заявление, сказав, что в огромном количестве вооружений с военной точки зрения не было необходимости, но они понадобились для поддержания определенного имиджа в США и за пределами страны: «Если у вас сильный президент и сильный министр обороны, они могут время от времени появляться в Конгрессе и говорить: «Мы будем создавать лишь то, что нам необходимо... Если русские производят [оружие] в 2 раза больше – это их проблема». Однако с точки зрения политики это была бы потеря равновесия... А поэтому для нашей собственной внутренней стабильности, для нашего международного имиджа лучше, чтобы мы продолжали оставаться достойными противниками, даже если объективная необходимость самого соревнования... вызывает сомнения».

В 1984 г. ЦРУ признало, что преувеличивало данные о советских военных расходах, утверждая, что начиная с 1975 г. они якобы росли на 4–5 % в год, когда на самом деле эта цифра составляла 2 %. Таким образом, при помощи дезинформации и даже жульничества достигалась цель раздувания собственного военного бюджета.

Одной из любимых милитаристских программ администрации Рейгана была программа «Звездные войны», в ходе реализации которой миллиарды долларов тратились будто бы на создание космического щита для защиты от ядерных ракет противника в воздушном пространстве.

Однако первые три испытания технологии закончились провалом. Была предпринята четвертая попытка; на кону оказалось государственное финансирование программы. Случился очередной сбой, но рейгановский министр обороны Каспар Уайнбергер дал добро на фальсификацию результатов испытаний, чтобы показать, что они прошли успешно.

Когда в 1989 г. начался распад Советского Союза и столь удобная «советская угроза» перестала существовать, военный бюджет несколько сократили, но он все еще оставался громадным при поддержке как демократов, так и республиканцев.

В 1992 г. председатель Комитета по делам вооруженных сил палаты представителей Конгресса США демократ Лес Эспин предложил ввиду новой международной обстановки сократить военные расходы на 2 % – с 281 до 275 млрд. долл.

В том же году, когда и демократы, и республиканцы поддерживали незначительное снижение военного бюджета, опрос общественного мнения, проведенный по заказу Национального пресс-клуба²⁴², показал, что 59 % американских избирателей хотели бы видеть сокращение расходов на оборону вдвое в течение следующих пяти лет.

Похоже, обеим партиям так и не удалось убедить граждан в том, что военный бюджет стоит поддерживать на прежнем высоком уровне. Но эти партии продолжали игнорировать общественность, интересы которой им положено представлять. Летом 1992 г. демократы и республиканцы в Конгрессе объединились, чтобы выступить против перенесения средств из статей военных расходов на гуманитарные потребности, и проголосовали за ассигнования в размере 120 млрд. долл. на «оборону» Европы от нападения Советов, которая, по общему признанию, более не была в опасности (если таковая ей вообще когда-либо угрожала).

Демократы и республиканцы уже давно проводили единую «двухпартийную внешнюю политику», но в годы правления Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего правительство Соединенных Штатов проявляло особую агрессивность в плане применения военной силы за рубежом. Это делалось либо напрямую, в форме вторжений, либо при помощи различных тайных операций по поддержке крайне правых диктатур, сотрудничавших с США.

Рейган пришел к власти после революции в Никарагуа, в ходе которой популярное движение сандинистов (названное так в честь революционного героя 20-х гг. XX в. Аугусто Сандино) сбросило коррумпированную династию Сомосы (которую долгое время поддерживали американцы). Сандинисты, представлявшие собой коалицию марксистов, священников с левыми политическими взглядами и разного рода националистов, собирались передать крестьянам больше земель, предоставить бедноте возможность получить образование и медицинскую помощь.

Администрация Рейгана, усмотревшая во всем этом «коммунистическую» угрозу и, что более важно, вызов давно установленному контролю США над центральноамериканскими правительствами, немедленно начала действовать, чтобы свергнуть сандинистов. Она развязала тайную войну, поручив ЦРУ организовать контрреволюционные силы («контрас»), многие из лидеров которых являлись во времена Сомосы руководителями ненавистной национальной гвардии.

«Контрас», похоже, не пользовались поддержкой среди населения Никарагуа, поэтому их базы размещались в соседнем Гондурасе – крайне бедном государстве, где доминировали США. Они переходили границу с Никарагуа, совершали отличавшиеся особой жестокостью набеги на фермы и деревни, убивая мужчин, женщин и детей. Бывший полковник «контрас» Эдгар Чаморро, давая показания в Международном суде ООН, сказал: «Нам говорили, что единственным способом одержать победу над сандинистами является следование тактике, которую управление [ЦРУ] приписывает коммунистическим мятежам во всем мире: тактике убийств, похищений, грабежей и пыток... Многих мирных жителей хладнокровно убивали.

²⁴² Национальный пресс-клуб – общественная организация журналистов, журналистских объединений и фондов. Основана в 1908 г. в целях содействия развитию журналистики. В 1985 г. частью клуба стал Вашингтонский пресс-клуб.

Многих пытали, калечили, насиловали, грабили или подвергали другим издевательствам... Когда я соглашался примкнуть [к «контрас»]... я надеялся, что это будет организация никарагуанцев... Но [«контрас»] оказались инструментом правительства США».

Секретность акций Соединенных Штатов в Никарагуа была обусловлена своей причиной; опросы общественного мнения показывали, что американцы выступали против военного вмешательства в дела этой страны.

В 1984 г. ЦРУ, используя латиноамериканских агентов, чтобы скрыть свое участие, заминировало гавани никарагуанских портов с намерением уничтожить суда. Когда произошла утечка информации об этом, министр обороны К. Уайнбергер сказал в программе телеканала «Эй-би-си ньюс»: «Соединенные Штаты не минируют порты Никарагуа».

Позднее в том же, 1984 г., Конгресс, реагируя то ли на общественное мнение, то ли на воспоминания о Вьетнаме, запретил Соединенным Штатам «прямые или косвенные, военные или полувойсковые операции на территории Никарагуа». Администрация Рейгана решила проигнорировать этот закон и найти способы тайного финансирования «контрас» через «третьих лиц». Президент лично запросил по крайней мере 32 млн. долл. у Саудовской Аравии. Дружественная диктатура Гватемалы использовалась для тайной доставки оружия «контрас». В этой же роли выступал и Израиль, который зависел от поддержки США и всегда был надежным партнером.

В 1986 г. история, опубликованная в одном из журналов Бейрута, стала сенсацией: Соединенные Штаты продавали оружие Ирану (предположительно своему врагу) в обмен на обещание этой страны выпустить заложников, которых удерживали мусульмане-экстремисты в Ливане, а также в обмен на заверение, что прибыли от продажи оружия будут переданы «контрас» на закупку вооружений.

Когда Рейгана спросили об этом на пресс-конференции в ноябре 1986 г., президент солгал четырежды: он заявил, что партия оружия, направленная в Иран, состояла лишь из нескольких противотанковых ракет (на самом деле их было 2 тыс.); что Соединенные Штаты не попустительствовали поставкам оружия третьими лицами; что оружие не обменивалось на заложников и, наконец, что целью операции было инициирование диалога с умеренными политическими силами в Иране. В действительности цель была двойственной: с одной стороны, освободить заложников и поставить это себе в заслугу, а с другой – оказать содействие «контрас».

За месяц до этого, когда транспортный самолет, перевозивший оружие для «контрас», был сбит никарагуанцами, а его пилот-американец захвачен, ложь приумножилась. Лгал помощник госсекретаря США Эллиот Абрамс. Говорил неправду госсекретарь Джордж Шульц («нет никакой связи с правительством США»). Росло количество доказательств, что захваченный пилот работал на ЦРУ.

Дело «Иран – контрас» стало ярким примером двойной линии обороны американского истеблишмента. Сначала отрицается истина. Если это вскрывается, тогда проводится не слишком тщательное расследование; пресса будет освещать события, но до сути дела не докопается.

Когда разразился скандал, ни Комитеты Конгресса по расследованию, ни пресса, ни судебный процесс над полковником Оливером Нортон, который отвечал за операцию помощи «контрас», не добрались до главных вопросов: в чем суть внешней политики США? дозволено ли президенту и его сотрудникам помогать террористической группировке в Центральной Америке с целью свержения правительства, которое, какими бы ни были его недостатки, имеет поддержку собственного народа, представляя собой значительный прогресс по сравнению с ужасными режимами, которые годами пользовались там благосклонностью Соединенных

Штатов? что этот скандал дает Америке в плане понимания демократии, свободы убеждений и открытого общества?

Из широко освещенного в СМИ «контрагента»²⁴³ так и не получилось мощной критики секретности в деятельности правительства или эрозии демократических ценностей, связанной с тайными акциями небольшой группы лиц, которые были ограждены от внимания к себе со стороны общественного мнения. Средства массовой информации в стране, которая гордится уровнем образования и информированности, сообщали гражданам самые поверхностные сведения.

Ограниченность критики этого дела со стороны Демократической партии была выявлена одним из ведущих политиков-демократов, сенатором от штата Джорджия Сэмом Нанном, который, пока шло расследование, сказал: «Мы, все мы, должны помочь президенту восстановить доверие к себе во внешнеполитических делах».

Лишь некоторые демократы были настроены более критически, о чем сожалел гарвардский профессор Джеймс К. Уилсон, член Консультативного совета по внешней разведке во времена Р. Рейгана. Уилсон с ностальгией вспоминал о «двухпартийном консенсусе» (эквивалент однопартийной системы в тоталитарном государстве). Больше всего его беспокоила «нехватка решимости действовать, как подобает великой державе».

Стало ясно, что президент Рейган и вице-президент Дж. Буш-старший были вовлечены в дело, ставшее известным как «Иран – контрас». Однако мелкие служащие старательно оберегали их, иллюстрируя знакомую государственную практику «отрицания под благовидным предлогом», когда высший чиновник, окруженный заместителями, под благовидным предлогом может отрицать свою причастность. Хотя конгрессмен из Техаса Генри Гонсалес предложил резолюцию об импичменте Рейгана, в Конгрессе ее быстро предали забвению.

Ни Рейгану, ни Бушу-старшему обвинений не предъявили. Напротив, Комитет Конгресса заставил мелких сошек дать показания, и некоторым были предъявлены обвинения. Один из них, Роберт Макфарлейн, бывший помощник Рейгана по вопросам национальной безопасности, попытался совершить самоубийство. Другой – полковник Оливер Норт предстал перед судом за дачу ложных показаний в Конгрессе. Его признали виновным, но не приговорили к тюремному заключению. Рейган спокойно удалился от дел, а следующим президентом США стал Джордж Буш-старший.

По иронии судьбы незаметный житель крохотного городка Одон (Индиана) стал косвенным участником скандала «Иран – контрас». Это был молодой человек по имени Билл Бриден, бывший священник, который вместе с женой и двумя детьми жил в типи в лесу, обучая детей самостоятельно. В его родном городе появился на свет и адмирал Джон Пойндекстер, сменивший Макфарлейна на посту помощника по вопросам национальной безопасности, который был глубоко замешан в незаконной деятельности в связи со скандалом «Иран – контрас».

Однажды Билл Бриден увидел, что городок в честь своего знаменитого уроженца, «своего парня», переименовал одну из улиц в «улицу Джона Пойндекстера». Бриден, пацифист и критик внешней политики США, возмущенный тем, что он считал чествованием аморального поведения правительства, украл знак с новым названием улицы. И после этого объявил, что отдаст его в обмен на «выкуп» в 30 млн. долл., т. е. за сумму, полученную Ираном для перевода «контрас».

²⁴³ «Контрагейт» – крайне редко используемый термин, характеризующий скандал «Иран – контрас» по аналогии с уотергейтским скандалом. Чаще используется термин «Ирангейт».

Бриден был арестован, предстал перед судом и провел несколько дней в тюрьме. Как потом выяснилось, он оказался единственным человеком, попавшим за решетку в связи с делом «Иран – контрас».

Скандал с «контрас» стал одним из многочисленных проявлений того, как правительство Соединенных Штатов нарушало собственные законы, преследуя определенную желаемую цель во внешней политике.

К концу войны во Вьетнаме в 1973 г. Конгресс, стремясь ограничить президентскую власть, которая столь безжалостно была использована в Индокитае, принял Закон о военных полномочиях, в котором говорилось:

«Президент во всех возможных случаях обязан советоваться с Конгрессом перед вовлечением Вооруженных сил Соединенных Штатов в военные действия или в ситуации, при которых обстоятельства ясно показывают неизбежность участия в таких действиях».

Практически сразу президент Джералд Форд нарушил этот Закон, приказав захватить камбоджийский остров и разбомбить город в Камбодже в отместку за временное задержание моряков американского торгового судна «Маягуэс». Перед тем как отдать приказы о нападениях, он с Конгрессом не советовался.

Осенью 1982 г., также проигнорировав требования Закона о военных полномочиях, президент Рейган направил американских морских пехотинцев вмешаться в опасную ситуацию в Ливане, где разгоралась гражданская война. В следующем году свыше 200 этих солдат погибли, когда террористы взорвали бомбу в их казармах.

Вскоре после упомянутых событий, в октябре 1983 г. (некоторые аналитики пришли к выводу, что это было сделано, чтобы отвлечь внимание от катастрофы в Ливане), Рейган отправил американские войска для вторжения на Гренаду – крохотный остров в Карибском море. В данном случае Конгресс уведомили, но с ним опять не проконсультировались. Причины, которые были приведены американскому народу для оправдания вторжения (которое официально называлось операцией «Вспышка гнева»), заключались в том, что недавний переворот в Гренаде подверг опасности жизни граждан США (студентов медицинской школы на острове), а также в том, что Соединенные Штаты действовали по просьбе Организации восточнокарибских государств вмешаться в ситуацию.

В необычайно едкой статье в «Нью-Йорк таймс» от 29 октября 1983 г. корреспондент газеты Бернард Гверцман не оставил от этих мотивов камня на камне: «Официальное обращение к США и другим дружественным государствам оказать военную помощь было высказано Организацией восточнокарибских государств в прошлое воскресенье по просьбе Соединенных Штатов, которые хотели иметь возможность представить доказательства, что их попросили действовать в соответствии с условиями договора этой организации. Однако формулировки данной официальной просьбы составлялись в Вашингтоне, после чего они были доведены до сведения лидеров карибских стран специальными эмиссарами США.

И Куба, и Гренада, увидев, что американские суда идут к Гренаде, направили срочные сообщения, пообещав, что безопасности американских студентов ничто не угрожает и призывая не осуществлять вторжение... Нет никаких признаков того, что администрация предпринимала целенаправленные усилия по мирной эвакуации американцев... Официальные лица признали, что не были склонны к тому, чтобы вести какие-либо переговоры с властями Гренады. «...Мы оказались там как раз вовремя», – заявил президент... Основным камнем преткновения является вопрос о том, угрожала ли американцам опасность в такой степени, чтобы оправдать вторжение. Никто из официальных лиц не представил убедительных доказательств того, что к гражданам США плохо относились или что они не могли покинуть страну, если бы пожелали».

Как сказал Гверцману один высокопоставленный американский чиновник, Соединенные

Штаты должны показать (стремясь преодолеть ощущение поражения во Вьетнаме), что они являются действительно мощной державой: «К чему проводить учения и как-то еще демонстрировать силу, если ее никак нельзя применить?»

Связь между военной интервенцией со стороны США и продвижением капиталистических интересов всегда была наиболее очевидна применительно к странам Карибского бассейна. Что касается Гренады, то в появившейся через восемь лет после интервенции статье в «Уолл-стрит джорнэл» (29 октября 1991 г.) говорилось о «банковском вторжении» и отмечалось, что в столице Гренады Сент-Джорджесе с населением 7,5 тыс. человек располагалось 118 офшорных банков, т.е. по одному на каждые 64 жителя. «Сент-Джорджес стал Касабланкой Карибского бассейна, быстро растущим раем для отмывания денег, уклонения от налогов и всевозможных финансовых махинаций».

Изучавший различные военные интервенции, предпринятые США, политолог С. Шалом в работе «Алиби империи» пришел к выводу, что население стран, подвергшихся вторжению, умирало «не во имя спасения граждан США, которые были бы в гораздо большей безопасности, не случись американская интервенция, а ради того, чтобы Вашингтон мог четко заявить, что правит Карибским регионом и готов к припадку насилия для навязывания своей воли». Он продолжил свои рассуждения: «Случалось, что американские граждане действительно находились в опасности: например, в 1980 г. в Сальвадоре четыре представительницы церкви были убиты бойцами эскадронов смерти, поддерживавшихся государством. Но при этом со стороны США не последовало никакой интервенции, не было никаких высадок морских пехотинцев и никаких профилактических бомбардировок. Вместо этого Вашингтон поддерживал режим, плодивший эскадроны смерти, военной и экономической помощью, обучением военнослужащих, разведывательной информацией и дипломатическими методами».

Историческая роль Соединенных Штатов в Сальвадоре, где 2 % жителей страны владели 60 % земли, заключалась в том, чтобы удостовериться, что у власти там находятся правительства, которые будут поддерживать интересы американского бизнеса вне зависимости от того, насколько это приведет к обнищанию огромного большинства населения. Следовало противостоять народным бунтам, которые наносили бы урон этим деловым договоренностям. Когда вспыхнувшее в 1932 г. восстание стало угрожать военной хунте, США направили в район крейсер и два эсминца, чтобы наблюдать за тем, как власти уничтожают 30 тыс. сальвадорцев.

Администрация Джимми Картера не сделала ничего, чтобы изменить такой ход истории. Она выступала за проведение реформ в Латинской Америке, но не могла поддержать революцию, которая бы шла вразрез с интересами американских корпораций. В 1980 г. эксперт госдепартамента по экономическим вопросам Ричард Купер заявил Конгрессу, что в регионе было бы желательно видеть более равномерное распределение богатства. «Однако у нас есть огромная заинтересованность в спокойном функционировании экономической системы... Крупные изменения в ней... могут иметь важные последствия для нашего собственного благоденствия».

В феврале 1980 г. католический архиепископ Сальвадора Оскар Ромеро обратился к президенту Картеру с личным письмом, прося прекратить оказание военной помощи его стране. Незадолго до этого Национальная гвардия и полиция открыли в столице огонь по толпе участников акции протеста перед кафедральным собором, убив 24 человека. Однако администрация Картера к этой просьбе не прислушалась. Через месяц архиепископа Ромеро убили.

Появились доказательства в пользу того, что это преступление приказал совершить лидер правых Роберто Д'Обюссон. Но ему покровительствовал заместитель министра обороны Николас Карранза, который в то время ежегодно получал от ЦРУ 90 тыс. долл. Эллиот Абрамс,

который по иронии судьбы был помощником госсекретаря США по правам человека, заявил, будто Д'Обюссон «не был замешан в убийстве».

Когда президентом Соединенных Штатов стал Р. Рейган, объем военной помощи правительству Сальвадора резко возрос. В 1946–1979 гг. она составляла 16,7 млн. долл. За первый год пребывания Рейгана у власти эта цифра выросла до 82 млн. долл.

Конгресс был достаточно смущен убийствами в Сальвадоре и потребовал, чтобы перед дальнейшим предоставлением какой-либо поддержки этой стране президент убедился в том, что в области прав человека ситуация там улучшается. Рейган не принял эти пожелания всерьез. Двадцать восьмого января 1982 г. появились сообщения об организованных властями убийствах крестьян в нескольких деревнях. На следующий день американский президент заверил, будто правительство Сальвадора делает успехи в гуманитарной сфере. Спустя три дня после такого заявления солдаты штурмом взяли дома нескольких бедняков в городе Сан-Сальвадор, выволокли на улицу 20 человек и убили их.

Когда в конце 1983 г. Конгресс принял закон, подтверждавший продолжение практики проверки состояния дел с правами человека, Рейган наложил на него вето.

Как документально подтверждает М. Херцгаард в своей книге «Коленопреклоненные», пресса в рейгановский период была особенно робкой и подобострастной. Когда журналист Реймонд Боннер продолжил сообщать о творившихся в Сальвадоре зверствах и о роли США в этих событиях, «Нью-Йорк таймс» отстранила его от работы. В 1981 г. он написал о массовом убийстве сотен гражданских лиц в городке Эль-Мозоте, совершенном батальоном солдат, которых обучали американцы. Администрация Рейгана подняла на смех эти сообщения, но в 1992 г. группа судебно-медицинских экспертов провела раскопки на месте убийства и выяснила, что большинство жертв – дети; в следующем году комиссия ООН подтвердила факт бойни в Эль-Мозоте.

Администрацию Рейгана ничуть не смущали военные хунты, правившие в странах Латинской Америки (Гватемале, Сальвадоре, Чили), если они были «дружественно» настроены по отношению к Соединенным Штатам. В то же время она была крайне недовольна, если диктатура относилась к США враждебно, как, например, ливийские власти во главе с Муаммаром Каддафи. В 1986 г., когда неизвестные террористы устроили взрыв на дискотеке в Западном Берлине, от которого погиб американский военнослужащий, Белый дом немедленно решил нанести ответный удар. Возможно, в разные годы Каддафи был ответствен за различные террористические акты, но в данном случае реальных доказательств его причастности не было.

Рейган действовал целеустремленно. Самолеты взяли курс на столицу страны город Триполи с конкретными инструкциями – прицельно бомбить резиденцию Каддафи. Бомбы упали на многолюдный город; по приблизительным подсчетам находившихся там иностранных дипломатов, около ста человек были убиты. Сам глава Ливии не пострадал, но погибла его приемная дочь.

Профессор С. Шалом, анализируя этот инцидент, пишет в книге «Алиби империи»: «Если определять терроризм как политически мотивированное насилие в отношении гражданских лиц, тогда одним из самых серьезных проявлений международного терроризма в этом году был, безусловно, налет США на Ливию».

В начале президентства Дж. Буша-старшего в мире произошли самые драматические события с момента окончания Второй мировой войны. В 1989 г., когда у власти в СССР находился динамичный новый лидер М. С. Горбачев, длительное время подавлявшееся недовольство «диктатурой пролетариата», которое оказалось диктатурой над пролетариатом, дало о себе знать во всех странах советского блока.

Массовые демонстрации проходили в Советском Союзе и в государствах Восточной

Европы, где долгое время доминировал СССР. Восточная Германия согласилась на объединение с ФРГ, и стена, длительное время отделявшая восточную часть Берлина от западной, служа символом жесткого контроля над восточногерманскими гражданами, была разрушена под восторженные крики жителей обеих стран. В Чехословакии новое, некоммунистическое правительство возглавил драматург, прошедший через тюрьму диссидент Вацлав Гавел. В Польше, Болгарии и Венгрии к власти под лозунгами свободы и демократии пришло новое руководство. Самое удивительное, что при всех этих событиях удалось избежать гражданской войны, так как они стали реакцией на требования подавляющего большинства народа.

В США Республиканская партия заявляла, что жесткий внешнеполитический курс Рейгана и увеличение военных расходов привели к распаду Советского Союза. Однако эти перемены начали происходить гораздо раньше – после смерти Сталина в 1953 г. и особенно во времена Н. С. Хрущева. В обществе стали на удивление открыто обсуждать разные вопросы.

Однако продолженный Соединенными Штатами жесткий курс стал препятствием на пути дальнейшей либерализации, о чем свидетельствовал бывший посол США в СССР Джордж Кеннан, писавший, что «общим результатом экстремизма времен холодной войны было скорее откладывание, чем ускорение великих перемен, охвативших Советский Союз в конце 80-х годов». Пока пресса и политики в Соединенных Штатах ликовали по поводу распада СССР, Кеннан отмечал, что политика холодной войны не только отсрочила этот распад, но и проводилась за счет невероятных расходов, которые легли бременем на американский народ: «В течение 40 лет мы платили гигантскими или же ненужными военными расходами. Мы оплачивали наращивание ядерных вооружений до того момента, пока огромный и бесполезный ядерный арсенал не стал (и продолжает оставаться) угрозой самому существованию планеты».

Неожиданный распад Советского Союза застал врасплох политическое руководство США. Военные интервенции в Корею, Вьетнаме, а также на Кубе и в Доминиканской Республике предпринимались за счет огромных людских потерь, гигантские суммы шли на военную помощь по всему миру: в Европе, Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Азии, – исходя из предположения, что все это необходимо для борьбы с коммунистической угрозой, исходившей от СССР. В форме налогов у американских граждан было изъято несколько триллионов долларов, необходимых для поддержания огромного арсенала ядерного и обычного оружия и военных баз во всех частях света, и все это оправдывалось в основном «советской угрозой».

И вот, казалось бы, у Соединенных Штатов возникла возможность перестроить свою внешнюю политику, высвободив сотни миллиардов бюджетных долларов в год, чтобы использовать их на конструктивные, разумные проекты.

Однако этого не произошло. Вместе с ликующими возгласами «Мы победили в холодной войне!» раздавались и панические голоса: «Что делать, чтобы сохранить наш военный истеблишмент?»

Становилось все яснее – хотя и раньше существовали подозрения, – что внешняя политика Соединенных Штатов не просто зиждилась на существовании Советского Союза, но и мотивировалась страхом перед революциями в разных частях света. Критически настроенный радикальный социолог Н. Хомский долгое время утверждал, в частности в работе «Мировой порядок, старый и новый», что «ссылка на безопасность была во многом мошеннической, схема холодной войны использовалась как инструмент для оправдания подавления независимого национализма будь то в Европе, Японии или странах Третьего мира».

Страх перед «независимым национализмом» состоял в том, что от него могли пострадать мощные американские экономические интересы. Революции на Кубе, в Никарагуа, Сальвадоре

и Чили представляли собой угрозу интересам «Юнайтед фрут компани», «Анаконда коппер компани», «Интернэшнл телефон энд телеграф компани» и прочих корпораций. Таким образом, интервенции за рубежом представлялись общественности как действия «в национальных интересах», а на самом деле вмешательство предпринималось для защиты частных интересов, во имя которых от американского народа требовалось жертвовать своими сыновьями и долларами, шедшими на уплату налогов.

Отныне ЦРУ должно было доказывать свою необходимость. Четвертого февраля 1992 г. «Нью-Йорк таймс» писала, что «в мире, где послевоенный враг прекратил существование, ЦРУ и смежные с ним ведомства, имевшие многомиллиардные космические спутники и горы секретных документов, должны каким-то образом сохранить свою значимость в умах американцев».

Военный бюджет оставался огромным. В отличие от бюджета периода холодной войны (300 млрд. долл.) он был сокращен на 7 % и доведен до 280 млрд. долл. Председатель Объединенного комитета начальников штабов Колин Пауэлл заявил: «Я хочу заставить весь мир жить в страхе. Говорю это без всякой агрессивности».

Как будто для того, чтобы доказать необходимость существования гигантской военной истеблишмента, администрация Дж. Буша-старшего в течение четырех лет пребывания у власти затеяла две войны: одну «маленькую» против Панамы, а другую – большую против Ирака.

Придя в Белый дом в 1989 г., Буш был поставлен в неудобное положение открыто вызывающим поведением панамского диктатора генерала Мануэля Норьеги. Режим являлся коррумпированным, жестоким и авторитарным, но президент Рейган и его вице-президент Буш-старший не обращали на это внимание, потому что Норьега был полезен Соединенным Штатам. Он сотрудничал с ЦРУ различными способами, в том числе предоставляя территорию Панамы для операций «контрас» против правительства сандинистов в Никарагуа и встречаясь с полковником Оливером Нортон для обсуждения выбора целей при проведении акций саботажа в этой стране. Когда Дж. Буш-старший занимал пост директора ЦРУ в 1976–1977 гг., он защищал Норьегу.

Однако к 1987 г. диктатор перестал приносить пользу, а его деятельность в сфере наркоторговли была всем известна. Поэтому он стал удобной мишенью для американской администрации, стремившейся доказать, что Соединенные Штаты, очевидно не способные уничтожить режим Фиделя Кастро, сандинистов или революционное движение Сальвадора, все еще были державой, с которой следовало считаться государствам Карибского бассейна.

В декабре 1989 г. США вторглись в Панаму силами 26-тысячного воинского контингента под предлогом привлечения Норьеги к суду как наркоторговца (в штате Флорида против него выдвинули соответствующее обвинение) и необходимости защиты американских граждан (одному военному и его жене угрожали панамские солдаты).

Это была быстрая победа. Норьегу захватили и доставили во Флориду, где он предстал перед судом (впоследствии его признали виновным и посадили в тюрьму). Однако в процессе вторжения происходил обстрел жилых районов столицы – города Панама, в результате чего погибли сотни, а возможно, и тысячи гражданских лиц. Было подсчитано, что 14 тыс. человек остались без крова. Публицист М. Херцгаард отмечал, что, даже если официальная, приводимая Пентагоном цифра в несколько сот убитых была верной, это означало, что власти США в Панаме уничтожили столько же людей, сколько власти Китая – при печально известном разгоне студенческой демонстрации на пекинской площади Тяньаньмэнь за полгода до описываемых событий. В президентское кресло был посажен новый человек, дружелюбно относившийся к США, однако проблема нищеты и безработицы сохранилась, и уже в 1992 г. «Нью-Йорк таймс» писала, что военная интервенция и устранение Норьеги «не смогли остановить незаконный

транзит наркотиков через Панаму».

Однако Соединенные Штаты добились одной из поставленных целей, восстановив в стране свое могущественное влияние. «Нью-Йорк таймс» отмечала по этому поводу: «Президент [Панамы] и его ведущие помощники еженедельно завтракают с американским послом Дином Хинтоном, и многие панамцы воспринимают эти завтраки как встречи, в ходе которых принимаются важные решения».

Представители либерального крыла демократов (Джон Керри и Тед Кеннеди из Массачусетса, а также многие другие) объявили о поддержке военной акции. Демократы не скрывали своей исторической роли как сторонников военных интервенций, стремясь показать, что внешняя политика страны носит двухпартийный характер. Похоже, демократы хотели продемонстрировать, что они столь же нестигаемы (или столь же жестоки), как и республиканцы.

Но операция в Панаме была слишком мала по масштабу, чтобы осуществить то, что являлось столь необходимым для администраций Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего, а именно преодолеть оставшееся со времен Вьетнама отвращение общественности США к военным интервенциям за рубежом.

Через два года война в Персидском заливе против Ирака предоставила как раз такую возможность. В августе 1990 г. это государство, которым руководил жестокий диктатор Саддам Хусейн, захватило маленькую, но богатую нефтью соседнюю страну, Кувейт.

В этот момент Дж. Бушу-старшему требовалось нечто, способное поднять его популярность среди американских избирателей. Шестнадцатого октября 1990 г. на первой полосе «Вашингтон пост» появился такой заголовок: «Опрос показывает снижение доверия общества: рейтинг Буша стремительно падает». Двадцать восьмого октября та же газета писала: «Некоторые наблюдатели в его собственной партии беспокоятся, что президент будет вынужден развязать боевые действия, чтобы предотвратить дальнейшее падение его поддержки в стране».

Тридцатого октября было принято тайное решение начать войну с Ираком. Организация Объединенных Наций отреагировала на оккупацию Кувейта санкциями против Ирака. Свидетели, один за другим дававшие показания Комитетам Конгресса осенью 1990 г., утверждали, что эти санкции возымели эффект и должны продолжаться. Представители ЦРУ на закрытом заседании сената подтвердили, что импортноэкспортные операции Ирака сократились благодаря таким действиям более чем на 90 %.

Однако после того как в ходе ноябрьских выборов демократы получили дополнительные места в Конгрессе, Буш удвоил контингент американских вооруженных сил в зоне Персидского залива, доведя его до 500 тыс. человек, тем самым создав, как это стало очевидно, не оборонительную, а наступательную группировку. По словам Элизабет Дрю, писавшей для журнала «Нью-Йоркер», помощник Буша-старшего Джон Сунуну «говорил людям, что непродолжительная победоносная война была бы для президента чистым политическим золотом и гарантировала бы его переизбрание».

Историк Дж. Винер, анализируя внутривнутриполитический контекст принятия решения о начале войны вскоре после того, как это произошло, отмечал, что «Буш сбросил со счетов санкции и выбрал войну, поскольку его график диктовала политика – приближавшиеся в 1992 г. президентские выборы».

Этот факт, а также то, что Соединенные Штаты уже долгое время стремились к тому, чтобы их голос был решающим в вопросах контроля над нефтяными ресурсами Ближнего Востока, являлись элементами, сыгравшими ключевую роль при принятии решения начать войну с Ираком. Вскоре после ее окончания в преддверии встречи представителей 13

нефтедобывающих государств в Женеве корреспондент раздела деловых новостей «Нью-Йорк таймс» писал: «Благодаря одержанной военной победе Соединенные Штаты, скорее всего, будут более влиятельной силой в Организации стран – экспортеров нефти, чем какое-либо из промышленно развитых государств когда-либо ранее».

Но об этих мотивах американской общественности не рассказывали. Говорилось о том, что США хотели освободить Кувейт от иракской оккупации. Крупнейшие средства массовой информации обыгрывали это как основную причину войны, не отмечая того факта, что другие страны тоже подвергались оккупации, а Соединенные Штаты не проявляли при этом такого беспокойства (Индонезия оккупировала Восточный Тимор, Ирак – Иран, Израиль – Ливан, Южная Африка – Мозамбик, не говоря уже о государствах, которые подверглись вторжению со стороны самих США, т. е. о Гренаде и Панаме).

Наиболее весомым аргументом в пользу оправдания войны было то, что Ирак создавал собственную атомную бомбу, однако доказательства этому являлись весьма слабыми. До кризиса в Кувейте, согласно оценкам западных разведывательных служб, Ираку требовалось от трех до десяти лет для изготовления собственного ядерного оружия. Даже если бы эта страна и смогла создать бомбу за один или два года, что предполагал самый пессимистичный сценарий, у нее не было системы доставки боезаряда куда бы то ни было. Кроме того, Израиль уже обладал ядерным оружием. Сами США имели, возможно, 30 тыс. ядерных боеголовок. Администрация Дж. Буша-старшего из всех сил стремилась вызвать у американского народа паранойю, связанную с еще не существующей иракской бомбой.

Похоже, президент был решительно настроен на войну. Несколько раз возникала возможность ведения переговоров по поводу вывода иракских сил из Кувейта непосредственно сразу после вторжения, включая предложение Ирака, о котором сообщил 29 августа корреспондент «Ньюсдей» Кнут Ройс. Однако со стороны Соединенных Штатов не последовало никакого ответа. Когда государственный секретарь США Джеймс Бейкер отправился в Женеву, чтобы встретиться с министром иностранных дел Ирака Тариком Азизом, инструкцией Дж. Буша-старшего не предусматривались «никакие переговоры».

Несмотря на длившиеся месяцами увещевания Вашингтона по поводу опасности, исходившей от Саддама Хусейна, опросы общественного мнения показывали, что менее половины граждан страны поддерживали проведение военной операции.

В январе 1991 г. президент США, явно нуждавшийся в поддержке, обратился к Конгрессу с просьбой предоставить ему полномочия начать войну. Это не было объявлением войны, как записано в Конституции, но со времен Кореи и Вьетнама данное положение казалось отмершим, и даже члены Верховного суда, которые гордились тем, что истолковывают слова Конституции «буквально» и со всей серьезностью, не могли бы вмешаться.

Дебаты в Конгрессе проходили оживленно. (В какой-то момент дискуссия в сенате была прервана возгласами протеста с балкона: «Нет крови ради нефти!» Протестующие были выдворены охраной.) Похоже, Буш-старший был уверен в том, что получит достаточно голосов, или в том, что осуществит вторжение и без одобрения Конгресса. В конце концов, прецеденты пренебрежения мнением Конгресса и Конституцией уже имели место в случае с Кореей, Вьетнамом, Гренадой и Панамой.

Сенат ободрил проведение военной операции с преимуществом всего в несколько голосов. Большинство членов палаты представителей поддержали резолюцию. Однако, когда президент отдал приказ атаковать Ирак, обе палаты, при незначительном числе инакомыслящих, как демократов, так и республиканцев, проголосовали в «поддержку войны и войск».

В середине января 1991 г., после того как Саддам Хусейн проигнорировал ультиматум с

требованием покинуть Кувейт, Соединенные Штаты начали операцию против Ирака с воздуха. Она получила название «Буря в пустыне». Правительство и средства массовой информации рисовали картину грандиозной военной мощи Ирака, но в реальности это было далеко не так. Американская авиация господствовала в воздушном пространстве и могла бомбить страну сколько угодно.

К тому же представители властей США полностью контролировали радиоволны. Общественности Соединенных Штатов были в избытке представлены видеосъемки «умных бомб» и уверенные заявления о том, что бомбы с лазерным наведением направлялись с особой точностью на военные цели. Основные каналы радио и телевидения передавали все эти уверения без тени сомнения или критики.

Вера в «умные бомбы», не затрагивающие мирное население, возможно, оказала влияние на изменение общественного мнения, которое ранее было разделено пополам по вопросу вступления в войну, а теперь примерно 85 % населения склонилось в пользу вторжения. Вероятно, более важным в обретении поддержки было то, что, когда Вооруженные силы США уже участвовали в конфликте, многим американцам, которые ранее выступали против военной операции, стало казаться, будто в новых условиях критика означает предательство войск, которые находятся в Ираке. По всей стране развевались желтые ленточки²⁴⁴ как символ поддержки американских войск в Ираке.

В действительности же общество было введено в заблуждение по поводу того, насколько «умными» были бомбы, сбрасываемые на иракские города. После бесед с бывшими сотрудниками разведки и офицерами ВВС корреспондент «Бостон глоб» сообщил, что во время операции «Буря в пустыне» около 40 % бомб с лазерным наведением свои цели не поразили.

По оценкам Джона Лемана-младшего, министра военно-морских сил при президенте Р. Рейгане, жертвы среди мирного населения исчислялись тысячами. Пентагон на сей счет не обнародовал официально никаких цифр. Высокопоставленный чиновник военного ведомства заявил газете «Бостон глоб»: «Честно говоря, мы не уделяем особого внимания данному вопросу».

В репортаже информационного агентства Рейтер из Ирака сообщалось о разрушении гостиницы на 73 номера в городке к югу от Багдада и приводились слова свидетеля-египтянина: «Они сбросили бомбу на гостиницу, в которой жили многие семьи, а потом вернулись и нанесли повторный удар». Агентство передавало, что при авианалетах сначала использовались бомбы с лазерным наведением, но через несколько недель стали применяться самолеты В-52, оснащенные обычными бомбами, что означало беспорядочные бомбардировки.

Американским репортерам не разрешали увидеть настоящее лицо войны, а их сообщения подвергались цензуре. Очевидно, помня о том, как информация прессы о жертвах среди мирного населения повлияла на общественное мнение во время войны во Вьетнаме, правительство Соединенных Штатов не хотело вновь допустить ту же ошибку.

Корреспондент «Вашингтон пост», жалуясь на контроль за информацией, писал 22 января 1991 г.: «В бомбардировках приняли участие... несколько десятков способных летать на больших высотах бомбардировщиков В-52 с огромными неуправляемыми бомбами. Но Пентагон запретил брать интервью у пилотов этих самолетов, демонстрировать видеокассеты с

²⁴⁴ Желтая лента стала символом солидарности и поддержки сограждан. Такие ленты повязывали вокруг головы участники демонстраций протеста против захвата американских заложников в Иране в 1979–1981 гг., а во время их встречи в родных городах после освобождения желтыми ленточками были украшены дома и даже деревья на пути к дому. Эта традиция берет начало в 30-х гг. XIX в., когда такие ленточки носили девушки – возлюбленные кавалеристов.

записью их действий и отвечать на какие-либо вопросы относительно операций авиации в районе Персидского залива, которая является самой смертоносной и наименее точной в армаде, состоящей из более чем 2 тыс. самолетов США и их союзников».

В середине февраля американские самолеты уничтожили бомбоубежище в Багдаде в 4 часа утра, в результате чего погибло от 400 до 500 человек. Корреспондент Ассошиэйтед Пресс, которому в числе немногих было разрешено пройти на место происшествия, сообщил: «Большинство обнаруженных тел обуглены и изуродованы до неузнаваемости. Среди них, несомненно, были дети». Пентагон заявил, что это был военный объект, но репортер информационного агентства передал с места события: «Никаких следов какого-либо военного присутствия в этих руинах не видно». Другие журналисты, осмотревшие это место, были с ним согласны.

По окончании военных действий 15 вашингтонских руководителей бюро новостей высказали в совместном заявлении свою жалобу на то, что Пентагон осуществлял «действительно тотальный контроль... над американской прессой» во время войны в Персидском заливе.

Однако, пока проходила операция «Буря в пустыне», популярнейшие ведущие программ новостей вели себя таким образом, как будто они работали на американское правительство. Например, корреспондент Си-би-эс Дэн Рэзер, которого, пожалуй, чаще других было видно на телеэкранах, сообщал из Саудовской Аравии о видеокадрах, показывавших, как бомба с лазерным наведением (на этот раз сброшенная британской авиацией, поддерживавшей американцев) попала в рыночную площадь, где погибли мирные люди. Единственным комментарием Рэзера были слова: «Можно быть уверенными, что Саддам Хусейн использует эти жертвы в пропагандистской кампании».

Когда правительство России попыталось инициировать переговоры об окончании войны и выводе иракских войск из Кувейта до начала наземных боевых действий, один из ведущих корреспондентов Си-би-эс Лесли Шталь спросила другого репортера: «Разве это не ужасный сценарий? Не пытаются ли Советы остановить нас?» (Эд Сигел, телекритик «Бостон глоб», 23 февраля 1991 г.).

На финальном этапе войны, спустя едва ли шесть недель после ее начала, стала осуществляться наземная наступательная операция, при проведении которой, как и во время войны в воздухе, США не встретили практически никакого сопротивления. В ситуации, когда в победе можно было не сомневаться, а иракская армия в полном составе бежала, самолеты американских ВВС продолжали бомбить солдат, которые толпами уходили по шоссе из города Эль-Кувейт. Корреспондент назвал увиденное им «крошечным адом... чудовищным зрелищем... На песке к востоку и к западу лежали тела отступавших».

Профессор военной истории Йельского университета Майкл Говард в статье, опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс» от 28 января 1991 г., с одобрением процитировал военного стратега Клаузевица, который писал, что если кровавое побоище являет собой ужасающее зрелище, то это лишь еще одно основание относиться с большим уважением к войне, вместо того чтобы все сильнее и сильнее затуплять наши мечи чувствами гуманности. Говард продолжил мысль: «Данный конфликт представляет собой столкновение воли, и суть его остается в готовности убивать и погибнуть».

Гуманитарные последствия войны стали шокирующе ясными после ее окончания, когда обнаружилось, что бомбардировки Ирака явились причиной голода, болезней и смертей десятков тысяч детей. Группа представителей ООН, посетившая страну сразу после войны, сообщала в своем докладе, что «недавний конфликт стал почти апокалипсисом для инфраструктуры... Большая часть современных средств жизнеобеспечения или уничтожена или

сохранилась на минимальном уровне».

Бригада медицинских специалистов из Гарварда информировал в мае о резком повышении детской смертности, а также о том, что за первые четыре месяца года умерло на 55 тыс. детей больше (военные действия продолжались с 15 января по 28 февраля), чем в течение такого же времени предыдущего года.

Директор детской больницы в Багдаде говорил корреспонденту «Нью-Йорк таймс», что в первую же ночь бомбардировок отключилось электричество: «Матери вытаскивали младенцев из инкубаторов, вынимали у них из рук внутривенные трубки. Других младенцев забирали из кислородных камер, после чего с ними бежали в подвал, где не было отопления. За первые 12 часов я потерял более 40 недоношенных детей».

Хотя в течение всего конфликта Саддам Хусейн изображался американскими официальными лицами и прессой как второй Гитлер, война закончилась без взятия Багдада, а Хусейн остался у власти. Надо полагать, что Соединенные Штаты хотели ослабить, но не устранить его режим, сохраняя в качестве противовеса Ирану. В годы, предшествовавшие войне в Персидском заливе, американцы продавали оружие как Ирану, так и Ираку, в разное время склоняясь в пользу то одной, то другой страны, что являлось частью традиционной стратегии «баланса сил».

Поэтому, когда военные действия закончились, Соединенные Штаты не поддержали иракских диссидентов, которые хотели свергнуть режим Саддама Хусейна. В репортаже «Нью-Йорк таймс» из Вашингтона от 26 марта 1991 г. говорилось: «Из официальных заявлений и сообщений, сделанных сегодня в частном порядке, следует, что президент Буш решил позволить президенту Хусейну подавлять восстания в своей стране без американского вмешательства, чтобы не рисковать расколом Ирака».

В результате курдское меньшинство, выступившее против иракского лидера, оказалось в беспомощном положении. Также в «подвешенном состоянии» оказались оппозиционно настроенные элементы иракского большинства. Третьего мая 1991 г. «Вашингтон пост» писала: «В марте, на пике курдского восстания, в иракских вооруженных силах могли произойти массовые случаи дезертирства, но они так и не материализовались, поскольку офицеры пришли к выводу, что США не станут поддерживать это восстание».

Через месяц после завершения военных действий в Персидском заливе человек, который был советником Джимми Картера по вопросам национальной безопасности, Збигнев Бжезинский, дал хладнокровную оценку плюсов и минусов этого события. «Благоприятные последствия нельзя отрицать, и они впечатляют. Во-первых, вопиющий акт агрессии был отражен и наказан... Во-вторых, отныне американскую военную мощь станут воспринимать более серьезно... В-третьих, Ближний Восток и зона Персидского залива теперь однозначно находятся в сфере превосходящего влияния США».

Бжезинский, однако, был обеспокоен «некоторыми негативными последствиями». Среди них отмечался тот факт, что «сама интенсивность авиаудара по Ираку... дает почву для беспокойства о том, что метод ведения войны может восприниматься как доказательство того, что американцы ни во что не ставят жизни арабов... А это порождает моральный вопрос о пропорциональности ответа».

Мысль о том, что жизни арабов «ни во что не ставят», подчеркивалась тем фактом, что война спровоцировала уродливый всплеск расизма в самих Соединенных Штатах, сопровождавшийся оскорблениями, избиениями или угрозами, направленными против американцев арабского происхождения. На бамперах автомобилей появились наклейки вроде: «Я для иракцев не торможу». В Толидо (Огайо) был избит американский бизнесмен арабского происхождения.

Взвешенную оценку войны в Персидском заливе, данную З. Бжезинским, можно было воспринимать как точку зрения, близкую к точке зрения на этот вопрос Демократической партии. Но демократы поддерживали администрацию Дж. Буша-старшего и были довольны результатами. У них имелись некоторые опасения относительно жертв среди гражданского населения, но назвать это оппозицией нельзя.

Президент Дж. Буш-старший был удовлетворен. Когда война закончилась, он заявил в радиообращении: «Призрак Вьетнама навсегда похоронен в песках пустыни на Аравийском полуострове».

Пресса истеблишмента была с этим вполне согласна. Два ведущих политических еженедельника – «Тайм» и «Ньюсуик» подготовили специальные выпуски, посвященные победе, отметив, что погибло всего несколько сот американцев, и ничего не сказав о жертвах с иракской стороны. В редакционной статье «Нью-Йорк таймс» от 30 марта 1991 г. говорилось: «Победа Америки в войне в Персидском заливе... особо реабилитировала армию США, которая с блеском применяла свою огневую мощь и мобильность и по ходу дела стерла воспоминания о ее горестях во Вьетнаме».

Чернокожая поэтесса из Беркли (Калифорния) Джун Джордан смотрела на это иначе: «Я думаю, что этот успех подобен действию крэка²⁴⁵, а он непродолжителен».

Замалчиваемое сопротивление

В начале 90-х гг. в журнале «Нью рипаблик» автор написанной с одобрения «Нью-Йорк таймс» рецензии на книгу о влиянии опасно непатриотичных элементов среди американских интеллектуалов предостерег читателей, сообщив им о существовании «постоянной оппозиционной культуры» в США.

Это было верное наблюдение. Несмотря на политический консенсус демократов и республиканцев в Вашингтоне, установивший границы проведения в стране реформы, которая обеспечивала существование капитализма, поддержание национальной военной мощи, сохранение богатства и власти в руках немногих, миллионы, а возможно, десятки миллионов граждан США активно или молчаливо отказывались сотрудничать. Средства массовой информации в значительной мере замалчивали их деятельность. Именно они составляли «постоянную оппозиционную культуру».

Демократическая партия больше реагировала на этих американцев, от голосов которых зависела. Но подобная отзывчивость не выходила за рамки приверженности партии корпоративным интересам, а проводившиеся демократами внутренние реформы сильно ограничивала ориентация системы на милитаризм и войну. Например, в 60-х гг. «война с бедностью» президента Линдона Джонсона провалилась из-за войны во Вьетнаме, и Джимми Картер не мог пойти далеко, до тех пор пока настаивал на необходимости огромных военных расходов, в значительной мере шедших на накопление все нового ядерного оружия.

Когда в годы правления Картера такие ограничения ясно проявились, начало расти небольшое, но решительное движение против ядерных вооружений. Пионером этого движения стала малочисленная группа христиан-пацифистов, активно выступавших против вьетнамской войны (среди них бывший священник Ф. Берриган и его жена, бывшая монахиня Элизабет Макалистер). Члены данной группы неоднократно арестовывались за участие в драматичных, но не предполагавших насилия актах сопротивления против ядерной войны, устраивавшихся

²⁴⁵ Крэк – дешевый наркотик на основе кокаина, вызывающий быстрое привыкание.

перед Пентагоном и Белым домом. Эти люди вторгались на запретные территории и поливали собственной кровью символы военной машины.

В 1980 г. небольшие делегации активистов движения за мир со всей страны провели несколько демонстраций перед Пентагоном, в результате которых более тысячи человек было арестовано за ненасильственные действия гражданского неповиновения.

В сентябре того же года Ф. Берриган, его брат Даниэл (священник-иезуит и поэт), Молли Раш (мать шестерых детей), Энн Монтгомери (монахиня и психолог, работающая с убежавшими из дома подростками и проститутками Манхэттена), а также четверо их друзей пробрались мимо охранника на завод компании «Дженерал электрик» в Кинг-оф-Прашиа (Пенсильвания), где изготавливали ядерные боеголовки для ракет. Они кувалдами разбили две из них и размазали свою кровь по осколкам, чертежам и мебели. После ареста и вынесения судебного решения, по которому этих людей приговорили к нескольким годам тюремного заключения, они заявили, что пытались показать всем, что надо делать так, как учит Библия, а именно перековать мечи на орала.

Участники акции указали на огромные ассигнования из средств налогоплательщиков, которые поступали корпорациям, производящим оружие: ««Дженерал электрик» забирает из государственной казны 3 млн. долл. в день – это возмутительная кража у бедных». Перед судебным разбирательством (группа прославилась как «Плужная восьмерка») Д. Берриган написал в «Католик уоркер»: «Не знаю, как можно с точностью предсказать развитие событий начиная с настоящего момента: услышат ли нас люди, отзовутся ли и насколько скоро это произойдет. Или наш поступок не сможет воодушевить других, и тогда движение сразу же прекратит свое существование, и его участников заклеят как глупцов либо не примут всерьез. Остается только собраться с духом и рискнуть».

В действительности движение не прекратилось. На протяжении следующего десятилетия общенациональная борьба против ядерного оружия получила свое развитие, превратившись из небольшой группы мужчин и женщин, готовых сесть в тюрьму ради того, чтобы заставить других остановиться и задуматься, в движение миллионов американцев, испуганных мыслями о ядерном холокосте и возмущенных тем, что на вооружение тратятся миллиарды, в то время как народ лишен самого необходимого.

Даже представители американского среднего класса – жюри присяжных из Пенсильвании, которые вынесли приговор «Плужной восьмерке», проявили явное сочувствие к ее действиям. Один из них, Майкл Де Роза, сказал репортеру: «Я не думал, что они действительно хотели совершить преступление. Они сделали это в знак протеста». Другая представительница присяжных, Мэри Энн Ингрэм, сообщила, что между членами жюри возникли разногласия: «На самом деле... мы не хотели выносить им [«Плужной восьмерке»] никакого приговора. Но нам пришлось это сделать, потому что судья сказал, что мы можем исходить только из норм закона». Она добавила: «Эти люди не являются преступниками. Они пытались сделать для нашей страны что-то хорошее. Однако судья сказал, что ядерное оружие не предмет споров».

Огромный военный бюджет, принятый при Р. Рейгане, вызвал к жизни общенациональное движение против ядерного оружия. В 1980 г. в ходе выборов, в результате которых он стал президентом, местные референдумы в трех округах на западе Массачусетса позволили избирателям ответить на вопрос, верят ли они во взаимный советско-американский мораторий на испытание, производство и распространение всех видов ядерного оружия и желают ли, чтобы Конгресс направил средства, выделявшиеся ранее на указанные цели, в гражданскую сферу. В кампании по проведению этих референдумов в течение многих месяцев работало две группы борцов за мир, и во всех трех округах, даже в тех, которые проголосовали за Рейгана, был получен положительный ответ (94 тыс. голосов против 65 тыс.). В 1978–1981 гг. в ходе

аналогичных референдумов большинство высказалось за мир в Сан-Франциско, Беркли, Окленде, Мадисоне и Детройте.

Женщины находились на переднем крае нового антиядерного движения. Рэндолл Форсберг, молодой специалист по проблемам ядерного оружия, организовала Совет за замораживание ядерных вооружений, чья простая программа – взаимное советско-американское замораживание производства нового ядерного оружия – начала завоевывать поддержку в стране. Вскоре после избрания Р. Рейгана 2 тыс. женщин собрались в Вашингтоне, двинулись маршем на Пентагон и окружили его гигантским кольцом, взявшись за руки или за яркие шарфы. Сто сорок участниц акции были арестованы за то, что они заблокировали вход в здание.

Небольшая группа врачей стала организовывать в США собрания, на которых они рассказывали гражданам о последствиях ядерной войны с точки зрения медицины. Эти люди составили костяк организации «Врачи за социальную ответственность», и президент группы доктор Хелен Колдикотт стала одним из самых влиятельных и красноречивых лидеров национального движения. На одном из публичных симпозиумов, проведенных этой организацией, декан Гарвардской школы общественного здоровья Говард Хайетт графически изобразил результаты падения на Бостон ядерной бомбы мощностью 20 мегатонн. Два миллиона человек умрет. Те, кто выживет, будут покрыты ожогами, ослепнут, останутся калеками. В ядерной войне тяжелые ожоги получают 25 млн. американцев, в то время как все существующие медицинские учреждения смогут обеспечить уход только за 200 такими пациентами.

На общенациональном съезде католических епископов в начале деятельности администрации президента Рейгана большинство присутствовавших выступило против всех видов использования ядерного оружия. В ноябре 1981 г. в 151 кампусе колледжей, расположенных по всей стране, состоялись митинги, посвященные проблеме ядерной войны. В том же месяце на местных выборах в Бостоне резолюция, призывающая к повышению федеральных ассигнований на социальные программы «путем снижения расходов средств налогоплательщиков на ядерные вооружения и программы вмешательства в дела других государств», получила большинство во всех 22 городских избирательных округах, в том числе в рабочих районах, населенных как белыми, так и чернокожими.

Двенадцатого июня 1982 г. в Центральном парке города Нью-Йорка состоялась самая крупномасштабная политическая демонстрация в истории страны. Около 1 млн. человек собрались, чтобы выразить намерение положить конец гонке вооружений.

Ученые, работавшие над атомной бомбой, присоединились к растущему движению. Джордж Кистяковский, профессор химии Гарвардского университета, работавший над первой атомной бомбой, а позднее являвшийся советником президента Д. Эйзенхауэра по науке, стал участником движения за разоружение. Его последние публичные высказывания перед смертью от рака в возрасте 82 лет содержались в передовой статье журнала «Буллетин оф зе атомик сайентистс» в декабре 1982 г. В ней были такие слова: «Говорю вам на прощание: забудьте о [разных] путях. Слишком мало времени осталось до того, как взорвется мир. Лучше сосредоточьтесь на том, чтобы вместе с многочисленными единомышленниками организовать массовое, беспрецедентное по масштабу движение за мир».

К весне 1983 г. замораживание ядерных вооружений было одобрено 368 городами и советами графств по всей стране, 444 городскими собраниями и 17 легислатурами штатов, а также палатой представителей Конгресса США. Опрос, проведенный в то время Службой Луиса Харриса, показал, что 79 % населения высказались за заключение соглашения с Советским Союзом о замораживании ядерных арсеналов. Даже среди 40 млн.

христиан-протестантов, считавшихся консервативной и прорейгановской группой населения, по данным выборки Института Гэллага, 60 % из них оказались настроены в пользу замораживания.

Через год после грандиозной демонстрации в Центральном парке в США действовало более 3 тыс. антивоенных групп. Антиядерные настроения нашли отражение в книгах, журнальных статьях, пьесах и кинофильмах. Публикация Джонатана Шелла «Судьба Земли», являющаяся страстным призывом к борьбе с гонкой вооружений, стала национальным бестселлером. В Канаде был снят документальный фильм о гонке вооружений. Администрация Рейгана запретила его показ в стране, но федеральный суд принял решение разрешить демонстрацию этой картины.

Менее чем за три года в общественном мнении произошла заметная перемена. Во время избирательной кампании Рейгана националистические чувства, взвинченные недавним кризисом с заложниками в Иране и вторжением СССР в Афганистан, были сильны. Тогда Центр исследований национального общественного мнения Чикагского университета обнаружил, что только 12 % респондентов считали, что на вооружения тратится слишком много средств. Но при другом опросе весной 1982 г. этот показатель поднялся до 32 %. А весной следующего года опрос, проведенный «Нью-Йорк таймс» и «Си-би-эс ньюс», выявил, что такого мнения придерживались уже 48 % респондентов.

Антимилитаристские настроения также выразились в сопротивлении призыву на военную службу. Когда президент Джимми Картер в ответ на вторжение СССР в Афганистан потребовал, чтобы молодые люди регистрировались для призыва в армию, более 800 тыс. человек (10 %) не стали этого делать. Мать одного из них написала в газету «Нью-Йорк таймс»:

«Издателю.

Тридцать шесть лет назад я стояла перед крематорием. Самая отвратительная сила в мире вознамерилась исключить меня из жизненного цикла – навсегда отнять радость давать жизнь. Обладавшая огромным арсеналом оружия и наполненная ненавистью, она возомнила себя равной силе жизни.

Я выжила тогда, и с каждой улыбкой сына оружие пугало меня все меньше. Сэр, я не стану отдавать кровь своего мальчика для смазки следующего поколения пушек. Ни я, ни мои родные не будем участвовать в смертельной гонке.

Изабелла Лейтнер».

Бывший сотрудник администрации Никсона Александр Хейг в интервью, данном французскому журналу «Политик интернасьональ» предупредил, что в США могут вновь возникнуть обстоятельства, которые заставили президента Никсона прекратить призыв. «На каждом пороге стоит Джейн Фонда²⁴⁶», – сказал он.

Юноша по имени Джеймс Питерс, отказавшийся от регистрации, написал открытое письмо президенту Картеру:

«Уважаемый мистер Президент, 23 июля 1980 г. я... должен явиться в местное почтовое отделение, чтобы зарегистрироваться в Службе призыва в армию при ограниченной воинской повинности. Настоящим сообщаю Вам, мистер Президент, что не стану регистрироваться ни 23 июля, ни когда-либо еще... Мы уже испытали милитаризм, и он сослужил человечеству плохую

²⁴⁶ Речь идет об актрисе, активной участнице движения против войны во Вьетнаме. Речь идет о нефтяной компании «Амоко» («Америкэн ойл компани»).

службу во всех отношениях, которые только можно представить».

Оказавшись у власти, Р. Рейган колебался, возобновить ли призывную регистрацию, так как, по объяснению его министра обороны К. Уайнбергера, «президент Рейган считает, что возобновление призыва для решения проблем личного состава приведет к волнениям в обществе, сравнимым с теми, что наблюдались в 60–70-х гг.». Уильям Бичер, бывший репортер Пентагона, написал в ноябре 1981 г., что президент «явно обеспокоен и даже встревожен все более громкими высказываниями недовольства и подозрительности относительно ядерной стратегии США, которые раздаются на улицах европейских городов, а в последнее время и в американских кампусах».

Надеясь запугать эту оппозицию, администрация Рейгана начала судебные преследования тех, кто отказывался от призыва на военную службу. Среди приговоренных к тюремному заключению был Бенджамин Сэсуэй, который назвал военную интервенцию США в Сальвадор хорошей причиной для отказа от регистрации.

В ответ на этот акт гражданского неповиновения журналист Уильям А. Рашер из журнала «Нэшнл ревью», придерживавшийся правых взглядов, с негодованием написал, что в наследство от 60-х гг. досталось новое поколение антивоенно настроенных преподавателей: «Практически нет сомнения, что именно преподаватель или преподаватели научили Бенджамина Сэсуэя смотреть на американское общество как на образец двуличия, эксплуатации, материалистическую преграду на пути прогресса человечества. Поколению тех, кто выступал против войны во Вьетнаме, теперь едва за тридцать, и, став учеными, они заняли места в преподавательских составах средних школ и колледжей страны... Какая жалость, что наша юриспруденция не позволяет наказать настоящих виновников такого разрушения!»

Нация не собиралась безропотно принимать рейгановскую политику поддержки диктаторского режима в Сальвадоре. Как только Рейган стал президентом, в газете «Бостон глоб» появился следующий репортаж: «Эта сцена напоминала 60-е годы – массовый митинг студентов во дворе Гарвардского университета, выкрикивавших антивоенные лозунги, марш со свечами по улицам Кембриджа... Две тысячи человек, в основном студентов, собрались, чтобы протестовать против вмешательства США в дела Сальвадора... Студенты приехали из Университета Тафтса, Массачусетского технологического института, Бостонского университета и Бостонского колледжа, Массачусетского университета, Университета Брандеса, Саффолкского и Дартмутского колледжей, Северо-Восточного университета, Колледжа Вассара, Йельского университета, Колледжа Симмонса».

Весной 1981 г. во время торжественного акта в Сиракьюсском университете, когда государственный секретарь США А. Хейг получал степень почетного доктора в области «государственной службы», 200 студентов и преподавателей повернулись к нему спиной в момент представления. Как сообщала пресса, во время доклада «почти каждая пауза в 15-минутном обращении мистера Хейга заполнялась скандированием: «Человеческие потребности, а не военная алчность!», «Вон из Сальвадора!», «Ружья Вашингтона убили американских монахинь!»».

Последнее относилось к казни сальвадорскими солдатами осенью 1980 г. четырех монахинь-американок. Тысячи человек в Сальвадоре ежегодно становились жертвами «эскадронов смерти», получавшими помощь правительства, которое вооружалось Соединенными Штатами, и американская общественность стала обращать внимание на события в этой крошечной центральноамериканской стране.

Как обычно при формировании своей внешней политики, США не пытались соблюсти даже подобие демократии. Общественное мнение просто игнорировалось. Опрос, проведенный весной 1982 г. «Нью-Йорк таймс» и «Си-би-эс ньюс», показал, что только 16 % респондентов

высказались за рейгановскую программу оказания военной и экономической помощи Сальвадору.

Весной 1983 г. обнаружилось, что американский врач Чарлз Клемент работает на сальвадорских повстанцев. Когда он служил пилотом ВВС в Юго-Восточной Азии, то разочаровался в политике, которую проводили там США, – увидел собственными глазами, что правительство лжет, и отказался вылетать на боевые задания. Командование ВВС направило Клемента в психиатрическую больницу, а затем демобилизовало как негодного по психическому состоянию здоровья. Он поступил учиться в медицинскую школу, а затем добровольно стал работать врачом у партизан в Сальвадоре.

В начале 80-х гг. в прессе США было много разговоров о политической осторожности нового поколения студентов, заботившихся прежде всего о собственной карьере. Но, когда на торжественной выпускной церемонии в Гарвардском университете в июне 1983 г. мексиканский писатель Карлос Фуэнтес выступил с критикой американской интервенции в Латинской Америке и сказал: «Будучи вашими настоящими друзьями, мы не позволим вам вести себя в отношении Латинской Америки так же, как Советский Союз действует в Центральной Европе и Центральной Азии», его 20 раз прерывали аплодисментами, а по окончании речи слушатели встали с мест и устроили овацию.

Лично я, работая в Бостонском университете, не наблюдал среди моих студентов всеобщего эгоизма и невнимания к чужим проблемам, о которых постоянно твердили СМИ, рассуждая о студенчестве 80-х гг. В их дневниках я нашел следующие комментарии: «Студент: «Как вы думаете, имеет ли отношение к правительству что-либо хорошее, что случилось в мире? Я работаю в Роксбери [квартал, где живут чернокожие]. Я знаю, что правительство ничего не делает. Ни для жителей Роксбери, ни для кого-либо еще. Оно работает на тех, у кого есть деньги».

Выпускник католической средней школы: «Для меня Америка – это общество, культура. Америка – мой дом; если бы кто-то захотел лишить меня этой культуры, тогда, возможно, у меня была бы причина сопротивляться. Но я не стану отдавать жизнь, защищая честь правительства».

Молодая женщина: «Я белая представительница среднего класса и никогда не испытывала дискриминации. Но вот что я скажу: если бы кто-нибудь попытался заставить меня сидеть в отдельном классе, пользоваться отдельной ванной комнатой или что-то в этом роде, я бы им сразу дала под зад... Народ нуждается в окончательном письменном утверждении своих прав, потому что если он подвергается унижениям или несправедливому обращению со стороны правительства или властей, то может оказать непосредственное сопротивление... Если прочитать... заявления о правах и законы, то на самом деле это правительству, власти, учреждениям и корпорациям нужны законы и права, чтобы защититься от физической расправы и от прямых действий народа.

За пределами студенческих кампусов, в глубине страны, существовала оппозиция политике правительства, но о ней не было широко известно. В начале президентства Рейгана в поступившем из Таксона (Аризона) сообщении упоминались «участники демонстрации, в основном люди средних лет», протестовавшие у здания, в котором располагались федеральные учреждения, против вторжения США в Сальвадор. Более 1 тыс. горожан приняли участие в марше и присутствовали на мессе в честь годовщины убийства архиепископа Оскара Ромеро, выступавшего против действий сальвадорских «эскадронов смерти».

Свыше 60 тыс. американцев подписали клятвы предпринять какие-либо акции, в том числе акты гражданского неповиновения, если Рейган осуществит вторжение в Никарагуа. Когда президент начал блокаду этой страны с целью отстранить ее правительство от власти,

волна демонстраций прокатилась по всем Соединенным Штатам. Только в Бостоне 550 человек было арестовано за протест против такой блокады.

В годы президентства Рейгана в США состоялось несколько сотен акций против политики, проводившейся в Южной Африке. Американский лидер явно не хотел, чтобы белое правящее меньшинство в ЮАР было смещено радикальным Африканским национальным конгрессом, представлявшим черное большинство. Как писал в своих мемуарах Честер Крокер, помощник госсекретаря США по делам Африки, Рейган «без всякого участия» относился к условиям жизни южноафриканского чернокожего населения. Общественное мнение оказалось достаточно сильным, чтобы заставить Конгресс узаконить в 1986 г. экономические санкции против властей ЮАР, преодолев вето президента.

Урезание правительством расходов на социальные службы было воспринято на местном уровне как незаинтересованность в удовлетворении жизненных потребностей; последовали гневные реакции. Весной и летом 1981 г. жители восточной части Бостона вышли на улицы; 55 вечеров они блокировали основные дороги и туннель Самнера в часы пик, протестуя против сокращения средств на пожарную охрану, полицию и школьных учителей. Старший полицейский инспектор Джон Дойл сказал: «Возможно, эти люди воспользовались уроками акций протеста 60–70-х годов». Газета «Бостон глоб» сообщала: «Демонстранты в Восточном Бостоне в основном были людьми средних лет, принадлежащими к среднему классу или к рабочим; они говорили, что до сих пор никогда не протестовали против чего-либо».

Администрация Рейгана лишила федерального финансирования различные области искусства, предложив сценическим площадкам искать помощи частных спонсоров. После демонстрации и пикета 200 театральных работников, читавших тексты пьес и певших песни, отказываясь повиноваться полиции, которая приказывала им разойтись, в Нью-Йорке снесли два исторических бродвейских театра, чтобы очистить пространство для 50-этажного отеля класса люкс. Были арестованы некоторые наиболее известные в стране деятели театра, в том числе продюсер Джозеф Папп, актрисы Тамми Граймс, Эстель Парсонс и Селеста Холм, актеры Ричард Гир и Майкл Мориарти.

Сокращения бюджетных ассигнований вызвали в США забастовки. Зачастую в них принимали участие те группы населения, которые, как правило, не прибегали к таким действиям. Осенью 1982 г. информационное агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл (ЮПИ) сообщало: «Разгневанные увольнениями, снижениями заработной платы и неуверенностью в сохранении рабочих мест, все больше школьных учителей по всей стране решили начать забастовку. На прошлой неделе в семи штатах от Род-Айленда до Вашингтона из-за забастовки преподавателей не училось более 300 тыс. школьников.»

В своем обзоре событий за первую неделю января 1983 г. корреспондент «Бостон глоб» Дэвид Найхен писал: «Что-то зреет в нашей стране, что обещает неприятности для вашингтонских деятелей, игнорирующих эти процессы. Люди перешли от страха к гневу и выражают свое недовольство в действиях, которые испытывают на прочность гражданский порядок». Он привел несколько примеров: «В Литтл-Вашингтоне (Пенсильвания) в начале 1983 г., когда 50-летнего учителя информатики, возглавившего забастовку преподавателей, заключили в тюрьму, 2 тыс. человек устроили в его поддержку демонстрацию перед тюремным зданием, а питтсбургская «Пост газетт» назвала эту акцию «самым большим скоплением народа в графстве Вашингтон со времен Спиртного бунта 1794 г.».

Когда безработные или обанкротившиеся домовладельцы в районе Питтсбурга оказались больше не в состоянии осуществлять ипотечные выплаты и в связи с лишением этих людей права выкупа были назначены продажи с торгов, 60 пикетов окружили здание суда, протестуя против аукциона, в результате чего шериф графства Аллегейни Юджин Кун приостановил

заседание.

В Спрингфилде (Колорадо) продажа с торгов фермы с 320 акрами земли, на которых выращивалась пшеница, была прервана появлением 200 разъяренных фермеров; их пришлось разогнать при помощи слезоточивого газа, в том числе «Мейса».

Когда в апреле 1983 г. Рейган прибыл в Питтсбург, чтобы произнести речь, 3 тыс. человек, многие из которых были лишившимися работы сталелитейщиками, устроили против него демонстрацию, стоя под дождем перед отелем, где он находился. Демонстрации безработных состоялись в Детройте, Флинте, Чикаго, Кливленде, Лос-Анджелесе, Вашингтоне – всего более чем в 20 крупных городах.

Именно в то время чернокожее население Майами взбунтовалось против жестокости полиции; они протестовали и против общего бесправного положения. Безработица среди молодых афроамериканцев превысила 50 %, а единственной ответной мерой администрации Рейгана в связи с усугублением нищеты стало строительство новых тюрем. Понимая, что чернокожие не станут голосовать за него, президент безуспешно попытался заставить Конгресс отменить принципиально важный раздел Закона об избирательных правах от 1965 г., который весьма эффективно защищал право голоса черных жителей южных штатов.

В политике Рейгана явно противостояли две проблемы – разоружение и социальное обеспечение. По образному выражению главы Фонда защиты детей М. Эделман, выступавшей на выпускной церемонии в Милтонской академии в Массачусетсе летом 1983 г., это было противостояние оружия и детей: «Вы вступаете в нацию и мир, находящиеся на краю нравственного и экономического банкротства. Начиная с 1980 г. наш президент и Конгресс переплавляли наши орала на мечи и радовали богатых за счет бедных... Главными жертвами становятся дети. Наши неправильные решения на национальном и на мировом уровнях буквально убивают детей каждый день... Однако же правительства стран всего мира, и прежде всего наше правительство, тратят более 600 млрд. долл. в год на оружие, в то время как около 1 млрд. населения Земли живет в бедности, а 600 млн. человек страдают от безработицы. Где же человеческое участие и политическая воля, которые бы позволили выделить относительно незначительные средства, необходимые для защиты детей?»

Оратор обратилась к слушателям с призывом: «Выберите часть проблемы, которую можете решить, и при этом старайтесь видеть, как ваша часть согласуется с более широким контекстом изменения общества к лучшему».

В этих словах выражалось настроение все более широких кругов общественности, которое беспокоило администрацию Рейгана. Федеральное правительство отказалось от некоторых из предполагавшихся сокращений ассигнований, а Конгресс отменил другие. Когда, на второй год правления, администрация предложила сократить помощь детям и малообеспеченным семьям на 9 млрд. долл., Конгресс согласился урезать ее только на 1 млрд. долл. Вашингтонский корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщал: «Политическая озабоченность справедливостью программ мистера Рейгана заставила администрацию ослабить свои попытки и далее снижать финансирование помощи беднейшим слоям населения».

Избрание президентами США республиканских кандидатов – Р. Рейгана в 1980 и 1984 гг., Дж. Буша-старшего в 1988 г. – пресса определила как «резкое изменение распределения голосов между партиями» и «сокрушительную победу». Журналисты проигнорировали четыре факта: примерно половина населения, имеющего право голоса, не ходила на выборы; проголосовавшие были серьезно ограничены в выборе между двумя партиями, которые монополизировали денежные средства и СМИ; в результате многие избирательные бюллетени были поданы без энтузиазма и, наконец, голосование за кандидата было мало связано с поддержкой определенного политического курса.

В 1980 г. Рейган получил 51,6 % голосов избирателей, в то время как Джимми Картер – 41,7 %, а Джон Андерсон (либеральный республиканец, проходящий по мандату третьей партии) набрал 6,7 % голосов. Только 54 % населения, имевшего право голоса, участвовало в выборах, в итоге Рейгана поддержало 27 % всех граждан страны, обладавших избирательным правом.

В результате проведенного «Нью-Йорк таймс» опроса обнаружилось, что лишь 11 % тех, кто голосовал за Рейгана, сделали это потому, что «он настоящий консерватор». В 3 раза больше избирателей сказали, что отдали за него свой голос, потому что «настало время перемен».

При выборах на второй президентский срок, баллотируясь против бывшего вице-президента США Уолтера Мондейла, Р. Рейган набрал 59 % голосов избирателей, но, поскольку половина электората на выборы не пошла, он получил 29 % голосов американцев, имевших право голоса.

На выборах 1988 г., когда вице-президент США Дж. Буш-старший выставил свою кандидатуру против демократа Майкла Дукакиса, победа первого с результатом 54 % поданных голосов означала получение поддержки 27 % всех потенциальных избирателей.

Поскольку наши специфические правила голосования позволяют небольшой доле проголосовавших избирателей превратиться в подавляющее большинство, СМИ могут говорить о «сокрушительной победе», таким образом обманывая читателей и разочаровывая тех, кто не углубляется в статистику. Можно ли сказать на основе этих цифр, что «американский народ» хотел избрать Рейгана, или Буша-старшего президентом? Без сомнения, можно отметить, что большинство проголосовавших предпочли республиканских кандидатов их оппонентам. Но еще больше избирателей, по-видимому, не желали выбирать ни одного из кандидатов. Однако же на основе этого сомнительного относительного большинства голосов, Рейган и Буш заявляли, что «народ» сказал свое слово.

На самом деле, когда народ действительно высказывался по этим проблемам в ходе опросов общественного мнения, он выражал убеждения, на которые ни республиканцы, ни демократы не обращали внимания.

Так, обе партии на протяжении 80-х – начала 90-х гг. строго ограничивали социальные программы помощи бедным, объясняя это тем, что в противном случае такие программы потребовали бы повышения налогов, а «народ» не захочет их увеличения.

Без сомнения, утверждение, что американцы хотят платить как можно меньше налогов, было в целом справедливым. Но на вопрос, готовы ли они платить налоги по более высоким ставкам на конкретные нужды, например на здравоохранение и образование, граждане США отвечали утвердительно. В частности, в 1990 г. опрос избирателей, проживавших в Бостоне и его окрестностях, показал, что 54 % из них были согласны платить более высокие налоги, если они пойдут на оздоровление окружающей среды.

Когда же повышение налогов было представлено в классовых терминах, а не как общее предложение, народ высказался вполне недвусмысленно. Опрос, проведенный в декабре 1990 г. «Уолл-стрит джорнэл» и «Эн-би-си ньюс», продемонстрировал, что 84 % респондентов высказались за сбор дополнительного налога с миллионеров (примерно в то время это условие не вошло в компромисс по бюджету между демократами и республиканцами). Хотя 51 % принявших участие в опросе поддержали идею о повышении налога на реализованный прирост рыночной стоимости капитала, ни одна из ведущих партий это не одобрила.

Опрос, проведенный в 1989 г. Службой Луиса Харриса и Гарвардской школой общественного здоровья, показал, что большинство американцев (61 %) предпочитали систему здравоохранения канадского типа, в которой правительство напрямую платит врачам и

больницам, обходя страховые компании и предоставляя всеобщее медицинское обслуживание каждому. Ни Демократическая, ни Республиканская партия не включили это в свои программы, хотя обе подчеркивали, что желают «реформировать» систему здравоохранения.

По данным исследования, осуществленного в 1992 г. «Гордон С. Блэк корпорейшн» для Национального пресс-клуба, 59 % избирателей хотели, чтобы расходы на оборону были снижены наполовину в предстоящие пять лет. Ни одна из основных партий не собиралась значительно урезать военный бюджет.

Отношение общественности к правительственной помощи бедным, по-видимому, зависело от постановки вопроса. Обе партии, а также СМИ постоянно говорили о системе «вспомоществования», что она не работает, и слово «вспомоществование» стало сигналом для оппозиции. Когда население спросили (опрос «Нью-Йорк таймс» и «Си-би-эс ньюс» 1992 г.), нужно ли выделять на это больше средств, 23 % сказали «нет». Но, когда тех же людей спросили, должно ли правительство помогать бедным, 64 % ответили «да».

В опросах эта тема повторялась. Когда в 1987 г., в середине периода правления Рейгана, американцам задали вопрос, должно ли правительство гарантировать пищу и приют для нуждающихся, 62 % ответили положительно.

Явно существовал некий изъян в якобы демократической политической системе, в которой желания избирателей постоянно игнорировались. На них могли совершенно безнаказанно не обращать внимания, пока в этой системе доминировали две партии, связанные с богатствами корпораций. Электорату, вынужденному выбирать между Картером и Рейганом, или же Рейганом и Мондейлом, или Бушем и Дукакисом, оставалось только прийти в отчаяние (или отказаться от голосования), так как ни один из кандидатов не был способен справиться с основной экономической болезнью, корни которой уходили за пределы одного срока президентского правления.

Эта болезнь объяснялась фактом, о котором практически никогда не говорилось: США являлись классовым обществом, в котором 1 % населения владел 33 % богатства, причем низший класс, т. е. 30–40 млн. человек, проживал в бедности. Принятые в 60-х гг. социальные программы («Медикэр» и «Медикейд», талоны на питание и т. п.) всего лишь поддерживали исторически сложившееся в Америке несправедливое распределение ресурсов.

Хотя демократы были готовы оказать бедным помощь в большем объеме, чем республиканцы, они не могли (да на самом деле и не желали) серьезно изменить экономическую систему, в которой прибыль корпораций была приоритетом по сравнению с человеческими потребностями.

В США не наблюдалось влиятельного общенационального движения за радикальные перемены, не было социал-демократической партии (или партии демократического социализма) наподобие тех, что существовали в странах Западной Европы, Канаде и Новой Зеландии. Но имелись тысячи свидетельств отчуждения и протестные голоса; во всех уголках страны совершались акции протеста на местном уровне, привлекавшие внимание к глубокому недовольству и требовавшие хотя бы частично устранить несправедливости.

Например, Гражданский центр обмена информацией по опасным отходам в Вашингтоне (округ Колумбия), созданный в начале правления Рейгана домохозяйкой и активисткой Лоис Гиббс, сообщил, что оказывает помощь 8 тыс. локальным группам по всей стране. Одна из таких групп в штате Орегон провела целый ряд успешных судебных процессов, чтобы заставить Агентство по охране окружающей среды решить проблему очистки загрязненной питьевой воды в водохранилище Булл-Ран недалеко от Портленда.

В Сибруке (Нью-Гэмпшир) многие годы местные жители упорно протестовали против атомной электростанции, которую они считали опасной для себя и своих семей. В 1977–1989 гг.

более 3,5 тыс. человек подверглись аресту за эти акции протеста. В конце концов, электростанция была закрыта из-за финансовых трудностей и всеобщего сопротивления.

Страх аварий на ядерных объектах усилился после серьезного инцидента, происшедшего на Три-Майл-Айленде (Пенсильвания) в 1979 г., и особенно после ужасной Чернобыльской катастрофы в Советском Союзе в 1986 г. Все это оказало влияние на атомную промышленность, которая раньше процветала. К 1994 г. Администрация долины Теннесси прекратила строительство трех атомных электростанций. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала это решение «символическим смертным приговором нынешнему поколению реакторов в США».

В Миннеаполисе (Миннесота) тысячи людей постоянно принимали участие в демонстрациях против военных контрактов корпорации «Ханиуэлл», причем в 1982–1988 гг. было арестовано свыше 1,8 тыс. человек.

Более того, когда участники таких актов гражданского неповиновения представляли перед судом, им часто симпатизировали присяжные, и эти простые граждане оправдывали подсудимых, понимая, что хотя те и нарушали букву закона, но делали это во имя благого дела.

В 1984 г. группа жителей Вермонта («Сорок четыре из Винуски») отказались уйти из приемной офиса сенатора США, протестуя против того, что он голосовал за снабжение оружием никарагуанских «контрас». Этих людей арестовали, но во время судебного разбирательства судья отнесся к ним сочувственно, и присяжные вынесли оправдательный вердикт.

Вскоре после этого, на следующем судебном заседании, несколько человек (в том числе активист Эбби Хоффман и Эми Картер, дочь бывшего президента Джимми Картера) были арестованы за то, что препятствовали работе вербовщиков ЦРУ в Массачусетском университете. В качестве свидетелей вызвали бывших агентов этого ведомства, которые рассказали присяжным, что Управление занималось незаконной деятельностью и совершало убийства в разных уголках мира. Подсудимые были оправданы.

Одна из присяжных, работавшая в больнице, сказала позднее: «Я не знала о деятельности ЦРУ... Я была шокирована... Я почувствовала, что горжусь этими студентами». Другой присяжный заявил: «Это было очень познавательно». Окружной прокурор графства, занимавшийся данным делом, сказал в заключение: «Самое поучительное – то, что все присяжные являются средними американцами... Средний американец не хочет, чтобы ЦРУ продолжало делать то, чем оно сейчас занимается».

Хотя на Юге не было крупномасштабного движения, сравнимого с движением за гражданские права в 60-х гг., там тоже действовали сотни местных групп, объединявших белых и чернокожих бедняков. В Северной Каролине Линда Стаут, дочь заводского рабочего, умершего от промышленных ядов, скоординировала деятельность межрасовой организации, состоявшей из 500 рабочих-текстильщиков, фермеров, прислуги – большинство из них были малообеспеченными цветными женщинами, – для осуществления Пидмонтского мирного проекта.

К имеющей историческое значение Хайлендерской народной школе в Теннесси, возраставшей так много чернокожих и белых активистов для всего Юга, теперь присоединились другие подобные школы и центры народного образования.

Энн Браден, ветеран борьбы против расовой дискриминации и за лучшие условия труда на Юге, все еще вела организаторскую работу, возглавляя Южный оргкомитет за экономическую и социальную справедливость. Эта группа оказывала помощь в проведении местных акций – 300 афроамериканцам в графстве Тифт (Джорджия), которые призывали закрыть химический завод, наносивший ущерб их здоровью; индейцам графства Чироки (Северная Каролина), объединившимся, чтобы положить конец захоронению экологически опасных отходов.

Еще в 60-х гг. сельскохозяйственные рабочие-чиканос – эти американцы мексиканского происхождения, которые приезжали жить и работать в основном в Калифорнию и юго-западные штаты, восстали против феодальных условий труда. Под руководством Сезара Чавеса они устроили забастовку и организовали общенациональный виноградный бойкот. Вскоре работники ферм создали профсоюзы и в других частях страны.

В 70–80-х гг. борьба с нищетой и дискриминацией продолжалась. Годы правления Рейгана были для чиканос столь же тяжелыми, как и для всего бедного населения страны. К 1984 г. 42 % детей латиноамериканского происхождения и четверть семей выходцев из Южной Америки жили ниже уровня бедности.

В 1983 г. шахтеры медных рудников в Аризоне, в основном мексиканцы, начали забастовку против «Фелпс-Додж компани», после того как она снизила заработную плату, уменьшила пособия и ослабила меры по технике безопасности. Бастующих атаковали национальные гвардейцы и полиция штата, имея на вооружении слезоточивый газ и вертолеты, но горняки продержались три года, пока правительство и корпорация объединенными усилиями не одержали над ними верх.

Случались и победы. В 1985 г. 1,7 тыс. рабочих консервного завода, в основном мексиканки, начали забастовку в Уотсонвилле (Калифорния) и добились заключения профсоюзного контракта с включением в него положения о медицинских пособиях. В 1990 г. рабочие, уволенные из «Ливай Стросс энд Ко» в Сан-Антонио в связи с тем, что компания перевела производство в Коста-Рику, призвали к бойкоту, организовали голодовку и добились уступок. В Лос-Анджелесе в 1990 г. швейцары-латиноамериканцы устроили стачку и, несмотря на нападения полиции, добились признания своего профсоюза, повышения заработной платы и выплат по болезни.

Активисты латиноамериканского происхождения [латинос] – мужчины и женщины (не обязательно чиканос, поскольку это название относится к людям мексиканского происхождения) на протяжении 80-х – начала 90-х гг. боролись за улучшение условий труда, возможность иметь своих представителей в местных органах власти, права арендаторов, двуязычное школьное образование. Будучи отстраненными от СМИ, они организовали движение за двуязычное радио, и к 1991 г. в стране насчитывалось 14 радиостанций для латинос, причем 12 из них вещали на двух языках.

В Нью-Мексико латинос боролись за свои права на землю и воду против застройщиков, пытавшихся прогнать их с участков, на которых они жили много десятилетий. В 1988 г. произошло столкновение, и люди захватили участки вооруженным путем, построили бункеры для защиты от нападений и добились поддержки других общин Юго-Запада. В итоге суд вынес решение в пользу местного населения.

Повышенная заболеваемость раком среди сельскохозяйственных рабочих Калифорнии привлекла внимание чиканос. С. Чавес, лидер Объединенного оргкомитета сельскохозяйственных рабочих (ООСР), в 1988 г. устроил 35-дневную голодовку, чтобы привлечь внимание к условиям их труда. К тому времени отделения этой организации появились в Техасе, Аризоне и других штатах.

Рабочие из Мексики, готовые трудиться за низкую плату в ужасных условиях, появились не только на Юго-Западе, но и в других частях страны. К 1991 г. 80 тыс. латинос жили в Северной Каролине, 30 тыс. – в северной части Джорджии. ООСР, победивший в трудной забастовке на томатных плантациях в Огайо в 1979 г., самой крупномасштабной сельскохозяйственной забастовке, которая когда-либо имела место на Среднем Западе, объединил тысячи работников ферм нескольких штатов этого региона.

Латиноамериканское население постоянно росло. Оно вскоре сравнялось по численности

с афроамериканским, которое составляло 12 % жителей страны, и начало оказывать заметное воздействие на американскую культуру. Музыка, изобразительное и драматическое искусство латинос в своем большинстве были намеренно намного сильнее политизированы и сатиричнее, чем господствующая в США культура.

В 1984 г. художники и писатели Сан-Диего и Тихуаны создали мастерскую «Бордер артс»; творчество этого объединения в значительной степени посвящалось проблемам расизма и несправедливости. Появившиеся на севере Калифорнии Театро Кампесино и Театро де ла Эсперанса давали представления для трудящихся по всей стране, превращая в театры здания школ и церквей, а также поля.

Латинос особенно остро сознавали имперскую роль, которую сыграли США в Мексике и странах Карибского бассейна, и многие из них резко критиковали американскую политику в отношении Никарагуа, Сальвадора и Кубы. В 1970 г. в Лос-Анджелесе состоялся крупномасштабный марш против войны во Вьетнаме; при разгоне демонстрантов полицией было убито трое чиканос.

В период подготовки администрации Дж. Буша-старшего к войне с Ираком, летом 1990 г. тысячи жителей Лос-Анджелеса прошли по той же дороге, что и 20 лет назад, когда состоялся антивоенный марш. Как писала в книге «500 лет истории чиканос в картинках» Э. Мартинес: «До и во время развязанной президентом Бушем войны в Персидском заливе многие люди – в том числе и Раса [букв. «раса»; термин, принятый латиноамериканскими активистами] – относились к ней с недоверием или протестовали против нее. Мы усвоили уроки прошлого, когда войны, начатые во имя демократии, в итоге приносили выгоду лишь богатым и власть имущим. Раса мобилизовала свои усилия для выражения протеста против этой военной кампании массового уничтожения даже быстрее, чем для протеста против войны США во Вьетнаме, хотя мы не могли предотвратить ее».

В 1992 г. группа по сбору средств под названием «Резист», созданная во время вьетнамской войны, сделала пожертвования 168 организациям во всей стране: местным общинам, пацифистам, индейцам, организациям защиты прав заключенных, группам охраны здоровья и окружающей среды.

Новое поколение адвокатов, получивших образование в 60-х гг., составило незначительное, но социально активное меньшинство в рамках юридической профессии. В судах они защищали бедных и беспомощных или предъявляли иски могущественным корпорациям. Одна юридическая фирма направила свой талант и энергию на защиту информаторов – мужчин и женщин, уволенных за то, что они «доносили» о корпоративной коррупции, жертвой которой становились широкие круги населения.

Женское движение, которому в свое время удалось привлечь внимание всего народа к проблеме женского равноправия, в 80-х гг. получило сильный отпор. В 1973 г. Верховный суд принял решение по делу «Роу против Уэйда», защищающее право женщин на аборт. Это привело к возникновению движения в защиту жизни, имевшего мощных сторонников в Вашингтоне. Конгресс принял, а Верховный суд позднее утвердил закон, отменявший федеральные медицинские пособия, предназначенные малообеспеченным женщинам, чтобы они смогли заплатить за аборт. Однако Национальная организация женщин и другие группы продолжали действовать; состоявшийся в 1989 г. в Вашингтоне митинг в поддержку «права на выбор» (принятый впоследствии термин) собрал более 300 тыс. человек. Когда в 1994–1995 гг. клиники, где делались аборты, подверглись нападениям и несколько защитников «права на выбор» были убиты, конфликт приобрел зловещий накал.

Права гомосексуалистов и лесбиянок в Америке выдвинулись на передний план в 70-х гг. в связи с радикальными изменениями представлений о сексуальности и свободе. Тогда

движение геев вышло из тени и стало видимым, устраивая парады, демонстрации, кампании за отмену статутов штатов, дискриминировавших гомосексуалистов. Одним из результатов этих процессов было издание многочисленных книг о скрытой истории геев в США и Европе.

В 1994 г. на Манхэттене прошел марш «Стоунуолл 25» в память события, которое гомосексуалисты считали поворотным пунктом: 25 лет назад они оказали энергичное сопротивление полицейскому налету на бар «Стоунуолл» в районе Гринвич-виллидж. В начале 90-х гг. группы геев и лесбиянок провели более открытые и решительные акции против дискриминации и по привлечению внимания к проблеме СПИДа, которой, по их утверждениям, правительство страны придавало недостаточное значение.

В Рочестере (Нью-Йорк) в результате проведения местной кампании было принято беспрецедентное решение о запрете вербовки в армию на территории школьного округа из-за дискриминации солдат-гомосексуалистов министерством обороны.

Профсоюзное движение в 80–90-х гг. значительно ослабело из-за снижения производства, перемещения предприятий в другие страны, враждебности администрации Рейгана и ее назначенцев в Национальном управлении по трудовым отношениям. Однако создание профсоюзов продолжалось, особенно среди «белых воротничков» и малообеспеченного цветного населения. АФТ-КПП направили сотни новых организаторов на работу среди латинос, афроамериканцев и американцев азиатского происхождения.

Рядовые члены старых, переживавших застой профсоюзов начали бунтовать. В 1991 г. руководство влиятельного профсоюза водителей грузовиков, известное своей коррумпированностью, было смещено в результате голосования; звучали требования начать реформу. Новое руководство сразу же приобрело влияние в Вашингтоне и возглавило работу по созданию независимых политических коалиций вне рамок двух основных партий. Но профсоюзное движение в целом утратило прежний масштаб и боролось за выживание.

В противостоянии подавляющему могуществу богатства корпораций и власти правительства дух сопротивления поддерживался в начале 90-х гг. зачастую небольшими по масштабам актами мужества и неповиновения. На Западном побережье молодой активист Кейт Макгенри и сотни других людей неоднократно подвергались аресту за то, что бесплатно кормили бедных, не имея лицензии. Они являлись участниками программы под названием «Еда, а не бомбы». В других районах страны также возникли организации сторонников этой программы.

В 1992 г. нью-йоркская группа, заинтересованная в пересмотре традиционных представлений об американской истории, получила разрешение городского совета Нью-Йорка укрепить высоко на фонарных столбах 30 металлических щитов. На одном из них, размещенном напротив штаб-квартиры корпорации Моргана, знаменитого банкира Дж. П. Моргана называли «дезертиром» времен Гражданской войны. Тогда он действительно избежал призыва в армию и заключил прибыльные сделки с правительством. На другом щите, расположенном рядом с Фондовой биржей, был изображен самоубийца; подпись гласила: «Преимущество нерегулируемого свободного рынка».

Общее разочарование правительством в годы вьетнамской войны и уотергейтского скандала, ставшие известными антидемократические действия ФБР и ЦРУ привели к отставкам в администрации и открытой критике ее со стороны бывших государственных служащих.

Несколько сотрудников ЦРУ покинули это учреждение и написали книги, критиковавшие его деятельность. Джон Стокуэлл, возглавлявший операцию ЦРУ в Анголе, выйдя в отставку, стал автором публикации, разоблачавшей деятельность Управления, и выступал в разных частях страны с лекциями, рассказывая о своем опыте. Дэвид Макмайкл, историк и бывший специалист ЦРУ, на судебных процессах дал свидетельские показания в пользу активистов,

протестовавших против политики правительства в Центральной Америке.

Агента ФБР Джека Райана, проработавшего 21 год, уволили, когда он отказался проводить расследование деятельности групп борцов за мир. Райан был лишен пенсии и жил некоторое время в ночлежке для бездомных.

Война во Вьетнаме, закончившаяся в 1975 г., иногда вновь привлекала внимание общественности в 80–90-х гг. в связи с участниками конфликтов того времени. С тех пор некоторые из них резко изменили свой образ мыслей. Джон Уолл, преследовавший по суду доктора Бенджамина Спока и еще четырех бостонцев за «заговор» с целью саботажа призыва в армию, пришел в 1994 г. на ужин, организованный в честь ответчиков, и заявил, что его взгляды трансформировались в ходе судебного разбирательства.

Еще более поразительным было заявление Чарльза Хутто, американского солдата, принявшего участие в зверствах, ставших известными под названием «резни в Милай», когда группа солдат армии США расстреляла сотни женщин и детей небольшой вьетнамской деревушки. Во время интервью в 80-х гг. он сказал репортеру: «Мне было 19 лет, я привык делать то, что приказывали взрослые... Но теперь я скажу своим сыновьям, чтобы они, если правительство их призовет, пошли служить своей родине, но и головой тоже думали иногда... чтобы иногда забывали о властях... и вспоминали о своей совести. Жалко, что никто мне такого не сказал перед тем, как я отправился во Вьетнам. Я не знал. Теперь я думаю, что такой вещи, как война, вообще не должно быть... потому что она сводит человека с ума».

Именно это наследство вьетнамской войны – убежденность огромного большинства американцев в том, что это была ужасная трагедия, что ее не должно было быть, – мешало администрациям Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего, которые все же надеялись распространить власть США над всем миром.

В 1985 г., когда Буш был вице-президентом, бывший министр обороны Дж. Шлесинджер предупредил сенатский Комитет по иностранным делам: «Вьетнам вызвал коренное изменение в общественном мнении... он разрушил политический консенсус, на котором была основана внешняя политика».

Когда Буш-старший стал президентом, он имел твердое намерение преодолеть то, что впоследствии было названо «вьетнамским синдромом», – сопротивление американского народа войне, желательной для истеблишмента. Поэтому в середине января 1991 г. он развязал воздушную войну против Ирака превосходящими силами, с тем чтобы она закончилась быстро, прежде чем в стране разовьется общенациональное антивоенное движение.

В течение месяцев подготовки к военным действиям наблюдались признаки возможного начала такого движения. В день Хэллоуина 600 студентов прошли по центру Мизулы (Монтана), скандируя: «Нет, мы не пойдем!» В Шривпорте (Луизиана), несмотря на заголовок на первой странице газеты «Шривпорт джорнэл»: «Опрос показал: народ за военные действия», фактически 42 % респондентов считали, что США должны «начать военные действия», тогда как 41 % полагал, что следует «ждать и наблюдать».

Одиннадцатого ноября 1990 г. к Параду ветеранов в Бостоне присоединилась группа под названием «Ветераны за мир» с транспарантами: «Нет – новым Вьетнамам! Верните их сейчас домой!» и «Не мешайте нефть с кровью! За мир!». Газета «Бостон глоб» сообщала, что «протестующих приветствовали почтительными аплодисментами, а в некоторых местах многочисленными демонстрациями поддержки со стороны зрителей». Одна из присутствовавших, женщина по имени Мэри Белль Дресслер, сказала: «Лично меня парады, на которых оказывают почести военным, несколько расстраивают, потому что военные – это война, а война меня расстраивает».

Большинство ветеранов вьетнамской войны поддерживали президентские действия, но было

и сильное диссидентское меньшинство. Один опрос показал: 53 % этих людей ответили, что с радостью отправились бы в Персидский залив, а 37 % дали отрицательный ответ.

Возможно, один из самых знаменитых ветеранов войны во Вьетнаме, Рон Ковик, автор книги «Рожденный четвертого июля», выступил с 30-секундной речью по телевидению, когда Буш-старший стал готовиться к военной операции. В выступлении, которое транслировалось по 200 телевизионным станциям в 120 городах США, он попросил граждан «встать и выступить» против войны. «Сколько еще американцев должны вернуться домой в кресле-каталке, как я, чтобы мы наконец поняли?»

В ноябре 1990 г., когда кризис в Кувейте длился уже несколько месяцев, студенты колледжа в Сент-Поле (Миннесота) устроили акцию. Местная пресса сообщала: «Это была полномасштабная антивоенная демонстрация: матери везли детей в колясках, преподаватели колледжей и школьные учителя несли транспаранты, активисты борьбы за мир были украшены миротворческой символикой, а сотни учащихся десятков учебных заведений пели, били в барабаны и скандировали: «Хей-хей, хо-хо, не хотим сражаться за «Амоко»».

За десять дней до начала бомбардировок, на городском митинге в Боулдере (Колорадо), на котором присутствовало 800 человек, был задан вопрос: «Поддерживаете ли вы политику Буша, ведущую к войне?» Только четверо подняли руки. За несколько дней до начала военных действий 4 тыс. человек в Санта-Фе (Нью-Мексико) заблокировали четырехполосную автостраду на час, требуя мира. Местные жители говорили, что эта акция была масштабнее, чем любая демонстрация времен войны во Вьетнаме.

Накануне боевых действий 6 тыс. сторонников мира прошли маршем через Анн-Арбор (Мичиган). В ночь начала войны в Сан-Франциско собралось 5 тыс. человек; в знак протеста они окружили живой цепью здание федеральных учреждений. Полиция разорвала цепь ударами дубинок по рукам демонстрантов. Но Наблюдательный совет Сан-Франциско принял резолюцию, объявив город и графство местом убежища для тех, кто по «моральным, этическим или религиозным причинам не может участвовать в войне».

За день до того, как Дж. Буш-старший отдал приказ начать бомбардировки, поздно вечером в Лексингтоне (Массачусетс) семилетняя девочка сказала матери, что хочет написать письмо президенту. Мать предложила сделать это завтра, потому что было поздно. «Нет, сегодня», – сказала девочка. Она еще не умела писать и поэтому продиктовала:

«Уважаемый президент Буш!

Мне не нравится ваше поведение. Если бы Вы решили не воевать, нам бы не пришлось устраивать ночные демонстрации за мир. Вам самому, наверно, не захотелось бы, чтобы Вас ранили, если бы Вы пошли на войну. Я вот что хочу сказать: я не желаю, чтобы люди воевали.

Искренне Ваша Серена Кэбат».

После того как начались бомбежки Ирака и сопутствующая обработка общественного мнения, опросы показывали, что подавляющее большинство народа поддерживает действия президента, и это продолжалось в течение шести недель войны. Но было ли это точным отражением отношения граждан к этому событию в долгосрочной перспективе? Распределение голосов в опросах незадолго до войны отразило тот факт, что общественность все еще считала, что мнение народа может быть принято во внимание. Когда операция уже началась и стала необратимой, в атмосфере патриотического пыла (председатель Объединенной церкви Христа говорил о «военных сводках, подобных бою барабана»), неудивительно было, что значительное

большинство граждан США заявило о своей поддержке войны.

Тем не менее, даже не располагая достаточным временем для организации из-за скорого ее окончания, оппозиция все же существовала – составившая, конечно, меньшинство, но решительная и имевшая потенциал роста. В сравнении с первыми месяцами военной эскалации во Вьетнаме движение против войны в Персидском заливе распространялось с необыкновенной скоростью и силой.

В первую неделю военных действий, хотя было ясно, что большинство американцев поддерживали Буша, десятки тысяч граждан по всей стране вышли в знак протеста на улицы городов и поселков. В Афинах (Огайо) более 100 человек были арестованы за драку с группировкой сторонников войны. В Портленде (Мэн) 500 человек устроили демонстрацию с белыми повязками на рукавах или несли белые бумажные кресты с красной надписью «Почему?».

В Университете штата Джорджия 70 протестовавших студентов пришли на ночную демонстрацию, а в легислатуре штата член палаты представителей Синтия Маккиннон произнесла речь, осуждавшую бомбежки Ирака, в результате чего многие законодатели покинули помещение. По-видимому, отношение к подобным выступлениям хотя бы незначительно, но изменилось, так как в 60-х гг. член палаты представителей этого же законодательного собрания Джулиан Бонд был исключен из его состава за критику войны во Вьетнаме. В младших классах средней школе города Ньютон (Массачусетс) 350 учащихся организовали шествие к зданию муниципалитета, чтобы подать мэру петицию с заявлением протеста против операции в Персидском заливе. Очевидно, многие старались примирить свое отношение к войне с сочувствием к солдатам, посланным на Ближний Восток. Один из студенческих лидеров, Карли Бейкер, сказал: «Мы не считаем, что кровопролитие – это правильное решение. Мы поддерживаем войска и гордимся ими, но мы не хотим войны».

В Эйде (Оклахома) во время церемонии, на которой Восточно-Центральный университет штата Оклахома «брал шефство» над двумя частями Национальной гвардии, две молодые женщины тихо сидели наверху бетонных въездных ворот с лозунгами: «Учите миру... не войне». Одна из них, Патриция Биггс, сказала: «Не думаю, что мы должны отправляться туда. Я не считаю, что эта война ведется за справедливость и свободу, по-моему, она связана с экономикой. Крупные нефтяные корпорации имеют непосредственное отношение к событиям в зоне военных действий... За деньги мы рискуем жизнями людей».

Через четыре дня после начала американских воздушных атак 75 тыс. человек (по оценкам полиции Капитолия) устроили демонстрацию в Вашингтоне и собрались на антивоенный митинг перед Белым домом. На юге Калифорнии Рон Ковик обратился к 6-тысячной аудитории, скандировавшей: «Хотим мира!» В Файетвилле (Арканзас) произошло столкновение группы, поддерживавшей военную политику, с членами организации «Граждане Северо-Западного Арканзаса против войны», которые несли покрытый флагом гроб и транспарант «Верните их домой живыми».

Другой ветеран и инвалид вьетнамской войны, преподаватель истории и политологии в Йоркском колледже штата Пенсильвания, Филип Авилло, написал в местной газете: «Да, мы должны поддерживать наших мужчин и женщин, которые служат в армии. Но давайте окажем им помощь, вернув домой, а не одобряя эту варварскую политику насилия». В Солт-Лейк-Сити сотни демонстрантов, многие из которых взяли с собой детей, прошли по главным улицам города, скандируя антивоенные лозунги.

В Вермонте, где недавно избрали в члены Конгресса социалиста Берни Сандерса, более 2 тыс. человек, собравшихся перед зданием, в котором работали власти штата, прервали речь губернатора, а в крупнейшем городе Вермонта Берлингтоне 300 протестующих прошли по

центру города; они просили владельцев магазинов закрыть двери в знак солидарности.

Двадцать шестого января, через девять дней после начала войны, более 150 тыс. человек участвовали в шествии по улицам Вашингтона (округ Колумбия), слушая ораторов, разоблачавших военные действия, среди которых были кинозвезды Сьюзан Сарандон и Тим Роббинс. Одна женщина из Окленда (Калифорния) несла сложенный американский флаг, который был ей вручен, когда ее муж погиб во Вьетнаме; она сказала: «Я на горьком опыте узнала, что в сложенном флаге нет никакой славы».

Профсоюзы в основном поддерживали вьетнамскую войну, но после начала бомбардировок в Персидском заливе 11 из тех, которые входили в состав АФТ – КПП, в том числе и самые влиятельные (например, профсоюзы работников сталелитейной, автомобильной, химической промышленности и профсоюз связистов) выступили против военных действий.

Чернокожая община восприняла налеты ВВС США на Ирак с гораздо меньшим энтузиазмом, чем остальное население страны. Опрос, проведенный в начале февраля 1991 г. «Эй-би-си ньюс» и газетой «Вашингтон пост», показал, что войну поддерживают 84 % белого населения и всего 48 % афроамериканцев.

После месяца военных действий и непрерывных бомбежек, когда Ирак лежал в руинах, Саддам Хусейн сообщил, что уйдет из Кувейта при условии, если Соединенные Штаты прекратят свои атаки. Президент отверг это предложение и на собрании в Нью-Йорке чернокожие лидеры выступили с острой критикой в его адрес, называя войну «аморальной и бездуховной диверсией... вопиющим невыполнением обязательств по отношению к американскому народу».

В Селме (Алабама), где 26 лет назад произошла кровавая расправа полиции с борцами за гражданские права, на митинге по случаю годовщины «кровавого воскресенья» прозвучало требование «вернуть наши войска домой живыми, чтобы сражаться за справедливость в родной стране».

Алекс Молнар, отец 21-летнего морского пехотинца, оказавшегося в Персидском заливе, написал президенту Бушу разгневанное открытое письмо, которое было опубликовано в «Нью-Йорк таймс»: «Где Вы были, мистер президент, когда Ирак убивал собственный народ ядовитыми газами? Почему до недавнего кризиса Вы как ни в чем не бывало вели дела с Саддамом Хусейном, тем самым человеком, которого Вы сейчас называете Гитлером? Это что, американский «образ жизни» – то, как Вы говорите, что мой сын рискует жизнью, борясь за «право» американцев потреблять 25–30 % добываемой в мире нефти? Я собираюсь поддерживать сына и сражающихся вместе с ним солдат, делая все возможное, чтобы протестовать против военных действий Америки в Персидском заливе».

Имели место мужественные выступления отдельных граждан, отстаивавших свои позиции, несмотря на угрозы.

Пег Маллен из Браунсвилла (Техас), мать солдата, убитого «случайной пулей» во Вьетнаме, собрала целый автобус матерей для акции протеста в Вашингтоне, хотя женщину предупредили, что ее дом сожгут, если она будет упорствовать.

Актриса Маргот Киддер, сыгравшая роль Лоис Лейн в фильмах о Супермене, рискуя карьерой, выступала с зажигательными речами против войны.

Баскетболист команды Университета Ситон-Холл в штате Нью-Джерси отказался носить эмблему с изображением американского флага на спортивной форме, а когда над ним стали насмехаться за это, игрок ушел из команды, покинул университет и вернулся на родину, в Италию.

Более трагичное событие произошло, когда ветеран вьетнамской войны устроил в Лос-Анджелесе самосожжение и погиб в знак протеста против военной акции.

В Амхерсте (Массачусетс) молодой человек с картонным пацифистским знаком встал на колени на городской центральной площади, облил себя двумя канистрами горючего, чиркнул двумя спичками и сгорел. Через два часа студенты находящихся рядом университетов собрались на площади на ночной митинг со свечами и поставили на место гибели плакаты, призывавшие к миру. На одном из них было написано: «Прекратите эту безумную войну!»

Для того чтобы, как в годы вьетнамской войны, развилось крупномасштабное антивоенное движение в армии, не было времени. Но нашлись мужчины и женщины, отказывавшиеся повиноваться старшим по званию и участвовать в военных действиях.

Когда в августе 1990 г. первые подразделения войск США были посланы в Саудовскую Аравию, капрал Джефф Паттерсон, 22-летний морской пехотинец, проходивший службу на Гавайях, сел на взлетно-посадочной полосе и отказался подняться на борт самолета, чтобы лететь в эту страну. Он потребовал увольнения из Корпуса морской пехоты: «Я понял, что не может быть оправданных войн... Я начал задумываться о том, что же я, собственно, делаю в морской пехоте, когда начал читать книги по истории. Я стал читать о том, как Америка оказывала поддержку кровавым режимам в Гватемале, шахском Иране и в Сальвадоре... Я возражаю против использования военной силы в отношении любого народа в любой стране и в любое время».

Четырнадцать резервистов Корпуса морской пехоты в Кэмп-Лиджене²⁴⁷ (Северная Каролина) потребовали для себя статуса лиц, отказывающихся от военной службы по убеждениям, несмотря на перспективу предстать перед военным трибуналом за дезертирство. Младший капрал морской пехоты Эрик Ларсен выступил с заявлением: «Я отказываюсь от военной службы в связи с моими убеждениями. Вот мой рюкзак с личным снаряжением. Вот мой противогаз. Мне они больше не нужны. Я больше не морской пехотинец... Для меня неприемлемо сражаться за такой образ жизни, при котором основные человеческие потребности: место для ночлега, горячая еда один раз в день и некоторая медицинская помощь – даже не могут быть обеспечены в столице страны».

Иоланда Хьюэт-Вон, врач, капитан запаса Медицинского корпуса, мать троих маленьких детей и член организации «Врачи за социальную ответственность», была призвана на службу в декабре 1990 г., за месяц до начала войны. Она заявила: «Я отказываюсь подчиняться приказу быть сообщницей в том, что я считаю безнравственным, бесчеловечным и неконституционным актом, а именно в наступательной военной мобилизации на Ближнем Востоке». Иоланда предстала перед военным трибуналом и была приговорена за дезертирство к 2,5 годам тюремного заключения.

Еще одна военнотружущая, Стефани Аткинсон из Мёрфисборо (Иллинойс), отказалась явиться на службу, заявив, что, по ее мнению, Вооруженные силы США находились в Персидском заливе исключительно по экономическим причинам. Вначале она была помещена под домашний арест, затем уволена на основании «недостойного поведения».

Военный врач по имени Харлоу Баллард, проходивший службу в Форт-Девенсе (Массачусетс), отказался выполнять приказ отправиться в Саудовскую Аравию. «Я лучше сяду в тюрьму, чем приму участие в этой военной акции, – сказал он. – Я считаю, что нет такой вещи, как справедливая война».

Более тысячи резервистов объявили, что отказываются от военной службы в связи со своими убеждениями. Одним из них был 23-летний морской пехотинец Роб Калабро. Он заявил: «Отец говорит, что стыдится меня, он кричит, что я его позорю. Но я считаю, что

²⁴⁷ Учебный центр морской пехоты.

убивать людей неправильно с точки зрения нравственности. Я думаю, что лучше послужу родине, если буду верен своей совести, чем если буду жить во лжи».

Во время войны в Персидском заливе быстро сформировалась информационная сеть, сообщавшая то, что замалчивалось официальными СМИ. Во многих городах издавались альтернативные газеты. Было более сотни местных радиостанций, способных охватить только небольшую часть слушателей крупных радиосетей, но являвшихся единственным источником критического анализа военных действий. Изобретательный радиолюбитель Дэвид Барсамян из Боулдера (Колорадо) записал речь, произнесенную в Гарварде Н. Хомским, являвшуюся сокрушительной критикой войны. Затем Д. Барсамян послал кассету на местные радиостанции, которым нужна была точка зрения, отличавшаяся от официальной. После этого двое молодых людей из Нью-Джерси расшифровали это выступление, оформили его в виде памфлета, который было просто ксерокопировать, и распространили по книжным магазинам страны.

После «победоносных» войн всегда следуют периоды отрезвления, когда воинственный пыл рассеивается, граждане оценивают издержки и задумываются над тем, что же они выиграли. В феврале 1991 г. ажиотаж в поддержку военных действий был в разгаре. В то время когда при опросе общественного мнения отвечающим напомнили об огромных издержках, только 17 % респондентов сказали, что война этого не стоит. Через четыре месяца, в июне, аналогичный показатель составил 30 %. В последующие месяцы, по мере ухудшения экономической ситуации, поддержка Буша населением страны резко снизилась. (В 1992 г., когда военный дух испарился, президент потерпел поражение.)

После того как в 1989 г. начался распад советского блока, в США появились разговоры о «мирном дивиденде» – возможности изъять миллиарды долларов из военного бюджета и пустить их на нужды граждан. Война в Персидском заливе стала для правительства удобным поводом прекратить такие разговоры. Один из членов администрации президента сказал: «Мы многим обязаны Саддаму. Он спас нас от мирного дивиденда» («Нью-Йорк таймс», 2 марта 1991 г.)

Но идея такого дивиденда не могла замалчиваться до тех пор, пока американцы нуждались. Вскоре после войны историк М. Янг предупреждала: «США могут уничтожать иракские дороги, но не строить свои; могут создавать условия для возникновения эпидемий в Ираке, но не способны обеспечить услугами здравоохранения миллионы американцев.

Они могут искоренить дискриминацию курдского меньшинства в Ираке, но не в состоянии справиться с внутренними расовыми проблемами; могут оставить без крова людей в других странах, но не способны обеспечить жильем собственных граждан; могут для ведения войны оградить полмиллиона военнослужащих от приема наркотиков, но отказываются финансировать лечение миллионов наркоманов в Америке... Мы проиграем войну после того, как победили в ней».

В 1992 г. ограниченность военной победы стала очевидной в период празднования 500-летия прибытия Колумба в Западное полушарие. Пять столетий назад он и его спутники-конкистадоры истребили коренное население острова Эспаньола. На протяжении четырех последующих веков осуществлялось методичное уничтожение индейских племен правительством США, продвигавшимся по континенту. Но теперь настало время впечатляющей реакции.

Индейцы – коренное население Америки – с 60–70-х гг. XX в. стали явной силой, а в 1992 г. к ним присоединились другие американцы в протесте против празднеств по случаю 500-летнего юбилея. Впервые за все годы, когда США отмечали День Колумба, по всей стране раздались голоса против оказания почестей человеку, который похищал, обращал в рабство, калечил и убивал местное население, встретившее его дарами и дружбой.

Подготовку к 500-летию начали обе спорившие стороны. Официальные комиссии на федеральном уровне и на уровне отдельных штатов были созданы задолго до юбилейного года.

Это заставило коренных американцев предпринять ответные действия. Летом 1990 г. 350 индейцев – представителей всех стран Западного полушария собрались в Кито – столице Эквадора на первую межконтинентальную конференцию коренных народов Северной и Южной Америки, чтобы мобилизовать усилия против прославления завоевания Колумба.

Следующим летом в Дэвисе (Калифорния) более ста индейцев приехали на встречу, послужившую продолжением конференции в Кито. Они объявили 12 октября 1992 г. Международным днем солидарности с коренным населением и решили известить короля Испании, что точные копии трех кораблей Колумба: «Ниньи», «Пинты» и «Санта-Марии» – «не получают от туземцев разрешения бросить якорь в Западном полушарии, если он не принесет извинений за первоначальное вторжение 500 лет назад».

Движение росло. Самая крупная экуменическая организация в США – Национальный совет церквей²⁴⁸, призвал христиан воздержаться от празднования 500-летия открытия Америки Колумбом, заявляя: «То, что несло новую свободу, надежду и возможности для некоторых людей, для других обернулось порабощением, деградацией и геноцидом».

Национальный фонд гуманитарных наук²⁴⁹ финансировал передвижную выставку под названием «Первая встреча», в романтическом виде представлявшей завоевания генуэзца. Когда она открылась во Флориде, в Музее национальной истории, первокурсница Флоридского университета Мишель Даймонд вскарабкалась на борт копии одного из кораблей Колумба с плакатом «Выставка учит расизму». Девушка заявила: «Это проблема всех людей, а не только краснокожих [индейцев]». Она была арестована и обвинена в нарушении владения с причинением вреда, однако демонстрации против выставки продолжались в течение 16 дней.

В начале 1991 г. стала издаваться газета «Индиджинес сот», чтобы наладить связь между участниками всех акций против празднования юбилея высадки Колумба в Америке. В ней публиковались статьи коренных американцев о современной борьбе за землю, украденную у них после подписания договоров.

В Корпус-Кристи (Техас) индейцы и чиканос объединились для протеста против торжеств в этом городе по случаю 500-летия. От имени чиканос выступила Анджелина Мендес: «Народ чиканос, в знак солидарности с нашими индейскими братьями и сестрам, живущими севернее, сегодня объединился с ними, чтобы разоблачить циничное предложение американского правительства устроить инсценировку прибытия испанцев, а именно Кристобаля Колона [Христофора Колумба], к берегам этой земли».

Полемика вокруг этого человека вызвала беспрецедентный взлет образовательной и культурной деятельности. Профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего Дебора Смолл составила экспозицию из 200 картин на деревянных панелях под названием «1492». Она совместила слова из дневника Колумба с увеличенными фрагментами гравюр XVI в., чтобы драматически представить ужасы, которыми сопровождалось появление мореплавателя в Западном полушарии. Обозреватель писал, что «это действительно напоминает нам самым ярким образом, что приход западной цивилизации в Новый Свет не похож на солнечную

²⁴⁸ Речь идет о Национальном совете церквей Христа в США, объединяющем 32 протестантские и православные деноминации и сотрудничающем со Всемирным советом церквей и другими религиозными организациями.

²⁴⁹ Входит в состав независимого федерального ведомства – Национального фонда искусств и гуманитарных наук.

сказку».

Когда президент Буш-старший предпринял нападение на Ирак в 1991 г., заявив, что его цель – положить конец оккупации этой страной Кувейта, группа коренных американцев в Орегоне распространила едкое и ироничное «открытое письмо»:

«Уважаемый президент Буш!

Пожалуйста, помогите нам освободить наш маленький народ от оккупации. Наша земля была занята чужеземными войсками, желавшими захватить наши богатые ресурсы. Они использовали биологическое оружие и обман, убив в процессе завоевания тысячи стариков, детей и женщин. Когда чужеземцы захватили нашу землю, они свергли наших вождей и членов нашего правительства и на их месте учредили собственные системы управления, которые в значительной степени контролируют нашу повседневную жизнь до сих пор. Как Вы сами сказали, оккупация и ниспровержение малой нации... это уж слишком.

С уважением Американский Индеец».

В серии публикаций под названием «Переосмысление школ», представлявшей социально активных школьных учителей по всей стране, вышла 100-страничная книга «Переосмысление Колумба», содержащая статьи, написанные коренными американцами и другими авторами, а также критический обзор детских книг о мореплавателе, список источников для желающих получить о нем дополнительную информацию и иные материалы об акциях, направленных против празднования юбилея. За несколько месяцев было продано 200 тыс. экземпляров книги.

В Портленде (Орегон) учитель по имени Билл Бигелоу, который участвовал в составлении «Переосмысления школ», взял годовой отпуск и в 1992 г. объехал США, проводя семинары для других преподавателей, чтобы они могли говорить о завоевании Колумба правду, которая замалчивалась в традиционных книгах и учебных программах.

Один из учеников Бигелоу обратился к издательству «Аллин энд Бейкон» с критикой выпущенной ими работы по истории «Американский дух»: «Для простоты я выберу одну тему. Как насчет Колумба? Нет, вы не солгали, но, говоря: «Хотя Колумб и его команда испытывали живой интерес к народам Карибского бассейна, они так и не смогли жить с ними в мире», вы представляете все в таком свете, будто адмирал не делал ничего плохого. Однако он и его экипаж не могли мирно жить с местным населением, потому что обращали этих людей в рабство и убили тысячи индейцев за то, что они приносили мало золота».

Другой студент писал: «Мне показалось, что издатели просто состряпали «славную историю», которая должна заставить нас испытывать патриотические чувства к нашей стране... Они хотят, чтобы мы видели нашу страну великой, могучей и вечно правой».

Студентка по имени Ребекка отмечала: «Конечно, авторы книг, вероятно, думают, что это достаточно безобидно – какое значение имеет, кто открыл Америку... Но меня действительно злит то, что они всю жизнь ввали мне об этом, и кто знает, о чем еще».

На Западном побережье была создана группа под названием «Американцы итальянского происхождения против Христофора Колумба». Ее представители заявили: «Когда американцы итальянского происхождения идентифицируют себя с коренным населением... мы, каждый из нас, приблизимся к возможным переменам в мире».

В Лос-Анджелесе учащаяся средней школы Блейк Линдсей предстала перед городским советом, чтобы привести доводы против празднования 500-летней годовщины. Она рассказала о геноциде араваков, но не получила официального ответа. Но, когда Блейк повторила свою историю на ток-шоу, позвонила женщина с Гаити: «Девушка права. У нас не осталось

индейцев. Во время нашего последнего восстания на Гаити народ уничтожил статую Колумба. Пусть у нас будут памятники аборигенам».

По всей стране проходили мероприятия против Колумба, которые не были упомянуты прессой или телевидением. Только в Миннесоте в списке таких акций на 1992 г. значились десятки семинаров, митингов, фильмов, представлений. Двенадцатого октября в Линкольновском центре в Нью-Йорке состоялся спектакль Леонарда Лермана «Новый Свет. Опера о том, что Колумб сделал с индейцами». В Балтиморе прошло мультимедийное шоу, посвященное первооткрывателю Америки. В Бостоне, а затем во время гастролей по стране Театр «Подземной железной дороги» представлял пьесу «Безумства Христофора Колумба», собирая полные залы.

Акции протеста, десятки новых книг по индейской истории, проходившие в Соединенных Штатах дискуссии вызвали необычайную трансформацию в образовательной сфере. На протяжении многих поколений американским школьникам рассказывали про Колумба одну и ту же романтическую, вызывающую восхищение историю. Теперь тысячи учителей начали говорить по-другому.

Все это разгневало защитников традиционной концепции, которые называли подобные акции движением в поддержку «политкорректности» и «мультикультурализма». Им была неприятна критическая трактовка западной экспансии и империализма; эти люди считали такую критику нападка на западную цивилизацию. Уильям Беннетт, министр образования в администрации Рейгана, назвал эту цивилизацию «нашей общей культурой... ее высочайшими идеями и чаяниями».

В широко разрекламированной книге философа А. Блума «Заккрытие американского менталитета» автор ужасался тому, что общественные движения 60-х гг. сделали с образовательным процессом в американских университетах. По его мнению, западная цивилизация была вершиной прогресса человечества, а США – ее лучшим представителем: «История Америки – это непрекращающийся, неумолимый прогресс свободы и равноправия. Начиная с первых поселенцев и первых политических учреждений, свобода и равноправие бесспорно являлись для нас сутью справедливости».

В 70–80-х гг. XX в. инвалиды создали организованное движение, достаточно влиятельное, чтобы заставить Конгресс принять Закон о нетрудоспособных американцах. Это был беспрецедентный законодательный акт, установивший стандарты, позволяющие этим людям обращаться в суд в случае дискриминации и обеспечивающие для них доступ в места, куда они не могли бы попасть вследствие своего положения.

В рамках движения за гражданские права чернокожее население оспаривало претензию Америки на защиту «свободы и равноправия». То же делало и женское движение. А в 1992 г. коренные американцы указывали на преступления западной цивилизации, совершенные против их предков. Аборигены вспоминали общинный дух индейцев, которых встретил и завоевал Колумб; они старались рассказать историю миллионов людей, живших до него, обличая лживость слов гарвардского историка П. Миллера о «продвижении европейской культуры на свободные и дикие земли Америки».

В начале 90-х гг. политическая система США независимо от того, пребывали у власти демократы или республиканцы, оставалась под контролем людей с огромными состояниями. Основные средства информации также находились под властью корпоративного капитала. Страна была разделена – хотя ни один официальный политический лидер не говорил об этом – на классы очень богатых и нищих, между которыми находился незащищенный и подвергающийся опасностям средний класс.

Однако, без сомнения, существовала, хотя и активно замалчивалась, по выражению

одного обеспокоенного официального журналиста, «постоянная оппозиционная культура», которая не отказывалась от возможности создать более равноправное, более гуманное общество. Если и была надежда на будущее Америки, она была заложена в потенциале этой культуры.

Грядущий мятеж блюстителей

Название этой главы – не предсказание, а надежда. И это я постараюсь объяснить. Что касается заголовка этой книги, он не вполне точен; «народная история», с одной стороны, – это обещание, которое не может выполнить ни один человек; с другой – эта история наиболее трудна для передачи. Я все равно назвал книгу так, потому что, при всех ограничениях, она написана без почтения к правительствам, но с уважением к народным движениям сопротивления.

В результате получается предвзятое повествование определенной направленности. Это меня не смущает, потому что горы работ по истории, до сих пор влияющих на всех нас, отражают настолько противоположные взгляды, с таким трепетным почтением относятся к государствам и государственным деятелям и так оскорбляют невниманием народные движения, что нам нужно некоторое противодействие, чтобы избежать полного подчинения.

Все версии американской истории, которые сосредоточены на деятельности отцов-основателей и президентах, подавляют способность простых граждан к действию. Они предлагают нам во время кризиса ждать, чтобы кто-нибудь нас спас. Это относится к революционному кризису и деятельности отцов-основателей; к кризису рабовладельческой системы, из которого страну вывел А. Линкольн; к Великой депрессии и мероприятиям Ф. Д. Рузвельта; к кризису, вызванному войной во Вьетнаме, утергейтским скандалом и приходом к власти Джимми Картера. Кроме того, традиционные трактовки истории США предлагают поверить в то, что между периодически возникавшими кризисами все шло хорошо и нам будет достаточно вернуться к этому нормальному состоянию.

Они учат нас, что высшим гражданским актом является выбор спасителей, когда раз в четыре года мы заходим в кабину для голосования, чтобы избрать одного из двух белых богатых мужчин англосаксонского происхождения, не наделенных яркими личными особенностями и придерживающихся ортодоксальных воззрений.

Представление о спасителях было встроено во всю культуру, а не только в политику. Мы приучены с восхищением смотреть на звезд, лидеров, экспертов в любой области, отрекаясь при этом от собственных сил, принижая свои способности, приглушая собственное «я». Но время от времени американцы отвергают эту идею и восстают против нее.

До сих пор эти бунты сдерживались. Американская система – самая простая система контроля в мировой истории. Когда страна наделена такими огромными природными ресурсами, талантами и рабочей силой, система может позволить себе раздать ровно столько богатств и такому количеству народа, чтобы число недовольных ограничивалось лишь беспокойным меньшинством. Это такое мощное, большое, удовлетворяющее многих граждан государство, что оно может позволить себе дать маленькой группе недовольных свободу выражать свое мнение.

Нет системы контроля, обладающей большим количеством ходов, лазеек, обходных путей, маневров, наград для избранных, выигрышных лотерейных билетов. Нет другой такой системы, которая бы более сложно распределяла элементы контроля через голосование, трудовые отношения, церковь, семью, школу, средства массовой информации, – ни одной, которая бы успешнее успокаивала оппозицию реформами, изолировала одну часть народа от

другой, создавала патриотическую лояльность.

Один процент американцев владеет третью всех богатств США. Оставшаяся же их часть распределяется так, чтобы поссорить между собой 99 % населения: обратить мелких собственников против неимущих, чернокожих против белых, людей, рожденных в Америке, против приезжих, интеллектуалов и высококвалифицированных работников против людей без образования и профессиональных навыков. Эти группы выражали друг другу неприязнь и враждебность настолько самозабвенно, подчас применяя насилие, что не могли понять, что положение их одинаково, а именно: они делят между собой остатки пирога в очень богатой стране.

Учитывая эту реальность – отчаянную, ожесточенную борьбу за ресурсы, ограниченные контролем элиты, – я возьму на себя смелость объединить эти 99 %, назвав их «народом». Я пишу историю, в которой предпринимается попытка показать их отодвинутый на второй план, полузабытый общий интерес. Подчеркнуть единство 99 % граждан страны, заявить о глубоком противоречии их чаяний устремлениям 1 % американцев – значит сделать именно то, чему правительства США и поддерживающая их богатая элита, начиная с отцов-основателей и до наших дней, изо всех сил пытались помешать. Дж. Мэдисон страшился «фракции большинства» и надеялся, что новая Конституция США сможет обуздать ее. Он и его коллеги начали Преамбулу этого документа словами «Мы, народ...», заявляя, что новое правительство защищает интересы каждого, и полагая, что этот миф, принятый как факт, обеспечит «внутреннее спокойствие» в государстве.

Это притворство длилось много поколений, чему способствовали всеобъемлющие вещественные или словесные символы: флаг, патриотизм, демократия, национальный интерес, национальная оборона, национальная безопасность. Лозунги проникали в американскую культуру, подобно тому как появившиеся на равнинах Запада крытые фургоны ставились кругом, откуда пользовавшийся некоторыми привилегиями белые американцы могли стрелять на поражение во внешнего врага: индейцев, чернокожих, иностранцев или других белых, слишком бедных, чтобы получить допуск внутрь этого круга. Организаторы каравана наблюдали за происходившим с безопасного расстояния, а когда бой заканчивался и поле было усеяно трупами с обеих сторон, они захватывали этот участок земли и готовились к следующей экспедиции на другую территорию.

Схема никогда полностью не срабатывала. Революция и Конституция, хотя и представляли собой попытку внести стабильность, обуздав классовую вражду колониального периода, при этом обратив в рабство чернокожих, а также уничтожив или изгнав индейцев, не имели стопроцентного успеха, если судить по восстаниям арендаторов, мятежам рабов, аболиционистской агитации, феминистским волнениям, партизанской войне, которую вели индейцы в годы, предшествовавшие Гражданской войне. После ее окончания сформировалась новая коалиция южной и северной элиты, тогда как на Юге представители низших классов – белые и чернокожие – были вовлечены в расовый конфликт; на Севере враждовали американские рабочие и рабочие-иммигранты, а фермеры расселялись по просторам страны, в то время как капиталистическая система укрепляла свои позиции в промышленности и правительстве. Но началось восстание среди индустриальных рабочих и широкомасштабное оппозиционное движение фермеров.

На рубеже XIX–XX столетий в условиях модернизированной промышленности насильственное усмирение чернокожих и индейцев и использование выборов и войны для поглощения и отвлечения белых мятежников оказались недостаточными, чтобы помешать великому наступлению социализма и массовой борьбе трудящихся, имевших место перед началом Первой мировой войны. Ни эта война, ни относительное процветание в 20-х гг., ни

кажущееся окончательным подавление социалистического движения не смогли предотвратить, когда разразился экономический кризис, возникновения следующего радикального пробуждения, еще одной волны восстаний трудящихся, которые происходили в 30-х гг.

Вторая мировая война создала новое единство, за которым последовала на первый взгляд успешная попытка погасить в атмосфере холодной войны мощный радикальный настрой военных лет. Но затем неожиданно накатила волна 60-х, поднятая людьми, которые считались давно подавленными или оттесненными на задний план: чернокожими, женщинами, индейцами, заключенными, солдатами, – и возник новый радикализм, угрожавший широко распространиться среди населения, разочарованного войной во Вьетнаме и политикой времен «Уотергейта».

Изгнание Р. Никсона, празднование Двухсотлетия²⁵⁰, президентство Картера – все было направлено на реставрацию. Но восстановление старого порядка не могло решить проблем неуверенности и отчуждения, обострившихся в годы правления Рейгана и Дж. Буша-старшего. Избрание в 1992 г. президентом страны Билла Клинтона и связанное с этим расплывчатое обещание перемен не оправдали оптимистических надежд.

В условиях постоянных тревожных симптомов для истеблишмента – этого беспокойного клуба крупных бизнесменов, генералов и политиков – крайне важно поддерживать историческую иллюзию национального единства, согласно которой правительство представляет весь народ, а общий враг находится за морем, а не внутри страны, где экономические или военные бедствия являются всего лишь досадными ошибками либо трагическими случайностями, подлежащими исправлению членами того же клуба, который и породил эти несчастья. Для истеблишмента также важно удостовериться в существовании только искусственного единства самых привилегированных граждан с теми, кто имеет небольшие льготы, тогда как 99 % населения по-прежнему остаются расколотыми бесчисленными способами и вымещают свое недовольство друг на друге.

Как хитро придумано – взимать со среднего класса налог на помощь бедным, добавляя таким образом обиду к унижению! Как ловко – отвозить на автобусе чернокожих подростков из семей малоимущих в бедные белые кварталы в ходе насильственного обмена обнищавшими школами, в то время как учебные заведения для богатых остаются нетронутыми и богатство нации, которое выделяется по капле там, где детям нужно бесплатное молоко, утекает на строительство авианосцев стоимостью в миллиарды долларов. Как изобретательно – удовлетворить требования равноправия со стороны чернокожих и женщин, дав им небольшие специальные привилегии и отправив конкурировать со всеми остальными за рабочие места, нехватка которых существует из-за нерациональной и расточительной системы. Как умно – обратить страх и гнев большинства на класс преступников, число которых из-за экономического неравенства растет быстрее, чем возможности от них избавиться, отвлекая внимание от крупнейших краж национальных ресурсов, осуществляющимися в пределах законности чиновниками, сидящими в кабинетах исполнительной власти.

Но, обладая всеми механизмами контроля: властью и наказанием, искушениями и уступками, диверсиями и приманками, действовавшими на протяжении всей истории страны, истеблишмент не смог оградить себя от восстаний. Каждый раз, когда казалось, что его дело удалось, тот самый народ, который, как думали, был обманут или подавлен, поднимался в протесте. Чернокожие, умасленные решениями Верховного суда и статутами Конгресса, восставали. Женщины, с которыми заигрывали, которых игнорировали, романтизировали и

²⁵⁰ Речь идет о 200-летию США, официально праздновавшемся в День независимости 4 июля 1976 г.

оскорбляли, бунтовали. Индейцы, считавшиеся вымершими, появились вновь. Молодежь, несмотря на приманки карьеры и комфорта, дезертировала. Трудящиеся, хоть и успокоенные реформами, ограниченные в своих действиях законом, сдерживаемые в рамках их собственных профсоюзов, забастовали. Правительственные служащие-интеллектуалы, несмотря на клятву хранить тайну, стали выдавать секреты. Священники отвернулись от благочестия ради протестов.

Вспоминать это – значит напоминать народу о том, что, будь на то воля истеблишмента, он [народ] должен был бы забыть об огромной способности на первый взгляд беспомощных людей к сопротивлению и, казалось бы, довольных людей – к требованию перемен. Открыть такую историю – значит найти мощный гуманитарный импульс для утверждения человечности. Это означает также сохранение, даже во времена глубокого пессимизма, вероятности сюрприза.

Конечно, переоценивать классовое сознание, преувеличивать значение восстаний и их успехи было бы обманчиво. Это не могло бы объяснить тот факт, что весь мир – не только США, но и все остальные страны – все еще находится в руках элит; что народные движения, хотя и проявляют бесконечную способность к повторению, до сих пор терпели поражение, затухали или отклонялись от цели; что «социалистические» революционеры предали социализм, а националистические революции привели к возникновению новых диктатур.

Однако большинство интерпретаций истории недооценивают народные восстания, переоценивают искусство управлять государством и таким образом способствуют распространению среди граждан чувства бессилия. Если внимательно посмотреть на движения сопротивления либо даже на отдельные формы мятежей, мы обнаружим, что классовое сознание или любое иное осознание несправедливости имеет много уровней. Оно выражается по-разному, различным образом обнаруживает себя – открыто или едва заметно, прямо или косвенно. Живя в системе запугивания и контроля, люди не показывают как много они знают и насколько глубоко чувствуют до тех пор, пока их практический разум не скажет, что они могут открыться, не опасаясь уничтожения.

История, хранящая память о народном сопротивлении, предлагает новые определения власти. Традиционно считается, что любой, обладающий военной силой и богатством, руководящий официальной идеологией и контролирующий культуру, имеет власть. По этим представлениям народное сопротивление всегда кажется слишком слабым, чтобы выжить.

Однако неожиданные, даже временные победы инсургентов указывают на уязвимость якобы власть имущих. В высокоразвитом обществе истеблишмент не может существовать без повиновения и лояльности миллионов людей, получающих небольшие вознаграждения за поддержку системы в рабочем состоянии: солдат и полицейских, учителей и священников, администраторов и социальных работников, технического персонала и рабочих на производстве, врачей, юристов, медсестер, работников транспорта и связи, мусорщиков и пожарных. Эти люди, имеющие работу и некоторые привилегии, втянуты в альянс с элитой. Они становятся блюстителями системы, буфером между высшим и низшим классами. Если они перестанут повиноваться, система рухнет.

Я думаю, такое произойдет только тогда, когда все мы, т. е. те, кто имеет небольшие привилегии и слегка недовольны, начнем понимать, что мы подобны блюстителям порядка, которые погибли во время восстания в тюрьме города Аттика; что истеблишмент, какие бы награды нам ни давал, убьет нас, если это будет необходимо для поддержания его контроля.

В настоящее время некоторые обстоятельства могут заявить о себе так громко, что это приведет к исчезновению лояльности по отношению к системе. В атомную эпоху, в новых условиях развития технологии и экономики и ведения войны для блюстителей системы: интеллектуалов, домовладельцев, налогоплательщиков, квалифицированных рабочих,

профессионалов, слуг правительства – становится все труднее сохранить свою неприкосновенность от насилия (физического и психического), обрушивающегося на чернокожих, бедняков, преступников и врагов за рубежом. Интернационализация экономики, перемещение беженцев и нелегальных мигрантов через границы не дают жителям промышленных государств забыть о голоде и болезнях в бедных странах мира.

Все мы стали заложниками в новых условиях приближающей конец света технологии, вышедшей из-под контроля экономики, глобального отравления, несдерживаемой войны. Атомное оружие, невидимая радиация, экономическая анархия не отличают заключенных от блюстителей, а власть имущие не станут разбираться. Вспомним незабываемый ответ высшего командования США на известие о том, что рядом с Нагасаки могут находиться американские военнопленные: «Ранее выбранные цели для операции «Сентерборд» остаются прежними».

Есть свидетельство роста недовольства среди блюстителей. Мы уже давно знаем, что неимущие и те, на чьи нужды не обращалось внимания, не голосовали и были отчуждены от политической системы, которая, как они чувствовали, не заботилась о них и с которой они ничего не могли сделать. Теперь это отчуждение распространилось на семьи, находящиеся выше уровня бедности. Речь идет о белых рабочих, которые не бедны и не богаты, но обозлены экономической неуверенностью в завтрашнем дне, не удовлетворены имеющейся работой, обеспокоены своими соседями, враждебно настроены по отношению к правительству. В этих людях элементы расизма сочетаются с элементами классового сознания, презрение к низшим классам – с недоверием к элите, и, таким образом, они открыты для предложений с любой стороны, как справа, так и слева.

В 20-х гг. прошлого века наблюдалось аналогичное отчуждение в средних классах, которое могло проявиться по-разному. В то время Куклукс-клан насчитывал миллионы членов. Однако в 30-х гг. работа организаций левого толка привела к тому, что чувство недовольства в значительной степени было направлено в русло деятельности профсоюзов, союзов фермеров и социалистических движений. В будущем мы, возможно, увидим, в какую сторону потечет поток недовольства среднего класса.

Сам факт наличия недовольства ясен. С начала 70-х гг. опросы показывают, что 70–80 % американцев не доверяют правительству, бизнесу и военным. Это означает, что недоверие охватило не только чернокожих, бедняков и радикалов. Оно распространилось среди квалифицированных рабочих, «белых воротничков», профессионалов; возможно, впервые в истории нации и низшие, и средние классы – заключенные и блюстители – испытали разочарование в системе.

Есть и другие признаки: высок уровень алкоголизма, разводов (раньше распадался каждый третий брак, теперь – каждый второй), потребления наркотиков и злоупотребления ими, нервных срывов и психических заболеваний. Миллионы людей отчаянно ждут того, что избавило бы их от чувства бессилия, одиночества, безысходности, отчуждения от других людей, от мира, работы, от себя самих. Они исповедуют новые религии, объединяются в различного рода группы самопомощи. Как будто вся нация проходит критическую точку среднего возраста, жизненный кризис сомнения в себе и самопознания.

Все эти процессы происходят в то время, когда средний класс ощущает растущую экономическую неуверенность. Система, в своей иррациональности, из соображений выгоды строит стальные небоскребы для страховых компаний, тогда как города приходят в упадок, расходует миллиарды долларов на оружие массового уничтожения и практически ничего на детские площадки, приносит огромные доходы тем, кто занимается опасными или бесполезными делами, и самую малость – художникам, музыкантам, писателям, артистам. Капитализм никогда не оправдывал надежд низших слоев общества. Теперь он начинает

ухудшать положение и средних классов.

Угроза безработицы, всегда присутствующая в домах бедняков, распространилась на служащих, на профессионалов. Образование, полученное в колледже, больше не является гарантией от безработицы, а у системы, которая не может предложить будущего выходящей из учебных заведений молодежи, возникают большие проблемы. Если такое случается только с детьми неимущих, с этим еще можно справиться: существуют тюрьмы. Если же подобное происходит с выходцами из среднего класса, процесс может выйти из-под контроля. Бедняки привыкли к нужде, у них всегда мало денег, но в последние годы более состоятельные люди также начали чувствовать давление высоких цен и налогов.

В 70-х, 80-х и в начале 90-х гг. наблюдалось пугающе резкое повышение уровня преступности. Это было несложно заметить, находясь в любом большом городе. Существовали контрасты богатства и бедности, собственническая культура, лихорадочная реклама. Имела место ожесточенная экономическая конкуренция, в которой законное насилие государства и легальный грабёж корпораций сопровождалось незаконными преступлениями бедноты. Подавляющее большинство этих правонарушений было связано с воровством. Непропорционально большое число заключенных в американских тюрьмах – это малообразованные цветные бедняки. Половина узников не имели работы в течение месяца до ареста.

Самые распространенные и известные преступления, связанные с насилием, совершаются молодежью и неимущими. Это настоящий террор в больших городах, когда отчаявшийся человек или наркоман нападает на представителей среднего класса или даже на своих братьев-бедняков и грабит их. Общество, настолько разделенное по уровню богатства и степени образования, естественно возбуждает зависть и классовое недовольство.

Основной вопрос нашего времени заключается в том, начнут ли средние классы, до сих пор позволявшие себя убеждать, будто средствами защиты от таких преступлений являются строительство новых тюрем и удлинение сроков заключения, – начнут ли они понимать, просто исходя из неконтролируемого роста преступности, что единственной перспективой является бесконечный цикл преступления и наказания. После этого они сделают вывод, что физическая безопасность работающего горожанина может быть обеспечена, только когда все жители города трудятся. А это потребует трансформации национальных приоритетов и изменения системы.

В последние десятилетия к страху нападения преступника прибавился еще более сильный страх. Смертность от рака повысилась, и ученые-медики не в состоянии найти причину этого. Стало очевидно, что все большая часть таких смертей связана с окружающей средой, загрязненной военными испытаниями и алчностью промышленных предпринимателей. Вода, которую люди пили, воздух, которым они дышали, пыль в зданиях, в которых они работали, – все это многие годы тайно загрязнялось системой, настолько стремившейся к росту и получению прибыли, что безопасность и здоровье людей игнорировались. Появился новый, смертельный бич – вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), особенно быстро распространяющийся среди гомосексуалистов и наркоманов.

В начале 90-х гг. фальшивый социализм советской системы потерпел крах. Американская система, в том числе оторвавшиеся от соперников капитализм, технология и милитаризм, казалось, вышла из-под контроля; правительство отделилось от народа, который оно, по своим заявлениям, представляло. Неконтролируемыми стали преступность, рак и СПИД, цены, налоги, безработица, равно как пришедшие в упадок города и распад семей. Народ, по-видимому, почувствовал все это.

Возможно, в значительной степени общее недоверие к правительству, наблюдающееся в

последние годы, связано с растущим признанием истинности слов летчика бомбардировочной авиации ВВС США Йоссариана в романе «Уловка-22», обращенных к другу, который только что обвинил его в том, будто Йоссариан помогает и поддерживает врага: «Противник – это всякий, кто желает тебе смерти, независимо от того, на чьей он стороне воюет... И не забывай об этом: чем дольше будешь помнить, тем дольше проживешь». Далее в романе говорилось: «Но Клевинджер забыл об этом, и теперь был мертв»²⁵¹.

Представим – впервые в истории страны – перспективу объединения народа для фундаментальных перемен. Обратится ли элита, как часто бывало раньше, к своему последнему оружию – интервенции за рубежом, чтобы соединить в ходе войны народ с истеблишментом? Она попыталась сделать это в 1991 г., начав боевые действия против Ирака. Но, как сказала Джун Джордан, «этот успех подобен действию крэка, а он непродолжителен».

Если элита окажется неспособной решить серьезные экономические проблемы страны или создать за ее пределами предохранительный клапан, чтобы дать выход внутреннему недовольству, американцы могут оказаться готовы потребовать не просто новых полумер, новых реформаторских законов, еще одной перетасовки колоды, еще одного Нового курса, но – радикальных изменений. Давайте на короткое время поверим в утопию, чтобы, когда мы вновь вернемся к реализму, это был не тот «реализм», который так полезен истеблишменту тем, что душит в зародыше попытки действия, и не тот, который основан на определенного рода истории, лишенной сюрприза. Давайте представим, чего потребует от всех нас радикальная перемена.

Рычаги управления обществом будут отняты у тех, кто привел к нынешнему состоянию дел, а именно у гигантских корпораций, военных и сотрудничающих с ними политиков. Нам понадобится с помощью координированных усилий местных групп по всей стране реконструировать экономику, чтобы она стала эффективной и справедливой, организовав на кооперативной основе производство того, в чем люди нуждаются больше всего. Мы начнем с нашего непосредственного окружения, наших городов и рабочих мест. Каждый будет выполнять какую-то работу, в том числе и те, кто в настоящее время исключен из этого процесса: дети, старики, «инвалиды». Общество сможет использовать огромную энергию, которая в настоящее время не востребована, навыки и таланты, ныне остающиеся без применения. Каждый будет затрачивать на рутинный, но необходимый труд лишь несколько часов в день, а основная часть времени останется свободной – для развлечений, творческой деятельности, любви; при этом каждый произведет достаточно для справедливого и щедрого распределения товаров. Некоторых основных благ окажется так много, что их изымут из денежной системы и они станут доступными и бесплатными для всех. Это касается продуктов питания, жилища, здравоохранения, образования, транспорта.

Серьезной проблемой явится то, каким образом следует осуществить все это без централизованной бюрократии, как использовать стимулы не тюрьмы и наказаний, а сотрудничества, основанного на естественных человеческих желаниях, к которому в прошлом прибегали и государство в военное время, и социальные движения, показывавшие людям, как они могли бы вести себя в других условиях. Решения принимались бы на рабочих местах, на локальном уровне небольшими коллективами, т. е. через сеть кооперативов, поддерживающих связь друг с другом, которые установили бы добрососедский социализм, избегающий классовых иерархий капитализма и жестокости диктатур, назвавших себя «социалистическими».

²⁵¹ Хеллер Дж. Уловка-22 / пер. с англ. М., 1967. С. 144.

Со временем люди, живущие дружескими общинами, смогли бы создать новую, диверсифицированную, ненасильственную культуру, в которой возможны все виды личностного и группового самовыражения. Тогда мужчины и женщины, черные и белые, старые и молодые стали бы дорожить своими различиями как положительными качествами, а не превращали бы эти различия в повод для доминирования. Новые ценности сотрудничества и свободы смогли бы проявиться в отношениях между людьми и в воспитании детей.

Чтобы осуществить все это в США в сложных условиях контроля, потребуется объединение энергии всех предыдущих движений в истории Америки – восставших трудящихся, чернокожих бунтовщиков, коренных американцев, женщин, молодежи – с новой энергией разгневанного среднего класса. Людям надо будет сначала изменить свое непосредственное окружение: рабочее место, семью, школу, общину – с помощью ряда акций протеста против не выполняющих свои обязанности властей с требованием передать контроль тем, кто живет и работает на местах.

В этой борьбе придется применить все тактики, которые использовались в прошлом народными движениями: демонстрации, марши, акты гражданского неповиновения; стачки, бойкоты, всеобщие забастовки; прямые действия по перераспределению богатства, преобразованию учреждений и связей; создание – в музыке, литературе, театре, во всех видах искусств и во всех областях труда и отдыха в повседневной жизни – новой культуры справедливого распределения благ, уважения, новой радости от сотрудничества людей, помогающих себе и друг другу.

На этом пути встретится много поражений. Но когда такое движение охватит сотни тысяч населенных пунктов по всей стране, его будет невозможно подавить, поскольку те самые блюстители, от которых система ожидает уничтожения данного движения, окажутся среди восставших. Возникнет новый тип революции, единственный, по моему убеждению, который может произойти в таком государстве, как США. Для этого потребуются огромная энергия, самопожертвование, увлеченность и терпение. Но, поскольку это будет долговременный процесс, который начнется без промедления, люди получат непосредственное удовлетворение, которое всегда находили в дружеских отношениях групп, вместе стремящихся к общей цели.

Все это уводит нас далеко от американской истории, в область воображения, но не отрывает полностью от нее. В прошлом были по крайней мере проблески таких возможностей. В 60–70-х гг. XX в. истеблишмент впервые не сумел добиться национального единства и патриотической лихорадки в годы войны [во Вьетнаме]. Имел место поток культурных изменений, еще невиданный в Америке, – в сексе, семье, личных отношениях – именно в тех областях, которые труднее всего контролировать обычным центрам власти. И никогда раньше не было такого единодушного недоверия к столь большому количеству элементов политической и экономической системы. В каждый период истории люди находили способы помогать друг другу – даже в рамках существования культуры конкуренции и насилия, – хотя бы на короткое время находить радость в работе, борьбе, дружбе, природе.

Нас ждут времена волнений, борьбы, но также вдохновения. Есть шанс, что такому движению удастся сделать то, что никогда не удавалось самой системе – осуществить большие изменения почти без применения насилия. Это возможно, так как чем больше людей, входящих в 99 % населения, начнут воспринимать себя как индивидуумов с одинаковыми потребностями, чем больше блюстителей и заключенных увидят общие интересы, тем изолированнее и неэффективнее будет становиться истеблишмент. Оружие элиты, ее деньги и информационный контроль окажутся бесполезными перед лицом решительно настроенного населения. Слуги системы откажутся поддерживать старый, ужасный порядок и начнут использовать свое время и пространство, которые дала им эта система, чтобы заткнуть рот, для ее демонтажа и в то же

время для создания новой системы.

Как и раньше, узники будут восставать, и в непредсказуемые времена эти бунты станут принимать непредвиденные формы. Новым фактором нашей эры является то, что у блюстителей появился шанс присоединиться к заключенным. Мы, читатели и авторы книг, всегда в основном находились среди первых. Если мы поймем это и начнем действовать соответствующим образом, то не только наша жизнь сразу же станет более наполненной, но и наши внуки или правнуки, возможно, получат в наследство другой, прекрасный мир.

Президентство Клинтона

Восьмилетний президентский срок Билла Клинтона, харизматичного и красноречивого выпускника Йельской школы права, стипендиата Родса²⁵² и бывшего губернатора Арканзаса, начался с надежды, что этот неординарный молодой человек принесет стране то, что обещал, – «перемену». Но после окончания его правления не осталось шансов на то, что оно, как надеялся Клинтон, прославит его в истории как одного из великих президентов Америки.

Последний год пребывания главы государства в Белом доме был отмечен сенсационными скандалами по поводу его частной жизни. Что более важно, президент не оставил после себя смелых нововведений во внутренней политике и не отошел от традиционного националистического внешнеполитического курса. Во внутренних делах Клинтон вновь и вновь вел себя осторожно и консервативно, подписывая законы более угодные Республиканской партии и крупному бизнесу, чем демократам, все еще помнящим смелые программы Ф. Д. Рузвельта. В отношениях с зарубежными странами имели место тщеславные проявления военной бравады и заискивание перед «военно-промышленным комплексом», против чего в свое время предостерегал президент Д. Эйзенхауэр.

Клинтон оба раза победил на выборах с весьма небольшим преимуществом. В 1992 г., когда 45 % потенциальных избирателей не приняли участия в голосовании, он получил только 43 % голосов, Дж. Буш-старший – 38 %, а 19 % избирателей выказали свое недоверие к обеим партиям, поддержав кандидата от третьей партии, Росса Перо. В 1996 г. в выборах не участвовала половина населения, и в этих условиях за Клинтона в его борьбе против ничем не примечательного республиканского кандидата Роберта Доула проголосовали 49 % американцев, пришедших к избирательным урнам.

Наблюдалось явное отсутствие энтузиазма избирателей. На одной наклейке на бампере автомобиля можно было прочесть: «Если бы Бог хотел, чтобы мы голосовали, он дал бы нам кандидатов».

На церемонии по случаю второй инаугурации президент говорил о том, что народ стоит на пороге «нового века, нового тысячелетия». Он сказал далее: «В новом веке нам нужно новое правительство». Но действия Клинтона не соответствовали его риторике.

Случилось так, что инаугурация совпала со всенародным празднованием дня рождения Мартина Лютера Кинга, и президент несколько раз упомянул его имя в своей речи. Однако эти двое представляли очень разные социальные философии.

К 1968 г., перед своей гибелью, Кинг пришел к убеждению, что наша экономическая система в своей основе несправедлива и нуждается в радикальном изменении. Он говорил о «язвах капитализма» и требовал «радикального перераспределения экономической и политической власти».

²⁵² Престижная английская стипендия для учебы в Оксфордском университете.

С другой стороны, так как крупнейшие корпорации оказывали Демократической партии беспрецедентную финансовую помощь, Клинтон недвусмысленно продемонстрировал свое полное доверие к «рыночной системе» и «частному предпринимательству». Во время кампании 1992 г. по выборам президента главный исполнительный директор «Мартин Мариэтта корпорейшн» (имевшей огромные и прибыльные правительственные контракты на производство военной продукции) отметил: «Я думаю, демократы сближаются с бизнесом, а бизнес сближается с демократами».

Мартин Лютер Кинг отреагировал на наращивание военного потенциала так же, как и на войну во Вьетнаме: «Это безумие должно прекратиться». И далее: «...такие бичи человечества, как расизм, экономическая эксплуатация и милитаризм, связаны воедино».

Клинтон охотно вспоминал «мечту» Кинга о расовом равноправии, но не его мечту об обществе, отвергающем насилие. Хотя Советский Союз не представлял больше военной угрозы, президент настаивал на том, что США должны сохранять свои вооруженные силы, распространенные по всему земному шару, готовиться к «двум региональным войнам» и поддерживать военный бюджет на том же уровне, что и в эпоху холодной войны.

Несмотря на высокопарную риторику, Клинтон показал за восемь лет пребывания на посту, что он, как и другие политики, более заинтересован в победе на выборах, чем в социальных изменениях. Чтобы получить больше голосов, Клинтон решил переместить партию ближе к центру. Это значило делать для чернокожих, женщин и трудящихся ровно столько, чтобы не потерять их поддержку, и при этом стараться завоевать симпатии белых консервативных избирателей с помощью программы жестких мер по искоренению преступности, строгого ограничения государственного вспомоществования и поддержки сильной армии.

Находясь на посту, президент следовал этому плану с большой скрупулезностью. Он сделал несколько назначений в свой кабинет, которые указывали на поддержку профсоюзов и программ вспомоществования, а также поставил чернокожего американца, настроенного в пользу трудящихся, во главе НУТО. Но основными назначенцами в министерство финансов и министерство торговли являлись богатые адвокаты корпораций, а чиновники, занимавшиеся внешней политикой: министр обороны, директор ЦРУ, помощник по вопросам национальной безопасности, представляли собой традиционных игроков двухпартийной команды времен холодной войны.

Президент предоставил цветным американцам больше правительственных постов, чем его предшественники-республиканцы. Но если его потенциальные или уже действующие назначенцы проявляли излишнюю смелость, Клинтон быстро отказывался от их услуг.

Министр торговли Рональд Браун (впоследствии погиб в авиакатастрофе) являлся чернокожим корпоративным адвокатом, и президент был им явно доволен. С другой стороны, кандидатуру афроамериканки, ученого-правоведа Лани Гиньер, которая была выдвинута на должность в отдел гражданских прав министерства юстиции, отвергли, когда консерваторы возразили против ее бескомпромиссных позиций по вопросам расового равноправия и представительства избирателей. А когда главный врач государственной службы здравоохранения, чернокожая Джойслин Элдери, сделала спорное заявление о том, что мастурбации следует уделять должное внимание при сексуальном воспитании, Клинтон попросил ее подать в отставку. (Это выглядело особенно забавно, учитывая имевшие место позднее сексуальные похождения президента в Белом доме.)

Клинтон показал такую же робость при назначении в Верховный суд Рут Бейдер Гинсбург и Стивена Брейера, относительно которых был уверен, что эти люди будут достаточно умеренны, чтобы оказаться приемлемыми как для демократов, так и для республиканцев.

Президент не хотел бороться за то, чтобы сильный либерал следовал по стопам Тёргуда Маршалла или Уильяма Бреннана, которые недавно вышли из состава суда.

И Брейер, и Гинсбург являлись сторонниками конституционности смертной казни и поддерживали строгие ограничения на применение хабеас корпус. Оба голосовали вместе с самыми консервативными членами Верховного суда в защиту «конституционного права» организаторов парада в Бостоне в честь Дня святого Патрика исключить гомосексуалистов из числа участников.

Отбирая судей для работы в федеральных судах менее высоких инстанций, Клинтон показал, что выбирает либералов не с большей вероятностью, чем это делал республиканец Джералд Форд в 70-х гг. По данным трехлетнего исследования, опубликованным в журнале «Фордхэм ло ревью» в начале 1996 г., президент принимал решения в пользу «либералов» менее чем в половине случаев. «Нью-Йорк таймс» отметила, что в то время как Р. Рейган и Дж. Буш-старший готовы были бороться за судей, которые бы отражали их философию, «мистер Клинтон, напротив, быстро отказывался от своих кандидатов, если был хотя бы намек на разногласия».

Он стремился показать, что «строг» в делах «закона и порядка». Баллотировавшись на пост президента в 1992 г., будучи еще губернатором Арканзаса, Клинтон слетал туда, чтобы присутствовать на смертной казни умственно отсталого человека. В начале правления, в апреле 1993 г., президент и генеральный прокурор США Дженет Рено одобрили нападение ФБР на группу вооруженных религиозных фанатиков, забаррикадировавшихся в комплексе зданий города Уэйко (Техас). Вместо того чтобы дожидаться решения проблемы путем переговоров, агенты этого ведомства открыли огонь из автоматического оружия, применили танки и газ, в результате чего возник пожар и погибло по меньшей мере 86 мужчин, женщин и детей.

Одним из немногих выживших в этой трагедии был Дэвид Тибодо, который в своей книге «Место под названием Уэйко» дает нам редкое описание изнутри последствий для людей атаки, произведенной по приказу правительства: «Несмотря на то что в тесном цементном помещении, расположенном в подвале жилого высотного дома, находилось более 30 женщин и детей, танк разрушил потолок, и на людей посыпались куски бетона.

Шесть женщин и детей были сразу же раздавлены падающими блоками, остальные задыхались от пыли и газовых паров, так как танк распылил большие дозы газа «Си-эс» непосредственно в их убежище, где не было ни окон, ни вентиляции.

Когда нашли искалеченный труп шестилетней Стар, старшей дочери Дэвида [Дэвид Кореш был главой религиозной секты), то обнаружили, что позвоночник так изогнулся назад, что ее голова почти касалась ног. Мышцы ребенка свело из-за одновременного воздействия жара от пламени и попавшего в организм цианида, который является побочным продуктом отравления газом «Си-эс».

Клинтон и Рено принесли неубедительные извинения в явно необдуманном решении осуществить вооруженное нападение на группу мужчин, женщин и детей. Дж. Рено ранее говорила о том, что дети подвергаются домогательствам, что было совершенно необоснованно, но даже если бы это имело место в действительности, то вряд ли могло оправдать массовую бойню.

Как часто происходит в случаях, когда правительство совершает убийство, уцелевшие жертвы были отданы под суд, причем судья не принял во внимание требование присяжных отказаться от суровых приговоров и вынес решение о тюремном заключении сроком до 40 лет. Профессор Джеймс Файф из Университета Темпл, преподававший уголовное право, сказал: «Чтобы расследовать преступления ФБР, упомянутого ведомства не существует. Чтобы расследовать преступления министерства юстиции, его тоже нет».

Один из приговоренных, Ренос Авраам, заявил: «Предполагается, что в этой стране все подчиняются законам, а не личным чувствам. Когда вы игнорируете закон, вы сеете семена терроризма».

Слова оказались пророческими. Тимоти Маквей, который через несколько лет после трагедии в городе Уэйко был осужден за взрыв бомбы в здании федеральных учреждений в Оклахома-Сити, унесший 168 жизней, посетил это место дважды. Позднее, по письменному показанию агента ФБР, данному им под присягой в присутствии нотариуса, Маквей был «крайне возмущен» действиями правительства в Уэйко.

Подход Клинтона с позиций «закона и порядка» в начале своего первого срока пребывания в Белом доме заставил его подписать закон о сокращении средств на содержание государственных центров, обеспечивавших неимущих заключенных услугами адвокатов. В результате, как писал Боб Герберт в «Нью-Йорк таймс», в Джорджии человек, которому грозила смертная казнь, должен был быть доставлен на судебное разбирательство без защитника.

В 1996 г. президент подписал закон, согласно которому судьям стало труднее контролировать тюремную систему через специальных уполномоченных, обеспечивавших улучшение тяжелых условий жизни заключенных. Он также утвердил новый статут, прекращавший федеральное финансирование юридических услуг в тех случаях, когда адвокаты получали вознаграждение за защиту в суде участников акций, носивших классовый характер (такие процессы имели важное значение для недопущения нарушения гражданских свобод).

Билль о преступности, за который в 1996 г. в Конгрессе проголосовало подавляющее большинство как республиканцев, так и демократов и который Клинтон утвердил с энтузиазмом, представлял собой попытку решить проблему преступности за счет дополнительного внимания наказанию, а не путем профилактики правонарушений. Согласно этому Закону, смертная казнь была распространена еще на целый ряд уголовных преступлений, а на строительство новых исправительных учреждений выделялось 8 млрд. долл.

Все это предпринималось с целью убедить избирателей в том, что политики «жестко борются с преступностью». Но, как писал в «Нью-Йорк таймс» («Жестче – значит тупее») об этом новом Законе криминалист Тодд Клиэр, более суровые приговоры увеличили число узников на 1 млн. человек, в результате чего США заняли первое место в мире по проценту заключенных среди населения страны, и при этом число преступлений, связанных с насилием, продолжало расти. «Почему, – спрашивал автор, – суровые приговоры почти ничего не могут сделать с преступностью?» Прежде всего потому, что «полиция и тюрьмы практически не влияют на источники преступного поведения». Клиэр указал эти источники: «Около 70 % заключенных в штате Нью-Йорк выросли в восьми районах города Нью-Йорка, которые страдают от полной нищеты и отсутствия связей с окружающим миром; они находятся в маргинальном, отчаянном положении. Все это умножает преступления».

Президент Клинтон и его предшественники-республиканцы имели между собой нечто общее. Они старались сохранить власть, направляя гнев граждан против групп, которые не могли защитить себя. По едкому выражению критика общественного строя 20-х гг. Г. Л. Менкена: «Единственная цель практической политики заключается в том, чтобы поддерживать в населении постоянный уровень тревоги с помощью бесконечного ряда пугал, причем все они являются воображаемыми».

Среди таких пугал были и преступники. К ним также относились иммигранты, люди, живущие на «вспомоществование», и правительства ряда государств: Ирака, Северной Кореи, Кубы. Переключая на них внимание, придумывая или преувеличивая их опасность, можно было скрыть упущения американской системы.

Иммигранты являлись удобной мишенью для нападок, так как они не имели права голоса, и поэтому их интересы можно было просто игнорировать. Политики легко играли на ксенофобии, разгоравшейся время от времени в американской истории. Речь идет об антиирландских предубеждениях середины XIX в.; о постоянных актах насилия против китайцев, ввезенных для работы на железных дорогах; о враждебности по отношению к иммигрантам из Восточной и Южной Европы, способствовавшей в 20-х гг. XX в. принятию законов, ограничивавших иммиграцию.

Реформаторский дух 60-х стал причиной снятия части упомянутых ограничений, но в 90-х гг. как демократы, так и республиканцы играли на экономических страхах трудящихся-американцев. Люди теряли работу, так как корпорации увольняли персонал, чтобы сэкономить средства («проводили сокращение»), или перемещали предприятия за пределы страны, туда, где получали больше прибылей. Иммигрантов, особенно многочисленных выходцев из Мексики, пересекавших южную границу США, обвиняли в том, что они отнимали рабочие места у граждан Соединенных Штатов, имели правительственные пособия, вызывали повышение налогов, взимавшихся с американцев.

Обе основные политические партии объединились, чтобы принять закон, впоследствии подписанный Клинтоном, согласно которому социальные пособия (продуктовые талоны, выплаты престарелым и нетрудоспособным) перестали получать не только нелегальные, но и легальные иммигранты. К началу 1997 г. почти 1 млн. последних: малообеспеченных, престарелых или нетрудоспособных – письменно предупредили о том, что через несколько месяцев они лишатся продовольственных талонов и выплат наличными, если эти люди не станут гражданами США.

Почти для полумиллиона легальных иммигрантов сдать экзамены, необходимые для получения гражданства, было практически невозможно – они не умели читать по-английски, были больны или нетрудоспособны либо просто слишком стары, чтобы учиться. Один иммигрант из Португалии, живший в Массачусетсе, сказал репортеру через переводчика: «Каждый день мы боимся, что нам придет письмо-предупреждение. Что мы будем делать, если лишимся наших чеков? Будем голодать. О Господи. Нам и жить-то не стоило».

В начале 90-х гг. ужесточилась борьба с нелегальными иммигрантами из Мексики, спасавшимися от нищеты. Штат пограничной охраны увеличился на тысячи человек. В сообщении от 3 апреля 1997 г. агентства Рейтер из Мехико говорилось об этой политике: «Любое подавление незаконной иммиграции сразу же вызывает гнев мексиканцев, миллионы которых каждый год мигрируют, легально или нелегально, через 2000-мильную границу в США в поисках работы».

Сотни тысяч жителей Центральной Америки, покинувших Гватемалу и Сальвадор из-за «эскадронов смерти», в то время когда Соединенные Штаты предоставляли военную помощь правительствам этих стран, теперь подлежали депортации, так как их не считали «политическими» беженцами. Признать, что мотивы этих людей являются политическими, значило бы подтвердить ложность утверждения США, будто репрессивные режимы предпринимают усилия по защите прав человека и, следовательно, заслуживают продолжения военной поддержки.

В начале 1996 г. Конгресс и президент объединились, чтобы принять Закон о борьбе с терроризмом и применении смертной казни, дававший возможность высылать из США любого иммигранта, когда-либо осужденного за преступление, независимо от давности и серьезности содеянного. Это распространялось и на тех людей, которые имели законное право на постоянное жительство, состояли в браке с американскими гражданами и имели от них детей. «Нью-Йорк таймс» сообщала в июле 1996 г., что «сотни человек, легально долгое время

проживавшие в стране, были арестованы с момента принятия Закона». В этом новом Законе была некоторая иррациональность, поскольку он стал ответной реакцией на взрыв здания федеральных учреждений в Оклахома-Сити, который осуществил американский гражданин Т. Маквей.

Новая правительственная политика по отношению к иммигрантам, далекая от выполнения обещания Клинтона о «новом правительстве в новом веке», являлась откатом к печально известным Законам об иностранцах и подстрекательстве к мятежу (1798) и закону Маккаррэна – Уолтера, принятому в 50-х гг., в эпоху маккартизма. Она мало соответствовала главному требованию, выбитому на пьедестале статуи Свободы: «Отдай мне всех, отринутых тобой – / изгоев, нищих, сломленных судьбой, / усталых, жаждущих расправить грудь – / дай мне плевелы с тучных нив твоих: / раскрыв объятия, я встречаю их, / и светоч мой им озаряет путь»²⁵³.

Летом 1996 г. (вероятно, стремясь получить поддержку избирателей-«центристов» на грядущих выборах), Клинтон подписал закон, положивший конец полученной в период Нового курса гарантии федерального правительства предоставлять финансовую помощь малообеспеченным семьям с детьми-иждивенцами. Это называлось «реформой государственного вспомоществования», а сам закон был лживо озаглавлен: «Примирительный акт 1996 г. о личной ответственности и возможности работы».

Этим решением Клинтон оттолкнул многих либералов, ранее поддерживавших его. Питер Эделман ушел со своего поста в министерстве здравоохранения, образования и социальных служб, резко критикуя президента за действия, говорившие, по мнению Эделмана, о том, что тот сдался правым и республиканцам. Позднее этот человек писал: «Его [Клинтона] целью было переизбрание любой ценой... Его политическим подходом – не рассчитывать риски, а вообще не рисковать... Его склонность ставить химеры выше конкретных фактов повредила детям бедняков».

«Реформа государственного вспомоществования» имела целью заставить работать малообеспеченные семьи (многие из которых состояли из матерей-одиночек с детьми), получавшие денежную помощь от государства; для этого пособия прекращали выдавать через два года, пожизненные выплаты ограничивались пятью годами, а бездетные могли получать продовольственные талоны только в течение трех месяцев в любой трехлетний период времени.

«Лос-Анджелес тайме» сообщала: «Теперь, когда легальные иммигранты потеряли доступ к программе «Медикейд», а семьи бедняков борются против нового пятилетнего ограничения выплаты денежных пособий... эксперты в области здравоохранения предсказывают новую волну туберкулеза и заболеваний, передающихся половым путем». Целью сокращения вспомоществования было сэкономить за 5 лет 50 млрд. долл. (это меньше стоимости планируемого строительства нового поколения истребителей). Даже «Нью-Йорк таймс», газета, поддерживавшая Клинтона во время выборов, подчеркнула, что положения нового закона «не имеют никакого отношения к созданию рабочих мест, но непосредственно направлены на то, чтобы сбалансировать бюджет за счет сокращения программ помощи бедным».

Очевидной, но почти неразрешимой проблемой урезания пособий малоимущим стал вопрос: как заставить их найти работу? Рабочих мест не хватало для тех, кто должен был лишиться помощи. В 1990 г. в городе Нью-Йорке, когда департамент санитарии заявил о наличии 2 тыс. вакансий с зарплатой 23 тыс. долл. в год, на них нашлось 100 тыс. желающих. Через два года в Чикаго 7 тыс. человек пришли, чтобы занять 550 рабочих мест в сети

²⁵³ Фридман и Хайек о свободе / под ред. А. Бабича; пер. с англ. (Washington), 1985.

ресторанов Стоффера. В городе Джолиет (Иллинойс) в Содружество Эдисона в 4.30 утра явилось 200 кандидатов на рабочие места, которые еще не существовали. В начале 1997 г. к отелю «Рузвельт» на Манхэттене в очередь выстроилось 4 тыс. соискателей на 700 вакансий. Было подсчитано: при существовавшем темпе роста числа рабочих мест в Нью-Йорке, притом что на пособия в городе проживало 470 тыс. взрослых, понадобится 24 года, чтобы трудоустроить этих людей.

Что администрация Клинтона твердо отказывалась делать, так это разработать правительственные программы занятости, как было сделано во времена Нового курса, когда израсходовали миллиарды долларов на то, чтобы дать работу нескольким миллионам человек, от строительных рабочих и инженеров до артистов и писателей. «Эпоха большого правительства позади», – заявил Клинтон, когда баллотировался на пост президента в 1996 г., в своей погоне за голосами опираясь на предположение, будто американцы поддерживают убеждение республиканцев, считавших, что правительство тратит слишком много средств.

Обе партии неправильно толковали общественное мнение, и часто этому способствовала пресса. Когда на выборах, состоявшихся в середине 1994 г., только 37 % электората пришло на избирательные участки и чуть больше половины проголосовало за республиканцев, СМИ сообщили об этом как о «революции». Один из заголовков «Нью-Йорк таймс» гласил: «Народ демонстрирует доверие «Великой старой партии»²⁵⁴ в Конгрессе», намекая на то, что американцы поддержали план республиканцев сократить правительство.

Однако в статье под упомянутым заголовком говорилось о том, что опрос общественного мнения, проведенный «Нью-Йорк таймс» и «Си-би-эс ньюс», выявил: 65 % респондентов сказали, что «правительство обязано заботиться о тех, кто не может сам о себе позаботиться».

Клинтон и республиканцы, объединившись против «большого правительства», направили свои действия только против социальных служб. Другие аспекты деятельности такого правительства, а именно огромные контракты с военными подрядчиками и щедрые субсидии корпорациям, продолжали существовать в непомерном масштабе.

В действительности «большое правительство» появилось благодаря отцам-основателям, которые специально создали сильную центральную власть, чтобы защитить интересы держателей облигаций, рабовладельцев, земельных спекулянтов, промышленных предпринимателей. В течение следующих 200 лет американское правительство продолжало служить интересам богатых и могущественных, отдавая миллионы акров свободных земель под строительство железных дорог, устанавливая высокие тарифы, выгодные промышленникам, предоставляя отсрочки по выплатам налогов нефтяным корпорациям и используя вооруженные силы для подавления забастовок и восстаний.

Только в XX в., особенно в 30-х и 60-х гг., когда власти, осаждаемые протестами, опасаясь за стабильность системы, приняли социальные законы помощи бедным, политические лидеры и главы корпораций стали жаловаться на «большое правительство».

Президент Клинтон вновь назначил Алана Гринспена главой Федеральной резервной системы, регулировавшей процентные ставки. Основной задачей Гринспена было избежать «инфляции», которой не хотели держатели облигаций, поскольку это снизило бы их доход. Его финансовая клиентура считала, что более высокая заработная плата трудящихся вызывает рост инфляции, и беспокоилась, что если безработица не будет достаточно высокой, то оплата труда может возрасти.

Администрация Клинтона была одержима снижением годового дефицита для достижения

²⁵⁴ Другое название Республиканской партии.

«сбалансированного бюджета». Но, так как президент не хотел повышать налогообложение богатых или сокращать военные расходы, единственная альтернатива виделась в том, чтобы пожертвовать бедняками, детьми и престарелыми, экономя на здравоохранении, продовольственных талонах, образовании и матерях-одиночках.

Два примера таких решений имели место в начале второго президентского срока Клинтона, весной 1997 г.:

– «Нью-Йорк таймс» от 8 мая 1997 г.: «Основной элемент плана президента Клинтона в сфере образования – предложение потратить 5 млрд. долл. на ремонт по всей стране разваливающихся школ – был среди предложений, тайком зарезанных достигнутым на прошлой неделе соглашением о том, как сбалансировать федеральный бюджет».

– «Бостон глоб» от 22 мая 1997 г.: «После вмешательства Белого дома сенат вчера... отверг предложение... охватить медицинским страхованием 10,5 млн. детей... Семь законодателей изменили свое решение – после того как высокопоставленные чиновники Белого дома... позвонили и сказали, что поправка поставит под угрозу деликатное соглашение о бюджете».

Тревога о сбалансированности бюджета не распространялась на военные расходы. Сразу же после своего первого избрания Клинтон сказал: «Я хочу вновь подтвердить принцип преемственности во внешней политике США».

В период его деятельности на президентском посту администрация продолжала расходовать по меньшей мере 250 млрд. долл. в год на поддержание дееспособности военной машины. Клинтон принял утверждение республиканцев, что, несмотря на распад Советского Союза в 1989 г., страна должна быть готова сражаться в «двух региональных войнах» одновременно. В то время министр обороны в правительстве Дж. Буша-старшего – Дик Чейни сказал: «Угрозы стали настолько отдаленными, что их уже трудно различить». Генерал Колин Пауэлл высказался в таком же духе. Как сообщала газета «Дефенс ньюс» от 8 апреля 1991 г., он заявил: «У меня кончаются демоны. У меня кончаются негодяи. Остались только Кастро и Ким Ир Сен».

Во время избирательной кампании Клинтона обвиняли в том, что он избежал военной службы во время вьетнамской войны якобы в знак протеста против нее, подобно множеству других молодых американцев. Оказавшись в Белом доме, он проявил решимость избавиться от имиджа «уклоняющегося от призыва» и пользовался любой возможностью, чтобы показать себя сторонником военного истеблишмента.

Осенью 1993 г. министр обороны Лес Эспин сообщил о результатах «восходящего рассмотрения» военного бюджета и планах израсходовать более 1 трлн долл. в течение следующих пяти лет. Не предусматривалось почти никакого сокращения основных систем вооружений. Консервативный аналитик Энтони Кордсмен, работавший в Международном центре поддержки ученых Вудро Вильсона, прокомментировал это таким образом: «Не наблюдается радикальных отступлений от политики Буша в определении необходимого минимума военных сил или даже от стратегии США, имевшей место ранее».

Пробыв на посту два года и столкнувшись с перспективой возвращения республиканцев к власти на выборах в Конгресс в 1994 г., Клинтон предложил выделить на оборону еще больше средств, чем предполагалось в «восходящем рассмотрении». Первого декабря 1994 г. в сообщении «Нью-Йорк таймс» из Вашингтона говорилось: «Пытаясь ослабить критику республиканцев, утверждавших, будто вооруженные силы не получают достаточно средств, президент Клинтон сегодня на церемонии в Розовом саду [Белого дома] объявил, что добьется 25-миллиардного повышения военных расходов на следующие шесть лет».

В качестве примера «двух одновременных крупных региональных войн» Пентагон чаще

всего приводил Ирак и Северную Корею. Но война с Ираком в 1991 г. последовала за многократными поставками в 80-х гг. американских вооружений этой стране. И разумно предположить, что крупномасштабная военная помощь Южной Корее и постоянное присутствие там Вооруженных сил США вызвали повышение оборонного бюджета Северной Кореи, который все же был гораздо меньше соответствующих южнокорейских расходов.

Несмотря на эти факты, при президенте Клинтоне Соединенные Штаты продолжали поставлять оружие различным государствам мира. Придя к власти, он утвердил продажу боевых самолетов F-15 Саудовской Аравии и F-16 Тайваню. Тридцатого мая 1994 г. газета «Балтимор сан» писала: «В следующем году США впервые произведут больше военных самолетов для иностранных вооруженных сил, чем для Пентагона. Это еще раз подтверждает, что Америка сменила Советский Союз в роли основного мирового поставщика оружия. Поощряемая администрацией Клинтона, оборонная промышленность в прошлом году осуществила больше экспортных операций, чем когда-либо, продав за границу оружия на 32 млрд. долл., что более чем вдвое превышает аналогичный показатель за 1992 г., составлявший 15 млрд. долл.».

Подобные тенденции сохранялись в течение всего срока пребывания Клинтона у власти. Летом 2000 г. «Нью-Йорк таймс» писала, что в предыдущем году США продали вооружения на сумму более 11 млрд. долл., т. е. треть всего оружия, проданного в мире. Две трети от общего объема проданного оружия приобрели бедные страны. В 1999 г. администрация Клинтона сняла запрет на поставку усовершенствованных вооружений государствам Латинской Америки. «Нью-Йорк таймс» назвала это «победой крупных военных подрядчиков, таких, как корпорации «Локхид – Мартин» и «Макдоннел-Дуглас».

Клинтону, по-видимому, не терпелось показать свою силу. Он не пробыл на посту и шести месяцев, когда послал самолеты ВВС США бомбить Багдад, якобы в отместку за заговор с целью убийства Дж. Буша-старшего во время посещения им Кувейта. Доказательства существования такого заговора были крайне недостоверны, так как исходили от известной своей коррумпированностью кувейтской полиции, и президент не стал ждать результатов суда над обвиняемыми, который, как предполагалось, должен был состояться в Кувейте.

Американские самолеты, под предлогом нанесения удара по «штаб-квартире разведки» в столице Ирака, сбросили бомбы на пригородный квартал, убив по меньшей мере шесть человек, в том числе известную иракскую художницу и ее мужа.

«Бостон глоб» сообщала: «После налета президент Клинтон и другие чиновники хвастались тем, что подорвали разведывательные силы Ирака и послали недвусмысленное предупреждение лидеру страны Саддаму Хусейну, призывая его лучше себя вести». Позднее оказалось, что иракская разведка почти не пострадала, и «Нью-Йорк таймс» прокомментировала это следующим образом: «Широковещательное заявление мистера Клинтона напомнило утверждения президента Буша и генерала Нормана Шварцкопфа во время войны в Персидском заливе, которые, как потом оказалось, не соответствовали действительности».

Демократы объединились в поддержку бомбардировки, и «Бостон глоб», ссылаясь на использование статьи 51 Устава ООН как юридического оправдания налета, писала, что это «с дипломатической точки зрения было правильным предложением... То, что Клинтон сослался на Устав ООН, передало желание Америки соблюдать международное право».

В действительности указанная статья допускает односторонние военные действия только при защите от вооруженного нападения, и только когда нет возможности созвать Совет Безопасности. Ни один из этих факторов не имел места при бомбардировке Багдада.

Обозреватель Молли Ивине предположила, что эта акция с целью «послать

недвусмысленное предупреждение» подходит под определение терроризма. «Самое отвратительное в террористах – это то, что они в своих актах мести или попытках привлечь внимание, или как это у них называется... не разбирают, на кого направлено насилие... То, что верно для отдельных людей... должно быть верно и для стран».

Бомбардировка Багдада показала, что Клинтон, столкнувшись с несколькими внешнеполитическими кризисами за два срока своего пребывания у власти, был склонен реагировать на них традиционным образом, обычно с применением военной силы, ссылаясь на гуманитарные мотивы, и часто это влекло за собой бедственные последствия для населения как зарубежных государств, так и США.

В Сомали (Восточная Африка) в июне 1993 г., когда страна была охвачена гражданской войной и народ голодал, вмешательство Соединенных Штатов было запоздалым и неуместным. Как писал журналист Скотт Петерсон в книге «Я против моего брата: на войне в Сомали, Судане и Руанде»: «Американские и другие иностранные военные силы в Сомали совершили ужасные зверства, прикрываясь флагом ООН».

Администрация Клинтона сделала ошибку, вмешавшись во внутренний конфликт между руководителями местных военных группировок. Она решила обезвредить самого крупного из них, генерала Мохаммеда Айдида, в ходе военной операции, закончившейся в октябре 1993 г. гибелью 19 американцев и около 2 тыс. сомалийцев.

Внимание общественности США было, как обычно, сосредоточено на гибели граждан Соединенных Штатов (представленной в романтическом свете в фильме «Падение Черного Ястреба»), Жизням местного населения придавалось гораздо меньше значения. С. Петерсон писал: «Американские и ооновские чиновники дали понять, что количество погибших сомалийцев их не интересовало, и они их не считали».

В действительности убийству американских рейнджеров разъяренной толпой предшествовало принятое за несколько месяцев до этого решение Соединенных Штатов атаковать здание, в котором собирались старейшины племен. Операция была проведена с особой жестокостью. Сначала боевые вертолеты «Кобра» пустили противотанковые ракеты. «Несколько минут спустя, – сообщал С. Петерсон, – американская пехота ворвалась в помещение и стала добивать оставшихся, но это обвинение командование США отрицает». Однако выживший после налета человек сообщил журналисту: «Если они [солдаты] слышали, что кто-то кричит, его убивали».

Генерал Томас Монтгомери назвал атаку «законной», потому что «все они были плохими парнями». Адмирал Джонатан Хоу, представлявший операцию под эгидой ООН (США настояли на том, что этим должен был руководить американец), подчеркивал целесообразность штурма, утверждая, будто здание являлось «главным штабом террористов», и отрицая, что погибли гражданские лица, хотя было ясно, что убитыми оказались старейшины племен. Утверждалось, что на месте боевых действий позднее были обнаружены «тактические радиоточки», но С. Петерсон писал: «Я никогда не слышал и не видел никаких доказательств того, что эта атака даже отдаленно соответствовала хотя бы одному из критериев «прямого» военного преимущества».

Он дал следующий комментарий: «Хотя у всех нас есть глаза и все мы были свидетелями преступления, командиры миссии защищали то, что невозможно защитить, и упрямо цеплялись за иллюзию, полагая, будто продолжение войны способно каким-то образом принести мир. Они думали, что сомалийцы забудут бойню, забудут пролитую кровь их отцов и братьев».

Местные жители не забыли, и одним из последствий стало истребление американских рейнджеров в октябре 1993 г.

Катастрофическая политика в Сомали привела в следующем году к операции в Руанде, где

игнорировались голод и смертельная вражда между племенами. В этой стране присутствовали силы ООН, которые могли бы спасти десятки тысяч жизней, но США настояли, чтобы эти войска были сокращены до минимума. В результате имел место геноцид – погиб по меньшей мере 1 млн. жителей Руанды. Как писал в «Нью-Йорк таймс» консультант Фонда Форда по Африке Ричард Хипс: «Администрация Клинтона возглавила противников проведения интернациональной акции».

Когда некоторое время спустя американское правительство ввело военные силы в Боснию, журналист С. Петерсон, который к этому времени приехал на Балканы, отметил различие в реакции на геноцид в Африке и Европе. Он сказал, что все было «так, как будто где-то приняли решение, что Африка и африканцы недостойны справедливости».

Внешняя политика Клинтона сохранила очень многое из традиционного двухпартийного приоритета, который сводился к поддержанию дружеских связей с любыми правительствами, находящимися у власти, и развитию с ними выгодных торговых отношений, какова бы ни была репутация руководителей государства в том, что касается защиты прав человека. Поэтому продолжалась помощь Индонезии, несмотря на известный факт массового истребления людей (около 200 тыс. убитых при населении 700 тыс. человек) во время захвата и оккупации Восточного Тимора.

Демократы и республиканцы объединились, когда сенат отверг предложение запретить продажу оружия массового уничтожения индонезийскому режиму Сухарто. «Бостон глоб» писала 11 июля 1994 г.: «Аргументы, выдвинутые сенаторами, поддерживающими режим Сухарто, а также подрядчиками, выполнявшими оборонные заказы, нефтяными компаниями и горнодобывающими концернами, занимающимися бизнесом с Джакартой, выставили американцев как людей, готовых допустить геноцид ради коммерции. Государственный секретарь Уоррен Кристофер... высказал слишком знакомое утверждение, будто ситуация с соблюдением в Индонезии прав человека улучшается. Так администрация Клинтона оправдывала тот факт, что она продолжала как ни в чем не бывало иметь дело с Сухарто и его генералами».

В 1996 г. Нобелевская премия мира была присуждена Хосе Рамос-Орте из Восточного Тимора. Незадолго до объявления его лауреатом, выступая в церкви в Бруклине этот человек сказал: «Летом 1977 г. я был в Нью-Йорке и получил известие о том, что одна из моих сестер, 21-летняя Мария, погибла при авиационной бомбежке. Самолет под названием «Бронко» был поставлен Соединенными Штатами... Через несколько месяцев я узнал, что мой 17-летний брат Гай убит, как и многие другие жители его деревни, вертолетами «Белл» производства США. В том же году еще один брат, Нуно, был взят в плен и расстрелян из винтовки М-16 [американского производства]».

Американские вертолеты «Сикорски» уничтожали в Турции деревни восставших курдов во время «кампании террора против курдского народа», по выражению Джона Тирмена – автора книги «Военные трофеи: цена для человечества торговли оружием».

К началу 1997 г. США продавали за границу больше оружия, чем все остальные страны вместе взятые. Лоуренс Корб, чиновник министерства обороны в годы президентства Р. Рейгана, позднее выступавший с критикой такой торговли, писал: «Это стало игрой на деньги: абсурдной гонкой по спирали, в которой мы экспортируем оружие, только чтобы разрабатывать еще более совершенные образцы, которые можно будет применять против уже распространившихся по всему миру видов».

Наконец, в последний год правления Клинтона, когда в результате массового сопротивления в Восточном Тиморе состоялся референдум по вопросу о независимости, военная помощь прекратилась, и режим Сухарто пал. В конце концов эта территория, казалось,

завоевала свободу.

Однако военная мощь продолжала управлять политикой, и США часто оказывались единственной страной, отказывающейся сократить вооружения. Несмотря на то что 100 государств подписали соглашение о запрете сухопутных мин, от которых каждый год погибали десятки тысяч человек, Соединенные Штаты отказались последовать примеру этих стран. Хотя Международный Красный Крест призвал правительства прекратить использование кассетных бомб (выбрасывающих тысячи мелких шариков, которые убивают всех вокруг), США, использовавшие их во Вьетнаме и во время войны в Персидском заливе, не повиновались.

На конференции ООН в Риме в 1999 г. Соединенные Штаты выступили против создания постоянного международного суда по военным преступлениям. Америка боялась, что ее государственные чиновники и военные лидеры, которые, как Генри Киссинджер, несли ответственность за политику, приводящую к гибели большого количества людей, могут предстать перед этим судом.

Во внешней политике США приоритетом была прибыль от бизнеса, а не права человека. Когда международная правозащитная группа «Хьюмен райтс уотч» выпустила годовой отчет за 1996 г., «Нью-Йорк таймс» от 5 декабря 1996 г. коротко выразила его выводы так: «Организация подвергла суровой критике многие сильные державы, особенно США, обвиняя их в том, что они из страха потерять доступ на выгодные рынки не побуждают правительства Китая, Индонезии, Мексики, Нигерии и Саудовской Аравии улучшить соблюдение прав человека».

Эта критика была вызвана странным подходом администрации Клинтона к двум странам, называющим себя «коммунистическими», – Китаю и Кубе. В первой имело место кровавое подавление студенческой демонстрации протеста в Пекине в 1991 г.; диссиденты попали в тюрьму. Но США продолжали предоставлять Китаю экономическую помощь и определенные торговые привилегии (режим «наибольшего благоприятствования») ради интересов американского бизнеса.

На Кубе критиков правящего режима сажали в тюрьму, но не было кровавого подавления актов протеста, которые устраивали правительства коммунистического Китая и других государств, получавших помощь от американцев. Однако администрация Клинтона продолжала и даже усилила блокаду острова, лишая его население продуктов питания и лекарств.

В отношениях с Россией правительство США руководствовалось скорее заботой о «стабильности», чем о нравственности. Оно настаивало на постоянной поддержке режима Ельцина, даже после начала жестокого вторжения России в Чечню и бомбежек этого отдаленного региона, потребовавшего предоставления ему независимости.

И Клинтон, и Ельцин в связи со смертью Ричарда Никсона выразили восхищение этим человеком, который продолжил войну во Вьетнаме, нарушил президентскую присягу и избежал уголовного обвинения только потому, что был помилован своим вице-президентом. Ельцин назвал Никсона «одним из величайших политиков мира», а Клинтон сказал, что он на протяжении всей своей карьеры «оставался горячим сторонником свободы и демократии во всем мире».

Внешнеэкономическая политика президента велась традиционно. Обе ведущие партии больше заботились о корпоративных интересах, чем о правах трудящихся, в США или за рубежом, и воспринимали помощь другим странам скорее как политическое и экономическое орудие, нежели как гуманитарный акт.

В ноябре 1993 г. информационное агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило о прекращении экономической поддержки 35 государствам. Администратор Агентства международного развития Дж. Брайан Этвуд объяснил: «Нам больше не нужна программа

Агентства, чтобы приобретать влияние».

Гуманитарная организация «Хлеб для мира» сообщила, что большинство сокращений нанесет ущерб беднейшим странам, и с некоторой горечью добавила, что голод, бедность и деградация окружающей среды не являются приоритетами для администрации Клинтона.

Всемирный банк и Международный валютный фонд, в которых доминируют США, выбрали жесткий банкирский подход к страдающим под бременем долгов государствам Третьего мира. Эти организации настояли на том, чтобы бедные страны выделяли значительную часть своих скудных ресурсов на возврат ссуд, взятых у богатых государств-кредиторов, ценой урезания расходов на социальные службы, работающие с населением, которое находится в отчаянном положении.

Во внешнеэкономической политике особое внимание уделялось «рыночной экономике» и «приватизации». Это заставило граждан государств бывшего советского блока бороться за существование в условиях так называемой «свободной» экономики, без социальных льгот, которые они получали при прежних якобы неэффективных и репрессивных режимах. Нерегулируемый рыночный капитализм оказался бедствием для жителей СССР, которые увидели, что одиночки сколотили огромные состояния, а народные массы терпят лишения.

Лозунг «свободной торговли» стал важной целью для администрации Клинтона, и при поддержке как республиканцев, так и демократов Конгресс ввел в действие Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)²⁵⁵ с Мексикой. Оно устранило препятствия для свободного передвижения корпоративного капитала и товаров через американо-мексиканскую границу.

По вопросу воздействия НАФТА имели место непримиримые разногласия. Некоторые экономисты утверждали, что это Соглашение принесет пользу экономике США, открыв для американских товаров более широкий мексиканский рынок. Оппоненты, в том числе крупнейшие профсоюзы, считали, что трудящиеся Соединенных Штатов потеряют рабочие места, так как корпорации переведут свои предприятия за границу, чтобы нанимать в Мексике дешевую рабочую силу.

Рассматривая в начале 1995 г. результаты Соглашения после года его действия, два экономиста из Института политических исследований обнаружили, что в США потеряно 10 тыс. рабочих мест. Хотя в Мексике большее количество тружеников работали в американских корпорациях, которые перевели туда свои производства, они получали низкую зарплату с «недостаточным соблюдением прав трудящихся и стандартов в сфере охраны окружающей среды».

Претензия американцев на поддержку «свободной торговли» вряд ли была достойна доверия, поскольку правительство препятствовало коммерции, когда она не служила «национальным интересам» – эвфемизм, означающий интерес корпораций. Например, администрация предприняла большие усилия, чтобы помешать мексиканским производителям томатов проникнуть на американский рынок.

Еще более вопиющим нарушением принципа свободной торговли был запрет, наложенный США на поставки продуктов питания или медикаментов в Ирак либо на Кубу. В 1996 г. в телевизионной программе «60 минут» представителя США в ООН Мадлен Олбрайт спросили о сообщении, согласно которому «полмиллиона детей умерло в результате санкций против Ирака... Это превышает число детей, погибших в Хиросиме... Не слишком ли высока

---

²⁵⁵ НАФТА – аббр. от North American Free Trade Agreement (англ.). Соглашение подписали США, Мексика и Канада в 1993 г.

цена?». Олбрайт ответила: «Я думаю, это очень тяжелый выбор, но мы считаем, что цена не слишком высока, дело стоит того».

Казалось, американское правительство не признавало, что его карательная внешняя политика, строительство военных сооружений по всему миру способны вызвать гнев у жителей иностранных государств, который мог перейти в насилие. Если это случалось, тогда единственной реакцией Соединенных Штатов было отвечать тоже насилием.

Например, когда в 1998 г. взорвали посольства США в Кении и Танзании, администрация Клинтона в отместку бомбила цели в Афганистане и Судане. Она объяснила это тем, что в Афганистане мишенью стала база террористов, хотя для этого не было доказательств. Что касается Судана, то Соединенные Штаты настаивали на том, будто был разгромлен завод по производству химического оружия, но оказалось, что это предприятие изготавливало лекарства для половины населения страны. Гуманитарные последствия от такой потери не поддаются исчислению.

В том же году Клинтон столкнулся с величайшим кризисом за период своего президентства. Народ узнал, что молодая правительственная служащая Моника Левински тайно посещала Белый дом, поддерживая сексуальные отношения с президентом. Это стало сенсацией, месяцами занимающей первые полосы газет. Для расследования был назначен независимый прокурор, который потребовал у этой женщины (ее выдала подруга, записавшая их разговоры) непристойно подробных показаний о сексуальных отношениях с Клинтоном.

Президент солгал относительно своей связи с Левински, и палата представителей проголосовала за импичмент на том основании, что он сказал неправду, отрицая «сексуальные отношения» с молодой женщиной, и препятствовал правосудию, пытаясь скрыть информацию об этих отношениях. Лишь второй раз в истории США президент подвергся импичменту, но опять, так же как в случае с Эндрю Джонсоном после Гражданской войны, импичмент не повлек за собой окончания президентского срока Клинтона, поскольку сенат не проголосовал за его отстранение от должности.

Данный инцидент показал, что вопрос личного поведения может отвлечь внимание общественности от гораздо более серьезных вопросов, даже тех, которые касались жизни и смерти. Палата представителей могла выступить за импичмент по причине сексуального поведения президента, но не в связи с тем, что Клинтон подверг опасности жизни детей в результате реформы государственного вспомоществования, или нарушил международное право, отдав распоряжение о бомбежке других стран (Иран, Афганистан, Судан), или способствовал гибели сотен тысяч детей в результате экономических санкций (Ирак).

В 1999 г., в последний год пребывания Клинтона у власти, на Балканах разразился кризис, еще раз показавший, что правительство США скорее склонно использовать силу, чем дипломатию, в решении вопросов международного значения. Возникшая проблема была связана с распадом десять лет назад Республики Югославии и последовавшими конфликтами между разделившимися частями ранее единой страны.

Одной из таких частей была Босния и Герцеговина, где хорваты истребляли сербов, а сербы убивали хорватов и мусульман. После вероломного нападения сербов на город Сребреница США бомбили сербские позиции, а затем, в 1995 г., в результате переговоров в столице Норвегии – Осло бои прекратились, и Босния и Герцеговина разделилась на хорватскую и сербскую часть.

Но заключенное в Осло соглашение не решило проблемы еще одной части бывшей Югославии – провинции Косово, где большинство населения составляли албанцы, а меньшинство – сербы, и большинство требовало независимости от Сербии. Сербский президент Слободан Милошевич показал свою жестокость ранее в Боснии, а теперь, столкнувшись с

нападением вооруженных косовских националистов, атаковал провинцию, убив около 2 тыс. человек и превратив несколько сот тысяч человек в беженцев.

Международная встреча, состоявшаяся в Рамбуйе (Франция), была призвана решить проблему дипломатическим путем. Но Югославии были выдвинуты условия, которые, несомненно, должны были быть отвергнуты: контроль НАТО над всем Косовом и военная оккупация остальной Югославии силами Североатлантического альянса. Двадцать третьего марта 1999 г. Национальное собрание Республики Сербии ответило встречным предложением, отвергнув оккупацию войсками НАТО и призвав к переговорам, которые привели бы «к достижению политического соглашения о широкой автономии Косова».

Предложение Сербии проигнорировали, и о нем не сообщалось в крупнейших американских газетах. На следующий день войска НАТО (т. е. в основном силы США) начали бомбить Югославию. Утверждалось, что это должно было прекратить «этническую чистку» в Косове, а именно положить конец убийствам и запугиванию албанцев, из-за чего они вынуждены бежать из провинции. Но через две недели после начала бомбардировок, 5 апреля 1999 г., «Нью-Йорк таймс» сообщила, что с 24 марта «более 350 тыс. человек покинуло Косово». Два месяца спустя бомбежки еще продолжались, а число беженцев превысило 800 тыс. человек.

Бомбардировка Югославии, в том числе столицы – Белграда, предпринятая, вероятно, с целью смещения С. Милошевича, повлекла за собой огромное количество жертв среди гражданского населения, которое не сообщается. В США пришло электронное письмо от преподавателя Университета города Нис. В нем говорилось: «Вчера ночью произошел полномасштабный налет на городок Алексинац, находящийся в 20 милях от моего родного города. Бомбы попали в местную больницу, и целая улица была просто стерта с лица земли. Я точно знаю, что 6 мирных жителей погибли и более 50 получили тяжелые ранения. Вокруг не было никаких военных объектов».

Репортер «Нью-Йорк таймс» Стивен Эрлангер описал «груды развалин поперек узкой улицы Змай Йовина, где во вторник погиб 37-летний Александр Милич. Жена Милича, Весна, 35 лет, также была убита. И его мать, и двое его детей, Миляна 15 лет, и Владимир 11 лет, – все погибли в полдень, когда натовская бомба по ошибке попала в их новый дом, уничтожив его и погреб, где эти люди укрывались».

Когда 3 июня 1999 г. наконец удалось подписать мирное соглашение, оно стало компромиссом между договоренностями в Рамбуйе, отвергнутыми Югославией, и предложением сербского Национального собрания, которое так и не было всерьез рассмотрено. Н. Хомский в своей книге «Новый военный гуманизм» подробно исследовал события той весны и сделал следующий вывод: «Результат, достигнутый 3 июня, указывает на то, что 23 марта можно было бы продолжать дипломатическую работу и таким образом предотвратить ужасную человеческую трагедию».

Однако, по-видимому, президент Клинтон, как и многие его предшественники (Г. Трумэн в Корее, Л. Джонсон во Вьетнаме, Дж. Буш-старший в Персидском заливе), выбирал военные решения, когда было возможно использование дипломатии.

Милитаризация страны: огромные военные бюджеты, сохранение присутствия Вооруженных сил США во всем мире, систематическое применение оружия против других стран – означала, что ресурсы, которые можно пустить на нужды людей, на самом деле недоступны. В одной из самых вдохновенных речей президент Дуайт Эйзенхауэр сказал: «Каждое произведенное ружье, каждый спущенный на воду военный корабль, каждая запущенная ракета в итоге означают кражу у тех, кто голоден и не может насытиться, кто замерзает и не одет».

Экономическая программа Клинтона, вначале разрекламированная как программа создания рабочих мест, вскоре изменила направление и сосредоточилась на сокращении бюджетного дефицита, который при Рейгане и Буше-старшем составил национальный долг в размере 4 трлн долл. Но такой приоритет означал, что не будет больше смелой программы ассигнований на всеобщее здравоохранение, образование, детские учреждения, предоставление жилья, охрану окружающей среды, развитие искусства или создание новых рабочих мест.

Предпринятые президентом незначительные меры не могли удовлетворить нужд страны, в которой четверть детей жила в бедности, где на улицах каждого крупного города ютились бездомные, где женщины не могли искать работу из-за недостатка детских садов, где воздух и вода опасно загрязнены.

США были богатейшей страной в мире, которая имея 5 % населения Земли, все еще потребляла 30 % всей мировой продукции. Но лишь крошечная часть американцев пользовалась этим; с конца 70-х гг. XX в. состояние 1 % самых богатых жителей Соединенных Штатов непомерно увеличилось. В результате изменения налоговой структуры к 1995 г. этот 1 % граждан получил свыше 1 трлн долл. и владел более чем 40 % богатств нации.

Согласно деловому журналу «Форбс мэгэзин», 400 богатейших семей в 1982 г. имели 92 млрд. долл., а 13 лет спустя эта цифра резко поднялась до 480 млрд. В 90-х гг. богатство 500 корпораций по индексу фирмы «Стэндрд энд Пур»²⁵⁶ возросло на 335 %. Средняя стоимость акций по индексу Доу-Джонса поднялась в период с 1980 по 1995 г. на 400 %, в то время как покупательная способность среднего заработка трудящихся упала на 15 %.

Таким образом, можно сказать, что экономика США была «здоровой», только если рассматривать богатейшую часть населения. Между тем 40 млн. человек жили без медицинской страховки (это число в 90-х гг. возросло на 33 %), а процент маленьких детей, умиравших от болезней и недоедания, превысил аналогичный показатель для любой другой промышленно развитой страны. Военным предоставлялось практически неограниченное финансирование, но тем, кто работал в сфере жизненно важных услуг – в здравоохранении и образовании, – приходилось бороться лишь за выживание.

Двадцатисемилетняя Ким Ли Джекобсон, давшая интервью «Бостон глоб», послужила яркой иллюстрацией искажения национальных приоритетов. Она получила звание «Лучший в Америке воспитатель детского сада 1999 г.», но сказала: «В этом году я получаю максимальную зарплату, 20 тыс. долл. в год, и это после пяти лет работы. Отложить ничего не удастся. Я не из-за денег поступила на работу, так что не ожидаю особенно большого заработка».

По данным Бюро трудовой статистики при федеральном Бюро переписи населения, в 1998 г. каждый третий трудящийся в США получал такое жалованье, что находился не выше, а подчас и ниже федерального уровня бедности. Писательница Барбара Эренрайх, целый год проработавшая на различных рабочих местах: уборщицей, официанткой, рабочей на фабрике, писала в своей книге «За мелкую монету», что те, кто занимался такого рода трудом, не могли позволить себе жилье или медицинское обслуживание, или даже нормальное питание.

Статистика, касавшаяся цветного населения, выглядела особенно тревожно. Чернокожие дети умирали вдвое чаще, чем их белые сверстники, а средняя продолжительность жизни афроамериканца в Гарлеме, по докладу ООН, составляла 46 лет, т. е. меньше, чем в Камбодже или Судане.

Это несоответствие некоторые объясняли расовой неполноценностью или «генетическим»

²⁵⁶ Речь идет об одном из важнейших фондовых индексов, охватывающем 80 % стоимости ценных бумаг, которые имеют котировки на Нью-Йоркской фондовой бирже.

недостатком. Но ясно, что для миллионов американцев, белых или чернокожих, сам факт воспитания в ужасной окружающей среде, независимо от их природных способностей, являлся непреодолимой помехой для развития.

Исследование Фонда Карнеги показало, что двух подростков с одинаковыми результатами тестов на интеллект (даже если принять во внимание сомнительную ценность подобных тестов для детей, воспитанных в разных обстоятельствах) ждало весьма различное будущее в зависимости от того, кем являлись их родители. Ребенок адвоката, даже если результаты тестирования его умственного развития одинаковы с аналогичными показателями ребенка швейцара, поступит в колледж с вероятностью в 4 раза большей, окончит его с 12-кратной вероятностью, а его шансы оказаться среди 10 % американцев с наибольшим доходом выше в 27 раз.

Чтобы изменить ситуацию и добиться хотя бы приблизительного равенства возможностей, потребовалось бы резкое перераспределение богатств, огромные ассигнования на создание рабочих мест, здравоохранение, образование и охрану окружающей среды.

Вместо этого Соединенные Штаты бросили свой народ на милость «свободного рынка», намеренно или ненамеренно забывая о катастрофических последствиях аналогичной политики, проводившейся в 20-х гг. XX столетия. «Рынок» не заботился об окружающей среде или об искусствах. Он оставил многих американцев без средств к существованию, в том числе без нормального жилья. При президенте Рейгане правительство снизило число субсидируемых жилищных единиц с 400 тыс. до 40 тыс.; при администрации Клинтона программа была полностью закрыта.

Несмотря на обещание создать «новое правительство», данное Клинтонем в день своей инаугурации в 1997 г., в годы его президентства не было предложено смелой программы, направленной на удовлетворение этих нужд. Например, хотя опросы общественного мнения на протяжении 80–90-х гг. показывали, что американцы выступали за программу всеобщего бесплатного здравоохранения, которую осуществляло бы министерство финансов США, Клинтон не стал ее пропагандировать. Вместо этого он поручил своей жене Хиллари возглавить комиссию, выпустившую итоговый доклад объемом более 1000 страниц и крайне сложный для чтения, но не давший ответ на вопрос: как обеспечить каждого жителя страны медицинским обслуживанием без вмешательства страховых компаний, которые извлекали прибыли из этих услуг?

Кроме создания еще большего дефицита (а некоторые экономисты не считали, что его сокращение необходимо, когда не удовлетворяются основные потребности), имелось два возможных источника извлечения средств для смелой программы социальной реконструкции, но администрация Клинтона была не склонна воспользоваться ни одним из них.

Первым из этих источников является военный бюджет. Рэндолл Форсберг, эксперт по военным расходам, во время президентской кампании 1992 г. предположила, что «военный бюджет в 60 млрд. долл., который может достигнуть этой цифры через несколько лет, поддержит демилитаризованную внешнюю политику США, соответствующую потребностям и возможностям мира после окончания холодной войны». Однако ассигнования на оборону постоянно увеличивались, даже после исчезновения предполагаемой мишени для наращиваемых вооружений, и к концу президентского срока Клинтона они составляли примерно 300 млрд. долл. в год.

Радикальное сокращение военного бюджета повлекло бы за собой отказ от войны, вывод военных баз, расположенных в самых разных странах мира, и, наконец, принятие записанного в Уставе ООН принципа, согласно которому мир должен отказаться от «бедствия войны». Такое сокращение ответило бы основополагающему желанию человека (слишком часто

заглушаемому шумом ура-патриотических лозунгов) жить в мире с другими людьми.

Привлекательность подобной резкой перемены политики для общественности была бы основана на простом, но мощном нравственном аргументе: учитывая характер современных военных действий, жертвами явятся в основном гражданские лица. Иными словами, в наше время война – это всегда война против детей. А если детям других стран предоставить то же право на жизнь, что нашим собственным детям, тогда мы должны проявить недюжинную изобретательность, чтобы найти невоенное решение мировых проблем.

Вторым возможным источником средств на социальные реформы было состояние сверхбогачей. Самый состоятельный 1 % населения страны в 80–90-х гг. получил в результате налоговых послаблений более 1 трлн долл. «Налог на богатство» – начинание еще не примененное в рамках национальной политики, но вполне осуществимое – мог бы вернуть этот триллион долларов, например, по частям, т. е. по 100 млрд. долл. в год в течение 10 лет, причем этот 1 % населения остался бы очень, очень богат.

Кроме того, действительно прогрессивный подоходный налог – своего рода возвращение к уровню уплаты 70–90 % со сверхдоходов, как это имело место после Второй мировой войны, – мог бы дать еще 100 млрд. долл. в год. Клинтон и в самом деле повысил налоги для самых богатых на несколько процентов, изменив максимальную ставку с 31 до 37 %, а налоги на корпорации с 34 до 35 %. Однако в сравнении с потребностями это был слишком незначительный шаг.

Если бы с помощью прогрессивного налогообложения и демилитаризации государство получало ежегодно 400–500 млрд. долл., то появились бы средства на оплату всеобщей системы здравоохранения, финансируемой правительством, – так осуществляется программа «Медикэр», так организована система здравоохранения в Канаде, из которой исключены стремящиеся к обогащению страховые компании. Из этих же средств можно было финансировать программу всеобщей занятости, впервые в истории страны выполнив Закон о занятости, принятый в 1946 г., обязывавший федеральное правительство создать «возможности полезной занятости» для всех людей, способных и желающих работать. (Одно стихотворение Мардж Пирси заканчивается словами: «Кувшин просит воды, / а человек – настоящей работы».)

Вместо того чтобы заключать контракты на строительство реактивных бомбардировщиков и атомных подводных лодок, можно было бы подписывать с некоммерческими организациями договоры о найме работников для постройки домов и систем общественного транспорта, очистки рек и озер, превращения городов в места, где приятно жить.

Альтернативой же такой смелой программе явилось сохранение существующего положения, когда города загрязняются, когда сельские жители залезают в долги и теряют право выкупа собственности, когда для молодежи нет полезной работы, когда создается маргинальная популяция безработных, отчаявшихся людей, многие из которых – молодежь и цветные американцы – обращаются к наркотикам и становятся преступниками, представляя угрозу физической безопасности для остального населения.

Реакция правительства на такие признаки тяжелого положения, гнева и отчуждения исторически вполне предсказуема: построить новые тюрьмы, посадить туда больше людей, казнить больше заключенных. И продолжать ту самую политику, которая вызвала отчаянную ситуацию. Таким образом, к концу срока правления президента Клинтона в США насчитывалось больше узников на душу населения – всего их было 2 млн. человек, – чем в любой другой стране мира, за исключением, возможно, Китая.

Клинтон заявлял, что регулирует свою политику так, чтобы она удовлетворяла общественное мнение. Но опросы, проведенные в 80-х – начале 90-х гг., показали, что

американцы предпочитают смелую политику, которой не предлагают им ни демократы, ни республиканцы: всеобщее бесплатное здравоохранение, гарантия занятости, правительственная помощь бедным и бездомным, налогообложение богатых и сокращение военного бюджета для финансирования социальных программ.

Разрыв между национальной политикой и предпочтениями общественности США указывал на то, что возможен новый сценарий, по которому в новом тысячелетии граждане организуются, чтобы потребовать выполнения обещаний Декларации независимости – создания правительства, защищающего равные права каждого на жизнь, свободу и стремление к счастью. Это означало бы экономические установления, распределяющие национальное богатство рационально и гуманно. Кроме того, это означало бы культуру, в которой молодежь больше не учила бы стремиться к «успеху», подразумевая под этим наживу.

На протяжении 90-х гг., в то время как консервативные республиканцы и умеренные демократы находились у власти, огромное количество американских граждан, которые не были представлены в Вашингтоне и о жизни которых не рассказывалось в прессе, различным образом протестовали против политики правительства и требовали более справедливого и мирного общества.

Проявлениям гражданской активности за пределами вашингтонских властных кругов не уделялось особого внимания в американских СМИ, за исключением тех случаев, когда выступления являлись слишком крупномасштабными, чтобы их можно было игнорировать. Даже митинг полумиллиона взрослых и детей всех рас, приехавших в столицу страны под лозунгом «Заступимся за детей» практически не заинтересовали телевидение и газеты. Примеры несогласия и сопротивления были многочисленны и разнообразны.

В Миннеаполисе имела место длительная кампания против корпорации, производящей сухопутные мины. Бывший рядовой солдат армии США, искалеченный такой американской миной, прибыл в город, чтобы поддержать выступление; к нему присоединилась молодая женщина, которая ездила по всему миру, чтобы рассказать людям о детях, погибавших на всех континентах из-за миллионов мин, распространенных Соединенными Штатами и другими странами. Четыре монахини, «сестры Макдоналд», которые действительно были сестрами, участвовали в акции протеста и были арестованы.

В 1994 г. в Лос-Анджелесе, протестуя против нового закона Калифорнии, лишившего детей нелегальных иммигрантов основных прав на медицинское обслуживание и получение образования, на улицы вышли четверть миллиона человек.

Когда США объявили о своем намерении бомбить Ирак якобы потому, что эта страна не разрешила инспекцию того, что американские чиновники называли «оружием массового уничтожения», государственный секретарь Мадлен Олбрайт и другие официальные лица выступили на городском митинге в Колумбусе (Огайо), чтобы заручиться общественной поддержкой. Но запланированный сценарий нарушил молодой человек, который, несмотря на то что по плану все вопросы должны были контролироваться, сумел заполучить микрофон и спросил М. Олбрайт насчет стран – союзниц США, обладавших таким оружием.

Госсекретаря застали врасплох, и она отвечала запинаясь; это заметили телезрители всей страны. Планируемая бомбардировка была отложена, хотя через некоторое время регулярные налеты на Ирак, замалчиваемые в прессе, возобновились.

В 2000 г., при присуждении М. Олбрайт почетной степени в Калифорнийском университете в Беркли, раздались протесты в аудитории, и появился огромный транспарант с надписью: «Мадлен Олбрайт – военный преступник». Протестующих с плакатом полиция вывела из зала.

Случилось так, что студенткой, которую отобрали на получение престижной

Университетской медали и которая должна была выступить на торжественной церемонии присуждения университетских степеней, оказалась молодая палестинка по имени Фадиа Рафиди. Ее речь передвинули в конец программы, чтобы Олбрайт могла выступить и уйти, но Рафиди была твердо намерена дать ответ госсекретарю, которая защищала американские санкции против Ирака. Девушка говорила о том, что в эту страну не допускаются поставки медицинских препаратов; о том, что в результате санкций погибли сотни тысяч детей. Она признала, что правление Саддама Хусейна отличалось жестокостью, но при этом сказала: «Когда он травил газом курдов, то делал это химическим оружием, произведенным в городе Рочестере (Нью-Йорк). А когда Саддам вел долгую и крупномасштабную войну с Ираном, в которой погибло 1 млн. человек, ее финансировало ЦРУ. Именно американская политика создала этого диктатора. Когда он оказался не нужен, США начали санкции против его народа. Санкции должны быть направлены на правительства, а не на народ».

В 1998 г. 7 тыс. человек со всей страны съехались в Форт-Беннинг (Джорджия), чтобы протестовать против существования школы «Америкас», выпускники которой, получив подготовку в США, участвовали в зверствах в различных государствах Латинской Америки. Демонстранты несли восемь урн, символизовавших смерти шестерых священников, повара и девушки, убитых военными, ворвавшимися в дом. По иронии судьбы федеральный судья Джорджии Роберт Дж. Эллиот, приговоривший демонстрантов к различным срокам тюремного заключения, в прошлом помиловал лейтенанта Уильяма Колли, признанного виновным в массовом истреблении вьетнамских крестьян в деревне Милай.

В августе 1999 г., в годовщину бомбардировки Нагасаки, восемь пацифистов решили заблокировать четыре полосы дороги, ведущей к базе атомных подводных лодок в Бангоре (Мэн). Там размещалось восемь субмарин с ракетами «Трайидент», несущих более тысячи ядерных боеголовок. Протестующих арестовали. Однако им удалось объяснить присяжным причины протеста против ядерного оружия, и их оправдали. Женщина, возглавлявшая жюри присяжных, позднее сказала: «Я горжусь тем, что сижу рядом с этими людьми».

Движения 60-х гг. оказали на культуру необратимое влияние. Появилось ясное, устойчивое новое сознание – проявлявшееся время от времени в кино, на телевидении, в мире музыки, – осознание того, что женщины заслуживали равноправия; что сексуальные предпочтения мужчин и женщин только их дело; что растущий разрыв между богатыми и бедными делал лживым слово «демократия».

Расизм все еще глубоко коренился в обществе – это подтверждалось продолжавшимся жестоким обращением полицейских с цветными американцами, более высокой детской смертностью среди чернокожего населения, нехваткой рабочих мест для молодых афроамериканцев и, соответственно, ростом преступности и числа заключенных. Но страна становилась все более диверсифицированной – все больше проживало в ней людей латиноамериканского и азиатского происхождения, больше регистрировалось межрасовых браков. По прогнозам, к 2050 г. цветное население Соединенных Штатов сравняется по численности с белым. Имели место спорадические попытки организовать движение протеста среди афроамериканцев. В конце 80-х гг. предвестником вероятных перспектив развития событий стал тот факт, что лидер чернокожего населения Джесси Джексон, выступавший от имени бедных и обездоленных людей всех рас и основавший коалицию «Цвета радуги», завоевал 1 млн. голосов в ходе праймериз на президентских выборах, дав стране возможность испытать редкий прилив политического возбуждения.

В 1995 г. миллион человек со всей страны прошли маршем, который называли «Маршем миллиона мужчин», до Вашингтона (округ Колумбия), чтобы заявить общенациональным лидерам, что они намерены стать движущей силой перемен. У этой демонстрации

отсутствовала определенная повестка дня, но она была выражением солидарности. Летом 1998 г. 2 тыс. афроамериканских мужчин собрались в Чикаго, чтобы основать Конгресс черных радикалов.

В следующем году профсоюз портовых грузчиков Западного побережья остановил работу на восемь часов в знак протеста против тюремного заключения и смертного приговора, вынесенного Мумии Абу Джамалю. Он был уважаемым чернокожим журналистом, которого отдали под суд и приговорили к казни при обстоятельствах, говоривших о том, что этот человек попал в камеру смертников из-за своей расовой принадлежности и радикализма, а также упорной критики полиции Филадельфии.

Рабочее движение в 90-х гг. проявляло признаки оживления, несмотря на постепенное уменьшение количества членов профсоюзов, по мере того как промышленные предприятия перемещались в другие страны, а численность индустриальных рабочих стала меньше численности работников, занятых в сфере услуг, и «белых воротничков», с трудом поддававшихся организации.

Новый президент АФТ – КПП Джон Суини, представлявший Межнациональный союз работников сферы обслуживания, что являлось показателем изменений в структуре рабочей силы, казалось, значительно отличался от своих консервативных предшественников. Он поощрял идею проведения «Профсоюзного лета» (вдохновенную «Летом свободы» в Миссисипи в 1964 г.), пригласив идейно настроенную молодежь помочь в организации профсоюзов среди новых работников сферы услуг, служащих, сельскохозяйственных рабочих и рабочих-иммигрантов.

Профсоюзы проиграли несколько забастовок; в частности, в 90-х гг. потерпели поражения длительные, ожесточенные сражения в городе Декартур (Иллинойс) с тремя корпорациями-гигантами: «Катерпилларом», «Файерстоуном» и «Стейли». Но были и победы – сотрудники частной службы доставки посылок «Юнайтед парсел сервис» бастовали 15 дней. Забастовка привлекла всеобщее внимание американцев, и было удовлетворено требование о том, чтобы работа неполный день, без выплат по болезни и других льгот, была превращена в 10 тыс. рабочих мест с полной занятостью и пособиями. Профсоюз авиационных механиков победил в стачках, проведенных на заводах компаний «Боинг» и «Макдоннел Дуглас».

Гостиничный персонал победил в Миннеаполисе и Сан-Франциско. Уборщицы, в основном иммигрантки, отстаивали свои права в Лос-Анджелесе, выступив против владельцев небоскребов, где низкооплачиваемые работницы убирали офисы богатейших бизнесменов города. В 2000 г. 19 тыс. инженеров и квалифицированных рабочих компании «Боинг» победили в самой крупной в истории США забастовке «белых воротничков», добившись повышения заработной платы до уровня той, что получали работники других предприятий этой компании.

Одна из величайших побед профсоюзов за десятилетия имела место в 1999 г. в графстве Лос-Анджелес, где после 11-летней борьбы Межнациональный союз работников сферы обслуживания завоевал право представлять 74 тыс. сиделок, ухаживающих за больными на дому. В том же году недавно объединившиеся в профсоюз швейники и текстильщики, получивший название «ЮНИТЕ»²⁵⁷, и уже 25 лет пытавшиеся организовать рабочих фабрик фирмы «Кэннон миллс» в Северной Каролине, победили на профсоюзных выборах, проведенных на двух фабриках в Каннаполисе.

В новом руководстве АФТ-КПП ведущую роль стали играть женщины. Карен Нуссбаум,

²⁵⁷ ЮНИТЕ – аббр. от Union of Needletrades, Industrial and Textile Employees (англ.).

президент Национальной ассоциации работающих женщин «С 9 до 5», заняла пост директора отдела трудящихся женщин АФТ-КПП, и к 1998 г. 10 из 21 отдела этой организации возглавили женщины.

Альянс между студентами и рабочим движением укрепился кампанией за «зарплату, на которую можно жить» для работников кампусов, вскоре распространившейся на 150 студенческих городков. Например, в Гарвардском университете студенты организованно потребовали от администрации, обладавшей средствами в 20 млрд. долл., платить швейцарам и другим работникам сферы обслуживания достаточно, чтобы они могли прокормить свои семьи. Многим из этих людей приходилось трудиться на двух рабочих местах – до 80 часов в неделю, – чтобы платить за жилье, продукты питания и медицинское обслуживание.

Студенты Гарварда организовали яркие совместные митинги, в ходе которых швейцары и другие работники кампуса рассказывали о своих нуждах. Члены городского совета Кембриджа и профсоюзные лидеры, в том числе Дж. Суини и другие высокопоставленные чиновники АФТ – КПП, подходили к микрофону, чтобы заявить о своей поддержке. Прибытие двух молодых кинозвезд, Мэтта Дэймона и Бена Аффлека, которые солидаризировались с кампанией, привлекло огромную толпу. Оба когда-то жили и ходили в школу в Кембридже. Мэтт Дэймон проучился несколько лет в Гарварде, прежде чем бросить занятия и уехать в Голливуд. Бен Аффлек произнес трогательную речь о своем отце, который трудился на низкооплачиваемой работе в обслуживающем персонале в Гарварде.

Когда руководство университета все еще отказывалось от переговоров, 40 студентов захватили одно из административных зданий и оставались там днем и ночью в течение нескольких недель при поддержке сотен людей, раскинувших палатки на газоне кампуса. Поддержку «сидячей» демонстрации оказывала вся страна, и наконец администрация согласилась на переговоры. В результате работники кампуса победили: Гарвардский университет повысил зарплату швейцаров до 14 долл. в час и стал платить им медицинские пособия, а также согласился настоять на том, чтобы сторонние подрядчики соблюдали эти условия.

Весной 2000 г. студенты Уэслианского (методистского) университета в Коннектикуте оккупировали офис приема абитуриентов, требуя, чтобы президент университета гарантировал достаточную для жизни зарплату, медицинские и пенсионные пособия, а также рабочие места швейцаров и других работников сферы обслуживания. После нескольких дней «сидячей» демонстрации руководство университета согласилось удовлетворить эти требования.

Студенты всей страны организовали Консорциум по соблюдению прав трудящихся. В Йельском, Аризонском, Сиракьюсском, Кентуккийском университетах, и во многих других кампусах проходили мероприятия в поддержку требований трудящихся.

Кампания за зарплату, достаточную для жизни, завоевала всеобщее одобрение народа в то время, когда состоятельные люди становились еще богаче. В Дулуте (Миннесота) 56 организаций объединили усилия, требуя, чтобы городские власти заключали контракты только с фирмами, обеспечивавшими своих работников жалованьем, на которое можно было жить, т. е. на несколько долларов выше официальной минимальной заработной платы.

Пятилетний лимит на федеральную помощь семьям с детьми-иждивенцами, установленный в 1996 г. законодательством о «реформе государственного вспомоществования», означал, что миллионы людей столкнутся с нуждой по окончании срока получения пособий.

Активисты начали серьезно организовываться в 2000 г. в предвидении такого исхода, повсеместно вовлекая американцев в кампанию по искоренению нищеты. Ветеран движения за права получателей пособий в Бостоне Дайана Дюжон заявила: «В богатейшей стране в 2000 г.

ни один человек не должен быть голодным, бездомным и страдающим оттого, что не знает, как накормить детей и при этом заплатить за жилье».

Кампания за экономические права бедных (КЭПБ) в 1998 г. организовала автобусный тур по 35 городам, чтобы собрать воедино рассказы людей, оказавшихся не в состоянии кормить свои семьи, оставшихся без электричества, людей, которых лишили крова, потому что они не могли оплатить счета. На следующий год некоторые представители КЭПБ поехали в Женеву (Швейцария) для дачи показаний перед Комиссией ООН по правам человека. Они указали на Всеобщую декларацию прав человека, в составлении которой участвовала Элеонора Рузвельт и в которой говорится, что все люди имеют право на достойную заработную плату, пищу, жилище, здравоохранение и образование.

Религиозные лидеры, затихшие с тех пор, когда они участвовали в движениях за гражданские права и против войны во Вьетнаме, начали высказываться относительно экономического неравенства. Летом 1996 г. «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Больше чем когда-либо за последние десятилетия религиозные лидеры объединяются в борьбе за общее дело с профсоюзами, своим моральным авторитетом помогая изобличать потогонную систему, бороться за повышение минимальной заработной платы и организовывать швейцаров и работников птицефабрик. Духовенство не сотрудничало так тесно с профсоюзами со времен расцвета Сезара Чавеса, харизматичного лидера сельскохозяйственных рабочих 70-х годов XX в., а возможно, и со времен Депрессии».

Все эти группы и люди, которых они представляли: бездомные, малообеспеченные матери, семьи, не могущие уплатить по счетам, 40 млн. человек, живших без медицинской страховки, и еще большее количество американцев, имевших недостаточную страховку, – столкнулись с мощной преградой замалчивания в национальной культуре. Об их жизни и бедах не сообщалось в основных средствах массовой информации, и поэтому продолжал существовать миф о процветающей Америке, распространяемый могущественными деятелями из Вашингтона и с Уолл-стрита.

Были смелые попытки прорваться сквозь контроль информации, особенно после Закона о телекоммуникациях 1996 г., который позволил горстке корпораций, господствовавших в радиоэфире, распространить свою власть еще дальше. Слияние компаний дало возможность строже следить за информацией. Две гигантские медиа-корпорации, Си-би-эс и «Виакон», объединились в концерн с капиталом 37 млрд. долл. Латиноамериканский писатель Эдуардо Галеано прокомментировал это так: «Никогда еще так много людей не получали информацию из столь немногочисленных источников».

Альтернативные СМИ предпринимали отчаянные попытки преодолеть этот барьер. В стране существовало несколько сотен местных радиостанций – самой успешной из которых была сеть «Пасифика», – предоставляющих слушателям иную информацию и идеи. Индивидуальная инициатива Дэвида Барсамяна под названием «Альтернативное радио» распространяла диссидентские взгляды в виде интервью и лекций через спутники связи по радиостанциям США.

Местная пресса в больших и малых городах, хотя ее тираж был невелик, старалась рассказывать о жизни простого народа. В Бостоне бездомные объединились и стали выпускать газету «Спэар чейндж», в которой рассказывали свои истории, печатали стихи, а затем продавали ее на улицах Бостона и Кембриджа, чтобы заработать немного денег. Они объявили о своей цели «стать голосом для безголосых» и «орудием организации для сообщества бездомных». На рубеже веков этому изданию исполнилось восемь лет.

Эта инициатива распространилась на другие части страны, и вскоре уличные газеты возникли в 40 городах и была учреждена Североамериканская ассоциация уличных газет.

Национальная коалиция в защиту прав бездомных, организованная на народные средства, печатала ежемесячный бюллетень новостей.

Вероятно, самой яркой попыткой донести до американского народа и мира факты доминирования корпораций над жизнью простых людей была громадная демонстрация в Сиэтле (Вашингтон), которая состоялась в последние месяцы 1999 г. Этот город был выбран местом проведения конференции Всемирной торговой организации (ВТО), и представители самых богатых и влиятельных международных учреждений собрались там, чтобы строить планы по сохранению своих денег и власти, распространению принципов капитализма через государственные границы стран, с тем чтобы они действовали по всей планете.

Десятки тысяч человек собрались в Сиэтле, протестуя против намерения ВТО расширять соглашения о «свободной торговле». Это, по мнению демонстрантов, означало для корпораций свободу распространять свою деятельность по земному шару в поисках дешевой рабочей силы и возможностей нерегулируемого промышленного загрязнения окружающей среды.

Проблемы, связанные со «свободной торговлей», были многогранны, но тех, кто съехался в город для выражения своей оппозиции ВТО, объединяла простая идея: здоровье и свобода простого народа всех стран мира не должны быть принесены в жертву корпоративной наживе.

Более тысячи организаций из 90 государств, представлявших профсоюзы, группы защитников окружающей среды, потребителей, религиозные объединения, фермеров, коренное население, женщин и др., подписали заявление с требованием к правительствам прекратить экспансию ВТО. В Сиэтле было заключено невероятно много альянсов (к примеру, работники сталелитейной промышленности объединили усилия с защитниками окружающей среды, а машинисты – с борцами за права животных). Тридцатого ноября 1999 г. фермеры присоединились к крупномасштабной профсоюзной демонстрации, в которой приняли участие 40 тыс. человек, а через несколько дней члены профсоюзов пришли на собрание работников семейных ферм.

Пресса уделила непропорционально большое внимание горстке демонстрантов, которые разбивали окна и создавали беспорядки, но подавляющее большинство приехавших в Сиэтл не проявляли насилия, однако именно их полиция решила атаковать слезоточивым газом, а затем арестовать. Сотни людей попали в тюрьмы, но демонстрации продолжались. Новости о событиях в городе распространились по стране и по всему миру.

Официальная конференция ВТО явно обеспокоилась толпами протестующих, и появились признаки несогласия между промышленными государствами и странами Третьего мира. Как сообщал Джон Николс в журнале «Прогрессив»: «Хотя официальные сессии ВТО характеризовались глубокими разногласиями между делегациями Северного и Южного полушарий, на улицах наблюдалось беспрецедентное единство Севера и Юга. Фермеры со всего мира объединились... Многолюдный митинг, организованный АФТ – КПП, аплодировал ораторам из дюжины стран. А после мероприятий, призванных рассказать о губительном воздействии глобализации на женщин Третьего мира, толпы представительниц из Африки, Латинской Америки, Индии, Европы и США прошли, взявшись за руки, по центральным улицам Сиэтла».

Все случившееся нарушило течение саммита ВТО, и в какой-то момент переговоры были свернуты. Это явилось поразительной иллюстрацией способности организованных граждан бросить вызов самым могущественным в мире корпорациям. В материале для газеты взбунтовавшихся водителей грузовиков, Майк Браннан передал приподнятое настроение: «Та солидарность, о которой мечтаем все мы, витала в воздухе, когда люди пели, декламировали, играли на музыкальных инструментах и противостояли полицейским и ВТО. В тот день народ захватил улицы, и для нас это стало уроком, как и для корпораций Америки».

Демонстрации в Сиэтле совпали с растущим движением по всей стране, в кампусах колледжей и местных общинах, против потогонных условий труда, которые американские компании навязывали работающим на них мужчинам, женщинам и даже детям в странах Третьего мира.

Через месяц после событий в Сиэтле «Нью-Йорк таймс» сообщала: «Давление со стороны студентов колледжей и других противников потогонных условий заставило некоторые фабрики, производящие товары для таких промышленных гигантов, как «Найк» и «Гэп», сократить использование детского труда, применять менее опасные химические вещества и уменьшить количество трудящихся с 80-часовой рабочей неделей, о чем свидетельствовали данные групп, контролирующие такие производства.

В прошлом месяце во время демонстраций протеста в Сиэтле условия работы на подобных фабриках были в центре внимания, причем многие демонстранты требовали, чтобы торговые договоры предусматривали санкции для стран, допускающих нарушения минимальных трудовых стандартов. Многие руководители корпораций признают, что усилия протестующих против потогонной системы оправдывают себя».

Сиэтл стал первым местом в ряду международных слетов членов профсоюзов, студентов, защитников окружающей среды, протестующих против растущей власти гигантских корпораций над мировой экономикой.

В 2000 г. оппозиционеры выступали везде, где происходили встречи на высшем уровне богатых предпринимателей: в Вашингтоне (округ Колумбия), Филадельфии, Давосе (Швейцария), Лос-Анджелесе, Праге.

Официальные представители Всемирного банка и Международного валютного фонда не могли игнорировать такое движение протеста. Они начали декларировать озабоченность состоянием окружающей среды и условиями работы трудящихся. Приведет ли это к реальным изменениям – неясно, но несомненно, что лидеры корпораций всего мира не могут больше не замечать критику.

Объединятся ли в XXI столетии, в новом тысячелетии различные группы протеста и сопротивления в политике, на рабочих местах, в культуре, для того чтобы выполнить обещание Декларации независимости о предоставлении равных прав на жизнь, свободу и стремление к счастью? Никто не может этого предсказать. Все, что возможно было, – это действовать, надеясь на такой результат и зная, что в случае бездействия любой прогноз будет мрачным.

Если бы демократии придавалось какое-то значение, если бы она могла выйти за пределы капитализма и национализма, она бы не исходила – если верить истории – сверху. Она рождалась бы в народных движениях, просвещая, организуя, агитируя, устраивая забастовки, бойкоты, демонстрации и угрожая власть имущим нарушением угодной им стабильности.

Выборы 2000 г. и «война с терроризмом»

Когда закончились оба президентских срока Клинтона (два срока являются лимитом, установленным 22-й поправкой к Конституции США), стало ясно, что теперь кандидатом в президенты от демократов станет Алберт Гор, человек, верно служивший Клинтону в качестве вице-президента. Республиканская партия выбрала своим кандидатом губернатора штата Техас Джорджа У. Буша-младшего, известного своими связями с нефтяной промышленностью и рекордным числом смертных казней во время его нахождения на посту.

Хотя в период избирательной кампании Буш-младший обвинил Гора в том, что тот пользуется настроениями «классовой войны», кандидатуры Гора и сенатора Джозефа Либермана на пост вице-президента не представляли угрозу для сверхбогатых. На первой

странице «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья, озаглавленная «Как сенатор Либерман выступает за бизнес и гордится этим», и далее приводились подробности: он пользовался поддержкой высокотехнологичной промышленности, сосредоточенной в Силиконовой долине, а военно-промышленный комплекс Коннектикута был ему благодарен за контракты стоимостью 7,5 млрд. долл. на строительство подводной лодки типа «Сивулф».

Различную степень поддержки корпорациями двух кандидатов в президенты можно измерить, сравнив 220 млн. долл., собранные во время избирательной кампании Дж. Бушем-младшим, и 170 млн, имевшиеся в распоряжении А. Гора. У обоих претендентов не было планов, касавшихся бесплатного всеобщего здравоохранения, крупномасштабного строительства дешевого жилья, значительных изменений в контроле за состоянием окружающей среды. Они выступали за сохранение смертной казни и увеличение количества тюрем. И Гор, и Буш являлись сторонниками сильного военного истеблишмента, продолжения использования сухопутных мин, а также санкций против народов Кубы и Ирака.

Кандидатом от третьей партии выдвигался Ралф Найдер, многолетний настойчивый критик контроля корпораций над экономикой. Его программа резко отличалась от программ двух основных претендентов, поскольку особое внимание в ней уделялось здравоохранению, образованию и окружающей среде. Но во время избирательной кампании Найдера исключили из дебатов, транслировавшихся по национальному телевидению, и, не имея поддержки большого бизнеса, он был вынужден собирать мелкие пожертвования людей, веривших в его программу.

Исход был предсказуем, учитывая единство обеих ведущих партий по классовым вопросам и преграды, воздвигнутые перед кандидатом от третьей партии: половина населения страны, в основном американцы с низкими доходами и те, кто не поддерживал ни республиканцев, ни демократов, вообще не стала голосовать.

Один журналист побеседовал с кассиршей бензозаправочной станции, женой рабочего-строителя. Она сказала: «По-моему, они не думают о таких, как мы... Может, если бы они сами жили в трейлере с двумя спальнями, все было бы по-другому». Афроамериканка, менеджер в закусочной сети «Макдоналдс», которая получала чуть больше минимальной зарплаты, составляющей 5,15 долл. в час, заявила о Буше-младшем и Горе: «Я на этих двоих даже внимания не обращаю, и все мои друзья так же считают. Моя жизнь не изменится».

Это были самые странные выборы в истории страны. Гор получил на сотни тысяч голосов больше, чем его соперник, но по Конституции США требовалось, чтобы победитель определялся членами коллегии выборщиков от каждого штата. Количество поданных голосов выборщиков получилось настолько близким, что результат должен был определиться выборщиками от штата Флорида. Такое различие между голосованием народа и голосованием выборщиков в прошлом имело место лишь дважды – в 1876 и 1888 гг.

Кандидат, которого поддержало большинство избирателей во Флориде, должен был получить все голоса выборщиков этого штата и стать президентом. Но последовал ожесточенный спор относительно того, кто же – Буш или Гор выиграл выборы во Флориде. Казалось, что многие голоса не были подсчитаны, особенно в округах, где проживало большое количество чернокожих; что избирательные бюллетени были признаны испорченными по техническим причинам; что неясны отметки, сделанные на бюллетенях машинами для подсчета голосов.

Дж. Буш-младший имел преимущество: его брат Джеб был губернатором этого штата, а член Республиканской партии, секретарь штата Флорида Кэтрин Харрис обладала полномочием удостоверить, кто получил больше голосов и победил в выборах. Когда ей предъявили обвинения в фальсификации результатов голосования, она торопливо провела частичный

пересчет, в итоге которого на первом месте остался Буш.

В результате обращения в верховный суд Флориды, в котором преобладали демократы, суд обязал К. Харрис не утверждать победителя, а продолжить пересчет. Она установила конечный срок для этой процедуры, и, хотя оставались тысячи спорных бюллетеней, секретарь штата сделала следующий шаг и утвердила Буша-младшего победителем с преимуществом в 537 голосов. Это был самый незначительный разрыв во всей истории президентских выборов. Когда Гор был готов оспорить это и потребовать продолжения пересчета, согласно постановлению верховного суда Флориды, Республиканская партия апеллировала к Верховному суду США.

Мнения членов Суда разделились по идеологическому принципу. Пять судей-консерваторов (У. Ренквист, А. Скалья, К. Томас, Э. М. Кеннеди и С. Д. О'Коннор), несмотря на обычную консервативную позицию невмешательства в полномочия штата, аннулировали решение верховного суда Флориды и запретили дальнейший пересчет бюллетеней. Они заявили, что эта процедура нарушает конституционное требование «равной защиты законов», так как в разных флоридских графствах существуют различные стандарты подсчета бюллетеней.

Четыре судьи-либерала (Дж. П. Стивенс, Р. Гинсбург, С. Брейер и Д. Х. Саутер) возразили, что Суд не имеет права вмешиваться в интерпретацию закона штата верховным судом Флориды. Брейер и Саутер доказывали, что, даже если не был соблюден единый стандарт подсчета, это можно исправить, устроив во Флориде новые выборы с едиными правилами.

Тот факт, что Верховный суд страны отказался допустить какой-либо пересмотр результатов выборов, означал, что он был твердо намерен обеспечить президентский пост своему фавориту – Бушу-младшему. Судья Стивенс с некоторой горечью указал на это в своем отчете от имени меньшинства: «Хотя мы никогда не узнаем с полной уверенностью, кто же победил в этом году на президентских выборах, мы очень хорошо знаем, кто проиграл. Проиграло доверие народа к судье как беспристрастному стражу закона».

Заняв должность, Буш самоуверенно продолжил политику защиты интересов большого бизнеса, как если бы он получил поддержку подавляющего большинства народа. В свою очередь Демократическая партия, хотя основы ее философии не слишком отличалась от позиций правящей партии, перешла в робкую оппозицию, полностью одобряя внешнеполитический курс президента и лишь слегка расходясь с ним по вопросам внутренней политики.

Программа Буша-младшего стала ясна сразу же. Он выступал за сокращение налогов с богатых, против строгих регламентаций в сфере защиты окружающей среды, которые должны были обернуться затратами для бизнеса, и планировал «приватизировать» социальное обеспечение, ставя пенсионные фонды граждан в зависимость от рынка ценных бумаг. Кроме того, президент увеличил военный бюджет и продолжил программу «Звездных войн», хотя, по общему мнению ученых, средства перехвата баллистических ракет не могли действовать в космосе и, если даже план удастся, он вызовет лишь новый виток гонки вооружений в мире.

Через девять месяцев после начала президентского срока катастрофа 11 сентября 2001 г. отодвинула на задний план все остальные проблемы. Угонщики направили огромные реактивные самолеты с полными баками горючего на башни-близнецы Всемирного торгового центра, расположенные в деловой части Нью-Йорка, и в одну из частей здания Пентагона в Вашингтоне. Американцы по всей стране с ужасом наблюдали на телеэкранах, как в адском пламени рушатся небоскребы, распадаясь на куски бетона и металла и погребая под собой тысячи работавших в этих зданиях людей, а также сотни пожарных и полицейских, спешивших

на помощь.

Это было беспрецедентное нападение на основные символы американского богатства и власти, предпринятое 19 жителями Ближнего Востока, в основном из Саудовской Аравии. Они решили умереть, чтобы нанести смертельный удар стране, которую воспринимали как своего врага, – этой сверхдержаве, возомнившей себя неуязвимой.

Президент Буш немедленно объявил «войну терроризму» и заявил: «Мы не будем делать различий между террористами и государствами, которые их укрывают». Конгресс США сразу же принял резолюции, давшие президенту полномочия развернуть военные действия без объявления войны, как этого требовала Конституция. Резолюция была принята сенатом единогласно, а в палате представителей только один конгрессмен проголосовал против. Это была Барбара Ли, афроамериканка из Калифорнии.

Полагая, что за атаки 11 сентября несет ответственность воинствующий исламист Усама бен Ладен и что он скрывается где-то в Афганистане, Буш отдал приказ о бомбардировке этой страны.

Президент объявил своей главной целью схватить («живым или мертвым») этого человека и уничтожить исламскую воинствующую организацию «Аль-Каида». Но после пятимесячной бомбежки Афганистана, когда Буш обратился с посланием о положении страны к обеим палатам Конгресса, президенту пришлось признать (хотя он и сказал: «Мы побеждаем в борьбе с терроризмом»), что «десятки тысяч хорошо подготовленных террористов все еще на свободе» и «десятки стран» их укрывают.

Буш и его советники должны были понять, что терроризм нельзя победить силой. Этому легко можно найти исторические подтверждения. Британцы отвечали на террористические акты Ирландской республиканской армии все новыми военными действиями, но в результате получали еще более крупные вылазки. Израиль в течение десятилетий реагировал на палестинский терроризм военными ударами, но это порождало лишь новые бомбы. После нападения на американские посольства в Танзании и Кении в 1998 г. Билл Клинтон предпринял бомбардировку Афганистана и Судана. Если принять во внимание события 11 сентября, это явно не остановило терроризм.

Кроме того, месяцы бомбежек разрушали страну, перенесшую десятилетия гражданской войны и разрухи. Пентагон утверждал, что бомбы сбрасываются только на «военные цели»; что гибель мирных жителей – «досадная случайность» и о ней «сожалеют». Однако, по данным групп правозащитников и большому количеству информации в американской и западноевропейской прессе, было убито по меньшей мере 1 тыс., а возможно, до 4 тыс. мирных афганцев.

Очевидно, США отреагировали на ужасы, сотворенные террористами с невинными людьми в Нью-Йорке, убивая других невинных людей в Афганистане. Каждый день в «Нью-Йорк таймс» появлялись душераздирающие истории о жертвах трагедии во Всемирном торговом центре, сопровождаемые портретами, описанием их работы, хобби и семей.

Об афганских жертвах невозможно было получить подобную информацию, но делались проникновенные репортажи из больниц и деревень о последствиях американских бомбардировок. Журналист «Бостон глоб» сообщал из больницы в Джелалабаде: «На одной койке лежал весь забинтованный десятилетний Нур Мохаммад. Он лишился глаз и рук при взрыве бомбы, попавшей в его дом в воскресенье после ужина. Директор больницы Гулоджа Шимвари покачал головой, увидев раны мальчика. «Наверное, Соединенные Штаты думают, что он Усама, – сказал Шимвари. – Если он не Усама, зачем они с ним такое сделали?»»

Дальше журналист продолжал: «В больничный морг в прошлый уикэнд привезли 17 трупов, а по подсчетам здешних работников, в нескольких деревнях было убито по меньшей

мере 89 мирных жителей. Вчера в больнице ущерб, нанесенный бомбами, можно было увидеть на примере жизни одной семьи. Бомба убила отца – Файзала Карима. На койке лежит его жена Мустафа Джама с тяжелыми ранениями головы... Вокруг нее – шестеро ее детей в бинтах... Один из них, восьмилетний Зайдулла, находится в коме».

Подавляющее большинство американского общества после катастрофы 11 сентября поддержало объявленную Дж. Бушем политику «войны с терроризмом». Демократическая партия также оказала поддержку, соревнуясь с республиканцами в жесткости обличения терроризма. «Нью-Йорк таймс», находившаяся в оппозиции Бушу-младшему во время выборов, в декабре 2001 г. писала в передовой статье: «Мистер Буш... зарекомендовал себя в качестве сильного военного лидера, вселяющего в народ чувство безопасности в период кризиса».

Однако ведущие печатные издания и телевизионные каналы, твердо намеренные продемонстрировать свой «патриотизм», не сообщали американцам о масштабе человеческой катастрофы, вызванной бомбардировкой Афганистана.

Глава телеканала Си-эн-эн Уолтер Айзаксон разослал сотрудникам инструкцию, согласно которой кадры, показывающие жертвы среди гражданского населения, должны сопровождаться объяснением, что это возмездие за укрывательство террористов. «Представляется неправильным слишком сильно сосредотачивать внимание на жертвах или бедствиях в Афганистане», – сказал он. Телевизионный ведущий Дэн Рэзер заявил: «Джордж Буш – президент... Он может потребовать, чтобы я встал в строй, пусть только скажет где».

Правительство Соединенных Штатов приложило много усилий для контроля потока информации из Афганистана. Оно разбомбило здание, где находилась «Аль-Джазира» – крупнейшая телевизионная станция на Ближнем Востоке, и перекупила спутниковую организацию, делающую фотографии местности, на которых были видны последствия бомбардировок.

Массовые журналы раздували атмосферу мести. Так, один из авторов «Тайм» под заголовком «Ярость и отмщение уместны» потребовал проводить политику «направленной жестокости». Популярный телевизионный комментатор Билл О'Рейли призвал США «разбомбить дотла всю афганскую инфраструктуру: аэропорт, электростанции, систему водоснабжения и дороги».

Многие американцы стали вывешивать национальный флаг в окнах домов, в витринах магазинов, прикреплять его к автомобилям, и в атмосфере военного ура-патриотизма гражданам стало трудно критиковать политику правительства. Калифорнийский пенсионер, бывший телефонист, занимаясь в спортклубе, допустил критическое замечание о президенте Буше – после чего к нему явились агенты ФБР и учинили допрос. К молодой женщине пришли два сотрудника этого ведомства, сказавшие, что им сообщили о том, будто у нее на стенах висят плакаты с критикой президента.

Конгресс принял «Патриотический акт США», дающий министерству юстиции полномочия задерживать лиц без гражданства по простому подозрению, без предъявления обвинений и без процедурных прав, обеспеченных Конституцией. В Акте говорилось, что государственный секретарь США может указать на любую группу как на «террористов» и любое лицо, являющееся членом такой организации или собирающее для нее средства, может быть арестовано и задержано до депортации.

Президент Буш призвал народ не относиться враждебно к гражданам США арабского происхождения, но в действительности власти стали вызывать на допросы американцев, в основном мусульман, и задержали 1 тыс. человек или более без предъявления обвинения. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Энтони Льюис рассказал о том, что один человек был арестован по тайному доносу, а когда федеральный судья решил, что нет причин считать, будто

он представляет угрозу для национальной безопасности, тогда его освободили. Однако после 11 сентября министерство юстиции, игнорируя данное решение, вновь посадило этого человека в тюрьму и держало в одиночной камере по 23 часа в сутки, не разрешая свиданий с семьей.

Имели место отдельные антивоенные акции. Семинары и мирные митинги прошли по всей стране. Типичными для этих собраний были лозунги: «Справедливость, а не война» и «Наше горе – не призыв к отмщению». В Аризоне, штате, не прославившемся действиями против истеблишмента, 600 граждан подписались под объявлением в газете, указывавшим на Всеобщую декларацию прав человека. Они призвали США и международное сообщество «прекратить использование ресурсов для уничтожения Афганистана, а вместо этого позаботиться о том, чтобы голодные получили еду».

Некоторые члены семей погибших во Всемирном торговом центре и Пентагоне обратились к президенту, призывая его не отвечать насилием на насилие, не продолжать бомбардировки, направленные против афганского народа. Амбер Амундсон, муж которой, военный летчик, погиб при атаке на Пентагон, заявила: «Я слышала гневные речи некоторых американцев, в том числе многих национальных лидеров, требующих жестокого отмщения и наказания. Этим лидерам я хотела бы объяснить, что ни меня, ни мою семью не утешают их яростные угрозы. Если вы решили ответить на эту необъяснимую жестокость, предпринимая все новые акты насилия против других невинных людей, вы не должны делать это во имя справедливости к моему мужу».

В январе 2002 г. некоторые семьи жертв приехали в Афганистан, чтобы встретиться с афганскими семьями, потерявшими родных и близких во время американских бомбардировок. Они виделись с Абдулом и Шакилой Амин, чья пятилетняя дочь Назила погибла. Одной из американок была Рита Ласар, брата которой президент Буш назвал героем (он остался с парализованным другом на верхнем этаже рушившегося здания, вместо того чтобы попытаться спастись самому). Она сказала, что посвятит остаток жизни делу мира.

Критики бомбардировок утверждали, что корни терроризма уходят в давние обиды на США, и чтобы положить ему конец, надо решить связанные с этим проблемы. Подобные претензии к Соединенным Штатам легко перечислить: размещение американских войск в Саудовской Аравии, месте расположения наиболее почитаемых святых ислама; десять лет санкций против Ирака, в результате которых, по данным ООН, погибли сотни тысяч детей; постоянная поддержка США израильской оккупации Палестины, в том числе ассигнование миллиардов долларов в качестве военной помощи.

Однако эти проблемы невозможно было решать без изменений основ американской внешней политики. Но на это не мог согласиться военно-промышленный комплекс, контролирующий обе ведущие партии, поскольку пришлось бы выводить войска США из разных стран мира, отказаться от политического и экономического господства над другими государствами – короче говоря, отказаться от дорогого Соединенным Штатам статуса сверхдержавы.

Такие кардинальные изменения потребовали бы радикальной смены приоритетов. Вместо того чтобы ежегодно расходовать 300–400 млрд. долл. на военные нужды, стране пришлось бы использовать это богатство на улучшение условий жизни американцев и народов других стран. Например, по оценкам Всемирной организации здравоохранения, если бы небольшая часть военного бюджета США направлялась на лечение туберкулеза в мире, это могло бы спасти миллионы жизней.

Благодаря такому резкому повороту в своей политике Соединенные Штаты стали бы не военной сверхдержавой, а гуманитарной сверхдержавой, направляющей свои ресурсы на помощь нуждающимся.

За три года до ужасных событий 11 сентября 2001 г. бывший подполковник ВВС США Роберт Боумен, который совершил 101 боевой полет во Вьетнаме, а затем стал католическим епископом, прокомментировал взрывы, устроенные террористами в американских посольствах в Кении и Танзании. Он писал в «Нэшнл католик репортер» о корнях терроризма: «Нас ненавидят не за то, что мы придерживаемся демократии, ценим свободу или защищаем права человека. Нас ненавидят за то, что наше правительство отказывает в этом людям стран Третьего мира, ресурсы которых жаждут заполучить наши транснациональные корпорации. Ненависть, которую мы посеяли, вернулась к нам в виде терроризма... Вместо того чтобы посылать наших сыновей и дочерей в другие страны убивать арабов с целью заполучить нефть, лежащую под их песком, мы должны послать их в другие государства, чтобы восстанавливать инфраструктуру, обеспечивать чистой водой и кормить голодающих детей... Короче говоря, мы должны делать добро, а не творить зло. Кто тогда осмелится нас остановить? Кто будет нас ненавидеть? Кто захочет нас взрывать? Такова истина, которую американский народ должен услышать».

Подобные выступления практически не появлялись в американских СМИ после терактов 11 сентября. Но это был пророческий голос, и существовала хотя бы некоторая вероятность, что глубокое нравственное содержание послания Р. Боумена распространится среди народа США и люди поймут бессмысленность ответа насилием на насилие. Несомненно, если исторический опыт имеет смысл, будущее мира и справедливости в Америке не может зависеть от доброй воли правительства.

Демократический принцип, провозглашенный в Декларации независимости, объявлял вторичным правительство, а народ, который привел его к власти, первичным. Таким образом, будущее демократии зависит от народа и растущего осознания людьми того, как надо относиться к своим братьям, таким же людям, которые живут в других странах.

Послесловие

Меня часто спрашивают, как мне пришла мысль написать эту книгу. Один из ответов – моя жена Рослин настояла на том, чтобы я это сделал, и продолжала настаивать в те моменты, когда я, смущенный масштабом проекта, хотел от него отказаться. Еще одно объяснение заключается в том, что обстоятельства моей жизни (которая, как я теперь могу написать, охватила во времени четверть истории нации, – пугающая мысль) требовали от меня создания истории иного рода. Под этим я подразумеваю историю, отличающуюся от той, что я изучал в колледже и аспирантуре, и от той, что я увидел в учебниках, по которым учатся студенты всей страны.

К тому моменту, когда я решил написать эту книгу, я уже 20 лет преподавал историю и предмет под помпезным названием «политология». Половину этого времени я участвовал в правозащитном движении на Юге, в основном когда преподавал в Колледже Спелмана в Атланте (Джорджия). А затем было десять лет борьбы против войны во Вьетнаме. Этот опыт вряд ли способствует нейтральному преподаванию истории и ее трактовке.

Однако мои убеждения, несомненно, сформировались еще раньше – когда я рос в семье рабочих-иммигрантов в Нью-Йорке, три года был рабочим на судовой верфи и служил в бомбардировочной авиации ВВС США на европейском театре военных действий (странным кажется слово «театр» в таком контексте) в годы Второй мировой войны. Все это было до того, как я поступил в колледж согласно «солдатскому биллю о правах» и стал изучать историю.

К моменту, когда я начал преподавать и писать, у меня не осталось иллюзий относительно «объективности», если это слово означает отказ от какой-либо точки зрения. Я знал, что историк (равно как журналист или любой человек, рассказывающий что-либо) вынужден

выбирать из бесконечного числа фактов то, о чем надо сообщить и о чем следует умолчать. Это решение неизбежно отразит, сознательно или бессознательно, интересы историка.

Сейчас раздается громкая брань относительно того, должны ли студенты изучать факты. «Нашу молодежь не учат фактам», – заявил кандидат в президенты США Роберт Доул (кандидаты ведь всегда так скрупулезны относительно фактов) на собрании членов Американского легиона. Мне это напомнило диккенсовского персонажа из «Тяжелых времен», педанта Грэдграйнда, который распекал молодого учителя: «Учите... только фактам»²⁵⁸.

Но не существует такой вещи, как чистый факт без всякой интерпретации. За каждым фактом, представленным свету, – учителем, писателем, любым человеком, – стоит суждение, согласно которому этот факт важен, а другие сведения, о которых умалчивается, незначительны.

Я обнаружил, что в ортодоксальных вариантах истории, доминирующих в американской культуре, не хватает многих тем, очень важных для меня. В результате подобных умолчаний мы не только получили искаженное представление о прошлом, но, что более существенно, нам всем навязаны заблуждения относительно настоящего.

Например, есть проблема классов. В Преамбуле Конституции утверждается, что этот документ написали «мы, народ», а не 55 привилегированных белых мужчин, чьи классовые интересы требовали создания сильного центрального правительства. Такое использование правительства для классовых нужд, для обеспечения потребностей богатых и могущественных продолжалось на всем протяжении американской истории, вплоть до сего дня. На словах оно маскируется утверждением, будто все мы: богатые, бедные и представители среднего класса – имеем общие интересы.

В частности, состояние нации описывается едиными терминами. Писатель Курт Воннегут изобрел слово «granfalloon», означающее большой пузырь, который надо проколоть, чтобы увидеть сложную картину внутри. Когда президент радостно объявляет, что «наша экономика крепка», он не хочет признать, что она вовсе не является таковой для 40–50 млн. человек, которые борются за выживание, хотя экономика, возможно, более или менее крепка для многих представителей среднего класса и просто непоколебима для 1 % богатейших американцев, которые владеют 40 % богатства страны.

Периоды нашей истории снабжены ярлыками, которые отражают благосостояние одного класса и игнорируют все остальные группы населения. Когда я просматривал досье конгрессмена Ф. Лагардиа, который в 20-х гг. XX в. был представителем жителей восточной части Гарлема, я читал письма отчаявшихся домохозяек, которые не могли заплатить за квартиру, чьи мужья лишились работы, а дети сидели голодные, – и все это происходило в годы, известные как «век джаза», «ревушие двадцатые».

То, что мы узнаем о прошлом, не дает нам абсолютно правдивого представления о настоящем, но может заставить шире взглянуть на сегодняшний день, чем это позволяют сделать гладкие заявления политических лидеров и «экспертов», которые приводит пресса.

Классовый интерес всегда прикрывался надежной завесой «национального интереса». Мой собственный военный опыт и история всех вооруженных интервенций, в которых участвовали Соединенные Штаты, заставляют меня скептически относиться к речам о «национальном интересе» или «национальной безопасности», которыми высокие политические чины пытаются оправдать свои действия. С такими оправданиями Г. Трумэн начал в Корее «полицейскую акцию», в результате чего погибло несколько миллионов человек; Л. Джонсон и

²⁵⁸ Диккенс Ч. Собр. соч.: в 10 т. / пер. с англ. М., 1986. Т. 8. С. 133.

Р. Никсон вели войну в Индокитае, унесшую около 3 млн. жизней; Р. Рейган дал приказ о вторжении в Гренаду; Дж. Буш-старший напал на Панаму, а затем на Ирак; Б. Клинтон бомбил Ирак снова и снова.

Может ли идти речь о «национальном интересе», когда горстка людей принимает решение начать войну, а огромное количество других людей – как в стране, так и за рубежом – умирают или остаются инвалидами в результате этого решения? Разве граждане не должны задаться вопросом, в чьих интересах мы делаем то, что делаем? Тогда, подумал я, почему бы не рассказать историю войн не с точки зрения генералов и дипломатов, а с позиции рядовых солдат, родителей, получивших телеграммы с траурной каймой, и даже с точки зрения «неприятеля»?

Когда я начал изучать историю, меня поразило то, насколько националистический пыл – внушаемый с самого детства с помощью клятв и присяг, национальных гимнов, развевающихся флагов и громкой риторики – пронизал образовательные системы всех стран, в том числе и Соединенные Штаты. Теперь мне любопытно, как бы выглядела внешняя политика США, если бы мы стерли все государственные границы в мире, по крайней мере мысленно, и думали обо всех детях планеты как о наших собственных. Тогда мы ни за что не могли бы сбросить атомную бомбу на Хиросиму, жечь напалмом Вьетнам и вообще не могли бы воевать, потому что войны, особенно в наше время, всегда направлены против детей, и, конечно, против наших детей.

Существует и неискоренимая расовая проблема, как бы мы ни хотели от нее избавиться. Начав серьезно изучать историю, мне не приходило в голову, насколько ее преподавание и исторические работы извращены вследствие умолчания о людях небелой расы. Да, индейцы были, а потом исчезли. Чернокожие встречаются в истории в качестве рабов, затем они получили свободу и стали невидимы. Это история белого человека.

С первого класса до магистратуры мне не дали никакой информации о том, что прибытие Христофора Колумба в Новый Свет породило геноцид, в результате которого было истреблено коренное население Эспаньолы. Или это являлось только первым этапом того, что представлялось как мирная экспансия нового государства («покупка» Луизианы и Флориды, «уступка» части территорий Мексики), но было связано с сопровождавшимся несказанными жестокостями, насильственным изгнанием индейцев с каждой квадратной мили континента, пока они не были доведены до такого состояния, что осталось только запереть их в резервации.

В 1998 г. я был приглашен выступить на симпозиуме в Бостоне, в историческом Фэнл-холле, на тему «Бостонской бойни». Я сказал, что охотно сделаю это, если речь не обязательно должна иметь отношение к данному событию. Мое выступление не было посвящено убийству пяти колонистов британскими войсками в 1770 г. По моему мнению, в последние 200 лет этому событию придавалось непропорционально большое внимание, так как оно выполняло определенную патриотическую функцию. Вместо этого я решил рассказать о множестве случаев истребления цветных в нашей истории. Это выступление не укрепляло патриотическую гордость, а напоминало нам о многолетнем наследии в стране расизма, до сих пор не побежденного и требующего нашего внимания.

Каждому американскому школьнику рассказывают о «Бостонской бойне». Но кто знает об истреблении в 1637 г. 600 мужчин, женщин и детей племени пекотов в Новой Англии? Или о резне, устроенной в разгар Гражданской войны солдатами, когда были убиты сотни индейских семей на ручье Сэнд-Крик в Колорадо? Или о военном нападении 200 американских кавалеристов, уничтоживших в 1870 г. ночью лагерь спавших индейцев племени пиеган в Монтане?

Только став преподавателем Колледжа Спелмана для чернокожих девушек в Атланте

(Джорджия), я начал знакомиться с работами афроамериканских историков, которые никогда не включались в списки литературы для чтения во время моей учебы в магистратуре (Уильям Дюбуа, Рейфорд Логан, Лоренс Реддик, Хорас Манн Бонд, Джон Хоуп Франклин). Изучая историю, я нигде не мог прочесть о неоднократных случаях истребления чернокожего населения при полном молчании федерального правительства, обязанного по Конституции защищать равные права для всех.

Например, в Ист-Сент-Луисе в 1917 г. произошел один из многих «расовых мятежей», которые разгорались в тот период, называемый в наших ориентированных на белого человека учебниках по истории «прогрессивной эрой». Тогда белые рабочие, недовольные притоком чернокожих, убили около 200 человек, в ответ на что У. Дюбуа написал гневную статью «Бойня в Ист-Сент-Луисе», а артистка Жозефина Бейкер²⁵⁹ сказала: «От одной только мысли об Америке я дрожу и трясусь, и мне снятся кошмары».

При написании этой книги я хотел пробудить большее осознание существования классового конфликта, расовой несправедливости, неравенства по половому признаку и национального высокомерия. Но, стараясь наверстать серьезные, по моему мнению, упущения, я, тем не менее, уделил недостаточное внимание тем группам американского общества, о которых всегда умалчивалось в ортодоксальных интерпретациях истории. Я понял это и был смущен, когда получил много писем читателей «Народной истории», в которых книгу хвалили, но деликатно (а иногда и не столь деликатно) указывали на ее недостатки.

Возможно, вследствие моей крепкой связи с Восточным побережьем Соединенных Штатов я забыл об огромном количестве людей латиноамериканского происхождения, живущих в Калифорнии и на Юго-Западе, и об их борьбе за справедливость. Те, кто хочет узнать об этом больше, могут ознакомиться со следующими замечательными книгами: «Цветные – значит все мы» Элизабет Мартинес, «Ученик Сапаты: очерки» Мартина Эспады, «Ацтлан и Вьетнам: восприятие войны мужчинами и женщинами чиканос» под редакцией Джорджа Марискала.

Я полагаю, моя собственная сексуальная ориентация объясняет минимальное рассмотрение проблемы прав геев и лесбиянок. Когда в 1995 г. вышло новое издание книги, я попытался это исправить. Но более подробные сведения о значительном изменении в национальной культуре, происшедшем, когда «голубые» и «розовые» (одним эти названия кажутся уничижительными, другим – почетными) мужчины и женщины смело и мужественно заявили широким кругам о своем праве на существование, читатели смогут найти в других книгах.

Переходя от века к веку, от тысячелетия к тысячелетию, мы хотели бы верить, что сама история изменилась так же заметно, как календарь. Однако, как всегда, она устремляется вперед вместе с двумя участвующими в гонке силами: одной – великолепно упорядоченной, другой – дерзкой, но вдохновенной.

Есть прошлое и его продолжающиеся ужасы: насилие, война, предубежденное отношение к тем, кто отличается от нас, вопиющая монополизация богатств Земли горсткой людей, политическая власть в руках лгунов и убийц, строительство тюрем вместо школ, отравление прессы и всей культуры влиянием денег. Легко отчаяться, видя все это, особенно если учесть, что печать и телевидение принуждали нас обращать внимание именно на это, и ни на что больше.

---

²⁵⁹ Жозефина Бейкер (1906–1975) – чернокожая джазовая певица и танцовщица. В 1925 г. уехала во Францию, участница движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, кавалер ордена «Почетного легиона» (1961).

Но есть и другое (хотя в значительной мере это скрывается от нас, чтобы держать в запуганном, безнадежном состоянии) – перемены бурлят под поверхностным повиновением: растущее отвращение к бесконечным войнам (я думаю о русских женщинах 90-х гг., требующих окончания военной интервенции в Чечне, как когда-то делали американцы во время войны во Вьетнаме), нежелание женщин всего мира мириться со злоупотреблениями и подчиненным положением. Например, мы стали свидетелями нового международного движения за права женщин – против увечья женских гениталий, а также решительных выступлений матерей, получающих пособия, против суровых законов. Существуют гражданское неповиновение военной машине, протесты против жестокости полиции в отношении цветных американцев.

В США мы видим, что образовательная система, зарождающаяся новая литература, альтернативные радиостанции, разнообразные, не вписывающиеся в основное направление документальные фильмы, даже сам Голливуд, а иногда и телевидение вынуждены признать, что растет расовое разнообразие нации. Да, в нашей стране, где господствуют корпоративный капитал, военная сила и две устаревшие политические партии, – в этой стране существует «постоянная оппозиционная культура», как назвал ее один испуганный консерватор, бросающая вызов настоящему и требующая нового будущего.

Это забег, и каждый из нас может принять решение, участвовать в нем или просто наблюдать. Но мы должны знать, что наш выбор поможет определить его исход.

Я вспоминаю стихи поэта Перси Биши Шелли, которые нью-йоркские швеи читали друг другу в начале XX столетия.

«Восстаньте от сна, как львы,
Вас столько ж, как стеблей травы,
Развейте чары темных снов,
Стряхните гнет своих оков,
Вас много – скуден счет врагов!»